МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

ДОКУМЕНТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1970

9(С)2
Д63

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ
ПРИ МИД СССР

д-р эконом. наук А. А. ГРОМЫКО (Председатель Комиссии), академик В. М. ХВОСТОВ (Заместитель Председателя), канд. истор. наук И. Н. ЗЕМСКОВ (Ученый Секретарь), канд. истор. наук Г. А. БЕЛОВ, Г. К. ДЕЕВ, Л. М. ЗАМЯТИН, С. А. КОНДРАШЕВ, д-р истор. наук Ш. П. САНАКОЕВ, доц. М. А. СИВОЛОБОВ, чл.-корр. АН СССР С. Л. ТИХВИНСКИЙ, М. А. ХАРЛАМОВ, канд. филос. наук И. И. ЧХИКВИШВИЛИ

1—11—2
Подписное

ТОМ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

1 января — 31 декабря 1933 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ШЕСТНАДЦАТОГО ТОМА

Ф. П. ДОЛЯ, Б. П. МИРОШНИЧЕНКО, М. А. ПОПОВ,
В. Я. СИПОЛС, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, И. И. ЧХИКВИШВИЛИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем томе публикуются документы внешней политики Советского Союза за 1933 г.

В этом году советский народ под руководством Коммунистической партии добился новых побед в строительстве социалистического общества. В результате успешного выполнения планов первой пятилетки и первого года второй пятилетки были заложены прочные основы для дальнейшего развития социалистической промышленности и сельского хозяйства, а также для подъема жизненного уровня советского народа. В то же время капиталистический мир все еще переживал экономический кризис (1929—1933 гг.).

Международная обстановка, в которой жил и трудился советский народ, продолжала оставаться напряженной. Она осложнилась еще больше после оккупации Маньчжурии Японией и установления в Германии фашистской диктатуры. Над миром нависла угроза новой военной опасности.

Реакционные круги капиталистических стран, следуя антисоветскому курсу своей политики, по-прежнему не оставляли попыток создать единый фронт против Страны Советов. Преследуя эту цель, Англия, Франция, Германия и Италия подписали 15 июля 1933 г. «пакт четырех», острие которого было направлено против СССР.

В условиях усиления военной опасности Советский Союз продолжал вести энергичную борьбу за мир и международную безопасность, против поджигателей новой мировой войны. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) на XVII съезде указывалось: «СССР продолжал стоять за эти годы твердо и непоколебимо на своих мирных позициях, борясь с угрозой войны, борясь за сохранение мира, идя навстречу тем странам, которые стоят так или иначе за сохранение мира, разоблачая и срывая маску с тех, кто подготовляет, провоцирует войну». В то же время в докладе подчеркивалось: «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар

поджигателей войны». В сложившейся напряженной международной обстановке роль Советского государства в деле сохранения мира чрезвычайно возросла.

Из публикуемых в томе документов видно, с какой настойчивостью и последовательностью Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и правительство Страны Советов проводили в жизнь миролюбивую ленинскую внешнюю политику. В 1933 г. правительство СССР выступило с целым рядом предложений по обеспечению мира и предотвращению новой мировой войны. 6 февраля советская делегация внесла на рассмотрение Генеральной комиссии международной конференции по разоружению проект конвенции об определении агрессии. В проекте, проникнутом идеей мирного сосуществования государств с различным социальным строем, провозглашались принципы неприкосновенности границ любого государства — большого и малого, невмешательства во внутренние дела других держав и содержалось определение нападающей стороны. Прогрессивная общественность во всем мире положительно оценила эти предложения Советского Союза. Советский проект был одобрен Комитетом безопасности конференции. Однако организаторы конференции задерживали его окончательное принятие. Учитывая сложившуюся обстановку на конференции, правительство СССР предложило, чтобы конвенция была заключена между СССР и другими государствами, заинтересованными в сохранении мира. Во время мировой экономической конференции в Лондоне Советский Союз 3—5 июля 1933 г. подписал конвенции об определении агрессии с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, Румынией, Турцией, Ираном, Афганистаном, Чехословакией и Югославией. Позднее к конвенции присоединилась Финляндия. Подписание этих конвенций явилось существенным вкладом в дело поддержания мира.

На мировой экономической конференции в Лондоне в 1933 г. советская делегация внесла на рассмотрение важные мероприятия по развитию экономического сотрудничества между государствами; они были сформулированы в проекте резолюции об экономическом перемирии, в проекте протокола об экономическом ненападении; они также предусматривали дальнейшее расширение торговли СССР с капиталистическими странами. Советский Союз выразил готовность разместить за границей заказы на сумму в 1 млрд. долл. Ввиду серьезных разногласий между капиталистическими странами Лондонская конференция не приняла ни одного конкретного решения и тем самым не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Тем не менее выступления членов советской делегации на конференции, а также представленная ею широкая программа экономического сотрудничества способствовали дальнейшему по-

вышению авторитета Советского Союза на международной арене. Большое значение имело также разоблачение советской делегацией на конференции перед всем миром агрессивных планов гитлеровской Германии в отношении СССР, изложенных в меморандуме германской делегации.

В 1933 г. внешнеторговыми организациями СССР был успешно выполнен экспортно-импортный план. Экспорт составил 495 млн. руб., импорт — 348 млн. руб. Впервые после ряда лет Советский Союз имел активное сальдо торгового баланса в размере 147 млн. руб.

Документы тома освещают ход переговоров Советского Союза и США, завершившихся 16 ноября 1933 г. установлением дипломатических отношений. Это был крупный успех внешней политики Советского Союза. В течение 15 лет США были единственной крупной капиталистической страной, которая отказывалась официально признать Советский Союз. Факт признания свидетельствовал о росте авторитета Страны Советов и ее влияния на решение международных проблем. Год от года росли симпатии американского народа к Советскому Союзу, ширилось движение за признание СССР. В американских деловых кругах все больше проявлялась заинтересованность в советско-американской торговле. Все это не могло не оказать влияния на изменение позиции американского правительства по отношению к Советскому Союзу. Обострение империалистических противоречий и возрастание угрозы интересам США со стороны Германии и особенно Японии, более реалистический учет обстановки президентом Рузвельтом ускорили это признание.

По случаю установления дипломатических отношений между СССР и США Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин в обращении по радио к американскому народу 20 ноября 1933 г. выразил надежду, что этот акт «принесет огромную пользу не только их взаимным интересам, но и делу экономического и культурного прогресса человечества и делу упрочения всеобщего мира. Я твердо верю, что отныне открывается эра разнообразного и плодотворного сотрудничества между нашими народами».

Советско-французские отношения после подписания в 1932 г. договора о ненападении продолжали развиваться в благоприятном направлении. Приезд в СССР видных политических деятелей Франции Эдуарда Эррио и Пьера Кота способствовал укреплению и расширению сотрудничества и росту деловых связей между двумя странами.

Ввиду возраставшей угрозы безопасности Франции со стороны гитлеровской Германии французское правительство в конце 1933 г. предложило Советскому Союзу заключить договор о взаимопомощи и одновременно вступить в Лигу

наций. Советское правительство со своей стороны разработало конкретные предложения по созданию в Европе системы коллективной безопасности. 19 декабря 1933 г. ЦК ВКП(б) принял важнейшее постановление, предусматривавшее, что «СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу наций» и что «СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии», в котором участвовали бы СССР, Франция, Бельгия, Чехословакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия. 28 декабря полпред В. С. Довгалевский передал министру иностранных дел Франции Поль-Бонкуру указанные предложения СССР.

Советско-английские отношения оставались напряженными. В начале 1933 г. под давлением торгово-промышленных кругов и прогрессивной общественности британское правительство вступило в переговоры о заключении англо-советского торгового соглашения. Однако с самого начала оно затруднило эти переговоры, вновь связав заключение соглашения с урегулированием ряда финансовых претензий. Недружелюбная политика правящих кругов Англии мешала нормальному ходу переговоров. Эта политика еще более усилилась в связи с процессом в Москве по делу ряда работавших в СССР сотрудников английской фирмы «Метрополитен-Виккерс». В целях давления на СССР 17 апреля 1933 г. британское правительство ввело эмбарго на основные товары советского экспорта. Однако эта акция вызвала недовольство торгово-промышленных кругов Англии, заинтересованных в торговле с Советским Союзом. За отмену эмбарго под давлением рабочего класса выступили лейбористские, кооперативные и некоторые другие общественные организации.

1 июля 1933 г. британское правительство было вынуждено отменить эмбарго. Одновременно советская сторона отменила контрмеры, введенные ею в ответ на эмбарго. 10 июля 1933 г. торговые переговоры возобновились. Они закончились подписанием 16 февраля 1934 г. временного советско-английского торгового соглашения.

В 1933 г. осложнились советско-германские отношения. В своей внешней политике гитлеровская Германия перешла к открытому антисоветскому курсу, отойдя от тех принципов экономического и политического сотрудничества, которые были заложены Рапалльским договором 1922 г. Активное противодействие Советского государства этому курсу нашло отражение в большом числе документов, публикуемых в томе. Сразу же после захвата власти гитлеровцы развязали широкую антисоветскую кампанию; советские учреждения и граждане в Германии подвергались всевозможным преследованиям со стороны полиции, фашистских штурмовиков и т. д. В связи

с этими провокационными действиями Советское полпредство в течение 1933 г. направило германскому МИД свыше 200 нот помимо многочисленных устных представлений, сделанных советскими дипломатами в Берлине и в Москве. В результате решительных действий правительства СССР гитлеровское правительство было вынуждено принять меры по ослаблению антисоветских акций.

Отношения между СССР и Италией были отмечены подписанием 2 сентября 1933 г. договора, который по предложению итальянской стороны именовался как «Договор о ненападении, нейтралитете и дружбе». По приглашению итальянского правительства состоялся визит в Италию народного комиссара иностранных дел СССР.

В июле 1933 г. между Советским Союзом и Испанией были установлены дипломатические отношения.

Отношения Советского Союза со странами Востока, как видно из документов тома, развивались успешно. Документы характеризуют всестороннее развитие политических, экономических и культурных отношений между СССР и Турцией. Поездка в Турцию советской правительственной делегации во главе с К. Е. Ворошиловым на празднование 10-летия Турецкой республики, пребывание ее в стране и встречи с руководящими деятелями Турции способствовали дальнейшему укреплению и развитию сотрудничества между обеими странами.

Благоприятно развивались взаимоотношения с Афганистаном.

В 1933 г. произошло некоторое осложнение советско-персидских экономических отношений в результате проведения персидским правительством кампании бойкота советских товаров в Персии. Советское правительство заняло принципиальную позицию в отношении бойкота, добиваясь его прекращения в интересах дальнейшего расширения взаимовыгодной торговли. Со своей стороны и персидские торговые круги, неся значительный ущерб от бойкота, добивались его отмены. В результате правительство Персии отказалось от бойкота, и советско-персидские отношения получили дальнейшее развитие.

Продолжали всесторонне расширяться и углубляться дружественные отношения Советского Союза с Монгольской Народной Республикой. В 1933 г. были подписаны договор о радиофикации Монгольской Народной Республики и соглашение о консолидации займов и кредитов, предоставленных МНР Советским государством.

В 1933 г. усилилась военная угроза дальневосточным границам СССР со стороны Японии. Японское правительство, отказавшись заключить пакт о ненападении с СССР, продолжало обострять отношения с Советским Союзом. После окку-

пации в 1931 г. Маньчжурии японская военщина и власти марионеточного правительства в Северной Маньчжурии создавали невыносимые условия для нормальной работы на КВЖД, превратив ее в район непрекращающихся антисоветских провокаций, нарушали соглашения о деятельности дороги, незаконно арестовывали советских граждан, подвергали их истязаниям и пыткам. Японские империалисты и их пособники в Северной Маньчжурии вели дело к тому, чтобы насильственно захватить КВЖД. В этих условиях правительство СССР в интересах обеспечения мира на Дальнем Востоке и ликвидации одного из опасных очагов военных столкновений весной 1933 г. предложило японо-маньчжурской стороне начать переговоры о продаже КВЖД. Формально согласившись на покупку дороги, японское правительство, как это показали ход переговоров и осложнение обстановки на КВЖД, намеревалось получить ее бесплатно. Уже во время переговоров, начавшихся в июне 1933 г. в Токио, японская военщина и ее местные марионетки продолжали аресты в Маньчжурии советских граждан и бесчинства на КВЖД. Правительство Советского Союза решительно протестовало против этих враждебных актов и настаивало на прекращении провокационных действий.

Оккупировав Северный Китай, японские милитаристы создали плацдарм для войны против Советского Союза, открыто готовясь к нападению на него.

Разоблачая агрессивные планы японских реакционных кругов, Советское правительство настойчиво и последовательно вело борьбу за мир и обеспечение безопасности на Дальнем Востоке. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) на XVII съезде отмечалось, что «одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что это его не касается». Далее в докладе подчеркивалось: «мы будем и впредь настойчиво проводить политику мира и добиваться улучшения отношений с Японией, ибо мы хотим улучшения этих отношений».

Документы тома показывают, что после восстановления дипломатических и консульских отношений между СССР и Китаем (12 декабря 1932 г.) Советское правительство, руководствуясь принципами дружбы, уважения независимости и суверенитета Китая, принимало необходимые меры к активизации отношений между двумя странами. Оно предложило китайскому правительству заключить договор о нейтралитете и ненападении и 13 октября 1933 г. вручило ему проект договора. Однако китайское правительство, не желая идти на активное сотрудничество с Советским государством, затяги-

вало переговоры. Полпред СССР в Китае Д. В. Богомолов в письме в НКИД СССР от 13 ноября 1933 г. сообщал, что «китайское правительство показывает сейчас полную незаинтересованность» в сотрудничестве и что «самое главное то, что нанкинское правительство ведет в настоящее время чрезвычайно серьезные переговоры с Японией о всей своей дальнейшей политике и, возможно, старается использовать как бы ведущиеся переговоры с нами для торга с Японией».

В XVI томе опубликовано также значительное число документов, освещающих отношения Советского Союза с Польшей, Чехословакией, Грецией, Финляндией, Швецией, Норвегией, Данией и другими государствами.

Бо́льшая часть документов тома публикуется впервые.

* * *

Методы публикации и оформления документов изложены в предисловиях к I, II, V и VIII томам настоящего издания.

* * *

В подготовке тома к печати принимали участие сотрудники Редакционного аппарата Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР: *В. М. Балашов, М. А. Бугреев, А. Я. Быкова, Н. П. Галичий, А. Я. Грушин, В. Л. Дюков, Л. В. Евдокимов, А. М. Зубов, Н. И. Жужунава,* кандидат исторических наук *Л. Н. Игнатьев, М. А. Костылев, А. П. Михайлов,* кандидат экономических наук *И. М. Пахомов, Г. М. Сиволобова, Ю. И. Устюгов, М. П. Хламова,* а также сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР *Л. В. Заборовский.*

Некоторые примечания к документам составлены сотрудниками Института востоковедения и Института всеобщей истории АН СССР кандидатом экономических наук *В. М. Курбатовым* и *Ю. Р. Ульяновым.*

1. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Председателем Конференции по сокращению и ограничению вооружений Гендерсоном

3 января 1933 г.

Узнав, что Гендерсон приехал на рождество в Лондон, я решил сделать ему визит. Принял меня Гендерсон у себя в офисе (рабочая партия) *, встретил по старому знакомству хорошо и был довольно откровенен. За те шесть лет, что я не видел Гендерсона, он сильно постарел и опустился. В начале разговора Гендерсон был как-то вял и апатичен и только во второй половине его оживился и стал проявлять даже некоторое воодушевление.

Между прочим, Гендерсон вспоминал, в каком тяжелом положении он находился в связи с «русским вопросом» в период лейбористского правительства. Консерваторы его буквально засыпали десятками самых провокационных вопросов, имевших прямое или косвенное отношение к СССР. Он заметил, что мне предстоит сейчас довольно трудная задача и что он желает мне в разрешении этой задачи всяческого успеха.

Главной темой нашего разговора, который продолжался около часа, явилась, однако, конференция по разоружению. Из всего того, что Гендерсон говорил мне по данному поводу, я отмечу здесь лишь важнейшее.

1. На мой вопрос, чего Гендерсон ждет от конференции по разоружению, он ответил, что несмотря на все трудности, некоторые полезные результаты от конференции все-таки получатся. Перечисляя трудности, Гендерсон, между прочим, обратил мое внимание на то, что за время работ конференции в различных странах произошло 14 смен правительств (в частности, сменилось три правительства в Германии и три правительства во Франции); это обстоятельство недостаточно учитывается, а, между прочим, оно имеет исключительно важное значение с точки зрения работ конференции. Гендерсон с большим раздражением отозвался о поведении великих дер-

---

* — лейбористская партия.

жав на конференции. В частности, он очень резко нападал на Макдональда и заявил, что формула, согласованная «большой пятеркой» по вопросу о положении Германии *, представляет собой образец темноты и неясности. Каждая сторона толкует ее по-своему. Французы делают из этой формулы одни выводы, а немцы — совсем другие. Он, Гендерсон, считает, что прямым долгом Макдональда, который, по существу, ответствен за данную формулу, было бы явиться вновь в Женеву и дать ей надлежащее толкование. Но Макдональд от этого как раз уклоняется. Тут же Гендерсон в ответ на мой вопрос сообщил, что проект созыва «большой пятерки» в Лондоне окончательно отпал (главным образом из-за оппозиции французов и из-за нежелания Макдональда участвовать в новом совещании пятерки держав). Новое совещание «большой пятерки» состоится поэтому в Женеве, накануне открытия заседания Бюро конференции по разоружению. В связи с этим Гендерсон предполагает выехать из Лондона в Женеву недели через две, т. е. примерно 17—18 января.

2. Что касается дальнейших работ конференции, то Гендерсону рисуется следующая картина. Сейчас в Лондоне он сам вырабатывает проект конвенции по разоружению. Он решил взяться за это дело сам, потому что со стороны разных официальных инстанций конференции трудно ожидать каких-либо разумных предложений. В своей работе Гендерсон исходит из такого принципа: он не придумывает от себя ничего нового, но старается выбрать все самое ценное и существенное из различных предложений, которые делались на самой конференции. В связи с этим Гендерсон заметил, что конференция накопила колоссальное количество сырых материалов: факты, цифры, данные, проекты и т. п. Но все это пока представляет собой совершенно неорганизованный хаос. Надо внести в данный хаос какое-то конструктивное начало и груду сваленных кирпичей превратить в стройное здание. Если это не будет сделано, то конференция по разоружению явится сплошным фиаско. Он, Гендерсон, хочет предпринять самую энергичную попытку вдохнуть душу живую в конференцию. Именно с этой целью он сейчас вырабатывает свой проект конвенции, который он затем хочет представить сначала Бюро, а в дальнейшем и Генеральной комиссии конференции. Конечно, прежде чем вносить проект конвенции в Бюро, Гендерсон считает необходимым иметь некоторые предварительные разговоры с представителями важнейших держав, и, чем окончатся эти разговоры, Гендерсон пока не считал возможным предугадывать. На мой вопрос, каково же должно быть содержание

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. V. М., 1933, стр. 138—139.

проекта конвенции, подготовляемого Гендерсоном, он ответил, что в проекте будет предусмотрено известное количественное сокращение вооруженных сил (сухопутных, морских и воздушных), запрещение некоторых наиболее агрессивных видов оружия, а также создание специальной комиссии для постоянного контроля за состоянием вооружений во всех государствах, подписавших конвенцию. Я пробовал выяснить кое-какие дальнейшие детали гендерсоновского проекта, но он уклонился от дачи определенного ответа. Гендерсон заметил только, что он вполне одобрительно относится к тому принципу обратно пропорционального разоружения, который защищал на конференции т. Литвинов (т. е. чем могущественнее государство, тем относительно большее сокращение испытывают его вооруженные силы), и что этот принцип найдет известное отражение и в его проекте конвенции.

3. Гендерсон полагает, что Бюро откроется в срок — 23 января; затем 31 января откроется Генеральная комиссия. Он, Гендерсон, будет добиваться, чтобы нынешняя сессия Генеральной комиссии была решающей. Эта сессия продлится, вероятно, 2—3 месяца, она будет иметь пасхальный перерыв и должна будет окончательно подвести итоги работам конференции, обсудить и принять конвенцию о разоружении. После того как данная работа будет закончена, будет уже созван пленум конференции, задачей которого по существу явится лишь подписание согласованных в Генеральной комиссии документов. Во всяком случае, Гендерсон твердо рассчитывает, что не позже мая вся конференция закончится. Говоря это, он принял страшно свирепый вид и воскликнул: «Довольно этой бесконечной болтовни! С меня хватит! Пора приходить к концу!»

4. Я выразил сомнение в том, что великие державы согласятся на сколько-нибудь серьезное сокращение своих вооруженных сил, и прибавил, что, как теперь все больше и больше выясняется, для каждого искреннего пацифиста, в сущности, единственным практическим предложением, сделанным на конференции, является только советский проект полного разоружения *, который при своем обнародовании был встречен как совершеннейшая утопия. Между тем чем дальше в лес, тем больше дров. Чем больше конференция пытается найти какие-то «справедливые» модулитеты ** частичного разоружения, с соблюдением интересов каждой участвовавшей в конференции страны, тем больше она попадает в безысходный тупик. Только полное и безостаточное разоружение могло бы сразу ликвидировать все те бесконечные возражения и аргументы,

---

* См. т. XV, док. № 82.

** — формы.

которыми каждая держава встречает каждый проект частичного сокращения вооруженных сил. Гендерсон ответил, что в принципе он целиком принимает советский проект: действительно, всеобщее и одновременное разоружение явилось бы самым легким и самым справедливым разрешением вопроса. Однако он вынужден считаться с тем, что такого рода предложение не имеет в настоящее время никакого шанса на осуществление. Поэтому ему приходится мириться с идеей постепенного разоружения, по частям, по стадиям, и он считал бы себя счастливым, если бы ему удалось к маю достигнуть хотя бы того, что он намечает в своем проекте конвенции. Он полагает, что правительство Поль-Бонкура в вопросе о разоружении будет продолжать линию Эррио, тем более что главным автором «французского плана» и при Эррио являлся Поль-Бонкур. Гендерсон думает, что британское правительство в конце концов пойдет на известное сокращение морских вооружений. Он думает также, что удастся договориться об известном компромиссе в морских вооружениях между Францией и Италией. «О таком компромиссе,— с горечью прибавил Гендерсон,— который несколько времени тому назад мне удалось осуществить, правда всего лишь на несколько часов». В связи с этим Гендерсон все с той же горечью стал вспоминать, как франко-итальянский морской компромисс, одобренный Брианом, был опрокинут французским сенатом, как это явилось началом конца для Бриана и как это было «унизительно» для него, тогдашнего министра иностранных дел Великобритании. Но если насчет Франции, Англии и Италии у Гендерсона нет особых опасений, а согласие США на сокращение вооружений ясно само собой, то очень большое беспокойство у Гендерсона вызывает позиция Японии. Он почти уверен в том, что Япония откажется в какой бы то ни было форме или степени пойти на сокращение своих вооружений. А это, в свою очередь, чрезвычайно затруднит достижение благополучного исхода конференции. Гендерсон пытался при этом выяснить у меня, какова была бы наша позиция в том случае, если бы Япония действительно отказалась присоединиться к конвенции по разоружению. Я, однако, уклонился от прямого ответа на данный вопрос. Сам Гендерсон давал довольно ясно понять, что даже и в случае отказа Японии он будет все-таки настаивать на подписании другими державами конвенции по разоружению.

5. Под конец Гендерсон заговорил о работе и выступлениях т. Литвинова на конференции по разоружению. Он заявил, что речи т. Литвинова — это единственные на конференции речи, которые имеют смысл и содержание. Наоборот, все остальные речи — это сплошная пустота и шахматные ходы дипломатов, которые не верят друг другу. Гендерсон прибавил, что часто на конференции он бывает глубоко возмущен

поведением делегатов: выступает т. Литвинов и произносит дельную, интересную и умную речь — все представители великих держав встречают эту речь гробовым молчанием. Затем выступает какой-либо из представителей этих самых великих держав и говорит какую-нибудь чепуху — все крупнейшие делегации откликаются на его чепуху шумными рукоплесканиями. Ему, Гендерсону, всегда в таких случаях бывает обидно. Можно не соглашаться с мнением политического противника, но нужно быть по отношению к нему справедливым и отдавать ему должное.

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

2. Нота Правительства СССР Правительству Японии *

4 января 1933 г.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик ознакомилось с содержанием вербальной ноты Японского Министерства Иностранных Дел от 13 декабря прошлого ** года, в которой Японское Правительство отклоняет для настоящего времени предложение, сделанное 31 декабря 1931 г. в Москве Народным Комиссаром по Иностранным Делам Литвиновым г. Иосидзава, возвращавшемуся в свою страну, чтобы занять пост Министра Иностранных Дел, о заключении советско-японского пакта о ненападении ***. В упомянутой вербальной ноте признается существование в Японии мнения, что «ввиду факта существования различных проблем такого характера, который может стать причиной споров между двумя нациями, предпочтительным путем было бы разряжение атмосферы и обеспечение разрешения этих споров при помощи предварительного заключения такого соглашения о ненападении». Этот довод отражает и точку зрения Советского Правительства, и он был исходным пунктом его предложения о заключении пакта о ненападении. Советское Правительство с удовлетворением отмечает, что эта точка зрения разделяется японскими кругами.

К сожалению, приходится констатировать, что Японское Правительство не нашло возможным стать на эту точку зрения и присоединилось к противоположному мнению, приве-

* Вручена полпредом СССР в Японии А. А. Трояновским министру иностранных дел Японии Утида.

** В тексте ошибочно — сего.

*** См. т. XIV, док. № 401.

денному в вербальной ноте, что «прежде всего надо приложить усилия для устранения возможных причин спора, прежде чем взяться за рассмотрение таких более общих вопросов, как заключение соглашения о ненападении».

Последовательное развитие этого довода неизбежно приводит к полному отрицанию идей пактов о ненападении и заключающегося в пакте Келлога — Бриана * международного отказа от войны в качестве средства разрешения споров. Японское Правительство, очевидно, считает уместным заключение соглашения о ненападении лишь между такими государствами, у которых не существует никаких споров. При нынешней экономической и политической взаимозависимости между народами такое положение вряд ли существует и вряд ли возможно, в особенности между государствами, находящимися в более или менее близком соседстве. Разрешение существующих споров не гарантирует от возникновения новых споров в дальнейшем, в особенности при развитии политики какого-нибудь государства в сторону агрессии и распространения внешней сферы влияния. Можно указать, что соседние с Союзом Советских Социалистических Республик и не соседние государства, заключившие с ним пакты о ненападении, этим отнюдь не признали отсутствие каких бы то ни было взаимных споров и претензий. В частности, Союз Советских Социалистических Республик в самое последнее время соглашался на заключение пакта о ненападении с соседним государством, с которым он имеет спорную границу и весьма обоснованные территориальные претензии. Смысл пактов о ненападении, как и пакта Келлога — Бриана, в том и заключается, что государства, исходя из наличия или возможности между ними споров, отказываются от разрешения их насильственным путем. Советское Правительство со своей стороны отнюдь не находит, чтобы между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией существовали такие споры, которые нельзя было бы или оно не соглашалось бы разрешить мирным путем. Отрицание этого привело бы к противоречию с пактом Келлога — Бриана, участниками которого являются как Союз Советских Социалистических Республик, так и Япония. Предлагая Японии пакт о ненападении, Советское Правительство отнюдь не игнорировало этого международного акта, а стремилось лишь усилить его и путем двустороннего соглашения расширить и приспособить его к особенностям отношений обеих стран. Предложение Советского Правительства не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей мирной политики, а потому остается в силе и в дальнейшем. С другой стороны, позволительно сомневаться в том, чтобы отказ одной стороны

* См. т. XI, док. № 298.

от соглашения о ненападении способствовал бы созданию атмосферы, благоприятной для разрешения всех споров и улажения недоразумений.

Советское Правительство с удовлетворением принимает к сведению заключающееся в вербальной ноте заявление Японии о том, «что Япония и Советский Союз взаимно готовы скрупулезно уважать суверенные права один другого и пунктуально воздерживаться от нарушения в малейшей степени их границ». Оно выражает уверенность в том, что при точном соблюдении этого обязательства не возникнет, как и в прошлом, никаких пограничных инцидентов и при временном нахождении у советской границы японских войск. Оно готово, однако, изучить и обсудить японское предложение о создании японо-советско-маньчжурского комитета для предупреждения пограничных инцидентов по примеру таких же комитетов, существующих у Советского Союза с Румынией, Польшей и другими соседними государствами.

Печат. по арх. Опубл. в изложении в газ. «Известия» № 17 (4948), 17 января 1933 г.

В упоминаемой ноте министерства иностранных дел Японии, врученной 13 декабря 1932 г. министром иностранных дел Японии Утида полпреду СССР в Японии А. А. Трояновскому, говорилось:

«Совершенно ясно, как из основного соглашения между двумя странами *, так и из всего того, что произошло со времени его заключения, что Япония и Советский Союз взаимно готовы скрупулезно уважать суверенные права один другого и пунктуально воздерживаться от нарушения в малейшей степени их границ.

Однако можно придерживаться различных мнений относительно подходящего времени и методов приведения этих удовлетворительных отношений к форме договора о ненападении. Некоторые считают, что ввиду факта существования различных проблем такого характера, который может стать причиной споров между двумя нациями, предпочтительным путем было бы разряжение атмосферы и обеспечение разрешения этих споров при помощи предварительного заключения такого соглашения о ненападении. С другой стороны, противоположного мнения придерживаются те, кто думает, что прежде всего надо приложить усилия для устранения возможных причин спора, прежде чем взяться за рассмотрение таких более общих вопросов, как заключение соглашения о ненападении.

В общем, кажется, что в данном случае время еще не созрело для формального начала переговоров между двумя Правительствами относительно этого предмета. По-видимому, предпочтительнее для настоящего времени постараться достигнуть разрешения различных вопросов, имеющихся между двумя нациями, а что касается переговоров, на которые было указано, то обождать несколько больше и дать время для созревания условий для них. Пока же будет полезным, если два Правительства будут совещаться вместе относительно лучших методов предупреждения и разрешения мирными средствами на месте всяких трудностей, которые случайно могут возникнуть благодаря соприкосновению японских и советских войск: например, учреждение японо-советско-маньчжурского комитета для предупреждения пограничных инцидентов».

---

* См. т. VIII, док. № 30.

3. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Министром Иностранных Дел Дании Мунком

4 января 1933 г.

Был на обычном приеме у Мунка в МИД. Обратил его внимание на появившееся сегодня в газетах сообщение о том, что в помещении МИД организован секретариат «общества кредиторов России», имеющий целью добиться от иностранных фирм (банков, страховых обществ), имевших филиалы в России в момент революции, удовлетворения претензий датских граждан к этим филиалам. Я привел Мунку следующие соображения: 1. По смыслу протокола, подписанного при установлении сношений между Данией и Советским правительством в 1923 г., все эти претензии были отложены на неопределенное будущее *. Теперь же вдруг датский МИД поднимает вопрос о них. Правда, газеты уверяют, что подготовляемая акция не направлена против СССР, но уверения эти мне кажутся не совсем убедительными. 2. Члены «общества кредиторов» принадлежат к той — правда, немногочисленной, но, по словам газет, все же насчитывающей 1300—1400 человек и юридических лиц — части датского населения, которая доказала уже свою активную враждебность по отношению к СССР. Почему же МИД теперь организует, мобилизует и поощряет их? 3. Организация кредиторов до установления нормальных отношений между нашими странами, насколько мне известно, существовала в виде официальной конторы при МИД. После установления сношений эта контора была ликвидирована. Теперь она организуется снова. Не является ли это шагом назад, возвращением к тому положению, которое существовало до установления нормальных отношений?

Я просил Мунка сказать мне его мнение, так как мне поведение МИД совершенно непонятно и представляется особенно достойным сожаления в настоящий момент, когда с известной стороны здесь, в Дании, снова пытаются раздуть ненависть и вражду к СССР.

Мунк признался, что ему ничего об организации такого секретариата не известно. Тут же прочел ему заметку в «Политикен». Он ответил, что считает устройство секретариата при МИД недопустимым: организация кредиторов есть частное общество и МИД не должен вмешиваться в его дела.

Конечно, МИД обязан защищать интересы датских граждан за границей, но не в такой форме. Мунк дал понять, что это, по-видимому, устроено аппаратом МИД, обещал расследовать и дать объяснения **.

---

* См. т. VI, док. № 153.
** См. док. № 29.

Далее я информировал Мунка о ходе переговоров торгпредства с валютной конторой и датскими фирмами. На наши заявки об импортных лицензиях мы еще не получили ответа *.

Но положение с размещением наших заказов в Дании не очень благоприятно: [фирма] «Бурм и Вейн» до сих пор не дала ответа о том, примет ли она заказ, а я слыхал частным образом, что она отказалась принять крупный заказ для Франции. Фирма «Смит, Мюгинд и Гюттемейер», которой мы хотели дать миллионный заказ на подъемные краны, прекратила переговоры с торгпредством, заявив, что ее дирекция не сочувствует политике СССР и поэтому не желает работать с нами.

Я выразил надежду, что вопрос об импортных лицензиях будет разрешен удовлетворительно без нашего с Мунком вмешательства, но просил его учесть, что при обрисованном мною положении мы, вероятно, будем не в состоянии разместить значительные заказы в начале года, что, по-моему, при таком положении вещей не должно препятствовать выдаче необходимого нам количества импортных лицензий. Мунк на словах согласился со мной.

По поводу «Бурм и Вейн» заметил, что, казалось бы, назначенная правительством контрольная комиссия должна бы позаботиться как раз о получении заказов, но, возможно, что положение фирмы не позволяет ей брать на себя далеко идущие обязательства.

Относительно «Смит, Мюгинд и Гюттемейер» он сказал: «В настоящее время мы не можем позволить себе такой роскоши, как отказ от заказов из «принципиальных соображений».

М. Кобецкий

Печат. по арх.

4. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

5 января 1933 г.

Если представится случай вновь встретиться с Гендерсоном, скажите ему, что совершенно очевидно, что ни Бюро, ни Генеральная комиссия не будут серьезно заниматься делом до окончания совещания пяти ** и что Вам поэтому представляется сомнительным, чтобы мы послали представителя в Бюро или Генеральную комиссию, пока не закончится означенное совещание. Мы не можем вновь позволить, чтобы наш представи-

* См. также док. № 243.

** См. док. № 1.

тель праздно сидел в Женеве в ожидании частных решений. Спросите его при этом, как он мыслит себе процедуру в том случае, если решения пяти окажутся неприемлемыми для нас и будут ли тогда новые частные переговоры пяти с нами, как это имеет место в отношении Германии. Встреча и разговор ни в коем случае не должны иметь характера нарочитости. Если Гендерсон спросит, приняли бы мы участие в совещаниях пяти на нынешней стадии, скажите, что Вы не видите причины нам уклоняться от этого [1].

Литвинов

Печат. по арх.

5. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании М. В. Кобецкому

5 января 1933 г.

Уважаемый товарищ,

В связи с «шутливым» заявлением Вам Мунка о том, что «пора подумать о заключении пакта также и между СССР и Данией» [2], и на тот случай, если бы с Вами еще заговаривали на эту тему, рекомендую заявлять, что СССР, как он об этом неоднократно заявлял, готов заключить пакты со всеми странами и что если Дания сделает нам соответствующее предложение, то она может рассчитывать на благожелательное к нему отношение. После тех разговоров, которые имели место в прошлом на эту тему *, само собой разумеется, нам самим не следует брать на себя инициативу разговоров о пакте.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

6. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню

7 января 1933 г.

Господин Особый агент,

Рядом писем, адресованных Вам, и путем многократных переговоров с Вами я имел честь обращать Ваше внимание на исключительно тяжелое положение, в котором находятся пребывающие в синьцзинской ** тюрьме арестованные совет-

* См. т. XIV, док. № 44, 103.

** Синьцзин («новая столица») — название, которое было дано г. Чанчуню после объявления его столицей Маньчжоу-Го.

ские граждане*. Несмотря на мои неоднократные просьбы, заключенные не только лишены самых элементарных прав получения продовольственных передач и одежды, находясь при этом в холодных помещениях, но и подвергаются совершенно неописуемым истязаниям. Прямым следствием этого явилось массовое заболевание арестованных. Одним из прямых следствий вышеизложенного также явилась смерть сограждания Васильева, причины которой изложены в протоколе официальной врачебной экспертизы, каковой я имел честь Вам препроводить письмом от 19 июня прошлого года с просьбой расследовать причины смерти Васильева и наказания виновных**.

Несмотря на мои неоднократные устные и письменные к Вам обращения, положение арестованных с каждым днем становилось все более тяжелым, и обращение с ними за последнее время приняло формы, не поддающиеся квалификации в официальной переписке. 26 декабря в синьцзинской тюрьме, согласно официальному сообщению властей, повесился сограждании инженер Воронин А. Ф. Прилагаемый при этом протокол вскрытия тела Воронина***, произведенного в результате настояний Генконсульства официальной врачебной экспертизой, с достаточной убедительностью подтверждает вышеизложенное. Вместе с протоколом я посылаю Вам заключение врачей, устанавливающих, что:

«1. Непосредственная смерть последовала от асфиксии от повешения, причем было ли это повешение самопроизвольным или сделанным кем-то со злым умыслом — установить не представляется возможным.

2. Это был здоровый человек удовлетворительного питания, не имевший в своем организме никаких серьезных заболеваний, могущих повести к быстрой смерти.

3. После повешения труп висел очень много часов либо по злому умыслу, либо по недостаточному наблюдению и по небрежности надзирающего штата тюрьмы.

4. При жизни повешенный подвергался ударам эластического тела плоского характера по голове в области правого темени, каким-то манипуляциям с горячими предметами на мошонке, в верхних третях голени и точечным либо прижогам, либо травматическим воздействиям на лице и на левом боку.

5. При умирании были довольно сильные клонические судороги с резким кандальным звоном, что в свою очередь не могло не быть услышано обслуживающим персоналом тюрьмы».

---

* См. т. XV, прим. 137.
** См. т. XV, док. № 255.
*** Не публикуется.

Даже оставляя в стороне обстоятельства, при которых произошло повешение Воронина, причины самого этого факта иллюстрируются врачебной экспертизой.

Заявляя самый энергичный протест против незаконного содержания под арестом в исключительно тяжелых условиях свыше 60 советских граждан в течение девяти месяцев, я настоятельно прошу Вас, г. Особый агент, срочно снестись с соответствующими властями о выполнении просьб, изложенных в моем письме от 19 июня, а также расследовании причин смерти А. Ф. Воронина и предании суду виновных в этом.

В ожидании Вашего срочного ответа прошу принять, г. Особый агент, уверения в моем глубоком к Вам уважении[3].

Генеральный консул СССР в Харбине
Славуцкий

Печат. по арх.

7. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Урумчи И. Я. Златкину*

8 января 1933 г.

Китайское правительство обратилось к нам с просьбой эвакуировать всех интернированных солдат и офицеров бывшей армии Су Бин-вэня ** в Синьцзян, кроме самого Су Бин-вэня, генерала Ма и нескольких других высших офицеров, которых Нанкин просит отправить в Китай через Европу ***.

Нанкинское правительство просило нас сообщить о порядке отправления в Синьцзян, а также о суммах, потребных для их отправления. К эвакуации, таким образом, намечается около 3 тыс. солдат и 1200 гражданских лиц, в том числе 347 женщин и 306 детей.

Выясняем сейчас технические возможности такой эвакуации, учитывая трудности сообщений от Аягура или Алма-Аты до границы, зимние холода, отсутствие пунктов для расквартирования и снабжения в пути. Принципиальных возражений против этой отправки у нас нет.

Сообщите Цзиню **** о полученной Вами информации из Москвы о предстоящей эвакуации в Синьцзян бывшей армии

---

* Копии телеграммы направлены в консульство СССР в Чугучаке и дипагенту НКИД СССР в Алма-Ате.

** См. т. XV, прим. 266.

*** Данная просьба китайского правительства была передана 8 января 1933 г. членом китайской делегации Ван Цзэн-сы заместителю наркома иностранных дел СССР Л. М. Карахану.

**** Цзинь Шу-жэнь — председатель правительства провинции Синьцзян.

Су Бин-вэня, дав ему при этом в порядке информации вышеуказанные сведения о солдатах и гражданских лицах, указав, что мы это делаем по просьбе Нанкина, и выразив при этом уверенность, что он обо всем этом уже информирован по линии Нанкина. Укажите, что Вы, возможно, обратитесь к нему на днях для совместного обсуждения мер, могущих понадобиться для нормального проведения эвакуации *.

Срочно сообщите, как Цзинь будет реагировать и какие он перед Вами поставит вопросы [4]. В беседе Вы не должны делать намеков о трудностях по эвакуации в Синьцзян.

Л. Карахан

Печат. по арх.

8. Речь Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна при вручении верительных грамот Президенту Финляндии Свинхувуду

11 января 1933 г.

Я имею честь вручить Вам, г. Президент, верительные грамоты, коими Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик удостоил меня аккредитовать при Вас в качестве Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра.

Вступая в исполнение обязанностей на этом ответственном посту, я позволю себе выразить надежду на то, что развитие добрососедских отношений между нашими странами, которое ознаменовалось в последний период деятельности моего предшественника успешным окончанием переговоров и заключением пакта о ненападении и конвенции о согласительной процедуре **, будет неослабно продолжаться и в дальнейшем. Мое Правительство возложило на меня задачу способствовать укреплению существующих между народами наших стран политических, экономических и культурных связей, которые нашли уже свое выражение в целом ряде заключенных между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Финляндии договоров и соглашений, начиная от Юрьевского мирного договора *** и кончая упомянутым мною пактом о ненападении.

Я позволю себе, г. Президент, заверить Вас, что со своей стороны буду счастлив приложить все мои старания и добрую волю для выполнения задачи, возложенной на меня моим Правительством.

---

* См. также док. № 10.
** См. т. XV, док. № 32, 179.
*** См. т. III, док. № 137.

Приступая к новой своей деятельности, я питаю надежду в том, что в моих стремлениях к счастливому осуществлению возложенных на меня задач я встречу с Вашей стороны, г. Президент, неизменное доверие и поддержку, равно как ценное содействие Правительства Финляндской Республики.

Печат. по арх.

В ответной речи президент Финляндии Свинхувуд заявил:

«Принимая из Ваших рук верительные грамоты, которыми Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик аккредитовал Вас при мне в качестве Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра, хочу от всего сердца поздравить Вас с прибытием в Финляндию.

Примите мою искреннюю благодарность за любезные слова, произнесенные Вами. Мне доставляет удовольствие отметить выраженное в них твердое желание развивать и расширять политические и экономические отношения между нашими странами, отношения, которые, как Вы только что справедливо сказали, основываются на многочисленных договорах, заключенных между нашими двумя государствами. На основе этих договоров наши страны смогли лучше узнать и понять друг друга, о чем убедительно свидетельствует состояние экономических отношений, получивших за последнее время новое развитие.

Могу Вас заверить в том, что все Ваши усилия и действия, направленные на поддержание и развитие добрых отношений между нашими странами, будут восприняты с полным пониманием и получат полную поддержку с моей стороны и со стороны Правительства Финляндии.

Г-н Министр, хочу выразить надежду, что, приступая к работе на этом ответственном посту, Вы будете себя приятно чувствовать в Финляндии».

9. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

12 января 1933 г.

Еще в беседе с Шюкрю Кая * я подчеркнул, что мы не намерены форсировать вопрос о кредитах **, экономически в нем не заинтересованы, но хотим лишь, чтобы нас не обвиняли в затяжке, за которую несем ответственность не мы. Шюкрю Кая в ответ распространялся о том, как высоко ценит турецкое правительство, и в частности Кемаль-паша, нашу помощь, оказанную по личной инициативе Сталина. Вчера Тевфик Рюштю ***, к которому я зашел узнать подробности прений об Оттоманском долге [5], заявил, что Ахмед Джелаль **** считает вопрос разрешенным и на днях собирается отправить специалистов в Москву для детальных переговоров [6]. Я объяснил,

---

* Министр внутренних дел Турции.
** См. т. XV, док. № 205.
*** Министр иностранных дел Турции.
**** Министр экономики Турции.

что турецкий ответ[7] мы не считаем окончательным и что задержка его, которая пришлась как раз на период составления планов на будущий год, не сможет не отразиться теперь на дальнейшей работе. Тевфик Рюштю уклонился от разговоров об этом, сославшись на свое незнакомство с ответом и донесениями Рагиба*, и принялся петь дифирамбы будущему строительству, которое покажет всему миру, что способ избавления от кризиса заключается не в сокращении производства, а в индустриализации. Он выразил пожелание, чтобы я переговорил с Джелалем, сообщив ему наши замечания по поводу ответа. Я пока уклонился, сказав, что хочу дождаться почты.

Астахов

Печат. по арх.

10. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с членом китайской делегации на советско-китайской конференции Ван Цзэн-сы

13 января 1933 г.

Я вызвал Ван Цзэн-сы и сообщил ему, что на нашу территорию из Маньчжурии перешло еще около 5000 китайцев во главе с генералами Ли Ду и Ван Дэ-линем. Я подчеркнул, что сейчас на нашей территории имеется больше 9000 китайских граждан и что нужно в самом срочном порядке решить вопрос о том, что с ними делать. Что касается женщин и детей, находящихся в Томске, то отправить их в Синьцзян не представляется возможным в силу климатических и транспортных условий. Что же касается солдат, то их можно было бы отправить от конечного железнодорожного пункта Турксиба в походном порядке. На мой вопрос, имеется ли уже ответ синьцзянского правительства о согласии принять интернированных у нас китайцев, Ван сообщил, что ответа еще не имеется. Я просил его ускорить получение ответа, причем выразил уверенность, что Цзинь должен был бы с радостью принять китайских солдат из армии Су Бин-вэня, ибо они, наверное, лучше, чем его собственная армия, а в настоящее время хорошие солдаты ему больше чем когда-либо нужны. Ван подтвердил, что сейчас Цзиню хорошие солдаты нужны, и он удивляется, почему нанкинское правительство до сих пор ничего не сообщило ему о согласии Цзиня.

В отношении женщин и детей я предложил Вану, чтобы они были отправлены на пароходе из Владивостока, но мы не возражали бы, конечно, против отправки их и через Европу, если китайское правительство располагает для этого необходимыми

* Посол Турции в СССР.

средствами. Ван заявил, что через Европу — это было бы непосильно отправить, но что он считает эвакуацию их через Владивосток и дальше на пароходе возможной, о чем немедленно будет телеграфировать в Нанкин.

Перейдя к другой группе перешедших китайцев, находящихся ныне на Дальнем Востоке, я высказал предположение, что если бы нанкинское правительство зафрахтовало какой-либо английский или американский пароход, то солдаты и гражданские лица, в том числе и небольшое количество женщин и детей, перешедших на нашу территорию на Дальнем Востоке, могли бы быть отправлены на таком пароходе из Владивостока в Шанхай. Я думаю, что таким способом перебросить этих китайцев в Шанхай не представило бы больших трудностей, если Ли Ду и Ван Дэ-линь и высший состав их армии не были бы отправлены этим пароходом. В случае же, если китайское правительство не сочтет этот путь почему-либо удобным, хотя я лично не вижу, какие могут быть возражения, то тогда остается единственный выход — немедленно перебросить этих солдат с Дальнего Востока к синьцзянской границе и отправить их в Синьцзян. Правда, это будет более дорогостоящая операция, но дело китайского правительства решать, каким путем оно хочет получить своих граждан. Самое главное, что я настойчиво несколько раз подчеркнул Вану, чтобы решения были приняты в самом срочном порядке, немедленно, ибо мы не знаем, что нам делать с 5 000 китайских граждан, находящимися сейчас на Дальнем Востоке.

Таким образом, предложения, которые я ему сделал, сводились к следующему: все женщины и дети и частные граждане во всяком случае могут быть отправлены из Владивостока на пароходе. Что касается солдат, то они могут быть отправлены в Синьцзян. Солдаты и китайские граждане, перешедшие на Дальнем Востоке на нашу территорию и находящиеся в районе Хабаровска, могут быть отправлены или на пароходе в Шанхай, или же китайские солдаты армии Ли Ду и Ван Дэлиня могут быть отправлены также в Синьцзян. Необходимо срочное решение нанкинского правительства и перевод необходимых сумм на все расходы, связанные с их транспортом. Я указал Вану, что, когда решится вопрос о том, в каком направлении будет производиться эвакуация, китайские консульские чиновники могут принять участие и оказывать содействие этому делу.

Ван спросил, как мы отнесемся к тому, если Су Бин-вэнь и другие генералы уже сейчас поедут в Европу. Я ему ответил, что наша принципиальная точка зрения по этому вопросу ему известна, но я лично считал бы не совсем удобным, чтобы генералы оставили своих солдат до того, как их судьба будет решена и они будут эвакуированы с нашей территории. Ван

поспешно согласился, что действительно это было бы неудобно и что он думает, что они должны уехать вместе со своими солдатами *.

Л. Карахан

Печат. по арх.

11. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
14 января 1933 г.

Вчера говорил с Арита ** об арестованных в Маньчжурии и о пристани[8]. Арита сказал, что в частном порядке он окажет содействие по обоим вопросам.

Далее он настаивал на коммюнике относительно нот о пакте ***, предлагая приступить к выработке текста[9]. Я отказался. Арита уверял, что опубликование нот вызовет постановку этого вопроса в парламенте и антисоветские выступления. Я заметил, что могут быть и обратные выступления. Я доказывал, что невозможно скрывать действительного положения. Наш народ имеет право знать, как обстоит дело с пактом. Под конец длинного разговора Арита как будто согласился, но категорически настаивал на двух поправках: относительно позиции японского правительства и какой-нибудь страны, развивающейся в сторону агрессии и распространения внешней сферы влияния ****.

Полпред

Печат. по арх.

12. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану

15 января 1933 г. № 34

Господин Министр,

При переговорах, происходивших между нами по вопросу о борьбе с саранчой, Вы выразили свое согласие с изложенной мною точкой зрения Правительства СССР о желательности сотрудничества в этом вопросе между Афганистаном и СССР и сообщили мне, что эта точка зрения разделяется также и Правительством Афганистана. В связи с высказанными мною соображениями о желательности постоянного соглашения между Правительствами наших стран по вопросу о совместной

---

* См. т. XV, прим. 266.
** Заместитель министра иностранных дел Японии.
*** См. док. № 2.
**** См. также док. № 19, 20, 21.

борьбе с саранчой, Вы признали также, что заключение такого соглашения было бы полезным *.

Исходя из вышесказанного, я имею честь препроводить Вам при сем проект Конвенции по борьбе с саранчой между СССР и Афганистаном [10] и прошу Вас не отказать в любезности сообщить мне Ваши соображения как по существу проекта, так и относительно времени, когда Вы сочли бы возможным приступить к переговорам.

Пользуясь случаем, прошу Вас, господин Министр, принять мои заверения в полном к Вам уважении.

Полномочный Представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

На эту ноту и. о. министра иностранных дел Афганистана Али Мухаммед-хан ответил нотой от 5 марта 1933 г. № 3967/3695, в которой говорилось:

«Подтверждая получение Вашего письма за № 34, с содержанием которого я ознакомился, имею честь, в дополнение наших словесных переговоров, препроводить Вам проект соглашения о борьбе с саранчой. Кроме того, я имею честь сообщить Вам, что мое Правительство принципиально готово с большим удовлетворением принять посильное участие в борьбе с саранчой. В настоящее время оно принимает все возможные для него, в связи с настоящим внутренним положением страны, меры. Хотя в нашей беседе я изложил подробно Вашему Превосходительству положение дел по вопросу о борьбе с саранчой, но в настоящее время я хочу сказать Вам несколько слов еще о добрых намерениях моего Правительства в этом отношении.

Афганское Правительство в деле борьбы с саранчой и до сих пор принимает возможные для него меры и готово в будущем сделать все возможное для борьбы с саранчой. Однако, к сожалению, оно не может, благодаря изложенным мною Вам причинам, согласиться на принятие приложенного к Вашему письму проекта соглашения по борьбе с саранчой. Будучи, однако, в основном согласно с мнением Вашего Превосходительства и желая принять участие в деле борьбы с саранчой, мое Правительство составило, со своей стороны, проект соглашения, который я и препровождаю Вам [11].

Я думаю, что [вы], Ваше Превосходительство, на основании моих словесных объяснений, а также согласно моему настоящему письму, доложите вашему Правительству об истинном положении дел по данному вопросу и об отношении к нему моего Правительства».

13. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому

Вне очереди
16 января 1933 г.

В связи с опубликованием коммюнике военного министерства [12], переданного ТАСС 15-го, заявите устный протест японскому правительству, которое не может не быть ответственным

---

* См. т. XV, док. № 256.

за официальное коммюнике военного министерства, распространяющего провокационное и лживое сообщение о Советском правительстве и будущем советском посольстве в Китае. Дату протеста срочно сообщите *.

Л. Карахан

Печат. по арх.

14. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии и Торгового Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР **

16 января 1933 г.

Министр Велнер *** сегодня официально предложил мне и Килевицу 23 января в мининделе начать общие переговоры о [торговом] договоре, о торговом представительстве и налогах ****. Мы дали согласие.

Аросев
Килевиц

Печат. по арх.

15. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии и Торгового Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *****

16 января 1933 г.

Я и Килевиц были у Бенеша ******, который принял очень хорошо. Сам заговорил о необходимости в ближайшем будущем заключить торговый договор, в котором были бы окончательно разрешены вопросы о контингентах нашего ввоза, о правах торгпредства и о налогах. Предстоящую 23 января встречу с Велнером и уполномоченным министерства финансов в мининделе (смотрите мою телеграмму за № 568 *******) Бенеш рассматривает как первый шаг к началу переговоров о широком торговом договоре [13].

Бенеш также сообщил, что в Женеве будет совещание членов Малой Антанты, где будет затронут вопрос о признании

---

* См. док. № 19.

** Копия телеграммы была направлена в Народный комиссариат внешней торговли СССР.

*** Заведующий политическим отделом МИД Чехословакии.

**** См. т. XV, док. № 366.

***** Копия телеграммы была направлена в Народный комиссариат внешней торговли СССР.

****** Министр иностранных дел Чехословакии.

******* См. док. № 14.

СССР одновременно всеми членами Малой Антанты *. В Белграде Титулеску ** докладывал конференции Малой Антанты, что румынское правительство хотело бы вслед за пактом немедленно установить и дипломатические отношения с СССР. Бенеш пытался узнать, пойдем ли мы на уступки в нашей формулировке по бессарабскому вопросу. Я ответил, что наша формулировка достаточно уступчива ***.

Аросев
Килевищ

Печат. по арх.

16. Заключительный протокол советско-германских переговоров от 17 января 1933 г.

[17 января 1933 г.]

В Протоколе пленарного заседания германо-советских экономических переговоров от 22 декабря 1931 г. ****, который вступил в силу в мае 1932 г., было предусмотрено, что по истечении нескольких месяцев Советская сторона поставит Германскую сторону в известность о том, в каком объеме осуществлены результаты этих переговоров, насколько они привели к расширению советского экспорта и выявили при этом трудности, стоящие на пути расширения экспорта. На основе этих данных обе стороны вскоре вступят в контакт друг с другом.

На основании этого определения с октября по декабрь 1932 г. в Берлине, в Министерстве Иностранных Дел, проводились совещания между Германской и Советской делегациями, которые на совместном заключительном заседании 17 января 1933 г. установили как результат их совещаний нижеследующее.

Переговоры проводились на основе следующей, предложенной Советской стороной и принятой Германской стороной повестки дня:

I. Финансовые вопросы.

II. Вопросы пошлин и контингентирования.

III. Соглашение от 3 мая ***** 1932 г. о сбыте советского зерна в Германии.

IV. Прочие вопросы советского экспорта.

V. Транспортные вопросы.

---

* См. также док. № 66.

** Министр иностранных дел Румынии.

*** См. т. XV, док. № 389, 406.

**** См. т. XIV, док. № 386.

***** Здесь и ниже (см. заголовок п. III) имеется в виду соглашение от 2 мая; см. т. XV, прим. 236.

По отдельным пунктам повестки дня были вручены формулировки советских и германских пожеланий.

I. Финансовые вопросы

1. Германская сторона заявляет о своей принципиальной готовности разрешить, чтобы на календарный 1933 г. в «Гаранти-унд кредитбанк фюр ден Остен АГ» было сосредоточено до 60 млн. марок за счет старых и блокированных счетов иностранцев, которые следует распределить по возможности на равные месячные суммы до 5 млн. марок, и чтобы из свободных средств, которые будут поступать в банк таким образом, погашались соответствующие задолженности СССР, возникшие из товарооборота с Германией.

Советская сторона должна в этих целях использовать блокированные счета ценных бумаг лишь в той мере, в какой эти счета возникли в результате продажи ценных бумаг до 15 декабря 1932 г. В случае, если Торговому представительству СССР в исключительных случаях не удастся приобрести возникшие до 15 декабря 1932 г. блокированные счета ценных бумаг и если оно сочтет необходимым в таких случаях для погашения своих задолженностей использовать блокированные счета, которые возникли от продажи ценных бумаг после 15 декабря 1932 г., то оно должно заблаговременно сообщить об этом Министерству экономики Германии. Министерство экономики Германии в благожелательном духе изучит предложения о передаче таких счетов в «Гаранти-унд кредитбанк фюр ден Остен АГ» и вопрос о применении для указанной выше цели тех счетов, которые возникают у «Гаранти-унд кредитбанк фюр ден Остен АГ» в связи с тем, что последний непосредственно или через посредников продает на свой счет ценные бумаги, и затем даст соответствующее разрешение, если между ним и Торговым представительством будет согласован путь, который обеспечит соблюдение порядков германского рынка капитала, принятых при подобного рода продаже ценных бумаг. Если такое соглашение не будет осуществлено или подобные продажи ценных бумаг будут производиться в ущерб германскому рынку капиталов или вызовут беспокойство на нем, то Германская сторона оставляет за собой право, в соответствии с § 13 девизного постановления от 13 мая 1932 г., ограничить в необходимом, по ее мнению, объеме разрешение на предоставление кредитов советским учреждениям или организациям через посредство «Гаранти-унд кредитбанк фюр ден Остен АГ» из средств, поступающих в этот банк от скопления старых или блокированных счетов или от продажи ценных бумаг.

Советская сторона обязуется заботиться о том, чтобы, принимая во внимание ликвидитет германских банков, переводить счета в «Гаранти-унд кредитбанк фюр ден Остен АГ» только непосредственно перед тем, как соответствующие суммы будут использоваться для вышеназванной цели применения.

В каждом отдельном случае следует ходатайствовать о необходимых по германскому девизному праву разрешениях. Ходатайства соответствующих германских банков следует подавать при посредничестве Торгового представительства СССР в Германии через Министерство экономики компетентному девизному управлению.

2. Рейхсбанк заявляет о своей принципиальной готовности благожелательно изучить ходатайства, соответствующие предписаниям § 10 Германского кредитного соглашения от 1932 г. *, о переложении долгов из замороженных сумм в целях приобретения облигаций компаниями, на которые СССР оказывает в значительной степени влияние, и дать свое согласие, если будут выполнены постановления соглашения о моратории, в особенности если не возникнет предпосылок, в силу которых Рейхсбанк не сможет дать своего согласия в соответствии с абз. 4 § 10 названного выше соглашения.

3. Если рассрочки, предоставленные Советской стороне в финансовой области до 1 апреля 1933 г., не достигнут в среднем суммы в 10 млн. марок в месяц, то в случае ходатайства Советской стороны Германская сторона выражает свою готовность вступить тотчас же в переговоры о цели, намеченной для обсуждения.

4. К вопросу о воздействии Германского Правительства на крупные банки в целях поощрения финансирования советского вывоза Германская сторона выступала посредником в созыве совещания между Советской стороной и крупными банками, на котором представители германских банков единогласно заявили о том, что представляемые ими кредитные учреждения выступают за поддержание и развитие деловых связей с русскими.

II. Вопросы пошлин и контингентирования

1. Относительно ввоза советского масла было достигнуто следующее соглашение.

В соответствии с постановлениями статьи 14 Экономического соглашения между СССР и Германией от 12 октября 1925 г. ** ограничения ввоза не применяются в отношении товаров, которые, по достоверным сведениям, были уже сданы к перевозке ко дню опубликования, т. е. до 12 ноября 1932 г.,

* См. т. XV, прим. 339.

** См. т. VIII, док. № 342, стр. 589—600.

согласно фрахтовым документам (железнодорожным накладным и судовым документам) непосредственно на немецкой станции назначения. Такие партии товара поэтому не нуждаются в разрешениях на ввоз; их не следует также причислять к контингенту. Их ввоз не ограничивается также определенными местами впуска.

Вместе с тем взимается договорная таможенная ставка в размере 75 германских марок со всех подлежащих обложению пошлиной с 15 ноября 1932 г. количеств масла из всех стран, пользующихся наибольшим благоприятствованием, включая СССР.

2. Обе стороны достигли договоренности о том, что приведенное выше толкование статьи 14 Экономического соглашения между СССР и Германией от 12 октября 1925 г. будет применяться во всех случаях введения контингентирования или других ограничений ввоза.

III. Соглашение от 3 мая 1932 г. о сбыте советского зерна в Германии

Советская сторона заявляет об отказе от обсуждения в Комиссии вопроса о закупке зерна советского происхождения в соответствии с постановлениями соглашения от 2 мая прошлого года, ввиду принципиальной готовности немецкой стороны произвести соответствующие закупки и ввиду того, что имеющиеся в настоящее время разногласия относятся к чисто коммерческим вопросам, таким, как цены, качество и др. Советская сторона оставляет за собой право довести этот вопрос до сведения Германского Правительства в случае неудовлетворительного исхода упомянутых коммерческих переговоров с целью проведения в жизнь соглашения от 2 мая 1932 г.

IV. Прочие вопросы советского экспорта

Германской стороной было заявлено, что государственные учреждения в принципе готовы закупить русские нефтепродукты, как это уже имело место непосредственно или через посредство «Бензолфербанд» и «Рейхскрафтшпритгезельшафт».

Заинтересованные организации, включая коммунальные власти, вновь настойчиво указывали на то, что увеличение ввоза советских нефтепродуктов отвечает германским интересам.

V. Транспортные вопросы

Германская имперская компания железных дорог выражает свою готовность при перевозке зерна по южной линии, в отношении товаров, следующих через Бойтен, взять на себя

транспортировку грузов, доставляемых по пути через Бентшен, при условии, что минимальный вес грузов будет составлять 10 000 *т*. В отношении других грузов, за исключением лесоматериалов, Германская имперская компания железных дорог также готова вести переговоры о скидках за перевозку только по железной дороге, если Советская сторона будет располагать определенными минимальными количествами.

В отношении тарифа Северной железной дороги (через Восточную Пруссию) Германской имперской компанией железных дорог было сделано дополнительное разъяснение о том, что этот тариф является конкурентным, который приравнивается к морским перевозкам. В случае, если Советская сторона докажет, что расходы по перевозке морским путем попрежнему остались ниже, то Германская имперская компания железных дорог готова вступить в переговоры о скидке за перевозку по Северной железной дороге. Однако условием для уменьшения расходов по перевозке с германской стороны должна явиться соответствующая скидка на советских железных дорогах для выравнивания конкуренции.

VI. Германские пожелания

По ввозу пушнины между обеими заинтересованными сторонами были проведены непосредственные переговоры, которые до настоящего времени не привели к соглашению.

Относительно остальных пунктов Советская сторона заявила, что внесенные Германской стороной предложения выходят за рамки ведущихся переговоров. Германской стороне была предоставлена возможность внести эти предложения Советскому Правительству в Москве дипломатическим путем.

В заключение Советская сторона заявила, что она расценивает результаты работы комиссии как неудовлетворительные, что она, в частности, не может рассматривать заявление Германской стороны относительно урегулирования поставленных ей финансовых вопросов как соответствующее советским интересам. Проведенные в пп. 1—3 разд. I разграничения операций с блокированными счетами, а также отказ немецкой стороны установить глобальную сумму для операций с денежными суммами, подпадающими под действие моратория, обесценили, с точки зрения советских интересов, урегулирование финансовых вопросов.

Советская сторона оставляет за собой право продолжить переговоры по внесенным ею предложениям, подвергшимся обсуждению.

Германская сторона заявила, что в своем стремлении по возможности облегчить платежи Союза Советских Социалистических Республик Германии за счет финансовых мер и за

счет расширения советского экспорта она в своих заявлениях достигла такого предела, который может быть обоснован после тщательной проверки директивными германскими инстанциями с учетом современного положения германской экономики и германского рынка капитала.

Берлин, 17 января 1933 г.

С. Александровский *С. Хэй*
Л. Левитин *Х. Флах*
М. Левин *д-р Виллике*

Перат. со 2рх.

17. Запись беседы Полиомочиого Представителя СССР в Фииляндии с Министром Иностраниых Дел Финляндии Хакселем

18 января 1933 г.

Сегодня вечером состоялась беседа, о которой Хаксель меня просил в прошлый раз. Принял меня Хаксель в особняке МИД «для того, чтобы нам никто не мешал». Хаксель сказал, что он не хочет сегодня говорить со мной по отдельным конкретным вопросам и что только один из них (о расчистке границы) он изложит мне в конце разговора. Теперь же он хочет говорить на общие темы. Он считает, что моя работа начинается в весьма благоприятный момент; прежде всего он лично думает оставаться на министерском посту по крайней мере до октября. Расчет у него такой: выборы состоятся 1 и 2 июля, а сейм соберется только в сентябре. Таким образом, до октября нынешнее правительство, по-видимому, просуществует. Дальнейшее трудно предвидеть, сам Хаксель вряд ли в дальнейшем останется министром, даже если его партия войдет в состав будущего правительства. Его деловые компаньоны и хозяева были и теперь против его вхождения в министерство и, вероятно, окончательно запротестуют, если бы такое положение длилось и дальше октября. Хаксель намекал, что его материальное положение не очень блестящее и что ему приходится заниматься делами. Поскольку он будет оставаться на посту министра по крайней мере до октября, «за это время можно будет сделать много полезного в советско-финских отношениях»; таким образом, первая субъективная предпосылка для улучшения отношений имеется налицо. Есть и объективные предпосылки. Отношения за последнее время сильно улучшились. Хаксель опять, «как и в прошлом разговоре», сказал, что, по его мнению, улучшение отношений произошло не столь-

ко в результате заключения пакта о ненападении — «он не хочет ни в коем случае обесценивать этот договор»,— а в силу того, что впервые в финском деловом мире появилась солидная и могущественная группа (в лице индустри-фербанд *), которая заинтересована в укреплении мирных отношений с СССР и развитии экономических отношений. Раньше еще, в мои времена, сказал Хаксель, вы покупали в Финляндии бумагу. Я не хочу сказать, что эта операция была невыгодна для обеих сторон, и, в частности, для нас, но, во-первых, бумажные фабриканты не были специально заинтересованы в советском рынке, поскольку они могли продать бумагу в любую страну, а во-вторых, бумажные фабриканты здесь в силу ряда причин не пользуются политическим влиянием. Другое дело сейчас. Сейчас вы связаны с основными индустриями страны, которые имеют огромное политическое влияние и которые, по существу, могут задать тот политический тон, который нужен. Я считаю, что Вы по возвращении должны завести знакомство с этой группой, и я готов Вас лично со всеми перезнакомить. Я наблюдал настроение этих людей во время пребывания вашей экономической делегации [14], я могу сказать, что лед растаял и что нужно ковать железо. Я считаю, что раньше полпредство, вероятно по необходимости, имело связи с разными дельцами, которые не имеют никакого веса ни в финской политике, ни в финской экономике (в частности, Хаксель упомянул г-жу Вуолиоки — «я ее лично не знаю, но знаю только, что она никаким влиянием не пользуется и к ней отношение скорее отрицательное»). Конечно, работа предстоит трудная, ибо придется преодолевать много препятствий. Финские политики — народ упрямый и консервативный, сдвинуть их с места очень трудно. Я считаюсь консерватором, но уверяю Вас, я радикальнее целого ряда наших либералов. Происходит это потому, что я человек дела и реального мышления. Я надеюсь найти в Вашем лице партнера в нашей общей позитивной работе.

Отмечаю, что Хаксель ни словом не упомянул о торговом договоре и вообще не говорил о конкретных формах экономического сближения. Он рассказывал мне о переговорах, которые в настоящее время ведет Финляндия с США, Англией и Францией о заключении новых торговых договоров. С США и Францией договоры будут подписаны на днях. С Англией переговоры только начинаются. Я ждал, что в этом контексте Хаксель заговорит и о нашем торговом договоре, но этого не случилось. Вместо этого Хаксель снова упомянул, что важно развивать конкретную экономическую работу и что он вообще придает этому бо́льшее значение, чем формальным торговым договорам. Далее разговор перешел на тему о возможности

* — промышленный союз (*нем.*).

бо́льшего культурного сближения, чем это имело место до сих пор. Хаксель сказал, что он лично за это, но что на этом пути встретятся особенно большие трудности, так как финны чрезвычайно насторожены в отношении СССР. Хаксель считает, что в последние годы было наделано много глупостей с финской стороны и что целый ряд политиков здесь в лучшем случае не интересовались СССР, а в худшем «поддавались влиянию всяких крикунов»; он ввернул при этом фразу, что, если бы он был здесь в эти годы, многое было бы иначе. Теперь тоже будет иначе, ибо Свинхувуд не склонен поддаваться влиянию крикунов и твердой рукой ведет Финляндию по правильному пути. Свинхувуд, по словам Хакселя, разделяет его планы и настроения. Конечно, сказал Хаксель, есть еще много раздражающего в наших взаимоотношениях и о многом нужно будет еще нам с вами говорить. Я воспользовался этим моментом и в дружеском тоне сказал, что к числу раздражающих моментов относится, несомненно, поведение некоторой части местной печати, и в частности такие выпады, как статья «Свенска прессен» под грубым и недопустимым заголовком: «Россия занимается воровством». Я не делаю ему официального демарша, а просто обращаю внимание на подобные явления. Хаксель обещал принять все возможные меры для того, чтобы такие вещи не повторялись. Я просил Хакселя на время моего отсутствия все нужные вещи согласовывать с т. Позднякóвым *, к которому он может по любому делу обращаться так же, как и ко мне. Я сказал, что я просил т. Позднякова не часто беспокоить его, Хакселя, но тем больше я прошу уделять ему внимание, если он будет обращаться непосредственно к министру. Я рекомендовал ему также т. Усиевича **, с которым он уже имел возможность познакомиться [...]***.

Я сказал Хакселю, что был неприятно поражен предписанием губернатора по отношению к сотруднику «Нафты» Кузьмичеву прекратить работу в «Нафте». Я не понимаю, каков смысл подобного рода распоряжения. Хочет ли финское правительство добиться уменьшения числа советских граждан, работающих в «Нафте». Это вряд ли будет отвечать тем планам экономического сотрудничества, которые Хаксель намечал выше. У нас в «Нафте» работают здесь, в Гельсингфорсе, 4 человека, и в Таммерфорсе — один. Хаксель решил, что идет вопрос об увеличении числа советских работников, и предложил мне заранее сообщать ему о таких увеличениях, чтобы он мог быть ходатаем в этих вопросах. Я поблагодарил его за желание оказать помощь при эвентуальном увеличении числа на-

---

* Первый секретарь полпредства СССР в Финляндии.

** Сотрудник торгпредства СССР в Финляндии.

*** Далее опущена небольшая часть беседы, касающаяся мелких частных вопросов.

ших сотрудников и [сказал, что] обязательно воспользуюсь этим обещанием, когда встречу в этом необходимость. Однако сейчас речь идет не об увеличении, а о том, чтобы не допустить уменьшения, как предполагает нюландский губернатор. Имея обещание Хакселя способствовать увеличению числа советских сотрудников «Нафта», я тем больше могу рассчитывать на его помощь в недопущении уменьшения. Хаксель обещал.

Я обратил его внимание на то, что завтра состоится заседание погранкомитета, и просил его способствовать созданию условий, при которых можно было разрешить назревший конфликт [15]. Хаксель настойчиво просил меня при посещении Москвы поговорить о желательности срочной расчистки границы к северу от Ладоги и до Печенги. Он придает этому большое значение, ибо, поскольку эта граница не расчищалась 21 год и заросла густым лесом, там все время происходят невольные переходы с обеих сторон, что вызывает всякие недоразумения. Ирье-Коскинен * ведет уже это дело в Москве, а он просит меня о содействии. Разговор длился около двух часов.

Полпред СССР в Финляндии
Б. Штейн

Печат. по арх.

18. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 января 1933 г.

Позавчера Пьер Кот ** обещал мне поторопить парламентскую комиссию по иностранным делам с вопросом о ратификации пакта ***. Сегодня я был принят Бонкуром ****, который сообщил мне, что в означенной комиссии им поставлен на обсуждение вопрос о способе ратификации. Если комиссия не будет возражать против ратификации президентским декретом, то Бонкур надеется, что ратификация сможет состояться на будущей неделе. В противном случае он на будущей же неделе внесет в парламент законопроект о ратификации. По словам Бонкура, президентский декрет обладает преимуществом скорости, ратификация же в парламенте имеет преимущество бо́льшей политической значимости.

---

* Посланник Финляндии в СССР.
** Государственный секретарь по иностранным делам Франции.
*** См. т. XV, док. № 456, а также док. № 157, 158 настоящего тома.
**** Председатель совета министров и министр иностранных дел Франции с 19 декабря 1932 г. по 28 января 1933 г.

Мы с Бонкуром затронули также вопрос о торговых переговорах *. Я познакомил его с историей и сущностью вопроса, особо подчеркнув, что было бы ошибочно предположить, что мы заинтересованы в торговых переговорах из-за недостатка кредитов и что, наоборот, в связи с сокращением нашего импортного плана у нас нет недостатка в кредитах и что мы должны сделать серьезные усилия, чтобы выкроить в нашем плане солидные заказы для Франции. Я также объяснил, почему мы против контргарантий вообще и, в частности, против включения в них нефтяных выручек. Бонкур ответил, что придает серьезное значение теперешнему исходу торговых переговоров, но что он не думает, чтобы французское правительство могло применить к нам «ассюранс креди» ** без контргарантий. Он обещал переговорить с Дюраном ***, намекнув, что в основном торговые переговоры находятся полностью в сфере компетенции Дюрана и что министр иностранных дел будет держать с ним контакт через Кулондра ****. Я подчеркнул, что по принципиальным вопросам, которые будут возникать в ходе торговых переговоров, я буду считать своим долгом прибегать к непосредственному содействию его, Бонкура.

В заключение мы слегка затронули вопрос о военных заказах. Бонкур заявил, что он в курсе переговоров, считает, что они на хорошем пути, и будет рад способствовать завершению их. Он выразил надежду, что с нашей стороны нет возражений против непосредственных переговоров с военным ведомством и выдачи ему заказа, прозрачно намекнув, что французское правительство нарочито направило сделку по этому пути. Я подтвердил, что мы нисколько не возражаем против такого направления переговоров *****.

На Бюро ****** в Женеву поедет Пьер Кот.

Бонкур поедет только на день-два на Генеральную комиссию для защиты конструктивного плана, его дитяти, как он выразился.

Роль Кулондра в торговых переговорах нам будет неблагоприятной. Он будет настаивать на контргарантировании нефтью. Позиция Дюрана нам неизвестна.

Довгалевский

Печат. по арх.

---

* См. т. XV, док. № 308, 449 и 459.

** Имеется в виду государственная гарантия кредита.

*** Министр торговли и промышленности Франции.

**** Директор торгового департамента МИД Франции.

***** Имевшие место переговоры к практическим результатам не привели.

****** Имеется в виду Бюро конференции по разоружению.

19. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

Вне очереди
19 января 1933 г.

19 января в 11 часов утра меня вызвал Арита и заявил, что японское правительство удивлено опубликованием коммюнике относительно нот * без предупреждения и без согласования содержания и даты опубликования [16]. Я сказал, что о предстоящем опубликовании ноты Арита было известно, причем во время последнего разговора ** он не возражал против опубликования ноты, хотя предпочитал согласованное коммюнике. Что касается даты — вопрос вообще неважный. Кроме того, это не было общим коммюнике. Арита ответил, что нота Утида *** была строго конфиденциальной и не могла быть опубликована без согласия японского правительства. Что касается согласия Арита, то оно дано было в принципе, а не относительно содержания и даты. Далее должно было последовать согласование коммюнике. Он считает при этих условиях действия Советского правительства противоречащими принятой куртуазии. Я ему сказал, что нота Утида перестала быть конфиденциальной, как только в основном она стала известна в японской печати и, кроме того, Арита не возражал против опубликования ноты и тем самым снял с ноты конфиденциальность. Согласие дано было именно на опубликование ноты, иначе незачем было предпочитать коммюнике. Арита сказал, что до опубликования он ждал от меня сообщения о решении Советского правительства. Я ответил, что новое предложение опубликовать давно мною было сообщено. Далее Арита говорил, что в публикации одна фраза, встретившая возражение, была опущена, а другая осталась. Вообще в Японии может создаться впечатление, что Советское правительство пренебрегло мнением японского правительства. Я сказал, что, как раз наоборот, мы очень считались с мнением японского правительства. Арита тогда заявил, что японское правительство во всяком случае ждет объяснений Советского правительства, и просил об этом телеграфировать в Москву. Он сообщил, что японское правительство вынуждено опубликовать сообщение по этому вопросу завтра-послезавтра и, как он пояснил, не дожидаясь ответа Советского правительства. Далее Арита заявил, что если не будет изменена нота в отношении двух возражений, особенно в отношении агрессивных стран, то японское правительство вынуждено будет заявить строгий протест

---

* См. док. № 2.
** См. док. № 11.
*** См. стр. 18.

и его опубликовать, так же как опубликовать в ближайшее время нашу ноту, что нежелательно, ибо обострит отношения. Я ответил, что японское правительство не имеет оснований для протеста, ибо в этом общем рассуждении Япония не названа и японское правительство не сможет доказать, что сейчас нет и не будет ни одной агрессивной страны. Арита заявил, что всякий, кто будет читать ноту, поймет, что имеется в виду Япония. Далее я указал на противоречия: с одной стороны, японское правительство не хотело публиковать фраз, а с другой — хочет его опубликовать. Я добавил, что это их дело, но я не думаю, чтобы наше правительство исправило ноту и внесло в нее требуемые поправки *. Далее я заявил протест против сообщения военного министра о Китае. Арита пытался доказывать, что военное министерство только опубликовало заявление Коминтерна. Я сказал — покажите мне подлинное заявление Коминтерна; не подлежит сомнению, что это — вымысел, за распространение которого ответственна Япония. Арита обещал выяснить вопрос и дать ответ [12].

Полпред

Печат. по арх.

20. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому

20 января 1933 г.

На Вашу телеграмму от 19 января **. Необходимо дать ответ совершенно твердым тоном и раз навсегда отвести нелепые японские претензии. Вам предлагается заявить: предложение о пакте было сделано Советским правительством публично ***, что не могло быть неизвестно японскому правительству, тем более что предложение открыто обсуждалось в течение года и в японской прессе. Меньше всего Советское правительство могло ожидать, что ответ японского правительства последует в ином, не публичном порядке, тем более, что для этого не было никаких оснований ни с какой точки зрения. Японское правительство, однако, не считаясь с желанием и соображениями Советского правительства и даже без его согласия, пыталось придать ответу секретный характер. Таким образом, в нарушении международных обычаев скорее можно обвинить японское правительство. Мы пытались договориться относительно одновременности опубликования в Токио и в Москве обмена нотами, но безуспешно. Мы предупреждали

* См. док. № 20.
** См. док. № 19.
*** См. т. XIV, док. № 401; т. XV, док. № 22.

японское правительство, что не можем скрывать от нашего общественного мнения такого серьезного факта в международной жизни, как отказ соседней страны от заключения пакта, и предупреждали японское правительство о нашем решении опубликовать нашу ответную ноту, которая не была послана в конфиденциальном порядке. Само собой разумеется, этого нельзя было сделать, не сообщив содержание японского ответа. Мы, однако, учли просьбу и пожелания Утида и вместо опубликования нот дали лишь содержание [16], выпустив, однако, фразу, которая ему казалась неприятной. Этим мы проявили максимум доброжелательности и учета мнения японского правительства. Мы, однако, не можем писать или менять свои ноты под диктовку другого правительства. Мы полагаем, что ничего, кроме хорошего для ясности отношений, опубликование дать не может и предлагали бы считать вопрос исчерпанным. Мы, однако, отнюдь не возражаем против опубликования полностью обеих нот, что нами предлагалось с самого начала, но если возникнет обоюдная полемика, то в этом будет не наша вина [17].

Литвинов

Печат. по арх.

21. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота

20 января 1933 г.

Ота пришел ко мне по поводу нот о пакте ненападения *. Он начал с того, что хотел сегодня со мной встретиться, чтобы совместно найти выход из создавшегося неприятного положения в связи с некоторыми фразами в нашей ответной ноте по поводу пакта. Кроме того, японское правительство смущено тем обстоятельством, что ноты опубликованы односторонне Советским правительством несмотря на то, что опубликование должно было быть сделано после того, как по этому вопросу между обеими сторонами будет договоренность. «Нас интересует,— сказал Ота,— почему вы это сделали?»

Японский МИД получил ноту в Токио на английском языке. Ота получил ее на русском языке из НКИД. В посольстве русский текст перевели на английский, и на основании этих материалов Ота сделал мне следующее сообщение:

Японское министерство иностранных дел во время переговоров в связи с обменом нотами указало Трояновскому на три вопроса, по которым японская сторона имеет возражения:

* См. док. № 2.

1) В тексте, врученном Трояновским, было сказано, что японское правительство уклоняется от заключения пакта. Вопрос этот был исчерпан разъяснениями Трояновского, что тут дело в плохом переводе. Слово «уклоняется» было изменено на «еще не готово» заключить пакт. Таким образом, это оказалось недоразумением.

2) В советской ноте было сказано, что японское правительство присоединилось ко второму мнению — противников заключения пакта. Ота должен заявить, что японское правительство понимает этот пункт иначе.

3) Третье возражение касалось указания на агрессивное государство.

В связи с этими вопросами создалось весьма неблагоприятное и неприятное положение, поэтому Ота пришел ко мне за советом, как выйти из этого положения.

Ота. Разрешите сказать откровенно. По моему мнению, фраза об агрессивном государстве не является необходимой и очень важной частью ноты. А у нас она создала очень неприятное впечатление. Я затрудняюсь сказать, зачем нужна была эта фраза об агрессивном государстве. Сейчас создалась очень неприятная атмосфера, которая затрудняет беседы по другим вопросам. Создавшаяся плохая атмосфера может мешать переговорам по другим вопросам.

Карахан. Какие вопросы г. посол имеет в виду?

Ота. Я не имею в виду никаких конкретных вопросов. В настоящее время открывается сессия японского парламента. Японское общественное мнение придает серьезное значение отношениям с СССР. Японское правительство не против заключения пакта, но считает этот вопрос несозревшим. Опубликование в такой момент вашей ноты с фразой об агрессивном государстве для японской стороны крайне неприятно.

Карахан. Значит, японское правительство было против опубликования из-за фразы об агрессивном государстве?

Ота. Не только поэтому. Эта фраза как раз не была опубликована, так что японские возражения заключаются не в этом. У нас внутри страны имеется целый ряд обстоятельств, при которых такое опубликование неприятно.

В ответ на это заявление Ота я сказал, что источником всех недоразумений и причиной той неблагоприятной атмосферы, о которой говорил посол, является то, что на наше открытое предложение о заключении пакта о ненападении *, японское правительство через год дало нам ответ, который решило рассматривать конфиденциальным и настаивать на том, чтобы мы скрыли этот ответ от общественного мнения нашей страны. Причем это решение о секретности своего ответа японское пра-

* См. т. XIV, док. № 401; т. XV, док. № 22.

вительство приняло односторонне, без нашего согласия и этим создало все те трудности и неприятности, которые заставили Ота прийти ко мне сегодня. Но дело не только в том, что наше открытое предложение японское правительство односторонним решением решило сделать секретным, но и в большом политическом значении самого вопроса. Вопрос о пакте имеет громадное значение для дела мира. Японский посол должен знать, что основная линия нашей политики — это мир. В этом вопросе имеется полное единодушие Советского правительства со всей страной. Поэтому, когда мы в обстановке дальневосточных событий сделали предложение о заключении пакта о ненападении между СССР и Японией, совершенно естественно, что миллионы глаз в нашей стране с чрезвычайным вниманием и напряжением следили и следят за тем, как этот вопрос будет развиваться. Через год вы дали нам ответ и просите этот ответ держать в секрете. Неужели японское правительство могло хоть на одну минуту серьезно подумать, что ответ на наше открытое предложение, которое мы сделали потому, что мы ведем мирную политику, и потому, что вся наша страна поддерживает правительство в этой мирной политике, мы согласимся скрыть от нашего народа?

Кроме того, я указал послу на совершенно своеобразное положение, которое создалось в связи с желанием японского правительства сохранить в секрете свою ноту. Японское правительство вручило нам ноту 13 декабря. Мы ответили на нее 4 января. Японское правительство просило нас держать в секрете и не опубликовывать своего и нашего ответа. Между тем вся японская пресса была полна сообщениями о японском ответе. Мало того, в японских газетах появились многочисленные статьи в связи с японским ответом. Таким образом, японское правительство просило нас не опубликовывать своего ответа, а в японской прессе содержание японского ответа и статьи по этому поводу совершенно свободно печатались. Сообщение об обмене нотами мы дали лишь 17 января *: через месяц после вручения нам японской ноты, через месяц, в течение которого вся японская пресса была полна сообщениями об этой ноте.

Я спросил японского посла, как японская сторона при таком положении вещей может обращаться к нам с какой-либо претензией по поводу того, что мы опубликовали в наших газетах то, о чем японская пресса в течение месяца уже писала. (Японский посол все время улыбался и довольно кивал головой, как будто то, что я говорил, доставляло ему удовольствие.)

Кроме того, я добавил японскому послу, что мы, конечно, могли бы поступить так же, как поступили в Японии,— дать в

---

* См. газ. «Известия», 17 января 1933 г.

прессу неофициальное сообщение о нотах и потом сослаться на то, что газеты сами что-то напечатали. Но мы не любим играть в прятки. Раз мы считаем, что вопрос пакта является важным и серьезным и мы не можем скрывать от нашего народа, как обстоит дело с этим вопросом, мы предпочитаем действовать прямо и дать в прессу официальное сообщение.

О т а. Совершенно естественно, что обмен мнениями по этому вопросу дает возможность каждой стороне приводить аргументы, и при этом у каждой стороны могут быть справедливые мнения со своей точки зрения. У вас есть свои аргументы, которые справедливы, а у нас есть наши аргументы, которые также справедливы.

Для Вашего сведения должен сказать, что наша японская пресса имеет совершенно иной характер, чем ваша — советская. Я не буду утруждать Вас, так как Вы сами знаете хорошо, что из себя представляет японская пресса. Наши газетчики выкапывают всякую информацию, которую правительство хочет держать в секрете, и печатают в японских газетах. Я очень прошу Вас не относиться одинаково к нашей и вашей прессе. Кроме того, в каждой стране имеются своеобразные политические условия, с которыми надо считаться. Мы просили вас держать в секрете ноты о пакте. Вы этого не сделали. Между тем в переговорах с другими государствами о пакте ненападения вы поступали иначе — не опубликовывали ответов других государств. В случае же с Японией вы этого не сделали. Таким образом, мы думаем, что ваше обращение с Японией было иное, чем с другими государствами.

К а р а х а н. Я знаю японскую прессу. Знаю, что она любит болтать лишнее. В частности, о Советском Союзе она пишет не только то, что есть, но и выдумывает всякие провокационные сообщения, и в этом смысле она не всегда добросовестна. Что же касается советской прессы, то, конечно, г. посол прав, когда говорит, что ее нельзя сравнивать с японской, ибо в наших газетах никогда не появляется выдуманных, провокационных сообщений, и что в этом смысле советские газеты более добросовестны. Но оттого, что наши газеты лучше, нас нельзя ставить в худшее положение. Японский посол думает, что если японские газеты напечатали сообщение о пакте, то это потому, что они плохие газеты, а так как наши газеты хорошие, то поэтому они ничего о пакте не должны печатать. В вопросе об опубликовании этих информаций неважно, почему информация появилась в прессе, а важен самый факт опубликования сведений о нотах, и, поскольку японская пресса это напечатала, японская сторона не имеет никакого основания быть на нас в претензии за опубликование и нашей прессой информации о нотах.

Наконец, дополнительные соображения. Уж ежели япон-

ская сторона считает возможным сослаться на то, что в Японии такая пресса, что от нее никаких секретов не может быть, то уже это одно должно было удержать японскую сторону от того, чтобы настаивать на секретности нот о пакте. Нельзя требовать от нас, чтобы мы держали в секрете то, о чем пишет не только вся японская пресса, но и вся мировая.

Что же касается того, что будто мы к Японии относимся иначе, чем к другим государствам, я должен это предположение японского посла решительно отвести. Если бы г. Ота ознакомился с нашей прессой за время ведения переговоров о пакте с нашими соседями и другими государствами, он убедился бы в том, что отношение к Японии в этом вопросе с нашей стороны значительно более дружественное, чем с некоторыми другими странами. Во время ведения переговоров с другими странами мы не только систематически давали в прессу сообщения о ходе переговоров, но помещали очень резкие интервью со стороны наших государственных деятелей, очень резкие официальные сообщения и очень резкие статьи в наших газетах. В случае с Японией этого не было, и г. посол не сможет мне указать никаких фактов.

О т а. Как известно из дипломатической практики, бывают случаи, когда одна сторона просит не опубликовывать чего-либо, а другая сторона все-таки это публикует. Это всегда создает нежелательное положение. Мы просили опубликовать по этому поводу коммюнике. Это не было сделано. Позвольте мне откровенно высказать свое мнение. Мне кажется, что вы придаете бо́льшее значение опубликованию этих нот, чем подписанию пакта о ненападении.

К а р а х а н. Ваше откровенное заявление по меньшей мере является странным. Мы вам предложили подписать пакт. Вы нам целый год не отвечали ничего, потом ответили, что не хотите подписать пакт в настоящее время. Вы сами первые дали в японскую прессу сообщение о вашем ответе, а теперь Вы приходите и говорите, что мы придаем значение опубликованию, после того как вы сами опубликовали все, и что мы придаем меньше значения подписанию, когда мы настаиваем на подписании, а вы отказываетесь.

О т а. Когда идут переговоры между обоими правительствами, пресса тут ни при чем. Что пишет пресса — это неважно. С Вашего разрешения, я позволю себе откровенно сказать, что создается такое впечатление, как будто имеется тактика через печать заставить японское правительство прийти к подписанию пакта. Но Вы хорошо знаете внутреннее положение Японии. Японское правительство принимает свои решения по своему усмотрению, а не под давлением прессы.

К а р а х а н. Мы никого не хотим заставить и не заставляем подписать пакт о ненападении. Мы предлагаем подписать пакт

о ненападении потому, что мы считаем важным подписание такого договора между нами и Японией. Величайшая ошибка, которая имеется среди некоторых японских кругов, заключается в том, что будто бы в пакте о ненападении заинтересована только советская сторона и что если японская сторона подпишет его, то этим самым она сделает какое-то одолжение Советскому Союзу. Это — вредное заблуждение. Мы считаем, что в пакте о ненападении одинаково заинтересованы как СССР, так и Япония. Подписание пакта нужно Советскому Союзу и Японии в одинаковой степени; поэтому мы делаем предложение, но не имеем никакого намерения и не предпринимаем никаких мер, чтобы заставить Японию подписать пакт. Мы оставляем этот вопрос на усмотрение японского правительства. Но нельзя, как говорит русская поговорка, валить с больной головы на здоровую. Если считать, что опубликование в прессе сообщения о нотах является тактическим маневром, чтобы заставить японское правительство подписать пакт, то японская сторона должна сторонников этой тактики искать в самой Японии, ибо японская пресса, а не советская, первая в течение целого месяца давала сообщения и статьи по поводу этих нот, получая информацию из японских же источников, в то время когда советская пресса по этому поводу молчала.

После этого Ота сказал в самой дружелюбной форме, что обмен мнениями между нами является интересным, но он отнимает очень много времени и что, конечно, у каждой стороны имеются свои аргументы. Его задача заключается в том, чтобы сообщить мне, что японскому правительству было нежелательно опубликование нот в то время, когда идут переговоры между обеими сторонами по этому вопросу. Министерство иностранных дел обратилось уже, как известно, к Трояновскому по этому вопросу *.

Я ответил ему, что согласен с тем, что эта дискуссия теперь, после того как 17 января дано сообщение о нотах в прессу, действительно является уже беспредметной. Однако я должен для ясности сделать два замечания: 1) что мы не опубликовали самих нот, а дали лишь их содержание и 2) что мы никогда не давали обещания японскому правительству, что нот опубликовывать не будем, а, наоборот, Трояновский не раз заявлял в министерстве иностранных дел о решении Советского правительства опубликовать эти ноты [3].

После этого Ота перешел к другому вопросу, связанному с пактом с нами.

Ота. Я сегодня получил пространную телеграмму, в которой японское правительство просит обратить внимание Советского правительства на ту фразу советской ноты, где гово-

* См. док. № 19.

рится об агрессивном государстве. Это выражение советской ноты японское правительство считает оскорбительным для себя и просит эту фразу как-нибудь исключить из ноты. Я вынужден был к Вам сегодня приехать, с тем чтобы путем обоюдного старания найти выход из положения. Я лично убежден, что цель вашей ноты была бы полностью достигнута и без этой фразы. Было бы крайне неприятно, и я этого очень боюсь, что в случае если эта фраза останется в советской ноте, то японское правительство должно будет отказаться принять ее и опубликовать в газетах сведения, оправдывающие этот шаг японского правительства.

Карахан. Прежде всего, было бы несколько необычно возвращение ноты спустя две недели после ее вручения. Что же касается существа, то я должен сказать — напрасно японское правительство принимает эту фразу на свой счет. Если рассматривать ее в общем контексте ноты, то она не связана с Японией и ничего оскорбительного для нее не заключает. Я боюсь, что такое впечатление у японского правительства могло получиться в результате плохого перевода нашей ноты.

Ота. Трояновский дал точно такие же объяснения в Токио, но мы думаем, что в этой фразе имеется намек на Японию.

Карахан. Если прочесть не только эту одну фразу, но и последующие, то, во-первых, совершенно ясно, что они не направлены специально против Японии, а что они скорее могут быть даже поняты как намек на Румынию, как страну, которая была агрессивна против нас и которая в результате своей агрессии захватила громадную советскую территорию — Бессарабию.

Ота. Мировая пресса пишет, что Япония является агрессивной страной. Вы говорите в вашей ноте об агрессивной стране. Читатель этой ноты невольно подумает о Японии. Это, в конце концов, вопрос впечатления. Если эта часть ноты не так важна, то вы могли бы ее вычеркнуть из ноты, чтобы устранить ту неприятную атмосферу, которая в результате может создаться. Я думаю, что эта часть не является самой существенной частью ноты, и даже вообще в ней никакой необходимости нет для изложения основной мысли вашей ноты. Поэтому я очень прошу Вас и надеюсь, что найдется какая-нибудь возможность пересмотреть этот вопрос и как-нибудь разрешить его. Наверное у советской стороны найдется какая-либо возможность в этом вопросе пойти навстречу Японии. Оставить ноту в таком виде, как она есть, очень нежелательно для будущих отношений между Японией и СССР.

Я ему ответил, что нота была принята от Советского правительства, которое не имело никаких намерений не только оскорбить, но и в малейшей степени обидеть Японию, что теперь, когда нота вручена и прошло уже две недели, невоз-

можно вносить в нее какие-либо изменения. Мы пошли японскому правительству навстречу в очень большой степени, не дав в прессу эту фразу об агрессии; мне кажется, что этим мы сделали максимум того, что от нас можно было требовать.

Так как было уже поздно, мы решили с Ота встретиться на другой день в 3 часа, чтобы продолжить обмен мнениями [18].

Л. Карахан

Печат. по арх.

22. Из доклада Председателя СНК СССР о народнохозяйственном плане 1933 г. на III сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР 6-го созыва [19]

23 января 1933 г.

III. Международное положение и наши задачи

В области международных отношений следует рассматривать позиции СССР в свете итогов первой пятилетки.

Не может быть никакого сомнения в том, что сочувствие к СССР в трудящихся массах всех стран за годы пятилетки значительно возросло. В этом нельзя не видеть серьезного укрепления международных позиций Советского Союза.

С другой стороны, факты из области наших взаимоотношений с правительствами иностранных держав также свидетельствуют об этом. Достаточно указать на заключение ряда пактов о ненападении в течение прошлого года *.

Наши отношения с другими государствами, как правило, развивались вполне нормально, несмотря на происходившие смены в правительствах отдельных стран. Поскольку наши отношения с иностранными державами определяются прежде всего нашим внутренним ростом, ростом сил Советской власти, эти отношения крепли в силу самой логики вещей.

Особое место в этих взаимоотношениях принадлежит Германии. Из всех стран, имеющих с нами дипломатические отношения, с Германией мы имели и имеем наиболее крепкие хозяйственные связи. И это не случайно. Это вытекает из интересов обеих стран.

Вы знаете также о том, что приезд в СССР председателя совета министров Турецкой республики Исмет-паши и его ближайшего сотрудника, министра иностранных дел Рюштюбея ** способствовал дальнейшему укреплению сотрудничества обеих стран. А это вытекает как из международной обстановки и интересов всеобщего мира, так и из необходимости дальнейшего расширения этого сотрудничества. Как известно,

* См. т. XV, док. № 32, 67, 201, 300, 456.
** См. т. XV, док. № 192, 205, 239.

присутствие руководителей политики Турецкой республики в Москве способствовало заключению ряда важных практических соглашений по линии материально-финансовой и культурной *.

За последний год следует отметить некоторые новые моменты в развитии внешних отношений СССР. Сюда относится восстановление дипломатических отношений между СССР и Китаем **. Как известно, в свое время инициатива разрыва этих отношений была со стороны нанкинского правительства. Мне остается отметить, что и инициатива восстановления этих отношений была также со стороны этого правительства, что в свою очередь встретило полную нашу поддержку. Мы думаем, что этим исправлена ошибка, которая была допущена в отношении к СССР, и не нам мешать ее исправлению.

Вопрос об установлении дипломатических отношений с СССР теперь, говорят, обсуждается и в некоторых других странах. До нас доходят такие сведения, что при этом находятся мудрецы, которые все еще считают необходимым какое-то особое «изучение» СССР. Вот, например, уже не первый год глубокомысленно «изучают» СССР некоторые министры Чехословакии. Пользы от этого, впрочем, никакой не видно. Да к тому же это просто старо — устарело по крайней мере на 10 лет, а то и больше. Советская власть существует вот уже 15 лет. И вот уже 10 лет исполнилось со времени образования СССР, и значение этого факта сегодня было достаточно подчеркнуто т. Калининым. И, несмотря на это, по стопам Чехословакии идут даже министры таких государств, как США. Между тем пора бы было понять, что представляет из себя СССР, особенно после выполнения первой пятилетки. И кажется, не трудно догадаться, насколько поднялась мощь Советского Союза, насколько велик его рост, насколько выросло международное значение СССР. К тому же на отсутствии дипломатических отношений теряли и теряют в первую очередь те, которые занимаются пустыми, никому не нужными разговорами об особом «изучении» СССР при отсутствии дипломатических отношений с Советским Союзом.

С другой стороны, нельзя не отметить факта денонсирования торгового договора, заключенного в 1930 г. между СССР и Англией ***. Денонсирование этого договора произошло по инициативе английского правительства. И нам еще не известна настоящая цель этого акта. Остается об этом догадываться. Если разрывом торгового соглашения кто-то хотел попугать Советский Союз, то это просто несерьезно. Мы не боялись и не боимся таких вещей. Если же этим разрывом хотели нанести

* См. т. XV, док. № 210.
** См. т. XV, док. № 480.
*** См. т. XV, стр. 674, а также док. № 474.

нашей стране какой-либо ущерб, то и это плохой расчет. Должно быть, в Англии это хорошо поймут те, кто теперь так нуждается в советских заказах. Мы же знаем твердо одно: страны, которые поддерживали нормальные дипломатические и торговые отношения с СССР, безусловно выигрывали по сравнению с другими государствами. Тем более, что Советский Союз в отличие от некоторых капиталистических государств всегда точно и своевременно выполнял все свои обязательства. И хотя это теперь становится в международных отношениях все более редким явлением, СССР и в этом отношении, как всегда, верен себе. Но мы, разумеется, принимаем к сведению заявление английского правительства о том, что оно остается заинтересованным в развитии торговли между обеими странами.

Все сказанное выше надо связать с основными вопросами международной политики и прежде всего с основной задачей внешней политики СССР — политики последовательной борьбы за всеобщий мир и за мирные отношения СССР с другими странами. Ко всем вопросам, которые имеют отношение к этому делу, к делу обеспечения всеобщего мира, и в частности мирных отношений Союза ССР с другими государствами, как и ко всем вопросам, имеющим отношение к опасности новых войн, мы относились и относимся с особым вниманием и с особой чуткостью. Из этого вытекает, между прочим, наша позиция в вопросе о разоружении.

На международной комиссии по разоружению т. Литвиновым была полностью развита точка зрения Советского правительства на дело всеобщего разоружения *. Сейчас нет необходимости вновь обосновывать нашу позицию в этом вопросе. Мне остается только напомнить о резолюции, внесенной советской делегацией в Генеральную комиссию по разоружению в феврале месяце прошлого года. Вот резолюция, которую советская делегация предложила принять комиссии по разоружению в Женеве. Она гласит:

«Воодушевленная твердым стремлением к действительному, прочно организованному миру;

руководимая желанием создать реальную безопасность для всех государств и народов путем предупреждения новых войн;

убежденная, что самое существование вооружений и их явно выраженное стремление к непрерывному росту неизбежно ведут к международным вооруженным конфликтам, которые отрывают трудящихся от их мирных занятий и порождают бесчисленные бедствия;

считая, что военные расходы, давящие невыносимой тяжестью на массы населения, еще больше усиливают теперешний экономический кризис со всеми его последствиями;

* См. т. XV, док. № 75, 90, 172.

констатируя, что государства, которые конференция представляет, отказались от войны, как средства национальной политики;

считая, что действительным единственным средством содействовать организации мира и установлению безопасности против войны является всеобщее полное уничтожение в короткий срок всех вооружений на основах равенства для всех;

убежденная, что идея всеобщего и полного разоружения отвечает искренним стремлениям к миру народных масс,—

конференция решает взять за основу своих работ принцип всеобщего полного разоружения» *.

Известно, что это предложение советской делегации большинством комиссии не было принято. Но зато при обсуждении этой резолюции делегации ряда стран должны были проделывать всякие «хитрые» маневры и отчасти прямо недостойные манипуляции для того, чтобы как-нибудь замять или по крайней мере обойти предложение советской делегации о действительном всеобщем разоружении. Во всяком случае, обсуждение этой советской резолюции в Генеральной комиссии немало способствовало разоблачению действительной позиции представителей ряда государств, которые не хотят и, видимо, не способны ни на какие действительные меры в отношении действительного разоружения. Мы же остаемся на том, что в этом предложении советской делегации находит свое выражение стремление к всеобщему миру не только народов СССР, но и народов других стран. Таким образом, в предложениях Советского правительства на Женевской комиссии по разоружению мы имеем выражение подлинных интересов всеобщего мира и выражение интересов народных масс всех стран.

Политика борьбы за мир, неуклонно проводимая Советским правительством, находит свое выражение и в тех предложениях о пактах о ненападении, которые оно сделало ряду государств. Только в прошлом году мы наконец добились в вопросе о пактах о ненападении действительного сдвига, хотя соответствующие предложения нами были сделаны еще несколько лет тому назад. Мы считаем, что с точки зрения интересов всеобщего мира надо занести в актив Советской власти такие факты, как подписание и ратификация пактов о ненападении со стороны Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии **. Мы считаем, что эти пакты имеют свое значение для дела укрепления мира. Пакт о ненападении подписан СССР также с Францией. Дело, однако, остается незавершенным, поскольку этот пакт Францией еще не ратифицирован ***.

---

* См. т. XV, док. № 82; некоторое разночтение формулировок резолюции связано с различием переводов с французского на русский.

** См. соответственно т. XV, док. № 300, 32, 67, 201.

*** См. т. XV, док. № 456.

Нельзя не отметить, однако, что в отношении Румынии положение сложилось по-иному. Ввиду отказа от подписания соответствующего пакта со стороны Румынии *, остается на Западе только одно государство, граничащее с СССР, отказывающееся от пакта о ненападении. Не входя в подробное обсуждение этого вопроса, считаю нужным отметить только одно обстоятельство. Возможно, что отказ румынского правительства подписать с СССР пакт о ненападении объясняется не тем или иным мнением на этот счет самого румынского правительства, а некоторыми, так сказать, внешними причинами. В политической энциклопедии к списку так называемых «независимых» государств ошибочно относят нередко и такие государства, которые на деле не являются независимыми, скажем, в своей внешней политике, а подчинены в действительности внешней политике других государств, более сильных и потому диктующих свою волю некоторым «независимым» правительствам. Во всяком случае, от этого проиграет только Румыния и ее правительство.

Наконец, относительно вопросов, связанных с Дальним Востоком.

Вы знаете, какая возня идет вокруг дальневосточных дел в Лиге наций. Вот уже больше года, как Лига наций собирается принять какое-нибудь решение о событиях в Маньчжурии, о событиях на Дальнем Востоке. Вот уже много раз Лига наций назначала сроки для вынесения своих решений по этим вопросам. Лига наций обсуждала положение в Китае и Маньчжурии много раз и посылала для изучения дел на месте специальную комиссию. Прошло уже порядочно времени, как вернулась эта комиссия и как опубликован ее доклад **. Лига наций создает комиссию за комиссией по этим делам и все же никаких решений принять так и не может. Дело не двигается с мертвой точки. Только одно дело продвинулось вперед — это дело дальнейшей дискредитации Лиги наций в глазах всего мира.

Но вы хорошо знаете, что мы никогда не связывали своих надежд с Лигой наций и с ее комиссиями. Между тем вопросы международных отношений на Дальнем Востоке касаются нас очень близко. Мы должны в связи с этим предпринимать ряд мер.

Учитывая сложившуюся на Дальнем Востоке обстановку, Советское правительство больше года тому назад сделало Японии предложение о заключении пакта о ненападении ***.

---

* См. т. XV, док. № 406.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI. М., 1934, стр. 189—212.

*** См. т. XIV, док. № 401.

Нельзя не видеть всего политического значения этого предложения в данной международной обстановке. Однако недавно японское правительство уведомило нас о своем отказе заключить пакт о ненападении в данный момент*. Я не буду входить в оценку мотивов отклонения японским правительством нашего предложения о пакте о ненападении. Мы рассчитываем, однако, на то, что этот отказ временный, но не считаться с фактом мы, разумеется, не можем.

Советское правительство последовательно проводит и на Дальнем Востоке политику невмешательства и строгого нейтралитета в отношении других стран. Мы продолжаем и теперь твердо стоять на этой позиции и будем так же последовательно проводить ее впредь, как и раньше, в интересах мира. Однако отдельные факты из области отношения некоторых японских кругов к СССР обращают на себя за последнее время особое внимание. Дело дошло до недавнего опубликования японским военным министерством провокационного сообщения о Советском правительстве и будущем полпредстве СССР в Китае. И, несмотря на категорические опровержения с нашей стороны этих антисоветских вымыслов**, министр иностранных дел Японии г. Утида повторил их в японском парламенте 21 января. Заниматься опровержением этих антисоветских вымыслов я не считаю нужным — они и без того сами себя побивают. Что же касается восстановления дипломатических отношений СССР с Китаем, то Советский Союз решает такие вопросы независимо от того, приятно это кому-либо или, наоборот, неприятно. СССР исходит в таких случаях из интересов всеобщего мира, из основ своей мирной политики.

Г-н Утида заявил в парламенте о том, что с самого начала возникновения маньчжурского инцидента не произошло ничего неприятного во взаимоотношениях Советского Союза с Японией, так как Советское правительство занимало «осторожную позицию». Считаю необходимым заметить, что дело не только в том, что политика Советского Союза осторожная. Эта политика не только осторожная, но и продуманная, причем Советское правительство исходит и здесь прежде всего из интересов дела всеобщего мира и из интересов укрепления мирных отношений с другими странами. Эту политику, политику мира, и впредь правительство СССР будет последовательно и неуклонно проводить в своих взаимоотношениях с другими государствами, как бы ее ни расценивали те или иные правительства.

Международная обстановка вновь нам напоминает о необходимости усиленной бдительности и, в частности, особенного

---

* См. док. № 2 и стр. 18.
** См. док. № 13, 19.

внимания к положению на Дальнем Востоке. Это должно найти свое отражение во всей нашей работе и во всем нашем строительстве, являющемся основой роста нашей экономической и политической мощи.

В 1933 г. мы должны сделать новый гигантский шаг в деле построения социализма в нашей стране. Прежде всего от успехов нашей хозяйственной работы будет зависеть укрепление наших внутренних и международных позиций. Борьба за полное выполнение плана текущего года должна стоять в центре внимания партии, рабочего класса и трудящихся масс деревни. Мы должны сплотить вокруг партии, советов и профсоюзов широчайшие массы трудящихся для выполнения поставленных планом задач. Силы наши крепнут с каждым днем. Дело рабочего класса СССР находится в верных руках, и потому оно победит.

Печат. по кн.: XIII сессия ЦИК Союза ССР б-го созыва. Стенографический отчет. 25—30 января 1933 г.», бюллетень № 1. М., 1933, стр. 37—43.

23. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании М. В. Кобецкому

25 января 1933 г.

Уважаемый товарищ,

1. Вы поступили вполне правильно, предприняв демарш перед Мунком по поводу неофициального патронажа датского министерства над «обществом кредиторов России» *. Не ограничиваясь достигнутым результатом, было бы полезно при случае сказать Мунку еще дополнительно от себя лично, что покровительство этому обществу со стороны других официальных датских органов могло бы нанести серьезный ущерб отношениям между нашими странами, в частности, повредить ведущимся в настоящее время переговорам по некоторым хозяйственным вопросам **.

2. В связи с подготовляющимся общим локаутом в Дании интересно было бы получить от Вас справку, как это может отразиться на наших хозяйственных интересах [20].

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по док.

---

* См. док. № 3.
** См. док. № 29.

24. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому

Вне очереди
25 января 1933 г.

Посылаю сообщение о переходе японцами нашей границы и обстреле нашей территории. Сделайте немедленно представление японскому правительству и требуйте объяснений и принятия мер к предотвращению подобных недопустимых фактов [21].

Л. Карахан

Печат. по арх.

25. Письмо неофициального Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову *

28 января 1933 г.

Уважаемый товарищ,

1. Необходимость продолжения политики давления на Лигу наций в процессе обсуждения ею дальневосточного положения, чтобы добиться поддержки позиции Соединенных Штатов, обнажила снова неловкость и трудность положения правительства этой крупнейшей страны, когда обстоятельства требуют от него ответственных действий в период «междуцарствия» в тех случаях, когда на смену идет администрация другой политической партии. Рузвельт всячески уклонялся от активного выступления до 4 марта **. Гузер ***, однако, вынужден был через Стимсона ****, чувствующего на себе давление момента, искать активного сотрудничества нового президента, чтобы подкрепить свой политический авторитет, неизбежно пострадавший в результате выборов. Помимо общих соображений у Стимсона, однако, была и другая, специальная, причина, чтобы добиться хотя бы видимости (если не по существу) поддержки Рузвельтом дальневосточной политики Соединенных Штатов, поскольку она выражалась в так называемой «доктрине Гувера» [22], называемой также здесь и «доктриной Стимсона». Этой специальной причиной послужили слухи в Женеве о том, что новая администрация не считает разумным дальнейшее выпячивание доктрины и не окажет ей поэтому той поддержки, которую она получала от правительства Соединенных Штатов раньше. Подобные слухи, конечно, не

---

* Печатается с сокращением.
** Дата вступления Рузвельта в должность президента США.
*** Президент США в 1928—1932 гг.
**** Государственный секретарь США в 1928—1932 гг.

могли не ослабить позиции Соединенных Штатов в Женеве. Слухи эти исходили не из безответственных кругов, но, наоборот, из весьма ответственных демократических кругов, что и объясняет нервное состояние госдепартамента. Целый ряд близких советников Рузвельта по вопросам внешней политики, за исключением Нормана Дэвиса, стоящего близко к обеим администрациям, считает «доктрину Гувера» не только слишком общей, академической и непрактичной, но и опасной, если ее серьезно и упорно отстаивать до конца. Единственно, чего, по их мнению, Америка добилась своей политикой при Гувере, это сконцентрирования ненависти японцев против себя и усиления опасности вооруженного конфликта, которого здесь все хотят избежать, особенно же при недостаточности американского флота. Защищать «американские интересы» — это одно дело, читать лекции Японии и собирать мировое общественное мнение против нее — другое дело. В первом случае легче договориться, во втором — труднее. К тому же всеобъемлющая доктрина может быть повернута в будущем и против Соединенных Штатов. Интересы Америки на Дальнем Востоке не особенно велики сейчас; они больше в будущем, чем в настоящем. К тому же в настоящем имеется целый ряд сдерживающих обстоятельств, [таких], как сравнительно крупная американо-японская торговля и опасность «советизации» Китая*. При обещании большой экономии в расходах Рузвельту трудно будет развернуть сразу большую морскую программу, если бы он этого даже и хотел. Между тем, по мере того как японцам становится все труднее маневрировать в Женеве, японо-американские отношения обостряются сильнее. При всех этих обстоятельствах у демократов естественно должно появиться намерение ослабить, если обстоятельства это сделают возможным, напряженность отношений между обеими странами. Отсюда и намерение читать в будущем поменьше лекций на основе «доктрины Гувера», доктрины, носящей к тому же имя республиканца. Необходимо отметить, что хотя пресса в значительной своей части (исключая прессу Херста) поддерживала доктрину, «энтузиазм», как выражаются американцы, проявила в отношении нее больше либеральная пресса. Пресса эта, однако, требовала одно время и отзыва американского посла из Японии, но отступила от этой позиции, как только ей было указано, что подобные меры могут лишь привести к войне, против которой она будет первая возражать. Важный республиканский орган «Нью-Йорк ивнинг пост» давно уже выступил против доктрины, указывая, что настойчивое проведение ее может привести лишь к войне. Как Вам уже известно

---

* Имеются в виду успехи национально-освободительного движения в Китае (см. также т. XV, прим. 228).

из телеграмм ТАСС*, к этой позиции присоединился недавно и главный республиканский орган «Нью-Йорк геральд трибюн». Последний указал, что доктрина была бы хороша, если бы ее поддерживали и другие, особенно Англия и Франция. Поскольку же этого фактически нет, то упорство в ней может лишь означать американо-японскую войну. Выступление последней газеты было вызвано недавно так называемой «реаффирмацией** доктрины» Стимсоном, к которой он прибег для подкрепления позиции Соединенных Штатов в Женеве. Хотя эта «реаффирмация» для внешнего мира имела место после свидания Стимсона с Рузвельтом и как будто в результате этого свидания, в Вашингтоне носятся слухи, что Стимсон инструктировал американских послов о подтверждении неизменности позиции Соединенных Штатов в дальневосточном вопросе в случаях запросов их со стороны правительств стран, где они находятся, еще до его встречи с Рузвельтом. Я лично слышал, что это было якобы сделано утром в день свидания. «Нью-Йорк таймс» в корреспонденции из Вашингтона также указала на то, что это было сделано до встречи; между тем та же газета, как и прочая пресса, огромными буквами афишировала «реаффирмацию доктрины», связав этот акт со свиданием Стимсона с Рузвельтом. Как известно, эта так называемая «реаффирмация» заключалась лишь в опубликовании факта инструктирования Стимсоном американских послов. Сам Стимсон никакого нового или дополнительного заявления не сделал. Этого администрация избегает. Важно отметить, что сам Рузвельт отделался лишь общей фразой о «святости договоров», ничего не упомянув о самой доктрине, о которой шла речь. Его заявление, однако, косвенно поддержало Стимсона указанием на то, что за вопросами в области внешней политики нужно обращаться в госдепартамент. Рузвельт, однако, ничего другого и сказать не мог. Можно менять политику или умерять ее, но кричать об этом заранее — значит лишь ослаблять свою собственную позицию, настоящую и будущую. Шаг Стимсона, однако, был рассчитан на укрепление позиции госдепартамента и прекращение разговоров о предстоящей перемене политики Рузвельтом.

«Реаффирмация» вызвала, как я уже указал, резкую критику со стороны важнейших республиканских органов «Нью-Йорк ивнинг пост» и «Нью-Йорк геральд трибюн». Демократическая пресса ведет себя пока весьма сдержанно. Либеральная пресса, особенно пресса Скриппса — Говарда, поддержала Стимсона.

В чем, собственно, может конкретно выразиться перемена позиции будущего демократического госдепартамента в отно-

* См. газ. «Известия», 27 января 1933 г.

** — подтверждением.

шении «доктрины Гувера», если допустить, что такая перемена будет иметь место на деле, и в чем может сказаться эта перемена в американо-японских отношениях? Афиширования перемены, конечно, ожидать нельзя, но более редкого упоминания доктрины ожидать можно. Рузвельт будет больше говорить (если это потребуется обстоятельствами) об американских интересах, «открытых дверях», договоре девяти держав * и будет добиваться единого фронта против Японии не на основе академической доктрины, которая англичанам, французам и итальянцам нравится не больше, чем японцам, а на основе договора девяти держав и всех прочих договоров Вашингтонской конференции. Хотя республиканская администрация, несмотря на свою доктрину, была готова к компромиссам с Японией, если бы последняя не была столь непримирима, демократическая администрация, можно ожидать, склонна будет к соглашению еще в большей мере. Рузвельт, однако, будет практичнее, как говорят его сторонники, и в его руках будет больше возможностей. Что мог обещать Гувер Англии и Франции в обмен на поддержку? Фактически ничего, учитывая его позицию в отношении таможенных тарифов и связанность по рукам и ногам в вопросе о долгах. Если бы позиция Гувера могла быть поддержана осуществлением угрозы, сделанной в письме Стимсона на имя Бора **, т. е. серьезным укреплением флота, то возможно, что Америке можно было бы добиться приемлемого компромисса. Англия и Франция, однако, знают экономическое и финансовое положение Соединенных Штатов не меньше американцев, хотя с точки зрения резервов Америка, конечно, имеет больше возможностей, чем они. На признание СССР Гувер также не мог решиться. Рузвельт, с другой стороны, имеет возможность предложить некоторые перемены в таможенной политике (насколько серьезную перемену на деле допустят промышленники, это покажет будущее; оппозиция с их стороны будет большая) и обменять значительное сокращение долгов на уступки в области экономики и финансовой политики. В этих условиях Англия и Франция могут пойти на некоторое соглашение и оказать давление на Японию, чтобы сделать ее более склонной к компромиссному выходу. Признание СССР еще больше укрепило бы позицию Соединенных Штатов как в отношении Японии, так и [в отношении] Англии и Франции. Так, по крайней мере, мыслят некоторые влиятельные демократы. Если эта политика даст результаты, то новая тихоокеанская конференция найдет соответствующие формулировки для примирения договора девяти держав с японской Маньчжурией. Весь вопрос будет лишь в

* См. т. IV, прим. 38.

** См. «Сборники документов по международной политике...», вып. III, М., 1932, стр. 67—70.

том, чтобы с согласия Японии тень Китая была как-нибудь пристегнута к Маньчжоу-Го. Если новая, более практичная, политика Рузвельта не будет в состоянии временно примирить противоречия Англии, Франции, Японии и Соединенных Штатов в интересах компромисса на Дальнем Востоке, то осуществление духа письма Стимсона на имя Бора может неизбежно оказаться в порядке дня; особенно если Америка пойдет по пути неприкрытой инфляции. Короче говоря, указывается, что Рузвельт, не раздражая дальше Японии (и Англии и Франции) прокламированием «доктрины Гувера», будет пытаться и фактически уже будто пытается, нащупывая почву в Европе, подойти к вопросу более практическим путем.

Японцы стали усиленнее рекламировать рынок Маньчжоу-Го для американцев. Их генеральный консул в Нью-Йорке выпустил на днях специальный обзор торговли за 8 месяцев 1932 г., после марта. Он указывает, что экспорт Маньчжоу-Го за это время вырос на 46%, а импорт на 109%. Причиной этого прогресса является рост покупательной способности населения, что могло иметь место лишь благодаря постепенному успокоению края и улучшению транспорта. Несмотря на бойкотистское движение в Китае, китайские деловые круги больше всех выигрывают от создавшегося положения. Хотя весь экспорт Соединенных Штатов в Маньчжоу-Го (через Дайрен) сократился на 22%, данные обнаруживают «замечательный», как выражается обзор, рост ввоза из Америки железа, стали, бумаги и нефтяных продуктов. Увеличивается также и ввоз американских машин. Консул добавил, что падение экспорта Соединенных Штатов вообще больше, чем падение их экспорта в Маньчжоу-Го. «Тот факт, что импорт американских продуктов широкого потребления увеличился, несмотря на депрессию и другие неблагоприятные условия, может служить признаком обещающего будущего для американского бизнесмена, заинтересованного в Маньчжоу-Го. Нужно подчеркнуть, что при новом правительстве принципы открытых дверей и равных возможностей поддерживаются в полной мере».

В связи с обсуждением вопроса о «доктрине Гувера» и вообще опасности американо-японских отношений интересно отметить статью в февральском номере «Харперс мэгэзин» под заглавием «Маньчжурия: Предупреждение по адресу Америки» Натана Пеффера, одного из американских специалистов по Дальнему Востоку. Автор указывает, что подходить с резкой критикой к действиям японцев неразумно, ибо японцы делают лишь то, что делали в Китае все западные страны. Для японцев вопрос вовсе не стоит в том, держать ли Маньчжурию или вернуть ее Китаю. Это было бы проще. Вопрос для них стоит иначе: они думают не о Маньчжурии и Китае только, а об Англии, Франции, России и Соединенных Штатах,

главным же образом о САСШ. У Японии нет гарантии, что западные страны в поисках рынков не возобновят захватов в Китае по старому образцу. Если имеется такая опасность, то было бы фатально для Японии не воспользоваться теперешним неблагоприятным для Запада положением для укрепления ее господства. Опасность войны на Дальнем Востоке, таким образом, создается не одной Японией, а захватной политикой всех [западных] стран в Китае. Убрать причины будущих вооруженных конфликтов на Дальнем Востоке можно лишь прекращением политики захватов всеми странами в Китае, а не одной только Японией. Лига наций уклонилась от этой единственной реальной постановки вопроса, чтобы не ставить в неудобное положение всех прочих, кроме Японии, захватчиков. Поэтому говорить о неудаче Лиги наций не приходится. Лига и не пыталась ставить вопрос фундаментально. «Япония действовала по разработанному плану, поглотила Маньчжурию и создала фиктивное государство под именем Маньчжоу-Го как переход к будущей аннексии. Инцидент мог бы считаться исчерпанным, если бы не появился один фактор — американское правительство. Соединенные Штаты вмешались». Америка, по мнению автора, не только вмешалась, но взяла на себя недвусмысленные обязательства и, желая того или нет, заняла новое положение в международных делах. «Заявления американского правительства в отношении Маньчжурии, столь бойко приветствуемые либералами, послужат, если они только не будут взяты обратно, обязательством и политикой не менее обязывающей, чем «доктрина Монро», но бесконечно труднее осуществимой. Они запутают нас на наиболее воспламенимом участке мира; они сделают из нас защитников статус-кво в районе, где статус-кво неизбежно неустойчив; втянут нас в качестве участников в уйму застарелых международных конфликтов и, если от них не отказаться, будут иметь более позитивное влияние на будущее нашей истории, чем «доктрина Монро», раз они касаются части света более оспариваемой, чем Южная Америка, и констатируют положение, которое более трудно защитить. А об этом факте американский народ остается исключительно неосведомленным и совершенно некритическим. Мистер Стимсон в качестве государственного секретаря объявил формально, не раз, а два раза, что американское правительство не признает того, что имело место в Маньчжурии. Он заявил, что американское правительство не признает политических перемен, являющихся результатом применения силы в нарушение пакта Келлога *, и, более чем намеком, так именно классифицировал перемены в Маньчжурии. В обдуманных словах, произнесенных перед Советом меж-

* См. т. XI, док. № 298.

дународных отношений в Нью-Порке, он ясно характеризовал образование нового государства Маньчжоу-Го под эгидой Японии как «плоды агрессии». Мистер Стимсон, однако, не сказал как американское правительство поддержит свои декларации». Пеффер считает, что возможность компромисса исключается: «Американское правительство говорит, что Маньчжурия — все еще часть Китая; Япония говорит, что Маньчжоу-Го — независимое государство с японскими советниками. Нет никакой возможности для увертки или компромисса. Маньчжурия должна быть одним или другим, и момент конкретного испытания наступит». Пеффер предупреждает против иллюзий в одном отношении: «Если в будущем будут «открытые двери» в Маньчжурии, они будут открыты только для Японии». По мнению Пеффера, Япония будет упорно держаться своей позиции, и лишь экономическая катастрофа может вынудить ее на сдачу. Япония едина в вопросе о Маньчжурии и готова будет воевать. Против Соединенных Штатов японское правительство получит особенно единодушную поддержку населения. Соединенным Штатам будет неудобно уступить. В первую очередь престиж Соединенных Штатов уже втянут. Что еще более важно, правительство Соединенных Штатов действовало не из каприза или импульса. Оно выявило наружу тенденцию, находившуюся в скрытом состоянии целое поколение, неясно ощущавшуюся и неизвестную американскому народу. Пеффер иронизирует над тем, что Соединенные Штаты избегают «втягиваться» в дела Европы, с которой у них имеются серьезнейшие связи. «Между тем мы неизбежно бросаем вызов из-за маньчжурских равнин Азии, запутываемся в территории, где имело место больше войн в последнем столетии, чем в Европе. Наша торговля там незначительная, наши вложения небольшие, все наши тамошние резиденты могли бы поместиться в одной скромной гостинице». «В чем же дело? Нас тянут туда не теперешние материальные интересы. Целое поколение мы двигались в том же направлении. В течение 20 лет мы стояли на пути Японии к ее расширению. Где Японии мешали, как это было в Китае, Маньчжурии, Сибири, препятствия были созданы американцами*. Являются ли японские грандиозные мечты угрозой миру или нет — дело другое. Они, конечно, являются, но дело не в этом. Дело заключается в том, что Америка, находящаяся на расстоянии 4000 миль и не имеющая крупных осязаемых интересов, берет на себя бремя защиты статус-кво, сознательно бросая вызов воинственной решительной стране». «Почему?» — дальше спрашивает автор.— «Чувствует ли Америка, что у нее имеется мис-

* Это утверждение не соответствует действительности; см. также т. XV, прим. 37.

сия?» «Или американский беспокойный дух является результатом внутреннего убеждения, что Азия является для Соединенных Штатов устрицей, которой суждено быть открытой ими и передать в их владение хранящийся в ней перл». Сам автор на этот вопрос не отвечает, но говорит, что тот же вопрос ставится все время на Дальнем Востоке. Японцы видят в Америке своего врага. «Японское негодование вызвано не попытками Лиги наций сдерживать их, а беспрерывными декларациями американского правительства». Действия Лиги объясняются давлением Америки: «А в этом есть достаточное основание, ибо Англия и Франция явно фигурируют в качестве судей против собственного желания и еще больше в качестве прокуроров». Америка и Япония сейчас находятся в таком же положении, в каком Англия и Германия находились в 1907 г. Если ничего не будет предпринято, дело неизбежно кончится войной. «Если мы действительно озабочены сохранением международного мира, то мы не должны беспокоиться относительно «аппарата мира» (имеется в виду «пис машинери») — договоров, конференций и комиссий. Мы должны заняться этим вопросом вплотную и соответствующим образом действовать, когда придет время». Пеффер видит один выход в войне, но не одной, а в серии войн, ибо он считает, что Америка, освободив Маньчжурию (он верит в победу Соединенных Штатов после долгой войны благодаря превосходству в экономических ресурсах), вынуждена будет держать ее для себя и оказаться в положении Японии. «Если американский народ верит, что Маньчжурия для него достаточно важна, чтобы идти на такое будущее (т. е. серию войн), он должен дать возможность своему правительству продолжать его политику и поддерживать его, как японцы поддерживают свое правительство. Если же американский народ не верит в такую важность для него Маньчжурии, он должен мобилизовать общественное мнение и оказать давление на правительство, чтобы оно покинуло те позиции, которые подвергают его опасностям, на которые он не желает идти». Второй выход — это сделать то, чего Лига не делает: поставить в полном объеме вопрос о причинах опасного положения на Дальнем Востоке, т. е. вопрос не только о японцах, но и обо всех. Полное избавление Китая от наложенных на него пут лишь поможет делу. Японцы, вероятно, долго не пойдут на это, но, убедившись в честности намерений и действий западных стран, вынуждены будут последовать за ними.

Пеффер предупреждает, что опасность войны уже сейчас большая. «Если мир все же будет сохранен, это будет возможно только в результате платежа за него». Другими словами, он предлагает Соединенным Штатам переменить свои позиции и отказаться от взятой на себя опасной роли защитника «доктрины Гувера».

Такого рода мнения и предупреждения можно слышать все чаще и чаще [...]

С товарищеским приветом

Б. Е. Скворский

Печат. по арх.

26. Нота Полномочного Представителя СССР в Италии Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел Италии Муссолини

28 января 1933 г.

Господин Министр,

Подтверждая получение Вашей ноты от 16 января за № 201667/1, имею честь уведомить в. пр-во, что содержание ее было сообщено моему Правительству, которое поручило мне передать Вам следующий ответ.

Принимая к сведению сообщение в. пр-ва о решении Королевского Правительства Италии денонсировать таможенную конвенцию, заключенную между СССР и Италией 7 февраля 1924 г.*, Советское Правительство не может не выразить своего сожаления о том, что вышеозначенное решение последовало до окончания экономических переговоров, происходивших между Торговым Представителем СССР в Италии г. Левенсоном, снабженным на сей предмет надлежащими полномочиями со стороны своего Правительства, и представителями заинтересованных министерств Королевского Правительства гг. Анцилотти и Синигалья. Компетентные центральные учреждения СССР заняты были серьезным и благожелательным изучением вопросов, поставленных итальянской стороной и доложенных им г. Левенсоном, выехавшим специально для этой цели в Москву, и мое Правительство имело все основания ожидать, что в полном соответствии с благоприятным развитием за последние годы торговых отношений СССР с Италией обе стороны без труда и замедления придут к разрешению поставленных переговорами проблем в духе дальнейшего дружественного и плодотворного сотрудничества.

Поскольку Королевское Правительство Италии все же сочло нужным денонсировать таможенную конвенцию 1924 г., Правительство СССР, понимая сообщение ноты от 16 января как предложение взамен денонсируемой таможенной конвенции 1924 г. заключить новое соглашение, уполномочило меня довести до сведения в. пр-ва, что при таких условиях оно со своей стороны не имеет возражений против аннулирования секретного приложения к Торговому договору 1924 г., устанавливающего органическую связь таможенной конвенции с этим

---

* См. «Сборник действующих договоров...», вып. II. М., 1925, стр. 49—52.

договором *. Само собой разумеется, что после такого аннулирования упомянутая таможенная конвенция должна утратить свою силу спустя год, то есть 16 января 1934 г.

Взамен теряющей силу таможенной конвенции 1924 г. и дополнительно к действующему торговому договору между СССР и Италией мое Правительство предлагает Королевскому Правительству заключить соглашение о генеральном наибольшем благоприятствовании на основе взаимности. Переговоры об этом, равно как и по другим вопросам, относящимся к дальнейшим торговым отношениям СССР с Италией, долженствующим развиваться в духе дружественного и тесного сотрудничества, мое Правительство имеет в виду возобновить немедленно по возвращении г. Левенсона из Москвы с надлежащими инструкциями.

Доводя все изложенное до сведения в. пр-ва, пользуюсь случаем вновь заверить Вас, господин Министр, в чувстве моего глубокого уважения.

[*Потемкин*]

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте председателя совета министров и министра иностранных дел Италии Муссолини от 16 января 1933 г., адресованной В. П. Потемкину, говорилось:

«Переговоры, недавно имевшие место в Риме между техническими специалистами наших обеих стран для достижения соглашения относительно торгового оборота между СССР и Италией, не смогли, как Вашему Превосходительству известно, достигнуть цели.

Эти переговоры следовали за переговорами, которые с той же целью происходили в марте — апреле 1932 г., без того, однако, чтобы и тогда выявилась возможность достигнуть соглашения или хотя бы найти какую-либо базу для последующих полезных переговоров.

Таким образом подтвердилось существование трудного и невыгодного для итальянских экономических интересов в отношении СССР положения, поскольку эти интересы не смогли достигнуть того минимума обеспечения и защиты, которые им необходимы, в особенности в нынешних трудных условиях.

Эти условия в значительной части являются следствием того тяжелого недомогания, которое расстраивает экономику всех стран и которое создает, во взаимных отношениях различных рынков, необходимость новых установок, среди которых поиски разумного равновесия между пассивом и активом торгового баланса входят в число наиболее очевидных забот момента в каждом государстве. Для Италии невозможно отвлечься от этой общей тенденции.

Королевское Правительство поэтому пришло к убеждению, что для того, чтобы дать итало-советским торговым отношениям выражение, соответствующее нынешним возможностям и способное дать уверенность в продолжительности, целесообразно приступить к новому урегулированию этих отношений, которое учло бы требования итальянского торгового баланса и необходимость лучшей защиты внутреннего рынка.

Эти отношения регулируются помимо договора о торговле и мореплавании, заключенного в Риме 7 февраля 1924 г., также таможенной конвен-

---

* См. т. VII, док. № 39.

шей от того же числа, которая в действительности кажется решительно превзойденной нынешними требованиями итальянской экономики.

Поэтому имею честь нотифицировать Вашему Превосходительству, что Королевское Правительство денонсирует названную таможенную конвенцию, имея в виду, что это денонсирование должно произвести свое действие по истечении года, начиная с сегодняшнего дня.

Принимая это решение, Королевское Правительство не преминуло учесть связь, существующую между торговым договором и таможенной конвенцией, но ввиду того, что в торговом договоре содержатся также клаузулы, которые выходят за пределы постановлений, обычно включаемых в акты подобного характера, оно предпочло не распространять на него денонсирования и уверено в том, что в нынешних условиях такое решение и Правительству СССР покажется предпочтительным, также и потому, что оно позволяет сохранить первоначальную базу для итало-советских торговых отношений.

В связи с этим выражаю надежду на то, что переговоры для заключения нового регламента торговых отношений смогут быть начаты в самом ближайшем времени, с тем чтобы дать торговым отношениям обеих наших стран плодотворное развитие.

Прошу Ваше Превосходительство соблаговолить довести о вышеизложенном до сведения вашего Правительства и сообщить мне затем его ответ и имею честь, господин Посол, вновь засвидетельствовать Вам чувства моего высокого уважения».

27. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем

29 января 1933 г.

Лукасевич вспоминал о наших встречах с ним, а затем разговор перешел на тему об Австрии и ее внутреннем и внешнем положении.

Лукасевич вручил мне текст своей речи и копию верительных грамот и просил меня обратить внимание на содержание речи, которая, при всей своей скромности, выражает действительные его намерения. Я ответил, что, хотя Лукасевич приехал в благоприятный момент, после введения в силу пакта о ненападении *, он, я надеюсь, не почивает на лаврах и будет дальше двигать дело сближения. Что касается нас, сказал я, то мы взяли твердую линию на дальнейшее укрепление отношений с Польшей, и я надеюсь, что к этому будет толкать как СССР, так и Польшу общее международное развитие, в особенности если по тому же пути пойдут наши отношения с Францией. Я добавил, что, хотя при первых визитах не принято касаться серьезных деловых тем, я ввиду своего отъезда хочу высказать некоторые свои соображения. Нашим отношениям в значительной мере до сих пор мешала пресса. Мы со своей стороны оказываем умеряющее влияние на нашу прессу, но необходимо, чтобы то же делалось и с польской стороны. Наше общественное мнение и в особенности пресса часто реагируют

* См. т. XV, док. № 300.

на сообщения об отношениях польских кругов с враждебными нам силами, в частности с эмиграцией, в особенности с украинской. Большую отрицательную роль в развитии международных отношений играет часто отсутствие единства политики отдельных правительств. Часто бывает, что иностранное ведомство ведет одну политику, а другие ведомства, как адмиралтейство и военное ведомство, через своих агентов и атташе ведут другую политику. Нельзя, конечно, довольствоваться только нормальными отношениями между иностранными ведомствами. Лукасевич выразил согласие.

Я затем познакомил Лукасевича в общих чертах со структурой НКИД и рекомендовал ему по всем текущим вопросам обращаться либо в отдел, либо к т. Стомонякову, оговорив, что я, конечно, всегда готов буду принимать его по вопросам, которыми он сочтет нужным заинтересовать меня, или по поручению его правительства. Лукасевич выразил удовлетворение, что Бек * будет иметь возможность встретиться со мной в Женеве, каковой встречей он, Бек, все время интересовался.

Литвинов

Печат. по арх.

28. Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана Послу Японии в СССР Ота

31 января 1933 г.

Господин Ота,

Настоящим имею честь сообщить Вам, что Советское Правительство, не считая нужным входить в обсуждение отдельных заявлений, содержащихся в Вашей, г. Посол, ноте от 28 января, принимает к сведению, что, как видно из Вашей ноты, Японское Правительство не намерено солидаризоваться с известным коммюнике японского военного министерства [12], вызвавшим категорическое опровержение Советского Правительства, опубликованное в московских газетах 21 января с. г.

В соответствии с выраженным Вами, г. Посол, пожеланием, Ваша нота мною опубликовывается в печати, а также опубликовывается и настоящий ответ на эту ноту.

Примите, г. Ота, уверения в моем совершенном к Вам уважении.

Л. Карахан

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 31 (4962), 1 февраля 1933 г.

В ноте посла Японии в СССР Ота № 21 от 28 января 1933 г. на имя заместителя народного комиссара иностранных дел СССР Л. М. Карахана, переданной на русском языке, в частности говорилось:

---

* Министр иностранных дел Польши.

«24-го сего января местные газеты сообщили, что г. Молотов в своем докладе, сделанном им 23 января на сессии ЦИК Союза ССР *, между прочим, высказал следующее:

«Отдельные факты из области отношения некоторых японских кругов к СССР обращают на себя за последнее время особое внимание. Дело дошло до недавнего опубликования японским военным министерством провокационного сообщения о Советском правительстве и будущем полпредстве СССР в Китае. И, несмотря на категорические опровержения с нашей стороны этих антисоветских вымыслов, министр иностранных дел в Японии г. Утида повторил их в японском парламенте 21 января».

По поводу означенного коммюнике Военного Министерства Посольство не имеет никакого официального сообщения, а потому оно лишено возможности установить правдивость его, однако, предполагаем, что речь идет о том, о чем местные газеты от 21-го сего января сообщили, а именно:

«15 января с. г. японское военное министерство опубликовало в японских газетах коммюнике, распространяющее провокационные сообщения о Советском правительстве и будущем полпредстве СССР в Китае.

В коммюнике содержится утверждение, что «Коминтерн недавно предложил китайской коммунистической партии сосредоточить внимание на укреплении китайской Красной Армии, заверив, что он окажет максимальную денежную поддержку через открываемое в ближайшем будущем советское посольство в Китае».

Коммюнике дальше утверждает, что якобы достигнуто соглашение между Советским и нанкинским правительствами о расширении торговых связей с целью вытеснения с китайского рынка иностранных товаров.

19 января полпред СССР в Японии заявил товарищу министра иностранных дел Японии г. Арита протест от имени Советского правительства против распространения военным министерством в официальном коммюнике подобных явно вымышленных антисоветских сообщений».

Далее в ноте приводился отрывок из речи Утида, в котором, в частности, утверждалось, что если революционное движение в Китае «усилится в результате русско-китайского сближения», то это якобы «будет серьезной угрозой для мира на Востоке, ввиду чего Япония, без сомнения, должна быть настороже».

«Однако смысл этой речи,— говорилось далее в ноте,— целиком отличается от коммюнике военного министерства по его содержанию и значению, что является вполне ясным фактом. Вследствие этого речь г. Молотова по сему поводу, насколько мне кажется, является каким-нибудь недоразумением, ввиду чего я, обращая на это Ваше внимание, просил бы принять, в интересах поддержки дружеских взаимоотношений между обеими странами, равно и в целях избегнуть могущих быть в обществе неправильных представлений, какие-либо соответствующие меры. При этом прошу иметь в виду, что я не имел бы возражения к оглашению Вами настоящей ноты в печати как одной из этих мер».

29. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Министром Иностранных Дел Дании Мунком

1 февраля 1933 г.

1 февраля был у Мунка. Просил его дать объяснения по поводу секретариата общества кредиторов **. Мунк сказал, что

---

* См. док. № 22.

** См. док. № 3, 23.

организатор секретариата Буль раньше служил в МИД и в свое время занимался вопросами о претензиях. Будучи теперь частным лицом, Буль (он перешел из МИД в МВД, а затем вышел в отставку) на общих основаниях имел доступ к общему архиву МИД. Воспользовавшись своими прежними знакомствами в аппарате МИД, Буль попросил разрешения получать письма на адрес архива и пользоваться их телефоном. Чиновники архива дали ему это разрешение, не доведя об этом до сведения Мунка. В настоящее время Мунк отменил этот порядок, и общество кредиторов известило уже своих членов, что секретариат будет помещаться не в МИД, а в другом месте. Сообщение газет о том, будто общество работает в контакте с МИД, неверно. МИД не оказывает обществу никакого покровительства и не будет оказывать ему никакой другой поддержки, кроме той, какую оно обязано оказывать любому объединению датских граждан. Ни о каком патронаже, по уверению Мунка, нет и речи.

Я сообщил Мунку, что, по газетным сообщениям, организация оптовых торговцев постановила требовать от правительства денонсирования соглашения 1923 г. о торговле с СССР *, и спросил, как правительство отнесется к этому требованию. Мунк решительно заявил, что правительство категорически отвергнет это требование «безответственных лиц».

Поговорили о «валютных аттестатах». Мунк сказал, что валютная контора стоит на той точке зрения, что наш импорт, как, например, ввоз бензина, только выгоден для Дании, ибо он создает полезную конкуренцию, но валютная контора вынуждена ограничивать ввоз в Данию таких товаров, которые производятся в самой Дании.

После разговора с Мунком я зашел к заведующему протокольным отделом Фалькенстьерне и «конфиденциально» спросил его мнение о том, следует ли мне предпринять что-либо по поводу помолвки принца Кнуда (второй сын короля) с его двоюродной сестрой. Я читал в газетах, что некоторые дипломаты расписались на поздравительных листах, но так как я не питаю никаких особенных чувств к королевскому семейству и ограничиваюсь лишь соблюдением вежливости и корректности, то я этого не сделал. Фалькенстьерне ответил, что, по его мнению, мне не надо ничего предпринимать.

Полпред
М. Кобецкий

Печат. по арх.

---

* См. т. VI, док. № 153.

30. Нота Полномочного Представителя СССР в Великобритании Министру Иностранных Дел Великобритании Саймону

3 февраля 1933 г.

Сэр,

Подтверждая получение Вашей ноты от 14 января 1933 г., я имею честь заявить следующее:

1. Как Вам известно, Советское Правительство с самого начала рассматривало дело компании «Лена-Голдфилдс»*, как не могущее быть предметом дипломатических переговоров между нашими правительствами. Наоборот, Советское Правительство считало, что это дело должно быть урегулировано путем прямых переговоров между компанией «Лена-Голдфилдс» и Главным Концессионным Комитетом в Москве. Это убеждение и лежащие в его основе мотивы были разъяснены Народным Комиссаром по Иностранным Делам г. Литвиновым Вам в Женеве** и Британскому Послу в СССР сэру Эсмонду Овию в Москве, в разговорах, которые имели место в продолжение 1932 г.***.

5 сентября 1932 г. г. Литвинов подтвердил еще раз свою точку зрения на этот вопрос в своем разговоре с советником Британского Посольства в Москве г. Стрэнгом ****.

2. Из вышесказанного очевидно, что «очень большое промедление в достижении урегулирования» и «создавшееся, по-видимому, состояние тупика в переговорах об этом урегулировании», по поводу чего Вы выражаете недовольство в Вашей ноте от 14 января 1933 г., объясняются всецело недостатком желания со стороны компании «Лена-Голдфилдс» согласиться с процедурой, указанной Советским Правительством, т. е. войти в непосредственные переговоры с Главным Концессионным Комитетом. Таким образом, ответственность за «очень большое промедление» и «создавшееся, по-видимому, состояние тупика» лежит не на советской стороне, а на самой компании. Точка зрения Советского Правительства по этому вопросу не подверглась изменению со времени указанных выше разговоров. Вследствие этого Советское Правительство не подготовлено к изменению предложенной им процедуры, согласно которой предложение об урегулировании дела компании «Лена-Голдфилдс» может быть сделано только Главным Концессионным Комитетом в Москве путем непосредственных переговоров с компанией.

3. Я могу только выразить мое глубокое удивление по поводу сделанного в Вашей ноте от 14 января 1933 г. замечания,

---

* См. т. XIII, док. № 59, 83, 164, 169; т. XIV, док. № 337, 359; т. XV, док. № 228.

** См. т. XV, док. № 299.

*** См. т. XV, док. № 221.

**** См. т. XV, док. № 349.

что дело компании «Лена-Голдфилдс» может «стать камнем преткновения в ходе торговых переговоров». Согласие Советского Правительства вступить в переговоры с Правительством Великобритании для заключения нового торгового договора, данное в моей ноте от 7 декабря 1932 г.*, никоим образом не подразумевало его согласия рассматривать в связи с этим другие вопросы, не имеющие прямого отношения к вопросу о новом торговом договоре. Я искренне верю, что в интересах быстрого и успешного завершения торговых переговоров, которые, без сомнения, имеют первостепенную важность для СССР, так же как и для Великобритании, эти переговоры не будут усложнены путем смешения их с таким вопросом, как дело «Лена-Голдфилдс К°». Это смешение не может способствовать никакой полезной цели и может лишь иметь результатом увеличение затруднений и отсрочку в достижении удовлетворительного урегулирования вопроса торгового договора. Это не может также помочь осуществлению урегулирования дела компании «Лена-Голдфилдс».

Прошу и т. д.

Майский

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте от 14 января 1933 г. Саймон выразил беспокойство тем, что «дружественная атмосфера, необходимая для успешного ведения настоящих торговых переговоров между нашими двумя правительствами», могла бы быть омрачена тревогой английского правительства по поводу дела «Лена-Голдфилдс».

В ноте содержались утверждения, что «ввиду тех сильных и оправданных чувств среди общественного мнения, возникших в Великобритании в связи с тем, как обошлись с этой компанией, ввиду очень большого промедления в достижении урегулирования их претензий и создавшегося в настоящее время, по-видимому, тупика в переговорах по такому урегулированию», Саймон не может предотвратить обсуждения вопроса о «Лена-Голдфилдс» в парламенте, даже если бы он попытался это сделать.

В ноте далее говорилось, что, «если, однако, Советское Правительство в настоящее время готово, до следующего заседания парламента 7 февраля с. г., сделать предложение об урегулировании, которое, как можно ожидать, оказалось бы приемлемым для компании... тогда можно было бы гарантировать, что этот вопрос не станет камнем преткновения в ходе торговых переговоров». В заключение ноты Саймон настаивал на том, чтобы это предложение было «рассмотрено самым серьезным образом Советским Правительством».

31. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Кашгаре Ф. Е. Ткачеву **

4 февраля 1933 г.

Вы должны заявить Ма, что Вам категорически предложено не вести никаких разговоров на темы, связанные с внут-

---

* См. т. XV, док. № 474.

** Копия телеграммы направлена в генконсульство СССР в Урумчи.

ренним положением в Синьцзяне, и тем более о каком-либо нашем вмешательстве во внутренние дела [28]. Мы проводим политику абсолютного невмешательства в чужие дела, и этим определялась и определяется линия нашей работы в Синьцзяне. Вопросы, которые ставит перед Вами Ма, вне Вашей компетенции. Все это должно быть изложено в вежливой, но достаточно твердой и ясной форме.

Вы должны понимать сами, что меньше всего мы можем доверять Ма и что его предложения о вводе наших войск, посылке наших аэропланов обнаруживают его лицо настоящего провокатора, делающего эти предложения не без ведома англичан.

Л. Карахан

Печат. по арх.

32. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на тридцать первом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

6 февраля 1933 г.

Французская делегация обратилась к нам с призывом воздержаться от общих неопределенных замечаний, а выявить отношение каждой делегации к французскому плану*. Я вполне сочувствую этому призыву и считаю его вполне своевременным. Мы, к сожалению, слишком часто и много обещаем изучать делаемые нами предложения, не приступая, однако, к практическому их изучению или даже обсуждению. Конференции представлено множество предложений, но мы потратили целый год не на обсуждение, а на откладывание их, на резервирование до другого случая или на консервирование в технических комиссиях. Могу заверить французскую делегацию, что советская делегация, которая вообще всегда открыто и с полной откровенностью выступала здесь по всем поставленным вопросам, и на этот раз не уклонится от точного определения своего отношения. Французская делегация просила давать ей «обдуманное одобрение» или «точную критику» ее предложений. Я постараюсь дать ей и то и другое.

Советская делегация изучила с глубоким интересом обсуждаемые нами французские предложения, и я рад заявить, что если не все, то некоторые из них встречают с ее стороны поддержку. Отнюдь не желая умалять их значение, я должен, однако, отметить, что они не содержат собственно никаких новых предложений в области сокращения вооружений, а если

* См. т. XV, прим. 284.

такие предложения там имеются, то они поставлены в строгую зависимость от принятия конференцией французской схемы так называемой безопасности. Иначе говоря, нам предлагают выработать сперва определенные предпосылки, которые позволили бы потом обсуждать мероприятия по сокращению вооружений. Не лишне будет вспомнить, что еще в 1927 г. на IV сессии Подготовительной комиссии французская делегация в лице нынешнего министра иностранных дел Франции Поль-Бонкура потребовала, чтобы до подготовки комиссией проекта конвенции по разоружению она занялась проблемой безопасности. Это предложение было поддержано другими делегациями, и в результате был создан специальный Комитет арбитража и безопасности *. Этот комитет работал в течение двух лет, разработал ряд предложений, после чего он приступил к выработке проекта конвенции по разоружению.

Я упоминаю об этом отчасти для того, чтобы отдать дань уважения последовательности и настойчивости руководителей французской политики. Однако потому ли, что выработанные комитетом предложения по безопасности не удовлетворяют ныне французскую делегацию, или же потому, что эти предложения отвергнуты другими делегациями, но мы находимся теперь перед лицом новых французских предложений касательно безопасности. Это значит, что после четырех лет работы Подготовительной комиссии по разоружению и на втором году существования самой конференции мы оказываемся отброшенными к тому этапу, на котором находились пять лет назад, и вынуждены вновь оставить в стороне вопросы разоружения и заняться проблемой безопасности. Будем надеяться, что этот цикл не повторится в следующие пять лет и мы не очутимся снова на том же месте, где находимся ныне.

Свою точку зрения в вопросе безопасности советская делегация не раз высказывала и в Подготовительной комиссии, и на нынешней конференции **. Советская делегация отнюдь не хочет игнорировать проблему безопасности, а, наоборот, сознает все ее значение; она, однако, всегда была убеждена и убеждена теперь в том, что наилучшим, если не единственным, обеспечением безопасности для всех народов является полное разоружение или хотя бы максимальное сокращение вооружений в течение короткого времени. Мы также полагали и полагаем, что вне этого метода проблема безопасности представляется настолько сложной, вызывает столько серьезных политических вопросов и связанных с ними международных противоречий, что она вряд ли может быть исчерпана попутно и в короткое время и что заняться этой проблемой — значит отка-

---

* См. т. X, прим. 108.

** См. т. XII, док. № 113; т. XIII, док. № 385; т. XV, док. № 75, 90.

заться от всех забот о разоружении на весьма продолжительный период.

Но мы, очевидно, от обсуждения этой проблемы уйти не можем, хотя бы потому, что она поставлена перед нами большой могущественной страной, заявляющей, что до разрешения этой проблемы она не может принять на себя какие-либо обязательства по сокращению вооружений. Мы вынуждены поэтому, если мы не желаем продолжать ходить по кругу, не продвигаясь вперед, со всей серьезностью обсудить французские предложения и установить: либо возможно международное соглашение на почве этих и других предложений, которые могут быть внесены по вопросу безопасности другими делегациями, чтобы вслед за тем вновь вернуться к вопросам разоружения, либо же соглашение окажется невозможным, и тогда сказать себе, что ввиду позиции некоторых государств вся проблема разоружения и безопасности в своей совокупности не поддается разрешению, что не путем международных конференций человечество будет избавлено от тяжелого бремени вооружений и бича войны. Во всяком случае, пора внести ясность в судьбу конференции.

Переходя к существу французского меморандума, я должен отметить, что только его первая глава может относиться ко всем государствам, здесь представленным. Что касается остальных глав, они только имеют в виду либо членов существующих международных организаций, либо членов добровольных организаций, которые возникнут в будущем. Так, например, глава вторая относится исключительно к членам Лиги наций, глава третья и отчасти пятая — только к европейским государствам, и притом организационно связанным с Лигой наций, глава четвертая — к участникам Вашингтонского морского соглашения* или средиземноморским государствам и также готовым признавать для себя обязательными решения Лиги наций. Надо предположить, что авторы этих глав не имели в виду участие в предлагаемых ими организациях Советского Союза, который, как известно, расположен не только на европейском, но и на азиатском материке, членом Лиги наций не является и Вашингтонского соглашения не подписывал.

Мне представляется несомненным, что, поскольку на участников предлагаемых организаций предполагается возложить специальные весьма серьезные обязательства, эти участники имеют право требовать, чтобы эти обязательства распространялись, по крайней мере, на их ближайших соседей. Стало быть, поскольку с Советским Союзом граничат не только европейские, но и азиатские государства, как Япония, Китай и др., которые из предлагаемых организаций заранее исключаются

* См. т. IV, прим. 38.

и, следовательно, от новых обязательств освобождаются, вряд ли можно ожидать от Советского Союза, чтобы он принял на себя эти обязательства. Далее, само выполнение обязательств и порядок их выполнения подчинены целиком решениям Совета Лиги наций, что является дополнительным доказательством того, что французские предложения в этой части не адресованы Советскому Союзу.

По этим соображениям советская делегация не видит надобности в настоящий момент разбирать по существу предложения, заключающиеся в главах II—V французского меморандума, тем более что она уже раз высказалась по поводу некоторых из этих предложений, как, например, об интернационализации вооруженных сил, когда эти предложения были сделаны конференции по разоружению тогдашним главой французской делегации г. Тардье*. Советская делегация оставляет, однако, за собой право вернуться к ним, если и когда выявится склонность к принятию их со стороны государств, к которым они непосредственно обращены.

Как мною уже было упомянуто, ко всем представленным здесь государствам, в том числе и к СССР, можно считать обращенными французские предложения, заключающиеся лишь в первой главе, трактующей значительное расширение и истолкование обязательств, принятых участниками пакта Бриана-Келлога**. Я рад возможности заявить, что против этих предложений советская делегация возражений не имеет и готова будет подписать конвенцию, воплощающую их. Я позволю себе только несколько замечаний, весьма, по-моему, существенных.

Я полагаю, что если мы ставим своей задачей усиление и расширение обязательств, вытекающих из пакта, то мы должны одновременно позаботиться о том, чтобы уже принятые по нему обязательства сохраняли свою полную силу для всех его соучастников и не ограничивались, не ущемлялись бы теми оговорками, которые были сделаны односторонне некоторыми государствами, оговорками, которые сводят почти на нет весь пакт. Правда, эти оговорки легальной силы не имеют, поскольку остальные участники пакта на них согласия не давали, но все же известны случаи ссылок на них для оправдания агрессии. Советская делегация поэтому предложит в нужный момент, либо чтобы государства, сделавшие эти оговорки, формально от них отказались, либо же чтобы в международном акте было зафиксировано лишение этих оговорок всякой юридической и моральной силы.

Далее французские предложения предусматривают некоторые международные санкции по отношению к государству,

---

* См. т. XV, док. № 75.
** См. т. XI, док. № 298.

нарушившему пакт, т. е. государству, которое окажется при каком-либо вооруженном конфликте нападающей стороной. А если так, то неизбежно встает вопрос о том, кто и как определит эту нападающую сторону. Очевидно, придется либо подумать о создании специального международного органа для этой цели, либо возложить соответственные функции судьи на конференцию из представителей всех участников пакта. В том и другом случае напрашивается вопрос об объективности решения в столь жизненном для того или иного государства вопросе, как признание его нападающим и применение к нему международных санкций. Вопрос этот может интересовать все государства, но имеет особое значение для представляемой мною страны, а потому здесь особо необходимы полная откровенность и взаимопонимание. Мы представляем здесь единственное во всем мире государство, которое изменило у себя политический строй, создав совершенно новую политическую систему Советов, уничтожило капитализм и строит новую социальную систему — социализм, в то время как все остальные государства сохранили у себя капиталистический строй. Вам известно, господа, что возникновение нового Советского социалистического государства было настолько неприятным капиталистическому миру, что он в свое время пытался даже путем интервенции вновь водворить в стране прежний капиталистический строй или хотя бы путем расчленения уменьшить объем этого государства.

Эти попытки не удались и больше не возобновлялись. Но нельзя утверждать, что мысли о новых попытках этого рода совершенно оставлены. Мы знаем, наоборот, что во многих странах с этими мыслями продолжают носиться весьма влиятельные политические деятели, лидеры больших партий, вчерашние и завтрашние и даже сегодняшние члены правительств, которые чуть ли не центром своей внешней политики хотели бы сделать поход на Советский Союз и с этой целью уже теперь поддерживают тесную организационную и финансовую связь с эмигрантами — приверженцами свергнутого строя. Приходится признать, что капиталистический мир в целом еще не примирился окончательно с фактом существования страны строящегося социализма, и эта непримиримость продолжает рождать неприязнь к этой стране, находящую всевозможные пути для своего выражения. Я не стану утомлять вашего внимания перечислением всех тех антисоветских кампаний разнообразнейшего характера, которые возрождаются из года в год. Достаточно сказать, что если учесть все существующие государства обоих полушарий, то большинство из них до сих пор не установило нормальных отношений с Советским Союзом, иными словами, применяет к нему бойкот, одну из тех самых санкций, которые предполагается применять в будущем только к напа-

дающей стороне. При таких обстоятельствах позволительно спросить, может ли Советский Союз ожидать справедливого к себе отношения и объективных решений от какого-либо международного органа, который будет состоять исключительно из представителей враждебного ему капиталистического мира и, может быть, в большинстве своем из представителей правительств стран, которые его бойкотируют. Мне кажется, что двух ответов на этот вопрос не может быть, а если кто-либо в этом сомневается, то я рекомендовал бы ему совершенно гипотетически вообразить себе на минуту, что в положении Советского Союза — его собственное государство в качестве единственной капиталистической страны среди всех прочих стран, установивших советский строй и строящих социализм, и ответить, согласилась ли бы его страна доверять разрешение жизненных вопросов, ее касающихся, международному органу, который, кроме нее, состоял бы исключительно из представителей правительств советских стран. Достаточно вдуматься в это, чтобы понять, почему Советский Союз — пока существует указанное мною отношение к нему — не может соглашаться признавать для себя обязательными решения таких международных организаций, как пленум или Совет Лиги наций, существующие международные трибуналы, арбитражные суды, хотя он в принципе отнюдь не отвергает ни международного сотрудничества, ни арбитража. Этот вопрос неизбежно встает для него с особой остротой каждый раз, когда заходит речь о создании международных органов с судебными, контрольными и т. п. функциями. Естественно, что он в таких случаях должен требовать такого состава этих органов, который гарантировал бы ему ту же меру объективности и справедливости, которая обеспечена другим государствам. И это требование советская делегация должна будет выдвинуть, когда на очередь встанет вопрос о соответственных международных органах в связи с французскими предложениями. Мы не думаем, однако, что осуществление этого законного требования встретит серьезные практические трудности.

Но и при любом составе международный орган, которому пришлось бы определять нападающую сторону, испытывал бы при настоящих условиях чрезвычайные затруднения, хотя бы по той простой причине, что не только не существует общепризнанного понятия агрессии, а, наоборот, существует на этот счет разноголосица, и не только в теории, но и на практике. Это доказывается, между прочим, и теми оговорками, которые были сделаны при подписании пакта Бриана-Келлога. В чем смысл этих оговорок? В том, что, отказываясь от нападения, то или иное государство заявляет, что оно оставляет за собой свободу действий — вопреки пакту — для некоторых случаев или для некоторых районов земного шара. А каковы

эти случаи или районы — это государство само будет определять. Спрашивается, какие имеются гарантии, что такими случаями не будут признаны те самые обстоятельства, которыми до сих пор оправдывались войны. Мы знаем из опыта прошлого, что оправданием агрессии служили многочисленные и весьма разнообразные обстоятельства, как, например: стремление к эксплуатации естественных богатств какой-либо территории, нарушение какого-либо международного соглашения, мероприятия какого-либо государства, затрагивающие материальные интересы другого государства, защита собственных граждан, добровольно поехавших на собственный риск и страх в какую-либо другую страну, нарушение ранее приобретенных привилегий каким-либо государством, возникновение революции или беспорядков в какой-либо стране и т. д. Подобные оправдания нападения имели место не в средние века, не в прошлых столетиях, а в самое последнее время. Эта практика обогатилась новыми теориями. Существует теперь склонность оправдывать нападение действительным или мнимым внутренним хаотическим состоянием другого государства, размерами капиталовложений или вообще особыми интересами в чужом государстве, отрицанием характера государства за той или иной страной, стратегическими соображениями, желанием продвинуть линию собственной обороны далеко за пределы собственного государства. Существует и теория оправдания войны необходимостью обеспечения мира. Если подобные теории получат распространение и будут учитываться международными судьями, т. е. членами соответствующего международного трибунала, то можно с уверенностью заранее сказать, что ни при одном вооруженном конфликте не окажется агрессора, что будут только взаимонападающие или взаимообороняющиеся стороны или — что еще хуже — обороняющаяся сторона будет признаваться нападающей, и наоборот.

Вы знаете, что даже трибуналы, действующие на основании точных законов, не всегда выносят правильные решения. Это доказывается тем, что по одному и тому же делу разные судебные инстанции, действующие на основании одинаковых законов, выносят неодинаковые решения. Тем менее можно ожидать от трибуналов правильных решений, когда они не обязаны руководствоваться никакими законами и никакими директивными линиями. Но в таком именно положении может очутиться международный орган, который должен будет применять пакт Бриана-Келлога. А ведь речь идет в данном случае об интересах не отдельных граждан, а целых государств и народов.

Совершенно очевидно, что если мы хотим видеть пакт Бриана-Келлога — с теми добавлениями, которые предлагает французская делегация,— в действии и обеспечить междуна-

родному органу, который эти добавления должен вызвать к жизни, хотя бы минимум авторитета, объективности и доверия, то мы должны дать ему руководящие указания и для этого раньше всего определить, что такое война и что такое агрессия, в чем ее отличие от самозащиты, и раз навсегда осудить те мнимые оправдания агрессии, какие нам известны из прошлого. Только что развитые мною мысли советская делегация попыталась воплотить в проекте декларации, который она позволяет себе представить на ваше обсуждение.

Проект декларации относительно определения агрессии

«Считая необходимым — в интересах обеспечения всеобщей безопасности и облегчения достижения соглашения о максимальном сокращении вооружений — определить возможно более точно понятие агрессии для устранения поводов к ее оправданию;

исходя из принципа равного права всех государств на независимость, безопасность и самооборону;

одушевленная стремлением в интересах всеобщего мира обеспечить каждому народу право свободно развиваться им самим избранным путем и им же установленными темпами и для этого полностью оградить безопасность, независимость и полную неприкосновенность его территории и его свободы самообороны от нападения или вторжения извне, но исключительно в пределах собственных границ;

полагая необходимым дать руководящие указания международным органам, имеющим определить нападающую сторону,

Генеральная комиссия объявляет:

1. Нападающей стороной в международном конфликте будет считаться государство, совершившее первым одно из следующих действий:

а) которое объявило войну другому государству;

б) вооруженные силы которого хотя бы и без объявления войны вторглись на территорию другого государства;

в) сухопутные, морские или воздушные силы которого обстреляли территорию другого государства или сознательно атаковали его морские или воздушные суда;

г) сухопутные, морские или воздушные силы которого были высажены или введены в пределы другого государства без разрешения правительства последнего или нарушили условия такового разрешения, в частности в отношении времени или расширения районов пребывания;

д) установило морскую блокаду берегов или портов другого государства.

2. Никакие соображения политического, стратегического и экономического порядка, включая стремление к эксплуатации на территории атакуемого государства естественных богатств или к получению всякого рода иных выгод или привилегий, ни ссылка на значительные размеры вложенного капитала или на другие особые интересы в той или иной стране, ни отрицание за ней признаков ее государственной организации — не могут служить оправданием нападения, предусмотренного пунктом 1.

В частности, не могут служить оправданием нападения:

А. Внутреннее положение какого-либо государства, как например:

а) политическая, экономическая или культурная отсталость какого-либо народа;

б) мнимые недостатки администрации;

в) возможная опасность жизни или имуществу иностранцев;

г) революционное или контрреволюционное движение, гражданская война, беспорядки или забастовки;

д) установление или сохранение в каком-либо государстве того или иного политического, экономического или социального режима.

Б. Никакие действия, законы и распоряжения какого-либо государства, как например:

а) нарушение международных договоров;

б) нарушение торговых, концессионных или иных экономических прав и интересов государства или его граждан;

в) разрыв дипломатических или экономических отношений;

г) экономический или финансовый бойкот;

д) отказ от уплаты долгов;

е) недопущение или ограничение иммиграции или изменение режима иностранцев;

ж) нарушение привилегий официальных представителей другого государства;

з) отказ в пропуске вооруженных сил на территорию третьего государства;

и) религиозные или антирелигиозные мероприятия;

к) пограничные инциденты.

3. В случае объявления каким-либо государством мобилизации или сосредоточения им значительных сил вблизи границы государство, которому такие действия угрожают, может прибегнуть к дипломатическим или иным способам мирного разрешения международных споров. Оно может тем временем также принять ответные меры военного характера, аналогичные

указанным выше, не вторгаясь, однако, на чужую территорию.

Генеральная комиссия постановляет включить вышеизложенные принципы в имеющую быть заключенной конвенцию по безопасности и разоружению или в особое соглашение, каковое составит неотъемлемую часть вышеупомянутой конвенции».

При выработке этого документа мне отнюдь не были неизвестны те дискуссии, которые имели место в Лиге наций, и те затруднения, которые встретились при попытках определения агрессивных действий. Поэтому я могу предзидеть все те возражения и замечания, какие будут сделаны по поводу нашего документа экспертами и юристами, которые вновь будут указывать на невозможность абсолютно точного определения агрессии и на возможность случаев, которые нами не предусмотрены, а главное, на затруднительность установления первого виновника нападения при сосредоточении вооруженных сил по обе стороны какой-либо границы. На это я могу теперь же ответить: к абсолютно точным определениям мы не стремились, ибо таковые вряд ли возможны и мыслимы, а главное, что в огромном большинстве, если не во всех известных нам из истории случаях вооруженных конфликтов, установление таких фактов, как: которая сторона первая объявила войну или первая совершила фактический акт агрессии — никаких затруднений не составляло бы и спорить приходилось лишь о том, насколько законны те причины и оправдания, которыми эти агрессии прикрывались. Я думаю, что то же самое можно сказать и в отношении случаев, которыми за последние годы приходилось заниматься Лиге наций. Я признаю, однако, что и сама советская делегация гораздо большее значение придает второму пункту предлагаемой ею декларации, где дается развернутое осуждение известных из истории и возможных в будущем случаев оправдания агрессии, чем остальным пунктам. Я не уверен, что мы в прочитанном нами проекте декларации исчерпали все мыслимые оправдания войны. Да мы и не ставили себе такой цели. Когда мы говорим, что никакие соображения не могут оправдать нападение на чужие земли, мы этим охватываем и случаи, не перечисленные особо в декларации. Мы готовы допустить несовершенство документа, который мы вам предлагаем. Мы готовы выслушать ваши возражения, вносить и принимать поправки, добавления и т. д. Но дело не в деталях, а в принятии основных принципов, которые лежат в основе этого документа. Эти принципы состоят в провозглашении неприкосновенности установленных и признанных границ любого государства, большого или малого, и отрицании за другими государствами права вмешательства в его дела, в его развитие, в его законодательство и администрирование. Речь

идет о том, чтобы провозгласить на международной конференции «Хартию прав народов». Только тогда приобретут особое значение международные акты об отказе от войны, о ненападении, и они действительно дадут всем государствам некоторое чувство безопасности. Я говорю «некоторое чувство» потому, что мы продолжаем утверждать, что полная безопасность для всех может быть обеспечена только полным или максимально возможным разоружением.

Но пока и поскольку это не осуществлено, мы пытаемся так называемой проблеме безопасности дать такие решения, которые не могли бы стать предметом дипломатической игры, но могли бы быть использованы не только большими и сильными, но и малыми и слабыми странами.

Как вы понимаете, наши предложения не конкурируют с французскими и не заменяют их, а являются их логическим продолжением. Вот почему я полагал бы желательным их обсуждение при дискутировании французских предложений.

Вынося на международную арену свои новые предложения, Советское правительство воодушевлено исключительно тем же стремлением, которое побудило его в свое время предложить полное и всеобщее разоружение и которое побуждает его отвести такое большое место в своей внешней политике системе двусторонних пактов о ненападении,— стремлением к максимальному обеспечению всеобщего мира. Миролюбие представляемого мною правительства больше, кажется, не вызывает никаких сомнений. Некоторые скептики и циники пытаются, правда, ослабить значение этого миролюбия указанием на то, что Советское государство нуждается в мире для выполнения своего социалистического строительства. Мы этого не отрицаем. Но хотят ли эти люди сказать, что только Советское государство может строиться и развиваться в условиях мира и что для развития капиталистических государств нужны другие условия, не условия мира? Если бы какое-либо государство, давая доказательства своего миролюбия, объясняло, что оно для своего развития нуждается в мире, то мы со своей стороны из-за этого упрека ему не делали бы. Каждому представленному здесь государству мы предоставляли возможность выразить эти доказательства посредством принятия наших предложений о разоружении и о пактах ненападения. Даем мы им эту возможность еще раз и сегодняшними новыми предложениями.

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 38 (14964), 8 февраля 1962 г.

33. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы *

6 февраля 1933 г.

Сегодня Поль-Бонкур ** сказал мне, что кабинет решил предложить советско-французский пакт *** на ратификацию помимо палаты депутатов, что он перед отъездом подписал нужные для этой цели бумаги и что ратификацию можно ожидать в конце этой недели ****. Он благодарил меня за то, что я в своем сегодняшнем выступлении ***** отдал дань хоть французской последовательности. В общем французы удовлетворены. Они остались весьма недовольны речью поляка [24]. Особенно рады нашему предложению малые нации. Бенеш признал, что из всех великих держав мы оказали французам наибольшую поддержку. Надольный ****** также высказывал удовлетворение, но вряд ли искренне. Поляки говорят, что готовы подписаться под нашими предложениями. В общем впечатление большое, но делегации еще не совсем разобрались и не решили еще как им отнестись.

Литвинов

Печат. по арх.

34. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой о радиофикации Монгольской Народной Республики

9 февраля 1933 г.

Союз Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и Монгольская Народная Республика, с другой стороны, назначили с целью заключения договора о радиофикации Монгольской Народной Республики своих Полномочных Представителей:

Правительство [Союза] Советских Социалистических Республик — Полномочного Представителя СССР в МНР Андрея Яковлевича Охтина;

Правительство Монгольской Народной Республики — Исполняющего обязанность премьер-министра МНР Демида, ка-

---

* Копия этой телеграммы направлена полпреду СССР во Франции В. С. Довгалевскому.

** Министр иностранных дел Франции.

*** См. т. XV, док. № 456.

**** См. также док. № 35.

***** См. док. № 32.

****** Член делегации Германии на конференции.

ковые уполномоченные по взаимному предъявлению своих полномочий, признанных составленными в должной и надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

Статья 1-я.

Народный Комиссариат Связи Союза ССР принимает на себя обязательство произвести своими силами и средствами и за свой счет, за указанными ниже изъятиями, работы по радиостроительству и радиофикации Монгольской Народной Республики, для чего:

а) Устанавливает в гор. Улан-Баторе и пускает в ход мощную телефонно-телеграфную коротковолновую радиостанцию, мощностью 15 *клв* в антенне, обеспечивающую круглосуточную связь с Москвой, Иркутском, Верхне-Удинском, Хабаровском и с приемно-передающими радиостанциями районных центров Монгольской Народной Республики.

б) Устанавливает в гор. Улан-Баторе и пускает в ход коммерческую коротковолновую радиостанцию мощностью 1 *клв* в антенне.

в) В гор. Улан-Баторе для указанных передатчиков в пунктах «а» и «б» Народный Комиссариат Связи Союза ССР устанавливает автономные силовые установки с двигателями внутреннего сгорания соответствующих мощностей.

г) Устанавливает в гор. Улан-Баторе для коммерческой связи с радиостанциями СССР радиобюро и приемный пункт с быстродействующей приемно-передающей аппаратурой.

д) Устанавливает согласно указаниям, полученным от Монгольского Народного Правительства, пятнадцать штук телефонно-телеграфных и телеграфных коротковолновых передатчиков с автономными силовыми устройствами, мощностью от 150 до 500 ватт в нижеследующих пунктах в первую очередь: 1) Даландзатагай, 2) Хан-Тайшири, 3) Туин-Гол, 4) Кобдо, 5) Хатхыл, 6) Баин-Тумен, 7) Сайшанда, 8) Улясутай, 9) Цецерлик, 10) Ундурхан, 11) Уланком; и во вторую очередь: 12) Дзам-Уддэ, 13) Югодзырь, 14) Дариганга, 15) Тамсык-Булак.

е) Коммерческая связь между указанными пунктами и Улан-Батором оборудуется приемными слуховыми устройствами.

ж) В гор. Улан-Баторе устанавливает один трансляционный узел с усилителем мощностью 200 ватт для приемно-вещания и трансляции по проводам. Количество радиоточек должно быть установлено до одной тысячи.

з) Устанавливает в пунктах по указанию Правительства Монгольской Народной Республики двадцать коротковолновых приемных радиоустановок. Все приемные коротковолно-

вые установки должны быть оборудованы щелочными аккумуляторными батареями по два комплекта на каждый приемный пункт, с расчетом зарядки их на приемно-передающих радиостанциях.

и) Для обслуживания установленных радиостанций на гарантийный шестимесячный срок доставлять на каждую районную радиостанцию по одному специалисту, а в гор. Улан-Баторе — трех специалистов. Содержание указанным специалистам платит Правительство Монгольской Народной Республики за все время пребывания их на радиостанциях.

к) Электрооборудование и установочный материал для трансформаторной подстанции и линии электропередачи завозится силами Народного Комиссариата Связи Союза ССР. Постройку линии электропередачи до территории передающей радиостанции производит Правительство Монгольской Народной Республики своими материалами, средствами и силами.

л) Сроки окончания устройств и оборудований, предусмотренных в пунктах «а», «б», «в», «г», «д», «е», «ж», «з», «и», «к» настоящей статьи, а также сроки сдачи этих устройств и оборудований в эксплуатацию, устанавливаются не позднее 31.VII.1933 г.

Статья 2-я.

К моменту окончательной сдачи радиостанций по истечении гарантийного срока для обслуживания их Народный Комиссариат Связи СССР за счет Монгольской Народной Республики, на основе особого соглашения, подготовляет соответствующие кадры специалистов для эксплуатации радиостанций из монголов путем организации годичных курсов и бригадного ученичества на монтажах.

Статья 3-я.

Все поставляемое Народным Комиссариатом Связи Союза ССР техническое имущество должно в основном соответствовать прилагаемой к настоящему договору спецификации *, причем Народный Комиссариат Связи Союза ССР оставляет за собой право заменить отдельные части оборудования и аппаратуры другими, более совершенными типами, появившимися в период исполнения настоящего договора, а также изменить по усмотрению начальника работ спецификацию, применительно к местным условиям по согласованию вопроса с Правительством Монгольской Народной Республики.

Статья 4-я.

Правительством Монгольской Народной Республики принимаются на себя следующие обязательства:

* Не публикуется

а) Предоставляет в гор. Улан-Баторе здание военной дуговой радиостанции для временной установки передатчиков, указанных в п.п. «а», «б» и «в» статьи 1-й настоящего договора и прилегающую к ней земельную площадь для размещения наружных устройств радиостанции. Здание для окончательного монтажа передатчиков, если окажется необходимым. Правительство Монгольской Народной Республики строит своими силами и за свой счет по проектам Народного Комиссариата Связи Союза ССР.

б) В гор. Улан-Баторе предоставляет соответствующее помещение для 200-ваттного трансляционного узла, для радиобюро и студии.

в) Ремонт и подготовка помещений производится силами и средствами Монгольской Народной Республики согласно проектам, врученным Народным Комиссариатом Связи Союза ССР Монгольской Народной Республике.

г) Монгольская Народная Республика берет на себя все подготовительные работы, как-то: заготовку и подвозку к месту работ мачтового и строительного леса и других местных строительных материалов, необходимых для строительства. Оно подыскивает и подготовляет в Улан-Баторе соответствующие пригодные помещения для хранения технического имущества и оборудования вместительностью до 100 тонн, снабдив их противопожарным инвентарем и обеспечив охраной.

д) В пунктах установок приемно-передающих радиостанций местные власти по распоряжению Правительства Монгольской Народной Республики отводят дома для приемно-передающих радиостанций с кубатурой 500—600 метров в 5—6 комнат и ремонтируют их.

При каждом здании должен быть участок земли 250 × 300 метров для наружных устройств.

е) В тех пунктах, где нет соответствующих помещений, Правительство Монгольской Народной Республики производит постройку зданий по проектам Народного Комиссариата Связи Союза ССР, из местных материалов и отводит при зданиях участки земли 250 × 300 метров для наружных устройств.

ж) Во всех пунктах расположения передающих радиостанций должны быть построены или отведены готовые дома для жилья эксплуатационного и монтажного штата, а также подготовлен склад для технического имущества на 10 тонн.

з) Подготовить и обеспечить полугодовым запасом горючих и смазочных материалов все установленные радиостанции.

и) К приезду бригады Народного Комиссариата Связи Союза ССР Монгольская Народная Республика обязуется предоставить соответствующее помещение для жилья всей

бригады, квартиру для начальника радиостроительства и помещение для конторы строительства.

к) Принимает на себя заготовку всего лесного материала для постройки трансляционных линий.

л) Заготовляет и доставляет строительные материалы для постройки одного технического здания для выделенного приемного пункта и одного жилого здания на этом же участке, а также производит постройку обоих зданий.

м) Находящийся в гор. Улан-Баторе на военной радиостанции 50-ти сильный двигатель передается Народному Комиссариату Связи Союза ССР без оплаты для установки на той же радиостанции в качестве резерва.

н) Производит перевозку технического имущества и монтажного материала на территорию Монгольской Народной Республики за свой счет.

о) Предоставляет за свой счет местные строительные материалы, необходимые для монтажа и установок.

п) Правительство Монгольской Народной Республики выделяет своего представителя при начальнике радиостроительства для помощи и содействия в работе.

Статья 5-я.

О готовности радиоустройств к сдаче начальник работ извещает Правительство Монгольской Народной Республики в письменной форме. Договаривающиеся стороны в десятидневный срок назначают приемную комиссию в составе четырех членов на паритетных началах, которая и производит приемку как в центре, так и на периферии, причем установки могут быть предъявлены к сдаче и сданы в эксплуатацию не в полном объеме настоящего договора одновременно, а отдельными объектами, однако с соблюдением сроков, установленных настоящим договором. Для приемки отдельных объектов строительства может быть назначена особая приемочная комиссия в том же числе и на тех же условиях.

Комиссия производит испытания принимаемых радиоустановок и составляет о результатах испытания соответствующие акты в трехдневный срок, в которых отмечает все могущие оказаться при освидетельствованиях и испытаниях неисправности и дефекты.

Статья 6-я.

Исправления обнаруженных неисправностей и дефектов, замена отдельных негодных и не соответствующих техническим условиям деталей производятся Народным Комиссариатом Связи Союза ССР своими силами и за свой счет, для чего комиссией назначается технически возможный срок.

Статья 7-я.

По исправлении всех обнаруженных дефектов и недочетов теми же комиссиями производится окончательная приемка с составлением соответствующего акта, после чего принятые радиоустройства переходят полностью в распоряжение Правительства Монгольской Народной Республики[25].

Статья 8-я.

Все расходы по оплате поставляемого имущества таможенными сборами на границе Монгольской Народной Республики и транспортирование грузов на территорию Монгольской Народной Республики производятся Правительством Монгольской Народной Республики за свой счет.

Статья 9-я.

От последствий нарушения настоящего договора и допущения неисправности по исполнению его Стороны освобождаются в случае доказанного ими действия непреодолимой силы.

А. Охтин *Демид*

Улан-Батор — Хото
9 февраля 1933 года

Печат. по арх. Опубл. с сокращением в сб. «Советско-монгольские отношения 1921—1966...». М., 1966, стр. 70—74.

35. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР*

9 февраля 1933 г.

Вчера Эррио заявил на заседании комиссии по иностранным делам, председателем которой он избран, что придает большое значение сближению французской и советской демократий для борьбы с фашизмом. Под аплодисменты большинства комиссии он заявил о предстоящем обмене военными атташе**. По поводу ратификации пакта он заявил, что не следует чинить препятствий ратификации президентским декретом, хотя он предпочел бы ратификацию парламентским путем. После ратификации во всяком случае надо, чтобы пар-

* Копия телеграммы была направлена делегации СССР на конференции по разоружению в Женеве.
** См. т. XV, док. № 351.

ламент мог высказать свое сочувствие пакту. Комиссия поручила Эррио снестись с правительством относительно ратификации *.

Розенберг

Печат. по арх.

36. Телеграмма Полномочного Представителя СССР и Торгового Представителя СССР в Великобритании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву **

10 февраля 1933 г.

На заседании 9 февраля *** английская делегация, в состав которой на этот раз вошел директор Северного департамента министерства иностранных дел Кольер, передала нам для обсуждения четыре новых документа. Первый документ касается вопроса о старых долгах и претензиях английского правительства и граждан к СССР, излагает кратко историю вопроса. В нем указывается, что, если и пока не будет урегулирован этот вопрос, новое торговое соглашение должно, как и прежнее, носить временный характер. В устной форме было подчеркнуто, что этот документ не является препятствием к переговорам и имеет целью подчеркнуть неизбежность временного характера нового торгового соглашения. Во втором документе отмечается, что, хотя претензии «Лена-Голдфилдс» не относятся к настоящим переговорам, тем не менее для создания обстановки доверия в переговорах, а также в целях успокоения общественного мнения, в частности парламента, англичане настаивают, чтобы полпред на этом же заседании дал обещание, что Советское правительство благоприятно рассмотрит дело «Лена-Голдфилдс». Третий документ касается затруднений в снабжении английских дипломатов в Москве, требует письменной фиксации, путем обмена нотами, заверений, данных Литвиновым старшине дипкорпуса ****, угрожая в противном случае лишить торгпреда и его двух заместителей дипломатических прав. Документ составлен в крайне неприятных тонах от имени и по форме форин офиса. В устных комментариях Кольер выдвинул еще требование для членов британского посольства в Москве и британских дипкурьеров права покупки железнодорожных билетов на советские рубли для выезда за границу, а также отмены контроля над вывозом английскими

---

* См. док. № 157, 158.

** Телеграмма была также направлена в Наркомвнешторг СССР.

*** См. т. XV, док. № 474, а также стр. 674.

**** См. т. XV, док. № 431.

дипломатами предметов искусства[26]. Четвертый обширный документ * детализирует меморандум от 29 декабря 1932 г. ** Англичане предлагают выравнять торговый баланс путем увеличения заказов на 1933 г. до уровня среднего нашего экспорта в Англию за последние 3 года, то есть около 27 млн. ф. ст.; подобный базис планируется также для заказов последующих лет. В документе еще раз подчеркивается, что для них расчетный баланс представляет самое важное. Они ждут наших предложений по этому вопросу, так же как и по вопросу фрахта британского торгового флота. Нами был заявлен решительный протест против осложнения переговоров новыми, не относящимися к существу дела вопросами. Следующее заседание предполагается созвать между 13 и 18 февраля, причем 13-го мы должны уточнить день[27]. Прошу это учесть при решении вопроса. Наше мнение: по первому документу — решительно отвести всякую связь между долгами и торговым договором, но прибавить, что вопрос о постоянном или временном характере его следует отложить до переговоров. По второму документу — категорически отослать «Лена-Голдфилдс» к непосредственным переговорам с Главконцесскомом, намекнув, однако, английской делегации в частном порядке, что если компания последует данному предложению, то претензии ее будут рассмотрены Главконцесскомом. По третьему документу — категорически отвести требование англичан, как вмешательство во внутренние дела и как абсолютно не относящееся к торговым переговорам. По четвертому документу — сделать англичанам предложение в духе имеющихся директив ***.

Майский, Озерский

Печат. по арх.

37. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай

13 февраля 1933 г.

Уважаемый товарищ,

1. Тов. Канделаки **** информировал нас о состоянии вопроса о предоставлении шведским правительством 100 млн. [крон] займа под кредиты СССР. Основным принципом предоставления подобных кредитов является обеспечение их ценностями, находящимися в самом СССР. Прошу очередной почтой подробно сообщить об имевших место дальнейших переговорах

* См. стр. 102.
** См. т. XV, прим. 319.
*** См. док. № 42.
**** Торгпред СССР в Швеции.

между Вами, т. Канделаки, с одной стороны, и шведскими политическими и экономическими деятелями, с другой[28]. Нам пока неизвестно отношение к этому проекту финансовой комиссии парламента и самого Хамрина *; во всяком случае, не ангажируйтесь, проявляйте большую осторожность при обсуждении уже практических вопросов этого проекта, выдвигаемых шведской стороной **.

2. Акцизный кредит на нашу нефть под гарантию торгпредства свидетельствует, что данный кабинет проявляет известный интерес к развитию советско-шведских торговых отношений. Хамрин, в бытность в Москве ***, тоже подтвердил, что он сам лично, «как об этом известно мадам Коллонтай», приложил все усилия к урегулированию вопроса о нашей нефти на шведском рынке, но уход его правительства помешал ему претворить в жизнь все его благие начинания в отношении расширения советского нефтеэкспорта. Очевидно, Хамрин имел в виду более широкую перспективу, чем только один акцизный кредит. Не считаете ли Вы возможным и целесообразным в настоящее время, чтобы торгпред начал переговоры с социал-демократическим правительством о закупке шведскими государственными организациями советских нефтепродуктов наподобие того, как это имеет место, при менее благоприятных условиях, в Норвегии и Дании. Норвежские и датские государственные организации теперь выдали довольно большие заказы на советскую нефть.

3. Приход к власти правительства Гитлера вызвал настороженность шведского общественного мнения, начиная от социал-демократов и кончая консерваторами. Контингентирование сельскохозяйственного импорта в Германии, аграрно-протекционистские пошлины, денонсирование шведско-германского торгового договора, великодержавный и надменный тон Гитлера и Геринга в отношении позиции шведской прессы к фашистскому правительству в Германии и инцидент германского посланника Розенберга с Унденом[29] заставляют предполагать, что мы имеем налицо тенденцию ухудшения шведско-германских политических и торговых взаимоотношений, приобретающую характер генерального пересмотра шведской политики в отношении Германии. Несомненно, что подобная ревизия шведской политики в отношении Германии должна вызвать переориентацию Швецией своей позиции в международных вопросах, связанных с германской проблемой и германо-английскими и германо-французскими политическими отношениями.

---

* Бывший премьер-министр Швеции.
** См. т. XV, док. № 452.
*** См. т. XV, док. № 470.

Просим Вас внимательно следить за дальнейшим развитием германо-шведских отношений под аспектом вышеупомянутой точки зрения [30].

4. Прошу Вас с одной из очередных почт прислать политический и экономический обзоры Швеции за 1932 г. согласно существующей схеме.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

38. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню

13 февраля 1933 г.

Господин Особый агент,

Подтверждая получение Вашего письма от 25 января за № 117[3], я не могу вместе с тем не выразить своего глубокого удивления по поводу того, что соответствующие высшие власти, к которым Вы обращались с просьбой о расследовании положения арестованных советских граждан, считали возможным игнорировать достаточно очевидные факты, изложенные в моих письмах, адресованных Вам, и, в частности, в приложенных к ним официальных протоколах медицинской экспертизы.

Моими письмами от 19 июня прошлого года и 7 января с. г.* я имел честь препроводить Вам официальные акты врачей, производивших осмотр тел умерших в харбинской и синьцзинской тюрьмах Васильева и Воронина. Акты эти, подписанные представителями официальной медицинской экспертизы, являются официальными документами, игнорирование которых явилось бы незаконным и которые, смею надеяться, будут рассмотрены соответствующими властями для внимательного расследования указанных в них фактов, а также причин смерти гр. Васильева и Воронина. Я твердо уверен, что, если власти займутся законным и беспристрастным расследованием этого, не останется места для заподозривания кого-либо в «намеренном возбуждении дела», и Вы, г. Особый агент, признаете таковые подозрения, к сожалению, отмечаемые в Вашем письме от 25 января, неосновательными.

К моему глубокому огорчению, несмотря на мои неоднократные обращения к Вам и вопреки неоднократным обещаниям властей принять необходимые меры, положение арестованных советских граждан с каждым днем все более и более ухудшается. Большинство арестованных закованы в ручные

* См. т. XV, док. № 255 и док. № 6 настоящего тома.

и ножные кандалы, в результате чего у многих из них начались заболевания суставов. Среди арестованных на почве тяжелых антисанитарных условий в тюрьме и исключительно плохой пищи развивается цинга. У некоторых арестованных вываливаются зубы, болят десны, сочится кровь, пухнут руки. У гр. Поспелова идет кровь из горла, у гр. Арабея открылась язва желудка и т. д. и т. п. К тому же отсутствует самая элементарная медицинская помощь.

В отношении арестованных применяются самые жестокие насилия и пытки. При допросах арестованных избивают до потери сознания, применяя для этого что попало, вплоть до табуреток, вливают какую-то жидкость в нос и т. д. При этом больных, не могущих передвигаться, приводят на допросы и применяют к ним те же приемы допросов. Это имело место в отношении гр. Линского и др. В особенности усердствуют белые русские тюремные чины, среди коих своим варварским обращением выделяется Мартынов.

Недавно среди арестованных были отмечены два случая попыток покончить жизнь самоубийством.

Я не стану повторять уже высказанные мною Вам неоднократно мотивы применения этого режима в отношении ни в чем не повинных арестованных советских граждан, как и не стану останавливаться на утверждениях Вашего письма о якобы «распространяемых советскими властями злых слухов о смерти из-за пыток» и т. п.

Смею Вас заверить, г. Особый агент, что прекращение изложенного мною выше обращения с арестованными и справедливое окончание [дела] содержащихся под арестом около десяти месяцев советских граждан явятся лучшим способом прекращения справедливых и законных выступлений советского Генерального консульства и советских властей по этому вопросу.

Повторяя все свои прежние требования относительно срочного окончания этого несправедливо затянувшегося дела и пребывая на основании Вашего письма в надежде, что «судебные власти в настоящее время принимают энергичные меры к срочному окончанию дела», честь имею просить Вас снова обратиться к высшим властям по этому вопросу и уведомить меня о результатах *, чтобы я имел возможность довести об этом до сведения Народного Комиссариата Иностранных Дел, что будет способствовать дальнейшему укреплению существующих отношений **.

Вместе с тем честь имею просить Вас, г. Особый агент, сообщить конкретные факты плохого обращения советских вла-

---

* Ответа в архиве не обнаружено.
** См. т. XV, прим. 137.

стей с вашими гражданами, дабы я имел возможность принять меры к расследованию этого, так как вопросу о справедливом и гуманном обращении в СССР с вашими гражданами, как и с другими иностранными гражданами, советские власти уделяли и уделяют законное внимание.

Пользуясь случаем, прошу принять, господин Особый агент, уверения в моем глубоком к Вам уважении.

Генеральный консул СССР в Харбине
Славуцкий

Печат. по арх.

39. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

14 февраля 1933 г.

На Вашу телеграмму от 10 февраля с. г.* В Вашем ответном заявлении** изложите нашу позицию по четвертому документу***. Укажите, что Вы не даете ответа по другим документам, поскольку затронутые в них вопросы не имеют отношения к переговорам о торговом договоре. Дайте понять англичанам, что включение в переговоры о торговом договоре вопросов, не имеющих к ним отношения, приведет лишь к срыву переговоров. По первым трем вопросам получите указания НКИД по получении здесь текстов документов [31].

Крестинский

Печат. по арх.

40. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на четвертом заседании Политической комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

15 февраля 1933 г.

Женева, 17 февраля. (Спец. корр. ТАСС). В прениях по вопросу об английском проекте «европейской декларации о неприменении силы» **** выступил т. Литвинов со следующей речью:

«Советская делегация предлагает две поправки к английскому проекту декларации, а именно: удалить в первом и вто-

* См. док. № 36.
** См. док. № 42.
*** См. стр. 102.
**** См. т. XV, прим. 397.

ром параграфах слово «Европы»; далее: удалить в первом параграфе слова «одновременно с конвенцией разоружения».

Из этих поправок видно, что советская делегация не имеет возражений против существа английского предложения, и если она предлагает расширить сферу действия этих новых актов интерпретации за пределы Европы, то ее побуждает к этому не только желание сделать декларацию универсальной или же соображение, что чем больше подписей, тем лучше. Нет, наши поправки имеют более глубокое значение, которое я хочу объяснить.

Все страны, представленные на конференции, подписали пакт Бриана — Келлога*. Этот пакт осудил обращение к войне как к средству разрешения международных споров и определил, что разрешение всех конфликтов, какого бы характера и происхождения они ни были, должно происходить только мирными средствами. Английский проект декларации ничего нового к этим обязательствам не добавляет, кроме того, что тогда как пакт говорит об отказе от войны, проект декларации говорит об обращении к силе.

По мнению советской делегации, отказ от войны означает не только отказ от объявления войны и осуществления ее в узком смысле слова, но и отказ от всяких военных операций и актов насилия в отношении другого государства. Я полагаю, что эта интерпретация приемлется всеми участниками пакта Бриана — Келлога и что поэтому английский проект декларации может показаться излишним. Однако мы полагаем, что было бы полезно иметь эту интерпретацию в письменном виде и придать ей законную силу международного акта, но лишь в случае принятия такого акта всеми участниками пакта Бриана — Келлога. Мы опасаемся, что в противном случае декларация способна наделать больше вреда, чем пользы.

Если мы считаем необходимым дать определение или интерпретацию какого-либо существующего международного акта, то тем самым мы признаем его неясность или же возможность различных его интерпретаций. Если же теперь мы подпишем декларацию, гласящую, что мы, европейские страны, принимаем обязательство не прибегать к силе, то это приведет к логическому выводу, что любой другой участник пакта Бриана — Келлога, не участвующий в данной декларации, обязан не прибегать к войне, но вполне свободен прибегать к военным операциям и к другим актам насилия, которые, по его мнению, не являются войной. Например, предположим, что какой-либо участник пакта Бриана — Келлога захватил иностранную территорию, оккупировал обширные провинции, упразднил существующую администрацию и учредил новую,

* См. т. XI, док. № 298.

действуя, как если бы он находился на собственной территории. Такой участник может заявлять, что он не нарушил пакта Бриана — Келлога. Пока английский проект декларации не подписан, это гипотетическое государство, о котором я говорил, может считаться нарушившим пакт Бриана — Келлога, но как только эта декларация будет подписана и мы примем на себя новые обязательства не прибегать к силе, вопрос станет иначе: указанное государство сможет сказать:

«До сих пор обязательства не прибегать к силе не существовало. Однако, поскольку я не подписал этой декларации, а я не собираюсь ее подписывать, я свободен действовать, как считаю нужным. Кроме того, вы сами признали, что я, как неевропейское государство, не обязан ее подписывать. Я не объявлял войны. Правда, я совершил некоторые акты насилия, но они не предусмотрены пактом Келлога. Поэтому я свободен от всяких обвинений в нарушении пакта».

Вот какого рода случай, кажется мне, сможет возникнуть, если мы подпишем эту декларацию, ограничив ее европейскими государствами. Поэтому мы придаем такое значение распространению действия данной декларации на всех участников пакта Бриана — Келлога.

Мы согласны, что будет весьма полезно иметь интерпретацию этого пакта, но не можем согласиться на акт, узаконяющий две интерпретации: одну для европейских, другую для неевропейских стран.

Правда, такой декларацией мы бы, может быть, дали известную дополнительную безопасность европейским странам, но сделали бы это лишь за счет неевропейских стран. Кроме того, даже европейское государство может подвергнуться нападению не только со стороны европейского же государства, но и со стороны неевропейского, в каковом случае безопасность, вытекающая из данной декларации, была бы тоже ограниченной. Далее, если мы считаем необходимым или полезным сделать эту новую декларацию, я спрашиваю: почему не сделать этого теперь же, почему следует откладывать до момента, когда конвенция разоружения будет готова?

Если ее целью является усилить чувство безопасности для того, чтобы облегчить работу конференции по разоружению, то эта цель будет достигнута лишь в случае, если декларация будет подписана немедленно и ратифицирована возможно скорее. В противном случае принятие декларации делегатами, находящимися здесь, сможет оказаться необязательным для правительств, ибо в наше время во многих странах правительства недолговечны, и к моменту, когда конвенция разоружения будет готова для подписания, у власти смогут оказаться другие правительства, которые отвергнут принятие декларации. Мы не сможем получить никакого ощущения безопасности из

принятия декларации делегатами, если декларация не будет подписана. Посему мы предлагаем удалить слова: «Европы» и «одновременно с конвенцией разоружения». Мы бы даже предложили добавить: «ратификацией в возможно кратчайший срок».

В сущности эта декларация не имеет прямого отношения к разоружению. Нужда в безопасности более значительна, когда нет разоружения или когда оно откладывается до отдаленных сроков, чем когда разоружение уже стало фактом. Разоружение само по себе — более действительная мера безопасности, чем всякий иной международный акт. Поэтому казалось бы логичным, чтобы эта декларация была подписана до конвенции по разоружению, а не откладывалась до некоего отдаленного срока, который, быть может, никогда и не наступит».

Печат. по газ. «Известия» № 45 (4979), 18 февраля 1933 г. Опубл. в сб. «League of Nations. Records of the Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Minutes of the Political Commissions», Series D, Vol. 5, Geneva, 1936, pp. 12—13.

41. Нота Полномочного Представительства СССР в Афганистане Министерству Иностранных Дел Афганистана

15 февраля 1933 г. № 93

Подтверждая получение вербальной ноты уважаемого Министерства Иностранных Дел от 27 января с. г. за № 4038/3321 по вопросу о телеграфном имуществе, находящемся в Герате, Полномочное Представительство СССР имеет честь препроводить при сем уважаемому Министерству Иностранных Дел два списка за № 1 и 2 *:

1) список телеграфного имущества, подлежащего передаче Афганскому Правительству бесплатно, и

2) список инструментов и других материалов, принадлежащих строительству телеграфной линии, которые, в случае желания Правительства Афганистана, могут быть уступлены за деньги.

Полномочное Представительство СССР имеет честь просить уважаемое Министерство Иностранных Дел сообщить, намерено ли Правительство Афганистана приобрести имущество, значащееся в списке № 2. В случае положительного ответа Полномочное Представительство СССР сделает указание Генеральному консульству СССР в Герате произвести оценку указанного имущества, а затем, по внесении уважаемым Министерством Иностранных Дел причитающейся суммы в Полномочное Представительство СССР в Кабуле, приступить

* Не публикуются.

к его передаче, одновременно с имуществом, перечисленным в списке № 1.

В случае же, если Правительство Афганистана не пожелает приобрести имущество, перечисленное в списке № 2, Полномочное Представительство СССР сделает распоряжение Генеральному консульству СССР в Герате вывезти указанное имущество в СССР, одновременно с передачей афганским властям имущества по списку № 1.

О решении Правительства Афганистана Полномочное Представительство СССР просит поставить его в известность.

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте МИД Афганистана от 27 января 1933 г. № 4038/3321 говорилось:

«Во время словесных переговоров г. Старка, Полномочного Представителя СССР, с г. Министром Иностранных Дел г. Старк заявил о том, что Правительство СССР согласно передать Афганскому Правительству телеграфное имущество, оставшееся от постройки телеграфной линии Кушка — Кандагар* и находящееся в Герате. Ввиду этого Министерство Иностранных Дел имеет честь просить уважаемое Полномочное Представительство СССР прислать в Министерство Иностранных Дел список телеграфного имущества, подлежащего передаче, и список имущества, которое может быть уступлено Афганскому Правительству за деньги.

Кроме того, Министерство Иностранных Дел просит уважаемое Полномочное Представительство СССР дать соответствующие указания Генеральному консульству СССР в Герате».

На ноту полномочного представительства от 15 февраля 1933 г. МИД Афганистана ответил следующей нотой от 4 апреля 1933 г. № 321/267:

«В ответ на вербальную ноту уважаемого Полномочного Представительства от 15 февраля с. г. за № 93, Министерство Иностранных Дел сообщает, что оба списка, присланные уважаемым Полномочным Представительством, представлены независимому почтово-телеграфному управлению.

Уступаемое за деньги имущество проверяется сейчас вышеупомянутым управлением с целью выделения тех предметов, которые необходимы почтово-телеграфному управлению. Список выбранного им имущества будет сообщен уважаемому Полномочному Представительству с тем, чтобы оно сообщило стоимость каждого отдельного предмета. По определении стоимости это имущество будет куплено. В ближайшие дни независимое почтово-телеграфное управление известит уважаемое Полномочное Представительство о своем решении.

Относительно имущества по первому списку, предоставляемого Афганскому Правительству бесплатно, Министерство Иностранных Дел, выражая благодарность, просит уважаемое Полномочное Представительство дать указания уважаемому советскому консульству в Герате о передаче этого имущества гератскому провинциальному управлению».

В дополнение к ноте от 4 апреля 1933 г. № 312/267 МИД Афганистана направил полномочному представительству ноту от 8 июля 1933 г. № 1768/1452:

«В дополнение к своей ранее посланной вербальной ноте Министерство Иностранных Дел имеет честь сообщить уважаемому Полномочному

---

* См. т. VII, док. № 282.

Представительству, что, согласно сообщению независимого почтово-телеграфного управления, последнее нуждается для проведения новой телеграфной линии в имуществе проволочного телеграфа, отмеченного в списке № 1, которое переходит бесплатно в собственность Афганского Королевского Правительства.

Исходя из этого, Министерство Иностранных Дел просит уважаемое Полномочное Представительство дать срочные указания уважаемому советскому консульству в Герате о передаче вышеупомянутого имущества местным властям в Герате.

Ввиду того, что уважаемым Полномочным Представительством до сих пор не сообщены цены на имущество по второму списку, вследствие чего задержалась передача имущества по первому списку, что, кроме того, в настоящее время почтово-телеграфное управление не имеет надобности в имуществе по списку № 2 и что оно не считает имущество по первому списку связанным с имуществом по списку № 2, Министерство Иностранных Дел просит уважаемое Полномочное Представительство принять срочные меры относительно имущества по первому списку» [32].

42. Меморандум советской делегации на торговых переговорах с Великобританией *

17 февраля 1933 г.

Основным принципом, которым руководствуется Советское Правительство в своих торговых отношениях с иностранными государствами, всегда было и остается обеспечение для советской торговли равного положения с другими странами на иностранных рынках и недопущение каких-либо попыток создать дискриминационный режим для советской торговли. В свете этого основного принципа советские делегаты изучили содержание меморандума, приложенного к письму сэра Хораса Вильсона ** от 29 декабря 1932 г.***, и меморандума от 26 января 1933 г.

Поэтому вполне ясно, что содержание меморандума от 29 декабря вызвало наши серьезные опасения. Содержание этого меморандума допускает различные толкования. С одной стороны, его можно толковать как намерение британской стороны создать для советской торговли специальный дискриминационный режим. В этом случае упомянутый меморандум по изложенным выше соображениям является совершенно неприемлемым в качестве основы для настоящих переговоров. Более того, если окажется, что такое толкование является правильным, то не стоило начинать переговоры.

С другой стороны, этот меморандум допускает другое толкование, и, как это было подчеркнуто в ноте сэра Джона Саймона от 17 октября 1932 г.****, Британское Правительство за-

---

* Оглашен полпредом СССР И. М. Майским 17 февраля 1933 г. на заседании советской и английской торговых делегаций.

** Главный советник министерства торговли Великобритании.

*** См. т. XV, прим. 319.

**** См. т. XV, стр. 674.

интересовано в содействии англо-русской торговле, и, как отмечалось во время официальных и неофициальных бесед, которые имели место с тех пор, британская сторона выразила желание продолжать и развивать торговлю между Союзом Советских Социалистических Республик и Великобританией. Можно предполагать, что содержание меморандума от 29 декабря 1932 г. не следует толковать как намерение поставить советскую торговлю в менее благоприятные условия по сравнению с торговлей других стран. Допуская, что это последнее толкование является правильным, советские делегаты готовы рассмотреть предложения, содержащиеся в вышеупомянутом меморандуме, так же как и в более тщательно составленном меморандуме британских делегатов от 26 января 1933 г., врученном советским делегатам на заседании 9 февраля 1933 г.

В отношении существа вышеупомянутых документов советские делегаты желают заявить следующее.

1. Советские делегаты придерживаются мнения, что предложение британских делегатов относительно «приблизительного равенства платежного баланса», выдвинутое в меморандуме от 29 декабря 1932 г., не может быть обосновано логичными экономическими причинами. Однако, учитывая последствия кризиса, с которым Великобритания наряду с другими странами вынуждена иметь дело, и ее усилия, направленные на улучшение ее платежного баланса с другими странами, и придавая огромное значение дальнейшему укреплению и развитию дружественных отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Великобританией, советские делегаты готовы пойти навстречу пожеланиям британских делегатов и, в том случае, если условия, указанные ниже, будут приняты, начать переговоры с целью осуществления, насколько это возможно в течение пятилетнего периода, предложения британских делегатов, а именно, «достигнуть в будущем приблизительного равенства платежного баланса». Ввиду вышеизложенного советские делегаты не могут согласиться с тем методом для достижения этой цели, который предлагается британскими делегатами в параграфах 2 и 3 меморандума от 26 января 1933 г., и со своей стороны в ходе дальнейших переговоров предложат другой метод, который, по их мнению, более подходит при данных обстоятельствах.

2. Согласие советских делегатов начать переговоры, упомянутые в предыдущем параграфе, имеет силу при условии:

а) немедленного проведения переговоров о новом торговом договоре, в котором советской торговле должно быть предоставлено равное положение с торговлей любого другого иностранного государства на британском рынке и неприменение к советской торговле каких-либо мер дискриминационного характера, и

б) немедленное проведение переговоров, для того чтобы обеспечить более благоприятные кредиты для советской торговли.

3. Советские делегаты придерживаются мнения, что вопрос, касающийся предоставления более высокой доли британским судам для перевозки советских грузов, является частью общей проблемы улучшения платежного баланса в целом, и, следовательно, не считают, что он должен рассматриваться как отдельный вопрос для переговоров.

4. Что касается параграфа 4 меморандума от 29 декабря 1932 г., советские делегаты не имеют возражений против того, чтобы их представители, г. Леонидов и г. Жуков, вступили в прямые переговоры с лицами, которые будут указаны министерством торговли, для разъяснения вопросов, касающихся фрахтовых контрактов и спасательных работ, которые были упомянуты сэром Хорасом Вильсоном в беседе с г. Каганом * и г. Бессоновым ** 30 декабря 1932 г. [33].

5. В связи с вышеизложенным советские делегаты предлагают создать два специальных комитета, которые должны немедленно начать обсуждение следующих вопросов:

а) о проекте нового торгового договора,

б) о платежном балансе и кредитах для советских заказов.

С целью ускорения переговоров советские делегаты предлагают начать работу в обоих комитетах одновременно.

6. В комитете, занимающемся новым торговым договором, советские делегаты будут представлены г. Каганом и г. Бессоновым. В комитете, занимающемся платежным балансом и кредитами, советская сторона будет представлена г. Озерским, которому будет помогать г. Бессонов.

Советские делегаты просят, чтобы британские делегаты со своей стороны назначили своих представителей в предложенные выше комитеты.

Печат. по арх.

В упомянутом меморандуме английского министерства торговли от 26 января 1933 г. говорилось:

1. Было рассмотрено предложение (сделанное г. Майским при встрече 15 декабря и повторенное г. Каганом и г. Бессоновым в их беседе с сэром Хорасом Вильсоном 30 декабря [33]) о том, что представители Соединенного Королевства должны на этой стадии выдвинуть определенные предложения, направленные на предоставление гарантий советской торговле в условиях, созданных приближающимся прекращением действия торгового соглашения, а следовательно, и прав наиболее благоприятствуемой нации. Мотивы, в силу которых считается, что предусмотренные положения по этому вопросу являются неподходящими, были уже изложены и кратко суммированы в ноте, переданной советским представителям 29 декабря.

---

* Первый секретарь полпредства СССР в Великобритании.

** Заместитель торгпреда СССР в Великобритании.

2. Представители Соединенного Королевства считают нужным указать, что, если взять за основу истекшие пять лет*, то существовало большое несоответствие между стоимостью товаров, закупаемых нашей страной в СССР, и стоимостью заказов, размещаемых в нашей стране Советским Правительством. Они не упустили из виду в этой связи необходимости принять во внимание услуги, оказанные английскими судоходными компаниями. По мнению представителей Соединенного Королевства, существенным условием для будущих торговых соглашений и сколько-нибудь успешных усилий в направлении расширения англо-советской торговли является необходимость изменения такого положения. Поэтому они предлагают советским представителям условиться, чтобы в будущем заказы на изделия и продукцию в Соединенном Королевстве размещались Советским Правительством в нашей стране на сумму, равную стоимости советской продукции, проданной в нашей стране. В качестве удобного метода проведения этого предложения в жизнь представители Соединенного Королевства предлагают считать среднюю за три истекших года зарегистрированную стоимость импорта в Соединенное Королевство товаров, выработанных или изготовленных в Советском Союзе, мерилом стоимости заказов на изделия и продукцию Соединенного Королевства, которые будут размещены в нашей стране Советским Правительством в течение 1933 г. Зарегистрированная стоимость импорта в Соединенное Королевство товаров, выработанных или изготовленных в Советском Союзе в течение 1931—1933 гг., явится мерилом стоимости заказов на изделия и продукцию Соединенного Королевства, которые будут размещены в нашей стране Советским Правительством в течение 1934 г. и соответственно для последующих периодов.

3. Стремление Правительства Его Величества к быстрейшему сокращению неблагоприятного торгового баланса торговли нашей страны с Советской Россией будет тем более оценено Советским Правительством, что оно со своей стороны согласно полученной информации недавно отстаивало перед правительствами других стран собственное стремление сократить свой неблагоприятный торговый баланс с каждой из этих стран. Однако, что касается торговли между нашей страной и Советским Союзом, то платежный баланс представляется более неблагоприятным, чем можно было бы судить по цифровым данным торгового баланса (даже с учетом услуг судоходных компаний), поскольку экспорт Соединенного Королевства в СССР большей частью производится в кредит, в то время как Советское Правительство, как правило, не предоставляет кредита для продажи советских товаров в нашей стране. Правительство Его Величества стремится в ближайшее время достигнуть существенного реального улучшения не только торгового баланса, но и платежного баланса между обеими странами. Представители Соединенного Королевства считают, что это предполагает довольно быстрый переход с кредитной базы для советских закупок в нашей стране к наличному расчету или к более краткосрочным кредитам, что в большей степени соответствует обычной торговой практике в нашей стране. Если Советское Правительство считает, что имеющиеся у него обязательства будут служить препятствием к такого рода переходу в ближайшее время, то разъяснение Советским Правительством, каковы эти обязательства, и его предложение о каких-либо альтернативных методах, направленных на удовлетворение пожеланий Правительства Его Величества, облегчило бы обсуждение вопроса.

4. Определенная договоренность по вопросам, затронутым в предыдущих пунктах относительно шагов, которые должны быть предприняты для обеспечения приблизительного платежного баланса между обеими странами, позволила бы представителям Соединенного Королевства выдвинуть предложения о том, в какой степени могут быть сформулированы положения, которые обеспечивали бы гарантии для советской торговли с учетом интересов наших производителей и обязательств Правительства Его

* См. прилагаемую таблицу *(прим. док.)*.

Величества перед канадским правительством в отношении преференций, предоставленных по Оттавскому соглашению *.

5. В ноте, направленной советским представителям 29 декабря, упоминался вопрос об услугах английских судоходных компаний, и в этой связи представители Соединенного Королевства желают сослаться на заявление, сделанное г. Бессоновым в беседе с сэром Хорасом Вильсоном 30 декабря. Они полагают, что под этой перепиской г. Бессонов имел в виду письмо г. Левина, в то время Уполномоченного Торгового Представительства СССР в Соединенном Королевстве, от 20 мая 1932 г. и ответ полковника Колвилла от 2 июня. Эта переписка должна рассматриваться в связи с перепиской, происходившей в то же самое время между Палатой торгового мореходства и Англо-советской судоходной компанией. Поскольку Палата торгового мореходства впоследствии передала весь вопрос в целом на рассмотрение Британского Правительства, которое, хотя оно обычно и не занимается вопросами, касающимися расходов по фрахту и страхованию, придает большое значение справедливому отношению к английским судоходным компаниям, а также скорейшему и значительному увеличению их использования в торговле с Советским Союзом, представители Соединенного Королевства не желают изменять каким-либо образом пункты 3 и 4 первоначальной ноты и не считают необходимым развивать сказанное там. Представители Соединенного Королевства будут ожидать замечаний советских представителей по этим вопросам.

К английскому меморандуму от 26 января 1933 г. была приложена следующая таблица:

Торговля Соединенного Королевства с СССР

	Импорт из СССР	*Экспорт в СССР*	
		продукты и изделия Соединенного Королевства	*реэкспорт из Соединенного Королевства*
	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
1928 г.	21 576 107	2 715 990	2 084 762
1929 г.	26 487 499	3 743 489	2 798 544
1930 г.	34 235 002	6 771 946	2 519 355
1931 г.	32 285 563	7 291 319	1 911 895
1932 г. (предвар.)	19 697 013	9 274 534	1 367 529

* См. т. XV, прим. 139.

43. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Афганистане Л. Н. Старку *

20 февраля 1933 г.

В результате частичного обследования лишь некоторых районов северного Афганистана установлена сильнейшая зараженность саранчой площади в 170 *га*, что угрожает гибелью афганским посевам и крайне опасно и для нас. Необходимо срочное принятие предупредительных мер. Наша экспедиция должна не позже марта быть в Афганистане, чтобы закончить начатое осенью обследование Мазари-Шерифской, Каттаганской и Мейменской провинций ** и уже в апреле приступить к истреблению саранчи. В последующее осеннее обследование предполагается включить и Герат скую провинцию. Состав экспедиции (включая переводчиков, шоферов и двух энтомологов, находящихся в Мазари-Шерифе) — 31 человек. Через Патта-Гиссар, Бауманабад (Сарай) и Айвадж будет ввезено до 2 тыс. *т* ядоматериалов и рабочего инвентаря, а также пять грузовиков. Афганское правительство должно дать указания на места и обеспечить беспрепятственный пропуск экспедиции и грузов, свободное передвижение по северному Афганистану нашего персонала в зависимости от требований и интересов работы, и полное содействие со стороны местных властей и афганской части экспедиции. Должно быть бесплатно предоставлено нужное количество рабочей силы и транспортных средств, а также помещения для персонала и хранения имущества. Поскольку мы вкладываем большие средства в эту экспедицию и работы будут вестись совместно с афганцами, не менее нашего заинтересованными в этом деле, было бы желательно добиться от афганского правительства согласия на оплату хотя бы части ядоматериалов. Со своей стороны, помимо содержания и оборудования экспедиции, мы согласны бесплатно обучить на месте до 150 афганцев из тех, кого выделит афганское правительство, пропустив их через соответствующие курсы и дав им должную квалификацию. Срочно договоритесь обо всем этом с афганским правительством и о результатах сообщите ***. Афганское посольство, которому мы сообщили об угрожающем положении с афганской саранчой, обещало также воздействовать на Кабул. Имена энтомологов сообщим на днях ****. Поскольку истребление саранчи на-

---

* Копии телеграммы были направлены генеральному консулу СССР в Мазари-Шерифе и уполномоченному НКИД СССР при правительстве Узбекской ССР.

** См. т. XV, прим. 167.

*** См. док. № 55.

**** 26 февраля 1933 г. Л. М. Карахан сообщил телеграммой Л. Н. Старку состав советской экспедиции по борьбе с саранчой.

чнется лишь в апреле, быть может еще удастся договориться с афганским правительством по вопросу о применении авиационных методов борьбы с саранчой, что сильно упростило бы работу, сократило бы количество афганской рабочей силы и дало бы неизмеримо бо́льшую эффективность. Как с переговорами о постоянном соглашении по борьбе с саранчой? Правительство настаивает на скорейшем его заключении *.

Карахан

Печат. по авх.

44. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Норвегии с Министром Иностранных Дел Норвегии Бродландом

21 февраля 1933 г.

Бродланд по телефону спросил меня, не могу ли я с ним повидаться. Я дал согласие и в 12 часов заехал в министерство иностранных дел. Извинившись за вынужденное беспокойство, Бродланд напомнил мне мои прошлогодние слова, сказанные ему в момент осложнения переговоров о госгарантии: «Когда переговорщики заходят в тупик, нам с Вами нужно стараться вывести их оттуда». «И вот,— сказал он,— я хочу Вас просить об этом, так как я встревожен медленным ходом переговоров и тем, что, как мне передали, для приемки сельди торгпредством нам ставятся невыполнимые условия». На это я возразил, что затруднения сложнее, чем об этом ему сообщили, так как Иогансен ** разошелся с Клингером *** в основных вопросах переговоров, а именно в вопросах о размере подлежащей закупке в этом году сельди и ценах на последнюю, заявив, что наши условия не являются для него базисом для ведения переговоров. К этому я добавил, что, согласно информации нашего торгпредства, об этом ответе Иогансена уже сообщено в Москву Наркомвнешторгу. Таким образом, сказал я, тупик создан несговорчивостью министерства торговли, и я, узнав об этом, сам зашел бы поговорить с ним (Бродландом), если бы он любезно не предупредил меня.

Тут я воспользовался случаем, чтобы обстоятельно изложить ему причины, вынудившие нас сократить наш импорт из Норвегии в этом году, передал ему о беседе, которую я имел о том же с Эсмарком 23 января [34] в бытность Бродланда в Женеве, и кончил выражением уверенности в том, что эта наша мера будет правильно понята норвежцами, которые в течение

---

* См. прим. 10.

** Зав. торгово-политическим отделом МИД Норвегии.

*** Торгпред СССР в Норвегии.

целого ряда лет имели с нашей стороны доказательства исключительного благорасположения (ссылка на балансы нашей торговли), и что даже при сужении наших закупок в этом году СССР будет одной из немногих стран, с которыми Норвегия сохранит активный баланс. Вопреки моему ожиданию, Бродланд ни единым словом, ни жестом не обнаружил недовольства тем, что я ему говорил, а, наоборот, поддакивал мне, особенно там, где я говорил, что мы оказались последними в отношении вынужденного выпрямления нашего баланса с Норвегией, ввиду того что продолжающийся всеобщий хозяйственный кризис не мог наконец не ввести в митлайденшафт * и наше хозяйство. Я все это вполне понимаю, заявил Бродланд. Закончил я тем, что эти меры оздоровления нашей внешней торговли, по-моему, будут правильно оценены Норвегией и не приведут к ухудшению отношений вообще. Зельбстферштендлих **, сказал Бродланд. В заключение же я заявил, что ввиду того, что Клингер приехал из Москвы с точными инструкциями, суть которых он изложил Иогансену, то я нашел бы целесообразным, чтобы Бродланд употребил свое влияние на министерство торговли в смысле правильного понимания и толкования нашей позиции. Я же пока не вижу мотивов для своего вмешательства, ожидая, что при содействии министра иностранных дел министерство торговли примет к обсуждению по существу наши основные условия. Бродланд сказал, что он, конечно, поговорит с министром торговли, и благодарил меня за информацию и за мой приход. В дальнейшем беседа перешла на женевские вопросы, образование Антанты Бенеша, Тройственный союз (Италия, Германия, Венгрия) и бессилие Лиги наций в японо-китайском конфликте. Собеседник мой выразил удовлетворение по поводу того, что вернулся из Женевы в разгар стортингской работы (обсуждение бюджета). Тут я счел уместным напомнить Бродланду об оставшейся без ответа нашей ноте по поводу «квислингиады» ***. Он был, видимо, смущен этим напоминанием (в очень мягкой форме, с упоминанием того, что он, конечно, очень занят и т. д.), всплеснул руками от массы забот и обещал мне заняться этим вопросом. Попрощались мы, обменявшись обычными любезностями. После Бродланда я хотел зайти к Эсмарку, но его в министерстве не оказалось.

Полпред СССР в Норвегии
А. Бекзадян

Печат. по арх.

---

* — в убыток *(нем.)*.
** — само собой разумеется *(нем.)*.
*** См. т. XV, док. № 295.

45. Телеграмма неофнциального Представителя СССР в США в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

21 февраля 1933 г.

Новый президент до сих пор склоняется к предварительным переговорам до признания. Он хочет растянуть дело месяца на три и предпринять первые шаги, возможно, в марте. Часть советников Рузвельта — за признание без всяких условий. Вопрос о признании еще окончательно не решен. Сенатор Бора сообщил мне вчера, что у него спрашивали совета и что он ответил, что Америка нуждается сейчас в СССР больше, чем СССР в Америке, и что нужно сразу признать СССР путем назначения посла, а вести переговоры потом. На пост государственного секретаря будет назначен сенатор Хэлл, заявивший себя сторонником признания. Бора не считает его достаточно сильным и говорит, что выборы показывают, что новый президент хочет сам руководить внешней политнкой. Проф. Моли будет формально одним из помощников государственного секретаря, но по существу ближайшнм советнпком президента; он также сторонник признания. Мне сообщили, что профессор-экономист университета в Денвере Дж. Кларк, бывший глава «Стандард ойл оф Индиана», получил обещанне быть послом в СССР. Он миллнонер, либерал. Я слышал также о других кандидатах и лично отношусь сдержанно к нформации.

Поддержка американских позиций в Женеве вызвала здесь некоторое ослабление чувства изолированности*. Надеются сделкой о долгах добиться существенной поддержки Англии на Дальнем Востоке. В кругах морского департамента ожидают развития крупных военных операций в Китае, опасаются их возможных последствий.

Сквирский

Печат. по арх.

46. Из письма неофициального Представителя СССР в США Народиому Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Лнтвинову

22 февраля 1933 г.

Уважаемый товарищ.

Создавшаяся видимость единого фронта в Женеве против Японии озадачила весьма многих в Соединенных Штатах. Поскольку американское правительство долго и тщетно добивалось реальной поддержки своей позиции со стороны Англии и Франции, внезапный «поворот» этих стран не мог, конечно,

* См. док. № 46.

не вызвать удивления. В первую очередь задаются вопросом, насколько серьезен этот поворот; не есть ли это временный маневр и заигрывание с новой администрацией ввиду предстоящих переговоров о долгах*. К последнему объяснению склонны многие; однако еще больше толкуют поворот как, возможно, серьезное событие, которое неизбежно должно было иметь место раньше или позже, но которое было ускорено развивающимися событиями в Европе. Последние подчеркивают, что Англия начала опасаться возможности блокады китайских портов и серьезного движения Японии к Тяньцзину и Пекину с намерениями, противоречащими интересам Англии, которая хотела бы удержать Японию в пределах Маньчжурии. Появление Гитлера в качестве власти, взволновавшее Францию и ее спутников и сразу резко обострившее и столь уже деликатное положение в Европе, диктовало Англии и Франции необходимость спешного поворота в сторону хотя бы формальной поддержки договоров на Дальнем Востоке, чтобы иметь возможность и дальше тормозить через Лигу наций тенденцию к игнорированию договоров побежденными странами в Европе. Вынужденная таким образом на политику поддержки и спасения «престижа» Лиги, Англия старается использовать эту наметившуюся перемену в качестве действенного средства при торгах о долгах. Действия Франции объясняют главным образом развивавшимися событиями в Германии и появлением Гитлера у власти. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на удовлетворение, высказываемое всеми, у всех, с которыми приходится сталкиваться, все еще заметна большая настороженность к действиям обеих стран. Либеральная пресса Скриппса-Говарда, критиковавшая резче всех прежнее поведение Англии и Франции, возбужденно восклицает: «Лига наций была мертва, но теперь она снова жива». Эта пресса ставит под вопрос «реальность и постоянность» перемены; однако она допускает возможность такой перемены, причины которой ей не совсем ясны. Эта пресса выдвигает два фактора, которые, по ее мнению, могли оказаться решающими: 1) декларация Рузвельта о том, что новая администрация будет продолжать дальневосточную политику республиканской администрации по защите договоров, и 2) власть Гитлера и юнкеров, которые могут попытаться проделать в Европе то же, что безнаказанно проделывает Япония в Китае. Англия и Франция оказались перед необходимостью торопиться спасать Лигу и пакт Келлога. В связи с первым пунктом пресса Скриппса указывает, что Америка и СССР были единственными странами, поддерживавшими принцип святости договоров, и Анг-

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. V, М., 1933, стр. 81—113.

лия и Франция не могли бесконечно лавировать. Не менее важным является военная опасность в Европе, Азии и Южной Америке.

На вопросы, обращенные к госдепартаменту, последний отвечает уклончиво, хотя не скрывает своего удовлетворения событиями в Женеве, ожидая оформления Лигой резолюции «комиссии 19-ти» *. В частных разговорах, однако, отдельные представители департамента дают понять, что, по их мнению, главной причиной, заставлявшей Англию постепенно менять свою позицию в Женеве в сторону благоприятную США, было нарастание враждебности в Китае и боязнь нового взрыва там бойкота английских товаров.

Несмотря на перемены в Женеве, департамент по-прежнему проявляет большую осторожность, связанную с недоверием к Лиге и боязнью быть втянутым в санкции и особенно в столкновение с Японией. Администрация добивается недвусмысленной поддержки своей позиции Лигой, но одновременно расхолаживает почти все разговоры о санкциях (исключение, как видно будет ниже, составляет теперь вопрос о вывозе оружия). Главный республиканский орган «Нью-Йорк геральд трибюн», отзывающийся на всякие движения в Женеве, резко критикует всякие упоминания о санкциях и попытку втянуть США. Этот влиятельный орган прессы заявляет, что не имеется никаких оснований предполагать, что новая администрация переменит позицию в этом вопросе. Газета упрекает Лигу в том, что она раздражает Японию и не дает ей возможности выхода из положения. Газета рекомендует Америке «собрать весь ее резерв здравого смысла и считаться лишь со своими собственными принципами и интересами, игнорируя самолюбие Женевы». Газета заявляет, что Америка не сможет следовать за Лигой, которая залезет в тупик, если будет поднимать вопрос о санкциях. Америка не может поощрять санкций, как не может поощрять и японской агрессивности. Она предлагает Лиге принять доклад Литтона **, вынести решение о непризнании Маньчжоу-Го и на этом остановиться. Время и экономика образумят японцев. В повторной передовице от 19 февраля эта же газета настаивает: «Главной заботой Лиги наций и администрации Рузвельта сейчас должно быть изгнание из международных переговоров всяких предложений о принудительных действиях и разъяснение японскому народу, что от него зависит, что предпочесть — «моральную изоляцию» или же поддержание своей чести в глазах всего мира».

Подозрения в отношении Лиги идут по двум направлениям: 1. Считают, что если разговоры о санкциях ведутся

---

* См. т. XV, прим. 324.
** См. т. XV, прим. 42.

всерьез, то для того, чтобы втянуть Соединенные Штаты и свалить на них все бремя, что могло бы кончиться войной. 2. Если не всерьез, то для того, чтобы Соединенные Штаты официально отказались от участия и этим дали бы Англии и Франции прекрасный предлог для фактического провала в Лиге этого вопроса. Частные интересы и общественное мнение в Соединенных Штатах настроено в массе против всяких бойкотов. Гувер выступил против них, заявив, что они противоречат методу пакта Келлога. Однако до этого выступления госдепартамент одно время в частном порядке поощрял выступления различных организаций в пользу бойкота, намереваясь позондировать настроение населения и конгресса и одновременно припугнуть японцев. Многие выступившие за бойкот тогда выступили потом против, заявив, что они были лишь за бойкот совместно с другими государствами, но против бойкота со стороны лишь Соединенных Штатов. Проф. Лоуэлл, например, выступивший за эмбарго, потом выступил с разъяснением, что он не имел в виду самостоятельный бойкот Америкой Японии, а лишь совместно с другими. Ньютон Бейкер *, тоже выступивший в пользу бойкота при частном поощрении Стимсона, недавно выступил в Кливленде с речью (опубликованной, кстати, и то лишь в части, в Кливленде, и больше нигде; это, очевидно, сделано было сознательно Бейкером, который может сослаться на эту речь, когда потребуется, и которая в то же время не получила широкого распространения. Когда встал вопрос о кандидатуре Бейкера в государственные секретари, его противники указывали, что выбор его был бы истолкован Японией как враждебный акт ввиду его выступления. Это выступление против Японии он теперь смягчил), в которой он также заявил, что он считает бойкот средством, к которому можно прибегнуть лишь в самых крайних случаях, и то совместно с другими странами, но не отдельно.

Некоторыми органами прессы указывается, что выход Японии из Лиги облегчил бы положение в отношении санкций, которые могут применяться лишь к члену Лиги. Хотя заявление о выходе имеет силу лишь спустя два года после такого заявления, Лига могла бы считать Японию фактически выбывшей с момента ее заявления, чем отпал бы вопрос о санкциях. «Уолл-стрит джориэл» заявила 15 февраля в корреспонденции из Вашингтона: «Правительство считает, что, если Япония уйдет из Лиги наций, что является весьма вероятным, женевская организация должна принять политику непризнания Маньчжоу-Го и на этом остановиться. Официальные лица считают, что такие суровые меры, как экономические санкции,

* Политический деятель США; военный министр в период первой мировой войны.

лишь отягчат положение и не побудят Японию прекратить военную оккупацию и не предупредят крупного столкновения с Китаем». Газета добавляет, что вопрос о сотрудничестве с Лигой в применении санкций придется, конечно, решать новой администрации, что старая вообще может лишь вести политику выжидания.

Вопрос о возможной позиции новой администрации интересует, конечно, здесь всех, но мало кто может сказать что-либо определенное. У Рузвельта, вероятно, постепенно проявится бо́льшая тенденция к сотрудничеству с Лигой. Новая администрация, нужно ожидать, будет избегать не меньше старой поводов к дальнейшему обострению отношений с Японией, поскольку это будет позволено обстоятельствами, но внимание флоту будет уделено большее благодаря угрожающе развивающимся событиям как в Китае, так и в Европе. Резкая постановка вопроса о «доктрине Гувера» в кругах демократов (частно, но не официально) и в консервативной прессе объяснялась изолированным положением Соединенных Штатов благодаря отсутствию поддержки американской позиции на Дальнем Востоке со стороны Англии и Франции. Перемена в Женеве, если она будет всерьез, ослабит, конечно, остроту вопроса. Демократы надеются, что уступки в вопросе о долгах будут способствовать англо-американскому сближению хотя бы временному. Здесь пока не видят нужды торопиться с заявлениями об отношении Соединенных Штатов к приглашению Лигой Америки и СССР для участия в комиссии Лиги*. Когда вопрос впервые возник, американцы дали понять, на каких условиях они приняли бы приглашение. Американцы предпочли бы держаться в стороне. Такие сенаторы, как Бора, явно предпочли бы такую позицию [...]**.

С товарищеским приветом,

Б. Е. Скvirский

Печат. по арх.

47. Протокол [заключительного] заседания [по кредитным переговорам между СССР и Германией] от 25 февраля 1933 г.

[25 февраля 1933 г.]

I. Нижеследующие договоры были подписаны и обменены [35]:

1. Специальное соглашение между Консорциумом банков, с одной стороны, и Торговым представительством СССР и Государственным банком СССР — с другой.

---

* См. стр. 147.

** Опущенная часть письма не касается советско-американских отношений.

2. Договор между «Дейче банк», с одной стороны, и Торговым представительством СССР и Государственным банком СССР — с другой.

3. Переписка между «Дейче банк», с одной стороны, и Торговым представительством СССР и Государственным банком СССР — с другой, относительно пролонгации векселей.

4. Договор между «Дрезденер банк», с одной стороны, и Торговым представительством СССР — с другой.

5. Приложение 1 к договору, озиаченному в пуикте 4, между «Дрезденер банк», с одной стороны, и Торговым представительством СССР и Государствеиным банком СССР — с другой, относительно совещаиия юристов 22 февраля 1933 г. о форме уступки долговых обязательств, возникших из договоров о поставке советских организаций с заграничными фирмами.

6. Переписка между «Дрезденер банк», с одной стороны, и Торговым представительством СССР и Государственным баиком СССР — с другой, относительно пролонгации векселей.

7. Обязательство Торгового представительства СССР «Дрезденер банк». Оио касается:

а) заявлений о гарантии находящихся за границей торговых точек трестов и объедииеиий, которые представляют из себя самостоятельные юридические лица, поскольку они подали долговые обязательства в соответствии с вышеупомянутыми договорами, и

в) передачи самих долговых обязательств.

8. Текст облигаций.

II. Имеется взаимное согласие о инжеследующем:

1. Об обмеие иотами между г. Послом СССР и г. Министром Иностранных Дел Германии бароном фон Нейратом в соответствии с приложеиием 1 *.

2. О продлении соглашения о пушиие от 25 января 1933 г. в соответствии с прилагаемой запиской (приложение 2) **.

III. Далее имеется взаимиое согласие о том,

1. чтобы предусмотреиное в заключенных в настоящее время договорах обеспечеиие германской марки чистым золотом рассматривалось только как урегулироваиие, действительиое для этого особого случая;

2. что, независимо от принятого на себя Советской стороиой в обмеие иотами между г. Послом СССР и г. Министром Иностранных Дел Германии обязательства соблюдать при заключеиии будущих сделок сроки пятаковского соглашения ***, будут рассматриваться как особые сделки уже заклю-

---

* См. док. № 48.

** Не публикуется.

*** См. т. XV, док. № 250.

ченная сделка о поставке труб фирмой «Отто Вольф» и заключаемая в скором времени сделка с металлургической промышленностью, для которых допустимы более длительные сроки.

IV. Далее зачитывается следующее заявление, которое будет в письменной форме подтверждено «Дрезденер банк» Торговому представительству СССР. Представитель «Дейче банк» не высказывает никаких сомнений на этот счет:

«Касательно § 16, абзац 2, условий долговых обязательств по долговому обязательству «Азнефти» и остальных причастных к этому производственных компаний:

Договаривающиеся стороны пришли к соглашению о том, что согласно определениям § 16, абзац 2, условий долговых обязательств отдельные производственные компании должны беспрепятственно заключать ломбардные сделки в пределах их текущей производственной деятельности. Объем этих ломбардных сделок не должен превышать принятого по общим коммерческим традициям размера».

Мейер *С. Александровский*

Печат. по арх.

48. Обмен письмами между Полномочным Представителем СССР в Германии Л. М. Хинчуком и Министром Иностранных Дел Германии Нейратом в связи с подписанием Протокола между СССР и Германией от 25 февраля 1933 г.*

1. Письмо министра иностранных дел Германии полномочному представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку

25 февраля 1933 г.

Господин Посол,

Ссылаясь на неоднократные совещания, имевшие место между Вами, г. Посол, Торговым Представителем Союза Советских Социалистических Республик г. Вейцером и мной в связи с письмом от 21 декабря 1932 г., направленным г. Рейхсканцлеру **, имею честь сообщить Вам нижеследующее:

Я принял к сведению Кредитное соглашение, которое было заключено 25 февраля 1933 г. между двумя консорциумами банков, с одной стороны, Государственным банком Союза Советских Социалистических Республик и Торговым Представительством Союза Советских Социалистических Республик в Германии — с другой [35]. При осуществлении кредита, который

* См. док. № 47.

** См. т. XV, док. № 489.

должен предназначаться исключительно для оплаты векселей, подлежащих уплате в 1933 г., которые происходят из германских сделок на поставку и снабжены гражданскими аллонжами Германского акционерного общества ревизии и опекунства, оказали содействие в качестве посредников официальные германские ведомства. В связи с завершением переговоров гг. представители Правительства Союза Советских Социалистических Республик заявили:

1) Пунктуальная выплата всех подлежащих погашению в 1933 г. задолженностей Правительства Союза Советских Социалистических Республик, а также хозяйственных органов и организаций Союза Советских Социалистических Республик германским официальным или частным учреждениям — какого бы рода эти задолженности ни были — гарантирована.

2) Правительство Союза Советских Социалистических Республик и его хозяйственные органы оплатят заказы, направляемые германским фирмам-поставщикам до 31 декабря 1933 г., в кредитные сроки, предусмотренные в соглашении от 15 июня 1932 г.*

Далее я позволю себе выразить надежду, что германские предложения, составленные и переданные мной 16 января с. г.** и являющиеся в настоящее время предметом переговоров в Москве, в скором времени найдут удовлетворительное разрешение.

Пользуюсь случаем, господин Посол, чтобы выразить Вам уверения в моем глубоком к Вам уважении.

Барон фон *Нейрат*

2. Письмо полномочного представителя СССР в Германии министру иностранных дел Германии Нейрату

25 февраля 1933 г.

Имею честь подтвердить получение письма от 25 февраля 1933 г. и настоящим выражаю согласие с его содержанием. При этом по пункту 2 я исхожу из предпосылки, что сроки кредита для советских заказов в Германии до 31 декабря 1933 г. признаны также германской промышленностью как базирующиеся на заключенном с ее представителями соглашении от 15 июня 1932 г. и что условия, содержащиеся в ст. 3, лит. «d», Соглашения, также останутся в силе.

Что касается ведущихся в настоящее время в Москве переговоров, то имею честь покорнейше Вам сообщить, что я,

---

* См. т. XV, док. № 250.

** См. также док. № 16, разд. VI.

в соответствии с Вашим желанием, вновь указал Народному Комиссариату Иностранных Дел на особый интерес, который Вы проявляете к удовлетворительному завершению переговоров.

Пользуюсь этим случаем, чтобы передать Вам, господин Рейхсминистр, уверения в моем глубоком к Вам уважении.

Л. Хинчук

Печат. по арх.

49. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку

25 февраля 1933 г.

«Ангриф», являющийся ныне официозом руководящей правительственной партии, ведет систематическую травлю Советского правительства. В частности, обратите внимание на номера газеты от 15, 17, 18 февраля. В номере от 22 февраля напечатано официальное избирательное воззвание правительственной партии, призывающее голосовать за рейхсканцлера и содержащее ряд совершенно недопустимых выпадов по адресу Советского правительства. Необходимо, чтобы Александровский* в серьезной форме обратил внимание Мейера**, а Виноградов*** решительно поговорил с Функом****. Дайте понять, что при таком положении вещей наша пресса вряд ли будет молчать *****.

Крестинский

Печат. по арх.

50. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Шн Люй-бэню

25 февраля 1933 г.

Господин Особый агент,

В ответ на Ваше письмо от 6 февраля, врученное мне господином Сугихара 11-го сего месяца[36], имею честь сообщить, что все приведенные в Вашем письме сообщения о якобы имевших место случаях нарушения границ Маньчжурии, в частности в районе озера Ханка, советскими властями лишены

* Советник полпредства СССР в Германии.
** Заведующий IV отделом МИД Германии.
*** Советник полпредства СССР в Германии.
**** Заведующий Имперским бюро печати.
***** См. док. № 53, а также док. № 51.

какого бы то ни было основания и являются голословными заявлениями. Никаких нарушений границ со стороны советских властей в районе озера Ханка, так же как в каком-либо другом районе, не было и быть не может, ибо советские пограничные отряды надлежащим образом инструктированы и в точном соответствии с договорами поддерживают существующие границы, которые достаточно ясны и в отношении которых никакой путаницы до сих пор не существовало.

Единственный случай нарушения советской границы имел место 23 января, и то со стороны японских частей в районе Тумыньцза, когда небольшой отряд японских солдат, преследовавший антиманьчжурские войска, перешел из Маньчжурии границу СССР и вернулся обратно на китайскую территорию по требованию начальника советской пограничной заставы. Об этом случае Советским Посольством в Токио было сделано 30 января официальное представление Японскому Правительству *.

Советское Правительство полагает, что маньчжурские пограничные власти получили или должны получить такие же инструкции, как и советские пограничные власти, и что, таким образом, на границе и в дальнейшем, как и за все последние годы, не возникнет никаких споров из-за линии границ.

Примите уверения в моем глубоком к Вам, господин Особый агент, уважении.

Генеральный консул СССР в Харбине
Славуцкий

Печат. по арх.

51. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном

27 февраля 1933 г.

1. Дирксен пришел со счастливым видом и сказал, что он получил от Нейрата чрезвычайно радующее его поручение в доверительном порядке подробно переговорить с Советским правительством по поводу общего состояния советско-германских политических отношений, а также относительно мирового политического положения вообще. Он сейчас изложит мне положения, на основе которых хотел бы подробнее обменяться мнениями, и будет просить меня назначить ему специальный прием для подробного разговора, а затем ему очень хотелось бы еще раз быть принятым т. Молотовым и непосредственно

* См. док. № 24.

ему изложить позицию германского правительства по отношению к СССР *.

2. Новая политическая линия Советского правительства, выразившаяся в заключении ряда пактов о ненападении, встретила общее понимание и сочувствие германского правительства, которое приняло все меры к тому, чтобы германская печать и общественное мнение отнеслись к заключению пактов совершенно спокойно.

Германское правительство считало, что заключение пактов с Францией и Польшей ** ни в какой мере не изменяет старых отношений между СССР и Германией.

3. Только за последние недели у германского правительства появились некоторые сомнения, нет ли в советской внешней политике новой ориентации в смысле бо́льшего уклона в сторону Франции.

4. Основанием для такого сомнения послужили: а) выступление т. Литвинова в Женеве на конференции по разоружению *** и вообще ход работ этой конференции; б) печатная кампания Эррио; в) сообщение печати о плане обмена военными атташе между Францией и СССР; г) сообщение о прибытии во Францию нашей комиссии по военным закупкам.

5. Германскому МИД ясно, что инициатива сближения в преобладающей части идет со стороны Франции и что вполне естественно, что СССР не отклоняет дружеских заявлений со стороны Франции.

6. Но аусамту **** кажется, что известная инициатива была и с советской стороны. В самом деле: первая речь Литвинова в Женеве базировалась отчасти на плане Эррио *****, и вся иностранная печать называла Литвинова единственным сторонником французского плана разоружения. Правда, аусамт понимает, что острие речи Литвинова было направлено против Японии, но если сравнить отношение СССР к вопросу о безопасности полгода тому назад и теперь, как оно было формулировано в речи Литвинова, то нельзя не отметить существенного изменения.

7. Другим признаком приближения к французской точке зрения является упоминание в передовой статье «Известий» по поводу подписания ****** франко-советского пакта о Польше *******. Упоминание в передовице не только о Франции, но и о Польше является известным намеком на примирение наше с французской политикой союзов.

---

* См. док. № 266.

** См. т. XV, соответственно док. № 456, 309.

*** См. док. № 32.

**** — министерство иностранных дел Германии (*нем.*).

***** См. т. XV, прим. 284.

****** В тексте — ратификации.

******* См. газ. «Известия», 30 ноября 1932 г.

8. Такое же указание на связь между Францией и Польшей содержится и в интервью, данном т. Литвиновым французскому корреспонденту Люсиани по поводу подписания франко-советского пакта *.

9. Наконец, за последние дни советская пресса стала больше и более критически писать о внутреннем положении Германии. В этом контексте Дирксен ссылается на статью «Правды» «О современных Треповых» **, на сегодняшнюю статью «Правды» «Прыжок в неизвестность». Даже т. Калинин на съезде колхозников говорил о внутреннем положении Германии, правда без враждебного тона и без всяких выпадов ***.

10. Германское правительство отдает себе отчет в том, что внутреннее развитие Германии за последний год могло дать Советскому правительству известное основание для беспокойства насчет дальнейшего развития отношений между Германией и СССР.

Но с другой стороны, по мнению германского правительства, правительство СССР должно понимать, что борьба германского правительства с коммунизмом внутри Германии вполне может идти рука об руку с сохранением хороших внешнеполитических отношений с СССР, как это имеет место в отношениях между СССР и Турцией, СССР и Италией.

Кроме того, Советское правительство могло учитывать, что сотрудничество между Германией и СССР все последние месяцы продолжалось по-прежнему. В области хозяйственной это сотрудничество выразилось, в частности, в успешном ходе финансовых переговоров в Берлине и в гарантировании правительством новых четырехлетних кредитов ****.

11. Наконец, руководящие члены правительства — Нейрат, фон Шлейхер и фон Папен неоднократно заявляли ответственным представителям Советского Союза, что проводившаяся до сих пор по отношению к СССР политика германского правительства будет полностью сохранена и продолжена *****.

Все эти моменты должны были уменьшить беспокойство Советского правительства по поводу советско-германских отношений.

12. То обстоятельство, что Московский протокол от 24 июня 1931 г. о продлении Берлинского договора ****** еще не ратифицирован, объясняется исключительно тем, что рейхстаг за последние полтора года был совершенно неработоспособен.

---

* См. т. XV, док. № 460.
** См. газ. «Правда», 23 февраля 1933 г.
*** См. там же, 21 февраля 1933 г.
**** См. док. № 47, 48.
***** См. т. XV, док. № 265, 287.
****** См. т. XIV, док. № 191.

13. Но сегодня Дирксен, во всяком случае, имеет возможность сказать, что у министра иностранных дел Нейрата на днях был обстоятельный разговор с рейхсканцлером Гитлером относительно будущей политики германского правительства по отношению к СССР. В этой беседе Гитлер заявил, что между внутриполитическими мерами по отношению к коммунизму в Германии и между политикой по отношению к Советскому Союзу должно проводиться резкое различие и что Гитлер не хочет вносить никаких изменений во внешнеполитические и в хозяйственно-политические отношения с СССР [37].

14. На основании изложенных им мыслей Дирксен хотел бы иметь подробный обмен мнениями. Он понимает, что сегодня я, вероятно, не смогу уделить ему нужного времени, так что это можно будет сделать при следующем свидании.

Я ответил, что действительно лучше будет подробный обмен мнениями отложить до следующего свидания в ближайшие же дни, но что я хочу уже сейчас обратить его внимание на следующее:

1. Мы не хотим проводить и не проводим никакого изменения нашей политики по отношению к Германии.

2. Но у нас не могли не вызвать беспокойства сообщения о тех предложениях, которые бывший рейхсканцлер и нынешний вице-канцлер фон Папен делал французскому правительству *. Об этом не только пишет в своих статьях и заявляет в своих выступлениях г. Эррио, но об этих антисоветских предложениях были сообщения и споры в германской печати и в кругах германской общественности.

3. При таких условиях мы не можем считать достаточными те дружелюбные заявления, которые делались и делаются членами германского правительства членам нашего правительства в доверительном порядке, с глазу на глаз. Эти заявления не становятся известными ни нашей, ни германской, ни мировой общественности, не мешают тому, что параллельно им делаются противоположные заявления.

4. Еще менее обязывающий характер носит сегодняшнее сообщение г. Дирксена о настроениях рейхсканцлера Гитлера по отношению к СССР, так как в данном случае заявление Гитлера сделано не публично и не нам непосредственно, а одному из товарищей Гитлера по кабинету.

5. Кроме того, во всем том, что сегодня говорил Дирксен, содержатся некоторые упреки по нашему адресу и вопросы нам, а не содержится изложения позиции Германии по основным вопросам внешней политики и по отношению к другим странам. Между тем без этого обмен мнениями не достигнет той цели, к которой стремятся обе стороны.

---

* См. т. XV, прим. 188, 225, 249, а также док. № 54 настоящего тома.

Дирксен ответил, что он собирается при следующем свидании говорить не только о советско-германских отношениях, но вообще о внешнеполитической позиции Германии, так что в этом отношении разговор будет носить достаточно полный характер. Далее он отметил, что Нейрат или сам Гитлер, этого я сейчас припомнить не могу, в разговоре с итальянским послом Черрути сделал такое же заявление о своем отношении к Советскому Союзу, какое сегодня передал мне Дирксен. Таким образом, это заявление не остается разговором между нами с глазу на глаз, а стало известным итальянскому правительству.

Я ответил, что заявление, сделанное итальянскому правительству, так же не становится известным нашему и германскому общественному мнению, как и заявление, сделанное мне.

После этого, уже прощаясь, Дирксен обратил мое внимание на то, что наша печать за последние дни стала резче выступать по поводу Германии.

Я ответил ему, что как раз я хотел обратить его внимание на антисоветские выступления «Ангриф» * и других германских газет. Выступления нашей печати являются лишь слабой реакцией на писания немецких газет.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

52. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота

27 февраля 1933 г.

Ота начал с вопроса о том, когда Трояновский приезжает, подчеркнув, что Япония прощалась с Трояновским с большим сожалением и что он оставил о себе очень хорошую память. Он надеется, что и новый посол Юренев сможет завоевать симпатии японского народа так же, как это удалось Трояновскому [58].

Рыбный вопрос. После этого он перешел к рыбному делу, сославшись на то, что получил инструкцию японского правительства об урегулировании ряда мелких вопросов, о которых в течение длительного периода времени идут переговоры. Хотя вопросы небольшие, но японские рыбопромышленники испытывают затруднения и неудобства, и японское правительство хотело бы, чтобы вопросы о рыбе и мелкие недоразумения были устранены. Он объяснил, что речь идет о некоторых условиях арендных договоров, в частности о сборах

* См. док. № 49.

за рыбу, вылавливаемую сверх нормы, и о жестяных банках, вес которых мы засчитываем как вес рыбы. Оговорившись, что он плохо осведомлен в этих вопросах, он обещал представить записку. Кроме того, он просил поручить Козловскому выслушать представителя посольства, который по его поручению явится к нему для обмена мнениями по этим вопросам [39].

Указал ему, что, если речь идет об условиях арендных договоров, то я не думаю, чтобы это могло быть урегулировано в моих переговорах с ним. Такие вопросы решаются на месте в переговорах между японскими рыбопромышленниками и нашими рыболовными органами. Другое дело, если жалобы японских рыбопромышленников касаются каких-либо отступлений или нарушений рыболовной конвенции. Тогда вопросы могут подлежать нашему обсуждению. Во всяком случае я поручу Козловскому внимательно выслушать представителя японского посольства.

Жэхэ. Пользуясь случаем встречи со мной, Ота пожелал дать мне информацию, касающуюся «чрезвычайно большого вопроса, имеющего для Японии первостепенное значение». Он пожелал дать информацию о японских действиях в Жэхэ, отметив, что, наверное, я знаю многое из прессы и, может быть, его объяснения могут быть лишними, тем более что он не имеет указаний центра; я прервал его, сказав, что информация представляет интерес и я буду за нее благодарен.

После этого он очень пространно объяснил мне сущность событий в Жэхэ, которые кратко можно свести к следующему.

Присутствие войск Чжан Сюэ-ляна в Жэхэ несовместимо с поддержанием порядка и спокойствия в этой провинции для Маньчжоу-Го. Правительство Маньчжоу-Го хочет очистить Жэхэ от вооруженных бандитов. В силу договора о сотрудничестве между войсками Маньчжоу-Го и Японией, естественно, японские войска были введены в Жэхэ для этого сотрудничества. Если войска Чжан Сюэ-ляна будут активны, произойдут неизбежно столкновения. Однако цель японских войск — это лишь поддержать порядок и спокойствие в этой провинции. Если со стороны китайцев будет вызывающее поведение, то неизбежны военные действия. Однако Ота заверяет, что Япония не имеет намерений идти дальше Великой стены. Ни Пекин, ни Тяньцзинь не имеется в виду включать в театр военных действий, и Япония будет стараться не распространять своих действий на район этих двух пунктов. Если Тан Юй-линь, нынешний губернатор Жэхэ, выразит покорность Маньчжоу-Го, то Маньчжоу-Го готово будет его простить так же, как оно это сделало с генералом Дин Чао [40]. Он хочет еще раз подчеркнуть, что опасения за Пекин и Тяньцзинь, проявляемые как прессой, так и Лигой наций, лишены основания, так как у японского правительства нет намерений идти так далеко.

Я поблагодарил его за информацию и указал, что иногда намерение изменяется в зависимости от обстоятельств. Из истории, и очень недавней истории, нам известны события, когда какие-либо действия начинаются чрезвычайно скромными намерениями, а затем сами события заставляют идти значительно дальше этих первоначальных намерений.

Ота на это ответил, что если бы в Пекине или Тяньцзине были убиты японские резиденты или если бы китайские власти в отношении японских резидентов применили какие-либо жесткие меры, тогда японские войска, естественно, должны были бы принять какие-либо меры самообороны в этих районах. Но пока такого решения у японского правительства нет.

На мой вопрос, как развиваются военные действия в Жэхэ, он ответил, что пока в соприкосновение вошли лишь передовые части и серьезные военные действия еще не начинались.

После этого он перешел, как я думаю, к самой главной и основной теме своего визита, поэтому я ее даю более подробно и по возможности текстуально.

Ота. Китайские ответственные руководители Иен * и Велингтон Ку ** недавно заявили, и это было напечатано в газетах, что будто СССР стоит на их стороне и что Союз с удовольствием будет участвовать в примирительной комиссии Лиги наций. Сегодня газеты сообщают о приглашении участвовать в этой комиссии, которое Союз якобы получил ***. Нас интересует, верно ли, что вы решили принять участие в комиссии Лиги наций?

Карахан. Из того, что Вы сказали, верно лишь одно, что мы действительно получили приглашение Лиги наций. Нами получены два письма от Секретариата Лиги наций (я подробно сообщил содержание и одного и другого письма). Однако мы еще не обсуждали этих писем, и никакого решения правительства по этому поводу не имеется. Мы не имеем всех подробностей и исчерпывающих информаций, касающихся всех обстоятельств, связанных с этими письмами. В ближайшее время мы ожидаем приезда наркома Литвинова, который, наверное, располагает бо́льшими подробностями, чем мы, и только, может быть, после его приезда вопрос этот будет обсуждаться и какое-либо решение будет принято. Так что если газеты сообщают правильно о заявлениях Иена и Велингтона Ку, то их заявления по меньшей мере преждевременны.

Ота. Кажется, 21 февраля народный комиссар по военным и морским делам г. Ворошилов говорил, что будто Советское правительство стоит на позиции невмешательства в чужие дела, в том числе и в дальневосточные [41]. Я думаю, что это

* Янь Хой-цин — посол Китая в СССР.

** Гу Вэй-цзюнь — посланник Китая во Франции.

*** См. док. № 63 и стр. 147.

мнение народного комиссара по военным делам является мнением и Советского правительства. Я хотел бы спросить Вас, является ли это мнение также политикой Советского правительства?

Карахан. Конечно, политика невмешательства в дела других стран является политикой Советского правительства, и г. посол совершенно прав, когда он думает, что мнение народного комиссара т. Ворошилова есть мнение Советского правительства. Но я хотел бы спросить г. посла, думает ли он, что, если кто-либо хочет оказать помощь двум враждующим сторонам, чтобы они примирились, то это является вмешательством в их дела?

Ота. Нет, конечно. Но о такой помощи нужно судить по ее результатам.

Карахан. Считает ли г. Ота, что Лига наций, например, вмешивалась в чужие дела? Ведь Япония до последнего времени охотно принимала участие в заседаниях и комиссиях Лиги наций, помогла Лиге наций разобраться в дальневосточных событиях. Больше того, та самая комиссия Литтона *, работы которой положены в основу последних решений этой комиссии, возникла по инициативе и предложению японского правительства. Таким образом, по-видимому, само японское правительство считало желательным привлечь другие державы к разрешению дальневосточной проблемы и не считало их участие в этом вопросе «нежелательным вмешательством в чужие дела».

Ота. Да, формально так и есть, и Вы совершенно правы. Действительно, японское правительство предложило создать комиссию Литтона и помогало Лиге наций в этом деле. Япония отнеслась отрицательно к Лиге наций лишь тогда, когда Лига наций решила иначе, чем японское правительство ожидало. Только для Вашего сведения я могу сообщить, как обстояло дело об отправке комиссии Литтона в Китай. В самом начале событий, когда Лига наций оказалась в безвыходном положении и дипломаты Америки, Франции и Англии не могли найти никакого выхода из положения, они обратились к японской стороне с просьбой сделать предложение о комиссии. Без большого желания, скорее поневоле, мы это предложение сделали. Так создалась эта комиссия. Совершенно откровенно я должен раскрыть Вам этот секрет. В дальнейшем мы согласились с тем, чтобы Лига наций изучила проблемы, и помогли ей, но мы не сказали, что подчинимся решению комиссии и Лиги наций. Если бы они справедливо изучили проблему, тогда другое дело. Но комиссия Лиги наций была в Китае очень недолго. Большую часть времени они [члены комиссии] про-

* См. т. XV, прим. 42.

вели на территории другой стороны, занимались посторонними делами. Руководители этой комиссии были долгое время нездоровы, так что они изучили дальневосточный вопрос наскоро и недостаточно. Пока они ехали назад, создалось новое государство — Маньчжоу-Го, и положение резко изменилось, а комиссия приехала в Лигу наций с недостаточно изученными материалами, без учета создавшейся новой обстановки, и, конечно, Лига наций не смогла принять справедливого решения. Лига наций настаивала на применении 4-го пункта 15-й статьи [42], но Япония отказалась от этого с твердым решением бороться против этого до конца. Сам министр иностранных дел Утида заявил, что Япония полна твердой решимости защищать свою позицию и что Япония готова жертвовать собой для сохранения занятых ею позиций. В связи с решениями в Лиге наций в японском народе имеются очень серьезные антиамериканские настроения. Мы думаем, что вопрос дальневосточный не является для Америки жизненным вопросом. Но она вмешивается в это дело, и это вызывает неблагоприятное впечатление у японцев.

Карахан. Не потому ли Мацуока на днях сделал заявление для американского народа, опубликованное в «Нью-Йорк таймс». (Я прочел это заявление Мацуока, в котором последний говорит, что в Японии имеются две точки зрения на Советский Союз: одни считают, что Япония должна нанести удар России раньше, чем нынешняя военная мощь последней будет реализована; другие не разделяют этой точки зрения, в том числе якобы и Мацуока, но считают, что Япония предотвращает распространение советизма на Дальнем Востоке и что если Лига наций предложит Японии ослабить ее позицию, то советизм быстро достигнет устья Янцзы.) Если в Японии имеются, как Вы говорите, антиамериканские настроения, то едва ли японское правительство и его делегат Мацуока заинтересованы в том, чтобы создавать антисоветские настроения, а между тем все его выступления, в том числе и то, о котором я только что сказал, могут создавать антисоветские настроения всюду, где такое заявление будет прочитано [43]. Я не скрою от Вас, что и в нашей стране такого рода заявления производят плохое впечатление и создают в некоторых кругах убеждение в неискренности японской позиции в отношении Советского Союза.

Ота. Эти заявления не направлены против Советского Союза. Мацуока имел в виду лишь беспорядки, происходящие в Китае. Вы знаете, что там имеются китайские коммунистические войска. Они занимают некоторые важные пункты в Китае. Авторитет и влияние нанкинского правительства не распространяются по всей стране, и задача японской декларации — подчеркнуть именно эту сторону дела. Вы, конечно, не

можете отрицать, что между вами и нами имеется существенное различие в социально-политических системах. И поэтому, естественно, среди некоторых японцев имелось опасение о возможности советизации Маньчжурии, и у нас некоторые думают, что, пока Маньчжурия в руках Японии, ей советизация не угрожает.

К а р а х а н. То, что Вы сказали, является чрезвычайно опасной теорией, ибо с этой точки зрения все сильные капиталистические страны должны были бы взять в свои руки более слабые государства, которые находятся вдоль границы СССР; скажем, Прибалтийские страны должны были бы взять немцы или англичане по тем же причинам, что если они находятся в руках Германии или Англии, то меньше опасности для их советизации; Англия должна была с этой точки зрения взять в свои руки Афганистан и Персию и т. д. и т. д. Вы понимаете, что эта теория не выдерживает никакой критики, тем более что никаким соседям СССР никакая советизация не угрожает. Достаточно вспомнить 1929 г., когда китайцы захватили КВЖД и мы должны были в результате их нападения на нашу территорию перейти границу Маньчжурии*. Мы имели полную возможность, и лучшую возможность, чем японцы в настоящее время, взять в свои руки Северную Маньчжурию. Мы этого не сделали потому, что это не является нашей политикой. Япония это знает лучше, чем какая-либо другая страна, и поэтому такого рода объяснения я считаю объяснениями искусственными, притянутыми к нынешнему положению на Дальнем Востоке. Я мог бы спросить г. Ота: а в 1915 г., когда вы предъявили знаменитые «21 требование» Китаю**, вы тогда тоже имели в виду взять в руки Маньчжурию, чтобы не подвергнуть ее риску советизации? Ведь тогда Советского Союза еще не было? Это явно неудовлетворительное объяснение. Мы с Вами находимся не в Лиге наций, а у меня в кабинете, и нам незачем обманывать друг друга. Япония взяла Маньчжурию для себя, для своих военных, политических и экономических выгод, так же как она это хотела сделать в 1915 г. То, что она пыталась сделать в 1915 г., и то, что она сделала сейчас,— это есть звенья одной и той же политики. Поэтому говорить о создании какого-то барьера — это защищать свое японское дело с очень негодными средствами. Неужели вы думаете, что те страны, которые вы хотите убедить в том, что вы создали барьер, чтобы советизм не достиг устья Янцзы, не знают географии и не поймут, что если коммунистические армии действуют на Янцзы, то, захватив Маньчжурию, вы никакого барье-

* См. т. XII, док. № 320.

** См. *Гримм Э. Д.* «Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925)». М., 1927, стр. 188—191.

ра для этих коммунистических армий не создаете? Я думаю, что вы такого рода аргументами не только не приобретаете никакой поддержки ни Америки, ни других стран, ибо никто в этих странах не верит такому вашему аргументу, но что, пуская в ход такого рода антисоветские аргументы, вы производите плохое впечатление в нашей стране, что ни в какой мере не способствует укреплению наших добрососедских отношений. Мацуока в течение длительного времени выступал официально в Лиге наций и пытался пугать всех тем, что Япония, захватив Маньчжурию, спасает цивилизованный мир от распространения большевизма. Но вы знаете решение Лиги наций и знаете, что этот аргумент ни на кого не произвел впечатления.

Ота. Я понял то, что Вы хотели сказать. Я согласен, что это неудачный аргумент для оправдания Японией своих действий. Я воспользуюсь случаем, чтобы обратить внимание соответствующих лиц на то, что Вы мне сказали.

Подумав некоторое время, Ота сказал, смеясь, в полушутливой форме: иногда я думаю, какая надобность III Интернационалу распространять коммунизм во всех странах? Разве III Интернационалу недостаточно такой большой страны, как СССР? Правда, вы нам неоднократно заявляли, что III Интернационал и Советское правительство — различные вещи, но многие иностранцы, в том числе и японцы, этого не понимают. Недавно я прочел сообщение, будто Трояновский предъявил протест японскому правительству по поводу коммюнике военного министерства *, где дело касалось III Интернационала. Так что получилось впечатление, что Трояновский выступил перед японским правительством в защиту интересов III Интернационала.

Карахан. Что касается Трояновского, то Трояновский действительно протестовал по поводу интервью военного министерства, но протестовал в той его части, которая касалась Советского правительства и советского посольства в Китае.

Что же касается того, что некоторые иностранцы не понимают различия между III Интернационалом и Советским правительством, то по этому поводу я могу сказать следующее: во-первых, этого не понимают наиболее враждебные нам иностранцы, которые, ненавидя Советский Союз, но не имея никаких разумных оснований выступать против него, пытаются облегчить свою задачу враждебного выступления против Советского правительства искусственным присоединением к нему III Интернационала; во-вторых, можно допустить, что есть иностранцы, которые искренне не понимают этого различия. Но таких, наверное, немного, и в этом, может быть, ничего удивительного нет, ибо есть большое число иностранцев, кото-

* См. док. № 13, 19.

рые много или ничего не понимают из того, что происходит в Советском Союзе. Многие иностранцы не понимают, как это Советский Союз, будучи мощным государством, и в особенности мощным в военном отношении, ведет дружественную и терпеливую политику в отношении своих соседей — более слабых, но от этого не более корректных в отношении Советского Союза. Многие иностранцы не понимают, как это в Советском Союзе нет безработицы, в то время как все капиталистические государства страдают от миллионов и миллионов безработных. Многие иностранцы не понимают, каким это образом в Советском государстве промышленность и [сельское] хозяйство развиваются совершенно невиданными темпами в то время, когда во всех других государствах заводы и фабрики закрываются и одно за другим промышленные и финансовые предприятия терпят крах. И есть еще очень много вещей, происходящих в нашем Советском Союзе, которые для иностранцев являются необычными и малопонятными.

Что же касается его интереса к III Интернационалу, то я, к сожалению, не смогу удовлетворить его любопытства полностью. Если же его интересует эта организация, то он может поручить своим секретарям, и они разыщут ему очень много изданий III Интернационала, открыто печатающихся и находящихся в продаже как в СССР, так и во всех других столицах мира.

После этого Ота некоторое время помолчал и спросил меня:

Если вы войдете в эту комиссию Лиги наций, то ведь это будет означать, что вы приблизитесь к Лиге наций?

Карахан. Вы, по-видимому, имеете в виду Консультативную комиссию, куда нас приглашают войти. К сожалению, я не имею пока еще сведений о том, что это за Консультативная комиссия, в чем ее функции. Мы располагаем пока только коротким письмом из Лиги наций, состоящим из нескольких фраз. Не могли ли бы Вы мне сообщить, что это за комиссия, каковы ее взаимоотношения с Лигой наций, каков круг компетенции этой комиссии?

Ота. Я тоже не имею подробной информации об этой Консультативной комиссии. Но если СССР примет участие в этой комиссии, это произведет нежелательное впечатление у нас, и наш народ примет это неблагоприятно. Я думаю, что едва ли полезно для СССР принять участие в этой комиссии.

Карахан. Я не могу сейчас Вам сказать, будет ли полезно или неполезно участие СССР в этой комиссии, ибо, как я уже Вам сказал, я не имею ни малейшего представления ни о задачах, которые эта комиссия себе ставит, ни о ее компетенции.

Ота. Если СССР откажется от участия в этой комиссии, это даст весьма хороший результат японцам. Для японцев это

будет очень полезно. Я высказываю свое личное мнение, я так думал и хотел поделиться своими взглядами с Вами, но, конечно, я не могу вмешиваться в ваши действия.

Карахан. Сейчас трудно еще сказать, какое будет решение правительства. Правительство примет решение лишь после того, как оно будет располагать подробной и исчерпывающей информацией, и по внимательном и тщательном изучении проблемы.

Ота. Конечно, надо внимательно и тщательно изучить этот вопрос. Я хотел Вас спросить еще о другом. Японская пресса сообщает, будто Советский Союз стал приближаться к Америке с целью получить признание и что по этим соображениям Советское правительство старается благожелательно отнестись к разным вопросам.

Карахан. Мы ни к кому не приближаемся, в том числе и к Америке. Мы не приблизились и к Китаю, когда Китай пожелал восстановить с нами отношения *. Вопрос поставлен неправильно. Китай приблизился к нам, когда он понял, что сделал глупость и совершил ошибку, прервав отношения с нами. И когда Китай, приблизившись к нам, попросил восстановить наши отношения, мы на это дело согласились. Вы знаете, что мы считаем ненормальным отсутствие сношений между двумя странами. Мы стоим за нормальные отношения со всеми странами, ибо мы считаем, что только путем нормальных отношений со всеми государствами можно наиболее успешно обеспечить мир. Мы имеем сообщения с разных сторон, правда неофициальные, частного характера, что в Америке увеличивается число людей, которые признают ошибку, которая заключалась в том, что Америка не имеет отношений с нами, и что эти люди, в том числе и некоторые имеющие отношение к нынешнему правительству, хотят эту ошибку исправить. Таким образом, если Америка хочет исправить свою ошибку, то мы ей в этом мешать не будем, если она хочет восстановить отношения с нами, мы, конечно, охотно восстановим нормальные отношения с Америкой.

Ота. Вы, конечно, правильно сказали — Америка хочет приблизиться к вам. Так обстоит дело на самом деле. Для Америки интересно было бы, чтобы отношения между СССР и Японией ухудшились. Американская пресса работает усиленно в этом направлении. Выходящая в Париже «Чикаго геральд» писала в этом смысле очень много статей. Вы знаете, что пресса в Америке находится в руках капиталистов и они делают специальную пропаганду против Японии. Они хотят, чтобы отношения между Японией и СССР обострились.

---

* См. т. XV, док. № 480.

Карахан. Верно ли, что в Японии имеется тревога и опасение в связи со слухом о возможном восстановлении отношений между СССР и Америкой?

Ота. Ничего подобного. Но у нас думают, что признание Америкой СССР не будет осуществляться так легко, как пишут некоторые газеты.

Карахан. Я не следил за прессой и не знаю, легко или трудно будет идти Америке по пути восстановления отношений с нами. Мы относимся к этому спокойно и думаем, что не мы, а Америка должна думать о своей политике в отношении Советского Союза. Вы, конечно, правы, когда сказали, что в Америке имеются элементы, которые хотят ухудшения отношений между СССР и Японией. Но Вы, конечно, понимаете, что отношения между СССР и Японией не зависят от того, чего хотят в Америке или в какой-либо другой стране. Отношения между Японией и СССР зависят от того, чего хотят в СССР и чего хотят в Японии, и только от этого. Правда, наши отношения не идут вперед. Но у меня нет опасений, что эти отношения могут пойти назад.

Ота. Мы должны употребить все усилия, чтобы наши отношения шли вперед.

Карахан. Совершенно верно, и мы показали на деле, что мы хотим продвинуть наши отношения вперед, а японское правительство еще этого не показало.

Ота. А именно?

Карахан. Пакт*.

Ота. Я лично — сторонник пакта. Я стараюсь обрабатывать всех, кого могу, стараюсь подготовить почву для этого вопроса. Я жду удобного момента, чтобы двинуть это дело. Участие СССР в комиссии Лиги наций едва ли будет благоприятно для пакта. Если СССР откажется от участия в комиссии, то тогда для пакта создастся благоприятная обстановка, тогда можно ожидать благоприятного разрешения вопроса о пакте.

Карахан. Я оставляю в стороне вопрос о нашем участии в комиссии Лиги наций, ибо, как я Вам сказал, я не знаю, как этот вопрос будет решен. Я даже не имею своего личного мнения по этому вопросу, так как не успел ознакомиться со всеми материалами и изучить их. Но я хотел бы коснуться Ваших мест о «благоприятной обстановке для пакта». Мы много раз слышали с японской стороны за последний год, что вот если наша политика будет такая, а не иная, то вопрос о пакте может иметь благоприятное разрешение. Я помню, как не только представитель японского правительства, но и военный министр Араки сообщал Трояновскому, что если в баргинском вопросе,

---

* См. док. № 2.

связанном с судьбой нескольких сот японских граждан, мы окажем помощь и окажем содействие в спасении этих граждан, то вопрос о пакте примет благоприятный характер *. Мы оказали эту помощь японским гражданам, конечно, не в зависимости от этих обещаний о пакте, а по соображениям гуманности. Однако такого рода заявления тогда делались. И в целом ряде других случаев с японской стороны делались обнадеживающие заявления о пакте. Должен Вам откровенно сказать, и Вы это знаете не хуже меня, что это никогда не оправдывалось.

О т а. Я прошу понять меня не в том смысле, что если вы не пойдете в комиссию Лиги наций, то пакт будет подписан. Я такого заявления не имею права делать. Я хотел только сказать, что если вы не войдете в комиссию, то тогда обстановка для пакта будет более благоприятной. Для того, чтобы построить дом, нужно подвезти и подготовить материал; чтобы заключить пакт, нужно подготовить почву для него. Я хотел только это сказать. Я случайно поднял этот вопрос о пакте, желая способствовать его заключению, так как я ищу удобного случая, чтобы этот вопрос двинуть вперед.

К а р а х а н. Мне кажется, что за время больше, чем год, было очень много удобных случаев для заключения пакта. Материала для заключения пакта было достаточно много. Но я понимаю, что вы не хотите заключить пакт, значит, вы не хотите укрепления наших отношений, так понимают у нас все. Ну что ж, не хотите — это ваше дело. Но если вы не хотите, вы, значит, отказываетесь от того, что вам выгодно в такой же мере, как и нам.

О т а. Для разрешения вопроса о пакте требуется много усилий и терпения. В течение последнего времени были различные неожиданные обстоятельства, которые мешали пакту. Вот хотя бы четыре факта, которые мешали подготовить почву для пакта:

1) как сообщают, Владивостокское ГПУ хотело с помощью некоторых корейцев взорвать мосты в Корее [44];

2) вы опубликовали ноту о пакте односторонне;

3) ответственные руководители ваши недавно говорили в своих докладах, что вы достаточно подготовились к войне и в любой момент готовы воевать, и

4) Су Бин-вэнь **, как сообщают, будто пользовался покровительством Союза.

Целый ряд таких вопросов портил дело и задерживал заключение пакта. Поэтому нужно много терпения, нужно, чтобы была подходящая атмосфера для этого. Но в Японии относятся

---

* См. т. XV, док. № 396.
** См. т. XV, прим. 266.

к Советскому Союзу очень хорошо. Это можно было видеть при отъезде Трояновского. Ни один иностранный посол не имел вокруг себя такой теплой атмосферы.

Карахан. Я крайне удивлен, что Вы, сторонник пакта, могли привести эти четыре обстоятельства, которые якобы мешают заключению пакта. Вопрос о взрыве мостов в Корее не заслуживает никакого внимания, ибо произведенным обследованием мы установили, что это является с начала до конца выдумкой. И Вы, г. посол, должны знать, что тот кореец, который якобы раскрыл это преступление, был сейчас же освобожден и, по нашим сведениям, является агентом японской полиции, так что это дело чисто провокационное, созданное японской полицией, и к нему ни наши органы, ни наши граждане никакого отношения не имеют.

Что же касается ноты, опубликование которой якобы помешало заключению пакта, то это совсем уж несерьезно. Как же опубликование ноты, в которой вы сообщаете, что вы не хотите заключить пакт, могло помешать заключению пакта?

Что же касается выступления наших ответственных руководителей о том, что мы готовы воевать, я должен сказать, что Вам, по-видимому, эти речи плохо перевели. Я не знаю только — плохо перевели по безграмотности и незнанию русского языка, или кто-либо хотел Вас сознательно ввести в заблуждение. В речах наших ответственных руководителей сказано лишь одно: что мы вынуждены были принять в связи с событиями ряд оборонительных мероприятий. Такого рода оборонительные мероприятия никогда пакту мешать не могут. Мы были бы никуда не годным правительством, если бы в связи с обстановкой, которая создалась на Дальнем Востоке, и не по нашей инициативе, и не в результате нашей активности, проявляли бы беззаботность насчет обороны обширных наших территорий. Но если в Японии кого-либо наши оборонительные мероприятия могут пугать, то ведь это как раз аргумент в пользу пакта, а не против его заключения.

Что же касается Су Бин-вэня, то наша политика в отношении его, когда он был в районе Барги, имела своей целью лишь одно — спасти японских граждан, которые были им задержаны. Японское правительство нам за это неоднократно выражало благодарность и признательность, и едва ли этот факт можно сейчас превращать в факт неблагоприятный для наших отношений *.

Ота. Это не мое личное мнение, а в некоторых наших кругах такое впечатление: создается общее неблагоприятное впечатление, которое не является правильным с моей точки зрения. Я в данном случае стою за пакт и в этом направлении

* См. т. XV, док. № 394, 397, 402, 417, 454, 465.

работаю. Но надо на этот вопрос смотреть с терпением, и большим терпением. Я лично, заявляю еще раз, стою за пакт, готов работать и буду работать в пользу его заключения.

Карахан. Мы не проявляли нетерпения в вопросе о пакте, мы спокойны и очень терпеливы. Ведь мы сделали предложение в декабре 1931 г.* и всего только недавно, через год, получили ответ на наше предложение. Так что подозревать нас в нетерпении было бы неосновательно. Правда, когда японское правительство обращалось к нам со всякими объяснениями о несвоевременности и ненужности пакта, мы считали необходимым в каждом таком случае объяснить ошибочность такой точки зрения японской стороны и объяснить, что заключение пакта одинаково выгодно для обеих сторон. Я очень рад слышать, что г. посол является сторонником пакта и что он работает в этом направлении. Я это очень ценю и готов ему в его усилиях в этом направлении оказывать всяческую помощь и содействие.

На этом мы закончили нашу беседу.

Ота спросил меня потом, где находится сейчас Су Бин-вэнь.

Я ему сообщил, что он пока еще в Томске, но что солдаты из бывшей его армии в значительной своей части уже находятся по пути в Синьцзян. Относительно Ли Ду я ему сообщил, что Ли Ду находится в пути с Дальнего Востока в Западную Сибирь и что он выразил пожелание вместе с солдатами бывших его частей направиться в Синьцзян **.

Ота поблагодарил за информацию и никаких вопросов больше не ставил.

Л. Карахан

Печат. по арх.

53. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

28 февраля 1933 г.

Сегодня через Александровского заявил энергичный протест Мейеру по поводу плакатов «наци», статей в «Ангриф» ***, а также по поводу произведенной проверки документов у всех лиц, выходящих из советского пансиона на Гайсбергштрассе [45].

Дважды заходила полиция в «Дероп» [46], где, осмотрев помещение, удалилась. Вечером группа «наци» в форме СС вошла в советскую школу, осмотрела все помещение и удалилась, так как никого, кроме портье, там не было. Заявил по

---

* См. т. XIV, док. № 401.
** См. док. № 7, 10, 94.
*** См. док. № 49.

телефону протест через Типпельскирха*, который обещал навести справки.

Поджог рейхстага несомненно произведен «наци» в целях разгрома компартии и для своего успеха на выборах. Сегодня вечером в квартиру корреспондента «Известий» Кайт ворвались «наци» в форме СС и произвели обыск. Узнав об этом, мы вызвали туда регулярную полицию, одновременно нами был извещен Мейер. Полиция совместно с «наци» докончила обыск и арестовала Кайт, о чем немедленно сообщено Мейеру, который ответил, что снесется с рейхспрессештелле**. В полицейском участке полпредству ответили, что Кайт задержана до просмотра найденных у нее при обыске подозрительных по содержанию писем и фотографий. Окончательное решение принадлежит полиппейпрезидиуму***, который отложил беседу с посольством до утра.

Хинчук

Печат. по арх.

54. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом

1 марта 1933 г.

Я беседовал с Нейратом два раза: в его кабинете, затем в полпредстве за чашкой кофе после завтрака. Соединяю вместе обе беседы, не заботясь о хронологическом порядке.

Поскольку я приехал из Женевы, речь зашла, естественно, раньше всего о разоружении. Я сообщил Нейрату, что имел перед отъездом подробную беседу с Надольным, когда констатировали, что по большинству подлежащих обсуждению вопросов мы с немцами занимаем одинаковую позицию. Я указывал Нейрату, как и Надольному, что нам не совсем понятна тактика немецкой делегации, старающейся как будто затянуть работу конференции, между тем как Германия как будто должна быть заинтересована в скорейшем выявлении позиции Франции по вопросу о разоружении. Можно еще месяцами спорить с Францией, надо ли сперва обсуждать вопросы сокращения вооружений или безопасности, не двигаясь, однако, с места. Мы поэтому считаем более правильным обсуждение и эвентуальное отклонение французских планов безопасности, с тем чтобы возможно скорее внести ясность в вопрос о разоружении.

---

* Легационный советник МИД Германии.
** — имперское бюро печати (*нем.*).
*** — полицейской префектуре (*нем.*).

Далее я сообщил Нейрату, что Франция сильно напугана развитием событий в Германии и, по моему впечатлению, ни на какие уступки в деле увеличения вооружений Германии в настоящее время не пойдет. Если бы французское правительство даже само было убеждено в необходимости и неизбежности этих уступок, то оно не могло бы предлагать их общественному мнению Франции, если бы даже это привело к тому, что Германия явочным порядком увеличила бы свои вооружения.

Я выразил удивление по поводу некоторых комментариев германской печати к моим выступлениям в Женеве *. Мне приписывают поддержку французского плана, между тем как я центральную часть этого плана отклонил, а высказался лишь о возможности поддержки нами расширения пакта Келлога ** при известных условиях. Конечно, при изменившихся взаимоотношениях с Францией, тон моих речей был более вежливый и дружественный, чем в Подготовительной комиссии.

Нейрат, перебив меня, заметил, что он мне никаких упреков не делает. Он этим пытался показать, что его будто не интересует кампания французской печати. Я, однако, не отходил от этой темы и подробно рассказывал ему об этой кампании и о сдвигах в общественном мнении Франции, которые мы не можем не приветствовать. Я рассказал ему и полуанекдотический случай, когда содержатель карусели под Парижем перемалевал красовавшегося в течение десятков лет царского кавалергарда в красноармейца. Выступление Эррио *** я охарактеризовал, как удачное использование настроений, которые, по его мнению, могли создаться в СССР под влиянием развития событий в Германии.

Нейрат, поняв намек, повторил обычные заверения в неизменности германо-советских отношений, независимо от состава правительства. Он считает создавшуюся в Европе политическую констелляцию соответствующей интересам отдельных стран и не могущей поэтому измениться от прихода к власти представителей той или иной партии. Гитлер умеет различать между коммунизмом и нашим государством. Если ему пришлось пойти за последние дни на резкие меры, то после выборов наступит некоторое успокоение. Перед выборами Гитлер не может делать декларации об отношениях с СССР, но он это сделает, как только будет созван рейхстаг. Нейрат сослался на недавно заключенное новое соглашение о кредитах **** как на доказательство дружелюбия германского правительства [37].

---

* См. док. № 32, 40.
** См. т. XI, док. № 298.
*** См. док. № 35.
**** См. док. № 47, 48.

Тогда же будет проведено ратифицирование Берлинского договора *.

Я указал, что события последних дней показывают, что правительство не совсем различает грань между внутренней и внешней политикой, и в доказательство привел случаи ареста сотрудников торгпредства, Кайт, предвыборные плакаты и др. **. Я сказал, что мы не можем допускать ни на минуту подозрения в нелояльности сотрудников советских учреждений и в их вмешательстве во внутренние германские дела. Поэтому мы не можем терпеть и репрессий в отношении их. Принцип различения между внутренней и внешней политикой, по-видимому, чужд также и некоторым влиятельным членам германского правительства, как, например, г. фон Папену. О предложениях, сделанных им Эррио в Лозанне ***, сам Эррио теперь сообщил публично в печати, и я поэтому могу говорить о них теперь уже не на основании только секретной информации, как я это делал в предыдущей беседе с фон Нейратом ****. Фон Папен предлагал Эррио в качестве общей платформы борьбу с коммунизмом «в Германии и на востоке Европы». Но с коммунизмом на востоке Европы нельзя бороться иначе, как борясь против нашего государства.

Нейрат ответил, что он вмешался против мероприятий, [направленных] против советских граждан, а что касается фон Папена, то тот предлагал только экономическое и политическое сотрудничество. Я возразил, что это объяснение нисколько не удовлетворяет меня, ибо политическое сотрудничество фон Папен предлагал только на указанной мною платформе. Мы, конечно, не намерены менять наших отношений с Германией, но нам, конечно, не улыбается перспектива антисоветского блока Германии с Францией. Нам до сих пор казалось, что препятствовать такому блоку можно, воздействуя на Берлин, но если это окажется, однако, недостаточным, мы, конечно, не откажемся от воздействия на Париж.

Коснувшись вопроса о новом пакте Малой Антанты [47], я спросил Нейрата, считает ли он возможным вовлечение в новый союз Австрии. Нейрат такую возможность абсолютно исключает. Относительно намерений Польши в этом отношении у него информации нет. Он соглашался со мной, что активность Польши может пойти в двух направлениях: в сторону присоединения к Малой Антанте или же создания такого же блока с Прибалтикой. В связи с этим я говорил Нейрату о настороженности Прибалтики в отношении нынешней Германии

---

* Имеется в виду ратификация советско-германского Протокола от 24 июня 1931 г. о продлении Берлинского договора; см. т. XIV, док. № 191.

** См. док. № 53.

*** См. т. XV, прим. 188, 225, 249.

**** См. также т. XV, док. № 431.

и о необходимости менажирования* Литвы. Мне Заунус** говорил в Женеве, что он на обратном пути остановится в Берлине для экономических переговоров. Нейрат признал, что в ближайшее время он не предвидит удовлетворения экономических пожеланий Литвы.

Говоря об Италии и признав, что новое соглашение Малой Антанты наносит наиболее чувствительный вред именно Италии, Нейрат высмеивал слухи и отчасти угрозы самой Италии о возможности итало-германского союза. Нейрат дал понять, не помню уже в каких выражениях, что политические интересы Германии и Италии отнюдь не совпадают. Он доверительно сообщил мне, что Гитлер действительно собирается поехать на свидание с Муссолини, но предостерег меня против каких-либо далеко идущих выводов из этого свидания. По-видимому, это должно быть только жестом для запутывания Франции.

Когда я говорил Нейрату, что во Франции ожидают восстановления Гогенцоллернов, Нейрат подтвердил сообщение печати о состоявшемся у г-жи фон Дирксен свидании жены Вильгельма II с Гитлером. Он добавил, что фон Дирксен является ярой монархисткой. Он, однако, ничего не говорил по существу о возможности восстановления монархии. Нейрат не рассчитывает на большинство для правительства на выборах и ожидает стабилизации сил центра и баварской партии и даже некоторого увеличения социал-демократических голосов за счет коммунистов. Я констатировал, что в таком случае Гитлер очутится перед двумя задачами: избавиться от рейхстага и освободиться от неудобных союзников в самом кабинете. Нейрат против этого не возражал, сказав лишь, что он сам находится вне партии.

Надольный говорил мне в Женеве, по своем возвращении из Берлина, что Гитлер после выборов во что бы то ни стало постарается освободиться от коалиции, а также от Нейрата и Бюлова***. Полицию он уже прибрал к рукам, назначив в нее на командные должности своих людей, а что касается рейхсвера, то Гитлер надеется соответственно обработать старика Гинденбурга. Об этом сообщении Надольного я, конечно, Нейрату не говорил. В Берлине носились слухи о предстоящей замене Бюлова Розенбергом****, но серьезного подтверждения не имеется.

В Карлсруэ в поезд, в котором я ехал из Женевы, подсел военный министр Бломберг, но он, не зная о моем присутствии,

---

* — шажения (*фр.*).

** Министр иностранных дел Литвы.

*** Статс-секретарь МИД Германии.

**** В марте 1933 г. Розенберг был назначен заведующим внешнеполитическим отделом нацистской партии.

сейчас же лег спать. Узнал я об этом от его адъютанта Чунке, которого я знаю по Женеве. Бломберг был приглашен, по моему предложению, Хинчуком на завтрак, но не мог явиться по служебной обязанности.

В записи о беседах с Нейратом забыл упомянуть следующие пункты:

1. Нейрат говорил, что среди национал-социалистов имеются, конечно, экстремисты, но что сам Гитлер — человек разумный, практичный и поддается увещанию.

2. Под конец беседы Нейрат сообщил об инструкциях, данных им Дирксену по поводу некоторых текущих дел, и он просил меня оказать содействие благополучному разрешению их. Я спросил, о каких просьбах идет речь, и указал, что если имеются в виду валютные дела, то я вряд ли могу чем-либо помочь. Нейрат не смог дать мне никакой информации об этих делах, ибо он, очевидно, сам совершенно не осведомлен о них и лишь машинально под диктовку аппарата говорил со мною на эту тему.

Литвинов

Печат. по арх.

55. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР*

1 марта 1933 г.

Правительство Афганистана приняло всю программу противосаранчовых работ, изложенную в вашей телеграмме от 20 февраля с. г.**, за исключением применения самолетов и оплаты части ядоматериалов, ссылаясь на большие расходы, которые делают это в настоящем году невозможным. Распоряжение о визах для персонала дается в Ташкент, также даются указания пограничным властям о пропуске материалов, оборудования и людей в указанных нами пунктах.

Полпред

Печат. по арх.

---

* Копии телеграммы были направлены уполномоченному НКИД СССР при правительстве Узбекской ССР и генеральному консулу СССР в Мазари-Шерифе.

** См. док. № 43.

56. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову *

2 марта 1939 г.

Я просил свидание у Колвилла, как председателя английской делегации, для сообщения ему нашего ответа по вопросу, поднятому форин офисом 9 февраля **, но когда сегодня я приехал к нему, то застал в его кабинете также Кольера и личного секретаря Колвилла. Я довел до сведения Колвилла и Кольера, что мы рассматриваем вопросы, поднятые 9 февраля, как совершенно чуждые вопросу о торговом договоре, и поэтому не считаем возможным в какой бы то ни было форме обсуждать их или дискутировать по ним в рамках торговых переговоров. Оба мои собеседника были, видимо, расстроены моим заявлением и сначала принялись меня убеждать сделать им навстречу какой-либо шаг, но я решительно отклонил все их попытки. Тогда они перешли к угрозам, причем ведущую роль при этом играл Кольер. Колвилл обнаруживал все время тенденцию как-нибудь отделить от торговых переговоров вопросы форин офиса, но Кольер неизменно его «поправлял». Угроза Колвилла и Кольера сводится к тому, что если мы не сделаем никаких уступок, то 6 марта в парламенте будут дебаты по вопросам «Лена-Голдфилдс» ***, «Торгсина» и «Интуриста» [26], во время которых МИД выступит против нас, что английское правительство ни в коем случае не согласится на дипломатический статус торгпредства без компенсации по вопросам «Торгсина» и «Интуриста» и что после 17 апреля по отношению к некоторым нашим товарам может быть применена статья 21 ****. Я спокойно выслушал эти угрозы и сказал, что язык ультиматумов есть самый плохой способ разрешать спорные вопросы между двумя странами и что если английское правительство сорвет из-за всех этих мелочей торговые переговоры, то ответственность за последствия ляжет на него. Колвилл попытался тут взять более мягкую линию, но Кольер помешал ему в этом. В заключение я заявил, что, несмотря на сегодняшний обмен мнениями, мы по-прежнему готовы продолжать переговоры по торговому договору с искренним желанием прийти к какому-либо соглашению, но решительно отказываемся вносить в эти переговоры вопросы, не имеющие к ним никакого отношения.

Полпред

Печат. по арх.

---

* Телеграмма была также направлена в Наркомвнешторг СССР.
** См. док. № 38.
*** См. док. № 30.
**** См. т. XV, прим. 139.

57. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

3 марта 1933 г.

Получены сведения об инспирации поджога рейхстага Детердингом, надеющимся в результате обострения борьбы с коммунизмом и СССР в Германии добиться изгнания «Дероп»[36] и осуществления нефтяной монополии. Предполагаются участниками поджога его агенты. Детердинг действовал совместно с Герингом. Это сообщение, по нашим сведениям, появится во французской и американской прессе.

Из разных источников идут версии о передвижении польских войск к границе и, что по этому поводу — волнения в рейхсвере.

Сегодня на обеде сделал Нейрату в весьма резкой и решительной форме заявление, выразив свое изумление по поводу речи рейхсканцлера с неслыханными выпадами по нашему адресу *. Это, заявил я, никак нельзя понять после уверений, которые делал Нейрат нашему народному комиссару Литвинову и мне о дружественном к нам отношении, ссылаясь на разговор его с Гитлером **. Нейрат пытался объяснять, что речь Гитлера — не рейхсканцлера, а чисто партийная, старался подтвердить свое заявление, что отношение к Союзу будет по-прежнему дружественным и весьма скоро все придет в порядок[37].

Хинчук

Печат. по арх.

58. Нота Полномочиого Представительства СССР в Австрии Министерству Иностранных Дел Австрии

3 марта 1933 г.

Миссия Союза Советских Социалистических Республик в Австрии имеет честь сделать Федеральному Министерству Иностранных Дел следующее сообщение.

Как явствует из прилагаемого заявления советских граждан Андрея Муштакова и Анисима Рубина ***, командированных советскими организациями в Германию, Австрию и Чехословакию по делам торговли и снабженных служебными

---

* См. газ. «Известия», 4 марта 1933 г., а также док. № 59, 62, 64, 65.

** См. док. № 54.

*** Заявление не публикуется. Муштаков А. Р.— член президиума Всесоюзного совета промысловой кооперации и председатель Ленинградского совета промысловой кооперации, Рубин А. Р.— член президиума Всеукраинского совета промысловой кооперации.

паспортами и обязательными визами на въезд в Австрию, выданными Австрийской Миссией [в СССР], эти лица были, без предъявления им какого-либо обвинения и без указания мотивов, задержаны и уведены из поезда в Зальцбурге, подвергнуты повторным допросам и находились под арестом в течение трех часов. В Линце их снова увели из поезда, неоднократно и в грубой форме подвергали обыску и продержали в тюрьме двое суток. При этом им было запрещено покупать для себя продукты питания, в то же время у них были отобраны различные предметы — сигареты и т. д. Кроме того, арестовавшие их власти не только не сообщили Миссии [СССР в Австрии] об аресте вышеупомянутых лиц, но им даже не позволили, вопреки их неоднократным требованиям, связаться с Миссией по телефону или по телеграфу.

Миссия СССР в Австрии выражает крайнее удивление по поводу этого случая — чрезвычайно недружелюбного поведения австрийских властей в отношении советских граждан. Поскольку Миссия еще не располагает сведениями относительно тех мотивов, которыми были вызваны упомянутые задержания и аресты, она оставляет за собой право вернуться к этому делу и просит возможно скорее сообщить о тех причинах, которые побудили австрийские власти прибегнуть к мерам задержания и ареста названных лиц[48].

Печат. по арх.

59. Сообщение советника Полномочного Представительства СССР в Германии о заявлении Заведующему IV отделом Министерства Иностранных Дел Германии Мейеру*

3 марта 1933 г.

3 марта 1933 г. в половине седьмого вечера я посетил г. министериаль-директора Мейера и заявил ему о нижеследующем:

«Я явился к Вам в связи со вчерашней речью г. Рейхсканцлера Гитлера. У меня нет указания Москвы реагировать на эту речь, и я не хотел бы в данной беседе предвосхищать высказывания моего Правительства, которые оно сделало бы по этому поводу. Посольство еще не получило инструкций из Москвы, однако оно уже сейчас не может не обратить внимание Министерства Иностранных Дел на то, что вчерашняя речь г. Рейхсканцлера вызвала у Посольства определенные опасения. Манера, характер и резкость нападок, с каковыми г. Рейхс-

* Заявление сделано по указанию полпреда СССР в Германии Л. М. Хинчука; см. также док. № 57, 62, 64, 65.

канцлер обратился против нашей страны, могут послужить в нынешней нервозной и напряженной атмосфере в [германской] столице предлогом для находящихся в городе безответственных элементов, чтобы выступить против советских граждан, учреждений и даже против Торгового Представительства или самого Посольства и тем самым поставить под угрозу отношения между нашими странами.

Посольство считает, что в данной обстановке оно имеет основания опасаться возможности эксцессов, чреватых нежелательными последствиями. Поэтому Посольство позволяет себе высказать эти опасения, движимое озабоченностью, как бы в ход событий и связанное с этим развитие взаимных отношений не вмешались посторонние силы и не изменили по своему произволу положение вещей вопреки воле обеих сторон в неблагоприятном для намеченного развития духе.

Посольство просит Министерство Иностранных Дел благосклонно принять эти доброжелательные замечания».

Г-н министериаль-директор Мейер кратко ответил мне, что он не видит оснований для озабоченности; неприкосновенность советских учреждений, торгового представительства и посольства обеспечивается полицией; что же касается советских граждан, то они находятся в одинаковом положении со всеми другими иностранцами, и, поскольку они занимаются своими мирными делами, им нечего опасаться.

С. Александровский

Печат. по арх.

60. Телеграмма члена советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 марта 1933 г.

Сегодня Поль-Бонкур связал взаимную помощь с определением агрессора (наш проект) * и констатацией агрессии (проект Буркена **, представляющий собой извлечения из его доклада о контроле) и предложил начать с обсуждения проектов СССР и Буркена [49]. Мадарьяга *** связал, кроме того, эти вопросы с конвенцией по совершенствованию средств предотвращения войны ****. Я заявил, что не возражаю против обсуждения нашего проекта декларации, но при условии: 1) чтобы декларация приняла характер не европейский, а уни-

* См. док. № 32.

** Заместитель председателя бельгийской делегации на конференции.

*** Член испанской делегации на конференции.

**** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI. М., 1934, стр. 127—129.

версальный и 2) чтобы обсуждение ее происходило самостоятельно, без связи с какими-либо другими предложениями. Поль-Бонкур демонстративно через весь зал пошел пожать мне руку, а Надольный в последовавшем выступлении отозвался очень холодно об определении агрессора. В конце заседания было принято предложение Гендерсона продолжить общие прения по всем предложениям во вторник, а затем перейти к обсуждению отдельно нашего предложения.

Все говорят о кризисе и тупике конференции и ожидают приезда Макдональда в надежде, что или конференция великих держав, или, по крайней мере, частные совещания помогут найти выход. Создается впечатление, что французы сами откладывают обсуждение вопроса о взаимной помощи в ожидании результатов этих совещаний. Возможно также, что французы, учитывая наличие в нашем определении агрессора некоторых неприятных для немцев моментов, надеются постановкой нашего проекта на обсуждение выявить расхождения между Германией и СССР.

Довгалевский

Печат. по арх.

61. Нота Полномочного Представительства СССР в Афганистане Министерству Иностранных Дел Афганистана

4 марта 1933 г. № 122

По полученным Полномочным Представительством СССР сведениям, находящийся в Герате Джунаид-хан, при участии ряда басмаческих главарей, подготовляет налет на территорию СССР *. В организации этого налета принимают участие кроме Джунаид-хана еще следующие главари: Яр Мамед-бай, Якуб-бай и Аман Кули. Все они ведут активную работу по формированию банды для налета.

Сообщая об изложенном, Полномочное Представительство СССР просит уважаемое Министерство Иностранных Дел принять срочные меры для предупреждения готовящегося налета на советскую территорию. Кроме того, Полномочное Представительство СССР находит совершенно необходимым и самым категорическим образом настаивает на удалении из Гератской провинции в глубь Афганистана Джунаид-хана с его семьей и людьми, Яра Мамед-бая, Якуба-бая и Амана Кули, а также других лиц, принимающих участие в организации налета на территорию СССР.

---

* См. т. XIV, док. № 7.

О принятых уважаемым Министерством Иностранных Дел мерах Полномочное Представительство СССР просит его уведомить *.

Печат. со арх.

62. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку

5 марта 1933 г.

Многоуважаемый Лев Михайлович,

Хотя я убежден в том, что после выборов Гитлер, его приближенные и его пресса прекратят или, во всяком случае, ослабят свои нападки на СССР, тем не менее, конечно, мы должны самым решительным образом протестовать против той части гитлеровской речи от 2 марта, которая была направлена против нас.

Вы поступили правильно, что уже 3-го заявили Ваш протест Нейрату, несмотря на то что встреча с Нейратом происходила в гостях у Вас **.

Но ограничиться этим в обстановке домашнего разговора заявленным протестом нельзя. Надо придать протесту более официальный характер, и поэтому я протелеграфировал Вам, чтобы Вы заявили Нейрату формальный протест, сославшись на поручение правительства ***.

Ваш разговор с Нейратом 3 марта имел своим последствием появление в «Фоссише цейтунг» сообщения о том, что политика правительства Гитлера по отношению к СССР будет такой же, как политика предшествующих правительств, и что выпады против нас носят предвыборный характер. Использование Нейратом «Фоссише цейтунг», а не какой-либо близкой к правительству газеты, представляет собой хитрый шаг с его стороны. Поскольку «Фоссише» — оппозиционная газета, постольку ее заявления ни в какой мере не ангажируют правительство и не дезавуируют его избирательных выпадов против нас, а в то же время заметка должна несколько успокоить нас.

Мы решили здесь поэтому сегодня сообщение «Фоссише» в наши газеты не давать, сделать это днем позднее, уже после выборов. Задержка на один день с передачей нашими газетами этой заметки покажет немцам, что наша печать разобралась в деле и не рассматривает заметку в «Фоссише цей-

---

* Ответа на эту ноту в архиве не обнаружено.

** См. док. № 57.

*** См. док. № 65.

тунг» как какое-либо, хотя бы полуофициозное, извинение германского правительства.

Я думаю, что после Вашего формального протеста германское правительство найдет способ дать нам более приемлемое для нас удовлетворение, тем более что это будет уже после выборов, когда Гитлеру будет легче отступать в этом вопросе.

Буду ждать телеграфного сообщения о Вашем втором разговоре с Нейратом и об официальном ответе германского правительства *.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

63. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному секретарю Лиги наций Друммонду

Передано по телеграфу
7 марта 1933 г.

Господин Генеральный секретарь,

Советское Правительство тщательно обсудило предложения, заключающиеся в Ваших письмах ко мне от 24 и 25 февраля, внимательно изучило приложенные к ним документы и пришло к следующему заключению.

Постановления Лиги наций, как и доклад Комиссии 19-ти **, имеют своими исходными пунктами пакт Лиги наций, Вашингтонский договор 9-ти держав *** и Парижский договор (пакт Бриана — Келлога ****). СССР не является участником первых двух, но присоединился к последнему из поименованных пактов. При самом своем возникновении Советское государство провозгласило как основной принцип своей политики право всех народов на самоопределение в условиях свободы волеизъявления и отсутствия какого бы то ни было внешнего давления и решительно высказалось против аннексий и контрибуций как результатов военных завоеваний или насильственных захватов. Из этих принципов логически вытекают абсолютное уважение к территориальной неприкосновенности и политической, социально-экономической и административной независимости всех государств, недопустимость разрешения международных конфликтов иными средствами, кроме мирных, и, конечно, обязательство строгого соблюдения международных договоров, воплощающих эти принципы. Предложение Совет-

---

* См. док. № 65.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 189—212.

*** См. т. IV, прим. 38.

**** См. т. XI, док. № 298.

ского Правительства о всеобщем и полном разоружении* имело целью сделать невозможным нарушение этих принципов и со стороны государств, их не признающих. В самое последнее время советская делегация на конференции по разоружению внесла предложение о международном осуждении всех тех поводов, которыми обыкновенно оправдываются нарушения международных мирных договоров и насильственные захватнические действия**. Парижский договор, как и другие аналогичные международные соглашения, покрывает только часть вышеизложенных принципов и предложений Советского Правительства. Поскольку исходные пункты постановлений Лиги наций по японо-китайскому конфликту приближаются в некоторой степени к принципам мирной политики Советского Союза, можно констатировать некоторое совпадение означенных исходных пунктов с взглядами Советского Союза.

Одобренный Ассамблеей Лиги доклад Комиссии 19-ти содержит, однако, рекомендации применения к японо-китайскому конфликту отмеченных мною исходных пунктов постановлений Лиги, не вполне совместимые с указанными исходными пунктами и допускающие отступление от них по ряду серьезнейших вопросов.

Созданный в этом же духе постановлением Ассамблеи Совещательный комитет*** является органом Лиги, имеющим одной из своих целей способствование выполнению Ассамблеей ее обязательств и долженствующим делать свои предложения Ассамблее, на решения которой СССР, не состоящий членом Лиги, никакого влияния оказывать не может.

Другой целью Совещательного комитета является способствование координированию действий между собой членов и нечленов Лиги. Однако большинство государств, входящих и имеющих войти в Совещательный комитет, а именно 13 из 22-х, не поддерживает никаких отношений с Советским Союзом и, следовательно, настроено к нему враждебно. Очевидно, такой комитет вряд ли в состоянии выполнять задачу координирования действий с Советским Союзом, который лишен возможности входить в какие-либо переговоры с большинством из них и в отдельности с теми из них, интересы которых больше всего могут совпадать с его собственными.

Позволительно также сомневаться в том, чтобы такие государства могли действительно принимать в соображение интересы СССР, о которых упоминается в рекомендациях.

Ввиду изложенных обстоятельств Советское Правительство не находит возможным присоединиться к постановлениям Лиги

---

* См. т. XI, док. № 45.
** См. док. № 32.
*** См. т. XV, прим. 380.

и принять в настоящий момент участие в Совещательном комитете.

Советское Правительство с самого начала японо-китайского конфликта, желая по мере сил воспрепятствовать дальнейшему расширению военного конфликта и возможному превращению его в источник нового мирового пожара, стало на путь строгого нейтралитета. В соответствии с этим Советское Правительство, верное своей мирной политике, всегда будет солидарно с действиями и предложениями международных организаций и отдельных правительств, направленными к скорейшему и справедливому разрешению конфликта и обеспечению мира на Дальнем Востоке [52].

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 66 (4547), 6 марта 1938 г.

В упоминаемых письмах Друммонда от 24 и 25 февраля соответственно говорилось:

«Последним параграфом доклада, который Ассамблея Лиги наций приняла сегодня, мне поручено «передать копию этого доклада государствам, не являющимся членами Лиги, подписавшим или присоединившимся к Парижскому пакту или к соглашению девяти держав, информируя их о выраженной Ассамблеей надежде, что они присоединятся к взглядам, выраженным в докладе, и что они будут, в случае необходимости, согласовывать свои действия и свое поведение с членами Лиги».

В соответствии с этим я имею честь передать Вам при этом копию доклада, принятого Ассамблеей. Я был бы благодарен, если бы Вы сообщили мне так скоро, как Вы найдете возможным, ответ Правительства СССР на пожелания, выраженные Ассамблеей в приведенных мною словах.

Я осмеливаюсь в то же время обратить Ваше внимание на текст рекомендации 3-й, которая находится в части IV, раздел II доклада. Эта рекомендация устанавливает, что, если обе стороны примут рекомендации Ассамблеи, моей обязанностью будет информировать об этом ваше Правительство и просить его назначить, если оно того пожелает, члена комитета по переговорам, который должен быть создан. Этот вопрос сейчас не возникает, поскольку только одна из сторон приняла сегодня доклад. В случае, если рекомендации Ассамблеи будут позднее приняты обеими сторонами, я не премину без замедления обратиться с вышеуказанным приглашением к вашему Правительству».

«Имею честь сообщить Вам, что Ассамблея Лиги наций приняла 24 февраля резолюцию *, текст которой я при сем прилагаю.

Совещательный комитет, созданный в соответствии с этой резолюцией, заседал сегодня. Согласно инструкциям Ассамблеи Лиги Совещательный комитет поручил мне передать вашему Правительству приглашение сотрудничать с ним в его работе.

Излишне говорить, что Комитет придает большое значение сотрудничеству вашего Правительства и серьезно надеется, что оно сможет принять это приглашение».

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 222.

64. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном

7 марта 1933 г.

Дирксен, по поручению Нейрата, сообщил мне, что с английской стороны делаются официально усилия, чтобы побудить Нейрата к поездке в Женеву для встречи с Макдональдом, Саймоном и Даладье. Нейрат высказал англичанам сомнение в целесообразности своей поездки ввиду того, что в Женеве не выяснены еще вопросы, интересующие Германию, а кроме того, неизвестна позиция английского правительства. Если имеется в виду принять промежуточное решение, то таковое, не дающее Германии равноправия и не обеспечивающее ее безопасности, для Германии неприемлемо. Нейрат поэтому отказывается дать согласие на поездку до выяснения позиции Англии в этих вопросах.

После этого Дирксен перешел к общему вопросу о советско-германо-французских отношениях и о нашей позиции в Женеве. Он не только сообщил мне о заявлениях, сделанных им т. Крестинскому *, но и вторично изложил их, причем сам перечислил все те возражения и ответы, которые эти заявления могут вызывать.

Я сказал Дирксену, что говорил уже на эту тему с Нейратом **, и вкратце передал ему содержание этой беседы. Я добавил, что уже после этой беседы и несмотря на заверения Нейрата имели место недопустимое выступление Гитлера с оскорбительной оценкой нашего внутреннего положения и дальнейшие репрессии в отношении немецких граждан, служащих в полпредстве и других советских учреждениях. Я сказал, что мы не оспариваем формального права германского правительства в отношении германских граждан, но предложил Дирксену задать себе вопрос, как на него повлияло бы использование нами такого же права в отношении советских граждан, работающих в германском посольстве и консульствах. Между тем это для нас имеет большее значение ввиду наличия и значительности торговых представительств.

Дирксен пытался оспаривать правильность приписываемых фон Папену предложений, сделанных в Лозанне Эррио ***. Я ответил, что, как ни относиться лично к Эррио, трудно допустить, чтобы он публично в печати заявлял о предложениях, не имевших места. Во всяком случае, фон Папен этого публично не дементировал, а опровержения Нейрата, сделанные мне, носили весьма неопределенный характер. Мы вправе

---

* См. док. № 51.
** См. док. № 54.
*** См. т. XV, прим. 188, 225, 249 и док. № 54 настоящего тома.

ожидать, чтобы германское правительство публично отмежевалось от всем известных идей фон Папена в отношении СССР. Я уже не говорю о химерических планах «наци» в отношении Украины [51]. Я предупредил и Дирксена, что мы, конечно, не будем упускать представляющихся случаев как в Берлине, так и в Париже, чтобы затруднить антисоветский германо-французский блок.

Перед уходом Дирксен вспомнил о текущих вопросах, ожидающих своего разрешения, о которых будто бы со мною говорил Нейрат. Я подтвердил, что Нейрат действительно говорил о каких-то вопросах, существа которых он сам не знал. Я выразил сомнение, чтобы настоящий момент был подходящим для постановки этих вопросов, в чем Дирксен со мною не согласился.

Литвинов

Печат. по арх.

65. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

7 марта 1933 г.

Заявил Нейрату в дополнение к моему протесту *, лично ему мною заявленному 3 марта в нашем посольстве, что и сегодня имею ему сообщить нижеследующее:

«Меня привела к Вам, г. Министр, речь, произнесенная 2 марта г. Рейхсканцлером Гитлером в берлинском Шпортпаласте **, содержащая неслыханно резкие нападки против моей страны. Г-н Рейхсканцлер счел возможным охарактеризовать социальную и политическую систему, а также состояние СССР таким уничтожающим и оскорбительным способом, который не может быть согласован с существующими отношениями между СССР и Германией.

По поручению моего Правительства я заявляю протест против нападок германского Рейхсканцлера на внутренние дела и состояние моей страны» ***.

Это я ему прочел и оставил в письменной форме. Я добавил, что общественность СССР возмущена, а общественность Германии видит в выступлении Гитлера его установку к СССР. Все это расходится с теми уверениями Нейрата, которые он делал нашему народному комиссару Литвинову и

---

* См. док. № 57.

** — дворце спорта (*нем.*); см. газ. «Известия», 4 марта 1933 г.

*** Цитируемый протест уточнен по тексту на немецком языке, врученному Нейрату.

мне *. Нейрат ответил, что имеет на столе речь Гитлера и видит, что там имеются недружелюбные нападки против системы, но Гитлер это сделал не преднамеренно, говорил экспромтом, и это вырвалось у него как у партийного оратора, он заранее не составлял речи. Вчера, по словам Нейрата, он долго беседовал с Гитлером, который снова подтвердил, что не думает менять политики к СССР, считая, что она должна быть и экономически и политически дружественной [37], что Гитлер на днях пригласит меня, чтобы сделать мне это заявление, кроме того, на первом своем выступлении в рейхстаге сделает такое же заявление, чтобы придать этому факту бо́льшее значение. Нейрат говорил с Гинденбургом, который также разделяет дружелюбную политику к СССР. Нейрат обратился ко мне с двумя просьбами:

1) После публичного заявления Гитлера также в какой-либо форме в Москве подтвердить свое дружественное отношение к Германии. Я заявил Нейрату, что для этого нет никаких оснований, нам не приходится исправлять промахов. 2) Он просил не опубликовывать протеста в газетах здесь и в Москве, ибо Нейрат занят созданием благоприятной обстановки, а опубликование может помешать его усилиям. Я сказал, что доведу его просьбы до сведения моего правительства, которое и решит это дело, и что я ничего не могу ему обещать. Тогда, сказал Нейрат, прошу передать мои просьбы Литвинову, я надеюсь, что он пойдет мне навстречу.

Хинчук

Печат. по арх.

66. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

7 марта 1933 г.

Беседовал с Бенешем. Он заявил, что решение о пакте Малой Антанты состоялось три года тому назад на конференции в Штрбске-Плесо [52]. Главная его цель — освободиться от Франции, которая может быть склонна к компромиссу с немцами, что не в интересах Чехословакии. Бенеш уверяет, что Малая Антанта намерена установить с СССР нормальные отношения и в первую очередь подписать пакт о ненападении. Если СССР по формальным соображениям трудно подписать пакт с Малой Антантой как с таковой, то можно подписать в отдельности с каждым ее членом. Румыния отвергла наш текст пакта **, когда была одна. Теперь она готова принять его с некоторыми изменениями, которые, по мнению Бенеша, и для

* См. док. № 51, 54, 57.

** См. т. XV, док. № 273, 389, 428.

нас будут приемлемы. Бенеш гарантирует, что если мы предложили бы сейчас пакт Чехословакии, а она своим союзникам, то пакт в течение короткого времени был бы подписан. Вслед за ним надо немедленно установить отношения. Обещает, если мы обратимся с предложением пакта, не задерживать ответа и готов теперь же неофициально договориться с нами о тексте пакта. Я просил его хотя бы устно сообщить нам, каким он представляет себе этот пакт. Бенеш обещал сделать и назначил новое свидание со мной [53], на завтра утром, где он изложит свои положения устно. Если изложенное им будет для нас дискутабельно, считаю целесообразным предложить чехам пакт. Срочно сообщите ответ к завтра [54]. Бенеш уезжает в Женеву послезавтра. Подробно письмом [55].

Аросев

Печат. по арх

67. Письмо члена советской делегации председателю Специального колониального комитета [56] Конференции по сокращению и ограничению вооружений Политису

8 марта 1933 г.

Специальный колониальный комитет на первом своем заседании 6 марта положил в основу своих работ принцип различия между личным составом колоний и личным составом метрополий в вопросах унификации и сокращения вооруженных сил. Принимая во внимание, что советская делегация голосовала в Генеральной комиссии против этого принципа, а также принципиальную и основную позицию Правительства СССР в отношении колоний, имею честь просить Вас не считать моей делегации в числе членов Специального комитета. Подразумевается, что советская делегация сохраняет за собою право высказать свое мнение по решениям этого комитета, когда они будут представлены Генеральной комиссии.

Довгалевский

Печат. по арх. Опубл. в «Сборнике документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 65.

68. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии В. П. Потемкину

8 марта 1933 г.

Когда будете с Левенсоном * у Муссолини [57], не касайтесь деталей переговоров, а скажите лишь, что вас беспокоит ход экономических переговоров и положение, создавшееся благо-

* Торгпред СССР в Италии.

даря неуступчивости итальянских представителей на этих переговорах. Укажите, что мы далеко пошли навстречу итальянскому правительству по трем основным интересовавшим его вопросам, а именно: по вопросам о равновесии балансов, о сокращении сроков кредитов и о деконсолидации таможенных ставок. Итальянцы же ни по одному вопросу не пошли нам навстречу. Они предъявляют все новые требования и вообще не проявляют склонности договориться.

Вы просите Муссолини учесть, что мы уже дошли до крайних пределов наших уступок и что необходимо, чтобы он дал итальянским представителям указания снять их чрезмерные требования и договориться на приемлемых для нас условиях.

Эти указания согласованы с НКВТ.

Если Муссолини по своей инициативе заговорит по существу отдельных деталей переговоров, конечно, не уклоняйтесь, руководствуйтесь директивами [58], полученными Левенсоном от НКВТ *.

Крестинский

Печат. по арх.

69. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Норвегии с Премьер-Министром и Министром Иностранных Дел Норвегии Мувинкелем

8 марта 1933 г.

Чтобы иметь возможность в день первого официального приема Мувинкелем всех шефов миссий поговорить с ним о деле, я нарочно прибыл в министерство к официально объявленному концу приемного времени, т. е. к часу дня. Несмотря на это, я застал еще в приемной в ожидании приема испанца, итальянца, американца, кубинца и бразильца. Прошло около 40 минут, пока я в порядке очереди был принят Мувинкелем. Мы встретились как старые хорошие знакомые, обоюдно довольные новой встречей. Я напомнил Мувинкелю о своей правоте, когда два года тому назад, прощаясь с ним, отказался верить его категорическому заявлению о том, что к активной политике он больше не вернется. «Жаль, что я не заключил тогда с Вами пари»,— сказал я. Мувинкель, смеясь, ответил мне, что снова к власти привела его не охота, а необходимость: положение страны в результате двухлетнего неудачливого хозяйничания крестьянской партии. Как на типичный пример неудачливости и порчи отношений, он указал на то, что вот даже с нами срывается договор. На это я ответил, что не разделяю его пессимизма в отношении договора и что сокращение наших закупок в Норвегии обусловливается су-

* См. также док. № 79.

жением мирового рынка и соображениями валютной политики вообще. Хотя, заявил я, от ваших предшественников за два года мы имели непрерывные неприятности и подчас непонимание основных законов нашей конституции, вроде монополии внешней торговли. Бывший министр торговли Пер Ларсен так и ушел, не постигнув сущности этого вопроса. Изложив дальше наши установки этого года, я просил его содействовать правильному пониманию нашей линии со стороны министерства торговли, чтобы возможно скорее завершить переговоры. Тут же я выразил пожелание представить ему нашего торгпреда т. Клингера, переговоры которого с Иогансеном до сих пор ни к чему не привели *. Я заявил, что считаю абсолютно безнадежным упорство Иогансена относительно размера наших закупок сельди в этом году, так как лимиты нам даны максимальные и жесткие. 150 тыс. бочек — вот максимум, подлежащий покупке нами при принятии прочих наших условий, как-то: снижение цены, условий приемки и т. д. Мувинкель на это мне ответил, что у рыбаков в этом году засолено 500 тыс. бочек в надежде на нас, что создавшееся положение означает для них катастрофу, но что он, Мувинкель, понимает наши соображения и, исходя из этого, приложит усилия к тому, чтобы благоприятно ликвидировать спорные вопросы на базе установленного нами лимита закупок сельди. Далее я заявил, что основным вопросом, без разрешения которого мы не можем идти ни на какой договор, мы считаем вопрос о правах торгпредства, в связи с чем у нас в прошлом году так много было неприятностей. Ввиду того, сказал я, что официальное обращение к нашему торгпредству об ограничении его прав, согласно закону о торговле 1929 г., последовало еще в Вашу бытность премьером, и ввиду того, что Вы же нам обещали в прошлом году содействие в стортинге по этому вопросу, мы не сомневаемся в том, что этот вопрос теперь при Вас будет благоприятно для нас разрешен. Ответ Мувинкеля заключался в том, что мы можем быть абсолютно спокойны в отношении продолжения работы торгпредства в том виде, в каком эта работа осуществляется теперь. Он добавил, что мог бы гарантировать мне даже проведение в стортинге внесенного предыдущим правительством законопроекта об изменениях к закону 1929 г. (в нашу пользу), только он сомневается в том, целесообразно ли сейчас дать повод сторонникам Квислинга в стортинге развязать языки. На это я сказал, что в выборе момента и методах действия правительство, конечно, свободно; нас же успокаивает его гарантия и для избежания всяких неожиданностей нужно нам иметь ее зафиксированной. Заканчивая этим разговор по вопросам торговых взаимо-

* См. т. XV, док. № 447.

отношений, я заручился его согласием для конкретного обсуждения разногласий между торгпредством и Иогансеном (неприглядную роль которого в наших взаимоотношениях я вскользь отметил), представить ему 15 марта т. Клингера для ознакомления с ходом переговоров *.

Переходя к вопросам политики, мы, естественно, остановились на фигуре Квислинга, в оценке которого мы с Мувинкелем разошлись. Я указывал на целеустремленность Квислинга, на то, что он ушел из правительства с твердой почвой под ногами и с реальной угрозой дальнейшей фашизации страны, Мувинкель же все еще распинается в симпатиях к нему (за искренность) и квалифицирует его как беспочвенного политика, романтика, чуть ли не фанатика. Он возмущался лишь против сравнения его с Гитлером, а я заявил, что Квислинг грамотнее Гитлера и тем вреднее, если даже в демократической Норвегии он не сможет стать тем, чем сделался Гитлер в послеверсальской Германии. Вслед за этим я рассказал о наших злоключениях с аграрным правительством в связи с выступлениями Квислинга за эти два года и специально остановился на нашей июльской ноте протеста **, на которую был обещан официально ответ, как только соберется стортинг (в январе), но на которую, однако, несмотря на новое обещание, данное мне Бродландом *** за неделю до падения правительства, мы до сих пор не имеем ответа. Иллюстрируя на этом факте деловые качества его предшественника, который редко бывал достаточно и правильно информирован, я выразил недовольство возможностью такого отношения к серьезным вопросам.

Мувинкель взял на заметку и обещал справиться и дать мне ответ (на следующий день мною была получена нота о том, что Мувинкель ознакомился с нашей нотой и переслал ее стортингу) [69]. Об этом я тотчас же телеграфировал в НКИД. После этого Мувинкель сделал мне предложение о возобновлении с нами переговоров относительно какого-нибудь соглашения между нами, на которое он мог бы сослаться в случае возможных новых панических выступлений, вроде квислинговских. Наши переговоры о пакте ****, сказал он, в свое время сорвались на вопросе о составе согласительной комиссии; арбитраж тоже, по-видимому, не пройдет; теперь нам с вами следовало бы по крайней мере иметь какое-нибудь соглашение для разрешения спорных вопросов, не поддающихся обычному дипломатическому улажению; этого можно

---

* См. док. № 80.
** См. т. XV, док. № 295.
*** См. док. № 44.
**** См. т. XIII, док. № 884.

добиться через представителей обеих сторон, выбранных специально для этой цели. Этим, продолжал он, мы зажали бы рты тем лицам, которые склонны поддаваться наветам Квислинга о том, что Советы якобы могут быть для нас угрозой. На это я ответил, что смешно брать всерьез заявления о наших агрессивных намерениях в отношении кого бы то ни было, в особенности теперь, когда даже Франция вынуждена была признать нас фактором мира. Но мы неизменно внимательно реагируем на всякое предложение, могущее закрепить мирные отношения. Но в данном случае, заявил я, я нахожу, что предпосылкой должна быть ликвидация тех неприятностей, которые у нас имеются в результате выступлений Квислинга, с которым отчасти солидаризировались премьер-министр и министр иностранных дел. Я думаю, сказал я, что следовало бы предварительно расчистить путь для возможности подобных предложений, которые по существу отвечают обоюдным интересам. В ответ на это Мувинкель снова обещал мне в этот же день затребовать весь материал и возможно скорее дать ответ *.

Полпред СССР в Норвегии
А. Бекзадян

Печат. по арх.

70. Выступление члена советской делегации В. С. Довгалевского на восьмом заседании Политической комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

10 марта 1933 г.

Принципы, определяющие позицию Советского правительства в вопросе о взаимозависимости между разоружением и безопасностью,— заявил т. Довгалевский,— были в свое время высказаны в весьма ясной форме. Они, следовательно,— я в этом уверен,— хорошо известны. В настоящее время будет достаточно, если я просто напомню, что эти принципы сводятся к двум следующим тезисам:

1) только полное разоружение дает максимум безопасности и

2) за отсутствием полного разоружения степень безопасности определяется степенью сокращения вооружений.

Первоначальное предложение Советского правительства, как вы помните, сводилось к полному разоружению **; это

---

* См. док. № 80, 235.
** См. т. XI, док. № 45; т. XV, док. № 82.

предложение, к нашему глубокому сожалению, не было принято конференцией. В соответствии со стремлениями широких народных и трудящихся масс советская делегация продолжала преследовать свою цель, заключающуюся в том, чтобы в максимально возможной мере уменьшить военную опасность и облегчить бремя вооружений, которое тяжело ложится на плечи именно тех слоев населения, которые особенно стремятся к миру и ненавидят войну. Вот почему советская делегация после провала ее предложения о полном разоружении выдвинула свой план о существенном сокращении вооружений * в надежде, что на этот раз советское предложение получит единогласное одобрение конференции.

При этом советская делегация заявила, что она готова присоединиться к любому предложению о действительном и значительном сокращении вооружений, которое наиболее приближается к стремлениям Советского правительства. Советская делегация продолжает придерживаться этой принципиальной позиции. Однако она всегда считала своей обязанностью не пренебрегать ничем, что может содействовать успеху работ конференции. В соответствии с этим моя делегация не может не считаться с тем фактом, что, обусловливая разоружение обеспечением безопасности, конференция стоит перед альтернативой: либо определить и усилить безопасность и создать таким образом некоторые шансы на достижение сокращения вооружений, либо заявить о своем бессилии и признать провал работы многих лет.

Вот почему мы считали нужным внимательно изучить французское предложение относительно обеспечения безопасности ** и извлечь из него то, что из этого предложения может интересовать весь мир. Это изучение привело нас лишний раз к констатированию того бесспорного факта, что никакая система безопасности против агрессии не может быть полной и действенной при отсутствии некоторого представления о том, чем является агрессия. Стремясь к тому, чтобы конференция по возможности скорее пошла по пути действительного разоружения, советская делегация представила на обсуждение свой проект об определении агрессора ***. Цель этого определения — обеспечить прочную базу безопасности.

Советская делегация считает, что определение агрессора должно принять форму декларации, распространяющейся на все страны мира. Эта декларация либо должна быть включена в текст будущей конвенции о безопасности и о разоружении, либо должна быть объектом специального соглашения, кото-

---

* См. т. XI, док. № 98; т. XV, док. № 82.
** См. т. XV, прим. 284.
*** См. док. № 32.

рое будет признано составной частью той же конвенции. Определение агрессора, принятое всеми странами и, следовательно, обязательное для всех, тем самым послужит руководством для каждой отдельной страны и для всех групп стран. Это определение будет также способствовать, если не полному устранению частичных соглашений различных групп стран, то, во всяком случае, значительному уменьшению той опасности, что такие соглашения примут характер союзов, направленных против третьих стран.

Предлагаемый нами проект состоит кроме вводной части из двух частей. Первая часть дает положительное определение основных агрессивных действий. Вторая часть содержит перечень обстоятельств, не могущих служить оправданием для государства, виновного в действиях, установленных в первой части.

Обе части проекта проникнуты той общей идеей, что всякое применение силы в качестве средства для разрешения споров между государствами должно быть признано незаконным. Обе части декларации соответствуют плану «об отказе от применения силы», принятому Политической комиссией 2 марта *, поскольку речь идет в нем о европейских странах, плану, к которому конференция еще должна будет вернуться, с тем чтобы придать ему необходимый универсальный характер.

Советская делегация оставляет за собой право дискутировать в свое время и подробно по каждому параграфу статей своего проекта. Однако одно замечание общего порядка может быть сделано уже сейчас, а именно замечание относительно первой статьи проекта, считающей актами агрессии не только формальное объявление войны, но и различные формы враждебных действий, предпринятых без предварительного объявления войны. Запрещение военных действий без предварительного объявления войны было признано необходимым еще в 1907 г., когда такое запрещение было включено в конвенцию Гааги. Согласно этой конвенции такие враждебные действия были признаны международным преступлением, хотя в то время война, как таковая, еще считалась вполне законным явлением. В настоящее же время факт, что формальное объявление войны запрещено в международном масштабе в качестве средства национальной политики, тем более оправдывает отказ от проведения различия с точки зрения агрессии между официально объявленной войной и фактическими враждебными действиями.

Что касается второй статьи советского проекта, перечисляющей обстоятельства, которые никогда не могут служить

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 65—66.

оправданием в случае агрессивных действий со стороны какой-либо страны, то я считаю необходимым сказать, что это перечисление, которое, может быть, не охватывает всех возможных обстоятельств, должно, по мысли советской делегации, включить наиболее частые причины конфликтов и споров между государствами. Цель, которую преследовала советская делегация, заключалась в том, чтобы не позволить ни одному из таких конфликтов служить причиной, или предлогом, или оправданием для враждебных действий одного государства против другого. Перечисление, содержащееся во второй статье проекта, может также в случае надобности быть дополнено согласно указаниям, которые, как я надеюсь, будут сделаны в прениях.

Возможно, что будет поставлен следующий вопрос: не является ли слишком полным предлагаемое определение агрессора? Не придаст ли определению его подробный характер чрезмерную негибкость, которая стеснит тех, которые эвентуально будут призваны констатировать агрессию? На это я отвечаю: полное определение агрессии, определение, принимающее во внимание все возможные аспекты агрессии, не пропускающее ни одного из них, должно привести к некоторой негибкости определения агрессии. Советская делегация не только искала ясной формулы, но и желала, чтобы оно было по возможности менее гибким. Необходимо, чтобы определение и констатация агрессии оставляли по возможности меньше места для субъективных тенденций и оценок.

Более того, полное определение агрессора должно исключить всякую возможность субъективного толкования, и я не опасаюсь сказать по этому поводу, что, чем более автоматическим будет констатирование агрессии, тем лучше будет для дела мира. Поэтому советская делегация, которая, естественно, будет рада принять всякую поправку, способную улучшить предлагаемое ею определение агрессора, выражает надежду, что поправки в целях улучшения этого определения не последуют в форме предложений об удалении чего-либо из текста проекта, что могло бы умалить его значение, поскольку проект является объективной и правильной основой определения агрессора.

Печат. по газ. «Известия» № 70 (5001), 12 марта 1933 г. Опубл. в сб. «League of Nations Records of the Conference for the Reduction and Limitation of Armaments, Minutes of the Political Commission», Series D, Vol. 5, Geneva, 1936, pp. 47—49.

71. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР члену советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений В. С. Довгалевскому, в Женеву

10 марта 1933 г.

Передаю Вам отдельной телеграммой два сообщения Аросева*. Предлагаю Вам сообщить Бенешу, что Москва передала Вам содержание его бесед с Аросевым и поручила Вам выяснить некоторые неясные моменты, а именно: 1. Готовы ли Чехословакия и Югославия заключить пакт и без Румынии или настаивают на трех пактах? 2. Имеет ли он в виду единый для всех трех стран текст или разные с учетом особенностей каждой страны? 3. Имеет ли он в виду вести переговоры от имени всех трех стран? 4. Принимает ли Румыния теперь текст, который нами сообщен французскому правительству, открытый для подписания в течение четырех месяцев и в котором Бессарабия не упоминается?** Условьтесь с самого начала, что Вы пока разговариваете с Бенешем неофициально и просите его, если возможно, дать Вам проект, который он обещал прислать Аросеву[53]. Можете сказать, что, в случае решения приступить к официальным переговорам, мы желали бы их вести в Женеве через Вас. Позондируйте Бенеша хорошенько и заставьте его изложить все свои взгляды по этому вопросу и передайте сюда по телеграфу***.

Литвинов

Печат. по арх.

72. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Овием

11 марта 1933 г.

Овий явился ко мне, как он выразился, по весьма срочному делу, о котором форин офис говорил уже с т. Майским, но не получил удовлетворительного ответа****. 13-го Саймон должен отвечать на запрос в палате о «Лена-Голдфилдс». Он хотел бы предварительно окончательно выяснить нашу позицию. Представители «Лены» могут обратиться в Главконцесском только при условии, если мы обещаем, что переговоры будут вестись деловым и разумным образом, чтобы привести к окончательному разрешению вопроса. Если Главконцесском будет

---

* См. док. № 66.
** См. т. XV, док. № 389, 428.
*** См. док. № 77.
**** См. док. № 36, 56.

повторять свое прежнее предложение об 1 млн. ф. ст., тогда, конечно, компании нет смысла тратить деньги на посылку уполномоченных, тем более что этих денег у нее нет. Овий просит поэтому сообщить ему, хотя бы частным образом, на какие предложения общество может рассчитывать. Можно ли от нас ожидать предложения в 2½ млн. ф. ст., когда стал бы возможным компромисс [путем] деления пополам разницы между нашим предложением и требованием общества.

Я ответил, что, так же как и Майский, не могу больше ничего прибавить к заявлениям, которые нами раньше делались по делу «Лена-Голдфилдс» *. Я уверен, что со стороны Главконцесскома переговоры будут вестись деловым и разумным образом, но не могу ручаться за деловитость и разумность другой стороны. Я не уполномочен и решительно отказываюсь называть какие бы то ни было цифры.

Овий нашел мой ответ неудовлетворительным. Если мы, хотя бы намеком, не дадим понять, какие предложения будут нами сделаны, то Саймон вынужден будет заявить в палате, что компромиссное требование в 3½ млн. ф. ст. снимается и общество возвращается к своей претензии на основании решения арбитража — к 13 млн. ф. ст. Кроме того, такое положение отзовется, конечно, неблагоприятно на торговых переговорах. Овий напомнил, что Главконцесском уже вел с ним переговоры, и поэтому он не понимает, почему мы отказываемся теперь назвать ему цифру.

Я вновь заявил Овию, что вопрос перед нами уже ставился, когда нашей торговой делегации вручался меморандум и делалась попытка повлиять таким путем на торговые переговоры, но что наше правительство заняло в этом вопросе твердую позицию, с которой оно не сойдет. Главконцесском, конечно, вел переговоры с Овием не как с послом, а как с уполномоченным общества, в каковом качестве он вновь может обратиться к нему, но от меня он не может получить никаких предложений.

Овий несколько раз вновь возвращался к запугиванию и убеждал назвать ему хотя бы 2 млн. [ф. ст.] в качестве исходной цифры для компромисса. Я твердо и решительно заявил ему, что всякие разговоры со мной на эту тему совершенно напрасны и что Овий от меня цифры не добьется.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. т. XV, док. № 310, 349, а также док. № 30 настоящего тома.

73. Телеграмма члена советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

11 марта 1933 г.

Подробная передача дискуссии по нашим предложениям * дана через ТАСС **. Вопреки предварительным ожиданиям и в отличие от дискуссии последних дней, вчерашняя дискуссия была весьма оживленной. Выступило 13 ораторов. В основных линиях наметилась следующая обстановка: наше предложение поддерживается из выступавших Францией, Малой Антантой, Норвегией, Швецией, Польшей, Ирландией и Эстонией. Сдержанную позицию заняли Германия, Италия, Япония и Англия, хотя, конечно, никто из них не высказывался против. Их основной мотив — определение агрессора должно быть общее и достаточно растяжимое, могущее варьироваться от случая к случаю. Наиболее враждебную позицию занял Гибсон[60]. Как обычно, он говорил о нашем предложении, не назвав его по имени. Его выступление и заявление, что каждая страна должна индивидуально определять, что она понимает под агрессором, играет на руку Японии и вряд ли найдет благоприятный отклик в Америке. Наши корреспонденты дают резкую оценку этому выступлению, не совпадающую с американской позицией. Несмотря на первоначальные намерения, комитет образован как универсальный, а не европейский, и доклад о нашем предложении будет представлен отдельно сейчас же после окончания обсуждения[61]. Большое количество благоприятных выступлений вынудило противоположную группу быть весьма осторожной и сдержанной. Надольный в разговоре убеждает меня не настаивать на конкретном перечислении мотивов, не разрешающих нападения. О том же просит Массигли ***, прибавляя при этом о необходимости внесения исключений для случаев, предусмотренных пактом Лиги и Локарно. Хотя я настаивал на обязательном оставлении в неприкосновенности всего пункта 2 декларации и даже его дополнении, однако следует ожидать, что в редакционном комитете главные атаки будут направлены на его сокращение, разжижение и обобщение. Редакционный комитет начнет работать не ранее 14 марта. Сегодня состоится свидание Надольного с Макдональдом, по инициативе последнего.

Довгалевский

Печат. по арх.

---

* См. док. № 32, 70.
** См. газ. «Известия», 12 марта 1933 г.
*** Член французской делегации на конференции.

74. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

12 марта 1933 г.

Дорогой Николай Николаевич,

Мы аккуратно записываем о каждом происшествии, имевшем место в отношении к нашим советским организациям и к отдельным советским гражданам, так что Вы в курсе всех этих событий. Мы реагируем на каждое такое событие немедленно путем обращения в аусамт, полицейпрезиднум и полицейревир *. Одновременно фиксируем это в ноте (ноты Вы получаете). Конечно, мы не гарантированы и в дальнейшем против эксцессов, но будем действовать так же, как и до сих пор. Сегодня ночью отряд СА вошел в квартиру Енко ** и произвел обыск. Енко и жену не тронули. Сделали также обыск у Третлера ***, но уже полиция вела себя корректно и никого не арестовала. Мы составили в отношении «Дероп»[46] ноту, в которой объединили все имевшиеся за это время факты.

Я стремлюсь создать спокойную обстановку, борюсь со всяким проявлением нервозного состояния среди всех советских работников. Надеюсь, мне удастся добиться этого тем более, что до сих пор нам удавалось отбить все атаки, направленные против советских учреждений и советских граждан.

Вчера ночью Гитлер произнес скучную, нудную, истерическую речь, но уже СССР не касался.

Из других писем Вы знаете, что «наци» организовали несколько концентрационных домов, как здесь, в Берлине, так и в других городах. «Наци» первоначально ведут арестованных ими в эти помещения и избивают зверски. На улицах встречаются трупы молодых людей. Среди населения господствуют боязнь и трусость. Однако рабочие, особенно коммунисты, оправились от первого своего испуга и начинают активные действия, правда, пока еще в малых размерах. В Кельне была демонстрация из 500 рабочих.

Хинчук

Печат. по арх.

75. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану

12 марта 1933 г.

Как я Вам уже сообщал[52], афганское правительство в результате довольно длительных разговоров дало согласие на устройство в этом году выставки наших товаров в Кабуле.

---

* — полицейский участок (*нем.*).

** Председатель «Дероп».

*** Сотрудник журнала «Культура и техника».

Относительно конкретных условий выставки оно предложило мне договориться непосредственно с министром торговли. Как обычно, министр торговли Мирза Мухаммед-хан старался затянуть эти переговоры. Но когда я указал, что мне нужно иметь окончательное решение в связи с моей поездкой в Москву, где я должен буду провести необходимую подготовительную работу, то оказалось возможным разрешить все вопросы в самый короткий срок. В результате министром торговли приняты и утверждены афганским правительством те условия, которые я сообщал Вам в своей телеграмме. Перечислю их:

1) Выставка устраивается в Кабуле, причем срок действия ее устанавливается в четыре месяца. Удалось добиться продления срока на месяц против Мазари-шерифской * выставки ввиду того, что дальность расстояния требует большей затраты сил и средств на переброску экспонатов.

2) Срок действия выставки определяется с момента открытия ее в Кабуле и до момента закрытия. Открытие должно состояться в первой половине августа.

3) Все экспонаты ввозятся беспошлинно и беспошлинно же вывозятся обратно. Нам предоставляется право реализовать экспонаты в Кабуле. В этом случае должна быть оплачена пошлина.

4) Экспонаты перебрасываются нами в Кабул, как по Кандагарской дороге, через Герат, так и через Мазар, по нашему усмотрению.

5) Афганское правительство оказывает нам содействие по предоставлению помещения для выставки. Вопрос о бесплатности помещения по тактическим соображениям не поднимал, но он может быть поставлен в дальнейшем. Для этого нужно прежде всего знать, какие размеры помещения потребуются для выставки, чего в настоящее время нельзя сказать даже приблизительно.

6) Мы должны в кратчайший срок, еще до отправки экспонатов в Кабул, представить министру торговли список экспонатов, которые мы предполагаем перебросить для выставки. Это необходимо также и для определения размеров помещения.

7) Афганское правительство предоставит визы необходимому для выставки персоналу (в том числе шоферам, если мы будем перебрасывать экспонаты на своих автомобилях, а также инструкторам, если они нужны будут для машинного оборудования), но просит, чтобы количество этого персонала было минимальным.

Вот основные условия, на которых мы твердо договорились.

---

* В тексте — мазарской; см. т. XIV, док. № 333.

Что касается выставки в Герате, то афганское правительство это решительно отклонило. Я не считаю нужным настаивать на этом, так как, во-первых, выставка в Герате не имеет особого значения, так как Герат и без того переполнен нашими товарами и гератские купцы постоянно бывают в СССР. Во-вторых же, при устройстве выставки в Герате нам пришлось бы фактически устраивать две выставки, так как по техническим условиям использовать одни и те же экспонаты и для Кабула и для Герата невозможно. Подбор экспонатов для двух выставок сразу и вообще одновременная работа с ними потребовали бы значительно больших сил и значительно увеличили бы валютные расходы. Поэтому я считаю целесообразным не разбрасываться и все силы и средства сосредоточить на кабульской выставке, которую развернуть наивозможно более широко в смысле подбора экспонатов. Нужно иметь в виду, что эта выставка будет иметь гораздо более серьезное значение, чем хотя бы мазарская: это не нуждается в доказательствах. Весьма вероятно, что путем соответствующей рекламы (а это возможно, и нами уже кое-что предпринято для выяснения конкретных возможностей в этом направлении) нам удастся привлечь к выставке внимание также и индийских торговых кругов. Все это заставляет настаивать, чтобы кабульской выставке было бы уделено самое серьезное внимание.

Я не буду здесь подробно останавливаться на вопросах организации выставки и подбора экспонатов, так как предполагаю лично говорить по всем этим вопросам с заинтересованными организациями по приезде своем в Москву. Но отмечу, что работа по подготовке должна начаться теперь же и вестись весьма интенсивно, так как если мы хотим (а это необходимо), чтобы выставка могла быть открыта к праздникам независимости (середина августа), то переброска экспонатов должна быть закончена в самом начале июля. Этот срок должен быть поставлен самым твердым образом[63].

Полномочный Представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

76. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане и. о. Министра Иностранных Дел Афганистана Али Мухаммед-хану

13 марта 1933 г. № 154

Господин Министр,

В газете «Таймс» в № 46299 от 24 ноября минувшего года была помещена статья корреспондента этой газеты под заго-

ловком: «Восстание в Афганистане. Падение великого рода». В этой статье, касаясь возвращения в Кабул г. Гуляма Наби-хана *, автор, между прочим, говорит следующее:

«Были перехвачены письма, которые, как говорят, доказали, что Гулям Наби-хан составил заговор, чтобы с помощью советских агентов вызвать движение среди неспокойных племен мангал и джадран, сулейман-хейлей и части клана дурранн,— с целью восстановления на престоле изгнанного короля Аманулллы».

Я считаю необходимым привлечь Ваше внимание к этому месту статьи и, в частности, к утверждению автора ее о том, что в распоряжении Правительства Афганистана имеются якобы письма, доказывающие участие «советских агентов» в действиях, направленных против Афганского Правительства, каковое утверждение является, конечно, в полной мере ложным.

Вместе с тем я считаю полезным в интересах упрочения дружественных отношений и взаимного доверия между обоими Правительствами, чтобы Вы не отказали в любезности сообщить мне точку зрения Правительства Афганистана на приведенные мною выше утверждения автора указанной статьи.

Пользуясь случаем, возобновляю свои заверения в полном к Вам уважении.

Полномочный Представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по вох.

На эту ноту Али Мухаммед-хан ответил нотой от 13 марта 1933 г. № 4634, в которой говорилось:

«Подтверждая с признательностью получение Вашего письма от 12 марта с. г. за № 154, имею честь довести до Вашего сведения, что сообщение газеты «Таймс» № 46299 от 24 ноября 1932 г. представляет собою просто газетную заметку, не имеющую никакого значения, равно как не имеет значения и заявление указанной газеты о том, что правильность этого сообщения якобы подтверждается документами, доказывающими преступность Гуляма Наби-хана, которые были представлены и зачитаны на заседании членов Народного Совета, Сената и Совета Министров.

Точно так же заявление о содействии советских агентов в деле организации мятежа среди племен Южной провинции совершенно не соответствует истине.

Конечно, прочность взаимоотношений и дружественные связи между обеими сторонами не допускают возможности возникновения подобного рода мыслей».

---

* Посол Афганистана в СССР (1928—1929 гг.).

77. Телеграмма члена советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Женевы

13 марта 1933 г.

Сообщаю резюме сказанного мне Бенешем. Его разговор с Аросевым * был вызван беспокойством последнего, не будет ли политика нового тройственного образования [47] в отношении СССР проникнута антисоветскими настроениями Румынии. Бенеш подчеркивал независимость от Франции нового образования, политический смысл которого заключается в стремлении закрепить положение стран-участниц по отношению к Германии и Италии. Бенешу кажется в этом разрезе, что замирение и нормализация отношений между СССР и странами Малой Антанты помогли бы введению СССР в Центральную и Южную Европу как замиряющего фактора. Поэтому настоящий момент кажется Бенешу наиболее подходящим для урегулирования отношений между СССР и странами Малой Антанты. Бенеш по этому вопросу не обменивался мнениями ни с Ефтичем **, ни с Титулеску и говорит только от своего имени. Советско-румынский пакт был обречен на провал потому, что Румыния ни раньше, ни теперь, ни в будущем не согласится на включение в него клаузулы, вновь поднимающей бессарабский вопрос перед лицом тех государств, которые признали его решенным. Бенеш думает, что румыны не захотят воспользоваться четырехмесячным сроком. По мнению Бенеша, нам следовало бы приступить к переговорам о едином пакте с тройственным образованием; во время переговоров следовало бы с каждой страной в отдельности попытаться наметить решение и ликвидацию спорных вопросов. С Чехословакией дело будет обстоять просто, ибо о спорных вопросах между ней и СССР можно говорить только теоретически. То же самое вероятно и в отношении Югославии. С Румынией будет труднее, но при доброй воле обеим сторонам (Румынии и СССР) удастся достигнуть соглашения. Можно будет по окончании этих переговоров немедленно подписать единый пакт, а через несколько недель будет подписан акт о ликвидации претензий и состоится обмен нотами о восстановлении дипломатических отношений. Хотя Бенеш и предпочитает, чтобы был заключен один пакт и чтобы восстановление отношений было запечатлено в едином акте, однако он мог бы принять к обсуждению и предложение о трех пактах и о трех раздельных нотах о восстановлении отношений. Он только подчеркивает,

---

* См. док. № 66.

** Министр иностранных дел Югославии.

что, во-первых, считает необходимым, чтобы за заключением пактов обязательно последовало восстановление отношений, и, во-вторых, для успешного завершения переговоров ему представляется необходимым, чтобы в пактах не упоминалось о спорных вопросах, которые должны быть разрешены по существу и завершены восстановлением отношений. Разговор со мною является неофициальным, и Бенеш готов неофициально вернуться со мною к этому вопросу, если я того пожелаю. Он просил меня довести до сведения Москвы о его взглядах. На официальный путь он готов будет перевести разговор после того, как из обмена мнениями с Ефтичем и Титулеску, которые ожидаются скоро в Женеве, и со мною, он уяснит, что точки зрения сблизились настолько, что можно будет рассчитывать на успех переговоров; тогда же он сможет представить и свой проект пакта. Пока он просил меня доставить ему тексты наших пактов с лимитрофами *. Бенеш просил несколько раз не рассматривать его как посредника между нами и Румынией. Я обещал Бенешу довести изложенное им до сведения Москвы. Бенеш сказал, что пробудет в Женеве до конца марта.

В вышеизложенном Вы найдете ответ на все Ваши вопросы **. При такой постановке заключение пакта откладывается в долгий ящик. Это вообще не похоже на реальную программу, рассчитанную на скорое исполнение ***.

Довгалевский

Печат. по арх.

78. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Персии в СССР Фатхолла Ханом Пакреваном

14 марта 1933 г.

После обмена мнениями о Женеве и общей международной ситуации Пакреван спросил, есть ли у нас решение о посещении мною Тегерана [64]. Я выразил удивление, что он ставит этот вопрос в настоящий момент, когда между нашими странами происходит чуть ли не экономическая война. Не могу я являться в Тегеране — столице Персии — в качестве представителя страны, против которой Персия объявила бойкот [65]. На замечание Пакревана, что правительство не может арестовывать купцов, чтобы побудить их отказаться от бойкота, я ответил, что, по нашему мнению, идея бойкота исходит не от купцов и самый бойкот руководится из какого-либо центра.

---

* См. т. XV, док. № 32, 67, 201, 300.
** См. док. № 71.
*** См. док. № 84.

Паролем бойкота как будто является требование централизации торговли, что вряд ли входит в интересы отдельных купцов. К тому же это требование раньше всего было сформулировано самим персидским правительством. Я поэтому не думаю, чтобы была надобность прибегать к арестам, чтобы прекратить этот бойкот, ибо эта цель может быть достигнута и другими средствами со стороны правительства.

Пакреван выразил мнение о желательности посылки в Персию т. Элиавы *, на что я возразил, что до прекращения бойкота мы не можем вступать в какие-либо переговоры и поэтому вопрос персональный не может даже ставиться. Пакреван заявил, что он со своей стороны все делал в интересах дружбы обеих стран, и он не видит, что ему надо предпринять теперь. Я сказал, что ему виднее. Совершенно ясно, что если есть недоразумения, то надо по возможности скорее приступить к переговорам для устранения их, но для этого предварительно должен быть прекращен бойкот, от которого, впрочем, сама Персия страдает больше нашего **.

На приеме в персидском посольстве Пакреван сказал мне, что он телеграфировал в Тегеран содержание нашей беседы.

Литвинов

Печат. по арх.

79. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

14 марта 1933 г.

Итальянцы делают нам сейчас некоторые уступки по вопросу о паритетной комиссии, функции которой они согласны свести к проверке таможенных данных, рассмотрению рекламаций по ним и несколько расплывчатому сотрудничеству для развития итало-советской торговли. Относительно балансирования торгового оборота они готовы ограничиться односторонней декларацией в тексте соглашения о признании правительством Италии необходимости такого равновесия с допущением на годичный срок некоторого превышения в нашу пользу. Однако они по-прежнему отказываются зачесть нам разницу цен сиф и фоб и проценты по кредитам. Сейчас они фиксируют превышение в сумме 60 млн. лир, не связывая его с нашими продажами нефтепродуктов. Отдельным письмом они согласны увеличить это превышение на 50% суммы, уплачиваемой нами итальянским арматорам за тоннаж, фрахтуемый для

* Заместитель народного комиссара внешней торговли СССР.
** См. док. № 265.

доставки наших товаров в порты Италии. Они требуют за это нашего обязательства при равных условиях оказывать предпочтение итальянскому флагу при перевозках из Черного и Азовского морей и обратно. Они хотят ограничить генеральное благоприятствование особой клаузулой, предоставляющей стороне, терпящей ущерб от ввоза известного товара, право в любой момент требовать начать переговоры и, если последние в месячный срок не приведут к соглашению, исключать товар из режима благоприятствования или денонсировать конвенцию с двухмесячным предупреждением. Денонсирование вообще допускается в любой момент с предупреждением за три месяца. Относительно клаузулы о льготном режиме для лимитрофов и стран Востока позиция итальянцев пока прежняя [68].

Полпред

Печат. по арх.

80. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Норвегии с Премьер-Министром Норвегии Мувинкелем

15 марта 1933 г.

Согласно договоренности при первом посещении (см. мою беседу 8 марта) *, я прибыл к Мувинкелю вместе с торгпредом т. Клингером (т. Ананов ** не мог поехать для представления ввиду болезненного состояния).

Беседа длилась минут 15 и в первой части была исключительно посвящена ознакомлению Мувинкеля т. Клингером с основными вопросами и ходом переговоров о госгарантии. Тов. Клингер коснулся мотивов сокращения наших закупок в этом году, подчеркнул неправильность представления о госгарантии, как о нашей односторонней привилегии, без учета заинтересованности в ней норвежского народного хозяйства. Переходя к самим переговорам, он отметил неблагоприятную и осложняющую роль в переговорах со стороны Иогансена и выразил готовность максимального содействия благоприятному исходу переговоров при условии устранения препятствий со стороны Иогансена. Чтобы усугубить значение для Мувинкеля нашего недовольства Иогансеном, я спросил Мувинкеля, не было ли бы целесообразным при таких условиях «унмиттельбаре фюлунгнаме» *** между торгпредом и министром торговли по вопросам переговоров. Не знаю, смекнул ли Мувинкель о цели концентрированной нашей атаки на Иогансена, но

---

* См. док. № 69.

** Первый секретарь полпредства СССР в Норвегии.

*** — непосредственный контакт (*нем.*).

ответ его заключался в том, что, к сожалению, министр торговли Мелинг немецким языком не владеет, он тут же подошел к письменному столу, взял бумагу и стал записывать по тексту письма Иогансена к т. Клингеру отмеченные последним неприемлемые для нас условия Иогансена, с тем чтобы тут же снестись с министром торговли. Конечно, не обошлось без того, чтобы Мувинкель не прикинулся наивным в вопросе нужности для нас норвежской сельди, несмотря на то что в течение ряда лет слышит от нас, что в сельди-то мы не нуждаемся. Поплакал, конечно, о положении сельдяников. В вопросе покупки нашего хлеба расщаркался, похвалив испытанное качество нашего хлеба; в вопросе о продаже нами леса рекомендовал т. Клингеру обратиться к министру земледелия; в нефтяном вопросе выявил неосведомленность, полагая, что мы на норвежском рынке выступаем совместно со «Стандард ойл» и «Шелл». Но самое важное — это то, что он без колебаний дал согласие на наше предложение о письменной фиксации статус-кво (по вопросу о правах торгпредства). Такое письмо он обещал прислать мне на днях[67]. На заявление т. Клингера о систематической и резкой пассивности нашего баланса с Норвегией, стал снова пережевывать свою излюбленную теорию о полном застое мировой торговли, если в своих торговых взаимоотношениях страны будут руководствоваться вопросом баланса, а не вопросом того, что им нужно купить и что они могут продать. Но он тут же не преминул согласиться с тем, что валютный вопрос заставляет сейчас все страны отходить от проповедуемого им либерализма.

Перед прощанием я поблагодарил Мувинкеля за его письменное сообщение о том, что, залежавшаяся по вине аграрного правительства, наша нота * направлена наконец в стортинг, и выразил надежду на удовлетворительный исход вопроса. К этому я прибавил, что опубликование последней записки Квислинга (28 февраля), содержащей в себе те же выпады и обвинения, что и раньше, вызвало сильное возмущение в Москве. Тут Мувинкель, вежливо перебивая меня, заявил, что за это последнее выступление Квислинга он, конечно, не может нести ответственности, так как ко времени ее опубликования Квислинг уже не был членом правительства, а лишь частным лицом. Это соответствует действительности, так как моя телеграмма о падении правительства была послана 25 февраля[68], а записка Квислинга была опубликована через 3 дня, т. е. 28-го, и в тот же день я о ней телеграфировал. Правда, новое правительство было оформлено лишь позже (3 марта) и потому можно было бы спорить о том, какой день считать нам днем падения Квислинга — 24 ли февраля или

* См. т. XV, док. № 295, а также док. № 69 настоящего тома.

3 марта. Мною это обстоятельство было учтено по получении телеграммы т. Стомонякова о протесте [69]. Но я решил, чтобы не очутиться в неловком положении с протестом, осторожно подойти к этому вопросу. И то обстоятельство, что Мувинкель вначале же заявил, что записка по делу Кюльмана * была опубликована не министром Квислингом, а частным человеком, заставило меня на этом поставить точку. Мувинкель же нашел нужным повторить то, что он говорил мне при свидании 8 марта, т. е. то, что после последнего выступления Квислинга в стортинге он рассматривает его не как совсем нормального человека. «Напрасно называют его норвежским Гитлером,— сказал он под конец,— он не пользуется влиянием и не сможет создать влиятельной партии» **. После этого мы попрощались, получив новое обещание об интервенции Мувинкеля у министра торговли.

Полпред СССР в Норвегии
А. Бекзадян

Печат. по арх.

81. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

16 марта 1933 г.

Сегодня сделал демарш Бюлову по поводу произвола, чинимого обществу «Дерон» [46]. Перечислив все случаи, указал, что эти события вредно отражаются на работе «Дерон», влияя на уменьшение сбыта, и что торгпредство, составляя платежный баланс, не рассчитывало на выпадение выручки. Второе заявление касается тех затруднений, которые на местах чинятся нашим приемщикам по приемке изготовленных на германских заводах для нас станков, машин, что задерживает установленные сроки отправки по договорам и наносит ущерб нам и немецким фирмам. Обратил внимание на запрещение продажи наших антикварных изделий на аукционе в Дюссельдорфе [70].

Бюлов ответил, что Нейрат и он беседовали с Гугенбергом *** о совместном обращении двух министерств во все германские правительства **** и коммунальные учреждения об оказании содействия «Дерон». С завтрашнего дня Бюлов займется этим делом. По поводу приемщиков уже даны директивы устранить препятствия. По поводу аукциона в Дюссельдорфе

---

* См. т. XV, док. № 451.
** См. также док. № 235.
*** Министр экономики Германии.
**** Имеется в виду — ко всем правительствам германских земель.

находит действия полиции правильными, ибо целью было помешать нежелательным выступлениям против нашего аукциона, но обещал переговорить с Хэем*, чтобы на будущее создать для работы нашего антиквариата и аукционов нормальное положение**. Бюлов подтвердил, что рейхсканцлер сообщил вчера Нейрату, что из-за своей непредвиденной поездки в Мюнхен не мог еще пригласить меня, но на днях это сделает. Рейхстаг, по словам Бюлова, будет иметь лишь несколько заседаний и будет распущен на длительное время.

Хинчук

Печат. по арх.

82. Письмо Генерального консула СССР в Урумчи Уполномоченному Министерства Иностранных Дел Китая в провинции Синьцзян Чэнь Цзи-шаню

16 марта 1933 г.

По поручению моего Правительства я имею честь сообщить Вам, г. Уполномоченный, нижеследующее.

Учитывая те дружественные взаимоотношения, которые исторически сложились между СССР и Синьцзяном, и имея в виду их дальнейшее непрерывное укрепление, Правительство Союза ССР решило в знак своего искреннего желания двигать вперед дружбу народов Союза ССР и Синьцзяна преподнести Правительству Синьцзянской провинции Китайской Республики телефонную станцию, изготовленную на советских заводах, со всем оборудованием.

Для производства всех необходимых работ, связанных с монтажом этой станции, сюда из Союза ССР был командирован специалист-техник г. Горбунов И. И.

В настоящее время упомянутый г. Горбунов мне сообщил, что монтаж станции окончен.

В связи с этим я считаю своим долгом, г. Уполномоченный, просить г. Председателя*** назначить комиссию для приема означенной станции и оставшихся материалов [71].

Своим уполномоченным для сдачи станции и оборудования я назначил техника г. Горбунова И. И.

В ожидании Вашего скорого ответа искренне уважающий Вас

Генеральный консул Союза ССР в Урумчи
Златкин

Печат. по арх.

---

* Заместитель заведующего IV отделом МИД Германии.

** См. также док. № 190.

*** По-видимому, имеется в виду председатель правительства Синьцзянской провинции Китая.

В ответном письме уполномоченного министерства иностранных дел Китая в провинции Синьцзян Чень Цзи-шаня от 8 апреля 1933 г., в частности, говорилось:

«Я получил от Вас, г. Генконсул, письмо, в котором Вы сообщаете, что ваше Правительство поручило Вам преподнести в подарок Синьцзянскому Провинциальному Правительству телефонную станцию вашего (союзного) производства, командировав вместе с тем техника Горбунова для установки станции. В своем письме Вы просите назначить уполномоченного для приемки этой станции и т. п.

Указанный подарок является знаком особого, дружественного отношения вашего Правительства по отношению к Синьцзяну, и я считаю своим приятным долгом принести от имени Синьцзянского Провинциального Правительства искреннюю и сердечную благодарность как за этот подарок, так равно и за всемерное содействие с Вашей стороны, выразившееся в командировании специального техника для установки станции».

83. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР члену советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений В. С. Довгалевскому, в Женеву

17 марта 1933 г.

Вчера Овий зачитал мне телеграмму Саймона, в которой циркулярно доводится до сведения правительств, включая советское, приблизительно нижеследующее. Конференции по разоружению грозит крах со всеми вытекающими отсюда последствиями. Необходимы экстренные меры для предотвращения этого, и какое-то государство должно взять на себя неблагодарную роль сделать всеобъемлющее, удовлетворительное для всех предложение. Макдональд выступит с предложением подобного проекта конвенции *, которое, вероятно, будет встречено критикой со всех сторон. Просьба ко всем заинтересованным в деле разоружения — не отказать предложению Макдональда в симпатии и поддержке. Я ответил, что у нас нет своих особых интересов в Женеве, что мы не только сами предлагали, но и принимали любые предложения о сокращении вооружений. Чем большее сокращение Англия предложит, тем большей будет наша поддержка. Критика наша может быть основана только на недостаточности предложения **.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 67—92.

** См. также док. № 93.

84. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР члену советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений В. С. Довгалевскому, в Женеву

17 марта 1933 г.

Предлагаем Вам заявить Бенешу о нашей готовности заключить со всеми тремя странами пакт, который мы также считали бы фактором замирения Европы, но что, в то время как мы не предвидим больших затруднений в переговорах с Чехословакией и Югославией, мы сомневаемся в возможности договориться с Титулеску, если он отвергает текст, сообщенный нами французскому правительству *. Еще менее возможно в настоящее время разрешение бессарабского вопроса по существу. На этом заявлении Вам и следует поставить точку. Если Бенеш сам предложит Вам проект пакта, не откажитесь принять [72]. О Вашем разговоре с Бенешем сообщите французам.

Литвинов

Печат. по арх.

85. Телеграмма члена советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Женевы **

17 марта 1933 г.

На завтраке у Гендерсона в часто прерывавшейся беседе Даладье *** сказал мне, что он друг СССР и считает, что интересы Франции и СССР не расходятся и обе стороны могут дополнять друг друга. Даладье может только сожалеть, что глупая политика Клемансо **** и других создала барьер между нашими странами. К слову, Даладье добродушно вспомнил, что Чичерин еще в 1922 г. сказал ему, что если бы во Франции у власти был Кашен, то между Россией и Францией был бы заключен альянс. Обратившись к экономическим отношениям, Даладье сказал, что считает преступным снабжаться нефтью у англосаксов и что если он удержится у власти, то обязательно заключит с нами в рамках общего торгового соглашения договор на исключительное снабжение Франции советской нефтью. Коснувшись франко-германских отношений, он сказал, что Германия сейчас охвачена безумием и управляется

---

* См. т. XV, док. № 389, 410.

** Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР во Франции.

*** Председатель совета министров Франции с 31 января 1933 г.

**** Председатель совета министров Франции в 1917—1920 гг.

сумасшедшими, а потому Франция должна быть начеку и не может помышлять в данный момент о каких-либо переговорах с Германией.

Довгалевский

Печат. по арх.

86. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

20 марта 1933 г.

Уважаемый товарищ.

Считаю необходимым информировать Вас в подробностях о продолжающейся травле советских граждан и учреждений, несмотря на успокоительные заверения немцев, несмотря на официальное сообщение, переданное, между прочим, американским послом Сэкеттом в Америку, о том, что после 11 марта никаких недоразумений с иностранцами в Германии не было.

В Гамбурге 18 марта был обыскан на квартире сотрудник «Совфрахта» советский гражданин Павлов. Ничего не найдено, но Павлов был задержан с раннего утра до 4 часов дня в полиции, причем ему было отказано в сообщении консульству, а также в том, чтобы приобрести ему пищу даже за его средства. В 4 часа отпущен.

16 марта в Лейпциге была арестована советская гражданка Мария Ривкина. Продолжает находиться под стражей (сведения, полученные частным путем сегодня). Меры будут приняты.

Плохо дело обстоит с «Дероп»[46]. Продолжают поступать сведения со всей Германии о наскоках на «Дероп».

В ночь с 18 на 19 марта гитлеровские дружинники в форме ломились в квартиру директора лейпцигского отделения «Дероп» советского гражданина т. Когана, проживающего на Гарнизонштрассе, № 8—10. Тов. Коган на звонки не открыл. Его квартира имеет вход со двора. Дружинники перелезли через ворота, затем каким-то образом открыли входную дверь в дом и продолжали звонить и стучаться уже непосредственно в квартирную дверь. Тов. Коган тем временем позвонил в полицию, которая сообщила, что ей ничего не известно, и обещала прислать полицейских. Вскоре прибывшая полиция, которой т. Коган отворил, произвела вместе с дружинниками обыск и допрос и забрала с собой несколько номеров «Правды» и несколько книг на русском языке, а также журнал торгпредства, записную книжку, частные письма и некоторые служебные документы.

Особенно сильное давление на «Дероп» производится теперь в Кельнском округе. Так, в Бонне местная городская полиция ежемесячно брала у «Дероп» около 1 тыс. литров бензина. Сейчас она официально заявила, что не будет покупать русский бензин и предупредит все свои органы, чтобы они тоже этого не делали, так как «русский бензин является рассадником пропаганды». По тому же мотиву отказалась покупать наш бензин крупная фирма «Вутос», бравшая ежемесячно 800 литров. Фирма «Мюллер и Вутос» брала по 1.5 тыс. литров, но ее собственные клиенты, очевидно, национал-социалисты, требуют сейчас, чтобы она не торговала советским бензином, на что она идет. Ряд стационеров сообщает правлению «Дероп», что реализация бензина сильно снизилась, причем покупатели откровенно говорят, что боятся брать бензин «Дероп» из-за угроз национал-социалистов.

«Дероп» вел переговоры с рядом лиц о заключении договоров на обслуживание дероповских колонок, которые были продолжительное время закрыты. Переговоры привели уже к соглашению, и оставалось подписать договоры. В последнюю минуту договоры были возвращены, и контрагенты мотивировали отказ, явно под диктовку «наци», снова тем же: советский бензин является средством коммунистической пропаганды, и контрагенты боятся этого ввиду политического положения Германии.

16 марта к помещению «Дероп» в Кельне подъехала автомашина с 15 «наци» в форме и двумя агентами политической полиции. «Наци» согнали всех служащих в одну комнату и произвели обыск во всей конторе. При обыске ничего не обнаружили и не взяли, но арестовали сотрудника «Дероп» немца Лангера и забрали полный список с адресами всех сотрудников.

Адвокат «Дероп» в Кельне д-р Варнек подвергается преследованиям и травле за свою работу по делам «Дероп».

В Касселе в отделение «Дероп» являлись «наци» и требовали у заведующего складом выдать якобы скрывающихся у него «русских коммунистов» (9 марта).

10 марта на склад «Дероп» в Бингене явилась хильфсполицай * и произвела обыск, ища оружие.

10-го же марта в бюро отделения «Дероп» во Франкфурте во время отсутствия дирекции появился чиновник в полицейской форме и проверил сверхурочно работавших еще служащих отделения.

По недостаточно проверенным сведениям, в Дюссельдорфском округе ночью была разбита одна колонка «Дероп». Из двух других колонок ночью был выпущен весь бензин.

---

* — *вспомогательная полиция (нем.).*

Перечисленные выше данные будут использованы нами для нового устного и письменного обращения в аусамт. К сожалению, пострадавшие сообщают свои данные всегда крайне неполно и иногда с преувеличениями. В результате приходится проделывать тщательную проверку, что очень задерживает реагирование. Сообщаемые данные, кроме оговоренных в конце, являются уже проверенными.

Александровский

Печат. по арх.

87. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с заведующим IV отделом Министерства Иностранных Дел Германии Мейером

20 марта 1933 г.

Мейеру я заявил, что вся советская пресса оказывается исключенной из участия в потсдамских торжествах, в то время как ряд других иностранных журналистов получил все необходимые приглашения. Это — дискриминация представителей советской прессы, акт, враждебный нам, и мы не можем пройти мимо него без того, чтобы не заявить наш протест и не настаивать на уравнении советских журналистов с другими иностранными журналистами.

Мейер либо действительно был не в курсе, потому что лишь третьего дня вернулся из Женевы, либо сделал вид, что неосведомлен. Во всяком случае, он заговорил о том, что отказано «всего только двум советским журналисткам». Отказ вытек из того обстоятельства, что «эти журналистки» информируют советскую прессу только с плохой стороны, не видят в Германии ничего хорошего, дезориентируют советское общественное мнение и занимаются этим не со вчерашнего дня, а уже очень долгое время. Если они так же осветят торжества, которые будут происходить в Потсдаме, то этим только повредят советско-германским отношениям. Я разъяснил Мейеру, что речь идет не о двух журналистках, а о представительнице правительственного органа «Известия» и представительнице официального советского телеграфного агентства ТАСС. Кроме них в Германии имеется еще представитель «Правды», который по болезни пропустил нужный момент для обращения за входными билетами и поэтому тоже не получил их. Таким образом, вся советская пресса оказывается исключенной. Мейер был несколько обескуражен этим и предложил мне пойти к Ашову * с целью «практически поставить этот вопрос». Я ответил, что к Ашову я не пойду, ибо не намерен торговаться

* По-видимому, имеется в виду заведующий отделом печати МИД Германии Ашман.

«практически» о билетах, и ставлю перед Мейером совершенно официально вопрос о том, что мое правительство расценивает этот акт как проявление недружелюбия, идущего вразрез с существующими взаимоотношениями, и я формально протестую против дискриминации всей советской прессы в лице ее наличных представителей в Берлине. Тогда Мейер попытался при мне позвонить по телефону Ашову, но уже не застал его на месте. Он, видимо, говорил с секретарем, установил, что Ашов будет у себя в 5 часов, и тут же распорядился записать, что в 5 часов к Ашову придет пресс-шеф советского посольства Виноградов. Мне он сказал, что он только сегодня мимоходом слышал от Типпельскирха об отказе двум советским журналисткам, не представлял себе, что речь идет о всех советских журналистах, не знает обстоятельно о мотивах отказа, кроме общего неудовольствия информацией о германских событиях в советской прессе, переговорит с Ашовым и просит послать для практических переговоров Виноградова.

Дальше я заявил Мейеру, что я косвенным путем осведомился о запрещении ввоза в Германию наших газет «Известия» и «Правда». Поводом было то обстоятельство, что посольство вдруг перестало получать эти газеты. Мейер перебил и сказал, что газеты действительно запрещены до 30 апреля за имевшиеся в них нападки на германское правительство; это — право министерства внутренних дел и касается внутреннего германского распорядка. Я ответил, что Мейер не дал мне договорить. Я мог бы возражать и на эту тему, ибо считаю, что поведение нашей прессы несравненно более уравновешенно и дружелюбно, чем поведение германской правительственной прессы и ответственнейших руководителей германской политики по адресу СССР. Но я оставляю эту тему в стороне, ибо убежден, что мы к ней должны будем обстоятельно возвращаться еще не раз. Сейчас меня интересует абсолютно бесспорное право полпредства и консульств на свободу почты. Я не могу не заявить самого решительного протеста против нарушения этой свободы, и Мейер не может ссылаться в этом вопросе ни на какие внутренние права и дела Германии, ибо эта свобода обеспечивается нормами международного права и обычаев. Мейер снова сделал крайне наивный вид. Ни в каком международном праве, дескать, не сказано, что иностранное посольство может требовать разрешения ввоза своих газет для того, чтобы покупать их в чужой стране. Мне пришлось вдалбливать ему в голову, что полпредство не покупает советских газет в Берлине, а получает их по почте нормальным путем в обычных бандеролях, и вот эти почтовые посылки («постзендунген») вдруг перестали доходить до полпредства потому, что конфискуются на главном почтамте в Берлине. Другими словами, на почтамте конфискуется корреспонденция полпред-

ства, что и является прямым нарушением свободы почты полпредства.

Мейер дополнительно расспрашивал о технике: на чье имя приходят газеты, в какой упаковке и т. д. Лишь после этого он заявил, что само собой понятно, что запрет ввоза «Правды» и «Известий» в Германию не может касаться вопроса о свободе почты посольства и никакая посольская корреспонденция не может быть задержана. Он, дескать, был не в курсе дела и теперь осведомится о том, как обстоит дело. Я в очень решительной форме ответил, что не могу удовлетвориться подобным ответом, ибо осведомляться здесь совершенно не о чем. Я ему формально заявил о конфискации посольской корреспонденции по распоряжению министерства внутренних дел и заявляю протест против этого. Мейер должен не осведомляться о чем-то, а ответить мне, что этого больше не будет, иначе я не считаю себя удовлетворенным. Тогда Мейер сказал, что он «осведомится и урегулирует этот вопрос». Вслед за этим он еще раз переспросил: так газеты приходят в бандеролях? Не проще ли, дескать, протелефонировать в Москву, чтобы эти газеты отправлялись в закрытых конвертах в адрес полпредства. Я ответил, что решительно отвожу такого рода совет, ибо отстаиваю свое бесспорное право. У меня нет ни малейшего намерения принимать участие в дискриминации посольства путем прибегания к обходным маневрам для получения корреспонденции, на которую я имею полное право. Я отвергаю практицизм Мейера и ставлю вопрос принципиально: посольство пользуется свободой почты в полном и неограниченном размере до тех пор, пока между нами и Германией существуют нормальные и дружественные взаимоотношения. Это право бесспорно и принадлежит как нам, так и германскому посольству в Москве, и я и знать не хочу о каких-нибудь ограничениях и маневрах.

Мейер кончил тем, что и здесь обещал «урегулировать» вопрос. Однако у меня не осталось впечатления, что он действительно примет нужные меры. Наоборот, он был достаточно уклончив, и у меня осталось такое впечатление, что он хотел бы как-нибудь выскользнуть и обойти этот вопрос перед своими внутренними властями. У меня вообще за последнее время такое впечатление от разговоров с Мейером, что они не идут никуда дальше, что он форменно боится национал-социалистов и мои разговоры с ним не получают должного отклика. Я думаю, что это наблюдение верно и не только по отношению к Мейеру. Вообще сейчас аусамт весьма вяло реагирует и едва ли играет роль в правительстве, которую должен был бы играть. Думаю, что о газетах придется еще говорить, если не придется принимать контрмеры в Москве для того, чтобы отстоять свое право.

Завтра состоится так называемый штаатс-акт в Потсдаме с очень обширной программой: богослужение, речь Гинденбурга, правительственная декларация Гитлера, парад войск, парад гитлеровских штурмовиков и дружинников, концерт, шествия, манифестации и т. д. Дипкорпус приглашен. Наше полпредство получило 2 билета. В билетах предусмотрено, что члены дипкорпуса, не принимающие участия в богослужении, являются в гарнизонную церковь в 11 час. 45 мин. утра. Ровно в 12 час. начинается штаатс-акт — торжественное открытие заседания нового рейхстага. Мы решили присутствовать, понятно без участия в богослужении, поскольку весь дипкорпус будет присутствовать, и наше отсутствие было бы политической демонстрацией.

Рейхсвер особым приглашением обратился к Шнитману*. Иностранные военные атташе будут в полной форме смотреть парад потсдамского гарнизона и гитлеровских дружинников. Шнитман идет тоже в полной форме.

Вечером в государственной опере — гала-представление, на которое я получил один билет в первом ряду. Буду присутствовать. На трибуну правительства, с которой будет приниматься парад, я получил тоже только один билет. Буду присутствовать.

На нормальное заседание рейхстага в опере Кроль** пока билеты никому не присланы. В переговорах, которые мы вели по поводу Кайт и Анненковой***, немцы говорили, что билеты будут еще присланы как посольству, так и нашим корреспондентам. Но я опасаюсь, что Кайт и Гартман**** все-таки не получат их. Будем заниматься этим вопросом завтра после Потсдама.

Александровский

Печат. по арх.

88. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

21 марта 1933 г.

Декретом, опубликованным сегодня в «Журналь офисьель», для СССР вводятся надбавки к пошлинам в размере 25% ад валорем, как для страны с падающей валютой. Декрет распространяется на 8 стран; декретами 1931—1932 гг. были охваче-

---

* Заместитель военного атташе СССР в Германии.

** После поджога здания рейхстага гитлеровцами 27 февраля 1933 г. заседания рейхстага происходили в Берлине в помещении оперы Кроль.

*** Корреспондент ТАСС в Германии.

**** Корреспондент газеты «Правда» в Германии.

ны 16 стран. Ставка 25% применяется только к СССР, Японии, Китаю, к остальным странам — 15%. В связи с декретными изъятиями из нашего экспорта фактически поставлены под удар только второстепенные статьи. По подсчету торгпредства, валютно-хозяйственный расход по этим статьям по плану 1933 г. равен примерно 4 млн. руб. В министерстве торговли доказывают падающую валюту ссылкой на рыболовное соглашение с Японией и на «Торгсин». Срочно телеграфируйте указания *.

Полагал бы необходимым категорически протестовать против отнесения нас к странам с падающей валютой и в данной стадии отказаться от дальнейших переговоров в плоскости увеличения изъятия для товаров нашего экспорта. Считал бы возможным добавить, что в обстановке, созданной декретом, затруднено ведение торговых переговоров.

Розенберг

Печат. по арх.

89. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину

22 марта 1933 г.

Необходимо получить согласие монгольского правительства на проведение работ экспедиции по борьбе с саранчой и другими сельскохозяйственными вредителями. Район работы — Иро, Бурин, Харагол, Мандал. Получите также разрешение на беспошлинный пропуск химической и технической аппаратуры экспедиции. Экспедиция формируется в Верхнеудинске, начальником назначен Бардамов **.

Карахан

Печат. по арх.

90. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем

23 марта 1933 г.

Лукасевич просил обменяться мнениями о политическом положении в Европе. Мы поговорили о проектах Макдональда о разоружении и Муссолини о концерте четырех держав ***. Отметили общее отрицательное отношение к последнему.

---

* См. док. № 91.

** См. док. № 134.

*** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 67—92, 10—11.

Спрашивал Лукасевич и о наших отношениях с Германией. Я ответил, что, несмотря на газетную полемику, отношения, вероятно, сохранятся прежние, хотя мы, конечно, не можем игнорировать известные позиции и умонастроения некоторых из вождей новой Германии. Во всяком случае, отношения с Германией нисколько не помешают нашему дальнейшему сближению с Францией и с Польшей. Мы теперь стараемся, как Лукасевич знает, удалить те мелкие занозы, которые оставались издавна в советско-польских отношениях, для того чтобы можно было беспрепятственно осуществлять намерения, лежащие в основе пакта о ненападении *.

Я говорил Лукасевичу, что Гитлер, поскольку он не сможет выполнить обещаний, данных своим сторонникам в хозяйственной области, вынужден будет пытаться укрепить свой режим какими-либо внешнеполитическими победами. Одна такая победа ему более или менее обеспечена, а именно в области разоружения. Либо Германия добьется в Женеве некоторых уступок, которые ей теоретически уже предлагаются проектом Макдональда, удваивающим германскую армию, либо же в результате краха или длительной отсрочки конференции Германия явочным порядком объявит о довооружении, против чего Франция бессильна будет что-либо предпринять. Если, однако, этой победы Гитлеру окажется недостаточно, он будет искать дальнейших побед в направлении Данцига или Австрии. Лукасевич сообщил мне, что, хотя большинство австрийцев настроено против аншлюса, все же нельзя ничего предсказывать ввиду легкомысленности австрийцев. Я согласился с Лукасевичем, что со стороны некоторых австрийских кругов будет оказано теперь большее сопротивление аншлюсу, чем раньше, ввиду методов, применяемых Гитлером в отношении отдельных германских государств. Теперь и социал-демократы будут решительно противиться аншлюсу, а кроме того, еврейские банковские круги. С другой стороны, движение на юг для Гитлера представляет меньшую опасность непосредственного военного столкновения, чем на восток. Хотя Бенеш в свое время заявлял, что аншлюс будет считаться как казус белли **, трудно ожидать действительного выступления Малой Антанты ввиду малой заинтересованности вопросом Румынии и Югославии. Неизвестно также, насколько будет противиться аншлюсу Италия. А во Франции некоторые круги могут предпочесть отвлечь энергию гитлеровцев в южном направлении, и таковой может быть позиция и Англии. Сам Гитлер как австриец тоже, вероятно, стремится возможно скорее инкорпорировать ***

---

* См. т. XV, док. № 300.
** — повод к войне (*лат.*).
*** — присоединить (*фр.*).

Австрию, чтобы таким образом стать рейхсдейче, как в свое время маршал Пилсудский специально интересовался инкорпорированием Виленщины в качестве своей родины. Лукасевич заметил, что Гитлер так вряд ли любит Австрию, как маршал — Вильно, куда он ездит по нескольку раз в год. Я высказал предположение, что Польша, вероятно, не возражает против аншлюса, который на время отвлечет мысли Германии от Востока. Лукасевич признал, что Польша действительно принципиальных возражений не имеет, хотя и сознает, что это значительно укрепит Германию. Все зависит, однако, от момента, когда аншлюс будет предпринят. Данный же момент считается Польшей для этого неблагоприятным. Лукасевич сообщил, что Польша недавно заключила выгодный торговый договор с Австрией. У Польши был и останется активный торговый баланс с Австрией, но пассивный платежный баланс, благодаря платежам за транзит, по поездкам поляков на австрийские курорты и по кредитам австрийским банкам, связанным с польской промышленностью.

Я спрашивал Лукасевича, как Польша отнеслась к новому пакту Малой Антанты [47] и действительно ли обсуждается там вопрос о присоединении Польши к пакту. Лукасевич ответил, что у Польши есть только отношения со странами Малой Антанты в отдельности, но не со всем блоком. О присоединении Польши, по его мнению, не может быть и речи. У Польши неодинаковые отношения со всеми тремя странами: с Румынией — союз, с Югославией — весьма сердечные отношения, а с Чехословакией — только добрососедские отношения. Кроме того, Малая Антанта не имеет никаких позитивных целей, а в ее конфликтах с Венгрией или Югославии с Италией Польша не заинтересована, ибо она стремится поддерживать хорошие отношения и с Италией, и с Венгрией.

Лукасевич спрашивал, верны ли слухи о том, что не то я, не то другой советский делегат в Женеве давали понять Румынии о готовности возобновить с ней переговоры о пакте. Я ответил, что эти слухи абсолютно неверны, что не только мы подобных заявлений не делали, но, наоборот, когда нас зондировали, мы указывали на согласованный с Кадере проект как на единственно возможный текст пакта*. Мы отнюдь не рассчитываем, чтобы можно было бы с Титулеску договориться, и считаем поэтому переговоры с ним бесполезными.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. т. XV, прил. к док. № 273.

91. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

28 марта 1933 г.

Заявите французскому правительству устный протест против применения к некоторым товарам СССР надбавки на таможенную пошлину, связанной с обесценением валюты *. Протест постройте на следующих тезисах:

1) Валюта СССР является замкнутой, так как червонец запрещен к ввозу и вывозу и нигде за границей не котируется. 2) Во всех взаимоотношениях и расчетах с заграницей, в частности по внешней торговле, червонец пересчитывается как при платежах, так и при получении следуемых СССР сумм по золотому паритету. 3) Так, при переводах за границу из СССР, при расчетах по железнодорожным перевозкам, почтово-телеграфным услугам, международным телефонным связям и т. д. червонец принимается равным десяти золотым рублям. 4) При этих условиях никакого отношения к вопросу о золотом курсе рубля и его паритете в международных расчетах не имеет вопрос о внутренних ценах, равным образом торговля в «Торгсине», ограничивающаяся только внутренней сферой и не имеющая никакой связи с расчетами по внешней торговле. 5) В рыболовных расчетах с Японией, вопреки утверждению французской стороны, не установлено никакого пониженного курса рубля. За рыболовные участки арендная плата принимается кроме наличных денег, пересчитываемых по золотому паритету, также облигациями Акционерного Камчатского общества по номиналу. При выпуске этих облигаций, для того чтобы обеспечить их более широкое размещение, учитывая, что АКО было молодой, неизвестной за границей организацией, облигации продавались ниже их номинального курса **, что, впрочем, имеет место при выпуске облигационных займов и в других иностранных государствах. 6) Надбавки для стран с падающей валютой введены во Франции еще в ноябре 1931 г., и тогда они к СССР не были применены. С тех пор в валютной системе СССР ничего не изменилось. Непонятно поэтому, почему сейчас эти надбавки решено применить к советским товарам. 7) В тех странах, которые вводили у себя специальные надбавки к пошлинам на товары стран с падающей валютой, например в Германии, применившей такую надбавку в начале 1932 г. к ввозу масла, СССР был отнесен к странам с твердой

---

* См. док. № 88.

** См. т. XIV, прим. 33.

валютой. 8) Выразите надежду, что с учетом изложенных соображений надбавки, установленные для советских товаров, будут сняты *.

Крестинский

Печат. по арх.

92. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР **

25 марта 1933 г.

Сегодня был в совете министров, Бонкур поручил Леже *** принять меры. Леже заверил, что декрет **** введен «автоматически» и что он узнал об этом «с чувством сожаления», учитывая характер наших взаимоотношений. Он просил отнюдь не рассматривать декрет как специально направленное против нас мероприятие. Он заявил, что вопрос будет рассмотрен в политическом аспекте, но ничего определенного не обещал. Я подчеркнул срочность вопроса, аргументируя между прочим и тем, что ими создан в отношении нас отрицательный прецедент. По его просьбе я оставил запись вашей аргументации *****, подчеркнув, что это не документ, а моя личная заметка, канва для переговоров [79].

Розенберг

Печат. по арх.

93. Речь члена советской делегации В. С. Довгалевского на сорок девятом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

27 марта 1933 г.

Если взять предполагаемый случай, что делегат, знающий в совершенстве обычаи конференции по разоружению, после более или менее длительного отсутствия будет внезапно перенесен на заседание, посвященное торжественным декларированиям принципов, манифестациям дружбы и возвышенных чувств, он мог бы немедленно, без риска ошибиться сказать, что присутствует на празднования рождения нового плана, которому лишний раз предназначено вывести конференцию из тупика и [который] в качестве такового становится на место прежних попыток подобного же рода. Чем более торжественны будут декларации, которые услышал бы этот пред-

---

* См. также док. № 92.

** Копия телеграммы была направлена делегации СССР на конференцию по разоружению в Женеве.

*** Генеральный секретарь МИД Франции.

**** См. док. № 88.

***** См. док. № 91.

полагаемый делегат, тем легче было бы ему оценить безвыходность тупика, в который попала конференция. Я признаюсь, что бо́льшая часть речей, которые мы слышали сегодня и во время последних двух заседаний, мне кажется, вполне соответствует этой традиции. Что касается меня, вы позволите мне без дальнейших предисловий сделать следующие предварительные замечания, которые вызывает у меня британский проект *. Действуя таким образом, я рискую нарушить, быть может, то, что стало почти обычаем в подобных обстоятельствах, но я убежден, что мирная политика, которую ведет Советское правительство и которая неоднократно была проявлена на конференции в его предложениях, уже достаточно известна Генеральной комиссии. Как это весьма правильно отметил премьер-министр Великобритании, когда он излагал нам свой план, одной из особенностей последнего является то, что он содержит конкретные цифры, и не без некоторой гордости, которая мне кажется совершенно понятной, Макдональд настаивал на преимуществе, которым вследствие этого обладает английский план. Но да будет мне тем не менее позволено оспаривать это преимущество. Я должен в самом деле напомнить, что задолго до английского правительства советская делегация предложила весьма точные цифры разоружения. Она предложила их не один раз, а два раза. В 1928 г. проект ** включал уже цифры или, вернее, одну цифру, которая должна была быть применена *абсолютно равным и однообразным* способом к вооружениям всех стран. Эта цифра была ноль: ноль солдат, ноль пушек, ноль танков, ноль военных самолетов и т. д. Никто не будет оспаривать не только то, что ноль является цифрой в математике, но что в области разоружений он является именно идеальной цифрой. Конференция тем не менее как будто предпочла теорию о том, что идеал, чтобы быть чистым, не должен быть скомпрометирован его применением в реальной жизни. Она, по-видимому, также считала, что стремление правительств разоружиться не должно быть принято всерьез, и она отклонила цифру, предлагаемую советской делегацией. Тогда в течение того же 1928 г. советская делегация внесла свой второй проект существенного сокращения вооружений посредством пропорционального и прогрессивного снижения уровня существующих вооружений, выраженного в процентах в отношении каждого государства ***. Абсолютные цифры были бы достигнуты путем этого метода, если бы он был применен, и могли бы легко быть установлены при помощи самых простых правил арифметики. Как бы то ни было,

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 67—92.

** См. т. XI, док. № 45.

*** См. т. XI, док. № 98.

то, что занимает наше внимание в настоящий момент,— это цифры, и мы констатируем это с удовлетворением, хотя мы оставляем за собой право сделать в свое время по поводу этих цифр замечания, которые мы сочтем необходимыми. Тем не менее, уже сейчас мы должны указать на два серьезных пробела:

1) Тогда как на конференции представлено свыше 50 стран, цифры английского плана, в том что касается численного состава вооружений, относятся лишь к европейским государствам, и притом не ко всем.

2) План не заключает никакого указания о критерии, принятом его автором для установления этих цифр.

Советская делегация считает нужным немедленно же прибавить к этим замечаниям, что она была всегда готова и будет готова принять для СССР цифру эффективов, значительно более низкую, чем указанная в английском плане, разумеется, при условии, чтобы пропорция была применена ко всем другим странам без исключения, как европейским, так и неевропейским. Советская делегация также готова принять под тем же условием все указания о качественном сокращении вооружений более низкие, чем те, которые предусмотрены в британском проекте. Кроме того, чтобы советская делегация могла с пользой приступить к рассмотрению цифры, предложенной в английском плане для СССР, было бы необходимо, чтобы британская делегация сообщила принятый ею критерий для определения цифр и, кроме того, чтобы, основываясь на этом критерии, были установлены конкретные цифры в отношении стран, которые в настоящее время не фигурируют в проекте. Советская делегация в особенности не могла бы оставаться безразличной к размерам эффективов, которые в этом случае были бы установлены для ее соседей в Азии, как, например, Японии, принимая также в расчет приграничные области, которые могут быть вооружены этим государством.

К этим вопросам я хотел бы добавить одно замечание, мысль о котором дал мне в своей речи Ланге (норвежский делегат), который отмечал, что цифра в 50 000 человек, предоставленная Норвегии английским планом, превышает цифру, которой обладает Норвегия в настоящий момент. В свете этого замечания вполне естественно задать себе вопрос, не имеет ли место то же явление, а именно увеличение существующих вооружений, в отношении тех западных соседей СССР, которые в списке эффективов фигурируют под рубрикой «все остальные государства континентальной Европы».

Чтобы окончить замечания общего порядка относительно эффективов, советская делегация заявляет, что в принципе она не будет возражать против максимального сокращения срока военной службы при условии, разумеется, что это сокра-

щение коснется всех стран без исключения, как метрополий, так и колоний. Кроме того, говоря о численном составе вооружений, я считаю нужным присоединиться к недоуменным вопросам, которые мой уважаемый друг Кемаль Хюсню-бей * так правильно сформулировал третьего дня по поводу места, которое, по мысли автора английского плана, предоставляется Турции в области эффективов. Я пользуюсь также этим случаем, чтобы заявить от имени советской делегации, что предложение турецкого делегата, касающееся приложения к Лозаннскому договору [73], советская делегация считает вполне правильным и полностью соответствующим интересам мира и общей безопасности. Я не останавливаюсь на главе, касающейся воздушных вооружений, так как по этому поводу я могу повторить лишь то, что я сказал по вопросу об эффективах, а именно: чтобы с полным правом судить о количестве самолетов, предусмотренном в британском проекте, СССР должен знать элементы, которые были взяты автором проекта в основу его исчислений. Следовало бы также, чтобы таблица самолетов распространялась на все государства, участвующие в конференции. В частности, советская делегация озабочена воздушными силами некоторых из своих соседей, и среди них в особенности Японии, принимая в расчет недавно созданную этой страной для себя возможность создать военно-воздушный флот вне своих границ. Советская делегация может лишь одобрить запрещение воздушных бомбардировок, но английский план хочет, чтобы были сделаны исключения для полицейских надобностей в отдаленных местностях. Это исключение уже было подвергнуто весьма правильной, настолько же остроумной, как и жестокой, критике со стороны некоторых делегатов, которые говорили передо мной. Если эти делегаты путем этой критики хотели устранить это исключение с целью запретить всякую воздушную бомбардировку, в какой бы то ни было местности и с какой бы то ни было целью, я могу констатировать, что я полностью согласен с их мнением, более того, это позволит мне заявить с целью предупредить всякое нарушение этого запрещения, что в статью 34 [75] следует внести изменение, имеющее целью полное упразднение бомбардировочной авиации. Я напоминаю, что моя делегация уже неоднократно высказывалась в пользу этого мероприятия. Что касается морских вооружений, то советская делегация полагает своим долгом в первую очередь заметить, что СССР не является участником ни Вашингтонского **, ни Лондонского *** договоров и ему не может быть предъявлено требование, чтобы эти договоры были им безоговорочно приняты. Что же ка-

* Член делегации Турции на конференции.

** См. т. IV, прим. 38.

*** См. т. XII, прим. 135.

сается принципов сокращения морских вооружений, предлагаемых в английском плане, то я должен обратить внимание Генеральной комиссии на двойственность, которой проникнуты эти принципы. В самом деле, для государств, не участвующих в Вашингтонском и Лондонском договорах, план предусматривает в течение определенного периода стабилизацию их морских вооружений на существующем уровне, тогда как в отношении государств, подписавших эти договоры, допускается выполнение ими в течение того же периода программы постройки военных судов, что означает увеличение их морских вооружений. Советская делегация хотела бы быть осведомленной о соображениях, которыми руководствовалась британская делегация, деля государства на две категории: на государства, которые должны стабилизировать свои морские вооружения, и государства, которым, наоборот, предоставлена возможность увеличить эти вооружения*. В этом заключаются замечания общего порядка, которые я счел необходимым представить в Генеральную комиссию после первого ознакомления с проектом, представленным британской делегацией. Советская делегация не преминет продолжать активно изучать этот проект и будет иметь честь во время более детальной дискуссии различных частей английского проекта представить комиссии замечания и изменения как по пунктам, которые я сегодня упомянул, а также и по другим вопросам, которые ставит английский проект и которые я не счел нужным развить на настоящей стадии дискуссии. Среди этих вопросов я должен тем не менее упомянуть теперь же серьезные вопросы, которые встанут в связи с первой частью английского проекта (безопасность), а также в связи с положениями, касающимися контроля, заключающимися в том же проекте.

Печат. по газ. «Известия», № 83 (5014), 28 марта 1933 г. Опубл. в сб. «Société des Nations. Actes de la Conférence pour la Réduction et la Limitation des Armements. Procès-verbal de la Commission Générale», Series B, Vol. II, Genève, 1933, pp. 381—382.

94. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Яньхойцином

27 марта 1933 г.

Иен** пришел ко мне, чтобы информироваться у меня по некоторым вопросам в связи с полученными из Нанкина телеграммами. Он в свое время поставил в известность Нанкин о

* См. также док. № 182.
** Яньхой-цин.

том, что мы отказались от участия в совещательном комитете*, он передал все те мотивы, которые нас привели к отрицательному решению. Нанкинское правительство понимает наши мотивы, тем не менее оно очень сожалеет, что Советское правительство не согласилось принять участие в совещательном комитете. Однако нанкинское правительство надеется, что если мы не нашли возможным принять приглашение Лиги наций в настоящее время, то, может быть, в самое ближайшее время наше отношение к этому вопросу мы пересмотрим.

Иен. Нанкинское правительство хотело бы знать, войдете ли вы в этот комитет в ближайшем будущем, так как ваш отказ не носит принципиального характера.

Карахан. В нашем ответе мы заявили, что в настоящее время мы не можем войти в совещательный комитет, и никакого другого решения правительства по этому вопросу не имеется.

Иен. Но, может быть, Вы могли бы мне сказать, что при известных обстоятельствах вы не откажетесь войти в этот комитет?

Карахан. К сожалению, я не могу Вам дать ответ о будущем нашем отношении к совещательному комитету. Мы только что приняли наше решение, и нет никаких обстоятельств, которые давали бы основание к пересмотру нашего решения.

Иен. А выход Японии из Лиги наций**, мне кажется, это новое обстоятельство, при котором следовало бы пересмотреть ваше отношение к комитету.

Карахан. То, что Япония собирается выйти из Лиги наций, мы об этом знали во время нашего решения. А кроме того, я не думаю, чтобы вопрос об участии или неучастии Японии в Лиге наций мог иметь какое-либо значение для нашего решения.

Иен. Ваше участие в совещательном комитете имеет большое значение не только для Китая, который приветствовал бы ваше сотрудничество, но, мне кажется, имеет значение и для Советского Союза, поскольку Япония включает в свои планы не только Маньчжурию, но и дальневосточные территории Советского Союза. Если Советский Союз входил бы в совещательный комитет, то он мог бы иметь известную поддержку в случае нападения Японии на Советский Союз.

Карахан. Я не знаю, что входит в планы Японии, но мы привыкли полагаться на свои собственные силы, тем более что

---

* См. док. № 63.

** Япония вышла из Лиги наций 27 марта 1933 г.; см. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, стр. 226—228.

опыт Китая, который рассчитывал на помощь других, едва ли говорят в пользу соображений Иена.

Иен. Да, мы не получили такой поддержки, какую мы хотели бы. В этом отношении Вы правы. Но мы не получили этой поддержки только потому, что другие державы не готовы к войне с Японией. Если бы Англия вмешалась сейчас в конфликт, то она сразу же потеряла бы Гонконг и другие свои владения на Дальнем Востоке. Сейчас английское правительство усиленно укрепляет Сингапур, и только после этого она сможет быть более активной. То же самое следует сказать и в отношении Америки, которая не вмешивается в конфликт более реальными способами только в силу своей неподготовленности. Но и Англия, и Америка усиленно подготавливаются в военном отношении. Я затруднился бы указать сроки, но мне кажется, через полгода или год положение коренным образом изменится. В таких условиях позиция Советского Союза может иметь решающее значение. Другие державы не решаются предпринимать каких-либо шагов, не зная, что будет делать Советский Союз. С этой точки зрения участие Советского Союза в совещательном комитете обеспечило бы ваш непосредственный контакт с другими державами, и в особенности с Америкой, с которой у вас нет отношений. У нас создается такое впечатление, что вы пассивны в этом вопросе. Такое же впечатление получается и у других держав, и это связывает и их активность. Они хотят, чтобы вы сделали первый шаг, а вы, наверное, хотите, чтобы они сделали первый шаг.

Карахан. Я не знаю, какие первые шаги Вы имеете в виду. Что касается нас, мы не ждем никаких шагов со стороны других держав. Мы ведем свою собственную, независимую от других держав политику и не строим ее в зависимости от того, что будут делать другие. Вы знаете, что с самого начала конфликта мы вели политику строгого невмешательства и нейтралитета в дальневосточный конфликт, и мы не собираемся сходить с этой ясной и понятной для всех позиции. Нашу политику нельзя назвать пассивной, поскольку речь идет об интересах Советского Союза. Мы не вмешиваемся в чужие дела, но мы очень активны в той работе, которая имеет своей целью не допустить, чтобы кто-нибудь вмешивался в наши дела. Вы знаете, что за последний год мы достаточно хорошо укрепили наш Дальний Восток, что ни в какой мере не является пассивностью, и эту политику, с одной стороны, строгого нейтралитета, а с другой стороны, работы по укреплению наших оборонительных сил мы будем продолжать и в дальнейшем.

Иен. Мы прекрасно понимаем вашу политику. Но нам кажется, что, если вы не имеете контакта с другими державами в тех мероприятиях, которые они могут предпринять, это

ослабляет не только наши позиции, но и позиции Советского Союза.

Карахан. Я думаю, что Вы неправы. Наши позиции сильны тем, что мы рассчитываем на свои собственные силы, и, как Вы знаете, наши собственные силы и возможности укрепляются и растут с каждым днем.

Иен. Было бы хорошо, если бы вы присоединились к некоторым рекомендациям Лиги наций. Например, там имеется решение о непризнании де-юре и де-факто Маньчжоу-Го. Китайское правительство очень высоко ценило бы, если бы вы присоединились к этому предложению Лиги наций. Китайское правительство хотело бы знать ваше отношение к этому вопросу о признании Маньчжоу-Го.

Карахан. Как Вы знаете, мы не признали Маньчжоу-Го, и, насколько я понимаю, у нас такого намерения нет.

Иен. Но нас интересует также вопрос о признании де-факто. Вы допустили консулов Маньчжоу-Го на вашу территорию. Правда, это было до восстановления отношений между Китаем и СССР. Кроме того, в последнее время маньчжурские и японские газеты пишут о том, что будто бы вы согласились на создание тройственной комиссии Японии, Маньчжоу-Го и Союза для пересмотра границ. В Нанкине очень беспокоятся в связи с этим и просили меня, если Вы найдете возможным, информировать, как обстоит дело на самом деле.

Карахан. Мы действительно разрешили консулам Маньчжоу-Го открыть свои консульства в ряде пунктов на территории СССР. Их консулы имеются уже в Благовещенске и Чите.

Иен. Верно ли, что они назначают своего консула в Москву?

Карахан. Мы разрешили Маньчжоу-Го открыть 5 консульств на нашей территории — такое же количество, какое имеется и у нас в Маньчжурии. В том числе мы дали согласие на открытие консульства в Москве. Но Маньчжоу-Го пока еще не назначило консула в Москву.

Иен. Вы дали согласие на назначение консулов до восстановления отношений с Нанкином. Может быть, вы нашли бы возможным не допускать фактического открытия консульств в тех пунктах, в которых они этих консульств не имеют?

Карахан. Мы наше согласие на открытие консульств дали, и едва ли возможно это наше согласие отменить.

Иен. Очень жаль, но я боюсь, что эти фактические отношения поощряют и укрепляют положение Маньчжоу-Го.

Карахан. В этих наших шагах мы исходим не из того, что тот или другой шаг может укрепить положение Маньчжоу-Го, а из практической необходимости поддерживать фактические отношения с той властью, которая существует в настоя-

щее время в Маньчжурии, где имеется наша дорога, где мы имеем десятки тысяч наших граждан, где мы имеем 5 наших консульств и где, кроме власти Маньчжоу-Го, нет никакой другой, с кем можно было бы разговаривать и вести дела.

Иен. Я очень сожалею, но я прекрасно понимаю, что в создавшейся обстановке вы действительно не можете поступить иначе. А как обстоит дело с комиссией, о которой пишут газеты?

Карахан. Японское правительство действительно предложило нам создать комиссию из представителей Маньчжоу-Го, Японии и СССР. Мы дали свое принципиальное согласие на организацию такой комиссии, но не для пересмотра границ, а только для улаживания могущих возникнуть пограничных недоразумений и инцидентов *. Такого рода комиссии у нас имеются почти со всеми странами, граничащими с Советским Союзом. Мы дали принципиальное согласие. Но фактически комиссия эта пока не существует.

Иен. Я благодарю Вас за разъяснение. А если бы другие державы решили отозвать свои консульства из Маньчжурии, не могли ли бы вы присоединиться к такому акту? Он был бы не изолированным актом, а был бы актом всех держав.

Карахан. Я не могу ответить Вам на этот вопрос потому, что Вас интересует не моя личная точка зрения, а точка зрения Советского правительства. А Советское правительство такого вопроса не обсуждало, тем более что я впервые слышу от Вас о таком намерении других держав. Во всяком случае, я лично думаю, что всякий шаг, который мы предпринимали и предпринимаем, мы предпринимаем исходя из наших собственных интересов.

Иен. А если бы державы, входящие в Лигу наций, решили бы отозвать своих послов из Токио, можно ли было бы рассчитывать на то, что Советский Союз отзовет своего посла из Японии?

Карахан. Я сомневаюсь в том, чтобы другие державы согласились отозвать своих послов из Токио. Конечно, я не могу Вам сказать ничего о позиции Советского правительства в этом вопросе. Я думаю только, что Советское правительство, в случае, если другие державы отзовут своих послов, будет с величайшим интересом следить за развитием событий в этом направлении, сохраняя свои руки свободными, так же как оно это делало до сих пор.

Иен. Но если другие державы будут совершать какие-либо шаги в виде отзыва консульств или посольств, а Советский Союз не будет присоединяться к этому, то это будет, очевидно, ослаблением всякой акции.

---

* См. док. № 2.

Карахан. Может быть, это и будет ослаблением акции. В продолжение полутора лет все державы действовали без всякого контакта с Советским Союзом, по-видимому, они держались тогда другой точки зрения.

Иен. Китай находится между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Китай во всех своих шагах советовался с дружественными ему державами, и в частности с Соединенными Штатами, так как они являются одной из важнейших сил на Тихом океане, и мы хотели бы в настоящее время, когда у нас отношения восстановлены, иметь контакт и с вами. Вы и Соединенные Штаты являетесь решающими силами на Дальнем Востоке и на Тихом океане.

Карахан. Всегда, когда Вы захотите получить у меня какую-нибудь информацию, я это буду делать так же охотно, как и сегодня. Но мы не любим сами получать советы о том, какой политики мы должны держаться, и поэтому предпочитаем не советовать и другим, что они должны делать для защиты своих собственных интересов. Мы знаем одно, что наши интересы могут быть защищены только нашими собственными силами. Так учит нас опыт нашего 15-летнего существования. И я лично думаю, что это, наверное, имеет силу не только в отношении нас, но и в отношении всякой другой страны. Опыт, который имеет Китай, мне кажется, подкрепляет наш собственный опыт в этом отношении.

Иен. Я согласен с Вами в этом отношении. Но, к сожалению, мы слишком слабы, поэтому мы ищем поддержки у дружественных стран. Нельзя отрицать, что мы поддержку такую получили.

Карахан. Я не знаю о той поддержке, которую вы получили со стороны других стран. Я знаю лишь то, что читаю по этому вопросу в газетах. Решение Лиги наций нельзя рассматривать как поддержку, которая была оказана Китаю[75]. Мне трудно взвесить значение полученной вами поддержки, но, если бы в аналогичных случаях мы получили бы такую же поддержку, как вы, мы не могли бы к ней отнестись серьезно.

Иен. Положение на Дальнем Востоке нельзя рассматривать вполне благополучным для вас. Вот японцы сейчас имеют намерение после Жехола занять провинцию Чахар, может быть, взять Калган и даже продвинуться до Урги *. Не могли ли бы Вы мне сказать, какова была бы позиция Советского правительства, если бы японцы заняли Ургу? Как Советское правительство на это реагировало бы?

Карахан. Как Вам известно, г. Иен, Монголия не является советской территорией, и поэтому вопрос Вами поставлен не по адресу.

---

* Улан-Батор.

Иен. Да, но вы ведь заинтересованы в том, чтобы Монголия не попала в руки японцев, так же как вы, наверное, не заинтересованы в том, что в Маньчжурии имеется Маньчжоу-Го.

Карахан. Конечно, мы предпочитаем иметь своим соседом в Монголии Монгольскую Народную Республику. Возможно, что и в Маньчжурии мы предпочли бы иметь тот режим, который там существовал до прихода японцев. Но все это проблемы, касающиеся территории, находящейся за пределами Советского Союза. Поэтому мне трудно ответить на Ваш вопрос.

Иен. Но как Вы лично думаете о том, какова могла бы быть позиция Советского правительства в случае, если бы японцы заняли Ургу?

Карахан. У меня нет никакого личного мнения по этому вопросу. Я никогда об этом не думал.

Иен (немного помолчав и подумав). Я Вам очень благодарен за беседу. Я теперь лучше понимаю вашу позицию. Мы хотели бы только, чтобы вы были более активны и проявляли бы больше интереса к событиям, которые происходят на Дальнем Востоке.

Карахан. Мы проявляли и проявляем живейший интерес к событиям на Дальнем Востоке, и я буду всегда признателен г. послу, если он будет меня информировать об этих событиях и о намерениях китайского правительства.

На мой вопрос о положении в Жэхэ Иен сообщил о том, что китайским войскам пришлось отступить, причем он свалил всю ответственность на Чжан Сюэ-ляна, который якобы вместо того, чтобы воевать, все время проводил в карточных играх и в куреннях опиума и что вообще он никуда не годный полководец и патриот. Свалив всю ответственность на Чжан Сюэ-ляна, Иен сообщил, что Чан Кай-ши теперь лично взялся за дело и что север самым серьезным образом укрепляется, с тем чтобы не допустить дальнейшего продвижения японцев. Он думает, что в ближайшее время Китаю придется еще перетерпеть от японской агрессии, что Китай еще слаб, чтобы оказать должный отпор японцам, что придется вооружиться терпением, но что в конце концов японцы от всего того, что они сделали, проиграют.

Затем Иен спросил меня о судьбе генералов Су Бин-вэня, Ли Ду, Ма и других и просил разрешения для их выезда в Европу *. В частности, он указывал, что генерал Ма очень сильно болен и ему нужно срочно начать лечение. Я ему ответил, что с нашей стороны возражений нет и что они могут приступить к оформлению своего отъезда.

Л. Карахан

Печат. по арх.

* См. т. XV, прим. 266.

95. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку

27 марта 1933 г.

Дорогой Лев Михайлович,

Так как Вы всего несколько дней тому назад уехали из Москвы, где мы имели возможность обменяться с Вами мнениями о положении германо-советских отношений, то пишу сейчас лишь по некоторым текущим вопросам.

1. Мы предполагали откликнуться на декларацию Гитлера * во вчерашнем номере «Известий»; не сделали этого потому, что необходимо было в первую голову реагировать на поведение англичан в связи с делом служащих «Метро-Виккерс» **. Думаю, однако, что завтра будет помещена статья, в которой мы отметим положительное заявление Гитлера и в то же время укажем в достаточно твердой форме на противоречащую этому заявлению практику германских центральных и местных властей (газеты, «Дерон» [46] и т. д.) ***.

2. Необходимо добиться реальных результатов в вопросе о свободе почты полпредства, торгпредства, консульств и всех дипломатических сотрудников наших учреждений. Раз Мейер в разговоре с т. Александровским признал нашу правоту ****, то смешной является ссылка Заукена ***** на технические трудности. Тов. Штерн ****** вчера очень решительно говорил по этому поводу с бывшим у него Динстманом ******* и предупредил, что, если права наших органов не будут немедленно восстановлены, мы вынуждены будем перейти к контррепрессиям и лишить германское посольство газет. Динстман был очень напуган, обещал принять меры. Так как я не был убежден, что посольство решится в достаточно категорической форме поставить вопрос перед Берлином, то я сейчас же протелеграфировал Вам о сделанном нами демарше и предложил Вам самому решить, не повторить ли сделанного нами предупреждения и Мейеру. Лично я считаю, что Вам нужно в такой же решительной форме сказать аусамту о неизбежности контррепрессий. Если безобразия с газетами и в других областях не прекратятся, нам придется подумать о репрессиях не только в области газет, но и о каких-либо контррепрессиях, которые сильнее заденут интересы германского посольства. Мы решили здесь ожидать 3 дня с момента разговора Штерна с Динстма-

---

* Имеется в виду речь Гитлера в рейхстаге 23 марта 1933 г.; см. газ. «Известия», 24 марта 1933 г.

** См. док. № 120.

*** См. газ. «Известия», 28 марта 1933 г.

**** См. док. № 87.

***** Заместитель заведующего отделом печати МИД Германии.

****** Заведующий II Европейским отделом НКИД СССР.

******* Генеральный консул Германии в Тифлисе.

ном. Если за эти 3 дня «Правда» и «Известия» не начнут приходить к Вам, мы сговоримся с почтой и начнем задерживать прессу, идущую в адрес посольства.

Тов. Александровский поступил совершенно правильно, отказавшись последовать совету Мейера и посылать газеты в закрытых конвертах. На такого рода сделки идти не следует, этот исход остается всегда в нашем распоряжении, мы сможем прибегнуть к нему параллельно с контррепрессиями. Поэтому, когда вчера из Вашей квартиры сообщили т. Уманскому* переданную из Берлина по телефону просьбу посылать в пакетах на Ваше личное имя по 30—40 экземпляров «Правды» и «Известий», мы решили этой просьбы не исполнять и газет пока не посылать. Мы думаем, что эта просьба была передана из Берлина еще до Вашего приезда без совещания с Вами.

Сегодня к т. Штерну позвонил Дингман и сообщил по телефону, что не допущенные к ввозу в СССР иностранные газеты германское посольство получает не в бандеролях, а в закрытых пакетах. Тов. Штерн ответил, что нас не интересует, в какой упаковке получает газеты германское посольство. Мы настаиваем на праве нашего посольства получать беспрепятственно и бесконтрольно почту, в том числе и газеты в любой упаковке, и сообщенный Дингманом факт нисколько не меняет ни нашей позиции, ни наших намерений защищать право нашего посольства путем контрмероприятий.

3. Меня очень беспокоит явно руководимый из центра поход против местных отделений «Дероп» **. То, что большинство арестовываемых сейчас же выпускается, не исправляет эффекта от налетов. В провинции у широкой публики и у нашей клиентелы «Дероп» создается впечатление, что лучше, во избежание неприятностей, не иметь с «Дероп» дела. А это-то только и нужно нашим конкурентам. Необходимо добиться не только прекращения всех происходящих безобразий, но и такого открытого выступления министра хозяйства или министра внутренних дел, а то и обоих вместе, которое восстановило бы прежние позиции «Дероп». Буду ждать от Вас подробных и регулярных сообщений о всех инцидентах и о всех предпринимаемых Вами шагах. Думаю, что Вам лично нужно будет сделать серьезное представление Нейрату ***.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

---

* Заведующий отделом печати НКИД СССР.

** См. также док. № 53, 74, 86.

*** См. док. № 111.

96. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу

27 марта 1933 г.

Уважаемый товарищ,

После Вашего отъезда из Москвы нам пришлось еще несколько раз согласовывать с НКТП и НКВТ проект постановления по вопросу текстильных комбинатов, и только в начале марта мы смогли представить в правительство согласованный проект. Решения правительства по этому делу сводятся к следующему:

1. НКИД и НКВТ поручено договориться с турецким правительством о том, что оборудование в пределах предоставленного нами кредита в размере 8 млн. долл.* мы готовы поставить Турции в течение 4 лет.

2. НКИД и НКВТ также поручено оформить с турецким правительством соглашение о том, что все поставки в счет кредита не засчитываются в ежегодный нетто-баланс, предусмотренный торговым модусом **; равным образом не засчитываются в нетто-баланс те турецкие товары, которые будут нам предоставляться в компенсацию за оборудование.

3. Создается под руководством правительственной комиссии специальный рабочий аппарат — «Туркстрой», являющийся технической конторой на правах треста и входящий в состав НКТП. В задачи «Туркстроя» входит: реализация кредита на промышленное оборудование; предварительное согласование с турецкой стороной необходимых заказов; заключение с ней договоров; проведение всей работы по проектированию, размещению внутри СССР заказов на оборудование, машины и материалы; проведение всей работы по стажированию в СССР турецких специалистов и по командированию в Турцию советских специалистов; техническое руководство строительством, монтажом и пуском в эксплуатацию текстильного комбината и следующих строительств.

При этом правительство особо оговорило, что коммерческие и финансовые вопросы договоров разрешаются в СССР под руководством и по указанию НКВТ, а в Турции — под руководством и по указанию торгпреда.

«Туркстрой» должен в своей работе использовать все организации по проектированию, производству и монтажу машин («Оргтекстиль», «Союзтекстильмашина», ВЭО, «Котлотурбина», «Машинстройпроект» и др.).

Штаты «Туркстроя» должны комплектоваться из специалистов высшей квалификации по мере надобности с учетом как соответственных заданий «Туркстроя» (по строительству

* См. т. XV, док. № 205.

** См. т. XV, док. № 167.

текстильного комбината и др.), так и задач по контролю и наблюдению за строительством в Турции.

4. Правительственной комиссии т. Кагановича поручено проверить и утвердить проект договора «Туркстроя» с соответствующей организацией турецкого правительства о поставках (номенклатура, количество, цены и сроки) оборудования, необходимого для текстильного комбината.

В этом пункте правительство еще раз оговорило, что коммерческие и финансовые вопросы договоров разрешаются в СССР под руководством и по указанию НКВТ, а в Турции — под руководством и по указанию торгпреда.

Кроме того, предусмотрено, что «Туркстрой» может взять на себя обязательство поставить только такое оборудование, которое производится в СССР. Часть оборудования, которое в СССР не производится, должна быть заказана организацией турецкого правительства самостоятельно в других странах не за счет предоставленного нами кредита; «Туркстрой» сообщает организации турецкого правительства номенклатуру и технические условия этой части оборудования.

5. «Туркстрой» должен взять на себя обязательство доставки поставляемого им оборудования до «фоб» советские порты. Расходы от «фоб» советские порты до места строительства в Турции несет организация турецкого правительства за свой счет и не за счет предоставленного нами кредита.

6. Два раза в год — 30 июня и 31 декабря — «Туркстрой» будет посылать организации турецкого правительства извещения о поставках, произведенных за истекшее полугодие. С момента этого извещения начинается соответственное течение кредита по указанным в извещении поставкам. По каждой полугодовой партии поставляемого оборудования турецкое правительство будет рассчитываться в течение 20 лет равными годовыми взносами товаров без начисления процентов. Номенклатура и цены товаров устанавливаются НКВТ по соглашению с турецким правительством; база для установления номенклатуры и цен товаров определяется одновременно с подписанием основных соглашений.

7. Тов. М. М. Кагановичу под его личную ответственность поручено обеспечить пуск текстильного комбината в Турции не позже 1 марта 1935 г. *.

8. Представитель «Туркстроя» включается в состав торгпредства в Турции в качестве зам. торгпреда с местопребыванием в Анкаре. При этом общее наблюдение и контроль за выполнением договоров с организацией турецкого правительства в Турции возлагается на полпредство и торгпредство.

---

* См. т. XV, прим. 200.

9. Правительственная комиссия пополнена тт. Левенсоном (НКТП) и Ереминым (НКЛП).

Вопрос о кандидатуре на должность директора «Туркстроя» не был окончательно решен правительством. Были намечены две кандидатуры: т. Орлова и т. Левенсона. В заседании правительственной комиссии 22 марта мы не остановились ни на одной из этих кандидатур. Вместо этого выдвинуто предложение назначить директором «Туркстроя» члена Коллегии НКТП т. Золотарева. Окончательно этот вопрос еще не решен.

Что касается назначения представителя «Туркстроя» на должность зам. торгпреда, то НКТП оформляет на эту должность т. Зиглина, бывш. зам. уполномоченного НКТП в Берлине.

Впредь до создания «Туркстроя» все переговоры с турецкой промышленной делегацией по вопросу о поставках ведет Иностранный сектор НКТП. В этих переговорах наметились некоторые трудности, проистекающие главным образом из-за того, что турки изменили первоначальное задание по ассортименту и еще не представили всех необходимых материалов (в частности, нет возможности произвести опыты с турецким хлопком, так как турецкие промышленники не привезли его в достаточном количестве). Осложняющим моментом является также то обстоятельство, что турки теперь настаивают на одновременном строительстве двух комбинатов — в Кайсери и Назилли. Мы не будем отказываться от переговоров по второму и даже третьему комбинатам, но практически мы в настоящее время сможем подписать договор на поставку оборудования только для Кайсерийского комбината. Лишь после того, как все вопросы, связанные с Кайсерийским комбинатом, будут урегулированы, мы сможем реально договариваться с турками о дальнейшем строительстве.

Вопрос о расчетах по кредитам, очевидно, придется согласовывать с турецким правительством Вам и торгпреду. Я прошу Вас переговорить с торгпредом и разработать на основе правительственной директивы (пп. 1, 2, 5 и 6) проект соглашения с турками [77]. Одновременно Вы можете, руководствуясь правительственным решением, произвести соответствующий зондаж перед турками.

С товарищеским приветом

Карахан

Печат. по арх.

97. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзадяну

27 марта 1933 г.

Уважаемый товарищ,

Переговоры о госгарантии, вопреки нашим пессимистическим ожиданиям, по-видимому, налаживаются. Норвежцы предпочитают удовлетвориться малым, чем идти на разрыв.

Нота 17 марта [57], полученная Вами от Мувинкеля, по вопросу о правах торгпредства является уже значительным достижением, поскольку Мувинкель берет на себя обязательство на все время существования его нынешнего правительства не менять статус-кво. Это уже лучше, чем получение обязательства норвежского правительства в соглашении о госгарантии оставить статус-кво на один год, ибо нынешнее правительство Мувинкеля просуществует, наверное, дольше года. Конечно, еще лучше было бы, если бы Мувинкель исполнил свое обещание и принял письменно это обязательство вне зависимости от того, будет ли в этом году заключен договор о госгарантии. С этим, однако, можно примириться, поскольку договор о госгарантии будет все же заключен. Важно то, что Мувинкель не ограничивает своего обещания сроком и не выдвигает условия, что для действительности его обещания в следующем году нужно новое заключение соглашения о госгарантии.

Теперь желательно было бы, поскольку Мувинкель справедливо считает нецелесообразным немедленно вносить в стортинг законопроект об окончательном урегулировании вопроса о правах торгпредства, получить от него письменное же обещание, в дополнение к его ноте от 17-го, провести этот вопрос в стортинге несколько позднее.

Если бы Вам удалось получить такую дополнительную ноту, то вместе с нотой от 17 марта она разрешала бы вопрос целиком и полностью и не нужно было бы вносить пункт о правах торгпредства в соглашение о госгарантии.

В самом деле, внесение такого пункта формально связывало бы вопрос о правах торгпредства с госгарантией и подчеркивало бы, что норвежское правительство в порядке компенсации за закупку нами селедки обеспечивает статус-кво торгпредства только на один год. Для нас, конечно, выгоднее не связывать этих вопросов и даже выгоднее остаться при ноте от 17 марта, чем узаконивать практику продления статус-кво торгпредства из года в год в качестве компенсации за наши закупки селедки.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

98. Сообщение советской печати о заявлении Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева

27 марта 1933 г.

Токио, 25 марта. (ТАСС). Сегодня полпред т. Юренев принял представителей печати. В заявлении, сделанном на приеме т. Юреневым, между прочим, указывается:

«Добрососедские отношения между СССР и Японией — гарантия мира на Дальнем Востоке, а также на всем земном шаре. СССР, осуществляющий политику мира, естественно, уделяет особое внимание советско-японским отношениям. Наш нейтралитет и невмешательство в маньчжурские дела, как и сделанное в свое время предложение Японии о подписании пакта о ненападении, предложение, как известно, ею не принятое *, является выражением политики мира и дружбы, реальным результатом отсутствия у нас каких-нибудь агрессивных замыслов и нашего стремления всеми мерами содействовать делу мира.

Эта открытая и всем известная политика мира проводится нами в полном сознании нашей мощи и способности отстоять интересы СССР, занятого грандиозным успешным внутренним строительством».

Выразив надежду, что «политика СССР будет уяснена и теми элементами Японии, которые ее до сего времени не понимали», т. Юренев далее указал:

«Я уверен, что всякие попытки, направленные к срыву добрососедских отношений между двумя странами, явно обречены на неудачу. Факты и трезвый учет взаимных интересов сильнее всяких измышлений».

Отметив растущий интерес народов СССР к японскому народу, нашедший свое выражение в радушном приеме японских деятелей науки, техники и искусства в СССР, Юренев указал также на наличие всех предпосылок к усилению торговых связей между СССР и Японией.

Печат. по газ. «Известия»
№ 82 (5013), 27 марта 1933 г.

99. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком

27 марта 1933 г.

Бек начинает с сообщения, что маршал вынужден отъехать на пару дней, поэтому сегодня не сможет меня принять, но «обязательно хочет видеть, чтобы поговорить по некоторым конкретным вопросам», поэтому пригласил и его, Бека, присутствовать при своем свидании со мною [78].

* См. док. № 2.

На мой вопрос о новых моментах международной политики Бек говорит прежде всего о плане «европейской директории», который резко отвергается Польшей и Малой Антантой. Он отнюдь не думает, что Муссолини ведет линию, отличную от Гитлера, и что имеет-де в виду лишь шантажировать Францию. Нет, идея подобной директории — давняя идея Муссолини; он был всегда весьма недоволен положением Италии в Лиге наций, недоволен и тем, что важнейшие вопросы обсуждались великими державами зачастую без участия Италии. Соображения внутриполитического порядка и «доктринальные» влияния толкают Муссолини теперь к активизации внешней политики Италии, к постановке вопроса о руководстве европейскими делами и о ревизии границ. План примирения Германии с Польшей путем пересечения Поморья немецким коридором, план, будто бы выдвигаемый в Риме, «совершенно несерьезен» и не заслуживает никакого обсуждения.

Поведение Франции в отношении проекта Муссолини «несколько двусмысленно», но вся Франция против этого проекта, а маневрирование ее правительства вызывается общей пацифистской позицией этого правительства и «консеквенциями» * шага 11 декабря прошлого года (декларация о «германском равноправии») **. Макдональд упорно настаивает на своем плане, совпавшем в основе с проектом Муссолини. Весьма сильная оппозиция этому плану и вообще внешней политике Макдональда в Англии не доведена до выражения ему недоверия, так как это повлекло бы, согласно английской традиции, новые парламентские выборы (ныне «правительство национального единения»). Бек спрашивает себя, откуда эта перемена отношения Англии к Лиге наций (ныне Англия действует в подрыв последней). Полагает, с женевской точки зрения, что причина — в решении Лиги наций по маньчжурскому вопросу.

Намеки Титулеску в недавнем экспозе [79] о желательности и возможности улажения отношений с Советским Союзом Бек считает показательными.

Рачинский ***, со слов Титулеску, и Арцишевский **** (из Бухареста) сообщают, что ныне в Румынии «общественное мнение вплоть до Титулеску» понимает правильность линии Польши в отношении пакта с Советским Союзом. Когда говорю (с зондажной целью), что нам известно о том, что Титулеску сорвал заключение пакта с нами под влиянием не кого иного, как Тардье и правых военных кругов Франции, и что они же старались тормозить проведение пакта и в Польше,

---

* — последствиями (*лат.*).

** См. т. XV, прим. 321.

*** Постоянный представитель Польши в Лиге наций.

**** Посланник Польши в Румынии.

Бек говорит: «Это было при Гике...* Да, оно сильно воздействовало на нас. Но теперь Франция единодушна в оценке пакта с вами...»

«Конечно, такой новый факт, как план Муссолини и Макдональда, не останется без влияния на отношения Польши с Малой Антантой. Но Польша и раньше выступала не раз совместно с Малой Антантой. Тут, в Женеве, впрочем, был и г. Борис Штейн...»

Да, Бек собирается поехать в Белград с [ответным] визитом Маринковичу**. Залесский*** дважды откладывал эту поездку. Но срок не установлен.

При переходе к текущим делам Бек спрашивает, как скоро думаем мы начать переговоры о сплавной конвенции****. Отвечаю, что польский проект, недавно врученный и значительно разнящийся от нашего, еще нами изучается. «Кстати,— говорит Бек,— вы спрашивали меня о сплаве по Неману. Маршал взял на себя этот вопрос, сказал, что изучит его в Вильно. Это один из вопросов, по которым он хотел говорить с Вами».

Антонов-Овсеенко

Печат. по арх.

100. Протокол о продлении срока действия Конвенции о порядке рассмотрения и разрешения возникающих на границе между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Турции конфликтов, заключенной в Анкаре 6 августа 1928 г.*****

28 марта 1933 г.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Турецкой Республики решили продлить срок действия Конвенции о порядке рассмотрения и разрешения пограничных конфликтов, подписанной в Анкаре 6 августа 1928 г., и назначили с этой целью, с одной стороны,

Его Превосходительство господина Якова Сурица, Чрезвычайного и Полномочного Посла Союза Советских Социалистических Республик в Турции,

и с другой стороны,

Его Превосходительство Тевфика Рюштю-бея, Министра Иностранных Дел Турецкой Республики, Депутата от Измира,

каковые после обмена своими полномочиями, найденными в надлежащем виде и должной форме, договорились о нижеследующем:

---

* Здесь и далее многоточие в тексте; Гика — бывший министр иностранных дел Румынии.

** Министр иностранных дел Югославии.

*** Бывший министр иностранных дел Польши.

**** См. т. XV, прим. 280.

***** См. т. XI, док. № 273.

Статья I

Срок действия Конвенции о порядке рассмотрения и разрешения пограничных конфликтов, заключенной между Союзом Советских Социалистических Республик и Турецкой Республикой в Анкаре 6 августа 1928 г., а также приложенного к ней Протокола от того же числа продлевается на новый шестимесячный период, считая с даты истечения срока действия Протокола о продлении этих актов, подписанного также в Анкаре 10 октября 1932 г. *

Статья II

Настоящий Протокол подлежит ратификации; уведомление о ратификации будет взаимно направлено друг другу обеими Договаривающимися Сторонами.

Совершено в Анкаре, в двух экземплярах, 28 марта 1933 г.

Я. Сурик *Т. Рюштю*

Печат. по арх.

101. Обмен нотами между Полномочным Представителем СССР в Турции и Министром Иностранных Дел Турции о продлении срока действия Конвенции о порядке рассмотрения и урегулирования пограничных конфликтов

1. НОТА
ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР В ТУРЦИИ
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТУРЦИИ
ТЕВФИКУ РЮШТЮ

28 марта 1933 г., № 22

Господин Министр,

Имею честь довести до Вашего сведения, что Правительство СССР в целях обеспечения непрерывности действия положения об урегулировании мелких споров и инцидентов, возникающих в пограничных зонах между Союзом Советских Социалистических Республик и Турецкой Республикой, согласно временно ввести в действие, начиная с сего числа, постановления Протокола **, подписанного сего дня между нашими Правительствами, о продлении на новый шестимесячный период срока действия Конвенции о порядке рассмотрения и урегулирования пограничных конфликтов, заключенной в Анкаре 6 августа 1928 г. ***, а также приложенного к ней Протокола от того же числа.

Примите, господин Министр, уверения в моем совершенном уважении.

Я. Сурик

---

* См. т. XV, прим. 268.
** См. док. № 100.
*** См. т. XI, док. № 273.

2. НОТА
МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТУРЦИИ
ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СССР В ТУРЦИИ
Я. З. СУРИЦУ

28 марта 1933 г.

Господин Посол,

Имею честь довести до Вашего сведения, что Турецкое Правительство в целях обеспечения непрерывности действия положения об урегулировании мелких споров и инцидентов, возникающих в пограничных зонах между Турецкой Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик, согласно временно ввести в действие, начиная с сего числа, постановления Протокола, подписанного сего дня между нашими правительствами, о продлении на новый шестимесячный период срока действия Конвенции о порядке рассмотрения и разрешения пограничных конфликтов, заключенной в Анкаре 6 августа 1928 г., а также приложенного к ней Протокола от того же числа.

Примите, господин Посол, уверения в моем весьма высоком уважении.

Т. Рюштю

Ноты печат. по арх.

102. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

30 марта 1933 г.

Здесь, несмотря на все заверения Рима, далеко не улеглась тревога, вызванная комбинацией четырех*. Она взрыхлила старое недоверие к Италии и поставила на очередь (по крайней мере в порядке обсуждения) вопрос об эвентуальном пересмотре основ турецкой политики, в частности об отношении к Франции и Малой Антанте и особенно к Югославии. Об этом довольно прозрачно вчера намекал Рюштю. Начал он с сообщения, что Муссолини обещал полностью поддержать все турецкие требования, в том числе привлечение к «пакту четырех» (смотрите телеграмму от 24 марта) [80], турецкие позиции по проливам и авиации, и что Турция будет поэтому спокойно выжидать дальнейшего хода событий, а закончил рассуждением о том, что выявившаяся в Риме тенденция установить ге-

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 3—10.

гемонию великих держав не случайно одновременно направлена против СССР и Турции и заставляет последнюю более внимательно отнестись к идущим из Белграда предложениям о сотрудничестве, встречающим к тому же дружественные отклики и в Афинах. В этой же связи он заговорил и о желательности улучшения взаимоотношений СССР с Югославией, Румынией и намекал, что с чьей-то стороны на Румынию сейчас оказывается давление в сторону скорейшего заключения с нами пакта. Попутно он рассказал, что в ближайшие дни последует формальное присоединение Польши к Малой Антанте, и предсказывал, что это решение, являющееся непосредственным результатом римских акций, вызовет сильнейшую реакцию в Венгрии, которая, по его данным, обязалась перед Польшей не вступать с нами в дипломатические сношения, пока последняя останется вне Малой Антанты. Он предвидит, словом, ряд передвижек и перегруппировок, сулящих значительные осложнения, к которым обе наши страны должны заблаговременно подготовиться. Впервые после многолетнего перерыва он заговорил о союзном договоре между нами, в основу которого должно быть положено тесное военное сотрудничество, особенно в проливах. Передаю вам все это больше как показатель настроения, вызванного здесь событиями последнего времени и разжигаемого представителями французской группировки.

Наша поддержка турецкой тезы в Женеве * встречена здесь с огромным удовлетворением. Исмет-паша ** просил меня передать вам благодарность турецкого правительства.

Сурц

Печат. по арх.

103. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

31 марта 1933 г.

На Вашу телеграмму от 30 марта [81]. В случае беседы с Саймоном укажите на обострение дела «Метрополитен-Виккерс» [82] с самого начала английской стороной. Напомните о публичном заявлении Болдуина [83], в котором он говорил, что Овню предписано употреблять сильные выражения с нами, об оскорбительной речи члена правительства Томаса [84]; в особенности подчеркивайте, что Овий с самого начала стал предъявлять максималистские требования и ни о чем слышать не хотел, кроме прекращения процесса. Несмотря на то что я несколько раз ему категорически и определенно заявлял о невозможно-

* См. док. № 93.

** Председатель совета министров Турции.

сти прекращения процесса и о вреде подобного давления, он вновь возвращался к этому вопросу, каждый раз усиливая давление *. Казалось бы, что за три года своего пребывания в Москве он должен был лучше понимать нашу психологию и, следовательно, невозможность добиться от нас уступок теми мерами воздействия, которые он употреблял. Весьма осторожно Вы должны дать понять, что мы в обострении больше обвиняем Овия, чем правительство. По существу, конечно, Вы ничего не должны обещать, еще раз отметив неизбежность процесса.

Литвинов

Печат. по арх.

104. Обмен письмами между Генеральным консулом СССР в Урумчи и Уполиомоченным Мииистерства Иностранных Дел Китая в провинции Синьцзяи об организации института пограиичиых комиссаров

I. ПИСЬМО УПОЛНОМОЧЕННОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ КИТАЯ В ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОНСУЛУ СССР В УРУМЧИ И. Я. ЗЛАТКИНУ

1 апреля 1933 г., № 96

Исходя из дружественных отношений, существующих между Синьцзяном и СССР, и в целях избежания возникновения конфликтов на границе обеих сторон, по обоюдному соглашению обеих сторон, организуется институт пограничных комиссаров для более быстрого разрешения возникающих конфликтов на началах законности и справедливости.

Права и обязанности указанных комиссаров устанавливаются приложенными к настоящему письму: А) Положением об организации синьцзяно-советских пограничных комиссаров и Б) Списком комиссаров **.

О вышеизложенном я счел своим долгом довести до Вашего, г. Генеральный консул, сведения и вместе с тем прошу Вас подтвердить согласие вашего Правительства на изложенное выше, для того чтобы я мог сделать соответствующий доклад Синьцзянскому провинциальному правительству.

Примите и т. п.

Приложение. Положение об организации синьцзяно-советских пограничных комиссаров. Список китайских пограничных комиссаров.

Уполномоченный
Чэнь Цзи-шань

---

* См. док. 120.

** Не публикуются.

II. ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА СССР В УРУМЧИ УПОЛНОМОЧЕННОМУ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ КИТАЯ В ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН ЧЭНЬ ЦЗИ-ШАНЮ

1 апреля 1933 г., № 111

Подтверждаю получение Вашего, г. Уполномоченный, письма от 1 апреля с. г. за № 96 следующего содержания:

«Исходя из дружественных отношений, существующих между Синьцзяном и СССР, и в целях избежания конфликтов на границе обеих сторон, по обоюдному соглашению обеих сторон, организуется институт пограничных комиссаров для более быстрого разрешения конфликтов на началах законности и справедливости.

Права и обязанности указанных комиссаров устанавливаются приложенными к настоящему письму: А) Положением об организации синьцзяно-советских пограничных комиссаров и Б) Списком комиссаров.

О вышеизложенном я счел своим долгом довести до Вашего, г. Генеральный консул, сведения и вместе с тем прошу Вас подтвердить согласие вашего Правительства на изложенное выше, для того, чтобы я мог сделать соответствующий доклад Синьцзянскому провинциальному правительству. Примите и т. п.

Приложение. Положение об организации пограничных комиссаров. Список китайских пограничных комиссаров...»

Имею честь довести до Вашего, г. Уполномоченный, сведения, что Правительство Союза ССР согласно на введение института пограничных комиссаров вдоль Советско-Синьцзянской границы, обладающих правами и обязанностями согласно приложенному при сем Положению об организации пограничных комиссаров.

Пользуясь случаем, прошу принять уверения в моем глубоком к Вам уважении.

Генеральный консул СССР
Златкин

Письма печат. по арх.

105. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

1 апреля 1933 г.

Авторитетные представители агентства Юнайтед Пресс, не указывая источника своей информации [85], в частном разговоре заявили, что, по последним сведениям, президент будто бы решил признать СССР месяца через два, без всякой комиссии и обследования и без всякой «паблисити». Не исключается, однако, возможность дальнейшей задержки.

Сквирский

Печат. по арх.

106. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном

3 апреля 1933 г.

Дирксен представил мне германского военного атташе. Я спрашивал последнего, имеется ли в Берлине какая-либо информация о мобилизационных мероприятиях Польши.

После ухода военного атташе я сказал Дирксену, что собирался еще вчера вызвать его для серьезного разговора, но что, узнав, что он ко мне собирается сегодня, перенес эту беседу. Затем я ему сделал заявление в связи с бесчинствами в Германии, после чего зачитал ему и вручил заранее продиктованное резюме этого заявления (см. приложение).

Дирксен сказал, что он сам хотел со мной поговорить по этим вопросам. Он признает, что имели место в Германии печальные факты. По поводу обращения с Ишлонским * уже выражено было сожаление. Если имели место другие аналогичные факты, его правительство готово будет также выразить сожаление. Обыск в гамбургском отделении торгпредства произошел в рамках соглашения. Он полагает, однако, что нам не следует раздувать этих фактов и переносить их в область наших общих взаимоотношений. Он напомнил, что в свое время мы высказывали пожелания о каком-либо официальном выступлении рейхсканцлера о советско-германских отношениях, об укреплении хозяйственных отношений и ратификации Берлинского договора **. Первые два пожелания выполнены заявлением Гитлера в рейхстаге и заключением кредитного соглашения ***, имевшим место уже при нынешнем правительстве.

---

* Советский врач; см. также док. № 112.
** См. док. № 51.
*** См. док. № 47, 48.

Он может мне сообщить, что в настоящее время создана необходимая предпосылка для проведения ратификации Берлинского договора *. Но в то время как мы об этих положительных фактах почти умалчиваем и наша пресса не сообщает даже известное опровержение Геринга своих мнимых разговоров во французском посольстве [5], «Известия» разразились статьей, предлагающей различать между словами и делами германского правительства **, а сегодня называют выступление Гитлера лицемерным. Мы сами недавно заявляли Овию, что не следует позволять единичным случаям ущемления частных граждан влиять на политические и экономические отношения, а между тем в отношении Германии мы сами это делаем. В СССР тоже имели место аресты и ссылки немцев. Что касается «Дероп» [6], то ему кажется, что вопрос мог бы быть решен установлением размеров глобального сбыта наших нефтепродуктов в Германии. Мы должны понимать, что создался в Германии новый порядок, и нам следует приспособляться к нему так же, как Германия постепенно приспособляется к нашему режиму. В качестве иллюстрации он сослался на полюбовную ликвидацию, по нашему желанию, некоторых немецких концессий и изменение условий работы германских специалистов. Он уверен, что случаи, на которые мы жалуемся, будут германским правительством расследованы.

Я ответил, что мы действительно были встревожены приходом к власти в Германии людей, политическое кредо которых не могло внушать нам оптимизма касательно судьбы наших взаимоотношений. Нам естественно было выжидать официальных выступлений и заявлений главы нового правительства. Это выступление, однако, имело место в обстановке антисоветских действий германских властей, что вызвало с нашей стороны некоторую настороженность. Этому состоянию вполне отвечала статья «Известий» под заглавием «Слово и дело», где выражалось сомнение относительно соответствия германских дел словам рейхсканцлера. Последующие события, к сожалению, полностью оправдали эти сомнения газеты и само заглавие статьи. Дирксен должен понимать то возмущение и негодование, которое в нашей общественности вызывают события, о которых писали за последние дни наши газеты. Статьи, заметки, комментарии этих газет даже в отдаленной степени не отражают чувств нашей общественности. При наличии такого количества печальных антисоветских действий в Германии, я не считал нужным жаловаться послу еще на антисоветскую пропаганду, проводимую органами германского правительства. Достаточно мне процитировать одну статью-листок, где гово-

---

* См. подстрочное примечание * на стр. 136.

** См. газ. «Известия», 28 марта 1933 г.

рилось о необходимости недопущения превращения Германии в «советскую колонию преступников», чтобы понять, что, что бы ни писали за последние дни «Известия» и «Правда», они являются образцом корректности и приличия по сравнению с нынешней германской официальной и официозной печатью. Мы действительно думаем, что единичные случаи задевания интересов отдельных граждан не должны отражаться на взаимоотношениях государств, и таков был действительно смысл моего заявления Овию *. Дирксен может говорить о таких единичных случаях в СССР, но дело в том, что в Германии мы сейчас имеем дело не с отдельными локальными случаями, а с массовой травлей всего, что носит название советского. Речь идет об организованной кампании, направляемой из единого центра и продолжающейся уже неделями, причем правительство никаких мер не принимает для ликвидации ее. Дирксен должен понять, что наша общественность не может, читая изо дня в день о германских безобразиях в отношении наших граждан и учреждений, не требовать ответа от нашего правительства о его собственных контрмерах, и я поэтому надеюсь, что посол немедленно передаст мой протест в Берлин и со своей стороны будет настаивать на скорейшем ответе.

Дирксен выразил надежду, что мы пока воздержимся от опубликования [протеста] в печати, на что я ответил, что вопрос еще должен быть решен правительством **.

У меня с самого начала беседы создалось впечатление, что Дирксен пришел отчасти с целью жаловаться на сегодняшние статьи в нашей прессе, но ввиду того, что я его предупредил своим заявлением, он вынужден был занять оборонительную позицию. Слушал он меня с весьма смущенным видом.

Дирксен сообщил, что имеет поручение Нейрата ознакомить меня с ходом переговоров по поводу пакта Муссолини ***. Этот пакт был сюрпризом для самого германского правительства и не был дипломатически подготовлен. Муссолини исходит из признания недостаточности существующих средств для политического обмена мнениями, как, например, Лига наций. Он поэтому задался целью создать новый инструмент. Своим пактом он направляет удар во французскую систему союзов и французскую гегемонию в Европе, а также в планы Малой Антанты. Предложение Муссолини отвечает известным идеям Англии об установлении на некоторый срок «божьего мира». Английская концепция, однако, была неприемлема для Германии, поскольку она предусматривает продление нынешнего статус-кво. Пакт же Муссолини в некоторой

---

* См. док. № 120.

** См. док. № 108.

*** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 3—10.

мере учитывает интересы Германии и поэтому для последней более приемлем. Основную мысль «пакта четырех» Германия не может отвергнуть уже потому, что этим она противопоставила бы себе остальные три великие державы. Германия, однако, принимает этот пакт в предположении, что он не должен влиять на ее отношения с СССР и с САСШ; во всяком случае, она никогда не допустит каких-либо антисоветских решений. Германия, однако, не верит в возможность осуществления этого пакта. Англия уже колеблется и меняет текст пакта в угоду Франции и ее союзницам. Таким образом, могут совершенно исчезнуть из пакта основные тенденции Муссолини и пакт может оказаться для Германии неприемлемым. Она, однако, должна будет лавировать, чтобы не создавать впечатления срыва пакта ею. Нейрат просит передать мне, что он и в дальнейшем будет держать меня в курсе переговоров. При этом Дирксен дал мне прочитать текст оригинального предложения Муссолини, исправленного Макдональдом и Саймоном.

На вопрос Дирксена о нашем отношении к его сообщению я сказал приблизительно следующее. Если бы речь шла о сепаратных совещаниях четырех членов Совета Лиги наций по вопросам, стоящим в Совете, то наше дело было бы сторона. Мы, однако, думаем, что, несмотря на упоминание в проекте пакта рамок Лиги наций, обсуждаться будут вопросы не только лиганационные, а общеполитические, которые будут неизбежно задевать интересы не только четырех государств. При таком положении совершенно естественно отрицательное отношение к этому плану со стороны тех государств, которые остаются вне соглашения. Никакие объяснения не могут поэтому устранить недоверия, как нашего, так и других государств, к совещанию четырех. Наше недоверие может усилиться теперь, ввиду наших натянутых отношений с Англией.

На замечание Дирксена, что СССР, мол, никогда не обнаруживал стремления участвовать в подобных комбинациях, я ответил, что мы действительно никогда не совались на совещания и конференции, которые занимались вопросами, заведомо нас не касающимися. Теперь же речь идет о создании политической организации с неограниченной компетенцией и неограниченным порядком дня, а поэтому могущей включать и вопросы, задевающие наши интересы. К таким совещаниям мы не можем оставаться безучастными и равнодушными.

Относительно «приспособления» я ответил Дирксену, что мы не заставляли германские концессии и спецов приспособляться путем посылки к ним громил или избиений.

Литвинов

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕЗЮМЕ ЗАЯВЛЕНИЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ПОСЛУ ГЕРМАНИИ В СССР ДИРКСЕНУ

3 апреля 1933 г.

Г-н Посол, вероятно, читал в советских газетах о многочисленных бесчинствах, совершенных германскими официальными и неофициальными властями, как в отношении советских отделений торгпредства и других хозяйственных организаций, так и советских граждан. Эти бесчинства приняли такие размеры, которые не позволяют больше третировать их как отдельные эпизодические или локальные явления, а, наоборот, позволяют усмотреть в них вполне организованную антисоветскую кампанию, направляемую из единого центра. Эти бесчинства вызывают глубочайшее возмущение в советской общественности и в особенности среди хозяйственников. Но и само Советское Правительство вынуждено отнестись с чрезвычайной серьезностью к этим событиям и заявить, что они могут поколебать доверие к тем заверениям, которые г. Нейрат и г. Диркссн давали представителям Наркоминдела, а г. Рейхсканцлер в рейхстаге — о стремлении Германского Правительства к сохранению дружеских отношений с Союзом *. Действия германских властей по всей Германии находятся в вопиющем противоречии с этими заверениями. Вряд ли найдутся люди и вне обеих стран, которые, читая об упомянутых мною фактах и событиях, будут считать, что между СССР и Германией сохранились прежние отношения. Я уже не говорю о правовых нарушениях, допущенных при обыске в гамбургском отделении торгпредства, или неизвещении советских консульств об аресте советских граждан. Все эти аресты и обыски совершаются в большинстве случаев незаконным путем, без всякой видимости оправдания, а избиения и истязания советских граждан вряд ли могут быть оправданы законами какого бы то ни было цивилизованного государства.

Германские официальные и неофициальные власти — действуют ли они по прямым указаниям центральных органов или при их попустительстве — избрали специальной мишенью своих беззаконных нападений хозяйственную организацию «Дероп», занимающуюся сбытом советских нефтепродуктов. Эта организация фактически объявлена под бойкотом, и всяческими распоряжениями создается невозможность ее существования и работы. Более того, ей наносится непосредственный материальный ущерб бессмысленным выкачиванием из колонок бензина или бесплатным забором его. Совершенно

* См. док. № 51, 54, 57, 64.

очевидно, что все это делается по плану с определенной целью срыва сбыта советских нефтепродуктов, что является несомненным нарушением хозяйственных соглашений, недавно заключавшихся между обеими странами.

Все бесчинства в совокупности создают тяжелую атмосферу и серьезные препятствия к спокойному осуществлению советско-германских торговых отношений в настоящем и создают угрозу в будущем. Само собой разумеется, что столь явное пренебрежение к правам и интересам Союза вновь вносит неясность и в политические взаимоотношения.

Подробности событий, которые я имею в виду, Германскому Правительству известны из многочисленных устных и письменных заявлений и нот Советского Полпредства в Берлине [45]. К сожалению, все эти заявления и протесты остались без всякого внимания со стороны Германского Правительства, которое до сих пор не дало никаких объяснений и удовлетворения, не приняло никаких мер к пресечению действий германских властей и допускает дальнейшее продолжение этой практики.

Ввиду этого я вынужден по поручению Правительства заявить самый решительный протест, указать г. Послу на серьезность создавшегося положения и просить о возможно скорейших объяснениях и об ответе Германского Правительства о занимаемой им позиции, о его намерениях по пресечению дальнейших бесчинств в отношении советских учреждений и граждан и наказанию виновных.

Запись беседы и положение печати по сих.

107. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

3 апреля 1933 г.

Наши профессора * провели вчера у Кемаля почти 12 часов, до утра. Присутствовали члены лингвистической и исторической комиссии, всего 17 человек. Кемаль говорил о том, что сближение обеих стран по научной линии он рассматривает как предпосылку еще более тесного политического сближения. Последнее особенно необходимо в данной серьезной международной обстановке. Намекал на желательность встречи глав обеих стран, сказал даже, что существующую разницу режимов в дальнейшем постарается уменьшить (надежда, правда, что и мы пойдем ему навстречу). Ругал Европу, японцев и

* Речь идет об академиках Марре и Самойловиче.

Гитлера. В части чисто научного сотрудничества предложил профессорам составить конкретный план[36], упомянул о желательности объединения тюркских алфавитов. Одобрил идею создания турецкой академии наук, сказав, что существующая научная комиссия считается ее зачатком. Согласившись с замечанием наших профессоров, что академия должна работать чисто турецкими силами, сказал, что исключение сделает для советских ученых, которые рассматриваются как свои.

Астахов

Печат. по арх.

108. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку

4 апреля 1933 г.

Многоуважаемый Лев Михайлович,

Бесчинства штурмовиков и полиции по отношению к нашим гражданам и органам идут крещендо, и необходимо выступить против них со всей резкостью и решительностью перед авторитетными германскими инстанциями.

Заявлявшиеся нами до сих пор устные и письменные протесты *, очевидно, не идут дальше аусамта, может быть, не доходят даже до Нейрата, а погребаются у Мейера, который не решается компрометировать себя в глазах гитлеровцев выступлением против фашистских эксцессов.

Мы поэтому протелеграфировали Вам, чтобы Вы, не откладывая своего посещения Нейрата, в самой решительной форме поставили перед ним вопрос о необходимости немедленно прекратить безобразия и уничтожить противоречия между официальными правительственными заявлениями и повседневной безобразной практикой[37].

Мы использовали вчерашнее посещение Дирксена, приходившего к М. М. [Литвинову] и ко мне с целью представить нового военного атташе полковника Гартмана.

М. М. [Литвинов] сделал Дирксену (в отсутствие Гартмана) решительное устное представление и вручил ему письменное резюме своего представления, написанное в достаточно крепком тоне. Резюме передано Вам по телеграфу, а запись разговора идет сегодня **.

Я принял Дирксена вместе с Гартманом и, обращаясь к Гартману, перечислил происходящие безобразия и указал на необходимость устранить их, для того чтобы работа Гартмана могла протекать в благоприятной атмосфере и быть доста-

* См. док. № 53, 57, 59, 65, 81, 85, а также прим. 47.
** См. док. № 106.

точно эффективной. Цель моего заявленія Гартману была та, чтобы наши предупреждения дошли до правительства не только по линии Нейрата, но и через Бломберга: так как Гартман сегодня или завтра уезжает на некоторое время в Берлин, то он будет докладывать Бломбергу о положении дел под свежим впечатлением разговора со мной. Запись моего разговора Вам также отправляется сегодня [87].

Первоначально мы решили, что Вы при свидании с Нейратом вручите ему ноту протеста за Вашей подписью, чтобы этим подчеркнуть важность Вашего протеста и закрепить в письменной форме его содержание. Однако, поскольку Литвинов вручил уже письменное резюме своего демарша, мы признали более целесообразным, чтобы не вручали сейчас ноты, а вручили Нейрату лишь немецкий текст литвиновского резюме. О заявленном т. Литвиновым протесте мы дали в печать. Опубликование же резюме пока откладываем. Если безобразия не прекратятся и придется делать следующий шаг, мы поручим Вам все-таки вручить ноту и опубликуем тогда уже *ноту, а не резюме вчерашнего протеста.*

Необходимо, чтобы германское правительство, в частности Гитлер, поняло, что нынешнее положение продолжаться не может, что мы с ним мириться не станем. Только в этом случае можно рассчитывать на прекращение безобразий.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

109. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славуцкому

4 апреля 1933 г.

По имеющимся сведениям, консульство Маньчжоу-Го в Чите распространяет среди местных китайцев воззвания, содержащие резкую критику Наикина и китайского консула в Чите и призывающие к переходу в подданство Маньчжоу-Го.

Мы предложили нашим властям категорически заявить маньчжурскому консулу прекратить подобную работу.

Устно проинформируйте об этом Ши Люй-бэня и предложите ему проинструктировать своего консула во избежание недоразумений [88].

Л. Карахан

Печат. по арх.

110. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсеенко *

4 апреля 1933 г.

Уважаемый товарищ,

1. Торжество Гитлера в Германии и прогрессирующая офензива ревизионистских элементов в Европе продолжают усиливать настроение за сближение с нами в Польше и вызывают со стороны польского правительства стремление преувеличивать перед внешним миром улучшение отношений с СССР. В этом направлении ведется систематическая пропаганда. В прессе разных стран появляются неверные сообщения, исходящие в основе из польских источников, о заключении между Польшей и СССР далеко идущих соглашений и об установлении единого фронта Польши и СССР против Гитлера. Дело доходит до того, что полуофициальные представители польского ** правительства, вроде Литауера, и корреспондент ПАТ или «Газеты польской», не стесняясь присутствия первого секретаря полпредства т. Толоконского, уверяли английских собеседников в наличии соглашения между Польшей и СССР, позволяющего первой сосредоточить свои силы против Германии. Аналогичное заявление было сделано недавно одним из французских депутатов на заседании комиссии по иностранным делам палаты депутатов. Во всей Прибалтике твердо распространено убеждение, что Польша и СССР окончательно договорились и что вследствие этого заключение блока между прибалтами и Польшей не может быть направлено против СССР, а исключительно против Германии. Даже такой политик, как Цнеленс ***, заявляет об этом открыто, ссылаясь многозначительно на то, что он имеет абсолютно аутентичную информацию о полной договоренности между Польшей и СССР.

2. Инициатива встречи Пилсудского с Вами продиктована, очевидно, соображениями того же порядка. Это видно из пущенного широко по всей заграничной прессе из польских источников сообщения о предстоящем приеме Вас Пилсудским с подчеркиванием особого значения предстоящей Вашей беседы с маршалом. По-видимому, сообщение для прессы было заготовлено заранее и было опубликовано не предупрежденной об отсрочке встречи газетой «Наш пшеглонд», которая сообщила о состоявшейся важной двухчасовой беседе между Вами и маршалом [73].

3. Если, однако, приглашение Вас Пилсудским преследует цель укрепить в Германии и других странах представление о

---

* Печатается с сокращением.

** В тексте ошибочно — литовского.

*** Председатель комиссии по иностранным делам сейма Латвии.

договоренности между Польшей и нами, то это, конечно, не исключает того, что маршал, как сообщил Вам Бек *, может коснуться в беседе с Вами тех или иных конкретных вопросов, в частности вопросов о сплаве по Неману и о польско-литовских отношениях. В этом случае, как я Вам уже телеграфировал, Вам следует заявить, что мы заинтересованы в пропуске нашего леса по Неману, что Литва дала на это свое согласие и что остановка только за Польшей. Сплав можно осуществить и без собственных консульских представителей, передав необходимые функции консулам какой-нибудь дружественной страны. Если бы маршал заговорил о том, что мы ввиду своей заинтересованности могли бы взять на себя роль посредников, уговорив Литву принять польские условия для возобновления сплава и прежде всего согласиться на обмен консульскими представителями, то Вам следует указать, что мы считаем свое посредничество бесполезным ввиду резко отрицательной позиции Литвы к выдвинутым Польшей условиям. Наконец, если бы, чего я не ожидаю, Пилсудский заговорил вообще о польско-литовских отношениях и о том, что мы могли бы содействовать их нормализации, Вам следовало бы заявить, что в согласии с нашей традиционной политикой мира и с обещанием, данным в Рижском мирном договоре **, мы приветствовали бы примирение Польши с Литвой и признали бы всякое соглашение, которое они заключили бы между собой по спорным вопросам, однако мы не считаем целесообразным свое вмешательство в это дело ввиду чрезвычайной сложности и щепетильности разделяющих Польшу и Литву вопросов. В остальном, как я уже Вам сообщил, необходимо предоставить инициативу беседы Пилсудскому, не ставя перед ним конкретных вопросов, а в случае постановки им таких вопросов обещать запросить по ним директивы Советского правительства.

4. Само собой разумеется, мы не заинтересованы в том, чтобы разоблачать попытки польского правительства преувеличивать перед внешним миром размеры достигнутого соглашения между нашими странами. Это не противоречит нашим интересам и может оказать весьма полезное влияние на политику германского правительства. Исключением является Прибалтика, где мы для борьбы с движением за образование польско-прибалтийского блока вынуждены разоблачать распространяемые поляками и их агентами версии, будто между нами и Польшей имеется какая-то особая договоренность, направленная против Германии.

---

* См. док. № 99.

** См. т. III, док. № 350.

5. Нам представляется несколько загадочной позиция эндеков *, значительно ослабивших за последнее время свои антигерманские выступления в печати. Получается впечатление, что в лагере эндеков имеется известная разноголосица в оценке опасности, угрожающей Польше со стороны Германии. Прошу Вас попытаться выяснить позицию эндеков в отношении Германии [89]. [...]

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI. М., 1969, стр. 34—35.

111. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

Немедленно
4 апреля 1933 г.

Был у Нейрата. Обратил его вниманне на большое количество нот протеста по поводу нарушения прав и интересов СССР, посланных ему посольством СССР в последнем месяце [45], а между тем не вижу необходимых результатов и соответствующего воздействия со стороны германского правительства. Далее сообщил, что имею поручение от народного комиссара иностранных дел Литвинова прочесть и передать ему резюме его беседы с Дирксеном **. Нейрат еще не имел от Дирксена сообщения. По прочтении и передаче ему резюме я указал, что в резюме отсутствует указанне о происходившем неслыханном безобразном обыске лейпцигского отделения торгпредства, во время которого подверглись оскорблению наши ответственные сотрудники и даже Советский Союз. Кроме того, наши пароходы, приходящне в гамбургскую гаваиь, подвергаются обыску; ищут, конечно безрезультатно, оружие. Наконец, я ему продемонстрировал цифрами снижение сбыта наших нефтяных продуктов в Кельне, Франкфурте, других пунктах, указал, что «Дероп» [46] также причислен к бойкотируемым фирмам.

Нейрат сообщил, что он в курсе наших нот, все время борется против эксцессов. Он говорил неоднократно по этому поводу с Гитлером, рекомендуя ему взять в узду своих людей. Он считает, что такая политика Гитлера изолирует Германию и вреднт ему самому. Нейрат безуспешно боролся против бойкота евреев (?), особенно с точки зрения внешней политики. Нейрат констатирует доброе желание Гнтлера, но не все ои может. Нейрат доложит Гитлеру резюме беседы.

---

* — национал-демократов *(польск.)*.

** См. также док. № 106.

Сегодня же [он] будет иметь разговор с Гугенбергом по поводу «Дероп» и предложит послать обращение в германские страны * о прекращении безобразий с «Дероп» и оказании содействия сбыту «Дероп» нефтепродуктов. Я обратил внимание на серьезность положения, на возмущение нашей общественности и промышленных кругов и подчеркнул, что правительство мое ждет немедленных энергичных мер к устранению всех эксцессов и привлечения виновных к ответственности. На мой вопрос, какая роль отводится Розенбергу, Нейрат ответил, что Розенберг не любим партией и его назначение ** — это якобы пустая формальность и не будет иметь влияния на внешнюю политику. В конце Нейрат просил спокойнее относиться к событиям, заявляя снова о неизменно дружественных отношениях германского правительства к СССР. Я ответил, что время уверений прошло, надо доказать это соответствующими делами.

От агентства Вольфа ТАСС узнал о попытке извратить содержание моей беседы с Нейратом, будто в ответ на мое представление Нейрат заявил, что Германия не потерпит вмешательства во внутренние дела. Я немедленно позвонил Нейрату, который ответил, что это не исходит от него и он сейчас наведет справку. Поэтому я в свою очередь дал краткое сообщение через ТАСС ***.

Хинчук

Печат. по арх.

112. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном

8 апреля 1933 г.

Сославшись на недавнюю беседу со мной ****, Дирксен сообщил по поручению своего правительства, что все случаи оскорбления советских граждан будут расследованы и что, кроме того, германское правительство позаботится о беспрепятственной работе советских хозяйственных организаций в Германии в соответствии с существующими соглашениями. Что касается «Дероп»[46], то расследования показали, что немецкие служащие, состоявшие на 85% из германских коммунистов, занимались активной коммунистической работой, что и дало повод для обысков. Германское правительство надеется

---

* Имеется в виду — земли.

** — на пост заведующего внешнеполитическим отделом нацистской партии в марте 1933 г.

*** См. газ. «Известия», 5 апреля 1933 г.

**** См. док. № 106.

поэтому, что впредь служащие наших хозяйственных органов не будут заниматься политикой. Диркссн также сообщил о готовности германского правительства провести в ближайшее время ратификацию Берлинского договора * и что Дирксен ожидает документов для обмена с ближайшей почтой. Германское правительство настаивает, чтобы одновременно было опубликовано сообщение о ратификации СССР и Германией [90].

Я сказал: Я ожидал по крайней мере выражения от имени германского правительства сожаления по поводу всего случившегося. Несмотря на то что некоторые события, послужившие предметом жалоб, имели место пару недель тому назад, германское правительство только теперь собирается расследовать их, между тем оно вовремя было извещено о них нашим полпредством. Я не знаю точного процента германских коммунистов в «Дероп», но я все-таки не вижу, почему это обстоятельство могло дать повод для обысков в помещениях «Дероп». Если служащие занимались политикой, то они это делали как частные граждане, а не как служащие «Дероп» и, конечно, вне помещения «Дероп». Я не сомневаюсь, что во многих германских учреждениях и торговых домах служат германские коммунисты, и это вряд ли вызывало обыски во всех этих учреждениях. «Дероп», как коммерческая организация, политикой не занимается и не давал никакого повода подозревать его в чем-либо подобном. Поэтому считаю обыски совершенно необоснованными. Приведенное Дирксеном обстоятельство, во всяком случае, не оправдывает случаев выкачивания из колонок «Дероп» бензина или бесплатного перекачивания его в национал-социалистские автомобили. Я надеюсь поэтому, что и эти случаи будут расследованы. Далее, г. посол ничего не сказал в оправдание обысков в отделениях торгпредства и на советских судах. Я хотел бы знать, могу ли я понять заявление посла в том смысле, что правительством по крайней мере приняты меры для предупреждения подобных случаев в будущем.

Дирксен ответил: Насколько ему известно, по поводу некоторых случаев, как, например, избиения Ишлонского, в Берлине уже было выражено сожаление. Я его неправильно понял, будто случаи будут расследованы. Расследование уже производится. Обыски в отделениях торгпредства не являются нарушением соглашений и формально законны. Мое толкование его заявления о пресечении печальных случаев в будущем он считает правильным.

Я возразил, что протестовать и жаловаться можно не только по поводу формальных нарушений договоров. Мы, несомненно, имеем формальное право арестовать всех находящихся в СССР германских граждан, но, если бы мы это сде-

* См. подстрочное примечание * на стр. 136.

лали, германский посол вряд ли удовлетворился бы моей ссылкой на наше формальное право.

Напомнив Дирксену о неприличной выходке агентства Вольфа после последнего свидания т. Хинчука с фон Нейратом *, я сказал, что я действую открыто и прямо заявляю ему, что намерен дать краткое коммюнике, по крайней мере о первой части моей беседы с ним **. Дирксен был явно озадачен этим и спрашивал, нельзя ли обойтись без этого. Я ему указал на необходимость несколько успокоить возбужденную у нас общественность, отметив, что вряд ли в интересах Германии, чтобы население Союза оставалось долго под впечатлением безрезультатности нашего протеста. После некоторых колебаний Дирксен предложил упомянуть в моем сообщении о выраженной им надежде, что наши хозяйственные органы прекратят связи с немецкой компартией. Я возражал против этого и под конец согласился упомянуть об этом при условии, что я в сообщении же отмечу необоснованность предположения о связи наших хозяйственных органов с компартией. После некоторого спора Дирксен согласился.

2. Дирксен сообщил, что, по наведенным справкам, оказалось, что мобилизационные мероприятия Польши не представляют собой ничего необычного и не отличаются от известных пробных мобилизаций.

3. На мой вопрос о судьбе «пакта четырех» *** Дирксен не мог мне ничего нового сообщить. Со своей стороны я конфиденциально ему сообщил, что в Женеве Малой Антантой был сделан зондаж относительно возможности заключения с нами пакта о ненападении со всем блоком или с каждой из трех стран в отдельности и что мы поставили условием принятие Румынией без всяких оговорок выработанного в Женеве проекта пакта, на чем зондаж прекратился ****.

Литвинов

Печат. по арх.

113. Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

9 апреля 1933 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

1. О торговых переговорах пишу подробно отдельно т. Сокольникову[91]. У меня еще нет всех элементов, необходимых

---

* См. док. № 111.

** См. газ. «Известия», 9 апреля 1933 г.

*** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 3—10.

**** См. док. № 66, 71, 77.

для ответа на вопрос о том, чем объясняется перемена позиций французского правительства в отношении правительственного гарантирования кредитов. В области догадок мыслимы следующие соображения. 1) Французы заняли более жесткую позицию в учете удара, под которым находится советский экспорт в Англию, и обострения германо-советских отношений. 2) Даладье, желая дольше оставаться у власти, боится пойти на «ассюранс кредн», которое встретит многочисленных и сильных противников в обеих палатах. 3) Стремясь сделать дальнейший серьезный шаг в деле франко-советского сближения, Даладье хочет устранить стоящий на пути такого сближения вопрос о долгах путем разрешения его в отношении мелких держателей. В этом последнем разрезе характерны циркулирующие в Париже за последнее время разговоры о необходимости установления курса на серьезную и прочную франко-советскую дружбу путем радикального разрешения вопроса о долгах и финансовой поддержке Советского Союза в виде займа. В этом же разрезе, мне думается, следует понимать и назначение Альфана *, являющегося сторонником мысли о необходимости и своевременности удовлетворения мелких французских держателей в целях прочной нормализации франко-советских отношений и закрепления и развития дружественных отношений. Надеюсь, что моя встреча с Даладье, назначенная на среду 12-го сего месяца **, прольет некоторый свет.

2. О декрете 20 марта я пишу также т. Сокольникову[75]. Пьер Кот передавал мне, что на заседании совета министров большинство в резкой форме упрекало министра торговли Серра за декрет. Серр, видимо, старается найти выход из создавшегося положения, но пока безрезультатно. Вчера у Серра должно было состояться заседание с участием представителей министерства финансов и МИД. Завтра узнаем, состоялось ли оно и какие дало результаты.

3. «Пакт четырех» тут считают практически провалившимся. По общему мнению, французские поправки *** в корне меняют идею Муссолини и Макдональда и или будут отвергнуты, или же приведут к заключению еще одного пакта, лишенного точного содержания и четкой установки. Давление на французов со стороны Польши и Малой Антанты было произведено большое. Титулеску перевидал в Париже всех более или менее выдающихся политических деятелей. Сторонники «пакта четырех» в кабинете, как, например, де Монзи **** и

---

* Начальник кабинета министра иностранных дел Франции, назначенный послом в СССР.

** См. док. № 116.

*** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI. М., 1934, стр. 3—10, 12—14.

**** Министр национального просвещения Франции.

Пьер Кот, рвут и мечут против Малой Антанты и Польши, которые-де тяжелым грузом висят на Франции, не давая ей выйти из состояния изоляции. Позиция же противников пакта, в том числе и Даладье, была сильно укреплена настойчивыми демаршами Малой Антанты и Польши. Поль-Бонкур занимал промежуточную колеблющуюся позицию, чем сильно ослабил свое положение. Серьезно поговаривают о том, что Даладье тяготится им и готов при первом удобном случае освободиться от него. В широких политических кругах кредит и авторитет Бонкура сильно пали.

Интересно отметить, что на последнем заседании Генеральной комиссии в Женеве Бенеш, заговорив со мной о «пакте четырех», сказал, что если Малой Антанте не удастся провалить пакт, то перед ней станет вопрос о заключении в противовес директории другого пакта с участием СССР. Мы, конечно, знаем цену словам Бенеша, но это высказывание все же характерно для определения степени раздражения, вызванного в Малой Антанте проектом директории.

С товарищеским приветом

В. Довгалевский

Печат. по авх.

114. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Дежаном и советником Посольства Франции в СССР Пайяром

10 апреля 1933 г.

Визит Дежана, явившегося вместе с Пайяром, носил несколько загадочный характер. Они начали с того, что происходят, мол, в настоящее время важные события, о которых им хотелось бы со мной поговорить, причем спросили, имею ли я какую-либо информацию о «пакте четырех». Я ответил, что меня информировали о пакте германский * и итальянский [92] послы несколько времени тому назад и о дальнейших переговорах я знаю только сообщаемое газетами. Дежан и Пайяр оказались еще менее информированными о пакте. На вопрос о нашем отношении к пакту я дал те же разъяснения, что раньше Дирксену и Аттолико. Дежан заметил, что участие Франции является гарантией невозможности каких-либо антисоветских решений. Я сказал, что это может быть верно в отношении Франции сегодняшнего дня, но не завтрашнего. Я пояснил, что намечающееся советско-французское сближение является выражением политики партий, стоящих ныне у власти во Франции, и что нельзя еще ручаться за продолжение той же поли-

* См. док. № 106.

тики в случае прихода к власти правых партий. Дежан, естественно, возразил, что французская политика отличается постоянством и не обязательно меняется со сменой правительств.

Имея в виду высказанное мной отрицательное отношение к пакту, Дежан спросил, не сближает ли нас эта позиция с Малой Антантой, которая также возражает против пакта. Я подтвердил, что общее отрицательное отношение к пакту создает некоторую общую платформу для стран, не участвующих в пакте, но что никаких выступлений на этой платформе не было и, кажется, не предвидится. Пайяр спросил, не было ли за последнее время сближения между нами и Малой Антантой, причем сослался на разговор Довгалевского и Титулеску в Женеве. Я разъяснил, что Довгалевский с Титулеску в Женеве не встречался, но что действительно был зондаж со стороны Малой Антанты, который никаких результатов не дал *. Дежан и Пайяр долго останавливались на этом вопросе, и у меня создалось впечатление, что целью визита был зондаж о нашем отношении к Малой Антанте.

Расспрашивали мои собеседники между прочим и о нашем отношении к ревизионизму и к новой Германии. Я ответил, что новые люди в Германии заверяют нас в стремлении к сохранению прежних отношений с СССР, но, поскольку это все же новые люди, мы не даем доверия авансом и присматриваемся к ним и к их действиям. Нас не может интересовать в одинаковой мере ревизия всех договоров. Например, изменение границ между Малой Антантой и Венгрией или Югославией и Италией наших интересов не затрагивает. К изменению же польско-германской границы и перекройке Балтийских государств мы не можем относиться безучастно. В Прибалтике для нас так же нежелательна польская экспансия, как и германская. Мы заинтересованы в сохранении независимости всех Прибалтийских государств, и в особенности Литвы.

Литвинов

Печат. по арх.

115. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому

11 апреля 1933 г.

Считаем целесообразным, чтобы Вы повидались с Эррио до его отъезда в Америку. Заведите разговор на общие темы, упомяните о нашем отрицательном отношении к «пакту четы-

---

* См. док. № 77.

рех» ввиду неограниченности его компетенции и возможности вовлечения вопросов, задевающих наши интересы, не говоря уже о слухах о специально антисоветском остриё пакта. Скажите, что у нас рассуждают обыкновенно по формуле «без нас — следовательно, против нас». Исходя из этой формулы, у нас встревожены также исключением нас из предварительной экономической конференции в Вашингтоне [93]. Вы ни о чем конкретно Эррио не должны просить, пусть он сам, если сочтет нужным, на основании Ваших слов подымает вопрос в Америке о привлечении нас *.

Литвинов

Печат. по арх.

116. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

12 апреля 1933 г.

Сегодня я затронул с Даладье в основном торговые отношения: декрет 20 марта и торговые переговоры **. Даладье ругал декрет и обещал поторопить министра торговли, которому поручено найти выход для отмены его действия в отношении нас. Далее, предупредив, что не буду касаться технических деталей, я изложил в политическом разрезе перипетии торговых переговоров, начиная с 1930 г. Перейдя к нынешней стадии переговоров, я связал наше согласие на контргарантирование кредитов с гарантией французского правительства, в пользу которой высказался кабинет Эррио и от которой, по-видимому, отходит Патенотр ***. Я доказывал Даладье, что без правительственной гарантии мы ни в коем случае не сможем пойти на контргарантию, которая в этом случае приняла бы форму нашей гарантии без гарантии французского правительства, чем вопрос был бы поставлен на голову. Я постарался убедить Даладье, что без правительственной гарантии не только не будет уверенности, что соглашение о заказах и кредитах, если бы оно было достигнуто по какой-либо другой формуле, будет выполнимо, но, наоборот, можно предвидеть, что оно приведет сразу же в процессе реализации к нескончаемым недоразумениям и спорам с промышленниками. Я заключил заявлением, что нам надо искать соглашение о такой формуле, которая обеспечила бы его реализацию и явилась бы шагом

---

* См. также док. № 118.

** См. док. № 88, 113.

*** Государственный секретарь по вопросам национальной экономики Франции.

вперед во франко-советском сближении, а такой формулой может быть только правительственная гарантия кредитов. Сославшись на одобренную обоими правительствами программу переговоров 1931 г. *, я подчеркнул вред от эвентуальной увязки кредитов с долгами, к каковой мысли начинают, по-видимому, опять возвращаться чиновники министерства и министерства торговли. Даладье согласился, что не следует увязывать кредиты с долгами и соглашение должно быть заключено такое, чтобы оно отображало добрые отношения и привело к укреплению дружбы между обеими странами. Он высказал соображение, что нашей контргарантии может быть достаточно, чтобы убедить палаты и общественное мнение в целесообразности предоставления французской правительственной гарантии. Он записал мои доводы и обещал переговорить с Патенотром и дать ему указания для скорейшего продвижения переговоров. Мы условились встретиться еще раз после 20 апреля **.

На прощание мы коснулись «пакта четырех». Даладье намекнул, что он не мог просто отклонить пакт ***, к которому он относится враждебно, но что меморандум и поправки лишают его характера диверсии. Бонкур предложил указать в меморандуме, что пакт не должен предусматривать решение участниками пакта вопросов, «интересующих других членов Лиги наций, в частности Малую Антанту и Польшу», но по настоянию Даладье в меморандуме сказано: «...интересующих другие государства, хотя бы они и не состояли членами Лиги наций». Даладье подчеркнул, что имел при этом в виду СССР. Я изложил нашу точку зрения на пакт. Даладье подтвердил, что в Париж были подосланы гитлеровские эмиссары, развивавшие перед влиятельными французами те же идеи, что в свое время развивал Папен перед Эррио ****. Даладье подчеркнул, что ни за что на это не пойдет. Я изложил Даладье мои беседы с Бенешем *****. Он согласился, что если во главу угла поставить переговоры об урегулировании бессарабского вопроса, то значит идти на верный срыв. Идея пакта между СССР и Малой Антантой ему очень понравилась.

Полпред

Печат. по др.

---

* См. т. XIV, док. № 144, 159 и стр. 325.

** См. док. № 136.

*** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 12–14.

**** См. т. XV, док. № 409.

***** См. док. № 77.

117. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Вне очереди
13 апреля 1933 г.

Сегодня Саймон пригласил меня в форин офис и имел со мной разговор о положении дел, который продолжался около часа. В кабинете Саймона все время присутствовал также Ренсимен *, но он принимал слабое участие в беседе и лишь иногда вставлял реплики и замечания. Саймон старался быть весьма любезным и несколько раз подчеркивал, что чрезвычайно ценит добрые политические и экономические отношения с СССР. Ренсимен его в этом поддерживал. Суть разговора состояла в следующем. Саймон совершенно ясно дал понять, что, если суд оправдает или хотя бы депортирует арестованных англичан [82], то английское правительство не будет применять эмбарго, возобновит торговые переговоры и согласится на беспрепятственное функционирование торгпредства вплоть до заключения нового торгового договора. Если же, наоборот, хоть один англичанин будет осужден, то английское правительство будет вынуждено «под давлением общественного мнения» сразу же после приговора наложить эмбарго на советский экспорт (Саймон при этом прибавил, что в министерстве торговли уже сделаны все необходимые приготовления). Я ответил Саймону, что его предложения являются продолжением той политики «большой дубинки» («бигстик»), которую английское правительство усвоило с самого начала нынешнего конфликта и которая привела лишь к чрезвычайному обострению англо-советских отношений. Я перечислил все важнейшие проявления этой политики (поведение Овия в Москве **, выступления Болдуина [83] и Томаса [84], приостановка торговых переговоров, билль об эмбарго [94] и пр.) и весьма резко заявил, что политика «большой дубинки» была и останется обреченной на неудачу. Я выразил также глубокое изумление, как это форин офис с его вековым опытом международных отношений мог вообразить хотя бы на минуту, что с помощью «дубинки» можно чего-то добиться от великого, независимого и суверенного государства. Дальше я подчеркнул, что советский суд есть независимый суд, что Советское правительство не может влиять на его решения и что поэтому весь разговор Саймона об оправдательном вердикте является совершенно неуместным. Саймон был несколько смущен и стал оправдываться. Он признал мои разъяснения по поводу советского суда вполне убедительными и начал заверять, что ему и в

* Министр торговли Великобритании.
** См. док. № 103, 120.

голову не приходило аргументировать с помощью «дубинки», он-де вовсе не угрожал, он просто как министр иностранных дел считал своим долгом информировать меня как посла СССР о том, что должно случиться, если кто-либо из англичан будет осужден нашим судом. Он очень сожалеет об этом, но бессилен противодействовать несчастному ходу событий. Он хотел бы спросить меня, каким способом было бы возможно предотвратить надвигающуюся на нас катастрофу. Я ответил, что если Саймон действительно стремится к благополучной ликвидации нынешнего конфликта, то он должен прежде всего отбросить в сторону свою «дубинку» и перейти на метод «дружественных переговоров». Он должен спокойно выждать вердикта суда и не допустить каких-либо поспешных шагов после вынесения приговора. Саймон спросил: есть ли какая-либо апелляционная инстанция на решение Верховного суда? Я ответил, что имеется лишь ЦИК, который в порядке помилования может изменять приговоры Верховного суда. Саймон тут внезапно заволновался и опять заговорил о том, что «общественное мнение» в Англии сейчас чрезвычайно возбуждено и что если кто-либо из англичан будет осужден, то английское правительство вынуждено будет сразу же после приговора ввести в действие закон об эмбарго. Я возразил, что не мне давать совет английскому правительству, но что я как советский посол отнюдь не в порядке угрозы, а лишь в порядке информации считаю своим долгом довести до сведения Саймона как министра иностранных дел, что, по моему личному мнению, случится, если английское правительство после вынесения приговора объявит эмбарго: в этом случае негодование нашего общественного мнения будет столь велико, что ни ЦИК, ни Советское правительство, даже если бы у них было к тому желание, не смогут ничего сделать для смягчения участи осужденных. В заключение Саймон выразил твердую надежду, что вопрос об эмбарго никогда не станет вопросом практической политики, и заявил, что хотя он сегодня же уезжает на пасху (14—18 апреля) из Лондона, но что он готов в любой из пасхальных дней встретиться со мной, если я того пожелаю. Саймон передал мне также для пересылки вам свое сегодняшнее парламентское заявление об англичанах, которое я отправил вам клером [95].

Майский

Печат. по арх.

118. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

14 апреля 1933 г.

Я посетил Эррио, которому сказал, что со времени нашего недавнего свидания произошло то новое, что Вашингтон разослал множество приглашений, среди которых мы, однако, не фигурируем, и мне хотелось бы знать, как именно Эррио расценивает это обстоятельство. Эррио ответил, что понимает и разделяет мое недоумение. Он понимает, что нас это не может не заботить, и обязательно займется этим вопросом в Вашингтоне, так как не видит выхода из мирового тупика без участия Америки и СССР. От своего имени я развил перед ним аргументацию, содержавшуюся в Вашей телеграмме от 11 апреля 1933 г. *, но сделал это в виде продолжения недавней моей беседы с Эррио[36]. Эррио подчеркнул, что прекрасно понимает меня, и несколько раз повторил, что обязательно займется в Вашингтоне вопросом о нашем участии. Что касается «пакта четырех», то, по мнению Эррио, его можно считать похороненным. Эррио обещал по возвращении из Вашингтона заняться франко-советскими торговыми переговорами. Он намекнул, что вообще считает необходимым перейти в русском вопросе от мелких дел к политике больших дел: надо крепко поддержать и серьезно помочь СССР в его финансовых делах. Эррио намекнул также, что надеется быть в состоянии вплотную приступить к этому плану с осени. Об Англии Эррио отзывался очень холодно и с раздражением.

Довгалевский

Печат. по арх.

119. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Швеции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

14 апреля 1933 г.

Министр иностранных дел Сандлер вызвал меня и в письменной форме передал конфиденциальное предложение шведского правительства о разрешении вопроса касательно золотых слитков, депонированных в «Эншильда-банк». Формулировка Сандлера гласит: шведское правительство отказывается за себя и за Красный Крест от всех требований, касавшихся претензий Красного Креста или администрации государственной железной дороги по транспорту инвалидов или других перевозок, совершенных во время войны.

---

* См. док. № 115.

Советское правительство отказывается в настоящем и будущем от всех прав на золото и ангажируется не поддерживать требований на него со стороны третьих лиц.

Шведское правительство передает в свободное распоряжение Советского правительства сумму в 5 млн. шведских крон.

Шведское правительство открывает с 11 апреля 1933 г. Советской власти кредит под гарантию в 3 млн. крон на срок свыше обычного. О сроке Сандлер объяснил, что предполагается договориться.

5 млн. золотых руб. в Швеции в настоящий момент оцениваются в 12,5 млн. крон. Следовательно, у шведского правительства остается 4,5 млн. крон. Данное предложение шведского правительства явилось результатом ряда частных бесед полпреда и торгпреда с членами социал-демократического кабинета после того, как министр иностранных дел Сандлер и министр финансов дали нам понять о готовности кабинета разрешить с Советским правительством вопрос о золоте, обходя «Эншильда-банк». А также после того, как я и торгпред втолковали шведскому правительству, что вступление в переговоры возможно только при условии беспрепятственного получения нами золота и отказа шведского правительства от всяких старых претензий. Сандлер, передавая мне предложение шведского правительства, подчеркнул отказ шведского правительства от старых претензий, как показывает его формулировка. Следуя Вашим директивам [97], я держалась в пределах зондажных разговоров. Сандлер в порядке реванша отметил, что официальные переговоры могут начаться лишь после получения согласия Советского правительства на предложение шведского правительства; Сандлер подчеркнул также срочность решения ввиду близости конца сессии. В середине мая опасаются смены кабинета. Считаю, что это единственный благоприятный для нас момент, при котором возможно разрешение золотого вопроса. Недавно вместе с торгпредом еще раз при зондаже директора «Эншильда-банк» Валленберга установили полную его несговорчивость и категорическое его нежелание выдачи нам какой бы то ни было свободной части золота. Нам также достоверно известно, что кабинету важно именно сейчас провести урегулирование золотого вопроса помимо и вопреки Валленбергу. Повторяю и сигнализирую, что, если не разрешить вопрос о золоте в данный, особо благоприятный момент, он застрянет снова на длительный, многолетний срок *.

Коллонтай

Печат. по арх.

---

* См. док. № 150, 191.

120. Сообщение советской печати о беседах Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова с Послом Великобритании в СССР Овнем

16 апреля 1933 г.

Мы печатаем ниже запись бесед народного комиссара по иностранным делам т. М. М. Литвинова с английским послом в Москве сэром Эсмондом Овнем. Содержание этих бесед, особенно бесед от 19 и 28 марта, к сожалению, неизвестно английскому общественному мнению. Некоторые министерства иностранных дел считали возможным издать по поводу ареста английских инженеров сборники сообщений, в которых имеются сведения такого порядка: один обвиняемый страдает от несварения желудка, а другой — от отсутствия «подкрепляющих» напитков. Но эти министерства не считали необходимым сообщить содержание бесед английского посла с народным комиссаром по иностранным делам. Этот странный способ издания дипломатических документов, однако, неудобен как с исторической, так и с политической точки зрения. Он лишил общественное мнение Англии возможности познакомиться со спокойной твердостью, проявленной народным комиссаром по иностранным делам, которая не могла бы остаться без влияния на английское общественное мнение. В отличие от некоторых министерств иностранных дел, считающих возможным ручаться за невиновность людей, которых не знают, и судить о делах, не имея никакого документального материала, т. Литвинов вопрос о виновности или невиновности арестованных оставлял решать суду и доказывал английскому послу, что Советское правительство не откажется от права расследовать весь материал, касающийся вины арестованных, и передать суду весь этот материал, какие бы угрозы ни были пущены в ход. Мы надеемся, что запись бесед народного комиссара по иностранным делам с английским послом будет прочтена теперь в Англии и окажется не без влияния на английское общественное мнение.

Ход процесса, наверно, уже подсказал представителям английского правительства, что для них было бы лучше, если бы они проявили столько же спокойствия в этом деле, сколько представители Советского правительства. Но лучше следовать хорошему примеру поздно, чем никогда.

I. 16 марта 1933 г.

Заявив, что он пришел по поручению своего правительства, сэр Эсмонд Овий пространно говорил о том впечатлении, которое аресты [82] произвели в Лондоне, и о тех тяжелых последствиях, которые это может иметь для торговых переговоров и для наших отношений вообще. Он, сильно волнуясь, прочитал мне заявление г. Болдуина в парламенте [83], особенно подчеркивая то место, где г. Болдуин выражал свое полное убеждение в невиновности арестованных. В Лондоне не найдется ни одного человека, который поверил бы, что арестованные, хорошо в Англии известные, занимались вредительством или совершали другие преступления. Непонятны также и мотивы, которые заставляли бы их так поступать. В Англии тем более сильно волнение, что еще на днях было опубликовано сообщение ОГПУ о расстреле без суда 35 человек и что арестованные

англичане находятся в руках той же самой власти и могут ожидать такой же участи. Монкхауз *, естественно, рассказывал послу о допросах, и посол находит их совершенно смехотворными. В Англии не могут понимать, каким образом человек может быть виноват за порчу машины. Непонятен также в Англии термин «экономический шпионаж». Там полагают, что человек, живущий в какой-либо стране, имеет право интересоваться всем, что там происходит и собирать необходимые для этого сведения. При этом сэр Эсмонд долго говорил на тему a habeas corpus и о либерализме английских законов. Мы, по его мнению, должны учитывать заявление г. Болдуина, а также тяжелые последствия для наших взаимоотношений и немедленно освободить арестованных, объявив, что вина их не подтвердилась.

Выслушав посла, я ему сказал следующее:

Я совершенно не понимаю связи с данным делом расстрела 35-ти, который ни в какой мере Англии не касается. У нас имеется законная власть, заботящаяся о безопасности страны и действующая на основании законов и распоряжений правительства. Ее обязанность — вскрывать нарушения законов, все случаи нанесения ущерба и вреда государству и наказывать виновных, независимо от того, являются ли они советскими или иностранными гражданами. Если она имеет доказательства или сведения о виновности какого-либо иностранца, то она не может игнорировать их и не принимать никаких мер только потому, что это произведет тяжелое впечатление за границей. Безопасность государства выше соображений о подобных впечатлениях. Я не заподозриваю в искренности убеждения г. Болдуина о невиновности арестованных, но наши следственные власти не могут на этом основании освободить их без всякого разбирательства дела и вопреки имеющимся сведениям и доказательствам или даже собственным признаниям арестованных. Все то, что говорил сэр Эсмонд, сводится к предложению об изъятии британских граждан из советской юрисдикции и о предоставлении им иммунитета от ареста и суда. Сэр Эсмонд должен понять, что мы такого предложения не только не можем принять, но даже и рассматривать. Нельзя также допустить и положения, когда арестованный и находящийся под следствием был бы выпущен только на основании заявления его правительства о его невиновности. Конечно, арест иностранцев иногда временно ухудшает отношения между государствами, но такие аресты имеют место не только у нас, но и во всех странах. Недавно был арестован и осужден в Италии директор политехнической школы во Франции, весьма почтенный профессор. Равным образом в Японии недавно

* Один из арестованных английских инженеров.

было выдвинуто обвинение в шпионаже против представителей одного из крупнейших американских банков. Это может создавать временно трения между правительствами, но ни одно суверенное государство не может отказаться от своего права преследовать, задерживать и судить иностранцев, нарушающих его законы и интересы. Возобновляя отношения с нами, Англия знала, что у нас есть законы, отличные от английских, и также формы следственных действий иные, чем в Англии. К нам приезжали, у нас жили, работали и обратно уезжали сотни англичан, не подвергавшиеся ни разу задержанию. У нас теперь живут тысячи немцев и американцев, и власти их не тревожат. Наконец, и представителей «Метрополитен-Виккерс» в течение 10 лет не тревожили. Все это показывает, что иностранцам у нас обеспечена такая же свобода, как и в других странах, и что аресты являются эпизодическими случаями. Международные отношения определяются и должны определяться более высокими и глубокими соображениями, чем подобные эпизоды. Если г. посол так часто ссылается на общественное мнение Англии, то он должен подумать, что сказало бы наше общественное мнение, наши рабочие и крестьяне, если бы они узнали, что заподозренный в порче машин освобожден без всякого следствия только потому, что он иностранец и что его правительство не одобряет задержания его. Мы должны считаться больше с нашим общественным мнением, чем с британским. Я не могу высказывать никакого мнения о виновности или невиновности арестованных, ибо незнаком детально с материалом. Это может быть установлено только следствием. Следствие же может установить, какими побуждениями и интересами руководствовались виновные. Нельзя освободить человека только потому, что нам неизвестны и непонятны мотивы преступления. Мотивы вскрываются и принимаются в соображение только судом. НКИД пошел максимально навстречу пожеланиям посольства, выхлопотав свидание с арестованными, притом с разрешением разговора на английском языке, и ускорив допрос арестованных. При нормальных обстоятельствах допрос Монкхауза и Нордволла продолжался бы, может быть, несколько недель, но мы добились того, что это было сделано в течение двух дней и следователи не щадили своих сил, допрашивая их подолгу в течение двух дней. Посольство должно быть нам благодарно за это. Мы продолжаем нажимать на следственные власти, чтобы они ускорили допрос остальных. Больше сделать мы не можем и не вправе.

Сэр Эсмонд, все еще волнуясь, заявил, что Болдуин признал в парламенте информацию, данную нами до сих пор, неудовлетворительной и недостаточной, и он имеет поручение поставить мне дополнительные вопросы, а именно:

1) Какие сведения мы имеем о дальнейшем ходе следствия? Я ответил, что никаких сведений не имею, кроме того, что следствие продолжается нормально и, как я раньше сказал, ускоренным темпом.

2) Был ли НКИД извещен об аресте англичан? Я ответил, что это совершенно не касается английского посольства и это дело наше внутреннее, так что я не считаю себя обязанным отвечать на подобный вопрос.

3) По какой статье привлечены арестованные? Я обещал выяснить и сообщить.

4) Может ли какой-нибудь член посольства иметь сегодня свидание с арестованными? Я тоже обещал выяснить и сообщить.

5) Кто решает вопрос о том, поставить ли дело в суде или перед коллегией ОГПУ, и могут ли обвиняемые иметь английского защитника? Я ответил, что незнаком детально с процессуальным вопросом, но что, насколько мне известно, вопрос решается обыкновенно Верховным судом. Имеется специальный представитель прокурорской власти, который следит за следственными действиями ОГПУ и в случае надобности докладывает Верховному суду. Ни я поэтому, ни кто-либо другой не может давать формальных обещаний, что дело будет поставлено в суде, но я могу высказать свое предположение, что вряд ли данное дело может разрешаться иначе как в суде при открытых дверях, ибо мы сами заинтересованы в публичности дела.

Несколько успокоенный, сэр Эсмонд спросил, что я могу ему еще сказать или посоветовать по этому делу. Я сказал, что официально я ему ответил на все его вопросы, неофициально я могу, если он хочет, высказать свое мнение и совет. Я думаю, что как посол, так и его правительство проявляют слишком большую нервозность в этом деле и поднимают слишком много шума. Это не в интересах дела. С одной стороны, и г. Болдуин и посол высказывают убеждение в абсолютной невиновности арестованных, а в то же время рассуждают так, как будто виновность всех арестованных будет обязательно доказана и что их неизбежно всех ждет расстрел. Тут есть некоторое противоречие. Я думаю, что нет оснований так безапелляционно, без знания дела утверждать о невиновности или высказывать такие крайние опасения за судьбу арестованных. Дело будет изучено и рассмотрено самым объективным образом. Доказательством этому является освобождение двух арестованных. Строгий язык и строгие выражения, к которым сэру Эсмонду как будто предписано прибегать, а тем более угрозы не послужат на пользу ни арестованным, ни, конечно, советско-британским отношениям. Таким путем могут быть достигнуты совершенно обратные результаты. Пора сэру

Эсмонду понять, что наше правительство не поддается запугиванию и угрозам. Чем спокойнее английское правительство отнесется к делу, тем лучше для арестованных и для наших отношений. Наши законы остаются и меняться не могут в угоду другому правительству. Мы применяем их в меру необходимости и в интересах нашего государства. Ни в какие контракты об ослаблении наших законов мы с английским правительством входить не можем. Не уполномочен я также делать формальные заявления, которые входят в компетенцию следственных властей. НКИД будет по-прежнему делать все необходимое в строгом согласии с нашими законами, с достоинством и независимостью нашего государства и с его интересами.

Под конец сэр Эсмонд сказал, что он имеет еще одно поручение ко мне, и прочитал мне телеграмму, очевидно, из Женевы от сэра Джона Саймона касательно разоружения *. Есть опасение краха конференции, что может иметь самые печальные последствия. Необходимо поэтому приложить все усилия для предотвращения такого краха. Это, однако, случится, если какая-либо страна не возьмет на себя неблагодарную роль и не предложит какое-либо эффективное и приемлемое для всех разрешение. Эту задачу готово взять на себя английское правительство, и премьер сегодня должен выступить в Женеве с предложением нового проекта конвенции. Это предложение, конечно, будет встречено критикой со всех сторон и английское правительство поэтому обращается с просьбой ко всем тем, кто желает способствовать делу разоружения, поддержать и одобрить усилия английского правительства. Я ответил, что мы дали достаточно доказательств нашего огромного интереса в разоружении. Мы делали собственные предложения и изъявили готовность принимать другие предложения. Никаких особых интересов у нас в Женеве нет. Мы только ставим одно требование: чтобы разоружение было действительным и чтобы оно не меняло соотношения сил к нашей невыгоде. Чем большее сокращение Англия предложит, тем большей будет наша поддержка. Наша критика может быть основана только на недостаточности предложения.

II. 19 марта 1933 г.

Сэр Эсмонд начал с того, что, исходя из предположения о немедленном освобождении арестованных, он готов сотрудничать со мною в выработке любой формулы для объяснения этого освобождения. Он обращается ко мне с последним призывом перед решением английского кабинета и просит меня найтн путь к освобождению арестованных в любой форме, по-

* См. док. № 83.

сле чего инцидент будет исчерпан и английское правительство сделает заявление для удовлетворения общественного мнения Англии. Мы со своей стороны должны, однако, заверить английское правительство, что подобные инциденты не будут повторяться. Он упомянул при этом, что сообщение ТАСС* является точным и справедливым изложением моих заявлений ему.

Я заметил сэру Эсмонду, что он исходит из совершенно неверного предположения о нашем решении освободить арестованных и прекратить все дело и о том, что мы будто бы желаем лишь спасти лицо, в чем он любезно готов нам помочь. Я должен эту его иллюзию совершенно рассеять. Вопрос о прекращении дела и об освобождении арестованных сейчас не стоит. Только сегодня дело передано в руки прокуратуры, от которой зависит дальнейший ход дела.

На вопрос сэра Эсмонда я ему разъяснил, что, взяв дело в свои руки, прокуратура проверит все данные следствия, передопросит обвиняемых и, если есть, свидетелей и затем направит дело в суд. Сэр Эсмонд спросил, может ли прокуратура постановить сегодня же о прекращении дела. Я ответил, что теоретически это право прокуратура имеет, но что, насколько мне известно из беседы с прокурором и с лицами, производившими дознание, в отношении данного дела этого не случится. Я это подчеркивал сэру Эсмонду потому, что он старательно записывал сказанное мною о праве прокуратуры на освобождение для передачи в Лондон. Я должен был предупредить его, что если он в такой форме сообщит правительству, то может создаться новая иллюзия о возможном прекращении дела в результате дальнейшего давления. Далее я сказал, что НКИД следит за этим делом под углом зрения наших отношений с Англией, но что мы не можем, однако, упускать из виду общегосударственные интересы. Мы стараемся, елико возможно, смягчить положение, выхлопотали посольству первое свидание, ускорение следствия и т. п. К сожалению, начавшийся вслед за тем шум в английской прессе, неосторожные заявления г. Болдуина в палате и неумеренные заявления Ванситтарта Майскому [95] и Овия мне со скрытыми угрозами ослабили и нейтрализовали усилия НКИД. Я боюсь, что если поведение английской прессы и самого правительства не изменится, то я вряд ли в чем-либо смогу быть г. Овию полезным в данном деле и мое сотрудничество, о котором г. посол меня просит, сведется к нулю. Как только дело перешло в руки прокуратуры, я снесся с ней и добился для посольства вторичного свидания с арестованными, которое может состояться сегодня

---

* Изложение беседы М. М. Литвинова с Овием от 16 марта 1933 г.: см. газ. «Известия», 18 марта 1933 г.

же, начиная с 8 час. вечера, в тех же условиях, что и первое свидание. Как только прокуратура ознакомится с делом и допросит обвиняемых, я готов буду запросить прокурора, не согласится ли он изменить меру пресечения в отношении тех или иных из арестованных и, скажем, выпустить их под залог, который, я не сомневаюсь, фирма охотно представит. Я готов употребить все свое влияние, чтобы добиться на это согласия прокуратуры, но я могу рассчитывать на успех лишь при условии, что английское правительство своими дальнейшими публичными заявлениями и давлением на нас не затруднит мою акцию.

Сэр Эсмонд благодарил за устройство вторичного свидания и вновь стал говорить о прекращении следствия, как о единственно удовлетворительном разрешении вопроса. Контролировать английскую прессу его правительство не может, ибо оно само находится под давлением общественного мнения. Он не может также сообщать своему правительству, будто оно своими действиями ухудшило положение арестованных. Согласие на поручительство означало бы согласие его правительства на судебный процесс, чего оно дать не может.

Я сказал сэру Эсмонду, что, поскольку он ко мне является по поручению своего правительства, я имею право рассчитывать, что он передаст своему правительству все то, что я ему говорил. О прекращении дела не может быть и речи. На ведение процесса согласия английского правительства нам не требуется. Мое дело — сообщить сэру Эсмонду, что́ именно я мог бы, при известных условиях, сделать для облегчения положения арестованных. Если его это не интересует, то я, конечно, ни с какими просьбами к прокуратуре обращаться не буду и предоставлю дело естественному ходу.

Сэр Эсмонд спохватился и сказал, что он будет рад любому шагу, приближающему нас к удовлетворительному разрешению дела. Я заметил, что это не является ответом на мой вопрос о поручительстве и поэтому я должен поставить вопрос, считает ли он освобождение на поруки таким шагом, «приближающим нас к удовлетворительному разрешению дела». Сэр Эсмонд уклонился от ответа на вопрос. На его вопрос, о какой сумме залога идет речь, я разъяснил ему, что никакого постановления о поручительстве нет, что я должен еще об этом хлопотать и что в случае принципиального согласия прокуратуры я смогу выяснить сумму, которая не будет, вероятно, одинаковой в отношении всех арестованных.

Сэр Эсмонд на прощание сказал, что он выполнил свой долг, но, к сожалению, не уверен, что мы сознаем серьезность положения. Я сказал, что у нас есть достаточно воображения, чтобы предвидеть все последствия и учесть их.

III. 28 марта 1933 г.

Сэр Эсмонд начал с вопроса, могу ли я ему сообщить что-либо новое. На мой недоуменный вопрос, в какой области он ожидает от меня новостей, сэр Эсмонд упомянул дело «Метрополитен-Виккерс». Я сказал, что ничего нового не могу ему сообщить. Мне известно от прокуратуры, что скоро будет назначен суд, но это для сэра Эсмонда не ново. Сэр Эсмонд пытался сформулировать мой ответ таким образом, что я нашел достаточно доказательств для передачи дела в суд. Я его поправил, что не я, а прокуратура нашла достаточно доказательств. Сэр Эсмонд тогда заявил, что он уполномочен сообщить мне содержание законопроекта, который его правительство намерено внести в парламент. Я выразил удивление, что английское правительство любезно считает нужным знакомить меня со своими законопроектами до внесения их в парламент. Сэр Эсмонд, вынув бумажку, сказал, что он имеет инструкцию от своего правительства «сделать мне следующее сообщение, если он не получит от меня удовлетворительного ответа о приостановке процесса», и начал было читать мне бумажку. Я остановил сэра Эсмонда, сказав, что я могу сберечь ему время и сразу могу заявить, что, по мнению прокурора, процесс будет иметь место и этот процесс ни в коем случае не будет приостановлен, что бы мне ни заявлял английский посол; что если то, что сэр Эсмонд хочет мне прочитать, имеет целью повлиять на решение прокуратуры, то я не вижу надобности выслушивать это сообщение, ибо оно никакого влияния на решение не окажет. На вопрос сэра Эсмонда, что же он должен сообщить своему правительству, я просил его передать мною сказанное, а именно что процесс будет иметь место и никто не может приостановить его.

Сэр Эсмонд пытался перекачать мои слова в том смысле, что «если прокурор найдет доказательства достаточными, то процесс неизбежен». Я его поправил, сказав, что прокурор уже нашел доказательства достаточными и уже решил поставить процесс. Сэр Эсмонд потом повторил эту попытку с тем же результатом.

Сэр Эсмонд вновь пытался пугать меня последствиями, но я его остановил, сказав: «Позвольте, сэр Эсмонд, мне сказать, что если подобные методы дипломатии могли быть успешны, скажем, в Мексике, то они заранее обречены на полную неудачу в СССР, и чем скорее вы это себе усвоите, тем лучше будет для всех. Мы своей независимостью не торгуем». Взволновавшись, сэр Эсмонд спросил, кем употребляются такие методы в Мексике. Я напомнил, что я сказал условно — если такие методы употреблялись в Мексике кем бы то ни было.

Печат. по газ. «Известия»,
№ 100 (5031), 15 апреля 1933 г.

121. Заявление Правительства СССР Правительству Японии *

16 апреля 1933 г.

1. С самого возникновения японо-китайского конфликта и вступления японской армии на территорию Маньчжурии Японское Правительство через г. Японского Посла в Москве и непосредственно г. Советскому Послу в Токио давало неоднократные заверения, что правам и интересам СССР, в частности на КВЖД, не будет нанесен ущерб, что как японское командование, так и японские чиновники в Маньчжурии имеют строгие инструкции не допускать ущерба правам и интересам СССР на КВЖД **. Такого рода заявления делались не только в самом начале событий, но и в течение этих событий до самого последнего времени, из чего ясно, что Японское Правительство приняло на себя ответственность за все то, что может нарушить права и интересы СССР.

Советское Правительство приняло эти заверения Японского Правительства с некоторым успокоением, тем более что в самом начале событий действительно наблюдалось у местных японских властей желание избегать всего, что могло бы нанести ущерб правам и интересам СССР. В целом ряде случаев, когда КВЖД наносился серьезный ущерб в связи с военными действиями в районе дороги, Советское Правительство хотя и обращало внимание Японии на этот ущерб, однако склонно было относиться к этому без особого беспокойства, поскольку такой ущерб мог быть объяснен обстановкой военного положения.

2. За последние месяцы действия властей Маньчжоу-Го, японских советников Маньчжоу-Го и непосредственно местных японских властей создали на КВЖД серьезное положение, вызывающее тревогу Советского Правительства не только за состояние дороги, нормальное функционирование которой нарушено, но и в связи с тем, что эти действия ставят своей задачей обострение положения на дороге, в том числе и путем искусственного создания конфликтов по отдельным вопросам.

3. Основные факты, на которые Советское Правительство обращает внимание Японского Правительства, следующие:

а) 7 июля 1932 г. маньчжурские власти захватили перевалочную пристань КВЖД. Этот захват был произведен, как было сообщено 8 июля Японскому Правительству, под непосредственным руководством японских подданных, находящихся на службе Маньчжоу-Го [96]. По вине указанных лиц этот вопрос

---

* Сделано заместителем народного комиссара иностранных дел СССР Л. М. Караханом послу Японии в СССР Ота.

** См. т. XIV, док. № 350; т. XV, док. № 13, 100.

не удалось урегулировать до настоящего времени, чем нанесен серьезный ущерб интересам СССР.

Больше того, несмотря на обещанное Министерством Иностранных Дел Японии содействие в скорейшем урегулировании вопроса, 11 апреля с. г. японские военные чины заняли контору перевалочной пристани, вывесили над зданием японский флаг и поставили японский караул.

Если до сих пор власти Маньчжоу-Го совершали неправомерный акт, в улажении которого Японское Правительство принимало участие, то теперь сами японские власти решили захватить то, что было и остается предметом переговоров. Против этих действий, явно нарушающих вышеуказанные заверения Японского Правительства, Советское Правительство не может не протестовать.

б) По просьбе Японского Правительства Советское Правительство давало согласие на совершение перевозок по КВЖД японских войск. Не приходится доказывать, что Советское Правительство и КВЖД рассматривали и рассматривают эти перевозки только под углом чисто коммерческих перевозок, которые должны своевременно оплачиваться.

Между тем переговоры, ведущиеся между КВЖД и японскими военными властями по этому вопросу, систематически затягиваются, и уже имеется огромная задолженность, которая ухудшает финансовое положение дороги, страдающей и без того от резкого сокращения коммерческих перевозок, последовавшего в результате военных событий в Маньчжурии.

в) Особую тревогу Советского Правительства вызывают последние события в Маньчжурии, когда по прямому требованию и при участии японских чиновников Маньчжоу-Го полицейские власти совершили ряд насильственных действий, прямо направленных к подрыву нормальной работы КВЖД и к нанесению серьезного ущерба интересам СССР. Эти действия выразились в разъединении путей между КВЖД и Забайкальской железной дорогой путем забивки костылями стрелок с целью сделать невозможным сообщение между КВЖД и дорогами СССР и создать затруднения для европейско-азиатского сообщения, в захвате транзитных грузов, принадлежащих СССР, и тем самым в грубом нарушении прав Союза на транзит по КВЖД.

г) Восточная линия КВЖД в настоящее время совершенно дезорганизована в результате систематических нападений грабителей на поезда и железнодорожные сооружения, злоумышленных крушений поездов, нападений, грабежей, убийств, похищений советских граждан, работающих на КВЖД. Японское Правительство, обращаясь с просьбой разрешить провоз японских войск на восточную линию КВЖД, заверяло Советское Правительство, что оно ставит своей целью восстанов-

ление порядка и обязуется таковой сохранять. Между тем с точки зрения порядка и безопасности положение на дороге в самые худшие времена не было столь тяжелым, как в настоящее время.

д) Власти Маньчжоу-Го и японские власти в Маньчжурии создали и раздули за последнее время вопрос о паровозах и вагонах, находящихся на территории СССР *, совершенно искусственно, так как они не могли не знать, что в обоих этих вопросах советские власти находятся вне всякого упрека. Паровозы, о которых идет речь, принадлежат Советскому Правительству и никогда собственностью КВЖД не являлись. Ни КВЖД, которая является собственностью СССР, ни Маньчжоу-Го, ни тем более японцы никаких претензий в отношении этих паровозов иметь не могут. Что касается вагонов, то между КВЖД и советскими дорогами происходит всегда обмен вагонами, и неудивительно, что известное количество вагонов КВЖД находится на территории СССР, так же как такое же и даже бо́льшее количество вагонов, в данном случае свыше 2000 вагонов, советских железных дорог находится на КВЖД. Если возврат вагонов из СССР на КВЖД иногда и затягивался, то происходило это вследствие военных действий между китайскими отрядами и японо-маньчжурской армией, что в течение многих месяцев закупорило КВЖД с обоих концов — восточного и западного.

е) Массовые аресты советских граждан, многие из которых больше года содержатся без суда в неслыханно тяжелых условиях и подвергаются истязаниям и пыткам, в которых непосредственное участие принимают японские жандармы и японские подданные, находящиеся на службе Маньчжоу-Го **.

4. Все эти факты, которыми отнюдь не исчерпываются нарушения интересов СССР, заставляют Советское Правительство обратиться к Японскому Правительству с напоминанием о данных им заверениях в том, что интересам СССР не будет нанесен ущерб, и настаивать на том, чтобы были приняты эффективные меры, способные действительно оградить права и интересы Советского Союза от всяких посягательств и покушений ***.

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 102 (5033), 18 апреля 1933 г.

---

* См. док. № 122, 133.

** См. т. XV, док. № 321, 401, а также док. № 6, 38 настоящего тома.

*** См. также док. № 168.

122. Памятная записка Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана Послу Японии в СССР Ота

16 апреля 1923 г.

Паровозы серии «Е» (декапод) в количестве 124 составляют часть большой партии паровозов этого типа, закупленных Российским правительством в Америке для железных дорог СССР, и КВЖД никакого отношения к ним не имела и не имеет. Эти паровозы поступали морем через Владивостокский порт и собирались во владивостокских и харбинских железнодорожных мастерских, переходя в дальнейшем на советские дороги.

Вследствие военной интервенции на Дальнем Востоке против СССР в 1918—1919 гг. часть этих паровозов в количестве 124 застряла по пути в СССР на КВЖД.

В делах Управления Китайско-Восточной железной дороги существуют неопровержимые документальные доказательства, подтверждающие, что в 1918 г. на КВЖД таким образом было задержано 38 паровозов, в 1919 г.— 33, в 1920 г.— 36, в 1921 г.— 17, а всего —124 паровоза серии «Е».

Факт принадлежности СССР указанных паровозов неоднократно отмечался как бесспорный целым рядом постановлений Правления дороги, ревизионного комитета, совета Управления и т. д. Ссылки на это имеются в официальных протоколах Правления КВЖД: [в протоколе] № 115 от 1919 г., в протоколе № 361—1919 г., в протоколах № 597 и 760—1920 г., № 947—1921 г., № 1755—1922 г., в протоколе № 3951—1927 г.

В утвержденном Правлением дороги и ревизионным комитетом эксплуатационном отчете КВЖД за 1922 г. имеется специальная оговорка: «124 паровоза-декапод принадлежат российским железным дорогам».

При рассмотрении отчета за 1924 г. по журналу совета Управления дороги от 2 июля 1925 г. за № 478 отмечалось:

«Управление дороги... должно отметить, что и технические и финансовые результаты эксплуатации дороги в значительной степени должны быть отнесены за счет Российского правительства, подвижным составом которого дорога работает, не отражая ни в сметах, ни в отчетах своего долга за пользование составом».

Во всех статистических ежегодниках КВЖД вплоть до 1932 г. 124 паровоза (декапод), как принадлежащие чужим дорогам, никогда не причислялись к инвентарю дороги.

Когда в прошлом году в связи с переходом части этих паровозов на дороги СССР маньчжурская сторона Правления дороги подняла этот вопрос, товарищ председателя Правления

г. Кузнецов на заседании Правления и ревизионного комитета от 7 апреля 1932 г.* разъяснил:

«Паровозы не впервые оказываются на территории Советского Союза, и нас удивляет беспокойство китайской стороны. Китайской стороне известно, что эти паровозы застряли на КВЖД во время интервенции, и китайская сторона — г. председательствующий и другие наши коллеги — не может в силу этого иметь к нам претензий.

Мы и в дальнейшем считаем себя вправе пользоваться этими паровозами. Но в то же самое время мы категорическим образом заверяем, что наши китайские коллеги могут быть совершенно спокойны, ибо о нормальной работе дороги вместе с ними мы также заботимся, и нахождение паровозов на территории Советского Союза ни в коем случае не будет допускаться в ущерб нормальному движению на КВЖД».

Что касается задолженности Российского правительства КВЖД за сборку этих паровозов, каковой факт, по мнению некоторых маньчжурских представителей, может оправдать претензию КВЖД на владение этими паровозами, то сумма задолженности КВЖД за аренду и пользование этими паровозами в течение всего этого времени, которую Советское Правительство числит за КВЖД, во много раз превышает задолженность за сборку этих паровозов.

Вопрос же временного пребывания на советской территории некоторого количества вагонов КВЖД никогда не представлял ничего удивительного или незакономерного. Вагоны КВЖД попадают на дороги СССР в порядке обычного обмена вагонами между соседними дорогами, так же как и вагоны дорог СССР попадают на КВЖД. Так, например, в настоящее время на КВЖД находится свыше 2000 вагонов, принадлежащих дорогам СССР, что если не превышает, то во всяком случае приблизительно равно количеству вагонов КВЖД, находящихся на советских дорогах.

Если же возврат вагонов КВЖД из СССР в некоторые периоды затягивался, то это вина не администрации КВЖД или советских дорог, а вина тех военных событий в районе КВЖД, в которых СССР был нейтральной стороной. Если КВЖД в результате многих месяцев и с восточного и с западного концов была отрезана от СССР, естественно, были периоды, когда нормальный возврат вагонов не мог иметь места.

Что же касается упреков со стороны председателя Правления КВЖД г. Ли Шао-гэна в его письмах на имя товарища председателя Правления г. Кузнецова** и со стороны других маньчжурских представителей, что якобы существует наруше-

---

* В документе — 1931 г.

** См. док. № 133.

ние равновесия конвенционного обмена вагонами, то это неверно и во всяком случае требует тщательной проверки по документам и наличию вагонов на КВЖД. Именно этой проверкой советская часть Правления дороги и предлагает заняться *.

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 102 (5033), 15 апреля 1933 г.

123. Телеграмма Консула СССР в Пограничной Д. А. Егорова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР **

16 апреля 1933 г.

Хаос на восточной линии КВЖД продолжается. Порча пути и крушения поездов происходят ежедневно. Движение поездов происходит только в дневное время, положение не улучшилось. Многочисленные отряды хунхузов открыто появляются днем близ дороги. В Пограничной и по всей линии железнодорожная администрация потеряла всякое значение, всем распоряжаются японцы и полицейские-белогвардейцы, которые самовольно занимают помещения дороги, отцепляют паровозы и вагоны, командуют железнодорожниками, угрожают им. Эти действия полиция оправдывает распоряжениями министерства путей сообщения [Маньчжоу-Го].

Совконсул

Печат. по арх.

124. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану

18 апреля 1933 г.

Уважаемый Лев Михайлович,

19 марта, перед моим выездом из Кабула, я имел прощальную аудиенцию у Надир-шаха. Аудиенция продолжалась около полутора часов. Излагаю здесь, в основных чертах, происходившую между нами беседу.

Надир-шах начал с того, что, поскольку я еду в Москву и буду видеться с членами правительства, он хотел бы, прежде всего, остановиться на взаимоотношениях между Афганистаном и СССР вообще. Он напомнил мне свои разговоры со мною и с т. Риксом *** в 1930 г. и сделанные им тогда заявле-

---

* См. также док. № 140.

** Копия телеграммы была направлена в генконсульство СССР в Харбине.

*** Советник полпредства СССР в Афганистане.

ния, что Афганистан считает СССР своим естественным союзником в борьбе за достижение своих национальных целей и рассматривает СССР как свой тыл, на который Афганистан, при соответствующей обстановке, мог бы опереться.

«Все то,— сказал Надир-шах,— что я говорил Вам тогда, сразу после Вашего приезда в Кабул, а также повторял потом,— все это я повторяю и теперь. Наши позиции не изменились, и не могут измениться, так как все наши интересы толкают нас идти с вами, а не против вас. Наш враг находится на юге, а не на севере. Я знаю, что ваше правительство нам не верит. К сожалению, истекшие три года не улучшили положения в этом отношении. Но мы имеем достаточно терпения и думаем, что в конце концов нам все же удастся на деле доказать, что наши заявления о дружбе — не пустые слова, и тогда вы нам поверите. Я прошу Вас все это передать в Москве».

Далее Надир-шах остановился на общем положении в связи с происходившим в феврале и марте восстанием в Южной провинции и наступлением вазиров и массудов из Независимой полосы. К моменту нашей беседы, 19 марта, это выступление племен уже почти закончилось и вазиры ушли обратно на свою территорию.

«Положение наше одно время было очень трудным,— сказал Надир-шах,— теперь оно значительно облегчилось, но я не буду от Вас скрывать того, что оно может всегда снова осложниться. Вы достаточно хорошо знаете Афганистан и сами хорошо разбираетесь в обстановке. Поэтому было бы странно, если бы я стал Вас заверять, что все у нас обстоит прекрасно. Я думаю, что нам предстоят еще большие трудности, но надеюсь их преодолеть. В вопросе о племенах основным является то, что англичане всячески стараются внести раздор между племенами и правительством, чтобы таким образом ослабить и племена и правительство. В этом заключается их цель. Они рекламируют свою дружбу к нам, хорошо зная, как на это будут реагировать племена. Нам очень трудно бороться с этим, так как мы по вполне понятным причинам, главным образом в силу нашей слабости, не можем вести сколько-нибудь активную политику среди племен и даже вынуждены были удерживать их от выступлений против англичан. Другой вопрос, в котором мы имеем большие трудности,— это вопрос финансовый. Чтобы поднять экономическое положение страны, чтобы вести хозяйственное строительство, нужны большие средства, а нам их взять неоткуда. У нас не хватает средств даже на осуществление той скромной программы, которую разработало министерство торговли. Но мы будем все же продолжать работу по хозяйственному строительству в тех размерах, в каких это возможно по нашим силам и средствам».

От этого изложения обстановки Надир-шах перешел к нашим взаимоотношениям. Прежде всего он остановился на пограничном вопросе.

«Я вижу,— сказал он,— что за последнее время вас очень беспокоит пограничный вопрос, вопрос о нападениях на вашу территорию, происходящих из Афганистана. Заверьте ваше правительство от моего имени, что мы сделаем решительно все, что будет в наших силах, чтобы покончить с бандитизмом на границе и сделать его невозможным на будущее время. По всем тем представлениям, которые Вы делали за последнее время, уже приняты меры и даны строгие указания местным властям. В ближайшее время в Мазари-Шериф выезжает прибывший только что из Кандагара министр внутренних дел Мухаммед Гуль-хан, которого мы назначаем председателем комиссии реформ для трех северных провинций. Ему даются специальные, чрезвычайно широкие полномочия по борьбе с бандитизмом на границе. Он человек очень энергичный, и мы думаем, что ему удастся навести необходимый порядок. Будет хорошо, если Вы с ним встретитесь и поговорите. Вы не должны сомневаться в искренности нашего желания привести границу в порядок и уничтожить бандитизм. Наша граница с СССР простирается на тысячу с лишним километров. Имея постоянные неприятности на юге, мы не можем позволить себе роскоши иметь непрерывные пограничные столкновения на севере, даже если бы и хотели этого. Но мы этого не хотим, мы не сумасшедшие. Мы хотим, чтобы спокойствие и порядок на нашей границе с вами были бы твердо обеспечены».

Я ответил Надир-шаху, что его заявление дает мне надежду, что пограничный вопрос наконец будет всерьез улажен. Мы также хотим только одного: полного спокойствия на границе, и далеки от желания создавать какие-либо пограничные инциденты. Одной из наиболее действительных мер мы считаем удаление из северных провинций и из Герата всех бандитских элементов; это, бесспорно, сразу даст хорошие результаты.

Надир-шах на это ответил, что в случае надобности такая мера тоже может быть применена. Мухаммед Гуль-хан имеет для этого все необходимые полномочия.

Далее Надир-шах перешел к вопросу о пересмотре договора 1921 г.* Он сказал, что ему известны мои разговоры по этому вопросу с Хашим-ханом**, что афганское правительство обсудило этот вопрос и что он может мне сообщить о согласии своем и правительства на пересмотр договора, раз мы

---

* Речь идет о договоре между РСФСР и Афганистаном, заключенном в Москве 28 февраля 1921 г.; см. т. III, док. № 309.

** Премьер-министр Афганистана.

этого хотим. Он надеется, что этот дружественный шаг афганского правительства послужит для укрепления нашего доверия.

Я не буду более подробно останавливаться на вопросе о договоре 1921 г., поскольку по этому вопросу мною написан особый доклад [100].

Последним пунктом нашего разговора был вопрос об экономическом сотрудничестве между СССР и Афганистаном. Надир-шах сказал, что он придает очень большое значение нашему экономическому сближению и той помощи, которая в этом порядке может быть оказана нами Афганистану и в которой Афганистан безусловно нуждается. Он согласен с моим взглядом на возможность экономического сотрудничества и нашего участия в деле хозяйственного строительства Афганистана, который я высказывал в разговорах с премьер-министром и с ним лично. Кроме того, он с большим интересом следит за той работой, которую мы ведем в Турции *. Афганистан нуждается и в промышленном оборудовании и в помощи для развития его сельского хозяйства. Правительство имеет намерение приступить к большим работам по постройке Кундузского канала, в результате чего большие территории станут пригодными под культуру хлопка. Тут афганское правительство считает желательной нашу помощь специалистами и машинами. Далее, в Афганистане имеются железные и медные руды. Афганское правительство намерено их разрабатывать. В этом тоже возможно было бы сотрудничество. В наступающем (афганском) году афганское правительство намерено закупить в Европе оборудования на 60 лаков (6 000 000 афгани). Оно охотно взяло бы это оборудование из СССР. Если бы мы согласились предоставить кредиты, как туркам, то это дало бы сразу большой толчок хозяйственному строительству Афганистана. На мой вопрос, имеет ли афганское правительство какие-либо планы в отношении гератской нефти, Надир-шах ответил, что афганское правительство желает ее разрабатывать, но не хочет никому давать на нее концессию. Со стороны различных фирм, в том числе американских и английских, были соответствующие предложения. Но афганское правительство отклонило их. Если возможно договориться с нами не на условиях концессии, то об этом стоит поговорить.

Выслушав все изложенное, я указал, что афганское правительство, по-видимому, не имеет определенного плана хозяйственного строительства; во всяком случае, если говорить о сотрудничестве, то предварительно нужно было бы выяснить, в чем конкретно оно может состоять и каковы наиболее насущные нужды Афганистана. Такая работа могла бы быть проде-

---

* См. док. № 96.

лана специальной комиссией наших специалистов, совместно с министерством торговли. Что думает король о возможности приезда такой комиссии?

Надир-шах ответил на это, что ему известна та большая и успешная работа, которая проделана нашими специалистами в Турции. Но положение Афганистана совершенно иное, чем положение Турции, в смысле внешних отношений. То, что может позволить себе Турция, не может позволить себе Афганистан. Нужно найти другие формы, которые «никого не раздражали бы». Поэтому официальный приезд нашей комиссии в настоящее время он считает невозможным. Но если бы при своем возвращении в Кабул я привез бы с собою двух-трех специалистов, которые числились бы в составе нашего посольства, это было бы хорошо, и они могли бы без всяких затруднений вести работу с министерством торговли. Еще лучше было бы, чтобы не обращать лишнего внимания, чтобы они приехали бы через небольшой срок после меня. В такой форме он может определенно дать мне свое согласие на приезд наших специалистов.

Продолжая разговор о наших экономических связях и необходимости их усиления, Надир-шах заговорил о предстоящем через несколько месяцев окончании автомобильной дороги Кабул — Мазари-Шериф, выразив пожелание, чтобы нами был разрешен вопрос об установке моста через Аму-Дарью. По этому вопросу я пишу особо, ввиду чего не буду здесь подробно на нем останавливаться [64].

В заключение беседы Надир-шах спросил меня, как долго может продлиться моя поездка. Я ответил, что не могу сказать точно, но предполагаю, что около двух месяцев. На это Надир-шах сказал, что он желает скорейшего моего возвращения, так как высоко ценит проделанную мною работу по сближению СССР и Афганистана, как при нем, так и за время правления Аманулла-хана.

Беседа закончилась обычными любезностями.

Полномочный представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

125. Речь Полномочного Представителя СССР в Австрии А. М. Петровского при вручении верительных грамот Президенту Австрии Миклясу

19 апреля 1933 г.

Господин Федеральный Президент,

Имею честь вручить Вам верительные грамоты, каковыми Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Со-

циалистических Республик аккредитует меня в качестве Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра при Вашем Превосходительстве. Одновременно имею честь вручить Вам отзывные грамоты моего предшественника г. Юренева.

Народы Союза Советских Социалистических Республик, успешно продолжающие дело восстановления и коренного преобразования своего народного хозяйства, следят с величайшей симпатией за развитием государственности и экономики австрийского народа. Воодушевленные искренним желанием развивать экономические и культурные отношения с австрийским народом, народы Союза Советских Социалистических Республик стремятся бережно сохранять и углублять дружественные отношения, существующие между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Австрии.

Пользуюсь случаем, г. Президент, чтобы заверить Вас в том, что я, как и мой предшественник, не пожалею усилий ради укрепления и углубления экономического и культурного сотрудничества между народами наших стран.

Позволю себе выразить уверенность в том, что при выполнении этой высоко ответственной миссии я встречу с Вашей стороны, г. Президент, равно как и со стороны вашего Правительства, понимание и поддержку.

Печат. по арх.

В ответной речи Микласа говорилось:

«Господин Посланник,

Я с удовольствием принимаю от Вас грамоты, каковыми Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик аккредитует Вас в качестве Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра в Австрии. Одновременно я принимаю грамоты, удостоверяющие отозвание Вашего замечательного предшественника г. Посланника Константина Константиновича Юренева.

Дружественные чувства к австрийскому народу, выраженные Вами от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, вызвали у меня чувство большого удовлетворения, и я прошу Вас принять уверения в том, что на это мы будем отвечать самым сердечным образом.

Благодарю Вас за заверение в том, что Вы, г. Посланник, намерены посвятить Ваши драгоценные усилия делу дальнейшего углубления дружественных отношений, издавна существующих между Австрией и Союзом Советских Социалистических Республик.

Австрийское Правительство, искренне стремящееся укреплять разносторонние экономические и культурные связи между обоими государствами на благо их народов, конечно, сделает все возможное, чтобы оказать Вам поддержку в выполнении этой высокой миссии.

Выражая уверенность, что Ваша деятельность увенчается полным успехом, я искренне желаю, чтобы Вы чувствовали себя у нас как дома, и говорю Вам: добро пожаловать в Вену, г. Посланник».

126. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсеенко *

19 апреля 1933 г.

Уважаемый товарищ,

1. Международное положение Польши в связи с подъемом националистской волны в Германии, вообще говоря, конечно, ухудшилось по сравнению с тем, что было до этого. Однако было бы неправильно полагать, что события последнего времени привели Польшу к изоляции. Приход Гитлера к власти и постановка ревизионистских проектов в порядок дня европейской политики, увеличив шансы вооруженного столкновения между Польшей и Германией, создали в то же время предпосылки для укрепления связей Польши с Францией и Малой Антантой. Если еще несколько месяцев тому назад во Франции были еще иллюзии относительно возможностей договориться с Германией, уступив ей в вопросах вооружения и пожертвовав некоторыми интересами своих союзников, то теперь благодаря политике Гитлера эти иллюзии исчезли, и мы имеем фактически единый фронт от крайней правой до социалистов включительно. В этой ситуации, каков бы ни был исход переговоров о «пакте четырех», Франция, конечно, не ослабит своих союзных связей с Польшей и Малой Антантой.

Все говорит за то, что и Польша со своей стороны будет стремиться к дальнейшему углублению и укреплению своих связей с Францией и Малой Антантой.

2. Параллельно с этим идет все более очевидное стремление Польши если не к улучшению, то по крайней мере к манифестированию улучшения отношений с нами. Это отражается буквально на всем, вплоть до оценки процесса «Метро-Виккерса» [82] и нашей позиции в нынешнем конфликте с Англией **.

Это стремление Польши целиком отвечает также и нашим интересам. Мы поэтому решили по всем текущим вопросам наших отношений, где это только допускается нашими интересами, идти навстречу польским предложениям и стремиться не только укрепить наши отношения с Польшей, но также манифестировать перед внешним миром их улучшение.

3. По моему настоянию решено послать в самое ближайшее время в Польшу авторитетную хозяйственную делегацию, возглавляемую заместителем Народного комиссара внешней торговли т. Боевым, в составе члена коллегии т. Тамарина и нескольких руководящих работников из наиболее заинтересованных в торговле с Польшей организаций [102]. Поляки, не-

---

* Печатается с сокращением.

** См. док. № 103, 117, 120.

сомненно, будут раздувать значение этой поездки, и мы, конечно, не должны им в этом мешать. Особенно полезен будет для нас эффект в Германии.

4. Надо постараться поскорее закончить переговоры о сплавной конвенции и подписать ее по возможности с самим Беком. При этом, имея в виду нашу материальную заинтересованность, следует добиться от Бека путем обмена нотами немедленного введения в действие этой конвенции, не дожидаясь ратификации, которая должна последовать в обычном порядке *.

5. Мы подготовляем переговоры о новой конвенции по пограничным вопросам с таким расчетом, чтобы подписать ее примерно к 15—20 мая **.

6. С польской стороны замечается за самое последнее время стремление активизировать культурные связи и усилить всевозможные поездки в СССР. Также и в этом направлении мы должны пойти навстречу польским желаниям, само собою разумеется, согласовывая все личные кандидатуры в обычном порядке ***. [...]

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх. Оккупл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 37—38.

127. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Вне очереди
19 апреля 1933 г.

Сегодня Саймон вызвал меня к себе в 11 часов утра и вручил текст королевской прокламации о введении эмбарго на все важнейшие наши товары начиная с 26 апреля. Содержание прокламации передано вам клером ****. Затем он сообщил, что ввиду прекращения дипломатической неприкосновенности членов торговой делегации министерству внутренних дел дано указание не ставить препятствий их дальнейшему пребыванию в Англии в качестве обыкновенных граждан. Я выразил сожаление по поводу шага, предпринятого английским прави-

---

* См. т. XV, прим. 280.

** Конвенция между СССР и Польшей о порядке расследования и разрешения пограничных инцидентов и конфликтов была подписана в Москве 3 июня 1933 г.; см. «Собрание законов...», отд. II, № 28. 13 декабря 1933 г., стр. 229—249.

*** См. также док. № 426.

**** См. стр. 256.

тельством, и заявил, что на него теперь ложится вся ответственность за возможные последствия этого шага. Саймон пытался возразить, что ответственность ложится на всех нас, но я резко возразил, что вся ответственность ложится именно на английское правительство. Я прибавил, что, как я уже предупреждал его 13 апреля *, избранный английским правительством путь не способен ни в какой мере помочь осужденным и в то же время неизбежно должен еще больше осложнить англо-советские отношения. Саймон ответил, что ведь эмбарго вводится не сразу, а лишь с 26 апреля, явно намекая на то, что если осужденные англичане до этого времени будут помилованы, то эмбарго не будет применено на практике. Он выразил далее уверенность, что нынешний конфликт как-нибудь все-таки придет к мирному урегулированию, и прибавил, что, хотя он сейчас опять уезжает до 22 апреля из Лондона, он в любой момент готов видеть меня. Я сказал, что политика «большой дубинки», как Саймон мог убедиться на деле, не дала до сих пор ничего хорошего, не даст ничего хорошего и в будущем. Пусть английское правительство пожинает плоды того, что оно посеяло. На этом мы расстались.

Майский

Печат. по арх.

128. Обмен нотами между Полномочным Представителем СССР в Турции и Министром Иностранных Дел Турции о продлении срока действия Торгового соглашения **

I. НОТА ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР В ТУРЦИИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТУРЦИИ ТЕВФИКУ РЮШТЮ

20 апреля 1933 г.

Господин Министр,

Принимая во внимание, что подведение расчетного баланса счетов, открытых обеими сторонами за последнее время, показало, что достигнута предусматривавшаяся сторонами сбалансированность советско-турецкой торговли за истекший отчетный период, имею честь сообщить Вам, что в соответствии со ст. IX Торгового соглашения, подписанного 17 апреля 1932 г. между обеими странами, Правительство Союза Советских Социалистических Республик согласно продлить срок действия этого Соглашения на новый годичный период, до 17 апреля 1934 г.

* См. док. № 117.

** См. т. XV, док. № 167.

Пользуясь случаем, чтобы засвидетельствовать Вам, господин Министр, уверения в моем весьма высоком уважении.

Я. Сурич

2. НОТА
МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТУРЦИИ
ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СССР В ТУРЦИИ
Я. З. СУРИЦУ

20 апреля 1933 г.

Господин Посол,

Принимая во внимание, что подведение расчетного баланса счетов, открытых обеими сторонами за последнее время, показало, что достигнута предусматривавшаяся сторонами сбалансированность турецко-советской торговли за истекший отчетный период, имею честь сообщить Вам, что в соответствии со ст. IX Торгового соглашения, подписанного 17 апреля 1932 г. между обеими странами, Правительство Турецкой Республики согласно продлить срок действия этого Соглашения на новый годичный период, до 17 апреля 1934 г.

Пользуясь случаем, чтобы засвидетельствовать Вам, Ваше Превосходительство, уверения в моем весьма высоком уважении.

Т. Рюштю

Ноты печат. по арх.

129. Приказ по Народному Комиссариату Внешней Торговли СССР об ответных мерах на декрет английского правительства относительно эмбарго на торговлю с СССР

21 апреля 1933 г., № 242

На основании постановления СНК СССР от 20 октября 1930 г.* «Об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими ограничительный режим для торговли», приказываю:

1. Всем внешнеторговым организациям СССР, под какой бы формой они ни существовали, не выдавать с сего числа в Англии заказы и не производить в этой стране закупок.

2. Всем фрахтующим организациям СССР, под какой бы формой они ни существовали, не фрахтовать судов, плавающих под английским флагом.

3. Исключить Англию из списка стран, упомянутых в п. 1 § 2, а также из списка стран, упомянутых в п. 1 § 1 приказа НКВТ СССР от 17 ноября 1932 г. № 784 «О транзите через

* См. т. XIII, док. № 362.

территорию СССР иностранных товаров»[103], отменив в отношении английских грузов указанные в этих §§ льготы.

4. Экспортному и импортному управлению свести до минимума использование английских портов и баз для транзитных и реэкспортных операций СССР.

5. Указанные меры должны оставаться в силе на все времена действия эмбарго, наложенного 19 апреля с. г. декретом английского правительства на ввоз в Англию основных статей экспорта СССР в эту страну.

Наркомвнешторг

Печат. по арх.

В упомянутом декрете от 19 апреля 1933 г. говорилось, что в соответствии с пунктом I акта английского парламента от 13 апреля 1933 г.[94], предусматривающего запрещение импорта товаров из Союза Советских Социалистических Республик, Король Великобритании Георг V издал указ, «объявляющий, что, начиная с 26 апреля 1933 г. и далее, запрещается импорт в Соединенное Королевство выращенных, произведенных или созданных в Союзе Советских Социалистических Республик товаров, сорта и описания которых указаны в приложении к настоящему указу».

130. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славуцкому

21 апреля 1933 г.

Вам следует устно протестовать против задержания наших транзитных грузов и настаивать на их немедленном выпуске в СССР. Предупредите об ответственности за убытки[104].

Л. Карахан

Печат. по арх.

131. Запись беседы Полномочного Представителя и Торгового Представителя СССР в Германии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Германии Бюловым

22 апреля 1933 г.

Я телеграфировал о беседе моей и т. Вейцера с Бюловым[105]. В дополнение сообщаю:

Мы обратили внимание Бюлова, что при заключении соглашения о кредите в 140 млн. марок* обе стороны исходили

---

* См. док. № 47, 48.

из предположения, что советский экспорт в Германию будет поставлен в такие условия, при которых ему будет оказано всякое содействие со стороны германского правительства и, стало быть, будет обеспечено его расширение по сравнению с 1932 г., чтобы таким путем уменьшить пассивность торгового баланса СССР.

Между тем в действительности произошло значительное ухудшение в проведении советского экспорта.

Обыски в филиалах торгпредства в Гамбурге и Лейпциге, в отделениях, складах и в управлении «Дероп»[46], аресты советских граждан и служащих советских организаций, угрозы по адресу покупателей советских товаров, случаи открытого бойкота колонок «Дероп», кюндиговка * складских мест и колонок,— всеми этими мерами создана совершенно невозможная атмосфера для работы, и как следствие этого многие частные фирмы, а также государственные и общественные организации стали отказываться от дальнейших дел с советскими организациями, нарушая даже существующие договоры о поставке советских товаров и не заключая новых. Эта установка приняла в различных местах форму открытых враждебных действий и настоящей травли, которые дезорганизовали всю нашу работу, и потому мы со всей решительностью протестуем против этого.

Германское правительство должно принять решительные меры к восстановлению нормальных условий работы организаций СССР и тем восстановить торгово-политические взаимоотношения, существовавшие раньше и соответствующие установке договора от 12 октября 1925 г. ** и заключительного протокола от 17 января 1933 г. *** Далее мы обратили внимание на последние мероприятия германского правительства внутриполитического характера, которые наносят большой ущерб сбыту нашего экспорта в Германии. Сильное повышение пошлин на ряд важнейших экспортных советских товаров (яйцо, рыба), введение государственной монополии на торговлю жирами, подсолнухами, жмыхами и т. п., а также контингентирование других товаров — все это сильно отразилось на нашем экспорте, выражаясь в потере многих десятков миллионов марок.

Необходимо внести полную ясность в наши взаимоотношения, т. е.: считает ли германское правительство по-прежнему в интересах обеих сторон восстановление нормальных дружественных отношений, и в этом случае необходимо принять серьезные, решительные меры к устранению всего, что

---

* — отказ в предоставлении *(нем.)*.

** См. т. VIII, док. № 342.

*** См. док. № 16.

мешает этому. Быть может, следует обменяться мнениями по этому поводу в весьма авторитетной среде.

Бюлов ответил, что как он, так и Нейрат, с которым он еще накануне связался по телефону, стоят на точке зрения необходимости возможно скорее изменить создавшееся положение в интересах обеих стран, что он уже предпринял шаги в отношении пресечения вредных действий для работы «Дероп», но это дело осложняется технически, ибо надо договориться не только с Пруссией, но и с другими германскими государствами *. Как только возвратится из временного отпуска Нейрат, он немедленно энергично возьмется за это дело и продвинет весь этот вопрос. Если понадобится, то Нейрат организует обмен мнениями по всем хозяйственным вопросам.

Этим закончилась беседа по хозяйственным вопросам в присутствии Вейцера. Затем Вейцер удалился, и я обратился к Бюлову с другими вопросами.

По поводу «пакта четырех» ** Бюлов заявил, что для германского правительства являлся приемлемым лишь первый проект Муссолини. Этот проект, по словам Бюлова, заключал в себе предпосылку сохранения мира в Европе, устраняя путем обмена мнениями всякий повод к конфликтам. Кроме того, в нем предусматривалась ревизия Версаля и намечалось положительное решение вопроса о разоружении в духе германского плана, а также в одном из пунктов указывалось на необходимость установления экономических связей с другими странами, а именно с САСШ и СССР. Измененный проект пакта под влиянием Макдональда является мало приемлемым для Германии. Теперь существует несколько проектов пакта: первоначальный — Муссолини, английский, французский и бельгийский. Все они, за исключением проекта Муссолини, неприемлемы, особенно французский, требующий проведения пакта в рамках Лиги наций, а в отношении ревизии стоящий на точке зрения изменения лишь методов ревизии и в основе укрепляющий старый припев Франции о безопасности. При всем этом Муссолини не потерял надежды добиться соглашения и продолжает свои переговоры. Бюлов полагает, что для Муссолини это является престижным вопросом, и он предполагает организовать конференцию в Италии в составе: он, Даладье, Макдональд и Гитлер. Сам Бюлов настроен пессимистически, не верит в возможность соглашения.

По поводу поездки Папена и Геринга в Рим Бюлов заявил, что Папен имел поручение к Ватикану по поводу конкордата и для выяснения отношения Ватикана к «нацп». Геринг поехал по личной инициативе, имея в виду догово-

* Имеется в виду — землями.

** См. «Сборник документов по международной политике...». вып. VI, М., 1934, стр. 3—10.

риться с Бальбо* о нанесении визита Германии организуемой им [воздушной] эскадры для полета в Америку. Если нельзя осуществить этот визит при полете в Америку, то хотя бы в обратном направлении, где-либо на Рейне, например во Франкфурте. Однако, имея в виду, что все же в Риме будут затронуты и другие вопросы, аусамт инструктировал Папена и Геринга по поводу пакта четырех держав. Бюлов сейчас еще не знает, были ли разговоры у них по этому вопросу.

В отношении таможенного союза с Прибалтикой Бюлов категорически заявил, что его они никому из Прибалтийских стран не предлагали и намерения такого не имели. Он полагает, что это недоразумение исходит из Ковно, так как Риттер** сообщил Литве в письменной форме, что экономические требования, которые выставили литовцы, возможно было бы провести лишь в рамках таможенной унии, но к заключению таковой Германия относится отрицательно.

В конце Бюлов заявил, что вопрос о ратификации Берлинского договора*** решен положительно, но Нейрат по возвращении своем из отпуска должен договориться с рейхсканцлером о сроке ратификации. Нейрат имеет намерение, чтобы ратификация совпала с практическими мерами по устранению препятствий нормальной работе и с приглашением меня Гитлером для беседы****.

Хинчук

Печат. по арх.

132. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР корреспонденту агентства Рейтер Флемингу и корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс Ричардсону

23 апреля 1933 г.[*****]

Я получил Ваше письмо от 20-го сего месяца [106], в котором Вы просите меня высказаться об условиях, положенных в основу торговых отношений с СССР, ввиду, как Вы пишете, «положения, возникшего вслед за наложением фактического эмбарго на советский экспорт Великобританией»[******], а также «могущих возникнуть ошибочных представлений о политике СССР в связи с внешней торговлей».

Мне кажется, что, поскольку со стороны СССР за последнее время не возникало никаких новых действий или распоряжений, затрагивающих его внешнюю торговлю, Ваш вопрос

---

* Министр авиации Италии.

** Заведующий отделом экономической и репарационной политики МИД Германии.

*** См. подстрочное примечание * на стр. 136.

**** См. док. № 138, 139.

***** Дата опубликования.

****** См. стр. 256.

направлен не по адресу и что правильнее было бы обратиться с ним к той стране, действия которой побудили Вас написать мне свое письмо. По отношению к этой стране был бы, кажется, вполне законен и понятен вопрос о том, руководствуется ли она в своей внешней торговле только торговыми и экономическими соображениями или также побуждениями политическими, полицейскими, престижными и иными.

Я, однако, готов ответить на Ваш вопрос относительно торговой политики СССР вообще. Наша внешняя торговая политика покоится на незыблемых основаниях, которых мы не меняли с самого начала нашей внешней торговли и менять не собираемся. Предпосылками этой политики являются: 1) Экономическая связь между странами мира, и в особенности между крупнейшими из них, независимо от существующих в них социально-политических систем. 2) Выгода, извлекаемая каждой страной из ее торговли с другими странами, доверие к покупателям и к продавцам, основанное на объективной платежеспособности и доказанное на деле выполнением торговых и финансовых обязательств. 3) Отсутствие политических потрясений во взаимоотношениях торгующих стран как условие стабильности торговых отношений. 4) Свобода выполнения официальными представителями торгующих стран необходимых формальных функций, связанных с торговлей. 5) Законное общение между представителями правительств и гражданами торгующих стран. 6) Подчинение иностранцев юрисдикции страны их пребывания.

Отсутствие или нарушение любого из этих условий неизбежно затрудняет и уменьшает или делает совершенно невозможной торговлю между двумя странами.

Мы не допускаем, чтобы торговля одного государства с другим вызывалась иными соображениями, кроме собственной выгоды, и диктовалась любовью или особыми симпатиями к этому другому государству. Советские заказы принимались и выполнялись потому, что соответственные коммерсанты и промышленники находили это выгодным для себя. Интерес к этим заказам особенно усилился за последние годы кризиса и сокращения других рынков сбыта. Равным образом наши экспортные товары покупались по соображениям выгодности цен, качества, географической близости и т. п.

Особенная выгодность торговли с СССР состоит в том, что, в то время как он ввозит преимущественно изделия (машинное оборудование) и полуфабрикаты (металлы), он вывозит почти исключительно сырье, абсолютно необходимое другим странам, а не предметы роскоши, потребление которых можно сокращать или без которых можно совсем обходиться.

Другая особенность состоит в том, что мы продаем свое сырье не ради накопления золота или девиз, а для расширения

я покрытия нашего импорта. Можно заменять наше сырье продуктами других стран, но это не приведет к значительному увеличению импорта этих стран. Эластичность импорта является исключительной особенностью Советского Союза.

К этому надо добавить объективную, доказанную на деле платежеспособность нашей страны, вытекающую из огромных естественных богатств и источников сырья, ее ничтожной внешней задолженности и, наконец, из того факта, что внешняя торговля СССР монополизирована, т. е. находится в руках государства.

Говоря об эластичности нашего импорта, надо иметь в виду не только возможность весьма большого растяжения, но и сокращения импорта. Наша заинтересованность в импорте с каждым годом уменьшается. Мы теперь уже можем без большого ущерба для темпов нашего строительства сокращать наш импорт, и мы, естественно, это делаем и будем делать по мере сокращения нашего экспорта. Мы уверены, что в большем проигрыше от сокращения нашего импорта останутся те государства, которые нас к этому принудят, но это отразится также на всеобщем мировом кризисе.

С другой стороны, при соответственных условиях мы могли бы увеличить наш импорт до таких размеров, которые не могут не оказаться без влияния на мировой кризис. Не говоря уже о заказах на машины и оборудование, которые могли бы значительно уменьшить безработицу, мы могли бы в ближайшее время при известных условиях своими заказами сократить мировые запасы некоторых металлов на 30—40 и даже 60%. Есть товары, мировые запасы которых могли бы быть поглощены нами и на все 100%.

Завтра наступает 15-я годовщина нашей монополии внешней торговли *. Нечего говорить о том, что эта система, с нашей точки зрения, полностью себя оправдала. Мы знаем, что эта система служит предметом зависти со стороны других государств, некоторые из которых даже пытались частично вводить ее у себя. Эта система должна быть признана, однако, выгодной также для наших контрагентов. Чтобы прийти к этому заключению, достаточно подсчитать количество банкротств частных торговых фирм, заводов и банков в других странах и сумму потерь. При распылении торговли среди множества покупателей необходимо всегда учитывать определенный процент риска от банкротства, а в годы кризиса этот процент особенно высок, между тем как этот риск совершенно отсутствует, когда имеют дело с единым покупателем в лице такого мощного государства, как Советский Союз.

---

* См. т. I, док. № 143.

Монополия внешней торговли одно время вызывала за границей опасения использования ее Советским правительством в политических целях. Эти опасения, однако, ни на чем не основаны и на практике не оправдались. Советское правительство разрешало торговлю с дружественными, полудружественными и враждебными странами и даже с такими, с которыми оно не имеет никаких официальных отношений. Но по природе своей внешняя торговля требует известных правовых рамок, отсутствие которых отражается на ее развитии. Торговля, естественно, больше развивалась с теми странами, которые способствовали созданию необходимых для этого условий. Развитие торговли и стабильность ее требуют известного спокойствия и отсутствия потрясений. Не может быть ни развития торговли, ни стабильности, если малейшие трения и политические конфликты между правительствами могут в любой момент оборвать торговлю и если правительства присваивают себе право освобождать своих граждан или коммерческие предприятия от обязательств, принятых ими на себя по коммерческим соглашениям и договорам. Подобные мероприятия вряд ли являются надлежащей подготовкой Мировой экономической конференции, ставящей себе одной из задач урегулирование и нормализацию внешней торговли в мировом масштабе.

Литвинов

Печат. по газ. «Известия» № 107 (5033), 23 апреля 1933 г.

133. Сообщение ТАСС об обмене письмами между товарищем Председателя правления КВЖД С. М. Кузнецовым и Председателем правления КВЖД Ли Шао-гэном

24 апреля 1933 г.

Товарищ председателя правления КВЖД т. Кузнецов получил от председателя правления дороги г. Ли Шао-гэна 12 апреля и 18 апреля с. г. два письма в связи с создавшимся положением на ст. Маньчжурия.

В своем первом письме г. Ли Шао-гэн утверждает, что Уссурийская железная дорога якобы задолжала КВЖД большое количество вагонов, и настаивает на скорейшем их возврате, а также на возврате на КВЖД паровозов-декаподов, перешедших на советскую территорию.

Во втором письме Ли Шао-гэн заявляет, что насильственные действия маньчжурских властей на ст. Маньчжурия, закрытие стрелок, соединяющих пути КВЖД с Забайкальской ж. д., запрещение прямого сообщения и транзита и т. д. произведены по распоряжению министерства путей сообщения для охраны имущества дороги и приостановки прямого беспе-

регрузочного сообщения. Что касается поездов международного сообщения, то Ли Шао-гэн заявляет, что никаких препятствий этому сообщению не чинится и что не было никаких намерений затруднять это сообщение.

На эти письма т. Кузнецов 20 апреля с. г. вручил г. Ли Шао-гэну ответ, в котором т. Кузнецов указывает, что в полученных им от Ли Шао-гэна письмах от 12 апреля и 18 апреля он не нашел ответа на свое предыдущее письмо от 10 апреля [107], адресованное г. Ли Шао-гэну, в котором т. Кузнецов заявил решительный протест против насильственных действий железнодорожной полиции на ст. Маньчжурия и исчерпывающе разъяснил на основании существующих договоров права Советского Союза на прямые и транзитные перевозки по КВЖД. Тов. Кузнецов в письме от 10 апреля требовал также принятия мер к немедленной отмене всех незаконных действий и распоряжений, а также уведомления его, когда начнутся предложенные министерством путей сообщения маньчжурского правительства переговоры о заключении специального соглашения о прямом сообщении между КВЖД и дорогами СССР.

Тов. Кузнецов указывает, что он надеется получить по затронутым им вопросам скорый ответ.

Далее т. Кузнецов пишет: «Считаю необходимым разъяснить следующее: прежде всего отметить, что утверждение в Вашем письме, что «КВЖД — совместное предприятие двух государств», смешивает вопрос о собственности с вопросом управления. Как Вам известно, КВЖД есть собственность СССР и лишь совместно управляема».

Касаясь вопроса о прямом международном европейско-азиатском сообщении, т. Кузнецов пишет:

«Из телефонограмм управляющего дорогой Рудого Вам известно, что управление дороги чрезвычайно обеспокоено тем, что 7 апреля начальник пограничного полицейского отряда на ст. Маньчжурия письменно сообщил начальнику станции, что ввиду распоряжения маньчжурского правительства прекращается прямое грузовое сообщение в обе стороны до разрешения вопроса между правительствами, затем на стрелки навешиваются замки с предупреждением, что при попытке сиять их или передвинуть вагоны на Забайкальскую железную дорогу будет применена сила, причем задержанные грузы перегружаться не должны впредь до распоряжения правительства и вагоны, прибывающие с Забайкальской железной дороги на ст. Маньчжурия, после выгрузки обратно выпускаться не будут [108].

На это я специально обратил Ваше внимание письмом от 10 апреля, и до сего времени неизвестно об отмене этого распоряжения полицейскими властями, действующими, как они

ссылаются, на основании распоряжения министерства путей сообщения.

Управление дороги, имея в виду эти препятствия, чинимые местными властями, телефонограммой от 8 апреля с. г. запросило наших указаний, предупреждая, что оно запрошено рядом дорог — участниц европейско-азиатского сообщения о возможности пользоваться услугами КВЖД по перевозке грузов в прямом европейско-азиатском сообщении.

Управление дороги, считаясь с интересами КВЖД и внимательно относясь к интересам государства, до настоящего времени ожидает снятия препятствий на ст. Маньчжурия и извещения об этом.

Как известно, управление до сих пор этого извещения еще не получило и, несмотря на его обязанность немедленно ответить на запрос участниц европейско-азиатских сообщений, воздержалось от такого сообщения, ожидая наших с вами мероприятий и ответа.

Учреждениями, препятствующими прямому европейско-азиатскому сообщению, являются власти Маньчжоу-Го и, в частности, те представители министерства путей сообщения, по указаниям которых полицейские власти на ст. Маньчжурия провели незаконные мероприятия, нарушающие интересы как КВЖД, так и дорог — участниц европейско-азиатского сообщения.

Надеюсь, что в целях недопущения нарушений обязательств КВЖД Вы добьетесь нужного распоряжения властям на ст. Маньчжурия об устранении чинимых ими беззаконий и официального уведомления ими тех же лиц, которых они предварительно поставили в известность о введении указанных мер, что даст возможность управлению дороги известить дороги-участницы о продолжении прямого сообщения».

Изложив известную точку зрения Советского правительства по вопросу о вагонах и паровозах, приведенную в заявлении замнаркома иностранных дел т. Карахана японскому послу в Москве г. Ота* и в письме генконсула СССР в Харбине т. Славуцкого дипагенту маньчжурского правительства [108], т. Кузнецов указывает далее, что под предлогом защиты имущественных прав КВЖД маньчжурские власти совершили ряд насильственных действий, которые прежде всего направлены к подрыву нормальной работы КВЖД и нанесли серьезный ущерб интересам СССР, и что маньчжурская часть правления КВЖД не приняла мер к обеспечению интересов дороги, к прекращению порчи колоссального количества подвижного состава в результате крушений на Восточной линии КВЖД, к возвращению захваченной у КВЖД перевалочной

* См. док. № 121, 122.

пристани, к ограждению личной и имущественной безопасности рабочих и служащих и т. д.

В заключение т. Кузнецов выражает надежду, что Ли Шаогэн предпримет надлежащие шаги к урегулированию поднятых вопросов и добьется распоряжения властям на ст. Маньчжурия не чинить препятствий работе дороги в ее участии в европейско-азиатском сообщении и законному использованию КВЖД в транзитных перевозках между дорогами СССР, а также к созданию необходимых условий для нормальной работы КВЖД.

Тов. Кузнецов подчеркивает, что советские представители на КВЖД заинтересованы в нормальной работе КВЖД, которая давала бы наилучший эффект для обеих сторон на основе точного соблюдения соответствующих соглашений и положений о КВЖД.

Печат. по газ. «Известия»
№ 105 (5039), 24 апреля 1933 г.

134. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтина Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану

25 апреля 1933 г.

Экспедиция по борьбе с вредителями сельского хозяйства выезжает из Верхнеудинска в начале мая и будет работать по плану, согласованному с монгольским правительством, а также с нами. Крайне необходимо включить в состав экспедиции специалиста по борьбе с полевыми мышами, размножившимися особенно на востоке страны в огромных размерах, на чем настаивают монголы. Посылку авиаэкспедиции по борьбе с лесными вредителями монголы поддерживают в целях спасения лесов Богдоула около Урги. Целесообразность такой экспедиции в этом году выяснится после заключения специалиста авиабазы Иркутска, который для этой цели должен приехать в Монголию [10].

Полпред

Печат. по арх.

135. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Л. М. Хинчука в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

26 апреля 1933 г.

Был у Нейрата. Заявил решительный протест против всех эксцессов, происшедших после моей беседы с ним *, а именно:

* См. док. № 111.

против обыска Файнштейна, против задержания Альберга *, против последнего полицейского налета на «Дероп»[46], против дискриминирующих мероприятий — первого и единственного случая назначения комиссара в иностранное предприятие и тому подобное. Далее привел факты искажения со стороны [телеграфного агентства] Вольфа заявления Нейрата и неопубликования германской прессой заявления, сделанного Дирксеном Литвинову **. Все эти факты находятся в противоречии и в корне подрывают заявление рейхсканцлера в рейхстаге о желании сохранить хорошие отношения с СССР ***. Я указал, что внутриполитические и экономические мероприятия германского правительства (увеличение пошлины, монополия и контингенты) сильно ударят по нашей торговой работе, мы об этом неоднократно заявляли ****, а между тем германское правительство ничего не предпринимает для урегулирования с нами этих вопросов. Что касается «Дероп», мы никогда не пойдем на признание комиссара, мы сами готовы предпринять некоторую реорганизацию, сдавая в некоторых местах комиссионерам районные аппараты при условии гарантии нам количества и цен, однако при теперешнем положении дела в «Дероп» мы не найдем солидных комиссионеров.

Необходимо, чтобы германское правительство о работе «Дероп» издало благоприятный циркуляр, и мы должны получить обязательство от германского правительства о создании действительно нормальных условий для работы «Дероп», что явится предпосылкой фактического содействия правительства указанной реорганизации, а сейчас мы этого не видим и, наоборот, видим содействие полной дезорганизации всей работы «Дероп», ибо фактически произошла конфискация «Дероп». Нейрат опять сослался на шаги аусамта и его лично для урегулирования и приведения в надлежащие желательные нормы наших дружественных взаимоотношений[37]. Об этом он снова вчера говорил с Гитлером. Он знает, что нужно ускорить это дело, что он согласен, что назначение комиссара в «Дероп» не содействует этому, что он относится отрицательно к мероприятию прусского министра внутренних дел, что будет добиваться, чтобы комиссар был только над кадрами в качестве персонал-шефа с правами члена правления, будет беседовать с Гугенбергом об ускорении разрешения наших хозяйственных вопросов. Наконец, он передал извинения от Гитлера, который

---

* Соответственно заместитель торгпреда СССР в Германии и председатель советско-германского транспортного общества «Дерутра».

** Так в тексте. По-видимому, имеется в виду заявление М. М. Литвинова Дирксену 3 апреля 1933 г.; см. док. № 105; ответ Дирксена Литвинову см. док. № 112.

*** Имеется в виду речь Гитлера 23 марта 1933 г.; см. также док. № 95.

**** См. док. № 131.

вызван завтра в 12 часов к Гинденбургу, поэтому он принимает меня в пятницу 28-го в 11 часов утра *.

Полпред

Печат. по арх.

136. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

25 апреля 1933 г.

Резюме свидания с Даладье от 24 апреля. Я передал Даладье благодарность Литвинова за сообщение текста контрпроекта и меморандума **. В процессе обмена мнениями я вновь высказал наше отношение к «пакту четырех» и к французскому контрпроекту в соответствии с полученной мною директивой [11]. Даладье сказал, что французское правительство не могло начисто отклонить пакт и что в своем контрпроекте французское правительство предлагает собственный, но не законченный пакт, а лишь декларацию. Французское правительство сделало это умышленно, полагая, что декларация четырех могла бы только впоследствии быть заменена пактом, если будущее покажет, что она даст благоприятный результат в деле установления доверия и замирения. По словам Даладье, итальянцы приняли контрпроект не враждебно, но зато немцы подвергают его яростной критике. Даладье ругал американцев за доллар и за то, что, ограничив ранее вашингтонские переговоры [93] только финансово-экономическими вопросами. Рузвельт вдруг неожиданно выдвинул перед Эррио на первый план политические вопросы, как, например, разоружение. Даладье поругивал и англичан, «с которыми вот-вот думаешь, что договорились, но вновь и вновь объявляются все вопросы открытыми». Он опять заверял меня в своем стремлении упрочить и развить франко-советские отношения. Но когда я попросил у него ответа на затронутый в прошлой беседе *** вопрос о декрете 20 марта и «ассюранс кредит», то он, несмотря на мое неоднократное настояние, все же не сказал ничего определенного. По поводу торговых переговоров он сказал, что в полном согласии с ним самим министр торговли Серр правильно понимает экономическое и политическое значение торгового соглашения и весьма благоприятно относится к скорейшему благополучному разрешению торговых переговоров. Из окольных ответов Даладье на мой вопрос я понял, что между Патенотром и

* См. док. № 138, 139.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 12—14.

*** См. док. № 116.

Серром происходит междуведомственная борьба вокруг переговоров, что Серр настаивает на ведении переговоров министерством торговли, что Даладье пытается найти примиряющую линию, но еще не нашел ее и что эта неожиданная организационная неувязка и отвлекла пока Даладье от существа вопроса. Я вновь развил свои соображения в пользу «ассюранс кредит», и Даладье, часто поддакивая мне, вновь заявил, что обсудит этот вопрос в ближайшие дни и даст директиву. Что касается декрета, то он не скрыл от меня, что Серр против отмены его из-за боязни неприятностей со стороны англичан, которые-де будут обвинять французское правительство в дискриминации. Я отвел это опасение. Даладье не возражал и сказал, что поговорит опять с Серром. Даладье пространно говорил на тему о том, что он мечтает о переходе по окончании нынешних торговых переговоров к новому этапу франко-советских отношений и был бы счастлив, если бы ликвидация спора о долгах помогла осуществлению его надежды. Еще в 1922 г. в Москве он это говорил и теперь повторяет, что полюбовное, пусть даже только кажущееся урегулирование вопроса о долгах расчистит путь для прочной франко-советской дружбы.

Заключаю: 1. На отмену декрета, впредь до подписания торгового соглашения, надежды очень мало. 2. Трудно сказать, будет ли Серр лучше Патенотра в торговых переговорах; Гуревич * боится, что будет хуже. 3. Полагаем, что дальше нажимать на французов и торопить их с торговыми переговорами было бы вредно. Я сказал Даладье, что Гуревич и все его эксперты находятся в Париже и стоит только Даладье, или Серру, или Патенотру заявить нам, что они готовы активизировать переговоры, и мы к их услугам.

Того же 24-го я сделал перед Баржетоном** устный демарш по поводу дела фальшивых векселей*** (наш гражданский иск будет слушаться в коммерческом суде 8 мая) и оставил ему памятную записку.

Довгалевский

Печат. по арх.

137. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Временному Повереиному в Делах СССР в Финляндии Н. Г. Поздиякову

27 апреля 1933 г.

Уважаемый товарищ,

1. Несмотря на традиционные заверения Ирье-Коскинена и Хакселя о том, что в Финляндии все «по-прежнему» спокой-

* Торгпред СССР во Франции.

** Начальник европейского управления МИД Франции.

*** См. т. XIII, прим. 12.

но, я думаю, во влиятельных кругах Финляндии, как и в других Прибалтийских странах, хотя и со свойственными финнам темпами и спокойствием, происходит обсуждение вопросов внешнеполитической ориентации, поставленных в порядок дня развитием политических отношений в Европе и в Прибалтике.

Если прежде в Финляндии между собой конкурировали три ориентации внешней политики — горизонтальная (скандинавская), вертикальная (балтийско-польская) и нейтральная, которая, по существу, является ориентацией на западные державы и Лигу наций, то в последнее время развитие выдвигает еще и четвертую конкурирующую ориентацию — на гитлеровскую Германию.

2. Шансы скандинавской ориентации, по-видимому, сильно упали, а в настоящее время, в связи с обострением шведско-финляндских отношений на почве преследования шведского меньшинства в Финляндии, они ниже, чем когда бы то ни было.

Невелики в настоящее время и шансы польско-прибалтийской ориентации, наибольшими сторонниками которой всегда выступали прогрессисты и отчасти финляндская военщина. Все говорит за то, что Финляндия остается в стороне от движения за образование прибалтийского блока — большого, с Польшей, или малого, без нее. Можно поверить Ирье-Коскинену, который на днях говорил мне, что появившийся недавно в «Хельсингин саномат», органе ныне правительственной прогрессистской партии, призыв оказать помощь Польше против Германии не будет иметь серьезного значения для финляндской политики.

3. За самое последнее время объективным ходом событий выдвигается как новый фактор в финляндской политике течение за сближение с Германией. Хотя Германия и раньше пользовалась большими симпатиями в Финляндии — финляндская буржуазия никогда не забудет услуг, которые оказали ей в борьбе с пролетарской революцией немецкие националистические отряды,— Германия до недавнего времени не играла и, вследствие установок своей политики, не могла играть сколько-нибудь значительной роли в политике Финляндии. Положение существенно изменилось с приходом Гитлера к власти. С одной стороны, гитлеровская политика экспансии на Восток повышает значение Финляндии для Германии как опорного пункта в Прибалтике и, по крайней мере в мечтах Розенберга и окружающих Гитлера балтийских баронов, как союзника и плацдарма в будущей войне с СССР. С другой стороны, лапуасские круги и близкие к ним коалиционеры, естественно, видят в гитлеровской Германии опору для фашизации Финляндии и борьбы с коммунизмом. Вопреки заявлению Ирье-Коскинена, влияние националистских кругов Герма-

нии не уменьшилось, а выросло и, наверное, еще будет расти в Финляндии. Лозунги лапуасцев представляют по большей части буквальную копию гитлеровских лозунгов. Лапуасцы во всем идут по стопам своих немецких собратьев. Эта «идейная» близость имеет к тому же и солидный экономический фундамент. Финляндия больше чем когда бы то ни было заинтересована в сбыте своих сельскохозяйственных продуктов в Германию, и гитлеровцы в этом случае, по-видимому, готовы сделать соответствующие изъятия из своей автаркистской торговой политики. Вообще в своей политике в Прибалтике гитлеровцы проявляют, по-видимому, больше мудрости, чем в отношении других стран. Это является следствием того, что в этой области, в отличие от других, Гитлер имеет штаб опытных и знающих дело политиков во главе с Розенбергом.

В свете сказанного нельзя не согласиться с мнением т. Штейна, что визит фон дер Гольца в Гельсингфорс [12] отнюдь не носил только протокольный характер. Имея в виду далеко идущие цели своей прибалтийской политики, германское правительство поступило бы слишком неумно, если бы не использовало поездки в Гельсингфорс столь популярного в Финляндии деятеля, как фон дер Гольц, для более глубокого зондажа финляндских правящих кругов по интересующим Германию вопросам. Сообщаемый в записи т. Штейна от 19-го сего месяца маленький эпизод на обеде у председателя сейма говорит очень многое [13].

4. Я, конечно, не думаю, чтобы Финляндия, особенно при руководстве такого осторожного политика, как Свинхувуд, связала свои судьбы с гитлеровской Германией в настоящее время, когда Германия не только безоружна, но и изолирована больше чем когда бы то ни было. Несмотря на компрометацию Лиги наций, основным принципом финляндской политики будет, конечно, и впредь поддержание наилучших отношений с Англией, Францией и Лигой наций. Однако, учитывая сказанное, мы должны иметь в виду потенциальную возможность развития финляндской политики при известных условиях в сторону серьезного сближения с Германией.

Не обманывая себя внешним спокойствием и стабильностью финляндской политики, мы должны пристально следить за развитием финско-германских отношений. Было бы очень важно попытаться получить дополнительную информацию о пребывании фон дер Гольца в Гельсингфорсе.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

138. Сообщение Полномочного Представителя СССР в Германии о беседе с Рейхсканцлером Германии Гитлером*

28 апреля 1933 г.

Гитлер принял меня в присутствии Нейрата, который, представив меня, сказал, что я хорошо говорю по-немецки. Тогда Гитлер предложил мне как бы первое слово. Я сказал, что ввиду важности затрагиваемых мною тем я позволю себе прочитать записанное мною и оставить эту запись у него, на что он согласился. Чтобы не повторять, прилагаю точный текст прочитанного мною**.

После этого Гитлер произнес большую речь, в которой он говорил о том, что правительство в Германии теперь твердо и устойчиво и тот сделает ошибку, кто станет предполагать, что в Германии может быть речь о каких-нибудь дальнейших политических переменах. Это нужно констатировать как факт, и оба наши государства должны как бы признать непоколебимость фактов взаимного существования на долгое время и исходить из этого в своих действиях. Наши страны являются полными господами каждая у себя, и обе не должны вмешиваться во внутреннюю жизнь друг друга. Я тут же сказал, что с нашей стороны такое невмешательство всегда было руководящим принципом и строго осуществлялось. Гитлер продолжал, что существование национал-социалистов у власти в Германии установлено раз и навсегда и никаких изменений не последует. Он убедился в том, что враги национал-социализма оказались крайне слабы. Он переоценивал силу и значение компартии и социал-демократии. У них не оказалось людей. Если бы, дескать, он стоял во главе компартии или социал-демократии, то дело могло выглядеть совершенно иначе.

Дальше Гитлер как бы перешел к внешнеполитическим вопросам. Он сказал, что, независимо от разности мировоззрения обеих стран, их связывают взаимные интересы и эта связь носит длительный характер. Это верно и для экономической области и для политической, потому что трудности и враги у них одни и те же. Советы, например, должны заботиться о своей западной границе, Германия же должна заботиться о своей восточной границе. У Германии тяжелое экономическое положение, но и у Советов оно нелегкое. И в том и в другом случае и во многих остальных все время нужно помнить, что обе страны могут дополнять друг друга и оказывать взаимные услуги. В трудном положении настоящей эпохи Гитлер считает, что падение национал-социалистского правительства для Германии явилось бы такой же катастрофой,

---

* Из письма в НКИД СССР от 28 апреля 1933 г.

** См. док. № 139.

как, например, падение Советской власти для России. В этом случае оба государства не сумели бы сохранить свою независимость. Что бы вышло из этого? Это привело бы ни к чему другому, как к посылке в Россию нового царя из Парижа, а Германия погибла бы как государство.

По перечисленным мною частным вопросам Гитлер заявил, что ратификация протокола о продлении Берлинского договора * произойдет в ближайшее время. Я воспользовался возможностью сказать еще раз и заявил, что хочу особо обратить внимание Гитлера на два момента — это положение в «Дероп» и удары германских торгово-политических мероприятий по советскому экспорту. В «Дероп» назначен комиссар, но его полномочия нужно ограничить вопросами кадров. Вопросы же управления нашим имуществом, нашими деньгами и вопросы коммерческие, естественно, должны остаться в руках акционеров и их доверенных людей.

Гитлер обратился к Нейрату и спросил, а разве комиссар занимается всеми этими делами и как Нейрат находит этот вопрос. Нейрат ответил, что он считает мою претензию справедливой. Тогда Гитлер сказал, что, конечно, комиссар должен заниматься только персональными вопросами, и поручил Нейрату заняться этим делом.

По другому вопросу я сказал, что не знаю к кому и обращаться. Мы много раз обращали внимание германского правительства на гибельность его мероприятий для нашего экспорта. Между тем мы ведь должны платить по нашим обязательствам, и основным средством платежа для нас является наш экспорт. Необходимо, чтобы мы снова сели и поговорили о том, как быть дальше. Гитлер снова обратился к Нейрату и сказал, что нужно серьезно заняться этим вопросом. Он поручит Гугенбергу повести с нами соответствующие переговоры и искать пути для согласования наших интересов.

На этом разговор кончился. Прощаясь, Гитлер сказал, что в случае возникновения трудностей я всегда могу лично обращаться к нему и он будет к моим услугам.

С товарищеским приветом

Хинчук

Печат. по арх.

139. Заявление Полномочного Представителя СССР в Германии Л. М. Хинчука Рейхсканцлеру Германии Гитлеру **

28 апреля 1933 г.

Господин Рейхсканцлер,

Заявления Министерства Иностранных Дел о стремлении Правительства Германии поддерживать дружественные отно-

* См. т. XIV, док. № 191.

** Вручено во время беседы 28 апреля 1933 г.; см. док. № 138.

шения с Союзом Советских Социалистических Республик *, а также Ваше выступление в германском Рейхстаге 23 марта 1933 г.** всякий раз с удовлетворением были восприняты Правительством Союза Советских Социалистических Республик и способствовали укреплению уверенности в сохранении и беспрепятственном развитии дружбы между нашими обеими странами, испытанной годами.

Тем не менее я, к сожалению, вынужден воспользоваться Вашим любезным вниманием, чтобы подчеркнуть, что вера моего Правительства в будущее наших взаимоотношений за последнее время часто подвергалась суровым испытаниям вследствие образа действий официальных и неофициальных правительственных органов во всей Германии в отношении интересов СССР.

Инциденты вроде так называемых «отдельных акций» в отношении граждан и учреждений СССР в Германии и недостойное обращение с ними; неуважение к гарантируемым международным правом и договорами правам Торгового Представительства СССР в Германии и его сотрудников, пользующихся экстерриториальностью, как, например, обыски в гамбургском и лейпцигском отделениях Торгового Представительства СССР и у члена Совета Торгового Представительства СССР; меры дискриминационного характера в отношении акционерного общества «Дерон»[46] и общества с ограниченной ответственностью «Дерунафт», каковые, хотя и подчиняются германской юрисдикции, являются в то же время носителями важных экономических интересов СССР; ряд торгово-политических мероприятий Германского государства, прямо направленных также против интересов советского экспорта в Германию; враждебная позиция подавляющего большинства органов германской печати в отношении СССР — все это находится в противоречии с заявлениями Германского Правительства о его намерениях неизменно сохранять дружественные отношения с Союзом Советских Социалистических Республик и подрывает возможность принимать в расчет эти заявления в качестве основы германской политики в отношении СССР и на них полагаться.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик всегда готово неуклонно придерживаться принципов дружественных отношений, существующих между нашими странами, продолжать и развивать их в духе действующих договоров и соглашений. Однако для того, чтобы не вдаваться далее в вопрос об уже имевших место нарушениях интересов СССР, необходимо прежде всего решительно изменить упомя-

---

* См. док. № 51, 54, 64, 135.

** См. также док. № 95.

нутый образ действий, а затем сделать достоянием широкой общественности дружественную внешнеполитическую установку Германского Правительства в отношении СССР в духе действующих договоров в политической и, по меньшей мере в том же духе, в экономической области. Ибо в противном случае в обеих странах и за их пределами вскоре вряд ли найдутся люди, которые перед лицом систематического повторения и продолжения вышеназванных инцидентов смогут поверить, что между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией действительно сохранились прежние отношения.

Если мне будет позволено кратко изложить желаемое в этом направлении, я предложил бы Вашему вниманию нижеследующее:

a) Безотлагательно ратифицировать Протокол о продлении Берлинского договора 1926 г.*.

b) Внутриполитические преобразования в Германии впредь не должны отражаться на внешнеполитических интересах обеих стран и влечь за собой изложенный выше образ действий официальных и неофициальных правительственных органов в отношении граждан и интересов СССР.

c) Германскую прессу следовало бы снабжать такой информацией, которая единодушно осведомляла бы население, стоящее за Германским Правительством, о действительных намерениях германского кабинета в отношении СССР.

d) Следовало бы вновь совместно рассмотреть основы и предпосылки формирования приемлемого для СССР торгового и платежного баланса с Германией, а интересы советского экспорта в Германию привести в соответствие с интересами германской экономики, а также информировать германскую общественность о том, что в конструктивном подходе к германо-советскому торговому обороту заинтересована также германская сторона.

e) Полномочия государственного комиссара по делам акционерных обществ «Дероп» и «Дерунафт» следовало бы ограничить вопросами персонально-политического характера, оставив в неприкосновенности заботу об экономических, коммерческих и финансовых интересах СССР в «Дероп» и «Дерунафт» в ведении акционеров и их доверенных лиц.

Руководствуясь искренним желанием прояснить атмосферу в отношениях между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик и укрепить эти отношения, я прошу Вас, г. Рейхсканцлер, отнестись к моему заявлению с должным вниманием.

Печат. по арх.

---

* См. т. XIV, док. № 191.

140. Сообщение ТАСС об обмене письмами между товарищем Председателя правления КВЖД С. М. Кузнецовым и Председателем правления КВЖД Ли Шао-гэном

1 мая 1933 г.

В ответ на свои письма от 10 и 20 апреля с. г.* по поводу незакономерных действий маньчжурских властей на КВЖД тов. председателя правления КВЖД т. Кузнецов получил от председателя правления дороги Ли Шао-гэна два письма, датированные 20 и 22 апреля с. г.

В этих письмах Ли Шао-гэн отрицает факт принадлежности КВЖД Советскому Союзу, утверждая, что заявление т. Кузнецова об этом не имеет никаких юридических оснований.

Ли Шао-гэн обвиняет советскую сторону, в частности управляющего дорогой, в неправомерных односторонних действиях.

Повторяя свои прежние заявления относительно неправильных действий, якобы имевших место в обмене вагонами между КВЖД и советскими дорогами и в переходе на дороги СССР принадлежащих Союзу паровозов (декаподов), Ли Шао-гэн утверждает, что советская сторона якобы уклонялась от ответа по последнему вопросу.

В ответ на исчерпывающие разъяснения т. Кузнецова о праве СССР согласно контракту и уставу КВЖД, а также Пекинскому и Мукденскому соглашениям** на прямые и транзитные перевозки Ли Шао-гэн оспаривает обязательную силу контракта и устава КВЖД и ставит под сомнение сохранение действия Мукденского соглашения.

28 апреля т. Кузнецов послал Ли Шао-гэну нижеследующее письмо:

«В ответ на Ваши письма от 20 и 22 апреля я имею заявить нижеследующее:

1. Вы отрицаете, что КВЖД принадлежит СССР и является собственностью последнего, и утверждаете, что никаких юридических оснований к этому нет. Вопрос о том, что дорога принадлежит СССР, никогда и ни у кого не вызывал сомнений и является фактом бесспорным и признанным всеми документами и договорами.

Ваше утверждение нельзя понять иначе как прямую попытку нарушить существующие договоры, и в первую очередь Пекинский и Мукденский договоры с СССР, заключенные в 1924 г.

---

* См. док. № 133.

** См. т. VII, док. № 156, 222.

Как Пекинский, так и Мукденский договоры исходят из того бесспорного факта, что КВЖД является собственностью СССР. Эти договоры устанавливают ряд льгот для Китайского Правительства, добровольно предоставленных последнему Советским Правительством, но ни в какой мере не затрагивают прав СССР как собственника этой дороги.

По п. 2 ст. I Мукденского договора «Правительство СССР согласно, что со дня подписания настоящего соглашения Китай имеет право выкупить КВЖД». В дальнейшем говорится, что «дорога должна быть выкуплена Китаем на его национальные средства по справедливой цене».

В Пекинском договоре в ст. IX п. 2 сказано, что «Правительство СССР соглашается на выкуп Правительством Китайской Республики при посредстве китайского капитала КВЖД, а также всех принадлежащих к ней имуществ и на передачу Китаю всех акций и облигаций указанной дороги».

Если СССР, по Вашему мнению, не является собственником дороги, то каким образом китайская сторона могла согласиться с тем, чтобы выкупить эту дорогу у СССР?

Именно потому, что СССР является собственником дороги, п. 7 и 12 ст. I Мукденского договора и ст. VII Пекинского соглашения о КВЖД* предусматривают такой порядок решения финансовых вопросов дороги, при котором решающее слово принадлежит СССР как собственнику дороги.

Ваша попытка подвергнуть сомнению право собственности СССР на КВЖД, этот основной факт, на котором построены как Пекинский, так и Мукденский договоры, внушает мне серьезную тревогу и убеждает меня в том, что маньчжурская сторона ставит своей целью сорвать и уничтожить оба цитированные выше договора о КВЖД, являющиеся базой сотрудничества и совместного управления этой дорогой.

2. В свете таких агрессивных устремлений маньчжурской стороны конфликты и недоразумения, имевшие место за последнее время и продолжающие осложнять и срывать нормальную работу КВЖД, становятся понятными и приобретают особое значение. Становится понятным, почему маньчжурская сторона в нарушение Пекинского и Мукденского договоров срывает транзитное движение по КВЖД, прерывает связь между КВЖД и дорогами СССР, говорит прямую неправду о паровозах, принадлежащих СССР, и требует их возврата, без всякого основания обвиняет дороги СССР в намеренной задержке товарных вагонов в то время, когда на КВЖД задержано еще большее количество советских вагонов**.

---

* Имеется в виду ст. VII Соглашения о временном управлении КВЖД; см. т. VII, док. № 158.

** См. док. № 121, 122, 133.

Я уже не говорю о таких фактах, как захват перевалочной пристани у КВЖД маньчжуро-японскими властями *, захваты вагонов, железнодорожных сооружений, вмешательство со стороны полиции и военных в распоряжения и техническое руководство дорогой и возмутительные насилия над советскими гражданами, работающими на КВЖД **.

3. В своем письме от 10 апреля я исчерпывающим образом разъяснил Вам на основании существующих договоров права СССР на прямые и транзитные перевозки по КВЖД.

Ст. 10 контракта на постройку КВЖД гласит: «Багаж пассажиров, равно как и товары, перевозимые транзитом от одной русской станции до другой, не будет подлежать таможенным пошлинам; равным образом они будут освобождены от всяких внутренних налогов и сборов. Общество обязуется отправлять эти товары, за исключением пассажирского багажа, в специальных вагонах». Но еще более отчетливо это право транзита зафиксировано в параграфе 3 устава КВЖД, который гласит: «Поезда всех родов, следующие между русскими Забайкальской и Уссурийской дорогами, КВЖД принимает и перевозит по назначению в полном их составе без замедлений».

Приведенные статьи из устава и контракта КВЖД подтверждают полную обоснованность моих заявлений, сделанных по этому вопросу в моем письме от 10 апреля, и заставляют меня настаивать на скорейшем заключении специального технического соглашения о прямом сообщении между КВЖД и дорогами СССР.

Ваши попытки извратить действительный смысл этих обязательств КВЖД перед дорогами СССР и отрицать право транзита для СССР по КВЖД вытекают из пренебрежительного отношения со стороны Маньчжоу-Го к существующим международным соглашениям. Я должен в ответ на это заявить со всей категоричностью и решительностью, что ни я, ни Вы не уполномочены изменять и тем более нарушать действующие договоры и соглашения и что необходимость тщательного соблюдения обеими сторонами Пекинского и Мукденского договоров, в данном случае в части, касающейся Маньчжурии, не может быть предметом дискуссии.

4. Вместе с тем я должен решительно отвести попытки обвинить управляющего КВЖД в неправомерных односторонних действиях.

Вы не можете ни по одному вопросу привести доказательств подобных действий со стороны управляющего дорогой. Наконец, Вы не можете, в частности, отрицать тот факт,

---

* См. док. № 121.
** См. док. № 38.

что прямое сообщение с Забайкальской дорогой, равно как и транзитные перевозки, совершались с полного Вашего ведома и согласия.

Деятельность управляющего дорогой за последние годы в условиях военных событий и стихийных бедствий достойна самой высокой оценки со стороны всех заинтересованных в нормальной работе КВЖД. В первую очередь маньчжурская сторона должна была бы быть благодарна управляющему дорогой, что он своим руководством этой дорогой в тяжелейших условиях делал все, чтобы эта жизненная для всего края железнодорожная артерия не была разрушена и выведена из строя. Вы в качестве Председателя правления дороги должны были бы сами отводить всякие упреки по адресу г. Рудого, вместо того чтобы самому производить на него необоснованные нападки.

5. Что касается вопроса о вагонах и паровозах, то я дал в своем письме от 20 апреля вполне исчерпывающие разъяснения. Известно также, что лишено всякого основания Ваше утверждение, что по вопросу о паровозах советская сторона якобы уклонялась от ответа. Наоборот, с самого начала возникновения этого вопроса советская сторона неизменно держалась одной и той же позиции, изложенной еще в моем заявлении на заседании правления КВЖД от 7 апреля 1932 г. *

Я должен протестовать против того, что через год после данных мной исчерпывающих разъяснений этот вопрос маньчжурская сторона неожиданно и намеренно вновь подняла, чтобы сделать из него предлог для нарушения и игнорирования Пекинского и Мукденского договоров.

6. В заключение я вынужден обратить Ваше серьезнейшее внимание на то, что, пытаясь уничтожить силу Пекинского и Мукденского договоров такими заявлениями, как отрицание права собственности СССР на КВЖД и отрицание права транзитных перевозок по КВЖД, срывом нормальной связи между КВЖД и советскими дорогами, Вы подрываете тот международный статус, на котором покоится совместное паритетное руководство КВЖД.

Я вынужден полностью повторить требования, содержавшиеся в моих письмах от 10 и 20 апреля, и выразить свою уверенность в том, что маньчжурские представители на КВЖД проявят наравне с советской стороной заинтересованность в обеспечении нормальной работы КВЖД и будут вести свою работу на основе точного соблюдения Пекинского и Мукденского договоров без всяких попыток нарушать и срывать эти

---

* См. т. XV, док. № 371.

договоры, обязательность которых для себя не могло не признать и признало правительство Маньчжоу-Го в своей ноте на имя Советского Правительства от 12 марта 1932 г.*».

Печат. по газ. «Известия»
№ 114 (5045), 1 мая 1933 г.

141. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота

2 мая 1933 г.

Выслушав мое устное заявление (см. приложение) [114], Ота выразил благодарность «за столь откровенное исчерпывающее разъяснение». Он сказал, что передаст содержание в Токио немедленно по телеграфу. Он подчеркнул, что последний визит к Караханy [115] он нанес по собственной инициативе, не имея инструкций из Токио. Он хотел только выяснить, нельзя ли найти какие-нибудь способы к улучшению отношений. Неопределенное положение с пактом о ненападении ** не может не создавать неблагоприятного впечатления, и поэтому он считает нужным найти способ, чтобы отношения не ухудшались, а улучшались, и предложил заключить какой-нибудь договор, вроде торгового, что создало бы благоприятную атмосферу. На это будто бы Карахан ответил ему, что торговый договор — вещь хорошая, но еще лучше заключить акт политического значения, например о КВЖД. Отсюда беседа и перешла на тему о КВЖД, и тогда Ота, естественно, поинтересовался переговорами с Фудзивара ***.

Повторив несколько раз, что идея политического акта была высказана не им, а т. Караханом, Ота, однако, признал, что вопрос об инициативе политического акта не имеет значения. На КВЖД действительно создалось конфликтное положение, которое необходимо урегулировать, и он полагает, что мое сегодняшнее заявление будет этому содействовать. В последней ноте т. Карахана **** имеются пункты, относительно которых японское правительство наводит справки. Ота надеется на днях получить исчерпывающий ответ *****. Часть затронутых Караханом вопросов касается Японии, а другая часть — Маньчжоу-Го. Послу любопытно будет знать, какой ответ японское правительство даст на эту последнюю часть. Японское правительство действительно приняло ответственность за

---

* См. т. XV, прим. 97.
** См. док. № 2.
*** См. т. XV, прим. 229.
**** См. док. № 121.
***** См. стр. 325.

ненарушение интересов СССР на КВЖД, и это остается неизменным, но у Ота создалось впечатление, что положение немножко изменилось,— не политика японского правительства, а именно положение. Конфликт на КВЖД, по мнению Ота, является спором между СССР и Маньчжоу-Го внутри КВЖД *. Заявления, которые нам делало японское правительство, касаются внешнего положения КВЖД, нынешний же спор является внутренним. О действиях японских советников в Маньчжоу-Го и генерального консула Морисима Ота не имеет подробных сведений. Действия японских советников, находящихся на службе у Маньчжоу-Го, Японии не касаются. Его удивляет мое сообщение о поведении Морисима. Если он позволял себе такие незаконные действия, то они противоречат указаниям как министерства иностранных дел, так и военных властей, а именно указаниям соответственным японским лицам в Маньчжурии не допускать незаконных действий, не давать советов Маньчжоу-Го в нарушение международных правил и интересов третьих стран. В частности, японское правительство «сердечно и искренне уважает взаимоотношения (с СССР.— *Ред.*) и желает их улучшения». Ота спросил, нельзя ли его ознакомить с документами, о которых я говорил.

Я прочитал Ота некоторые места из записи беседы Карахана с ним, указывающие на инициативу Ота в постановке вопроса о политическом акте. Вместе с тем я также признал этот вопрос несущественным. Мы отнюдь не отрицаем значения торгового договора, который мы сами давно предлагаем, но всякому овощу свое время. Сейчас наиболее насущным является устранение и недопущение такого положения, при котором переговоры о торговом договоре казались бы смешными. Деление споров на вопросы, касающиеся Японии, и другие, касающиеся только Маньчжоу-Го, неубедительно для нас и еще менее убедительно будет для заграницы. Ота небезызвестно, что говорят в Женеве и других местах о роли правительства Маньчжоу-Го. Если мы ищем политического разрешения вопроса, то мы должны и рассуждать политически, а не формалистически. Я надеюсь, что японское правительство в ответ на мое сегодняшнее заявление не повторит своих формальных ссылок на исключительную компетенцию в этих вопросах Маньчжоу-Го, ибо это не сможет не быть расценено иначе, как нежелание Японии прийти к соглашению с нами. Что касается упомянутых мною документов, то я считаю нецелесообразным в данный момент предъявлять их г. послу. Может быть, впоследствии придется знакомить и посла и других с этими документами, но я надеюсь, что мы не будем вынуждены к этому.

---

* Так в тексте.

Ота вновь благодарил и повторил, что будет просить Токио о немедленном ответе, хотя, как нам известно, «они в Токио иногда медлительны».

На прощание я сказал Ота, что согласно своей практике я сейчас же после его ухода продиктую сказанное мною и пошлю ему копию этой записи в качестве памятки.

Литвинов

Печат. по арх.

142. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом

2 мая 1933 г.

1. После посещения мною Гитлера * и полученного от него согласия на ограничение роли государственного комиссара в «Дероп» Хольмана лишь персональными вопросами — причем вся деловая работа, как-то: финансовая, административная, торговая остается в руках советских представителей — я решил направиться к Нейрату, чтобы выяснить с ним, как практически провести это решение. Свидание с Нейратом было назначено на 29 апреля в 11 часов дня.

Утром 29 апреля в 10 час. 30 мин. утра явился ко мне т. Енко и сообщил, что Хольман ему заявил, что на основе моей беседы с Гитлером он, комиссар, сосредоточит свою работу на персональных вопросах. Образование правления «Дероп» и «Дерунафт», а также наблюдательного совета произойдет на началах большинства немецких представителей, и председателями во всех этих органах будут немцы. Документы, как денежные, так и другие, выпускаются за подписями представителей обеих сторон (немецкой и советской). Я предложил т. Енко остаться в полпредстве до моего возвращения от Нейрата.

Нейрат сообщил мне, что у него осталось очень хорошее впечатление от беседы моей с Гитлером. Он уверен, что теперь наступит фактический поворот и в общественном мнении сторонников теперешнего правительства и легче устранятся недоразумения, имевшие место в последнее время. Сам Гитлер вполне уверен, что отношения Германии с Советским Союзом улучшатся и укрепятся, так как обе стороны исходят из невмешательства во внутреннюю жизнь друг друга.

Я заявил Нейрату, что цель моего посещения — это договориться о практическом проведении тех мер по «Дероп» и хозяйственным переговорам, которые надо провести на основе

---

* См. док. № 138.

данного мне Гитлером обещания. Одновременно я указал Нейрату, что назначенный в «Дероп» комиссар Хольман заявил т. Енко о новых условиях работы в «Дероп», которые ни в какой мере не соответствуют существу принятого Гитлером решения. Ознакомив его с новыми требованиями Хольмана, я точно восстановил в памяти Нейрата, какое предложение я сделал Гитлеру и получил согласие последнего, а именно: роль Хольмана — персональные вопросы. Вся остальная практическая работа (финансовая, административная, торговая и т. п.) принадлежит представителям советской стороны. Мы согласны иметь в правлении и наблюдательном совете по два немца. Нейрат подтвердил правильность моей формулировки, вполне соответствующей сделанному мною заявлению у Гитлера. Далее я указал Нейрату, что ни на какие ультиматумы Хольмана мы не пойдем, что его требование равносильно конфискации нашего предприятия. Нейрат сказал, что здесь недоразумение и что он поручит Мейеру выяснить это дело. Гитлер, по словам Нейрата, вызвал по телефону Геринга и Грауэрта * и заявил, что их задачей является содействовать поднятию сбыта через «Дероп» советских нефтяных продуктов. По вопросу о хозяйственных переговорах Нейрат, по поручению Гитлера, беседовал с Гугенбергом, и последний на следующей неделе вступит со мною в переговоры **.

Далее я заявил Нейрату протест против деятельности в Германии русско-украинских эмигрантов. Я указал, что белоэмигранты принимали участие на похоронах Майковского с венками и с надписью на ленте: «Твои убийцы — наши палачи». Нейрат сказал, что он об этом не имеет понятия. Я заметил, что напрасно его чиновники не информируют его. Далее я сообщил Нейрату, что эти же белогвардейцы, в качестве русской национал-социалистской партии, предпринимают на берлинских площадях военные упражнения. У меня имеются сведения, что закрытые эмигрантские организации будут участвовать в процессиях 1 Мая со своими монархическими знаменами. Если это произойдет, то это снова вызовет протест с нашей стороны. Нейрат заявил, что он попытается по мере возможности еще теперь связаться с соответствующими органами для устранения этого.

[*Хинчук*]

Печат. по арх.

---

* Статс-секретарь министерства внутренних дел Пруссии.

** См. док. № 169.

143. Сообщение советника Полномочного Представительства СССР в Японии об открытии советского павильона на международной выставке в Токио*

3 мая 1933 г.

18 апреля 1933 г. состоялось торжественное открытие советского павильона международной выставки «Женщина и ребенок» с участием т. Юренева, заместителя министра просвещения Того, представителей мининдела, Советско-Японского общества, Общества культурной связи с СССР, многих видных японских ученых и свыше тысячи посетителей.

Представитель выставочного комитета в своей речи отметил красочность наших экспонатов, свидетельствующих о высоком уровне воспитания детей и улучшении жизни женщины. Он говорил, что наш павильон вызывает огромный интерес в Японии.

Тов. Юренев в своей речи говорил о том, что дальность расстояния не дала нам возможности привезти такое количество экспонатов, которое позволило бы полностью показать, что делается у нас в области воспитания и улучшения жизни женщины, но все же выставка поможет лучшему взаимному ознакомлению и укреплению растущих культурных связей между Японией и СССР.

Вице-министр просвещения Того огласил приветствие министра просвещения Хатояма, считающего, что открытие советского павильона является крупным событием в культурной жизни Японии, способствующим дальнейшему росту культурных связей между двумя странами.

Конечно, наш павильон не остался без внимания со стороны «реакционно-патриотических» кругов. Одна из подобных организаций в Токио собиралась даже представить полпреду резолюцию о закрытии павильона. Фашистская «Нихон» писала, что в нашем павильоне развертывается пропаганда, так как экспонаты подчеркивают преимущество социалистической системы. Та же газета назвала открытие нашего павильона «собранием красных мятежников». Антисоветские выпады «Нихон» остаются одинокими, так как находят отклики только со стороны полиции, проявляющей как к павильону, так и к представителям ВОКС тт. Мексину и Кравченко усердное внимание.

Общество культурной связи с СССР организовало поездку тт. Мексина и Кравченко в Осака, Кобе и Киото для ознакомления с местными культурно-просветительными учреждениями и проведения собеседований на культурно-просветительные

---

* Из обзора советника за апрель 1933 г.

темы. Благодаря нажиму полиции собеседование, организованное Обществом культурной связи в Киото, было сорвано.

Советник Полпредства СССР в Японии
И. Спильванек

Печат. по арх.

144. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Италии о торговом обмене

[6 мая 1933 г.]

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Итальянское Правительство, в целях благоприятствования развитию торгового обмена между своими странами, договорились о нижеследующем:

Статья 1

Общая стоимость товаров, которые СССР ввезет в Италию в течение всего 1933 года, сможет превысить не более чем на 100 миллионов лир общую стоимость товаров, вывезенных из Италии в СССР в тот же период времени.

Устанавливается, однако, что вышеупомянутая разница не сможет превысить в течение первых 4 месяцев 1933 года 50 миллионов лир и в течение первых 8 месяцев того же года — 80 миллионов лир.

Статья 2

Договаривающиеся стороны согласились, что для определения стоимости экспорта и импорта, применительно к тому, что установлено в статье 1, будут действительны,— за исключением эвентуальных исправлений, могущих быть произведенными упомянутой в статье 4 Комиссией,— суммы, регистрируемые статистикой специальной торговли по импорту и экспорту Итальянского Королевства, составляемой Главным Управлением итальянских таможен, согласно предварительным данным, приведенным в приложении и согласно нормам, которых указанное Управление придерживалось в течение последних лет.

Статья 3

Часть фрахтов, уплаченных СССР судам итальянского флага в течение 1933 года, сверх 20 миллионов лир, будет засчитываться в размере 50% в счет увеличения превышения

установленного в пользу СССР статьей 1 настоящего Соглашения.

Правительство СССР, в тех случаях, когда оно не будет пользоваться своим собственным тоннажем, окажет предпочтение на тот же период времени, при прочих равных условиях, итальянскому флагу при перевозках товаров,— как за свой счет, так и за счет организаций от него зависящих,— между итальянскими портами и портами Черного и Азовского морей и обратно.

Статья 4

Для применения настоящего Соглашения каждая сторона назначит двух представителей, которые будут встречаться в Риме по крайней мере каждые 4 месяца. Первое заседание будет иметь место 15 июля 1933 года.

Вышеуказанные представители будут иметь задачей:

a) рассмотрение статистических данных итальянских таможен, эвентуальное дополнение и исправление этих данных, в случае рекламаций сторон, обоснованных документами;

b) определение взаимного товарообмена применительно к тому, что предусмотрено в ст. ст. 1 и 3.

c) сотрудничество в целях наилучшего развития итало-советского товарообмена.

Представители должны будут иметь возможность пользоваться всеми теми данными и документами, эвентуально необходимыми для выполнения порученых им задач, предусмотренных в абзацах *a* и *в* настоящей статьи.

Статья 5

В случае, если окажется, что в ходе торгового обмена между обеими странами выявится превышение в пользу СССР, превосходящее установленное ст. ст. 1 и 3 настоящего Соглашения, то Правительство СССР обязуется урегулировать движение товарообмена таким образом, чтобы к последующей проверке превышение было доведено до фиксированных лимитов.

Статья 6

Настоящее Соглашение входит в силу немедленно после его подписания и срок его истечет 31 декабря 1933 года.

В удостоверение чего, Уполномоченный Союза Советских Социалистических Республик, господин Михаил Левенсон, член Коллегии Народного Комиссариата Внешней Торговли и Торговый Представитель Союза Советских Социалистических

Республик в Италии, и Уполиомоченный Италии, Кавалер Бенито Муссолини, Глава Правительства, Премьер-Министр Статс-Секретарь, Министр Иностранных Дел и Корпораций, временно исполняющий обязанности Министра Финансов,

подписали настоящий акт, составленный в двух экземплярах, и приложили свои печати.

Учинено в Риме, в двух экземплярах, 6 мая 1933 года.

За СССР
М. Левенсон

За Италию
Муссолини

Конфиденциально

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

В момент подписания между Союзом Советских Социалистических Республик и Италией Соглашения о торговом обмене и Соглашения о предоставлении гарантийных кредитов по экспортным сделкам [116], нижеподписавшиеся Уполномоченные установили, что оба вышеуказанных Соглашения будут автоматически продлены до 30 июня 1934 года, если по крайней мере за 15 дней до истечения их срока действия не окажется возможным возобновить или заменить их.

В таком случае продление будет иметь место на тех же общих условиях, которые содержатся в указанных двух Соглашениях, и устанавливается, что приведенные в последних обязательства, выраженные в цифрах, остаются в силе на соответствующие сроки.

Учинено в Риме, в двух экземплярах, 6 мая 1933 года.

За СССР
М. Левенсон

За Италию
Муссолини

Конфиденциально

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ СОВЕТСКО-ИТАЛЬЯНСКОЙ КОМИССИИ ПО ТОРГОВЫМ ПЕРЕГОВОРАМ

Обе Делегации закончили сегодня свою работу, что вытекает из актов, которые представлены уполиомоченным для подписания.

В связи с запросом советской делегации нтальянская делегация заявляет, что на срок действия Соглашения о торговом

обмене не будут засчитываться в счет экспорта из СССР в Италию:

а) советские товары, потребляемые в итальянских внетаможенных зонах и, в частности, те, которые предназначены для снабжения итальянских судов твердым и жидким топливом (бункеровка как военного, так и торгового флота);

в) советские товары, складируемые во внетаможенных зонах или в свободных от пошлин местах и на генеральных складах;

с) советские товары временно ввезенные в Италию и не предусмотренные в вышеуказанных предварительных нормах.

Рим, 6 мая 1933 года

От имени
Советской Делегации
М. Левенсон
С. Розовский

От имени
Итальянской Делегации
Елизио Баллерини
Оскар Синигалья

Соглашение и протокол печат. по арх.

145. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных дел СССР

7 мая 1933 г.

Муссолини пожелал лично сам подписать торговые соглашения и заявил мне, что весьма доволен положительным завершением переговоров *. В ответной речи я выразил уверенность, что соглашения окажут содействие дальнейшему развитию итало-советского сотрудничества. Муссолини тут же распорядился дать официальное коммюнике о подписании соглашений, заметив, что это должно произвести надлежащее впечатление. Министерство корпораций во вторник в ознаменование соглашения устраивает нам банкет. Считаю крайне желательным путем скорейшего приступа к намеченным закупкам поддержать дружественное отношение, проявляемое итальянцами к нам.

Полпред

Печат. по арх.

---

* См. док. № 144.

146. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем и начальником Восточного отдела Министерства Иностранных Дел Польши Шетцелем

9 мая 1933 г.

Принял Лукасевича с Шетцелем. После общего разговора на различные темы и моего сообщения, что я обещал нашей делегации в Женеве выехать по первому ее требованию, Лукасевич вызвался заодно передать мне ответ Варшавы в связи с нашей последней с ним беседой [117]. Варшава полагает, что, поскольку у нас нет пакта о ненападении с Румынией и нет определения границы, не может быть поставлен вопрос об участии Румынии в определении агрессии. Лукасевич добавил, что Варшава несколько недоумевает и даже обеспокоена нашим отказом от переговоров с Румынией по разрешению бессарабского вопроса *, каковое так необходимо для умиротворения Востока Европы.

Я ответил, что о нашем отказе нельзя говорить, поскольку мы не получали никакого предложения о переговорах. Я понимал до сих пор наши беседы с Лукасевичем в том смысле, что он высказывал по поручению Варшавы некоторые соображения о желательности урегулирования бессарабской проблемы в связи с нашим предложением о созыве конференции. Если бы г. Лукасевич говорил о предложении вступить в переговоры, то я раньше всего, вероятно, пожелал бы узнать, желает ли Румыния вступить в переговоры. Находясь в союзных отношениях с Румынией, Польша раньше всего, мне казалось бы, должна была бы осведомиться у своей союзницы, желает ли она перегозоров, и потом уже обращаться к нам. Вместо этого г. Лукасевич мне как-то говорил, что Румыния даже не осведомлена о его беседах со мной на данную тему. Таким образом, необходимо констатировать, что не было никакого предложения и никакого отказа с нашей стороны. Правда, в порядке беседы я высказывал некоторые соображения о возможных шансах переговоров с Румынией, и я готов теперь же эти соображения повторить. Вряд ли г. Бек считал бы целесообразным свести нас с румынами, если бы он заранее знал, что это не даст никаких результатов, а чтобы выяснить шансы переговоров на успех, он счел бы нужным ознакомиться с позициями обеих сторон. Я со своей стороны заявил, что мы остаемся на позиции венских предложений о плебисците **. Остается, таким образом, выяснить, остается ли также на своей старой позиции Румыния или она готова с нее сойти. Только в последнем случае целесообразно вступление в переговоры. Я, однако, полагаю, что, независимо от участия

* См. т. II, прим. 21.

** См. т. VII, док. № 87, 90 и 95.

Румынии, совместное принятие определения агрессии нами и нашими соседями сослужило бы большую пользу делу мира вообще и на Востоке в частности. Из сегодняшнего ответа г. Лукасевича я делаю заключение, что вопрос конференции для данного времени отпадает, тем более, что он уже обсуждался в женевской подкомиссии, где основные пункты нашего предложения уже приняты *. Там, кстати, отвергнуто подробное перечисление недопустимых поводов для агрессии, которому мы придаем серьезное значение. Польская делегация по этому вопросу в Женеве воздержалась, и нам неизвестно, потому ли, что она относится к этому вопросу безразлично или же она относится отрицательно, но из куртуазии предпочла воздержаться. Идея созыва конференции исходила из предположения о приемлемости основных элементов нашего определения агрессии для всех участников конференции. Мы поэтому будем с интересом следить за отношением польской делегации к вопросу, когда он будет обсуждаться в Генеральной комиссии.

Шетцель указал было на то, что наше перечисление поводов к агрессии не может иметь отношения к Польше, и я рядом примеров доказал ему неосновательность его предположения.

Литвинов

Лукасевич согласился, что вопрос о созыве конференции надо считать отпавшим. Он передал, однако, по поручению Бека, что если ход дел в Женеве предоставит возможность какой-нибудь манифестации или общей декларации, то Бек заранее изъявляет свое согласие.

М. Л.

Печат. по арх.

147. Ответ Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова на запрос представителя ТАСС о возможности продажи КВЖД

12 мая 1933 г.

Ввиду большого внимания, уделяемого заграничной печатью последней беседе Народного комиссара по иностранным делам т. М. М. Литвинова с японским послом г. Ота **, и, в частности, вопросу о возможности продажи КВЖД, представитель ТАСС обратился с запросом к т. Литвинову и получил от него следующее разъяснение:

«Верно то, что во время моей беседы с послом г. Ота 2 мая нами обсуждалось создавшееся за последнее время благодаря

* См. док. № 162.
** См. док. № 141.

действиям маньчжурских властей серьезное положение на КВЖД, грозящее осложнить наши отношения как с Маньчжурией, так и с Японией. В этой беседе были подвергнуты обсуждению возможные способы разрешения возникших конфликтов, причем мною в качестве одного из радикальных способов упоминался также вопрос о выкупе КВЖД Маньчжоу-Го, т. е. о продаже нами КВЖД маньчжурским властям.

Верно также и то, что нанкинское правительство обратилось по этому вопросу с запросом к Советскому правительству, оспаривая право продажи КВЖД кому бы то ни было, кроме нанкинского правительства, и что посол г. Иен представил нам соответственный меморандум [118].

Аргументы, приведенные нанкинским правительством, не соответствуют ни формальным обязательствам Советского правительства, ни фактическому положению дел. Ни Пекинское, ни Мукденское соглашения *, предоставляющие Китаю право досрочного выкупа КВЖД, не ограничивают право СССР на продажу дороги кому бы то ни было, а тем более той власти, которая существует в Маньчжурии и фактически осуществляет там права и обязанности, вытекающие для китайской стороны из Пекинского и Мукденского соглашений.

Гораздо существеннее, однако, то, что нанкинское правительство или подконтрольные ему власти перестали быть фактическими партнерами СССР на КВЖД уже свыше 18 месяцев. Они лишились возможности, по причинам от СССР независящим, осуществлять свои права и выполнять свои обязанности по выполнению Пекинского и Мукденского соглашений. В силу этих соглашений правительство Китая должно посылать своих представителей в правление дороги, но этих представителей уже 18 месяцев в правлении нет. Не имеет также возможности нанкинское правительство расследовать жалобы на нарушение маньчжурскими властями прав и интересов КВЖД на дороге или принимать меры обеспечения нормального функционирования дороги. Невыполнение нанкинским правительством возлагаемых на него Пекинским и Мукденским соглашениями обязанностей в продолжение 18 месяцев лишает его как формального, так и морального права ссылаться на эти соглашения.

При переговорах со мной в Женеве о восстановлении дипломатических отношений д-р Иен, нынешний посол Китая в Москве, предлагал нам обменяться нотами, подтверждающими нерушимость Пекинского и Мукденского соглашений. Я изъявлял согласие на это, но со следующей оговоркой: «Поскольку изменившаяся обстановка в Маньчжурии не делает

* См. т. VII, док. № 156, 222.

невозможным для нанкинского правительства выполнение этих договоров». Эта оговорка была отклонена Нанкином, очевидно, в сознании невыполнимости в настоящее время принятых им на себя по Пекинскому и Мукденскому соглашениям обязательств.

Мне кажется, что сказанного достаточно для доказательства совершенной необоснованности возможных претензий нанкинского правительства в случае продажи дороги кому бы то ни было, а тем более маньчжурским властям. Что касается мотивов, побуждающих нас согласиться на продажу КВЖД, то они заключаются в следующем. Постройкой дороги в Маньчжурии на чужой территории царское правительство, несомненно, преследовало империалистические цели. Таких целей у Советского правительства нет и быть не может. После Октябрьской революции КВЖД утратила для народов бывшей Российской империи свое завоевательное значение. Дорога, однако, была построена на трудовые деньги народов, населяющих Советский Союз, и поэтому Советское правительство сочло и считает себя обязанным охранять имущественные интересы дороги. Оно всегда готово было продать дорогу Китаю, но у последнего не было возможности купить ее. Полностью сохраняя свои имущественные права на дорогу, Советское правительство превратило ее в чисто коммерческое предприятие и, учитывая прохождение ее по чужой территории, признало справедливым предоставить хозяевам этой территории паритетное право управления дорогой и половину прибылей. Тем не менее КВЖД становилась источником трений между СССР, Китаем и Маньчжурией. Всем памятен конфликт на КВЖД, возникший в 1929 г. не по вине СССР *. Для устранения источника конфликтов Советское правительство повело в 1930 г. переговоры о продаже КВЖД с Мо Дэ-хоем, представлявшим мукденское и нанкинское правительства **. Эти переговоры были прерваны вследствие маньчжурских событий осенью 1931 г. Теперь вновь назрел вопрос о продаже КВЖД. Исходя из этих соображений, мы и сделали предложение о продаже дороги. Наше предложение является еще одним проявлением советского миролюбия. Я уверен, что возражать против этого предложения могут только те, кто почему-либо заинтересован в обострении советско-японских и советско-маньчжурских отношений» (ТАСС).

Печат. по газ. «Известия»
№ 122 (5053), 12 мая 1933 г.

---

* См. т. XII, Предметно-тематический указатель, рубрика «Китайско-Восточная железная дорога. Захват КВЖД китайскими милитаристами. Мероприятия Советского правительства по ликвидации конфликта», стр. 778.

** См. т. XIV, прим. 76.

148. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Персии В. М. Цукерману

14 мая 1933 г.

К юбилею Фирдоуси «Востоккино» намечает послать этим летом в Персию экспедицию для съемки исторического фильма. Выясните желание персидского правительства участвовать в совместной съемке и принять на себя часть расходов [119].

Карахан

Печат. по арх.

149. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

14 мая 1933 г.

Выезжаю на два дня в Стамбул для урегулирования нескольких срочных дел и для встречи Горького [120]. В своей вторичной телеграмме Горький просит никакой официальной встречи ему не устраивать. Но беда в том, что о его приезде сюда сообщили помимо нас, и турки так легко его в покое не оставят. Сегодня, например, Шюкрю Кая мне передал, что на вчерашнем заседании совета министров было принято решение «считать Горького гостем турецкого правительства и просить его поселиться в Анкаре». В Стамбуле совместно с Горьким обсудим, как поступить.

Полпред

Печат. по арх.

150. Нота Полномочного Представителя СССР в Швеции Министру Иностранных Дел Швеции Сандлеру

15 мая 1933 г.

Господин Министр,

Имею честь подтвердить Вашему Превосходительству получение письма от сего дня, в котором Вы со ссылкой на нашу беседу * относительно распоряжения вкладом золота, поступившим из России 18 октября 1917 г. в «Стокгольмс Эншильда-банк», доводите до моего сведения, что ваше Правительство выражает готовность заключить по этому делу следующее соглашение:

I. Правительство Союза Советских Социалистических Республик отказывается от всех прав, настоящих и будущих,

* См. док. № 119.

на этот золотой вклад и обязуется не поддерживать требований в отношении этого вклада со стороны третьих лиц.

2. Шведское Правительство от своего собственного имени и от имени шведского Красного Креста отказывается от всяческих претензий, связанных с требованиями Красного Креста или государственного управления железных дорог Швеции по вопросу о перевозке инвалидов или иных перевозок, осуществлявшихся во время войны.

3. Шведское Правительство предоставляет в полное распоряжение Правительства Союза Советских Социалистических Республик сумму в размере 5 500 тыс. шведских крон.

Кроме того, Ваше Превосходительство подчеркнуло, что такая договоренность должна быть достигнута при условии ее одобрения риксдагом, а также при условии заключения соответствующего соглашения между Королевским Правительством и «Стокгольмс Эншильда-банк».

Имею честь подтвердить, что мое Правительство готово принять вышеизложенные положения и что оно согласно считать, что — с учетом вышеуказанной оговорки об одобрении риксдагом — такая договоренность достигнута путем обмена Вашего письма, упомянутого выше, и моего настоящего ответа.

Примите, господин Министр, уверение в моем совершенном уважении.

А. Коллонтай

Печат. по арх.

В упомянутой ноте министра иностранных дел Швеции Сандлера от 15 мая 1933 г. говорилось:

«Госпожа Коллонтай,

Ссылаясь на нашу беседу относительно распоряжения вкладом золота, поступившим из России 18 октября 1917 г. в «Стокгольмс Эншильда-банк», имею честь довести до Вашего сведения, что Правительство выражает готовность заключить по этому делу следующее соглашение:

1. Правительство Союза Советских Социалистических Республик отказывается от всех прав, настоящих и будущих, на этот золотой вклад и обязуется не поддерживать требований в отношении этого вклада со стороны третьих лиц.

2. Шведское Правительство от своего собственного имени и от имени шведского Красного Креста отказывается от всяческих претензий, связанных с требованием Красного Креста или государственного управления железных дорог Швеции по вопросу о перевозке инвалидов или иных перевозках, осуществлявшихся во время войны.

3. Шведское Правительство предоставляет в полное распоряжение Правительства Союза Советских Социалистических Республик сумму в размере 5 500 тыс. шведских крон.

Хочу подчеркнуть, что такая договоренность должна быть достигнута при условии ее одобрения риксдагом, а также при условии заключения соответствующего соглашения между Королевским Правительством и «Стокгольмс Эншильда-банк».

Имею честь просить Вас подтвердить, что ваше Правительство готово принять вышеизложенные положения, и позволю себе предложить считать, что — с учетом вышеуказанной оговорки *об одобрении рикздагом* — такая договоренность достигнута путем обмена настоящего документа и Вашего соответствующего ответа».

151. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

16 мая 1933 г.

Уважаемый товарищ,

Представители японского посольства в Москве (Ота в беседе с т. Караханом [115] и Сако * в беседе с т. Сокольниковым) выдвигали предложение о приступе к переговорам по заключению торгового договора с Японией. Ота мотивировал свое предложение тем, что он занят изысканием плана улучшения отношений между обеими странами, и поскольку в настоящее время еще не созрела обстановка для заключения пакта о ненападении между обеими странами, он считал бы полезным прибегнуть к средству, которое дало бы серьезный политический эффект, и вот таким средством он лично считает торговый договор.

В ответ на предложение японцев мы указали, что идея заключения торгового договора нами разделяется и что мы в свое время, во исполнение решения Пекинского договора 1925 г.**, предлагали японцам заключить торговый договор. К сожалению, наше предложение не нашло тогда сочувствия у японской стороны. Нами было заявлено, что мы готовы рассматривать предложение о заключении торгового договора, если оно будет сделано в официальной форме от имени японского правительства. До сих пор мы не получили со стороны японского посольства официального подтверждения того, что вносимое ими предложение сделано по поручению их правительства. Вообще говоря, не исключено, что японцы из соображений политического порядка выступят с официальным предложением о заключении торгового договора. К этому мы должны быть готовы, и на случай, если бы такое предложение поступило и если бы с нашей стороны, в свою очередь, было признано целесообразным его принять, должны быть вооружены всеми материалами, необходимыми для ведения столь серьезных переговоров, каковыми являются переговоры о торговом договоре.

Современное состояние наших торговых отношений, как Вам известно, оставляет желать много лучшего. Беспрерыв-

---

* Советник посольства Японии в СССР. Беседа имела место 28 апреля 1933 г.

** См. т. VIII, док. № 30.

ный рост наших торговых оборотов с Японией происходил вплоть до 1931 г. Наш экспорт в Японию в 1929 г. составлял 26 956, в 1930 г.— 39 800, в 1931 г.— 36 652 тыс. иен. Наш импорт в те же годы составлял 17 406, 28 321, 17 076 [тыс. иен] (данные японской таможенной статистики). 1932 год дает резкое падение наших торговых оборотов с Японией. Предположенный к реализации план в размере 24 809 тыс. [руб.] был реализован всего лишь на 6 755 тыс. руб., или 27,23% плана. Наш импорт составил 3 771 тыс. руб. Такое падение торгового оборота с Японией объясняется в первую голову тем, что введением запретительных пошлин на наш лес*, составляющий половину нашего экспортного плана, Япония подорвала базу развития наших торговых отношений, ибо, закрывая доступ нашему экспорту на японский рынок, японцы лишают нас возможности размещать импорт в Японии.

При изменении в благоприятную сторону политической обстановки, что зависит от хода и разрешения конфликта на КВЖД и т. п., мы имели бы серьезную базу для развития торговых отношений с Японией. Япония может явиться одним из серьезных потребителей нашего леса, нашей нефти и пшеницы. Кстати, о последнем товаре: как показывают данные японской статистики, площадь под пшеницей, правда, при небольших размерах, показывает за последние пять-шесть лет громадный рост чуть ли не в 15 раз. Это, несомненно, показывает рост потребления пшеницы в Японии. По данным «Иокогама спеши баик», Япония предполагает завезти на протяжении 1933 г. пшеницы на сумму до 40 млн. иен. Все это говорит о том, что Япония является серьезным рынком для сбыта пшеницы. По заявлению наших экспортхлебовских работников, Япония является для нас чрезвычайно интересным рынком для размещения нашей пшеницы, в особенности поскольку англо-канадскими кругами предпринимаются попытки закрытия европейских рынков для советского зернового экспорта. С другой стороны, при благоприятных торгово-политических условиях для нашего экспорта и создании твердой кредитной базы мы могли бы серьезно расширить наш импорт в Японии. Как Вам известно, до последнего времени импорт из Японии носил чисто локальный характер, а именно импорт служил для обслуживания интересов хозяйственного развития Дальневосточного края. Между тем Япония имеет целый ряд индустрий, продукция которых могла бы быть включена в число импортируемых нами из-за границы товаров. Таково японское судостроение, производство железнодорожного оборудования, продукция химической промышленности и электротехническая аппаратура. Учитывая падение курса иены,

* См. т. XV, прим. 12.

можно почти безошибочно сказать, что продукция названных отраслей производства может быть закуплена по ценам более выгодным, чем в любой другой стране. Однако очевидно, что расширение базы торговых отношений мыслимо лишь при наличии торгового договора, создающего благоприятный торгово-политический режим.

Нам не известно, в какой мере инициатива, проявленная здесь Ота и Сако, базируется на указаниях японского правительства, а не является продуктом добрых намерений этих лиц, каковые, естественно, еще недостаточны для разрешения этого вопроса. Не исключено также, что этот зондаж является только маневром и попыткой подсластить «горькие пилюли», преподносимые нам японской политикой. Мы просим Вас поэтому в самой осторожной форме предпринять выяснение вопроса о действительных намерениях как в правительственных, так и в деловых кругах. Если подобные проекты существуют, то, в частности, деловые круги не могут не знать о них, и наше торгпредство не могло не сталкиваться с повышенным интересом к упорядочению и развитию торговых связей Японии с СССР в отношении проектов заключения с СССР торгового соглашения. Само собой разумеется, что, собирая указанную выше информацию, ни в коем случае не следует дать основания японцам подумать, что мы проявляем повышенный интерес к этому делу. Шаги, предпринятые Ота и Сако в Москве, мы рассматриваем как инициативу, проявленную японцами. Мы должны лишь выяснить, какие именно круги заинтересованы в заключении торгового соглашения с нами, ни в коем случае не перенимая инициативы в свои руки, поскольку с нашей стороны не предполагается делать Японии предложение о заключении торгового соглашения (или торгового договора). Мы будем также просить Вас снабдить нас материалами, необходимыми нам на данной стадии предварительного изучения вопроса. В этой связи нас интересуют:

1. Новейшие данные о хозяйственном развитии Японии и данные о ее внешней торговле.

2. У нас совершенно отсутствуют материалы о торгово-политической практике Японии.

Мы просили бы Вас также прислать нам материалы о торговых договорах Японии с другими странами и, по возможности, тексты этих договоров или источники, откуда их можно почерпнуть.

Наконец, нас интересуют более подробные данные о нашей внешней торговле с Японией и нашей торговой практике з Японии. Эти сведения поступают к нам недостаточно полно. В частности, у нас совершенно отсутствуют сведения о характере кредитов, которыми мы пользуемся з Японии, и о степени использования кредитной гарантии японского правительства.

Ожидаем от Вас интересующие нас материалы, а равным образом просим высказать Ваши соображения по существу вопроса [121].

Замнаркоминдел

Печат. по арх.

152. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

17 мая 1933 г.

Уважаемый Константин Константинович,

Все существенное Вы знаете по телеграфу [122]. В почте идут записи бесед и другие материалы, которые дадут Вам полную информацию о текущих делах *. Я хочу отметить кратенько некоторые соображения, о которых Вы, наверное, догадываетесь.

Наше предложение о Китайско-Восточной железной дороге ставило своей задачей не только ликвидировать этот постоянный источник недоразумений и конфликтов в прошлом и настоящем, а также в особенности и в будущем, но ставило своей целью и другую, не менее важную задачу.

В Японии существуют две тенденции в отношении нас. Одна — воинствующая, которую представляет Араки ** и значительная часть военных, которая за войну с нами, которая готовит войну, которая поэтому не хочет заключить пакт [о ненападении], которая ищет всяких поводов для конфликта, обостряя и раздувая всякого рода недоразумения, которые у нас возникают в Маньчжурии, и, весьма вероятно, раздувая и обостряя конфликты, хочет влезть в них и, может быть, даже не совсем заметно для руководящих кругов, влезть в вооруженный конфликт с нами и поставить таким образом всю Японию перед совершившимся фактом. И другая линия, линия мира с нами, которую представляет часть правительства и, по-видимому, сам Сайто *** и ряд влиятельных промышленных и финансовых кругов, круги морского ведомства и, пожалуй, значительная часть дипломатических представителей. Эта борьба между двумя тенденциями происходит с перемежающимся успехом то для одной, то для другой линии, что наиболее осязательно отражается на мероприятиях и поступках японских властей в Маньчжурии. Наше предложение о продаже КВЖД сбивает с позиции сторонников войны. Это видно хотя бы по тому раздражению, которое военные не смогли в первый момент скрыть в связи с нашим предложением.

---

* См. док. № 121, 122, 141.

** Военный министр Японии.

*** Премьер-министр Японии.

С другой стороны, нам известно достоверно, что наше предложение в очень серьезной степени укрепило позицию сторонников мира с нами, дав в их руки очень солидный и серьезный аргумент. Нам известно, что японское посольство в Москве довольно энергично настаивает на принятии нашего предложения и улажении вопроса о КВЖД в порядке нашего предложения. Правда, и те и другие сойдутся на одном — на том, чтобы максимально обесценить КВЖД и получить ее почти даром. Но независимо от того, когда произойдет и в какой форме соглашение о КВЖД, на ближайший период времени наше предложение мы рассматриваем как фактор, затрудняющий осуществление воинственных планов японской военщины.

Было бы очень ценно получить от Вас информацию, освещающую борьбу этих двух линий японской политики, а также дать картину того, как отразилось наше предложение в этих двух лагерях японской политики *.

Другая сторона нашего предложения заключается в том, что оно даст возможность японцам оценить этот наш шаг как признак слабости и может дать им основание к нажиму по другим вопросам: по рыболовным, по линии сахалинских концессий. Разговоры представителей Окура могут служить известным подтверждением таких возможностей. Вы дали совершенно правильный ответ этой делегации [128]. Японцы должны почувствовать, что одно дело — КВЖД и вопросы, связанные с Маньчжурией, т. е. проблемы, находящиеся за пределами нашей территории, и другое дело — их притязания, касающиеся вопросов в пределах территории СССР.

С коммунистическим приветом

Карахан

P. S. В отношении Ваших телеграмм просьба следующая: давать подробно заявления японских представителей и указывать всегда ответ, который Вы им даете на их запросы и заявления. Это облегчит нам принятие решений и избавит от излишней переписки.

Л. К.

Печат. по арх.

153. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

17 мая 1933 г.

Нами получены сведения о следующих новых случаях нарушения нашей границы японцами:

1) 9 мая отряд японцев в 30—40 человек перешел реку

* Упомянутой информации в архиве не обнаружено.

Ушагоу (участок гродековского погранотряда), прошел по нашему берегу, после чего вернулся в Маньчжурию. Позднее, в тот же день наряд нашей погранохраны был обстрелян японцами. В результате обстрела ранена лошадь;

2) в 16 час. 30 мин. того же дня нашей погранохраной в 4 *км* юго-западнее заставы Ушагоу была обнаружена недалеко от границы группа японцев в числе 7 человек, которые при приближении нашего отряда ушли в Маньчжурию.

Сделайте представление МИД с просьбой срочно расследовать, а также принять меры к недопущению подобных случаев в будущем. Исполнение телеграфируйте [124].

Л. Караханъ

Печат. по арх.

154. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

17 мая 1933 г.

11 мая в 18 час. 30 мин. наши крестьяне, отправлявшиеся к месту работы в одном километре от границы на нашей территории и в 5 *км* западнее заставы Сарбокван (что в 25 *км* юго-восточнее маньчжурского города Саньчагоу), были обстреляны японцами сильным ружейным и пулеметным огнем, в результате чего один крестьянин был смертельно ранен и одна лошадь была убита. При приближении наших пограничников к месту нахождения раненого японские солдаты открывали по ним сильный пулеметный огонь, на который погранохрана не отвечала. Из-за этого раненого нельзя было подобрать в течение нескольких часов. Заявите протест, потребуйте расследования и привлечения к ответственности виновных.

Подчеркните, что за последнее время имеет место целый ряд случаев обстрела нашей территории. Настаивайте на принятии мер к прекращению этого [124].

Л. Караханъ

Печат. по арх.

155. Послание Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Президенту США Рузвельту

19 мая 1933 г.

Подтверждаю получение Вашего обращения к государствам об установлении политического и экономического мира. Уверен, что оно встретит горячий отклик среди народов Советского Союза.

Выражая волю народов СССР, Советское Правительство в течение свыше 10 лет на всех международных конференциях, в которых оно участвовало, не переставало обращать внимание на необходимость всеобщего разоружения как на предпосылку обеспечения мира между народами. Советское Правительство само предлагало и поддерживало в Женеве конкретные проекты всеобщего разоружения * и охотнее всего такие, которые предусматривали максимальное сокращение вооружений, разоблачая вместе с тем недопустимые попытки дискредитации идеи разоружения и использования ее в интересах национальной политики одних стран против других.

Советское Правительство также предлагало и поддерживало меры, имеющие целью сделать невозможным или хотя бы максимально затруднить всякого рода агрессии или попытки одних народов расширять свои территории за счет других. Советское Правительство заключило пакты о ненападении с большинством стран, с которыми оно находится в официальных сношениях, и оно поэтому может только приветствовать Ваше предложение о заключении пакта о ненападении всеми странами.

То же самое нужно сказать и о политике Советского Правительства в отношении экономического мира. Оно, как известно, предлагало в Женеве пакт экономического ненападения **, исходя из экономической взаимозависимости стран всех континентов. Как военное, так и экономическое нападение одной страны на другую задевает интересы не только этих двух стран, но и всех прочих стран, усиливая существующий экономический хаос.

Советское Правительство намерено и впредь продолжать свои усилия в духе этой политики. Оно охотно будет сотрудничать с правительствами, заинтересованными в осуществлении такой политики, как на Женевской конференции по разоружению, так и на Лондонской экономической конференции.

Михаил Калинин

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 128 (15059), 29 мая 1933 г.

Послание М. И. Калинина было направлено в ответ на следующее обращение Рузвельта от 16 мая 1933 г. к главам 53 государств — участникам Мировой экономической конференции и Конференции по сокращению и ограничению вооружений:

«Глубокая надежда, которую лелеет народ моей страны, побуждает меня, как Главу ее Правительства, обратиться к Вам и через Вас — к народу вашей страны. Эта надежда заключается в том, что мир может быть

---

* См. т. XI, док. № 45, 98; т. XV, док. № 82.

** См. т. XIV, док. № 163.

обеспечен путем конкретных мер по разоружению и что мы все можем довести до победы нашу общую борьбу против экономического хаоса. Во имя этих целей страны созвали две великие мировые конференции. Счастье, процветание и самая жизнь мужчин, женщин и детей, населяющих весь мир, связаны с решениями, которые их правительства вынесут в ближайшем будущем. От этих решений зависят улучшение социальных условий, сохранение человеческих прав личности и социальная справедливость.

Мировая экономическая конференция соберется в скором будущем и должна быстро дать свои заключения [42]. Мир не может ждать, пока кончатся затяжные переговоры. Вместо существующего в настоящее время хаоса конференция должна установить порядок путем стабилизации валют, обеспечения свободы потоку мировой торговли и с помощью международной акции для повышения уровня цен. Короче говоря, конференция должна путем разумных и обдуманных международных действий дополнить программы отдельных государств по их собственному хозяйственному восстановлению.

Конференция по разоружению работала свыше года и до сих пор не в состоянии была достигнуть удовлетворительных результатов. Недостаточно определенные стремления все еще продолжают сталкиваться в опасной форме. Наш долг — добиться практических результатов с помощью настойчивых совместных усилий, направленных на достижение максимального блага для максимального числа людей. Прежде всего должны быть устранены мелочные препятствия, забыты мелочные цели. Победа корыстных побуждений неминуемо приводит к поражению. Политика содействия прочному миру в интересах нашего поколения во всех углах земного шара — единственная цель, достойная наших усилий. Если спросить, каковы причины вооружений, которые сегодня вопреки урокам и трагедиям мировой войны ложатся более тяжелым бременем на народы земного шара, чем когда-либо раньше, то будет ясно, что они имеют двойной источник. Первый — желание, явное или скрытое, части правительств расширить свои территории за счет братских народов. Я думаю, что только небольшое меньшинство правительств или народов питает подобные намерения. Второй — боязнь народов, что они подвергнутся нападению. Я полагаю, что подавляющее большинство народов считает необходимым сохранять чрезмерные вооружения потому, что они опасаются актов агрессии, а не потому, что они сами стремятся быть агрессорами.

Эти опасения имеют свое оправдание. Современные орудия наступления гораздо более мощны, чем современные орудия обороны. Пограничные форты, траншеи, проволочные заграждения, береговая оборона,— словом, неподвижные укрепления — больше не являются неприступными для атаки военных самолетов, тяжелой подвижной артиллерии, наземных линейных кораблей, называемых танками, и отравляющих газов. Если все страны согласятся совершенно отказаться от обладания и применения тех орудий войны, которые делают возможным успешное нападение, то средства обороны автоматически станут неприступными, границы и независимость каждой страны будут обеспечены. Конечной задачей конференции по разоружению должно быть полное устранение всех видов наступательного оружия. Непосредственной задачей конференции является существенное сокращение некоторых видов этого оружия и упразднение многих других. Американское правительство полагает, что программа немедленного сокращения агрессивного оружия, обсуждающаяся сейчас в Женеве, является лишь первым шагом к конечной цели. Мы не думаем, что предложенные немедленные шаги идут достаточно далеко. Тем не менее американское правительство приветствует предложенные ныне меры и употребит свое влияние на то, чтобы способствовать последующим шагам в разоружении. Говоря точнее, в настоящих дискуссиях необходимо добиться соглашения о трех следующих шагах: первое — предпринять тотчас же первый решительный шаг в направлении этой цели, как это в общей форме изложено в плане

Макдональда *. Второе — согласиться о времени и процедуре принятия последующих шагов. Третье — согласиться, что в то время, как принимается первый и второй шаг, ни одна страна не должна увеличивать свои вооружения сверх пределов, установленных договорными обязательствами.

Но международный мир должен быть обеспечен на все время разоружения, и поэтому я предлагаю четвертую меру, связанную и целиком зависящую от честного выполнения этих трех предложений и обусловленную существующими договорными правами и обязательствами. Все страны мир должны заключить торжественный и ясно формулированный пакт о ненападении. Они должны торжественно подтвердить принятые ими на себя обязательства ограничить и сократить свои вооружения, и каждая держава в отдельности должна, при условии, если эти обязательства будут честно выполнены всеми подписавшими, обязаться не посылать вооруженных сил любого вида за пределы своих границ. Здравый смысл указывает: если какая-либо сильная держава откажется искренне участвовать в этих совместных усилиях установить политический и экономический мир — первый в Женеве, второй в Лондоне,— то успех может быть затруднен и в конечном счете сорван. В этом случае цивилизованное человечество, стремящееся к миру в обеих областях, будет знать, где искать ответственного за провал. Я призываю каждое государство не брать на себя такой огромной ответственности. Я призываю все государства принять участие в этих великих конференциях и претворить в действие политику, которую провозглашают эти конференции. В этом путь к политическому и экономическому миру. Я надеюсь, что ваше Правительство внесет свою долю в дело осуществления этих надежд».

156. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 мая 1933 г.

Утром Мувинкель позвонил мне и предложил свидание ввиду своего отъезда сегодня в Женеву и угрозы срыва государственной гарантии, вызываемой якобы все новыми условиями с нашей стороны. В результате последовавшего личного разговора я установил следующее: вчерашнее сообщение министра торговли Мелинга на заседании норвежского правительства чуть не привело к сраву переговоров **, однако Мувинкель решил предварительно снестись со мной. По мнению Мувинкеля, норвежцы пошли на все возможные нам уступки. Основные вопросы сводятся к следующему: фактически госгарантия будет дана не на 2500 *т* алюминия, как мы того прежде просили, а на все закупаемое количество. Однако в договоре это увеличение гарантийной суммы, против вдвое уменьшенного размера сельдяных закупок, норвежцы не хотят показывать, чтобы не вызвать в стортинге выступлений крестьянской партии. Мувинкель заверил меня, что правительство, получившее от стортинга 20 млн. крон, обеспечит заку-

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 30—32, 67—92.

** См. док. № 97.

паемое нами количество алюминия. Что касается правового положения торгпредства, то Мувинкель подтвердил сделанное мне вчера Эсмарком заявление о том, что одновременно с обсуждением вопроса о госгарантии в стортинге будет предложено и обсуждение поправок к торговому закону 1929 г. При обсуждении вопроса о хлебе была высказана готовность закупать ежемесячно у нас 10 000 *т* ржи и 6000 *т* пшеницы, причем Мувинкель снова отозвался похвально о качестве нашего хлеба и сожалел, что не можем сейчас организовать поставки. Касаясь нашего требования обещать нам лицензию на лес на случай введения запретительных мер, Мувинкель заявил, что он враг импортных рестрикций *, не помышляет о них и что удовлетворение нашего требования вызвало бы протесты со стороны других заинтересованных государств. В заключение Мувинкель заявил, что доклад Мелинга зародил у членов правительства сомнения в нашем желании договориться, что мною было энергично опровергнуто. Прошу учесть изложенное, ознакомиться с перепиской Клингера и срочно телеграфировать торгпреду, по возможности 20-го; дальше откладывать нельзя, ответ ожидается завтра [125].

Полпред

Печат. по арх.

157. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Министру Иностранных Дел Франции Поль-Бонкуру

20 мая 1933 г.

Единодушное одобрение палатой депутатов советско-французского пакта о ненападении ** дает мне повод, которым я хотел бы воспользоваться, чтобы высказать Вам, с каким глубоким удовлетворением Советское Правительство приняло эту манифестацию представителей Франции в пользу советско-французского сближения. Эта манифестация чрезвычайно увеличивает ценность советско-французского пакта, значение которого и без того возросло по сравнению с временем, когда он был задуман и подписан. Весь мир должен знать, что этот пакт является крупным фактором не только в отношениях между нашими странами, но и в деле упрочения и сохранения всеобщего мира. Позвольте мне поздравить Вас, принявшего лично столь ценное участие в этом деле.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 139 (5058), 24 мая 1933 г.

---

* — ограничений (*англ.*).

** См. т. XV, док. № 456.

На эту телеграмму Поль-Бонкур направил М. М. Литвинову следующий ответ от 22 мая 1933 г.:

«Сердечное послание, которым Вы пожелали отметить высокое значение, придаваемое Советским Правительством единодушному голосованию, завершившему в палате депутатов недавние дебаты, посвященные франко-советскому пакту о ненападении, принято с живейшим удовлетворением Французским Правительством как ценное свидетельство счастливых результатов этого соглашения в области отношений между обеими странами.

Как Вы весьма удачно упоминаете, этот пакт и согласительная конвенция *, сопровождающая его, направлены к тому, чтобы составить факторы возрастающего значения не только глубокой эволюции отношений между Францией и СССР, но и в деле сохранения и укрепления всеобщего мира, которому Франция остается глубоко верной. Разрешите мне передать Вам вместе с моей благодарностью за Ваше любезное упоминание о моих усилиях в этом направлении выражение моих самых сердечных чувств и мои искренние поздравления по поводу столь активного участия, которое Вы лично приняли в этих соглашениях».

158. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Председателю комиссии по иностранным делам Палаты депутатов Франции Эррио **

[*20 мая 1933 г.*]

В тот момент, когда единодушное голосование палаты депутатов завершило дело заключения франко-советского пакта о ненападении ***, я особенно хотел бы сказать Вам, что мы хорошо помним о том ценном участии, которое Вы лично приняли в подготовительных переговорах, которые позволили довести дело заключения пакта до успешного конца. Мы не забываем, что Вашей подписью скреплен этот документ, значение которого для сближения народов обеих стран и для укрепления всеобщего мира возрастает и будет возрастать. Вы остаетесь, таким образом, в Вашей неустанной борьбе за мир неизменным сторонником дела, за которое Вы выступили уже десять лет тому назад. Сегодня я обращаюсь мыслью также к тем нашим плодотворным встречам, которые имели место с тех пор, и прошу Вас принять вместе с моими поздравлениями выражение моих весьма дружественных чувств.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 133 (5063), 24 мая 1933 г.

На эту телеграмму Эррио направил М. М. Литвинову следующий ответ от 22 мая 1933 г.:

«Глубоко благодарю Вас за Вашу сердечную телеграмму. Я был счастлив, что французская палата депутатов единодушным согласием своих

* См. т. XV, док. № 457.

** Председатель совета министров и министр иностранных дел Франции в 1932 г.

*** См. т. XV, док. № 456.

партий санкционировала дело, над которым я работал с глубочайшим убеждением и в котором Вы мне оказали такое могущественное содействие. Вы знаете, что в течение многих лет я предан идее сближения между нашими народами, которое является существенным фактором спокойствия в Европе. Я твердо надеюсь, что мы сможем достигнуть еще других полезных результатов. Я прошу Вас принять выражение моих личных дружественных чувств, равно как горячее пожелание счастья русскому народу».

159. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

22 мая 1933 г.

На одном из приемов Шюкрю Кая в присутствии многочисленных коллег сделал экспозе турецкой политики, выдвинув на первый план роль дружбы с СССР. Он рассказал, как эта дружба зарождалась и как она оправдалась и закреплялась на протяжении всей истории двух республик. С удовлетворением он отметил, что эта истина сейчас усвоена всеми странами, поддерживающими отношения с Турцией, в результате чего совершенно прекратились попытки оторвать Турцию от СССР. Он выразил удивление, что до сих пор кое-где еще дебатируется вопрос о признании или непризнании СССР. Исмет-паша все время ему поддакивал и делился своими впечатлениями от посещения СССР *. Очень смущенными при этой сцене выглядели болгарский и румынский посланники.

Полпред

Печат. по арх.

160. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Министру Иностранных Дел Турции Тевфику Рюштю

25 мая 1933 г.

Глубоко тронут дружественными чувствами, выраженными в Вашей телеграмме. Предлагая свою формулу определения нападающей стороны **, мы заранее знали, что Ваша ценная поддержка будет, как и всегда, обеспечена делу мира. Нельзя не напомнить вновь, насколько мирная политика Советского Союза облегчается его непоколебимой дружбой с великой Турецкой Республикой — дружбой, в которой Ваша личная

---

* См. т. XV, док. № 205, 259.

** См. док. № 32.

деятельность играет столь важную роль. Выражая благодарность, заверяю Вас в моих неизменно дружественных чувствах.

Литвинов

Печат. по врх. Опубл. в газ. «Известия» № 124 (5065), 27 мая 1933 г.

Публикуемая телеграмма явилась ответом на следующую телеграмму Тевфика Рюштю от 24 мая 1933 г.:

«Испытывал величайшую радость, будучи сегодня свидетелем похвал, воздававшихся на заседании Генеральной комиссии делегации великой дружественной страны, от которой исходил проект определения нападающей стороны. Проект этот представляет важнейший вклад в дело всеобщего мира, и я спешил присоединиться к нему с самого первого дня. Пользуясь этим счастливым случаем, шлю Вам искренние поздравления и возобновляю выражение самой сердечной дружбы».

161. Выступление члена советской делегации В. С. Довгалевского на шестьдесят четвертом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

25 мая 1933 г.

Г-н Довгалевский отмечает, что глава 2 раздела II части II проекта, представленного делегацией Соединенного Королевства *, только что подвергалась критике со стороны двух представителей государств — участников Вашингтонского ** и Лондонского *** договоров. Г-н Довгалевский выскажет здесь точку зрения государства, не участвующего в этих соглашениях; так сказать, к критике изнутри он прибавит критику извне.

Его задача будет тем легче, что поправки и соображения, которые были до сих пор представлены советской делегацией, преследовали только двоякого рода цель: 1) насколько возможно уменьшить срок проведения в жизнь сокращений, предусмотренных проектом Соединенного Королевства, и 2) придать сокращениям возможно более общую, универсальную форму ****. По этим соображениям советская делегация не представляла предложений о сокращении, идущих далее проекта Соединенного Королевства. Названная делегация, однако, сохраняет возможность поддержать всякое предложение, представленное той или иной делегацией и имеющее целью пойти далее обсуждаемого проекта.

Доминирующая идея главы о морских вооружениях диаметрально противоположна постоянной исходной мысли деле-

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 67—92.

** См. т. IV, прим. 38.

*** См. т. XII, прим. 135.

**** См. док. № 93.

гации СССР. Г-н Довгалевский заявляет это с полной откровенностью и лояльностью. В отношении морских вооружений проект Соединенного Королевства фактически освящает вопиющее неравенство, существующее между небольшим меньшинством государств, сильно вооруженных в морском отношении, и подавляющим большинством стран, не пользующихся этими морскими вооружениями. Однако проект Соединенного Королевства не ограничивается только освящением этого неравенства; неизбежным результатом его применения явилось бы усиление этого неравенства, так как, ограничивая на современном уровне вооружения государств, иных, чем участники Вашингтонского и Лондонского соглашений, государствам, участвующим в этих соглашениях, проект предоставляет [возможность] продолжать морские вооружения. Таким образом, создается сильный риск при этих условиях впасть обратно, в известной мере и в отношении некоторых держав, в новое вооружение, вызвавшее столько нареканий со стороны нескольких делегатов, когда речь шла об иной области, чем область морских вооружений.

Исходя из этой критики и повторяя снова, что его страна хочет добиться сокращения вооружений, которое поставило бы всех в положение равенства, г. Довгалевский представляет следующее общее замечание по поводу главы, посвященной морским вооружениям.

«Делегация воздерживается от представления поправок к этой главе, не имея возможности принять системы разоружения, не влекущей сокращения существующего тоннажа и в то же время создающей преимущества для главных морских держав в ущерб прочим странам. Делегация СССР возражает против признания за главными морскими державами права на включение в количество имеющегося у них тоннажа кроме кораблей, законченных постройкой, тоннажа кораблей, строящихся или проектируемых, или даже только [тоннажа] предположенного к постройке, без учета такового же тоннажа прочих стран. Она также возражает против предоставления главным морским державам установленных Вашингтонским и Лондонским договорами изъятий из ограничений элементов кораблей без предоставления прочим странам изъятий, которые потребовались бы по особенностям их флотов. Кроме того, она возражает против непризнания за этими странами права трансфера» *.

Печат. по кн.: «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 186. Опубл. в об.: «Société des Nations. Actes de la Conférence pour la Réduction et la Limitation des Armements. Procès-verbal de la Commission Générale», Séries B., Vol. II, Genève, 1933, p. 503.

* Т. е. перевод тоннажа судов из одной категории в другую.

162. Сообщение советской печати о речи члена советской делегации В. С. Довгалевского на шестьдесят пятом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

25 мая 1933 г.

Женева, 25 мая (Спецкор ТАСС). Тов. Довгалевский выступил во время дискуссии с речью, в которой сказал:

«Мы должны прежде всего отметить, что комитет [по безопасности] на деле принял все идеи, которые лежали в основе советских предложений, развитых здесь в свое время Литвиновым и позже дважды мною самим *. Перед нами, таким образом, уже не предложение или проект той или иной делегации, но именно проект четко формулированных предложений, принятых и поддержанных перед комиссией всем комитетом по безопасности **. Г-н Политис вчера указал, и я благодарю его за это от имени советской делегации, что, вырабатывая эти предложения, комитет исходил из тех установок, которые советская делегация с самого начала считала единственными способными разрешить сложную проблему определения агрессора.

Я намерен коснуться лишь некоторых пунктов, касающихся предмета обсуждения, и в первую очередь той близости, которая существует между определением, установленным комитетом, и некоторыми элементами последнего обращения Рузвельта и декларации Нормана Дэвиса ***. В самом деле, не вызывает сомнения, что предложение всеобщего пакта о ненападении не может не увеличить в совершенно исключительной степени необходимость перенести, наконец, понятие о нападении из области мистицизма в область положительного права, и в частности объявить его законом, общим для всех государств. Мы с удовлетворением заметили, что американская декларация сделала в этом направлении определенное реальное усилие, выразившееся в стремлении дать объективный признак агрессии независимо от всякого рода извинений или оправданий, какого бы порядка они ни были со стороны государства, которое послало бы войска за пределы своей собственной территории. Этот признак — проникновение вооруженных сил на чужую территорию — находится в полном соответствии с понятием агрессии в том виде, в каком оно дано в тексте, выработанном комитетом по безопасности на основе советского предложения, и исходит из того же самого

---

* См. док. № 32, 70, а также газ. «Известия», 4 мая 1933 г.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI. М., 1934, стр. 110—124.

*** См. там же, стр. 99—105.

принципа — принципа объективного и конкретного определения. Это соображение заставляет меня еще раз повторить, что между двумя возможными методами определения агрессии, а именно, между так называемым гибким определением и определением конкретным, комитет, к нашему живейшему удовлетворению, высказался за последнее, конкретное, определение. Сторонниками другого метода были сделаны оговорки, но этот метод,— и комиссия должна будет по этому поводу высказать свое мнение,— и лишает, по нашему разумению, определение всякой цены, и оно стало бы в этом случае лишь пустой фразой, едва замаскированной, обходящей трудности, вместо того чтобы разрешить их.

Мое последнее замечание относится к протоколу, который должен явиться приложением к ст. 2 акта, определяющего агрессора. Г-н Политис очень хорошо охарактеризовал цели и дух, в котором предложение было задумано советской делегацией и было принято, хотя и в несколько измененной форме, комитетом. Это предложение содержит в качестве примеров неисчерпывающий перечень всех возможностей. Никаких оговорок при этом не было сделано в комитете относительно уместности подобного перечня.

Не возражая против принятия проекта в этой несколько измененной редакции и форме, советская делегация исходила из стремления к соглашению и из стремления, чтобы этот протокол был принят единогласно, так как нельзя переоценить его психологическую ценность. Да будет мне позволено сделать здесь одно замечание, отнюдь, однако, не с тем, чтобы поставить под вопрос результаты этой части работ комитета: протокол в его нынешней форме, которая сложилась в результате перегруппировки случаев применения определения агрессора, фигурировавших в первоначальном советском предложении, опускает некоторые из них или объединяет другие в более общих формулировках. Советская делегация предпочла бы, конечно, чтобы перечень случаев, которые не могут служить оправданием агрессии, был сохранен в том виде, в каком он фигурировал в ее проекте. Мы убеждены в самом деле, что принятие этого текста в его первоначальной форме нашло бы еще более глубокий отклик у народов всего мира, которые не всегда могут оценить значение юридических текстов, как таковых и взятых изолированно, какова бы ни была их обязательная сила для государства. Наконец, советская делегация хотела бы напомнить, что определение агрессора все свое значение приобретает лишь при своем всемирном применении. Генеральная комиссия исходила именно из этого принципа всеобщего применения определения, поручая комитету разработку проекта, который предложен и вашему вниманию. Советская делегация просит и Генеральную комиссию голосовать

за принятие акта об определении агрессии и приложенного к нему протокола, исходя из соображений того же порядка».

Печат. по газ. «Известия» № 134 (5066), 27 мая 1933 г.

Упомянутый В. С. Довгалевским комитет по безопасности на основе советских предложений 24 мая 1933 г. принял следующую резолюцию, включенную в доклад председателя комитета Политика Генеральной комиссии.

«Проект Акта об определении нападающей стороны Государства...

Полагая необходимым, в интересах всеобщей безопасности определить возможно более точным образом нападение, дабы предупредить всякий предлог к его оправданию;

Констатируя, что все государства имеют равные права на независимость, на безопасность, на защиту их территорий и на свободное развитие своего государственного строя;

Воодушевленные желанием, в интересах всеобщего мира, обеспечить всем народам неприкосновенность их территории;

Считая полезным установление правил, которым должны будут следовать международные органы, которым придется определять нападающего.

Согласились о следующих положениях.

Ст. 1. Будет признано нападающим в международном конфликте, без ущерба для соглашений, действующих между сторонами, участвующими в конфликте, государство, которое первое совершит одно из следующих действий:

1. Объявление войны другому государству;

2. Вторжение своих вооруженных сил, хотя бы и без объявления войны, на территорию другого государства;

3. Нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы и без объявления войны, на территорию, на суда или на воздушные суда другого государства;

4. Морскую блокаду берегов или портов другого государства;

5. Поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованы на ее территории, вторглись на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требование государства, подвергшегося нападению, принять на своей собственной территории все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи и покровительства.

Ст. 2. Никакое соображение политического, военного, экономического или иного порядка не может служить извинением или оправданием агрессии, предусмотренной в ст. 1.

Ст. 3. Настоящий Акт составит нераздельную часть Всеобщей конвенции о сокращении и ограничении вооружений.

Протокол, приложенный к ст. 2 Акта относительно определения нападающей стороны.

Высокие договаривающиеся стороны, подписавшие Акт относительно определения нападающей стороны;

Желая дать некоторые указания для пользования международных органов, которым придется определять нападающую сторону, причем определенно оговорено, что безусловная сила правила, установленного в ст. 2 названного Акта ни в чем не ограничивается.

Констатируя, что никакой акт нападения в смысле ст. 1 названного Акта не может быть оправдан, между прочим, одним из следующих обстоятельств.

А. Внутреннее положение государства, например, его политический, экономический или социальный строй; недостатки, приписываемые его управлению; беспорядки, проистекающие из забастовок, революций, контрреволюций и гражданской войны.

Б. Международное поведение государства, например: нарушение или опасность нарушения материальных или моральных прав или интересов иностранного государства или его граждан; разрыв дипломатических или экономических отношений; меры экономического или финансового бойкота; споры, относящиеся к экономическим, финансовым или другим обязательствам перед иностранным государством, не подходящие ни под один из случаев нападения, указанный в ст. 1.

Высокие договаривающиеся стороны, с другой стороны, соглашаются признать, что настоящий протокол ни в коем случае не должен будет служить оправданием нарушений международного права, которые могли бы содержаться в обстоятельствах, указанных в приведенном выше перечне.

163. Нота Полномочного Представителя СССР в Греции Министру Иностранных Дел Греции Максимосу

25 мая 1933 г., № 131/70

Господин Министр,

Имею честь подтвердить полученне вербальной ноты Министерства Иностранных Дел № 3095/В/8/А от 15 мая 1933 г., полученной 23 мая с. г., в которой Министерство сообщает мне о том, что Греческое Правительство не сочло возможным согласиться с предложением Миссии Союза ССР, изложенным в его вербальной ноте № 131/43 от 10 апреля с. г. *, о решении путем согласования вопроса об обложении греческими фискальными органами налогом Торгового Представительства СССР в Греции.

Министерство Иностранных Дел обратилось к Миссии с просьбой рекомендовать Торговому Представительству уплатить все налоги, которые греческие налоговые органы считают нужным с него востребовать, вместе с тем Министерство сообщает, что оно «не может больше предпринимать каких-либо шагов с тем, чтобы приостановить применение действующих законов».

Я не премину довести до сведения моего Правительства это важное сообщение Министерства Иностранных Дел и запрошу у него необходимые инструкции.

Вместе с тем я с сожалением отмечаю, что Министерство Иностранных Дел сочло необходимым отклонить предложение об урегулировании этого вопроса дипломатическим путем, несмотря на то, что предшествующий обмен мнениями [126] позволял надеяться на обратное. Я уже имел честь отметить, что мое Правительство не может согласиться с односторонним толкованием вопроса, не предусмотренного Конвенцией о торговле и мореплавании **, существующей между обеими стра-

* В архиве не обнаружено.

** См. т. XII, док. № 193.

нами, и который подробно не обсуждался обоими Правительствами. Одностороннее применение фискальных мер может лишь помешать нормальному развитию торговых отношений между обеими странами. И действительно, вряд ли можно рассматривать торговое представительство какого-либо государства, экстерриториальность которого формально признана в торговой конвенции, в качестве частной торговой фирмы.

Руководствуясь желанием дружеского урегулирования этого важного вопроса, Миссия Союза ССР по поручению своего Правительства имела честь предложить Греческому Правительству провести переговоры, выражая при этом готовность благожелательно отнестись к рассмотрению любого предложения, касающегося условий возможного соглашения. Полагаю, что это является единственным возможным путем, и не сомневаюсь, что при наличии доброй воли обеих сторон можно будет быстро прийти к желаемому результату. Считаю полезным напомнить, что подобные соглашения уже существуют между Союзом ССР и некоторыми другими государствами.

Позволю себе надеяться, что в целях изыскания справедливого и практичного решения этого вопроса Ваше Превосходительство соблаговолит изучить вновь его.

Примите, господин Министр, уверение в моем весьма высоком уважении.

[Давтян]

Печат. по авх.

В упомянутой ноте министерства иностранных дел Греции от 15 мая 1933 г. говорилось:

«Министерство Иностранных Дел, ссылаясь на вербальную ноту № 131/43 от 10 апреля с. г., направленную ему Миссией Союза Советских Социалистических Республик по вопросу об обложении налогом Торгового Представительства, имеет честь сообщить ей, что Министерство, желая содействовать достижению договоренности по этому вопросу, не преминуло запросить мнение Министерства финансов относительно предложения Миссии Союза ССР о заключении соглашения, регулирующего обложение налогом Торгового Представительства путем взимания с него твердо установленной суммы. По сообщению вышеупомянутого Министерства, такой порядок не соответствует системе налогообложения, действующей в Греции, и, следовательно, такое соглашение (без изменения действующих законов) противоречило бы греческому законодательству в области налогообложения.

В связи с этими сообщениями Греческое Правительство, к своему великому сожалению, не имеет возможности принять предложение Миссии, изложенное в его вышеупомянутой ноте.

Доводя до сведения Миссии Союза ССР вышеизложенное, Министерство имеет честь вновь просить его рекомендовать Торговому Представительству произвести расчеты по всем неуплаченным по настоящий день суммам различных налогов и сборов, причитающихся греческим налоговым

органам, поскольку Министерство не может больше обращаться к компетентным властям по вопросу о прекращении применения действующих законов».

164. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Греции Максимосом

26 мая 1933 г.

1. Дело обложения торгпредства. Я передал Максимосу свою ответную ноту на последнюю вербальную ноту МИД *. Я сказал, что мне совершенно непонятна точка зрения МИД на этот вопрос. Советский Союз имеет ряд соглашений по этому же вопросу с другими странами. Мы не можем допустить такого положения, при котором основные принципы, регулирующие нашу монополию внешней торговли, были бы нарушены. Нельзя допустить, чтобы торговое представительство, являющееся представителем целого государства, было бы приравнено к обыкновенной торговой фирме, к которой фиск мог бы предъявлять те или иные требования. Наконец, мне непонятна чисто практическая позиция министерства финансов в этом вопросе. Поскольку фиск заинтересован в том, чтобы в том или ином количестве получить какие-то налоги, он должен найти правильный путь для изучения этого вопроса. Ведь все равно, фиск не может добиться никаких данных о торгпредстве, не имеет возможности их проверить и фактически лишен возможности получить эти взыскания. Таким образом, нет другого пути, как урегулирование этого вопроса между правительствами, как это раньше и предполагалось между нами и МИД [126].

Максимос, внимательно выслушав меня, сказал, что точка зрения министерства финансов заключается в том, чтобы не делать никакого исключения для нас в этом вопросе, так как это явилось бы нежелательным прецедентом и вызвало бы жалобы со стороны других. Но теперь, после моего объяснения, он сам понимает, что следовало бы найти способ урегулировать этот вопрос.

На мое замечание, что я передал МИД копию соглашения, которое у нас имеется со Швецией **, Максимос ответил, что он затребовал от всех своих представителей за границей прислать имеющиеся наши соглашения с соответствующими странами и что, вероятно, эти материалы в аппарате МИД имеются.

После еще некоторых замечаний с обеих сторон Максимос сказал, что он считает, что было бы целесообразно выделить

* См. док. № 163.
** См. т. X, док. № 236.

ответственного чиновника минфина и ответственного представителя полпредства, которые бы совместно нашли практический модус разрешения этого вопроса.

Я сказал, что я всегда считал этот путь самым правильным и прошу его мне ответить в таком же духе на мою ноту. Он ответил, что еще раз переговорит с министром финансов и после даст мне официальный ответ. На мое настойчивое указание, что я жду от него положительного ответа, Максимос заметил, что со своей стороны он согласен, но все-таки он должен еще раз переговорить с министром финансов.

Из этого разговора с Максимосом я убедился, что все-таки он поддается логическим убеждениям как человек практического ума и в особенности как крупный финансовый работник. Я ему совершенно определенно заявил, что всякое одностороннее вмешательство со стороны органов фиска не может ничего дать, кроме ухудшения наших торговых отношений, что нежелательно для обеих сторон. Вся эта аргументация, видно, на него подействовала. Вероятно, до сих пор он лично мало уделял внимания этому вопросу и фактически доверялся отдельным мелким чинушам. После моего демарша он, по-видимому, понял, что вопрос серьезный и необходимо так или иначе его разрешить путем переговоров.

2. Предстоящее собрание дашнаков. Мы получили сообщение, что на 28 мая назначено собрание дашнаков для празднования «годовщины независимости Армении», на котором должен выступать целый ряд их деятелей, в том числе и пресловутый генерал Торком. Объявление об этом собрании появилось даже в местной дашнакской газете.

Я указал Максимосу, что считаю совершенно недопустимым подобное собрание при наличии наших дружественных отношений. Указал ему, что в прошлом году подобное же собрание было запрещено греческим правительством по настоянию полпредства *. Кроме того, если бы подобное собрание состоялось, оно произвело бы исключительно неблагоприятное впечатление на нас еще и потому, что просьба советских армян разрешить им 29 ноября, в день годовщины Советской Армении, аналогичное же собрание, была отклонена греческими властями. По всем этим мотивам я решительно прошу г. министра запретить это собрание.

Максимос вначале пытался было сказать, что народ этот, мол, несерьезный и что собрание вряд ли может иметь какое-либо политическое значение, но ввиду моего настойчивого тона он сказал, что поговорит с министром внутренних дел и «посмотрит, что можно сделать». Не удовлетворившись этим его ответом, я твердо подчеркнул, что рассчитываю на то, что

---

* См. т. XV, док. № 240.

греческое правительство это собрание безусловно запретит. Иначе мне было бы трудно объяснить моему правительству такой факт, учитывая дружественные отношения между нами. Тогда Максимос сказал, что он будет настаивать перед министром внутренних дел, чтобы собрание было запрещено. Я еще раз спросил его, как я могу получить от него ответ, и просил разрешения позвонить ему завтра утром. Припертый к стене, он сказал, что сейчас позвонит министру внутренних дел и утром даст мне ответ [127].

3. Дело Сусаниса *. Так как я уже довольно долго у него сидел, я ограничился лишь вопросом о моем меморандуме [128], получил ли он его и дал ли ему какое-нибудь движение.

Максимос сказал, что меморандум получил, внимательно его изучил и дал распоряжение политическому директору МИД Дельмузосу написать письмо властям.

Я не стал пока больше говорить на эту тему, предполагая в ближайшее время снова вернуться к ней.

[*Давтян*]

Печат. по арх.

165. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

27 мая 1933 г.

26 мая японский посол вручил мне ответ японского правительства ** на мое заявление от 16 апреля о КВЖД ***. Текст ответа Вам должен быть известен из японских газет, где этот ответ, по сообщению ТАСС из Токио, опубликован.

Я обратил его внимание на недавнее сообщение РОСТА из Хабаровска, сообщавшее, что в японском посольстве в Чанчуне было совещание, на котором решено было прервать в конце мая сообщение между Уссурийской железной дорогой и КВЖД. Я заявил ему, что эти же сведения мы имеем и из других источников и что эти сведения абсолютно достоверны. Я просил Ота передать японскому правительству, что мы обращаем серьезное внимание на этот шаг, подготовленный японскими властями в Маньчжурии, и что мы просим принять срочные меры к пресечению этих действий, явно направленных к обострению положения и затруднению тех перегозоров о КВЖД, которые мы ведем с японским правительством с целью устранения конфликтов и недоразумений.

---

* См. т. XIV, док. № 72.
** См. стр. 325.
*** См. док. № 121.

Ота высказал сомнения насчет правильности этих сведений, но согласился, что принятие таких мер, о которых сообщало РОСТА, весьма нежелательно, и обещал снестись по этому поводу с японским правительством.

Ота заявил, что он надеется, что мы получим в скором времени ответ на наше предложение о КВЖД *.

Л. Карахан

Печат. по арх.

166. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии с Председателем Совета Министров Италии Муссолини

28 мая 1933 г.

Беседа состоялась 28-го, в 11 часов утра в палаццо Венеция. Я сообщил Муссолини, что выезжаю в Женеву для встречи с т. Литвиновым, а оттуда направляюсь в Москву, где пробуду недели две. Целью моей поездки является информировать Наркоминдел о нынешнем состоянии итало-советских отношений и наметить перспективы нашей дальнейшей работы в Италии. Перед отъездом я счел своим долгом проститься с главой правительства. Одновременно я желал бы сообщить ему, к каким выводам пришел я в результате своей полугодичной работы в Италии касательно существующих итало-советских отношений.

Мое общее заключение сводится к тому, что со стороны итальянского правительства проявляется желание поддерживать и развивать сотрудничество СССР и Италии. В качестве иллюстраций, подкрепляющих этот вывод, я могу отметить, во-первых, старания самого Муссолини и его послов в Берлине и Москве содействовать восстановлению дружественных отношений Германии с СССР, во-вторых, заключение итало-советских торговых соглашений ** и, в-третьих, как яркий пример благожелательного отношения итальянского правительства к текущей работе полпредства в Италии — исключительно внимательный прием, оказанный военному и морскому атташе полпредства местными военными и гражданскими властями при последней служебной поездке обоих по северу Италии.

Со своей стороны и правительство СССР проникнуто искренним желанием сохранить и развить дружественные отношения с Италией. К тому же самому стремится оно и в отношении Германии. Однако нынешнее правительство рейха, несмотря на успокоительные заверения, которые его представители делают правительству СССР, занимает в отношении Со-

* См. док. № 172.
** См. док. № 144.

ветского Союза далеко не устойчивую позицию. Мы не можем забыть инцидентов, связанных с самим Гитлером* и фон Папеном**; не можем мы остаться безразличными и к антисоветской агитации, которую развивает руководитель внешнеполитического отдела партии национал-социалистов Розенберг***. В этом аспекте следует рассматривать и франко-советское сближение. Я должен отметить, что оно имеет целью предупредить франко-германский сговор, направленный против СССР, но, конечно, не менее опасный и для Италии. Во всяком случае, я прошу главу итальянского правительства иметь в виду, что франко-советское сближение ни в малейшей степени не может изменить отношений СССР к Италии.

Тем не менее на ясном общем фоне итало-советского сотрудничества имеются и некоторые преходящие тени. Я считаю долгом своим обратить на них внимание Муссолини. Дело идет об антисоветских выступлениях органов фашистской печати — «Реджиме фашиста» и «Пополо д'Италия». Последняя газета является официозным органом итальянского правительства. В статьях этих газет, напечатанных в один и тот же день, 20 мая, развиваются два положения. Во-первых, доказывается, что никогда итальянское правительство не проявляло никакого интереса к возможностям политического сотрудничества с СССР. Подтверждение этого усматривается в том, что Муссолини якобы и не подумал о привлечении СССР к сотрудничеству великих европейских держав. Во-вторых, излагается та мысль, что самое экономическое сотрудничество Италии с СССР является делом чисто реалистического расчета. Италия вывозит на советский рынок «продукты своего ума и труда», иначе говоря, произведения своей высокоразвитой промышленности, а берет от СССР сырье и продукты земных недр. Иного СССР вывозить пока не может, несмотря на усилия его правительства построить собственную индустрию. Если бы, однако, в конце концов, эти усилия увенчались успехом, для чего еще требуется сохранение советского режима, исчезла бы единственная база итало-советского сотрудничества.

Я выразил недоумение по поводу вышеуказанных статей, отметив, что и сам Муссолини и его правительство в лице заинтересованных министров не раз обнаруживали значительную заинтересованность в поддержании и развитии сотрудничества СССР с Италией как в экономической, так и в политической области. В частности, по инициативе самого главы итальянского правительства в свое время стазился и подвергался обсуждению вопрос о договорном оформлении полити-

* См. док. № 57, 59, 65.
** См. док. № 54, 167.
*** См. док. № 167.

ческих взаимоотношений Италии с СССР. Правда, это не получило своего осуществления. Однако, во всяком случае, несмотря на принципиальное различие между нынешним режимом Италии и советским строем, в ряде моментов интересы обоих правительств в области международной политики оказывались совпадающими, и на международной арене представители СССР и Италии действовали в контакте и координированно. Исходя из этих общеизвестных фактов я высказываю сомнение в том, чтобы вышеизложенные рассуждения органов фашистской прессы, не исключая и официоза, действительно выражали точку зрения итальянского правительства. Во всяком случае, я желал бы знать мнение по данному вопросу главы правительства Италии, чтобы иметь возможность сообщить его и своему правительству. Одновременно я мог бы передать Советскому правительству те пожелания, которые Муссолини нашел бы нужным формулировать мне перед отъездом в Москву.

Муссолини ответил, что он весьма благодарен мне за оценку, данную итало-советским отношениям. Он всецело к ней присоединяется. Он считает лишь нужным добавить, что, по его мнению, нынешние итало-советские отношения являются не только «дружественными», но и «сердечными». Он очень благодарен и за то, что я откровенно сигнализирую ему наличие некоторых «теней» в итало-советских отношениях. Он считает, однако, что значение их не следует преувеличивать. Указанные мною статьи обеих газет ни в малейшей мере не отражают позиции итальянского правительства в отношении СССР. «Реджиме фашиста» — орган, имеющий ничтожный тираж и руководимый лицом, всегда стремившимся иметь мнения, отличные от взглядов фашистской партии. Что касается «Пополо д'Италия», то статья ее лишена такта и неправильна по существу. Она не может устранить того несомненного факта, что по инициативе самого Муссолини действительно был поставлен вопрос о заключении политического договора Италии с СССР. Статьи этого договора уже подвергались обсуждению в Риме. Документы, относящиеся к этим переговорам, хранятся до сих пор в палаццо Киджи (МИД). Правда, переговоры эти приостановились. Согласно директивам Муссолини, Гранди объяснял в свое время Литвинову, что сперва момент для заключения итало-советского договора не вполне назрел, а затем, когда завязались франко-советские переговоры о пакте, итальянское правительство предпочитало занять выжидательное положение, дабы не создать впечатления, что оно старается забежать вперед французов [29]. Сейчас положение изменилось. Если бы полпреду удалось установить при переговорах с Литвиновым и в Москве, что Советское правительство считает возможным заключение

в данный момент договора с Италией, Муссолини вполне присоединился бы к такому мнению. Более того, заключение политического договора с СССР он считает не только возможным, но желательным и полезным. Во-первых, такой договор содействовал бы консолидации международного мира. Во-вторых, он тверже оформил бы существующие дружественные отношения между Италией и СССР. В-третьих, наконец,— и это Муссолини считает весьма существенным,— договор мог бы устранить сомнения и опасения, вызываемые у СССР пактом четырех держав.

Советская печать, выражающая мнение правительства СССР и широких общественных кругов Союза, высказывает ту мысль, что «пакт четырех» может стать орудием политики, направленной против Страны Советов. Муссолини считает такое мнение ошибочным. Он напоминает, что с таким членом будущего сотрудничества европейских держав, как Германия, у СССР уже существуют договорные отношения*, обеспечивающие Страну Советов от германской агрессии. Недавно заключен франко-советский пакт о ненападении**. Такой же пакт подписан Советами и с Польшей***. Имеются сведения, что и Малая Антанта склоняется к заключению пакта с Союзом. Англо-советский конфликт**** нисколько не меняет существа положения. Во-первых, если бы Англия и пожелала создать коалицию, направленную против СССР, это ей не удалось бы: ни одно государство не пожелало бы насильственным путем разрешать вопрос, созданный неумелыми действиями английской дипломатии. С другой стороны, Англия настолько заинтересована в СССР экономически, что она сама будет искать выхода из созданного ею тупика. Муссолини известно, что Литвинов едет в Лондон во главе советской делегации на экономическую конференцию. Муссолини предполагает, что англичане воспользуются этим случаем, чтобы договориться с Литвиновым об урегулировании возникшего конфликта. Если к договорам, уже связывающим СССР с такими участниками пакта, как Франция и Германия, присоединится еще политическое соглашение Союза с Италией, это нейтрализует всякие сомнения, существующие у Советского правительства относительно эвентуального направления сотрудничества четырех европейских держав*****.

Что касается проекта «пакта четырех», то отцовские права Муссолини предъявляет только в отношении того первона-

---

* См. т. IX, док. № 141.
** См. т. XV, док. № 456.
*** См. т. XV, док. № 300.
**** См. док. № 103, 120.
***** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 3—21.

чального наброска, который воспроизведен был в отчете о парламентских прениях в Риме. В дальнейшем около детища Муссолини сошлось еще трое отцов, которые наложили на проект печать своего воздействия. Первые поправки внесла Англия. Затем Франция пожелала подчеркнуть связь будущего пакта с соглашениями Локарно, Уставом Лиги наций и пактом Бриана-Келлога. Сейчас в основу обсуждения положен собственно текст Даладье. Некоторую оппозицию проявила Германия: она настаивала на конкретизации ее прав на равное с другими вооружение. Сам Муссолини дружески посоветовал Германии не подчеркивать своей заинтересованности в приобретении танков, военных самолетов и тяжелой артиллерии. Это могло бы отпугнуть Францию и Англию от соглашения. Малая Антанта не имеет оснований беспокоиться, поскольку нынешний проект пакта подчеркивает принцип неприкосновенности границ и требует единогласия при решении любого вопроса, относящегося к эвентуальному пересмотру договоров. Остается Польша. Эта страна производит на Муссолини весьма неблагоприятное впечатление. Трудно понять, существует ли в ней строй диктатуры или же происходит традиционная склока политических группировок и партий. Вдобавок, Польша ослабляется борьбой различных национальных течений и испытывает жесточайшие удары хозяйственного кризиса. В конце концов, самостоятельной роли Польша играть не может, и если Франция подпишет пакт, Польше ничего не останется, кроме примирения с таким исходом.

Что касается Германии, то не нужно преувеличивать влияние таких людей, как фон Папен и особенно Розенберг. Фон Папен был в Риме, и Муссолини спрашивал у него, верно ли, что он предлагал Франции союз с Германией. Фон Папен объяснил, что был пойман французами на чисто диалектическом приеме. Когда он убедился, что Эррио и французский генштаб никак не могут успокоиться насчет Германии и требуют особых гарантий безопасности с ее стороны, он, желая привести их к сознанию абсурдности этих требований, заявил: «Ну, что же? Нам остается одно — заключить германо-французский союз». Французы подхватили эту фразу и создали легенду, что фон Папен формально предложил Франции альянс. Впечатление Муссолини таково, что, рассказывая об этом случае, фон Папен был вполне искренен. Впрочем, фон Папен больше принадлежит прошлой Германии, нежели Германии будущего. Что касается Розенберга, то это ничтожество, теоретик в худшем смысле слова, притом натура импульсивная, у которой эмоция предшествует мысли. Он совершенно скомпрометировал себя своими нелепыми планами и сумасшедшей теорией превосходства германской расы над другими. В Англии

его миссия сопровождалась рядом скандалов. Чего стоит, например, случай с его венком, демонстративно сброшенным англичанами с могилы неизвестного солдата! У Муссолини имеются сведения, что Розенберг теряет последний кредит и в самой Германии. Гитлер держит его при себе только как старого своего соратника в память прежней борьбы. Но уже подумывают о том, чтобы отстранить этого маньяка от всякого участия в политической жизни.

Возвращаясь к вопросу о германо-советских отношениях, Муссолини подтвердил, что нарушение Германией традиционной дружбы с СССР он считает «безумием». Отказом от традиции Рапалло и Берлина Германия лишь ослабила бы свое международное положение. Эту мысль Муссолини не перестает внушать своим берлинским друзьям.

В заключение беседы Муссолини заявил мне, что, по его мнению, он ясно ответил на все мои вопросы. Он просит меня немедленно по возвращении из Москвы быть у него и информировать его о решениях Советского правительства. «Я буду ждать Вас с большим интересом,— добавил он.— Я надеюсь, что Вы вернетесь сюда с хорошими вестями» *.

[Потемкин]

Печат. по авх.

167. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом

Берлин, 29 мая 1933 г.

Еще на вокзале Дирксен дал мне понять, что Нейрат хотел бы повидать меня и готов меня принять в 11 час. 30 мин.

На беседе присутствовали фон Дирксен и т. Хинчук.

Из беседы на общие темы стоит лишь отметить, что Нейрат, весьма пессимистически оценивая работу конференции по разоружению, в Женеву ехать не предполагает, но собирается на Лондонскую конференцию. «Пакт четырех», по мнению Нейрата, еще далек от осуществления, причем это зависит не только от Франции, но и от Германии, которая имеет серьезные возражения против того содержания, которое в пакт вкладывает Франция **.

Переходя к теме о советско-германских отношениях, Нейрат спросил, урегулированы ли все инциденты, в частности касательно «Дероп» [46], и получил от т. Хинчука соответственные разъяснения. Хинчук упомянул при этом об образовании

---

* См. док. № 188, 230.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 3—10.

фашистских организаций из русских эмигрантов *, а я — о слухах об использовании германской полицией некоторых эмигрантов, вроде Гуманского, Орлова и других **. Нейрат, конечно, обещал заинтересоваться этим.

Дирксен вновь спрашивал, очевидно желая получить в присутствии Нейрата подтверждение тех сообщений, которые я ему делал в Москве, произошло ли что-либо новое в наших отношениях с Малой Антантой и Польшей.

Сославшись на нашу предыдущую беседу ***, Нейрат отметил подтверждение сделанных им мне тогда заявлений, что в наших отношениях ничего не изменится. Я не поверил-де ему тогда, торжествующе сказал он. Я возразил, что я ему тогда верил, верю и теперь, но что у нас кое-кто задает вопрос о причинах неизменения отношений и дают на это ответ, с которым фон Нейрат, вероятно, не согласится. Фон Дирксен ввернул, что у нас объясняют это неизменение отношений отрицательным приемом, который встретили антисоветские германские предложения во Франции и Англии, исходя из действий фон Розенберга [51]. Я подтвердил, что такие мнения у нас действительно высказываются, причем учитываются не только выступления Розенберга, но и Папена ****, а также известные теории по внешней политике вождей национал-социалистов. Я к этому добавил, что мы и впредь отнюдь не намерены относиться к политике Розенберга как к его приватному делу. Я вновь отвел попытки Дирксена провести аналогию между Розенбергом и Манунльским. Замечание Дирксена относительно нашего сближения с Францией я парировал указанием на то, что это сближение отнюдь не направлено против Германии и что мы никогда и никому не делали и не собираемся делать какое-либо предложение за счет интересов Германии. Между тем попытки Розенберга и его политических друзей сблизиться с Англией или Францией всегда имели в виду серьезные ущемления интересов СССР. Нейрат предлагал «обождать», и мы-де увидим, что наши опасения напрасны. В Италии после прихода к власти Муссолини тоже были якобы внеправительственные инстанции, пытавшиеся вмешиваться во внешнюю политику. Я ответил, что нас не касается внутреннее устройство власти, пока не затрагиваются наши интересы. Я напомнил ему, что мы делали представление в Рим по поводу связи Инсабато с украинской эмиграцией [150], хотя он являлся членом парламента и никакой роли ни в правительстве, ни в фашистской партии не играл и ни в коем случае не может идти в сравнение с Розенбергом. Нейрат, смеясь, сказал, что он от-

---

* См. также док. № 142.
** См. также т. XII, прим. 39.
*** См. док. № 54.
**** См. т. XV, прим. 188, 225, 249 и док. № 54 настоящего тома.

нюдь не возражает, чтобы мы делали представления и по поводу выступлений Розенберга. Дирксен передал Нейрату мое заявление, которое я ему неоднократно делал, что, сближаясь с Францией, мы стремимся помешать германо-французскому сближению, но я поправил его: «сближению за счет СССР».

Я вновь подтвердил, что с кем бы мы ни сближались, интересы Германии от этого не пострадают. Я хотел бы только, чтобы Германия могла в том же заверить нас.

Литвинов

Печат. по арх.

168. Заявление Правительства СССР Правительству Японии *

31 мая 1933 г.

1. Советское Правительство принимает к сведению подтверждение Японским Правительством его прежних заверений о том, что оно будет относиться с уважением к правам и интересам СССР в Северной Маньчжурии и что оно не допустит нарушения в результате предпринятых им в Маньчжурии действий интересов СССР на КВЖД.

Эти заверения Японского Правительства, по мнению Советского Правительства, исключают возможность для Японского Правительства снимать с себя ответственность за общеизвестные факты нарушения советских интересов в условиях нынешнего положения в Маньчжурии маньчжурскими властями под тем формальным предлогом, что эти факты относятся исключительно к компетенции Маньчжоу-Го. Советское Правительство надеется, что, поскольку Японское Правительство обещало ненарушение интересов СССР в Северной Маньчжурии, и в частности на КВЖД, и обещало инструктировать японское командование и своих чиновников в Маньчжурии не допускать нанесения ущерба советским интересам, оно сделает из этого практические выводы.

2. Советское Правительство не может не выразить сожаления по поводу того, что Японское Правительство в своем ответе полностью обошло молчанием конфликт, возникший в связи с совершенно незаконными и необоснованными претензиями маньчжурских властей по поводу принадлежащих СССР паровозов серии «Е». Этот вопрос властями Маньчжоу-Го при прямом содействии и поддержке японских чиновников и местных японских властей был использован как главный повод для насильственных односторонних и неправомерных действий, наносящих крупнейший ущерб интересам СССР.

* Вручено заместителем народного комиссара иностранных дел СССР послу Японии в СССР в ответ на заявление японского правительства от 26 мая 1933 г.

Советским Правительством в свое время уже были приведены исчерпывающие документальные свидетельства принадлежности этих паровозов СССР и неоспоримые доказательства полной необоснованности претензий маньчжурских властей *.

Японское Правительство не привело и не может привести ни одного аргумента в оправдание претензий маньчжурских властей и их поведения в конфликте о паровозах. Между тем, по мнению Советского Правительства, правильное разъяснение этого вопроса Японским Правительством маньчжурским и местным японским властям привело бы к прекращению попыток приносить ущерб неоспоримым советским интересам и содействовало бы установлению нормального положения на дороге.

3. Что касается объяснений, даваемых в ответе Японского Правительства по вопросу о занятии японскими военными чинами перевалочной пристани КВЖД, о задержке в уплате японским военным командованием причитающейся с него задолженности за перевозку японских войск, о катастрофическом положении, создавшемся благодаря недостаточным мерам охраны на восточной линии КВЖД, а также о массовых арестах и истязаниях советских граждан, то Советское Правительство констатирует, что эти объяснения не опровергают приведенных в его заявлении от 16 апреля ** точно и документально обоснованных фактов. Ввиду этого Советское Правительство вновь подтверждает свое заявление от 16 апреля и изложенные в нем факты и выражает уверенность, что Японское Правительство примет зависящие меры к более тщательному расследованию этих фактов и действительному прекращению всех действий, направленных к нанесению ущерба интересам СССР.

Ответ Японского Правительства содержит жалобу на распространение агентством РОСТА якобы клеветнических сведений о действиях японского военного командования и японских местных властей. Однако, поскольку в этом ответе не содержится никаких конкретных указаний, Советское Правительство не может считать эту жалобу обоснованной.

4. Своей готовностью вступить в переговоры о продаже КВЖД [11] Советское Правительство вполне ясно выразило свою волю к устранению почвы для конфликтов, отрицательно отражающихся на существующих добрососедских отношениях между СССР и Японией. Стремление к упрочению этих отношений является одним из элементов советской мирной политики. Советское Правительство вправе рассчитывать, что со своей стороны Японское Правительство твердо будет руководиться такими же стремлениями.

* См. док. № 122.
** См. док. № 121.

Советское Правительство тщательно инструктировало и инструктирует своих представителей на КВЖД о необходимости делового сотрудничества с маньчжурскими властями на основе Пекинского и Мукденского соглашений *, в частности по регулированию спорных вопросов.

К разряду таких спорных вопросов относится обмен вагонами между КВЖД и советскими дорогами. Не может быть сомнения в том, что все вагоны, принадлежащие СССР, должны быть возвращены советским дорогам, равно как и все вагоны, принадлежащие КВЖД, должны быть возвращены КВЖД.

Советское Правительство ожидает, что Японское Правительство будет действовать в том же направлении и, в частности, не будет допускать никаких актов, направленных к ухудшению состояния КВЖД.

Советское Правительство выражает уверенность, что Японское Правительство примет все зависящие от него меры к прекращению и недопущению каких-либо односторонних и неправомерных действий со стороны маньчжурских и местных японских властей и к поддержанию на КВЖД положения, базирующегося на точном выполнении Пекинского и Мукденского соглашений.

Советское Правительство выражает также уверенность в том, что при наличии доброй воли обеих сторон спорные вопросы, возникшие на КВЖД, смогут быть полностью разрешены в дружественном духе, в соответствии с заключительными заявлениями японского ответа, которые Советское Правительство вполне разделяет.

Печат. по газ. «Известия»
№ 138 (5069), 1 июня 1933 г.

В упоминаемом заявлении японского правительства от 26 мая 1933 г., врученном послом Японии в СССР Ота заместителю народного комиссара иностранных дел СССР Л. М. Карахану на русском языке, говорилось:

«После возникновения маньчжурских событий Японское Правительство в связи с расширением на Северную Маньчжурию действий японской армии неоднократно делало заявления о том, что оно будет относиться к правам и интересам СССР на КВЖД с уважением **. В продолжение событий как японской армией, так и японскими властями в Маньчжурии, несмотря на всякого рода затруднения в очищении районов Северной Маньчжурии от бандитов, было уделено всевозможное внимание для того, чтобы не нанести ущерба интересам КВЖД. Это является ярким фактом, который должен быть учтен Советским Правительством в должной степени. Тем не менее, Советское Правительство, считая, что действия властей Маньчжоу-Го, японских советников Маньчжоу-Го и непосредственно местных японских властей в последние месяцы создали на КВЖД серьезное положение, вызывающее тревогу Советского Правительства не только по поводу нарушения нормального функционирования дороги, но и в связи с тем, что эти действия ставят своей задачей обострение положения на

* См. т. VII, док. № 156, 222.
** См. т. XIV, док. № 350; т. XV, док. № 13, 160.

дороге, обратилось к Японскому Правительству с требованием, чтобы были приняты эффективные меры, способные оградить интересы СССР, и указало на некоторые отдельные факты, по его мнению, нарушающие упомянутые интересы.

В числе указанных Советским Правительством фактов имеются такие факты, которые принадлежат исключительно к компетенции правительства Маньчжоу-Го и к которым Японское Правительство никакого отношения не имеет. Хотя в этих делах, может быть, принимали участие японцы, являющиеся чиновниками или советниками правительства Маньчжоу-Го, но, поскольку эти японские чиновники и советники Маньчжоу-Го поступили на свою службу по своей собственной воле и действуют целиком под руководством и контролем правительства Маньчжоу-Го, Японское Правительство не может принять на себя ответственность за деяния этих чиновников или советников, ввиду чего по этим вопросам нет надобности здесь ответить.

Что касается тех фактов, которые имеют отношение к Японскому Правительству, то по этим вопросам было поручено подлежащим местным властям произвести тщательные расследования».

Далее японское правительство, оправдывая действия японских военных властей по занятию конторы перевалочной пристани КВЖД в Харбине, необоснованно отрицало факт затягивания японскими военными властями переговоров об оплате перевозок японских войск по КВЖД, отказывалось признать ответственность японских властей за тяжелое положение на восточной линии КВЖД, за массовые аресты и истязания советских граждан, за искусственное раздувание вопроса о паровозах и вагонах. Одновременно оно бездоказательно утверждало, что якобы «за последнее время советский информационный орган РОСТА неоднократно распространяет совершенно необоснованные клеветнические информации о действиях японского командования и японских местных властей в Маньчжурии».

В заключение в заявлении говорилось:

«Японское Правительство уверено, что вышеизложенное даст Советскому Правительству полное понятие о том, что японская армия и японские власти в своих действиях никогда не преследовали цели обострения положения на КВЖД, а также никогда не создавали серьезного положения в связи с КВЖД. Что же касается конфликтов, возникших в области эксплуатации КВЖД, то разрешение таковых должно зависеть от переговоров между надлежащими властями СССР и Маньчжоу-Го, которые являются ответственными за совместное управление дорогою. Однако поддержка мирных взаимоотношений между СССР и Маньчжоу-Го есть важнейшая основа общего мира на Дальнем Востоке. Японское Правительство, исходя из обязательств, возлагаемых на него постановлениями Японо-Маньчжурского протокола, имеет постоянную заинтересованность в сохранении общественного порядка и спокойствия в Маньчжоу-Го. Ввиду этого Японское Правительство не может не обращать серьезного внимания на исход упомянутых конфликтов и вместе с тем не может не выразить своего искреннего пожелания о том, чтобы как можно скорее эти конфликты привели к справедливому и должному урегулированию».

169. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром экономики Германии Гугенбергом

31 мая 1933 г.

Будучи с т. Литвиновым у Нейрата 29 мая *, я указал, между прочим, Нейрату на то, что к хозяйственным переговорам, которые, по мысли Гитлера, должны были быть начаты между

* См. док. № 167.

Гугенбергом и нами, до сих пор еще не приступлено. Нейрат очень удивился и сказал, что он немедленно свяжется по этому вопросу с Гугенбергом.

Сегодня из секретариата Гугенберга поступило предложение встретиться с Гугенбергом до 12 часов дня. Я отправился туда с тт. Вейцером, Бессоновым и Левитиным *.

Гугенберг выразил прежде всего удовлетворение тем, что он лично знакомится со мной, и очень извинялся, что в свое время не мог воспользоваться приглашением на завтрак с промышленниками. Далее он предложил нам изложить существо наших пожеланий по вопросу об улучшении советско-германских хозяйственных отношений. После этого сначала я, затем т. Вейцер кратко изложили суть наших основных претензий по экспорту. Несмотря на то что во время переговоров 1931—1932 гг. и начала 1933 г. неизменно подчеркивалась обеими сторонами необходимость расширения нашего экспорта в Германию в целях облегчения нам возможности покрытия наших обязательств перед германскими фирмами, экспорт из СССР в Германию в силу целого ряда причин продолжает сокращаться, резко увеличивая пассивность торгового баланса между СССР и Германией в пользу Германии, против СССР.

В этом, по нашему мнению, виноваты следующие группы причин. Во-первых, внутриполитическое положение в Германии, приводящее, с одной стороны, к прямому расстройству советско-германской торговли, как это было, например, в отношении «Дероп»[45], сбыт которого в последние 4 месяца сократился почти наполовину. С другой стороны,— в общей неуверенности германских фирм насчет того, как будут расценены их сделки с нами, положительно или отрицательно, вследствие чего германские фирмы впредь до выяснения внутриполитического положения в некоторых случаях прямо воздерживаются от заключения с нами договоров.

Вторая группа причин — это торгово-политические мероприятия последних месяцев, которые, как это мы прекрасно понимаем, вызваны, конечно, внутриполитическими задачами, но которые в то же время сильно затронули советский экспорт следующих товаров: яиц, масла, рыбы и отчасти леса. По нашей оценке, проведение этих мероприятий равносильно уменьшению выручки от советского экспорта на 20—25 млн. марок.

В силу этого мы хотели бы прежде всего получить от г. Гугенберга общее заявление по вопросу о его линии в отношении советско-германских хозяйственных взаимоотношений. Затем необходимо было бы, чтобы у немецких фирм была создана совершенно ясная позиция по вопросу о том, являются ли

---

* Начальник сектора торговой политики торгпредства СССР в Германии.

сделки с СССР желательными под углом зрения общей политики правительства. Далее, необходимо обсудить мероприятия, предложенные в нашем письме Гугенбергу [153], а также и те, которые могли бы быть предложены немецкой стороной для того, чтобы во-первых, уменьшить ущерб, приносимый советскому экспорту протекционистскими мероприятиями германской торговой политики, во-вторых, содействовать расширению советского экспорта в Германию, являющегося, как известно, основным источником покрытия советских обязательств перед германскими фирмами. И наконец, необходимо окончательно урегулировать вопрос с «Дероп» не только в смысле окончательного решения всех организационных вопросов, но и содействия, как обещано, сбыту продукции «Дероп» при помощи издания специального правительственного циркуляра по местным германским муниципальным и правительственным органам.

Отвечая, Гугенберг заявил, что само собой разумеется, укрепление хозяйственных связей лежит в интересах обеих стран и остается, как и прежде, одним из основных принципов германской внешней политики. Не может быть сомнений в том, что министерство хозяйства теперь продолжает в этом отношении линию предшествующих министерств. Этим общим заявлением, по его мнению, покрываются два первых вопроса, которые поставлены нами. Что же касается пассивности торгового баланса, то, по его мнению, она отчасти объясняется также и наличием взаимных кредитных отношений и не может быть целиком объяснена мероприятиями германской торговой политики.

Что касается вопроса о мероприятиях, которые могли бы облегчить положение с экспортом наших товаров на германский рынок, что он считает, между прочим, необходимым, то по этому вопросу нужно приступить немедленно к конкретным переговорам между референтами обеих сторон, каковые переговоры и следует назначить сейчас же на дни непосредственно следующие после троицы.

Мы предложили вторник 6 июня, но Мосдорф попросил нас отложить до 8-го, так как очень многие из немецких референтов будут отсутствовать до четверга в Берлине. Мы не возражали, и таким образом, в четверг, 8-го, в 4 часа состоится первая встреча для конкретных разговоров, в которых с немецкой стороны, по-видимому, будут участвовать Поссе, Мосдорф и Мюллер *.

Что касается «Дероп», то Гугенберг заявил, что ему представляется, что вопрос о «Дероп» более или менее урегулиро-

---

* Соответственно заведующий и советники II отдела министерства экономики Германии.

ван в разговоре т. Хинчука с Гитлером * и в последних мероприятиях.

На это я возразил Гугенбергу, что дело обстоит несколько иначе с «Дероп», а именно основное мероприятие, которое должно было быть проведено в отношении «Дероп», а именно выпуск специального циркуляра о содействии сбыту продукции «Дероп», до сих пор задерживается по непонятным для меня причинам. Все люди, с которыми я разговаривал по этому вопросу, считают, что циркуляр нужно издать, но циркуляра до сих пор нет. Между тем работа «Дероп» значительно дезорганизована, и нужны большие усилия с немецкой стороны, чтобы направить эту работу вновь на надлежащие рельсы. Вейцер прибавил к этому, что циркуляр должен быть составлен теперь в гораздо более энергичном и решительном тоне, чем это могло бы быть прежде, имея в виду уже происшедший в работе и сбыте «Дероп» ущерб. Гугенберг заявил, что он сам считает, что с этим делом нужно поспешить, и готов сделать все, что в его силах, но лично покидает Берлин до 7 июня, а между тем для циркуляра нужна не только его подпись, но и подпись министра внутренних дел. Поэтому он не возражает, чтобы вопрос о циркуляре стал первым пунктом переговоров в четверг, 8 июня, когда должен быть обсужден весь комплекс наших вопросов [132].

Хинчук

Печат. по арх.

170. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Норвегии в СССР Даниэльсеном

31 мая 1933 г.

1. Даниэльсен просился ко мне в течение нескольких дней и пришел просить о восстановлении передачи метеорологических сводок нашей радиостанцией на Земле Франца-Иосифа. Он напомнил, что в свое время именно он обращался ко мне с просьбой ** и что в результате нашей беседы НКИД известил норвежскую миссию нотой от 7 октября 1932 г. о том, что станция на Земле Франца-Иосифа будет регулярно передавать интересующие норвежских метеорологов сведения. До 4 января с. г. эта передача «отлично функционировала», но после этой даты все прекратилось и не было ни одной передачи. Норвежские метеорологи писали нашему метеорологическому комитету, однако не получили никакого ответа. По поручению

---

* См. док. № 138, 139.

** См. также т. XV, док. № 245.

норвежского правительства он просит меня принять меры для восстановления этих передач, имеющих исключительно важное значение для Норвегии.

Я сказал, что мы наведем справки, и, если станция на Земле Франца-Иосифа в исправности, я думаю, что передачи будут возобновлены. Если же станция не в порядке и не может быть собственными средствами поправлена, то, очевидно, придется ждать очередной экспедиции этого года.

2. Я сказал Даниэльсену, что очень рад его приходу, ибо должен поговорить с ним по очень серьезному вопросу. После 4-месячных переговоров в Осло подписано, наконец, соглашение о госгарантии. Вслед за телеграммой, извещавшей о подписании этого соглашения, НКВТ сегодня получил телеграмму о том, что в самый день подписания норвежское министерство торговли обратилось к т. Клингеру с просьбой купить помимо предусмотренных в соглашении 150 тыс. бочек сельди еще 150 тыс. бочек [133], причем эта просьба мотивировалась недостаточностью обусловленного в соглашении количества и невыполнением каких-то обещаний, якобы данных торгпредством заинтересованным норвежским кругам. Конечно, эти сообщения вызвали возмущение в НКВТ, и я должен сказать, что и мне предложение министерства торговли кажется чрезвычайно странным. Ему, Даниэльсену, хорошо известны затруднения, которые наша внешняя торговля испытывает из-за мирового кризиса. При наличии этих затруднений наше решение закупить 150 тыс. бочек сельди является тяжелой жертвой, которую мы вследствие наших хороших отношений с Норвегией решили принести для того, чтобы пойти навстречу норвежским пожеланиям. В течение 4-х месяцев это положение более чем достаточно было разъяснено норвежцам, и они знали, что мы на большую цифру закупок не можем пойти и не пойдем. Много разговоров было также и относительно мнимых обещаний торгпредства закупить большее количество сельди. Подписание соглашения ставило точку на всех этих переговорах и разговорах. В частном порядке я должен сказать, что возобновление старых претензий сейчас же после завершения переговоров соглашением считается «дурной манерой» даже и между купцами и тем менее допустимо между государствами. Я прошу извинения за резкое слово, но я говорю как друг Норвегии, боясь, что, если норвежское министерство торговли не возьмет немедленно обратно своего предложения, оно может нанести длительный вред нашим отношениям. В самом деле, нам не последний раз приходится вести переговоры о таких хозяйственных соглашениях, и я боюсь, что, если это предложение останется, оно основательно испортит атмосферу, и НКВТ, который и без того неохотно пошел на закупку сельди в этом году, вспомнит обо всем этом, когда в будущем вновь

возникнет вопрос о заключении торгового соглашения. Я советую Даниэльсену немедленно сообщить норвежскому правительству о том скверном впечатлении, которое здесь произвело предложение министерства торговли, и настоять на том, чтобы оно было снято. Я очень жалею, что Мувинкеля нет в Осло, и я думаю, что, если бы он там был, этого предложения не было бы.

Даниэльсен был искренне удивлен, сказав, что ничего не знает об этом предложении министерства торговли. Это, наверное, рыбаки нажимают на него, и, так как правительства в Норвегии вообще очень слабы и поддаются нажиму общественных кругов, то министерство, вероятно, по настоянию рыбаков и решилось на такой необычный шаг. Он надеется, что т. Клингер сразу же ответил решительным «нет». Это лучший способ в таких случаях положить конец разговорам. Конечно, он это говорит мне тоже в частном порядке, и конечно, он будет настаивать перед правительством на том, чтобы вопрос был немедленно урегулирован. Мувинкель уже вернулся в Осло и пробудет там несколько дней до отъезда на Мировую экономическую конференцию. В частном порядке он, Даниэльсен, советует мне дать поручение т. Бекзадяну посетить Мувинкеля и сказать ему все то, что я сказал ему, Даниэльсену. Это облегчило бы его задачу.

Я сказал, что т. Бекзадян сделает серьезный демарш перед Мувинкелем [134].

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

171. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Финляндии Н. Г. Поздиякову

1 июня 1933 г.

Объяснение Хакселя по поводу финской военно-авиационной базы в Сердоболе [135] не удовлетворяет Штаб РККА, который считает, что нам следует добиваться упразднения этой базы и воспрещения всяких военных полетов над Ладожским озером, по следующим соображениям:

1. СССР считает (и заявлял это на Женевской конференции по разоружению*), что вся военная авиация является средством агрессии, почему и предлагал полное упразднение таковой.

---

* См. т. XV, док. № 75.

2. Даже небольшой военный самолет легко может быть вооружен пулеметом и бомбами и может напасть на чужую территорию.

3. Наше согласие с точкой зрения Хакселя явилось бы стимулом для усиления финской авиационной активности на Ладожском озере.

В соответствии с изложенным Коллегия НКИД считает необходимым заявить Хакселю*, что мы рассматриваем всякую военную авиацию как средство агрессии, каковое мнение существует и на Женевской конференции. Поэтому мы полагаем, что существование авиационной базы в Сердоболе и полеты над Ладожским озером являются нарушением статьи 16 Мирного договора**, из текста коей ясно видно, что единственным родом оружия, который может быть на озере (не считая береговых укреплений оборонительного типа), являются мелкие корабли с определенным для них вооружением. Отметьте также, что в настоящее время, когда СССР и Финляндия выступают на международной арене за сокращение вооружений, было бы неудобно совместно уславливаться о расширенном толковании постановлений Мирного договора, установивших частичную демилитаризацию приграничных районов обоих государств.

Член Коллегии
Б. Стомоняков

Печат. по док.

172. Заявление Правительства СССР Правительству Японии***

3 июня 1933 г.

Советское Правительство подтверждает получение официального сообщения Японского Правительства через Японского Посла г. Ота 29 мая о том, что оно готово взять на себя посредничество и содействие в переговорах между СССР и Маньчжоу-Го относительно продажи КВЖД и о том, что правительство Маньчжоу-Го выразило готовность немедленно приступить к этим переговорам.

Советское Правительство принимает к сведению сообщение Японского Правительства о готовности Маньчжоу-Го приступить к переговорам и сообщает, что оно принимает предложение Японского Правительства и согласно назначить своих представителей для переговоров. Равным образом оно не возражает против предложения Японского Правительства о ведении переговоров в Токио.

---

* См. док. № 234.

** См. т. III, док. № 137.

*** Вручено заместителем народного комиссара иностранных дел СССР послу Японии в СССР.

Считая, что срок начала переговоров будет определен по соглашению сторон, Советское Правительство со своей стороны предлагает начать переговоры 25 июня [126].

Печат. по газ. «Известия», № 141 (5672), 4 июня 1933 г.

В упоминаемом сообщении правительства Японии правительству СССР от 29 мая 1933 г., переданном на русском языке, говорилось:

«Императорское Правительство тщательно обсуждало откровенное предложение г. Литвинова о продаже Китайско-Восточной железной дороги, в особенности оно с удовлетворением принимает к сведению заявление о том, что мотивами такого предложения послужило именно желание поддержки и укрепления дружественных отношений с Японией. Однако за последнее время экономическое значение КВЖД значительно уменьшилось вообще, а, в частности, с момента образования Маньчжоу-Го и в связи с развитием сооружения путей сообщения в Северной Маньчжурии, как-то: окончание постройки железнодорожной линии Гирин — Хойрей, продвижение работ по постройке железнодорожной линии Лафа — Харбин, открытие движения по железнодорожной линии Тайфун — Хайлун и т. д. Эта тенденция все более и более становится сильнее. Несмотря на это, принимая во внимание то обстоятельство, что КВЖД легко становится источником трений между Японией, Маньчжоу-Го и СССР, желательно урегулировать коренным образом настоящую проблему именно с точки зрения общего положения дела мира на Дальнем Востоке. Между тем относительно выкупа, являющегося одним из способов разрешения данной проблемы, прежде всего необходимо заранее определить стороны для переговоров и с этой целью имел место обмен мнениями с Маньчжоу-Го, который имеет самые важные заинтересованные отношения к КВЖД, и в результате этого выяснилось, что маньчжоугоская сторона намерена выкупить ее в случае, если будет достигнуто соглашение о соответственных условиях, приемлемых для нее. Что же касается Императорского Правительства, то оно к этому возражения не имеет. Вследствие изложенного по настоящему делу предлагается Правительству Союза ССР обратиться к представителям Маньчжоу-Го. Правда, Императорское Правительство в интересах успешного хода означенных переговоров готово взять на себя труд по оказанию посредничества и содействия с максимальной доброжелательностью. Далее, исходя из различных соображений, Токио признается наиболее подходящим как место для переговоров, и если к тому со стороны СССР препятствий не встретится, то маньчжурская сторона готова немедленно приступить к переговорам.

Хотя бы таким образом переговоры начались, но в случае, если переговоры будут, к несчастью, прерваны, это принесет, наоборот, последствия, неблагоприятные для взаимоотношений между тремя государствами. Все это заставляет прийти к заключению, что для того, чтобы разрешить проблему радикально, как это предлагает Советское Правительство, является весьма важным и необходимым, чтобы разрешить ее с начала до конца политически с точки зрения общего положения дел и не углубляться в обсуждение вопросов технического характера. Нужно полагать, что Правительство Союза ССР, сделав на этот раз предложение, целиком разделяет изложенную выше точку зрения».

8 июня 1933 г. правительством Японии через японского посла в СССР Ота был дан следующий ответ на заявление правительства СССР.

«3 июня Советское Правительство сообщило Японскому Правительству, что оно принимает предложения Японского Правительства относительно переговоров о продаже КВЖД и согласно назначить своих представителей для переговоров и что оно не возражает против ведения пере-

говоров в Токио с представителями Маньчжоу-Го. Одновременно с этим Советское Правительство со своей стороны предложило начать переговоры 25 июня.

Предложение это было Японским Правительством передано Маньчжоу-Го, чтобы подтвердить мнение последнего по сему поводу, и получен ответ о том, что Маньчжоу-Го не возражает против открытия переговоров, как было предложено выше, 25 июня.

Сообщая о вышеизложенном, Японское Правительство просит Советское Правительство, как только состоится решение о своих представителях для настоящих переговоров, уведомить его немедленно об этом».

173. Заявление Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Японии в СССР Ота*

4 июня 1933 г.

По полученным данным, проверенным на месте, 31 мая с. г. на ст. Пограничная отряд маньчжурской полиции во главе с японским чиновником министерства путей сообщения Маньчжоу-Го Сато вооруженной силой прервал прямое сообщение между КВЖД и Уссурийской железной дорогой, существующее в течение ряда лет на основании специального соглашения между этими дорогами.

Начальнику ст. Пограничная было вручено письмо за подписью японского чиновника Маньчжоу-Го Сато, начальника пятого отделения полиции Ян Ши-юаня и надзирателя полиции русского белогвардейца Новикова с требованием немедленно прекратить движение товарных поездов и с угрозой применения репрессивных мер в случае неисполнения этого незаконного распоряжения.

Начальник станции вернул это письмо как незаконное и направленное не по адресу и, заявив письменный протест против насилий маньчжурских властей, предложил по всем вопросам, связанным с деятельностью дороги, обращаться в управление дороги.

Не обращая внимания на протесты, отряд выставил на станции вооруженную охрану и насильно отобрал у начальника станции ключи от железнодорожных стрелок, а самого начальника станции подверг аресту от 11 час. 40 мин. до 14 часов дня.

Также была арестована паровозная и составительская бригада. После этого отряд заставил рабочих зашить железнодорожные пути, положив на них поперечные шпалы. Всего закрыто таким способом 5 путей с западной стороны и 1 путь с восточной стороны.

---

* Аналогичное заявление было сделано полпредом СССР в Японии К. К. Юреневым министру иностранных дел Японии Утида 6 июня 1933 г.

Кроме этого, на главном пути, соединяющем ст. Пограничная с советской ст. Гродеково, установлен поперечный шлагбаум, который, по заявлению Сато, будет подыматься только для пропуска пассажирских поездов. Таким образом, прямое сообщение между КВЖД и Уссурийской железной дорогой прервано незаконными действиями в нарушение существующих договоров и специального соглашения между КВЖД и Уссурийской железной дорогой.

Этот факт грубого нарушения существующих соглашений, совершенный под руководством японского служащего Маньчжоу-Го Сато, является дополнительным подтверждением точности и справедливости положений, выдвинутых в советском заявлении от 31 мая *.

Еще 26 мая Советское Правительство довело до сведения Японского Правительства об имеющихся в его распоряжении сведениях о незакономерных действиях, намеченных на совещании в японском посольстве в Чанчуне **. Советское Правительство имело все основания рассчитывать, что Японское Правительство использует эту сообщенную ему информацию для предотвращения нарушений законного статуса КВЖД односторонними произвольными действиями.

Я не могу не протестовать против этих планомерно подготовленных и явно направленных к обострению отношений между нашими странами недопустимых действий местных властей в Маньчжурии. Обращаясь к г. Японскому Послу с просьбой довести этот протест до сведения Японского Правительства, я позволяю себе выразить надежду, что Японское Правительство, проявляющее заинтересованность к сохранению порядка и спокойствия в Маньчжурии и выразившее готовность к посредничеству в деле коренного разрешения вопроса о КВЖД, примет необходимые меры к восстановлению нарушенного положения.

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 142 (5773), 5 июня 1933 г.

174. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Саудовской Аравии Н. Т. Тюрякулова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

7 июня 1933 г.

Король заявил, что советская торговля равноправна торговле других стран. Король готов заключить дружественный и торговый договоры [137]. Советское предложение о правовом положении советской торговли принципиально принимает, но предлагает отразить в торговом договоре.

* См. док. № 168.
** См. док. № 165.

Король благодарит Советское правительство и просит урегулировать долг за нефтепродукты: 1) соглашение гарантируется королем; 2) одну треть долга правительство покрывает в январе — марте 1934 г. и две трети — в начале 1935 г.; 3) расчет производится на золотой основе. На все время соглашения устанавливается твердый курс доллара в отношении золотого фунта. 50% убытка, происшедшего от падения доллара, король принимает на себя.

Переговоры продолжу, но больших уступок король не сможет сделать. Ускорьте ответ, чтобы до отъезда короля урегулировать вопрос [138].

Полпред

Печат. по арх.

175. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирье-Коскиненом

8 июня 1933 г.

1. Ирье-Коскинен принес официальные предложения финского правительства по вопросу об окончательном проведении границ между Финляндией и СССР — вопросу, бывшему открытым и отчасти спорным в течение 13 лет. Судя по его заявлению, в основном предложения финского правительства совпадают с тем предложением, которое он высказал в одной из предыдущих бесед: финское правительство уступает нам по вопросу о так называемой Сестрорецкой перемычке на Карельском перешейке и в компенсацию за это желает получить нашу уступку при проведении границы на Вайда-Губе на крайнем севере финляндско-советской границы. Предложения финского правительства изложены в прилагаемом обширном меморандуме на 13 страницах на французском языке [139]. Кроме того, Ирье-Коскинен оставил мне взаимообразно одну карту Карельского перешейка и две карты северной границы с Вайда-Губой.

Я обещал изучить вопрос и дать ему ответ возможно скорее [140].

Имея в виду мое недавнее замечание, что вследствие затягивания вопроса наши ведомства дадут иное применение средствам, предназначенным для проведения границ в этом году, Ирье-Коскинен просил принять меры против этого, с тем чтобы иметь возможность осуществить предполагаемое проведение границ еще в этом сезоне.

Я обещал информировать немедленно наши ведомства о поступившем финляндском предложении *.

* См. док. № 414.

2. Возвращаясь к старому вопросу о поднятии принадлежащей нам на основании мирного договора землечерпалки «Петр Фадеев», затонувшей в 1918 г. в порту Сортавала, у северного берега Ладожского озера, Ирье-Коскинен напомнил, что в 1931 г., в ответ на демарш нашего поверенного в делах т. Карташова, финляндский министр сообщил, что финское правительство не возражает против поднятия землечерпалки, однако оно должно быть произведено трудами финского общества по поднятию затонувших судов за счет СССР. Ввиду того что ответа на это сообщение министра с нашей стороны до сих пор еще не поступило, а между тем затонувшая землечерпалка мешает навигации, финское правительство поручило посланнику предложить нам вновь поднять эту землечерпалку средствами финского общества за наш счет, причем финское правительство в случае нашей принципиальной готовности представит нам смету по себестоимости.

Я обещал снестись с ведомствами и дать ответ.

3. Ирье-Коскинен сообщил о переводе военного атташе миссии подполковника Пасонена в Берлин и о назначении на его место подполковника Хакли Вильяма Леонарда, для которого посланник запросил агреман. Так как Пасонен должен немедленно уехать, а Хакли сможет вступить в исполнение новых обязанностей лишь в августе, финское правительство просит одновременно нашего согласия на назначение временного военного атташе в течение 6 недель в лице подполковника Карху Ильмари Иоганнеса.

4. Ирье-Коскинен просил моего содействия в получении разрешения на выезд на 6 месяцев в Финляндию бывшему финляндскому гражданину, рожденному в Финляндии, а ныне проживающему в Таганроге 79-летнему ученому Константину Ангеру. Ангер, по словам Ирье-Коскинена, имеет большие заслуги в области изучения насекомых и подарил несколько богатых коллекций Ленинградскому университету. Потеряв сестру и будучи больным, он нуждается в отдыхе и поправке и хотел бы с этой целью воспользоваться приглашением своих сестер, живущих в Финляндии. Местные власти отказали ему в разрешении выезда.

Я обещал поинтересоваться этим делом. (При сем памятная записка Ирье-Коскинена *.)

5. Ирье-Коскинен попросил ответа на свою жалобу по поводу непредоставления Наркомлегпромом финляндской концессии «АГА — Альфтан» причитающихся ей на основании ликвидационного договора тратт (см. дневник, стр. 153, запись беседы с финляндским посланником от 21 апреля 33 г.).

---

* Не публикуется.

Ссылаясь на то, что срок платежа первой тратты наступает уже 1 июля, Ирье-Коскинен просил ускорить ответ.

Я сказал, что по обыкновению поручил I Западному отделу заняться этим делом, и, к сожалению, до сих пор не получил от него сообщения, что им сделано. Я обещал ускорить ответ [141].

6. Затем Ирье-Коскинен сообщил, что министр Хаксель выехал 7-го в Лондон на Мировую экономическую конференцию, от которой, как он потом сказал, все равно никто не ожидает никакого результата.

Запрошенный мною о цели недавней поездки Хакселя в Ревель Ирье-Коскинен сказал, что Хаксель должен был урегулировать некоторые вопросы экономических отношений. На мои расспросы он сперва ответил, что затруднения вызваны ограничениями трансфера в Эстонии. Однако он должен был потом признать, что Финляндия имеет пассивный расчетный баланс с Эстонией и что до поездки Хакселя в Ревель между Финляндией и Эстонией [был] установлен клиринг.

Улыбаясь, я сказал Ирье-Коскинену, с которым у меня установились хорошие отношения, что, по-видимому, целью поездки было вовсе не устранение трудностей трансфера из Эстонии в Финляндию. У меня имеются сведения, сказал я, что поездка Хакселя в Ревель имела политический характер.

Ирье-Коскинен сказал сперва, что поездка Хакселя имела также целью укрепить важные для Финляндии политические отношения с соседней Эстонией. А потом, после паузы, Ирье-Коскинен прибавил, что я оказался прав и что Германия действительно делает серьезные попытки к экономическому сближению с Прибалтийскими государствами. Хаксель сообщил ему, что в настоящее время в Ковно ведет переговоры по этому вопросу специально приехавшая германская делегация.

Я подтвердил, что это нам известно, и спросил, как обстоит дело с Латвией и Эстонией.

Ирье-Коскинен сказал, что Латвия и Эстония получили полуофициальное предложение Германии о таможенном союзе и что по этому вопросу ведутся сейчас переговоры в Ревеле и Риге.

Я спросил, говорил ли Хаксель по этому вопросу с эстонским правительством в Ревеле.

Ирье-Коскинен. Да.

Я. Получила ли Финляндия такое же предложение?

Ирье-Коскинен. Нет.

Я. Каково отношение Финляндии к заключению таможенной унии Латвией и Эстонией с Германией?

Ирье-Коскинен. Мы против этого.

Я. Помимо других соображений Германия при заключении унии вытеснила бы из Эстонии финляндские фабрикаты.

Ирье-Коскинен. Да. Наша промышленность против этого проекта.

Я сказал, улыбаясь, что, вероятно, это и было главной целью поездки Хакселя в Ревель.

Ирье-Коскинен ответил уклончиво, что Эстония и Латвия, наверное, не примут этих германских предложений, хотя, конечно, сбывать свою аграрную продукцию в Германии без пошлин очень соблазнительно для эстонского сельского хозяйства.

Я сказал, что вокруг этого вопроса, вероятно, разыграется борьба среди разных групп населения в Латвии и Эстонии. Крестьянский союз, с Ульманисом во главе, в Латвии и аграрные группировки в Эстонии, вероятно, не будут за простое отклонение германского предложения. Другие буржуазные партии и социалисты, вероятно, будут против.

Ирье-Коскинен подтвердил, что и по его информации социалисты в Латвии и Эстонии решительно против этих проектов.

Я сказал, что социалисты в Латвии и Эстонии вообще против вовлечения этих стран в группировки больших держав, и это в такое смутное время, какое переживает Европа, наиболее здоровая политика для малых государств. После всяких пертурбаций между большими державами в конечном счете расплачиваются малые государства.

Ирье-Коскинен, смеясь, сказал, что это верно и что, безусловно, это наиболее здоровая политика для малых стран. Он думает, что в конечном счете из германского проекта таможенной унии с прибалтами ничего не выйдет.

Я сказал, что тем не менее это германское предложение является крупнейшим фактом. Это первый шаг новой активной политики... *

Ирье-Коскинен подсказал: Розенберга. И потом прибавил: «Тем не менее из всего этого ничего не выйдет».

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

176. Письмо члена Правления Центросоюза СССР Генеральному секретарю Английского кооперативного союза Пальмеру

9 июня 1933 г.

Дорогой господин Пальмер,

Подтверждаю получение Вашего письма от 24 мая, которое я немедленно передал нашему Правлению.

Мы с удовлетворением приняли к сведению, что ваш Исполком поднял вопрос о том, нельзя ли предпринять шаги, ко-

* Многоточие документа.

торые положили бы конец обстоятельствам, мешающим развитию торговли между СССР и Англией, торговли, приносящей пользу кооператорам обеих стран.

В самом деле, если бросить взгляд на деловые связи между нашими обеими странами, то мы можем констатировать, что особенно после восстановления дипломатических и торговых отношений, торговые связи между Великобританией и СССР значительно расширились. Оборот Центросоюза и других советских организаций только с Английским и Шотландским кооперативными обществами оптовых закупок достиг за последние годы 80 млн. ф. ст.

К этому необходимо добавить, что за десятилетний период наши торговые взаимоотношения с вашей организацией ни разу не были поколеблены. Наши дружеские и деловые связи оказались возможными, так как они базировались на взаимном доверии и обоюдной выгоде.

Два английских инженера из фирмы «Метрополитен-Виккерс» были осуждены нашим судом за вредительство на силовых станциях и за шпионаж [82]. Вы должны будете согласиться, что в данном случае нам приходится воздержаться от каких-либо шагов в направлении [осуществления] Вашего предложения, чтобы не вызвать возмущения общественного мнения трудящихся Советского Союза.

Мы не сомневаемся, что причиной введения эмбарго * являлось не осуждение этих двух инженеров, преступление которых доказано. Причина, по нашему мнению, в антисоветской агрессивной торговой политике британского правительства, открывшейся со дня разрыва торгового договора с СССР **.

Путь к восстановлению нормальных торговых отношений между вашей и нашей страной в том, чтобы агрессивные меры, направленные против СССР, были устранены и введенное эмбарго было снято.

Ваша действительная помощь в восстановлении нормальных торговых отношений между нашей и вашей страной, по нашему мнению, заключалась бы в том, чтобы с вашей стороны были предприняты активные меры перед вашим правительством к снятию эмбарго.

Преданный Вам Член Правления Центросоюза
Э. Варьяш

Печат. по арх.

В упоминаемом письме Пальмера от 24 мая 1933 г. указывалось:
«Ограничение торговли между СССР и нашей страной, проведенное британским правительством в результате заключения в тюрьму в России

---

* См. стр. 256.
** См. т. XV, стр. 674.

британских инженеров, озаботило британское кооперативное движение. Исходя из просьбы одного из обществ — члена нашего Союза, наш Исполком поднял вопрос о том, нельзя ли предпринять какие-либо шаги, которые положили бы конец несчастным обстоятельствам, мешающим развитию торговли между СССР и нашей страной, приносящей пользу кооператорам обеих стран».

В письме далее говорилось о том, что Исполком поручил Пальмеру выяснить, «нет ли возможности, чтобы русское кооперативное движение обратилось к правительству СССР с просьбой» об освобождении двух арестованных английских инженеров.

В письме также отмечалось, что «Исполком, несомненно, ни в коей степени не ставит под вопрос ни правильности судопроизводства в русском суде, ни права русского суда судить лиц, о которых упоминалось выше. Исполком заботят лишь несчастные последствия, так вредно отражающиеся на кооператорах обеих стран, и являющиеся тормозом к развитию торговли между обоими народами, которое с точки зрения кооперативного движения, несомненно, желательно в интересах обеих сторон. Исполком считает, что было бы обоюдно выгодно для обоих движений, если бы нормальные торговые отношения могли быть восстановлены. Поэтому Исполком просит вас рассмотреть вопрос об обращении к Российскому правительству с просьбой в предложенном выше направлении, чтобы, в качестве акта милосердия, оно провело предложенный шаг, который, по нашему мнению, был бы обоюдно выгоден народам обеих стран и, в особенности, членам кооперации».

177. Речь Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинина при вручении верительных грамот Послом Франции в СССР Альфаном

14 июня 1933 г.

Господин Посол,

Я имею честь принять от Вас грамоты, коими Президент Французской Республики аккредитует Вас при Центральном Исполнительном Комитете Союза Советских Социалистических Республик в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Я всецело разделяю чувства, выраженные Вами в связи с тем, что Ваше вступление в исполнение высокой, порученной Вам миссии происходит вслед за тем, как обе наши страны засвидетельствовали ясным и недвусмысленным образом стремление к поддержанию отношений, основанных на взаимном сочувствии и понимании обоюдных интересов. Я могу Вас заверить, г. Посол, что выраженное Вами намерение работать в этом направлении всецело разделяется мною и что Вы встретите при осуществлении этой высокой задачи мое содействие и активную поддержку Правительства Советского Союза.

Советское Правительство тем охотнее идет навстречу всему, что способствует укреплению политики сближения и взаимного понимания между нашими странами, что оно твердо убеждено, что такая политика не только соответствует

правильно понятым интересам обоих государств, но и является важным элементом укрепления всеобщего мира.

Совершенно очевидно, что развитие дружественных отношений между нашими государствами настоятельно требует расширения и укрепления связывающих их экономических отношений, и в этой связи я выражаю надежду на то, что мы сможем в ближайшее время прийти к заключению экономического соглашения, которое явилось бы необходимой правовой базой для такого развития.

Я буду рад оказать всякое содействие возможно более полному росту культурных связей между обеими странами, убежденный, что это будет к пользе обеих сторон.

Благодарю Вас за любезные пожелания и приветы, переданные Вами мне, Советскому Правительству и народам СССР, и прошу Вас верить, что при выполнении возложенной на Вас вашим Правительством высокой миссии Вы неизменно встретите мое доверие и активное содействие Правительства Союза.

Печат. по арх.

Речь М. И. Калинина явилась ответом на речь Альфана, который сказал:

«Господин Президент,

Имею честь представить Вам грамоты, коими г. Президенту Французской Республики угодно было аккредитовать меня при Центральном Исполнительном Комитете Союза в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Мне особенно приятно сделать это непосредственно после того, как Палата депутатов единодушным голосованием выразила одобрение Правительству в связи с ратификацией франко-советского пакта. Этим торжественным жестом, равно как заявлениями, опубликованными в советской прессе *, обе наши страны выявили знаменательным образом свою решимость следовать политике симпатии и понимания взаимных интересов, которой, со своей стороны, я посвящу все свои усилия, уверенный, что в выполнении моей миссии я встречу Ваше благожелательное содействие и содействие Правительства СССР.

Эта политика, основанная на исключительно мирных целях двумя державами, глубоко преданными идеалам мира, может иметь самые счастливые последствия среди той неуверенности, которая тревожит и рискует потрясти мир.

Освобожденная от всяких забот относительно принципов внутреннего порядка, в отношении коих пакт устанавливает взаимное уважение, она может лишь благоприятствовать установлению устойчивого мира.

Эта политика облегчит достижение столь желательного между нашими странами экономического соглашения и приведет к заключению соглашений, которые должны устранить всякую причину недоразумений между двумя великими государствами и подтвердить чувства, которыми вдохновляются их отношения.

Сотрудничество может быть также и в области интеллектуальной, научной и художественной для бо́льшей пользы ученых и художников обеих

---

* См. док. № 157, 158.

стран, из которых одна может внести свой опыт и свой практический дух, а другая — смелость своих новых концепций.

Разрешите мне в заключение, г. Президент, выразить искреннее пожелание Вам и вашему Правительству и передать народу СССР весьма сердечный привет Французской Республики».

178. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на пленарном заседании Мировой экономической конференции [142]

14 июня 1933 г.

На протяжении последних шести лет Советское правительство в третий раз принимает приглашение участвовать в международной конференции, посвященной экономическим проблемам, несмотря на то что мое правительство имеет свои особые взгляды о законах экономического развития в условиях капиталистического строя и о причинах, порождающих острые кризисы, свойственные этой системе.

Благодаря особенностям экономической структуры моей страны мировой кризис ни в коей мере не может влиять и не влияет на непрерывный подъем ее экономической жизни, что подтверждается отсутствием таких явлений, как перепроизводство товаров, накопление запасов, не находящих сбыта, безработица, увеличение внешней задолженности, банкротства и падение заработной платы. Тем не менее кризис оказывает известное неблагоприятное влияние на развитие нашей внешней торговли. Имея полную возможность благодаря успешному выполнению первого пятилетнего плана развивать свое строительство, не завися от импорта с иностранных рынков, мое правительство тем не менее не имеет намерения отгородиться от внешнего мира экономическими барьерами и заключить себя в собственную экономическую скорлупу. В отличие от других стран наряду с огромным повышением собственного производства мы не стремимся к автаркии и не отказываемся от выгодного ввоза иностранных товаров. Наш председатель в своей вступительной речи нарисовал достаточно мрачную картину сегодняшнего экономического положения. Он упомянул о 30 млн. безработных. Если прибавить к этой цифре частично безработных, членов семей безработных и других лиц, от них зависящих, то вряд ли будет преувеличением сказать, что свыше 60 млн. человек влачат полуголодное существование в странах, охваченных кризисом.

В то же самое время налицо катастрофическое сокращение заработка тех, кто пока еще работает, и соответственное падение покупательной способности и потребления, приводящее к огромному накоплению запасов, несмотря на резкое понижение

продукции и к беспрецедентному сжатию внешнеторговых оборотов.

Я уже отмечал, что признаки кризиса отсутствуют в Советском Союзе, которому удалось при прогрессивном развитии кризиса в других странах успешно развивать свое хозяйство невиданными темпами. В то время как в остальном мире промышленная продукция упала в 1932 г. по сравнению с 1928 г. на 33%, она поднялась за тот же период в СССР на 219%. В то время как в большинстве стран число работающих катастрофически сократилось, в СССР число рабочих и служащих поднялось за годы первой пятилетки с 11,6 до 22,8 млн. человек.

Если бы я имел время для приведения данных по каждой отдельной стране, мне нетрудно было бы показать, что мировой кризис является суммой экономических кризисов отдельных стран и результатом упадка экономической жизни в этих странах. Оказывая воздействие друг на друга, каждое государство вносило свою лепту в образование того явления, которое мы называем мировым кризисом. Единственным исключением является Советское государство, в котором за все годы кризиса не только не было никаких явлений, которые можно было бы считать симптомами упадка хозяйственной жизни, но, наоборот, эта жизнь бурно развивалась. Таким образом, Советское государство ни в какой мере не содействовало образованию мирового кризиса, ни в какой мере не может считаться ответственным за сокращение международной торговли. Наоборот, в то время как импорт всех других стран с самого начала кризиса стал проявлять тенденцию к непрерывному падению и уже в 1931 г. показывал сокращение более чем на 40% по сравнению с 1929 г., импорт Советского Союза в течение первых лет кризиса неизменно возрастал, достигнув в 1931 г. своей высшей точки — 1135 млн. руб. Только вызванные кризисом и принятые в ряде стран мероприятия, которые привели к сокращению советского экспорта, побудили Советское правительство в 1932 г. пересмотреть свои импортные планы. Однако и здесь сокращение составляет в 1932 г. только 20,2% по сравнению с 1929 г., в то время как соответствующее сокращение мировой торговли равняется 58,8%. Таким образом, можно констатировать, что Советский Союз, ни в какой мере не участвуя в создании условий, вызвавших мировой кризис, сам, однако, испытал неблагоприятное влияние его на своей внешней торговле.

Собравшаяся ныне Мировая экономическая конференция ставит себе задачей изыскание мероприятий, направленных если не к изжитию, то к смягчению кризиса. Насколько можно судить по работам экспертов, подготовивших порядок дня для конференции, предполагается обратить внимание главным

образом на вопросы ограничения производства, тарифов, методов кредитной политики, повышения цен. Не вдаваясь в теоретическую дискуссию по этим вопросам, советская делегация все-таки позволяет себе выразить сомнение в том, чтобы намеченные методы могли сыграть серьезную роль в деле смягчения кризиса. По мнению советской делегации, бо́льшее значение следует придавать возможностям рассасывания мировых запасов, давящих на рынок, и повышению загрузки предприятий, производящих средства производства. С этой точки зрения советская делегация полагает, что конференция оказалась бы более плодотворной, если бы она могла услышать из уст всех делегаций, какие возможности оживления хозяйственной жизни и расширения импорта имеются в их странах, и предпринять соответствующие действия. Со своей стороны советская делегация готова дать ответ на эти вопросы в отношении представляемого ею государства.

Советское правительство составляет, как правило, свои импортные планы в точном соответствии с экспортными возможностями и кредитными условиями. Советская делегация мыслит себе условия вроде длительности кредитов, нормальных условий для советского экспорта и других благоприятных факторов, которые позволили бы расширить эти планы до пределов, которые могли бы оказать немалое влияние на смягчение существующего кризиса. По подсчетам советской делегации, Советское правительство при наличии упомянутых условий могло бы разместить в ближайшее время за границей заказов на сумму примерно в 1000 млн. долл. Чтобы быть конкретнее, скажу, что Советский Союз мог бы поглотить в ближайшее время приблизительно на 100 млн. долл. цветных металлов, на 200 млн. долл. черных металлов, примерно на 100 млн. долл. текстильного, кожевенного сырья и каучука, примерно на 400 млн. долл. оборудования, включая ж.-д. оборудование на 100 млн. долл., примерно на 35 млн. долл. сельскохозяйственных товаров, включая и племенной скот, на 50 млн. долл. таких потребительских товаров, как чай, какао, кофе, сельдь, на 50 млн. долл. новых судов, преимущественно для промышленных целей, как-то: рыболовные, зверобойные, землечерпалки и т. д. Значение этих цифр станет более очевидным, если я скажу, что в случае реализации этих заказов они составят для таких металлов, как алюминий и никель, медь, свинец, от 25 до 60%, а для некоторых из упомянутых потребительских товаров — до 100% существующих мировых запасов, для машинного оборудования — примерно ⅓ годового мирового экспорта, а для судов — 100% всего мирового производства прошлого года.

Мне остается еще лишь добавить, что в сбыте перечисленных мною товаров заинтересовано огромное большинство

стран, здесь представленных. Я должен подчеркнуть, что приведенные цифры выходят за рамки планов, выработанных уже Советским правительством, и не относятся к товарам, в которых оно сильно нуждается и которые должны были бы быть заказаны при настоящих условиях. Мы хотели лишь показать конференции путь, на котором, по нашему мнению, можно было бы достичь эффективных результатов в деле смягчения кризиса, и показать пример другим делегациям. Нам думается, что если и другие делегации с такой же откровенностью и определенностью наметят, если они могут, импортные возможности их стран и условия, при которых этот импорт может быть осуществлен, то существующий в международных экономических отношениях хаос будет в известной мере уменьшен, и будет найден путь, который вернее всех других может привести конференцию к намеченной ею цели.

Высказывая такие мысли, мы не приглашаем конференцию оставить без внимания такие стороны проблемы, как, например, искусственные препятствия и барьеры, существующие в области внешнехозяйственных отношений. Мы отнюдь не отрицаем, что применение государствами в их внешних хозяйственных связях методов экономической войны способствует ухудшению и без того достаточно напряженного международного экономического положения. Сюда относятся всевозможные методы дискриминации отдельных стран, таможенные войны, которые ведутся открыто или в замаскированной форме, валютные войны, запрет ввоза или вывоза в применении к отдельным странам и всяческие виды официального бойкота.

Я имел уже случай в качестве делегата в Комиссии по изучению вопроса о европейском союзе рекомендовать экономическое разоружение, предложив заключение пакта об экономическом ненападении *. К сожалению, этот проект сам подвергся нападению и был заточен в одну из темниц — в комиссию Лиги наций. Я напоминаю конференции об этом проекте, который, по моему мнению, окажется еще более своевременным и нужным теперь, чем в то время, когда он был представлен мною, так как меры экономической агрессии с того времени не только не сократились, но шире развились и стали принимать все новые и новые формы.

Сказанного мною достаточно, кажется, чтобы вы поняли, что выступая против всех видов экономической агрессии, советская делегация не может возражать против внесенного на конференции предложения о таможенном перемирии **. Хотя при существующей в моей стране государственной монополии внешней торговли таможенные пошлины не играют той роли,

* См. т. XIV, док. № 163.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VII, М., 1934, стр. 5—6.

что в других странах, так как та или иная высота пошлины не может прямо влиять на общую сумму советского импорта, однако другие страны отнюдь не могут относиться безразлично к таможенным ставкам, установленным для них в Советском Союзе. Так, например, государственные и кооперативные хозяйственные объединения, имеющие установленные для них твердые пределы капитальных вложений и оборотных средств и свободно маневрирующие ими в этих пределах, выписывая оборудование и товары из-за границы, заинтересованы в том, чтобы тот или иной размещаемый за границей заказ поглощал возможно меньшую часть их капитальных вложений или оборотных средств. Имея выбор для размещения заказов между несколькими странами, они, естественно, при прочих равных условиях, отдадут предпочтение той стране, которая пользуется в силу торговых соглашений наиболее низкими таможенными тарифами СССР. Таким образом, согласие Советского правительства на таможенное перемирие имеет немалое значение для других стран.

Советская делегация полагает, что экономическое перемирие может быть действительно эффективным и несколько оздоровит существующую экономическую атмосферу только в том случае, если государства не только откажутся от введения новых мер экономической войны, но и от применения существующих. Когда говорят о перемирии, этим признают существование состояния войны. Перемирие после войны означает прекращение всех форм борьбы и нападения, а не только бездействие отдельных видов оружия. То же самое должно иметь место и в области экономической войны, и перемирие должно означать прекращение всякой борьбы. Поэтому советская делегация, присоединяясь к резолюции об экономическом перемирии, предлагает дополнить ее обязательством одновременного приостановления действия введенных всеми странами в законодательном или административном порядке всех и всяких мер экономической борьбы и внесет соответствующую резолюцию *.

Советская делегация хочет надеяться, что конференция не ограничится принятием этих временных мер и позаботится о превращении перемирия в длительный мир. Одним из средств для этого может послужить освобождение из заточения советского проекта об экономическом ненападении, который перед лицом усилившейся за последние годы экономической войны может быть теперь еще углублен и расширен.

Я уверен, что вы все отдаете себе отчет в том, что экономический мир возможен только в рамках всеобщего мира во всех областях международной жизни. Какие бы хорошие резо-

---

* См. док. № 179.

люции ни принимала экономическая конференция, они не окажут никакого влияния на экономический кризис в смысле его смягчения, если будет продолжаться нынешнее состояние всеобщего политического беспокойства и тревоги, неуверенности в завтрашнем дне и опасений возможного возникновения в любой момент страшнейшего проявления экономической борьбы — войны. Это чувство всеобщей тревоги за последнее время не только не улеглось, но скорее усилилось, несмотря на международные совещания и заключенные пакты, тем более что сейчас нам известны международные совещания и международные пакты, которые сами по себе явились добавочным источником политического беспокойства. Ослабить это беспокойство и создать необходимую атмосферу для мирных экономических взаимоотношений смогут только радикальные меры в области разоружения и усиление гарантий безопасности путем подписания двусторонних и общих пактов о ненападении.

Одним и далеко не маловажным фактором создания чувства политического беспокойства является отношение капиталистического мира к 170-миллионному народу, который ввел в своем государстве советский строй и строит социализм, то есть осуществляет идею, исключающую возможность всяких международных войн и экономических кризисов. Хотя Международная экономическая конференция 1927 г. в резолюции признала принцип мирного сосуществования на данном отрезке истории двух систем — капиталистической и социалистической,— этот принцип до сих пор не всеми государствами претворен в дело. Даже в области экономики до сих пор сохранились специальные барьеры, препятствующие свободному развитию экономического сотрудничества между некоторыми странами и Страной Советов. Некоторые страны, устранившие было эти барьеры, время от времени воздвигают их вновь. Со своей стороны Советское правительство твердо и последовательно держалось принципа мирного сосуществования и воздерживалось от всяких мер агрессии во всех областях международной жизни, за исключением случаев, когда оно вынуждалось к ответным репрессиям. В духе миролюбивой политики своего правительства и представляемых им народов советские делегации действовали на всех международных конференциях, в которых они участвовали. В этом же духе советская делегация будет работать и на нынешней конференции.

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 150 (5281), 15 июня 1933 г.

179. Советский проект резолюции об экономическом перемирии *

14 июня 1933 г.

Правительства, представленные на денежной и экономической конференции,

имея в виду цели, которые ставит себе резолюция организационного комитета от 12 мая с. г. об экономическом перемирии **,

и стремясь к максимально полному обеспечению эффективности этого перемирия,

соглашаются отменить взаимно, независимо от причин их установления, все введенные ими ранее и действующие ныне законодательные и административные мероприятия, имеющие характер экономической агрессии и дискриминации, как-то: специальные пошлины, установленные для товаров, происходящих из какой-либо одной страны, запрет или особые условия ввоза и вывоза из какой-либо страны и в страну и бойкот торговли какой-либо страной [143].

Печат. по газ. «Известия» № 159 (5051), 15 июня 1933 г.

180. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР ***

14 июня 1933 г.

Вчера Бонкур вызвал меня и официально по поручению правительства заверил меня, что «пакт четырех» в нынешнем виде ни в какой мере не задевает СССР и не предусматривает рассмотрения и решения участниками пакта вопросов, в которых замешаны интересы СССР. Это верно не только в том, что касается политических интересов СССР, но и экономических, ибо и экономические вопросы должны согласно пакту рассматриваться в рамках Лиги наций, т. е. по толкованию французского правительства, в панъевропейском комитете, членом которого является СССР. Я поблагодарил Бонкура за сообщение, но повторил наше официальное отношение к пакту ****.

---

* Внесен на рассмотрение финансовой комиссии Мировой экономической конференции.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VII, М., 1934, стр. 5—6.

*** Копия телеграммы была направлена М. М. Литвинову, возглавлявшему советскую делегацию на Международной экономической конференции в Лондоне.

**** См. док. № 115.

Бонкур дважды повторил мне, что очень хотел бы повидаться с Литвиновым по пути из Лондона и устроить для него прием, и просил заблаговременно известить о дне проезда через Париж *.

Полпред

Печат. по арх.

181. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому, из Лондона

15 июня 1933 г.

Уважаемый Валериан Савельевич,

Справку о морском тоннаже получил [144]. Гендерсон околачивается в кулуарах конференции, ловит за фалды делегатов, но у него ничего не выходит. Французы отказываются говорить с ним о разоружении в Лондоне. От мысли созыва Бюро в Лондоне Гендерсон уже отказался. Он еще подумывает о вызове сюда на будущей неделе Политиса и Мадарьяги для обсуждения с Иденом ** и со мной вопроса об определении агрессии. Я думаю, что здешняя атмосфера и к этому его располагать не будет. По-видимому, Бюро будет созвано 27-го в Женеве. Навряд ли оно сможет что-нибудь решить. Гендерсон говорил мне, что, в случае устранения путем переговоров всех разногласий, он рассчитывает в течение июля и первой недели августа провести второе чтение конвенции, распустить Генеральную комиссию, создав редакционную комиссию для выработки конвенции, и затем созвать в сентябре или в октябре делегатов для подписания ее. Я высмеял этот оптимизм и спросил, что он сделает, если разногласия не будут устранены. Он признал, что в таком случае придется в июле же распустить комиссию и созвать ее вновь только осенью [145].

Даладье здесь был только несколько дней. Я ему представился, но побеседовать с ним не имел случая. Он сказал мне, что, вероятно, еще раз приедет в Лондон, в чем я, однако, сомневаюсь. С другими французами еще не знакомился. Предложение Поль-Бонкура *** меня немало смущает, тем более что путь отсюда в Германию не лежит на Париж. Я пишу сегодня об этом в Москву и буду действовать согласно указаниям оттуда [146].

Прошу держать меня в курсе Ваших разговоров, а также и торговых переговоров, если они ведутся [147]. Гошиллер ****

---

* См. док. № 181, 222.

** Заместитель главы делегации Великобритании на конференции по разоружению.

*** См. док. № 180.

**** Член французской делегации на Мировой экономической конференции.

как-то говорил мне здесь, что он, мол, старается изо всех сил и надеется на скорое окончание переговоров.

Жму руку

Литвинов

Печат. по арх.

182. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

15 июня 1933 г.

Сообщение Гавас о том, что инициатива разговора о пакте принадлежала мне, неверно. Когда из полпредства позвонили в секретариат Бонкура, чтобы испросить для меня свидание, то Бонкур лично позвонил мне, прося зайти к нему, так как он должен сделать мне сообщение. Это было сообщение о пакте *.

Не найдете ли нужным, помимо заявленных мною возражений против пакта, чтобы я сообщил Бонкуру официальный ответ Советского правительства? В этом случае прошу телеграфировать директиву **.

Я вчера передал Эррио приглашение. Он просил передать свою признательность и сообщил следующее: между 15 и 19 августа он будет на международном парламентском конгрессе в Софии, откуда поедет в Афины и Анкару; из Анкары он мог бы поехать в Москву с двумя-тремя остановками на юге. Пребыванию в Ленинграде он может посвятить не более двух недель, примерно между концом августа и 10—12 сентября. На обратном пути в Париж он собирается остановиться в Варшаве. Другого времени для поездки в СССР у него не будет, ибо со второй половины сентября он должен уже безотлучно находиться во Франции. Главная цель поездки Эррио — повидать наш юг; он, однако, был бы рад повидаться и с руководящими деятелями. Сообщите, подходит ли нам это. В положительном случае следует набросать два-три маршрута для Эррио ему на выбор, а также установить, с кем бы он повидался у нас [148].

Полпред

Печат. по арх.

183. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Председателю советской делегации на Мировой экономической конференции М. М. Литвинову, в Лондон

16 июня 1933 г.

На Вашу телеграмму от 15 июня [149]. Первое. Мы согласны заключить с Малой Антантой один общий пакт о ненападении

* См. док. № 180.

** В архиве не обнаружена.

при условии включения в него известной оговорки о наличии спорных вопросов, а также при условии одновременного возобновления дипломатических отношений со всеми тремя странами.

Второе. Также согласны немедленно вступить в переговоры с Италией и подписать с нею пакт до окончания переговоров с Малой Антантой.

Третье. Учитывая необходимость быстрого проведения переговоров с Италией, сами решите, вести ли их в Риме, срочно вернув туда Потемкина, или в Лондоне через Вас и итальянского посла Гранди *.

Четвертое. Телеграфируйте о своем решении о месте переговоров [150].

Крестинский

Печат. по арх.

184. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

17 июня 1933 г.

«Амторг» обратился к правительственной финансовой корпорации с предложением финансирования советских закупок**. Советник президента Моли из госдепартамента обещал поддержку и вчера утром вместе с Моргентау-младшим *** поставил вопрос перед президентом. В этом же направлении работает и бывший сенатор Брукхарт, который также беседовал с президентом. В результате разговора Моли и Моргентау-младшего с Рузвельтом последний поручил вчера Моргентау заняться вопросом. Моргентау вчера же пригласил меня через Розенштейна **** на обед и заявил мне, что президент поручил ему встретиться со мной. Я принял приглашение и пошел с Розенштейном. На обеде присутствовали руководители высших правительственных кредитных и финансовых учреждений, включая заместителя министра финансов (сам Вудин ***** болен). В результате обсуждения двух предложений «Амторга» представители администрации дали согласие на финансирование наших сделок под наши векселя, что является весьма важным поворотом в политике правительства в отношении СССР. Предлагаемые коммерческие условия не плохие, учитывая [здешнюю] практику. Не знаю, насколько они могут

---

* См. также док. № 188, 230.

** См. док. № 294, 304.

*** Председатель Американского комитета по кредитованию сельского хозяйства.

**** Заместитель председателя правления «Амторга».

***** Министр финансов США.

удовлетворить наши организации при настоящих условиях. Необходимо, однако, принять во внимание политическую сторону вопроса. Рекомендовал бы поэтому при обсуждении вопроса в Москве учесть желательность нашего закрепления на новых позициях, то есть использование предлагаемого правительственного кредита. Подробности можете получить в Наркомвнешторге.

Сквирский

Печат. по орг.

185. Заявление Правительства СССР Правительству Китая *

19 июня 1933 г.

Советское Правительство полагает, что соображения, приведенные в заявлении д-ра Иена от 14 мая 1933 г. по поводу переговоров о КВЖД [151], с одной стороны, не могут быть обоснованы формальными обязательствами, принятыми на себя обеими сторонами по Пекинскому и Мукденскому соглашениям **, и, с другой стороны, находятся в полном противоречии с фактическим положением дел.

Верное взятым на себя обязательствам, преисполненное как чувствами истинной симпатии к китайскому народу, так и чувствами величайшего уважения к его правам, Советское Правительство тщательно и неуклонно выполняло и выполняет Пекинское и Мукденское соглашения.

Однако совершенно очевидно, что заключенное в 1924 г. Пекинское соглашение исходило из той естественной и обязательной предпосылки, что Китайское Правительство будет в состоянии использовать свои права и выполнять свои обязательства на КВЖД. Между тем уже в том же 1924 г. Советское Правительство вынуждено было подписать специальное соглашение о режиме КВЖД с тогдашним автономным Мукденским Правительством, так как Китайское Правительство оказалось не в состоянии добиться от Мукденского Правительства выполнения последним обязательств Пекинского соглашения. Утвердив впоследствии Мукденское соглашение, Китайское Правительство тем самым признало, что, поскольку оно не в состоянии было осуществить своих предусмотренных Пекинским договором обязательств по отношению к КВЖД, Советскому Правительству не оставалось ничего другого, как договориться о КВЖД с Мукденским Правительством, обладавшим полнотой фактической власти в Маньчжу-

---

* Вручено заместителем наркома иностранных дел СССР послу Китая в СССР.

** См. т. VII, док. № 156, 222.

рии и на дороге. В настоящее время по обстоятельствам, ни в какой мере не зависящим от Советского Правительства, стороной, которая приняла на себя на КВЖД функции, ранее выполнявшиеся представителями Мукденского Правительства, являются представители Маньчжоу-Го. Осуществление в этом порядке совместного ведения хозяйства КВЖД не было опротестовано Китайским Правительством. Ясно, что во всех этих случаях Китайское Правительство считалось с фактическим положением вещей и не возражало против вытекающих из него выводов.

Сохранение прав собственности на КВЖД и участие в управлении дорогой являются правами, принадлежащими Советскому Правительству. Нельзя пытаться превращать это право в обязательство для СССР при любых обстоятельствах сохранять в своих руках собственность на дорогу и продолжать участвовать в управлении дорогой. С другой стороны, нет никаких оснований в какой-либо мере перелагать на Советское Правительство ответственность за ущерб, понесенный Китайским Правительством вследствие действий третьей стороны.

Отвергая, таким образом, юридическую и политическую обоснованность заявленных д-ром Иеном возражений против эвентуальной продажи Советским Правительством КВЖД Правительству Маньчжоу-Го, Советское Правительство считает в то же время, что продажа КВЖД, если она состоится, ничем не заденет реальных интересов Китайского Правительства. Если Северо-Восточные провинции, входящие ныне в состав Маньчжоу-Го, воссоединятся вновь с Китайской Республикой и признают суверенитет Китайского Правительства, то КВЖД, выкупленная Маньчжурским Правительством, автоматически станет собственностью китайского государства. Если же воссоединения Маньчжурских провинций с Китаем не произойдет и суверенитет Китая над ними будет утрачен навсегда, то Китайскому Правительству должно быть безразлично, кому будет принадлежать КВЖД — Советскому Правительству или Правительству Маньчжоу-Го.

Согласие СССР на вступление в переговоры о продаже КВЖД находится в полном соответствии со стремлением СССР к поддержанию всеобщего мира и ни в коем случае не должно быть воспринято Китайским Правительством как шаг, продиктованный нежеланием укрепить дружбу между СССР и Китаем. Наоборот, Советское Правительство высказывает полную готовность работать над укреплением дружеских отношений, существующих между народами и Правительствами Советского Союза и Китая.

Печат. по арх.

186. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсеенко

19 июня 1933 г.

Уважаемый товарищ,

1. Я вполне разделяю настороженность, проявляемую Вами за последнее время в отношении польской политики [152]. Для нее имеются весьма серьезные основания: 1) бросающаяся в глаза сдержанность Польши в отношении дальнейшего сближения с нами, несмотря на то что международная обстановка и нынешнее состояние советско-польских отношений как будто толкают Польшу к углублению отношений с нами; 2) еще более бросающееся в глаза за последнее время смягчение отношений между Польшей и Германией и усиление тенденций в Польше договориться с Германией. Не говоря уже о таких фактах, как ратификация транспортного договора, заключенного еще в 1930 г., переговоры по экономическим вопросам и т. п.

2. Тенденция к сближению с Германией питается в Польше из двух источников: из стремления авантюристических кругов пилсудчиков использовать возможную войну Японии с нами и поддержку гитлеровской Германии, а с другой стороны, из классовых симпатий эндеков к гитлеровскому движению. Хотя в данный момент международная ситуация не благоприятствует соглашению Польши с Германией, эта намечающаяся тенденция представляет, конечно, серьезную опасность, и это обязывает нас удесятерить наблюдение и бдительность в отношении польской политики.

3. Я не буду перечислять всех имевших место за последнее время фактов и обстоятельств, подтверждающих решимость Пилсудского, манифестируя вовне улучшение отношений с нами, в то же время не допускать углубления этих отношений и никоим образом не связывать себе рук в отношении нас.

И крупные и мелкие факты — все говорит за то, что польское правительство отнюдь не имеет в виду активизировать отношения с нами. Вчера, например, Сокольницкий * на приеме у французского посла сообщил мне, что Лукасевич приезжает завтра и вскоре после этого уезжает обратно в Польшу в продолжительный отпуск. Это совсем напоминает Патека **, и если это сопоставить с характером разговоров с Вами Пилсудского, Бека *** и др., то получается совсем ясное впечатление, что Польша в настоящее время совсем не заинтересована в активизации отношений с нами.

---

* Советник миссии Польши в СССР.

** Посланник Польши в СССР с 1927 по 1932 г.

*** См. док. № 99.

4. Параллельно со сказанным выше сугубого внимания заслуживают франко-польские отношения. Мы имеем аутентичные сведения о чрезвычайном раздражении, вызываемом в Париже поведением польского правительства, и особенно Бека, по отношению к Франции. Однако я не могу согласиться с Вами, что союз с Польшей перестал или перестает интересовать Францию. В период крушения Версальского договора Франция заинтересована в обеспечении себе поддержки везде, где только она может ее получить, и уж, конечно, в такой момент она меньше всего может думать о том, чтобы пренебрегать имеющимися у нее союзными договорами. С другой стороны, однако, несомненно охлаждение Польши к Франции, вызываемое боязнью Польши, что Франция может в будущем под давлением Германии, Италии и Англии согласиться на пересмотр польских границ. Польша так же, как и Франция, стремится расширить свои международные связи и, конечно, с радостью пошла бы на самостоятельное, без Франции, урегулирование своих отношений с Германией, если бы можно было найти путь к такому урегулированию.

5. Оккупация Польшей Литвы, как Вы правильно отмечаете, возможна в случае вооруженного конфликта на Дальнем Востоке и последующего на нас нападения со стороны Польши.

Просьба сообщить, какие предложения Розенберга «обмена» Литвы Вы упоминаете на стр. 2 Вашего письма от 12-го сего месяца за № 218.

6. Бенеш на днях сделал т. Литвинову в Лондоне предложение заключить единый пакт ненападения между Малой Антантой и СССР при условии одновременного урегулирования всех спорных вопросов, в том числе и вопроса о Бессарабии [153]. Тов. Литвинов, само собой разумеется, отверг это предложение, указав на то, что этот пакт нужен больше Малой Антанте, для которой важно было бы признание ее существования как новой международной единицы, чем для СССР.

Мы имеем точные сведения о том, что румынское правительство во главе с Титулеску по-прежнему занимает совершенно отрицательную позицию в отношении заключения с нами пакта о ненападении.

Все это говорит за то, что все разговоры об изменении позиции Малой Антанты по отношению к нам по меньшей мере преждевременны. Руководители Малой Антанты все еще придерживаются нереальных представлений о преувеличенном значении для СССР нормализации отношений с Малой Антантой. Возможно, что на позицию Малой Антанты, отразившуюся в предложении Бенеша, оказала влияние преувеличенная и нереальная оценка благодетельных последствий для Малой Антанты заключения «пакта четырех», который якобы означает решающее смягчение отношений между Италией и Фран-

цией. Весьма также возможно и то, что предложение Бенеша является запросом и что Малая Антанта сойдет с этой своей нелепой позиции.

7. Мы получили от Муссолини предложение заключить с Италией пакт о ненападении и решили это предложение принять. Возвращающемуся в Рим т. Потемкину поручено вести переговоры с Муссолини *.

Возможно, что известие об этих переговорах подействует умеряющим образом на фантастические условия, поставленные Малой Антантой, для заключения пакта с нами. Известия о предложении Муссолини и о предстоящих переговорах впредь до его опубликования с нашей стороны прошу считать конфиденциальными.

8. За последнее время наше внимание привлекает более сдержанная, чем когда бы то ни было, позиция Эстонии в проведении польских планов в Прибалтике. Это проявляется при обсуждении вопросов о польско-прибалтийском блоке, об отношении к Германии, об отношении к «пакту четырех» и т. д. Поскольку мы не имеем еще объяснения для этого нового явления, сообщаю Вам о нем для того, чтобы привлечь к нему и Ваше внимание. Может быть, Вам удастся получить какую-нибудь информацию и найти объяснение.

9. Непонятно, почему до сих пор еще не подписана сплавная конвенция в Варшаве. Судя по состоявшейся договоренности между мною и Лукасевичем и по Вашим сообщениям, как будто никаких препятствий к этому не было **.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

187. Советский проект протокола об экономическом ненападении ***

20 июня 1933 г.

Правительства нижеперечисленных стран,

признавая прекращение экономической агрессии важнейшим условием мирного сотрудничества всех государств в области экономических взаимоотношений независимо от их политико-экономических систем;

полагая, что прекращение экономической агрессии могло бы содействовать рассеянию существующей атмосферы недоверия и беспокойства;

---

* См. док. № 166, 188.

** См. т. XV, прим. 280.

*** Внесен на рассмотрение Мировой экономической конференции; см. также док. № 229.

считая, что для улучшения нынешнего тяжелого экономического положения необходимо, чтобы все страны, помимо воздержания от войны как средства разрешения международных конфликтов, полностью отказались от всех явных и замаскированных форм экономической агрессии;

договариваются о нижеследующем:

1) Договаривающиеся стороны заявляют, что они в своей политике будут придерживаться принципа, провозглашенного Международной экономической конференцией 1927 г. и подтвержденного специальным комитетом Комиссии по изучению вопроса о европейском союзе в 1931 г. о мирном сосуществовании всех стран независимо от их социально-политических и экономических систем.

2) Договаривающиеся стороны откажутся в своих взаимных отношениях от всех видов дискриминации. В соответствии с этим стороны будут считать несовместимым с принципами настоящего протокола принятие и применение в их странах специального режима, направленного против одной какой-либо страны и ухудшающего условия, применяемые к торговле этой страны по сравнению с условиями, действующими в отношении торговли всех других стран.

3) В соответствии с принципами, провозглашенными в статьях 1 и 2 настоящего протокола, стороны торжественно отказываются от применения в будущем, под каким бы то ни было предлогом, в качестве средства их торговой политики специальных дискриминационных пошлин, установленных только для одной страны, общих запрещений ввоза и вывоза, установленных только для одной страны, или специальных условий для этого ввоза и вывоза, специальных железнодорожных тарифов, особых сборов, взимаемых с торговых судов, особых условий допуска на свою территорию хозяйственных организаций, наконец, бойкота всякого рода, устанавливаемого в отношении торговли какой-либо страны правительственными или административными мероприятиями.

4) Все действующие в странах, подписывающих настоящий протокол, меры дискриминации подлежат отмене с момента вступления протокола в силу для соответствующей страны.

5) Настоящий протокол должен быть ратифицирован и вступает в силу между теми странами, которые сообщили о ратификации.

Печат. по орг. Опубл. в газ. «Известия» № 155 (5086), 21 июня 1933 г.

188. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Италии Ф. С. Вейнбергу

20 июня 1933 г.

Правительство решило согласиться с предложением Муссолини т. Потемкину о заключении пакта * и поручить ведение переговоров т. Потемкину, который вручит итальянцам наш проект пакта о ненападении **. Вчера по моему поручению т. Потемкин официально уведомил Аттолико о принятом решении. В ближайшие дни т. Потемкин выезжает. Сообщается для Вашего сведения и на случай обращения к Вам по этому поводу со стороны МИД.

Крестинский

Печат. по арх.

189. Нота Полномочного Представителя СССР в Германии Статс-секретарю Министерства Иностранных Дел Германии Бюлову

22 июня 1933 г.

Господин Статс-секретарь,

Германская делегация на Международной экономической конференции в Лондоне вручила председателю Экономической комиссии конференции меморандум, в котором, между прочим, имеется следующая, касающаяся Союза Советских Социалистических Республик фраза:

«Второе мероприятие заключается в том, чтобы предоставить в распоряжение «народа без пространства» новые территории, где эта энергичная раса могла бы учреждать колонии и выполнять большие мирные работы... Мы страдаем не от перепроизводства, но от вынужденного недопотребления... Война, революция и внутренняя разруха нашли исходную точку в России, в великих областях Востока... Этот разрушительный процесс все еще продолжается. Теперь настал момент его остановить».

В этом абзаце содержится прямой призыв со стороны делегации Германии к представителям других держав совместными усилиями положить конец «революции и внутренней разрухе, которые нашли свою исходную точку в России», т. е. призыв к войне против СССР.

Кроме того, из всего контекста этого абзаца вытекает требование Германии, чтобы ей для колонизации была предоставлена территория Советского Союза.

---

* См. док. № 166.

** См. док. № 230.

Так как подобные враждебные заявления стоят в резком противоречии с обязательствами, принятыми на себя Германским Правительством по договору о дружбе и нейтралитете, заключенному в Берлине 24 апреля 1926 г.*, исходящему из убеждения, что «интересы народов Союза Советских Социалистических Республик и германского народа требуют постоянного, основанного на полном доверии сотрудничества», и из сознания необходимости «закрепить существующие между ними дружественные отношения заключением особого договора», то я, по поручению моего Правительства, заявляю в Вашем лице Германскому Правительству решительный протест против допущенного германской стороной нарушения договорных отношений между нашими странами **.

Примите, господин Статс-секретарь, новые уверения в моем совершенном к Вам уважении.

Хинчук

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 168 (5089), 24 июня 1933 г.

190. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Германии Бюловым

22 июня 1933 г.

22 июня я был у Бюлова и заявил от имени Советского правительства протест по поводу меморандума Гугенберга в Лондоне на международной экономической конференции. Я огласил протест, составленный в редакции, присланной из Москвы и переведенной на немецкий язык (копию перевода при сем прилагаю). После оглашения я вручил Бюлову самый протест, подписанный мною ***.

Вначале Бюлов весьма безразличным тоном заявил, что он завтра уезжает в отпуск, и ответ мы получим уже от Нейрата ****, но он заранее предупреждает, что ответ будет составлен в острой форме. Я ему ответил, что дело не в форме, а в существе.

Бюлов, предупрежденный, очевидно, Дирксеном о настроении Советского правительства, подготовил материал, который должен был доказать нам неосновательность наших подозрений и трактовки выступления Гугенберга. При этом он заметил, что он не ручается за полное соответствие всего содержания переданного Гугенбергом меморандума, но та часть,

---

* См. т. IX, док. № 141.
** См. также док. № 190.
*** См. док. № 189.
**** См. док. № 209.

которая касается СССР, им проверена по телефону с Лондоном, и он ручается за ее аутентичность. Та часть, которая касается СССР, ничего общего не имеет с первой частью о колонизации в Африке. Речь шла не о войне против СССР и не о поселении в СССР. Имелись в виду поселения в Канаде, Чили и других южноамериканских странах, где Германия встречает затруднения при осуществлении поселений. В отношении же России и стран Востока, по преимуществу Китая, речь шла лишь о пониженной покупательной способности в этих странах. Он считает, что только из-за излишней чувствительности мы усмотрели в меморандуме Гугенберга те мысли, которые дали нам повод заявлять протест. Первоначально такие мысли неправильно восприняла «Дейли геральд», враждебная Германии газета. Германия в отношении СССР неизменно стоит на точке зрения традиционных дружественных отношений с СССР, никогда не примет участия ни в каких интервенционистских планах в отношении СССР и не имеет никаких территориальных притязаний.

Я возразил, что мы имеем все основания быть чувствительными как потому, что имеются лица в правящей партии «наци», как Розенберг и другие, которые еще питают иллюзии раздела СССР и экспансии за счет СССР [51], так и после всего того, что произошло и происходит в последние месяцы в области советско-германских отношений. Кроме того, буквальный смысл и весь контекст меморандума таков, что мы вынуждены представить самый решительный протест. Выступление Гугенберга, вне зависимости от тех побуждений, которыми он руководствовался, способно лишь ухудшить наши взаимоотношения и идет на пользу третьему радующемуся.

Бюлов снова пытался опровергнуть смысл, который мы вкладываем в меморандум. Он заявил, что вчера целый день искал Гугенберга, но не мог его добиться по телефону, так как, очевидно, Гугенберг занят делами, связанными с закрытием организаций дейчнационале *. Далее он указал, что он в глубине души убежден, что и в будущем не только должны быть, но и будут самые тесные взаимоотношения между Германией и Советским Союзом.

Я указал далее Бюлову, что полицей-президиум отказал нам в проведении аукциона наших антикварных изделий [70]. Бюлов заявил, что он этого не знает, но передаст чиновникам аусамта для выяснения **.

Хинчук

Печат. по арх.

---

* Немецкая национальная народная партия.
** См. также док. № 81.

191. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР и Торгового Представителя СССР в Швеции члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

23 июня 1933 г.

21 июня парламент после больших прений принял проект о золоте, представленный правительством. 22 июня министр финансов сообщил нам, что завтра Сандлер примет торгпреда по данному вопросу. Сегодня Сандлер сообщил торгпреду: 1) проект о золоте прошел в том виде, как он был подписан Коллонтай и Сандлером *; 2) нужно максимум 10 дней для фактического перевода 5,5 млн. шведских крон на торгпредство; 3) на специальный вопрос торгпреда Сандлер категорически заверил о невозможности какого-либо недоразумения или препятствия в дальнейшей технике разрешения этого вопроса. В прениях в парламенте решающим явилось выступление Сандлера и влиятельных членов парламента, с которыми специально разговаривал торгпред после первоначального провала проекта в комиссии.

Мещеряков, Канделаки

Печат. по арх.

192. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

24 июня 1933 г.

Только что узнал о постановлении одельстинга **, вынесенном сегодня по вопросу о правах нашего торгпредства. Нам разрешается торговать непосредственно с хлебной и винной монополиями, а также с продуцентами. Таким образом, из сферы обращения исключаются импортеры. Заместитель министра торговли Кобро предложил принять прошлогодний законопроект, но характерно, что в прениях в защиту последнего выступил только представитель *рабочей партии*, тогда как против высказался представитель правых и председатель юридической комиссии Люкке. Показательно, что еще вчера Эсмарк не знал о таком обороте и пророчил благоприятный для нас исход переговоров. Неожиданность постановки этого вопроса и его исхода следует приписать внутрипарламентским комбинациям, связанным с вопросом бойкота и блокады [154]. Чтобы удержаться в седле до выборов, Мувинкель широко уступает правым. Думаю решительно протестовать перед Му-

* См. док. № 150.

** Нижняя палата норвежского парламента.

винкелем против решения, принятого вразрез с неоднократными заверениями, без которых мы не пошли бы на госгарантию *. Срочно сообщите Ваши указания. Учтите, что постановление еще не приняло силу закона. Ответ жду немедленно **.

Полпред

Печат. по арх.

193. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзадяну

25 июня 1933 г.

В ответ на Вашу телеграмму *** сообщаю, что Вам необходимо действовать энергично перед Мувинкелем. Потребуйте выполнения обещаний ****. Укажите, что невыполнение обещания по такому вопросу отразилось бы тяжелым образом на экономических отношениях и бросило бы серьезную тень на все наши отношения. Скажите еще от себя, что Вы снимаете с себя ответственность за последствия *****.

Стомоняков

Печат. по арх.

194. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с и. о. Министра Иностранных Дел Греции Песматзоглу

25 июня 1933 г.

Министр вначале поблагодарил меня за присланный ему текст речи Литвинова на лондонской конференции ******. Этот текст лежал перед ним, испещренный всякими пометками. Видно было, что он его читал очень внимательно. Он задал мне несколько вопросов по поводу цифр, цитируемых Литвиновым. Его заинтересовало, в частности, также то обстоятельство, что мы готовы покупать всякие цветные металлы. Он сказал, что Греция могла бы продавать нам олово (по-видимому, скорее руду). Я сказал, что этот вопрос следует изучить вместе с торгпредством.

Затем разговор перешел на основную тему моего посещения. Я выразил удивление, что министр издает еще новый

---

* См. док. № 69, 80, 170.
** См. док. № 193.
*** См. док. № 192.
**** См. док. № 69, 80.
***** См. док. № 196.
****** См. док. № 178.

декрет [155], ограничивающий нашу торговлю, в то время когда ведутся переговоры и еще обе стороны не обменялись всеми аргументами. Я сказал, что прошу его приостановить этот декрет, пока мы не закончим переговоры.

Министр ответил, что он совершенно не в состоянии этого сделать, что об издании декрета он уже много раз говорил раньше, в частности т. Ангарскому *, и что сейчас в связи с ведущимися в Лондоне переговорами греческая делегация нуждается в подтверждении того, что греческое правительство принимает все меры для улучшения своего расчетного баланса. Англичане жалуются, что греки отказываются платить долги и не покупают также английский уголь в обмен на греческие товары, тратя одновременно валюту на покупку нашего угля. В частности, Чемберлен в третий раз говорил об этом Максимосу. На мое замечание, что он ведь приостановил действие декрета на 3 недели в отношении Румынии и что он должен был, по крайней мере, таким же образом третировать и нас, министр заметил, что он нам давал гораздо больший срок. Он предупреждал т. Ангарского и в декабре и в феврале, а в последнее его посещение он ему прямо сказал, что дальше июня нынешнее положение ни в каком случае продолжаться не может и он вынужден будет перейти на стопроцентный обмен. Он стал меня еще раз заверять, что декрет не имеет никакого намерения причинить нам ущерб и не имеет в виду создавать какие-нибудь трудности для нашей торговли. Греческое правительство желает самым либеральным и самым дружественным образом наладить наши торговые отношения. Это мероприятие не является исключительно направленным против нас, оно вытекает из теперешней политики греческого правительства, направленной на улучшение валютного положения. Мы, по существу, являемся последними, ибо в отношении всех стран имеются уже те или иные компенсационные соглашения.

На мое настойчивое указание на то, что декрет этот создает неравное положение для нас во время переговоров, министр стал уверять, что ни в какой степени переговоры от этого не пострадают. Больше того, он готов даже, подтвердив мне это письменной нотой, установить, чтобы то соглашение, которое между нами будет достигнуто, имело обратную силу с момента даты декрета.

Я стал ему говорить, что уже первый декрет [156] произвел весьма неблагоприятное впечатление в Москве и там не могли понять истинных намерений греческого правительства. Я опасаюсь, что издание второго декрета вызовет вполне естественное недовольство и создаст впечатление, что греческое прави-

---

* Торгпред СССР в Греции.

тельство становится на путь каких-то экономических воздействий. В этом случае я был бы бессилен убедить мое правительство не принимать тех или иных мероприятий, которые оно сочтет необходимым предпринять (я тут в осторожной форме намекнул на могущие быть с нашей стороны известные реторсии).

Эта аргументация на него подействовала, и он начал колебаться, задавая мне вопрос, какое же время, по моему мнению, нужно. Я сказал, что следовало бы декрет приостановить на все время переговоров и по крайней мере на тот срок, на который был приостановлен румынский декрет. Он стал говорить, что он сам этого не может сделать, он переговорит с Цалдарисом * и немедленно пошлет телеграмму Максимосу, и он просит меня понять его трудное положение. Он предложил, что по возвращении Цалдариса из Салоник он, Песматзоглу, пригласит меня к нему, и мы совместно обсудим еще раз это положение. Я, конечно, выразил готовность повидать Цалдариса и сказал, что даже имел в виду просить его о свидании. Но что я прошу министра убедить и Цалдариса и Максимоса в необходимости создать нормальные условия для ведущихся наших переговоров.

Говоря о давлении англичан, Песматзоглу сказал, что они испытывают это давление и со стороны немцев. Тут он совершенно конфиденциально показал мне ноту немецкого посланника, в которой тот предлагает купить большую партию греческого табака в обмен на немецкий уголь. При этом министр сказал, что он ответил немецкому посланнику, что немецкие цены не подходят Греции.

Хотя министр всячески подчеркивал свою добрую волю и этим объяснил, что он мне показывает такую «секретную» вещь, как нота немецкого посланника, целью его, очевидно, было оказать на нас давление в том отношении, что они имеют выгодное предложение по углю.

Попутно во время беседы мы коснулись и процента фрахта, отмеченного в декрете (15%). Я начал возмущенно говорить, что означает такой смехотворный процент, в то время как сам министр даже говорил о 30—35%, причем и этот последний процент является совершенно ничтожным. Песматзоглу возразил, что процент, указанный в декрете, ни в какой степени не связывает наши переговоры, что эта цифра получена от арматоров, и он, конечно, понимает, что арматоры плачутся на свою судьбу с целью избежать дополнительных налогов. Я заметил, что если они будут ориентироваться на цифры арматоров, то никогда не получат ясной картины. Мы платим большие деньги греческому флоту за фрахтование, и уже дело

* Премьер-министр Греции.

греческого правительства поставить свои отношения таким образом, чтобы эта валюта оставалась в стране, а не вывозилась ими за границу. Министр в общем согласился с этой мыслью, отметив вскользь, что он хочет даже предложить нам платить бонами за фрахт. Я выразил сомнение в целесообразности бон, но сказал, что мы всячески готовы пойти навстречу греческому правительству в том отношении, чтобы оно имело возможность контролировать полностью валюту, получаемую арматорами.

Затем министр предложил, чтобы т. Ангарский заехал к нему 26-го вечером, для того чтобы продолжать переговоры [157].

Перед уходом я еще раз просил его изложить создавшееся положение Цалдарису и добиться приостановления действия декрета.

Мы условились, что 28 июня утром я созвонюсь с ним, и мы условимся насчет встречи с Цалдарисом [158].

[Давтян]

Печат. по арх.

195. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Лондона

Немедленно
26 июня 1933 г.

Сталину, Молотову. Саймон начал разговор всяческими заверениями в стремлениях его личных и правительства к сохранению торговых отношений и выражал сожаление по поводу созданных препятствий. Он просит моего сотрудничества с ним для преодоления этих препятствий и спрашивает, какой выход я вижу из нынешнего положения. При этом он заранее предупреждает, что согласно многократным заявлениям правительства эмбарго * не может быть отменено до возвращения на родину арестованных **. Я ответил, что мы отнюдь не стремились к прекращению торговых отношений и что препятствия созданы не нами. Я выразил уверенность, что Саймон был дезинформирован и получал дурные советы и что, если бы он был лучше осведомлен и понимал нас лучше, то его правительство не поступало бы так, чтобы создать затруднения торговле. Я ничего предлагать не могу, ибо Саймона интересует судьба двух англичан, а эта судьба не находится в руках моего правительства или в моих руках, а кроме того, мы судьбой людей не торгуем. Они осуждены и должны отбыть наказание, если не будут помилованы. В нормальном порядке их прошение о помиловании не должно рассматриваться раньше истечения шести месяцев. В случае, если бы

* См. стр. 256.
** См. прим. 82.

английское правительство дружественно просило нас об этом, то мы могли бы кое-что сделать для ускорения процедуры, но эмбарго создало для нас невозможность вмешаться в это дело. От английского правительства зависит создание условий, которые позволили бы Советскому правительству и Наркоминделу вмешаться. Ни в коем случае ни я, ни мое правительство не могли бы обещать помилование, ибо это значило бы присвоить себе прерогативу, принадлежащую только нашей высшей власти — ЦИК. Наше вмешательство смогло бы состоять только в ускорении рассмотрения дела. Саймон заявил, что если я имею в виду предварительное снятие эмбарго, то я ошибаюсь. Это абсолютно невозможно. Он готов, однако, учесть высказанные мной соображения и наши конституционные затруднения и согласиться на одновременную акцию. Я ему заявляю заранее, когда предполагается помилование, и он на этот же день назначает созыв Тайного совета для издания прокламации об отмене эмбарго, и также в тот же день мы отменим контрмеры *. Я повторил, что помилование ни в коем случае не может быть предметом моих обещаний и что я мог бы лишь осведомиться в канцелярии ЦИК и сообщить ему, когда предполагается рассмотрение ходатайства осужденных, не предрешая результата. Но предварительным условием даже такого моего вмешательства должно быть снятие эмбарго. Я поэтому предлагаю одновременную отмену эмбарго и контрмер, и я обещаю выхлопотать через несколько дней после этого рассмотрение ходатайства. Саймон вновь заявил, что одновременность является его крайней уступкой, что он готов удовлетвориться моим сообщением о дате и созвать на ту же дату Тайный совет, который, как только узнает о состоявшемся помиловании, издаст новые прокламации. Я указал, что это означает не одновременность, а отмену эмбарго в зависимости от состоявшегося помилования, что для меня неприемлемо. Далее я указал, что пока остается в силе парламентский акт о полномочиях правительству[94], у нас не может быть уверенности, что эмбарго не будет вновь введено для других целей, тем более что теперь многие думают, что этот акт отнюдь не имел в виду только освобождение арестованных. Саймон ответил, что парламентский акт есть закон, который может быть отменен только законодательным путем. Это предполагает длительную процедуру проведения вопроса через обе палаты, а также соответственных прений. На нынешней сессии, во всяком случае, это провести будет невозможно, но он может заверить меня своим словом, что для других целей акт не будет использован. На мой вопрос, готов ли он подтвердить это письменно, от имени своего правительства,

* См. док. № 129.

Саймон после некоторого спора ответил утвердительно. Констатировав, что предложенная Саймоном своеобразная одновременность меня не удовлетворяет, я предложил не возобновлять эмбарго после истечения срока, т. е. в середине июля, в каком случае мы после этого попросим ЦИК принять рассмотрение ходатайства осужденных. Саймон и Колвилл тогда разъяснили мне, что в трехмесячный срок не входят парламентские каникулы, так что, принимая во внимание десятидневные каникулы на троицу и предстоящие летние каникулы, эмбарго может остаться в силе до октября без возобновления. Правительство, однако, настолько уже ангажировалось, что вынуждено будет теперь же просить парламент о возобновлении. В удовлетворении этой просьбы Саймон не сомневается. Указав, что мы продолжаем находиться в тупике, я предложил встретиться через несколько дней, с тем чтобы Саймон и я подумали о возможном выходе из тупика. Это решение и было нами принято. Как Саймон, так и Колвилл все время подчеркивали, что немедленно после снятия эмбарго должны быть возобновлены переговоры о торговом договоре, так как в августе здесь все разъезжаются, а потому необходимо использовать оставшееся время.

Считаю несомненным, что предварительного снятия эмбарго не добьемся. Вряд ли Саймон сделает какие-либо новые предложения. Считаю возможным согласиться на отмену эмбарго и контрмер и на рассмотрение ходатайства осужденных в один заранее назначенный день. Акция ЦИК должна состояться утром и решение Тайного совета в тот же день вечером после утвердительного сообщения о помиловании, но публичное сообщение об обоюдных акциях делается лишь на второй день. При этом, конечно, мы должны получить письменное заверение в дальнейшем о неприменении парламентского билля [159]. Удобнее всего наметить будущую пятницу, так как в субботу парламент не заседает. Саймон просит скорейшего ответа из-за опасения нежелательных запросов в парламенте. Срочно телеграфируйте ответ *.

Литвинов

Печат. по арх.

196. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

26 июня 1933 г.

Объясняясь с Мувинкелем, я охарактеризовал постановление одельстинга ** как неожиданное и неприемлемое для нас грубое нарушение неоднократных обещаний норвежского пра-

* См. док. № 198.
** См. док. № 192.

вительства, завершенных письмом министра торговли торгпреду 29 мая, без которого нами госгарантия не была бы подписана *. Усматривая в нем далее явную недооценку норвежцами торговых и политических взаимоотношений с нами в ущерб их же собственным интересам, я заявил, что моим правительством будет сделан вывод, но что для избежания конфликта я предварительно решил лично предупредить премьера о неминуемых тяжелых торгово-политических последствиях постановления одельстинга, если оно будет утверждено лагтингом ** и станет законом. В заключение я упомянул о нашей ноте протеста ***, с ответом на которую мы не торопили, учитывая затруднительное положения Мувинкеля в стортинге. Но дальнейшие затруднения в переговорах, созданные норвежским правительством, и постановление одельстинга, явившееся результатом того, что норвежское правительство только внесло в одельстинг прошлогодний проект, но не защищало его, а венстре даже голосовала против, заставляет меня лично сложить с себя ответственность за последствия и сообщить своему правительству о происшедшем. Мувинкель высказал сожаление о случившемся, заявив, что вопрос был якобы выдвинут министром торговли внезапно, без его ведома, стал пространно говорить о той травле, которой он подвергается, называя себя несчастным человеком, тщетно ищущим выхода из положения. Настроение против нас в одельстинге он объяснил глубиною разочарования в стране, вызванного длительностью, болезненностью переговоров и положением сельдяников. Конкретно по данному вопросу он выдвинул два варианта. Первый — при утверждении постановления одельстинга лагтингом правительство вносит резолюцию о пересмотре вопроса следующей сессией. Я категорически отверг это, заявив, что не могу допустить ограничений правительством прав торгпредства не только до будущей сессии, но ни на один день, ибо санкция лагтинга будет означать немедленное применение нового положения. Тогда Мувинкель выдвинул второй вариант — при неутверждении лагтингом решения одельстинга вопрос пойдет на пересмотр снова в одельстинг. Если мы потребуем сделать это сейчас же, то при такой ситуации Мувинкеля, вероятно, свалят, а если пересмотр будет перенесен на следующую сессию после выборов, то выгода наша будет заключаться в том, что статус-кво торгпредства будет сохранен до нового рассмотрения. Он выразил готовность мобилизовать венстре на партийном совещании в среду и дать мне в четверг, в 10 час. утра, ответ, как он предотвратит

---

* См. док. № 170 и прим. 134.
** Верхняя палата норвежского парламента.
*** См. т. XV, док. № 295.

превращение постановления одельстинга в закон *. В лагтинге из 38 голосов 21 имеет венстре и рабочая партия, 17 остальных — правые. Этот вариант я лишь принял к сведению для сообщения вам, заявив, что даже при осуществлении его налицо нарушение данного нам обещания об урегулировании этого вопроса на этой сессии. Я продолжаю настаивать на решительном протесте норвежскому правительству за нелояльность, даже в случае принятия вами второго варианта Мувинкеля, который является единственным, при данных условиях, практическим выходом. О политическом положении подробно сообщил почтой [154]. Срочно сообщите **, учтите, что в четверг утром у меня свидание с Мувинкелем [160], вечером обедают у меня члены норвежского правительства ***.

Полпред

Печат. по арх.

197. Сообщение советской печати об обмене заявлениями между Народным Комиссариатом Иностранных Дел СССР и посольством Японии в СССР

27 июня 1933 г.

21 июня с. г. японский посол в Москве г. Ота посетил заместителя народного комиссара по иностранным делам т. Г. Я. Сокольникова и сообщил ему, что, по имеющимся в распоряжении японского правительства сведениям, в районе мыса Кроноцкого, на Камчатке, три рыбака с японского рыболовного катера «Фуми-мару», направлявшиеся в лодке к берегу за питьевой водой, были будто бы обстреляны с суши ружейным огнем; катер «Фуми-мару», по этим сведениям, также подвергся обстрелу и удалился, оставив свою лодку с тремя рыбаками, которые, по дальнейшей информации, полученной японским правительством, указанным ружейным огнем якобы были убиты. Японский посол г. Ота заявил, что имеет от своего правительства поручение заявить протест по поводу упомянутого происшествия, и сообщил, что оставляет за собой право предъявить требование о наказании ответственных по этому делу лиц и о возмещении пострадавшим. Вместе с тем японский посол г. Ота просил разрешить секретарю японского консульства в Петропавловске-на-Камчатке выехать на миноносце «Татикадзэ», находящемся в районе Камчатки, к месту происшествия для выяснения факта происшествия и его обстоятельств.

---

* См. док. № 200.
** См. док. № 204.
*** См. также док. № 200.

Заместитель наркома по иностранным делам т. Г. Я. Сокольников заявил от имени Советского правительства японскому послу, что Советское правительство в данный момент не располагает никакой информацией об этом происшествии, но что если сведения, сообщаемые г. Ота, подтвердятся, то виновные понесут должное наказание. Отклонив предложение о поездке секретаря японского консульства г. Ногути на военном судне, т. Г. Я. Сокольников выразил согласие на сделанное г. Ота предложение разрешить поездку г. Ногути на гражданском судне «Кинси-мару».

Одновременно советским местным органам были сделаны распоряжения о немедленном производстве расследования на месте с целью установления факта происшествия и его обстановки в случае подтверждения самого факта. Таким образом, в переговорах японского посла г. Ота с заместителем народного комиссара по иностранным делам т. Г. Я. Сокольниковым обеими сторонами был согласованно намечен нормальный путь к выяснению и ликвидации поднятого японским правительством вопроса.

Однако в дальнейшем обнаружилось, что миноносец «Татикадзэ», не дожидаясь производства расследования советскими представителями и поездки г. Ногути, предпринял незаконные шаги в районе происшествия, а именно проник в советские территориальные воды и высадил на советскую территорию часть команды, которая в самочинном порядке обследовала берег.

По поводу этих фактов зам. наркоминдела т. Г. Я. Сокольников имел 26 июня новую беседу с японским послом г. Ота, в ходе которой вручил ему нижеследующее заявление.

Заявление замнаркоминдела т. Г. Я. Сокольникова японскому послу г. Ота от 26 июня с. г.

«В связи с заявлением, которое г. Ота от имени японского правительства сделал НКИД по поводу происшествия, имевшего место, по сведениям японского правительства, в районе мыса Кроноцкого с тремя японскими рыбаками, Советское правительство сообщает, что, по наведенным предварительным справкам, в районе мыса Кроноцкого, представляющего пустынную местность, поста советской пограничной охраны не имеется, и поэтому сообщение об инциденте вызывает у него крайнее недоумение. Никаких сведений, подтверждающих происшествие и рисующих его обстановку, в настоящее время в распоряжении Советского правительства не имеется. Если дальнейшее расследование подтвердит факты, сообщенные г. Ота, и установит виновность каких-либо советских чинов-

ников, они несомненно понесут должное наказание. Однако в данный момент весь инцидент остается для Советского правительства совершенно невыясненным [161].

Советское правительство вместе с тем считает необходимым заявить решительный протест против действий японского миноносца «Татикадзэ», зашедшего без разрешения в советские территориальные воды в районе мыса Кроноцкого, высадившего на берег часть команды и производившего самочинные действия по расследованию происшествия с тремя рыбаками, о котором 21 июня японское посольство в Москве довело до сведения НКИД. Эти действия японского военного судна представляют собою вопиющее нарушение неоспоримых и категорических правовых норм. Вместе с тем они в огромной степени затруднили для советских органов, которым поручено расследование, установление факта происшествия с тремя рыбаками и выяснение обстановки этого происшествия, если оно действительно имело место. Советское правительство не может не выразить крайнего недоумения по поводу опровержения факта захода японского миноносца в советские воды, сделанного директором европейско-американского* департамента министерства иностранных дел Японии г. Того советнику полномочного представительства СССР в Японии г. Спильванеку 20 июня. Еще большее недоумение вызывает полное несоответствие истине заявления, сделанного заведующим бюро печати министерства иностранных дел Японии г. Амо представителям иностранной печати 23 июня о том, что якобы японское посольство в Москве уведомило НКИД 21 июня о факте захода миноносца в советские воды. Советское правительство не получило от японского посольства в Москве сообщения подобного рода и лишь из коммюнике г. Амо узнало о незакономерных действиях японского миноносца «Татикадзэ», по поводу которых оно заявляет японскому правительству настоящий протест».

Печат. по газ. «Известия»,
№ 169 (5051), 27 июня 1933 г.

198. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Лондон

Немедленно
27 июня 1933 г.

В качестве крайней и последней уступки ** предлагаем следующее:

Настаивайте на одновременной отмене эмбарго и наших экономических контрмер, предложите произвести эту отмену

* В документе ошибочно — европейско-азиатского.
** См. док. № 195.

утром в заранее обусловленный день и заявите, что при этом условии Председатель ЦИК т. Калинин согласен в тот же день вечером вынести решение об амнистии [162].

Публикацию обо всех этих актах можно произвести одновременно в Москве и Лондоне на следующий день после совершения самих актов. Никаких дальнейших уступок не будет *.

По поручению инстанции
Крестинский

Печат. по арх.

199. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Лондона

Немедленно
28 июня 1933 г.

Хотя Рачинский присутствовал при передаче мне Титулеску предложения о протоколе, открытом для всех государств [163], и демонстративно выражал свою солидарность с Титулеску, он сегодня заявил мне в присутствии Титулеску и Рюштю-бея, что Польша согласна подписать только региональный протокол с нашими непосредственными соседями, с тем чтобы никакое другое государство к протоколу не могло присоединиться. Таким образом он исключает Литву, Чехословакию, Югославию и даже Францию. Титулеску при мне атаковал Рачинского, доходя чуть ли не до ругани. Но он, как и Рюштю-бей, готов подписать протокол и на предложенных Польшей условиях. Они также готовы подписать со мной второй идентичный протокол с ведома Чехословакии и Югославии, за согласие которых Титулеску ручается. Такой состав участников может вызвать серьезные опасения у Италии, и поэтому я добиваюсь, чтобы к этому протоколу присоединилась хотя бы и Литва. Заунius **, который ранее говорил, что ему не улыбается перспектива подписания протокола вместе с Польшей, теперь, когда Польша заняла такую же позицию в отношении Литвы, колеблется, будет ли подписан ими второй протокол без Польши, и обещал дать ответ завтра [164]. Салнайс *** говорит, будто бы готов подписать. Из Финляндии ничего не слышно. Титулеску и Рюштю-бей отложили отъезд до воскресенья, с тем чтобы в субботу мы окончательно подписали один или оба протокола ****. Я резервировал окончательное согласие.

---

* См. док. № 212.
** Министр иностранных дел Литвы.
*** Министр иностранных дел Латвии.
**** См. соответственно док. № 213, 218, 220.

Если у Вас есть какие-нибудь соображения или пожелания, срочно сообщите[165]. Не исключено, что в субботу Польша выкинет новую штуку, ибо Рачинскому очень не нравится второй протокол. Он был совершенно не в состоянии объяснить нам польское желание ограничить протокол соседями и ссылался лишь на твердые инструкции Бека.

Литвинов

Печат. по арх.

200. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

28 июня 1933 г.

Сегодня в лагтинге после оглашения меморандума министерства иностранных дел по правовому вопросу нашего торгпредства и решительного выступления Мувинкеля против постановления одельстинга, со ссылкой на мой протест * и указание на абсолютную непримлемость для нас принятого постановления и неминуемые для Норвегии последствия, подавляющим большинством было отвергнуто постановление одельстинга. В одельстинг направлен для рассмотрения и принятия прошлогодний законопроект. Мувинкель подчеркнул необходимость выполнения неоднократно данных нам обещаний и охарактеризовал постановление одельстинга как упущение норвежского правительства, вызванное внезапностью постановки вопроса. Он также подчеркнул значение нашего рынка и отсутствие за десять лет дружественных отношений хоть одного случая невыполнения нами данных норвежцам обещаний в торговле и политике. Как видите, Мувинкель постарался искупить вину. Завтра я буду категорически настаивать на обсуждении вопроса в одельстинге до конца сессии. Принятие закона о нашем торгпредстве считаю обеспеченным **.

Полпред

Печат. по арх.

201. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Лондон

Немедленно
29 июня 1933 г.

Сегодня ко мне по сплавным делам пришел Лукасевич. Я воспользовался этим и выразил изумление по поводу того,

* См. док. № 196.
** См. док. № 210.

что Польша пытается вторично помешать заключению предложенного нами протокола *.

Лукасевич сказал, что в Варшаве при его участии было действительно решено подписать протокол лишь регионального характера, но в тексте протокола предусмотреть возможность присоединения в будущем любых других государств. Лукасевич допускает наличие недоразумения со стороны Рачинского, мало знакомого с этим вопросом. Лукасевич сказал, что сегодня же протелеграфирует в Варшаву, и выразил надежду, что, может быть, все еще хорошо кончится. Вопрос об участии Литвы даже в региональном протоколе он не считает принципиальным и тоже будет телеграфировать об этом в Варшаву.

Стомоняков

Печат. по арх.

202. Нота вр. и. о. Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Посланнику Финляндии в СССР Ирье-Коскинену

29 июня 1933 г.

Господин Министр,

От имени Правительства Союза Советских Социалистических Республик настоящим имею честь довести до Вашего сведения нижеследующее:

Правительство Союза, считая, что действующая Конвенция о производстве рыбного и тюленьего промысла на Ладожском озере, заключенная 28 октября 1922 г. между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Финляндской Республикой **, не вполне отвечает более интересам рыболовства Союза, решило воспользоваться своим правом, предусмотренным в статье 10 названной Конвенции, и денонсировать эту конвенцию, которая, таким образом, потеряет свою силу с 2 июля 1934 г. О таковой денонсации Центральным Исполнительным Комитетом Союза вынесено соответственное постановление 27 сего июня.

Вместе с тем Правительство Союза по-прежнему считает полезным регулировать рыбный и тюлений промыслы на названном озере на основе соглашения с Финляндским Правительством и полагает поэтому, что денонсированную им Конвенцию было бы желательно заменить новым соглашением, которое могло бы быть введено в действие с 2 июля 1934 г.

Доводя об изложенном до Вашего сведения, имею честь просить Вас не отказать передать вышеизложенное решение и предложение Правительства Союза Советских Социалистических Республик Финляндскому Правительству. Вместе с тем

---

* См. док. № 199.

** См. т. V, док. № 302.

Правительство Союза было бы готово открыть переговоры о заключении нового соглашения по указанному вопросу в г. Москве. Я не премину обратиться к Вам с конкретными дополнительными соображениями по этому поводу в самом непродолжительном времени *.

Пользуюсь случаем, чтобы возобновить Вам, господин Министр, уверения в высоком моем уважении.

[Крестинский]

Печат. по арх.

203. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Б. Е. Штейну

29 июня 1933 г.

Судя по полученным сегодня от Литвинова подробностям, министр иностранных дел Финляндии Хаксель в ответ на предложение Майского дал довольно неопределенный ответ **. Хаксель сослался на то, что финское правительство летом-де редко собирается, и он сомневается, чтобы Финляндия могла дать скорый ответ, но он лично полагает, что если Польша, Малая Антанта и другие подпишут, то Финляндия, вероятно, потом присоединится. Однако он тут же высказал опасение, как бы Финляндия не очутилась в затруднительном положении, если Лига наций потом остановится на другом определении агрессии.

Ввиду всего этого и поскольку Хаксель будет в Гельсингфорсе не ранее 3 июля, необходимо Вам немедленно обратиться к финскому правительству с непосредственным предложением подписать в Лондоне протокол совместно с другими и добиться скорейшего решения вопроса ***.

Стомоняков

Печат. по арх.

204. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзадяну

29 июня 1933 г.

Я вызвал сегодня Даниэльсена и сообщил ему о сильном возмущении, которое вызвало у нас известие о невыполнении норвежским правительством его обещаний ****.

Я сказал, что хозяйственные ведомства отклоняют и не только первый, но также второй вариант, поскольку он означал бы, что норвежское правительство оставляет вопрос о пра-

* См. также док. № 414.
** См. док. № 199.
*** См. док. № 251.
**** См. док. № 192, 196.

вах торгпредства как средство давления на нас в будущем. Хозорганы высказываются поэтому за прекращение выдачи заказов по госгарантии, поскольку не выполнено условие, на котором было заключено соглашение. Хотя вопрос нуждается еще в окончательном решении правительства, есть все основания полагать, что правительство утвердит предложения хозорганов о невыдаче заказов, если норвежское правительство не выполнит обещания. Положение очень серьезно, я опасаюсь серьезных осложнений для наших отношений, если норвежское правительство не примет энергичных мер для исправления допущенной ошибки.

Даниэльсен обещал немедленно телеграфировать Мувинкелю. В ответ на мой вопрос он разъяснил, что верхняя палата может принять решение о предоставлении прав торгпредству, с тем что это решение пойдет на утверждение нижней палаты. Это, по-видимому, наилучший выход из положения.

Требуйте энергично выполнения обещания *. Считаем несерьезным указание Мувинкеля на его падение при рассмотрении этого вопроса.

Стомоняков

Печат. по арх.

205. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Генеральным секретарем Министерства Иностранных Дел Финляндии Вальванне

29 июня 1933 г.

Получив рано утром сообщение из Москвы о предложении, сделанном Титулеску в Лондоне т. Литвинову[163], и о необходимости выяснить отношение Финляндии, я в 11 часов утра отправился к Вальванне, который в отсутствие Хакселя является фактическим руководителем МИД. Я сознательно пошел к Вальванне, а не к Кивимяки **, так как, во-первых, Вальванне больше в курсе практических вопросов, а, во-вторых, Кивимяки сейчас, в связи с выборами, чрезвычайно занят. Кроме того, мой первый визит (согласно телеграмме) я хотел ограничить лишь получением информации. На мой прямой вопрос, находится ли Вальванне в курсе дела, последний ответил утвердительно. Тогда я спросил, какой ответ намерено дать финское правительство на предложение, которое было сделано в Лондоне Хакселю. Вальванне сначала прикинулся простаком и сказал, что ни он, ни правительство в целом не предполагали, получив сообщение Хакселя, что речь идет о каком-то ответе, который ожидается от Финляндии.

---

* См. док. № 210.

** Премьер-министр Финляндии, в тот момент и. о. министра иностранных дел Финляндии.

Тогда я попросил Вальванне изложить мне своими словами, что сообщил Хаксель МИД. Путаясь и запинаясь, непрерывно просматривая какие-то бумаги, Вальванне сказал мне, что с Хакселем действительно был в Лондоне разговор об эвентуальном участии Финляндии в указанном протоколе, однако сообщение Хакселя не ставило прямого вопроса финскому правительству и ничего не говорило о сроке предстоящего подписания. Он, Вальванне, например, впервые слышит о том, что подписание предполагается на 30 июня. Он думает также, что остальные правительства тоже еще не готовы дать окончательный ответ. По крайней мере, у него таких сведений нет, несмотря на то что МИД интересовался позицией других правительств. Я выразил изумление тому, что у МИД получилась такая превратная картина, которая абсолютно не соответствует полученным мною информациям. Что касается отношения других правительств, то я могу ему сообщить, что правительства Латвии и Литвы уже дали свой положительный ответ, а Эстония, вероятно, даст его через несколько часов, причем я имею основания предполагать, что и ответ Эстонии будет положителен. Без всякого колебания, к моему изумлению, Вальванне признал, что действительно Латвия и Литва дали положительные ответы. Сказавши это, он весьма смутился, так как несколько минут до этого он сам утверждал обратное. После этого Вальванне сказал мне, что МИД не знает, какова позиция Польши, на что я немедленно ответил утверждением, что Польша готова подписать данный протокол. Я рассказал Вальванне, что позиция польского правительства в течение обсуждения этого вопроса не оставляла никаких сомнений в готовности Польши немедленно подписать протокол. Сбитый со всех своих позиций, Вальванне замолчал. Я спросил, было ли обсуждение этого вопроса, хотя бы в предварительном порядке, в правительстве. Уклонившись от прямого ответа, Вальванне сказал, что МИД запросил мнение Эриха, финляндского посланника в Стокгольме, являющегося наиболее крупным знатоком этих вопросов. Я поинтересовался мнением Эриха. Вальванне ответил, что Эрих в качестве юриста обратил внимание финского правительства на ряд деталей предполагаемого протокола. Тогда я спросил, каково же окончательное заключение Эриха. Вальванне ответил, что, по его впечатлениям, Эрих не против подписания протокола. Я снова возобновил свой вопрос о том, было ли предварительное обсуждение этого вопроса в МИД или правительстве. Вальванне заметно колебался, прежде чем ответить на мой вопрос, но затем все-таки решился и сказал, что предварительное обсуждение имело место и что он частным образом может мне сказать, что предварительное обсуждение дало благоприятные результаты. Тем не менее окончательное суждение

может быть только после возвращения Хакселя, который ожидается завтра. На мой вопрос, когда точно и каким путем приезжает Хаксель, Вальванне ответил незнанием. Он сказал мне, что немедленно поставит в известность премьер-министра о моем посещении и о том, что я хотел бы получить немедленно ответ. Я сказал, что буду очень благодарен за сообщение о нашем разговоре премьер-министру, но, однако, принимая во внимание, что Хаксель приезжает завтра, я не могу настаивать на том, чтобы правительство дало ответ уже сегодня. Я только хотел бы, чтобы премьер-министр знал, что при передаче Хакселем сообщения из Лондона, по-видимому, произошло недоразумение и что речь идет о немедленном подписании протокола и, следовательно, о том, что Финляндия должна дать тот или иной ответ, учитывая эти сроки *.

Полпред СССР в Финляндии
Б. Штейн

Печат. по арх.

206. Письмо члена Правления Центросоюза СССР Генеральному секретарю Английского кооперативного союза Пальмеру

29 июня 1933 г.

Дорогой господин Пальмер,

Подтверждаю получение Вашего письма от 14 июня с приложенной к нему копией резолюции по вопросу об англо-русском торговом соглашении, принятой на состоявшемся 3 июня в Бирмингеме вашем кооперативном конгрессе.

Письмо Ваше вместе с принятой резолюцией передал нашему Правлению, заседание которого состоится на днях.

На нас произвел действительно хорошее впечатление тот дружественный прием, который был оказан вашим конгрессом нашим представителям, а также выраженная конгрессом по отношению к нам солидарность.

Преданный Вам

Член Правления Центросоюза
Э. Варьяш

Печат. по арх.

В упоминаемом письме от 14 июня 1933 г. Пальмер сообщал, в частности, «что на кооперативном конгрессе в Бирмингеме, состоявшемся на прошлой неделе, была предложена и одобрена прилагаемая при сем в копии резолюция по поводу англо-русского торгового соглашения. В этой резолюции, как Вы увидите, мы приняли выдвигаемое Вами предложение об обращении к британскому правительству в отношении отмены эмбарго по торговле с СССР **.

Эта резолюция своевременно будет представлена британскому правительству, и я надеюсь, с удовлетворительным результатом».

* См. док. № 231.
** См. док. № 176

В *прилагаемой к письму Пальмера резолюции* от 3 июня 1933 г. говорилось: «Конгресс с глубоким сожалением отмечает отказ* британского правительства от англо-русского торгового соглашения 1930 г.** Конгресс считает, что национальная экспортная торговля с Советским Союзом должна быть развита до возможных размеров в общих интересах обеих стран, в особенности в интересах безработных Великобритании. С этой целью Конгресс обращается к правительству:

а) отменить впредь наложенное британским правительством эмбарго по русской торговле с нашей страной;

б) заключить новый торговый договор с Советским Союзом и гарантировать Советскому Союзу соответствующий долгосрочный кредит на благоприятных условиях для облегчения развития англо-русской торговли».

207. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Лондона

30 июня 1933 г.

Текст конвенции согласован и будет подписан завтра вечером теми, кто сможет это сделать, а остальными в понедельник, когда только и будет нами объявлено о подписании. Рюштю-бей уезжает в воскресенье и поэтому подпишет в субботу. На случай, если Финляндия, Персия или Афганистан не подпишут и в понедельник, предположено составить протокол, предоставляющий возможность позднейшего присоединения всем нашим непосредственным соседям.

Рачинский, однако, заявил, что его правительство не согласится на оставление конвенции открытой для присоединения Китая и Японии, хотя они и являются нашими соседями, так как это, мол, нарушает региональность. Мы указывали на Турцию, Персию и Афганистан, которые также не входят в понимаемую Польшей региональность. Особенно горячо защищал нашу точку зрения и нападал на Рачинского Титулеску. Он кричал, что Польша своим поведением говорит всем миру, что она не хочет мира между СССР и Японией. Они оба с Рюштю-беем сидели у меня до 3 часов утра, но Рачинский только смог обещать, что он вновь доложит наше общее предложение Варшаве, высказавши уверенность, что Шетцель, которому он и Титулеску приписывают саботажную работу в этом деле, не согласится.

Предлагаю немедленно протелеграфировать в Гельсингфорс, Тегеран и Кабул, что все наши соседи готовы подписать в субботу и что мы решили оставить открытой конвенцию для подписания до понедельника и пусть поэтому немедленно уполномочат своих представителей на подписание ***.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. т. XV, стр. 674.

** См. т. XIII, док. № 135.

*** См. док. № 213, 218, 220.

208. Выступление члена советской делегации И. М. Майского в подкомиссии по торговой политике Мировой экономической конференции

30 июня 1933 г.

Я не считаю, что понижение тарифов может само по себе явиться фактором, способствующим значительному улучшению существующего экономического положения большинства стран, рассосать мировые запасы и дать загрузку незагруженным предприятиям, но я все же не отрицаю, что понижение чрезмерно высоких тарифов в тех странах, где такие тарифы существуют, может сыграть известную роль в деле оживления международной торговли. Здесь, впрочем, условия, существующие в моей стране, в значительной степени отличаются от условий, существующих в странах с капиталистической системой. В этих последних высота таможенных тарифов оказывает непосредственное влияние на размеры импорта. Чем выше тарифы, тем труднее становится импортеру продавать свои товары на внутреннем рынке страны, устанавливающей высокие тарифы. Таким образом, повышение тарифов в капиталистических странах само по себе создает условия сокращения импорта. Иное положение существует в стране, которую я представляю. В этой стране высота тарифов сама по себе не определяет размеры импорта. От того, что тарифы в моей стране повышаются, импорт еще не сокращается. Размеры импорта при монополии внешней торговли определяются не высотой тарифов, а государственным планом, составленным с учетом потребностей всего народного хозяйства, предполагаемой экспортной выручкой и т. д. Этот импорт, как т. Литвинов * уже указывал во время генеральной дискуссии, может быть при наличии определенных условий значительно расширен независимо от повышения или понижения тарифов.

Однако, несмотря на то, что в моей стране высота таможенных тарифов не играет той роли в деле сокращения внешней торговли, которую высокие тарифы играют в других странах, я считаю необходимым заявить, что в случае, если на этой конференции будет достигнуто соглашение об общем понижении таможенных тарифов, моя страна не будет возражать против такого соглашения и примет в нем участие.

Наибольшее благоприятствование долгое время было основой торгово-договорной политики наций. В последнее время в ряде стран ведется наступление на этот принцип и делаются серьезные попытки ограничить его применение. Я считаю, что эта конференция должна решительно высказаться против политики ограничения наибольшего благоприятствования. Этот принцип обеспечивает минимально необходимые гарантии для

* В тексте ошибочно — я; см. док. № 178.

торговли, затрудняя произвольное, случайное, дискриминационное трактование одних стран другими.

В некоторых странах высказывалась точка зрения, что наибольшее благоприятствование в СССР не дает реальных экономических результатов, не обеспечивает развития торговли с СССР страны, которой СССР предоставляет режим наиболее благоприятствуемой нации. Факты являются лучшим опровержением этой ошибочной точки зрения. Наибольшее благоприятствование лежит в основе всех торговых договоров Союза. Развитие торговли СССР с третьими странами показывает, что, в то время как импорт в СССР из стран, не имеющих с СССР торговых договоров, падает как относительно, так и в абсолютном выражении, импорт из торгово-договорных стран непрерывно повышается. Для иллюстрации этого положения достаточно привести цифровые данные за последние три года, напечатанные в сборнике документов, которые моя делегация разослала всем присутствующим здесь делегациям *. Позвольте мне зачитать эти данные.

Импорт в СССР в тыс. руб. по данным Гл. Там. Упр.

Страны	1930 г.	В %% ко всему импорту	1931 г.	В %% ко всему импорту	1932 г.	В %% ко всему импорту
Всего	1 058 825	100	1 105 034	100	698 693	100
В том числе:						
из Германии	250 828	23,68	410 645	37,16	324 411	46,43
» Англии**	80 129	7,57	73 381	6,64	90 952	13,01
» Италии	10 786	1,02	29 755	2,69	27 144	3,88
» Швеции	19 539	1,84	15 598	1,41	21 521	3,08
» Персии	44 392	4,19	46 453	4,20	49 940	7,15
Итого по пяти торгово-договорным странам	405 674	38,30	575 832	52,10	513 948	73,55
из САСШ	264 393	24,97	229 915	20,80	31 665	4,53
» Франции	29 710	2,80	14 998	1,36	3 879	0,55
» Австрии	14 844	1,40	12 028	1,08	4 010	0,57
Итого по трем недоговорным странам	308 947	29,17	256 941	23,24	39 554	5,65

* Речь идет об издании Института мирового хозяйства и мировой политики, выпущенном на английском, французском и русском языках к Мировой экономической конференции.— *Прим. док.*

** Торговое соглашение с Англией действовало с 16 апреля 1930 г. по 17 апреля 1933 г.— *Прим. док.*

Я думаю, что эти цифры являются лучшим обоснованием того положения, что в моей стране применение наибольшего благоприятствования к какой-либо стране имеет своим следствием расширение импорта из этой страны, что в конечном итоге является конечной целью и смыслом применения политики наибольшего благоприятствования.

Печат. по кн. «СССР на мировой экономической конференции», М., 1933, стр. 46—48.

209. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР*

Немедленно
30 июня 1933 г.

Сегодня меня пригласил Нейрат и передал мне ответ[165] на наш протест**, после чего заявил, что он был удивлен, когда увидел интервью Литвинова***, составленное на основании газетной передачи, которая исказила существо меморандума. Ни о каком поселении на территории СССР и тем более ни о каком призыве к войне против СССР в меморандуме и помина нет. Меморандум передан против намерения Нейрата и был взят обратно. Меморандум послужил главной причиной ухода Гугенберга. Со своей стороны Нейрат констатирует ухудшение отношения СССР к Германии, что видно из резких за последнее время выступлений советской прессы.

Он, Нейрат, прилагает все усилия для устранения всяких между нами конфликтов и для установления максимально дружественных отношений, однако он не замечает этого за последнее время со стороны СССР, и это его и Гитлера очень огорчает. Я ему ответил, что меморандум нами понят правильно, являясь обращением к Мировой экономической конференции с призывом к войне против СССР и с требованием поселения на территории СССР. Меморандум выпячивается особенно в связи с деятельностью Розенберга и его поездкой в Лондон[51], а также в связи с невыносимым положением наших организаций, как «Дероп»[46], и наших граждан, а также с антисоветской травлей германской печатью, устройством

---

* Копия телеграммы была направлена М. М. Литвинову в Лондон.
** См. док. № 189.
*** См. газ. «Известия», 20 июня 1933 г.

выставки «голодных писем» из СССР *. На все это невозможно не реагировать нашей печати, нашей общественности. Я указал на деятельность белогвардейских организаций «Ронд» ** не только с попустительства, но и благословения германского правительства, так как «Ронд» участвовал в государственной демонстрации 1 мая, производит на площадях военные упражнения своих членов и получил от начальника отряда национал-социалистов штурмовиков андреевский флаг с бывшего русского военного корабля. Далее я указал, что германская тайная полиция арестовывает без всякого повода почти ежедневно советских граждан только потому, что они советские граждане. Разве все это является показателями дружбы к нам. Я знаю, что мое правительство не меняло своего взгляда на взаимоотношения с Германией, но перечисленные мною факты показывают, что немцам самим надо избавиться от теневых сторон, задевающих нас.

По поводу своего ответа Нейрат заявил, что он его публиковать не будет, а передает лишь для сведения Советского правительства. Ответ следует отдельной телеграммой [166].

Хинчук

Печат. по арх.

210. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

1 июля 1933 г.

Сегодня в одельстинге большинством в 65 против 30 голосов принято решение о правовом положении нашего торгпредства ***, при горячем сопротивлении со стороны правых и свирепой двукратной защите со стороны Мувинкеля, который только что по телефону поздравил меня. В среду повидаюсь с Мувинкелем в последний раз ****.

Полпред

Печат. по арх.

---

* См. также док. № 217.

** Белоэмигрантская национал-социалистская организация в Германии; см. также док. № 301.

*** См. док. № 192.

**** См. док. № 235.

211. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Австрии с Генеральным секретарем Министерства Иностранных Дел Австрии Петером

1 июля 1933 г.

Я попросился к Петеру, чтобы поставить перед ним вопрос об «Интуристе», которому полиция пригрозила закрытием в ближайшие дни, так как до сих пор у него нет легализации, несмотря на то что соответствующее ходатайство было им вручено австрийским властям больше 8-ми месяцев тому назад.

Я выразил Петеру свое изумление по поводу такого затягивания дела и вероятного, хотя и совсем непонятного отказа и потребовал объяснений. С другой стороны, признавая неправильность действий «Интуриста», который открыл свое отделение здесь до оформления легализации, я указал на то, что если полиция не реагировала на это немедленно после открытия отделения, то недопустимо, чтобы она делала это теперь, после почти года существования отделения.

Я хотел бы получить объяснение затяжки с оформлением отделения и в случае отказа в легализации — мотивы такого неблагожелательного акта в отношении нас. Во всяком случае, я категорически возражаю против закрытия полицией отделения до дачи мне этих объяснений. Такое закрытие я счел бы явной демонстрацией недоброжелательности в отношении нас.

Петер обещал заняться этим делом и просил прислать ему все соответствующие данные, что я и сделал сейчас же после возвращения домой.

Воспользовавшись этим случаем, я поставил перед Петером и вопрос о враждебных выступлениях против нас Дольфуса, Вогуэна * и австрийского официоза «Рейхспост». Когда Вогуэн в своих речах громит коммунистов — это его дело. Но я не понимаю, почему и зачем он припутывает сюда государственный герб (серп и молот) нашего Союза, с которым Австрия находится в нормальных отношениях.

Когда Дольфус говорит о том, что Союз создает конкуренцию и вытесняет с рынков австрийский лес, это его право. Но когда он говорит при этом о «советском демпинге», то это является уже выпадом против нас. Дольфусу не может быть не известна та гнусная кампания, которую под предлогом мнимого нашего «демпинга» вели против нас наши враги. Кампания эта, как известно, давно уже с треском провалилась, и заявление о нашем «демпинге» со стороны шефа кабинета является созершенно необоснованным и, несомненно, враждебным политическим актом.

---

* Соответственно федеральный канцлер и военный министр Австрии.

Также и в других речах Дольфуса был ряд недопустимых моментов. Говоря, например, об отношении к нам Германии, Дольфус не только указывает на то, что дружественные отношения к нам правительства Гитлера [37] находятся в явном противоречии с его программными установками, но и придает этому такую форму, которая позволяет думать, что хорошие отношения с СССР являются позором вообще.

Наше дружественное отношение к Австрии и наше сочувственное отношение к ее трудной борьбе за свое существование не дают никаких оснований Дольфусу или Вогуэну к выпадам против нас. И я решил при случае обратить на это внимание австрийского правительства в надежде, что оно примет это дружеское предостережение и избавит меня от необходимости выступить в более официальной форме.

Я должен также обратить внимание на враждебный в отношении нас тон официозной газеты «Рейхспост». И наконец, я хотел еще узнать, почему наш корреспондент ТАСС не приглашается на устраиваемые пресс-шефом правительства конференции иностранной печати.

Все это мое выступление произвело на Петера большое впечатление. Он стал усиленно убеждать меня в том, что австрийское правительство отнюдь не питает враждебных чувств в отношении Союза и стремится к поддержанию самых лучших отношений с ним; жалоба на выступление Вогуэна основана на явном недоразумении: говоря о серпе и молоте, он совсем не имел в виду наш государственный герб, а то изменение герба Австрии, которое произвели в свое время здешние социал-демократы, дав в лапы австрийского орла вместо скипетра или чего-то там другого серп и молот. (Это действительно так.)

Что касается выступлений Дольфуса, то Петер, признавая неудачность применения слова «демпинг», уверял меня в то же время, что Дольфус не хотел придавать ему того враждебного политического смысла, о котором я говорил. Также говоря о дружбе к нам современной Германии, Дольфус отнюдь не хочет задевать нас, а только бить по Германии. Если и может получиться иногда другое впечатление, то это, несомненно, не соответствует интенции * самого Дольфуса.

Моя жалоба по поводу неприглашения корреспондента ТАСС основана на недоразумении. Дело в том, что бундесканцлерамт ** не рассылает индивидуальных приглашений, а делает это через союз иностранных корреспондентов, в котором состоит членом и корреспондент ТАСС. И если последний не знает об этом, то вина его самого, что он этим не интере-

---

* — намерению *(лат.)*.

** — министерство иностранных дел Австрии *(нем.)*.

совался, или вина союза. Бундесканцлерамт, во всяком случае, здесь не при чем и абсолютно ничего не имеет против участия корреспондента ТАСС в конференциях печати.

Самым трудным из затронутых мною вопросов Петер считает вопрос о «Рейхспост». Вся беда в том, что это именно не орган правительства, как принято его считать, а орган партии. Это дает ему некоторую независимость от правительства и зачастую сильно затрудняет воздействие на него. Петер мог бы привести много доказательств этого, но ограничится одним самым характерным примером.

В свое время Берлин очень обиделся на резкую критику «Рейхспостом» его мероприятий в отношении церкви. Он потребовал от австрийского правительства воздействия на газету. Вызвали редактора и сообщили ему об этом. Но получили ответ, что как орган католической партии «Рейхспост» не может отказаться от защиты католической церкви и не думает подчиниться в этом отношении правительству.

Все же Петер обещал учесть мою жалобу и принять все зависящие от него меры.

Полпред в Австрии
А. Петровский

П. С. Мое представление по поводу «Интуриста», очевидно, возымело свое действие, так как до сих пор полиция не выполнила своей угрозы, и отделение продолжает пока работать.

Печат. по арх.

212. Сообщение ТАСС об отмене Правительством Великобритании эмбарго на ввоз советских товаров

2 июля 1933 г.

1 июля днем британское правительство отменило эмбарго на ввоз советских товаров, наложенное в апреле с. г.*, а Народный комиссариат внешней торговли отменил принятые им в ответ на эмбарго контрмеры**. В этот же день в вечернем заседании Президиум ЦИК СССР в порядке амнистии заменил осужденным Верховным судом СССР Макдональду и Торнтону заключение высылкой из СССР.

В соответствии с постановлением Президиума ЦИК Торнтон и Макдональд вечером 1 июля освобождены из-под стражи с обязательством выехать за границу.

---

* См. стр. 256.
** См. док. № 129.

По предложению британского правительства 3 июля возобновляются прерванные в марте с. г. переговоры о заключении торгового соглашения между СССР и Великобританией.

Печат. по газ. «Известия» № 164 (5055), 2 июля 1933 г.

В упомянутом предложении английского правительства, которое было изложено в ноте министра иностранных дел Великобритании Саймона от 3 июля 1933 г. на имя народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова, говорилось:

«Во время дебатов по поводу закона о запрете импорта в апреле этого года министр торговли заявил от имени правительства его величества, что полномочия, вытекающие из этого закона, не будут использованы иным образом, кроме как в связи с жизнью и свободой арестованных сотрудников «Метрополитен-Виккерс». Мы желаем сохранить торговые переговоры совершенно обособленными от того спора, который теперь заканчивается. Будут немедленно приняты меры для возобновления этих переговоров с того пункта, на котором они были прерваны. Соответственно, с момента освобождения гг. Торнтона и Макдональда и их отъезда с советской территории, цель настоящего закона будет исчерпана и существующее положение вещей не будет рассматриваться правительством его величества, как подлежащее использованию в связи с какими-либо другими обстоятельствами. Заявление г. Ренсимена было, конечно, сделано в целом от имени правительства его величества, тем не менее я вручаю Вам эту ноту, чтобы зафиксировать, что оно остается эффективным обязательством».

213. Конвенция об определении агрессии [между СССР, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией и Афганистаном] *

[3 июля 1933 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик, Президент Эстонской Республики, Президент Латвийской Республики, Президент Польской Республики, Его Величество Король Румынии, Президент Турецкой Республики, Его Императорское Величество Шах Персидский и Его Величество Король Афганистана,

желая укрепить мир, существующий между их странами;

считая, что Пакт Бриана — Келлога **, участниками которого они являются, воспрещает всякую агрессию;

полагая необходимым, в интересах всеобщей безопасности, определить возможно более точным образом понятие агрессии, дабы предупредить всякий повод к ее оправданию;

констатируя, что все Государства имеют равные права на независимость, на безопасность, на защиту их террито-

---

* См. также док. № 218, 220, 253.

** См. т. XI, док. № 298.

рий и на свободное развитие своего государственного строя;

воодушевленные желанием, в интересах всеобщего мира, обеспечить всем народам неприкосновенность территории своей страны;

считая полезным, в интересах всеобщего мира, ввести в действие между их странами точные правила, определяющие агрессию, впредь до того, как эти последние станут общепризнанными,

решили в этих целях заключить настоящую Конвенцию и надлежащим образом уполномочили для того:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик: г. Максима Литвинова, Народного Комиссара по Иностранным Делам;

Президент Эстонской Республики: г. д-ра Оскара Калласа, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра в Лондоне;

Президент Латвийской Республики: г. Вальдемараса Салнайса, Министра Иностранных Дел;

Президент Польской Республики: г. Эдуарда Рачинского, Постоянного Представителя Польши в Лиге наций, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра;

Его Величество Король Румынии: г. Николая Титулеску, Министра Иностранных Дел;

Президент Турецкой Республики: Тевфика Рюштю-бея, Министра Иностранных Дел;

Его Императорское Величество Шах Персидский: Фатолла Хана Нури Эсфандиари, Поверенного в Делах;

Его Величество Король Афганистана: Али Мохаммед-хана, Министра Народного Просвещения;

которые согласились о следующих постановлениях:

Статья первая

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется руководствоваться в своих взаимоотношениях с каждой из остальных, начиная со дня вступления в силу настоящей Конвенции, определением агрессии, как оно было разъяснено в докладе Комитета по вопросам безопасности от 24 мая 1933 года (доклад Политиса) * на Конференции по сокращению и ограничению вооружений, докладе, сделанном в результате предложения, внесенного Советской Делегацией **.

---

* См. «Сборник документов по международной политике», вып. VI, М., 1934, стр. 110—124.

** См. док. № 32.

Статья II

В соответствии с этим будет признано нападающим в международном конфликте, без ущерба для соглашений, действующих между сторонами, участвующими в конфликте, Государство, которое первое совершит одно из следующих действий:

1. Объявление войны другому Государству;

2. Вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого Государства;

3. Нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы без объявления войны, на территорию, на суда или на воздушные суда другого Государства;

4. Морскую блокаду берегов или портов другого Государства;

5. Поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого Государства, или отказ, несмотря на требование Государства, подвергшегося вторжению, принять, на своей собственной территории, все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства.

Статья III

Никакое соображение политического, военного, экономического или иного порядка не может служить извинением или оправданием агрессии, предусмотренной в статье II (в качестве примера смотреть Приложение).

Статья IV

Настоящая Конвенция будет ратифицирована Высокими Договаривающимися Сторонами соответственно законодательству каждой из них.

Ратификационные грамоты будут сданы на хранение каждою из Высоких Договаривающихся Сторон Правительству Союза Советских Социалистических Республик.

Как только ратификационные грамоты будут сданы на хранение двумя из Высоких Договаривающихся Сторон, настоящая Конвенция вступит в силу между этими двумя Сторонами. Она будет вступать в силу для всех других Высоких Договаривающихся Сторон по мере того, как эти последние в свою очередь будут сдавать на хранение свои ратификационные грамоты.

О каждой сдаче на хранение ратификационных грамот Правительством Союза Советских Социалистических Республик будет немедленно сообщаться всем участникам настоящей Конвенции.

Статья V

Настоящая Конвенция была подписана в восьми экземплярах, из которых каждая из Высоких Договаривающихся Сторон получила один.

В удостоверение чего, перечисленные выше Уполномоченные подписали настоящую Конвенцию и приложили к ней свои печати.

Учинено в Лондоне, 3 июля 1933 года.

Максим Литвинов
О. Каллас
В. Салнайс
Эдуард Рачинский
Н. Титулеску
Д-р Рюштю
Али Мохаммед
Ф. Нури Эсфандиари

Приложение к статье III Конвенции относительно определения агрессии

Высокие Договаривающиеся Стороны, подписавшие Конвенцию относительно определения агрессии,

желая дать некоторые указания, позволяющие определить нападающего, причем определенно оговорено, что безусловная сила правила, установленного в Статье III названной Конвенции, ни в чем не ограничивается,

констатируют, что никакой акт агрессии в смысле Статьи II названной Конвенции не может быть оправдан, между прочим, одним из следующих обстоятельств:

А. Внутреннее положение Государства,

например,

его политический, экономический или социальный строй; недостатки, приписываемые его управлению; беспорядки, проистекающие из забастовок, революций, контрреволюций или гражданской войны.

Б. Международное поведение Государства,

например,

нарушение или опасность нарушения материальных или моральных прав или интересов иностранного Государства или его граждан; разрыв дипломатических или экономических отношений; меры экономического или финансового бойкота; споры, относящиеся к экономическим, финансовым или другим обязательствам перед иностранными Государствами; пограничные инциденты, не подходящие ни под один из случаев агрессии, указанных в Статье II.

Высокие Договаривающиеся Стороны, с другой стороны, соглашаются признать, что настоящая Конвенция ни в коем случае не должна будет служить оправданием нарушений международного права, которые могли бы содержаться в обстоятельствах, указанных в приведенном выше перечислении.

Максим Литвинов
О. Каллас
В. Салнайс
Эдуард Рачинский
Н. Титулеску
Д-р Рюштю
Али Мохаммед
Ф. Нури Эсфандиари

Протокол подписания

Между Высокими Договаривающимися Сторонами условлено, что если бы впоследствии одно или несколько других Государств, непосредственных соседей Союза Советских Социалистических Республик, присоединились к настоящей Конвенции, это присоединение даст ему, или им, те же права и наложит на них те же обязательства, что и права и обязательства первоначальных участников.

Учинено в Лондоне, 3 июля 1933 года

Максим Литвинов
В. Салнайс
Н. Титулеску
Али Мохаммед
Ф. Нури Эсфандиари
Э. Рачинский
О. Каллас
Д-р Рюштю

Печат. по арх. Отдела в «Собрании законов...», отд. II, № 24, 5 ноября 1933 г., стр. 155—161.

Конвенция ратифицирована ЦИК СССР 17 августа 1933 г., президентом Польши и королем Румынии — 17 августа 1933 г., шахом Персии — 21 сентября 1933 г., королем Афганистана — 4 октября 1933 г., президентом Эстонии — 15 ноября 1933 г., президентом Латвии — 30 ноября 1933 г., президентом Турции — 11 февраля 1934 г.

*Ратификационные грамоты Союза ССР, Польши, Румынии депонированы 16 октября 1933 г., Афганистана — 29 октября 1933 г., Персии — 15 ноября 1933 г., Эстонии и Латвии — 4 декабря 1933 г., Турции — 23 марта 1934 г.**

* Финляндия присоединилась к данной конвенции 22 июня 1933 г. и ратифицировала ее 19 января 1934 г. Ратификационные грамоты Финляндии депонированы 31 января 1934 г. (см. док. № 253).

214. Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителям печати в Лондоне

3 июля 1933 г.

Международная жизнь знает теперь множество актов, а еще больше резолюций, разных предложений и проектов относительно отказа от войны, неприбегания к силе, ненападения и т. д. Смысл всех этих актов и предложений сводится к принятым или имеющим быть принятыми обязательствам ненападения одних государств на другие. Хотя всякому простому смертному понятие агрессии кажется совершенно простым и ясным, тем не менее международные организации и институты в течение многих лет обсуждали точное определение агрессии и не пришли к окончательному заключению. Между тем без общепринятого, более или менее точного определения агрессии сами обязательства о ненападении в значительной мере обесценены, ибо в случае нарушения обязательства ненападения трудно будет установить, какая сторона является нарушающей свои обязательства. В настоящее время нет таких общепризнанных международных авторитетов, которые могли бы в соответственных случаях решать такие вопросы. Если бы такие организации и существовали или были созданы, то от них трудно было бы ожидать совершенно беспристрастных и объективных заключений, в особенности при отсутствии каких-либо критериев, которые они могли бы класть в основу своих суждений. Чтобы восполнить этот пробел, советская делегация на конференции по разоружению в связи с обсуждавшимися там разными схемами гарантии безопасности представила около пяти месяцев назад детально разработанное определение агрессии*. В этом определении были указаны не только те акты, которые должны считаться агрессией, но и перечислены известные в международной практике поводы для оправдания агрессии, с тем чтобы такие поводы были на будущее время заранее осуждены.

Это определение агрессии привлекло к себе значительное внимание в Женеве и было оценено во многих странах как одно из возможных серьезных средств увеличения безопасности народов. Следуя женевской процедуре, предложение стало проходить различные стадии обсуждения и притом в комплексе множества других сложных проблем по разоружению.

Комитет по безопасности рассмотрел наше предложение и в основном его принял **. Однако когда доклад комитета по

---

* См. док. № 32.
** См. стр. 310.

безопасности был передан в Генеральную комиссию конференции, то стало очевидным, что предложение имеет весьма мало шансов на скорое принятие. Кроме того, выявилось, что некоторые государства находят для себя неудобным и стеснительным наше определение агрессии и что поэтому универсальное принятие его стало также весьма проблематичным. Эти обстоятельства навели нас на мысль о целесообразности проведения определения агрессии в конвенции сперва между ограниченным числом государств, с тем чтобы другие государства могли к ней присоединиться либо же последовать этому примеру.

Естественно, наша мысль раньше всего обратилась к нашим непосредственным соседям, которых мы и стали соответственно зондировать. Зондаж вскоре перешел в практические переговоры с некоторыми из наших соседей, из которых особенно горячо к нашему предложению отнеслась Турция. Министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю-бей оказывал нам свое активное содействие в осуществлении намеченной цели. Вследствие моего отъезда в Женеву, а затем в Лондон переговоры временно прекратились, но вскоре возобновились здесь, в Лондоне, где удалось использовать присутствие министров иностранных дел некоторых соседних с нами государств. В результате продолженных здесь переговоров удалось сегодня подписать конвенцию, под которой стоят подписи семи соседних с нами стран.

Подписанная конвенция является новым звеном в цепи мероприятий Советского правительства, систематически направленных к укреплению его мирных отношений с соседями. В то же время конвенция является примером и стимулом для других стран. Само собой разумеется, что Советский Союз готов подписать аналогичные конвенции с любыми государствами независимо от их географического положения и ныне существующих с ними отношений.

Подобные соглашения, однако, отнюдь не снимают с очереди нашего предложения на конференции по разоружению, имеющего целью универсальное принятие определения агрессии. Мы были бы чрезвычайно рады, если бы удалось достигнуть соглашения в Женеве между всеми народами и подписать общую конвенцию, которая поглотила бы тогда частные. Мы в данном случае следовали тому же пути, по которому мы шли в деле пакта Бриана-Келлога *, который ввиду затруднительности и медлительности общего его прохождения был также введен досрочно в действие между нами и нашими соседями **.

---

* См. т. XI, док. № 298.
** См. т. XII, док. № 38.

В своем выступлении на экономической конференции * я указывал на значение атмосферы спокойствия политической жизни народов для разрешения международных экономических проблем. С этой точки зрения мне кажется, что завершенная нами в Лондоне акция, укрепляющая мир между народами, представляющими свыше 265 миллионов человек, несомненно, должна содействовать успехам экономической конференции и поэтому приветствоваться ее инициаторами и участниками.

Печат. по газ. «Известия» № 167 (5056), 5 июля 1933 г.

215. Меморандум делегации СССР на конференции в Токио об основных принципах выкупа КВЖД

3 июля 1933 г.

I. Объект продажи, роль и значение КВЖД

1. В соответствии с Пекинским и Мукденским соглашениями ** Советское Правительство соглашается на выкуп Маньчжоу-Го Китайско-Восточной железной дороги со всеми принадлежащими ей имуществами, включая и то имущество дороги, которое было в разное время незаконно и насильственно захвачено мукденскими властями.

Однако объектом продажи, естественно, не являются разного рода имущества Советского Союза, не принадлежащие КВЖД и задержанные на дороге в годы интервенции или оставшиеся на дороге в порядке незаконченного конвенционного обмена вагонов. Эти имущества, инвентарное уточнение которых должно быть произведено специальной комиссией, подлежат возврату Правительству СССР.

Выкупу, таким образом, подлежат:

а) Железная дорога, имеющая главный путь в 1726 *км* с общим протяжением пути, включая служебные, балластные и дровяные пути,— 2544,9 *км*, с телеграфной линией протяжением в 2567 *км*, телефоном и водоснабжением.

б) Принадлежащий дороге собственный паровозный и вагонный парк.

---

* См. док. № 178.

** См. т. VII, док. № 156, 222.

в) Гражданские сооружения, состоящие из путевых и пассажирских зданий, складочных помещений, жилых домов, контор, военных казарм и пр., с общей площадью в 1 199 762 *кв. м.*

г) Мастерские и депо, в том числе Харбинские главные мастерские, мастерские службы пути, мастерские службы телеграфа и другие.

д) Электростанция.

е) Телефонная станция в Харбине.

ж) Речной флот, состоящий из паровых и непаровых судов, с оборудованной в Харбине перевалочной пристанью.

з) Земли, принадлежащие дороге.

и) Лесные концессии («Чоу», «Цайлинхэ» и Восточная концессия).

к) Медицинские и ветеринарно-санитарные учреждения.

л) Дачи и климатические станции.

м) Агрономические предприятия, древесные питомники и оранжереи.

н) Лесопильный, олифоваренный и кондеочистительный заводы.

о) Завод искусственных вод.

п) Шерстомойка.

р) Типография.

с) Водопровод в г. Харбине.

т) Автомобильное хозяйство.

у) Школьные и клубные помещения.

ф) Всякие другие постройки, сооружения и инвентарь дороги.

2. Таким образом, КВЖД со всеми принадлежащими ей имуществами представляет собой мощный хозяйственный комбинат, играющий и в настоящее время громадную роль в хозяйственной жизни и экономическом развитии Сезерной Маньчжурии и представляющий большую ценность с точки зрения имущественных и экономических интересов СССР. Нельзя не отметить, что с продажей КВЖД отчасти ликвидируется, отчасти значительно обесценивается ряд обусловленных договорами экономических прав и преимуществ для СССР, которые представляют для последнего немалый интерес. Сюда, например, относятся обязательное использование на дороге многих тысяч советских рабочих и служащих, известные тарифные преимущества и т. д.

3. Говоря о значении КВЖД, нельзя не подчеркнуть громадного международного значения дороги, являющейся весьма важным звеном в международном сообщении между Европой и Азией. Совершенно очевидно, что это свое значение КВЖД отнюдь не утратит с переходом ее в руки Маньчжоу-

Го и с устранением тех препятствий, которые в последнее время мешали нормальной деятельности дороги.

Весьма важно также значение КВЖД как главной магистрали Северной Маньчжурии, связывающей этот богатый и имеющий перспективы дальнейшего развития край с южной частью Маньчжурии и океаном. Не приходится доказывать, что и это свое значение дорога отнюдь не потеряет после ее перехода к Маньчжоу-Го.

Наоборот, поставленная в условия нормальной и беспрепятственной деятельности, эта дорога приобретет еще большее значение для жизни края, и ее роль и ценность, несомненно, возрастут с экономическим подъемом Маньчжурии.

4. Нет никаких оснований смешивать временное конъюнктурное ухудшение финансового положения дороги, вызванное созданными за последнее время специфическими условиями, подрывающими нормальную ее деятельность, с ее действительным экономическим состоянием, значением и возможностями развития. Достаточно отметить тот факт, что с начала совместного советско-китайского управления на КВЖД по 1930 г. включительно превышение эксплуатационного дохода дороги над расходами составило свыше 140 млн. зол. руб., т. е. в среднем более 20 млн. зол. руб. в год.

Особенно следует отметить тот факт, что даже в 1932 г., в обстановке мирового экономического кризиса, тяжело отразившегося на всей хозяйственной жизни Маньчжурии, и в особо тяжелых для дороги условиях, вызванных вышеуказанными специфическими причинами, дорога все же имела превышение доходов над эксплуатационными расходами в размере 11 млн. зол. руб.

Эти данные в достаточной мере свидетельствуют о большой экономической мощи и устойчивости дороги. Тот же факт, что рентабельность ее для Советского Правительства была недостаточно высокой по сравнению с ее эксплуатационными доходами, объясняется исключительно тем, что дорога вынуждена до настоящего времени нести огромные непроизводительные расходы по содержанию и кредитованию полиции, охранных войск, правительственных учреждений, по совершению бесплатных грузовых и пассажирских перевозок и т. д. Советская часть Правления неизменно встречала сильнейшее противодействие со стороны китайской, а ныне маньчжурской стороны в своих попытках устранить или, по крайней мере, значительно сократить эти совершенно чуждые дороге как коммерческому предприятию расходы. Маньчжоу-Го по вступлении во владение КВЖД, несомненно, освободит дорогу от навязанных ей непроизводительных расходов, чем сильно повысит ее действительную доходность.

II. Выкупная сумма и методы уплаты

1. При определении выкупной суммы КВЖД и принадлежащих ей имуществ следует руководствоваться п. 2 ст. I Мукденского соглашения, устанавливающим, что при выкупе договаривающиеся стороны определят, сколько КВЖД действительно стоила, и что дорога должна быть выкуплена по справедливой цене.

В соответствии с этим и исходя из основных статей баланса, точно устанавливающих действительные затраты, произведенные на сооружение и развитие КВЖД, Советское Правительство в то же время руководствовалось принципом справедливости и тщательно учло все обстоятельства, позволяющие ему пойти на значительное снижение выкупной суммы.

2. Совокупность расходов по сооружению дороги, по исполнению работ-недоделок, приобретению подвижного состава, потерям по реализации строительного капитала и по уплате процентов и погашений за время постройки, а также по работам, произведенным до 1932 г. включительно для усиления и улучшения дороги, составляет 411 691 976 зол. руб. Эта сумма не включает в себя 178 579 618 зол. руб., одолженных бывшим царским правительством КВЖД на покрытие дефицитов и поддержание ее деятельности в первые годы существования дороги. Не учитывается также фигурирующая в балансе огромная задолженность дороги Правительству СССР по процентам, нарослим на вложенные в КВЖД капиталы.

Более того, учитывая некоторую изношенность технического оборудования и некоторое изменение экономического значения КВЖД в связи с постройкой новых железных дорог и стремясь максимально снизить выкупную сумму, Советское Правительство согласно снизить стоимость КВЖД по указанным выше статьям баланса до 210 млн. зол. руб. вместо фактически произведенных затрат в размере 411 691 976 зол. руб.

3. В эту сумму (210 млн. зол. руб.) не входит, однако, стоимость различных имуществ КВЖД, имеющих сами по себе большое хозяйственное значение и с развитием КВЖД в значительной степени повысивших свою первоначальную стоимость.

Дорога, как известно, является собственником громадного земельного фонда.

Советское Правительство согласилось по Пекинскому и Мукденскому соглашениям передать в ведение китайских властей земли, не нужные дороге. Была даже создана в 1925 г. по предложению Советского Правительства смешанная советско-китайская комиссия по размежеванию земель. Однако мукденские власти уклонились от созыва этой комиссии, предпочитая по частям незаконно захватывать земли дороги.

Не входя в подробные исчисления стоимости тех земель, которые подлежат безусловному оставлению за дорогой, равно как и стоимости богатых лесных концессий КВЖД, также имеющих значительную ценность, Советское Правительство соглашается оценить все эти имущества дороги всего лишь в 40 млн. зол. руб., что значительно ниже их действительной стоимости.

На основании всего вышеизложенного общая выкупная сумма КВЖД и всех ее имуществ устанавливается в 210 млн. зол. руб. + 40 млн. зол. руб. = 250 млн. зол. руб. (1 зол. руб. = 1,04 зол. иены).

4. Сопоставление названной нами цифры в 250 млн. зол. руб. с суммой в 23 млн. зол. иен, которую японское правительство само готово было в 1917 г. заплатить бывшему Российскому правительству за небольшой участок южной линии КВЖД Куаньчэнцзы-Лаошаогоу протяжением всего в 103 *км*, приводит к выводу, что при применении этой оценки ко всей выкупаемой линии КВЖД мы получили бы сумму около 380 млн. зол. иен, или около 370 млн. зол. руб. Между тем участок КВЖД, о котором велись переговоры, не имеет ни сколько-нибудь значительных искусственных сооружений, ни сколько-нибудь ценных предприятий, ни тем более того международного и экономического значения, которое имеет КВЖД в целом.

Таким образом, со всех точек зрения выкупная сумма в 250 млн. зол. руб. должна быть признана весьма умеренной и справедливой.

5. КВЖД переходит к Маньчжоу-Го со всем активом и пассивом, т. е. к Советскому Правительству не могут быть обращены в дальнейшем никакие претензии, направленные к КВЖД.

6. В целях облегчения выплат этой выкупной суммы и стимулирования развития экономических связей с Японией и Маньчжурией Советское Правительство соглашается получить половину указанной выкупной суммы, т. е. 125 млн. зол. руб., товарами. Товарная часть выплаты предоставляется СССР в форме поставки товаров в 4 срока в течение двух лет. Для оплаты этих товарных поставок Маньчжоу-Го выдает обязательства, гарантированные японским государственным банком или акцептированные консорциумом японских банков.

7. Что касается денежной части выкупа в размере 125 млн. зол. руб., то одна четвертая часть этой суммы подлежит немедленной уплате наличными. Остальная часть может быть уплачена облигациями Маньчжоу-Го, гарантированными японским правительством. Облигации эти подлежат погашению в трехлетний срок с начислением 4% годовых.

III. Обеспечение экономических интересов СССР

Для сохранения экономических связей, существующих между СССР и Маньчжоу-Го, а также в целях сохранения за КВЖД ее важной роли в международном сообщении между Европой и Азией, одновременно с общим соглашением о продаже КВЖД должно быть подписано специальное соглашение, предусматривающее:

1. Сохранение для СССР свободного транзита по КВЖД грузов и пассажиров между советскими дорогами на льготных условиях и с освобождением транзитных грузов и багажа от таможенных пошлин и всяких сборов и налогов.

2. Прямое сообщение между советскими дорогами и КВЖД и участие КВЖД в прямом европейско-азиатском сообщении на Владивосток.

3. Сохранение за Уссурийской [железной] дорогой определенного количества грузов, поступающих на КВЖД.

4. Обязательство маньчжурской стороны применять к советским товарам, импортируемым на КВЖД, наибольшее благоприятствование в отношении тарифов и пошлин.

IV. Обеспечение интересов советских рабочих и служащих КВЖД

Одновременно с общим соглашением о продаже КВЖД должно быть также подписано специальное соглашение, обеспечивающее права и интересы советских граждан на КВЖД. В этом соглашении должно быть предусмотрено следующее:

1. В случае намерения маньчжурской стороны по вступлении во владение дорогой заменить своими гражданами советских рабочих и служащих, проводить эту замену постепенно, небольшими партиями и в сроки, дающие последним возможность приискания работы на месте либо выезда в СССР.

Замена советских рабочих и служащих может быть проведена в течение не менее двух лет после вступления маньчжурской стороны во владение дорогой.

2. Сохранение в полном объеме всех прав советских граждан на движимое и недвижимое имущество, расположенное в районе КВЖД.

3. Право ликвидации этого имущества и вывоза его как в натуре, так и в денежном эквиваленте.

4. Предоставление за счет дороги транспортных услуг для перевозки семей и имущества рабочих и служащих, выезжающих в СССР, до избранного ими пункта выезда.

5. При уходе или увольнении с работы советских граждан с ними должен быть произведен полный и немедленный расчет в соответствии с существующими на КВЖД правилами.

Печат. по док. Опубл. в газ. «Известия» № 169 (5100), 3 июля 1933 г.

Делегация Маньчжоу-Го предложила 3 июля 1933 г. следующие «Основные условия договора между Маньчжоу-Го и СССР об уступке прав последнего на Северо-Маньчжурской железной дороге (бывш. КВЖД)»:

«1. СССР соглашается уступить Маньчжоу-Го все права, которые первый имеет на СМЖД и на ее побочные предприятия, а Маньчжоу-Го обязуется уплатить вознаграждение за это в сумме 50 млн. иен.

Подробное постановление о сроках и способах уплаты этого вознаграждения устанавливается отдельно.

2. В течение одного месяца со дня подписания договора Правительствами Маньчжоу-Го и СССР назначаются соответствующие представители для приема-передачи СМЖД, а в течение трех месяцев со дня подписания договора должна быть закончена передача СМЖД и ее побочных предприятий, а также всех принадлежащих к ним имуществ.

3. Правительство СССР соглашается быть ответственным за все претензии держателей акций и облигаций, а также и других кредиторов СМЖД, возникшие до 9 марта 1917 г.

Правительство СССР обязуется отвечать за все долговые обязательства СМЖД по отношению к любой третьей стране, возникшие после 9 марта 1917 г. по день вступления в силу договора, а равно за все претензии любой третьей стороны, связанные с вышеупомянутой уступкой.

4. Правительство СССР одновременно с передачей СМЖД и ее побочных предприятий обязуется передать Правительству Маньчжоу-Го акции, облигации и другие документы о заемных обязательствах СМЖД, а равно все документы, относящиеся к этой дороге и ее предприятиям.

5. Другие подробности относительно переуступки СМЖД будут дополнительно предложены по мере надобности».

216. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Постоянным Заместителем Министра Иностранных Дел Великобритании Ванситтартом

3 июля 1933 г.

По поручению т. Литвинова я посетил Ванситтарта для того, чтобы осведомить его о предстоящем подписании конвенции по определению агрессии *. Однако прежде чем я успел приступить к теме моего разговора, Ванситтарт, встретивший меня с явно подчеркнутым радушием, заговорил о ликвидации англо-советского конфликта **. Он поздравлял меня с этой ликвиданией, заявлял, что данный шаг надо было сделать уже давно, и выражал твердую надежду, что теперь на-

* См. док. № 213, 218.

** См. док. № 212.

ши торговые переговоры пойдут быстрым темпом вперед. Вообще он, видимо, был действительно доволен тем, что в истории форин офис закрылась страница, которая не послужит ему украшением.

Затем я перешел к цели моего визита и вкратце изложил Ванситтарту историю переговоров о конвенции по определению агрессии. Ванситтарт слушал очень внимательно, от времени до времени задавал некоторые пояснительные вопросы, но ни разу меня не спросил, будет ли данная конвенция открыта для присоединения других держав. Под конец он заметил, что в Женеве британское правительство выразило свое несогласие с нашей точкой зрения, ибо существуют-де две школы в данном вопросе: одна школа настаивает на совершенно точном определении всякой и всяческой агрессии, а другая школа считает, что такая точность в определении агрессии непрактична и нецелесообразна. Тем не менее Ванситтарт выразил вежливое удовольствие по поводу нашей конвенции, заявив, что, поскольку она служит делу мира, британское правительство может ее приветствовать. Ванситтарт обещал передать мою информацию Саймону, возвращающемуся на другой день. Под конец я полувопросительно заметил, что Ванситтарт должен испытывать известное удовлетворение в связи с подписанием конвенции, так как она, естественно, будет носить название Лондонской конвенции. Ванситтарт несколько кисло улыбнулся и ответил, что он действительно рад.

Полпред СССР в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

217. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
3 июля 1933 г.

Был у Нейрата и заявил протест против проводимой союзом заграничных немцев кампании по поводу «ужасов, переживаемых немцами в СССР», требуя предотвращения демонстрации в Люстгартене и сборов *. Я указал, что рассматриваю это как исключительно враждебный акт против СССР, что приобретает особое значение в связи с деятельностью Розенберга [51], меморандумом Гугенберга **, речью Поссе [167] и другими подобными фактами. Кампания эта лжива, ничего общего не имеющая с действительным положением дел в СССР.

* См. также док. № 209.
** См. также док. № 189, 190, 209.

Мы могли бы опубликовать сотни тысяч заявлений немцев, опровергающих провокационные белогвардейские фальшивки о «голоде» немцев в СССР. Я рассматриваю эту кампанию как вмешательство во внутренние дела СССР и требую принятия мер к предотвращению демонстраций и сборов и ликвидации враждебной СССР кампании. Нейрат обещал принять все меры к предотвращению, оговорившись, что не знает, удастся ли еще ему это, хотя надеется на успех. Я обратил внимание Нейрата на те тяжелые последствия, к которым приведет эта кампания, если ему не удастся ее предотвратить.

Хинчук

Печат. по док.

218. Конвенция об определении агрессии [между СССР, Румынией, Чехословакией, Турцией и Югославией] *

[4 июля 1933 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик, Его Величество Король Румынии, Президент Чехословацкой Республики, Президент Турецкой Республики и Его Величество Король Югославии,

желая укрепить мир, существующий между их странами;

считая, что Пакт Бриана-Келлога, участниками которого они являются, воспрещает всякую агрессию;

полагая необходимым, в интересах всеобщей безопасности, определить возможно более точным образом понятие агрессии, дабы предупредить всякий повод к ее оправданию;

констатируя, что все Государства имеют равное право на независимость, на безопасность, на защиту их территорий и на свободное развитие своего государственного строя;

воодушевленные желанием, в интересах всеобщего мира, обеспечить всем народам неприкосновенность территории своей страны;

считая полезным, в интересах всеобщего мира, ввести в действие между их странами точные правила, определяющие агрессию, впредь до того, когда эти последние станут общепризнанными,

решили, в этих целях, заключить настоящую Конвенцию и надлежащим образом уполномочили для того:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик: г. Максима Литвинова, Народного Комиссара по Иностранным Делам;

Его Величество Король Румынии: г. Николая Титулеску, Министра Иностранных Дел;

---

* См. также док. № 213, 220.

Президент Чехословацкой Республики: г. Яна Гаррига Масарика, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра в Лондоне;

Президент Турецкой Республики: Мехмед Мюнир-бея, Чрезвычайного и Полномочного Посла в Лондоне;

Его Величество Король Югославии: г. д-ра Георгия Джурича, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра в Лондоне,

которые согласились о следующих постановлениях:

Статья первая

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется руководствоваться в своих взаимоотношениях с каждой из остальных, начиная со дня вступления в силу настоящей Конвенции, определением агрессии, как оно было разъяснено в докладе Комитета по вопросам безопасности от 24 мая 1933 года (доклад Политиса) * на Конференции по сокращению и ограничению вооружений, докладе, сделанном в результате предложения, внесенного Советской Делегацией **.

Статья II

В соответствии с этим будет признано нападающим в международном конфликте, без ущерба для соглашений, действующих между сторонами, участвующими в конфликте, Государство, которое первое совершит одно из следующих действий:

1. Объявление войны другому Государству;
2. Вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого Государства;
3. Нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы без объявления войны, на территорию, суда или воздушные суда другого Государства;
4. Морскую блокаду берегов или портов другого Государства;
5. Поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого Государства, или отказ, несмотря на требование Государства, подвергшегося вторжению, принять, на своей собственной территории, все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства.

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 110—124.

** См. док. № 32.

Статья III

Никакое соображение политического, военного, экономического или иного порядка не может служить извинением или оправданием агрессии, предусмотренной в статье II (в качестве примера смотреть Приложение).

Статья IV

Настоящая Конвенция открыта для присоединения всех других наций. Присоединение будет давать те же права и налагать те же обязательства, что и первоначальное подписание. Сообщение о присоединении будет делаться Правительству Союза Советских Социалистических Республик, которое будет тотчас же доводить о том до сведения других участников.

Статья V

Настоящая Конвенция будет ратифицирована Высокими Договаривающимися Сторонами соответственно законодательству каждой из них.

Ратификационные грамоты будут сданы на хранение каждою из Высоких Договаривающихся Сторон Правительству Союза Советских Социалистических Республик.

Как только ратификационные грамоты будут сданы на хранение двумя из Высоких Договаривающихся Сторон, настоящая Конвенция вступит в силу между этими двумя Сторонами. Она будет вступать в силу для всех других Высоких Договаривающихся Сторон по мере того, как эти последние в свою очередь сдадут на хранение свои ратификационные грамоты.

О каждой сдаче на хранение ратификационных грамот Правительством Союза Советских Социалистических Республик будет немедленно сообщаться всем участникам настоящей Конвенции.

Статья VI

Настоящая Конвенция была подписана в пяти экземплярах, из которых каждая из Высоких Договаривающихся Сторон получила один.

В удостоверение чего, перечисленные выше Уполномоченные подписали настоящую Конвенцию и приложили к ней свои печати.

Учинено в Лондоне, 4 июля 1933 года.

Максим Литвинов
Н. Титулеску
Ян Масарик
Мехмед Мюнир
Г. Джурич

Приложение к статье III Конвенции относительно определения агрессии

Высокие Договаривающиеся Стороны, подписавшие Конвенцию относительно определения агрессии,

желая дать некоторые указания, позволяющие определить нападающего, причем определенно оговорено, что безусловная сила правила, установленного в Статье III названной Конвенции, ни в чем не ограничивается,

констатируют, что никакой акт агрессии в смысле Статьи II названной Конвенции не может быть оправдан, между прочим, одним из следующих обстоятельств:

А. Внутреннее положение Государства,

например,

его политический, экономический или социальный строй; недостатки, приписываемые его управлению; беспорядки, проистекающие из забастовок, революций, контрреволюций или гражданской войны.

Б. Международное поведение Государства,

например,

нарушение или опасность нарушения материальных или моральных прав или интересов иностранного Государства или его граждан; разрыв дипломатических или экономических отношений; меры экономического или финансового бойкота; споры, относящиеся к экономическим, финансовым или другим обязательствам перед иностранными Государствами; пограничные инциденты, не подходящие ни под один из случаев агрессии, указанных в Статье II.

Высокие Договаривающиеся Стороны, с другой стороны, соглашаются признать, что настоящая Конвенция ни в коем случае не должна будет служить оправданием нарушений международного права, которые могли бы содержаться в обстоятельствах, указанных в приведенном выше перечислении.

Максим Литвинов
Н. Титулеску
Ян Масарик
Мехмед Мюнир
Г. Джурич

Печат. по арх. Опубл. в «Собрании законов...», отд. II, № 6, 25 марта 1934 г., стр. 51—55.

Конвенция ратифицирована ЦИК СССР — 17 августа 1933 г., президентом Чехословакии — 1 августа 1933 г., королем Румынии — 15 сентября 1933 г., королем Югославии — 16 декабря 1933 г., президентом Турции — 11 февраля 1934 г.

Ратификационные грамоты Союза ССР, Румынии, Чехословакии и Югославии депонированы 17 февраля 1934 г., Турции — 23 марта 1934 г.

219. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Вне очереди
4 июля 1933 г.

Видел Утида. Поблагодарил его за внимание к Кочетову и за сообщение мне через Митани * о решении производства срочного и строгого следствия и о принятии всех мер к недопущению повторения подобных актов в будущем [168]. Отметил, что пока говорю от своего имени, ибо не имею указаний от моего, уже поставленного в известность о происшедшем, правительства. Я указал на тяжелое впечатление, произведенное на нас нападением, на то, что за последние два года это уже второй случай покушения на торгпреда, причем приговор по первому делу был по существу полуоправданием виновного **, что подобные акты осложняют и обостряют отношения между обоими государствами, стремящимися урегулировать взаимоотношения, что японское правительство, имея хорошо организованную полицию, может предупредить возможность нападения на советских деятелей и что я надеюсь на то, что нападавший понесет должное наказание. Утида ответил, что он сожалеет о происшедшем и уже вчера докладывал о случае правительству и просил министров внутренних дел и юстиции самым энергичным образом заняться происшествием. Виновник арестован, сидит. На допросе заявил, что он хотел «беседовать» о камчатском инциденте *** с полпредом, но так как последний трудно досягаем, то он пошел к торгпреду, причем не имел намерений нападать на него, а хотел лишь заявить протест по поводу событий на Камчатке. Следствие будет вестись энергично, и Утида обещал держать меня в курсе такового. Я ответил, что заявление арестованного — издевательство над следственными властями, ибо всем ясно, что для разговора незачем брать с собой такое опасное оружие, как японский меч. Я добавил к этому, что торгпред лишь случайно избежал смерти, и указал на то, что, взбешенный неудачей, преступник пустил в ход оружие против окон и дверей торгпредства. Утида сказал, что мы можем быть уверены в твердом решении японского правительства расследовать дело и наказать виновного. Далее Утида выразил удовольствие по поводу удовлетворения, данного Советским правительством Японии в вопросе о камчатском деле. Я ответил, что знаю об этом, и подчеркнул, что политика Советского правительства была и остается искренней и направленной к укреплению добрых

---

* Заведующий отделом личного состава МИД Японии.
** См. т. XIV, док. № 100 и прим. 71.
*** См. док. № 197.

отношений с Японией, спросил Утида, как думает японское правительство урегулировать вопрос о высадке на камчатской территории патруля с японского миноносца. Утида ответил, что это был исключительный случай, вызванный чрезвычайными обстоятельствами. Я не стал с ним спорить, указав лишь, что этот вопрос, очевидно, будет урегулирован между Ота и Сокольниковым.

На мой вопрос о том, следит ли министр за работами конференции *, он ответил, что следит, но пока недостаточно, и что советует ведущим переговоры сторонам иметь терпение и работать далее и с доверием. На вопрос о том, не говорил ли посетивший на днях министра французский посол о КВЖД, Утида ответил, что Мартель интересовался отношением японского правительства к решению Вашингтонской конференции о КВЖД [169] и получил ответ, что Япония не имеет к этому решению никакого интереса.

Полпред

Печат. по арх.

220. Конвенция об определении агрессии [между СССР и Литвой] **

[5 июля 1933 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и Президент Литовской Республики, желая укрепить мир, существующий между их странами;

считая, что Пакт Бриана-Келлога, участниками которого они являются, так же как и Договор о ненападении, заключенный между ними 28 сентября 1926 года в Москве ***, воспрещают всякую агрессию;

полагая необходимым, в интересах всеобщей безопасности, определить возможно более точным образом понятие агрессии, дабы предупредить всякий повод к ее оправданию;

констатируя, что все Государства имеют равное право на независимость, на безопасность, на защиту их территорий и на свободное развитие своего государственного строя;

воодушевленные желанием, в интересах всеобщего мира, обеспечить всем народам неприкосновенность территории своей страны;

считая полезным, в интересах всеобщего мира, ввести в действие между их странами точные правила, определяющие агрессию, впредь до того, как эти последние станут общепризнанными,

---

* Имеется в виду токийская конференция по КВЖД. См. прим. 136.

** См. также док. № 213, 218.

*** См. т. IX, док. № 271.

решили в этих целях заключить настоящую Конвенцию и надлежащим образом уполномочили для того:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик: г. Максима Литвинова, Народного Комиссара по Иностранным Делам;

Президент Литовской Республики: г. Вайловаса Сидзикаускаса, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра в Лондоне, которые согласились о следующих постановлениях:

Статья первая

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется руководствоваться в своих отношениях с другой, начиная со дня вступления в силу настоящей Конвенции, определением агрессии, как оно было формулировано Комитетом безопасности Конференции по сокращению и ограничению вооружений в результате предложения, внесенного Советской Делегацией.

Статья II

В соответствии с этим будет признано нападающим в международном конфликте, без ущерба для соглашений, действующих между сторонами, участвующими в конфликте, Государство, которое первое совершит одно из следующих действий:

1. Объявление войны другому Государству;

2. Вторжение своих вооруженных сил, хотя бы и без объявления войны, на территорию другого Государства;

3. Нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы и без объявления войны, на территорию, на суда или на воздушные суда другого Государства;

4. Морскую блокаду берегов или портов другого Государства;

5. Поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого Государства, или отказ, несмотря на требование Государства, подвергшегося вторжению, принять, на своей собственной территории, все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства.

Статья III

Никакое соображение политического, военного, экономического или другого порядка не может служить извинением или оправданием агрессии, предусмотренной в статье II (в качестве примера смотреть Приложение).

Статья IV

Настоящая Конвенция будет ратифицирована Высокими Договаривающимися Сторонами соответственно законодательству каждой из них.

Она вступит в силу немедленно после обмена ратификационными грамотами, каковой состоится в Москве.

В удостоверение чего, названные выше Уполномоченные подписали настоящую Конвенцию и приложили к ней свои печати.

Учинено в Лондоне, в двух экземплярах на французском языке, 5 июля тысяча девятьсот тридцать третьего года.

Максим Литвинов
Вацловас Сидзикаускас

Приложение к статье III Конвенции относительно определения агрессии

Высокие Договаривающиеся Стороны, подписавшие Конвенцию относительно определения агрессии,

желая дать некоторые указания, позволяющие определить нападающего, причем определенно оговорено, что безусловная сила правила, установленного в статье III названной Конвенции, ни в чем не ограничивается,

констатируют, что никакой акт агрессии в смысле статьи II названной Конвенции не может быть оправдан, между прочим, одним из следующих обстоятельств:

А. Внутреннее положение Государства,

например,

его политический, экономический или социальный строй; недостатки, приписываемые его управлению; беспорядки, проистекающие из забастовок, революций, контрреволюций или гражданской войны.

Б. Международное поведение Государства,

например,

нарушение или опасность нарушения материальных или моральных прав или интересов иностранного Государства или его граждан; разрыв дипломатических или экономических отношений; меры экономического или финансового бойкота; споры, относящиеся к экономическим, финансовым или другим обязательствам перед иностранными Государствами; пограничные инциденты, не подходящие ни под один из случаев агрессии, указанных в статье II.

Высокие Договаривающиеся Стороны, с другой стороны, соглашаются признать, что настоящая Конвенция ни в коем

случае не должна будет служить оправданием нарушений международного права, которые могли бы содержаться в обстоятельствах, указанных в приведенном выше перечислении.

Максим Литвинов
В. Сидзикаускас

Печат. по дох. Опубл. в «Собрании законов...», отд. II, № 30, 31 декабря 1933 г., стр. 253—259.

Конвенция ратифицирована ЦИК СССР 17 августа 1933 г. и президентом Латвии — 20 ноября 1933 г.

Обмен ратификационными грамотами состоялся в Москве 14 декабря 1933 г.

221. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

5 июля 1933 г.

1. Альфан сказал, что, прочитав сообщения в газетах о заключенных в Лондоне конвенциях*, он решил пойти поздравить меня и попросить информацию об обстоятельствах подписания этих конвенций. Его очень удивляет, и он просит разъяснить ему, почему, собственно, подписано две конвенции, а не одна конвенция.

Я рассказал историю переговоров о заключении конвенций и, в частности, отметил ультимативный отказ Польши подписать конвенцию, в которой участвовало бы хоть одно государство, не являющееся непосредственным соседом СССР. Я привел также данное мне Лукасевичем объяснение польской позиции **.

Альфан слушал с большим любопытством, а когда я кончил, сказал, что это очень странное объяснение, и спросил меня, верю ли я этому объяснению.

Когда я сказал, что не верю, Альфан сказал: «И я тоже (муа нон плю)». Я указал, что польское объяснение вызывает у меня сомнение. Вопрос об агрессоре обсуждался не в Лиге наций, а на конференции по разоружению, причем был уже решен в положительном смысле значительным большинством голосов в Генеральной комиссии ***. Никакой нелояльности в отношении кого бы то ни было со стороны Польши не было, если бы она подписала конвенцию, к которой могли бы присоединиться любые другие государства. Мне особенно

* См. док. № 213, 218.
** См. док. № 199, 201.
*** См. док. № 162.

непонятно то, что Польша столь решительно отвергла участие в конвенции Югославии и Чехословакии, причем Чехословакия имеет больше оснований участвовать в региональном соглашении с Польшей, чем, например, Афганистан.

Альфан с чувством сказал, что это совершенно верно и что позиция Польши требует выяснения. «Мы еще не знаем всех фактов»,— прибавил он с ударением. Потом он спросил, почему под конвенцией нет подписи Литвы.

Я сказал, что Польша также в ультимативной форме отклонила ее участие. Об этом приходится особенно сожалеть с точки зрения интересов мира, так как польско-литовские отношения представляют один из серьезных элементов беспокойства в Европе. С точки зрения формальной Польша, давшая согласие на участие в конвенции Персии и Афганистана, не должна была отклонять участие в региональной конвенции Литвы, которая является ее соседом и расположена между Польшей и СССР.

Альфан сочувственно с этим соглашался и опять сказал, что все это очень странно. «Мы не знаем всех фактов»,— повторял он несколько раз.

Я сказал, что позиция Польши к нам показалась странной, однако, поставленные перед альтернативой — уступить ее требованиям и подписать две конвенции или расстроить всю эту акцию,— мы, конечно, выбрали первые. Не ясна еще позиция Финляндии *. По полученным нами сведениям, на нее оказывают давление Англия и особенно Германия с целью удержать ее от подписания конвенции. Вообще за последнее время, прибавил я, в Финляндии наблюдается усиление активности Германии.

Альфан сказал, что ему это известно.

2. Альфан говорил о большом значении подписанных нами в Лондоне конвенций и выражал свое удовлетворение по этому поводу.

Мы заговорили о перспективах принятия нашего определения агрессора всеми странами, и я высказал сомнение в том, что это определение будет принято в Женеве, указывая на позицию Англии, Японии и отчасти Америки.

Альфан задумчиво сказал: «Да, ваше определение стеснительно (женан) для Англии...» ** И потом неожиданно, после небольшой паузы, прибавил: «И, может быть, и для Франции».

Когда я выразил удивление, он невнятно пояснил, что ему не нравится та часть нашего определения, где говорится о недопустимости ввода войск даже при нарушении прав граж-

---

* См. подстрочное прим. на стр. 392.

** *Многоточие документа.*

дан. Он говорил это нехотя и неясно и что-то пробормотал о том, что Франция в этом вопросе должна учитывать позицию Англии.

Говоря о большом значении нашего определения агрессора, Альфан сказал, что это, однако, лишь первый шаг и что этого недостаточно. Начатое нами дело не будет полным и реальным, если мы не заключим с другими государствами договоров об арбитраже. Ему известна наша позиция в этом вопросе, и он ее понимает. Однако он думает, что мы постепенно изменим свое отношение к арбитражу. Тут он много говорил о практике арбитража, ссылаясь на свой большой опыт в этом деле. Он полагает, что арбитраж целесообразен в особенности в тех вопросах, где помимо материальных интересов затронут престиж, а эти вопросы наиболее сложны и тяжелы. Он соглашался также с большим значением согласительной процедуры и сказал, что ему наша концепция ясна и что она представляется ему интересной. Он полагает, что мы постепенно перейдем к сознанию неизбежности арбитража, ибо без него все то, что мы делаем для обеспечения мира, в конце концов не ведет к цели. Никакие конвенции не помогут нам против агрессивных государств, если у нас не будет возможности обратиться к инстанции, которая смогла бы в обязательном порядке заняться конфликтом и его разрешить. В сущности, что дают материально заключенные нами конвенции об агрессоре? Кто будет судьей в случае нарушения этих конвенций кем-либо из их участников?

Я: «Общественное мнение всего мира».

Альфан: «Общественное мнение! Что это такое! Его делает пресса. А прессу мы знаем. У вас она выражает хоть взгляды правительства. А чьи взгляды отражает она у нас, во Франции? Взгляды тех, кто платит. Я расскажу Вам один случай, на который прошу не ссылаться. Один раз я вел переговоры с Румынией. В интересах Франции я хотел дать в нашу прессу коммюнике. Однако оно появилось только в двух газетах. Большая пресса не захотела его опубликовать. Оказалось, что она уже была оплачена румынами. Заметьте, что коммюнике было послано министерством. Вот что такое общественное мнение!»

Я сказал, что мне известны нравы французской прессы и припомнил разоблачения Жореса. Тем не менее общественное мнение существует, и оно, конечно, будет судьей, если кто-нибудь из участников подписанных в Лондоне конвенций все же нападет на нас или на другого участника этих конвенций.

3. Альфан сказал, что он не согласен и что мы должны сделать дальнейшие шаги. Мы должны вообще занять наше место в мировой политике, и мы по этому пути в сущности уже идем. Он вспоминает первые выступления М. М. Литвинова в

Женеве и ироническое отношение к нему в аудитории. Теперь к М. М. Литвинову прислушиваются, и значение СССР сильно выросло по сравнению с тем временем. Он уверен, что развитие пойдет и дальше в этом направлении. Нормализация отношений с Францией — только начало. Нужно стремиться к «согласию (антант) между Францией, СССР и Англией». 30 лет тому назад Франция также считала в интересах обеспечения мира очень важным достигнуть соглашения между Россией и Англией, несмотря на существовавшие между ними противоречия. Ведь в сущности даже и франко-английская Антанта носила очень неконкретный характер, и Англия вступила в войну не на основании конкретных обязательств. Политика Англии является очень своеобразной. Она, в сущности, всегда стремится поддерживать второе или вторые по силе государства европейского континента против наиболее могущественной континентальной державы. До войны таковым государством была Германия, и Англия поддерживала Францию. Теперь в Англии сильна тенденция поддерживать Италию и отчасти Германию, поскольку наиболее могущественной державой является Франция. Отношения с Англией имеют решающее значение для Франции, ибо, по существу, если между ними имеется полная договоренность, никто не может нарушить мира в Европе. Из этого значения для Франции ее отношений с Англией вытекает желание Франции улучшить также и англо-советские отношения. Она приветствует урегулирование нашего конфликта с Англией * и в интересах углубления франко-советских отношений желает дальнейшего улучшения наших отношений с Англией.

Я сказал, что мы также к этому стремимся, но это объективно гораздо труднее, чем с Францией, в отношении которой мы не имеем противоречивых ей интересов ни в одной области. Другое дело — Англия, которая считает нас своим врагом в Азии, несмотря на то что у нас нет никаких стремлений к экспансии за пределы наших территорий.

4. Альфан, говоря об отношениях Франции с Англией и о тенденции Англии поддерживать Италию и Германию, шутя сказал, что это, впрочем, неопасно ввиду тех глупостей, которые делают итальянцы и особенно немцы. Когда он не раз вел переговоры с Германией, он всегда советовал своим не очень торопиться, говоря, что чем дольше продолжаются переговоры, тем больше глупостей наделают немцы. Они и раньше не отличались умом в своей внешней политике, но то, что они делают теперь в отношении всех, в том числе и в отношении СССР, совершенно необыкновенно.

Я с этим согласился, напомнив, что помимо меморандума

---

* См. док. № 212.

Гугенберга * немцы умудрились оттолкнуть от себя южноамериканские государства, которые германский представитель на сессии Международного Бюро Труда называл «идиотскими», Скандинавские государства, которые какие-то национал-социалистские органы собираются присоединить к Германии, и, наконец, Турцию, против политики индустриализации которой неожиданно выступил в Лондоне Поссе. Немцы, сказал я, жалуются на то, что наша пресса возбуждает советскую общественность против гитлеровской Германии. Однако 100 лет так называемой большевистской пропаганды не могли бы достигнуть того эффекта, как один меморандум Гугенберга, после которого рабочие и крестьяне считают гитлеризм своим смертельным врагом.

Альфан сказал, что это очень верно и что то, что происходит в Германии, есть настоящий психоз, и так долго продолжаться не может, ибо нынешнее положение является серьезной угрозой миру в Европе.

5. Говоря о франко-советских отношениях, Альфан сказал, что во Франции произошел уже довольно большой перелом, но все же там очень мало знают СССР и все еще очень недостаточно интересуются отношениями с ним. Даже несмотря на происшедший перелом, отношениями с СССР в Париже занимаются очень мало. Он ставит одной из своих основных задач именно заинтересовать влиятельные круги во Франции проблемой отношений с СССР. Он не хочет идти по пути Эрбетта **, который чуть не за 7 лет своего пребывания в СССР всего два раза был во Франции. Он, Альфан, через 10 дней едет в Париж и думает, что часто будет наезжать туда, чтобы поддерживать личный контакт с влиятельными кругами. Рапортами ничего не достигнешь. Их почти никто не читает. Другое дело — устные беседы очевидца. Особенно он хочет поддерживать контакт с Эррио, с которым он долгое время работал вместе. Он еще не у власти и неизвестно, скоро ли он будет в правительстве, однако от него очень многое зависит. Очень важно, что сторонником сближения стал Даладье, который прежде относился иначе к этому делу. Это тоже крупный человек. Однако дело не только в самых крупных людях. Он, Альфан, не является «дипломатом карьеры» в настоящем смысле этого слова, поскольку он почти всю свою жизнь провел на внутренней работе во Франции. Он хорошо знает внутреннюю жизнь Франции и как делаются дела в парламенте. Это по существу «грязное дело». Нужно учитывать личные интересы не только отдельных парламентариев, но часто и их клиентов. Иногда здесь те или другие дела кажутся маленьк-

---

* См. док. № 189.

** Посол Франции в СССР в 1925—1931 гг.

кими и незначительными, однако при французских порядках они имеют большое значение. Заинтересованные лица воздействуют на парламентариев, а парламентарии — на правительство. Все это говорилось с большим убеждением и чувством, и в конце концов в порыве откровенности Альфан воскликнул: «Что вы хотите, если жалобщики на вас являются клиентами Поль-Бонкуров!» (Вообще из 2—3 замечаний во время беседы у меня получилось впечатление, что Альфан не является поклонником Поль-Бонкура.)

Так как разговор велся в очень дружественных тонах, я должен был, в меру осторожности, соглашаться в отдельных местах с Альфаном, а потом заметил, что, учитывая значение мелочей, нужно в то же время не упускать из виду различия режимов в СССР и Франции, из-за которого иногда невозможно здесь по какому-нибудь вопросу принять положительное решение, которое во Франции является само собой разумеющимся. И прежде всего, прибавил я, отдавая должное мелочам, не следует упускать из вида больших интересов, которые связывают наши страны. Дружба между нами покоится на таких солидных основах, как «география», о которой говорил посол при первом визите его ко мне, и симпатии между народами СССР и Франции. Это является залогом внутреннего развития наших отношений.

Альфан сказал, что он не упускает из виду больших линий и убежден, что в наших отношениях можно будет еще многого добиться. Он хотел бы только, чтобы мы уступчивостью в мелочах, которые имеют столь большое значение в Париже, облегчали ему работу по большим вопросам наших отношений.

Я сказал, что он убедится в самом дружественном к нему отношении со стороны НКИД и что я не сомневаюсь в том, что он будет иметь на этом посту крупные успехи.

Вся беседа носила дружественный, а местами и сердечный характер. Вопреки ожиданиям, Альфан ни словом не коснулся злободневных вопросов, как консульские сборы [170] и т. п.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

222. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Парижа*

6 июля 1933 г.

В беседах с Бонкуром и Даладье сегодня подчеркивалось значение подписанных в Лондоне конвенций ** и сочувствие к

* М. М. Литвинов находился в Париже проездом из Лондона, где он возглавлял советскую делегацию на Международной экономической конференции.

** См. док. № 213, 218, 220.

ним Франции. Мои собеседники обещали обсудить серьезно вопрос о присоединении ко второй конвенции, хотя Бонкур оговаривался, что придется считаться с их отношениями с Великобританией. Мы с Довгалевским указывали на необходимость скорейшего окончания экономических переговоров, и Даладье от имени правительства обещал довести переговоры до конца к 14 июля, но такие обещания он уже раньше давал. Говорил также о взаимной информации, причем Даладье высказал опасение, не связаны ли мы также обещанием с Германией и не будем ли мы обязаны передавать получаемую информацию Германии, на что я ответил, что это не в наших интересах. Бонкур поручит Леже подработать формулу [171]. Он же говорил о желательности дальнейшего сближения и об увеличении с каждым днем общих интересов, намекая на антисоветскую политику Германии. Он предлагал согласованно выступать в Женеве, не допустить вооружения Германии и ограничить приостановкой нынешнее вооружение с последующим контролем на определенное количество лет, с тем чтобы перейти к сокращению вооружений в случае эффекта этого контроля. «Пакт четырех» интересен для Франции только как средство сближения с Италией, над чем французские дипломаты теперь работают. Очевидно, есть стремление оттянуть от Германии Италию, чтобы окончательно ее изолировать. Бонкур и Даладье неодобрительно отзывались о пересмотре политики Польши и намекали на какие-то польско-германские переговоры [172], причем Даладье говорил еще определеннее о поощрении Германией польских мечтаний, давая этим понять, что речь опять идет об Украине. Бонкур приветствовал наше сближение с Малой Антантой и считает, что следующей фазой должно быть восстановление отношений, чему Франция готова содействовать. Я говорил Даладье, что, желая мира в Европе, нельзя относиться безучастно к событиям в Азии, где любой конфликт может быть использован Германией и другими для создания затруднений в Европе, с чем Даладье соглашался, одобряя нашу политику терпения и миролюбия перед лицом японских провокаций. Завтра увижу Бонкура и других членов правительства на завтраке в полпредстве [173].

Литвинов

Печат. по арх.

223. Речь Полномочного Представителя СССР в Персии С. К. Пастухова при вручении верительных грамот Шаху Персии Реза-шаху Пехлеви

6 июля 1933 г.

Ваше Величество,

Дружественные отношения между Союзом Советских Социалистических Республик и Персией, счастливо установлен-

ные договором 1921 г. *, получившим дальнейшее развитие в пакте 1927 г. о нейтралитете, ненападении и неучастии во враждебных группировках **, а также в ряде других договоров и соглашений, базировались на общности интересов обеих сторон по охране и укреплению мира, как необходимого условия для успешного внутреннего развития обеих сторон.

Результаты мирной политики Советского Союза и Персии чрезвычайно велики. Те грандиозные успехи, которые сделаны как Советским Союзом, так и Персией в области их внутреннего строительства, являются блестящим подтверждением правильности этой политики. Задача по укреплению всеобщего мира и по дальнейшему развитию мирного сотрудничества между Советским Союзом и Персией является в настоящее время особенно важной.

Будучи облечен высоким доверием моего Правительства представлять интересы Советского Союза в Персии, я приложу все свои усилия для укрепления и дальнейшего развития дружественных отношений между нашими странами.

Развитие и укрепление взаимного доверия и устранение всего того, что мешает взаимному пониманию высоких сторон, будет являться моей первейшей обязанностью.

Вручая Вашему Величеству верительные грамоты, коими Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик аккредитует меня в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла при Вашем Величестве, а также отзывные грамоты моего предшественника, г. Петровского, я позволяю себе выразить надежду, что при выполнении возложенной на меня высокой миссии я встречу доверие Вашего Величества и всемерное содействие со стороны персидского Правительства.

Печат. по арх.

В ответной речи Реза-шах Пехлеви заявил:

«Господин Посол,

Мы принимаем грамоты ЦИК СССР, гласящие о представлении Вас в качестве Посла при нашем дворе, вместе с отзывными грамотами Вашего предшественника. Ваши заявления об основе политики Правительств Персии и СССР, которая, к счастью, зиждется на мире, и особое значение этой политики, на которое Вы указали, вполне соответствует нашим пожеланиям. Вызывает радость и удовлетворение то, что Вы для проявления доброго намерения считаете первым долгом Вашей миссии приложение усилий к упрочению и увеличению доверия между Правительствами и устранению факторов, могущих создать недоразумения в дружественных отношениях. Мы надеемся, что усилия, которые Вы будете прилагать к осуществлению этой цели, увенчаются успехом и в соответствии с нашим пожеланием будут созданы предпосылки к укреплению и упрочению добрых

---

* См. т. III, док. № 305.

** См. т. X, док. № 225.

взаимоотношений между Правительствами Персии и СССР. Вы можете быть уверены, что для успешного выполнения возложенной на Вас важной миссии Вы будете встречать мою поддержку и содействие персидского Правительства».

224. Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителям печати

7 июля 1933 г.

Париж, 7 июля. (ТАСС). Тов. Литвинов передал сегодня представителям печати следующее заявление:

«Чтобы понимать внешнюю политику Советского Союза, необходимо знать, что ее осью всегда был и есть мир. Не имея никаких империалистических целей, не имея решительно никаких вожделений на новые территории вне своих установленных границ, считая нежелательным и противоречащим своим основным принципам подчинение себе других народов и твердо стоя на базе их полной независимости, Советский Союз не может ничего выиграть от войны, и этого одного достаточно для того, чтобы он войну избегал. К этому надо прибавить, что наибольшие жертвы в войне приходится приносить трудящимся, и, оберегая мир, Советский Союз остается на страже интересов всех трудящихся.

Вряд ли можно сомневаться в том, что при нынешних международных отношениях никакая война, на каком бы континенте она ни возникла, не сможет быть локализована и что почти никакая страна не может быть уверена в том, что она не будет вовлечена в войну, ею не начатую. Советский Союз поэтому заинтересован не только в том, чтобы сохранить свои собственные мирные отношения с другими государствами, но и в сохранении всеобщего мира.

Для тех, кто усвоил себе эти основные положения советской политики, не должно быть поэтому ничего удивительного и неожиданного в тех или иных дипломатических шагах Советского правительства, продиктованных этими положениями.

Мы всегда приветствовали и поддерживали любые начинания других государств, совпадавшие со стремлением Советского Союза к миру. Более того, мы считали международное положение в последние годы столь осложненным, запутанным и чреватым опасностями, что при возникновении таких начинаний мы руководствовались принципом «что делаешь, делай скорее». Так, в свое время мы не только присоединились немедленно к пакту Бриана — Келлога, но и ввели его в действие между нами и ближайшими соседями задолго до его вступления в силу между другими государствами *. Таким же

* См. т. XII, док. № 88.

образом, убедившись в медлительности и трудности прохождения нашего предложения об определении агрессии в Женеве, мы поспешили сделать это определение предметом соглашения между нами и теми странами, которые этого пожелали *. Мы рассчитываем на дальнейшее присоединение других государств к заключенным нами конвенциям.

Мы рады констатировать, что мирная политика Советского Союза находит все большее и большее понимание во Франции. Внешним проявлением этого понимания явились подписание, а затем ратификация франко-советского пакта о ненападении **. Мы также рады отметить, что успешно закончившиеся наши дальнейшие шаги к укреплению мира между СССР и ближайшими странами встречены сочувственно французским правительством и политическими кругами, как они, вероятно, будут встречены всеми сторонниками мира. Это обстоятельство послужит дальнейшему росту взаимного понимания между нашими странами.

От действующих или полупотухших международных конференций можно ожидать, по-видимому, весьма проблематичных результатов.

А чем меньше надежд можно возлагать на них, тем больше усилий должно быть направлено к общению между государствами, заинтересованными в сохранении мира и политического спокойствия и в избежании международных авантюр.

Мы не являемся сторонниками политических группировок в смысле противопоставления агрессивности одних группировок агрессивности других. Мы хотим поддерживать наилучшие отношения со всеми государствами, которые ничего не замышляют против интересов нашего государства и мирная политика которых совпадает с нашей собственной политикой.

Ни наши политические, ни наши экономические интересы не сталкиваются с интересами Франции ни в одном пункте земного шара, и нет поэтому, на наш взгляд, никаких препятствий к дальнейшему сближению как политическому, так и экономическому. Я рад был представившемуся мне случаю лишний раз изложить эти взгляды выдающимся руководителям французской внешней политики ***, с которыми я уже имел удовольствие встречаться раньше. Мне доставило большое удовольствие посещение Франции, страны, о которой я сам и мои товарищи по эмиграции всегда вспоминают с большой любовью и симпатией».

Печат. по газ. «Известия» № 170 (5191), 9 июля 1933 г.

---

* См. док. № 213, 218, 220.
** См. т. XV, док. № 456.
*** См. док. № 222.

225. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка с Королем Афганистана Мухаммедом Надир-шахом

7 июля 1933 г.

5 июля, в 5 часов дня, полпред СССР т. Л. Н. Старк был принят королем Надир-шахом во дворце Делькуша.

В начале разговора Надир-шах много говорил о том впечатлении, которое произвело все сделанное Советским правительством при перевезении через СССР тела убитого сардара Мухаммеда Азиз-хана [174]. Надир-шах просил т. Старка передать, как лично от него, так и от правительства Афганистана и афганского народа, глубочайшую и сердечную признательность Советскому правительству. Он заявил при этом, что все это никогда не будет забыто. Независимо от сказанного Надир-шах особо благодарил лично т. Старка, заявив, что он уверен, что пребывание т. Старка в этот момент в Москве особенно способствовало такому проявлению внимания со стороны правительства СССР. Попутно Надир-шах заметил, что он думает, что поездка т. Старка в Москву, несомненно, будет иметь весьма желательное благоприятное отражение во взаимоотношениях обоих государств.

Отвечая Надир-шаху, т. Старк сказал, что правительство СССР, придавая проводам тела сардара Мухаммеда Азиз-хана торжественный характер, желало выразить свое сочувствие лично Надир-шаху, а также особо подчеркнуть свое дружественное отношение к Афганистану и его правительству. Тов. Старк очень рад, что это, по-видимому, понято в Кабуле.

В ответ на это Надир-шах снова заявил, что он до глубины сердца тронут отношением правительства СССР; он надеется также, что все, имевшее место в связи со смертью Мухаммеда Азиз-хана, не останется лишь изолированным выражением внимания со стороны правительства СССР по данному случаю, но послужит исходной точкой для того, чтобы сдвинуть с места наши взаимоотношения в сторону их решительного улучшения. Он находит утешение в мысли о том, что его убитый брат, бывший ранее афганским послом в Москве, оказал после своей смерти услугу своей стране в смысле сближения Афганистана с СССР.

— Признакам этого сближения я чрезвычайно рад и придаю им огромное значение, так как считаю, что приближается уже время, когда Афганистан и СССР должны будут быть в тесном союзе для достижения своих целей. Это не есть только мой личный взгляд или желание, этого требуют жизненные интересы Афганистана, это требуется для достижения его национальных целей. Я знаю, что о нынешнем афганском правительстве говорят, будто бы оно имеет весьма близкие отноше-

ния с Англией. Это неверно. Я много раз Вам об этом говорил, и повторяю теперь, что придет время, и, может быть, скоро, когда Вы в этом убедитесь на деле, а не на словах. Вы, вероятно, знаете, что происходит сейчас в Вазиристане и в Баджауре. Всякому известно, кто подготавливает все это, чтобы посеять рознь и вражду между Афганистаном, т. е. его правительством, и племенами. Поэтому я еще раз повторяю, что Афганистану необходимо сближение с СССР, этого требуют афганские интересы. Что мы этого действительно хотим, подтверждением может служить, между прочим, предстоящее окончание постройки автомобильной дороги на Мазари-Шериф через Деррен-Шикари, которую мы, несмотря на все трудности, доводим теперь до конца. Мы придаем этой дороге первостепенное значение, не только экономическое, но и политическое, так как она будет непосредственно связывать нас с СССР.

В дальнейшей беседе Надир-шах расспрашивал т. Старка о Москве, о здоровье тт. Калинина, Молотова, Карахана и других членов правительства, а также выражал свое удовлетворение тем, что т. Старк возвратился в Кабул.

В конце беседы Надир-шах выразил надежду, что в дальнейшем он будет еще иметь случай поговорить с т. Старком на деловые темы, в частности по общим вопросам афганской и международной политики и взаимоотношений Афганистана и СССР.

[Записал] Советник полпредства СССР в Афганистане
Э. Рикс

Печат. по арх.

226. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Италии Сувичем

8 июля 1933 г.

Беседа происходила в МИД. Предметом ее явилось следующее.

1. Вопрос об итало-советском пакте. 2. Лондонские конвенции об определении нападающей стороны.

Вопрос об итало-советском пакте. Полпред ознакомил Сувича с решениями, принятыми в Москве по вопросу об итало-советском пакте*. При этом было отмечено, что вопрос об этом пакте, поставленный главою итальянского правительства при беседе его с полпредом 28 мая**, Советское правитель-

* См. док. № 188.
** См. док. № 166.

ство в принципе разрешило положительно, что полпреду даны надлежащие полномочия вести в Риме переговоры о пакте и что при встрече с Муссолини он вручит ему проект пакта как базу для вышеуказанных переговоров *.

Сувич ответил, что от т. Литвинова, с которым он виделся в Лондоне, он уже знает о решениях, принятых в Москве по вопросу об итало-советском пакте. Он очень рад, что полпреду даны полномочия немедленно приступить к переговорам на основе проекта, выработанного в Москве. Он убежден, что эти переговоры дадут в ближайшее время ожидаемый положительный результат, ибо с обеих сторон имеется искреннее желание осуществить акт, закрепляющий дружественные отношения и политическое сотрудничество СССР с Италией. Он должен сообщить полпреду, что глава правительства, выехавший 4 июля на морские маневры, заявил ему, что немедленно по возвращении примет полпреда. Сегодня Муссолини ожидается в Риме, и, вероятно, завтра или послезавтра полпред получит у него аудиенцию.

Лондонские конвенции. В дальнейшей части беседы Сувич поставил вопрос о Лондонских конвенциях, заключающих в себе определение нападающей стороны.

Сувич заметил, что для него вполне понятно значение конвенции, заключенной СССР с лимитрофами и создающей на протяжении большей части внешних границ Союза нейтральную зону, обеспечивающую Страну Советов против какого-либо нападения **. Несколько более сложным представляется для Сувича вопрос о значении аналогичной конвенции, заключенной Союзом с Малой Антантой при участии Турции ***. Прежде всего ему хотелось бы знать, является ли эта конвенция формальным признанием со стороны Союза нового статута Малой Антанты как межгосударственного тройственного образования[47]. Далее его интересует вопрос, правильна ли та интерпретация Лондонских конвенций, в частности той, которая заключена между СССР, Турцией и Малой Антантой, будто бы эти договоры демонстративно противопоставляются «пакту четырех», создавая на востоке Европы некоторый блок государств в противовес соглашению четырех великих держав Запада.

Полпред ответил, что в Лондонской конвенции, заключенной Советским Союзом со странами Малой Антанты, нет никакого упоминания о формальном признании Страною Советов нового статута консолидированной Малой Антанты. Правительства Чехословакии, Румынии и Югославии, подписывая эту конвенцию с СССР, выступают совершенно самостоятельно,

* См. док. № 230.
** См. док. № 213.
*** См. док. № 218.

каждое в отдельности. Турция приняла участие в той же конвенции потому, что последняя в отличие от однородного соглашения, заключенного Союзом с лимитрофами, представляет собою договор не регионального, а широкого международного характера, возможность присоединения к которому открыта для любого государства. Турция в Женеве первая поддержала предложение советской делегации об определении нападающей стороны, и совершенно естественно, что она присоединилась к Лондонской конвенции, облекающей эти предложения в форму договора широчайшего интернационального значения.

[Потемкин]

Печат. по арх.

227. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полиомочному Представителю СССР в Италии В. П. Потемкину

9 июля 1933 г.

Можете повторить Муссолини, что, заключая Лондонские конвенции, мы не имеем в виду противопоставлять их «пакту четырех», а стремились сделать дальнейший шаг по пути обеспечения всеобщего мира. Вместе с тем можете выразить удивление в осторожной форме, что итальянское правительство, не привлекши нас к «пакту четырех», считает возможным выражать беспокойство по поводу заключенных нами конвенций, о которых мы своевременно поставили итальянское правительство в известность и которые открыты для присоединения итальянского правительства *.

Крестинский

Печат. по арх.

228. Телеграмма Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Председателю Совета Министров Монгольской Народной Республики Гендуну

10 июля 1933 г.

В связи с 12-летней годовщиной независимости Монгольской Народной Республики Совет Народных Комиссаров Союза ССР шлет поздравление Правительству Монгольской Народной Республики и монгольскому народу. Совнарком Союза выражает горячее пожелание Правительству Монгольской На-

---

* См. док. № 226, 230.

родной Республики и монгольскому народу добиться дальнейших успехов в деле улучшения материального благосостояния и поднятия культурного уровня аратских масс.

Совнарком СССР уверен, что Монгольская Народная Республика, как и прежде, будет неуклонно крепить свою дружбу с Союзом Советских Социалистических Республик, твердо будет стоять на позиции антиимпериалистической борьбы и будет охранять свою национальную независимость.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР
В. Молотов (Скрябин)

Печат. по арх.

229. Заявление советской делегации на Мировой экономической конференции

10 июля 1933 г.

Лондон, 10 июля. (ТАСС). Сегодня на заседании Бюро Мировой экономической конференции заместитель председателя советской делегации т. Межлаук вручил председателю конференции Макдональду письменное заявление от имени советской делегации. Заявление гласит:

«В связи с проработкой в настоящее время повестки дня для работ Мировой экономической конференции на ближайшее время делегация СССР отмечает необходимость включения в эту повестку вопросов, внесенных этой делегацией и подлежащих, по ее мнению, обсуждению на конференции при всех условиях, независимо от того, каково будет окончательное решение по вопросу об объеме ближайшей программы работ конференции.

Очевидно, что конечной задачей и целью конференции является известное улучшение существующего экономического положения, расширение производства, вызванное увеличением платежеспособного спроса, рассасывание мировых запасов, развертывание международной торговли, каковые явления будут иметь своим следствием повышение оптовых цен. С этой точки зрения важнейшим вопросом порядка дня конференции должна явиться проблема, поставленная в речи Председателя советской делегации Литвинова *, сообщившего об имеющихся возможностях расширения советского импорта при определенных условиях и рекомендовавшего другим делегациям следовать по тому же пути, сообщая о возможностях расширения импорта в их страны.

---

* См. док. № 178.

В различных выступлениях советской делегации * уже неоднократно указывалось, что воспрещение и прекращение методов экономической войны являются тем минимумом гарантий, который необходим для известного оздоровления нынешних международных взаимоотношений, столь тяжело пораженных фактом повсеместного распространения этих войн. В связи с этим представляется существенно необходимым обсуждение советского проекта пакта об экономическом ненападении **.

Таким образом, советская делегация предлагает, независимо от тех решений, которые будут приняты об объеме порядка дня конференции, включить в этот порядок дня при всех условиях следующие вопросы:

1) Пакт об экономическом ненападении.

2) Вопрос о расширении импортных возможностей отдельных стран и об условиях, при которых осуществимо это расширение».

Печат. по газ. «Известия» № 173 (5109), 11 июля 1933 г.

230. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина с Председателем Совета Министров Италии Муссолини

10 июля 1933 г.

Беседа состоялась в палаццо Венеция в 18 час. 30 мин. Ее предметом явился итало-советский пакт.

Полпред информировал Муссолини о том приеме, который встретили в Москве сообщения полпреда о беседе с главою итальянского правительства, имевшей место 28 мая ***.

Полпред отметил, что Советское правительство с полным удовлетворением приняло ту характеристику итало-советских отношений, которую дает глава итальянского правительства, квалифицирующий эти отношения как «сердечные». Точно так же удовлетворено оно и заверениями Муссолини, что «пакт четырех» не будет использован его участниками как орудие политики, направленной против интересов Советского Союза. Мысль, высказанная главою итальянского правительства полпреду относительно желательности и полезности заключения политического пакта между СССР и Италией, встречает со стороны Советского правительства полное сочувствие. Оно

---

* См. док. № 208, а также выступление И. М. Майского в подкомиссии по торговой политике 7 июля 1933 г.; опубл. в кн.: «СССР на Мировой экономической конференции», стр. 40—41.

** См. док. № 187.

*** См. док. № 166.

принимает предложение начать переговоры по этому вопросу и снабдило полпреда соответствующими полномочиями. Ему же оно поручило представить главе итальянского правительства проект будущего итало-советского пакта как основу для предстоящих переговоров.

Если, по мнению главы итальянского правительства, итало-советский пакт, дополняющий советско-французский и советско-германский договоры *, должен содействовать нейтрализации известных опасений, внушаемых Советскому Союзу «пактом четырех», то, со своей стороны, полпред считает, что тот же пакт должен послужить для самой Италии прямым доказательством неизменности той дружественной политики, которой следует СССР в отношении Италии. Всем известно, что за последнее время направление внешней политики Советского Союза в Европе претерпело некоторые изменения. Эти изменения обусловлены в значительной мере той позицией, которую заняло в отношении СССР национал-социалистское правительство Германии. Советское правительство менее всего было бы расположено подвергать радикальному пересмотру свои взаимоотношения с Германией, которые до недавнего времени были проникнуты духом дружественного сотрудничества. К своему сожалению, оно вынуждено констатировать, что правительство Гитлера проводит в отношении СССР такую политику, которая не может не внушать Советскому Союзу вполне определенных опасений. Это, естественно, заставляет Советское правительство искать внешнеполитических гарантий, более или менее обеспечивающих ему возможность мирного существования и дальнейшего спокойного развития своего внутреннего строительства. Это не означает, однако, что Советское правительство склонно изменять свое отношение к Италии, хотя последняя и является в настоящее время ближайшим партнером Германии в области внешней политики. Итало-советский пакт должен явиться для Италии лучшим доказательством желания СССР не только сохранить, но еще более упрочить дружественное сотрудничество с нею в интересах обеих сторон и всеобщего мира.

Полпреду известно, что новые конвенции, подписанные в Лондоне между Союзом и его лимитрофами, а также странами Малой Антанты **, тенденциозно истолковываются некоторой частью международной печати как демонстративная акция, направленная против «пакта четырех», и в частности против Италии, явившейся инициатором этого соглашения четырех западных держав. Полпред уполномочен заявить Муссолини, что такое истолкование Лондонских конвенций представляется

---

* См. соответственно т. XV, док. № 456 и т. IX, док. № 141.
** См. док. № 213, 218, 220.

неправильным. Лондонские конвенции являются конкретным развитием принципов, лежащих в основе пакта Бриана — Келлога *. Они представляют собою практическую реализацию предложений, формулированных делегацией СССР в Женеве ** свыше 5 месяцев тому назад, т. е. много ранее начала переговоров о «пакте четырех», завязавшихся в половине марта текущего года. Наиболее авторитетное объяснение истинного смысла Лондонских конвенций можно найти в заявлениях, сделанных по данному вопросу представителям печати со стороны Литвинова ***. Там нет ни одного слова, оправдывающего вышеприведенную тенденциозную интерпретацию соглашений, только что заключенных Советским Союзом со своими соседями и со странами Малой Антанты. Полпред считает необходимым добавить, что конвенция, подписанная в Лондоне между СССР, Турцией и странами Малой Антанты, отнюдь не является замкнутым соглашением: она открывает полную возможность для любого государства присоединиться к этому международному договору. В этом заключается ее существенное отличие от «пакта четырех». Такое отличие, однако, не означает демонстративного противоположения. Ведь и участникам «пакта четырех» ничто не препятствует, если они пожелают, присоединиться к Лондонской конвенции.

Муссолини ответил, что он весьма благодарен полпреду за вышеизложенные сообщения, которые его удовлетворяют в полной мере. Он также считает, что нет никаких оснований противополагать Лондонские конвенции «пакту четырех». Ему понятно, почему известная часть европейской печати тенденциозно подчеркивает такое противоположение. В этом заинтересована преимущественно французская пресса, которую он считает «серьезнейшей опасностью» для мира. Эта пресса, в особенности ее органы, близкие к «Комитэ де форж» и к генеральному штабу, сеет недоверие и рознь между народами Европы. В отношении Советского Союза эта пресса проникнута непримиримой враждебностью. Вообще говоря, Советскому Союзу не следовало бы слишком доверяться дружественным проявлениям со стороны Франции. Страна алчных крестьян, скопидомов, рантье, насквозь буржуазная, Франция органически не может быть расположена к Советскому Союзу. Рано или поздно, но Советское правительство в этом убедится. Ему, Муссолини, совершенно точно известно, что несколько месяцев тому назад французский посол в Берлине Франсуа-Понсе предлагал Гитлеру заключить «военный союз» против СССР ****. Конечно, это не могло быть делом его личной ини-

* См. т. XI, док. № 298.
** См. док. № 32.
*** См. док. № 178, 214.
**** См. док. № 249.

циативы. Советскому Союзу необходимо учитывать подобные моменты, определяя основные линии своей внешней политики.

Муссолини огорчает и тревожит ухудшение взаимоотношений между Германией и СССР. Однако он не теряет надежды, что давление реальной обстановки образумит правительство Гитлера и вынудит его вернуться к тем принципам внешней политики Германии, которые установлены были в Рапалло и Берлине. Со своей стороны, итальянское правительство будет оказывать всяческое воздействие на Берлин, чтобы возможно скорее его образумить. Итало-советский пакт, по мнению Муссолини, явится для Германии серьезным предупредительным сигналом. Он напомнит Германии, что если бы она затеяла авантюру, направленную против Советского Союза, фашистская Италия ни в коем случае не поддержит ее и не последует за ней по этому гибельному пути.

Осведомившись у полпреда, имеется ли у него московский проект итало-советского пакта, и получив его текст, Муссолини внимательно прочел проект. Вслед за тем он высказал полпреду такие замечания:

1. Первые две статьи проекта не вызывают возражений. Они соответствуют тому, что намечалось и в предшествующих переговорах между Италией и СССР по вопросу о пакте.

2. 3-я статья обращает на себя внимание Муссолини своим негативным характером. Против нее тем не менее он не возражает. Он лишь ставит вопрос, не было ли бы целесообразно дополнить ее положительным указанием на обоюдное содействие развитию итало-советского экономического сотрудничества.

3. 4-я статья представляется Муссолини наиболее важной. По-видимому, говоря об «организациях», где могут возникнуть тенденции и планы, направленные против одной из договаривающихся сторон, проект имеет в виду, например, Лигу наций или «пакт четырех». В принципе Муссолини не возражал бы и против этой статьи, обязывающей обе стороны противодействовать вышеуказанным тенденциям и планам. Однако в порядке предварительного замечания он ставит вопрос, не дополнить ли эту статью указанием, что предусмотренное ею противодействие тенденциям и замыслам, направленным против одной из сторон, осуществляется «после предварительного согласования» вопроса между обеими странами.

Полпред объяснил Муссолини, что предполагаемый пакт носит, по существу, негативный характер; таков смысл обязательств о ненападении, нейтралитете и т. д. 3-я статья представляет собою обязательство экономического ненападения. Тем не менее если Муссолини настаивает на своей мысли о ее дополнении положительным обязательством сторон содействовать развитию экономического сотрудничества между СССР и

Италией, то полпред может поставить этот вопрос перед своим правительством. То же самое относится и к предложенному Муссолини добавлению ст. 4-й.

Муссолини ответил, что свои замечания он высказал лишь в порядке предварительном. Он должен внимательнее ознакомиться с проектом пакта и передать его на заключение юристов МИД. Однако уже сейчас он может заявить полпреду, что в принципе принимает московский проект. Более того, он считает, что заключение пакта не следует откладывать. Желательно закончить переговоры в самом ближайшем времени.

Возвращаясь к вопросу о международном значении итало-советского пакта, Муссолини заявил, что заключение этого договора должно произвести в Европе впечатление, содействующее упрочению всеобщего мира. Было бы полезно уже сейчас подать сигнал о политических переговорах, начатых между Италией и СССР. Если полпред не возражает, то завтра в итальянской прессе Муссолини считал бы целесообразным *поместить следующее официальное коммюнике*: «Глава правительства принял посла СССР Потемкина, вернувшегося из Москвы, и имел с ним беседу, коснувшуюся проблем политического порядка».

Полпред заявил Муссолини, что не имеет никаких возражений против предложенной редакции коммюнике.

Беседа продолжалась около 50 минут.

[*Потемкин*]

Печат. по арх.

231. Беседа Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Премьер-Министром Финляндии Кивимяки

10 июля 1933 г.

Принимая во внимание, что сегодня должно состояться заседание правительства по вопросу о присоединении Финляндии к конвенции*, определяющей понятие нападающей стороны, я, по соглашению с торгпредом, решил поставить в известность председателя совета министров о предстоящих наших закупках сельскохозяйственных продуктов. Я выбрал для этой цели Кивимяки по следующим соображениям: во-первых, в прошлом разговоре со мной[175] именно Кивимяки уделил этому вопросу большое внимание; во-вторых, в этом же прошлом разговоре Кивимяки принял мою формулу взаимозависимости между экономическими и политическими отноше-

* См. док. № 213.

ниями наших стран и, наконец, в-третьих, я не хотел говорить на эту тему с Хакселем, чтобы прямо не ставить в зависимость наши предстоящие закупки и конкретно данную конвенцию. В этих условиях разговор с Кивимяки носил бы более общий характер, в особенности потому, что Кивимяки является премьер-министром и, следовательно, отвечает за политику правительства в целом. Для меня также важно укреплять непосредственные отношения с премьер-министром, в лице которого я могу в дальнейшем рассчитывать иметь известную опору, в случае того или иного сопротивления Хакселя.

Кивимяки меня тотчас же принял, как только я позвонил. Я начал с заявления, что мой сегодняшний визит непосредственно связан с прошлым разговором, во время которого премьер обратил мое внимание на необходимость усиления наших сельскохозяйственных закупок в Финляндии. В этом месте Кивимяки меня перебил, сказавши, что продолжение прошлого разговора тем более для него интересно, что как раз сегодня он получил из Выборгского района буквально вопли о помощи. Цены на сельскохозяйственные продукты продолжают падать, вывоза нет и помощи ждать неоткуда. В ответ на это я сказал следующее: усилия мои и торгпреда в интересующем Вас вопросе за последнее время увенчались успехом. Торгпред только что вернулся из Москвы с определенными практическими результатами. Я не могу в данный момент назвать Вам ни суммы, ни номенклатуры наших закупок, но, во всяком случае, речь идет о практических переговорах, которые торгпред намерен начать в ближайшие дни*. Премьер знает структуру нашего импорта и, следовательно, должен понять, что для нас закупка сельскохозяйственных продуктов является делом нелегким, требующим известных жертв с нашей стороны. Мы на эти жертвы идем в надежде, что они вызовут понимание и признание другой стороны и будут иметь соответствующие последствия.

Кивимяки горячо благодарил меня, во-первых, за сообщение по существу, а во-вторых, за то, что я это сообщение сделал ему. «Позвольте Вас уверить, что этот шаг с вашей стороны окажет, несомненно, благотворное влияние на улучшение наших общих отношений». Это уверение Кивимяки повторил в конце разговора.

Я сознательно не заговорил с Кивимяки относительно предстоящего решения правительства по поводу конвенции. Разговор перешел на вопрос о результатах выборов. Кивимяки доволен этими результатами, главным образом вследствие поражения лапуасцев. Его собственная партия, хотя и не увеличила числа мандатов, но зато увеличила число голосов,

---

* См. док. № 233.

поданных за нее. Относительно перспектив в вопросе о будущем правительстве сейчас трудно сказать. Сейм соберется лишь в сентябре, и тогда будет видно. Сам Кивимяки на днях уезжает в отпуск.

Полпред СССР в Финляндии
Б. Штейн

Печат. по арх.

232. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем

10 июля 1933 г.

Вернувшись от Кивимяки, я позвонил Хакселю (это было около 12 часов дня), дабы передать ему о своем разговоре с премьер-министром *. (Я не хотел, чтобы у Хакселя создалось впечатление моей конспирации против него.) Хакселя не оказалось в МИД. В 2 часа дня, как и было условлено неделю тому назад, Хаксель позвонил мне, сославшись на мой звонок. Я сказал, что сейчас же после визита к Кивимяки хотел и ему сделать то же сообщение, которое сделал премьер-министру, но его не было в МИД. Хаксель сказал мне, что заседание правительства уже состоялось, но что он сейчас едет к президенту с докладом и по возвращении немедленно позвонит мне и сообщит результаты.

Около 4 часов дня Хаксель действительно позвонил мне и сказал следующее: правительство решило подписать первую из заключенных в Лондоне конвенций **. При подписании мы формулируем некоторые наши резервы, которые, я уверен, большой роли для вас играть не будут. Я сейчас распоряжусь Вам сообщить все это официальной нотой. В ответ на заявление Хакселя, я попросил его подождать с нотой и прежде всего рассказать мне, о каких резервах идет речь, так как об этом первый раз слышу. Хаксель по телефону прочел мне французский текст резервов (при сем прилагается [176]). Прослушав их, я сказал, что согласно первому впечатлению эти резервы существенно меняют все дело и без директивы моего правительства я не смогу вообще дать никакого ответа по всему комплексу вопросов. Я не знаю также, какова будет процедура самого подписания, так как мне не известно, где находится в данный момент оригинальный текст договора. Однако эта техника является второстепенным делом, и прежде всего нужно

---

* См. док. № 231.
** См. док. № 213.

будет разрешить основной вопрос о судьбе резервов. Я сообщу об этом в Москву и до получения ответа прошу Хакселя ничего не предпринимать *.

Полпред СССР в Финляндии
Б. Штейн

Печат. по арх.

233. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем

11 июля 1933 г.

Я пригласил Хакселя на завтрак к себе. Пригласил также и торгпреда т. Непомнящего, дабы после завтрака совместно переговорнть об актуальных торговых отношениях между нами. Кроме Хакселя, Непомнящего и моей жены приняла участие в завтраке проезжавшая через Гельсингфорс т. Коллонтай. После завтрака и отъезда т. Коллонтай Хаксель просидел у меня еще часа полтора. Беседа (Хаксель, Непомнящий и я) касалась в основном вопроса о наших предстоящих закупках сельскохозяйственных продуктов. Хаксель проявил в этом вопросе живой интерес и несколько раз подчеркивал, что эти закупки будут иметь большой эффект в стране. При этом он дважды повторил, что важна не столько сумма закупок, сколько их регулярность. «Лучше купите меньше, но обеспечьте эти закупки по крайней мере на несколько месяцев». Тов. Непомнящий сообщил Хакселю примерную номенклатуру предстоящих закупок (переговоры с Валио начинаются завтра). Этой номенклатурой Хаксель остался доволен, но в свою очередь выдвинул предложение о закупке племенного скота. По его словам, положение с кормами отчаянное и крестьянство вынуждено будет ликвидировать тем или иным способом часть своего племенного скота. Продавать его некуда и, следовательно, придется резать на мясо, что явится глубоко нерациональным. Это отчаянное положение позволяет нам выгодно купить, причем он, Хаксель, берется вести переговоры с директором госбанка Рюти о кредитовании, и притом на приемлемых для нас условиях. Равным образом можно было бы договориться о подходящей для нас цене. Мы с т. Непомнящим выразили сожаление, что об этом предложении не было известно до последней поездки т. Непомнящего в Москву. По словам т. Непомнящего, контингенты на закупки племенного скота заполнены и теперь будет очень трудно что-либо сделать. Я спросил у Хакселя, какие сроки кредита он предусматривает. Хаксель ответил, что ему представляется годовой кредит, на

* См. док. № 233, 238, 239.

что т. Непомнящий сказал, что мы в Германии уже пользуемся 18-месячным кредитом при подобных закупках. Хаксель дал понять, что если бы согласились вообще на покупку, то можно было бы говорить и о других сроках. У нас с т. Непомнящим создалось впечатление, что можно было бы договориться о двухлетнем кредите, так как положение действительно весьма тяжелое.

В конце разговора мы коснулись вопроса о конвенции по определению агрессора. Хаксель сказал мне, что он, после разговора со мной (вчера) *, приостановил все движение дела и ожидает ответа Москвы**. Бывший сегодня в МИДе Хорват *** (говорил с ним не Хаксель, а Вальвание) заявил от имени Варшавы, что польское правительство возражает против финских резервов. Хаксель думает, что в этом случае финское правительство может заключить двустороннюю конвенцию с СССР. Не имея в этот момент ничего из Москвы, я тем не менее счел нужным от своего личного имени раскритиковать финские резервы. Я сказал Хакселю, что, по моему мнению, Финляндия слишком заманеврировалась и, идя на подписание данной конвенции, сохраняет за собой полную свободу действия для борьбы уже на второй день (смотри последний резерв) [176] против данного определения агрессии. Эта политика двойной перестраховки, конечно, не может вызвать нашего сочувствия. Хаксель довольно слабо возражал, отмечая, что финское правительство попыталось найти среднюю линию между теми, кто решительно возражал против присоединения к конвенции, и ее сторонниками. В числе первых был, между прочим, Эрих, с мнением которого в правительстве очень считаются. Хаксель очень просил меня держать его в курсе решения Советского правительства, что я и обещал.

На прощание Хаксель снова просил меня сделать все возможное для организации закупки племенного скота [177]. Забыл упомянуть, что когда он говорил о конвенции, он сказал, что в значительной мере моя личная энергия и настойчивость, проявленные в первой стадии разговора с финским правительством, повлияли на это решение. Не будь меня в Гельсингфорсе в это время, быть может, финское правительство вообще не проявило бы большого интереса к этой конвенции. Я отклонил этот комплимент, сказавши, что, по-моему, дело в общей обстановке и в правильно понимаемых интересах Финляндии.

Полпред СССР в Финляндии
Б. Штейн

Печат. по арх.

---

* См. док. № 232.
** См. док. № 238, 239.
*** Посланник Польши в Финляндии.

234. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем

12 июля 1933 г.

После окончания разговора по поводу конвенции * я сказал Хакселю, что хочу поговорить с ним по вопросу, который несколько затянулся вследствие того, что ни меня, ни Хакселя долгое время не было в Гельсингфорсе. Я имею в виду вопрос о военно-летной базе в Сердоболе **. 5 апреля Хаксель дал свои объяснения т. Позднякову [135]. Эти объяснения, к сожалению, ни в какой мере не удовлетворяют Москву, которая считает, что наличие летной базы в Сердоболе противоречит ст. 16-й мирного договора ***. Эта статья совершенно точно и конкретно определяет, какие вооружения может иметь каждая из договаривающихся сторон на берегах Ладожского озера. В числе этих вооружений военные аэропланы не упомянуты. Вот почему я считаю, что вопрос должен быть разрешен в согласии с точным текстом мирного договора. Хаксель снова начал ссылаться на то, что там всего три военных аэроплана, которые не являются бомбардировщиками и несут лишь службу связи. В ответ на это я сказал, что количество аэропланов не играет решающей роли, а то обстоятельство, что эти аэропланы не являются бомбардировщиками, не меняет дела, ибо мы всегда и везде (в частности, в Женеве) отстаивали ту точку зрения, что всякий военный аэроплан является наступательным видом оружия. Что сказало бы финское правительство, если бы на другом берегу Ладожского озера [мы] устроили свою летную базу. На это Хаксель заметил, что мы можем бомбардировать Финляндию, пользуясь летными базами Ленинграда. Я возразил, отметив, что насколько мне известно, по мирному договору мы не брали на себя обязательств демилитаризации Ленинграда, в то время как по тому же мирному договору Финляндия (как и СССР) взяла на себя обязательство демилитаризации (в известном смысле) берегов Ладожского озера. Это постановление мирного договора должно уважаться, и никакие аргументы не могут изменить то, что записано в ст. 16-й. Я жду удовлетворительного ответа Хакселя по этому вопросу. Хаксель обещал посоветоваться с компетентными людьми. Я предупредил его, что не получив ответа в разумное время, я вынужден буду вновь вернуться к этому вопросу ****.

Полпред СССР в Финляндии
Б. Штейн

Печат. по арх.

* См. док. № 213.
** См. док. № 171.
*** См. т. III, док. № 137.
**** См. док. № 302.

235. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

12 июля 1933 г.

Прощаясь сегодня с Мувинкелем ввиду предстоящего обоюдного отъезда, я вызвал его интерес к пакту *. Он выразил просьбу ознакомить его с текстом, а также заявить Литвинову об интересе, с которым он относится к пакту. На мой ответ ему в духе Вашего письма от 7 июля [178] и на мое обещание послать ему текст для ознакомления он выявил заинтересованность возобновить разговор по его возвращении из Бергена и моего — из Москвы. В начале беседы Мувинкель пространно говорил о трудностях, с которыми было сопряжено, чтобы добиться у председателя стортинга Хамбро ознакомления стортинга на секретном заседании с нашей прошлогодней нотой протеста, согласно данному Бродландом обещанию **. Я этого все же добился, сказал он, и убедился насколько Квислинг надоел и досадил стортингу этой историей, не говоря уже о том, что его самого нет ни в правительстве, ни в стортинге. Поэтому нахожу, что этот вопрос следовало бы считать исчерпанным. Тут Мувинкель сослался на письмо, которое он мне послал вчера с сообщением о том, что наша нота, во исполнение обещания, была сообщена стортингу [179]. Я отметил его личные усилия, направленные к изжитию шероховатостей в наших отношениях и поступков бывшего норвежского правительства, но по существу вопроса о ноте не высказался. Получилось ведь так, что стортинг заслушал нашу ноту и воздержался от постановления. Считаю, однако, нецелесообразным в данный момент заострять вопрос о ноте, тем более что Мувинкель сам заговорил о пакте. Подробно доложу лично. Мувинкель сегодня уезжает на отдых. Текст пакта посылаю ему.

Полпред

Печат. по арх.

236. Речь Заместителя Председателя советской делегации В. И. Межлаука на заседании экономической комиссии Мировой экономической конференции, в Лондоне

13 июля 1933 г.

Господин Председатель, господа,

Настоящая конференция ставит себе задачей изыскание путей и методов, которые могли бы способствовать некоторому смягчению существующего тяжелого международного эконо-

* См. док. № 213.

** См. т. XV, док. № 295.

мического положения. В качестве таких путей в проекте порядка дня, разработанном экспертами, и в выступлениях ряда делегаций в комиссиях этой конференции предлагалось повышение оптовых цен, понижение тарифов, политика дешевых кредитов. Однако повышение цен не может само по себе явиться фактором улучшения международной экономической ситуации, поскольку таковое само является следствием ранее наступившего улучшения конъюнктуры. Конечно, повсеместное повышение тарифов, принявшее в последнее время форму открытой экономической войны, является фактором, затрудняющим развертывание международного обмена. Однако понижение тарифов само по себе не может способствовать смягчению кризиса, если оно не будет сопровождаться устойчивым укреплением платежеспособного спроса отдельных стран. Точно так же политика дешевых кредитов может сыграть свою роль в деле экономического восстановления лишь в том случае, если для этих кредитов будет обеспечен производительный спрос, в частности, в том случае, если политика дешевых кредитов будет способствовать такому расширению экспорта, который будет создавать дополнительный платежеспособный спрос импортирующих стран.

Исходя из всего изложенного, советская делегация считает, что:

1) Для некоторого смягчения сегодняшнего тяжелого международного экономического положения необходимо расширение производства на основе платежеспособного спроса и рассасывания мировых запасов.

2) Развертывание мировой торговли должно осуществляться таким образом, чтобы расширение экспорта из одних стран в другие сопровождалось не расстройством, а укреплением экономики этих последних стран и устойчивым расширением их покупательной способности.

3) Дешевые кредиты могут сыграть свою роль в деле экономического оздоровления лишь в случае, если на них имеется продуктивный спрос со стороны промышленности и если они будут способствовать расширению экспорта, создавая дополнительный платежеспособный спрос у стран-импортеров.

Основываясь на этих соображениях, Председатель нашей делегации М. М. Литвинов в своем выступлении во время общей дискуссии * рекомендовал всем делегациям указать, какие возможности оживления хозяйственной жизни и расширения импорта имеются в их странах. Указанный советской делегацией путь является одним из наиболее реальных и эффективных, если конференция хочет достигнуть положи-

* См. док. № 178.

тельных результатов, тем более что он одинаково приемлем как для стран, отказавшихся от золотого стандарта, так и для стран, сохранивших этот стандарт. Именно поэтому мы на днях напомнили об этом предложении Председателю этой конференции *, полагая, что в создавшейся сейчас на конференции обстановке следует использовать методы, намеченные советской делегацией.

На этой конференции много говорится о координации производства и обмена, об упорядочении положения на отдельных товарных рынках. Наша делегация считает обсуждение этого вопроса вполне целесообразным, однако, следуя предлагаемому ею методу, полагает, что в основу этой координации следует положить не сокращение производства, а расширение сбыта.

Само собой разумеется, говоря о расширении импортных возможностей, наша делегация имела в виду лишь такое расширение, которое не только не будет вызывать расстройства экономической жизни импортирующей страны, но которое послужит стимулом для ее дальнейшего развития, расширения ее платежеспособного спроса, увеличения ее внешнехозяйственных связей. Мы полагаем, что каждая из представленных здесь стран могла бы в этом направлении сделать конференции какое-либо конструктивное предложение, указав как, насколько и при каких условиях она может расширить свой импорт. С другой стороны, страны, предлагающие политику дешевых кредитов, могли бы указать, как они мыслят себе направление этих кредитов для расширения их экспорта.

Советская делегация дала пример, как ответить на вопрос о расширении импортных возможностей и об условиях, при которых это расширение возможно. Советская делегация указала, что ее страна готова при определенных кредитных условиях и при обеспечении советского экспорта заказать за границей сверх нормального импортного плана товаров на сумму в 1 млрд. долл. Схема этих заказов внимательно продумана советскими плановыми органами и построена так, чтобы в результате этих закупок было возможно ускорение развития советского хозяйства, в частности, в таких отраслях, которые способствовали бы расширению интересующего иностранные государства экспорта и, следовательно, оплате предоставленных кредитов. Указанная сумма в 1 млрд. долл. представляет собой примерно средний месячный экспорт всего мира в течение 1932 г. и примерно полуторамесячный экспорт в 1933 г. По отдельным товарам значение предполагаемых советских заказов для рассасывания существующих мировых запасов и для загрузки незагруженных предприятий чрезвычайно велико.

---

* См. док. № 229.

Само собой разумеется, что расширение импорта в одну страну будет означать расширение экспорта для целого ряда стран.

Сейчас нередко высказывается беспокойство по поводу того, что наступившее в некоторых странах временное и пока еще незначительное расширение производства, не сопровождаемое увеличением платежеспособного спроса, может привести к новой экономической катастрофе. Тем более следует подумать над возможностями использования открывающегося спроса, который со своей стороны может дать толчок к дальнейшему развитию продукции, рассасыванию мировых запасов, сокращению безработицы и т. д.

Мы привели этот пример возможности значительного расширения советского импорта в качестве своего вклада в работу Мировой экономической конференции. Нам представляется, что этот вклад может сыграть очень существенную роль не только в деле развития работы конференции, но и в деле дальнейшего международного экономического развития, если на этой конференции или каким-либо иным способом, например в порядке многосторонних и двусторонних переговоров, наметятся пути для разрешения поставленных советской делегацией вопросов. Советское хозяйство успешно развивается, используя свои внутренние ресурсы. Мы проводим и будем проводить наше дальнейшее строительство своими собственными средствами. Однако, следуя своему принципу мирного сотрудничества с другими странами, мы готовы будем, если это будет признано взаимовыгодным и интересным, на определенных кредитных условиях и при обеспечении развития нашего экспорта расширить наш импорт в указанном выше направлении. Мы думаем, что в интересах международного сотрудничества делегации поступят правильно, если примут предлагаемый нами метод и, следуя нашему примеру, также сформулируют свои соображения о расширении импортных и экспортных возможностей своих стран и об условиях, при которых это расширение возможно.

Текст по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 174 (5105), 14 июля 1933 г.

237. Выступление Заместителя Председателя советской делегации В. И. Межлаука на заседании экономической комиссии Мировой экономической конференции, в Лондоне

13 июля 1933 г.

На пленуме конференции Председатель советской делегации Литвинов разъяснил причины, побуждающие советскую делегацию выступить с предложением о заключении пакта об

экономическом ненападении *. Предложения, представленные советской делегацией для вашего рассмотрения, гармонируют с общей задачей, которую конференция себе поставила, а именно — устранением причин, породивших и ухудшающих существующее экономическое положение. По нашему мнению, правительства не располагают контролем над основными из этих причин, и они не могут быть устранены ни каким-либо правительством в отдельности, ни объединенными усилиями всех правительств, а следовательно, и конференцией. Тем не менее имеется немало причин, которые вытекают из мероприятий, принятых некоторыми государствами, и которые вполне можно было бы устранить. По нашему мнению, именно на этих причинах мы должны сосредоточить наше главное внимание.

Я имею в виду мероприятия агрессивного характера, направленные против какой-либо страны и осложняющие ее экономические отношения. Надо понять, что подобные меры, хотя они и избирают своей мишенью определенную страну, фактически наносят удар также и другим странам и в известной мере отражаются и на той стране, от которой они исходят. В современных условиях иначе быть не может ввиду тесной взаимозависимости экономической жизни почти всех стран. Если мероприятие, проведенное одной страной, сокращает экспорт другой страны, то оно должно привести к сокращению импорта в страну, против которой мероприятие направлено, и притом импорта не только из одной, а из многих стран. Это в свою очередь влияет на торговый баланс, равно как и на внешнюю торговлю этих стран. Поэтому можно сказать, что экономическую войну труднее локализировать, чем любой другой вид войны. Более того, экономическая война между двумя странами неизбежно наносит удар и интересам других стран. И если в настоящее время мы почти во всех политических пактах о безопасности находим формулу, что всякий случай нарушения мира должен рассматриваться как затрагивающий все государства, то с тем большим основанием можно было бы сказать, что всякое нарушение экономического мира, всякий акт экономической агрессии также затрагивает все страны.

Я хотел бы также упомянуть об общем беспокойстве и недоверии, внесенном в международную жизнь практикой агрессивных мероприятий. Я думаю, вы со мной согласитесь, что едва ли имеется область, больше нуждающаяся в стабильности и атмосфере доверия, чем область экономических отношений. Однако не может быть ни доверия, ни стабильности, если ни одна страна не застрахована от внезапной экономической

* См. док. № 178, 187.

атаки, проведенной под влиянием ложно понятых экономических интересов и соображений внешней и внутренней политики. Наши предложения имеют целью положить конец такому положению вещей и усилить элементы постоянства и стабильности в экономических отношениях.

Наши предложения уже обсуждались на различных международных конференциях. С того времени, как этот проект протокола был предложен нами в Женеве *, практика дискриминации и экономической агрессии значительно расширилась и приняла многообразные формы. Немало стран, которые с того времени оказались жертвами этой агрессии, представлено здесь. В соответствии с изменившимися условиями мы внесли в наш проект протокола легкие изменения с целью приспособить его к требованиям настоящего времени.

Пакт, предложенный нами, ни в коей мере не урезывает возможность заключения двусторонних и многосторонних торговых договоров, будь то на основе принципа наибольшего благоприятствования или же на основе специальных тарифов и других соглашений. Мы это достаточно разъяснили во время прений в различных комиссиях в Женеве **. Мы готовы и здесь дать необходимое объяснение, если в связи с проектом протокола возникнут какие-либо сомнения или недоразумения.

В заключение я позволю себе выразить убеждение, что принятие наших предложений отвечало бы интересам международной торговли, а следовательно, всех представленных здесь стран. Мы уже имели возможность в заявлении на этой конференции подчеркнуть, что страна, которую я представляю, почти не затронута падением мировой торговли, вызванным кризисом, и что она вполне может в случае необходимости развиваться независимо. Все, кто следил за развитием наших отношений с другими странами, вероятно, сейчас уже убедились, что никакие экономические мероприятия против нашей страны не могут нанести ей жизненного вреда или отразиться на основных артериях ее экономической жизни. Наша страна вполне способна приспособиться к любым условиям. Поэтому, когда мы делаем наши предложения, мы исходим из надежды, что все представленные здесь страны найдут их приемлемыми и соответствующими их интересам. Я позволю себе выразить надежду, что наши предложения будут приняты в том духе международного сотрудничества, в котором они были сделаны.

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 174 (5103), 14 июля 1933 г.

---

* См. т. XIV, док. № 163.
** См. т. XIV, док. № 259, 324.

238. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Б. Е. Штейну

13 июля 1933 г.

Как Вас уже предупреждал Стомоняков, принято решение отклонить предложение финнов о подписании ими конвенции с оговорками *.

Скажите Хакселю, что нежелание финляндского правительства присоединиться на общих со всеми другими странами основаниях к конвенции, преследующей только борьбу со всеми видами агрессии, произвело в Москве очень неблагоприятное для финского правительства впечатление, и настаивайте на присоединении Финляндии к Лондонской конвенции без всяких оговорок **.

Крестинский

Печат. по арх.

239. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем

13 июля 1933 г.

Получив сообщение о решении правительства отклонить финские резервы ***, я позвонил Хакселю, который меня сейчас же принял. Я сказал Хакселю, что, как я его уже предупреждал вчера ****, Советское правительство заняло в вопросе о финских резервах[176] категорически отрицательную позицию. Я передал ему, какое впечатление получилось у правительства по отношению к позиции Финляндии. К этому я прибавил следующее: помимо неблагоприятных настроений, созданных этой позицией Финляндии, настроений, которые отнюдь не будут способствовать улучшению советско-финских отношений и создадут весьма неприятную атмосферу, вина за которую падает на Финляндию, обстановка не будет способствовать [урегулированию] ряда вопросов в экономической области. Хаксель знает, в каком направлении я работаю и какие результаты уже достигнуты. Только пару дней тому назад я сообщил ему о планах закупок сельскохозяйственных продуктов в Финляндии*****. Тогда же, по его просьбе, мы говорили о возможности закупок племенного скота. Все эти вопросы будут обсуждать в

---

* См. док. № 232, 233.
** См. док. № 239, 251.
*** См. док. № 238.
**** См. док. № 233, 234.
***** См. док. № 233.

Москве те же люди, которые находятся в данный момент под впечатлением далеко не дружеской позиции финского правительства. Я предупреждаю Хакселя о том, что позиция финского правительства, несомненно, отразится на общей совокупности финско-советских отношений. В частности, моя работа здесь будет весьма осложнена. Я еще раз со всей энергией и искренностью хочу повлиять на точку зрения Финляндии в полной уверенности, что конвенция, о которой мы говорим, являясь серьезным шагом в деле пацификации Европы вообще и Восточной Европы в частности, укрепляет одновременно советско-финские отношения и тем самым вполне соответствует действительным интересам Финляндии. Я прошу Хакселя еще раз подумать на эту тему и употребить все свое влияние, чтобы убедить правительство отказаться от поправок и резервов.

Хаксель очень внимательно слушал меня, не прерывая ни разу. Когда я кончил, он сказал: «Что же теперь делать? Быть может, мы все-таки подпишем двустороннюю конвенцию». На это я ответил, что ни о какой конвенции не может быть речи, поскольку остаются резервы. Тогда Хаксель сказал: «Я не могу взяться убедить правительство и президента изменить их точку зрения. Я могу лишь попытаться пойти вам навстречу и совместно с вами пересмотреть резервы. Я готов уступить вам в тех из резервов, которые вы считаете особенно для себя неприемлемыми». Я ответил: «После того, как я Вам изложил позицию моего правительства, Вы не можете ожидать от меня, чтобы я с Вами разбирал эти резервы, потому что они для нас неприемлемы в целом. Я не вижу никакой пользы в том, чтобы сообщать Советскому правительству о том, от каких резервов Вы отказываетесь, ибо мы настаиваем на том, чтобы Вы отказались от всех резервов и подписали бы конвенцию на тех же основаниях, как и другие». Хаксель снова сказал, что в данной ситуации он не видит выхода и несколько раз повторил, что «мы ведь хотим подписать конвенцию». Затем он сказал мне, что все же попытается переговорить кое с кем и завтра все же изложит мне их уступки. Он считает нужным все же довести до моего сведения об этих возможных уступках. Я снова сказал, что не вижу от этого пользы, но тем не менее не откажусь его выслушать.

У меня создалось впечатление, что Хаксель расстроен этой неудачей и что правительству будет не так-то легко вынести эту неудачу на свет. У меня также нет сомнений в том, что на Хакселя и на финское правительство в целом давят со стороны.

Уходя, я снова просил Хакселя подумать и отказаться от резервов. Хаксель молча покачал головой, а затем прибавил: «Мы ведь хотим подписать конвенцию». Я заметил, что

желания мало, если одновременно создаются препятствия, делающие подписание конвенции невозможным *.

Полпред СССР в Финляндии
Б. Штейн

Печат. по арх.

240. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

14 июля 1933 г.

Вчера и сегодня утром Островский имел в Мадриде две встречи с Лос Риосом **. Испанское правительство согласно на ничем не обусловленное восстановление отношений или обоюдное признание. Лос Риос хочет, чтобы акты были идентичны и одновременны; однако не доверяя, очевидно, Мадарьяге ***, испанское правительство хочет, чтобы обмен этими актами состоялся непосредственно между Мадридом и Москвой. Островский сегодня покажет Лос Риосу проекты текстов, из которых текст о восстановлении отношений изготовлен в Москве, а текст обоюдного признания изготовлен в Париже. Если испанцы захотят вносить изменения, то Островскому придется приехать в Париж. По получении новых сведений от Островского сообщим вам ****.

Довгалевский

Печат. по арх.

241. Телеграмма Торгового Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР и в Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР

14 июля 1933 г.

Сегодня состоялось заседание комиссии «А» [180]. Мы заявили, что переданная англичанами в марте формула ограничения наибольшего благоприятствования неприемлема и что на общую формулу, допускающую применение эмбарго или дискриминационные пошлины к нашим товарам, мы не пойдем. Англичане настаивали, что они должны оставить за собой право ограничения советского ввоза в порядке реализации Оттав-

---

* См. док. № 251.
** Министр иностранных дел Испании.
*** Посол Испании во Франции.
**** См. также док. № 258.

ских соглашений *. Мы рекомендовали англичанам отказаться от всяких общих формул и поговорить об отдельных товарах, положение которых на рынке их беспокоит. В ответ на эту мысль англичане указали, что квоты — единственный способ регулировать ввоз отдельных товаров — не дают все же возможности ограничения ввоза в случае необходимости, предусмотренной Оттавским соглашением. После длительной дискуссии решено, что англичане подумают над создавшимся положением с учетом дискуссии. Они просят дать нашу компромиссную формулу. По статье относительно торгпредства англичане вскользь упомянули о режиме английского посольства в Москве. Мы заявили, что этот вопрос не связан с переговорами. Англичане сказали, что вернутся к вопросу об этом на следующем заседании. Второе заседание не назначено. Оно состоится тогда, когда англичане будут готовы. Заседания комиссии по платежному балансу назначены на 18 и 19 июля. Во время заседания англичане как бы мимоходом указали, что при отсутствии соглашения придется ввести в действие механизм, предусмотренный Оттавским соглашением.

Озерский

Печат. по арх.

242. Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

15 июля 1933 г.

Я сказал Альфану, что рад с ним познакомиться. Несмотря на чрезвычайную занятость в эти дни, я, узнав, что посол в ближайшие дни уезжает в Париж, назначил ему сегодня время в ответ на просьбу о приеме.

Альфан начал с поздравления по поводу наших успехов последнего времени в области международной политики. Он отметил, что приносит поздравления не только от своего имени, но и от имени правительства, которое знает о визите посла ко мне. Эти успехи, выразившиеся в подписанных т. Литвиновым в Лондоне протоколах об определении агрессора **, способствуют укреплению международных отношений Советского Союза с другими странами, служат делу всеобщего мира, находятся в соответствии со стремлениями и желаниями французского правительства.

Я поблагодарил посла за поздравления, отметил, что согласен с ним в оценке значения подписанных в Лондоне про-

* См. т. XV, прим. 139.

** См. док. № 213, 218, 220.

токолов, и добавил, что среди подписавших имеются страны, с которыми до этого мы не имели никаких соглашений. Я подчеркнул, что с удовлетворением отмечаю заявление посла о сочувствии французского правительства этим нашим международным пактам.

Альфан после этого перешел к проблеме франко-советских отношений и свое заявление по этому поводу разделил на три части:

1. Посол отметил укрепление и улучшение франко-советских отношений. Он выразил уверенность, что этот процесс получит свое дальнейшее развитие. Он целиком и полностью присоединяется к заявлению т. Калинина, сделанному ему в момент вручения верительных грамот о том, что ни в каком пункте мира интересы Советского Союза и Франции не противостоят друг другу. Это же положение было снова констатировано в последнее время в беседах между т. Литвиновым и Даладье в Париже*. На пути укрепления и улучшения отношений между обеими странами посол не видит препятствий и считает, что такое сближение уже началось и приносит первые плоды. Альфан далее отметил, что ему кажется желательным расширение международных отношений между Советским Союзом и другими странами. Он считает без всякой задней мысли и без какого-нибудь специального расчета, что Франция могла бы быть в этом отношении нам полезной.

2. Существенным элементом для франко-советского сближения является проблема укрепления и расширения экономических отношений. Посол хочет мне сообщить в соответствии с информацией, полученной от французского правительства, что можно рассчитывать на заключение в самом непродолжительном будущем франко-советского торгового соглашения. Для развития торговли нужно взаимное доверие. Это последнее достигается четким соблюдением обязательств. В Советском Союзе правительство определяет и направляет пути своей внешней политики. Во Франции правительство находится под непрерывным воздействием общественного мнения и парламента. Французские промышленники и купцы отличаются от своих иностранных коллег некоторой консервативностью. Нужно поэтому создать необходимые условия, которые стимулировали бы расширение экономических отношений. Ввиду своей поездки в Париж Альфан очень хотел бы выслушать мое мнение по этому поводу для того, чтобы использовать свое пребывание для проталкивания вопросов, связанных с нашими торговыми отношениями.

3. Наконец, последний вопрос, на который посол хотел бы обратить мое внимание — это работа французского военного

---

* См. док. № 222, 224.

атташе. Посол придает большое значение для укрепления наших отношений состоявшемуся обмену атташе. Он считает, что в интересах сближения между обеими странами — предоставить военному атташе возможность наиболее детального и внимательного изучения нашей Красной Армии. Посол просит поэтому моего содействия к более широкому ознакомлению находящихся здесь французских офицеров с разными сторонами нашего военного строительства. Тут же Альфан отметил, что он вовсе не претендует на раскрытие французским военным наших секретов. Он хочет лишь расширения контакта: предоставления французам возможности видеть и изучать то, что могло бы принести пользу для основной задачи, которую он перед собой ставит,— сближения между обеими странами. Конечно, такое отношение к военным должно базироваться на принципе взаимности. В частности, он использует свою поездку в Париж для того, чтобы просить военное министерство о наиболее широком ознакомлении советского военного атташе с французской армией. Сегодня, в частности, ему сообщил французский военный атташе Мендрас, что наши военные были приглашены в Париж в испытательную школу артиллерийского огня. Посол рассчитывает, что французское военное министерство готово будет пойти на расширение ознакомления нашего атташе с французской армией. Альфан заявил, что вопросам военного сотрудничества он придает сейчас особенно большое значение, тут же оговорившись, что это значение объясняется совмещением в настоящее время во Франции должности председателя совета министров и военного министра в одном лице — Даладье. Последний систематически читает донесения своих военных атташе.

В соответствии с тремя разделами заявления Альфана я ответил, что мы высоко ценим укрепление и улучшение франко-советских отношений. Я считаю, что в последний период времени на этом пути может быть отмечен существенный прогресс. Советское правительство целиком и полностью разделяет мнение о том, что у Франции и СССР нет противоположных интересов. Я отмечаю, что урегулирование и улучшение отношений между нашими странами полезно как для наших стран, так и для дела укрепления всеобщего мира. Я приветствую стремление посла всемерно содействовать развитию наших отношений и заверяю его, что на этом поприще он встретит самое активное и дружественное содействие всех наших органов.

В равной мере интересам обеих стран соответствует развитие экономических отношений. Для этих последних необходима соответствующая база, которой может послужить хотя бы временное торговое соглашение. Я должен, однако, отметить, что в этом последнем вопросе необходимо добиться равного

отношения французского правительства к СССР по сравнению с другими странами. Существенным элементом для развития франко-советского торгового оборота являются нормальные условия кредита. Французское правительство предоставляет в соответствии с имеющимся во Франции законом государственную гарантию большинству стран, состоящих с Францией в торгово-договорных отношениях. Необходимо поэтому, чтобы эта правительственная гарантия кредита была распространена после заключения торгового соглашения и на советские заказы. При этом условии можно рассчитывать на благоприятное развитие советско-французской торговли.

Наконец, по последнему вопросу я заявил, что мы высоко ценим состоявшийся между нашими странами обмен военными атташе.

Я обещаю свое содействие и уверен в содействии нашего военного комиссариата в деле широкого ознакомления французского военного атташе с нашей Красной Армией. В равной мере я рассчитываю на применение в этом деле принципа взаимности по отношению к нашим военным, которые очень интересуются французской армией.

Посол, отметив свое большое удовлетворение по поводу сделанных ему заявлений, спросил, не имею ли я чего-нибудь ему сказать в связи с предстоящей его поездкой в Париж. Я ответил, что он сам, бесспорно, использует свое пребывание в Париже для дальнейшей работы в области франко-советского сближения. Советское правительство видит в лице посла сторонника именно такой политики. Я думаю, что ближайшее будущее должно привести к закреплению и оформлению тех относящихся к франко-советским отношениям мыслей, которые формулировались в беседах т. Литвинова с Даладье и Поль-Бонкуром.

Посол выразил свое удовлетворение в связи с вниманием, которое было к нему проявлено в течение истекших полутора месяцев с момента его приезда в Москву. Он заявил, что мы в его лице имеем убежденного сторонника франко-советского сближения и что, желая служить этому сближению, он предпринимает сейчас поездку на 5 дней в Париж.

Уже прощаясь, я отметил, что Советское правительство приветствует приезд Эррио в СССР [148]. Это встретило полное сочувствие посла, подчеркнувшего, что в лице Эррио мы имеем «верного друга».

В. М. Молотов

Печат. по арх.

243. Письмо Полномочного Представителя СССР в Дании члену Коллегии Народного Комиссарната Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

15 июля 1933 г.

Уважаемый товарищ.

1. В вопросе об обеспечении нашего экспорта удалось добиться следующих результатов: а) по лесу валютная контора дала торгпредству лицензий еще на 1134 тыс. дат. крон, что целиком покрывает запроданные нами 17 тыс. стандартов и дает еще остаток на 1 тыс. стандартов; б) валютная контора дала письменное обещание, в случае размещения нами заказа [у фирмы] «Бурм и Вейн» на дизеля (прибл. на 800 тыс. дат. крон), выдать торгпредству в этом триместре еще на 1330 тыс. дат. крон лицензий, в том числе на нефтепродукты 800 тыс. крон и на разные товары (фрукты и пр.) на 530 тыс. крон. Таким образом, если заказ «Бурм и Вейн» будет дан, то до 1 сентября мы будем обеспечены.

Лицензии на лес получили благодаря пароходчику А. П. Меллеру, у которого мы за последние дни зафрахтовали судов приблизительно на 500 тыс. крон. Всего нами за первое полугодие зафрахтовано 130 датских пароходов на сумму фрахта 4400 тыс. дат. крон.

2. Предполагаю выехать 5 августа, т. е. прибыть в Москву 9-го.

С приветом

М. Кобецкий

Печат. по арх.

244. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссарната Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании М. В. Кобецкому

16 июля 1933 г.

Учитывая благоприятные отклики в датской печати о Лондонской конвенции об определении агрессора *, а также благожелательное выступление представителя Дании в комитете безопасности конференции по разоружению при обсуждении советского предложения **, Вам надлежит неофициально от Вашего имени позондировать у Мунка и Стаунинга, как бы отнеслось датское правительство к идее присоединения Дании ко второй, пятичленной конвенции ***.

Стомоняков

Печат. по арх.

* См. док. № 213, 218, 220.
** См. док. № 32.
*** См. док. № 250.

245. Протокол [о продлении Соглашения о телеграфных сношениях между СССР и Монгольской Народной Республикой]

[*17 июля 1933 г.*]

Союз Советских Социалистических Республик и Монгольская Народная Республика, принимая во внимание, что подписанное между ними в Улан-Батор-Хото 20 мая 1930 года Соглашение о телеграфных сношениях * между обеими странами потеряло свою силу 20 мая 1933 года, решили в интересах дальнейшего развития экономических и культурных отношений между обеими странами, продлить действие означенного Соглашения и назначили своими уполномоченными:

Правительство Союза Советских Социалистических Республик Андрея Яковлевича Охтина, Полномочного Представителя Союза Советских Социалистических Республик в Монгольской Народной Республике, и Правительство Монгольской Народной Республики Добчина, Заместителя Премьер-Министра и Министра Финансов Монгольской Народной Республики, которые после обмена полномочиями, признанными составленными в надлежащей и законной форме, согласились о нижеследующем:

Статья 1-я.

Действие Соглашения о телеграфных сношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой, подписанного в Улан-Батор-Хото 20 мая 1930 года, объявляется продленным после 20 мая 1933 года с нижеследующими изменениями:

Статья 2-я.

Ст. 3 означенного Соглашения будет иметь следующую редакцию:

«Непосредственный обмен телеграммами производится в направлении Иркутск — Алтан-Булак — Улан-Батор; Монды — Хатхыл — Мурин — Улан-Батор; Кош — Агач — Джиргаланту — Улан-Батор; Борзя — Баин — Тумен — Хан — Ула — Улан-Батор».

Статья 3-я.

Ст. 9 означенного Соглашения будет иметь следующую редакцию:

«Настоящее Соглашение заключено на неопределенный

---

* См. т. XIII, док. № 180.

срок. Каждая из договаривающихся сторон будет иметь право отказаться от него при условии предупреждения за 6 месяцев»[18].

Статья 4-я.

Настоящее Соглашение подлежит ратификации. Оно вступит в силу немедленно, независимо от обмена ратификационными грамотами, каковой обмен должен произойти в Улан-Баторе в кратчайший срок.

Настоящее Соглашение составлено на русском и монгольском языках в двух экземплярах. При толковании оба текста считаются аутентичными.

Подписано и скреплено печатями в Улан-Батор — Хото семнадцатого июля тысяча девятьсот тридцать третьего года по европейскому исчислению и семнадцатого дня седьмой луны двадцать третьего года по монгольскому исчислению.

А. Охтин *Добчин*

Печат. по арх. Ориг. с сокращениями в сб. «Советско-монгольские отношения 1921—1966 гг.», стр. 74—75.

246. Сообщение советской печати о пятом заседании конференции в Токио по КВЖД

18 июля 1933 г.

Токио, 14 июля (ТАСС). В начале пятого заседания * советская делегация огласила меморандум, в котором указывается, что советская делегация считала и считает нецелесообразным вступать в дискуссию по вопросу о бесспорном праве единоличной собственности СССР на КВЖД и, базируясь на документах и точных фактах, с предельной ясностью разъяснила маньчжурской делегации беспочвенность и неправомерность с точки зрения существующих договоров всяких попыток отрицать или даже ставить под сомнение советские права на принадлежащую Советскому Союзу, как целиком построенную на трудовые деньги народов СССР, дорогу. Советская делегация считает полезным во избежание дальнейших недоразумений со всей ясностью подчеркнуть, что основой переговоров должны быть те международные договоры и соглашения, которые точно определяют статус КВЖД и которые являются обязательными для обеих сторон.

В меморандуме подчеркивается, что только Пекинское и Мукденское соглашения ** и оговоренные в них пункты конт-

* Заседание состоялось 14 июля 1933 г.; см. также док. № 172, 215, 261, 351.

** См. т. VII, док. № 156, 222.

ракта 1896 г. на постройку и управление КВЖД и пункты устава КВЖД являются той бесспорной международной правовой базой, на основе которой могут и должны вестись настоящие переговоры. Советская делегация не может вступать в дискуссию с маньчжурской делегацией по вопросам общей политики СССР по отношению к Китаю и считает лишенными оснований попытки маньчжурской делегации противопоставить декларации Советского правительства 1919 и 1920 гг.* международным договорам и соглашениям, обязательным для Маньчжоу-Го.

В меморандуме указывается, что, по признанию маньчжурской делегации, метод исчисления стоимости дороги на основе расходов на ее сооружение, который применен Советским правительством, базируется на Пекинском и Мукденском соглашениях. Советская делегация поэтому не может согласиться с заявлением маньчжурской делегации о том, что она не согласна руководствоваться бесспорными пунктами Пекинского и Мукденского соглашений лишь потому, что считает эти пункты для себя невыгодными, ибо это находится в противоречии с общепринятыми международными нормами и с заверением добросовестно соблюдать эти соглашения, которое было дано в ноте маньчжурского правительства от 12 марта 1932 г. **

В меморандуме высказывается надежда, что в дальнейшем не будет споров о методе исчисления стоимости КВЖД.

Далее указывается, что советская делегация привела точные и документально обоснованные цифры стоимости КВЖД в 411 019 989 зол. руб., в то время как маньчжурская делегация не сообщает, каким образом она пришла к определению строительной стоимости дороги в 225 908 508 зол. руб.

Советская делегация не может согласиться с утверждением маньчжурской делегации, что имущества КВЖД, захваченные мукденскими властями, не должны быть объектом выкупа, ибо захват чужого имущества не делает захватчика законным собственником захваченного имущества. Это тем более кажется естественным, что маньчжурское правительство заклеймило ту политику нарушения международных договоров и обязательств, которую вели мукденские власти. Далее приводится перечень незаконных действий бывших мукденских властей, приведших к захвату земель КВЖД, Сунгарийской речной флотилии и телефонной станции [182], и ссылками на договоры и соглашения доказывается, что все эти мероприятия были актами грубого насилия и нарушения договоров. К сожалению, маньчжурская сторона полностью унаследовала аргумента-

* См. т. II, док. № 142; т. III, док. № 110.
** См. т. XV, прим. 97.

цию, к которой в свое время прибегали мукденские власти в оправдание своих неправомерных действий.

В меморандуме подчеркивается неосновательность попыток маньчжурской стороны отрицать огромное значение КВЖД в международном сообщении и в экономическом развитии Северной Маньчжурии. Далее доказывается необоснованность указания маньчжурской делегации на якобы имеющееся расхождение в оценке финансового положения КВЖД в меморандуме советской делегации* и в заявлении т. Литвинова. Меморандум не отрицает ухудшения финансового положения КВЖД, а прямо и откровенно подчеркивает этот момент. При этом, однако, указывается, что речь идет о временном конъюнктурном ухудшении, вызванном исключительно созданными на дороге за последнее время специфическими условиями, подрывающими нормальную деятельность дороги. Напротив, ряд неопровержимых фактов и документов свидетельствуют о большой экономической мощи и устойчивости КВЖД. За 7 лет, т. е. с 1924 по 1930 г., дорога имела превышение доходов над эксплуатационными расходами в 143 млн. зол. руб., т. е. в среднем свыше 20 млн. зол. руб. в год. Маньчжурская делегация считает эти цифры преувеличенными, полагая, что кредитование охранных войск и китайских правительственных учреждений, содержание полиции и совершение бесплатных грузовых и пассажирских перевозок являются естественной обязанностью дороги. Советская делегация не может согласиться с подобным представлением о работе коммерческого предприятия. КВЖД производит воинские перевозки вопреки Пекинскому и Мукденскому соглашениям бесплатно. Поэтому дорога рассматривала все расходы по кредитованию охранных войск, достигшие к 1 января 1932 г. 40 млн. зол. руб., как долг китайского, а ныне маньчжурского правительства. Маньчжурская сторона пытается изобразить эти расходы КВЖД как компенсацию за освобождение КВЖД от уплаты всех налогов и сборов, тогда как между этими двумя вопросами нет никакой связи, ибо освобождение от налогов и сборов предусмотрено контрактом и уставом дороги. Кроме того, Советское правительство добровольно предоставило хозяину территории, по которой проходит КВЖД, ряд льгот и привилегий, и в частности право участия в прибылях, что с избытком компенсирует местные власти за те сильно урезанные вопреки договорам льготы, которыми КВЖД пользуется.

Подчеркивая, что цена, названная Советским правительством, вполне справедлива и умеренна, меморандум указывает, что советская делегация не считает нужным еще раз сопоставлять названную Советским правительством покупную

---

* См. док. № 215.

сумму с той суммой, которую японское правительство соглашалось уплатить за участок Куаньчэнцзы — Лаошаогоу в 160 *км*. Она только предлагает маньчжурской делегации призадуматься над тем фактом, что предложенная ею выкупная сумма за всю КВЖД со всеми предприятиями составляет в золотых иенах меньшую сумму, чем та, которую японское правительство соглашалось уплатить за небольшой участок дороги, не имеющий ни подсобных предприятий, ни сколько-нибудь значительных искусственных сооружений, ни тем более того значения, которое имеет КВЖД в целом.

Меморандум подчеркивает, что выкупная сумма, предложенная Советским правительством, значительно ниже огромных средств, которых дорога стоила народам СССР, и что советская делегация считает нецелесообразным обсуждение цифр, приводимых маньчжурской делегацией, поскольку сама маньчжурская делегация признает, что методы исчисления, принятые в основу советской делегацией, точно предусмотрены действующими договорами и соглашениями. В меморандуме указывается, что в результате больших вложений на работы по поддержанию дороги КВЖД и ее предприятия находятся в прекрасном состоянии, за исключением тех участков восточной линии, где в результате недостаточной охраны и последних событий дорога подверглась и подвергается большим разрушениям.

В заключение советская делегация указывает, что она намерена и впредь делать все от нее зависящее, для того чтобы переговоры продолжались по линии дружественного, делового и спокойного обсуждения и привели к успешным результатам.

После оглашения советского заявления от имени маньчжурской делегации выступил Охаси. Оговорившись, что маньчжурская делегация оставляет за собой право вернуться к вопросам, поднятым в советском меморандуме, Охаси заявил, что считает необходимым опровергнуть утверждение советского заявления о согласии маньчжурской делегации с советским методом исчисления цены КВЖД, ибо маньчжурская делегация считает этот метод неправильным.

Маньчжоу-Го категорически настаивает на том, что цена КВЖД должна быть установлена на основе ее нынешней стоимости. Соответственно с этим «Маньчжоу-Го не может отказаться от своей позиции, согласно которой 50 млн. иен, установленные на этой основе, являются надлежащей ценой».

Охаси отрицал правильность заявления советской делегации о незаконных захватах бывших мукденских властей.

Охаси усматривает противоречие между советским меморандумом, подчеркивающим большую ценность КВЖД, и стремлением Советского правительства «продать свои права»

на КВЖД. В заключение Охаси заявил, что «Маньчжоу-Го желает вновь разъяснить, что оно никогда не сможет согласиться с советскими взглядами на советское право собственности на КВЖД». Охаси предложил советской делегации для ускорения переговоров признать точку зрения Маньчжоу-Го.

Печат. по газ. «Известия» № 178 (5109), 18 июля 1933 г.

247. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову

19 июля 1933 г.

По сообщению из Ашхабада, в приграничных с ТССР районах Персии (Буджнурдском и Гумбетском) появилось большое количество саранчи — марокканской кобылки, проникающей на нашу территорию и истребляющей посевы хлопка. Зимой персидское правительство отказало в посылке нашей противосаранчовой экспедиции в эти районы и низовье Атрека под предлогом отсутствия там саранчи. Поставьте перед МИД вопрос о том, что отказ персов сотрудничать с нами в борьбе с саранчой на среднеазиатской границе привел к реальной угрозе нанесения нашему сельскому хозяйству значительных убытков. Добейтесь принятия персидскими властями мер по борьбе с саранчой, возложите ответственность за возможные убытки, вновь поставьте вопрос о допуске наших энтомологов *.

Карахан

Печат. по арх.

248. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Заместителем Министра Иностранных Дел Японии Сигемицу **

19 июля 1933 г.

Я посетил Сигемицу.

Решил к нему зайти для того, чтобы подвести, так сказать, итоги затяжных и тяжелых конфликтов в вопросе о «Постышеве» и «Снабженце» [183]. Итоги потому, что относительно «Постышева» НКВТ окончательно решил поручить снятие корабля с камней японским фирмам, и «Снабженца» — потому, что, по донесению нашего консула в Хакодате т. Карася, оштрафованный «Снабженец» покинул Немуро.

---

* См. док. № 262.

** Из дневника полпреда СССР в Японии за 4—23 июля 1933 г.

Я начал с того, что подчеркнул важное значение характера советско-японских отношений для обоих государств; крайне важно не осложнять их развитие конфликтами второстепенного порядка, формализмом и отсутствием желания учитывать особенности того или другого случая.

Начав с «Постышева», я сказал, что история с ним беспримерная, пожалуй, в истории отношений между государствами, находящимися в нормальных отношениях. Севший на скалы корабль, вместо того, чтобы встретить содействие со стороны японских властей, наоборот, оказался в таком положении, при котором подход к нему наших спасательных судов был затруднен чудовищной волокитой и сопротивлением со стороны японских ведомств, в результате чего уходило драгоценное время и корабль все более и более разрушался. Вся эта непонятная в обстановке несчастья, происшедшего с «Постышевым», сознательная волокита привела к тому, что корабль оказался в очень опасном положении; приближается полоса штормов,— одна хотя бы буря — и корабль погибнет.

Столь же вопиющее поведение японских властей в деле со «Снабженцем». Этот корабль имел в свое время разрешение на производство работ у «Постышева». Отправившись во Владивосток за материалами, людьми и инструментом, «Снабженец», полагая, что имеет право вернуться к «Постышеву», был захвачен японскими властями и подвергся месячному задержанию. За это время команда его перенесла ужасающие страдания, десятки лиц подверглись разным заболеваниям. Японские власти проявили в этом исключительную жестокость, отсутствие малейшего желания подойти к захваченному «Снабженцу» с минимальной объективностью. Так, наш консул в Хакодате т. Карась не был допущен к свиданию с руководством корабля и командой, что явилось грубым нарушением элементарных прав консула, и только после настояния советского посольства в Токио была установлена нормальная связь между консулом и захваченным кораблем. Случай с «Постышевым» и «Снабженцем» произвел на мое правительство весьма тяжелое впечатление. Печальный опыт указанных инцидентов с «Постышевым» и «Снабженцем» должен послужить нам на будущее время уроком, как не надо относиться друг к другу. Со своей стороны мы всегда проявляли внимание и искренность в подобных случаях и надеемся, что японское правительство последует этому примеру.

На это Сигемицу ответил: «Все эти инциденты очень затрудняют министерство иностранных дел. С точки зрения больших интересов японо-советских отношений необходимо частные вопросы взаимно решать по возможности быстро, искренне и гуманно. В этом отношении вице-министр вполне согласен с мнением посла».

Затем я обратил внимание Сигемицу на то обстоятельство, что, вопреки достигнутому между мною и министром иностранных дел г. Утида соглашению о коммюнике по поводу нашей с ним беседы от 17 июля, в местной печати появились односторонние сообщения, изображающие мою беседу с графом Утида как просьбу о посредничестве и замалчивающие предложение самого г. министра [184].

Мы проявляли и проявляем большую лояльность в подобных случаях, и я хотел бы надеяться, что на будущее время не будут иметь места подобные искажения наших разговоров с соответственными руководителями министерства иностранных дел.

На это Сигемицу ответил следующее:

«Я впервые услышал о согласованном коммюнике. Министерство ничего не давало в газеты. Журналисты часто многое сочиняют и приписывают к официальным сведениям всякие измышления от себя. Это нас ставит в весьма затруднительное положение. Например, если ко мне заходит г. Хирота *, то, хотя мы ничего никому о наших беседах не сообщаем, корреспонденты все же занимаются самым беззаботным сочинительством. Большинство их сочиняет вымыслы, но иногда они частично совпадают с действительностью.

В дальнейшем мы, признавая правильность замечания г. посла, будем в случае согласованных коммюнике неуклонно следовать соглашению».

В беседе я затронул вопрос об англо-японских отношениях.

Переговоры с Индией, по словам Сигемицу, почти не двигаются [185], а с Англией их и совсем нет. Однако вице-министр надеется на то, что Англия поймет необходимость нормальных экономических отношений с Японией, ибо в противном случае могут сильно пострадать ее собственные экономические интересы.

На мой вопрос о том, насколько верны сообщения прессы об уходе графа де Мартеля, Сигемицу подтвердил эту информацию, но добавил, что французское правительство еще не запросило у японского [правительства] агреман для нового посла.

Полпред СССР в Японии
Юренев

Печат. по арх.

---

* Бывший посол Японии в СССР. В указанное время официальных постов не занимал; с 14 сентября 1933 г.— министр иностранных дел Японии.

249. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
19 июля 1933 г.

Имеется ряд сведений о намерении германского правительства сблизиться с Францией и Польшей за счет СССР. Эта новая попытка объясняется невозможностью организации интервенции помимо Франции и растущей внешнеполитической изоляцией. Комментарии германской прессы в связи с подписанием «пакта четырех»* пропагандируют необходимость франко-германского сближения. Соглашение между Италией и Францией расценивается как прелюдия к франко-германскому сближению. Предложение Гендерсона о встрече Гитлера с Даладье встречено здесь более чем сочувственно. Имеются также сведения о предстоящей поездке Папена в Париж. Один из видных национал-социалистов в разговоре с берлинским дипломатом прямо сказал, что для Германии единственным выходом из внутренних трудностей является экспедиция на Украину и что для этого немцам достаточна миллионная армия [51].

Лапчук

Печат. по арх.

250. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Дании члену Коллегии Народного Комиссарната Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

19 июля 1933 г.

На Вашу телеграмму от 16 июля ** сообщаю, что в порядке собственной инициативы я спросил мнение Мунка о присоединении Дании к конвенции. Мунк лично согласен и, желая, чтобы эвентуальное подписание состоялось при моем участии, обещал срочно произвести зондаж у премьер-министра Стаунинга, парламентской комиссии по иностранным делам, а также у министров иностранных дел Норвегии Мувинкеля и Швеции Сандлера. От Стаунинга и парламентской комиссии требуется согласие, а со стороны Мувинкеля и Сандлера — лишь заявление, что они не возражают. По получении ответа от Мунка сообщу [186].

Кобецкий

Печат. по арх.

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 3—10.

** См. док. № 244.

251. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

20 июля 1933 г.

Финляндское правительство постановило безоговорочно подписать конвенцию восьми. Ирье-Коскинену посланы полномочия *.

Полпред.

Печат. по арх.

252. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

22 июля 1933 г.

Ко мне пришел болгарский посланник Нейков и по поручению своего правительства просил меня передать Советскому правительству следующее: болгарское правительство хотело бы восстановить с нами дипломатические отношения, но внутреннее положение (оппозиция македонцев, цанковцев) делает это сейчас невозможным. Министр иностранных дел предлагает, в виде переходной меры, установить торговые отношения и просит нас согласиться на это [187].

Я обещал передать и сообщить потом ему ваш ответ. Срочно сообщите указания **.

Нейков в частном разговоре отметил вызванное в болгарских кругах беспокойство по поводу подписанных нами пактов. Очевидно, боязнь полной изоляции заставляет теперь болгар поторопиться. В порядке личного мнения я сказал, что вряд ли Советское правительство примет это половинчатое предложение.

Давтян

Печат. по арх.

253. Сообщение Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР о присоединении Финляндии к Конвенции об определении агрессии

23 июля 1933 г.

22 июля финляндский посланник в Москве барон Ирье-Коскинен вручил по поручению своего правительства вр. и. о. народного комиссара по иностранным делам тов. Н. Н. Кре-

* См. док. № 253.
** См. док. № 255.

стинскому декларацию о присоединении Финляндии к конвенции об определении агрессии, подписанной 3 июля в Лондоне СССР, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией и Афганистаном *.

О вручении декларации был составлен протокол, подписанный тов. Н. Н. Крестинским и бароном Ирье-Коскиненом.

Печат. по газ. «Известия» № 162 (5113), 23 июля 1933 г.

В упомянутой декларации Финляндии о присоединении к Лондонской конвенции говорилось:

«Нижеподписавшийся, Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Финляндской Республики в Союзе Советских Социалистических Республик, барон Арно Ирье-Коскинен, действующий на основании полномочий, выданных его Правительством, заявляет настоящим, что Финляндская Республика присоединяется к Конвенции об определении агрессии, заключенной в Лондоне 3 июля 1933 года между Союзом Советских Социалистических Республик, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией и Афганистаном.

Совершено и подписано в Москве, 22 июля 1933 года.

А. Ирье-Коскинен.

254. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Миссии Финляндии в СССР

23 июля 1933 г.

Народный Комиссариат по Иностранным Делам имеет честь довести до сведения Финляндской Миссии, что подлежащие органы Союза Советских Социалистических Республик утвердили решения, принятые на 8-й конференции представителей Союза ССР и Финляндской Республики, созванной во исполнение постановлений статьи 10 Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой о поддержании порядка в части Финского залива вне черты территориальных вод, заключенного 28 июля 1923 г. **, каковая конференция имела место в Ленинграде с 3 по 9 июня с. г. [188]

Народный Комиссариат будет признателен за передачу вышеизложенного подлежащим учреждениям Финляндской Республики.

Печат. по арх.

---

* См. док. № 213.

** См. «Собрание законов...», отд. I, № 20, 2 апреля 1925 г., стр. 247—254.

255. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Греции Я. Х. Давтяну

23 июля 1933 г.

Год тому назад при менее благоприятном политическом положении СССР мы отклонили предложение болгарского правительства о заключении торгового соглашения без нормализации политических отношений *. Тем менее оснований у нас сейчас идти на такое неполное восстановление отношений. Можете сказать Нейкову, что НКИД вполне одобряет ответ, данный Вами лично от себя **.

Крестинский

Печат. по арх.

256. Опровержение ТАСС вымыслов японского информационного агентства Дэмпо Цусии

24 июля 1933 г.

Токио, 22 июля (ТАСС). Агентство Симбун Рэнго и ряд японских газет помещают, как последнюю сенсацию, сообщение агентства Дэмпо Цусин о происходящей якобы «концентрации частей Красной Армии в районах Читы и Даурии для подготовки захвата ст. Маньчжурия».

Часть газет, однако, сопровождает это провокационное сообщение комментариями, ставящими под сомнение его правдоподобность.

ТАСС уполномочен категорически опровергнуть распространяемые японским агентством Дэмпо Цусин сведения о происходящей якобы концентрации частей Красной Армии с целью захвата ст. Маньчжурия как чистейший вымысел.

Печат. по газ. «Известия»
№ 183(5114), 24 июля 1933 г.

257. Письмо эксперта советской делегации на Мировой экономической конференции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

25 июля 1933 г.

Экономическая конференция формально заканчивается пленарным заседанием 27-го числа ***, на котором будет

---

* См. т. XV, док. № 7.
** См. док. № 252.
*** См. док. № 259.

решена ее отсрочка сине дие *. Только что состоялось заседание Бюро, на котором была принята резолюция о том, что Бюро будет уполномочено созывать любой комитет конференции, поручать обсуждение любого вопроса экспертам и определить дату новой сессии конференции. Американцы сделали на этом заседании Бюро последнюю неуклюжую попытку показать свою заинтересованность в продолжении существования конференции. Они предложили указать в резолюции какую-нибудь дату, хотя бы дату, до которой (например, 1 ноября) Бюро должно принять решение о том, когда должна собраться конференция. Но даже это предложение было отклонено Бюро после выступления Невиля Чемберлена **, указавшего, что подобная резолюция поставит Бюро в неловкое положение, если оно убедится в том, что и 1 ноября оно не может вновь созвать конференцию.

Провал конференции, само собою разумеется, не представляет чего-либо неожиданного и не нуждается поэтому для нас в специальном объяснении. Несколько более неожиданным является то, что этот провал оказался настолько очевидным и глубоким, что его даже нельзя было замазать решением о новом созыве конференции. Объясняется это, как мне кажется, тремя моментами:

1) Экономическая конференция занималась основными вопросами капиталистической экономики, по которым в сегодняшней обстановке нельзя даже принять формально единодушных бессодержательных решений, которые принимались на конференции по разоружению.

2) Как ни ничтожно было значение экономической конференции, однако ее существование или, вернее, прозябание известным образом связывало руки капиталистическим странам в их торговой политике. Та или иная мера экономической войны могла бы встретиться на конференции перед лицом представителей всех стран, публики и прессы с достаточно откровенной критикой. Несомненно, например, что в ликвидации германо-латвийского конфликта по маслу [185] сыграло некоторую роль то обстоятельство, что латвийский министр собирался апеллировать по этому делу против Германии к Мировой экономической конференции. Можно прямо сказать, что некоторую роль в ликвидации англо-советского конфликта сыграло внесение нами на конференции резолюции об эмбарго ***. Не переоценивая значения конференции, надо сказать, что она все же стесняла правительства капиталистических

---

* — на неопределенный срок (*лат.*).

** Министр финансов Великобритании, член делегации на конференции.

*** См. док. № 179, 187.

стран, которых развитие кризиса все более толкает по пути так называемого экономического национализма.

3) Наиболее важно, однако, то, что с продолжением конференции в настоящий момент ни одна из ведущих империалистических стран не связывает какой-нибудь определенной своей программы. Когда во время вашингтонских переговоров Рузвельт, Макдональд и Эррио договорились о созыве конференции на 12 июня, то они, несмотря на всю неопределенность повестки конференции, имели перед собой определенную программу. Рузвельт хотел понижения таможенных тарифов в европейских странах и включал этот элемент в свою программу «восстановления». Англичане хотели добиться разрешения долгового вопроса и стабилизации доллара на том паритете с фунтом, который существовал в момент отказа Америки от золотого стандарта. Французы хотели возврата Америки и Англии к золотому стандарту. За это время обстановка коренным образом изменилась. Рузвельт потерял интерес к тарифным проблемам, занявшись полностью внутренней программой «восстановления». После разрешения проблемы июньского взноса в благоприятном для англичан смысле долговой вопрос уже не связывается ими с конференцией. Отказ Рузвельта стабилизировать доллар в этих условиях лишил конференцию смысла как для французов, так и для англичан. То, что французы проявили в этом деле большую активность, возглавили золотой блок[193] и фактически сорвали конференцию, показывает лишь, что англичане, как и в долговом вопросе, сумели использовать французов в своей борьбе с Америкой.

Таким образом, ни одна из крупнейших империалистических держав не имеет программы для конференции и не имеет интереса к тому, чтобы гальванизировать ее работу. Этим, как мне кажется, объясняется решение, принятое о будущей судьбе конференции.

Заслуживает внимания тесное сотрудничество между французской и итальянской делегациями на второй стадии конференции. Хотя Франция является признанной главой золотого блока, наибольшую активность в вопросе об отсрочке конференции, в выступлениях о невозможности договариваться по торгово-политическим вопросам без валютной стабилизации и т. д. проявляли итальянцы. В этой активности трудно усмотреть острый экономический интерес, поскольку Италия, хотя и сохраняет золотой стандарт, однако не является ни страной-кредитором, ни обладательницей больших золотых запасов. Возможно, что итало-французское сотрудничество по этому вопросу отражает новые тенденции к политическому сближению между этими двумя странами.

Германская делегация, за исключением известного случая

с меморандумом Гугенберга *, держалась на конференции пассивно. Она поддерживала золотой блок, однако воздерживалась от острых выступлений. Практически Германия потеряла всякий интерес к конференции после того, как Шахт вне рамок конференции договорился с кредиторами о практике проведения моратория по трансферу [191].

Малые страны, особенно дунайские и европейские страны, по обыкновению добивались понижения задолженности и преференций на аграрные продукты. В ответ на свои пожелания они получили резолюцию, приглашающую их сделать все возможное, чтобы платить долги.

Практический результат конференции равен, конечно, нулю. Я посылаю Вам сводку «решений» конференции по всем вопросам повестки дня **. Сводка составлена на основе отчетов обеих комиссий.

По вопросам, обсуждение которых представляло для нас специальный интерес, я прилагаю особые обзоры [192].

Б. Розенблюм

Печат. по арх.

258. Обмен телеграммами между Правительством СССР и Правительством Испании об установлении дипломатических отношений

1. ТЕЛЕГРАММА
МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИСПАНИИ
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
М. М. ЛИТВИНОВУ

27 июля 1933 г.

Имею честь уведомить Вас, что Правительство Испанской Республики, воодушевленное желанием укрепить всеобщий мир и восстановить дружественные отношения между народами Испании и Союза Советских Социалистических Республик, признает де-факто и де-юре Правительство Союза Советских Социалистических Республик как единственное законное и суверенное Правительство Союза Советских Социалистических Республик.

На основании вышеизложенного Правительство Испанской Республики признает необходимым восстановить нормальные дипломатические и экономические отношения между обеими странами и готово приступить к немедленному обмену По-

---

* См. док. № 189.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VII, М., 1934, стр. 23—26.

слами с Правительством Союза Советских Социалистических Республик и начать переговоры о заключении торгового договора, который должен служить базой для развития торговых отношений между Испанией и Союзом Советских Социалистических Республик.

Де Лос Риос

2. ТЕЛЕГРАММА
ВР. И. О. НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИСПАНИИ
ДЕ ЛОС РИОСУ

28 июля 1933 г.

Имею честь уведомить Вас, что Правительство СССР, одушевленное желанием упрочить всеобщий мир и восстановить дружественные отношения между народами СССР и Испанией, признает де-факто и де-юре Правительство Испанской Республики как единственное законное и суверенное Правительство Испании.

Вследствие изложенного Правительство СССР считает необходимым восстановление нормальных дипломатических и хозяйственных отношений между обеими странами и готово приступить к немедленному обмену Послами с Правительством Испанской Республики и вступить в переговоры о заключении торгового договора, предназначенного служить основой для развития торговых отношений между СССР и Испанией.

Крестинский

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 187(5118), 29 июля 1933 г.

259. Речь члена советской делегации И. М. Майского на пленарном заседании Мировой экономической конференции

27 июля 1933 г.

Первая сессия Мировой экономической конференции подошла к концу, и настало время, когда вся конференция в целом и каждая делегация в отдельности могут и должны подвести итоги событиям последних шести недель. Я попробую это сделать от имени советской делегации.

Какую цель преследовал созыв Мировой экономической конференции? Я не собираюсь здесь давать своего собственного ответа на этот вопрос, который, вероятно, сильно разнился бы от ответа большинства присутствующих делегаций. Я предпочитаю процитировать сейчас тот ответ, который на

поставленный вопрос дали эксперты 17 стран, в число которых, однако, не были приглашены представители СССР и которые выработали так называемый «проект порядка дня», легший в основу работ нашей конференции *.

«В процессе движения в сторону экономического успокоения,— говорится в этом документе,— в Лозанне было подписано перемирие **. Лондонская конференция должна выработать мирный договор. Если это решающее мероприятие потерпит крушение, то создастся опасность принятия всеми странами идеалов автаркии, которые не преминут парализовать экономическое развитие. Такой выбор потряс бы до основания всю систему международных финансов, снизил бы уровень жизни, и социальная система, какой мы ее знаем, едва ли могла бы выжить» ***.

Так вот какие задачи ставили перед Мировой экономической конференцией ее организаторы и вдохновители. Она должна была дать человечеству постоянный «мирный договор» в экономической сфере и тем самым, как заявляли те же эксперты в другом месте своего документа, обеспечить быстрое проведение «широкой программы мирового восстановления».

Что же, однако, Мировая экономическая конференция фактически сделала за шесть недель своего существования?

Советская делегация внесла на конференцию два предложения: пакт об экономическом ненападении**** и вопрос о расширении импортных возможностей различных стран *****. Казалось бы, Мировая экономическая конференция, основной задачей которой согласно «проекту порядка дня» являлось заключение всеобщего «мирного договора», обеспечивающего всем странам «экономическое успокоение», должна была бы безоговорочно голосовать за советское предложение. В действительности, однако, вышло иное. За исключением Турции, Польши и Свободного Ирландского государства, представителям которых я считаю долгом высказать свою искреннюю благодарность, никто не поддержал советского пакта об экономическом ненападении, и самый этот пакт опять, как и в Комиссии по изучению вопроса о европейском союзе в 1931 г., был сдан в одну из многочисленных комиссий Мировой экономической конференции, где ему, очевидно, придется провести немало времени в состоянии анабиоза. Еще меньше понимания встретило на Мировой экономической конференции второе совет-

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. V, М., 1933, стр. 75—80.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. IV, М., 1933, стр. 3—30.

*** Перевод цитаты уточнен по подлиннику.

**** См. док. № 187.

***** См. док. № 178.

ское предложение о расширении импортных возможностей, хотя целью этого предложения было рассасывание мировых излишков товаров, в наличии которых большинство делегаций усматривает одну из главных причин катастрофического падения мировых цен. Наше второе предложение в конечном счете также было похоронено в одной из комиссий Мировой экономической конференции.

Впрочем, в интересах объективности я должен констатировать, что Мировая экономическая конференция обнаружила столь жестокое обращение не только с советскими предложениями, на которые ряд делегаций склонен был смотреть как на нежеланных пасынков. Немногим лучше оказалась судьба собственных родных детей Мировой экономической конференции — тех предложений, которые были выработаны и внесены на конференцию экспертами 17 держав.

В самом деле, «проект порядка дня» предусматривал решение конференцией целого ряда важнейших проблем финансового и экономического порядка — таких, как, например, стабилизация мировых валют, отмена финансовых и валютных ограничений, расширение и удешевление кредита, повышение уровня цен, понижение таможенных тарифов, обеспечение действия принципа наибольшего благоприятствования, развитие общественных работ, координация производства и обмена и т. д. Что сделано на Мировой экономической конференции по всем этим вопросам? Ровно ничего. Обсуждение и решение всех только что перечисленных вопросов сдано в соответствующие комиссии и отложено до более благоприятного будущего.

Во второй половине Мировой экономической конференции, когда для организаторов последней окончательно выяснилось, что обсуждение основных проблем конференции, как стабилизация валют, торговая политика и др., по разным причинам должно быть заморожено, на первое место были выдвинуты вопросы координации производства и обмена. В течение последних недель именно эти вопросы стояли в центре внимания, и на этом участке работ Мировой экономической конференции многие делегации ожидали достижения, быть может, не столь сенсационных, но зато более конкретных, положительных результатов. Что, однако, получилось в действительности? А вот что. Возьмем, например, лес. Обсуждение вопроса отложено до начала октября. Уголь — вопрос передан Совету Лиги наций. Вино — вопрос передан в Международное бюро по вопросам вина. Молочные продукты — вопрос передан Международному аграрному институту. Олово — вопрос передан Международному институту олова. Кофе — всем заинтересованным странам предложено представить свои соображения секретариату Мировой экономической конференции. Пшеница —

вопрос вообще исключен из официальной программы конференции и т. д. Я мог бы легко увеличить число примеров, но это едва ли необходимо.

Вся работа Мировой экономической конференции, вся работа ее многочисленных комиссий и подкомиссий на протяжении этих шести недель была глубоко проникнута одним настроением, одним стремлением: «отложить!».

Отложить серьезное обсуждение проблем, отложить принятие каких-либо серьезных и обязывающих решений по этим проблемам. В конце концов и вся Мировая экономическая конференция в целом решила себя тоже «отложить» в надежде, очевидно, на то, что будущее окажется к ней более милостивым, чем настоящее.

Таким образом, если сопоставить задачи, формулированные «проектом порядка дня», с теми материалами, которые в последние дни разосланы всем нам секретариатом конференции, то, отнюдь не вдаваясь в полемические преувеличения, строго следуя *лишь* фактам, простым реальным фактам, придется прийти к одному неизбежному заключению: практические результаты первой сессии Мировой экономической конференции оказались равными нулю.

Какой вывод можно сделать из только-что перечисленных фактов?

Если следовать простой человеческой логике, то вывод отсюда можно сделать только один: противоречия, раздирающие мировую капиталистическую систему, в настоящее время зашли так далеко, что они не допускают уже хотя бы временного и хотя бы чисто внешнего примирения. Год тому назад конференция по разоружению устроила свою первую отсрочку после шести месяцев работ и при этом оказалась еще в состоянии замаскировать разлагавшие ее противоречия некоторыми решениями, которые сохранили хотя бы чисто показную видимость какого-то единства. Был фиксирован также определенный срок возобновления работ. Напротив, Мировая экономическая конференция в возрасте всего лишь шести недель обнаружила столь несомненные симптомы безнадежной старческой дряхлости, что ее организаторы вынуждены сейчас просто распустить делегатов по домам без всяких решений и даже без определения точного срока созыва новой сессии. Если в июле 1932 г. конференция по разоружению еще сумела совершить организованное стратегическое отступление, то в июле 1933 г. Мировая экономическая конференция закончила свои занятия беспорядочным паническим бегством.

Это сопоставление говорит чрезвычайно много. Оно с необыкновенной яркостью свидетельствует о том, что та глубокая органическая болезнь, которая в наши дни разъедает самые основы мировой капиталистической системы, за минувший

год сделала громадный скачок вперед. Крах первой, и, кто знает, может быть, последней, сессии Мировой экономической конференции свидетельствует о быстро прогрессирующем развале этой системы со всеми вытекающими отсюда последствиями: катастрофическим падением производства, беспримерным свертыванием мировой торговли, колоссальным развитием безработицы и т. д., и т. д. Вместе с тем едва ли можно сомневаться, что крах Мировой экономической конференции, как и предвидели уже цитированные выше эксперты 17 держав, явится исходным пунктом нового и еще более стремительного расцвета экономического национализма. Это может означать на практике лишь всеобщую экономическую войну, возведенную в теорию, войну всех против всех по принципу «спасайся, кто может!». При этом должны особенно пострадать небольшие страны, ибо именно за их счет во всеобщей свалке экономических противоречий более могущественные государства будут пытаться поправить свои дела. Но ожесточенная экономическая война «всех против всех» еще не является последним словом тех опасностей, которые сейчас подстерегают мир.

Экономические войны, как учит история, и в более спокойные времена очень часто имели своим последствием настоящие войны, войны с помощью пушек, ружей и пулеметов. С тем большим основанием мы можем ожидать того же в наши дни. Мировое политическое равновесие в настоящий момент столь шатко и непрочно, так много имеется «опасных зон» и «взрывчатых проблем» в различных концах земли, что достаточно сравнительно небольшого толчка для развязывания грозного пожара войны. Вся мировая атмосфера наших дней насыщена смутными предчувствиями надвигающейся катастрофы. Кто этого не сознает, кто пытается это отрицать, тот либо живет самообманом, либо плохо умеет читать в книге современности. И тот безудержный экономический национализм, который, судя по многочисленным признакам, угрожает прорвать все плотины после разъезда Мировой экономической конференции, легко может стать, если вовремя не будут приняты надлежащие меры, предтечей новой мировой войны. Именно исходя из всех вышеизложенных соображений, советская делегация воздерживается от голосования по вопросу об отсрочке конференции.

Как бы, однако, ни сложился ход событий, СССР будет неуклонно продолжать ту испытанную политику мира, которая составляет самую сущность советской внешней политики и которая делает сейчас Советское правительство важнейшим фактором, обеспечивающим международный мир. СССР, совершенно чуждый идеям экономического национализма, будет вместе с тем стремиться к развитию и укреплению своих торговых отношений с другими странами на базе установленных

принципов своей торговой политики. Твердая воля СССР к миру нашла себе чрезвычайно яркое выражение как раз здесь, в Лондоне, на протяжении минувших шести недель в факте ликвидации советско-британского конфликта * и в подписании конвенции с 10 державами об определении понятия нападающей стороны **. Крах Мировой экономической конференции ни в какой мере не может отразиться на поведении СССР, ибо советская делегация, хорошо учитывая глубину противоречий, раздирающих в наши дни капиталистический мир, никогда не ожидала от этой конференции каких-либо серьезных положительных результатов.

Наоборот, с тем большей энергией и последовательностью СССР будет теперь принимать все те шаги и меры, которые хотя бы в малейшей степени в состоянии способствовать сохранению мира. Несмотря на огромный рост экономического и политического могущества нашей страны в результате успешного выполнения первого пятилетнего плана, СССР является по-прежнему горячим сторонником мира. Этот мир необходим ему в интересах скорейшего построения социализма — единственной системы, которая раз навсегда ликвидирует самые корни нынешних бедствий человечества. Этот мир необходим и всем другим странам в интересах спасения их от ужасов и разрушений новой войны, размеры которых далеко превзойдут страшный опыт 1914—1918 гг. СССР твердо рассчитывает, что в великой борьбе за мир, которая является важнейшей задачей международной политики наших дней, он будет иметь на своей стороне не только широкие трудящиеся массы всего мира, но также и все наиболее честные, сознательные и прогрессивные элементы человечества.

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 185(5117), 28 июля 1933 г.

260. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Вне очереди
28 июля 1933 г.

Я спросил Утида, каков его ответ на уже, несомненно, известную ему мою ноту насчет «Пешкова» [195]. Утида ответил, что с нотой знаком и жалеет, что на фоне наших хороших отношений все же произошло огорчающее его событие, что он хочет разрешить вопрос по-дружески. Недоразумение возник-

* См. док. № 212.
** См. док. № 213, 218, 220.

ло из-за «Котохиро-мару», задержанного нами по обвинению в незаконном лове рыбы в советских территориальных водах. Японская сторона считает, что лов имел место вне советских вод, и поэтому захват парохода вызвал сильное возбуждение в морских кругах, и у японского правительства было опасение за последствия этого негодования. Ввиду того что «Пешков» принимал живейшее участие в захвате «Котохиро-мару», он был задержан японскими военными судами. Моряки считали, что эта мера ускорит разрешение вопроса о «Котохиро-мару». Решение советского суда по делу этого парохода [154] снова дало повод к негодованию морских кругов, и очень трудно было бы сказать, чем все это кончится. Со своей стороны министр предлагает в качестве выхода одновременное освобождение «Пешкова» и «Котохиро-мару». По его мнению, положение осложняется фактом судебного решения о «Котохиро-мару», но тем не менее вопрос должен быть решен до сообщения о том, что «Пешков» освобождается, иначе «Пешков» будет предан суду. На это я ответил, что ждал от Утида иного ответа. Признание и оправдание министром иностранных дел захвата «Пешкова» меня глубоко огорчает. Захват является неслыханным в отношениях между двумя находящимися в нормальных отношениях странами актом, и его можно было бы квалифицировать с точки зрения международного права как пиратство. Положение, при котором средствами давления на нас являются насильственные враждебные действия военных судов, когда угроза становится методом политики, явно нетерпимо и никак не согласуется с заявлением японского правительства о желании укреплять добрососедские отношения с СССР. Поэтому, отклоняя предложение министра об одновременном освобождении судов, из коих одно задержано на законном основании, а другое захвачено в порядке отместки, настаиваю на освобождении «Пешкова». Вместе с тем я хотел бы знать, за что, собственно говоря, может быть предан суду «Пешков». Утида обиделся за выражение насчет пиратства, но после того, как я заявил, что так можно было бы квалифицировать захват «Пешкова», но что я это не сделал, успокоился. Он вновь утверждал, что мы незаконно захватили «Котохиро-мару», и добавил, что «Пешков» будет судим, если мы не освободим японское судно, за участие в захвате последнего. На это я возразил ссылкой на тот факт, что японский консул признал законной задержку нами судна, что же касается суда над «Пешковым», то из всего, что мне сказал министр, совершенно ясен искусственный характер повода для суда. Утида на это не реагировал и начал придумывать способы ликвидации конфликта. Он лично видит две возможности при нашем согласии, одна из коих: «Пешков» может быть отпущен тотчас же, «Котохиро-мару» подает апелляцию на приговор суда, и мы,

оправдывая его, освобождаем; или вторая: мы обещаем явочным порядком вернуть судну взятые у него деньги и сети и снять запрет на отъезд его из наших вод. Я ответил, что наше требование об освобождении «Пешкова» остается в силе и что предварительным условием, как этого желает Утида, облегчения «Котохиро-мару» должно быть освобождение «Пешкова». При этом об «облегчениях» говорю лишь от своего имени, не имея на то никаких полномочий. Этим беседа закончилась. Дома я установил из записи Железнякова *, что Утида выразился однажды, что, «в сущности говоря, «Котохиро-мару» уже освобождено». Миякава ** мне этого не перевел, и поэтому до конца разговора у меня было представление, что их судно все еще задержано, и это дало мне основание для вышеуказанного личного заявления. Установив, что «Котохиро-мару» освобождено, я сегодня утром послал Железнякова к Миякава с сообщением о том, что мы оказались введенными в заблуждение, и поэтому я прошу личную часть моей беседы с Утида считать не существующей. Что же касается мнения министра о способах ликвидации конфликта, то оно мною передано в Москву. Выяснил также, что вчера вечером, то есть после моей беседы с Утида, Миякава на обеде у Того *** на вопрос Спильванека о том, освобождено ли «Котохиро-мару», пытался скрыть истину и только после уверток и колебания заявил, что «кажется, освобождено».

Полпред

Печат. по арх.

261. Телеграмма членов советской делегации на конференции в Токио по КВЖД К. К. Юреневу, Б. И. Козловского, С. М. Кузнецова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
28 июля 1933 г.

Козловский встретился сегодня с Охаси, чтобы окончательно договориться о частных переговорах. Явно демонстрируя свою независимость от министерства, Охаси забраковал предложение Того называть наши совещания особыми и вновь настаивал на неофициальных совещаниях. Договорились называть их, хотя это по-русски не совсем грамотно, промежуточными совещаниями [136]. Как мы и ожидали, Охаси категорически отклонил предложение Козловского приступить немедлен-

---

* Первый секретарь полпредства СССР в Японии.

** Сотрудник МИД Японии.

*** Заведующий европейско-американским департаментом МИД Японии.

но к деловым переговорам, не дожидаясь открытия отмененного в связи с болезнью Кузнецова заседания конференции, Охаси заявил, что они пойдут на частные переговоры только после того, как они огласят на 6-м заседании, как это было условлено на предыдущем заседании, свое ответное заявление. Предлагая созвать заседание без Кузнецова, [Охаси] заявлял, что сведения прессы о том, что он готовит «бомбообразное» выступление, неверны и что нам опасаться нечего. Козловский заявил, что мы на деле доказали, что не боимся никаких выступлений, но без согласия Москвы не можем идти на официальное заседание без Кузнецова, учитывая, что, возможно, нам придется на заседании делать какие-нибудь контрзаявления. Что касается совещания, то советская делегация поручает Козловскому, в целях ускорения переговоров, приступить немедленно к переговорам с Охаси. Охаси категорически настаивает на своем, мотивируя решением предыдущего заседания. Охаси неожиданно заявил претензию по поводу якобы опубликования ТАСС нашего последнего заявления на 5-м заседании *, утверждая, что мы обязались предварительно уведомлять, а по возможности и согласовывать с ним всякое опубликование материалов конференции. Козловский решительно отклонил эту претензию, напомнил ему, что в личных переговорах с ним, а также на официальных заседаниях было ясно оговорено наше неограниченное право давать информацию через ТАСС. Охаси, не моргнув, начал отрицать эту договоренность, заявив, что это было бы величайшей глупостью с их стороны дать такие привилегии советской стороне, которая таким путем свободно информирует по-своему не только СССР, но и весь мир, включая Японию. Козловский отказался вступать в дальнейшую дискуссию по этому вопросу, как решенному конференцией, не возражая против того, чтобы маньчжурская делегация, если ее не устраивает старое решение, поставила официально перед нами новое предложение.

С полной ясностью выявляется драка между МИД и военными. Охаси явно стремится к затягиванию переговоров и срыву и ищет повода для создания затруднений конференции. Мы считаем необходимым: производить нажим через Того и Хирота, особенно учитывая высказывания Того о конференции и совещаниях. В то же время, чтобы не дать сорвать деловую работу, согласиться в крайнем случае, если МИД ничего не сможет и не захочет сделать, на созыв 2 августа 6-го заседания конференции. Срочно сообщите ваши указания [195].

Делегация

Печат. по арх.

---

* См. док. № 246.

262. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Персии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

30 июля 1933 г.

28 июля Форуги * сообщил мне, что персидское правительство распорядилось принять меры против саранчи на среднеазиатской границе. По вопросу же регистрации саранчовых кубышек на персидской Мугани и допуска наших организаций для истребительных работ в текущем году он занимает уклончивую позицию, заявляя, что еще не «изучил» этих вопросов [196].

Пастухов

Печат. по арх.

263. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову

Немедленно
31 июля 1933 г.

Заявите китайскому правительству, что мы даем принципиальное согласие на ведение переговоров о пакте о ненападении, однако предложенный китайским мининделом проект [197] не считаем приемлемым в качестве основы и согласны рассматривать лишь в качестве предварительного материала для переговоров. Со своей стороны представим на рассмотрение китайского мининдела свой проект. В случае согласия китайского мининдела с такой постановкой мы незамедлительно приступим к составлению своего проекта **.

Замнаркоминдел

Печат. по арх.

264. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову

2 августа 1933 г.

Как Вам известно, в продолжение последних лет мы внесли в МИД ряд конвенций, которые, несмотря на проявляемую нами активность, находятся там почти в абсолютном покое. Если некоторые из этих конвенций, как консульская, о совместной борьбе с контрабандой, о наследовании, об урегулиро-

* Министр иностранных дел Персии.
** См. док. № 319.

вании коллизий в семейном праве, не представляют для нас особой срочности, то другие — о борьбе с сельскохозяйственными и саранчовыми вредителями, дополнительный протокол к водной конвенции, пастбищная конвенция и препровождаемый Вам настоящей почтой при особом письме проект конвенции об институте погранкомиссаров — представляют для нас существенный интерес[198].

Вы знаете, что ежегодно сельское хозяйство наших пограничных районов находится под угрозой нашествия персидской саранчи и что в целях предупреждения этой угрозы нам приходится ежегодно вступать в длительные переговоры с персидским правительством о пропуске наших экспедиций, причем все это проходит не совсем гладко. Учитывая данное обстоятельство, СНК еще в прошлом году обязал нас обеспечить заключение специальной конвенции с персидским правительством о регулярном пропуске наших противосаранчовых экспедиций. Внесенный нами в МИД проект конвенции о борьбе с сельскохозяйственными и саранчовыми вредителями, в случае подписания, покроет это предложение СНК. Надо только форсировать его оформление.

Создавшаяся ситуация — перелом в настроениях персов и проявляемая ими готовность к нормализации советско-персидских взаимоотношений путем устранения препятствий, порождающих взаимные трения, дают нам основания полагать, что при соответствующей нашей настойчивости можно будет продвинуть эти замороженные в МИД дела, тем более, что и для персов они имеют существенное значение. В число этих дел надо будет включить и дополнительный водный протокол, который персы консервировали в порядке репрессалий, так как в основном этот протокол согласован на мешхедской конференции[199]. Наконец, пастбищная конвенция. Правда, последняя имеет для нас меньшее значение по сравнению с первыми двумя, но форсирование подписания ее также желательно, поскольку эта конвенция призвана урегулировать пастбищные вопросы в целом *.

Особое значение будет иметь для нас подписание конвенции о пограничных комиссарах, так как вопрос о режиме пограничной полосы, об урегулировании разрешения пограничных конфликтов является наиболее уязвимым местом в советско-персидских взаимоотношениях. Эта конвенция имеет задачей до известной степени упорядочить работу института пограничных комиссаров и тем обеспечить нормальные условия для разрешения пограничных конфликтов. Проект этой конвенции уже утвержден Коллегией. В настоящее время он внесен на утверждение СНК. О постановлении последнего мы

* См. док. № 415.

Вас информируем, дабы Вы вручили этот проект МИД и предложили подписать таковой *.

Подписанию всех этих четырех документов мы придаем существенное значение в деле нормализации советско-персидских взаимоотношений и просим Вас форсировать оформление этих актов.

Карахан

Печат. по арх.

265. Телеграмма Полномочного Представителя СССР и и. о. Торгового Представителя СССР в Персии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану

2 августа 1933 г.

27 июля состоялась беседа Шостака с Сайяхом **, 28 июля — беседа Пастухова с Форуги. В этих беседах мы лишний раз решительно подчеркнули занятую нами позицию в вопросе бойкота ***, другая сторона также твердо держалась предыдущей позиции персидского правительства. 30 июля, по-видимому, после информации членов кабинета о состоявшейся беседе, а также в связи с жалобой 120 купцов, поданной шаху, последний дал распоряжение правительству немедленно снять бойкот. 31 июля состоялось совещание группы крупных купцов у начальника полиции и 1 августа такое же совещание у министра иностранных дел Форуги. Завтра состоится совещание купцов в торговой палате для принятия резолюции и обращения к провинциальному купечеству, каковое будет опубликовано в печати. Сегодня купцы начали усиленно посещать торгпредство и хозорганы. На прием к Шостаку образовалась очередь. Резолюцию торговой палаты передадим завтра ТАСС, особой телеграммой сделаем наши предложения [200].

Пастухов
Шостак

Печат. по арх.

266. Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном

4 августа 1933 г.

Фон Дирксен сообщил, что он уезжает в течение ближайших дней в Берлин, с тем чтобы вернуться обратно в Москву.

---

* См. док. № 385.
** Директор департамента Восточной Европы МИД Персии.
*** См. док. № 78.

Он придает очень большое значение своему сегодняшнему посещению и поэтому хотел бы в беседе подробно остановиться на всем комплексе германо-советских отношений. В первую очередь он должен заявить, что он твердо убежден в том, что Геббельс не мог сделать заявления о Рапалльском договоре * в интервью, опубликованном в английской газете и воспроизведенном сегодня «Известиями» **. Дирксен уже сегодня снесся по телефону с Берлином и надеется иметь возможность в течение ближайших дней внести ясность в этот вопрос. Он лично совершенно убежден, что подобного рода заявление не имело места.

Далее Дирксен перешел к проблеме германо-советских отношений. Он заявил следующее: после взятия власти в Германии национал-социалистским правительством, естественно, могло возникнуть беспокойство под углом зрения дальнейшего развития советско-германских отношений. Однако рейхсканцлер уже 23 марта в своей речи в рейхстаге внес полную ясность в этот вопрос и совершенно недвусмысленно подчеркнул, что германское правительство желает сохранения и развития существующих отношений между двумя странами. Целый ряд дальнейших выступлений подтвердил и усилил это принципиальное заявление. Ратификация продления Берлинского договора является также доказательством серьезности намерений германского правительства. Посол убежден, что германской стороной созданы все предпосылки для нормального развития прежних отношений. Он рассчитывал, что Советское правительство также создаст необходимые предпосылки. Эти надежды, однако, не оправдались.

Посол считает необходимым подчеркнуть, что заключенные Советским Союзом новые соглашения с другими странами, в том числе пакты о ненападении с Францией и Польшей ***, были восприняты германским правительством и общественным мнением как акты, не затрагивающие германо-советских отношений. Подписание лондонских конвенций **** рассматривалось как успех советской внешней политики, также не наносящий ущерба Германии.

Одновременно с этим, однако, советская общественность чем дальше, тем более отчетливо проявляет антигерманские тенденции. Вся советская пресса полна резких выпадов против Германии, с которыми не могут идти в сравнение выступления прессы других стран. Еще недавно советская общественность категорически высказывалась против Версальского договора; в данный же момент ревизия этого договора квалифицируется

* См. т. V, док. № 121.
** См. «Известия» соответственно 4 и 5 августа 1933 г.
*** См. т. XV, соответственно док. № 456, 300.
**** См. док. № 213, 218, 220.

как военная угроза. Радек при посещении Гдыни, расписавшись в книге, счел необходимым написать, что «море связывает Польшу и СССР». Одновременно с этим советская пресса систематически пишет о германских вооружениях, что еще недавно было бы совершенно невероятным. Советский летчик Нягаунис, находясь в Варшаве, выразил надежду, что удастся установить сотрудничество между Польшей и СССР в летном деле, обмен опытом и т. п.

Посол, обобщая все эти факты и приводя их к одному знаменателю, должен с глубоким сожалением констатировать, что во внешней политике Советского Союза произошел резкий поворот в отношении Германии и притом в крайне отрицательном смысле. Ему трудно судить, каковы причины этого поворота. С одной стороны, возможно, что Советское правительство возлагает особые надежды на преимущества, даваемые ему сближением с Францией и Польшей. С другой стороны, однако, возникает представление о том, что внутриполитические события, борьба против коммунизма в Германии определяют внешнюю политику Советского Союза. Есть основание предположить, что КПГ в глазах советских руководящих партийных кругов не может быть сравнима, скажем, с коммунистической партией Турции, и поэтому во внешней политике СССР довлеют партийные моменты. Исходя из всего этого, посол просит меня высказать свою точку зрения и, в частности, объяснить ему причины поворота нашей политики в отношении Германии.

В своем ответе на заявления Дирксена я указал, что работа посла, проведенная им в Советском Союзе, расценивалась нами как весьма плодотворная и соответствующая интересам обеих стран. В связи с этим я выразил сожаление, что посол уезжает из СССР.

Что касается взаимоотношений между СССР и Германией, то Советское правительство руководится основным принципом — сохранения и укрепления дружественных отношений со всеми странами. Этот принцип применялся Советским правительством в отношении Германии прежде, он и теперь остается в силе. В частности, с нашей стороны никогда не было проявлено тенденции рассматривать Рапалльский договор как нецелесообразный или невыгодный. Мы также никогда не давали повода к постановке этого вопроса со стороны Германии.

Что касается внутренней политики германского правительства, то Советский Союз твердо проводил и проводит линию невмешательства во внутренние дела других государств. Эта политика Советского Союза подтверждена всеми фактами. С другой стороны, однако, на нас не могло не произвести определенного впечатления то обстоятельство, что за последние ме-

сяцы произошел ряд недопустимых актов в отношении наших граждан в Германии; сюда относятся аресты, обыски и всяческие насилия. Что касается вопроса, поставленного г. послом об изменении нашего отношения к Германии, то я вынужден поставить встречный вопрос: можно ли пройти мимо таких фактов, как уже отмеченное послом интервью Геббельса, ставящего Рапалльский и Версальский договоры на одну доску?

Дирксен перебил меня и заявил, что он еще раз выражает уверенность в том, что Геббельс не мог сделать подобного заявления. На это я ответил, что в этот вопрос должна быть внесена полная ясность.

Далее я констатировал, что немыслимо положение, при котором наряду с декларированием дружественных отношений могут иметь место выступления официальных лиц, подобные последнему выступлению министра Геббельса и др. Мы стремимся сохранить дружественные отношения с Германией, но если мы встречаем со стороны официальных германских деятелей неоднократные враждебные СССР выступления, то это заставляет нас относиться настороженно к новым тенденциям политики германского правительства и внимательно изучать, насколько глубоко эти выступления отражают истинные намерения германского правительства. В частности, мы не могли не придать серьезного значения известным выступлениям германских деятелей на экономической конференции в Лондоне *. Подобные выступления официальных германских представителей нельзя, конечно, сравнивать с заявлениями отдельных советских неофициальных лиц, о которых говорил посол. Что касается надписи, сделанной Радеком в книге в Гдыне, то я впервые услышал о ней от посла, но она, впрочем, не содержит в себе ничего однозного.

Таким образом, перечисленные мною моменты заставляют поставить вопрос об истинных тенденциях Германии в области отношений с СССР.

Я подчеркнул свое согласие с оценкой, данной послом последним соглашениям, заключенным СССР с рядом стран. Посол совершенно прав, считая, что эти соглашения не затрагивают существующих отношений СССР с Германией. Поскольку интересы Германии и СССР неразрывно связаны с интересами всеобщего мира,— а в укреплении последнего лежит смысл этих соглашений,— то развитие дружественных отношений между Германией и СССР может не встретить никаких затруднений.

Наше отношение к Версальскому договору определяется стремлением к сохранению всеобщего мира. Это стремление к сохранению и укреплению всеобщего мира, а также принцип

---

* См. док. № 189, 190, 209.

свободного национального развития всех народов являлись и являются основами политики Советской власти за все время ее существования. Этими принципами определяется наше отношение к Версальскому договору. Я далее заявил, что могу заверить г. посла в том, что наша позиция в этом вопросе не подверглась изменению, наши дальнейшие отношения с Германией, таким образом, будут зависеть исключительно от того, какой позиции в отношении СССР будет придерживаться Германия. Если она будет проводить прежнюю политику, то у нас нет никаких оснований изменять наши установки.

После этого посол высказал благодарность за любезные и дружественные заверения по его адресу и за заявления, касающиеся германо-советских отношений. Его крайне радует, что Советское правительство желает сохранять прежние отношения с Германией, в случае если с германской стороны будет проводиться положительная политика. Что касается эксцессов, имевших место в некоторых случаях в отношении советских граждан, то они ни в какой степени не были направлены против граждан Советского Союза, так как в отношении граждан других стран, например Чехословакии и Польши, имело место гораздо большее число эксцессов; все это объясняется сдвигами, происшедшими в Германии.

Я иронически заметил, что сообщаемое послом утешительно, но не совсем нас успокаивает, так как Советское правительство видит свою задачу в защите интересов советских граждан.

Дирксен заметил, что после инцидента в советском клубе в Гамбурге было принесено исчерпывающее извинение и была предоставлена крупная сумма для компенсирования возникших убытков.

Далее Дирксен перешел к выступлениям на экономической конференции в Лондоне. Меморандуму Гугенберга * в СССР было придано чрезмерное значение. Характерно, что в других странах, например в Польше и Лимитрофах, меморандум не вызвал такого возбуждения, как в Москве. Тем более следует учесть, что Гугенберг ушел в отставку, что самым убедительным образом говорит о его дезавуировании.

Я дал понять при этом Дирксену, что сомневаюсь в достаточности этого дезавуирования. Одновременно я подчеркнул, что вся мировая пресса уделила огромное внимание меморандуму Гугенберга, на что Дирксен возразил, что речь идет только об антигерманских органах печати. Я еще раз подчеркнул, что наше понимание меморандума Гугенберга совпало с оценкой его весьма значительной частью мировой печати.

---

* См. док. № 189, 190.

Дирксен после этого заметил, что меморандум Гугенберга был у нас воспроизведен с рядом искажений. Я ответил, что читал и текст, сообщенный в прессе, и текст аутентичный и должен констатировать, что год тому назад подобного рода меморандумы не появлялись и не было необходимости прибегать к спорам об аутентичности текстов.

После этого Дирксен заявил следующее. Когда он в конце мая находился в Берлине, он имел возможность беседовать с рейхсканцлером Гитлером, министрами Геббельсом, Фриком, Герингом и другими руководящими лицами. Все перечисленные деятели выявили самое положительное отношение к развитию германо-советских отношений. Их точка зрения полностью совпадала с установками, содержащимися в речи рейхсканцлера в рейхстаге. Германское правительство и рейхсканцлер искренне стремятся к сохранению и укреплению дружественных отношений между Германией и СССР. Посол надеется, что и советской стороной будет проявлено подобное же отношение. Посол поэтому считает возможным выразить надежду, что его настоящая беседа со мной будет содействовать ликвидации имевших место недоразумений и трений. Посол очень благодарен мне за то, что я дал ему возможность высказать свою точку зрения и получить аутентичное заявление о позиции Советского правительства.

В конце беседы фон Дирксен вновь благодарил за доверие, оказанное ему Советским правительством и мною лично.

Заканчивая беседу, я выразил надежду, что в ближайшие дни мы получим от посла ответ по поводу интервью Геббельса. Посол обещал дать этот ответ в течение двух ближайших дней.

Следует отметить, что посол в течение всей беседы проявлял признаки сильного волнения.

[Молотов]

Печат. по арх.

267. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 августа 1933 г.

Наши противники сейчас усиленно стараются убедить Рузвельта, что СССР пойдет на развитие торговых отношений без признания и что наши утверждения об обратном являются лишь блефом. Вопрос, поставленный мне Моргентау[201], и поступающие дальнейшие сведения говорят о том, что президент серьезно об этом подумывает, чтобы не раздражать оппозицию. Переговоры «Амторга» о крупной сделке могут в этих

условиях способствовать укреплению позиции наших противников. Если дальнейшие сведения будут в том же духе, то нужно будет прервать переговоры и дать американцам понять, чтобы они не заблуждались насчет серьезности намерений Советского правительства.

Сквирский

Печат. по арх.

268. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Королю Афганистана Мухаммеду Надир-шаху Гази*

9 августа 1933 г.

Прошу Ваше Величество принять искренние поздравления по случаю 15-летней годовщины независимости дружественного Афганистана и наилучшие пожелания дальнейшего развития и процветания вашей страны.

Калинин

Печат. по арх.

На эту телеграмму Мухаммед Надир-шах направил на имя М. И. Калинина следующий ответ:

«Поздравительная телеграмма Вашего Высокопревосходительства по случаю наступления 15-й годовщины независимости нашей дорогой родины получена, и будучи весьма признательным и благодарным за добрые чувства уважаемого друга, выраженные Вами по отношению к нам и нашей дорогой стране, мы со своей стороны возобновляем наши пожелания и дружеские чувства».

269. Телеграмма вр. и. о. Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Министру Иностранных Дел Уругвая Альберто Манэ

13 августа 1933 г.

В ответ на Вашу телеграмму от 11 августа с. г. рад сообщить Вам, что Правительство СССР приняло к сведению решение Уругвайского Правительства учредить постоянное дипломатическое представительство в СССР и в свою очередь назначит своего дипломатического представителя в Монтевидео. Вместе с тем довожу до Вашего сведения, что Советское

---

* Телеграмма была направлена адресату при ноте полпреда СССР в Афганистане от 11 августа 1933 г. № 558 на имя министра иностранных дел Афганистана.

Правительство принимает предложение Правительства Уругвая о вступлении в переговоры с целью заключения торгового договора между СССР и Уругваем.

Вр. и. о. Народного Комиссара по Иностранным Делам
Н. Крестинский

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 200 (5131), 14 августа 1933 г.

В упоминаемой телеграмме министра иностранных дел Уругвая народному комиссару иностранных дел СССР говорилось:

«Я рад сообщить Вам, что ввиду увеличивающегося объема торговых отношений между Уругваем и СССР мое Правительство решило учредить в СССР постоянное дипломатическое представительство на основе телеграмм от 21 и 22 августа 1926 г.* В то же время мое Правительство предлагает СССР заключение торгового договора между обеими странами, что, как оно надеется, встретит благоприятное отношение со стороны вашего Правительства».

270. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Аттолико

14 августа 1933 г.

1. Аттолико объяснил, почему он задержался в Риме значительно дольше, чем он сначала предполагал. Он был принят Муссолини через неделю после своего приезда в Рим. На следующий день после этой беседы Муссолини уехал на целую неделю. На второй день после возвращения Муссолини в Рим ему был доложен выработанный в аппарате МИД проект, после чего Аттолико уехал. Как Аттолико и предполагал, Муссолини вызвал его для того, чтобы произвести с ним обзор отношений СССР с другими странами. Аттолико убедился в том, что в Риме под влиянием информации, упорно распространяемой из определенного иностранного источника, сложилось представление, будто наши Лондонские конвенции об определении агрессии** представляют собою международную акцию, направленную против «пакта четырех». Такое представление он нашел также у итальянского посланника в Варшаве Бастианини. Последний, находясь, по-видимому, в этом вопросе всецело под влиянием польской информации, объяснил Аттолико, что Польша, будучи наиболее непримиримым противником «пакта четырех», попыталась сначала найти поддержку Малой Антанты. Не встретив, однако, здесь надлежащего сочувствия, Польша решила поддержать советскую акцию, выразившуюся в заключении Лондонских конвенций. Не принимая на

* См. т. IX, док. № 238.
** См. док. № 213, 218, 220.

себя инициативы в этом деле, выдвигая на первый план СССР, Польша, по мнению Аттолико, стремится повсюду создать впечатление, что по инициативе СССР создается какой-то блок восточноевропейских государств, направленный против соглашений западных государств. Характерно, что даже полученный недавно Аттолико в копии доклад итальянского посланника в Ревеле тоже отражает это представление о каком-то намечающемся блоке восточных государств. Эта чрезвычайно активно проводимая поляками работа создала, по мнению Аттолико, и в Риме известное недоумение. В своем разговоре с Муссолини он почувствовал со стороны последнего наличие какого-то вопросительного знака. Однако после того, как Аттолико изложил ему в соответствии с разговором, который он имел со мною до отъезда в Рим[202], наше отношение к «пакту четырех», после того, как он объяснил Муссолини, что мы, конечно, совершенно определенно высказываемся против «пакта четырех», но что вместе с тем мы не намерены практически ничего предпринимать против какой-либо из стран — участниц пакта, Муссолини был удовлетворен и предложил ему взяться за работу. Аттолико спросил, дали ли мы уже ответ на те поправки, которые итальянцы предложили внести в наш проект *.

Я ответил, что не помню точно всех указаний, которые даны нами т. Потемкину. У меня в памяти остались лишь два более существенных момента. Первый — это по поводу дополнения вводной части пакта упоминанием о «полнейшем невмешательстве, прямом или косвенном, во внутренние дела другой договаривающейся стороны». Как послу известно, невмешательство во внутренние дела других стран является принципом нашей внешней политики, который мы строго соблюдаем независимо от заключения на этот счет специальных соглашений. У нас нет возражений против того, чтобы дополнить пакт упоминанием о взаимном невмешательстве во внутренние дела, но мы считаем, что это должно быть сделано в ясной и недвусмысленной форме, которая гарантировала бы от всяких ложных толкований в будущем. Мы согласны поэтому с итальянским предложением, но без слов «прямом или косвенном». Второе место, обратившее мое внимание, относится к 5-й статье, предложенной итальянским правительством, которая оговаривает сохранение для обеих сторон в силе прав и обязательств, вытекающих из ранее заключенных ими международных соглашений. Аналогичные статьи имеются и в пактах, заключенных нами с некоторыми другими странами, и мы и в данном случае не возражаем против включения этой статьи в наш пакт с Италией. Однако мы будем решительно

* См. док. № 274.

настаивать на том, чтобы эта статья, как это всегда делалось в предыдущих случаях, была дополнена указанием, констатирующим отсутствие в момент заключения пакта таких обязательств у договаривающихся сторон, которые противоречили бы обязательствам данного пакта. Я добавил, что, возможно, были еще и другие мелкие поправки редакционного характера, которых я сейчас не припоминаю.

Аттолико сказал, что он не ждет возражений против наших замечаний по этим двум пунктам. Он добавил, что именно по его инициативе вводную часть проекта редактировали таким образом, что она констатирует непрерывность дружественных отношений между СССР и Италией. Упоминание о невмешательстве во внутренние дела тоже сформулировано как обязательство продолжения обеими сторонами политики, которой они в течение ряда лет придерживаются в отношении друг друга. То, что в 5-й статье отсечено обычное для пактов декларативное заключение, является тоже делом рук его, Аттолико, так как он считал само собою разумеющимся, что ни у Италии, ни у СССР нет никаких соглашений, которые были бы в противоречии с пактом о ненападении.

Объясняя общее отношение итальянского правительства к пакту, Аттолико сказал, что итальянскому правительству приходилось, конечно, укрепляя дружбу с СССР, заботиться при этом о том, чтобы не принести ущерба другим дружбам. С другой стороны, упомянул он, поскольку НКИД и особенно Потемкин дали понять, что предпочитают иметь соглашение, ограниченное рамками пакта о ненападении, то итальянская сторона решила в этом нам не возражать. Аттолико выразил убеждение, что сейчас есть все данные для скорого окончания переговоров.

2. Аттолико спросил, верно ли сложившееся у него впечатление об известном, весьма еще незначительном, улучшении наших отношений с Германией. По его мнению, наблюдается вообще бо́льшая уверенность во внешней политике Германии не только по отношению к СССР. На основании имеющейся у него информации Аттолико убежден, что вопрос о ликвидации внешнеполитического бюро национал-социалистской партии и о переводе Розенберга на другую работу является решенным. Муссолини внимательно следит за германо-советскими отношениями, и недавно он воспользовался беседой с фон Папеном, чтобы самым недвусмысленным образом дать ему понять, что Италия не одобряет политики обострения германо-советских отношений. С другой стороны, Дирксен говорил Аттолико с чувством удовлетворения о беседах, которые он имел с Молотовым * и со мною [37].

---

* См. док. № 266.

Я ответил, что вопрос о хороших отношениях между СССР и Германией зависит от Германии. Мы неизменно стремимся к поддержанию добрых отношений со всеми государствами, и у нас нет никаких оснований делать исключение для Германии. Если с германской стороны будет действительно проявлена добрая воля, то нет никаких оснований для того, чтобы наши отношения с нынешним германским правительством не были такими же хорошими, как и наши отношения с предыдущим правительством. Нет никакой надобности в каких-либо новых двусторонних соглашениях между нами и Германией. Необходимо только, чтобы поведение германского правительства соответствовало духу этих соглашений и способствовало поддержанию добрых отношений.

3. Аттолико спросил, как идут наши торговые переговоры с Англией.

Я сказал, что переговоры хотя медленно, но продвигаются. Осложняющее влияние оказывают некоторые внешние моменты, как, например, британская политика в отношении доминионов.

Аттолико сказал, что его об этом информировал Стрэнг*, и не без ехидства добавил, что в то время как английские переговоры в общем продвигаются неплохо, в наших торговых переговорах с Францией, по его сведениям, нет прогресса.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

271. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Персии в СССР

23 августа 1933 г.

В ответ на ноту от 8 августа с. г. за № 2325 Народный Комиссариат по Иностранным Делам имеет честь сообщить Чрезвычайному Посольству следующее.

3 июля в 6 час. 45 мин. самолет сельскохозяйственной авиации под управлением летчицы Атулиной, потеряв ориентировку, в районе Белясувара уклонился в сторону территории Персии на 300 метров от линии границы и вскоре после этого вернулся обратно. Несмотря на это невольное нарушение линии государственной границы, гр. Атулина привлечена к ответственности. Одновременно даны категорические указания начальнику базы сельскохозяйственной авиации о необходимости принятия надлежащих мер к предупреждению подобных явлений в будущем.

---

* Временный поверенный в делах Великобритании в СССР

Народный Комиссариат полагает, что на основании изложенного Чрезвычайному Посольству не трудно будет усмотреть, что информация о нарушении линии государственной границы военным самолетом не соответствует действительности.

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте посольства Персии в СССР от 8 августа 1933 г. № 2325 говорилось:

«Персидское Посольство имеет честь довести до сведения Народного Комиссариата по Иностранным Делам, что, по полученному сообщению, 5 июля с. г. в 5 часов один советский военный самолет со знаком 131 со стороны советского Белясувара вторгся в воздушное пространство Персии и после двух кругов, совершенных над персидским Белясуваром и Бабакендом, вернулся в сторону советского Сальяны.

Выражая энергичный протест против незаконного вторжения советского военного самолета в воздушное пространство Персии и полета над ее территорией, Персидское Посольство имеет честь просить Народный Комиссариат по Иностранным Делам принять меры к прекращению подобных нарушений и о последующем уведомить сие Посольство».

272. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой о консолидации займов и кредитов, предоставленных Союзом Советских Социалистических Республик Монгольской Народной Республике

27 августа 1933 г.

Союз Советских Социалистических Республик в лице Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, Заместителя Народного Комиссара по Иностранным Делам Григория Яковлевича Сокольникова, с одной стороны, и

Монгольская Народная Республика в лице Полномочного Представителя Монгольской Народной Республики при Правительстве Союза Советских Социалистических Республик г. Самбу, с другой стороны,

действуя на основании представленных ими полномочий, заключили настоящее Соглашение о нижеследующем:

Статья 1

Предоставленные Союзом Советских Социалистических Республик Монгольской Народной Республике в разное время займы и кредиты, оставшиеся полностью или частично непога-

шенными к 1 января 1933 года, согласно прилагаемого к настоящему Соглашению дополнительного Протокола, подлежат консолидации в единый заем.

Статья 2

Полученный таким образом консолидированный заем под названием «Консолидированный заем 1933 года» в сумме четырнадцати миллионов тугриков предоставляется Союзом Советских Социалистических Республик Монгольской Народной Республике на пятнадцать лет на изложенных ниже условиях.

Статья 3

Сроком предоставления Консолидированного займа 1933 года принимается 1 января 1933 года.

Статья 4

Консолидированный заем 1933 года погашается частями каждое 1 января, начиная с 1 января 1935 года и кончая 1 января 1948 года, в следующем порядке:

1 января 1935 г.—	100 000 тугриков,
1 января 1936 г.—	150 000 тугриков,
1 января 1937 г.—	200 000 тугриков,
1 января 1938 г.—	250 000 тугриков,
1 января 1939 г.—	300 000 тугриков,
1 января 1940 г.—	350 000 тугриков,
1 января 1941 г.—	400 000 тугриков,
1 января 1942 г.—	1 450 000 тугриков,
1 января 1943 г.—	1 500 000 тугриков,
1 января 1944 г.—	1 600 000 тугриков,
1 января 1945 г.—	1 700 000 тугриков,
1 января 1946 г.—	1 850 000 тугриков,
1 января 1947 г.—	2 000 000 тугриков,
1 января 1948 г.—	2 150 000 тугриков.
	14 000 000 тугриков

Статья 5

По Консолидированному займу 1933 года Правительству Союза Советских Социалистических Республик будут следовать проценты в размере двух процентов годовых (простых), уплачиваемых ежегодно каждое 1 января на непогашенную часть займа, начиная с 1 января 1934 года, в следующих суммах:

1 января 1934 г.—280 000 тугриков,
1 января 1935 г.—280 000 тугриков,
1 января 1936 г.—276 000 тугриков,
1 января 1937 г.—275 000 тугриков,
1 января 1938 г.—271 000 тугриков,
1 января 1939 г.—2[illegible] 000 тугриков,
1 января 1940 г.—270 000 тугриков,
1 января 1941 г.—253 000 тугриков,
1 января 1942 г.—245 000 тугриков,
1 января 1943 г.—216 000 тугриков,
1 января 1944 г.—186 000 тугриков,
1 января 1945 г.—154 000 тугриков,
1 января 1946 г.—120 000 тугриков,
1 января 1947 г.— 83 000 тугриков,
1 января 1948 г.— 43 000 тугриков.

Статья 6

Настоящее Соглашение составлено в двух экземплярах, каждый на русском и монгольском языках. Оба текста будут одинаково аутентичны.

Соглашение вступает в силу немедленно по его подписании.

Составлено и подписано в Москве 27 августа 1933 года [213].

Г. Сокольников *Самбу*

Печат. по орх.

273. Дополнительный Протокол к Соглашению между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой о консолидации займов и кредитов, предоставленных Союзом Советских Социалистических Республик Монгольской Народной Республике

27 августа 1933 г.

В дополнение к Соглашению, заключенному между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой 27 августа 1933 года о консолидации займов и кредитов, предоставленных Союзом Советских Социалистических Республик Монгольской Народной Республике и оставшихся полностью или частично непогашенными к 1 января 1933 года, нижеподписавшиеся условились о нижеследующем:

Статья 1

Консолидации в единый «Консолидированный заем 1933 года» подлежат следующие суммы:

1. Двести пятьдесят тысяч рублей или по курсу 1 тугрик — 0,95 к.— двести шестьдесят три тысячи сто пятьдесят восемь

тугриков, оставшихся непогашенными по займу, предоставленному Союзом Советских Социалистических Республик Монгольской Народной Республике по Соглашению от 23 декабря 1924 года на цели обеспечения эмиссии и на расходы по чеканке монгольской монеты.

2. Проценты на эту сумму из четырех годовых (простых), за время с момента фактического предоставления этой суммы в распоряжение Правительства Монгольской Народной Республики в апреле 1925 года по 1 января 1933 года, т. е. за семь лет и девять месяцев, что составляет семьдесят семь тысяч пятьсот рублей или по курсу 1 тугрик — 0,95 коп.— восемьдесят одну тысячу пятьсот восемьдесят тугриков.

3. Проценты на сумму семьсот пятьдесят тысяч рублей (семьсот восемьдесят девять тысяч семьсот сорок три тугрика), предоставленную Союзом Советских Социалистических Республик Монгольской Народной Республике по упомянутому выше Соглашению от 23 декабря 1924 года за время с момента передачи Монгольскому Торгово-Промышленному Банку первой партии начеканенной монеты, т. е. с января 1926 года, по дату погашения этой части займа, т. е. 1 ноября 1932 года, что из четырех годовых процентов (простых) за шесть лет и десять месяцев составляет сумму в двести пять тысяч рублей или по курсу 1 тугрик — 0,95 коп.— двести пятнадцать тысяч восемьсот тугриков.

4. Четыре миллиона тугриков по займу, предоставленному Народным Комиссариатом Финансов Союза Советских Социалистических Республик Монгольской Народной Республике по Соглашению от 26 мая 1932 года.

5. Проценты по этому займу в размере двух годовых (простых), исходя из следующего расчета:

а) проценты на один миллион шестьсот тысяч тугриков за время с 1 июня 1932 года по 1 января 1933 года, т. е. за семь месяцев, что составляет сумму в восемнадцать тысяч шестьсот шестьдесят шесть тугриков;

б) проценты на два миллиона четыреста тысяч тугриков за время с 1 ноября 1932 года по 1 января 1933 года, т. е. за два месяца, что составляет сумму в восемь тысяч тугриков.

6. Остаток по всем непогашенным кредитам в сумме восемь миллионов девятьсот пятьдесят тысяч триста двадцать шесть рублей или по курсу 1 тугрик — 0,95 коп.— девять миллионов четыреста двадцать шесть тысяч шестьсот пятьдесят восемь тугриков, предоставленным в разное время Народным Комиссариатом по Военным и Морским Делам Союза Советских Социалистических Республик Монгольской Народной Республике.

Статья 2

Общая сумма задолженности Монгольской Народной Республики Союзу Советских Социалистических Республик по перечисленным в п. п. 1—6 статьи 1 настоящего Дополнительного Протокола займам, кредитам и процентам составляет четырнадцать миллионов тринадцать тысяч восемьсот шестьдесят два тугрика, из которых четырнадцать миллионов тугриков, согласно указанному выше Соглашению, предоставляются Союзом Советских Социалистических Республик Монгольской Народной Республике в форме консолидированного займа на условиях, изложенных в указанном Соглашении.

Остающиеся тринадцать тысяч восемьсот шестьдесят два тугрика вносятся Правительством Монгольской Народной Республики через Монгольский Торгово-Промышленный Банк на текущий счет Народного Комиссариата Финансов Союза Советских Социалистических Республик в Правлении Государственного Банка Союза Советских Социалистических Республик не позднее 1 сентября 1933 года.

Статья 3

Настоящий Дополнительный Протокол составлен в двух экземплярах, каждый на русском и монгольском языках. Оба текста будут одинаково аутентичны.

Составлено и подписано в Москве 27 августа 1933 года.

Г. Сокольников *Самбу*

Печат. по арх.

274. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

29 августа 1933 г.

Последние дни Муссолини не был в Риме, находясь на маневрах, а мы вели длительный спор с мининделом о поправках и оговорках, которые министерский специалист по торгово-конвенционным делам, пользуясь отсутствием Муссолини, непременно хотел внести в ст. 4-ю франко-советского пакта*, включаемую и в итало-советский договор**. Вчера, после категорического отклонения мною последней компромиссной

* См. т. XV, док. № 456.
** См. док. № 277, ст. 3.

формулы, предложенной МИД, Сувич заявил мне, что идет просить указаний Муссолини, уже вернувшегося с маневров. По поручению заболевшего Сувича сегодня ко мне приехал Кварони*, который сообщил: 1) что Муссолини принимает, согласно нашему предложению, спорную статью в редакции франко-советского пакта без всяких поправок; 2) что он желал бы подписать пакт не позднее 2 сентября; 3) что исходя из дружественного характера наших взаимоотношений, исключавших и до подписания пакта возможность взаимных нападений, а также и недостаточно полно выражаемых обязательств нейтралитета, Муссолини высказывается за то, чтобы наш договор получил более адэкватное наименование пакта о дружбе, ненападении и нейтралитете. По поручению Сувича Кварони просил учесть все сделанное Муссолини для облегчения переговоров о пакте и ясно дал понять, что отклонение нами предложения о расширении наименования пакта было бы воспринято Муссолини особенно болезненно. Прошу учесть последнее соображение, которое считаю весьма существенным для наших дальнейших взаимоотношений, и ожидаю ваших срочных указаний, чтобы не затянуть напечатания и подписания пакта. Срочно сообщите ответ [204].

Полпред

Печат. по арх.

275. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
30 августа 1933 г.

Посетил Сигемицу и сделал ему представление по поводу нарушений японскими войсками неприкосновенности нашей территории, изложенных в вашем письме № 13216 от 29 июля [233], и оставил ему памятную записку, перечисляющую все случаи. Потребовал расследования и принятия мер на будущее. Сигемицу ответил, что изучит вопрос и поставит меня в известность о результатах. К этому он добавил, что и у японского правительства имеются вопросы того же порядка. Я сказал, что мы отнесемся с вниманием к обоснованным жалобам, но что последние сообщения японской печати о нарушениях нами суверенитета Маньчжоу-Го являются чистым измышлением, опровергнутым, как известно, ТАСС [255]. Сигемицу, не защищая информацию японской печати, высказал предположение, что повод для шума ей дали имеющиеся сведения о на-

* Заведующий политическим департаментом МИД Италии.

ших усиленных вооружениях на Дальнем Востоке. Я сказал, что ...* опровержение ТАСС. Что касается вооружений, то они не носят тревожного для Японии характера и являются на фоне непрекращающихся разговоров в японской печати и отдельных групп о Владивостоке, Камчатке, Сахалине лишь естественными мерами предосторожности. Мы не угрожаем Японии, мы считали и считаем, что в интересах обеих стран необходима основанная на правильном взаимном уважении и искренности стабилизация отношений. Сигемицу обошел молчанием мои слова о ТАСС, а на прочее лаконично ответил, что «японское правительство всегда за добрые отношения».

Полпред

Печат. по арх.

276. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

31 августа 1933 г.

Со времени последнего заседания комиссии «А», 24 августа, в работе которой еще принимал участие Розенблюм, переговоры фактически прекратились**. Англичане не проявляют никаких признаков жизни, и Вильсон даже последнюю неделю был вне Лондона. Колвилл завтра выезжает в Финляндию на несколько недель в связи с устраиваемой там «английской недели». Некоторые другие чиновники министерства торговли, принимавшие участие в переговорах, ушли в отпуск. Наше общее впечатление сводится к тому, что англичане сейчас стремятся затянуть переговоры. Причин к тому у них, по-видимому, имеются две. Первая — это то, что все участники переговоров хотят идти в отпуск. Вторая — и более важная — это то, что Беннет*** перед своим отъездом в Канаду весьма круто потребовал от британского правительства применения к нашему лесу статьи 21 Оттавских соглашений****, в целях если не полного запрещения, то хотя бы сокращения ввоза советского леса примерно до 200 тыс. стандартов. Так как все правительство в настоящее время находится в отпуске, то некому решать вопрос о том, как реагировать на требование Беннета. В связи с этим Вильсон счел за лучшее приостановить переговоры впредь до выяснения положения. Все вышеуказанное еще более подсказывает нам применение той тактики,

---

* Несколько слов в тексте телеграммы искажено.
** См. док. № 241.
*** Премьер-министр Канады.
**** См. т. XV, прим. 139.

которая изложена в моем письме от 26 августа [207]. Мое же личное пребывание здесь сейчас становится просто неудобным. Прошу поэтому разрешить мне выехать в двухмесячный отпуск *.

Майский

Печат. по арх.

277. Договор о дружбе, ненападении и нейтралитете [между СССР и Италией] **

[2 сентября 1933 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и Его Величество Король Италии,

воодушевленные желанием всеми силами способствовать сохранению всеобщего мира,

в учете непрерывности дружественных отношений, соединяющих обе страны,

в решимости следовать и впредь политике полнейшего воздержания от всякого вмешательства в обоюдные внутренние дела,

согласились закрепить существующие между Союзом Советских Социалистических Республик и Италией отношения заключением настоящего договора и назначили для этой цели в качестве уполномоченных:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик:

г. Владимира Потемкина, Чрезвычайного и Полномочного Посла Союза Советских Социалистических Республик в Риме.

Его Величество Король Италии:

Е. П. Бенито Муссолини, Главу Правительства, Первого Министра Статс-Секретаря, Министра Статс-Секретаря Иностранных Дел,

которые, после признания соответствующих полномочий находящимися в добром и надлежащем виде, пришли к соглашению о нижеследующих постановлениях:

Статья 1-ая

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется перед другою не прибегать ни в каком случае против нее, ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими

---

* См. док. № 279, 280.

** См. док. № 274.

державами, ни к войне, ни к какому-либо нападению на суше, на море или в воздухе и уважать неприкосновенность территорий, находящихся под ее суверенитетом.

Статья 2-ая

Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон явится предметом нападения со стороны одной или нескольких третьих держав, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона обязуется соблюдать нейтралитет в течение всего времени конфликта.

Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон прибегнет к нападению против третьей державы, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона будет иметь возможность денонсировать без предупреждения настоящий договор.

Статья 3-ья

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется в течение действия настоящего договора не участвовать ни в каком международном соглашении, которое имело бы практическим последствием запрещение покупки у другой стороны или продажи ей товаров, или предоставления ей кредитов, и не принимать никакой меры, которая имела бы последствием исключение другой стороны из всякого участия в ее внешней торговле.

Статья 4-ая

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не входить ни в какое соглашение политического или экономического порядка и ни в какую комбинацию, направленные против одной из них.

Статья 5-ая

Обязательства, изложенные в предшествующих статьях, не могут никаким образом ограничить или изменить права и обязанности, вытекающие для каждой из Высоких Договаривающихся Сторон из соглашений, заключенных ею ранее вступления в силу настоящего договора, причем каждая из сторон заявляет настоящей статьей, что она не связана никаким соглашением, налагающим на нее обязательство участвовать в нападении, предпринятом третьим государством.

Статья 6-ая

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются подвергать согласительной процедуре вопросы, по которым между ними возникли бы расхождения и которые не могли бы быть разрешены обычным дипломатическим путем.

Статья 7-ая

Настоящий договор, коего русский и итальянский тексты будут иметь одинаковую силу, будет ратификован, и его ратификации будут обменены в Москве. Он вступит в действие начиная со сказанного обмена и будет оставаться в силе в течение годичного срока со дня, когда одна из Высоких Договаривающихся Сторон известит другую о своем намерении его денонсировать. Это извещение, однако, не может иметь места прежде истечения пятилетнего срока, считая со дня вступления в силу настоящего договора.

В удостоверение чего, уполномоченные подписали настоящий Договор и приложили к нему свои печати.

Совершено в двух экземплярах, один на русском языке и один на итальянском языке, в Риме, 2 сентября 1933 года.

Вл. Потемкин *Б. Муссолини*

Печат. по арх. Опубл. в «Собрании законов...», отд. II, № 30, 31 декабря 1933 г., стр. 360—363.

Договор ратифицирован ЦИК СССР 7 октября 1933 г., королем Италии — 19 октября 1933 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся в г. Москве 15 декабря 1933 г.

278. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

2 сентября 1933 г.

В торжественной обстановке в присутствии всего руководящего состава МИД состоялось подписание пакта*. В личной беседе со мной после подписания Муссолини выразил глубокое удовлетворение результатом переговоров, подчеркнул, что рассчитывает на плодотворное сотрудничество Италии с СССР в разрешении основных проблем международного порядка, обещал свое неизменное содействие в дальнейших наших взаимоотношениях, заверяя в своих «сердечных и дружественных» чувствах. Подробное коммюнике о подписании и сопровождавших его речах дано в прессу. Мы условились с Муссолини, что опубликование о подписании пакта последует не раньше понедельника, 4 сентября** после полудня. Итальянское правительство хочет использовать эти два дня до опубликования для ознакомления дружественных правительств с текстом пакта. Муссолини просил, чтобы и у нас он был опубликован не раньше.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 277.

** См. газ. «Известия», 3 сентября 1933 г.

279. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому *

2 сентября 1933 г.

НКИД считает желательным: 1) завершение переговоров не позже конца октября; 2) переговоров по нашей инициативе ни в коем случае не прерывать, а продолжать их по неразрешенным вопросам; 3) обращение полпреда в дипломатическом порядке к Саймону с указанием на серьезные затруднения, созданные английской стороной, в связи с отказом нам в гарантиях по статье о наибольшем благоприятствовании. Момент для такого обращения весьма подходящий после подписания пакта с Италией **; 4) в случае запросов английской стороны заявлять, что мы не можем уступить по вопросу о гарантиях, но самим не следует предлагать им «думать на эту тему». Против Вашего отъезда в двухмесячный отпуск не возражаем при условии, что Озерский остается в Лондоне для продолжения переговоров. Вам надо, однако, учитывать возможность перерыва отпуска в случае необходимости. Англичанам обязательно сообщите, что Ваш отъезд не означает перерыва переговоров и что Вы вернетесь в любое время, если этого потребует ход переговоров.

Литвинов

Печат. по арх.

280. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову ***

4 сентября 1933 г.

Сегодня я посетил Саймона и имел с ним часовую беседу о положении, создавшемся в связи с торговыми переговорами ******. Саймон с самого начала предупредил, что, вернувшись только что из полуторамесячного отпуска, он не в курсе наших переговоров, и вызвал к себе на помощь чиновника форин офиса Хау, замещающего ушедшего в отпуск Кольера. Я изложил Саймону ход переговоров и возникшие к настоящему времени трудности, энергично подчеркнув при этом, что минимальная гарантия стабильной торговли (5 месяцев и контракт) ******* является сейчас кардинальным вопросом всех пере-

* См. док. № 276.
** См. док. № 277.
*** Телеграмма была также адресована в Наркомвнешторг СССР.
**** См. док. № 276.
***** См. док. № 286.

говоров, и если англичане не пойдут нам тут на уступки, то трудно рассчитывать на успешное развитие и завершение переговоров. Я просил Саймона принять все необходимые меры для преодоления возникших осложнений. Саймон, ссылаясь на свою неподготовленность, отказался дать какие-либо связывающие обещания, но заявил, что он ознакомит с моими соображениями своих коллег по кабинету, в частности Ренсимена, с целью поискать какой-либо выход из создавшегося положения. Он считает, что скорейшее заключение торгового соглашения было бы очень желательно, что он вообще очень заинтересован в развитии дружественных отношений между нашими обеими странами. Я ответил, что настроение Саймона вполне совпадает с нашим настроением и я хотел бы надеяться, что высказанные им добрые чувства найдут быстрое и практическое выражение в процессе торговых переговоров. Далее Саймон заговорил о назначении нового посла в Москву и высказывал убеждение, что Чилстон сумеет с честью выполнять свои обязанности. Он также интересовался, вернулся ли уже т. Литвинов из отпуска, и, упомянув подписание советско-итальянского пакта *, не без ехидства (но с самой любезной улыбкой на лице) сказал, что, мол, т. Литвинов производит по 3 пакта о ненападении в минуту. Чувствовалось, что Саймон не может скрыть своего беспокойства по поводу успехов советской внешней политики. Я невольно сделал жест изумления и неудовольствия. Саймон смешался и поспешил поправиться: «Впрочем,— добавил он,— пакты о ненападении служат делу европейского мира, и потому я их приветствую». Под самый конец, уже прощаясь со мной, Саймон скороговоркой заметил, что он был бы страшно рад, если бы все те недоразумения, которые были в прошлом году в связи с условиями жизни дипломатов в Москве («Торгсин» и пр.), были бы окончательно ликвидированы [23], чтобы к ним больше не нужно было возвращаться. Я возразил, что недоразумения эти, возникшие к тому же не по нашей вине, в Москве давно уже изжиты, и я надеюсь, что новый посол не будет возвращаться к пройденному этапу. Я сообщил Саймону о своем предстоящем отъезде в отпуск, но подчеркнул, что это отнюдь не означает перерыв переговоров, так как Озерский, Каган и другие остаются в Лондоне, да и я сам в случае надобности готов в любой момент вернуться в Англию. Наоборот, переговоры должны продолжаться. Саймон с этим согласился.

Полпред

Печат. по арх.

---

* См. док. № 277.

281. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

7 сентября 1933 г.

Новые запреты на целый ряд интересующих нас товаров и новое повышение пошлины на пшеницу при одновременном признании преференций для пшеницы Венгрии и Югославии превратили достигнутую уже нами договоренность с австрийцами о соотношении вывоза к ввозу запрещенных товаров [208] в фикцию.

Это заставляет нас искать новый выход из положения, и наш торгпред т. Попов совещался недавно на эту тему в Берлине с т. Вейцером. Результаты этого совещания были им сообщены т. Розенгольцу в письме, копии которого при сем прилагаю [209].

Я целиком присоединяюсь к выводам и предложениям тт. Вейцера и Попова. Ждем указаний из Москвы, которые до сих пор не получены *.

Австрийцы, обещавшие дать нам ответ на нашу редакцию соглашения в течение двух-трех дней, упорно молчат **. Очевидно, они и сами сознают, что прежняя база соглашения теперь для нас неприемлема. Кроме того, им, вероятно, не очень приятно встретиться с нами после того, как они уверяли нас, что наше требование гарантии невведения новых запретов совершенно необоснованно, ибо никто не собирается пока вводить таковые.

Но раньше или позже они все-таки возобновят переговоры, и мы хотели бы поэтому заблаговременно получить соответствующие указания.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Австрии
А. Петровский

П. С. Я не посылаю отдельно экономической информации, но в своем дневнике я отмечаю все важнейшие торгово-политические события в Австрии. Экономический отдел, если его это интересует, мог бы договориться со II Западным отделом о предоставлении ему нужных выписок из моего дневника.

Печат. по арх.

---

* См. док. № 290
** См. док. № 303

282. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком *

9 сентября 1933 г.

У Бека. Сообщил Беку предложение т. Литвинова о ратификации Лондонской конвенции ** 15 сентября. Бек заявил, что он еще раз беседовал по этому вопросу в правительстве и с президентом, получил полное одобрение на ратификацию в любой день, какой предложит т. Литвинов. 15 сентября срок вполне приемлемый, и ратификация в этот день состоится в Варшаве. Что же касается остальных государств, то он сегодня даст указание всем послам обратиться к соответствующим правительствам с предложением присоединиться. Румынии также будет сообщено о договоренности совместной ратификации Польши и СССР. К этому Бек добавил, что он надеется на некоторый успех, а именно, по его мнению, Румыния также ратифицирует в этот день, точно так же, как и Эстония. По мнению Бека, Финляндия несколько оттянет ратификацию, но он возлагает большие надежды на польского посла, человека долго живущего в Финляндии и имеющего влияние на правительство. Он также полагает, что Турция на предложение т. Литвинова также даст свое согласие и, таким образом, заключает Бек, мы можем надеяться, что почин Польши и СССР повлияет благоприятно на разрешение всего вопроса. Он уверен в том, что в течение сентября все государства ратифицируют конвенцию.

Покончив с этим вопросом, Бек снова возвратился к вопросу оценки наших отношений с Польшей. Он заявил, что приходится удивляться тому обстоятельству, что некоторые крупные государства Европы еще до сего времени не поняли серьезности политики Польши на прочное сближение с СССР. Он считает необходимым дать Европе и всему миру максимальное количество доказательств того, что на Востоке все спокойно и прочно. Они должны понять, что мы (СССР и Польша) можем являться лишь наблюдателями тех споров, обострений, которые имеются и будут иметься еще в будущем в Европе. Наши страны участия в этом принимать не будут. В Европе, заключает Бек, предстоящая совместная ратификация Лондонского соглашения произведет впечатление и даст лишнее доказательство прочности мира на Востоке. На мой вопрос Беку, о каких государствах идет речь, когда он говорит о непонимании ими политики Польши на прочное сбли-

---

* Из дневника временного поверенного в делах СССР в Польше за период с 18 по 27 сентября 1933 г.

** См. док. № 213.

жение с СССР, Бек, явно уклоняясь от прямого ответа, заявил, что, собственно говоря, он не имел в виду правительства государств, а определенные группы людей, пытающихся влиять на политику правительства. Он имеет в виду некоторые французские круги и, в частности, Поль-Бонкура, который весьма чувствителен к настроениям этих групп. Что касается его, Бека, то он абсолютно игнорирует консервативные группы Польши, настроенные против политики сближения с СССР. Это люди, которые витают в облаках, руководствуются больше своими чувствами, чем реальными интересами государства. Эти группы в Польше весьма малочисленны и невлиятельны. Об этом он говорил Поль-Бонкуру, рекомендовав ему также относиться к подобным группировкам во Франции.

После этого Бек перешел на тему о создании воздушной линии между Москвой и Варшавой. Несколько дней тому назад он поручил Лукасевичу сделать это предложение г. Литвинову[2/3]. Он получил сведения, что г. Литвинов отнесся к этому предложению положительно. К сделанному предложению Лукасевичем он хотел бы добавить следующее: если бы по каким-либо причинам финансового и технического порядка невозможно было бы приступить немедленно к реализации этого предложения, то он предложил бы пока, пользуясь поездкой Филипповича в Москву, приступить к обсуждению деталей будущего соглашения по этому вопросу. Он хотел бы, чтобы мы и поляки приступили к обработке и подготовке этого вопроса, с тем что, когда создадутся необходимые средства для осуществления этого, вопрос был бы достаточно проработан. Кроме этого Бек абсолютно конфиденциально сообщил мне следующее: некоторое время тому назад с немцами была заключена воздушная конвенция, но затем германское правительство ее не ратифицировало (тут Бек сказал, что его политика в отношении Германии — это два раза не повторять одного и того же предложения). Он не настаивал и не делал никаких шагов к тому, чтобы эта конвенция была ратифицирована немецким правительством. Совсем недавно этот вопрос снова возник, и, по имеющимся у него сведениям, немцы хотят снова возвратиться к этому вопросу — к вопросу ратификации этого соглашения. Бек не хотел бы заключать этого соглашения с немцами, так как предпочитает заключить воздушное соглашение с СССР. Он учитывает трудности экономического характера, бюджет и т. д., поэтому он считал бы желательным, чтобы конец этого года пошел бы на подготовку этого вопроса и заключение соглашения с таким расчетом, чтобы воздушная линия начала бы функционировать с начала будущего года. На эти его предложения я ответил лишь тем, что все это передам в Москву для сведения т. Литвинова, который, надо думать, передал предложение Лукасевича на

обсуждение компетентных организаций, занимающихся вопросами установления воздушного сообщения.

Перед уходом я сообщил Беку о приезде медицинской делегации [211]. Бек на это мне сказал, что он очень рад тому, что сближение идет по всем линиям, в частности он был инициатором постановки вопроса о посылке спортивной команды в СССР.

2. На открытии международной выставки графики, Енджеевич * и Бек проявили огромный интерес к выставленным нами картинам. Енджеевич мне сказал, что он без лести должен сказать, что советский отдел международной выставки является украшением. При мне Енджеевич заказал около десяти картин лично для себя. Бек также купил несколько картин. Енджеевич дважды меня благодарил за наше участие на международной выставке.

Подольский

Печат. по арх.

283. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэию

11 сентября 1933 г.

Господин Особый агент,

Я не могу не выразить своего глубокого удивления по поводу Вашего письма от 9 сего сентября за № 309-лин [212], в котором, несмотря на данные мною Вам исчерпывающие официальные разъяснения, Вы тем не менее продолжаете делать достойные сожаления выводы, не соответствующие вашими же властями установленным фактам.

В самом начале возникновения вопроса, о котором идет речь, Вы, г. Особый агент, и Ваш заместитель г. Симамура, ссылаясь на якобы точные и достоверные сведения ваших властей, указывали, что советскими пограничниками был задержан и обыскан в Туаньшаньцзы, что на маньчжурском берегу р. Уссури, маньчжурский пароход «Туншань», причем ими были арестованы и уведены на советскую территорию десять белых русских. Хотя для меня было абсолютно очевидно, что эти, как и иные подобные вопиющие обвинения пограничников, неуклонно поддерживающих нормальную и добрососедскую обстановку на границе, основаны на недобросовестных источниках информации, явно и заведомо вводящих в заблуждение Маньчжурское Правительство, я тем не менее, исключая возможность столь легкого отношения маньчжурских властей к подобным обвинениям, предпринял срочные шаги к рассле-

* Председатель совета министров и министр культов и просвещения Польши.

дованию указанного случая, прося одновременно и Вас предпринять шаги к проверке указанных сведений ваших властей.

И я был крайне удивлен, что, несмотря на сообщенные мною Вам результаты расследования [213], с достаточной полнотой опровергшие вышеуказанные обвинения, Вы тем не менее продолжали настаивать на правильности Ваших заявлений, отмечая, что они основаны на совершенно точной информации соответствующих чинов речного пароходства и властей. И лишь своим письмом от 11 августа за № 284-лин Вы сообщили уже о новом результате расследования, из которого явствует, что десять белых русских, прибывших на маньчжурском пароходе «Туншань» в Туаньшаньцзы, были переправлены на советскую территорию антиманьчжоугоской группой, и из этого подтвердившего расследования советских властей, мною Вам еще ранее сообщенного факта Вы, ссылаясь уже на новые сведения о том, что якобы антиманьчжоугоская группа была подбита каким-то советским купцом и тремя советскими пограничниками, сочли возможным снова вернуться к этому вопросу.

В связи с этим того же 11 августа мною Вам было сделано следующее официальное заявление:

«Я очень удовлетворен, что расследование, произведенное маньчжурскими властями, не опровергает правильности расследования советских властей, установивших, что советские пограничные власти не производили обыска маньчжурского парохода «Туншань» в Туаньшаньцзы и что эмигранты не арестовывались советскими властями на маньчжурской территории и маньчжурском пароходе. Что же касается Вашего нового заявления, излагающего новую версию о том, что советские пограничные власти сносились с антиправительственными отрядами о выдаче этих эмигрантов, то голословность этой версии очевидна. Тем не менее из уважения к маньчжурским властям я готов сообщить нашим властям для производства дополнительного доследования этого сообщения властей о якобы имевшем место факте перехода в Туаньшаньцзы трех пограничников для переговоров с антиправительственными отрядами.

Советские власти придерживаются строгой позиции невмешательства во внутренние маньчжурские дела, и обвинения советских пограничников в какой-либо связи с антиправительственными силами исходят, несомненно, из источников, заинтересованных в провоцировании ухудшения наших отношений. Именно поэтому я абсолютно уверен в том, что дополнительное расследование докажет полную неправильность и этого нового заявления властей, основанного на несомненно неблагонадежном источнике информации.

Я уже имел честь сообщить Вам о результатах расследования, произведенного советскими властями. Поэтому я счи-

таю протест маньчжурских властей лишенным какого-либо основания и не могу его принять и его признать. Что касается официального письма, то таковое я принимаю лишь для использования его как материала при передаче советским властям указанных в нем данных для расследования.

Со своей стороны я вижу себя вынужденным заявить решительный протест по поводу того, что маньчжурские власти допускают переход на советскую территорию белых банд, и по поводу того, что маньчжурские власти до сих пор не предприняли никаких мер против генерала Косьмина и белых организаций, посылающих на советскую территорию диверсионные банды и омрачающих советско-маньчжурские отношения».

Передавая это заявление, я просил Вас соблаговолить передать его Маньчжурскому Правительству, на что Вы любезно изъявили свое согласие. Подтверждая это мое заявление, я вместе с тем не могу не выразить своего глубокого сожаления по поводу того, что вместо расследования указанных действий белых организаций, в своем стремлении нарушить мир на Дальнем Востоке омрачающих существующие отношения между нашими странами, Вы продолжаете игнорировать самими же маньчжурскими властями установленные факты и возвращаетесь к вопросу, получившему исчерпывающую ясность.

Я питаю надежду, что Маньчжурское Правительство уяснит себе истинное положение вопроса, о котором идет речь, и предпримет необходимые меры к недопущению впредь отправки на советскую территорию диверсионных банд, что будет способствовать нормальному положению в пограничной полосе, каковое является предметом неустанных забот Правительства Союза.

Пользуясь случаем, прошу принять уверения в моем глубоком к Вам, г. Особый агент, уважении.

Генеральный консул СССР в Харбине
Славуцкий

Печат. ор. дох.

284. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Премьер-Министром Японии Сайто*

12 сентября 1933 г.

Я посетил премьер-министра Сайто. (Беседа записана т. В. В. Железняковым).

С а й т о. Очень рад Вас видеть. Мы с Вами давно не встречались.

* Из дневника полпреда СССР в Японии за 3—22 сентября 1933 г.

Юренев. Совершенно верно. За это время в международных отношениях произошло много серьезных изменений.

Сайто. Да, международные отношения стали крайне напряженными и до чрезвычайности осложнились. Лондонская экономическая конференция не дала никаких результатов [142]. Экономические затруднения растут во всех странах. Но, к счастью, дела пока не дошли до крайности.

Юренев. Под крайностью Вы, очевидно, понимаете войну?

Сайто. Нет, но экономические противоречия между странами находятся в стадии непрерывного роста и могут вырасти до огромных размеров.

Юренев. Ваша оценка международных отношений правильна. Они осложнены во всем мире, но наибольшего напряжения достигли в двух точках: 1) в Центральной Европе (австро-германская; франко-германская и другие проблемы) и 2) здесь, на Дальнем Востоке, где скрещиваются жизненные интересы Японии, СССР, Китая, Америки и Англии.

При создавшемся ныне положении от государственных деятелей требуется большая внимательность к развивающимся событиям и неуклонная воля к безболезненному разрешению стоящих перед их государствами вопросов.

Сайто. Я убежден, что войны между СССР и Японией не будет, что она не должна быть.

Юренев. Я приветствую Ваше заявление о том, что крайнее обострение наших отношений с Японией не будет иметь места. Ваша уверенность является залогом дружественного урегулирования стоящих перед обоими государствами вопросов. Поскольку Вы коснулись проблемы отношений между нашими странами, я позволю себе также остановиться на ней.

Сайто. Я лично считаю весьма важным развитие и улучшение существующих между Японией и СССР экономических отношений. Кроме того, необходима искренность в политике. Ваши справедливые, быстрые меры в связи с конфликтом на севере (убийство трех рыбаков) [161] произвели на меня и на всю японскую нацию весьма хорошее впечатление. Необходимо откровенно говорить о всех, даже мелких недоразумениях. Если, с другой стороны, есть что-нибудь плохое, то об этом надо прямо сказать.

Юренев. Я совершенно согласен с Вами, что в наших отношениях должна установиться искренность и прямота, и возникающие конфликты должны решаться в том духе, как это имело место в случае с тремя рыбаками. Но это должно делаться взаимно. Как на конкретный случай, я позволю себе указать Вам на печальный случай с захватом японским мино-

носцем нашего парохода «Пешков» *. Этот последний был захвачен в открытом море в порядке «возмездия» за законное задержание и предание суду нашими властями парохода «Котохиро-мару».

Такие действия, как захват «Пешкова», производят на нас чрезвычайно тяжелое впечатление, укрепляют неуверенность в стабильности наших отношений и заставляют принимать меры предосторожности.

Мне кажется, что все спорные вопросы между сторонами должны разрешаться в духе дружеских переговоров. Кроме того, необходимо противодействовать влиятельным, к сожалению, элементам, ведущим кампанию за разрыв с СССР и подготовку к войне.

Сайто. Совершенно правильно, необходимо укрепление наших отношений, и в первую очередь по экономической линии. Важно взаимное дружественное разрешение второстепенных и мелких вопросов. Я являюсь премьером и одновременно председателем Японо-Советского общества и хотел говорить с Вами о вопросе, касающемся Северного Сахалина,— о японской нефтяной концессии. У меня недавно был Накасато ** и ставил передо мною следующие вопросы:

1. Так как через 2—3 года истекает срок для разведывательного бурения, а акционеры сейчас должны решать вопрос о дальнейших разведках и ассигнованиях, то общество *** вынуждено уже теперь поднять вопрос о продлении срока разведывательного бурения. Внешне это как будто вопрос отношений между нашей концессией и вашими властями, но по существу это вопрос государственный, вопрос об отношениях между странами. Просимое «Кита Карафуто» разрешение, если бы таковое было дано, весьма содействовало бы улучшению дружеских отношений между Японией и СССР.

2. Затем Накасато считает, что с советской стороны нет достаточного доверия к компании, и просил меня как премьера, провести в совете министров решение о покупке правительством части акций компании. Накасато думает, что подобное решение укрепило бы ваше доверие к компании. Японское правительство склонно купить небольшую часть акций.

Юренев. Ваши пожелания я передам в Москву. С вопросом недостаточно знаком.

Сайто. В ближайшие дни к Вам придет адмирал Накасато и подробно расскажет об их просьбе [214].

Юренев. Я рад буду видеть адмирала, как всегда.

---

* См. док. № 260, 287.

** Председатель японской Северо-сахалинской нефтяной компании.

*** Имеется в виду японская Северо-сахалинская нефтяная компания («Кита карафуто сэкию кабусики кайся»).

Сайто. Я надеюсь, что мы сумеем понять друг друга и отношения между обеими странами стабилизируются. Сейчас перед Японией стоит много задач большого международного значения.

Юренев. Совершенно верно. В частности, приближается срок окончания действий Лондонского соглашения *. Вашему правительству, несомненно, приходится вести большую подготовительную работу.

Сайто. Пишут, что мы создали специальную комиссию по морским вопросам. Но газеты забегают вперед. Конечно, министерство занимается этим вопросом, но не проявляет той поспешности, о какой говорит пресса.

Юренев. Как обстоит дело с переговорами об индийском рынке? [185]

Сайто. Они только начинаются. Доклада о них еще не имею, но знаю, что наши делегаты были встречены хорошо. Во всяком случае, мы хотим и надеемся разъехаться без ссоры, ибо лучше договориться, чем ссориться. Я хотел сказать Вам относительно случая с пароходом «Пешков». Я считаю, что этот весьма неприятный и до сих пор висящий вопрос необходимо скорее разрешить. Я поручу МИД принять меры в этом направлении.

Юренев. Благодарю за выраженную Вами готовность ускорить решение этого вопроса. Решение его для нас может заключаться в одном — в освобождении парохода.

Сайто. Сделаю все возможное для урегулирования вопроса. Что касается путей урегулирования советско-японских отношений, то их два: официальный, через МИД, и наряду с ним другой, по линии Японо-Советского общества. Я лично занят для активной работы в этой сфере, но гг. Курати и Танака ** могли бы быть вами использованы для действий в нужных направлениях.

Юренев. Спасибо за советы.

(Беседа, по существу, на этом заканчивается.)

Полпред СССР в Японии
Юренев

Печат. по арх.

285. Положение о торговых представительствах и торговых агентствах Союза ССР за границей

13 сентября 1933 г.

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:

1. Торговые представительства Союза ССР в иностранных государствах являются органами Союза ССР, осуществляю-

* См. т. XII, прим. 135.

** Директоры Японо-Советского общества.

щими за границей права Союза ССР в области принадлежащей ему монополии внешней торговли.

В соответствии с этим торговые представительства выполняют следующие задачи:

а) представляют интересы Союза ССР в области внешней торговли и содействуют развитию торговых и иных хозяйственных отношений Союза ССР со страной пребывания торгового представительства;

б) регулируют внешнюю торговлю Союза ССР со страной пребывания торгового представительства;

в) осуществляют внешнюю торговлю Союза ССР со страной пребывания торгового представительства.

Примечание. В отдельных случаях Народный комиссариат внешней торговли может возлагать на торговые представительства осуществление указанных в настоящей статье задач и вне пределов страны их пребывания.

2. Торговые представительства, являясь составной частью соответствующих полномочных представительств Союза ССР за границей и пользуясь преимуществами последних, одновременно подчиняются Народному комиссариату внешней торговли.

3. Торговые представительства в соответствии с возложенными на них задачами осуществляют внешнюю торговую политику Союза ССР, в частности:

а) производят на основе государственной монополии внешней торговли операции по внешней торговле для организаций, предприятий, учреждений и граждан, участвующих во внешнеторговом обороте Союза ССР;

б) регулируют и контролируют на основе государственной монополии внешней торговли торговую деятельность организаций Союза ССР, допущенных в установленном порядке к самостоятельному выходу на внешний рынок, а также все отдельные операции по внешней торговле Союза ССР, совершаемые организациями и гражданами, получившими на то установленное разрешение;

в) выдают участвующим во внешнеторговом обороте Союза ССР организациям и гражданам разрешения на совершение в стране пребывания торгового представительства действий по внешней торговле Союза ССР, а также утверждают сделки по внешней торговле Союза ССР, совершаемые в стране пребывания торгового представительства организациями и гражданами, получившими на то установленное разрешение;

г) выдают разрешения на ввоз в Союз ССР товаров, свидетельства о происхождении товаров, разрешения на транзит товаров через СССР, а также в подлежащих случаях другие документы, относящиеся к внешней торговле Союза ССР;

д) наблюдают за выполнением участвующими во внешнеторговом обороте Союза ССР организациями и гражданами в стране пребывания торгового представительства законов и распоряжений правительства Союза ССР по внешней торговле;

е) изучают общие экономические условия и торговую конъюнктуру страны пребывания торгового представительства с точки зрения интересов внешней торговли Союза ССР и дают соответствующую информацию Народному комиссариату внешней торговли, Народному комиссариату по иностранным делам, другим заинтересованным ведомствам и хозяйственным организациям Союза ССР, а также информируют организации, учреждения и предприятия страны пребывания торгового представительства о хозяйственных и торговых условиях Союза ССР;

ж) ведут в установленном порядке переговоры о привлечении иностранного капитала к промышленной, торговой и иной хозяйственной деятельности в Союзе ССР.

4. Торговые представительства в качестве органов Союза ССР уполномочиваются при производстве ими операций по внешней торговле пользоваться всеми необходимыми для того правами и, в частности, могут от имени Союза ССР совершать всякого рода договоры и сделки, выдавать обязательства, в том числе вексельные и поручительства, заключать соглашения о передаче споров на разрешение третейских судов, вступать в мировые соглашения и вообще совершать все юридические действия, необходимые для осуществления задач, возложенных на торговые представительства законами Союза ССР, в том числе выступать перед иностранными судебными органами в качестве истца; в качестве ответчика торговые представительства могут выступать перед иностранными судебными органами лишь по спорам, вытекающим из торговых сделок, заключенных торговым представительством в данной стране, и притом только в тех государствах, в отношении которых правительство Союза ССР путем международного договора или путем одностороннего заявления, доведенного до сведения правительства данного государства, выразило согласие на подчинение торгового представительства местному суду по означенным спорам.

Примечание. Правительство Союза ССР может также в полномочиях, выдаваемых торговому представителю, разрешать ему включать в сделки, заключаемые торговым представительством, оговорку о подчинении споров, вытекающих из этих сделок, местным судам.

5. Порядок подписания торгпредами представительствами договоров, векселей и всякого рода денежных обязательств, а

также доверенностей на совершение договоров, выдачу векселей и денежных обязательств определяется особым постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР.

6. По обязательствам торгового представительства несет ответственность казна Союза ССР.

Разрешение или утверждение торговым представительством, в порядке регулирования, сделок по внешней торговле, совершаемых другими организациями и лицами (ст. 3, п. «в»), не означает принятия на себя торговым представительством каких-либо обязательств по этим сделкам.

7. Во главе торгового представительства стоит торговый представитель Союза ССР, назначаемый и отзываемый Советом Народных Комиссаров Союза ССР по представлению народного комиссара внешней торговли, согласованному с народным комиссаром по иностранным делам. В том же порядке назначаются и отзываются заместители торгового представителя Союза ССР за границей.

Торговый представитель снабжается полномочием, выдаваемым ему Советом Народных Комиссаров Союза ССР.

8. Внутренняя структура торговых представительств в отдельных странах определяется Народным комиссариатом внешней торговли по соглашению с Народным комиссариатом по иностранным делам и утверждается в установленном порядке.

9. В отдельных торговых представительствах по распоряжению Народного комиссариата внешней торговли может быть образован на правах совещательного органа совет торгового представительства.

Компетенция и состав совета определяются Народным комиссариатом внешней торговли.

10. В состав отдельных торговых представительств по соглашению Народного комиссариата внешней торговли с соответствующими ведомствами могут быть включены уполномоченные этих ведомств, имеющие задачей согласовывать интересы ведомства с оперативной работой торгового представительства.

Уполномоченные ведомств проводят свою работу под общим руководством торгового представительства и могут осуществлять сношения с иностранными фирмами не иначе как с разрешения торгового представительства.

11. В отдельных районах своей деятельности торговые представительства Союза ССР за границей с разрешения Народного комиссариата внешней торговли, согласованного с Народным комиссариатом по иностранным делам, могут открывать свои отделения.

Во главе отделения стоят уполномоченные торгового пред-

ставительства, назначаемые народным комиссаром внешней торговли и действующие на основании доверенности, выдаваемой им соответствующим торговым представительством Союза ССР за границей.

12. В странах, в которых не имеется торгового представительства Союза ССР, а также в отдельных районах страны пребывания торгового представительства Народный комиссариат внешней торговли по согласованию с Народным комиссариатом по иностранным делам может, в случае необходимости, учреждать самостоятельные торговые агентства Союза ССР, непосредственно подчиненные Народному комиссариату внешней торговли.

13. Во главе торговых агентств стоят торговые агенты Союза ССР, назначаемые и отзываемые народным комиссаром внешней торговли и действующие на основании полномочий, выдаваемых им Народным комиссариатом внешней торговли.

14. Торговые агентства имеют целью выполнять отдельные задачи, возлагаемые настоящим положением на торговые представительства. Функции, район и порядок деятельности торговых агентств определяются в каждом отдельном случае Народным комиссариатом внешней торговли по согласованию с Народным комиссариатом по иностранным делам.

15. На торговые агентства в пределах осуществляемой ими деятельности соответственно распространяются ст. ст. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 настоящего положения.

Председатель ЦИК Союза ССР
М. Калинин
Зам. Председателя СНК Союза ССР
Я. Рудзутак
Секретарь ЦИК Союза ССР
А. Енукидзе

Москва, Кремль, 13 сентября 1933 г.

Печат. по «Собранию законов...», отд. I, № 64, 23 сентября 1933 г., стр. 645—648.

286. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Цеитральный Комитет ВКП(б)

14 сентября 1933 г.

Состояние переговоров с Англией на начало сентября 1933 г.

После денонсации торгового соглашения * переговоры о заключении нового соглашения начались 15 декабря **, но были прерваны с марта по июль и возобновились в июле.

* См. т. XV, стр. 674.
** См. т. XV, док. № 474.

В новых переговорах англичане выдвинули следующие основные позиции:

1) исключение из договора наибольшего благоприятствования, которое, по их мнению, во-первых, дает нам односторонние выгоды и, во-вторых, лишает их прав применять к нашему экспорту ст. 21 англо-канадского соглашения *;

2) равновесие платежного баланса — иными словами, обязательство тратить в Англии на закупки и фрахт стерлинги, вырученные от наших продаж в этой стране;

3) сокращение как в отношении сроков, так и размеров (вплоть до полного прекращения) нашего кредитования в Англии;

4) лишение торгпредства экстерриториальности в случае неурегулирования спора с посольством в Москве по делу «Торгсина» [26] (конкретно англичане требовали письменного обязательства, что «штат посольства и консульств будет продолжать ввозить продовольствие и предметы первой необходимости без оплаты таможенной пошлиной или другими налогами и не будет обременен ценами на эти предметы в советских государственных магазинах выше общего уровня цен, существующих за границей на подобные товары, экспортированные из СССР»);

5) обязательство в отношении определенного процента использования британского флага;

6) обязательство урегулировать дело «Лена — Голдфилдс», хотя бы в форме заявления полпреда, что Главконцесском благоприятно рассмотрит обращение правления «Лены»;

7) заявление о том, что до урегулирования долгового вопроса соглашение может быть только временным.

По всем этим вопросам результаты переговоров сводятся к следующему:

1. Англичане согласны включить в договор наибольшее благоприятствование, однако оговаривают формально двустороннее право сторон отменить действие этого принципа в отношении товаров, «цены на которые в результате мер другой стороны или ее государственных органов могут нарушить преференции или производство подобных товаров внутри страны». Таким образом, они настаивают на отражении в договоре ст. 21 англо-канадского соглашения и твердо дали понять, что это для них важнейший политический вопрос, без разрешения которого соглашение невозможно. Мы готовы принять эту формулу, однако при условии минимальных гарантий для нашего экспорта: либо

а) в виде обеспечения для нас 5—6 месяцев (переговоры и предварительное предупреждение), в течение которых наиболь-

---

* См. т. XV, прим. 139.

шее благоприятствование будет действовать в отношении товара, против которого предполагается применить ограничения;

б) либо в виде оговорки, что ограничения не будут распространяться на товары, ранее запроданные по контрактам (при том [условии], что основные наши товары — лес, масло и т. д.— запродаются заранее,— эта гарантия нас устраивает).

Англичане отклонили эти предложения, согласившись лишь на то:

а) чтобы ограничительным мерам предшествовали переговоры с нами и чтобы сами меры применялись лишь в случае неудачи переговоров, срок для которых они, однако, решительно отказываются установить;

б) чтобы после неудачи переговоров предупреждение нам давалось за один месяц. Срок этот они отказываются продлить.

2. По платежному балансу достигнуты очень положительные результаты:

англичане согласны на примерное соотношение баланса на базе:

1-й год	1:1,7	(наш экспорт)
2-й »	1:1,5	
3-й »	1:1,3	
4-й »	1:1,2	

Для последующих лет они хотят соотношения 1 : 1,1. Мы хотим это соотношение только для 5-го года, не связываясь на дальнейшие годы. Это расхождение, конечно, несерьезно, и вопрос о соотношении можно считать разрешенным.

Англичане принимают расчет не по торговому, а по платежному балансу, т. е. по фактическим нашим платежам и выручке.

В результате они включают в наши платежи:

а) платежи по старым кредитам,

б) фрахт, выплачиваемый нами английскому флагу не только в англо-советском обороте, но во всех направлениях,

в) условную сумму на все наши другие платежи, кроме закупки товаров и фрахта (% на кредит, страхование и т. д.), в размере 5% к обороту (мы хотим 6—7%).

Согласованные позиции для первого года действия договора дают следующую примерно картину:

Платежи по старым заказам	— 9 млн. ф. ст.
Фрахт	1,5 » » »
Другие платежи (5%)	1,5 » » »
Итого:	12 млн. ф. ст.

Это дает нам право на экспорт при соотношении 1 : 1,7 на 20 млн. ф. ст., т. е. весь экспортный план на Англию обеспечивается без новых закупок в Англии.

3. По кредитам англичане согласились на будущий год на общую сумму в 7—8 млн. ф. ст. и на теперешние сроки (в среднем 16½ месяца).

4. По торгпредству они оставили за собой право еще раз вернуться к вопросу об экстерриториальности в связи с делом «Торгсина». Встретив наш решительный отказ, они едва ли будут дальше углублять разногласия по этому делу, потерявшему с уходом Овия свою остроту.

5. Встретив решительный отказ по обязательству в отношении британского флага, англичане едва ли будут настаивать на твердых обязательствах и, по-видимому, удовлетворятся общей формулировкой.

6. К делу «Лена-Голдфилдс», несмотря на нашу твердую отрицательную позицию, англичане, возможно, вернутся перед самым подписанием договора, но мы вновь решительно вопрос отведем.

7. На названии договора временным англичане будут настаивать, так как члены правительства уже дали такие заверения палате. Спор идет не о названии, а о том, будет ли иметь договор какой-либо минимальный срок действия. Мы настаиваем на 1½—2 годах, англичане отвергают это.

Таким образом, на сегодняшний день состояние переговоров позволяет сказать, что по всем материальным вопросам (платежный баланс, кредиты) достигнуто весьма удовлетворяющее нас согласование. Препятствием к заключению договора является то, что англичане не хотят дать достаточных гарантий против применения ст. 21 англо-канадского соглашения, соглашаясь лишь на переговоры без установления срока и на предупреждение за 1 месяц, в то время как мы хотели бы иметь переговоры и предупреждение минимально 5 месяцев.

Так как по этому кардинальному вопросу обе стороны как будто заняли твердые позиции, переговоры фактически прерваны. К тому же английские участники в переговорах уехали на время из Лондона. Тем временем Канада, обеспокоенная благополучным ходом переговоров, вновь предъявила английскому правительству решительное требование о прекращении импорта советского леса, и изучение этого требования передано особой комиссии.

НКИД считает желательным ускорение переговоров и завершение их до новой сессии парламента, назначенной на 7 ноября. Если в ближайшее время англичане не пойдут на уступки в главном вопросе, то НКИД поставит вопрос о новых инструкциях для советской делегации *.

М. Литвинов

Печат. по сох.

---

* См. док. № 443.

287. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных дел Японии Утида *

14 сентября 1933 г.

Ваше Превосходительство,

Имею честь сообщить Вашему Превосходительству о следующем факте.

18 июля с. г. японский миноносец № 4, пользуясь темнотой, насильственно захватил вблизи берегов Камчатского полуострова советское судно «Алексей Пешков» и увел его с собой в Японию. В последующих заявлениях многочисленные японские лица объясняли эти действия миноносца № 4 как ответ на имевшее место в июле с. г. задержание органами пограничной охраны СССР, находившимися в то время на судне «Алексей Пешков», японского судна «Дайдо-Котохиро-мару» **.

Как известно, основанием для задержания названного японского судна послужило обвинение в осуществлении им незаконного хищнического промысла в пределах территориальных вод СССР. Агенты охраны поступили в соответствии с действующими законами Союза ССР; они доставили «Дайдо-Котохиро-мару» в ближайший административный пункт Союза ССР и передали судно в руки соответствующих органов для судебного разбирательства этого дела.

Не считая возможным входить здесь в обсуждение степени основательности обвинения «Дайдо-Котохиро-мару» в хищничестве, что составляет в настоящее время предмет судебного расследования, Союзное Правительство вместе с тем констатирует, что действия пограничных советских властей носили совершенно законный характер. В этих условиях указанные выше действия японского миноносца № 4, направленные против советского судна «Алексей Пешков», выполнявшего неотъемлемые функции по охране границ СССР и передавшего задержанное японское судно в руки судебных органов, не могут быть оправданы никакими законными основаниями.

Эти действия не могут быть расценены иначе, как явное нарушение общепринятых норм международного права, и не могут быть согласованы с общим духом дружественных отношений между СССР и Японией. Неправомерный образ действий миноносца № 4 подтвержден тем фактом, что японский консул в Петропавловске-на-Камчатке г. Огата 14 июля с. г. на основании инструкций, полученных от Министерства Иностранных Дел, сообщил г. Тихонову, дипломатическому агенту НКИД, что японским миноносцам запрещено предприни-

---

* Вручена полпредом СССР в Японии заместителю министра иностранных дел Японии Сигемицу.

** См. док. № 260.

мать в отношении советских судов действия, подобные тем, которые имели место в данном случае.

В соответствии с вышеизложенным Союзное Правительство, естественно, не могло пойти на выдвинутое впоследствии Министерством Иностранных Дел Японии предложение об обмене двух названных судов *, т. к. это означало бы оправдание незаконных действий миноносца № 4.

Оба эти случая не могут быть признаны сравнимыми, поскольку в одном из них имели место закономерные действия подлежащих административных органов, предоставивших принятие решения судебным учреждениям, что имело своим результатом наложение еще в первой инстанции умеренного штрафа и скорое освобождение японского судна [194], а в другом — произвольный акт захвата и задержание до настоящего времени советского судна, без предъявления к нему какого-либо судебного обвинения. Союзное Правительство, таким образом, считает неправильным установление связи между этими двумя совершенно различными делами.

Союзное Правительство не может не отметить также то ненормальное обстоятельство, что снятие команды с «Алексея Пешкова» и ее высадка 2 августа с. г. на советский берег произошли без предварительного согласования с Союзным Правительством, а также вразрез со сделанным Вице-Министром Иностранных Дел Японии г. Сигемицу Полномочному Представителю СССР в Японии г. Юреневу 2 августа с. г. заявлением, что снятие и высадка команды не будут произведены без согласия Союзного Правительства.

Союзное Правительство еще раз констатирует, что оно рассматривает задержание траулера «Алексей Пешков», до сих пор находящегося в Японии, как акт во всех отношениях незаконный, и заявляет по этому поводу решительный протест.

Союзное Правительство категорически настаивает на немедленном освобождении названного советского судна и оставляет за собой право предъявить в последующем требование о возмещении заинтересованным советским учреждениям убытков, понесенных ими в связи с невозможностью эксплуатации траулера «Алексей Пешков», стоимость которых выражается в 300 тыс. руб., а ежедневные убытки от простоя составляют 1200 рублей [193].

Пользуюсь случаем выразить Вашему Превосходительству заверения в моем высоком к Вам уважении.

[*Юренев*]

Печат. по авх.

---

* См. док. № 260.

288. Письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии Генеральному Секретарю Министерства Иностранных Дел Норвегии Эсмарку

14 сентября 1933 г.

Ссылаясь на нашу сегодняшнюю личную беседу относительно торговых прав торгового представительства, я имею честь настоящим сообщить Вам, в каком отношении королевская резолюция от 18 августа с. г.[215] противоречит статус-кво торговых отношений торгового представительства СССР в Норвегии, имевших место до настоящего времени *.

1) В резолюции указывается, что торгпредство должно иметь право продавать и сбывать товары, поставляемые Советским Союзом в Норвегию, только после заключения торговых сделок.

Этим пунктом торговое представительство лишается права иметь в Норвегии склад, доставлять туда товары до продажи и продавать товары со склада.

2) В пункте «в» резолюции говорится, что торговое представительство должно продавать товары только фирмам, имеющим право торговли в норвежских городах.

Этим пунктом нас лишают права заключать контракты с фирмами вне городов, чем сильно осложняются операции торгового представительства с целым рядом товаров, особенно с нефтепродуктами.

3) Содержащаяся в пункте «в» фраза: «Фирмы, действующие на правах коммерсантов, имеющие постоянные торговые конторы в том или ином норвежском городе и сделки которых охватывают также и в других случаях непосредственный импорт из-за границы товаров оптом» — может быть понята и практиковаться таким образом, что мы имеем право продавать наши товары только тем фирмам, которые импортируют товары также и из других стран.

4) Резолюция определяет, что торгпредство должно иметь право на продажу товаров только оптовыми партиями. Поскольку этого ограничения в законе от 6 июля 1933 г. не имеется и, принимая во внимание наши неоднократные заявления о том, что мы не заинтересованы в розничной торговле, за исключением торговли нефтепродуктами, следовало бы вычеркнуть этот пункт из резолюции, так как он не имеет реального значения и фактически противоречит статус-кво[216].

Преданный Вам

[*Бекзадян*]

Печат. по арх.

---

* См. также док. № 289.

289. Письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

15 сентября 1933 г.

Уважаемый Борис Спиридонович.

По возвращении в Осло 9 сентября я узнал о королевской резолюции относительно прав торгпредства, опубликованной 24 августа, и о ноте, полученной нами 25 августа, по этому же вопросу[215].

В первый же день, в час дня, я принял Иогансена, который перед обычной поездкой в Москву (перед переговорами о новой госгарантии) хотел повидаться со мной. На мое возмущение по поводу новых осложнений, чинимых нам норвежцами по вопросу о правах торгпредства, и на мое категорическое заявление, что при наличии королевской резолюции, нарушающей статус-кво торгпредства, ни о какой госгарантии в Москве с Иогансеном говорить не станут, пока таковая не будет отменена, Иогансен стал выворачиваться, заявляя, что резолюция составлена референтом, не знавшим дела, при отсутствии директора департамента (Иверогольда Хансена) и что она, конечно, нас удовлетворить не может. Тут же он прибавил, что сам министр торговли Мелинг придерживается этого же взгляда и что он уверен в том, что, как только пройдут выборы, можно будет пересмотреть этот вопрос. На это я ответил, что отсутствие директора департамента не может служить оправданием нового сюрприза, который нам преподносят по этому вопросу, и что мы вправе требовать исполнения данных нам обещаний безотносительно к выборам, ставя это поедпосылкой к новым переговорам о госгарантии. Я просил Иогансена передать министру торговли Мелингу мое заявление о том, что не только переговоры, но даже зондаж по вопросам новой госгарантии я считаю немыслимым до тех пор, пока не будет исправлена королевская резолюция или же он (Иогансен) не привезет с собою в Москву документ от министра торговли, обещающий исправление этой резолюции. Смущенный Иогансен ушел от меня, пообещав переговорить с Мелингом и заручиться документом. Об этом я протелеграфировал Вам 9 сентября[217].

Телеграфируя Вам 9-го о том, что в среду (13-го) я буду говорить с Мувинкелем, я думал, что последний к этому времени вернется из Бергена. Но этого не случилось, и я вынужден был вчера, 14-го, пойти не к Мувинкелю, а к Эсмарку. Когда я возмущенно изложил ему по пунктам неприемлемость для нас нового закона, он мне сказал, что МИД, посылая нам ноту, к сожалению, не разбирался в содержании королевской резолюции, предполагая, что министр торговли представил королю удовлетворяющую нас резолюцию. В особенности когда

он узнал, при каких обстоятельствах резолюция была подписана, он сказал, что это не может служить оправданием, и выразил готовность исправить резолюцию. Учитывая, что Мувинкель 18-го должен уехать в Женеву и что 20-го я сам поеду в отпуск, я просил Эсмарка приурочить исправление резолюции к концу этой недели, на что он дал согласие. Я обещал письменно перечислить ему неприемлемые для нас с точки зрения сохранения статус-кво пункты, что мною и было сделано 14-го же*. (Копия моего письма прилагается). Того же 14-го и торгпредство переслало свое заключение министру торговли Мелингу. Считаю нелишним сообщить, что Эсмарком было принято к сведению мое заявление о том, что в Москве я не мыслю никаких, даже предварительных, переговоров с Иогансеном до тех пор, пока королевская резолюция не будет приведена в соответствие со статус-кво**. Учитывая настроение НКВТ, думаю, что т. Ленгнель*** даст ясно понять Иогансену, что при наличии этой резолюции с ним не о чем разговаривать****...

Под конец разговор коснулся перспектив предстоящих выборов. Эсмарк ожидает прироста голосов (хотя и незначительно) рабочей партии и венстре, могущем обеспечить им вместе абсолютное большинство (больше 75 мандатов). Он считает также вероятным некоторый выигрыш крестьянской партии за счет разлагающейся консервативной партии (хейре). Без особенного беспокойства смотрит он на возможность проникновения в стортинг пары квислинговцев. В этом, впрочем, сказывается обычная для Норвегии демократическая «куриная слепота» в отношении растущего и углубляющегося фашизма. Если изъять это близоруко-прекраснодушное отношение со стороны либералов к фашистам, то в общем и целом можно признать прогноз Эсмарка правильным, так как никто здесь не сомневается в том, что в будущем стортинге умный Мувинкель будет иметь большинство с поумневшими и покладистыми социал-демократами и с обычной для него ловкостью будет сколачивать себе большинство для устранения подводных камней в своей провиденциальной борьбе на «два фронта». Судя по ходу избирательной борьбы сами социал-демократы не особенно гнушаются этой ролью «мавра», делающего политику для Мувинкеля, несмотря на остатки квазиреволюционной фразеологии.

Полпред СССР в Норвегии
А. Бекзадян

Печат. по арх.

---

* См. док. № 288.
** См. док. № 386.
*** Заведующий сектором торгпредств НКВТ СССР.
**** Многоточие документа.

290. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Австрии А. М. Петровскому

17 сентября 1933 г.

Мы получили Вашу информацию о торговых переговорах в Австрии с некоторым запозданием *. Наркомвнешторг, информированный Вейцером, уже успел дать указания т. Попову. Вы, вероятно, уже ознакомились с этими указаниями, сущность которых сводится к тому, что в новых условиях, созданных последними австрийскими запрещениями и резким повышением пошлин на пшеницу, в сущности не остается темы для торгового соглашения как такового. Как совершенно правильно указывает т. Попов, нам нужно было бы разрешение на 400—420 тыс. руб. Для такой незначительной суммы, конечно, никакого торгового соглашения заключать не приходится. С другой стороны, рассчитывать на то, что в сегодняшней обстановке, сложившейся в придунайских странах, нам удастся добиться в Австрии тех же преимуществ для нашей пшеницы, какие получили Югославия и Венгрия, не приходится. С третьей стороны, соглашение, построенное на базе соотношения 1 : 1 на запрещенные товары — заказы, являющееся само по себе некоторым нежелательным прецедентом, могло бы быть оправдано лишь в том случае, если бы оно было вызвано достаточно серьезными экономическими соображениями. Из изложенного ясно, что таких экономических соображений нет. Давая согласие на соотношение 1 : 1, Наркомвнешторг правильно рекомендует не заключать по этому вопросу никакого общего торгового соглашения и разрешать текущие вопросы нашего экспорта от случая к случаю на базе упомянутого соотношения.

Таким образом, торговые переговоры как таковые мы считаем оконченными. Все дальнейшее будет носить характер коммерческих соглашений, заключаемых торгпредством от случая к случаю.

С этой тактикой, намеченной Наркомвнешторгом, мы согласны и полагаем, что и с Вашей стороны она возражений не встретит.

Замнаркоминдел

Печат. по арх.

---

* См. док. № 281.

291. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

19 сентября 1933 г.

Уважаемый Марсель Израилевич,

Беседа с Эррио[146] мною не записана, ибо она была слишком обширна, касалась множества тем и совершенно не носила официального характера. Он говорил о своих впечатлениях и, конечно, заверял в своей готовности прилагать все усилия к дальнейшему развитию отношений.

В свою очередь, я ему говорил о нашем твердом решении и желании идти на дальнейшее сближение с Францией и не скрыл от него, что со стороны последней мы замечаем некоторую сдержанность. Для иллюстрации я ему рассказал о наших предложениях *: 1) присоединиться к конвенции об определении агрессии, 2) заключить джентльменское соглашение об обмене информацией. Эррио особенно заинтересовался последним предложением, которое он нашел весьма удачным и необходимым, и пообещал всячески поддержать его.

Говорил он также о его шансах вернуться к власти. Он признал, что кабинету Даладье предстоит выдержать серьезный кризис в связи с бюджетом, в результате чего возможно падение Даладье и предложение Эррио составить кабинет. Эррио такое предложение намерен отклонить, после чего наступит период быстро падающих и сменяющихся кабинетов. Если в конце этого периода Эррио будет приглашен президентом, то он не откажется от сформирования кабинета.

Говорил Эррио также и о желательности культурного сближения, и я должен был сообщить ему, что и в этой области тормозы и промедления должны быть приписаны французской стороне.

Вот и все, что считаю нужным выделить из нашей беседы.

С Котом у меня серьезной беседы еще не было[218]. Я освободил его от первого официального визита, но при встречах мы, конечно, обменивались отдельными замечаниями, в частности касательно разоружения. Кот, однако, не в курсе последних решений правительства, которые должны были быть приняты уже после его отъезда. Вчера вечером в театре Альфан сказал мне, что Кот, находясь под сильным впечатлением от всего виденного им, желал бы вступить в разговор с нами о серьезном авиационном сотрудничестве, и Альфан спрашивал, должен ли Кот говорить об этом со мною или с кем-либо другим. Я указал на т. Тухачевского, с которым Кот мог бы поговорить на затронутую тему сегодня при его первом визите к Тухачевскому или после обеда, устраиваемого Тухачевским же.

---

* См. док. № 222.

Альфан спрашивал, приму ли я участие в этом разговоре, и он это сказал таким тоном, который обнаруживал его желание придать разговору наиболее официальный характер. Только что сообщил мне т. Тухачевский, что Кот у него был и действительно предложил сотрудничество. Со своей стороны Кот изъявил готовность с полным доверием знакомить нас со всеми достижениями французской авиационной техники, путем ли посылки к нам французских специалистов или приема на французских заводах наших специалистов. Готов он также допустить наших авиаторов во французские школы. Он, однако, не говорил еще, что требуется от нас. Разговор на эту тему, вероятно, будет продолжаться сегодня вечером после обеда у Тухачевского.

Шомье как-то при случайных беседах заговаривал с нашими товарищами о воздушном сообщении Москва — Париж, но формального предложения он пока не делал.

По-видимому, Кот действительно вынес из всего виденного им наилучшие впечатления, и восторги его принимают более бурную форму, чем у Эррио.

В своей вчерашней телеграмме [319] Вы пишете, что Патенотр считает себя приглашенным нами. Я во время своего отсутствия из Москвы не следил за перепиской с Вами, и поэтому мне не ясно, кто, когда и как приглашал Патенотра. Сообщите пожалуйста, какова цель этой поездки и не собирается ли он перенести переговоры в Москву.

Обращает на себя внимание крайне сдержанное и холодное отношение польской миссии как к Эррио, так и к Коту. В то время как итальянское посольство устраивало прием для Эррио и послало на аэродром своего военного атташе для встречи Кота, польская миссия ничем не выделяется из других дипломатических миссий. Я пригласил было Лукасевича в ложу с Эррио, но Лукасевич под каким-то предлогом уклонился от этого. Мне вчера жаловался даже Альфан, что единственный представитель союзницы Франции в Москве ведет себя так сдержанно.

Содержание Ваших бесед с Поль-Бонкуром и Массигли [320] не дает оснований для каких-либо сообщений с нашей стороны. Нам только известна позиция Франции в вопросе о контроле, но и здесь имеется еще неясность. В самом деле, если Франция предлагает отложить сокращение и ограничение вооружений на четыре года и никаких новых обязательств державы на себя не примут, то что комиссия должна будет контролировать? Если речь идет о проверке выполнения Германией Версальских постановлений, то к нам это отношения иметь не может. Надо ли понять позицию Франции в том смысле, что она предложит ограничение вооружений на нынешнем уровне и что проверка этого ограничения и составит предмет контроля? Же-

лательно было бы выяснить главным образом этот вопрос. Когда у нас будут более подробные сведения о позиции Франции, а также о результатах ее переговоров с Англией и Америкой, мы сможем обсудить весь комплекс вопросов, вынести решения и сообщить о них Бонкуру.

Литвинов

Печат. по арх.

292. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром авиации Франции П. Котом

29 сентября 1938 г.

Кот вновь благодарил за радушный прием и подробно говорил о своих впечатлениях, подчеркивая, что он абсолютно убедился в нашей мощи как настоящей, так и потенциальной. Все его спутники разделяют его собственные впечатления и настроения, в частности, Кот упомянул Како, который, как человек умеренных взглядов, прилетел сюда с некоторыми предрассудками, от которых он совершенно у нас исцелился. Вся делегация убеждена в необходимости и целесообразности сближения между нашими обеими странами. Кот по возвращении во Францию снесется с Эррио, с которым он совместно будет проводить там свои взгляды.

Я высказал опасения, как бы смена кабинета во Франции и передвижение власти вправо не сорвали намечающейся линии сближения. В ответ на это Кот сделал предложение об организации визита членов палаты и сената от всех партий. Он убежден, что поездка в СССР должна настраивать всякого француза на сближение. Говорил он глухо о нашем контрвизите, но не уточнял, кто, собственно, должен от нас, по его мнению, поехать. Кот признал, что в военной среде имеются два течения в отношении СССР. Он думает, однако, что его поездка к нам, в особенности впечатления генерала Бареса, не окажется без влияния на настроения военных.

Беседовали мы также на тему о разоружении. В каком-то случае Кот упомянул о недоверии к Польше, и в частности к Беку, которого во Франции считают германофилом.

Прощаясь, Кот обратился ко мне с личной просьбой об оказании содействия в получении заграничного паспорта на выезд за границу русской жене некоего француза Кенара, который является его, Кота, школьным товарищем. Дело это будет поставлено или поставлено уже посольством [221].

Литвинов

Печат. по арх.

293. Нота Полномочного Представительства СССР в Германии Министерству Иностранных Дел Германии

20 сентября 1933 г.

Посольством Союза Советских Социалистических Республик в Германии только что получено окончательное уведомление Министерства народного просвещения и пропаганды Германии о том, что представители советской печати не будут допущены на Лейпцигский процесс по делу о поджоге рейхстага.

Этот акт недопущения всех представителей советской печати в Германии на процесс в Лейпциге по делу о поджоге рейхстага Посольство СССР не может расценивать иначе как открытую дискриминацию советской печати, и заявляет в связи с этим решительный протест.

Посольство обращается к Министерству Иностранных Дел с просьбой немедленно предпринять шаги, с тем чтобы изменить в позитивном духе это необоснованное решение Министерства народного просвещения и пропаганды Германии*.

Печат. по арх.

294. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

20 сентября 1933 г.

В течение последней недели дважды встретился с Моргентау-младшим, которому президент поручил вести все русские дела. Он чрезвычайно любезен, но все еще явно избегает касаться политических вопросов, напирая на экономические сделки с «Амторгом». Джонс** предлагал уже раньше «Амторгу» кредит в 75 млн. долл. с уплатой в течение 5 лет по 1/5 по истечении каждого года, что равносильно полному 3-летнему кредиту. Так как «Амторг» требует лучших условий, Моргентау-младший поставит на днях этот вопрос перед Рузвельтом***. Если состоится соглашение о нашей пшеничной квоте [222], это укрепит наше положение здесь.

Сквирский

Печат. по арх

---

* См. также док. № 296, 300, 301, 329.
** Глава Реконструктивной финансовой корпорации США.
*** См. док. № 304.

295. Заявленне Советского правительства правительству Японии *

21 сентября 1933 г.

По достоверным сведениям, полученным Советским Правительством, маньчжурские власти, по указанию Японского Правительства, предполагают в ближайшие дни провести односторонне ряд перемен в управлении Китайско-Восточной железной дороги, совершенно нарушающих установленный порядок, в частности, предполагают грубо нарушить права, принадлежащие советскому управляющему дорогой, поставив его фактически в зависимость от маньчжурского помощника. В то же время маньчжурские власти, по указанию агентов Японского Правительства, намечают ряд полицейских мероприятий против советских сотрудников на КВЖД.

Советское Правительство уполномочило меня сделать предупреждение от его имени, что осуществление этих или подобных мероприятий в Харбине, нарушающих существующий статус дороги, установленный договорами, будет рассматриваться Советским Правительством, как факт, противоречащий тем обязательствам, которые приняты на себя Токийским и Мукденским правительствами и квалифицироваться как недопустимая попытка захвата дороги. Советское Правительство считает, что прямая ответственность за эти нарушения падает на Японское Правительство. Не Маньчжоу-Го, которое бессильно и неспособно отвечать за события в Маньчжурии, а Японское Правительство, являющееся действительным хозяином в Маньчжурии, должно нести прямую ответственность за все нарушения договоров на КВЖД, как и за подготовляющийся захват дороги.

Печат. по газ. «Известия»
№ 234(5165), 22 сентября 1933 г.

296. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с заведующим IV отделом Министерства Иностранных Дел Германии Мейером **

21 сентября 1933 г.

Я принес Мейеру прилагаемую при сем копию нашего протеста по поводу недопущения советских журналистов на Лейпцигский процесс ***. Мейер заявил, что он боится отрицатель-

---

* Сделано заместителем наркома иностранных дел СССР послу Японии в СССР Ота, а 22 сентября 1933 г.—полпредом СССР в Японии К. К. Юреневым министру иностранных дел Японии Хирота.

** Беседа состоялась 20 сентября 1933 г.

*** См. док. № 293.

ного ответа министерства по этому вопросу, так как решение о недопуске вынесено судом, который в Германии «чертовски независим». Кроме того, он считает, что наша пресса и в особенности наше радио ведут себя за последнее время в отношении процесса ужасно. Они не только полностью реферируют протоколы лондонских заседаний [228], но и добавляют от себя неслыханные обвинения по адресу государственных людей Германии, в то время как все газеты мира уже относятся к лондонскому процессу скептически.

Я заметил Мейеру, что недопуск советских журналистов нельзя рассматривать как простую дискриминацию коммунистической прессы. Дело в том, что здесь дискриминируется пресса целого государства, с которым Германия, судя по заявлениям ее ответственных руководителей, хочет оставаться в дружественных отношениях. Удар, который немецкий суд хочет направить против определенных политических течений, в действительности попадает по Советскому государству в целом. Это чрезвычайно опасный и серьезный прецедент, последствия которого трудно даже предвидеть. Отношения между Германией и СССР, при всей принципиальной разнице политической и хозяйственной структур, все же строятся по линии каких-то практических компромиссов. Если теперь немецкие органы прямо заявляют в связи с этим частным вопросом о невозможности никаких практических компромиссов, то это, конечно, очень серьезный и очень опасный симптом. Я советовал бы Мейеру очень серьезно подумать, прежде чем решиться на такой шаг.

Я указал далее Мейеру, что меня несколько удивляет его аргументация о «независимости» немецкого суда. Дело в том, что мы вели переговоры по этому вопросу отнюдь не с немецким судом, а с министерством пропаганды. Именно министерство пропаганды прислало нам официальное предложение представить список представителей советской прессы на процесс. Кроме того, мы беседовали по этому вопросу с Заукеном, который заявил нам, что он примет все меры к допущению, по крайней мере, представителя ТАСС. В этом же духе высказался статс-секретарь Бюлов, который заявил, что он будет добиваться допущения представителей нашей прессы на процесс. Из всего этого следует, что суд здесь абсолютно ни при чем, что переговоры велись исключительно с министерствами. Министерства давали нам обещания, не смущаясь, по-видимому, тем, что суд в Германии «чертовски независим».

Что же касается независимости немецкого суда, то я хотел бы обратить его внимание на опубликованное сегодня заявление министра юстиции Франка, который не постеснялся предрешить некоторые выводы процесса до того, как он еще начался.

Что же касается его замечания по поводу нашей прессы и нашего радио, то позволительно прямо спросить, значит ли это, что отказ в допуске наших журналистов на суд есть до известной степени акт мести нашему радио и нашим газетам. Мейер в ужасе воскликнул: «Избави боже от такого предположения!»

«В таком случае,— заявил я,— я не понимаю, зачем Вы указываете на наше радио и нашу прессу, отказывая нашим журналистам в допуске на процесс».

Наконец, по вопросу о лондонском процессе я должен сказать, что, читая систематически иностранные газеты, приходится констатировать, что они занимаются лондонским процессом никак не в меньшей степени, чем наши советские газеты, и, главное, совершенно в том же духе. Однако это не ведет к тому, чтобы журналисты других стран огульно исключались из процесса.

Мейер заявил, что он немедленно свяжется с Бюловым и доложит ему наш протест и мои соображения. По его словам, Бюлов уже собирался послать нам ответ на наш протест, и мы, бесспорно, этот ответ получим в течение сегодняшнего дня.

Однако ни в этот день, ни до 12 часов следующего дня мы ответа никакого не получили. Я звонил 21-го утром Мейеру. Мейер сделал вид, что он крайне удивлен неполучением нами ответа, обещал немедленно связаться с Бюловым и немедленно же мне позвонить, но пока все еще не звонит. Следует отметить, что согласно инструкции т. Уманского, мы уже связались с американскими, французскими и польскими журналистами и постараемся получать информацию о процессе от них непосредственно в Лейпциге, куда выехал т. Беспалов*.

Бессонов

Печат. по арх.

297. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

22 сентября 1933 г.

Альфан долго распространялся о большом значении и пользе приезда Эррио[148] и Кота[218]. Исходя из предположения, что мне известна программа, с которой он приехал в Москву, он спрашивал, одобряю ли я ее. Я ответил, что мне эта программа детально не известна, но я представляю себе, что она имеет целью дальнейшее сближение наших стран, что эта

* Заведующий отделением ТАСС в Берлине.

работа совпадает с моей собственной, так что я не могу не одобрять ее.

Альфан коснулся нашего предложения об обмене информацией * и повторил довод Даладье: как это можно согласовать с аналогичным обязательством перед Германией? Я ответил, что никаких формальных обязательств перед Германией или другими государствами, за исключением Турции, у нас нет, обмен информацией сам собой вытекает из тех или иных отношений, существующих между государствами. Альфан должен мне поверить, если я скажу ему, что германское правительство не информировало нас о предложениях Папена в Лозанне ** и разговорах Розенберга с англичанами и тому подобных антисоветских замыслах. Мы имеем не больше обязательств перед Германией, чем она перед нами. Если мы говорим об обмене информацией, то мы исходим из общности интересов, а следовательно, из необходимости использования взаимной информации исключительно в интересах обеих стран. Мы Франции также не предлагали никакого формального соглашения, а лишь джентльменский уговор. Альфан сказал, что он вполне понимает теперь наше предложение и сочувствует ему.

Альфан высказал предположение о желательности дополнения наших пактов о ненападении арбитражем. Я разъяснил ему нашу точку зрения, указав, что мы принципиально арбитраж не отклоняем, но находим осуществление его затруднительным, что мы в отдельных случаях сами предлагали арбитраж, как, например, в истории известного «письма Зиновьева» ***. К сожалению, враждебность внешнего мира к нам еще велика. Мы допускали арбитраж в наших концессионных и коммерческих договорах, и нередко нам приходилось в этом каяться. Разительным примером вопиюще несправедливого арбитражного решения является дело «Лена-Голдфилдс» ****. С другой стороны, мне трудно даже предвидеть такие политические конфликты между нами и Францией, для которых мог бы потребоваться арбитраж.

Я выразил недоумение по поводу некоторой нерешительности французского правительства. Завязывая новые дружбы, иногда теряют или, по крайней мере, ослабляют старые. Мы сейчас спокойны, имея дело с нынешним французским правительством, но у нас нет никакой уверенности в том, что его политическая линия будет продолжена в случае смены правительства, в особенности после прихода к власти людей толка Тардье. Этих опасений не может быть у французского прави-

---

* См. док. № 222.

** См. т. XV, прим. 225.

*** См. т. VII, док. № 275.

**** См. т. XIV, прим. 31; т. XV, док. № 221.

тельства ввиду постоянства нашей политики и бессменности Советского правительства. Таким образом, с нашей стороны должно было бы требоваться больше осторожности, чем с французской.

Альфан, не оспаривая возможности смены правительства, сказал, что нам необходимо привлечь на свою сторону правительственный аппарат и тогда смена правительств не будет иметь большого значения. Эрбетт как журналист этого не понимал, но он, Альфан, ставит себе задачей изменение настроений французской администрации. Он поэтому особенно рад, что Кот прибыл со многими сотрудниками из аппарата. В связи с этим Альфан намекнул, что приезжавшему к нам сыну его, начальнику кабинета Боннэ*, не было уделено достаточно внимания. Он просил оказать содействие приезжающему сюда французскому коммерческому атташе в Мексике, который, вероятно, будет переведен в Москву. Альфан считает необходимым учреждение должности коммерческого атташе, а также консульств. Франко-советскому сближению мешают не только французские чиновники, но и третьи страны, из которых он должен отметить Германию, Италию, Польшу и Малую Антанту. Мою вставку «и Англию» он отверг, сказав, будто Англия никакой пропаганды против нас во Франции не ведет, но Польшу он упомянул дважды.

Говорил Альфан также о желательности скорейшего окончания переговоров с заключением соглашения, признав, что он не возлагает больших надежд на торговлю. Со своей стороны, он выдвигает желательность технического сотрудничества.

Литвинов

Печат. по арх.

298. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню

23 сентября 1933 г.

Господин Особый агент,

1. Ознакомившись с Вашим заявлением от 25 августа с. г.[224], я считаю необходимым указать прежде всего на то, что ряд инцидентов, когда, по Вашему утверждению, якобы имели место неправильные действия тех или иных советских подданных, относятся к датам давностью свыше полугода. Я должен выразить сожаление, что Вы не поставили меня более своевременно в известность о претензиях, которые возникали у Вас, и что, таким образом, предметом нашей перепи-

* Министр финансов Франции.

ски становятся сомнительные происшествия устарелого характера. Вместе с тем я должен решительно отклонить Ваше указание, что на протесты, сделанные Вами мне по поводу пограничных инцидентов, Вы не получали от меня ответов и что мною не предпринималось эффективных мер по Вашим жалобам, имевшим дружественный характер. Как мною уже было Вам сообщено в устном ответе [225], Вам были своевременно даны исчерпывающие ответы по всем поставленным Вами передо мною вопросам. Что же касается случая, относящегося к нападению 9 января с. г. на китайскую территорию против селения Корсаковского, то с Вашей стороны не было предетавлено никаких возражений против того, что мною будет сделан предварительный запрос советским местным органам с целью обстоятельного выяснения этого случая.

2. Единичные случаи недоразумений на такой длинной границе, как советско-маньчжурская, не исключены, но советские пограничники имеют специальные указания Советского Правительства соблюдать добрососедские отношения, максимально способствуя спокойствию в пограничной полосе. Совершенно очевидно, что нарушения спокойствия в пограничной полосе, действительно имевшие место в затронутый Вами период, объясняются не действиями каких-либо представителей Советской власти, а наличием бандитизма и административным расстройством в пограничной полосе на маньчжурской территории в связи с имевшими место политическими событиями в этом районе.

Переходя к рассмотрению приложенного к Вашему письму перечня незаконных действий, якобы совершенных советскими властями и советскими гражданами в приграничной полосе Хэйлунцзянской провинции, я считаю необходимым установить следующее:

В пунктах 1-м и 2-м Вашего перечня сообщается, что русские белые Глотов и Посвелов якобы были незаконно захвачены на территории Маньчжоу-Го. В действительности эти двое русских, раньше замечавшиеся в активной работе против Советского Союза, были арестованы при одном из переходов ими советской границы. Неверно, будто Глотов находится в заключении в тюрьме в г. Благовещенске. По вполне достоверным сведениям, он проживает в настоящее время на территории Маньчжоу-Го, пользуясь поддержкой маньчжурских властей для продолжения своей антисоветской деятельности. Не могу поэтому не выразить удивления по поводу упоминания Глотова в Вашем протесте.

В пункте 3-м Вашего перечня приведен случай нападения бандитской шайки на автомашину с убийством пассажиров, каковой приписывается Вами действиям взвода солдат крас-

ной охранной армии*. Этот случай, представляющий собой один из эпизодов бандитизма в пограничной полосе, не имеет никакого отношения к деятельности каких бы то ни было частей Красной Армии или пограничной охраны СССР.

В 4-м пункте Вашего перечня речь идет, по сведениям, проверенным советскими органами, не о действиях каких-либо представителей Советской власти, а о столкновениях между жителями советского поселка, с одной стороны, и населением маньчжурского поселка, с другой стороны, возникших на почве экономических взаимоотношений. Эти столкновения приняли крайне нежелательную форму, и, на основании полученных мною материалов, я считаю необходимым признать неправильными акты насилия, которые были совершены гражданами советского поселка. Местным властям даны категорические указания о необходимости принимать впредь самые решительные меры для своевременного предотвращения и решительного недопущения подобных событий.

Пункты 5-й, 8-й, 12-й и 13-й Вашего перечня приписывают советским чинам, красноармейцам и жителям действия, к которым они в действительности не имели ни малейшего касательства. Во всех этих случаях происшествия объясняются исключительно действиями хунхузских шаек. В некоторых из этих случаев советские пограничные органы оказывали помощь маньчжурским гражданам, обращавшимся к ним после своего бегства от преследования бандитов.

Обвинения, содержащиеся в 6-м и 7-м пунктах Вашего перечня, опровергаются тем бесспорным обстоятельством, что вследствие разлива Амура в это время (9 и 22 мая) переходы с советского берега на противоположный были невозможны.

Также совершенно неосновательной является претензия, приводимая Вами в пункте 9-м перечня. Советские власти отнюдь не принуждали к продаже им дров китайских граждан по такой низкой цене, которая, как Вы утверждаете, равносильна отобранию. В действительности речь идет о бревнах, которые принадлежали советским хозяйственным организациям и при сплаве по реке Амур, вследствие разрыва плотов, были прибиты к маньчжурскому берегу и присвоены местным населением. В дальнейшем, по настоянию советских органов, бревна были возвращены по принадлежности. Таким образом, ни о какой покупке по какой бы то ни было цене вообще не было речи. Этот факт показывает с полной очевидностью, что включенные в Ваш перечень претензии в действительности не были подвергнуты серьезной предварительной проверке.

---

* Так в тексте.

Случай, приводимый Вами в пункте 10-м и упоминающий о двух советских гражданах, которые, перейдя границу, убили двух местных крестьян и отрубили головы двум белым русским, является нам совершенно неизвестным и представляет собой, по нашему мнению, чистый вымысел. Во втором случае Ваше сообщение, не называющее ни имен советских граждан, ни имен белых русских, не дает никаких возможностей для его проверки.

Что касается пунктов 11-го, 14-го и 16-го Вашего перечня, то какая бы то ни было причастность советских официальных лиц или граждан к перечисленным Вами случаям должна быть полностью исключена. Я прошу Вас обратить серьезное внимание на то, что предъявление подобных неопределенных претензий без сообщения деталей, позволяющих установить и проверить факты, является совершенно бесплодным и принимает характер нарочитого нагромождения большого числа претензий, за которыми не стоят никакие конкретные факты.

Наконец, претензия, изложенная в пункте 15-м, содержит свое собственное опровержение, ибо обвинение 4-х советских граждан в том, что они, переехав реку напротив Сахаляна, затем избивали население в уезде Хума, то есть на расстоянии 150 км от Сахаляна, явно не обосновано.

3. Вместе с тем я не могу не отметить, что и в прошлом имел место целый ряд случаев, когда факты, приводимые в Ваших протестах, после надлежащей их проверки не подтверждались.

Так, например, 15 августа прошлого года Вами был заявлен протест по поводу перехода частями Красной Армии границы в районе города Маньчжурия и возведения военных построек, каковой факт в действительности не имел места, о чем было сообщено Вам мною 26 августа 1932 г.

6 февраля с. г. Вами был заявлен протест против нарушения советскими гражданами границ в районе озера Ханка, однако в результате проверки этот факт не подтвердился, о чем указано в моем письме от 25 февраля с. г. *

21 февраля Вы заявили протест по поводу постройки на Амуре и Сунгари плотин, мешающих судоходству, какового факта также в действительности не было, и об этом мною было Вам своевременно сообщено.

4. Одновременно считаю необходимым заявить самый решительный протест против наблюдающегося неоднократного нарушения границ СССР со стороны пограничных воинских частей Маньчжоу-Го, а также содействия со стороны маньчжурских властей переходящим на территорию СССР бело-

* См. док. № 50.

гвардейским террористическим бандам. Перечень всех таких случаев заполнил бы несколько страниц, поэтому считаю необходимым остановиться только на некоторых из них, происшедших в самое последнее время:

а) Переход с маньчжурской стороны на территорию СССР белогвардейских банд с диверсионными целями.

1) 23 июня с. г. банда вооруженных белогвардейцев в 8 человек на участке Гродековского пограничного отряда против китайского селения Лохэ перешла на территорию СССР, в то время как другая ее часть в 7 человек залегла на территории Маньчжоу-Го. Банда обстреляла проходящий наряд союзной пограничной охраны и убила начальника наряда гражданина Столярова.

2) 29 июня с. г. была задержана группа князя Ухтомского, пробиравшаяся на советскую территорию с целью совершения диверсии и шпионажа.

б) Артиллерийский обстрел территории СССР со стороны Маньчжоу-Го.

3) 23 января с. г. на участке 25 *км* западнее селения Барабаш происходил бой японо-маньчжурских войск со старогиринскими партизанами *, во время которого японская артиллерия открыла артиллерийский обстрел нашей территории.

4) В марте месяце с. г. во время боя со старогиринцами японской артиллерией произведен обстрел территории СССР в районе селения Венцелево против китайского поселка Хуанцзя, выпущено на территорию СССР свыше 100 снарядов.

в) Переход границы и обстрел территории СССР маньчжоугоскими вооруженными группами и отрядами.

5) 9 мая с. г., преследуя старогиринцев, отряд в 40 японских солдат, находящихся на службе Маньчжоу-Го, перешел границу в районе гор. Саньчагоу в 5 *км* западнее Ушагоу и открыл стрельбу из ружей и пулеметов по наряду союзной пограничной охраны, убив одну лошадь.

6) 11 мая с. г. в 6 *км* западнее заставы Сарбокван с маньчжурской территории обстреляны крестьяне-колхозники, работавшие в поле; в результате тяжело ранен один колхозник и убита одна лошадь.

7) 12 мая с. г. в районе севернее озера Хасан два японских жандарма перешли границу и под угрозой оружия увели на территорию Маньчжоу-Го работавшего в поле колхозника.

8) 26 мая с. г. в 5 *км* севернее селения Полтавка пять маньчжурских солдат перешли государственную границу и

---

* Имеются в виду китайские войска, отказавшиеся подчиниться японцам и властям Маньчжоу-Го (см. т. XV, прим. 11).

обстреляли работавших в поле женщин и детей, угнав на территорию Маньчжоу-Го шесть колхозных лошадей.

9) 13 июля с. г. в 4 км к северо-востоку от разъезда Рассыпная Падь два японских солдата, состоящие на службе в пограничном отряде Маньчжоу-Го, перешли границу и углубились на 1 км на территорию СССР. При попытке наряда союзной пограничной охраны задержать их бросились бежать на территорию Маньчжурии, подняв стрельбу по наряду.

г) Полеты самолетов со стороны Маньчжоу-Го над территорией СССР.

10) 7 июня с. г. в 13 час. 30 мин. на участке Отпор с маньчжурской стороны перелетел государственную границу самолет, который углубился на 1 км и совершил полет над советской территорией вдоль границы.

11) 23 июня с. г. в 11 часов с Сахалянского аэродрома поднялся самолет, который перелетел границу и, пролетев над городом Благовещенском, взял курс на север, дойдя вдоль советского берега Амура до селения Старо-Кумарского; этим же путем вернулся обратно.

12) 6 июля с. г. в районе станции Пограничная над пограничной заставой Веселый Ключ пролетел самолет; в 10 час. 30 мин. этот же самолет пролетел над участком Ушагоу; в 11 часов он же пролетел над участком против заставы Сарбокван и скрылся над маньчжурской территорией.

13) 27 августа с. г. в 12 час. 55 мин. маньчжурский самолет перелетел границу в районе поселка Графский (5 км западнее гор. Иман).

14) 28 августа с. г. в 12 час. 55 мин. с маньчжурской территории перелетел границу самолет в 5 км северо-восточнее поселка Ильинский (20 км к юго-западу от Имана).

15) 28 августа с. г. в 10 час. 45 мин. самолет с опознавательными знаками Маньчжоу-Го пролетел над городом Благовещенском и, сделав несколько кругов, вернулся в Сахалян.

5. Доводя до Вашего сведения об этих недопустимых фактах, я считаю необходимым настаивать на том, чтобы маньчжурскими властями были приняты самые энергичные меры к предотвращению указанных пограничных инцидентов и недопущению провокационной деятельности многочисленных белогвардейских банд, наличие которых в районе государственной границы в особенности способно вызывать осложнения. Советское Правительство со своей стороны, учитывая нежелательность возникновения каких бы то ни было пограничных инцидентов и недоразумений, еще раз дает твердые указания пограничной охране и всем советским органам власти в приграничной полосе о необходимости самого тщательного соблюдения и уважения государственной границы и пре-

дупреждения каких бы то ни было явлений, нарушающих законный порядок в приграничном районе.

Пользуясь случаем, прошу принять уверения в моем глубоком к Вам, г. Особый агент, уважении.

Генеральный консул СССР в Харбине
Славуцкий

Печат. по арх.

299. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Б. Е. Штейну

25 сентября 1933 г.

В связи с имеющимися сведениями об обсуждении в финских правительственных кругах вопроса о запрещении ввоза советских лесопродуктов в Финляндию, в частности в связи с внесением лапуасской фракцией соответственного законопроекта в сейм, сделайте МИД устное заявление на основе изложенных ниже положений *. Укажите, что в течение последнего времени усилиями обоих правительств удалось значительно нормализовать политические и экономические взаимоотношения между СССР и Финляндией. Запрещение ввоза советских лесопродуктов, если бы оно было проведено, послужило бы основанием серьезного нарушения этих отношений. Обратите внимание финского правительства, что хотя ввоз советского леса в Финляндию имеет для Финляндии гораздо большее экономическое значение, чем для СССР (лес ввозится для снабжения прилегающих к советской границе финских заводов, которые без этого леса оказались бы без сырья), однако запрещение было бы столь недружественным актом, что оно неизбежно вызвало бы большое беспокойство в руководящих кругах СССР и не могло бы не иметь самых отрицательных последствий для дальнейшего развития советско-финских отношений, в частности в экономической области. Отметьте также, что подобные меры сделали бы невозможными совместные выступления на международном лесном рынке, о чем неоднократно шли переговоры между представителями советских и финских организаций, и сотрудничество СССР с Финляндией на международных лесных конференциях, из которых ближайшая состоится в октябре в Лондоне. Выразите надежду, что финское правительство учтет Ваши соображения и не пойдет по пути осложнения советско-финских отношений.

Стомоняков

Печат. по арх.

* См. док. № 302, 303.

300. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах Германии в СССР Твардовскому

26 сентября 1933 г.

Господин Поверенный в Делах,

Мероприятия, послужившие поводом для Вашей ноты от сего числа, были вынуждены систематическим преследованием представителей прессы СССР и рядом оскорбительных действий со стороны германских властей. Эти действия создали для советских журналистов в Германии особый режим и условия, в которых они лишены возможности выполнять свои функции.

Достаточно напомнить, что на протяжении последних шести месяцев без всякого повода и основания представитель «Известий» ЦИК СССР и ВЦИК гр-ка Кайт дважды подвергалась обыску и аресту; равным образом дважды арестовывался и обыскивался представитель «Правды» гр-н Черняк; не избег ареста и представитель агентства ТАСС гр-н Беспалов, который к тому же подвергся грубому обращению и личному обыску [226]. Я уже не говорю о многочисленных случаях оскорбительных вторжений штурмовиков в квартиры означенных журналистов *.

Далее, германские власти уже с марта месяца стали на путь дискриминации между представителями прессы СССР и других стран, отказав первым в допущении на открытие рейхстага. Понадобился протест Советского Посольства **, чтобы исключение было сделано только для корреспондента ТАСС. Та же дискриминация была проявлена в недопущении советских журналистов на происходящий Лейпцигский процесс ***, имеющий большое общественное значение и представляющий для СССР, по крайней мере, не меньший интерес, чем для других стран.

Против этой дискриминации, а равно и других враждебных действий в отношении представителей советской прессы Советское Посольство в Берлине заявляло многочисленные протесты. Эти протесты Министерство Иностранных Дел находило обоснованными и справедливыми, обещало принимать меры, но тем не менее эти действия не только не прекращались, но и принимали все более оскорбительные формы, причем Советскому Правительству не известно ни одного случая, когда виновные лица или органы власти понесли бы какое-нибудь наказание за недисциплинированность, на которую ссылается в таких случаях Министерство Иностранных Дел.

---

* См. также док. № 53, 87.
** См. док. № 87.
*** См. док. № 293, 296.

Не приходится удивляться, что советские органы печати не нашли возможным дальше мириться с создавшимся положением и признали, что их представители поставлены в совершенно недопустимые условия, лишающие их возможности выполнять порученную им работу и делающие дальнейшее пребывание их в Германии бесполезным и несовместимым с достоинством советской прессы.

Не может мириться с этим положением и Советское Правительство. Не желая стать на путь репрессивных мер в отношении представителей германской прессы, подвергая их особому режиму и таким же оскорбительным действиям, которые испытывали советские журналисты в Германии, оно предпочло прямо заявить им о невозможности для них в дальнейшем оставаться в СССР, пока этой возможности фактически лишены советские журналисты в Германии. Должен при этом отметить, что, вопреки Вашему заявлению, ни один из германских журналистов, которым предложено покинуть территорию СССР, не числится в официальных списках сотрудников Германского Посольства, представленных последним Народному Комиссариату по Иностранным Делам. Все они сносились с НКИД и с другими советскими органами исключительно как представители прессы.

Что касается Ваших ссылок, г. Поверенный в Делах, на существующие советско-германские соглашения, то я полагаю, что если вышеперечисленные действия германских властей совместимы с этими соглашениями, то и вынужденные ответные мероприятия Советского Правительства не должны считаться противоречащими им.

О намеченном советской прессой отозвании своих журналистов и возможном мероприятии Советского Правительства Германское Министерство Иностранных Дел было предупреждено Советским Посольством в Берлине еще 24-го сего месяца [227].

Я весьма сожалею, что приходится прибегнуть к этим мероприятиям, и вполне отдаю себе отчет в их значении, но, как выше указано, они навязаны нам действиями органов Германского Правительства, на которое ложится ответственность за создавшееся положение *.

Примите и пр.

М. Литвинов

Печат. по газ. «Известия»
№ 231(5159), 27 сентября 1933 г.

В упоминаемой ноте Твардовского на имя М. М. Литвинова от 26 сентября 1933 г. говорилось:

«Господин Народный Комиссар.

Заместитель заведующего II Западным отделом НКИД г. Линде со-

---

* См. док. № 301.

общил мне сегодня утром по Вашему поручению устно, что Советское Правительство незамедлительно отзовет всех своих корреспондентов из Германии. Советское Правительство далее решило в течение трех дней выслать всех немецких корреспондентов, в том числе и консультанта прессы при Германском Посольстве.

Я принимаю к сведению, что Правительство СССР намерено отозвать своих корреспондентов из Германии, и доложу об этом Германскому Правительству.

Против объявленной высылки немецких корреспондентов я заявляю энергичный протест, не предвосхищая дальнейших решений Германского Правительства. Намеченное мероприятие не находит никакого оправдания в поведении заинтересованных господ и резко противоречило бы духу и постановлениям германо-советских соглашений.

Я прошу Вас поэтому, г. Народный Комиссар, принять необходимые меры для отмены высылки».

301. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Германии в СССР Твардовским

26 сентября 1933 г.

Твардовский сообщил, что сейчас же по получении сообщения от т. Линде о высылке журналистов * он снесся по телефону с Берлином, который об этом мероприятии как-будто не имел никакого представления. Сильно волнуясь, Твардовский указывал на все более ухудшающиеся отношения между нашими странами, несмотря на то, что руководящие круги Германии искренне хотят вновь наладить эти отношения, исправить все недочеты и поводы к жалобам [37]. Конфиденциально он мне сообщил о состоявшемся решении о ликвидации «Роид» **. У нас же он замечает все большее и большее отклонение нашей политики в сторону Франции. Дело дошло, мол, до того, что посланник дружественной державы сообщил его правительству, будто Советское правительство сообщило Парижу детальные сведения о германских мероприятиях по вооружению в области газовой войны и авиации, каковыми сведениями французы намерены воспользоваться на конференции по разоружению. Высылка корреспондентов является чрезвычайно резкой мерой. Он, Твардовский, признает вину немцев в недопущении наших журналистов на Лейпцигский процесс и в задержании их, но за последнее полицей-президент уже приносил извинения. Он полагает, что достаточным жестом с нашей стороны было бы отозвание наших журналистов из Берлина без высылки немецких. Мы должны понять, что

---

* См. док. № 300.

** См. также док. № 209.

в Германии произошла революция, хотя и не кровавая, но все же расшатавшая основательно власть и имевшая своим последствием известную недисциплинированность властей. Случаев ареста германских граждан в СССР было немало, и никогда германское правительство не реагировало на них так, как мы в данном случае.

Я напомнил Твардовскому многочисленные факты издевательств и оскорблений по адресу наших представителей печати. Я сказал, что их вполне достаточно для понимания наших ответных мероприятий. Мы, однако, не можем упускать из виду тот фон, на котором действия германских властей имели место. Я перечислил, конечно, далеко не исчерпывающе, антисоветские выступления германских властей, по поводу которых мы совершенно бесплодно протестуем, не добиваясь никаких результатов[45]. Аусамт любезно принимает наши протесты, выражает сожаление, приносит извинения, обещает принять меры, но на следующий день антисоветские выходки повторяются. Мне кажется, что в Германии переоценивают наше терпение. Ссылаются на недисциплинированность, но нам не известно ни одного случая, когда бы эта «недисциплинированность», наносившая ущерб нам, наказывалась, даже выражение сожаления и принесение извинений не предавались гласности, и германская общественность, в том числе сами виновники бесчинств, не могли знать, как к ним относится германское правительство — одобряет или осуждает. Не приходится поэтому удивляться безрезультатности наших протестов и «продолжению недисциплинированности». С другой стороны, мы знаем, что, когда немецкая газета осмелилась «оскорбить» г. Бальбо, назвав его езреем, газета была сейчас же закрыта, а когда подвергся на улице оскорблению частный американский гражданин, германский чиновник явился в американское посольство приносить извинения. Германское правительство как будто стало привыкать уже к нашим протестам, как к совершенно нормальному явлению, и перестало быть восприимчивым к ним. Очевидно, нужны более сильные средства, чтобы заставить германское правительство почувствовать, что нашему терпению есть предел. Предлагаемый г. Твардовским жест, несомненно, дал бы удовлетворение кое-кому в Германии, но отнюдь не в СССР. Нельзя ставить в одну плоскость законные преследования у нас шиберов (спекулянтов), шпионов и других нарушителей наших законов с издевательствами над ни в чем не повинными представителями печати. Мы, скрепя сердце, пошли на объявленное сегодня мероприятие, о политическом значении которого мы отдаем себе полный отчет, но это продиктовано нам сознанием нашего достоинства и невозможностью дольше терпеть издевательское отношение германских властей.

Сообщение Твардовского о передаче нами сведений Франции является совершенным вымыслом какого-либо досужего или зловредного дипломата. Когда Германия пренебрегает нашей дружбой, а другие страны этой дружбы ищут, мы, естественно, сближаемся с этими другими странами, но из этого не вытекает какая-либо враждебность к Германии или желание ей вредить.

Твардовский выразил удивление, узнав от меня, что еще 23-го мы поручили Хинчуку предупредить аусамт о возможных мероприятиях и что это предупреждение совершенно игнорировалось Берлином [227]. Он высказал пожелание о локализации конфликта и просил продлить срок высылки немецких журналистов, а Бауму * разрешить остаться как сотруднику посольства. Я ответил, что, поскольку Твардовский уже сообщил корреспондентам содержание своей ноты, мы вынуждены будем, вероятно, опубликовать и наш ответ. Что же касается просьбы о продлении и о Бауме, то я должен держаться постановления правительства о трехдневном сроке.

Твардовский просил официальную часть разговора считать законченной и просил частным образом сказать ему, какой выход из положения я вижу. Я ответил, что этот вопрос нами не обсуждался, но что мне лично кажется, что выход напрашивается сам собой, а именно: надо, по крайней мере, устранить те причины, которые вызвали данный конфликт. Следовало бы, по-моему, немедленно допустить наших журналистов на Лейпцигский процесс, принести извинения за лейпцигские аресты и наказать виновных с оглашением в печати **.

Литвинов

Печат. по арх.

302. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем

26 сентября 1933 г.

Я пришел к Хакселю для того, чтобы сделать ему заявление по вопросам о законопроекте, внесенном ПНД *** относительно запрещения ввоза советского леса. Заявление я сделал на основании телеграфной директивы, перечислив все аргументы, изложенные в этой директиве ****. Хаксель, выслушав меня, ответил следующее: я не вижу в данный момент

---

* Корреспондент телеграфного агентства Вольфа в СССР.
** См. также док. № 329.
*** «Патриотическое народное движение».
**** См. док. № 299.

непосредственной опасности в этом деле. Законодательная инициатива той или иной фракции сейма вовсе не обязательна для правительства. Я понимаю (и правительство также), что, поскольку вы покупаете у нас, равным образом мы должны покупать у вас. Официально мы этого вопроса еще не обсуждали, но предварительный обмен мнениями был, и я могу Вам сказать, что правительство вовсе не расположено поддерживать эту инициативу. Кроме того, я выяснял положение в сейме (тоже неофициально) и получил убеждение, что вряд ли кто-нибудь из других фракций будет в этом вопросе поддерживать ПНД. В частности, могу Вам сказать, что аграрии в этом вопросе занимают весьма спокойную позицию (вопреки своей же позиции в 1932 г., когда они сами внесли аналогичный законопроект) и вряд ли станут поддерживать ПНД.

Я сказал Хакселю, что очень рад принять к сведению сообщение о точке зрения правительства, относящегося отрицательно к подобного рода попыткам дискриминировать советский экспорт. Если бы эта попытка, паче чаяния, прошла, то финское правительство должно заранее считаться с весьма тяжелыми последствиями, о чем я, впрочем, уже говорил. После моего заявления финское правительство будет в курсе наших мнений по этому вопросу и, я не сомневаюсь, учтет при своем выступлении против законопроекта возможные последствия его принятия. Хаксель передал мне памятную записку о Сердобольской базе*. Я сказал, что изучу ее, после чего вернусь к этому вопросу.

Хаксель сообщил мне формально о постановлении суда 1-й инстанции относительно оскорбления нашего флага[228]. Он прибавил при этом, что по его инициативе и с полного одобрения канцлера юстиции государственный прокурор обжаловал этот приговор (2 месяца условного заключения), так как правительство считает необходимым добиться фактического заключения в тюрьму виновника оскорбления флага, дабы раз и навсегда положить конец подобным безобразиям. Хаксель сказал, что правительство этого и добьется, хотя бы дело и пришлось довести до Верховного суда. Я поблагодарил Хакселя и сказал, что вполне одобряю его усилия в этом вопросе.

Я сказал Хакселю, что не понимаю, почему так долго тянется и притом пока безрезультатно дело о продаже нашего дома на Эспланадной[229]. Неужели закупка сельскохозяйственных продуктов на 10 млн. марок для Финляндии является столь малой величиной, ради которой не стоит приложить немного усилий. Ведь все время, именно с финской стороны, имеются жалобы на то, что мы мало покупаем, а когда мы

---

* См. док. № 234.

предлагаем выгодную сделку, то с ней тянут бесконечно долго. В конце концов, для нас продажа дома вовсе не является настоятельной необходимостью, и если финская сторона так относится к этой сделке, то я вообще больше к ней возвращаться не стану. Хаксель начал подробно рассказывать мне, что у министерства торговли не оказалось денег и что вхождение в бюджетную комиссию сейма с просьбой об отпуске такой большой суммы вряд ли увенчается успехом. У меня создалось впечатление, что финны сознательно преувеличивают возникающие трудности, для того чтобы добиться от нас значительного снижения цены. Поэтому я прекратил разговор, сказавши, что дело финской стороны доставать деньги и что я хотел бы лишь иметь ясность в этом вопросе.

Хаксель сказал мне, что его хороший знакомый Паннонен едет на днях в Москву для закупки у нас большого количества леса. Он дал, по просьбе Паннонена, ему личные рекомендательные письма на имя тт. Стомонякова и Розенгольца. Он просит меня иметь в виду, что Паннонен — человек серьезный и обладает весьма солидными гарантиями со стороны английских банков.

Я спросил у Хакселя, видел ли он уже Коскенмаа, вернувшегося из Москвы. Хаксель ответил, что видел его мельком и что Коскенмаа собирает завтра всех начальников сплава для того, чтобы обсудить наши новые предложения*. Хаксель подтвердил, что после обсуждения Коскенмаа вновь выедет в Москву.

Полпред СССР в Финляндии
Б. Штейн

Печат. по арх.

303. Письмо Торгового Представителя СССР в Австрии в Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР

26 сентября 1933 г.

После долгого перерыва, вызванного целым рядом событий в Австрии, которые, по-видимому, не давали возможности выделить время для нас, 22 сентября состоялась встреча с австрийцами**.

Полпред т. Петровский и я при беседе в первую очередь подчеркнули наше удивление столь долгим молчанием австрийцев. В последний раз, когда мы им передали проект соглашения, они обещали через несколько дней дать нам ответ.

---

* См. док. № 311.
** См. также док. № 281, 290.

Вместо этого встреча состоялась лишь через [несколько] недель.

Далее в разговоре мы указали, что во всех предыдущих наших совещаниях австрийская сторона постоянно указывала, что мы напрасно добиваемся формулы о невведении новых запретов на интересующие нас товары при отсутствии у них якобы намерения вводить те или иные новые запрещения ввоза. Между тем через несколько дней после нашего совещания было издано новое постановление, которым вводилось запрещение ввоза на целый ряд интересующих нас товаров. Австрийцы ответили, что у них намерения вводить новые запреты действительно не было и лишь неожиданно сложившаяся ситуация заставила их прибегнуть к этому мероприятию. После этого мы заявили, что так как согласованное нами соотношение 1 к 0,7 было заключено при наличии списка запрещенных товаров к моменту этого соглашения, то мы теперь, после введения новых запрещений, наше предыдущее согласие отзываем.

После длительного разговора австрийцы наконец заявили, что они согласны выдавать нам разрешения на ввоз по вновь после соглашения запрещенным товарам без зачета их в согласованное отношение 1 к 0,7, т. е., во-первых, нам будут выдаваться беспрепятственно разрешения на ввоз товаров, запрещенных последним постановлением, и, во-вторых, эти суммы не будут включаться в компенсацию за выдаваемые нами заказы, а будут идти сверх того, как это было к моменту соглашения при свободном ввозе этих товаров. Так как этим соглашением восстанавливалось старое, уже согласованное нами положение, то мы свое возражение сняли.

Далее мы затронули вопрос о пшенице, указав, что, хотя на пшеницу официального запрещения ввоза не существует, размер пошлины, установленный на нее, является фактически запретительным и размеры контингентов, предоставленных для Венгрии (120 тыс. т) и Югославии (50 тыс. т) с предоставлением им преференции в 3,2 зол. кроны на центнер, при повышенном урожае в самой Австрии, делают фактически ввоз нами пшеницы в Австрию невозможным, а между тем не только для нас, но и для самой Австрии представляет значительный интерес хотя бы в некотором количестве получить нашу пшеницу. В торгпредство, например, приходил целый ряд хлеботорговцев и мельников, которые изъявили желание купить у нас значительные партии пшеницы, которая им необходима в качестве добавки к менее ценным сортам отечественной, югославской и венгерской пшеницы. Мы считали бы правильным, если бы для нас на какое-либо определенное количество также была снижена пошлина.

В ответ нам сообщили, что урожай пшеницы в Австрии

в этом году достаточно хорош и правительство принимает все меры (в частности, и ввело эту повышенную пошлину), чтобы в максимальной степени обеспечить реализацию внутренней пшеницы, и дать нам какие-либо скидки с пошлины они не видят никакой возможности, однако, учитывая наше официально высказанное пожелание, они поставят его на обсуждение соответствующих органов.

Со своей стороны по этому вопросу считаем необходимым добавить, что, несмотря на предоставленные преференции, ни у Венгрии, ни у Югославии фактически более или менее значительных закупок в настоящее время не производится и, по сведениям, полученным из кругов хлебной биржи, ввоз из Венгрии и Югославии будет незначительным, но зимой, когда в значительной мере рассосется внутренний урожай, по-видимому, будет проведено общее снижение пошлины.

Таким образом, после этого заседания мы вернулись к прежнему положению, т. е. мы выдаем австрийцам заказы и получаем за это разрешения на ввоз запрещенных товаров на 70% суммы наших заказов, причем товары, запрещенные к ввозу последним законом и оставшиеся еще свободными к ввозу, идут сверх этого, а ввоз пшеницы хотя и не запрещен, но на ближайшее время фактически почти исключен.

Теперешнее соглашение ни в какой форме не фиксировалось, а было заключено словесно.

Торгпред СССР в Австрии
Попов

Печат. по орг.

304. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

26 сентября 1933 г.

Сегодня Моргентау-младший пригласил меня и сообщил, что он поставил перед президентом вопрос об окончательных условиях для большой сделки, как об этом просил «Амторг» *. Президент поручил ему сообщить нам, что он решил пока задержать все дело, ибо хочет обдумать вопрос об отношениях с нами в целом. По словам Моргентау-младшего, Рузвельт поручил ему заверить меня, что задержка не является недружественным шагом. Моргентау-младший от себя добавил, что решение Рузвельта вызвано соображениями дружбы с СССР, ибо только постановкой общего вопроса можно сделать кредит для нас более дешевым. До сих пор Моргентау-младший ставил лишь экономические вопросы, избегая вопросов поли-

* См. док. № 184.

тических *, поэтому я склонен считать сегодняшний разговор поворотным. В свете беседы Рузвельта с Говардом [350] можно думать, что Рузвельт собирается поставить вопрос о признании в октябре **, если только здесь не замешаны разногласия в переговорах в Лондоне о пшеничной квоте. У Моргентау-младшего на это не было и намека.

Сквирский

Печат. по арх.

305. Заявление Правительства СССР Правительству Японии ***

26 сентября 1933 г.

24 сентября с. г. японскими и маньчжурскими чинами полиции в Харбине арестованы: начальник службы тяги Калина, начальник финансовой службы Кубли, начальник главных мастерских Лавров и старший диспетчер Аблов. В тот же день чинами японского пограничного отряда на ст. Маньчжурия был арестован начальник ст. Маньчжурия Авраменко. На ст. Пограничная в ночь на 24 сентября был арестован чинами маньчжурского пограничного отряда начальник ст. Пограничная Катыль.

Указанные действия харбинской полиции и японских и маньчжурских пограничных отрядов представляют собой беззаконное и насильственное вмешательство в деятельность законной администрации КВЖД, явно направленное к нарушению советских прав на КВЖД и бесспорно противоречащее существующим договорам о КВЖД.

О том, что мероприятия этого недопустимого характера подготовляются японскими и маньчжурскими властями, Японское Правительство несколько дней тому назад было поставлено в известность заявлениями, сделанными замнаркоминдела Г. Я. Сокольниковым Японскому Послу г. Ота в Москве и Советским Полпредом в Токио г. Юреневым ****.

Советское Правительство в дополнение к этим предупреждениям заявляет Японскому Правительству, что по неопровержимым данным, находящимся теперь в его распоряжении, эти мероприятия представляют собой начало осуществления детально разработанного плана, принятого в Харбине на ряде совещаний при японской военной миссии с участием ответственнейших японских руководителей маньчжурской администрации. Советское Правительство в случае надобности опуб-

* См. док. № 294.

** См. док. № 315.

*** Сделано полпредом СССР в Японии К. К. Юреневым министру иностранных дел Японии Хирота.

**** См. док. № 295.

ликует полностью эти документы, устанавливающие с исчерпывающей полнотой методы действий японского военного командования в Маньчжурии и японской администрации в Маньчжурии *.

Советское Правительство в упомянутых заявлениях, сделанных Японскому Правительству, предупредило, что вся ответственность за осуществление плана покушения на советские права на КВЖД возлагается им на Японское Правительство. Советское Правительство еще раз подчеркивает, что совещания, вырабатывавшие план захвата, происходили при японской военной миссии и что аресты советских сотрудников производились при участии японских пограничных частей и японских чинов полиции.

Советское Правительство считает, что подобные действия японских властей в отношении КВЖД не могут не быть рассчитаны на срыв ведущихся переговоров о продаже КВЖД. Ответственность за последствия полностью несет Японское Правительство.

Печат. по газ. «Известия» № 241(5172), 30 сентября 1933 г.

306. Запись беседы Полиомочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Хирота **

28 сентября 1933 г.

Я посетил Хирота. Пришел сделать ему порученное Москвой заявление ***. (Беседа записана нашим новым драгоманом М. Н. Андреевым.)

Полпред. За 9 дней работы г. Хирота в качестве министра иностранных дел я встречаюсь с ним 4 раза, причем, к сожалению, мы встречаемся главным образом по делам весьма печальным. Сегодня я имею поручение от моего правительства сделать г. министру нижеследующее заявление.

Хирота. (Перебивая полпреда.) Как раз сегодня я просил Вас заехать ко мне для того, чтобы сделать Вам одно заявление.

Полпред. О том, что г. министр вызывал меня, мне ничего не известно. Я знаю, что я просил свидания и таковое было согласовано моим секретарем с г. Киси ****. Поэтому я позволю себе огласить указанное выше мною заявление и затем с большим вниманием выслушаю сообщение г. министра.

---

* См. док. № 314.

** Из дневника полпреда СССР в Японии за 27 сентября — 13 октября 1933 г.

*** См. док. № 305.

**** Генеральный секретарь МИД Японии.

(Полпред зачитывает текст заявления и передает его министру.)

Хирота. Сегодняшнее Ваше заявление имеет больше фактических данных нежели первое. На Ваше заявление от 22-го* я уполномочен японским правительством сделать Вам следующий ответ (читает по рукописи). «Относительно фактов, указанных в меморандуме, мы навели справки, и оказалось, что 6 советских работников были арестованы на законном основании...** Маньчжоу-Го сообщает, что это дело не носит политического характера, а является чисто судебным. Советский генеральный консул в Харбине вступил по данному вопросу в непосредственные сношения с властями Маньчжоу-Го». Чем кончится это дело — в настоящее время трудно сказать, но я полагаю, что власти Маньчжоу-Го внесут ясность в этот вопрос и проявят добросовестность.

В советском меморандуме говорится о том, что ответственность за харбинский инцидент ложится на Японию. Это слишком резкое заявление, игнорирующее самостоятельность Маньчжоу-Го. К тому же японское правительство и не может нести ответственность за деятельность маньчжоугоских чиновников. Советское правительство почему-то априорно, без наведения соответствующих справок, считает Японию ответственной за события, происшедшие в Харбине. Мы надеемся, что Советское правительство будет относиться с бо́льшим вниманием к этому делу.

Затем Хирота перешел к вопросу о сегодняшнем заявлении полпреда.

Министр сказал: «Сегодняшний ваш меморандум указывает на то, что инцидент, происшедший в Харбине, рассчитан на срыв переговоров о продаже КВЖД. Если будут делаться такие заявления, обе стороны никогда не будут в состоянии идти по пути, по которому им следует идти».

После этого Хирота заявил, что он считает совершенно необходимой активизацию переговоров по вопросу о КВЖД. В этом министр заинтересован чрезвычайно.

Полпред. Ответ г. министра на наше заявление от 22 сентября я доведу до сведения своего правительства. Я не буду вступать в дискуссию относительно харбинских событий, но должен отметить, что последние носят исключительно серьезный характер и отражаются самым пагубным образом на переговорах о КВЖД. Эти переговоры, по существу, не ведутся, ибо уже во время нескольких последних частных заседаний г. Охаси повторяет одно и то же. Общественное мнение вводится в заблуждение подобного рода переговорами. На

---

* См. док. № 295.

** Многоточие документа.

деле получается, что в Токио идет беспредметная дискуссия, а в Харбине организуют захват КВЖД, бесцеремонно нарушая установленный соглашениями статус-кво. Если бы японское правительство искренне относилось к переговорам, оно не позволило бы нарушать указанный статус. Удачное завершение переговоров имело бы своим результатом законный переход дороги к маньчжоуговцам.

В случае неудачи переговоров статус на дороге будет оставаться таким, как он предусмотрен соглашениями. Поэтому пожелание г. министра носит платонический характер.

Я не могу не отметить, что на последнем частном совещании г. Охаси не принял во внимание решений г. министра о том, чтобы делегации перешли к деловому обсуждению всех вопросов, связанных с КВЖД [231].

Хирота. Я затрудняюсь понять вашу позицию. Причиной нынешних событий в Харбине явились беззаконные действия советских сотрудников. Таким образом, арест советских сотрудников является обыкновенным судебным делом. Что касается переговоров в Токио, то они зашли в тупик из-за технических вопросов. Маньчжурская сторона намерена продолжать переговоры. Вы говорите, что причина неуспешности переговоров заключается в позиции Охаси, а Охаси говорит, что причиной этому является позиция СССР. Из-за технических вопросов задерживается разрешение важнейших вопросов.

Полпред. То, что происходит в Харбине — это отнюдь не обыкновенное судебное дело. Суть его чрезвычайно точно и документально вскрыта в наших меморандумах. Это — дело политическое. Это — ярко враждебный акт в отношении СССР. Не только арестованы известные г. министру сотрудники, но вновь назначенные советской стороной сотрудники не допускаются к работе.

Во время нашей первой встречи 18 сентября г. министр заявил мне по своей собственной инициативе о том, что надо начать деловые разговоры. Более того, последнее частное совещание делегаций было организовано МИД. Я понял все это как начало нового этапа в наших переговорах и надеялся, что конференция наконец сойдет с мертвой точки. Однако надежды мои не осуществились, и теперь г. министр заявляет о том, что переговоры затягиваются из-за технических вопросов. Сообщение о том, что Маньчжоу-Го готово продолжать переговоры, на меня не производит впечатления, ибо такие переговоры, как я уже указал, вводят лишь в заблуждение общественное мнение Японии и Маньчжоу-Го насчет истинного характера их.

Кстати, я хотел бы знать, будет ли ответ японского правительства на мой первый меморандум сообщен также и г. Сокольникову вашим послом Ота в Москве.

Хирота. Я считаю, что в переговорах до сих пор не затронуты существенные моменты. Пока обсуждение ведется вокруг вопроса о способах ведения переговоров, о чем я очень сожалею и считаю необходимым быстро двинуть переговоры вперед. Ота в Москве доведет до сведения Сокольникова ответ на ваш меморандум. Но поскольку официальное заявление Советского правительства было сделано в Токио, мы даем свой официальный ответ также Вам. Ота доведет до сведения г. Сокольникова о содержании ответа лишь в качестве информации.

Теперь о переговорах. Когда я говорю о технических вопросах, я имею в виду современное положение на конференции, при котором происходит задержка из-за техники ведения переговоров. Одна сторона говорит, что нужно указать курс иены, но не указывает цифры. А другая сторона в то же время эту цифру указывает. Таковой стороной является Маньчжоу-Го.

Полпред. Я думаю, что здесь вопрос вовсе не в технике. Мы предлагали Маньчжоу-Го сделать предложение о курсе рубля. Тогда Маньчжоу-Го не возражало против этого и называло 25 сен. т. е., говоря другими словами, повторяло свое первоначальное предложение относительно 50 млн. иен[136]. Но то, что происходит у нас здесь, и все наши разговоры бледнеют перед событиями в Харбине. Если эти последние рассчитаны на то, чтобы вынудить нас на далеко идущие уступки, то это несомненная и тяжелая ошибка. Ни на какие ультиматумы мы не пойдем, и такими методами нас ни на какие уступки никто не вынудит.

Хирота. Что касается переговоров, то они зашли в тупик из-за того, что Маньчжоу-Го хочет купить дорогу за 50 млн. [иен], а СССР, хотя и сбавил цену и согласен произвести исчисление в иенах, но не указывает курса иены. Желательно иметь точную цифру, ибо ясность в этом вопросе будет способствовать ускорению переговоров. События в Харбине не должны препятствовать переговорам в Токио.

Полпред. Я с этим в корне не согласен. Центр тяжести в вопросе о КВЖД сейчас перешел в Харбин. Является совершенно необходимым, чтобы японское правительство приняло меры к срочной ликвидации совершаемых там беззаконий и насилий.

Хирота. В качестве третьего лица я считаю, что необходимо, чтобы СССР указал курс золотого рубля и назвал выкупную сумму в иенах, а не в рублях.

Полпред. Мы не считаем японское правительство третьей стороной. Я должен разъяснить, что мы сделали уже несколько уступок и сейчас не делаем никаких новых предложений. Этим должна была бы заняться маньчжоугоская сторона.

Хирота. Мы думаем, что курс должен быть предложен советской стороной. Насколько мне известно, маньчжоугоская сторона добивается, чтобы курс был указан вами. Можно ли из Вашего разговора понять, что советская сторона отказывается от переговоров? Маньчжоугоская сторона согласна продолжать переговоры.

Полпред. Советская сторона не отказывается от переговоров, но она заявляет, что никакого нового предложения не имеет.

Хирота. Японское правительство считает, что было бы полезно устроить встречу маньчжоугоской и советской делегаций, во время которой можно было бы обменяться мнениями. Кроме вопроса о цене, есть много других вопросов, по которым могут быть сделаны предложения. Япония не является в переговорах вашим партнером, но я мог бы переговорить с г. Охаси, и можно было бы устроить встречу, которую и назначить завтра же.

Полпред. Наш финансовый эксперт т. Барышников заболел, и, кроме того, мы в ближайшие дни очень заняты. Поэтому заседание не удастся созвать ни завтра, ни послезавтра. К тому же я не знаю, о чем мы будем говорить на этом заседании? Повторение прежних заседаний бесцельно. В заключение я снова обращаю внимание г. министра на события в Харбине и надеюсь получить удовлетворительный ответ японского правительства на второй меморандум.

Хирота. Из-за эксперта незачем откладывать конференцию. Конференция происходит при участии гг. Козловского и Охаси. Заявления сторон могут установить, какой вопрос им надлежит обсуждать.

Что касается второго меморандума, то я Вам сделал официальное заявление, которое было рассчитано на ваш первый меморандум, но содержит известные добавления, вместе с которыми мой меморандум может считаться ответом на ваш второй меморандум.

Полпред. Можно ли считать Ваше сегодняшнее заявление официальным ответом японского правительства?

Хирота. Да.

После этого он разъясняет, что в оглашенный им ответ японского правительства на наше заявление от 22 сентября будут внесены соображения, относящиеся ко второму меморандуму. Таким образом, заявление г. министра явится одновременно ответом на первое и второе заявления Советского правительства.

Полпред СССР в Японии
Юренев

Печат. по арх.

307. Речь Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана на приеме, устроенном в его честь Министром Иностранных Дел Персии Каземи

Тегеран,
29 сентября 1933 г.

С искренним чувством я благодарю Вас за дружественные слова приветствия, обращенные ко мне от имени персидского правительства уважаемым министром иностранных дел Персии. Я очень рад, что в настоящее время имею возможность лично посетить Персию, ту страну, которая одна из первых установила нормальные дружественные отношения с Советским Союзом и за развитием которой я всегда следил и слежу с большим интересом.

С большим удовлетворением я выслушал заверения г. министра о прочности советско-персидской дружбы, основанной на добрососедских и развитых отношениях между двумя странами, исторические судьбы которых требовали этой дружбы.

Я рад констатировать, что персидское правительство, участвуя в закладывании основ этой дружбы, тем самым проявило правильное понимание международной обстановки и интересов национального развития самого персидского народа. Достаточно вспомнить, что результатами этого шага были советско-персидский договор 1921 г.* и ряд других актов, которые являлись наиболее полной реализацией персидских национальных интересов и создали обеспечение ** политики персидского государства по пути независимого развития.

Персидские государственные деятели не раз вполне правильно отмечали, что успехи этого независимого развития в значительной мере объясняются тем фактом, что вместо царской России Персия имеет своим непосредственным соседом на севере Советский Союз. Вот почему к словам г. министра о старейшей дружбе между нашими странами я хочу добавить, что Советский Союз является не только старым, но и наиболее надежным другом Персии, и это объясняется не какими-либо конъюнктурными обстоятельствами, но вытекает из самой природы Советской власти, основ ее национальной политики внутри СССР и ее дружественных отношений со странами Востока.

Полностью солидаризируясь со словами г. министра о мирных основах нашей дружбы, я рад отметить, что шаги Советского правительства в деле укрепления всеобщего мира не раз встречали поддержку и содействие со стороны правительства Персии. Достаточно вспомнить такие международные акты, как Московский протокол о досрочном введении в действие

* См. т. III, док. № 305.
** Так в тексте.

пакта Келлога *, как пактовая политика обеих стран и, наконец, как недавно подписанное в Лондоне соглашение об определении агрессора **. Участие в актах персидского правительства показывает, что оно проявляло доверие к мирным шагам Советского правительства и само проявляло постоянное стремление к укреплению дела мира.

Выражая благодарность г. министру за его любезные слова по поводу моей поездки, я хочу подчеркнуть, что мой визит и возможность установления личного контакта с государственными деятелями Персии, несомненно, будут способствовать развитию более глубокого понимания между странами и создадут условия для дальнейшего развития и укрепления политических, экономических и торговых связей между обеими странами в их взаимных интересах.

Поднимая бокал за Ваше здоровье, г. министр, за здоровье персидского правительства, я хочу пожелать дальнейших успехов Персии на пути ее развития при наличии национальной политики персидского правительства под мудрым руководством его величества шаха в интересах дальнейшего процветания Персии и персидского народа.

Печат. по арх.

В упоминаемой приветственной речи Каземи заявил:

«Я чрезвычайно рад поздравить от своего имени и от имени моих коллег заместителя Народного комиссара по иностранным делам СССР г. Караханa с прибытием в столицу персидской империи и выразить свое удовольствие по поводу встречи с ним. Пользуясь случаем, я отмечаю, что Персия, исходя из соседских и многочисленных уз, связывающих две соседние страны, и из доверия к политике Советского государства в отношении восточных стран, была первым государством, которое непосредственно после возникновения Советской власти официально признало СССР, установило с ним дружественные связи и политические и экономические отношения. Поэтому она может считать, что, следуя священным намерениям его августейшего величества, проявила глубокую заинтересованность и искренность в отношении осуществления заключения договоров и соглашений, базирующихся на стремлении между обеими странами постоянно демонстрировать свои доброжелательные намерения.

Посещение Персии г. Караханом, одним из выдающихся государственных деятелей СССР, который свою политическую жизнь посвятил делам восточных стран и считается другом Востока и Персии, является новым свидетельством внимания и заинтересованности Правительства СССР в дружественных, искренних отношениях между обеими странами. Я надеюсь, что эта встреча будет способствовать еще большему укреплению дружественных отношений между обеими государствами, более глубокому упрочению и развитию экономических и торговых связей, будет создана база для заключения других обоюдно выгодных договоров и во взаимоотношениях между государствами откроется новая страница, отвечающая нынешним потребностям обеих стран и базирующаяся на искренности и полной дружбе.

Ввиду этого я с удовлетворением и признательностью приветствую Ваше прибытие, желаю Вам здоровья и процветания СССР».

---

* См. т. XII, док. № 38.

** См. док. № 213.

308. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Шахом Персии Реза-шахом Пехлеви

30 сентября 1933 г.

30 сентября я был принят шахом. В полуторачасовой беседе были затронуты основные вопросы содержания и значения советско-персидских отношений.

Шах, понимающий по-русски, очень внимательно прислушивался к моим словам о том, что мы ценим движение Персии вперед, ее большое строительство, в том числе дорожное. Шах откровенно заявил, что Персия бедна и разрушена, что ей очень трудно поднимать свое хозяйство, что третьим странам это может не нравиться, но что они будут продолжать свою работу. Шах заметно оживился после моих слов о том, что мы заинтересованы в политическом, экономическом и военном укреплении Персии и что мы учитываем, что военное укрепление Персии даст ей возможность вести более независимую политику в своих национальных интересах, а это отвечает и нашим интересам. Шах заявил, что он всегда был, есть и будет сторонником дружбы с СССР. Он считает, что без хороших отношений с СССР, с которым экономически связаны две трети Персии, последняя не может развиваться. Он подбирает в правительство таких людей, которые это понимают, хотя не всегда легко это удается.

Я заявил, что основа советско-персидских отношений заключается в совпадении интересов СССР и Персии по ряду важнейших вопросов политического, экономического и военного характера, а также в деле борьбы за дело мира и др. На фоне этого имеющиеся между странами недоразумения и разногласия по ряду текущих вопросов не имеют серьезного значения и могут быть урегулированы легко.

После этого шах остановился, главным образом, на необходимости урегулирования торговых вопросов. Он очень оживился после моего разъяснения о том, что наша торговая политика в Персии не преследует целей наживы, что при небольшом удельном весе персидской торговли в нашем внешнеторговом обороте мы заинтересованы в построении советско-персидской торговли на здоровых началах и что мы боремся с такими работниками, которые в погоне за пятью кранами нарушают контракты с купцами. В то же время я подчеркнул, что и персидские купцы, исходя из личных интересов, нередко выступают во вред интересам персидского государства и советско-персидских отношений.

Карахан

Печат. по арх.

309. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

3 октября 1933 г.

Альфан поздравлял с нашей победой в стратосфере [232], отметив, что это произвело отличное впечатление во Франции. Альфан сообщил, что Поль-Бонкур остался очень доволен беседой с Беком, во время которой выяснилось, какое большое влияние советско-французское сближение имело на наши взаимоотношения с Польшей.

Альфан неожиданно попросил сказать ему откровенно, чего мы дальше хотим и что нужно делать. Я ответил, что надо продолжать взятую обоими правительствами линию и осуществлять те предложения и идеи, о которых говорилось последнее время между нами. В частности, мы готовы приступить к переговорам как с Францией, так и с Польшей о воздушном сообщении [219]. Далее мы, согласно совету Кота *, даем поручение нашему полпредству организовать экскурсию членов палаты. Необходимо что-нибудь сделать для культурного сближения, а самое главное — поскорее привести к благополучному концу торговые переговоры. Я также желал бы иметь информацию о женевских переговорах касательно разоружения.

Альфан напомнил о намеченной французской неделе [233] и спрашивал, на какое время мы ее фиксируем. Я ответил, что это вопрос технический, на который не могу ответить, ибо необходимо выяснить с непосредственными организаторами этого дела.

Альфан высказал мысль о желательности присоединения Франции к Лондонской конвенции ** и спрашивал, как обстоит вопрос о наших дальнейших отношениях с Малой Антантой, а также с Бельгией. Я ответил, что, насколько мне помнится, Поль-Бонкур обещал вернуться к вопросу о Лондонской конвенции через месяц. Я считал бы присоединение Франции весьма желательным, ибо оно придало бы конвенции региональный характер, если не в географическом, то в политическом смысле этого слова, так как мы не стремимся к тому, чтобы превратить эту конвенцию в универсальную, вроде пакта Келлога. Альфан признал этот аргумент весьма серьезным. Что касается Малой Антанты и Бельгии, то я сказал, что мы всегда готовы к восстановлению отношений с ними и что если Франция подтолкнет это дело, то мы будем, конечно, очень рады. Мы всегда упрекали Германию в том, что она заботилась только об укреплении отношений между нашими обеими странами, а не об

---

* См. док. № 292.
** См. док. № 213.

укреплении нашего международного положения. Мы надеемся, что Франция в этом отношении будет вести иную политику в понимании того, что сближение с нами выиграет в своем значении, если одновременно улучшатся наши отношения с другими странами, ей дружественными.

Альфан спрашивал, верно ли, что Тухачевский едет во Францию, о чем он читал в газетах. Я ответил, что мне это тоже известно лишь из газет, что вопрос у нас не обсуждался и что я даже не знаю, получил ли он приглашение от кого-либо [234].

Литвинов

Печат. по док.

310. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славуцкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

3 октября 1933 г.

Сегодня снова в духе ваших заявлений японцам * сказал Ши Люй-бэню о том, как мы понимаем причины арестов и все основы конфликта на дороге. Ши Люй-бэнь по поручению маньчжурского правительства ответил, что «аресты произведены судебно-следственными органами по подозрению в преступлениях и не преследуют политических целей захвата дороги, они имеют юридический характер». Я просил передать, что ответ маньчжурского правительства абсолютно неудовлетворительный и ни в какой мере не может поколебать точку зрения Советского правительства, основанную на неоспоримых данных. Я раскритиковал «юридические» объяснения нарушения контролером положения дороги, а прокурором — договора и беззаконные вмешательства в деятельность законной администрации [235]. Несмотря на мои категорические вопросы, Ши Люй-бэнь заявил, что сейчас происходит следствие и потому еще не установлена статья обвинения. Существо обвинений во время следствия не оглашается, но все же он запросит прокурора; обещал ответить. Он так запутался, что сам буквально боялся даже формулировать, обвиняются ли арестованные в преступлениях по службе или личных действиях.

Беседу я вел в категорическом тоне и повторил ему примерно сказанное в моей телеграмме от 29 сентября [236]. В конце беседы Ши Люй-бэнь «лично» спросил, что я могу рекомендовать за исключением освобождения арестованных. Я категорически ответил, что единственным выходом является освобождение арестованных и отказ от авантюристических планов.

---

* См. док. № 295, 305.

Обвинения, предъявленные самим арестованным, нам не известны. Условия содержания удовлетворительные. В отношении их установлен специальный режим.

На мои выступления здесь надежд не возлагаю. Комацубара * и другие местные японцы, участвовавшие в организации наскока, будут добиваться дальнейшего расширения его, хотя бы по своим личным интересам.

Совконсул

Печат. по орх.

311. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирье-Коскиненом

4 октября 1933 г.

После обеда, данного мною в честь финляндской делегации по переговорам о сплаве [287], я заговорил с Ирье-Коскиненом о необходимости систематической работы для улучшения наших отношений. Главное зло я вижу в том, что в Финляндии на СССР переносят те понятия и те чувства, которые сложились до революции в отношении царской России. В соседней с нами Финляндии нас знают меньше, чем в далеких от нас странах. Тов. Штейн пишет мне, что Финляндия как бы отделена от СССР непроницаемой стеной. Те деятели в Финляндии, которые понимают необходимость и важность добрососедских отношений с СССР, и прежде всего он, Ирье-Коскинен, должны повести систематическую борьбу с этим игнорированием того нового, что внесла революция в политику и во всю жизнь старой России. Нужно, чтобы финляндская пресса правильнее и больше информировала финляндскую общественность. Нужно, чтобы видные деятели из разных слоев финского общества почаще приезжали в Советский Союз и знакомились на месте с тем, что у нас творится. Тогда они поняли бы, что Советский Союз — это не царская Россия, что мы заняты мирным созидательным трудом и что нам чужды какие бы то ни было завоевательные или враждебные стремления в отношении Финляндии.

Ирье-Коскинен сперва медленно, а потом с все большим оживлением и интересом реагировал на мою инициативу. На мое замечание относительно отсутствия у нас агрессивности в отношении Финляндии он сказал, что в Финляндии никто серьезно и не думает, что мы собираемся в ближайшем будущем на нее напасть. Опасения там существуют насчет будущего. Я сказал, что мы всегда делали все, что могли, и, если нужно, готовы еще принять меры, чтобы успокоить Финлян-

---

* Начальник японской военной миссии в Харбине.

дню насчет этого будущего. К сожалению, однако, сама Финляндия слабо реагировала на наши попытки в этом направлении, что доказывается переговорами о пакте, которые продолжались почти 6 лет *. Когда я кончил, Ирье-Коскинен с убеждением сказал, что он целиком со мной согласен и охотно возьмется за это дело. Но с чего начать? Когда он был министром, в Гельсингфорсе поговаривали о создании общества сближения с СССР. Намечалась группа человек в 20, среди которых были видные люди. (Он назвал ряд лиц, из которых я запомнил только главного директора самого крупного финляндского банка — не помню его названия — того самого, с которым работает наше торгпредство.) Можно попытаться оживить эту идею. Он вполне согласен также с целесообразностью поездок к нам видных людей из разных кругов финского общества.

Несколько подумав, Ирье-Коскинен в порыве откровенности сказал мне, что, конечно, можно было бы организовать такие поездки, и приехавшие, наверное, получили бы хорошие впечатления и опубликовали их в прессе — подобно тому, как это уже сделал ряд видных лиц, побывавших в СССР. Вся беда, однако, в том, что в Финляндии существует предубеждение относительно этих поездок — там говорят, что приезжающим у нас показывают «потемкинские деревни». Что можно было бы сделать, чтобы избежать этого?

Я сказал, что можно было бы приезжающим предложить самим определить программу своего путешествия. Пусть они заранее укажут, какие города и вновь построенные заводы или сооружения они хотели бы видеть. Мы оказали бы максимальное содействие, и они могли бы совершенно свободно разъезжать. Я лично думаю, что следовало бы посетить Ленинград, Москву, Харьков, Днепрострой, Кавказ, Баку и Урал. Но конечно, финны сами могут выбрать то, что их больше интересует.

Ирье-Коскинен сказал, что моя идея относительно выбора программы очень хороша, и особенно одобрил посещение Ленинграда, Москвы и Днепростроя, отметив, что Кавказ слишком далек, а Баку финнов интересует сравнительно мало. Потом, после некоторого размышления, он сказал, что, собственно, наибольшего эффекта можно было бы добиться путем организации поездок видных финляндских политиков. Он, например, мог бы организовать приезд сюда группы парламентариев разных партий. Ирье-Коскинен спросил, как я к этому отношусь и можно ли было бы хорошо организовать такую поездку.

Я приветствовал эту идею и сказал, что у нас, наверное, были бы очень рады приезду финских парламентариев. Они

---

* См. т. XV, док. № 32.

могли бы, как я уже сказал, составить программу своей поездки, а мы оказали бы всякое содействие, например, дали бы специальный вагон или, если и тут будут сомнения насчет «потемкинских деревень», парламентарии могли бы передвигаться по СССР не в спальном вагоне, а ездить в обычном порядке, но тогда это было бы не так удобно для них. То же самое относится к гостиницам и т. п.

Ирье-Коскинен сказал, что особенное значение для наших отношений имела бы поездка по новому каналу в Восточную Карелию, посещению Кондопоги и т. д. Финские политики могли бы увидеть, как живет там население и какого прогресса оно добилось при советском режиме. Что я думаю по этому вопросу?

Я сказал, что я не вижу препятствий для такой поездки и что я лично оказал бы содействие и в этом отношении.

Мы еще довольно долго говорили на эту тему, и у меня осталось впечатление, что Ирье-Коскинен увлекся моей идеей и будет работать в направлении ее осуществления.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

312. *Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Австрии А. М. Петровскому*

7 октября 1933 г.

Уважаемый Адольф Маркович,

Мы недавно обсуждали в Коллегии вопрос о том, не следует ли нам расширить переговоры с Австрией в сторону торгового договора или хотя бы соглашения о статуте торгпредства. Мы учитывали при этом внутренние политические изменения в Австрии, дальнейший процесс фашизации и вытекающую из этого возможность покушения на наше торгпредство. Мы полагали поэтому необходимым принять своевременные меры к легализации торгпредства. Ваше сообщение о возможности благополучного завершения ведущихся с Австрией переговоров, если не снимает пока вопроса о торгпредстве, все же лишает нас возможности осуществить легализацию его в рамках этих переговоров. Я хотел бы знать Ваши соображения относительно опасностей, которые могут создаться в дальнейшем для нашего торгпредства. Имейте в виду, что если ликвидация торгпредства и, следовательно, наших торговых связей с Австрией и не нанесла бы нам серьезного материального ущерба, она могла бы поставить под вопрос весь ком-

плекс наших формальных отношений с Австрией. Необходимо эту проблему серьезно продумать и проработать заблаговременно [238].

М. Литвинов

Печат. по арх.

313. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Премьер-Министру Персии Форуги

7 октября 1933 г.

Покидая персидскую территорию, я выражаю сердечную признательность за прием, хорошее обхождение, которые я встретил со стороны персидского правительства, а также от Вашего Превосходительства. Я рад, что персидское правительство дало мне возможность ознакомиться со всеми сторонами персидской жизни. За этот короткий промежуток времени я многое увидел и убедился, что Персия, несмотря на большие затруднения, успешно строит новую жизнь, я увидел, что энергия и заинтересованность привели к результатам в больших и малых делах. Повсюду, где я был, я усматривал развитие новой жизни в области просвещения, здравоохранения, путей сообщения, промышленности и сельского хозяйства. Я видел, как повсюду кипит работа и как в Персии условия жизни изменяются к лучшему. Г-н Премьер, примите мой лучший привет. Я выражаю чрезвычайную радость по поводу всех этих дел, которые имеют большое историческое значение. Примите мое искреннее уважение *.

Карахан

Печат. по арх.

В ответ Форуги направил Л. М. Карахану следующую телеграмму от 11 октября 1933 г.:

«Подтверждая получение Вашей дружеской телеграммы, отправленной Вами при возвращении из Персии, я выражаю чрезвычайную радость и удовлетворение по поводу Ваших искренних чувств в отношении достижений Персии. Я чрезвычайно рад, что эта поездка, которая произвела на меня хорошее и незабываемое впечатление, была для Вас приятной. Надеюсь, что Ваша встреча с членами персидского правительства и мероприятия, которые Вы предпримете, послужат еще к большему укреплению отношений между обеими странами. Примите уверения в искренних чувствах».

---

* См. также док. № 307.

314. Сообщение советской печати о японских документах, касающихся деятельности японской военной и гражданской администрации в Маньчжурии по подготовке планов захвата КВЖД

9 октября 1933 г.

В заявлениях заместителя наркоминдела СССР т. Сокольникова японскому послу в Москве г. Ота 21 сентября * и полпреда СССР в Токио т. Юренева от 28 сентября ** было указано, что Советское правительство располагает официальными японскими документами, устанавливающими ответственность японского правительства за мероприятия, проводимые в Маньчжурии в отношении КВЖД. В настоящее время ТАСС публикует часть этих полученных им документов, касающихся деятельности японской военной и гражданской администрации в Маньчжурии по подготовке планов захвата КВЖД.

Эти документы проливают полный свет на роль Японии и опровергают официальные заявления о самостоятельности Маньчжоу-Го и непричастности японского правительства к захватническим действиям, проводимым под флагом маньчжурских властей. Из этих же документов, в частности, становится вполне очевидным, что аресты советских сотрудников КВЖД отнюдь не вызваны какими-либо проступками с их стороны, а предприняты в осуществление захватнических планов, принятых на совещаниях с участием японского военного командования и японских чиновников Маньчжоу-Го.

1. ДОНЕСЕНИЕ ЯПОНСКОГО ПОСЛА В МАНЬЧЖОУ-ГО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В ТОКИО ОТ 4 СЕНТЯБРЯ 1933 г.

1. Начиная с весны этого года, Маньчжоу-Го предпринимало ряд шагов в отношении КВЖД. Так, для прекращения ухода подвижного состава КВЖД была закрыта железнодорожная связь на ст. Пограничная ***. Далее, для направления токийских переговоров о выкупе дороги в выгодную для нас сторону недавно был предпринят ряд других мер. Маньчжурская сторона не желает афишировать, что данные мероприятия проводятся в целях оказания давления на токийские переговоры, подчеркивая, что эти меры чисто внутреннего порядка. Исходя из этого, Маньчжоу-Го намерено настаивать на: а) подчинении законам маньчжурского государства и его планам КВЖД и всего аппарата дороги, поскольку дорога находится под суверенной властью Маньчжоу-Го, и б) на непризнании пунктов Мукденского и Русско-Китайского соглашений ****, которые находятся в противоречии с принципами суверенитета маньчжурского государства; пунктов, которые не соответствуют общему статусу КВЖД как коммерческого предприятия; пунктов, не соответствующих современному положению КВЖД и

* См. док. № 295.
** См. док. № 305.
*** См. док. № 173.
**** См. т. VII, док. № 156, 222.

являющихся потому неприемлемыми (это все указывалось также в меморандуме Маньчжоу-Го, зачитанном на конференции в Токио). В качестве конкретных мер для проведения данных планов в жизнь намечено следующее:

а) Твердо настаивать на произведении реформ в аппарате КВЖД, установлении твердой таблицы тарифов и перерасчета в рубли и на том, чтобы по всем вопросам, находящимся в компетенции управляющего, должна быть виза маньчжурского помощника, без которой действия управляющего не могут считаться действительными. Нужно настоять, чтобы заявление об этом было сделано советской стороне и чтобы оно было проведено в жизнь. б) Наши полицейские и тюремные власти производят обыски и детальные расследования в коммунистических и комсомольских организациях, профсоюзах и в других нелегальных организациях, приютившихся на КВЖД. В зависимости от содержания данных организаций к ним могут быть применены решительные меры подавления. Проводится повсеместно кампания против компартии. В качестве предварительных мер ввиду возможного захвата дороги проводится мобилизация служащих дороги, военной полиции и пр., а также производится и примерная расстановка. Проводят расследование относительно положения каждого советского служащего дороги и неожиданные инспектирования клуба и других общественных организаций КВЖД. в) Учитывая участившиеся конфликты на границе, заявить решительный протест против незаконных действий советской стороны.

2. Как вам известно из телеграммы нашего генконсула в Харбине, маньчжурское министерство связи* уже проводит эту линию, выставляя требование об уравнении компетенции управляющего и пом. управляющего дорогой на недавнем заседании правления, а также и путем контрольных действий, которые осуществляются контрольным бюро дороги.

25-го прошлого месяца от г. Охаси была получена телеграмма, в которой указывалось, что ввиду задержки в токийских переговорах желательно прибегнуть к активным мерам давления. Учитывая это, 2-го числа сего месяца было созвано совещание, на котором присутствовали чиновники японской ориентации (главы ведомств) и военные власти. От посольства были советник Тани и Ханава. Совещание происходило в государственном совете Маньчжоу-Го. Совещание, учитывая прибытие нового начальника Квантунской области, обсуждало конкретные меры на будущее в связи с пересмотром мероприятий по отношению к КВЖД. При этом от имени Квантунской армии было заявлено, что, хотя мы одобряем мероприятия, соответствующие закону, все же считаем нецелесообразным применение силы; во всяком случае, мы считаем необходимым, перед тем как применять силу, согласовать предварительно со всеми заинтересованными органами.

Учитывая, что в этом вопросе позиция японских чиновников, находящихся на службе у Маньчжоу-Го, весьма решительна, советник Тани заявил, что ввиду успешного хода переговоров в Токио нужно считать определенным успехом маньчжоуговской стороны то, что по прошествии двух месяцев уже достигли решения вопроса об установлении коэффициента курса, а также учитывая то, что Япония до 1935 г. не имеет возможности создавать конфликты на континенте, желательно воздержаться от неосторожных шагов, несмотря на всю необходимость освоения СМЖД**. Далее Тани указал на то, что мероприятия, намечаемые ведомством путей сообщения Маньчжоу-Го, идут в плане советско-маньчжурского совместного управления дорогой, т. е. идут вразрез с курсом покупки дороги. Началь-

---

* Здесь и далее, видимо, имеется в виду министерство путей сообщения.

** СМЖД означает: Северная Маньчжурская ж. д. и является японским обозначением КВЖД (прим. редакции газ. «Известия»).

ник общего управления Эндо, подводя итог совещания, указал на желательность конкретного разрешения вопроса. Следующее совещание состоится 7-го.

Хисикари

2. ДОНЕСЕНИЕ ЯПОНСКОГО ПОСЛА В МАНЬЧЖОУ-ГО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В ТОКИО ОТ 9 СЕНТЯБРЯ 1933 г.

Предполагавшееся на 7-е число совещание было перенесено на 9-е. Оно состоялось в помещении государственного совета Маньчжоу-Го.

После прений перешли к обсуждению проекта конкретных действий, выработанного на заседании от 8-го [сего] месяца, на котором присутствовали ответственные работники министерства.

В конце концов было единогласно решено осуществить предложенный проект при условии, однако, нижеследующих оговорок. Военными и нашим посольством посланы в соответствующие министерства подробные доклады. Не откажите срочно телеграфировать Ваше мнение по всему изложенному выше.

1. По пункту «Г» части первой. В случае, если полицейский налет придется провести в широком масштабе и захватить также видных лиц, предварительно проводится общее совещание.

2. Поскольку практически осуществить часть 2-ю проекта затруднительно, осуществление проводится при удобных случаях в возможных пределах.

3. Часть 5-я проекта проводится в жизнь после предварительного исследования.

Хисикари

3. ДОНЕСЕНИЕ ЯПОНСКОГО ПОСЛА В МАНЬЧЖОУ-ГО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В ТОКИО ОТ 9 СЕНТЯБРЯ 1933 г.

Для продвижения переговоров о покупке СМЖД решено провести следующие мероприятия:

1. Используя отдел контроля СМЖД и другие органы дороги, собрать материалы относительно незаконных действий советских работников дороги. Передать их для производства расследования отделу эксплуатации и полицейскому управлению. Для этого: а) разрешить отделу контроля собирание таких материалов и ведение расследования; б) по соответствующим моментам советником управляющего или главным инспектором возбуждаются судебные дела; в) по возбуждении иска с обвиняемых снимается допрос или же в случаях необходимости они подвергаются аресту; г) обращается должное внимание на то, чтобы не создать ложного впечатления о проведении широкой полицейской облавы. Облаву намечено произвести в небольшом масштабе и арестовать невидных лиц. Однако не исключена возможность, что в процессе расследования придется расширить рамки и привлечь работников крупного масштаба (все это проводится при взаимной связи департаментом юстиции, полиции и департаментом управления дорог).

2. Министерство связи Маньчжоу-Го отдает распоряжение председателю правления о том, что впредь все действия и приказы управляющего дорогой должны иметь санкцию помощника управляющего. В случае нарушения этого председатель обязан рассматривать это как неправомочные действия или приостановить действие распоряжения или же возбудить судебное дело. Председателю поручается передать об этом правлению дороги и всем начальникам отделов. Кроме того, министерство связи при удобном случае отдает председателю распоряжения, касающиеся вопросов тарифов, равенства в числе служащих дороги и пр. (проводится департаментом управления дорог).

3. Проводится выяснение занятий, местожительства, цели приезда и паспортов советских граждан, проживающих в Харбине и в зоне СМЖД. Проводится неожиданное обследование коммерческого училища в Харбине и жел.-дор. клубов по всей линии дороги. Кроме того, проводится решительный надзор за различными другими коммунистическими организациями (проводится в жизнь департаментом полиции).

4. Для проверки уплаты причитающихся налогов и общей деятельности Дальбанка и потребкооперации при СМЖД в отдел контроля при минфине и в таможню вызываются для допроса ответственные лица из упомянутых выше советских организаций и проводится проверка бухгалтерских книг (проводится министерством финансов).

5. Вырабатывается проект о том, чтобы частных кредиторов СМЖД заставить предъявить дороге свои претензии, затем наложить арест на имущество дороги. Касательно переговоров с кредиторами и выбора ими имущества, на которое бы наложить арест, производится предварительно общее совещание (осуществляется юридическим департаментом вместе с департаментом управления дорог).

6. Ускорить разбор дел и освобождение русских белых, находящихся в заключении (их дела еще не разобраны полностью) со времени советско-китайского конфликта* (осуществляется юридическим департаментом).

7. При осуществлении всех указанных выше пунктов обращается сугубое внимание на следующее: а) Быстро приступить к осуществлению всех указанных выше мероприятий. б) С внешней стороны проводить их совершение независимо от токийских переговоров. Проводить как меры внутреннего порядка, предпринимаемые правительством Маньчжоу-Го. в) Обратить особое внимание на сохранение сугубой секретности и на неразглашение о всех намеченных мероприятиях на сторону. г) Для бесперебойного осуществления в Харбин время от времени приезжают начальники полицейского департамента, департамента юстиции, департамента управления дорог и другие руководящие лица. д) Кроме поддержания связи со всеми маньчжурскими организациями в Харбине устанавливается тесная связь с японской военной миссией в Харбине и через нее — с японской дивизией, находящейся в Маньчжурии, и жандармскими частями. е) По мере проведения всего намеченного в жизнь об этом делаются доклады министру-делу Маньчжоу-Го и другим имеющим отношение органам.

Хисикари

4 ДОНЕСЕНИЕ ЯПОНСКОГО ГЕНКОНСУЛА В ХАРБИНЕ ЯПОНСКОМУ ПОСЛУ В МАНЬЧЖОУ-ГО ОТ 19 СЕНТЯБРЯ 1933 г.

Сегодня, 19-го числа, в помещении военной миссии собрались начальник полицейского департамента Нагао, начальник юридического департамента Куритама, представитель министерства связи Морита и другие чиновники японских и маньчжурских организаций, находящиеся в Харбине (за исключением чиновников-маньчжур), обсуждали методы проведения тезисов, сообщенных в вашей указанной выше телеграмме, и пришли к заключению осуществить их силами мест.

1. А. Что касается п. 1-го вашей телеграммы, то решено в середине этого месяца арестовать и подвергнуть заключению 6 человек, ответственных за угон паровозов, и одного — виновного в неправильном расходовании средств дороги: а) начальника секретной части Калина, б) начальника паровозного депо Лаврова, в) начальника отдела снабжения подвижного состава Аблова, г) заведующего финотделом Кубли (все вышеуказанные

* Видимо, имеется в виду советско-китайский конфликт в 1929 г., см. т. XII, рубрику «Китайско-Восточная железная дорога. Захват КВЖД китайскими милитаристами. Мероприятия Советского правительства по ликвидации конфликта».

лица находятся в Харбине), д) начальника депо на ст. Маньчжурия Сиценко, е) начальника ст. Маньчжурия Авраменко, ж) начальника ст. Пограничная Катыль.

Б. Отдел контроля СМЖД возбуждает перед судебной палатой дело против упомянутых выше нарушителей.

В. Лица, проживающие в Маньчжурии на ст. Пограничная, арестовываются частями погранохраны, после чего отправляются в Харбин, где производится общий допрос всех арестованных.

Г. Для координирования действий создается комитет исполнения.

Д. При проведении указанных выше операций вся информация дается начальником полицейского департамента, не разрешаются никакие отдельные частные выступления в прессе или ведение пропаганды.

Е. Если во время арестов *кто-либо* окажет сопротивление или прибегнет к разрушительным действиям, можно немедленно применить оружие.

Ж. По проведении обследования отделом контроля СМЖД производится вторая серия арестов.

3. Ввиду опасения упустить нужный момент, если по каждому отдельному случаю запрашивать инструкции центра, разработка деталей поручается местам.

2. Пункт 3-й вашей телеграммы осуществляется по проведении пункта 1-го той же телеграммы с 10 по 15 октября.

Морисима

Печат. по газ. «Известия»
№ 248(5172), 9 октября 1933 г.

315. Обмен посланиями между Председателем Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калининым и Президентом США Рузвельтом

1. ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА США ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР М. И. КАЛИНИНУ

10 октября 1933 г.

С начала моей администрации я считал желательным сделать попытку покончить с теперешними ненормальными отношениями между 125-миллионным населением Соединенных Штатов и 160-миллионным населением России. Достойно большого сожаления, что эти два великих народа, между которыми существовала свыше столетия выгодная для обеих сторон счастливая традиция дружбы, находятся теперь без практического метода прямого сношения друг с другом. Трудности, создавшие это ненормальное положение, серьезны, но, по моему мнению, не неразрешимы, а трудности между двумя великими народами могут быть устранены только откровенными дружественными разговорами. Если Вы такого же мнения, я был бы рад принять любых представителей, указанных Вами, для обсуждения лично со мной всех вопросов, существующих меж-

ду обеими странами. Участие в таком обсуждении не свяжет, конечно, ни одну из сторон в отношении будущего направления действий, но оно указало бы на искреннее желание прийти к удовлетворительному разрешению соответствующих проблем. Я надеюсь, что такие разговоры могли бы в результате принести пользу народам обеих сторон.

Рузвельт

2. ПОСЛАНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР ПРЕЗИДЕНТУ США РУЗВЕЛЬТУ

17 октября 1933 г.

Получил Ваше послание от 10 октября с. г. Я всегда считал крайне ненормальным и достойным сожаления существующее в течение шестнадцати лет положение, при котором две великие республики — Союз ССР и Соединенные Штаты Америки — не имеют обычных методов сношений и лишаются тех выгод, которые эти сношения могли бы им давать. Я рад отметить, что и Вы пришли к такому заключению. Не подлежит сомнению, что трудности, если они имеются или возникают между двумя народами, могут быть разрешены только при наличии между ними непосредственных сношений, а, с другой стороны, не имеют никаких шансов быть разрешенными при отсутствии таких сношений. Позволю себе еще высказать мнение, что ненормальное положение, на которое Вы справедливо указываете в своем послании, неблагоприятно отражается не только на интересах заинтересованных двух государств, но и на общем международном положении, увеличивая элементы беспокойства, усложняя процесс упрочения всеобщего мира и поощряя силы, направленные к нарушению этого мира. В соответствии с вышеизложенным я охотно принимаю Ваше предложение о посылке в Соединенные Штаты Америки представителя Советского Правительства для обсуждения с Вами вопросов, интересующих наши страны.

Представителем Советского Правительства поедет Народный Комиссар Иностранных Дел Литвинов, который прибудет в Вашингтон к сроку, имеющему быть согласованным *.

Калинин

Послания печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 253 (5189), 21 октября 1933 г.

---

* М. М. Литвинов прибыл в Вашингтон 7 ноября 1933 г.

316. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота *

10 октября 1933 г.

Господин Министр,

18 июля с. г. я имел честь письменно довести до сведения г. Министра Иностранных Дел о ряде недопустимых действий отдельных представителей японских властей в отношении судов советской китобойной флотилии и отдельных представителей экипажа этих судов[239]. Я имел также честь заявить протест против этих действий японских властей и высказал надежду, что г. Министр примет все необходимые меры к тому, чтобы наказать виновников таковых.

Прошло уже больше $2^1/_2$ месяцев со времени моего обращения к г. Министру, тем не менее я до сих пор не имею никакого ответа и никакого сообщения о принятых Министерством Иностранных Дел мерах к удовлетворению моего протеста и моей просьбы. Ввиду этого я настоятельно прошу Вас, г. Министр, ускорить принятие этих мер и сообщить мне о принятых Правительством Японии решениях **.

Вместе с тем я вновь вынужден обратиться к Вам по делу, обстоятельства коего, к сожалению, весьма напоминают факты, изложенные в моей указанной выше ноте от 18 июля с. г.

В Посольство СССР в Японии поступили подробные материалы об обстоятельствах задержания японскими властями советского парохода «Снабженец Второй» и катера РК008[183]. Эти материалы были подвергнуты тщательному изучению, в результате чего выяснилось, что отдельными представителями японских местных властей в процессе следствия по этому делу были произведены совершенно недопустимые действия по отношению к отдельным лицам экипажа этих судов, а также были нарушены правила судопроизводства и формальности, предусмотренные японскими законами.

Эти действия и нарушения заключались в следующем:

1) Задержание судов, вызов разных лиц экипажа, в том числе и капитанов, к местным полицейским и следственным властям и содержание этих лиц под арестом производились без предъявления ордеров или равносильных документов.

2) За время следствия капитанам советских судов не было предъявлено письменного обвинения.

3) Следственные и полицейские власти не давали допрашиваемым возможности делать желательные, с их точки зрения, приписки в конце протоколов допроса, чем нарушалась ст. 137

---

* Вручена советником полпредства СССР в Японии Райвидом директору европейско-американского департамента МИД Японии Того.

** Ответа в архиве не обнаружено.

закона о судебной полиции. Допрашиваемых вынуждали подписывать документы, содержание коих им не было известно ввиду незнания японского языка, на котором документы были составлены.

Например:

а) 1 июля с. г. капитан катера РК008 г. Сухов на пароходе «Постышев» был подвергнут допросу. При этом японские полицейские власти заставили его дать свою подпись под протоколом допроса, составленном на японском языке, с которым г. Сухов незнаком. Когда же г. Сухов расписался с оговоркой: «Содержание мне не известно», то полицейский переводчик, повысив голос, заявил: «Вам здесь не Россия, а Япония, поэтому вам должно быть известно». После этого тот же переводчик порвал последнюю страницу протокола, написал ее заново и заставил г. Сухова расписаться без всяких оговорок.

б) 10 июля с. г. в полицейском управлении г. Немуро был допрошен радист парохода «Снабженец Второй» г. Сидоренко. Допрос длился $5^1/_2$ часов и производился грубо. Сидоренко заставили расписаться на протоколе допроса, несмотря на его заявление о том, что он не знает, что в протоколе написано.

4) Отдельные представители власти применяли по отношению к допрашиваемым физические меры воздействия (избиения) и оскорбления.

Так, капитан катера РК008 г. Сухов при допросе на японской шхуне «Сункоцу-мару» был подвергнут избиениям и оскорблениям. 2 июля с. г. г. Сухов был вызван на вторичный допрос в кают-кампанию «Сункоцу-мару». Полицейский чиновник г. Миядзава через переводчика задал ему вопрос о том, почему он сделал на протоколе, составленном на японском языке, оговорку, что содержание ему не известно. Когда г. Сухов ответил, что написанное на японском языке ему непонятно и что переводчик обладает русским языком недостаточно, чтобы г. Сухов его вполне понял, г. Миядзава ударил г. Сухова по левой щеке, затем то же самое проделали переводчик и один из присутствовавших японских полицейских. После этого г. Миядзава заставил г. Сухова снять ботинки и стать на колени, при этом он дергал его за нос. Далее в тот же день около 9 часов вечера во время ареста на «Сункоцу-мару» г. Сухов был приглашен в трюм шхуны, где на столе было растянуто белое полотно, на котором было положено огнестрельное и холодное оружие. Ему было заявлено, что это — японский суд. Оттуда он был отпущен в 1 час ночи.

На той же шхуне «Сункоцу-мару» подвергся избиению повар катера РК008 г. Чжан Ю-ся.

Доводя обо всем этом до Вашего сведения, я вынужден, г. Министр, констатировать, что за последнее время советские суда и представители экипажей этих судов подвергались

со стороны отдельных представителей японских властей такому обращению, которое не только противоречит общепринятым обычаям международной вежливости и нормам международного права, но и правилам японского судопроизводства. Ввиду всего вышеизложенного я заявляю Вам, г. Министр, категорический протест против этих действий отдельных японских чиновников и ожидаю, что Японское Правительство примет действительные меры к недопущению повторения такого рода действий в будущем, а также к расследованию этих действий и к наказанию виновных в них.

Примите, г. Министр, заверения в моем совершенном к Вам уважении.

К. Юренев

Печат. по арх.

317. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

10 октября 1933 г.

Сегодня Райвид вручил Того подписанную мною ноту протеста по делу «Снабженца» на имя Хирота *. После этого Того сказал, что хотя министерство не имеет еще сообщения от японского посла, но здесь распространялась телеграмма ТАСС об опубликовании в Москве телеграмм Хисикари и Морисима **. Опубликование этих документов, которых нельзя найти в архиве министерства, является неслыханным актом в истории дипотношений. Он хочет знать, какова цель опубликования, учитывало ли Советское правительство, если оно дало эти документы ТАСС, последствия такого шага и влияние на советско-японские отношения, хочет ли оно продолжать переговоры о КВЖД. Райвид ответил в соответствии с вашей директивой [240], что мы были вынуждены на этот шаг ответом Хирота Юреневу ***, что для японского правительства это не могло быть неожиданностью, ибо оно было предупреждено заявлениями Юренева. Целью опубликования является установление перед общественным мнением, кто является виновником и несет ответственность за харбинские события, направленные на срыв переговоров и захват дороги, и что японское правительство является действительным хозяином Маньчжурии, отвечающим за происходящее там. Что касается ква-

---

* См. док. № 316.
** См. док. № 314.
*** См. док. № 306.

лификации этого акта как неслыханного, то фактически неслыханным является то, что государство, находящееся в нормальных отношениях с другим, пытается насильно нарушить законные права последнего, как это делается в Харбине. По вопросу о переговорах о КВЖД Райвид сказал, что хотя Советское правительство по-прежнему готово продать КВЖД Маньчжоу-Го, но вести переговоры под давлением насильственных харбинских действий невозможно, о чем делегация через Железнякова сообщила Сугихара [241].

Того доказывал, что Маньчжоу-Го независимо от Японии, и Советское правительство должно было обратиться непосредственно к Маньчжоу-Го, а не опубликовывать документов официальных лиц, коих не существует в архиве мининдела, что опубликование ухудшит советско-японские отношения и что Советское правительство недооценило последствий своего шага.

Райвид возразил, что атмосфера ухудшена не по вине СССР и не опубликованием документов, а действиями японцев в Харбине. Советское правительство обращалось к тому, кого считает хозяином Маньчжурии. Советское правительство, как ответственное правительство, действует, конечно, всегда ответственно и точно взвешивает последствия своих действий. Того пытался спорить по поводу аутентичности документов и требовал от Райвида объективных доказательств этого. Райвид ответил, что он не может обсуждать характера документов, раз Советское правительство заявило, что располагает точными документами. Если японское правительство хочет получить какие-либо сведения о них, пусть обратится через японского посла к Наркоминделу. Затем Того убеждал не связывать харбинских событий с переговорами и доказывал, что для улучшения атмосферы необходимо, чтобы советская и маньчжурская делегации сделали новые предложения. Он просил Райвида сказать свое личное мнение, как сдвинуть переговоры с места. Райвид сказал, что лично думает, что для этого нужно сначала ликвидировать харбинские события, а после этого маньчжурская делегация должна внести деловое предложение. Того опять убеждал не связывать харбинских событий с переговорами и сказал, что он лично считает, что если бы переговоры возобновились, то маньчжурская делегация внесла бы новое предложение. Хотя он не говорил с министром и маньчжурами, но, по его частному мнению, необходимо, чтобы обе делегации возобновили переговоры и внесли новые предложения. Если бы советская делегация была согласна, это создало бы благоприятную атмосферу.

Райвид ответил, что опасается говорить за делегацию, но думает, что в порядке дня стоят не спорные вопросы по существу переговоров, а харбинские события. Того просил в заклю-

чение передать его личное мнение Юреневу и Козловскому. Разговор продолжался полтора часа и велся с Того в дружественном тоне.

Полпред

Печат. по арх.

318. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

12 октября 1933 г.

Шюкрю Кая разъяснил мне суть своего предложения, которое сообщено им также Рагибу. 1. Над всеми прошлыми пограничными инцидентами ставится крест. 2. Мы делаем в Анкаре попытку договориться о мерах, которые обеспечили бы спокойствие в пограничной полосе *. Он считает возможным обсудить вопрос о расширении полномочий пограничных комиссаров с созданием на месте специальной комиссии и так далее. Предложение это, по-видимому, внесено им в результате выяснившейся невозможности договориться с генеральным штабом по вопросам пограничной конференции и пограничной конвенции в нормальном порядке. Пойдя в обход генерального штаба, они рассчитывают мотивировать перед правительством подобные методы необходимостью экстренно расчистить почву для приезда нашей делегации [242]. Считаю, что договориться хотя бы о некоторых принципах было бы полезно.

Полпред

Печат. по арх.

319. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Д. В. Богомолова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

13 октября 1933 г.

Сегодня вручил МИД наш проект пакта о ненападении. Сообщите, имеется ли возражение против статей 10 и 11 китайского проекта пакта о месте переговоров и ратификации [243].

Полпред

* См. т. XV, прим. 30.

Проект договора о нейтралитете и ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и Председатель Национального Правительства Китайской Республики,

руководимые желанием содействовать укреплению всеобщего мира,

убежденные, что в интересах обеих высоких договаривающихся сторон лежит улучшение и развитие отношений между обеими странами,

желая подтвердить и уточнить в своих взаимных отношениях Генеральный договор об отказе от войны от 27 августа 1928 г.*,

решили заключить настоящий Договор и назначили в качестве своих уполномоченных:

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик

. . . . . .

Председатель Национального Правительства Китайской Республики

. . . . . .

которые после предъявления своих полномочий, найденных в надлежащем виде, пришли к соглашению по следующим статьям:

Статья 1

В случае военного выступления против одной из договаривающихся сторон со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать нейтралитет по отношению к первой.

Статья 2

Каждая из договаривающихся сторон обязывается воздерживаться от всякого рода нападений на другую; она равным образом обязывается не принимать участия ни в каком союзе или соглашении политического характера с одной или несколькими третьими державами, направленном против другой договаривающейся стороны, равно как ни в каком союзе или соглашении с одной или несколькими третьими державами, направленном против военной или морской безопасности другой

* См. т. XI, док. № 298.

договаривающейся стороны, а также соглашениях, имеющих целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон или имеющих практическим последствием запрещения покупки или продажи ей товаров, и не принимать никакой меры, которая бы имела последствием исключение другой стороны из участия в ее внешней торговле.

Статья 3

Каждая из договаривающихся сторон обязуется не создавать, не субсидировать и не допускать на своей территории организаций, имеющих целью вооруженную борьбу против другой стороны или покушения на ее независимость.

Статья 4

Обе договаривающиеся стороны, стремясь к улажению и разрешению только при помощи мирных средств всех споров и конфликтов, независимо от их характера и происхождения, которые могли бы возникнуть между ними, обязуются в возможно короткий срок подписать и ратифицировать конвенцию о согласительной процедуре для полюбовного разрешения всех указанных споров и конфликтов, которые не смогут быть улажены дипломатическим путем.

Статья 5

Настоящий Договор сохраняет силу в течение 5 лет. Каждая из договаривающихся сторон может нотифицировать другой стороне за 6 месяцев до истечения этого срока о своем желании прекратить действие Договора. В случае, если стороны не сделают этого в установленные сроки, Договор будет рассматриваться как автоматически продленный на новый период в 2 года. Если ни одна из договаривающихся сторон не известит другую за 3 месяца до истечения двухлетнего периода о своем желании прекратить действие Договора, он будет продолжать оставаться в силе на новый двухлетний период и т. д.

Статьи 6 и 7

(Заключают в себе указания о месте подписания, обмене ратификациями и языке текста Договора, что будет установлено в процессе переговоров) [97].

Телеграмма и проект договора
печат. по арх.

320. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

17 октября 1933 г.

Уважаемый товарищ,

События идут настолько быстро, что нет возможности обсудить в письмах вопросы конкретных директив на ближайшее время. Поэтому я ограничиваюсь характеристикой нашей общей установки в японо-советских отношениях. Мы, конечно, не ищем ссоры с Японией, наоборот, всячески заинтересованы в том, чтобы сохранить мирные отношения и договориться по спорным вопросам. Однако, видимо, японская военная партия ориентируется все более и более определенно на перспективу превентивной войны против Советского Союза. В этом смысле мне кажется существенной та ориентировка японской внешней политики, с которой публично выступил Араки в последнее время[244]. Если Япония готовится к столкновению с Соединенными Штатами, если она опасается того, что Соединенные Штаты могут сколотить против Японии мировую коалицию, если, далее, Япония опасается, что в случае столкновения с САСШ Китай использует момент для начала борьбы, то в этих условиях японская военщина, естественно, как это и делает Араки, ставит перед собой вопрос о роли, которую может сыграть Советский Союз в случае, если подобная перспектива столкновения Японии с ее тихоокеанскими соперниками осуществилась бы. На этот вопрос о будущей роли СССР могут быть два политических ответа с точки зрения японской военной партии: или полное замирение на Дальнем Востоке с Советским Союзом, исключающее всякую неуверенность в японо-советских отношениях, или же, наоборот, превентивная война против СССР в надежде на то, что такая война будет иметь результатом широкие территориальные изменения и отбросит Вооруженные Силы Советского Союза далеко от Маньчжурии. Судя по всему, что мы знаем о расчетах различных групп японских политиков, военно-фашистская группировка усиленно обсуждает именно такого рода дилемму и несомненно склоняется в сторону превентивной войны, полагая, в крайнем случае, что только беря такой курс, удастся, быть может, добиться путем максимального нажима на нас такого «замирения», которое и без войны позволило бы им разрешить в свою пользу интересующие их вопросы, при непременном условии увода или крупнейшего ослабления наших вооруженных сил на Дальнем Востоке. В этом смысле чрезвычайно знаменательна одна из Ваших бесед, где собеседник ставил вопрос об отводе наших частей с Дальнего Востока[245]. Несомненно, что мысли подобного рода конкретизируются в головах у японских политиков и будут сформулированы в качестве итогов той кампании об

«угрожающих» военных мероприятиях СССР на Дальнем Востоке, которую усиленно проводит теперь, явно по правительственным директивам, японская печать. Перед лицом такой ситуации наша политика, при сохранении нашей основной ориентировки на мир, не может быть позицией уступок и поблажек японской военщине и замазывания провокаций и безобразий, которые позволяет себе японское правительство. Мы намечаем и проводим твердую линию отпора японским домогательствам, решительную линию всяческого разоблачения японских провокаций, уяснения всей стране и, больше того, всему миру истинного характера японской политики на Дальнем Востоке по отношению к Советскому Союзу. Такая линия исходит из сознания того, что мы, на худой конец, если бы японская военщина действительно осуществила попытку нападения на Советский Союз, сможем дать вполне успешный отпор. Положение теперь действительно иное, чем было $1^1/_2$—2 года тому назад, и мы далеко не чувствуем себя беззащитными на случай попытки противника прощупать нас.

Если намерение японской военщины повести против СССР превентивную войну является окончательным, то уступки с нашей стороны могли бы иметь смысл только в том случае, если бы мы были готовы считать эти уступки неизбежными и, с другой стороны, были бы готовы идти в этих уступках до конца. Кормление японского хищника мелкими подачками будет только усиливать его аппетит и создавать уверенность в безнаказанности и в своем превосходстве в силах. Нам незачем поддерживать такие ложные иллюзии. Занимая более твердую позицию, мы увеличиваем шансы мира, предостерегаем все те круги в Японии, которые не хотят войны, заставляем сторонников военных авантюр усвоить более осторожную линию поведения. Только при такой нашей тактике нам, быть может, на основе дальнейшего укрепления внутреннего строительства и дальнейшего улучшения нашего международного положения, удастся предотвратить попытку реализации планов превентивной войны, поскольку авторы этих планов убедятся, что это дело рискованное и что лучше не начинать разрешения вопросов японской мировой политики с этого конца, т. е. с вооруженного конфликта с СССР.

Жалобы Хирота в речи[245], произнесенной на банкете в Японо-Советском обществе, насчет того что СССР отказался от прежней осторожной линии, по меньшей мере неумны. Мы показали максимум осторожности и умеренности в течение последнего полугодия, а японская политика именно в течение этого полугодия показала максимум вызовов, провокаций и игнорирования наших интересов. Мы не собираемся терпеть подобное положение. Хирота, если бы он действительно имел в виду добиться улучшения японо-советских отношений, мог бы

только использовать те разоблачения действий японской военщины в Маньчжурии, которые нами сделаны (хотя, конечно, не облегчение этой задачи было целью нашей публикации *). Однако мы не питаем никаких особых надежд на то, что Хирота в самом деле удастся внести какие-либо изменения в линию японской политики, как она проводилась за последнее время. Изменение ее могло бы быть возможно только в том случае, если бы обострение внутреннего политического кризиса в Японии привело к победе тех группировок японского капитализма, которые выступают против империалистской политики большого стиля. Однако подобное разрешение кризиса очень мало вероятно. Наоборот, вся обстановка мировая и японская говорит за то, что развитие кризиса, поскольку оно не будет прервано революционной развязкой, может совершаться лишь в сторону повышения удельного веса крайних военно-фашистских и империалистских групп, которые поведут Японию по пути безудержных военных авантюр.

Как я уже упоминал выше, ряд элементов в японских комбинациях может изменяться, японская империалистская политика, может быть, будет ориентироваться в первую очередь на конфликт с Соединенными Штатами, а не с нами, ход событий может ускорить или, наоборот, отодвинуть решающее выступление, но как бы то ни было, для данного момента наша линия поведения должна быть именно такой, как она обрисована выше.

Что касается переговоров о КВЖД, то нам нужно продолжать максимальный нажим на японское правительство в смысле требования ликвидации харбинских безобразий и предоставить ему инициативу каких-либо предложений. То обстоятельство, что в течение почти десятка дней японское правительство не могло достичь внутренней договоренности о том, как ответить на наше опубликование документов, вскрывает слабые стороны японского правительства. Вам необходимо всячески добиваться того, чтобы усилить свою и нашу информацию о том, что происходит за официальными кулисами, как держатся различные группировки, какие конкретные планы они развивают.

Замнаркоминдел

Печат. по авх.

---

* См. док. № 314.

321. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

17 октября 1933 г.

Рузвельт имел беседу с Робинсом * и Купером ** об СССР. Он сказал обоим, что собирается вскоре признать СССР, но не сказал об имеющих место переговорах. Получаемые мною сведения говорят о серьезности намерений Рузвельта. Избранный им путь разговоров для получения заверений объясняется желанием «успокоить» оппозицию.

Действия японцев и немцев подгоняют американцев к установлению отношений с нами.

Сквирский

Печат. по арх.

322. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

20 октября 1933 г.

Сегодня меня вызвал Бонкур. Он ознакомил меня с французской точкой зрения, сводящейся к продолжению конференции и выработке конвенции ***. Однако Бонкур хотел бы, чтобы среди сторонников этой конвенции не было разногласий по принципиальным вопросам конвенции во избежание торжества немцев. Позиция англичан еще не известна; возможно, что они потребуют перерыва до плебисцита в Германии. Что касается итальянцев, то обеспокоенный вчерашним сообщением агентства Стефани о решении итальянского правительства созвать совещание четырех в Стрезе, Бонкур предложил агентству Гавас проверить в итальянском министерстве иностранных дел; МИД вначале отказался как подтвердить, так и опровергнуть, но при вторичном обращении заявил, что «итальянское правительство ни теперь, ни в будущем не думает о созыве конференции четырех». Бонкур умозаключает, что итальянцы, вероятно, зондировали немцев, которые предъявили такие непомерные требования, что итальянцы оставили мысль о конференции четырех. Бонкур спросил меня о наших намерениях. Я ответил, что мы против совещаний без нашего участия и согласимся на продолжение конференции; мы согласны на контроль и будем поддерживать наши поправки; мы готовы пойти

---

* Общественный деятель США.

** Председатель Американо-Русской торговой палаты.

*** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 3, 16—17.

на сокращение срока службы, но под условием универсальности, ибо мы хотим быть на равных началах с нашими многочисленными соседями, среди которых есть и Япония; в спорах о сроках конвенции и этапах мы можем не принимать участия. После некоторого обмена мнениями Бонкур заявил, что подобная наша линия поведения его вполне устраивает и соответствует дружественному духу франко-советских отношений. Он счел нужным, однако, предупредить меня, что имеет основания полагать, что японцы, отыгрывавшиеся на молчании благодаря франко-германскому спору, теперь откроют свои карты и откажутся от сокращения своих вооружений и срока службы. Я спросил Бонкура, не надеется ли он призвать японцев к порядку в случае их подобного поведения, на что он ответил, что, разумеется, попытки давления на японцев будут сделаны, но в эффективности их позволительно сомневаться.

Перейдя к положению на Дальнем Востоке, Бонкур сказал, что понимает нашу тревогу, но что все же он сомневается в агрессивных планах Японии в отношении СССР, исходя из презумпции, что территориальный захват в СССР не нужен Японии. Мне почти не удалось поколебать Бонкура, хотя напоследок он сказал, что, разумеется, нельзя ни в чем быть уверенным там, где власть в руках военщины. Я воспользовался этим разговором, чтобы намекнуть Бонкуру на беседу Жувенеля и Шамбрена с Потемкиным[247]. Бонкур ответил, что ему ничего не известно и что никаких поручений не было дано ни Жувенелю, ни Шамбрену; впрочем, если они и вели такие разговоры, то ведь послы иногда разрешают себе вольности в приватных разговорах; так, например, де Мартель сообщал ему некоторое время тому назад из Токио, что наш посол развивал перед ним мысль о необходимости воссоздания франко-русского альянса. Он, Бонкур, не придал тогда значения докладу де Мартеля, ибо он полагал, что Советское правительство очень далеко от этих мыслей, да и сам он полагает, что об этом не следует на данном этапе думать, хотя, возможно, что если положение в Германии не изменится, то со временем встанет вопрос о дополнении франко-советского пакта, Лондонского пакта об определении агрессора * пактом о взаимопомощи. Я не реагировал на эту «мысль вслух» и, вернувшись к конференции по разоружению, сказал ему, что если я получу из Москвы какие-нибудь указания, вносящие изменения или новое в сделанное мной ему сообщение о нашей линии поведения на Генеральной комиссии, то я его поставлю в известность. Бонкур добавил, что французы будут настаивать в Генеральной комиссии на принятии основных принципов доклада Саймона, сделанного на Бюро 9 октября *, и на создании ре-

* См. соответственно т. XV, док. № 456 и док. № 213 настоящего тома.

дакционного комитета для приведения плана Макдональда в соответствие с этими принципами.

Я напомнил Бонкуру, что уже прошло полтора месяца со времени вручения нашего меморандума о военных белогвардейских организациях[248] и что мы еще не имеем ответа. Бонкур попробовал было сослаться на право убежища, но я отвел эту ссылку. Я обратил также его внимание на «союз комбатантов» и на недавний демарш М. И. Розенберга по поводу похорон Юденича[249]. Бонкур ответил, что он воспользуется этими конкретными обстоятельствами, чтобы рассмотреть вопрос с должным вниманием.

Довгалевский

Печат. по орк.

323. Нота Полномочного Представителя СССР в Польше Министру Иностранных Дел Польши Беку

23 октября 1933 г., № 110

Господин Министр,

21 сего октября на Генеральное консульство Союза Советских Социалистических Республик в г. Львове было произведено нападение, в результате которого сотрудник названного консульства Алексей Маилов был убит, а другой сотрудник — Джугай Иван — ранен.

Это покушение нельзя не поставить в связь с той кампанией, которая уже в течение продолжительного времени ведется в некоторых воеводствах Польши, и в частности во Львове, кампанией, не знающей никаких границ в травле, клевете и науськивании на Советский Союз и имеющей целью возбудить известный слой населения против СССР.

Это покушение могло возникнуть лишь в атмосфере, созданной упомянутой выше кампанией, которой, несмотря на ее очевидную недопустимость, попустительствовали некоторые польские власти.

По поручению моего Правительства я заявляю Вам, г. Министр, формальный протест по поводу этого нового нападения на Советское представительство в Польше.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик уполномочило меня заявить Вам, что оно ожидает срочного и всестороннего расследования имевшего место нападения и выявления прямых и косвенных виновников и вдохновителей этого нападения, а также наказания виновных.

---

* Саймон выступил 14 октября. См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1933, стр. 168—170.

О результатах следствия, а также мерах, предпринятых Польским Правительством к предотвращению возможностей повторения подобных случаев в будущем, я прошу Вас, г. Министр, поставить меня в известность.

Примите, г. Министр, уверения в моем совершенном к Вам уважении.

Антонов-Овсеенко

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 261 (5182), 24 октября 1933 г.

В ответной ноте министра иностранных дел Польши Бека на имя Антонова-Овсеенко от 24 октября 1933 г. говорилось:

«В связи с нотой г. Министра от 23 текущего месяца, присланной мне в связи с покушением, произведенным 21 текущего месяца на территории консульства Союза Советских Социалистических Республик, я желаю повторить соболезнование Правительства Польской Республики, выраженное уже его представителями представителям СССР непосредственно после факта покушения, произведенного Николаем Лемиком[250]. Польские административные и судебные власти в соответствии с действующими в Польше законами приступили к расследованию с целью установления сообщников и инспираторов покушавшегося, равно как и мотивов преступления, а также привлечения виновных к ответственности. О результатах следствия Польское Правительство готово, согласно просьбе, выраженной в ноте, проинформировать Правительство СССР. Уведомляя о вышесказанном, я вынужден, однако, решительно возражать против выраженной в вышеуказанной ноте критики, направленной по адресу некоторых польских властей».

324. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню

24 октября 1933 г.

Господин Особый агент,

В многочисленных беседах с Вами я имел честь обращать Ваше внимание на беспрерывно отмечаемые факты самого грубого нарушения элементарных прав советских граждан и недопустимого отношения к ним со стороны чинов пограничных отрядов и полиции, в особенности белых русских чинов *, как в самом Харбине, так и на всей линии КВЖД.

В частности, мною были переданы Вам материалы: о возмутительном и уголовно наказуемом факте изнасилования советской гражданки русским чином пограничного отряда на ст. Пограничной Сомовым; о фактах поистине нечеловеческого издевательства в стенах пограничного отряда над незаконно арестованными начальником советской таможни гр. Воробьевым

---

* Здесь и далее речь идет о белогвардейцах, служивших в полиции Маньчжоу-Го и КВЖД.

и советскими гражданами Стагиеем и Гороховым, которые после продолжительного пребывания под арестом были освобождены за отсутствием преступлений.

Незаконные действия полицейских чинов приняли повседневный и регулярный характер. Так, 24 августа на ст. Маньчжурия член ревизионного комитета КВЖД Першин Ф. Я., несмотря на его официальное положение и наличие служебного паспорта, был обыскан и задержан от отправлявшегося в СССР поезда официальными чинами железнодорожной полиции во главе с белым полицейским Федоровым.

25 августа русский чин железнодорожной полиции на ст. Хайлин Панфилов арестовал телеграфиста станции советского гражданина Козюлькова, продержав его сутки под арестом лишь за то, что тот настаивал на осуществлении надлежащих правил приема телеграмм.

26 августа на ст. Мулин белый чин железнодорожной полиции Золотарев и охранник отряда Маньчжоу-Го Колечкин учинили дебош и избили советского гражданина Старожука до такой степени, что его пришлось отправить в больницу.

14 сентября на ст. Мулин был убит начальник станции советский гражданин Кецарис, при этом было отмечено поведение местных полицейских чинов, отказавшихся от розысков пропавшего Кецариса и не предпринявших никаких шагов к расследованию убийства. Заявив протест по этому поводу, я еще 23 сентября обратил Ваше внимание на то, что оставляю за собой право вернуться к вопросу о компенсации семье убитого. К сожалению, мне до сих пор неизвестно о предпринятых властями шагах к действительному расследованию и нахождению убийц.

17 сентября на ст. Маньчжурия белыми полицейскими надзирателями Малышевым и Бутаковым были арестованы на своей квартире советский гражданин Городецкий, служащий депо, и гражданин Беркович и его сын; причем последний подвергся избиению надзирателем Бутаковым. Арестованные были отправлены в Харбин.

17 сентября на ст. Маньчжурия белым полицейским надзирателем Протопоповым был произведен обыск в квартире служащего больницы КВЖД советского гражданина Гродысского, причем сам Гродысский был арестован.

21 сентября на ст. Ашихэ произведен обыск в квартире советского гражданина служащего КВЖД Островского, причем Островский арестован и в тот же день был отправлен в Харбин.

27 сентября на ст. Пограничная беспричинно арестован прибывший из Харбина проводник вагона советский гражданин Логинов, который был продержан под арестом в течение 16 суток без предъявления какого-либо обвинения, содержась

все это время в холодном помещении, бывшем ранее ледником.

30 сентября при отправлении из Пограничной поезда беспричинно арестован советский гражданин Шейкин.

6 октября на ст. Мулин беспричинно арестован советский гражданин Боташев, заведующий кооперативной вагон-лавкой.

Не стану затруднять Ваше внимание приведением других примеров. Я неоднократно отмечал в беседах с Вами явное и нарочитое издевательство над советскими гражданами со стороны белых чинов полиции и сведение последними с советской колонией, как таковой, политических счетов. Это особенно очевидно из того, что на ряде станций на линии железнодорожной полицией запрещены спектакли и даже спортивные игры советским гражданам в школах и желсобах*. Только издевательством могут быть названы такие факты, как разрешение на ст. Цицикар в желсобе танцев, но без музыки, или же разрешение спортивных игр только без спортивных костюмов.

К моему глубокому огорчению, мои неоднократные устные и письменные обращения к Вам о принятии мер к прекращению этих недопустимых действий властей, в частности мои настояния об отстранении белых русских чинов от полицейского обслуживания советских граждан, остаются безрезультатными. Не предпринимаются никакие шаги даже против провокаторской деятельности белых русских чинов, направленной против советского консульства и сотрудников официальных советских учреждений.

До сих пор мне неизвестно, предприняты ли полицией шаги к расследованию факта налета двух вооруженных русских на советское консульство, о чем я уведомил письмом от 29 августа прошлого года [251]. До сих пор Вы мне не сообщили о принятых мерах в отношении чинов полиции, продержавших под арестом сотрудника местного Торгового Представительства СССР гр. Валькова и задерживавших выдачу ему выездной визы с исключительной целью заставить его сделаться негласным информатором полиции о Торгпредстве, о чем я Вас письменно известил 14 августа прошлого года.

Изо дня в день местные газеты полны самыми нелепыми провокационными сообщениями о Советском Союзе и руганью в отношении отдельных членов Союзного Правительства и советских консулов в самой Маньчжурии, что при наличии в Харбине строгой полицейской цензуры налагает на маньчжурские власти определенную ответственность. Не могу не отметить, что безнаказанность этой активности белогвардейских элементов и полицейских чинов не может не квалифицироваться

* Железнодорожных собраниях.

как явное потворствование этого высшими маньчжурскими властями.

Еще раз привлекая Ваше внимание к вышеизложенному, я выражаю надежду, что Маньчжурским Правительством будут предприняты немедленно эффективные меры к созданию нормальных условий существования советских граждан в Маньчжурии и будет положен конец недопустимому поведению белых чинов пограничных отрядов и полиции, находящихся на службе у Маньчжурского Правительства *.

Примите уверения в моем глубоком к Вам, г. Особый агент, уважении.

Генеральный консул СССР в Харбине
М. Славуцкий

Печат. со арх.

325. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

25 октября 1933 г.

Ввиду отъезда Довгалевского в Женеву Леже пригласил меня к себе. Предлогом послужил вопрос, заданный Довгалевским Бонкуру относительно разговоров Жувенеля с Потемкиным [247]. Леже отметил, что намечающееся сотрудничество с нами в Женеве покоится на предпосылке, что Франция не берет на себя обязательств в отношении Японии. Ее положение в Индокитае в связи с отсутствием военного флота является крайне экспонированным. Он по обыкновению ругал англичан, упрекая их в том, что они помешали Франции провести более решительную линию в Женеве по отношению к Японии. Я ему указал на то, что вполне естественно, что Довгалевский поинтересовался, являются ли высказывания Жувенеля только его личным делом. Он согласился с моим замечанием, что ни Довгалевский, ни я при обмене мнениями по дальневосточной ситуации никогда не говорили ничего, что могло бы быть истолковано хотя бы как намек на обращение к Франции за поддержкой против Японии. Мы полагаем, что позиция Франции по отношению к тому или иному внешнеполитическому комплексному вопросу, касающемуся СССР, будет вытекать из общего характера отношений СССР и Франции. На вопрос Леже о последней фазе переговоров по КВЖД [136] я ответил неопределенно.

Смысл заявлений Леже заключается, между прочим, в уточнении зондажа, произведенного Бонкуром в последней беседе с Довгалевским о заключении пакта о взаимопомощи **.

---

* См. также док. № 389.

** См. док. № 322.

Не упомянув прямо о пакте, он дал понять, что таковой применим только в Европе.

Бержери* мне также рассказал со слов Бонкура, что он носится с мыслью о пакте без применения его к Японии.

Леже сказал, что Франция решительно воспротивится отсрочке конференции по разоружению и потребует, чтобы через две недели редакционная комиссия отчиталась перед органами конференции.

Розенберг

Печат. по арх.

326. Заявление Главы советской правительственной делегации К. Е. Ворошилова для турецкой печати

Стамбул,
26 октября 1933 г.

Вступая на землю Турецкой Республики, я рад передать через турецкую прессу искренний привет правительства народов СССР турецкому народу и правительству Турецкой Республики. Я глубоко тронут теплым приемом, оказанным мне и всей делегации правительства СССР, начиная с момента нашего вступления на борт парохода «Измир» в Севастополе. Я чрезвычайно рад выпавшей на мою долю высокой чести возглавлять делегацию, назначенную ЦИК СССР для ответного визита на прошлогоднее посещение СССР глубокоуважаемыми председателем совета министров Турецкой Республики Исмет-пашой и министром иностранных дел Тевфиком Рюштю-беем** и для того, чтобы принять участие в торжестве празднования десятилетия великой Турецкой Республики. С большим удовлетворением я принял на себя эту задачу. Я счастлив, что это даст мне возможность лично принести поздравление вождям Турецкой Республики по случаю десятилетия и разделить радость турецкого народа в этот знаменательный день. Я и остальные члены делегации рады увидеть собственными глазами новую Турцию и ознакомиться с ее успехами в культурной и хозяйственной областях, за которыми народы СССР следят с неослабным вниманием и симпатией. Я особенно рад возможности лично встретить великого вождя новой Турции многоуважаемого президента Республики Мустафу Кемаль-пашу, его выдающегося соратника, нашего прошлогоднего гостя, председателя совета министров Исмет-пашу, нашего старого друга министра иностранных дел Тевфика Рюштю-бея, а также других деятелей новой Турции.

Печат. по газ. «Известия»
№ 264(5195), 28 октября 1933 г.

---

* Политический деятель Франции.
** См. т. XV, док. № 205, 239.

327. Речь Главы советской правительственной делегации К. Е. Ворошилова на приеме, устроенном в ее честь Председателем Совета Министров Турции Исмет-пашой

Анкара,
27 октября 1933 г.

Я глубоко тронут сердечными словами дружбы, произнесенными Вами, г. Председатель Совета Министров. Горячо благодарю Вас за эти дружественные чувства и за ту искреннюю симпатию, непосредственное выражение которой на всем нашем пути в вашей стране так растрогало нас. Эти выражения неподдельной дружбы я и мои товарищи, делегированные правительством СССР на ваши торжества, относим полностью по адресу народов СССР, у которых они, несомненно, найдут самый живой отклик.

Г-н Председатель Совета Министров, то, что наши народы связаны узами теснейшей дружбы, является широко известным фактом, не вызывающим нигде и ни у кого сомнения. Под дружбой я понимаю не те дипломатические формулы, за которыми скрывается случайное совпадение или временная комбинация интересов. С такой дружбой дружба между нашими народами не имеет ничего общего.

Нашу дружбу называют испытанной дружбой. Мне кажется, это — самое подходящее слово. Наша дружба началась в годы великих исторических испытаний обоих народов. Она испытана в годы вооруженной борьбы, в последовавшие за этой борьбой годы мирного строительства и в усилиях обоих народов и их правительств оградить мир от всех угрожающих опасностей.

Это — дружба, которой не страшны никакие испытания.

В дни 10-летия провозглашения Турецкой Республики народы Советского Союза вместе с вами вспоминают героическую славную борьбу за независимость, пройденную турецким народом. Мы знаем, что эта борьба была безмерно трудна. Но турецкий народ вышел из нее победителем, хотя и ценой неслыханных усилий, тяжелейших жертв и гибели лучших сынов молодой республиканской Турции, перед которыми мы склоняем наши головы.

С глубоким сочувствием и солидарностью народы нашей страны следили за великой борьбой турецкого народа за независимость. Только наш народ, который в тот период также боролся за свое существование против вооруженной иностранной империалистической интервенции, мог полностью понять и оценить значение вашей героической борьбы. Вот почему народы наших стран протянули в тяжелые времена друг другу

братскую руку сочувствия и взаимной поддержки. Это вытекало из общности наших интересов и из того факта, что обе страны имели против себя врагов, покушавшихся на их независимость. Трудящиеся Советского Союза всегда считали славную победу в этой борьбе турецкого народа общим успехом обеих наших стран. Именно поэтому в народах Советского Союза так сильны симпатии к народу Турции и к людям, шедшим во главе его великой борьбы за свою землю, свое право и свою самостоятельность. Вот где исторические корни нашей испытанной долголетней дружбы.

Глубокая общность интересов продолжалась и в годы бурного строительства, когда усилия наших народов были направлены к развитию и укреплению своих государств. Эта общность интересов нашла свое отражение во всем характере установившихся между народами Турции и СССР политических и хозяйственных отношений.

Я уверен, что наше будущее сулит дальнейшее развитие и укрепление дружественных отношений, экономических и культурных связей республиканской Турции с СССР. Я отмечаю этот факт с особенно большим удовольствием еще и потому, что дальнейшее сближение обоих народов наших стран есть в то же время ценнейший вклад в дело всеобщего мира, за которое с первого дня своего существования народы новой Турции и СССР борются с неослабевающей энергией.

Согласитесь со мной, г. Председатель Совета Министров, что для всех друзей мира в данный момент больше чем когда-либо в последние годы имеется оснований, чтобы удесятерить усилия, направленные к ограждению народов и стран от кровавых войн. Поэтому в последнее время наши народы и их правительства вели энергичную борьбу, чтобы укрепить силы, выступающие за мир, и связать силы, враждебные миру.

Но тут же я должен подчеркнуть, что мы не добились бы успехов в нашей совместной борьбе за мир, если бы за этой волей к мирному труду народов Турции и СССР не стояли железная решимость и постоянная готовность всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами отстоять свое право на независимость, право на то, чтобы по-новому строить свою жизнь. Нам глубоко чужды какие-либо завоевательные цели. Наши армии — это фактор мира. Но, борясь за мир, мы должны укреплять обороноспособность наших стран, развивать и совершенствовать мощь наших армий. Чем решительнее и упорнее будет идти наша борьба, тем легче нам удастся ослабить опасность новых войн, новых разрушений и страданий для наших народов.

Народы Советского Союза, ныне успешно осуществляющие свой пятилетний план социалистического строительства,

с величайшим вниманием и радостью следят за успехами турецкого народа в области хозяйственного и культурного развития. Решительное искоренение унаследованных от прошлого предрассудков, обычаев и учреждений преобразило вашу страну и обусловило ваши изумительные успехи для культурного развития. Глубокое удовлетворение нам доставляют крупные победы Турецкой Республики, одержанные в области хозяйственного строительства: создание новых индустриальных предприятий, и в том числе предприятий, не существовавших в дореспубликанский период отраслей промышленности, строительство исключительно полезных для турецкой экономики новых железных дорог, наконец, успех ряда важных мероприятий турецкого правительства, направленных к обеспечению роста национальной государственной промышленности и к защите экономической независимости страны. Мы рады также, что в области промышленности открылись пути для взаимного сотрудничества.

Необходимо отметить также растущую плодотворную связь между культурными и научными силами Турции и СССР. Прочные дружественные отношения между нашими странами, укрепление их внутренней мощи и их международного положения открывают перед нами еще более широкие возможности плодотворного сотрудничества, давшего уже неоспоримые результаты.

Могу Вас заверить, г. Председатель Совета Министров, что Правительство СССР исполнено твердым намерением и далее развивать это сотрудничество на началах обмена опытом в области хозяйственного и культурного строительства.

Заканчивая свою речь, я выражаю глубокое уважение народов СССР к вождю национально-освободительной борьбы турецкого народа — Президенту Турецкой Республики Гази Мустафе Кемаль-паше, со славным именем которого связаны как победоносная борьба новой Турции за свою независимость, так и упорная созидательная работа над ее культурным и экономическим возрождением. Поднимаю свой бокал за здоровье Президента Республики. С чувством особой симпатии и дружбы поднимаю бокал за здоровье ближайшего его соратника, нашего дорогого хозяина г. Председателя Совета Министров и г-жи Исмет-паши. Поднимаю этот бокал за здоровье начальника генерального штаба славной турецкой армии маршала Февзи-паши и за здоровье нашего друга Тевфика Рюштю-бея, министра иностранных дел, за здоровье нашего друга министра национальной обороны Зекяи-бея, за здоровье членов Великого национального собрания и его уважаемого председателя Кязым-паши, за здоровье турецкого посла в Москве Хусейна Рагиб-бея, за здоровье здесь

присутствующих представителей славной турецкой армии.

Да здравствует турецко-советская дружба!

Да здравствует день десятилетия Турецкой Республики!

Да здравствует великий турецкий народ!

Печат. по дрк. Опубл. в газ. «Известия» № 265 (5195), 29 октября 1933 г.

Речь К. Е. Ворошилова явилась ответом на речь председателя совета министров Турции Исмет-паши, в которой говорилось:

«Г-н председатель делегации! 15 лет назад Гази Мустафа Кемаль-паша начал борьбу за независимость, которую турецкий народ вел с упорной настойчивостью. Вот уже 10 лет, как турки одержали победу в этой борьбе и создали режим, более соответствующий их национальному темпераменту и их насущным интересам. Между этими двумя датами турецкий народ пережил один из самых героических периодов своего существования. Я говорю героический, потому что этот период был насыщен нуждой и героическими лишениями, но в то же время все же был преисполнен твердой верой. Г-н председатель! Именно в этот период Турция под руководством Мустафы Кемаль-паши сделала свои первые шаги в области международных отношений, и эти первые шаги были обращены именно к вам. Именно вы оценили порыв нашей первой дружбы. Разве не естественно поэтому, что при нынешних обстоятельствах, в момент, когда все турки с энтузиазмом и радостью празднуют 10-летие эры развития мира и благополучия, которая открывается перед ними, в восторженных речах, произносимых в этом городе, ставшем оплотом сопротивления и обновления, звучат слова нерушимой и искренней дружбы по отношению к Советскому Союзу:

«Привет нашим друзьям! Добро пожаловать!»

Эта дружба, прекрасный момент зарождения которой я охарактеризовал, не остановилась на этом. Общие интересы обеих стран, их идеалом в стремлении к миру и согласию закрепили эту дружбу. Мы видели, как на протяжении 13 лет, истекших после первых шагов наших дружественных отношений, эта дружба продолжала развиваться и настолько упрочилась, что между обеими странами установилось счастливое сотрудничество к величайшему благу народов Турции и Советского Союза. Ваше высокое присутствие среди нас является самым ярким доказательством тесного единения обеих стран.

Позвольте мне выразить Вам всю ту радость, которую я испытываю, видя Вас в Анкаре за этим столом, в этой дружественной атмосфере. Приветствую и вас, руководители политики великой соседней страны! Вы подарили нам свою дружбу. Мы отвечаем вам такой же дружбой, преисполненной той же силой, той же искренностью и той же верой в будущее турецко-советских отношений. Я считаю своим приятным долгом обратиться здесь с сердечным приветом к нашему старому другу Карахану, которого мы счастливы принять во второй раз в Анкаре *.

Наши отношения, основанные на взаимном понимании наших реальных интересов и на полном взаимном уважении к созданному в каждой стране строю, должны были естественно развиваться в направлении еще более тесного сближения, еще более искреннего и плодотворного сотрудничества. За 13 лет турецко-советских отношений не было ни одного такого момента, когда бы в этих отношениях наблюдалась какая-либо заминка или когда бы эти отношения омрачались недоверием одной стороны по отношению к другой. Можно ли себе представить более прекрасный

* См. т. XII, док. № 376.

пример дружбы и искренности в отношениях между народами? Можно ли указать какое-либо другое более прекрасное достижение в интересах укрепления мира, чем наше тесное сотрудничество? Ваша высокочтимая личность, Ваши заслуги перед дружественной нам страной, Ваша выдающаяся личность, которая блещет на фоне столь великих и прекрасных дел. Вы, как один из наиболее славных деятелей революции. Вы побуждаете меня сказать Вам, что Турция чувствует всю полноту той дружбы, которая ныне засвидетельствована Советским правительством самим фактом Вашего приезда и всю глубину которой Турция стремилась засвидетельствовать посещением Москвы нашими представителями в прошлом году *.

И какие незабываемые воспоминания остались у меня и у всех нас о Москве. С каким энтузиазмом были встречены там наши заверения в давно уже всем известных чувствах Турции к Советскому Союзу. Я не могу забыть ни на одно мгновение достижения вашей великой страны, достижения, которые я наблюдал своими собственными глазами в области грандиозного строительства в экономической, промышленной, сельскохозяйственной и культурной сферах деятельности. При воспоминании о Москве в первую очередь встает величественная фигура Сталина. И лучшее, что я могу сделать здесь, это выразить ему свое восхищение вместе с чувством братской дружбы Правительства Республики.

Ваш визит совпадает с моментом, когда мы преисполнены волнением перед нашим славным прошлым и верой в наше будущее. Какое более прекрасное свидетельство дружбы я могу Вам дать, чем заверение в том, что мы в равной мере воодушевлены прекрасным прошлым турецко-советской дружбы и тем прекрасным будущим, которое ее ожидает. В сознании незыблемой силы и с верой в будущее этой дружбы я поднимаю свой бокал за здоровье т. Калинина, за счастье и благоденствие народов Союза Советских Социалистических Республик. За здоровье всех членов делегации, за здоровье т-жи Ворошиловой, Бубновой, Буденной, согласившихся посетить нас, и за здоровье всех Ваших спутников. Я пью за турецко-советское сотрудничество и за великую нерушимую советско-турецкую дружбу».

328. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Президенту Турции Мустафе Кемалю

28 октября 1933 г.

Я счастлив поздравить Вас с днем 10-летия Турецкой Республики, которое является исторической датой в развитии новой Турции. Центральный Исполнительный Комитет Советского Союза назначил специальную делегацию, возглавляемую Народным комиссаром по военным и морским делам и Председателем Революционного Военного Совета Ворошиловым, для участия в этом знаменательном празднике турецкого народа.

Внимательно следя за успехами хозяйственного и культурного строительства дружественной Турции, я рад приветствовать в день 10-летия Турецкой Республики в Вашем лице вождя, доблестное и дальновидное руководство которого обеспечило молодой Турции победу в тяжелые годы борьбы за неза-

* См. т. XV, док. № 205, 239.

висимость и дальнейшие победы на фронте экономики и культуры.

Я убежден, что 10-летие Турецкой Республики станет новым этапом в дальнейшем развитии и укреплении неизменной дружбы народов СССР и Турции.

Председатель Центрального Исполнительного
Комитета СССР
Калинин

Печат. по газ. «Известия»
№ 265(5136), 29 октября 1933 г.

В ответной телеграмме Мустафы Кемаля М. И. Калинину от 5 ноября 1933 г. говорилось:

«С живым удовольствием я получил телеграмму, которую Вы соблаговолили направить мне по случаю 10-летия Республики. Чуткое внимание Центрального Исполнительного Комитета великой дружественной страны, пославшего для участия в наших празднествах делегацию, возглавляемую такой выдающейся личностью, какой является г. Ворошилов, нас живо тронуло. Радость, которую мы переживаем в эти дни великого праздника, была умножена присутствием рядом с нами наших друзей. Следя с первых дней с живым интересом за большими успехами, достигнутыми великой соседней и дружественной страной во всех областях экономического, индустриального, сельскохозяйственного и культурного развития, я принимаю с признательностью слова, которыми Вы определяете успех в наших задачах и мое личное участие в реализации дела перестройки. Равным образом я убежден, что десятая годовщина нашей Республики, празднуемая с блестящим и сердечным участием делегации СССР, послужит все к большему укреплению нерушимой турецко-советской дружбы. Шлю Вам мою благодарность и самые искренние пожелания процветания народов СССР».

329. Из дневника Народного Комиссара Иностранных Дел СССР

Берлин, *
28 октября 1933 г.

По приглашению Нейрата имел с ним в аусамте получасовой разговор. После обмена обычными любезностями разговор сразу перешел на тему о журналистах **. Я выразил удивление по поводу связывания с коммюнике [252] требования о допущении в Москву представителей «Фёлькишер беобахтер» и «Ангриф». Я разъяснил, что из такого требования неизбежно будет сделан вывод, будто мы раньше отказывали в допущении этих журналистов, чего на самом деле не было, так как мы никогда не получали никаких предложений на этот счет. Не можем мы также допускать вывода, будто мы делаем какие-то уступки в качестве компенсации за исправление немецкой некорректности в исключении наших журналистов из [Лейпциг-

* М. М. Литвинов находился в Берлине проездом в США.
** См. также док. № 293, 296, 300, 301.

ского] процесса. Я при этом рекомендовал Нейрату не связывать с коммюнике никаких требований. Я добавил, что если после ликвидации конфликта будет нам предложено пустить представителей фашистских газет, то мы рассмотрим этот вопрос в обычном порядке, оставив за собой, конечно, право персональных отводов. Я в шутку добавил, что если предложат Розенберга, то мы обсудим, где он нам будет вреднее — в Берлине или в Москве. Нейрат неожиданно заявил, что мое сообщение является для него новостью и что он находился под впечатлением, будто мы раньше отказывали в допущении представителей вышеуказанных газет. Раз это не так, то он действительно не видит надобности связывать с коммюнике этот новый вопрос. Тов. Хинчук напомнил ему, что он уже раньше указывал на отсутствие в прошлом какого-либо отказа с нашей стороны.

Я напомнил Нейрату, что предполагаемое разрешение конфликта не дает никаких гарантий неповторения их в будущем и что минимальной гарантией было бы публичное извинение и публичное же сообщение о наказании виновных. Нейрат, густо покраснев и утратив на минуту самообладание, с волнением заявил, что мы не можем ожидать от германского правительства подобных публичных манифестаций, тем более что за лейпцигский арест уже дважды публично выражено сожаление[226]. Кроме того, мы сами будто бы не делаем этого никогда в аналогичных случаях. Он стал развивать известную уже нам немецкую аргументацию о неизбежности после революции актов недисциплинированности властей и некоторых эксцессов, что этих эксцессов становится все меньше и меньше, что такие же явления имели место после нашей революции и т. д. Я на это возразил: 1) у нас действительно была коренная революция, и весь государственный аппарат был сломан и заменен новым, чего нет в Германии; 2) мы после революции находились в войне с большинством стран, и отношения были прерваны со всеми странами; между тем германский переворот имел место в мирное время при сохранении нами дружественных отношений с Германией; 3) мы не останавливаемся никогда перед публичным указанием на неправильные действия местных властей в тех случаях, когда мы сами эти неправильности признаем; я привел в пример случай наказания наших таможенников за осмотр багажа турецкого посла; 4) я не вижу никаких иных способов удерживания немецких местных властей от эксцессов, кроме публичного неодобрения центральной властью допущенных ими неправильностей.

После этого мы заверили друг друга в стремлении наших правительств к поддержанию хороших отношений, причем коснулись взаимоотношений с Францией и Польшей. Я отметил, что мы так же, как и Германия, будем стремиться к дальней-

шему сближению с этими двумя странами. Я в шутку добавил, что наше расположение к Франции и Польше будет повышаться по мере роста любви Германии к ним. Нейрат ответил, что он не возражает против такого рода «конкуренции». Он высказал пожелание о занятии поста министра иностранных дел Франции Даладье, с которым немцы легче сговорятся, чем с Поль-Бонкуром. Мои пророчества о приходе к власти в дальнейшем Эррио не привели в восторг моего собеседника. Нейрат не понимает-де, почему Эррио так боится Германии, настроенной весьма мирным образом. Я пытался объяснить этот страх двойственностью немецкой агитации: для внешнего мира произносятся речи о миролюбии, и в то же время страна явно воспитывается в духе милитаризма и глорифицируется война; германские официальные агитаторы при каждом удобном и неудобном случае говорят о своих прошлых и возможно будущих заслугах по борьбе с большевизмом, имея, может быть, в виду внутреннюю политику, но за границей и в СССР это понимается как предложение услуг по искоренению большевизма и вне границ Германии. Политические деятели должны учитывать не только вкладываемые ими в свои слова понятия, но и их объективный смысл и восприятие их внешним миром.

На мой вопрос о правильности слухов о предстоящей поездке его в Турцию Нейрат ответил, что раньше весны он туда не собирается.

Пожелав мне успеха в Америке, Нейрат на прощание спросил, можно ли дать коммюнике в печать. Я тут же предложил т. Хинчуку обождать ответа из Москвы. Нейрат сказал, что он не торопится и готов ждать.

После нашего ухода мы позвонили в аусамт, чтобы о нашей беседе не давалось никаких несогласованных со мною сообщений в печать. Нам ответили, что предполагается сообщить лишь о факте моего визита. Это обещание действительно было выполнено.

Принимал американских журналистов Берлина. Объяснил им, что немало их коллег выразили желание сопровождать меня до Вашингтона, в очевидной надежде получать у меня в дороге интервью, что я таковых давать не намерен и что энергия и деньги будут, таким образом, затрачены журналистами понапрасну. Чтобы избавить их от разочарования, я решил не давать им никаких сведений о своем передвижении. Я ничего не имею против того, чтобы они очутились на одном пароходе со мною, если только я сам не буду их поощрять и совесть моя будет чиста. Последовали некоторые незначительные вопросы, на которые я давал ответы.

Несколько дольше задержался у меня представитель Херста Виганд. Он в течение многих лет поддерживал хорошие отношения с Гитлером, но со времени прихода его к власти

перестал у него бывать. Вчера Гитлер сам пригласил его к себе и имел с ним продолжительную беседу не для печати. Гитлер произвел на Виганда впечатление крайне экзальтированного человека, не считающегося ни с какими реальностями и трудностями и готового пойти напролом. Гитлер даже говорил о подготовке субститутов некоторых импортируемых товаров на случай блокады. Он готов бороться со всем миром. Немножко пугает его возможность немедленного вторжения французов. Но каждый день отсрочки является для него ценным выигрышем. Он рассчитывает, что Англия и Америка в борьбу вмешиваться не будут, а Муссолини также не пойдет против него. Виганд говорил, что ушел от Гитлера в угнетенном настроении, с сознанием неизбежности столкновения в ближайшем будущем, если Гитлер действительно осуществит программу, о которой он говорил. Так как нет никаких оснований думать, что Виганд сообщил мне это с какой-либо определенной целью, то нужно полагать, что беседу с Гитлером он не выдумал и не исказил. Вряд ли можно допустить, что Гитлер сознательно говорил это Виганду для передачи другим, ибо никакой пользы Германии от оглашения подобных бесед не будет.

Литвинов

Печат. по арх.

330. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Нежедленно.
28 октября 1933 г.

Прием, оказанный нашей делегации в Стамбуле, превзошел все мои ожидания. За все 10 лет своего пребывания здесь я ничего подобного не видел, и не только в отношении иностранных гостей, но и турецких деятелей, за исключением, пожалуй, одного Кемаль-паши. Я не стану останавливаться на протокольных моментах, вам уже достаточно известных из телеграмм ТАСС. Если бы дело ограничилось положенной по протоколу официальной пышностью и торжественностью, то это ничего бы не говорило. И не это характерно во вчерашнем стамбульском дне. Ворошилова и его спутников принимали в Стамбуле не как знатных иностранцев, приехавших с официальным визитом к правительству, а как посланцев народа к народу. Это сказалось также в необычном для местных условий широком участии населения во встречах, начиная со входа парохода «Измир» в Босфор и кончая демонстрацией при отъезде делегации. Несомненно, эти демонстрации не обошлись

без организующей руки сверху, но наличие их доказывает желание турецкого правительства придать встрече нашей делегации максимально торжественный и массовый характер. Организовать движение было бы к тому же невозможно, если бы в массах не было сильной симпатии к нам.

Сурц

Печат. по арх.

331. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

29 октября 1933 г.

Альфан пришел, по его словам, чтобы возобновить контакт после моего отпуска.

В начале разговора я упомянул о положительных фактах в области франко-советских отношений, которые имели место за время моего отсутствия: о приезде Эррио[148], с которым я встретился лишь в первый день его пребывания в Москве, и о приезде Пьера Кота[218]. Приезд Эррио, кроме того, дал возможность Альфану познакомиться с несколькими районами европейской части нашего Союза. В ответ Альфан вместе с целым рядом любезностей не преминул подчеркнуть политическую роль Эррио. Что же касается ознакомления с СССР, то он тут же сообщил о своем намерении будущей весной предпринять поездку по Уралу.

Ссылаясь на запрос, сделанный ему т. Литвиновым по поводу имеющихся сведений о деятельности в Маньчжоу-Го представителей французского капитала, в частности некоего Доливье[233], Альфан заявил, что, по полученным им из министерства указаниям, деятельность эта носит частный коммерческий характер и что Доливье действует за счет некоторых частных фирм. Он передал мне короткую записку в этом же смысле.

Затем он перешел к вопросу о франко-советском воздушном сообщении. Я сообщил ему о нашем положительном отношении к созданию прямой воздушной связи между Москвой и Парижем. Я вместе с тем сообщил, что просьбу его поддержать перед поляками идею тройственной организации этой линии мы выполнили, а именно, что накануне т. Стомоняков говорил в этом смысле с Лукасевичем[210], но что я не считаю нужным скрывать полученное при этом впечатление об отрицательном отношении поляков к такого рода соглашению. Я подчеркнул, что не могу приписывать этому впечатлению окончательное значение, и спросил Альфана, каковы в этом отношении сведения, которые он, быть может, имеет от фран-

пузского посольства в Варшаве. Альфан на это заявил, что ему Лукасевичем было обещано встретиться и переговорить по этому предмету после вчерашнего заседания с т. Уншлихтом *, однако, добавил он с оттенком некоторой обиды, заседание, вероятно, затянулось, так как он Лукасевича вчера так и не дождался. Что же касается зондажа в Варшаве, то Альфану известна лишь инструкция, данная его варшавскому коллеге, поставить этот вопрос перед польским правительством, но о результатах он не осведомлен и по получении этих сведений сообщит их нам дополнительно.

Относительно возможных форм организации линии Альфан чистосердечно признался в неимении каких-либо определенных пожеланий с французской стороны. Ему лично мыслятся три формы, о которых, между прочим, в свое время ему говорил и Шомье в бытность его здесь:

1) система отдельных отрезков, обслуживаемых каждый самостоятельно авиацией соответствующей страны;

2) обслуживание всей линии поочередно аппаратами каждой из трех заинтересованных стран и

3) создание смешанного советско-франко-польского общества.

Какую из трех форм следует предпочитать, Альфан не знает, и единственное, чему он придает значение, это тому, чтобы французская сторона не была отстранена от переговоров обо всем этом деле, чтобы она не была поставлена перед «фэт а компли» **. По существу же дела необходимо, чтобы полеты были согласованы так, чтобы позволить совершать путь от Парижа в Москву в один день, при этом не через Берлин, а через Прагу.

На мой вопрос, означает ли это отход французов от той позиции, которую, казалось, они занимали до сих пор в данном вопросе и которая заключалась именно в их желании быть привлеченными к тройственной организации воздушной линии, Альфан снова заявил, что считает этот вопрос техническим и что главное, что его интересует, это, чтобы все дело не было закончено между нами и поляками без участия французов в переговорах.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

---

* Начальник Главного управления гражданского воздушного флота СССР.

** — совершившимся фактом *(фр.)*.

332. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Парижа

31 октября 1933 г.

Сегодня был у Бонкура по его приглашению. Разговор носил более дружественный характер, чем когда-либо раньше. На его вопрос, хотим ли мы продолжения работы по разоружению или же прекращения с возложением ответственности на Германию, я сказал, что продолжение неизбежно натолкнется на отказ Японии от какого бы то ни было сокращения и что нам безразлично, падет ли ответственность на одну Германию или только на Японию, и решает Франция, что ей выгоднее. Бонкур отнесся весьма одобрительно к высказанной мной мысли о желательности в самом начале работ Бюро или Генеральной комиссии выявить принципиальное отношение всех главнейших стран, хотя бы к условному сокращению вооружений и хотя бы в пределах плана Макдональда*. В случае отрицательного ответа Японии или других стран можно будет констатировать невозможность дальнейшего продолжения работы с возложением ответственности на соответствующие страны. При обсуждении же деталей можно выявить много разногласий, и вопрос об ответственности будет затуманен. Бонкур вновь говорил о необходимости подумать нам и Франции о контрмерах в случае вооружений и подготовки Германии к войне, причем упоминал несколько раз о взаимной помощи в дополнение к пакту о ненападении. Я сказал, что нам приходится думать не только о Западе, но и о Востоке и что Франция должна быть заинтересована в том, чтобы у нас не было осложнений на Востоке. Сошлись на том, что он и я будем думать о возможных способах сотрудничества. Затем Бонкур заговорил о якобы состоявшемся между нами и Котом в Москве соглашении, сославшись на разговоры Мендраса с Ворошиловым**. Он затем уточнил, что эта миссия должна дать нам просимую техническую помощь, между прочим, на постройку истребителей и подводных лодок. Мы с Довгалевским указывали, что имеется в виду сперва послать наших людей во Францию, что детально обо всем этом еще не говорилось, и поэтому рекомендовали задержать уже собирающуюся к отъезду военно-гражданскую авиационную миссию до возвращения Ворошилова в Москву и уточнения взаимных намерений в этой области.

Перечислил Бонкуру также пункты расхождения по торговым переговорам с оговоркой, что мы с ним этих вопросов сейчас не разрешим и что Гуревич ждет инструкции из

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 87—92.

** См. стр. 618.

Москвы; я особенно подчеркивал важность вопроса о предварительном исполнении. Бонкур согласился, что необходимо переговоры ускорить и закончить. Подробней о беседе, продолжавшейся свыше часа, сообщит вам Довгалевский *. Мое мнение, что на формальном включении торгпредства в состав полпредства настаивать не следует, ибо для нас это серьезного значения не имеет, и уступка здесь облегчит получение более важных для нас контруступок **.

Литвинов

Печат. по арх.

333. Письмо члена Коллегии и заведующего Экономической частью Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Б. Е. Штейну

31 октября 1933 г.

Получив Ваше сообщение о предполагаемом запрещении ввоза в Финляндию советского леса[254], а затем телеграмму, переданную по линии ТАСС, о том, что лапуасская секция внесла соответственный законопроект в сейм, мы подвергли внимательному обсуждению весь этот вопрос совместно с Наркомвнешторгом. Мы решили немедленно реагировать на попытки некоторых финских кругов создать новые затруднения в советско-финских отношениях, руководствуясь при этом не только соображениями нашей политики в Финляндии, но и соображениями более общего порядка. Вы совершенно правильно связываете попытки ударить по нашему лесоэкспорту в Финляндию с английской политикой в Финляндии. Вы, конечно, знаете по прессе, что еще на Мировой экономической конференции канадская делегация выступала с резкими нападками на наш лесной экспорт. Канадский премьер Беннет в течение всего своего пребывания в Лондоне оказывал серьезнейшее давление на английское правительство в сторону принятия каких-либо мероприятий против нашего лесоэкспорта путем применения статьи 21 англо-канадского Оттавского соглашения. Перед самым отъездом в Канаду Беннет передал английскому правительству меморандум, формально предлагающий ввести ограничения для нашего лесоэкспорта. Практически Беннет предлагает:

1. Сократить ввоз нашего леса (путем его контингентирования) вдвое (примерно с 400 тыс. стандартов до 200 тыс. стандартов).

* См. док. № 337.
** См. док. № 429.

2. Запретить нам вводить в контракт оговорку о том, что мы будем давать скидки нашим покупателям в случае, если они по рыночным условиям вынуждены со своей стороны давать скидки.

3. Запретить вообще ввоз наших «слиперов».

В порядке организации международной акции против нашего леса англичане, по-видимому, оказывают давление и на финнов.

Со своей стороны финны, зная, что Англия является их лучшим рынком, который уже не склонен сейчас в условиях своей новой торговой политики покупать без компенсации, вынуждены искать эти компенсации. Англо-финский договор [255], явно благоприятный для Великобритании, продиктован этим стремлением. Однако совершенно очевидно, что даже и при режиме англо-финского договора баланс финско-английской торговли все же будет пассивен для Англии. Поэтому финны должны давать Англии дополнительные компенсации. В этом плане дополнительной компенсации, по-видимому, и находится лапуасский проект. С другой стороны, организация единого международного фронта против советского леса благоприятствует непосредственно финским интересам как мирового экспортера леса.

Учитывая международное значение этого вопроса, мы считали необходимым с самого начала в твердой форме дать понять финнам, что мы с акцией против советского леса не примиримся *. Мы считали необходимым проявить в этом деле тем большую твердость, что были уверены в том, что наша акция станет известной англичанам и подтвердит им нашу решимость отстаивать интересы нашего лесного экспорта на всех участках. Демонстрация такой твердости представляет для нас тем больший интерес, что нам в ближайшие дни придется разговаривать на тему о нашем лесоэкспорте с Англией в связи с упомянутым выше меморандумом Беннета.

Вопрос о советском лесоэкспорте в Финляндию представляет, впрочем, интерес не только под углом зрения общих проблем советского лесоэкспорта. Этот экспорт представляет для нас и известный экономический интерес. Мы ввозим в Финляндию кругляк и четвертые сорта пиломатериалов. За первое полугодие текущего года этих товаров вывезено примерно на 1 млн. руб. Наркомвнешторг предполагает в текущем году вывезти еще дополнительно на 2 млн. руб. На будущий год экспорт этих товаров намечен в размере примерно 5 млн. руб. Значимость этой цифры станет очевидной, если учесть, что весь экспорт в Финляндию в будущем году составит, вероятно, примерно 9 млн. руб. Правда, и финны весьма

* См. док. № 299, 302.

заинтересованы в ввозе нашего леса, который направляется для переработки на их заводах, расположенных на нашей границе. В этом районе в Финляндии лес уже вырублен, и поэтому прекращение наших поставок поставило бы соответственные заводы в затруднительное положение (для этих заводов кругляк является сырьем, а из пиломатериалов приготовляются ящики). Надо думать, что эти соображения также учитываются финским правительством, от имени которого Хакселль заверял, что законопроект лапуасцев не пройдет.

В Вашей телеграмме[254] Вы указывали в качестве аргумента с финской стороны для запрещения ввоза леса угрозу англичан требовать от финнов свидетельства о происхождении при ввозе их леса в связи с предполагаемыми против нас ограничениями. Этот аргумент совершенно несостоятельный. Финны вывозят наш лес уже после переработки. Переработка эта столь значительна, что, согласно общепризнанным таможенным правилам, переработанный лес считается не по стране первоначального происхождения, а по стране переработки. Характерно, что во время эмбарго весной этого года англичане на этом основании пропускали наш лес, идущий с мемельских лесных заводов. По этому поводу, как Вы помните, было сделано специально разъяснение в палате общин.

Заявление Хакселя свидетельствует о том, что финское правительство не намерено применить запрет против нашего лесоэкспорта и этим в серьезной степени подорвать советско-финские взаимоотношения. Тем не менее, принимая во внимание большое значение этого дела, просим Вас внимательно следить за прохождением лапуасского проекта в сейме и за теми закулисными переговорами и комбинациями, которые могут в связи с этим проектом возникнуть.

Член Коллегии
Б. Стомоняков
Зав. Экономической частью
Розенблюм

Печат. по арх.

334. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Б. Е. Штейну

31 октября 1933 г.

Английская активность в Финляндии, проявившаяся, в частности, в англо-финской неделе и в содержании подписанного англо-финского договора[255], который создает для Англии значительные преимущества на финском рынке, заслуживает самого внимательного наблюдения и изучения. Сам англо-финский договор, насколько можно судить по его содержа-

нию, пока затрагивает наши интересы лишь незначительно. Уголь мы вывозим в Финляндию в очень небольшом количестве и, по условиям географическим, не предполагали в значительном количестве вывозить и в ближайшем будущем. Из остальных номенклатур, перечисленных в англо-финском договоре, для нас представляет в основном интерес пшеничная мука. В прошлом мы были значительным экспортером этого товара в Финляндию. Англия, как известно, не имеет своего зерна и будет поставлять в Финляндию муку, переработанную главным образом из канадского зерна. Мы, конечно, не имеем формальных прав протестовать перед Финляндией в связи с тем, что она предоставила весь контингент ввозной муки Англии, но в очередном разговоре с Хакселем, не делая по этому поводу специального демарша, Вам следовало бы указызать, что мы несколько удивлены тем, что весь контингент ввозной муки предоставлен Англии, т. е. стране, не имеющей своей пшеницы, и что таким образом закрыта возможность ввоза этого продукта из СССР, который, как известно, является мировым экспортером и в прошлом был значительным поставщиком в Финляндию. Подобное заявление можно будет в будущем использовать при эвентуальных жалобах финнов на то, что мы из Финляндии недостаточно вывозим.

Усиление английской активности в Финляндии, в частности по линии экономической, ставит перед нами вопрос об усилении также и нашей экономической активности в этой стране. Наши возможности в этом направлении, как Вы знаете, в связи с общим сокращением импортного плана весьма ограничены. Тем не менее я имею в виду поставить перед правительством общий вопрос о нашей экономической политике в Прибалтике, учитывая, с одной стороны, английскую, а, с другой стороны, германскую экспансию. Было бы полезно, если бы Вы снабдили меня возможно большим и конкретным материалом об экономических позициях Англии и Германии в Финляндии.

Член Коллегии
Стомоняков

Печат. по арх.

335. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

31 октября 1933 г.

Не сообщал вам конкретных фактов приема делегации в Анкаре, поскольку этим были заняты представители нашей прессы. Сейчас отмечаю лишь основные штрихи и наиболее

характерные детали последних четырех дней. Высокоторжественный тон приема, взятый в Стамбуле, еще более повысился после прибытия делегации в Анкару. 27 октября — день обычных, вполне удачных приемов, на которых участвовали военные и дипломаты даже стран, обычно игнорирующих нас в Анкаре (Швейцария и Бразилия). 28 октября была устроена экскурсия в район расположения военных заводов в Кырыккале; после осмотра ряда построенных за последние годы заводов был устроен банкет с участием всей военной верхушки. Интерес к пребыванию Ворошилова среди дипломатического корпуса достиг высшего напряжения, и 28 октября вечером на прием к нам явилась масса народу, в том числе главы миссий, никогда у нас не бывавшие (посланники Румынии, Болгарии, Египта и другие). Параду 29 октября турки пытались придать возможно больше внешних черт сходства с нашими парадами. Отличительной от прежних лет чертой явилось участие в параде крестьянских отрядов и манифестирующих масс народа при большом количестве женщин. Вообще, день национального праздника прошел под знаком подчеркнутого участия Ворошилова. Вместе с Кемаль-пашой, Февзи и Исметом Ворошилов объехал войска, являясь одним из принимающих парад, что, будучи здесь явлением беспрецедентным, произвело ошеломляющее впечатление как на массу зрителей, так и на дипломатический корпус. Это впечатление дополнялось тем фактом, что, вопреки традиции прежних лет, обед глав миссий у президента на этот раз был отменен и заменен интимным обедом во дворце Кемаль-паши исключительно для руководства делегации и высших чинов турецкого правительства, в том числе и военных. Обед затянулся за полночь, причем в течение этого времени приглашенные на бал в Анкара-палас главы миссий томились в ожидании среди многочисленной толпы других приглашенных. Приехав на бал около часа ночи, Кемаль-паша вошел в зал под руку с Ворошиловым и проводил с ним все время. Пробыв на балу сравнительно недолго, Кемаль-паша вместе с нашей делегацией уехал на другие балы в Дом армии и Народный дом. Всюду произносил речи на тему о духовном единстве наших стран, восхвалял перед военными заслуги Ворошилова, отдал офицерам приказ объявить это по казармам, брал клятву в готовности умереть за общую идею обеих стран. Основным лейтмотивом его речей был тезис об общности интересов и необходимости идти вместе. На обеде во дворце хор по-русски исполнял «Интернационал» и советские песни. В числе присутствующих были демонстративно приглашенные Фетхи и другие лидеры бывшей оппозиции для демонстрации единодушия дружественных чувств к нам. Закончились подобные демонстрации около 6 часов утра. 30 октября в честь делегации состоялся

завтрак у председателя меджлиса с широким участием высших военных и их жен. Затем делегация присутствовала на торжественном открытии нового здания сельскохозяйственного института, причем ей был посвящен специальный абзац в речи Исмета по поводу открытия. Выдвинув нашу делегацию, турки совершенно оттеснили на задний план немцев, которые принимали большое участие в постройке института и явились на открытие в полном составе с Надольным* во главе. Затем после чая у Февзи в Доме армии руководители нашей делегации отправились в Дом имени Исмета, где состоялось совещание под председательством Кемаля. На совещании произошел обмен мнениями по вопросам внешней политики, и беседа велась исключительно в сердечных тонах. Между прочим, выяснилось, что волнующим турок вопросом является болгарская опасность, для предотвращения которой турки выдвигают идею балканского Локарно**. В дипкорпусе все происшедшие демонстрации оставили сильное впечатление, они истолковываются как фактическое установление военного союза, говорят о предстоящей широкой поставке нами оружия, допускают также нашу активную помощь по укреплению проливов. В общем внешний эффект визита превзошел самые оптимистические ожидания. По просьбе турок отъезд в Смирну из-за обилия демонстраций пришлось отложить до вечера 1 ноября. 1 ноября днем предстоит демонстрация в меджлисе, на торжественном открытии которого мы будем присутствовать.

Сурц

Печат. по арх.

336. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

1 ноября 1933 г.

На приеме у турецкого посла 30 октября был президент Лебрен. Со мной он очень ласково обошелся и довольно долго беседовал. Он с удовлетворением отметил растущий интерес французского общественного мнения к СССР и франко-советскому сближению, но добавил, что нужно время, ибо «трудно сразу повернуть отношения на 90 градусов».

На том же приеме де Монзи налетел на меня с литературной конвенцией, сказав, что у него уже есть полномочия на подписание и остановка только за нами. Я ему ответил, что

---

* Посол Германии в Турции.

** См. т. XV, прим. 106.

у меня нет еще полномочий, что вопрос сложнее, чем он думает, и нуждается у нас в междуведомственных соглашениях до внесения его в правительство. Де Монзи горячо просил меня поторопить дело [256].

Полпред

Печат. по авт.

337. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

1 ноября 1933 г.

Дополнение к телеграмме от 31 октября *. О взаимной помощи Бонкур говорил довольно настойчиво. Он подчеркнул, что время не терпит и что выработка формы взаимной помощи или другого вида сотрудничества должна измеряться неделями. Он вызвался продумать вариант и просил Литвинова заняться тем же. Далее Бонкур зачитал нам доклад Кота, в котором последний спрашивал согласия министра на посылку в СССР уже сформированной им военно-гражданской авиационной миссии. Бонкур добавил, что уже дал благоприятное заключение. Он зачитал также донесение Мендраса о беседе с Ворошиловым, который высказал пожелание, чтобы в СССР поехали специалисты по военно-морскому строительству **. Сопоставив это донесение с докладом Кота о беседе с Тухачевским, Бонкур заключил, что французское правительство сейчас изучает вопрос о посылке в СССР военно-морской миссии.

Мы с Литвиновым подчеркнули, что об авиационной миссии мы ничего не слышали, а в отношении тесного сближения в военно-морском строительстве у нас мыслилось, что (хотя беседа Тухачевского с Котом носила характер неофициального зондажа и не касалась деталей) в случае принципиального согласия французского правительства на техническую помощь в строительстве крейсеров и миноносцев послать советскую техническую комиссию во Францию для ознакомления с типами и характеристиками судов и заключения соглашения, в результате чего должно было последовать, между прочим, и приглашение к нам на работу французских специалистов.

В области торговых переговоров Бонкур изложил свою позицию в следующих вопросах: 1) французское правительство не сможет согласиться на формулу «торгпредство — часть или придаток полпредства»; 2) французское правительство не

* См. док. № 332.
** См. док. № 358.

может освободить торгпредство от применения предварительных арестов; 3) французское правительство настаивает на солидной гарантии, но непременно путем авала [по нефти], а по лесу, марганцу и углю — путем условного делегирования платежей; 4) французское правительство считает необходимым, чтобы мы выдали в счет 500-миллионного заказа серьезную сумму к моменту внесения торгового соглашения на одобрение парламента. Бонкур отказался от категорического утверждения, что торговое соглашение нуждается в парламентской ратификации, однако заявил, что дело не сможет обойтись без представления в парламент на одобрение. После заявления Литвинова о чрезвычайной важности неприменения предварительных арестов Бонкур заявил, что займется этим вопросом специально.

Полпред

Печат. по арх.

338. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота

6 ноября 1933 г.

Ваше Превосходительство,

Имею честь сообщить Вам следующее.

3 ноября к юго-западу от Владивостока на западном берегу Амурского залива, в районе Славянка — Барабаш, имели место полеты японских военных аэропланов, перелетевших через различные пункты на советскую территорию с радиусом углубления до 25—30 *км*. Общее число японских аэропланов, совершивших 3 ноября полеты над советской территорией, составило девять, в том числе восемь разведчиков и один бомбовоз.

Я уполномочен Правительством Советского Союза заявить решительный протест против этого грубого и беспрецедентного по своему характеру и масштабу нарушения советских границ, настаиваю на недопустимости подобных действий в дальнейшем, на срочном расследовании и привлечении к ответственности виновных за указанные перелеты.

Я выражаю твердую уверенность, что Японское Правительство не преминет предпринять реальные шаги для удовлетворения этого заявления [257].

Я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить Вашему Превосходительству заверения в моем высоком почтении *.

[*Юренев*]

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 274 (5205), 19 ноября 1933 г.

* См. также док. № 340.

339. Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителям американской печати

Нью-Йорк,
7 ноября 1933 г.

Я вступаю сегодня на территорию великой Американской Республики, сознавая выпавшую на мою долю честь первым принести привет американскому народу от народов Советского Союза в качестве их официального представителя, сознавая, что я в известном смысле пробиваю первую брешь в той искусственной преграде, которая в течение 16 лет мешала нормальному общению между народами наших двух государств. Цель моего приезда известна из опубликованного обмена посланиями между г. Рузвельтом и т. Калининым *. Отныне неиормальность положения, существующая в течение 16 лет, признана обеими сторонами, которые встали на путь практического устранения этого положения. Мы все знаем, что это положение не приносило пользы ни той, ни другой стороне, и чем скорее оно отойдет в область прошлого, тем лучше для всех.

Я подчеркиваю искусственный характер существовавшего до сих пор отчуждения, ибо на самом деле народы наших республик никогда не переставали следить с величайшими симпатиями и искренним расположением за их взаимным развитием.

Получив тяжелое наследство от мрачной эпохи русского царизма, сознательно державшего страну в состоянии отсталости и невежества, и поставив себе задачу на развалинах семилетней войны построить новое государство на новых общественно-экономических принципах, народы нашего Союза не могли не вдохновляться примерами и методами подчинения сил природы нуждам человека, которые позволили американскому народу в сравнительно короткий срок создать самое мощное, технически прогрессивнейшее государство, обогнав более старые континенты. В моей стране особенно популярны такие выражения, как «американская техника», «американские темпы», «американский размах» и «американская практичность». Немало ваших соотечественников помогало нам в осуществлении наших строительных задач, принесло нам свой ценный американский опыт, а некоторые достижения этого строительства связаны с именами представителей американской техники и промышленности.

О большом интересе Америки к нашей стране свидетельствуют также многочисленные посещения нашей страны виднейшими представителями американской науки, техники и ис-

---

* См. док. № 315.

кусства и большое количество книг, посвященных Советскому Союзу в Соединенных Штатах Америки. Все это указывает на наличие прочной базы для научного, культурного и экономического сотрудничества в интересах обеих стран.

Вопреки отсутствию между нами официального контакта, наши страны чувствовали и чувствуют, что их объединяет общее стремление к миру. Параллельными линиями шли усилия обоих государств по охранению этого мира, но отсутствие обычных способов нормальных сношений мешало объединению этих усилий и вырастанию из них того мощного фактора, который мог бы стать одной из прочнейших гарантий мира. Отклики с разных концов света со времени обнародования посланий наших президентов доказали, какие надежды связывают друзья мира и какое разочарование испытывают его враги при мысли об установлении прочных дружественных отношений между народами двух величайших республик мира.

Перечисленные мною обстоятельства позволяют мне питать наилучшие надежды в отношении возложенной на меня миссии и будущего советско-американских отношений. Ведь в сущности речь теперь идет лишь о том, чтобы, так сказать, легализовать и дать официальное выражение тому естественному взаимному тяготению двух наций, не знавших споров между собою в прошлом и не имеющих никаких поводов к ним в будущем, о признаках которого я только что говорил. Моя задача облегчается также теми обстоятельствами, что предстоящему моему обсуждению с вашим президентом некоторых вопросов предшествуют многочисленные примеры установления нормальных отношений мирного сотрудничества между Советским Союзом и другими странами и что позиция Советского правительства в этих вопросах заранее хорошо известна.

Тот сочувственный отклик, которым встречена была инициатива президента Рузвельта американской печатью и американской общественностью, позволяет мне рассчитывать, что американская печать в вашем лице не откажет в своем сочувствии и своем содействии дальнейшим шагам по завершению установления советско-американских официальных отношений, которые могут явиться результатом моих совещаний с вашим президентом. Я заранее благодарю вас.

Печат. по газ. «Известия»
№ 274(5265), 10 ноября 1933 г.

340. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

Немедленно
7 ноября 1933 г.

Прочтя мою ноту *, написанную по-английски, Хирота сказал, что он имеет телеграмму из Владивостока, сообщающую о разговоре между агентом НКИД и вр. и. д. японского консула по этому же поводу. МИД навел справки и выяснил, что действительно два японских военных аэроплана в погоне за бандитами перелетели на советскую территорию на расстояние 2 км от границы. Агент НКИД говорил о 6 аэропланах, в нашем заявлении идет речь о 8 разведчиках. Я ответил, что мне ничего не известно о разговоре во Владивостоке. Наши же сведения точные. К этому я добавил, что случаи нарушения нашей территории не единичны и что поэтому я много раз делал представления японскому правительству [258]. Хирота сказал, что расследует инцидент до конца и даст мне подробный ответ [257]. Затем он заговорил об опубликовании нами известных документов **, указав, что это обстоятельство произвело очень неприятное впечатление на японцев. Кроме того, он выразил сожаление по поводу того, что мы не ознакомили его с документами до их опубликования. Я ответил, что 28 сентября, когда мы впервые заговорили о документах ***, он отнесся к этому совершенно равнодушно и, видимо, не принимая всерьез наше заявление, тут же, во время беседы со мной, составил ответ на наши демарши от 22 и 28 сентября ****. Высказав сожаление о том, что наши отношения осложнились, Хирота сказал, что сейчас самым важным вопросом является вопрос о КВЖД. Кроме того, он считает, что вообще необходимо оздоровить атмосферу в отношениях между обеими странами. Как на пример подобных «оздоровлений», Хирота указал на решение Америки увести атлантический флот, находящийся сейчас в Тихом океане, обратно в Атлантику, что произвело на японское общественное мнение прекрасное впечатление. СССР поступает наоборот и увеличивает свои вооружения на Дальнем Востоке, что не может не оказывать дурного впечатления на Японию. Я ответил, что так же, как и он, стою за срочное решение вопроса о КВЖД, но что для этого необходимо, чтобы японское правительство добилось создания на дороге нормальной обстановки, позволяющей вести переговоры о продаже. Что касается американского флота, то он уплывает в Ат-

* См. док. № 338.
** См. док. № 314.
*** См. док. № 305, 306.
**** См. док. № 295, 305.

лантический океан лишь весной будущего года. К тому же японские морские круги считают, что это временные меры и что флот всегда может приплыть обратно. В ответ на указание Хирота относительно наших вооружений я указал на открытую подготовку известных влиятельных кругов Японии к войне с нами, на возможность для Японии перебросить в короткий срок целые армии в Маньчжурию, на проектируемые к нашим границам железные, шоссейные, автомобильные дороги, имеющие явно стратегическое значение. К этому я добавил, что мы хотим жить с Японией в дружбе, предложив ей пакт *. Если Япония готова к заключению его, то мы приветствовали бы Японию. Дорогу за бесценок не продадим, и маньчжурских угроз захвата дороги не боимся. Хирота удивленно заявил, что мы слишком переоцениваем подготовку Японии к войне, что нам нужно понять друг друга и добиться восстановления нормальных отношений. На мой вопрос, как он полагает этого достичь, Хирота ответил, что надо решить вопрос о КВЖД, т. е. возобновить переговоры, не считаясь с «побочными обстоятельствами», под которыми он подразумевает события на КВЖД. Я повторил ему наши аргументы. Хирота указал, что арест — дело уголовное, и пытался отослать меня, как и в беседе 21 сентября, к Охаси[259]. Я ответил, что Маньчжоу-Го должно освободить арестованных и создать нормальное положение на дороге. Хирота ответил, что ему будет трудно что-либо предпринять, если мы останемся на этой позиции, что его положение очень деликатно. Я сказал, что понимаю это, но что при желании можно преодолеть все препятствия и что мы со своей стороны, возможно, не сделали бы его уступки предметом широкого газетного обсуждения. Хирота повторил свое прежнее заявление и просил нас подумать о том, что он говорил сегодня — не преувеличивать опасности войны и не быть слишком подозрительными.

Полпред

Печат. по док.

341. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона

8 ноября 1933 г.

Начав с заявления на утреннем заседании, что Америка хочет установить с нами официальные отношения и обеспечить безоблачное будущее этим отношениям, с тем чтобы оба правительства могли повести за собой другие страны, Хэлл ** перешел к следующим вопросам:

---

* См. док. № 2.

** Государственный секретарь США.

1. О религии. Мы не должны обманывать себя благоприятными нам статьями в газетах, ибо не знаем многочисленных обращений к правительству противников признания. Президент находится в трудном положении, он должен считаться как с выборами в конгресс, так и с президентскими выборами и не может поэтому игнорировать ни одной части общества. Правильно или неправильно, Америка находится под впечатлением, что религия у нас преследуется, и поэтому он хотел бы знать, какие мы можем дать гарантии на этот счет. Я подтвердил, что мы тоже не можем ограничиться формальным обманом себя, а хотели бы углубления отношений в стремлении к общему идеалу сохранения мира. Внутренний режим в разных странах получает все большее разнообразие, и мы имеем страны, тянущие обратно к средневековью, и страны наиболее прогрессивные. Мы явили бы плохой пример миру, если бы стали вмешиваться в режимы и диктовать те или иные изменения. Законодательство о религии является внутренним делом каждого государства. Сведения о преследовании религии в Союзе являются плодом односторонней пропаганды, дезинформации и клеветы. Если бы Америка имела посла в Москве, то могла бы запросить его и получить официальный ответ, который рассеял бы все вздорные слухи. Я не могу, однако, в каком-либо официальном документе или заявлении даже касаться этого чисто внутреннего вопроса, тем менее делать его вопросом международного обязательства. После длительного спора на эту тему Хэлл сошел со своей позиции и заявил, что он ожидает, по крайней мере, получить гарантию религиозной свободы для американцев в Союзе, без чего восстановление отношений невозможно. Я ответил, что положение американцев в отношении религии будет такое же, как наших собственных граждан и других иностранцев. Если он меня спросит, каково это положение, то я отвечу, что оно обеспечивает свободу религии всем. Ни одно правительство никогда не жаловалось нам по этому поводу, и вряд ли Америка получила жалобы от многочисленных американцев в Союзе. Никакого привилегированного положения мы для иностранцев создавать не будем, и никакими обязательствами на этот счет я связывать себя не намерен.

2. Правовое положение американцев. Будут ли американцам в случае ареста обеспечены необходимые гарантии в смысле выбора защитников, освобождения на поруки и т. д. Я вновь сослался на равенство перед законом собственных и чужих граждан и на неприемлемость создания привилегий.

3. Денежные претензии. Оставление вопроса открытым в подражание другим странам не удовлетворит американское правительство, которое и в этом случае хочет иметь пока что немедленное, хотя бы частичное разрешение вопроса. Я напом-

нил ему о наших контрпретензиях, указал на сложность вопроса, на прецедент, на необходимость формулы, которая отослала бы вопрос к будущим переговорам. Если желательно немедленное разрешение вопроса, то оно возможно лишь путем взаимного отказа от всех претензий по примеру Рапалло *. Хэлл отметил несправедливость наших контрпретензий за интервенцию, так как присутствие американцев вынудило Японию к эвакуации Владивостока. Я напомнил о прибытии японцев во Владивосток с согласия Америки, принявшей, таким образом, ответственность и за все дальнейшее, а кроме того, об Архангельске. Завязался длительный спор, из которого выяснилось, что Америка добивается нашего отказа хотя бы от части контрпретензий, взамен чего она, вероятно, готова была бы отказаться и от части своих претензий.

4. Пропаганда. Требование ответственности за Коминтерн, и мое решительное отклонение **. На этом заседание, длившееся 2 часа, было прервано, и мы отправились в Белый дом на завтрак ***.

Литвинов

Печат. по арх.

342. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона

8 ноября 1933 г.

За завтраком мы говорили с Рузвельтом на разные темы. Хэлл, вероятно, сообщил ему о сделанном мною утром замечании о наличии двух источников военной опасности, и Рузвельт, заведя разговор на эту тему, сам расшифровал, что этими источниками являются Япония и Германия, стремящиеся к захвату чужих земель. Он подчеркнул, что мы находимся между этими опасностями, но что вместе с Америкой мы могли бы, может быть, эти опасности предотвратить. После завтрака Рузвельт, отпустив всех гостей, оставил Хэлла и меня. Мы оба рассказали ему об утреннем заседании ****. Рузвельт, естественно, защищал позицию Хэлла, подробно рассказав о нажимах на него с разных сторон, о требованиях, которые выставили католический кардинал и евангелическая церковь. Ему удалось на время успокоить всех наших противников и заставить их занять выжидательную позицию. Ему нужно успокоить их чем-нибудь, иначе все эти враждебные нам силы вылезут вновь и атакуют его в конгрессе и в сенате. Он соглашался со

* См. т. V, док. № 121.
** См. док. № 383.
*** См. док. № 342.
**** См. док. № 341.

мной, что необходимо избегать требований, охарактеризованных мною как вмешательство в наши внутренние дела, признал, что сам всегда сомневался в моральном праве Америки на получение царских долгов и что интервенция в Архангельске ничем не оправдывается. Он конфиденциально рассказал мне, жалуясь на англичан, о последней фазе переговоров с ними, об отношении к долгам, предложениях, сделанных с обеих сторон. Он согласился с замечанием, что англичане, как и французы и другие, на войне заработали и поэтому могут платить, между тем как нам она ничего, кроме развалин, не принесла. Он предложил нам вновь обсудить все вопросы с министерством, чтобы найти формулу, которая дала бы удовлетворение противникам признания, а также найти формулу относительно Коминтерна, хотя и соглашался, что от нас нельзя требовать удаления его из СССР, сказав, что лучше всего перевести его в Женеву, где Лига наций. На мое замечание, что все эти вопросы совершенно ничтожны по сравнению с мировым значением восстановления отношений и сотрудничества между нами, Рузвельт ответил, что сознает важность вопроса, могущего означать разницу между войной и миром в 50 лет.

Литвинов

Печат. по арх.

343. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона

8 ноября 1933 г.

Мое общее впечатление, что Рузвельт, несомненно, стремится к восстановлению наилучших отношений, но что он действительно напуган противниками признания. Он подвержен влиянию и колебанию, чем и объясняется неожиданная отсылка меня для предварительных переговоров в госдепартамент *. Хэлл и его 4 помощника, неизменно присутствующие при переговорах, не стремясь к срыву, все же осложняют переговоры, используя враждебные нам материалы. Переговоры поэтому протекают туго, и после проведенных сегодня заседаний приходится констатировать расхождение сторон по всем вопросам. Предстоит еще разговор о торговле и о пшенице. Ускорьте ответ Наркомвнешторга.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. док. № 341, 342.

344. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом

8 ноября 1933 г.

8 ноября был у Нейрата по поводу девалоризации доллара. Я ему заявил следующее:

1. При переговорах, которые вели германские представители промышленности с г. Орджоникидзе в Москве и позже с гг. Пятаковым, Любимовым и Вейцером в Берлине в течение 1931—1932 гг.*, представители германской промышленности поставили требование, чтобы в некоторых случаях акцепты торгпредства СССР выставлялись не в германской, а в большинстве случаев в американской валюте. Несмотря на трудности, связанные с этим требованием для СССР — так как известно, что экспорт из СССР в Соединенные Штаты был и до настоящего времени мал,— торгпредство СССР все же пошло навстречу германским фирмам и фактически выставило в американской валюте в течение 1931—1932 гг. много акцептов, сообразно желанию немецких фирм. Многие из этих акцептов своевременно, аккуратно оплачены нами в американской валюте.

В настоящее время некоторые германские фирмы, после того как уже последовал платеж, предъявляют торгпредству СССР в Германии дополнительные претензии об уплате курсовой разницы и даже подвергают этот вопрос решению арбитражного суда, чтобы таким путем создать прецедент для будущего. Насколько посольство осведомлено, имеется уже две-три такие попытки обращения к арбитражному способу решения со стороны немецких фирм. Этот вопрос неподсуден германскому арбитражному суду.

Независимо от совершенной безосновательности вышеуказанных претензий германских фирм, самое третейское разбирательство имеет своей целью защищать и охранять только те условия, которые содержатся в каждой отдельной сделке. Вопрос же о курсовой разнице не находится ни в какой связи с условиями каждой отдельной сделки, а обусловливается течением и развитием мирового кризиса. Совершенно необъяснимо, как вопрос и следствие мирового кризиса могут быть разрешены германским арбитражным судом. Столь же мало этот вопрос может подлежать компетенции имперского суда. Хотя Советский Союз договором от 12 октября 1925 г.** признал право разбора германским судом конфликтов, вытекаю-

---

* См. т. XIV, док. № 70, 77, 79, 97, 114, а также т. XV, док. № 64, 106, 138, 443, 448, 484, 493.

** См. т. VIII, док. № 342.

щих из каждой отдельной деловой сделки, это признание, естественно, не подлежит никакому расширительному толкованию, тем более что здесь речь идет не о вопросе, связанном с отдельной сделкой, а касается мирового экономического вопроса, относящегося ко всем договорам, а не только заключенным в Германии.

Исходя из этого основного положения, суды многих стран, среди которых также и германские, стали на точку зрения номинализма во всех аналогичных случаях споров валютного характера в связи с обесценением многих валют (фунт равен фунту, рейхсмарка равна рейхсмарке, доллар равен доллару). Германские фирмы, которые сейчас предъявляют необоснованные претензии к торгпредству СССР в Германии, а равно и германские суды об этом осведомлены.

Отсюда следует, что вмешательство арбитражных судов или германского суда в эти вопросы, имеющие международное значение, ни в коем случае не могут быть признаны советской стороной и могут привести к весьма серьезным последствиям в отношении дальнейшего развития германо-советских экономических взаимоотношений.

Поэтому в связи с вышеуказанными валютными конфликтами необходимо немедленно приостановить возбужденные судебные дела.

Нейрат выслушал все это и сказал, что он не может мне возражать, что он считает мою исходную точку зрения правильной, но должен заняться этим вопросом. Я просил срочно это сделать[260].

2. Далее, я обратил внимание Нейрата, что в заметке ВТБ *, дементирующей интерпретацию иностранной прессы по поводу речи Геринга о нашей неплатежеспособности, зря отмечена иностранная пресса, ибо и вся германская пресса говорит о том же[261]. Кроме того, я обратил его внимание, что во «Франкфуртер цейтунг» от 6 ноября 1933 г. имеется цвишенруф ** Геринга — «лайдер!» *** на заявление Димитрова о том, что коммунисты правят шестой частью земного шара, а в [«Берлинер] локаль-анцейгер» имеется даже заявление Геринга, что во всех странах коммунисты преступны.

Нейрат сказал, что это — неслыханные заявления. Он обратил мое внимание, что Геринг относится к СССР с подчеркнутым расположением, что он много поработал над ликвидацией конфликта, но что он человек импульсивный и когда разгорячится, выходит из себя и сам не знает, что говорит. С ним

---

* Телеграфное агентство Вольфа.
** — реплика *(нем.)*.
*** — к сожалению *(нем.)*.

часто бывают такие казусы и на заседаниях кабинета. Сам Геринг, когда узнал по телефону от Нейрата о нашем протесте, просил дать дементи ВТБ.

Хинчук

Печат. по арх.

345. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Президенту Турции Мустафе Кемалю

9 ноября 1933 г.

Сердечно тронут Вашими поздравлениями по поводу XVI годовщины Октябрьской революции. Подводя итоги своим достижениям в области экономического и культурного строительства и успехам в деле политики мира, народы Советского Союза особенно горячо отмечают неизменную дружбу народа Турецкой Республики, которая под Вашим руководством достигла крупнейших успехов и на днях праздновала свое славное 10-летие.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР
Калинин

Печат. по газ. «Известия» № 274 (5205), 10 ноября 1933 г.

Эта телеграмма явилась ответом на следующую телеграмму Мустафы Кемаля от 7 ноября 1933 г.:

«В этот день, когда турки счастливы, что среди них присутствует делегация великой дружественной страны, я прошу Вас принять мои самые горячие поздравления по случаю XVI годовщины Октябрьской революции, а также самые искренние пожелания преуспеяния лично Вам и народам дружественного Союза».

346. Заявление Главы советской правительственной делегации К. Е. Ворошилова представителям печати

Стамбул,
9 ноября 1933 г.

Визит в Турцию дал мне возможность получить живое и яркое представление о вашей стране, вашем народе и о тех выдающихся людях, которые во главе с Гази руководят его борьбой за лучшее будущее.

Мы с большим интересом наблюдали ваши достижения в культурной и экономической областях. То, что вы сделали в области культурного развития страны и освобождения женщины, то, что вы делаете для создания промышленности в вашей стране, которую султанский режим держал в состоянии

экономической и культурной отсталости, становится полностью ясным только тогда, когда собственными глазами увидишь вашу страну, познакомишься с ее проблемами и с тем, как вы разрешаете свои задачи.

В Анкаре мы имели возможность посетить ряд учреждений, школ и выставок, хорошо организованных и дающих богатый материал о ваших успехах в области промышленности, сельского хозяйства и культуры. Наряду с этим наше внимание было привлечено очень удачной организацией показа старого быта и старой школы путем создания на некоторых выставках специальных комнат, в которых великолепно воспроизведены образцы старого быта, так жестоко закрепощавшего женщину и затемнявшего народное сознание. На фоне этого прошлого особенно ярко выступают ваши успехи. О них легче всего судить по молодежи и детям. Ваша молодежь, которую мы видели в школах, на улицах, в стройных рядах на параде в Анкаре, оставляет незабываемое впечатление своей бодростью и организованностью.

Из того, что мы видели во время нашей интересной и поучительной поездки, я хочу особенно отметить ваши новые школы, которые я видел в вашей столице и других городах. Я имею в виду не только прекрасные здания, которые вы строите для школ. Но насколько позволило время, я постарался познакомиться с методами преподавания и работами школьников. Они свидетельствуют не только о том, что вы хорошо ставите дело народного образования, но и о том, что вы достигаете значительных результатов.

Коммерческое училище в Анкаре, сельскохозяйственные школы в Измире и Бурсе, которые мы посетили, показались нам особенно интересными. Наша делегация видела также отдел народных школ на выставке в Анкаре и затем осмотрела в одной из деревень под Измиром сельскую школу. По нашему впечатлению, в области начального образования, где перед вами, может быть, стояла самая трудная и важная задача, вы имеете значительные достижения. Прекрасный пример ваших успехов дают медицинский институт и сельскохозяйственная академия, открытые Исмет-пашой во время нашего пребывания в Анкаре.

Раскрепощение женщины, воспитание новой молодежи, а также открывшая путь к ликвидации неграмотности латинизация алфавита — все это плоды вашей революции, воспоминания о которой особенно живы были в дни, которые мы провели среди турецкого народа, когда он подводил итоги 10-летию существования республики, когда в его памяти оживали героические страницы истории борьбы за независимость.

Эти воспоминания нас сопровождали на каждом шагу от созданной революцией Анкары до сохранившего еще следы ран

Измира, где так живы до сих пор воспоминания победоносного похода против интервентов.

Наша поездка позволила нам познакомиться с той значительной работой, которую новая Турция проводит для обеспечения своей экономической независимости. Мы посетили ряд интересных предприятий частной и государственной промышленности. Вы начали одерживать серьезные успехи. Огромным вашим успехом считаю ваше железнодорожное строительство. Когда нам пришлось проезжать по вновь выстроенному жел.-дор. участку Кютахья — Балыккесир, мы могли лично убедиться, что вы не только строите нужные стране железные дороги, но и хорошо их строите. Нужно отметить также хорошие шоссейные дороги, по которым во многих местах мы проезжали по Измирскому, Канакскому и Бурсскому вилайетам.

Все эти успехи не могут не радовать нас прежде всего потому, что это — успехи нашего друга. Еще радуют они нас потому, что экономический подъем, в частности мероприятия по индустриализации вашей страны, означает, что новая Турция становится независимой также и в экономическом отношении. И это создает на чаше весов истории новый сильнейший фактор в пользу мира.

О турецкой армии я уже говорил, передавая печати мои впечатления о параде * в день 10-летия Турецкой Республики. Могу только повторить, что это — армия, прекрасным боевым духом которой турецкий народ может только гордиться. К этому могу только добавить, что эти впечатления еще более укрепились после того, как я имел возможность повидать часть вашего воздушного и морского флота, военное училище и Военную академию в Стамбуле.

Прием, который всюду, начиная от Анкары и Стамбула и кончая последней глухой деревушкой, которую мы проезжали, оказывало нам население — взрослые, молодежь, звонкие детские голоса,— тронул нас до глубины души. После этой поездки всякому ясно, что наша дружба — не только дружба и сотрудничество двух правительств. Радушие и сердечность, с которыми встречало нас население городов и деревень, атмосфера искренней дружбы, которой мы всюду были окружены, свидетельствовали об этом на каждом шагу. Наша делегация сочтет своим долгом передать трудящимся СССР об этих проявлениях искренней дружбы.

Под впечатлением оказанного приема мы возвращаемся с глубокой уверенностью, что наш визит, подобно прошлогоднему визиту в СССР председателя совета министров Исмет-паши и министра иностранных дел Тевфика Рюштю-бея **, еще более усилит сотрудничество в борьбе за мир.

* См. газ. «Известия», 1 ноября 1933 г.
** См. т. XV, док. № 205, 239.

У обеих стран борьба за мир стоит на первом плане их политики. Вот почему сотрудничество в этой области могло быть таким плодотворным. Выражаю уверенность, что тесный дружественный контакт, который в такой степени укрепила наша поездка, позволит нам с еще большей энергией вести совместную борьбу за мир, борьбу за предотвращение войны со всеми страданиями и разрушениями, которыми она угрожает человечеству.

Сейчас, когда миру угрожают особенно большие опасности, сотрудничество СССР с Турцией имеет особую ценность и значение не только для наших народов, но и для всех друзей мира.

Уезжая сегодня из вашей гостеприимной страны, мы пользуемся случаем еще раз передать через печать нашу благодарность народу и правительству Турецкой Республики за оказанный нам прием. Желаем им счастья и процветания.

Печат. по газ. «Известия» № 259(6204), 11 ноября 1933 г.

347. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

9 ноября 1933 г.

1. Третьего дня посол просил принять его сегодня, так как он хочет сделать мне от имени французского правительства сообщение по поводу сотрудничества в области морского кораблестроения *.

Придя сегодня ко мне, он начал с того, что во время пребывания в Москве Пьера Кота последний имел беседу с руководящими работниками по вопросу о сотрудничестве в области военного кораблестроения. Затем, уже после отъезда Пьера Кота, на ту же тему с французским военным атташе полковником Мендрасом говорил народный комиссар по военным и морским делам т. Ворошилов.

Сейчас французское правительство официально сообщает через него нам, что оно готово приступить к сотрудничеству и в качестве первого шага к этому сотрудничеству предполагает направить к нам одного морского офицера в сопровождении конструктора-кораблестроителя для того, чтобы эти люди здесь, на месте, договорились о дальнейших формах сотрудничества, именно о приезде в Москву целой группы специалистов, которые начнут работать у нас в указанных нами конструкторских и других бюро.

Он просит меня доложить об этом правительству и как можно скорее дать ответ о приемлемости или неприемлемости для нас французского предложения.

* См. док. № 357, 358.

Я ответил, что доведу французское предложение до сведения правительства. Вместе с тем, чтобы при докладе быть вполне информированным, я просил бы его ответить мне на следующий вопрос. Сам я во время пребывания в Москве Кота находился в отпуске, но от товарищей, с которыми мне пришлось говорить, я слышал, что при обсуждении вопроса о сотрудничестве в морской области шла речь не только о приезде сюда французских техников, но и о посылке во Францию работников нашего морского ведомства. Нет ли у Альфана сообщений и на эту тему?

Альфан ответил, что в полученных им директивах ничего не говорится, но что он предполагает, что эти первые два офицера, которые приедут сюда для уточнения методов сотрудничества, смогут здесь договориться о приезде французов сюда или о поездке наших товарищей во Францию, или о комбинировании обеих этих форм.

При этом Альфан добавил, что, по мнению его правительства, расходы по проезду французских офицеров до советской границы возьмет на себя французское правительство, а все расходы на нашей территории будут покрываться нами. При этом Альфан передал мне короткий эд-мемуар, который в переводе прилагаю.

2. После этого я перешел к вопросу о переговорах об авиационной линии. Я напомнил Альфану, что, по его сообщению, французскому послу в Варшаве было поручено переговорить с польским министерством иностранных дел о включении в линию Париж — Москва французской линии Париж — Прага путем продления ее через Варшаву до Москвы. Тогда же Альфан просил нас поддержать перед поляками этот французский демарш. Во исполнение просьбы французов т. Стомоняков говорил с Лукасевичем о желании повести авиационные переговоры втроем[210]. У т. Стомонякова получилось впечатление, что польская сторона относится к этому предложению отрицательно. Об этом впечатлении т. Стомонякова я при прошлом разговоре рассказал Альфану * и спросил у него, какая у него есть информация из Варшавы о результатах тамошнего демарша. Тогда у Альфана никаких сведений о разговорах Ляроша с поляками не было. Не получил ли он сейчас какой-нибудь новой информации из Парижа или из Варшавы? Нам при наших переговорах с поляками важно быть в курсе этого.

Альфан ответил, что ни из Парижа, ни из Варшавы он ни информации, ни директив больше не получал, хотя он сообщил в Париж то, что я ему рассказал в прошлый раз. Молчание Парижа он объясняет тем, что французское правительство, видимо, примиряется с желанием поляков сначала договорить-

---

* См. док. № 331.

ся с нами о воздушной линии Варшава — Москва и лишь потом начать разговоры с французами о продлении этой линии до Праги или до Парижа. Такой порядок предусмотрен польско-французской воздушной конвенцией, и если поляки настаивают на соблюдении этого пункта конвенции, французскому правительству ничего не остается делать.

3. Я спросил Альфана, уезжает ли он в Париж, как он собирался, 10-го.

Альфан ответил, что он собирался поехать, чтобы протолкнуть вопрос о морском сотрудничестве. Поскольку по этому вопросу он получил необходимые указания, основная цель его поездки отпала, и он решил остаться в Москве.

Я выразил по этому поводу свое удовольствие.

4. Далее Альфан сказал, что надеется в близком будущем получить от своего правительства для сообщения нам предложение о сотрудничестве и в области авиации.

На этом разговор кончился.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В упоминаемом эд-мемуаре посольства Франции в СССР от 9 ноября 1933 г. говорилось:

«Разговоры г. Пьера Кота в Москве и беседа г. Ворошилова с военным атташе Посольства указывают на желание советских властей прибегнуть к техническому сотрудничеству с Францией не только в области авиации, но и в морских сооружениях. Правительство Республики, желая дать ход этим пожеланиям, подвергло предварительному рассмотрению способы практического немедленного осуществления этих пожеланий.

Поскольку, однако, вышеуказанные разговоры носили до сих пор официозный характер, Правительству Франции кажется необходимым официальное обращение Советского Правительства через Французское Посольство.

В случае согласия Советского Правительства, Французское Правительство пошлет на краткий срок в Москву тотчас же, чтобы не терять времени, подготовительную миссию в составе морского офицера в сопровождении инженера по морским конструкциям; эти офицеры определят на месте с соответствующими властями состав, дату приезда и условия пребывания французских техников».

348. Запись беседы Генерального консула СССР в Харбине с начальником японской военной миссии в Харбине Комацубара *

9 ноября 1933 г.

Сегодня меня посетил Комацубара. Об этом визите он со мной условился 7-го на приеме у нас. Просидел он у меня около 4 часов. Он печалился о создавшемся положении. Я же ему

* Из дневника генконсула СССР в Харбине за 27 октября — 21 ноября 1933 г.

подробно говорил о нашем всегдашнем стремлении к добрососедским отношениям, напомнил ему наиболее важные факты политического порядка за последние два года из области наших отношений в Маньчжурии и напомнил ему о том предупреждении, которое я ему сделал еще до арестов 24 сентября * о том, что не следует прибегать к авантюристическим наскокам, которые могут привести к совершенно другим результатам. Он все это подтвердил. Я ему сказал, что и сейчас я его предупреждаю, что единственный путь к дружбе с нами — это через добрососедские отношения и через прекращение неумных наскоков в Харбине. Он снова говорил о паровозах, о правах маньчжурской стороны. Но я ему сказал, что о маньчжурской стороне он мог бы говорить где-нибудь на Северном полюсе, но здесь, в Харбине, говорить мне об этом не следует. Я подчеркнул, что когда я разговариваю с маньчжурами, то они меня часто направляют к нему, Комацубара. Мы никогда не говорили раньше о том, кто является действительным хозяином Маньчжурии, но нас сами хозяева к этому принуждают. И от них зависят наши дальнейшие шаги. Он жаловался на то, что мы опубликовали документы **. Я ему сказал, что о возможности опубликования мы задолго предупредили японское правительство ***. Я его спрашивал, что, собственно, мы должны делать после того, когда мы неоднократно предупреждаем японское правительство о том, что нам все известно и что творятся безобразия, нарушаются договоры и наши интересы, несмотря на категорические заверения японского правительства об уважении наших интересов. Нас ставят в такое положение, что мы вынуждены предпринимать шаги и недостаточно приятные для Японии. Так как он затронул вопрос о речи Молотова ****, то я ему сказал, что речь Молотова говорила не только о нашей готовности дать отпор авантюристам, не только о том, что мы усиливаем мощь нашей Красной Армии и что при создавшихся условиях мы это обязаны делать, не только о том, что мы поставим себе задачей разгромить нашего противника, но и о том, что мы продолжаем стремиться к добрососедским отношениям с Японией и что мы не собираемся менять нашей политики. Но ключ наших отношений в данный момент в руках японского правительства. Комацубара признавал, что действительно здесь японцы имеют огромное влияние, но не следует валить все на японское правительство; он признавал, что не все японцы хорошо понимают, что надо делать, но он подчеркивал, что Япония хочет дружбы с нами. Говорил я ему много: и об арестах, и о безо-

* См. док. № 305.
** См. док. № 314.
*** См. док. № 295.
**** См. газ. «Известия», 10 ноября 1933 г.

бразиях маньчжур на дороге по приказам Морита и Сато*, и о белых, и об отношении к совгражданам, и о вторжении маньчжурской канонерки, на которой был Кавабата**, на наш остров и захвате наших рыбаков[262], и о многом другом. Многое он признавал неправильным. Он говорил о том, что надо двинуть Токийскую конференцию, что о цене можно договориться (он даже назвал цифру 150 млн.). Я ему сказал, что дело теперь за Японией. Надо освободить незаконно арестованных, надо прекратить наскок на КВЖД и пойти по намеченному ранее пути дружеского урегулирования вопроса о КВЖД. Говорил он и о слухах о войне и развивал мысль о том, что война невыгодна. Это и я повторял. Говорил он о советско-американских отношениях. Говоря о войне и наших средствах защиты и подчеркивая, что мы ведем совершенно самостоятельную политику и абсолютно независимы ни от кого и что мы, несмотря на авантюристические наскоки, готовы по-прежнему предать забвению эти авантюристические акты, если они будут прекращены, и по-прежнему вести политику дружбы с Японией, я отметил, что, конечно, в случае принятия Японией планов авантюристических кругов, о которых открыто говорят и о которых открыто пишет пресса, мы будем совершенно свободны как в выборе средств защиты, так и в выборе союзников. Мы их не ищем. Наоборот, мы считаем дружбу с Японией наилучшим путем сохранения мира на Дальнем Востоке и наилучше обеспечивающей интересы трудящихся и Союза и Японии, но когда это потребуется и когда нас к этому принудят авантюристические элементы Японии, то союзников мы найдем всюду и даже в самой Японии.

Я с Комацубара не говорил полтора месяца. Мы виделись на банкетах, но не вступали в развернутые беседы. Он сам чувствовал неловкость от создавшегося положения и не искал встреч. Я тоже не делал этого. Сегодня мы, как он заявил, «восстанавливаем нашу интимную дружбу». Мы действительно говорили много, говорили «откровенно и в частном порядке» как «друзья». Я ему твердо дал понять нашу решительность и нашу твердость. Он же, заверяя в «дружбе», жаловался на создавшееся положение, признавая ряд неправильностей со стороны Маньчжоу-Го, признав в то же время, что основное влияние в этих делах принадлежит японцам.

М. Славуцкий

Печат. по арх.

---

* Соответственно начальник департамента железных дорог и ответственный чиновник министерства путей сообщения Маньчжоу-Го, японцы.

** Начальник японской морской миссии в Харбине, советник речного флота Маньчжоу-Го.

349. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона

10 ноября 1933 г.

Сегодня имел часовую беседу с Рузвельтом в присутствии Хэлла, Филипса * и Буллита **. Президент начал со ссылок на свое послание Калинину ***, в котором он приглашал представителя для разрешения всех спорных вопросов. Он понял ответ Калинина как наше согласие на разрешение вопросов одновременно с восстановлением отношений. Он вновь повторил, что обмену послами он придает лишь формальное значение и что его интересует обсуждение с нами более глубоких проблем, как, например, вопрос об использовании во взаимных интересах замороженных в Германии кредитов, и включая, может быть, вопрос о мире. Для этого необходимо предварительно устранить возражения, чтобы он мог успокоить ту часть американцев, которая обуяна страхами и сомнениями. Он должен быть в состоянии заверить их, что, по крайней мере, американцы в Союзе будут поставлены в особое положение, предоставляющее им свободу вероисповедания, отправления богослужения и религиозного воспитания детей. Он должен быть уверен, что в местах скопления, скажем, 50 американцев они смогут иметь свой молитвенный дом и своего священника, будь то католического или иного культа. Равным образом он должен иметь гарантию против пропаганды. Нельзя также оставлять открытым вопрос о долгах. Он вручил мне две записки, передаваемые мною вам отдельно, в которых изложены все его пожелания в области религии и пропаганды, и предложил мне, ознакомившись с ними, снестись, если необходимо, с Москвой и дать ему ответ, прибавив, что он хочет поговорить со мной с глазу на глаз без формальностей, чтобы мы могли, как он выразился, поругаться немного. Я ответил, что приехал не для разрешения всех вопросов по существу, а скорее для организации необходимого для этого аппарата. Наша позиция состоит в том, чтобы не обсуждать с правительствами спорных вопросов иначе, как на основе равенства и без давления, для чего необходимо предварительное установление нормальных отношений. Я готов обсудить с ним те большие проблемы, на которые он намекал и перед которыми бледнеют вопросы, которые мы до сих пор обсуждали. Я готов был бы и эти вопросы обсудить, если бы они допускали легкое и быстрое разрешение. Я не предлагаю откладывать вопрос о статусе американцев в

---

* Заместитель государственного секретаря США.
** Специальный помощник государственного секретаря США.
*** См. док. № 315.

Союзе или о пропаганде, так как они не сложны, и если мы не сможем сойтись по ним сейчас, то не сойдемся и в дальнейшем. Иное дело — взаимные претензии, разрешение которых требует месяца упорной работы. Отправляясь в Вашингтон, я надеялся и продолжаю надеяться убедить его в абсолютной невозможности и нецелесообразности попытки разрешения этого сложного вопроса. Вопрос о религии мне кажется разрешенным моим вчерашним разговором с Хэллом *, который соглашался на одностороннее американское заявление, основанное на сообщенной мною информации. Теперь же президент предлагает мне взять на себя обязательства, которые изменяют и дополняют наше законодательство о религии. Это превышает мою компетенцию и наши возможности. Капитуляции даже в восточных странах отходят в область предания, тем менее я мог ожидать от президента попытки навязать нашей великой стране что-либо подобное. Наша страна крепнет, и мы не видим оснований принимать теперь то, что отвергали даже десять лет назад. Касательно пропаганды я предоставляю Рузвельту выбрать любую формулу из заключенных нами с другими странами соглашений или же смесь из них, но я не соглашусь идти дальше этих формул. Рузвельт ответил, что будет настаивать не на текстуальном принятии его проектов, а лишь на их сущности. Он готов согласиться, что полностью нельзя будет разрешить вопроса о претензиях, но считает возможным согласование некоторых принципов. Я сказал, что хотел сегодня же представить ему контрпроект по религии и пропаганде и что всякое обязательство, которое мы примем, должно быть двусторонним. Рузвельт ответил, что примет меня сегодня вечером в 21 час [263], что всякое двустороннее соглашение нуждается в одобрении сената, которого он хотел бы избежать, но что он согласен на ноту, в которой будет сказано, что Америка принимает те же обязательства, что и мы. На мой вопрос, исчерпывают ли затронутые вопросы все то, что связано с восстановлением отношений, Буллит ответил, что президент может мне сегодня дать полный список вопросов, подлежащих еще обсуждению, и вряд ли можно будет закончить наши переговоры раньше недели. Мое впечатление, что Рузвельт купил молчание враждебных организаций неосторожным обещанием в области религии и пропаганды и что в этом корень встретившихся затруднений.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. док. № 341.

350. Письмо Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

[10] ноября 1933 г.

Из телеграммы * вам достаточно известно о том исключительном внимании, которое турецкое правительство уделило приезду нашей делегации, обставив с беспрецедентной и далеко выходящей за пределы протокола тщательностью как прием в целом, так и отдельные его детали. Своеобразными штрихами этого приема являлись попытки примениться к особой природе гостей как делегатов советской стороны и дополнить протокольно-банальные процедуры такими актами, как показ фабрик, школ и достижений строительства последних лет. Турки стремились как бы сочетать почести, оказываемые гостям, с демонстрацией своих успехов в области индустриализации, транспорта, народного образования, здравоохранения, городского строительства и т. д.

Помимо выбора объектов показа наиболее характерной отличительной чертой приема являлось привлечение к встречам не только официальных слоев и примыкающей к ним общественной прослойки, но и того, что в данной обстановке можно назвать «широкими массами» со всеми оговорками, которыми надо снабдить это понятие в местных условиях. Это особенно бросалось в глаза при посещении провинциальных центров (Бурса, Чанак-Кале и т. д.), где на улицу были выведены для встречи не только все школьные, спортивные и ремесленные организации, но и просто на вид неорганизованные толпы из всевозможных элементов — дети, крестьяне, лавочники, приветствующие делегацию по улицам, где она проезжала, осматривая город. И не приходится сомневаться в том, что если толчок к массовым приветствиям был дан сверху, то по мере развития действий в процесс встреч втягивались новые и новые участники, и овации на улицах, перекрестках принимали подлинно стихийный характер.

Нельзя при этом забывать, что ни на один день не прекращавшаяся и почти не ослабевавшая кампания в прессе также создала впечатление исключительной связи между обеими странами, причем это впечатление должно было в первую очередь внедриться в представление турецкого обывателя, массовика, следящего за прессой как стамбульской, так и провинциальной. Это впечатление должно было еще более усилиться при сравнении нашего визита с предшествующими ему греческим, венгерским, румынским, когда празднование ограничивалось чисто протокольно-банкетной стороной (некоторое рас-

---

* См. док. № 335.

ширение проявилось, и то в небольшой степени, лишь при приеме греков). В противоположность прежним встречам турки теперь прямо подчеркивали невнимание к дипкорпусу и почти полностью его игнорировали.

В результате такой тактики мы как будто перенесены были в раннюю пору национального движения, когда отношение к Советской России резко противопоставлялось отношениям со всем комплексом остальных держав. И как тогда, когда отношение к Советской России демонстративно выпячивалось вперед как козырь для морального воздействия на внешний мир, так и теперь советская карта (помимо других мотивов) была пущена в ход для подкрепления внешней политики на Западе. Отличительной чертой турецкой политики последних лет (в том числе в политике в отношении СССР) была оглядка на то, что скажут другие. Теперь же эта боязнь того, что «скажет княгиня Мария Алексеевна» на время как бы испарилась. Турки принимали наших гостей, отбросив на время боязнь, что на Западе их заподозрят в большевизме и в сильном подчинении «политике Москвы». Наоборот, подбирая объекты показов, они делали все, чтобы подкрепить преувеличенные слухи о визите, распространявшиеся в дипкорпусе. Они явно стремились создать впечатление, что в результате визита отношения между СССР и Турцией действительно вышли из рамок обычной дружбы и поднялись на какую-то высшую ступень.

Если присмотреться к мотивам, в силу которых турецкое правительство усвоило такой образ действий, то можно различить факторы трояkого порядка.

1) Непосредственно советский фактор: турецкое правительство несомненно использовало приезд, чтобы освежить свои отношения с СССР, за последнее время несколько отодвинутые в вихре балканской и «лиговской» суетни. Турецкое правительство имело основание считать, что Москва не совсем довольна той возней вокруг вступления в Совет Лиги и вокруг идей панбалканского, центрально-европейского блоков, какую турецкое правительство проявило за последние месяцы, кое в чем переходя при этом грани лояльности в отношении нас. Оно могло опасаться, что недовольство с нашей стороны несколько уплотняется в результате ряда мелких обоюдных шероховатостей последнего периода (погранконфликты, затяжка ответа о кредитах[6], неблагоприятный исход некоторых процессов в турецких судах и т. п.). Пышным приемом оно стремилось создать атмосферу, в которой померкли бы все моменты нашего эвентуального неудовольствия.

Помимо этой, чисто отрицательного порядка, задачи оно стремилось повысить наше расположение к себе в расчете добиться и конкретно положительных выгод: в области внешней политики оно стремилось вырвать у нас полную апробацию

своей *балканской* политики, а также обеспечить нашу поддержку на случай обострения *проливной* проблемы. В той же связи оно стремилось создать атмосферу для дальнейших демаршей по части военного строительства (министерство национальной обороны задолго до приезда заготовило список заводов, которые рассчитывают построить с нашей помощью). Вообще же, впрыснув известную очередную дозу допинга, возбуждающего отношения, оно учитывало и ряд экономических и прочих претензий, которые можно будет в той или иной форме выдвинуть впоследствии.

Немалую роль во внимании к нам сыграли также наши успехи в международной области. Укрепление наших отношений с Францией и Малой Антантой, вплотную вставшая перспектива восстановления отношений с Америкой — все эти и подобные им факторы не могли не подействовать на впечатлительное воображение руководителей турецкой политики, поспешивших заручиться и своей долей в наших уже достигнутых и ожидающихся успехах.

2) Фактор международный — т. е. стремление воздействовать на *другие страны* демонстрацией укрепления своих связей с СССР — также играл немалую роль. Турецкое правительство несомненно решило пустить в ход советский козырь для повышения прежде всего своего веса в глазах *балканских стран* и в первую очередь Болгарии и Румынии. Это должно было, по расчетам Рюштю, облегчить задачу «обуздания» Болгарии и предотвращения румыно-болгарского флирта, не дающего пока возможности провести полную изоляцию Болгарии. Демонстрацией близости к СССР турецкое правительство рассчитывает произвести и некоторое воздействие на Англию, с тем чтобы облегчить себе проведение подготовляющейся проливной акции. Нельзя не отметить также стремления козырнуть советской картой в отношении Лиги наций, к которой [Турция] затаила глубокую обиду за неизбрание в Совет Лиги и за игнорирование, которому подвергалась в течение всей последней сессии.

3) Наконец, нельзя забывать и о стремлении турецкого правительства использовать приезд нашей делегации для воздействия на общественные силы и народные массы *своей собственной страны*. Фиксируя внимание масс на советском визите как апофеозе в серии предшествующих визитов, турецкое правительство стремилось подчеркнуть то внимание, которое оказывается Турции правительствами других стран, в том числе и советским, присылающим сюда своих ответственных представителей. Демонстрируя свои достижения перед советскими представителями, турецкое правительство в интересах внутренней политики явно стремилось заручиться их одобрением от столь строгих критиков, как мы. В связи с продолжа-

ющимися затруднениями финансово-экономического характера, перспективой бюджетного дефицита и возможностью применения инфляции, необходимость во внешних эффектах стала особенно острой. Она возрастала и в силу того, что надо было сгладить впечатление от последних неудач во внешней политике, изрядно ослабивших положение правительства.

Помимо вышеуказанных мотивов немаловажную роль в характере приемов сыграла и личность главы делегации т. Ворошилова. Усвоенный им с самого начала тон полной простоты и откровенности, тон чуждый каких-либо дипломатических уверток, напыщенности и условностей, сразу сообщил всему визиту характер исключительной теплоты и интимности, не только при том не ослабевавших, но, наоборот, нараставших по мере течения визита. Большую роль в повышении тонуса визита сыграло и то обстоятельство, что главой делегации являлся руководитель нашей Красной Армии. Это облегчило туркам втянуть в процесс приемов и торжеств и свою армию, столь тщательно ими обычно оберегаемую как от воздействия, так и от простого даже соприкосновения с иностранцами. Забегая вперед, могу с уверенностью сказать, что наиболее ценным эффектом визита следует несомненно считать впервые установившуюся живую связь между нашими армиями, связь в значительной мере покоящуюся на глубоких чувствах симпатии, которую т. Ворошилов сумел завоевать в широчайших кругах турецкой армии. Без всякого преувеличения можно сказать, что проделанная в этом отношении за две недели работа перекрывает по своим результатам все, что ранее делалось годами.

Если я до сих пор преимущественно останавливался на мотивах, которыми турецкая страна руководствовалась, сообщив визиту такой торжественно-помпезный характер, и говорил больше о выгоде для турок, то из этого, конечно, не следует, что визит по своим результатам был выгоден одной турецкой стране. Такой вывод был бы абсолютно неверен. Визит принес и нам не меньше, если не больше выгод, чем Турции. Эти выгоды в общем могут быть сведены к следующим основным положениям:

1) Визит сильно повысил интерес к нашей стране, и притом в кругах, с которыми мы до сих пор сравнительно слабо соприкасались. Это значительно облегчает продвижение вперед дела налаживания культурных связей между нашими странами.

2) Визит несомненно усилил позиции наших друзей в Турции, позиции наиболее последовательных националистов, оберегающих и борющихся за политическую и экономическую независимость своей страны. Визит, в частности, значительно укрепил этатические тенденции, подвергшиеся за последнее время атакам со стороны правого крыла народной партии.

3) Визит значительно затрудняет работу наших врагов как вне, так и внутри Турции. Он произвел, в частности, ошеломляющее впечатление на остатки белой эмиграции в Константинополе и внес немалую сумятицу среди дипломатов, работающих здесь против нас.

4) Визит несомненно значителен и по резонансу, который он будет иметь в странах, с которыми отношения у нас наиболее напряжены, в первую очередь в Японии, где роль Турции как ключа к нашим черноморским побережьям не может не учитываться при выборе той или иной линии поведения по отношению к нам.

5) Визит, наконец, как я уже указал выше, перебросил мостик между нашими обеими армиями. Я лично считаю наиболее ярким доказательством искренности желания турецкого правительства сохранить и упрочить дружественные отношения с нами как раз допущение братания нашей делегации с армией. Когда Кемаль обратился к возбужденной тысячной толпе офицеров с призывом «разнести по всем казармам весть о том, что единственным другом Турции является Советский Союз», то он, конечно, отдавал себе отчет, что делает, и понимал, что зря и безнаказанно таких лозунгов в солдатскую стихию бросать нельзя.

Резюмируя все вышесказанное, мы вправе заключить, что последний визит является одной из важнейших фаз в истории наших взаимоотношений, но что значение его пока не может быть подвергнуто полной и исчерпывающей оценке.

С коммунистическим приветом

Полпред СССР в Турции
Сурц

Печат. по арх.

351. Телеграмма членов советской делегации на Токийской конференции по КВЖД К. К. Юреневу, Б. И. Козловского, С. М. Кузнецова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Вне очереди
10 ноября 1933 г.

После опубликования документов *, произведших огромное впечатление в Японии и вызвавших несомненное усиление оппозиции умеренных кругов против военщины, японское правительство пытается создать в стране и за границей ложное представление о том, что приход Хирота означал начало нового мирного курса в отношении нас, что Хирота якобы имел и имеет план дружественного урегулирования всех спорных

* См. док. № 314.

вопросов, которые ему якобы удалось провести на совещании пяти министров[264], но что эта мирная политика срывается якобы новым агрессивным курсом Советского правительства, подготовившегося к войне и ныне стремящегося заручиться поддержкой Америки против Японии. Возможно, что относительная сдержанность Араки в отношении нас за последние две недели отчасти имеет целью облегчить Хирота проведение этого маневра, с тем чтобы возобновить кампанию против наших вооружений и использовать «утки» о нашей агрессии для протаскивания бюджетных требований армии. Хирота в то же время распространяет сведения об исключительной трудности своего положения как сторонника мирной политики в результате «изменившейся» политики СССР, якобы играющей на руку агрессивным элементам. Отклики японской прессы на речь Молотова *, явно инспирированные мининделом, говорят о некотором успехе этого маневра Хирота. Заслуживает внимания появление резкой антисоветской статьи в таком осторожном и умеренном органе, как «Хоти». Бесспорно, что проводимая нами решительная политика является единственным средством, могущим в известной мере отрезвить военщину и усилить противодействие более умеренных элементов политике вызовов и провокаций. Вместе с тем необходимо разоблачать двойную игру японского правительства и, в частности, его попытки надеть маску миролюбия при одновременном продолжении и даже усилении провокаций на КВЖД, которые тщательно здесь замалчиваются. Считаем весьма важным, чтобы японское общественное мнение узнало из многочисленных материалов в статьях и комментариях наших газет, что политика авантюр и провоцирования войны на деле продолжается, что под покровом ни к чему не обязывающих фраз Хирота продолжаются бесчинства и провокации на КВЖД, которые делают невозможными переговоры о продаже КВЖД и улучшение отношений с Японией. Подчеркивая твердость нашей политики и дав надлежащий отпор претензиям по поводу наших оборонительных мероприятий, одновременно желательно отметить неизменно мирный характер нашей политики. Кроме того, мы полагаем, что, после того как мы высказали и подтвердили со всей ясностью положение об ответственности японского правительства за практику провокаций, следовало бы в форме ли интервью в Москве или нового демарша с опубликованием в печати обратить внимание японского правительства на непрекращающиеся безобразия в Харбине, также их перечислив и потребовав их прекращения[265].

Делегация

Печат. по арх.

---

* См. газ. «Известия», 10 ноября 1933 г.

352. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Д. В. Богомолова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

12 ноября 1933 г.

Наш проект пакта о ненападении вручен китайскому правительству 13 октября*. Полагаю, что китайское правительство не торопится отвечать по следующим причинам: 1) Наш проект их не удовлетворяет. Отражая мнение правительства, Сун** говорил, что статья о нейтралитете, давая кое-что СССР, ничего не дает Китаю, так как с китайской точки зрения какая-либо группировка СССР против Китая исключена, а при соблюдении СССР нейтралитета Китай все равно не может оказывать сопротивления Японии. 2) Единственно, что при теперешнем внутреннем положении Китая могло бы интересовать нанкинское правительство,— это соответствующие статьи лондонской декларации о неагрессии***. 3) Независимо от этих двух доводов, основную причину затяжки ответа я вижу в том, что в настоящее время ведутся серьезные переговоры между Нанкином и Токио о всей дальнейшей политике китайского правительства, о чем я подробно писал в моем докладе, направленном прошлой диппочтой[289]. У нас есть основание думать, что информация в печать о наших переговорах проникла из японских источников с целью вызвать официальное опровержение. Внутреннее положение Китая после отставки Суна еще более ухудшилось, и нанкинскому правительству угрожает полный финансовый крах. Кроме того, по последним сведениям, неизбежно возникновение новой драки милитаристов, вызываемой не какими-либо политическими соображениями и даже не борьбой за власть, а просто тем фактом, что истощенная страна не может кормить милитаристов и каждый из них может существовать только при условии гибели другого. При таком положении нужно считать, что правительство пойдет абсолютно на все условия Японии, лишь бы это гарантировало ему оставление у власти. Влияние других империалистических держав в китайском правительстве, в первую очередь Америки и Англии, после отставки Суна сильно упало.

Полпред

Печат. по арх.

---

* См. док. № 319.

** Сун Цзы-вэнь — вице-председатель Исполнительного юаня, министр финансов Китая; ушел в отставку 29 октября 1933 г.

*** Имеется в виду Лондонская конвенция об определении агрессии от 3 июля 1933 г.; см. док. № 213, 218, 220.

353. Письмо Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

13 ноября 1933 г.

I. Я уже телеграфировал мое мнение об отношении китайского правительства к переговорам о пакте *. Еще в моем последнем письме от 25 октября [266] я указывал на то, что в противоположность своей позиции к пакту летом китайское правительство показывает сейчас полную незаинтересованность в нем. Со времени последнего письма мы имеем еще новый факт, который подтверждает эти выводы. После того как в «Чайна пресс» ** появилась заметка с изложением предполагаемых статей пакта между СССР и Китаем, министерство иностранных дел дало немедленно опровержение, в котором заявило, что это сообщение «не имеет под собой никаких оснований». Совершенно понятно, что я заинтересовался источником информации. Тов. Чернов *** говорил с Тонгом, редактором «Чайна пресс», в которой появилось сообщение о переговорах, но Тонг уклонился от прямого ответа, откуда он получил эту информацию. В процессе разговора у т. Черпова осталось впечатление, что Тонг получил эту информацию из японских источников. На следующий же день все газеты получили официальное опровержение нанкинского правительства и указания по этому вопросу ничего больше не печатать. В том же духе, как нам известно, были инструктированы и нанкинские газеты.

Сегодня уже прошел месяц после того, как мы вручили наш проект пакта ****, и китайское правительство никак на него не реагирует. Причинами затяжки я считаю то, что, во-первых, предложенный нами проект не удовлетворяет нанкинское правительство, а во-вторых, и это самое главное, то, что нанкинское правительство ведет в настоящее время чрезвычайно серьезные переговоры с Японией о всей своей дальнейшей политике и, возможно, старается использовать как бы ведущиеся переговоры с нами для торга с Японией.

Мнение Суна о пакте вы уже знаете. С точки зрения его и многих китайцев, дружественные отношения с Советским Союзом имели бы для них большую ценность лишь в том случае, если бы создали какую-либо гарантию против японской агрессии. С точки зрения Суна, «нейтралитет» с нашей стороны при японо-китайском столкновении ничего Китаю дать не может,

---

* См. док. № 352.
** Шанхайская газета.
*** Корреспондент ТАСС.
**** См. док. № 319.

т. к. благодаря своей слабости Китай не может оказывать какого-либо сопротивления Японии. Кроме того, при возможном обсуждении отношений с СССР в китайских правительственных кругах встает вопрос о советских районах в Китае, и совершенно понятно, что центр их внимания направляется не на те статьи, которые определяют возможные отношения к третьим государствам, а на те, которые в той или иной степени могут быть объяснены и применены к внутреннему положению. Но основная причина затяжки, как я уже сказал, по моему мнению, заключается в японо-китайских переговорах.

За последние 2 недели вследствие отставки Суна внутреннее положение обострилось. Тот факт, что новый министр финансов пришел к власти под лозунгом получения во что бы то ни стало финансовых средств для продолжения антисоветской кампании *, отнюдь не обещает финансовой стабилизации, а наоборот, поскольку общее мнение даже в руководящих буржуазных кругах сводится к тому, что, даже в случае успешной кампании Чан Кай-ши против советских районов, эта кампания затянется еще на долгое время и потребует большое количество средств и ничего хорошего не обещает. Реализация американского займа [267] идет весьма туго. Небольшое количество американского хлопка могло быть продано только некоторым японским и английским текстильщикам, а по последним сведениям, ввиду громадного падения цен, китайское правительство просило приостановить дальнейшую посылку хлопка. Ежемесячный дефицит нанкинского правительства равняется сейчас приблизительно 12 млн. мексиканских долларов **. Происшедшее после ухода Суна в отставку падение правительственных ценных бумаг показывает, что особые надежды на поддержку со стороны своей финансовой буржуазии нанкинское правительство питать не может.

В самое последнее время, в течение 2—3 последних дней, начали циркулировать слухи о происходящих будто бы переговорах между Чан Кай-ши и Ху Хань-минем [268], направленных к тому, чтобы привлечь Ху Хань-миня и вообще всю южную группу к участию в нанкинском правительстве. Поскольку Англия берет сейчас курс на поддержку Нанкина и поскольку известно значение английского влияния в Кантоне, я эти слухи считаю вероятными, хотя, конечно, за краткостью времени мне не удалось их в достаточной степени проверить.

II. Положение в Синьцзяне, в особенности политика нанкинского правительства там, для меня не совсем ясны. С одной

---

* Имеется в виду вооруженный поход клики Чан Кай-ши против революционных баз в Китае, объявивших себя советскими районами.

** Так именовались китайские серебряные монеты «даяны», изготовлявшиеся в то время в Мексике.

стороны, как будто Нанкин не может быть заинтересован в том, чтобы после опыта в Маньчжурии и в Северном Китае поддерживать проникновение Японии в Синьцзян; с другой стороны, факты говорят за это. По нашим сведениям, японские офицеры, которые пытались проникнуть в Синьцзян на аэроплане и были задержаны дубанем Шэнем*, летели не только с ведома китайских властей, но даже на аэроплане вице-министра по военным делам. В прошлом письме я писал вам о том, что у нас имеются сведения, что японцы ведут переговоры на концессии на автомобильное сообщение из Северного Китая в Синьцзян. Тот шум, который нанкинское правительство подняло в печати в связи с опубликованием синьцзяно-советского торгового соглашения [269], а также арест бывшего председателя синьцзянского правительства Цзинь Шу-жэня [270] свидетельствуют о том, что нанкинское правительство попытается свалить всю ответственность за беспорядки в Синьцзяне на Советское правительство.

III. Мы, наконец, кое-как устроились в Нанкине. Дом нашего посольства в Нанкине приблизительно такой, какой можно иметь в Гольдерсгине** за 4 гинеи в неделю, но благодаря довольно хорошему расположению комнат и небольшому садику нам удалось провести прием 7 ноября более или менее успешно. Посетителей было очень много — человек 150, причем была вся верхушка китайского правительства во главе с Ван Цзин-вэем*** и новым министром финансов Куном и целый ряд министров, находящихся в Нанкине.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Китае
Богомолов

Печат. по дух.

354. Нота Народного Комиссарата Иностранных Дел СССР Посольству Франции в СССР

13 ноября 1933 г.

Народный Комиссариат по Иностранным Делам свидетельствует свое почтение Французскому Посольству и, ссылаясь на его ноту от 27 минувшего октября за № P/123, спешит выразить ему свою благодарность за любезное извещение о приглашении, сделанном г. Президентом Эррио Правительству СССР, принять участие в ярмарке, которая состоится в Лионе с 8 по 18 марта будущего года [271].

---

* Шэнь Ши-цай — генерал-губернатор Синьцзяна.
** Район Лондона.
*** Председатель Исполнительного юаня Китая.

По примеру прошлых лет Правительство СССР и на этот раз будет радо принять официальное участие в названной ярмарке, о чем Народный Комиссариат имеет честь поставить в известность Французское Посольство.

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте посольства Франции в СССР от 27 октября 1933 г. за № P/128 говорилось:

«Посольство Франции свидетельствует свое уважение Народному Комиссариату Иностранных Дел. Оно было уведомлено, что г. Президент Эррио, Председатель Комитета Лионской ярмарки, выразил Послу СССР в Париже пожелание, чтобы Правительство СССР приняло, как оно уже делало в прошлые годы, официальное участие в ярмарке, которая состоится в Лионе с 8 по 18 марта 1934 г.

Посольство было бы весьма счастливо, если бы на это предложение последовал благоприятный ответ, и в связи с этим направляет Комиссариату документацию, касающуюся выставки, о которой идет речь».

355. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Президенту Турции Мустафе Кемалю

14 ноября 1933 г.

В связи с возвращением в Москву делегации, посланной Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров СССР в Турцию для участия в праздновании 10-летия Турецкой Республики*, я прошу Вас принять выражения моей глубокой благодарности за тот дружественный прием и то сердечное внимание, которые были оказаны советской правительственной делегации лично Вами, турецким правительством и турецким народом. Советская делегация, посетив дружественную Турецкую Республику в одну из ее наиболее славных годовщин, имела возможность непосредственно ознакомиться с крупнейшими достижениями новой Турции в области политики, экономики и культуры, которые были ей обеспечены героизмом турецкого народа и Вашим выдающимся руководством. Ваше сердечное внимание к советской правительственной делегации привело к тому, что ее участие в праздновании 10-летия Турецкой Республики превратилось одновременно в демонстрацию советско-турецкой дружбы, основы которой были заложены в тот период, когда под Вашим руководством новая Турция вступила в наиболее героический период своей борьбы за свою независимость. Незабываемое впечатление, вынесенное советской правительственной делегацией из ее пребывания в Турции, подтверждает правильность

* См. док. № 326, 327, 330, 335, 346, 350.

того исторического пути развития народов наших стран, который привел их к полному взаимному пониманию, тесному сотрудничеству и незыблемой дружбе. Я глубоко уверен, что поездка советской правительственной делегации в Турцию и оказанный ей сердечный прием будут способствовать дальнейшему укреплению этой дружбы и все более плодотворному сотрудничеству наших стран. Прошу Вас принять мои самые искренние и наилучшие пожелания турецкому народу и Вам лично.

Председатель Центрального
Исполнительного Комитета СССР
Михаил Калинин

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 279 (5210), 15 ноября 1933 г.

На эту телеграмму Мустафа Кемаль ответил М. И. Калинину телеграммой от 15 ноября 1933 г., в которой говорилось:

«С живейшим удовольствием я получил Ваше любезное послание. Выдающиеся деятели, которых великая соседняя страна соблаговолила делегировать в Турцию, нашли здесь прием, который наилучшим образом отвечает искренней дружбе, установленной народами СССР и Турции уже больше 12 лет тому назад и непрестанно укрепляющейся с того времени. Я очень рад, что наши друзья почувствовали во всей широте прекрасное значение симпатии и энтузиазма, которые были проявлены во время их пребывания во всех местностях Турции. Визит выдающихся советских деятелей и стихийный прием, который был им оказан, представляют для народов обеих стран наилучший залог неизменной дружбы, соединяющей Турцию с Советским Союзом. Я возобновляю по этому случаю мои искреннейшие пожелания Вашего личного счастья и счастья и процветания народов великой дружественной страны».

356. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Председателю Великого Национального Собрания Турции Кязым-паше

14 ноября 1933 г.

Прошу Вас принять от имени Центрального Исполнительного Комитета СССР выражения моей искренней благодарности за тот прием, который был оказан советской правительственной делегации, посетившей Турцию для участия в торжествах по случаю 10-летия Турецкой Республики. Дружественное сердечное внимание, оказанное советской делегации турецкими государственными деятелями и лично Вами, а также манифестации дружбы со стороны турецкого народа сделали этот праздник одновременно праздником советско-турецкой дружбы. Я надеюсь, что личный контакт, установленный ме-

жду государственными деятелями СССР и Турции, будет способствовать еще большей сердечности и плодотворности постоянно укрепляющейся советско-турецкой дружбы.

Председатель Центрального
Исполнительного Комитета СССР
Михаил Калинин

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 279 (5210), 16 ноября 1933 г.

На эту телеграмму Кязым-паша ответил М. И. Калинину телеграммой от 15 ноября 1933 г., в которой говорилось:

«Искренне благодарю Вас за любезную телеграмму, которую Вы соблаговолили мне прислать от имени Центрального Исполнительного Комитета СССР. Я твердо убежден, что визит советской делегации сохранится в турецком народе как ценнейшее воспоминание и что он послужит укреплению искренней, беспрерывно возрастающей дружбы, которая существует между народами СССР и Турции. Я лично был очень рад контакту, установившемуся с выдающимися деятелями дружественной страны, и, выражая чувства Великого национального собрания Турции, я прошу по этому случаю Вас и Центральный Исполнительный Комитет принять вновь уверения в нашей неизменной дружбе».

357. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

14 ноября 1933 г.

Я вызвал Альфана для того, чтобы передать ему ответ Советского правительства на предложение французского правительства о сотрудничестве в области военно-морского кораблестроения*. Я сказал Альфану, что правительство Союза дает положительный ответ на французское предложение и согласно на приезд командируемых французским правительством морского офицера и конструктора-кораблестроителя. Согласны мы и на предложенные французами условия оплаты, т. е. на то, что с момента перехода французскими моряками нашей границы все расходы по их пребыванию в СССР падают на нас.

Вместе с тем Советское правительство постановило вступить в переговоры с французским правительством о сроке поездки во Францию нескольких наших моряков, что предусматривалось обеими сторонами при первоначальных разговорах о морском сотрудничестве. Для большей точности я, следуя примеру Альфана, вручаю ему маленькую памятную записку на русском и французском языках, излагающую сущность на-

* См. док. № 347.

шего ответа (копия прилагается) *. Альфан взял записки, прочел их, кивнул дружелюбно головой и сказал, что доведет до сведения своего правительства о нашем согласии. Что же касается вопроса о поездке наших моряков, то он считает, что наиболее правильным будет, если этот вопрос будет поставлен и решен после того, как французские моряки обсудят здесь со специалистами всю техническую сторону сотрудничества, вернутся в Париж и сделают там свой доклад. Может быть, при обсуждении с нашими техниками выяснится, что такая поездка вовсе не нужна. Она, по мнению Альфана, была бы безусловно необходима, если бы речь шла о покупке нами во Франции готовых судов,— нельзя покупать, не осмотрев. Если же речь будет идти о постройке судов с помощью французской техники в СССР, тогда поездка, может быть, не будет нужна.

Я ответил Альфану, что поездка наших моряков, по нашему мнению и, как мне кажется, по мнению французских моряков, будет во всяком случае необходима. Если мы будем покупать готовые суда, естественно, что надо посмотреть покупаемый объект; если нам будет предложено строить суда у нас, необходимо будет посмотреть во Франции те французские суда, по образцу которых мы будем строить. Если речь будет идти об оборудовании с французской технической помощью кораблестроительных верфей и заводов у нас, опять-таки нужно будет посмотреть соответствующие предприятия во Франции. Одним словом, без поездки наших моряков принять решение будет невозможно. Тот путь, который предлагает Альфан, т. е. что вопрос о поездке наших моряков будет поставлен лишь по возвращении французских экспертов из Москвы, отсрочивает эту поездку на пару месяцев, а, стало быть, затягивает и приступ к фактическому осуществлению сотрудничества в деле кораблестроения. Такая отсрочка нежелательна обеим сторонам.

Мы поэтому рассматриваем вопрос о поездке к нам двух французских моряков и о поездке наших моряков независимо друг от друга. Пусть французские моряки приезжают к нам как можно скорее. Мы не ставим их приезд в зависимость от предварительного решения вопроса о сроке поездки наших моряков, но мы предлагаем теперь же начать договариваться об этом сроке, с тем чтобы наши моряки поехали в Париж в то время, когда французские моряки будут находиться у нас, или вместе с ними.

Альфан заволновался, не скрывал того, что постановка нами вопроса о поездке наших моряков ему не нравится. Он намекнул, что если мы не особенно стремимся к сотрудничеству в морском деле, то французское правительство его не

---

* См. док. № 358.

навязывает и может отказаться от предложенной им посылки морских инженеров.

Я несколько раз терпеливо объяснял ему, что мы хотим сотрудничества, что это сотрудничество в обоюдных интересах, что мы охотно соглашаемся на предложенную нам присылку французских моряков, но что, исходя из интересов дела, мы хотим послать и наших моряков. Мне кажется непонятным беспокойство и подозрительность Альфана. Ведь решению французского правительства, которое он нам передал, предшествовали неофициальные разговоры наших военных в Париже с французскими военными. Во время этих разговоров наши военные сказали, что именно мы хотим получить от французских моряков. Французские военные ответили согласием оказать именно ту помощь, о которой говорили наши военные, говорили об этом и о приезде наших моряков, причем это не только не вызывало возражений, а считалось французской стороной само собой разумеющимся. Я поэтому не сомневаюсь, что наш ответ не будет неправильно понят в Париже и французское правительство ответит положительно и на вторую часть врученной Альфану памятной записки.

Альфан сказал, что он сообщит наш ответ своему правительству и, конечно, будет рад, если вопрос разрешится так, как я ожидаю.

Видно, однако, было, что Альфан сам считает не особенно желательной поездку наших моряков во Францию, что он не уверен в положительном ответе своего правительства и что он не будет убеждать французское правительство дать согласие на скорейший приезд нашей делегации, а в лучшем случае передаст наш ответ без особенно враждебных комментариев.

Поэтому нам придется как вопрос о поездке наших моряков, так и вообще весь вопрос о морском сотрудничестве продвигать в дальнейшем через наше полпредство в Париже и через французского военного атташе в Москве, обращаясь к Альфану лишь для того, чтобы соблюсти все приличия и не вызвать недоброжелательства с его стороны.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

358. Памятная записка Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Франции в СССР*

14 ноября 1933 г.

Ссылаясь на памятную записку, врученную 9-го сего ноября** Французским Послом г. Альфаном временно и. о. Народного Комиссара по Иностранным Делам г. Крестинскому,

*Вручена заместителем народного комиссара иностранных дел СССР Н. Н. Крестинским во время беседы с послом Франции в СССР Альфаном.

** См. стр. 618.

Народный Комиссариат по Иностранным Делам сообщает, что Советское Правительство охотно принимает изложенное в упомянутой записке предложение Французского Правительства о командировании в Москву морского офицера и инженера-кораблестроителя.

Вместе с тем Советское Правительство предлагает Французскому Правительству теперь же приступить к согласованию срока поездки во Францию нескольких советских моряков и морских инженеров, что было предусмотрено во время первоначальных разговоров в Москве [272].

Печат. по арх.

359. Выступление члена советской делегации Б. Е. Штейна в Комитете по контролю над вооружениями Конференции по сокращению и ограничению вооружений

14 ноября 1933 г.

Советская делегация уже много раз излагала свою позицию в отношении проблемы контроля *. Сегодня, как и вчера, мы глубоко убеждены в том, что конвенция по разоружению должна сопровождаться эффективной системой контроля. В то же время ясно, что, для того чтобы сделать результаты контроля возможно более реальными и справедливыми, необходимо, чтобы контролю было обеспечено универсальное применение. Советская делегация уже несколько раз имела случаи информировать конференцию о том, что она особенно заинтересована в том, чтобы ни одна из соседних с СССР стран или областей не была исключена из общей для всех системы контроля **. В свете этих руководящих принципов советская делегация представит в нужный момент поправки по различным статьям проекта конвенции, поправки, имеющие, скорее, технический характер и направленные к обеспечению объективного и беспристрастного функционирования инструмента контроля.

Печат. по газ. «Известия» № 278 (5309), 15 ноября 1933 г.

---

* См. т. XII, док. № 153; т. XV, док. № 75, 90.
** См. док. № 40.

360. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона

15 ноября 1933 г.

Только что обменялся с Рузвельтом рукопожатием в знак достигнутого соглашения, с тем чтобы завтра изготовить все документы и подписать их в пятницу *. Я, однако, нисколько не уверен, что до подписания не возникнет новых неожиданных затруднений или что Рузвельт по настоянию своих советников не попытается изменить пункты соглашения. Во всяком случае, предлагаю хранить это в полном секрете до получения телеграммы о подписании, о чем настойчиво просил Рузвельт. Сошлись мы на следующем: никаких заявлений о признании каких бы то ни было долгов я не делаю. Пресса сообщает, что имел место обмен мнениями о методах разрешения вопроса о взаимных претензиях, что позволяет надеяться на скорое разрешение вопросов **. Я остаюсь после подписания в Вашингтоне на некоторое время, чтобы попытаться прийти к окончательному соглашению с Буллитом и с Моргентау-младшим, состоящему в том, что за взаимное погашение взаимных претензий мы выплачиваем в счет долга Керенского или под другим названием определенные финансовые суммы в форме добавочного процента по займу, получаемому нами от Америки. Я дал, однако, джентльменское слово, что берусь убедить свое правительство предложить не менее 75 млн. долл. при максимальном требовании Америки в 150 млн. долл., но об этом моем обещании Рузвельт публично не заявляет. Разница между этими лимитами, обеспечение и выяснение процентов, сумма и срок займа составят предмет моих переговоров с Буллитом и с Моргентау-младшим ***. Кроме того, мы обязуемся пока не требовать никаких сумм в американских судах и не возражаем против передачи накопившихся сумм из казначейства правительству ****.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. док. № 362—367.
** См. док. № 368.
*** См. док. № 361, 373, 383.
**** См. док. № 366.

361. Совместное коммюнике Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова и Президента США Рузвельта о переговорах по финансовым вопросам

Белый дом, Вашингтон
15 ноября 1933 г.
2.45 пополудни

Г-н Литвинов на совещании с президентом, с и. о. министра финансов* и г. Буллитом заключил с президентом «джентльменское соглашение» о том, что сверх всех претензий Советского правительства и его граждан к правительству Соединенных Штатов и его гражданам Советское правительство уплатит правительству Соединенных Штатов в качестве взноса за счет долга Керенского или прочего сумму не ниже 75 000 000 долл. в форме процента сверх обычной процентной нормы на заем, имеющий быть предоставленным ему правительством Соединенных Штатов или его гражданами, причем все остальные претензии со стороны правительства Соединенных Штатов или его граждан, а также со стороны правительства Союза Советских Социалистических Республик или его граждан должны рассматриваться как аннулированные.

Президент сказал, что он с уверенностью считает, что сможет убедить конгресс согласиться на сумму в 150 000 000 долл., но он боится, что конгресс на меньшую сумму не согласится. Г-н Литвинов тогда сказал, что он не может на свою собственную ответственность дать согласие на подобный минимум, ибо его правительство уже высказалось о том, что оно считает эту сумму чрезмерной.

Г-н Литвинов сказал, что он питает полное доверие к чувству справедливости президента и что он убежден, что после того, как президент ознакомится с фактами, он придет к заключению, что сумма свыше 75 000 000 долл. ничем не оправдывается. Он лично, не беря на себя никаких обязательств, склонен посоветовать своему правительству согласиться на 100 000 000 долл. в том случае, если президент будет считать такую сумму справедливой.

Г-н Литвинов согласился остаться в Вашингтоне после возобновления дипломатических отношений и обсудить с г. Моргентау и г. Буллитом точную сумму в пределах между 75 000 000 долл. и 150 000 000 долл., которая должна быть уплачена Советским правительством **.

М. Л[итвинов] *Ф. Р[узвельт]*

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1933». Washington, 1949, Vol. II, p. 804.

* Г. Моргентау.
** См. док. № 373, 383.

362. Обмен нотами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР М. М. Литвиновым и Президентом США Рузвельтом об установлении дипломатических отношений между СССР и США

1. НОТА ПРЕЗИДЕНТА США НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР М. М. ЛИТВИНОВУ

Белый дом, Вашингтон
16 ноября 1933 г.

Уважаемый господин Литвинов,

Я крайне счастлив уведомить Вас, что в качестве результата наших переговоров Правительство Соединенных Штатов решило установить нормальные дипломатические отношения с Правительством Союза Советских Социалистических Республик и обменяться Послами.

Я верю, что установленным ныне между нашими народами отношениям удастся навсегда остаться нормальными и дружественными и что нашим нациям отныне удастся сотрудничать для своей взаимной пользы и для ограждения всеобщего мира.

Я остаюсь, уважаемый господин Литвинов, весьма искренне Ваш

Франклин Д. Рузвельт

2. НОТА НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ПРЕЗИДЕНТУ США РУЗВЕЛЬТУ

Вашингтон,
16 ноября 1933 г.

Уважаемый господин Президент,

Я крайне счастлив уведомить Вас, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик радо установить нормальные дипломатические отношения с Правительством Соединенных Штатов и обменяться Послами.

Я также разделяю надежду, что установленным ныне между нашими народами отношениям удастся навсегда остаться нормальными и дружественными и что нашим нациям отныне удастся сотрудничать для своей взаимной пользы и для ограждения всеобщего мира.

Я остаюсь, уважаемый господин Президент, весьма искренне Ваш

Максим Литвинов,
Народный Комиссар по Иностранным Делам
Союза Советских Социалистических Республик

Ноты напеч. по орк. Огрыз. в кн. «Сборник действующих договоров...», вып. VIII. М., 1935, стр. 4—5.

363. Обмен нотами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР М. М. Литвиновым и Президентом США Рузвельтом по вопросу о пропаганде

I. НОТА НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ПРЕЗИДЕНТУ США РУЗВЕЛЬТУ

Вашингтон, 16 ноября 1933 г.

Уважаемый г-н Президент,

Имею честь уведомить Вас, что в связи с установлением дипломатических отношений между нашими Правительствами, твердо установленной политикой Правительства Союза Советских Социалистических Республик будет:

1. Неукоснительно уважать неоспоримое право Соединенных Штатов строить свою жизнь в пределах своей собственной юрисдикции по своему усмотрению и воздерживаться от вмешательства каким-либо образом во внутренние дела Соединенных Штатов, их территорий или владений.

2. Воздерживаться и удерживать всех лиц, находящихся на правительственной службе, и все организации Правительства или организации, находящиеся под его прямым или косвенным контролем, включая организации, получающие от него какую-либо финансовую помощь, от какого-либо явного или скрытого акта, могущего каким-либо образом нанести ущерб спокойствию, благосостоянию, порядку или безопасности Соединенных Штатов в целом или какой-либо их части, их территорий или владений и, в частности, от любого акта, направленного на подстрекательство или поощрение вооруженной интервенции, или от какой-либо агитации или пропаганды, имеющих целью нарушение территориальной целостности Соединенных Штатов, их территорий или владений, либо насильственное изменение политического или общественного строя Соединенных Штатов в целом, или какой-либо их части, их территорий или владений.

3. Не разрешать создания или пребывания на своей территории какой-либо организации или группы и не допускать на своей территории деятельности какой-либо организации или группы, либо представителей или должностных лиц какой-либо организации или группы, претендующей на роль правительства или посягающей на территориальную целостность Соединенных Штатов, их территорий или владений; не создавать, не субсидировать, не поддерживать и не разрешать на своей территории военных организаций или групп, имеющих своей целью вооруженную борьбу против Соединенных Штатов, их территорий или владений, и не допускать какой-либо вербовки от имени таких организаций и групп.

4. Не разрешать создания или пребывания на своей территории какой-либо организации или группы и не допускать на своей территории деятельности какой-либо организации или группы, либо представителей или должностных лиц какой-либо организации или группы, имеющей своей целью свержение или подготовку свержения или насильственное изменение политического или общественного строя Соединенных Штатов в целом или какой-либо их части, их территорий или владений.

Остаюсь, уважаемый г-н Президент, весьма искренне Ваш

Максим Литвинов,
Народный Комиссар по Иностранным Делам
Союза Советских Социалистических Республик

2. НОТА ПРЕЗИДЕНТА США НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР М. М. ЛИТВИНОВУ

Белый дом, Вашингтон,
16 ноября 1933 г.

Уважаемый г-н Литвинов,

Я был рад получить заверения, содержащиеся в Вашей ноте на мое имя от сего числа, в том, что твердо установленной политикой Правительства Союза Советских Социалистических Республик будет:

1. Неукоснительно уважать неоспоримое право Соединенных Штатов строить свою жизнь в пределах своей собственной юрисдикции по своему усмотрению и воздерживаться от вмешательства каким-либо образом во внутренние дела Соединенных Штатов, их территорий или владений.

2. Воздерживаться и удерживать всех лиц, находящихся на правительственной службе, и все организации Правительства или организации, находящиеся под его прямым или косвенным контролем, включая организации, получающие от него какую-либо финансовую помощь, от какого-либо явного или скрытого акта, могущего каким-либо образом нанести ущерб спокойствию, благосостоянию, порядку или безопасности Соединенных Штатов в целом или какой-либо их части, их территорий или владений, и, в частности, от любого акта, направленного на подстрекательство или поощрение вооруженной интервенции, или от какой-либо агитации или пропаганды, имеющих целью нарушение территориальной целостности Соединенных Штатов, их территорий или владений, либо насильственное изменение политического или общественного строя Соединенных Штатов в целом или какой-либо их части, их территорий или владений.

3. Не разрешать создания или пребывания на своей территории какой-либо организации или группы и не допускать на своей территории деятельности какой-либо организации или группы, либо представителей или должностных лиц какой-либо организации или группы, претендующей на роль правительства или посягающей на территориальную целостность Соединенных Штатов, их территорий или владений; не создавать, не субсидировать, не поддерживать и не разрешать на своей территории военных организаций или групп, имеющих своей целью вооруженную борьбу против Соединенных Штатов, их территорий или владений, и не допускать какой-либо вербовки от имени таких организаций и групп.

4. Не разрешать создания или пребывания на своей территории какой-либо организации или группы и не допускать на своей территории деятельности какой-либо организации или группы, либо представителей или должностных лиц какой-либо организации или группы, имеющей своей целью свержение или подготовку свержения или насильственное изменение политического или общественного строя Соединенных Штатов в целом или какой-либо их части, их территорий или владений.

Твердо установленной политикой исполнительной власти Соединенных Штатов в пределах полномочий, предоставленных Конституцией и законами Соединенных Штатов, будет соблюдение со своей стороны вышеизложенных обязательств.

Остаюсь, уважаемый г-н Литвинов, весьма искренне Ваш

Франклин Д. Рузвельт

Ноты печат. по арх. Опубл. в сб. «Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers. 1933», Vol. II, pp. 805—809.

364. Обмен письмами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР М. М. Литвиновым и Президентом США Рузвельтом по религиозным вопросам

1. ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТА США НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР М. М. ЛИТВИНОВУ

Белый дом, Вашингтон, 16 ноября 1933 г.

Уважаемый г-н Литвинов,

Как я говорил Вам во время наших недавних бесед *, я ожидаю, что после установления нормальных отношений между нашими странами многие американцы пожелают временно или постоянно проживать на территории Союза Советских

* См. док. № 342, 349.

Социалистических Республик, и я глубоко озабочен тем, чтобы они могли пользоваться во всех отношениях такой же свободой совести и вероисповедания, какой они пользуются в своей стране.

Как Вам хорошо известно, Правительство Соединенных Штатов со времени образования Республики всегда стремилось обеспечить защиту своих граждан внутри страны и за границей в отношении беспрепятственного осуществления свободы совести и отправления религиозных культов, а также от каких бы то ни было ограничений в правах или преследований в связи с их религиозными убеждениями или отправлением культов. Вряд ли есть для меня необходимость отметить, что перечисленные ниже права — это права, которыми пользуются в Соединенных Штатах все американские и иностранные граждане, а также американские граждане во всех основных странах мира.

Правительство Соединенных Штатов ожидает поэтому, что гражданам Соединенных Штатов Америки на территории Союза Советских Социалистических Республик будет разрешено совершать, без каких-либо помех или препятствий, богослужение и религиозные обряды, включая крестины, конфирмацию, причастие, брак и похороны на английском или любом другом языке, которым они обычно пользуются при отправлении обрядов того культа, к которому они принадлежат, в церквах, домах или иных помещениях, пригодных для такого богослужения, с предоставлением права и возможности аренды, постройки или содержания их в удобных местах расположения.

Мы ожидаем, что граждане Соединенных Штатов будут иметь право собирать со своих единоверцев и получать из-за границы добровольные пожертвования на религиозные цели; что они будут иметь право без ограничения проводить религиозное обучение своих детей как в индивидуальном порядке или в группах или обеспечивать, чтобы такое обучение осуществлялось лицами, которых они могут нанять с этой целью; что им будет предоставлено право, с обеспечением его защиты, на захоронение своих умерших в соответствии со своими религиозными обычаями в подходящих и удобных местах, отведенных для этой цели, и что им будет предоставлено право и возможность арендовать, создавать, занимать и содержать такие места захоронения при условии соблюдения разумных санитарных норм и правил.

Мы ожидаем, что религиозным группам или конгрегациям, состоящим из граждан Соединенных Штатов Америки, на территории Союза Советских Социалистических Республик будет предоставлено право на удовлетворение их духовных потребностей священниками, пасторами, раввинами или иными

священнослужителями, являющимися гражданами Соединенных Штатов Америки, и что такие священники, пасторы, раввины или иные священнослужители будут обеспечены защитой от любых ограничений в правах или преследований и что им не будет отказываться во въезде на территорию Советского Союза по причине их духовного звания.

Остаюсь, уважаемый г-н Литвинов, весьма искренне Ваш

Франклин Д. Рузвельт

2. ПИСЬМО НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ПРЕЗИДЕНТУ США РУЗВЕЛЬТУ

Вашингтон,
16 ноября 1933 г.

Уважаемый г-н Президент,

В ответ на Ваше письмо от 16 ноября 1933 г. имею честь уведомить Вас, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик, в качестве твердо установленной политики, предоставляет гражданам Соединенных Штатов на территории Союза Советских Социалистических Республик следующие упомянутые Вами права:

1. Право «беспрепятственного осуществления свободы совести и отправления религиозных культов» и защиту «от каких бы то ни было ограничений в правах или преследований в связи с их религиозными убеждениями или отправлением культов».

Это право закреплено следующими законами и постановлениями, существующими в различных республиках Союза:

«Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволи шения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются» (декрет от 23 января 1918 г., ст. 3 *).

В пределах Советского Союза «запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан» (декрет от 23 января 1918 г., ст. 2).

2. Право «совершать, без каких-либо помех или препятствий, богослужение и религиозные обряды».

Это право закреплено следующими законами:

«Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного

* Имеется в виду декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г.; см. «Собрание узаконений и распоряжений...», отд. I, № 18, 26 января 1918 г., стр. 272—273.

порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан» Советского Союза. «Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности» (декрет от 23 января 1918 г., ст. 5).

Воспрепятствование исполнению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан, наказуется принудительными работами на срок до 6 месяцев (Уголовный кодекс, ст. 127 *).

3. «Право и возможность аренды, постройки или поддержания в надлежащих условиях» церквей, домов или иных строений, предназначенных для религиозных целей.

Это право закреплено следующими законами и правилами:

«Для удовлетворения религиозных потребностей верующие, составившие религиозное общество, могут получать по договору в бесплатное пользование от волостного или районного исполнительного комитета или городского совета специальные молитвенные здания и предметы, предназначенные исключительно для культовых целей» (декрет от 8 апреля 1929 г., ст. 10 **).

«Кроме того, верующие, составившие религиозное общество, или группа верующих могут пользоваться для молитвенных собраний и другими помещениями, предоставляемыми им частными лицами или местными советами и исполнительными комитетами на правах аренды. На эти помещения распространяются все правила, установленные настоящим постановлением для молитвенных зданий; договоры на право пользования такими помещениями заключаются отдельными верующими за их личной ответственностью.

Кроме того, помещения эти должны удовлетворять строительно-техническим и санитарным правилам» (декрет от 8 апреля 1929 г., ст. 10).

«Молитвенные здания и культовое имущество передаются в пользование верующих, составивших религиозное общество, по договору от имени соответствующего районного исполнительного комитета или городского совета подлежащим административным отделом (частью) или отделением или непосредственно волостным исполнительным комитетом» (декрет от 8 апреля 1929 г., ст. 27).

---

* Имеется в виду Уголовный кодекс РСФСР. Редакция 1926 г. М., 1927, стр. 60.

** Имеется в виду постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях»; см. «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР», отд. I, № 35, 18 мая 1929 г., стр. 474—483.

«Постройка новых молитвенных зданий может быть допущена по просьбе религиозных обществ с соблюдением общих для возведения строений технически-строительных правил, а также особых условий, устанавливаемых Народным комиссариатом внутренних дел» (декрет от 8 апреля 1929 г., ст. 45).

4. «Право собирать со своих единоверцев ..... * добровольные пожертвования на религиозные цели».

Это право закреплено следующим законом:

«Члены групп верующих и религиозные общества имеют право производить складчины и собирать добровольные пожертвования как в самом молитвенном здании, так и вне его, но лишь среди членов данного религиозного объединения и только на цели, связанные с содержанием молитвенного здания, культового имущества, наймом служителей культа и содержанием исполнительных органов.

Всякого рода принудительное взимание сборов в пользу религиозных объединений влечет ответственность по Уголовному кодексу [РСФСР]» (декрет от 8 апреля 1929 г., ст. 54).

5. «Право давать религиозное обучение своим детям как в одиночку, так и в группах, или право на то, чтобы подобное обучение совершалось лицами, которых они используют для этой цели».

Это право закреплено следующим законом:

«Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом» (декрет от 23 января 1918 г., ст. 9).

Далее Советское Правительство готово включить в консульскую конвенцию, подлежащую обсуждению немедленно после установления отношений между нашими обеими странами, постановление, в котором гражданам Соединенных Штатов в отношении свободы совести и свободного отправления религии будут предоставлены права, которые будут не менее благоприятны, чем те права, которыми пользуются в Союзе Советских Социалистических Республик граждане наиболее благоприятствуемой в этом отношении нации. В этой связи я имею честь обратить Ваше внимание на ст. 9 Договора между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик, подписанного в Москве 12 октября 1925 г., имеющую следующее содержание:

«Граждане каждой из договаривающихся сторон пользуются... * свободой совести и отправления религиозного культа при условии, что их учения и обряды не противны законам.

---

* Многоточие текста документа.

Они вправе в церквах, домах или иных помещениях, наем которых должен происходить согласно законам страны, совершать богослужения как на своем родном, так и на ином, соответствующем их религиозным обрядам, языке и погребать по своим религиозным обрядам своих покойников на кладбищах, устроенных и содержимых ими с разрешения подлежащих властей, поскольку они соблюдают строительные и санитарные полицейские правила другой стороны» *.

Далее я хотел бы отметить, что права, упомянутые в указанном пункте, будут предоставлены американским гражданам немедленно по установлении взаимоотношений между нашими обеими странами.

Наконец, я имею честь сообщить Вам, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик, оставляя за собой право отказа по персональным причинам в визах американцам, желающим отправиться в Союз Советских Социалистических Республик, не намеревается обосновывать подобные отказы тем, что подобные лица имеют духовное звание.

Я остаюсь, уважаемый г-н Президент, искренне Ваш

Максим Литвинов,
Народный Комиссар по Иностранным Делам
Союза Советских Социалистических Республик

Письма печат. по арх. Опубл. в сб. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1933», Vol. II, pp. 867—870.

365. Обмен письмами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР М. М. Литвиновым и Президентом США Рузвельтом по вопросам правовой защиты граждан

1. ПИСЬМО НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ПРЕЗИДЕНТУ США РУЗВЕЛЬТУ

Вашингтон,
16 ноября 1933 г.

Уважаемый господин Президент,

В связи с нашими беседами имею честь уведомить Вас, что Советское Правительство готово включить в консульскую конвенцию, которая будет предметом переговоров немедленно по установлении отношений между нашими странами, положения, по которым гражданам Соединенных Штатов будут предоставлены в том, что касается правовой защиты, не менее

* См. т. VIII, док. № 342, стр. 586.

благоприятные права, чем те, которыми пользуются в Союзе Советских Социалистических Республик граждане наиболее благоприятствуемой в этом отношении нации.

Кроме того, я желаю заявить, что такие права будут предоставлены американским гражданам немедленно по установлении отношений между нашими странами.

В этой связи я имею честь обратить Ваше внимание на статью 11 и на Протокол к статье 11 Соглашения о поселении и общеправовой защите, заключенного между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик 12 октября 1925 г. *

«Статья 11

Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется принять меры к тому, чтобы консул другой Стороны ставился в кратчайший срок в известность о каждом случае задержания в его служебном округе гражданина представляемой им Стороны.

Соответственным образом следует поступать и при перемене места заключения».

Заключительный протокол к статье 11

«1. Извещение консула должно производиться либо путем отправки консулу сообщения арестованного, либо путем непосредственного сообщения со стороны самой власти. Сообщения должны быть отправлены не позднее, чем в течение 7-ми суток, а в больших городах, включая уездные города,— в течение 3-х суток.

2. Места заключения всякого рода должны без промедления идти навстречу желаниям консульских представителей посетить лично или через уполномоченных находящихся под арестом граждан их страны. Консульский представитель не может требовать, чтобы во время разговора с арестованными судебное или тюремное должностное лицо удалилось».

Остаюсь, уважаемый г-н Президент, весьма искренне Ваш

Максим Литвинов,
Народный Комиссар по Иностранным Делам
Союза Советских Социалистических Республик

---

* См. т. VIII, док. № 342, стр. 587, 612.

2. ПИСЬМО
ПРЕЗИДЕНТА США
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
М. М. ЛИТВИНОВУ

Белый дом, Вашингтон
16 ноября 1933 г.

Уважаемый г-н Литвинов,

Благодарю Вас за Ваше письмо от 16 ноября 1933 г., в котором Вы сообщали мне, что Советское Правительство готово предоставить гражданам Соединенных Штатов в том, что касается правовой защиты, не менее благоприятные права, чем те, которыми пользуются в Союзе Советских Социалистических Республик граждане наиболее благоприятствуемой в этом отношении нации. Я принял к сведению положения Соглашения и Протокола, заключенных между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик 12 октября 1925 г.

Я рад, что граждане Соединенных Штатов будут пользоваться защитой, предоставляемой на основании этих актов, немедленно по установлении отношений между нашими странами, и я полностью готов к проведению переговоров о консульской конвенции, охватывающей эти вопросы, как только это окажется практически возможным. Разрешите мне добавить, что американские дипломатические и консульские должностные лица в Советском Союзе приложат все усилия для защиты прав американских граждан, в частности права на справедливое, открытое и быстрое судопроизводство и права быть представленными адвокатами по своему выбору. Мы ожидаем, что ближайшее американское дипломатическое или консульское должностное лицо будет немедленно извещено о любом аресте или задержании американского гражданина и что ему будет незамедлительно предоставлена возможность поддерживать связь и беседовать с таким гражданином.

Остаюсь, уважаемый г-н Литвинов, весьма искренне Ваш

Франклин Д. Рузвельт

Письма печат. по англ. Опубл. в сб. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1933». Vol. II, pp. 810—812.

366. Обмен письмами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР М. М. Литвиновым и Президентом США Рузвельтом по судебным делам

1. ПИСЬМО
НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
ПРЕЗИДЕНТУ США РУЗВЕЛЬТУ

Вашингтон,
16 ноября 1933 г.

Уважаемый г-н Президент,

В связи с нашими беседами имею честь сообщить Вам, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик

соглашается на то, что впредь до окончательного урегулирования претензий и контрпретензий между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки и претензий их граждан Правительство Союза Советских Социалистических Республик не примет никаких мер для приведения в исполнение каких-либо решений судов или возбуждения каких-либо новых судебных дел в отношении сумм, которые признаны или могут быть признаны причитающимися ему в качестве преемника прежних правительств России или в ином порядке от американских граждан, включая корпорации, компании, общества или ассоциации, а также претензии Российского Добровольного флота к Соединенным Штатам, которые в настоящее время рассматриваются в Палате претензий Соединенных Штатов, и что оно не будет возражать против того, чтобы такие суммы были уступлены Правительству Соединенных Штатов, и настоящим отказывается в пользу Правительства Соединенных Штатов от всех подобных сумм и уступает их ему, причем Правительство Союза Советских Социалистических Республик должно быть надлежащим образом уведомлено в каждом случае о любой сумме, реализованной Правительством Соединенных Штатов в силу подобного отказа и уступки.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик далее соглашается, впредь до упомянутого выше урегулирования, не предъявлять каких-либо претензий в отношении:

а) судебных решений, вынесенных или могущих быть вынесенными американскими судами, поскольку они касаются собственности, прав или связанных с ними интересов, в тех случаях, когда Союз Советских Социалистических Республик или его граждане могли иметь какой-либо интерес или могут претендовать на таковой; или

б) совершенных действий или мероприятий, проведенных Правительством Соединенных Штатов или при его содействии, или должностными лицами Соединенных Штатов, или их гражданами, в том что касается собственности, кредитов или иных обязательств какого-либо Правительства России или его граждан.

Остаюсь, уважаемый г-н Президент, весьма искренне Ваш

Максим Литвинов,
Народный Комиссар по Иностранным Делам
Союза Советских Социалистических Республик

2. ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТА США НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР М. М. ЛИТВИНОВУ

Белый дом, Вашингтон,
16 ноября 1933 г.

Рад подтвердить получение Вашего письма от 16 ноября 1933 г., в котором Вы заявляете, что «Правительство Союза Советских Социалистических Республик соглашается на то, что впредь до окончательного урегулирования претензий и контрпретензий между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки и претензий их граждан Правительство Союза Советских Социалистических Республик не примет никаких мер для приведения в исполнение каких-либо решений судов или возбуждения каких-либо новых судебных дел в отношении сумм, которые признаны или могут быть признаны причитающимися ему в качестве преемника прежних правительств России или в ином порядке от американских граждан, включая корпорации, компании, общества или ассоциации, а также претензии Российского Добровольного флота к Соединенным Штатам, которые в настоящее время рассматриваются в Палате претензий Соединенных Штатов, и что оно не будет возражать против того, чтобы такие суммы были уступлены Правительству Соединенных Штатов, и настоящим отказывается в пользу Правительства Соединенных Штатов от всех подобных сумм и уступает их ему, причем Правительство Союза Советских Социалистических Республик должно быть надлежащим образом уведомлено в каждом случае о любой сумме, реализованной Правительством Соединенных Штатов в силу подобного отказа и уступки.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик далее соглашается, впредь до упомянутого выше урегулирования, не предъявлять каких-либо претензий в отношении:

а) судебных решений, вынесенных или могущих быть вынесенными американскими судами, поскольку они касаются собственности, прав, или связанных с ними интересов, в тех случаях, когда Союз Советских Социалистических Республик или его граждане могли иметь какой-либо интерес или могут претендовать на таковой; или

б) совершенных действий или мероприятий, проведенных Правительством Соединенных Штатов или при его содействии, или должностными лицами Соединенных Штатов, или их гражданами, в том что касается собственности, кредитов или иных обязательств какого-либо Правительства России или его граждан».

Я рад получить от вашего Правительства эти обязательства и я не премину сообщать вашему Правительству в каждом случае о любой сумме, реализованной Правительством Соединенных Штатов в связи с имевшими в отношении их место отказом и уступкой, поскольку дело идет о суммах, в отношении которых будет установлено, что они причитаются или что они могли бы быть признаны причитающимися Правительству Союза Советских Социалистических Республик, и о сумме, которая могла бы быть признана причитающейся по претензии Российского Добровольного флота.

Остаюсь, уважаемый г-н Литвинов, весьма искренне Ваш

Франклин Д. Рузвельт

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1933», Vol. II, pp. 812—814.

367. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Президенту США Рузвельту

Вашингтон,
16 ноября 1933 г.

Уважаемый г-н Президент,

Имею честь уведомить Вас, что после наших бесед и изучения мною некоторых документов 1918—1921 гг., касающихся позиции Американского Правительства в отношении Сибирской экспедиции, производившихся там иностранными вооруженными силами операций и неприкосновенности территории Союза Советских Социалистических Республик, Правительство Союза Советских Социалистических Республик соглашается отказаться от всех и любых претензий какого бы то ни было характера, вытекающих из деятельности вооруженных сил Соединенных Штатов в Сибири или содействия вооруженным силам в Сибири после 1 января 1918 г., и рассматривать подобные претензии как окончательно урегулированные и разрешенные настоящим соглашением.

Остаюсь, уважаемый г-н Президент, весьма искренне Ваш

Максим Литвинов,
Народный Комиссар по Иностранным Делам
Союза Советских Социалистических Республик

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1933», Vol. II, p. 814.

368. Совместное заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова и Президента США Рузвельта *

Белый дом, Вашингтон,
16 ноября 1933 г.

В дополнение к соглашениям, подписанным нами сегодня**, состоялся обмен мнениями относительно методов урегулирования всех нерешенных вопросов задолженности и претензий, позволяющий нам надеяться на быстрое и удовлетворительное разрешение этих вопросов, чего оба наши Правительства желают достичь по возможности скорее.

Г-н Литвинов останется в Вашингтоне на несколько дней для дальнейших бесед ***.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, The Soviet Union 1933—1939», New York, 1952, p. 37.

369. Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителям печати

Вашингтон,
17 ноября 1933 г.

Народы Советского Союза примут известие о восстановлении нормальных отношений с самым искренним удовлетворением и с теми же дружественными чувствами по отношению к американскому народу, какие я имел удовольствие наблюдать здесь по отношению к СССР с первого момента моего прибытия. Вчерашний обмен нотами **** не только создает необходимые условия для быстрого и успешного урегулирования неразрешенных проблем, относящихся к прошлому, но — что важнее — открывает новую страницу в развитии подлинно дружественных отношений и мирного сотрудничества двух крупнейших республик.

Многие возможности экономического сотрудничества будут полностью использованы. Вчерашнее мероприятие окажет самое благоприятное влияние на дело мира. Все честные миролюбивые люди, все, кто против культивирования недоброжелательства, недоверия, враждебных действий и других аномалий в отношениях между народами, будут обрадованы этим мероприятием. Нормальные отношения существуют в настоящий момент между всеми странами, но во многих случаях под прикрытием нормальных отношений выращиваются недоверие

* Передано Белым домом для опубликования к печати 17 ноября 1933 г.

** См. док. № 362—367.

*** См. док. № 370, 373, 383.

**** См. док. № 362—367.

и недоброжелательство, иногда находящие свое завершение в самых ненормальных действиях. Такого рода условные технически нормальные отношения нежелательны с Соединенными Штатами. Мы хотим и будем стремиться к подлинно нормальным отношениям, к подлинно дружественным отношениям.

Это, несомненно, проистекает из того факта, что у нас не было реальных конфликтов в прошлом, и мы не ожидаем их в будущем, и что уже существуют точки соприкосновения и они будут увеличиваться, и будет расширяться общая почва для экономического и культурного сотрудничества и для борьбы в пользу мира.

Мне часто напоминали с тех пор, как я здесь, что я намного превзошел те полчаса времени, необходимые, как я упомянул в Берлине *, для выполнения моей миссии. Фактический обмен нотами, устанавливающий отношения, потребовал еще меньше времени, и это я имел в виду, потому что не предполагал ничего другого. Здесь, однако, по инициативе другой стороны, состоялось некоторое предварительное обсуждение, объем которого я не был в состоянии предвидеть. Отсутствие отношений в течение 16 лет содействовало накоплению в Соединенных Штатах неправильных и ложных представлений о положении в СССР. Отсутствие официальных представителей в Москве лишало американского президента возможности получать аутентичную информацию из первоисточника. Многие люди забавлялись распространением самых диких басен о Советском Союзе. Потому я не был удивлен, когда президент пожелал прежде всего получить самую полную информацию о политике Советского правительства по отношению к гражданам других стран и пожелал ознакомиться с условиями во всех областях жизни для американцев, которые будут приезжать в Советский Союз в возрастающем количестве после восстановления отношений. Я дал эту информацию в наивозможно полном виде, выражаясь самым убедительным образом и тщательно выбирая слова для того, чтобы избежать недоразумений и неправильного истолкования. Сделать это было нетрудно. Президент и я отлично понимали друг друга, понимали положение каждой стороны, но, естественно, потребовалось некоторое время для того, чтобы сформулировать то, что мы обсуждали.

Президент специально пожелал узнать, пользуются ли американцы свободой богослужения в Советском Союзе и могут ли они отправлять религиозные обряды — крещение, свадьба, похороны и т. д. В ответ я написал президенту письмо, в котором изложил существующие законы о религии **. Президент

---

* См. док. № 329.
** См. док. № 364.

также запросил относительно правового положения иностранцев в СССР. В ходе переговоров я объяснил, что иностранцы в Советском Союзе должны подчиняться во всех отношениях советским законам и что специальный статут для иностранцев не может быть допущен. Я ссылался на существующие законы и соответствующие статьи советско-германской консульской конвенции * относительно прав иностранцев. Я согласился с тем, чтобы подобные же права были распространены на американцев на основе принципа наибольшего благоприятствования, и это будет включено в консульскую конвенцию **. Кроме того, неизбежный вопрос о пропаганде. В другом письме я заверил президента, что отношения Советского правительства и правительств других стран основаны на принципе взаимного невмешательства во внутренние дела. Я изложил взаимные обязательства, принятые Советским правительством и другими правительствами, с которыми установлены нормальные отношения. Эти обязательства будут распространены на Соединенные Штаты ***.

Один вопрос более сложный, чем остальные,— взаимные материальные претензии — не мог быть урегулирован в короткое время, потому что установленная политика Советского правительства не допускает урегулирования подобных вопросов до установления отношений. Обмен мнений по этому вопросу обнаружил добрую волю обеих сторон и желание урегулировать этот вопрос в наивозможно короткий срок ****. Точки зрения обеих сторон на методы урегулирования этого вопроса отстоят друг от друга не слишком далеко. Президент вновь убедился в том, что был прав, когда заявил в послании к Калинину *****, что для урегулирования всех основных вопросов не существует непреодолимых препятствий. Единственным подлинно непреодолимым препятствием до сих пор было отсутствие каких бы то ни было отношений и какой бы то ни было возможности вести переговоры.

В доказательство нашей доброй воли мы решили, не дожидаясь окончательного урегулирования взаимных претензий, отказаться от одной из наших претензий к Соединенным Штатам, относящейся к американской экспедиции в Сибири, и это мы сделали, учитывая некоторые действия Соединенных Штатов, в то время, с которыми я ознакомился во время посещений

---

* Так в тексте. Речь идет о советско-германском соглашении о поселении и *общеправовой* защите от 12 октября 1925 г.; см. т. VIII, док. № 342, стр. 584—589.

** См. док. № 365.

*** См. док. № 363.

**** См. док. № 361, 368.

***** См. док. № 315.

государственного департамента (министерство иностранных дел) *.

Я убежден, что восстановление отношений между двумя великими странами поднимет только один большой вопрос: почему это не было сделано раньше. У всех будет сознание, что устранена одна из важнейших политических и экономических аномалий.

Печат. по газ. «Известия» № 283 (5913), 20 ноября 1933 г.

370. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона

17 ноября 1933 г.

Рузвельт, сделав обзор международного положения, отметил, что 92% населения земного шара жаждет мира и только 8% стремится к войне и к завоеваниям, куда должны быть отнесены Германия и Япония. Америка и СССР, не нуждающиеся ни в каких территориальных завоеваниях, должны стать во главе движения за мир, который они понимают как невторжение на чужую территорию. Америке не нужны новые территории и кое-какие даже стесняют ее, как, например, Филиппины, но приходится защищать то, чем она владеет. Движение Германии на Восток он считает реальным, в особенности после разговора, который он имел с Шахтом. Он надеется, однако, что Гитлер не выдержит и лопнет, но пока что является опасным милитаристским воспитателем юношества. Серьезную опасность представляет японская военщина; Америка не боится атак, но Япония вынуждает Америку тратить новые сотни миллионов долларов на вооружение. В то время как Америка и Англия недовыполнили вашингтонских квот, Япония выполнила свою полностью и благодаря построенным новейшим судам может тягаться с английским флотом и перегнала американский. Америка может, однако, строить 3 судна против одного японского. Он полагает, что Япония не выдержит финансового напряжения. Рузвельт при этом упомянул, что мы могли бы обмениваться с Америкой информацией о Японии. Он полагает, что нам нужно лет 10 для приведения Сибири в надлежащее состояние, в особенности для постройки дорог, и Америка готова все делать, чтобы отвращать от нас японские опасности. Воевать Америка не будет, ибо ни один американец не пойдет на это, но моральную и дипломатическую поддержку Рузвельт готов оказывать нам на 100%. Как бы рассуждая вслух, Рузвельт спрашивал, отчего нам не подписать пакт о

* См. док. № 367.

ненападении, на что я изъявил немедленное согласие, а также одобрил идею тихоокеанского пакта, и Рузвельт тут же поручил Буллиту заняться этим вопросом и доложить ему. Рузвельт, конечно, понимает неприемлемость такого или даже треугольного пакта для Японии, но отказ Японии развяжет ему руки для заключения пакта с нами. Я спрашивал его, что еще он мог бы сделать для сохранения мира и что он думает по поводу соглашения с нами о совместных действиях в случае опасности миру. Рузвельт, боящийся всяких двусторонних обязательств, ответил, что он предпочитает это сделать односторонним заявлением при подходящем случае. Он предложил также обменяться с ним письмами при моем отъезде *. Говорил он также о желательности нейтрализации всех тихоокеанских островов. Я указал на неизбежную в таком случае демилитаризацию острозов, что было бы возможно лишь при взаимной гарантии нейтралитета всеми владельцами островов, на что последние вряд ли согласятся. Говорили мы также о политике европейских великих держав, причем Рузвельт отметил, что английские консерваторы традиционно дружат с Японией. Среди них заметны теперь новые трения, вызванные экономическим состязанием с Японией. Но Англия, говорил он, не может воевать с Японией, не имея для этого достаточных морских баз. Он предложил мне переговорить о разоружении с Норманом Дэвисом, с которым я повстречался в соседней комнате. Говорил Рузвельт также о желательности расширения нашего экспорта в Америку и предложил Буллиту изучить этот вопрос, особенно отметив желательность увеличения ввоза икры, которую теперь не везде можно достать в Америке. Под конец он стал расхваливать Буллита и сказал, что он хочет назначить его послом к нам, на что я сказал, что возражений не будет. Я, между прочим, заверил его в подлинности опубликованных нами японских документов **, и Рузвельт выразил сожаление, что они мало изучены в Америке, а Буллит спрашивал, не сможем ли мы послать подлинник. Рузвельт согласился со мной, что это означало бы раскрытие источника получения. Мое внимание обратили на себя частые расспросы Рузвельта и Буллита о постройке железных дорог в Сибири, из чего можно, пожалуй, сделать вывод о возможности разговора о целевых кредитах на эту постройку [273]. Из моих многократных бесед с Рузвельтом *** я вынес впечатление, что в случае урегулирования вопроса о долгах и при отсутствии инцидентов с американцами в Союзе у нас могли бы установиться с Рузвельтом весьма дружественные отношения. Общественное мнение тоже сейчас этому благопри-

* См. док. № 382.
** См. док. № 314.
*** См. док. № 342, 349.

ятствует. Рузвельт сегодня уехал на несколько недель на курорт.

Беседа с Дэвисом о разоружении представляла мало интересного, хотя и касалась главным образом позиции Японии, но мне приходилось просвещать его. Он рассказал мне, что в беседах здесь высказывалось желание о конференции представителей Англии, Франции, Италии, Германии, СССР, Польши, Малой Антанты, Америки и Японии, очевидно, в противовес «пакту четырех».

Литвинов

Печат. по арх.

371. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Швеции члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

17 ноября 1933 г.

По получении директив о 100-миллионном займе [274] Канделаки открыл переговоры 16 ноября. Переговоры от имени шведского правительства ведет министр финансов. В результате долгой беседы установили незыблемость принципа отсутствия материальной гарантии с нашей стороны. Переговоры продолжаются.

Коллонтай

Печат. по арх.

372. Запись беседы советника Полномочного Представительства СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком *

17 ноября 1933 г.

На приеме у мадам Бек. Разговор с Беком.

Ко мне подошел Бек и начал с того, что стал просить передать благодарность правительству, руководителям Красной Армии, общественным организациям за оказанный прием военным летчикам [275], за внимание, за проявление дружеских чувств к польской армии; точно так же он выражает благодарность за прием музыкантов, польской выставки и т. д. [276] Он полагает, что выраженное этим путем внимание и дружеские чувства со стороны Советского правительства и общественности найдут такой же отклик среди польской общественности; он весьма доволен всеми событиями, какие произошли за последнее время. В частности, он доволен некоторыми ус-

* Из дневника Б. Г. Подольского за период с 14 по 25 ноября 1933 г.

пехами на Западе, которые делают еще один вклад в дело мира. Тут же Бек, смеясь, рассказал мне и подошедшему к нам Райскому, как он в Лондоне предложил т. Литвинову поделить пополам Нобелевскую премию мира (на последнее я никак не реагировал). Затем Бек уже в присутствии Райского снова стал приносить благодарности. Райский, в свою очередь, видимо, ошеломленный приемом в Москве, стал, захлебываясь, рассказывать о том внимании, какое им было оказано, о достижениях нашей авиапромышленности и т. д.

Через некоторое время, после того как Райский отошел от нас, я спросил Бека, не может ли он мне сказать, какие меры были приняты за последнее время, дабы приостановить антисоветскую работу в Малопольше, которая ведется еще и по сей день. На это Бек с подъемом стал мне излагать их мероприятия. Недавно он снова беседовал с Перацким *, который ему обещал проявить достаточную энергию для ликвидации антисоветской кампании. Перацкий ему сообщил, что 29 октября не были допущены антисоветские выступления. Запрещение этих собраний показало, что польские власти не имеют намерения потворствовать враждебным элементам, которые настроены вести антисоветскую работу. Несколько дней тому назад у него был тарнопольский воевода, он также с ним беседовал по поводу антисоветской кампании. Тарнопольский воевода ему сообщил, что запрещение демонстраций 29 октября создало перелом в настроениях. У него создалось такое впечатление, что местные власти энергично взялись за ликвидацию антисоветских выступлений. Одновременно Бек заявил следующее: «На территории Малопольши третья сила хотела попробовать испортить наши отношения. У него такое впечатление, что эти попытки потерпели поражение. Отношения наши остались дружескими и в этом направлении развиваются все дальше. Не только в данном случае, но и во всех других вопросах он всячески стремится к тому, чтобы в отношениях с СССР третья сторона не играла бы никакой роли. Следует всячески остерегаться тех, которые хотят видеть нас во враждебных отношениях».

На это я ему ответил: наши стремления, как он это может видеть, все время идут в направлении все большего и большего укрепления дружеских отношений. Мы всячески стремимся к тому, чтобы устранить все то, что мешает дальнейшему развитию отношений, и в этих целях мы уже однажды обратили внимание польского правительства ** и сегодня я снова обращаю его внимание на то, что делается в Малопольше. Однако, признавая некоторые успехи в исправлении своих

---

* Министр внутренних дел Польши.
** См. док. № 323.

ошибок со стороны местной администрации Малопольши, не могу не отметить, что борьба с антисоветской кампанией ведется несколько поверхностно. Основанием для такого утверждения является то обстоятельство, что и по сей день в Малопольше существует несколько десятков, а возможно и больше, организаций; одних только уездных 29 комитетов. Эти организации возникли в процессе антисоветской кампании, и мне непонятно, каким образом можно бороться с антисоветской кампанией, не уничтожив самих организаций, которые руководят и организуют эту кампанию. Я вполне согласен с ним в том, что в наших отношениях не должна иметь влияния третья сила. В данном случае я не вижу этой третьей силы, так как у меня абсолютно твердое убеждение в том, что существование этих организаций, наличие антисоветских кампаний, которые проводятся еще в Малопольше, зависит целиком от воли местной польской администрации.

На это Бек мне ответил весьма уклончиво. Он заявил, что логически мною были построены правильно соображения, но на практике, когда нужно что-либо провести, не получается такой стройности, так как на пути осуществления этих мероприятий встречаются трудности, которые, по мере возможности, польские власти преодолевают. Он желает, чтобы мы помнили, что они принимают все меры, дабы ничто не мешало нормальному развитию наших отношений. Как бы ни хотели наши враги испортить наши отношения, это им не удастся.

На этом разговор закончился, так как к нам подошел испанский министр, румынский посол, и, естественно, разговор не мог дальше продолжаться.

Подольский

Печат. по арх.

373. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона

18 ноября 1933 г.

Сегодня имел первый деловой разговор в министерстве финансов с Моргентау-младшим и Буллитом. Я напомнил им, что согласно джентльменскому соглашению* я остался здесь только для установления сумм, что я предполагаю уехать 25 ноября, но готов обсуждать с ними и другие элементы соглашения. Если удастся до моего отъезда достигнуть полного соглашения, тем лучше; если же нет, то переговоры будет продолжать новый посол. Мои собеседники не возражали, но настаивали лишь на том, чтобы соглашение было достигнуто

* См. док. № 361.

до января. Затем обсуждали процентную ставку и в конце заседания констатировали мое максимальное предложение — 7%, из них 2—3% на амортизацию старого долга, и предложение Моргентау-младшего — 10%, из них 6% на амортизацию. Следующее заседание в воскресенье вечером*, на которое приглашаю Богданова**, лучше меня знающего существующие здесь процентные ставки. Если не добьемся окончательных результатов в течение недели, когда будем встречаться, вероятно, ежедневно, то переговоры примут затяжной характер или даже станут безнадежными, и мне оставаться тогда не следует. Пока я здесь, переговоры будут проходить под давлением прессы, осведомленной о каждом заседании и требующей результатов, между тем как переговоры с послом будут протекать в более спокойной обстановке. К тому же нам выгоднее вести переговоры в присутствии президента, который будет, как показал опыт, более уступчив, чем его советники. На мой вопрос вчера, почему Рузвельт был так настойчив в вопросе о религии, Буллит откровенно сказал, что здесь играла роль исключительно внутренняя политика и что документы о религии дадут Рузвельту в конгрессе 50 голосов, в которых он очень нуждается для проведения экономических реформ.

Было бы небесполезно т. Калинину выступить по радио с кратким обращением к американскому народу. Он может говорить по-русски, а его одновременно будут здесь переводить. Это полезно сделать сегодня или, позднейшее, завтра***.

Литвинов

Печат. по арх.

374. Сообщение ТАСС об обмене телеграммами между Министром Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммедханом и вр. и. о. Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинским

18 ноября 1933 г.

14 ноября с. г. афганский посол в Москве г. Абдул Хусейн Азиз-хан вручил вр. и. о. народного комиссара по иностранным делам т. Н. Н. Крестинскому телеграмму министра иностранных дел Афганистана, извещающую о восшествии на афганский престол короля Мухаммеда Захир-шаха[277] и заверяющую правительство СССР в желании правительства Афгани-

---

* См. док. № 383.
** Председатель правления «Амторга».
*** См. док. № 376.

стана поддерживать и укреплять дружественные отношения с СССР.

В ответной телеграмме на имя министра иностранных дел Афганистана т. Н. Н. Крестинский, подтвердив получение сообщения о восшествии Мухаммеда Захир-шаха на престол Афганистана, заявил, что правительство СССР с удовлетворением принимает к сведению готовность афганского правительства поддерживать и укреплять дружественные отношения между Афганистаном и СССР и что Союзное правительство со своей стороны готово содействовать и впредь упрочению добрососедских отношений между обоими государствами в интересах их мирного развития.

Печат. по газ. «Известия»
№ 281(5315), 18 ноября 1933 г.

375. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Председателем Американской торговой палаты в Берлине Пирсом

18 ноября 1933 г.

18 ноября явился ко мне Герберт Пирс — председатель Американской торговой палаты, он же член правления «Интернэшнл дженерал электрик К°». Он поблагодарил меня, что я дал ему возможность именно сегодня прийти ко мне приветствовать меня и поздравить с возобновлением дипломатических отношений между Советским Союзом и Америкой *. Он сам является представителем той фирмы, которая имела и продолжает иметь большие дела с Советским Союзом ** и всегда стояла на точке зрения признания Советского Союза Америкой.

Я со своей стороны сообщил ему следующее: «Я рад приветствовать Вас как представителя Американской торговой палаты в день, когда дипломатические отношения между СССР и США восстановлены после длительного перерыва. Председатель нашего Исполнительного Комитета г. Калинин в своем ответном послании г. Рузвельту *** уже указал на то огромное значение, которое сближение между нашими народами имеет для дела поддержания и укрепления всеобщего мира и для будущего наших народов. Мне кажется, однако, что и в хозяйственном отношении восстановление дипломатических отношений будет иметь большое значение для обеих стран. Я знаю, что в некоторых американских кругах рас-

* См. док. № 362.
** См. т. XI, док. № 330.
*** См. док. № 315.

пространен предрассудок, что хозяйственные отношения между СССР и США не могут быть интенсивными, так как они экспортируют примерно одни и те же товары. Однако не нужно забывать, что СССР находится в полосе гигантской реконструкции, давшей уже огромные достижения в результате успешного завершения первого пятилетнего плана и приступа к выполнению второго пятилетнего плана. При таких условиях было бы ошибкой судить о будущем на основе прошлого. Я лично убежден в том, что обе страны на основе нормальных дипломатических отношений смогут углубить и всесторонне развить свои хозяйственные связи. Я полон гордости за свою страну, но я не сомневаюсь в том, что американская техника и американская промышленность при благоприятных условиях смогут найти себе широкое поле действий в области содействия выполнению второго пятилетнего плана и последующих генеральных планов развития гигантских производительных сил СССР. Позвольте пожелать успеха хозяйственным органам обеих стран в этом направлении».

В заключение Пирс обратился ко мне с просьбой, не соглашусь ли я посетить Американскую торговую палату, приняв его приглашение на ленч, и прочитать там доклад по вопросу о торговых отношениях между Америкой и Советским Союзом. Он указал, что недавно был у них Надольный *, который также прочитал реферат, и тогда же члены торговой палаты высказали ту мысль, что если Америка, Советский Союз и Германия будут едины, то тем самым обеспечен мир. Я выразил согласие быть в Американской торговой палате примерно в середине декабря.

Пирс благодарил меня за приветствие и сказал, что он передаст мое приветствие Американской торговой палате.

Хинчук

Печат. по арх.

376. Обращение Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинина по радио к американскому народу

20 ноября 1933 г.

Граждане и гражданки Соединенных Штатов,

В момент установления нормальных официальных отношений между нашими двумя государствами ** я рад от имени народов Союза Советских Социалистических Республик передать сердечный привет народу Соединенных Штатов Америки. Трудящиеся городов и сел Советского Союза на протяжении

* Посол Германии в СССР.

** См. док. № 362.

истекших 16 лет показали всему миру образцы огромной созидательной работы. Напряженными усилиями они в короткий срок превратили нашу страну из отсталой аграрной в передовую индустриальную, и именно поэтому наши рабочие и крестьяне с величайшим интересом и вниманием относятся к передовой стране технического прогресса — Соединенным Штатам Америки.

Самым важным условием обеспечения технического прогресса и благосостояния людей является сохранение и упрочение мира между народами. Я убежден, что теперь, когда устранены все искусственные препятствия для полного и разнообразного общения между народами наших двух великих стран, это принесет огромную пользу не только их взаимным интересам, но и делу экономического и культурного прогресса человечества и делу упрочения всеобщего мира.

Я твердо верю, что отныне открывается эра разнообразного и плодотворного сотрудничества между нашими народами. Я убежден, что радость, которую мы испытываем по этому поводу, разделяется во всем мире всеми, кому дорого дело прогресса человечества и дело мира между народами.

Печат. по изд. «Известия»
№ 283 (6214), 21 ноября 1933 г.

377. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона

20 ноября 1933 г.

Официально известил Филипса * о назначении Сквирского, чем дипломатические отношения можно считать фактически установленными. Обменялся мнениями о консульствах и визах. Американцы готовы удовлетвориться для начала консульствами в Москве, Ленинграде и Владивостоке. Я указал на неудобства, вытекающие из американских анкет. Филипс соглашался, что положение должно быть изменено, но он не был уверен, можно ли это сделать без нового законодательства. Я обещал по приезде в Москву изучить вопрос о консульской конвенции.

Считаю целесообразным, чтобы обмен визитами между нашими полпредами и их американскими коллегами основывался на принципе старшинства.

Обменялся мнениями о международном положении, причем выяснилось, что Рузвельт не посвятил госдепартамент в содержание его беседы с нами **. Существуют весьма непри-

* И. о. государственного секретаря США.
** См. док. № 370.

язненные отношения между госдепартаментом и Буллитом, но последний весьма близок к Рузвельту, с которым будет сноситься, вероятно, непосредственно. Филипс, как и Рузвельт и Буллит, проявлял интерес к прокладке второго пути в Сибири [273].

Литвинов

Печат. по арх.

378. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона

20 ноября 1933 г.

Забыл сообщить *, что в разговоре с Филипсом я коснулся также и вопроса о торгпредстве, высказав предположение о включении статута торгпредства в консульскую конвенцию, ввиду сложности переговоров о торговом договоре **. Филипс обещал обдумать предложение. Заехавший ко мне сегодня с визитом министр торговли Ропер не возражал против моего предложения о заключении торгового договора. Морской министр Свэнсон говорил мне, что намерен назначить морского атташе.

Литвинов

Печат. по арх.

379. Запись бесед Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком, редактором и публицистом «Газеты польской» Медзинским и Матушевским, редактором газеты «Курьер поранны» Стпичинским

20 и 23 ноября 1933 г.

1. Разговор с Беком 20 ноября. Бек вспоминает, что при последней беседе говорил мне об исключительном положении, сложившемся в связи с выходом Германии из Лиги наций, и о необходимости внимательно взвесить это положение, чтобы извлечь надлежащие консеквенции ***. Оценка новой ситуации и привела его к выводу, что с Германией надо искать нового модус вивенди, ибо ряд своих жизненных вопросов (например, Верхняя Силезия) Польша разрешала с Германией в рамках Лиги наций, откуда Германия вышла; затем под сомнение встало «Локарно», связанное юридически с Лигой наций и участием в ней Германии; под сомнением и включенное

* См. док. № 377.
** См. док. № 384.
*** — выводы (*лат.*).

в этот пакт польско-германское арбитражное соглашение. На мое замечание, что Германия вступила в Лигу наций лишь в 1926 г. и что по статуту немцы еще два года обязаны не рвать с Лигой, Бек возразил — до 1926 г. было совсем иное соотношение сил, фактически Германия порвала всякую связь с Лигой и ее институциями. Ситуация создалась нестерпимая для Польши по своей неопределенности. Липскому* и было поручено выявить ее при первом же свидании с Гитлером, не разговаривая даже с аусамтом, ибо Нейрат на деле «не отвечает за внешнюю политику». Свидание состоялось 15 ноября. Ему не предшествовало, таким образом, никаких переговоров с немцами. Липский поставил вопрос о последствиях шага Германии для отношений с Польшей. Ответ Гитлера был таков, что оказалось возможным закрепить новое положение в известной «декларации»[278]. Бек пытается отстоять оценку этого документа Матушевским в «Газете польской» — мол, политически все же это более, чем прежнее Локарно. Собственно, «восточные границы» Германии никогда не были вполне точно организованы, не были закреплены «Версалем» и «Локарно»; оставлено место для того, чтобы самоустраиваться. На замечание — но ведь и теперь этот вопрос не разрешен — Бек замечает: это верно, мы не допускаем и разговора по территориальному вопросу. Да, есть расхождение в трактовке германской печатью, но это несущественно. Бек с удовлетворением отмечает, что в Москве польско-германское соглашение принято спокойно. Я говорю, что мы готовы приветствовать все, содействующее умиротворению отношений. Но, очевидно, и Прага, и Франция сильно обеспокоены, так как встают вопросы, почему данный демарш Польши был обставлен такой таинственностью и от Франции, и Малой Антанты. «Да,— иронически-злобно отвечает Бек,— в Праге претендуют, будто им делалось немцами предложение пакта неагрессии; можно быть уверенным, что они б уже не упустили случая! Гитлер всегда выделял Польшу, этого в Праге не могут простить! А Франция столько интересующих нас вопросов разрешала без малейшего сговора с нами, а то и без уведомления».

На мое замечание, что мы были прямо дезинформированы ([заявление] бюро печати МИД т. Ковальскому**), тогда как мы никогда не поступали таким образом с представителями Польши (Отмар*** и т. д.), подчеркивает, что никаких переговоров не было. Утверждает, что данное польско-германское соглашение ни в какой мере не затрагивает ничьих иных ин-

---

* Посланник Польши в Германии.

** Корреспондент ТАСС в Польше; см. также док. № 394.

*** Псевдоним корреспондента Польского телеграфного агентства и «Газеты польской» в Москве Берсона.

тересов; непосредственные переговоры немцев с Францией — это иное дело! Ведь с Францией говорили бы о разоружении, с Польшей — по чисто локальным вопросам. Говорю, что во Франции ставят и иной вопрос, почему именно теперь Польше понадобилось искать соглашения с Германией. Ведь это объективно укрепляет Германию, бывшую в изоляции и подготовлявшую почву к переговорам с Францией. Почему Польше понадобилось взять на себя инициативу непосредственных переговоров? Бек с раздражением говорит о подобных вопросах и антипольских выводах Пфейфера в «Нотр тан»; считает весьма удачным ответ на них Матушевского (в «Газете польской»). Вставляю: «Но друзья ваши спрашивают, не облегчит ли шаг Польши работу капитулянтов á ля Пфейфер?» Говорю о сильных течениях во Франции к тому, чтобы разгрузиться от «польских дел», хотя бы за счет Польши; теперь эти течения окрепнут. Бек возражает: «Может быть, мы, напротив, этим затруднim франко-немецкое соглашение, помешаем нами торговать; ведь французы уже, по существу, готовы к сепаратным переговорам, мы дали всем еще раз понять, что не допустим и разговора без нас о наших территориях; вопроса разоружений мы тоже не касаемся...» *

Злобно — о «разоблачениях» «Сюдне экспресс» — мол, пойманы с поличным; Геббельс ничего подобного не произносил и не печатал; с первых шагов гитлеровского правительства к Польше было отношение как к силе. Говорю вскользь о странных слухах, распространяемых неким журналистом Зибургом ** о его участии в польско-германском сближении, его будто бы принимал маршал и т. д. Бек — о «смешных претензиях» подобных людей... Переходя на наши отношения, вновь подчеркивает признательность за прием в Москве Райского [275] и т. д. О трудностях в переговорах о воздушном сообщении [210] — он лично займется этим вопросом, созвав у себя Филипповича, Райского, Лукасевича. Услышав, что вскоре отъезжаю «по личным делам» в Москву, говорит, что хотел бы меня еще раз повидать для разговора по вопросам, по которым не хотел бы писать ***.

2. Стпичинский (23 ноября). Ставит вопрос, почему, собственно, не примириться с вооружением Германии, получив в обмен, например, континентальный пакт неагрессии. Ведь помешать вооружению Германии невозможно: она могучая индустриальная страна, способная импровизировать военное снаряжение в случае нужды и всегда обойти всякий контроль. Возражаю, что я, напротив, весьма понимаю, почему и Польша, и Франция, и другие отказываются от подобной постановки

* Здесь и далее многоточие документа.

** Корреспондент «Франкфуртер цейтунг».

*** См. док. № 398.

вопроса. Ведь отсутствие правовой почвы для вооружения все же затрудняет таковое и дает перевес темпа тем, кто не должен импровизировать. Стпичинский поясняет, что вопрос ставит-де только теоретически.

3. Медзинский (23 ноября). Никаких предварительных переговоров с немцами не было. Маршал хотел поставить вопрос о последствиях для польско-германских отношений по выходе Германии из Лиги наций, поставить ребром, в духе 1927 г. Вольдемарасу — «мир или война?»* На случай неудовлетворительного ответа был заготовлен приказ по войскам прикрытия западных границ. Об этом решении маршала знали до 15 ноября лишь трое — Липский, Бек, маршал. Ничего не знал Лукасевич. И был в крайней претензии, ибо собирался уехать из Москвы. 14-го задержался случайно. «Хорошо б это выглядело, если б я уехал, как раз накануне такого шага! Будто бы избегал объяснений по его поводу». Ничего не знал Нейрат, полной неожиданностью для него явилась постановка вопроса Гитлеру Липским. Францию не извещали, ибо она неоднократно поступала аналогично с Польшей. Москву не известили, так как неудобно было сделать для нее исключение. Так объяснил Бек Медзинскому на его вопрос, «почему не сообщить хоть теперь Антонову-[Овсеенко] и Лярошу»**. Медзинский узнал о предстоящем демарше только за несколько часов, Бек призвал его и предложил держать аппарат наготове, потому что произойдет такое-то действие. Но и Бек еще не знал, каковы будут результаты демарша Липского. Медзинский подчеркивает ограниченный объем вопросов, подлежащих непосредственному обсуждению между Польшей и Германией; не может быть и разговора о территориях и о разоружении. По отношению к нам недавно вновь маршалом подтверждена линия на дальнейшее углубление отношений в духе разговоров с Радеком — об этом будет говорить со мною Бек. Надо закреплять атмосферу приязни и взаимодействия. Разговор переходит на текущие вопросы (о чем в письме) ***.

4. Разговор с Беком 23 ноября. Помимо «особых вопросов», о которых пишу в специальном докладе, говорим по текущим делам (в письме) ***.

5. Матушевский. С напором, что уход Германии из Лиги наций означает крах всей системы «Женевы». Идут поиски новых форм международного «общения». «Вы-то будете позваны, а мы должны завоевать себе место. Мы должны показать, что без нас нельзя решать серьезных вопросов». Неверно, что еще Высоцкий говорил с Гитлером на эти темы «модус вивен-

---

* См. т. X, прим. 102.

** Посол Франции в Польше.

*** См. док. № 394.

ди»[278]. Но тогда уже Польша (десант в Вестерплатте)[280] показала, что «готова драться», и потому наступило успокоение по указанию Гитлера на польской границе, может быть, в Восточной Пруссии не совсем обеспеченное. Теперь вопрос встал о новой ситуации: что будет делать Гитлер по разрыве с Лигой наций, по срыву всех договорных отношений, и особенно Гитлер, поддержанный всей Германией? Маршал поставил этот вопрос так же четко, как в 1927 г. В порядке исключительно конфиденциальном Матушевский повторяет сообщенное Медзинским об ультимативном по существу характере запроса Липского. Секретность — это в духе маршала. Никаких предварительных переговоров не было. Липский, как и другие посланники, пробыв 2 недели на новом посту, явился 1 ноября к маршалу с докладом. Он сообщил ему, между прочим, о том, что после Вестерплатте немцы серьезно расценивают Польшу. 2 ноября Матушевский видел Липского, и тот еще ничего не знал о намерениях маршала. Они выявились 3-го. Но их держали в секрете решительно от всех. Но Матушевский сомневается, хорошо ли разыгран политически весь этот шаг. Бек вычеркнул из статьи Матушевского намек на то, что Польша, желая выяснения обстановки, сделала Германии соответствующий запрос. Создалось, как будто, такое представление во Франции и «может у других», что Польша пришла проситьницей в Берлин. Немцы усердно смягчают эффект... Беседа Липского с Гитлером носила, впрочем, довольно односторонний характер — говорил почти один канцлер, повторяя высказанное им публично, имело значение, «пожалуй», что он подчеркнуто сказал: «Я не пруссак». Из переговоров исключаются вопросы территориальные и о разоружении. О нацменьшинстве? Но Бек заявил на правительственном собрании, где был и Енджеевич, что этот вопрос также не подлежит обсуждению. Не предвидятся и переговоры о пакте неагрессии. Ни в какой мере не затрагиваются интересы третьих государств. Я говорю Матушевскому, что его статья в «Газете польской», однако, дает уже повод кой-кому понять (например, Философову в «Молве», Мацкевичу*), что с Советским Союзом достигнут предел в развитии отношений, с Германией лишь начало (цитирую статью). Матушевский заверяет, что это совершенно неверное толкование, он хотел противопоставить урегулированность отношений с Советским Союзом неурегулированности, неустойчивости с Германией.

Франция меньше всех может удивляться поведению Польши,— и в Версале, и при Локарно, и во всем последующем она весьма мало считалась с жизненными интересами Польши. Нынешний шаг польского правительства немного протрезвит

---

* Редактор газеты «Виленское слово».

самонадеянных французов. Больше, мол, беспокоит наше поведение. Надольный поехал восстанавливать Рапалло. В каких пределах это возможно? Отвечаю, что немцы отлично отдают себе отчет в этих пределах. Они просто борются в Москве и в Варшаве за срыв соответствующего обстановке темпа польско-советского сближения. Они хотят через Варшаву идти в Париж и в Москву. Они понимают, что при потере нами темпа они увеличивают свои шансы в будущем розыгрыше. Между тем темпы в нашем взаимном сближении с Польшей не те, на которые мы рассчитывали летом. И теперь в целом ряде вопросов явная заминка. Вопрос о создании надлежащей атмосферы разрешается далеко не благополучно. Несмотря на наши предостережения (в июле — августе) на Галиции велась разнузданная антисоветская травля, создавшая благоприятную обстановку для покушения на наше консульство во Львове *. Суд над Лемиком проведен лояльно [250]. Но антисоветские организации сохранены и распространены на Волынь. (Матушевский вставляет: «Бек при мне ругал вчера Перацкого».) Инициатива Зд. Грабского ** (Матушевский: «Он несерьезен!») — несерьезного, но искреннего — с созданием «Общества сближения» во главе с Вами, г. министр, заглушена. Поездка журналистов не состоялась [251] (Матушевский: «Стежинский *** — болтун, и хорошо, что не поехал... И у нас, одних, было бы неловкое положение»). Полет полковника *Райского*? [275] *Громадной* как будто внешности факт скомпрометирован в глазах маловеров тем, что вслед за ним произошел в тайне от нас ваш сговор с Германией. Если верно описано всеми вами это событие, то может получиться впечатление шахматного хода маршала — демонстрация в Москве, чтобы нанести, учтя ее впечатление, удар в Берлине. (Матушевский: «А как Вы лично оцениваете?» Я: «Думаю, что это событие не столь маловажное, как мое посещение маршала 1 мая [78], после которого сейчас же последовали визит Высоцкого у Гитлера и германского генерала в Бельведере. Понимаю и считаю законным использовать перед противником факт своего усиления в тылу, но уверен, что маршал придает и самостоятельное значение этому усилению».) Последний мой разговор с Беком также не оправдал тех ожиданий, которые были во мне вызваны намеками Медзинского. Между тем обстановка меняется. За срыв темпа нашего сближения работают большие силы, учитывающие рост значения Советского Союза в связи со всеми его успехами. Матушевский заверяет, что курс взят маршалом совершенно твердый; к сожалению,

---

* См. док. № 323.

** Сотрудник министерства торговли и промышленности Польши.

*** Директор агентства «Искра».

Бек никого не подпускает к маршалу, стремясь приписать себе все успехи заграничной политики; Матушевский не знает подлинных директив маршала относительно темпа, и темп, возможно, не тот, «которого мы ожидали». «Надо бороться за надлежащие темпы». Спрашивает, может ли передать министру этот разговор со мною. Отвечаю утвердительно.

Антонов-Овсеенко

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М. 1968, стр. 107—111.

380. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова американским летчикам Сэттлю и Фордни

21 ноября 1933 г.

Сердечно поздравляю Вас с Вашим великим достижением. Я уверен, что Ваши коллеги в Советском Союзе с величайшим интересом следили за Вашим полетом [282]. Желаю обеим странам достигать вершины во всех областях науки и техники.

Печат. по газ. «Известия» № 284(5216), 22 ноября 1933 г.

На эту телеграмму М. М. Литвинова был получен следующий ответ за подписью Сэттля от 25 ноября 1933 г.:

«Фордни и я очень тронуты Вашей поздравительной телеграммой. Выражаем наше восхищение блестящим подъемом в стратосферу советских коллег в сентябре» [283].

381. Нота Временного Поверенного в Делах СССР в США н. о. Государственного Секретаря США Филипсу

21 ноября 1933 г.

Ссылаясь на Вашу ноту от 20 ноября 1933 г., я хочу сообщить Вам, что согласно советскому закону о портовых сборах от 19 февраля 1926 г., имеются две категории корабельных сборов в портах СССР — обычные и преференциальные. Преференциальные сборы взимаются с судов тех стран, которые имеют специальные соглашения с СССР. Народный комиссариат водного транспорта, по согласованию с Народным Комиссариатом Иностранных Дел и Народным Комиссариатом Внешней Торговли, может применять преференциальные ставки к странам, имеющим нормальные дипломатические отно-

шения с СССР. В соответствии с этим законом Народный комиссариат водного транспорта издал приказ № 427, вступивший в силу с сего числа, 21 ноября 1933 г., который гласит:

«На основании ст. 2 Закона о портовых сборах, устанавливается корабельный сбор в размере 10 коп. за регистровую тонну чистой вместимости судна, на основе взаимности, для судов, плавающих под флагом Соединенных Штатов Америки».

Этот сбор в размере 10 коп. представляет собой преференциальную ставку. Таким образом, начиная с 21 ноября 1933 г. судам, плавающим под флагом Соединенных Штатов Америки, представляется преференциальная ставка при взимании корабельного сбора. Можно добавить, что дискриминационные сборы не взимаются в портах Советского Союза с изделий, продукции или товаров, ввозимых на американских судах.

Примите и т. д.

Б. Скавирский

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте Филипса говорилось:

«Ссылаясь на Вашу недавнюю беседу с заведующим отделом восточноевропейских стран по вопросу устранения дискриминационных корабельных сборов, которыми в настоящее время облагаются американские суда в портах Союза Советских Социалистических Республик и суда Советского Союза в американских портах, я прилагаю для Вашего сведения копии деклараций Президента Соединенных Штатов Америки, прекращающие обложение дискриминационными корабельными сборами и налогами в отношении финских, немецких и венгерских судов и изделий, продукции и товаров, ввозимых на таких судах.

Государственный Департамент даст рекомендацию Президенту издать аналогичную декларацию, приостанавливающую и прекращающую обложение дискриминационными корабельными сборами и налогами в пределах Соединенных Штатов в отношении судов Советского Союза или изделий, продукции или товаров, ввозимых на них, по получении достаточных доказательств о том, что дискриминационные корабельные сборы или налоги не взимаются в водах Советского Союза с американских судов или изделий, продукции или товаров, ввозимых на них. Департамент будет считать достаточным доказательством отмены дискриминационных корабельных сборов, взимаемых в настоящее время с американских судов в портах Советского Союза, сообщение Американскому Правительству о распоряжениях или постановлениях, изданных вашим Правительством, прекращающих взимание дискриминационных корабельных сборов с американских судов в водах Советского Союза.

Я могу добавить, что приостановление взимания дискриминационных корабельных сборов и налогов в отношении советских судов и ввозимых на них грузов вступит в силу с даты получения достаточного доказательства о том, что дискриминационные корабельные сборы и налоги не взимаются Советским Союзом с американских судов или с изделий продукции или товаров, ввозимых на них из Соединенных Штатов или любого другого иностранного государства».

382. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Президенту США Рузвельту

Вашингтон,
22 ноября 1933 г.

Мой дорогой господин Рузвельт,

Покидая САСШ, я крайне рад выразить Вам свое высокое уважение и признательность за многочисленные проявления внимания и дружбы, которые Вы обнаружили за время моего пребывания в Вашингтоне. Одновременно я выражаю свою признательность всему Правительству и различным его органам за их любезность и заботы. Пользуюсь случаем снова выразить мое твердое убеждение, что установление официальной связи между обеими странами путем обмена нотами * между Вами и мной принесет обеим странам большую пользу и будет содействовать укреплению и сохранению мира между государствами, к чему искренне стремятся наши страны. Я уверен, что их совместные усилия внесут в область международных отношений новый творческий фактор, который принесет благо человечеству. Прошу Вас принять, дорогой господин Президент, мои наилучшие пожелания Вам, Вашей семье и вашей великой стране.

Максим Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия»
№ 237 (5218), 26 ноября 1933 г.

На это письмо был получен следующий ответ Рузвельта от 23 ноября 1933 г.:

«Мой дорогой господин Литвинов,

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо от 22 ноября. Встреча с Вами доставила мне большое личное удовольствие, и я верю, что наступит день, когда я снова буду иметь удовольствие приветствовать Вас в Америке. Я надеюсь, что, вернувшись в вашу страну, Вы передадите Президенту Калинину мой привет и наилучшие пожелания. Я глубоко удовлетворен тем, что наши беседы привели к восстановлению нормальных отношений между нашими народами, и уверен, что эти отношения с каждым годом будут становиться более тесными и близкими. Сотрудничество между нашими Правительствами в великом деле сохранения мира должно быть краеугольным камнем длительной дружбы. Я сожалею, что ввиду своего отсутствия в Вашингтоне лишен возможности лично с Вами попрощаться и пожелать Вам благополучного и приятного пути, но заверяю Вас, что Вам сопутствуют мои личные горячие пожелания».

383. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона

22 ноября 1933 г.

Моргентау-младший и Буллит откладывали переговоры со дня на день и сегодня заявили мне, что вследствие беспорядков у себя они не могут подобрать необходимый материал, что

* См. док. № 362—367.

они убедились в правильности моих прежних утверждений о сложности вопросов, связанных с претензиями, и о невозможности разрешения их в короткое время, и поэтому предлагают переговоры пока прервать. Условились выпустить коммюнике, что обсуждение вопросов выявило желание обеих сторон прийти к быстрому соглашению и что они будут продолжаться нормально, иначе говоря, дипломатическим путем после моего отъезда *. Фактически они вряд ли возобновятся раньше приезда Трояновского **. По-видимому, Моргентау-младший убедился в трудности предоставления займа и, кроме того, у него множество других затруднений по казначейству, и ему не до нас. Считаю такой исход весьма выгодным для нас. В четверг выезжаю в Нью-Йорк, где деловой мир дает мне банкет ***, а в субботу в 20 часов по московскому времени отчаливаю пароходом «Конт де Савой».

Литвинов

Перат. по арх.

384. Телеграмма Народного Комиссара Внешней Торговли СССР и Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Вашингтон

22 ноября 1933 г.

На Вашу телеграмму от 20 ноября ****. Независимо от того, куда будет включен статут торгпредства, в консульскую конвенцию или в торговый договор, договоритесь о немедленном назначении торгпреда и учреждении торгпредства, как в других странах, с которыми у нас нет еще торгового договора (Франция, Польша, Австрия, Финляндия и др.) *****.

Розенгольц
Крестинский

Перат. по арх.

---

* Упомянутое коммюнике опубликовано не было.

** Полпред СССР в США А. А. Трояновский вручил свои верительные грамоты 8 января 1934 г.

*** См. док. № 391.

**** См. док. № 378.

***** См. также док. № 399, 427, 433.

385. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР и Заведующего Правовым отделом НКИД СССР Полномочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову

22 ноября 1933 г.

В дополнение к происходившей переписке между Правовым отделом НКИД и полпредством * при сем направляется Вам проект соглашения о порядке рассмотрения и разрешения пограничных конфликтов с Персией, утвержденный Совнаркомом Союза ССР [283].

Утверждая означенный проект соглашения, Совнарком предоставил право Наркоминделу вносить в процессе переговоров необходимые технические изменения.

Вопрос разрешения пограничных дел на советско-персидской границе происходил до сих пор на основе обмена нотами между полпредством и мининделом об институте пограничных комиссаров ** и не всегда оправдывал те задачи, кои возлагались на этот институт. В связи с этим, естественно, практическая работа рассмотрения и разрешения пограничных инцидентов поставила перед нами вопрос о расширении прав института пограничных комиссаров и уточнении ряда актуальных моментов в его повседневной работе.

Таким образом, все те вопросы, которые в положении о деятельности пограничных комиссаров требовали четкой фиксации, вошли в проект соглашения, имеющий быть предложенным для обсуждения персидскому правительству и согласованный с заинтересованными органами.

Одновременно в проект внесены также и те замечания, которые были высказаны в письме полпредства от 16 сентября с. г. за № 391/с [284].

Сообщая изложенное, Наркоминдел просит Вас войти в переговоры с персидским правительством на предмет обсуждения и заключения указанного соглашения.

Если в процессе переговоров выяснится возможность подписания Вами указанного соглашения с уполномоченными персидского правительства, необходимые полномочия на подписание незамедлительно, по получении соответствующего от Вас сообщения, будут высланы [198].

Заместитель Наркоминдела
Карахан
Зав. Правовым отделом
Сабанин

Печат. по арх.

---

* См. также док. № 264.
** См. т. X, док. № 200.

386. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

22 ноября 1933 г.

Сегодня получил ноту Мувинкеля, датированную 17 ноября, в которой сообщается об исправлении 2 ноября королевской резолюции * и снова подтверждается желание норвежского правительства сохранить статус-кво нашего торгпредства.

Полпред

Печат. по арх.

387. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсеенко

23 ноября 1933 г.

В связи с сообщением Подольского о продолжении антисоветской деятельности в Западной Украине и о создании новых организаций в ряде городов [285] Коллегия НКИД считает необходимым предпринять демарш перед министерством иностранных дел. Не заявляя формального протеста, укажите МИД, что деятельность антисоветских организаций, уже приведшая к львовскому инциденту **, еще не прекращена и что в интересах дружественных отношений между нашими странами целесообразно было бы ликвидировать эти организации ***.

Стомоняков

Печат. по арх.

388. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании Временному Поверенному в Делах СССР в Великобритании С. Б. Кагану и Торговому Представителю СССР в Великобритании А. В. Озерскому, из Москвы

23 ноября 1933 г.

Сегодня был с предотъездным визитом у Чилстона и имел с ним в частном порядке беседу по вопросу о «Торгсине», о железнодорожных билетах и предметах искусства [286]. Я разъяснил ему подробно принципиальную и практическую неле-

* См. док. № 289.
** См. док. № 323.
*** См. док. № 398.

пость английских требований и встретил у него значительное понимание нашей точки зрения. Чилстон признает неправильность противопоставления таких несоизмеримых вещей, как «Торгсин» и статус торговой делегации, считает снабжение дипломатов и прочее вопросами скромного значения, находит, что нынешние цены «Торгсина» умеренны и что практически дипломаты не испытывают никаких трудностей во ввозе продуктов из-за границы. Он вполне удовлетворился моими разъяснениями по вопросу о железнодорожных билетах и предметах искусства. Он обещал снестись с форин офисом и выражал твердую надежду, что торговые переговоры скоро и успешно закончатся. Вообще настроение Чилстона неплохое, но надо еще посмотреть, какие практические результаты от этого получатся в Лондоне.

Майский

Печат. по авх.

389. Запись беседы Генерального консула СССР в Харбине с Особым агентом Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэнем *

23 ноября 1933 г.

(Записано драгоманом Мельниковым). Сегодня Ши Люй-бэнь посетил Славуцкого и обратился к нему по поводу «водной конференции»[286]. После продолжительного разговора, в течение коего т. Славуцкий подробно высказал советскую точку зрения в том же духе, что и в беседе с Симамура** (а именно, что таковая рассматривается как встреча представителей двух пароходств для пролонгирования прежнего технического соглашения и имеет касаться лишь технических и расчетных вопросов), Ши сформулировал точку зрения правительства Маньчжоу-Го. Последняя сводится к тому, что маньчжурское правительство настаивает на следующем: конференция должна носить международный характер и имеет целью пересмотр прежнего соглашения о навигации, касаясь лишь технических вопросов. Ши просит передать это в Москву. Славуцкий начал расспрашивать относительно того, что имеет в виду Ши Люй-бэнь под пересмотром, указав, что, видимо, имеются в виду только вопросы, затронутые в самом соглашении. На это Ши Люй-бэнь ответил, что имеются в виду только технические вопросы, но не обязательно те, которые указаны в прежних соглашениях. Славуцкий обещал передать в

---

* Из дневника генконсула СССР в Харбине за 22 ноября — 28 декабря 1933 г.

** Беседа Славуцкого с Симамура, заместителем Ши Люй-бэня, имела место 16 ноября 1933 г.

Москву просьбу Ши Люй-бэня, но он [Славуцкий] ответил, что это по существу совершенно новое предложение и что в таком разрезе с Куй Хун-ци* и не было разговора. После нового разъяснения Славуцкого Ши Люй-бэнь еще раз подтверждает свою просьбу о передаче точки зрения маньчжурского правительства в Москву, обещав со своей стороны подробно о нашей точке зрения сообщить Чанчуню.

После этого Славуцкий обратился к Ши Люй-бэню по вопросу об арестах совграждан. Напомнив свои прежние заявления**, он указал, что, несмотря на его настойчивые требования, аресты советских железнодорожников продолжаются и, по неполным данным, число арестованных уже достигло 33 человек, среди коих находятся такие видные лица, как председатель правления кооператива Крачун, начальники станций Харбин и Ханьдаохэцзы Фереиц и Козлякозский и другие видные работники. Он обращается снова с настойчивым требованием дать исчерпывающее объяснение этому. На это Ши ответил, что им в свое время были наведены справки у соответствующих властей, в результате коих было выяснено, что аресты советских граждан производятся в связи с подозрениями в подпольной коммунистической работе. С получением более подробного списка он, Ши, обещает вновь обратиться к надлежащим властям. Славуцкий ответил ему, что объяснения г. Ши его не могут удовлетворить, поскольку по ряду имеющихся у него сведений аресты беспричинны. В качестве примера он привел случай с советским гр-ном Токаревым (проводник вагона), которого продержали долго под арестом и на днях освободили и из беседы с которым точно установлено, что никаких обвинений ему не инкриминировалось и что уже после ареста путем насилий у него пытались установить его мнимую комработу для того, чтобы иметь материал для обвинения. При этом Славуцкий подробно указал, что полицией установлена система произвольных арестов уже для последующего выявления материала для обвинений в отношении арестованных. Арестовав какого-нибудь совгражданина, полиция начинает допрос с пристрастием, пытаясь принудить его самого дать тот или иной материал для подозрений, не имея, очевидно, никаких инкриминаций. Такая система широко стала применяться полицией за последнее время. При этом Славуцкий передал Ши Люй-бэню список 33 совграждан, которые находятся под арестом и по которому Ши обещал снестись с властями. После этого Славуцкий отметил тяжелые условия содержания арестованных. В частности, в качестве примера он привел случай, имевший место 17 ноября,

---

* Маньчжоугоский консул в Благовещенске.

** См. док. № 6, 38, 324.

когда русский полицейский Пушкарев при обращении к нему родственников арестованных, принесших передачу, разбросал последнюю по полу, осыпав пришедших всяческой бранью. Тов. Славуцкий заявил, что такие факты вызывают его большое недоумение, т. к. он всегда думал, что маньчжурское правительство заботится о поддержании своего престижа, между тем оно не предпринимает шагов против таких фактов, дискредитирующих власть в глазах населения. Ши обещал принять меры и, в частности, расследовать этот случай.

Помимо вышеизложенного т. Славуцкий коснулся положения советских граждан вообще. Он указал на ту серию притеснений советских граждан в области культурной жизни, которая заметна в течение последнего времени. Он указал на то, что по всей линии закрыты железнодорожные клубы, причем эти закрытия сопровождались безобразными выходками полиции и ни на чем не основанными арестами. Он подробно остановился на всевозможных притеснениях и диких выходках в отношении школ советских граждан. Так, например, в одной школе, на линии полицией было вывешено официальное объявление, в котором полицией излагались нелепые требования, имевшие целью насадить религиозность среди советских граждан. В другой школе также на линии было предложено снять со стен портреты Ленина и членов Советского правительства, каковое требование было отменено лишь при условии, чтобы над всеми этими портретами был повешен портрет Пу И. Тов. Славуцкий сказал, что перечень всех безобразий полиции в отношении советских граждан занял бы много времени, но и те факты, которые им были сообщены, явно свидетельствуют о предумышленном и планомерном гонении против советских граждан. Это особенно становится многозначительным на фоне того поощрительного отношения к организациям белых эмигрантов, которое бросается в глаза. Обрисовав всю эту картину, т. Славуцкий заявил, что он считает своей обязанностью обратить самым серьезным образом внимание Ши Люй-бэня на все эти безобразия и предостеречь его и через него власти, что подобные действия могут иметь вредное значение для отношений между обеими странами и могут повлечь серьезный и решительный протест с нашей стороны.

Далее т. Славуцкий задал вопрос относительно 6 высших железнодорожных служащих (Калина, Кубли и др.) *. Ши ответил, что, как он уже говорил ранее **, вопрос об этих лицах находится в юридической сфере, в которую МИД не может постоянно вмешиваться. Поэтому никаких новых сооб-

---

* См. док. № 305.
** См. док. № 310.

щений по этому поводу он сделать не может. На это т. Славуцкий категорически возражал, сказав, что после всех тех объяснений и важности этого дела, он не может удовлетвориться подобным ответом, и обратился с настойчивой просьбой к Ши вновь поднять этот вопрос перед надлежащими властями, что Ши обещал снова сделать[287].

М. Славуцкий

Печат. по арх.

390. Письмо советника Полномочного Представительства СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

25 ноября 1933 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Тов. Довгалевский имел в Женеве сердечный припадок и чувствовал себя неважно последние две недели. По возвращении в Париж он показался врачу, который ему предписал полный покой на протяжении 10 дней. Он намеревается, однако, еще до истечения этого срока приступить к работе, если почувствует себя лучше.

По его поручению передаю ниже его женевские беседы с Бонкуром и Бенешем по его подробному устному изложению.

Беседа с Бонкуром от 19 ноября.

Беседа состоялась на обеде у генерального секретаря Лиги наций Авеноля. Как эта, так и последующая беседа имели место по инициативе Бонкура.

В начале беседы он упомянул о торговых переговорах, высказывая мнение, что необходимо в кратчайший срок подписать соглашение. Хотя т. Литвинов обещал ему посодействовать в смысле ускорения хода переговоров *, по имеющейся у него информации т. Крестинский не считает нужным закончить эти переговоры ускоренным темпом.

Тов. Довгалевский, конечно, пытался разубедить Бонкура в последнем.

Затем Бонкур заговорил о выходе Германии из Лиги наций и об уходе ее с конференции по разоружению[145], что создало для конференции безвыходное положение. Он распространялся относительно нажима, которому подвергается Франция со стороны Англии и Италии, в смысле дальнейших уступок Германии и перевода переговоров на рельсы «пакта четырех». Выходом из тупикового положения было бы, по его мнению, вступление СССР в Лигу наций. На его вопрос, можно ли рас-

* См. док. № 332, 337.

считывать на последнее, т. Довгалевский дал отрицательный ответ. Массигли, беседуя с т. Довгалевским, также доказывал ему всю желательность вступления СССР в состав Лиги наций.

Останавливаясь на перспективах дальнейших переговоров по разоружению, Бонкур заявил, что он будет всеми силами противиться разговорам в рамках «пакта четырех» и ни в коем случае на них согласия не даст.

Если же Англия и Италия* будут настаивать на обсуждении вопросов разоружения на основе «пакта четырех», он поставит непременным условием привлечение к переговорам СССР и Польши. Массигли, говоря об этой эвентуальности, упомянул также о непременном привлечении Малой Антанты.

О Польше и Бонкур и Массигли говорили с нескрываемым раздражением в связи с подписанием берлинской декларации[278]. В то же время они пытались умалить ее значение, доказывая отсутствие реальной базы для подлинного соглашения и указывая на необязательный характер декларации. Они считают, что в результате принятия декларации в выигрышном отношении очутилась только Германия, ибо Гитлер, усвоивший, что Германии не удастся сразу разрешить все свои международные претензии, полагает, что больше всего шансов имеется на первоочередное разрешение вопроса об «аншлюсе», и поэтому заинтересован в том, чтобы найти временное прикрытие тыла со стороны Востока.

Беседа с Бонкуром от 22 ноября 1933 г.

Бонкур отметил, что на совещании «четырех» (Франция, Англия, Италия, САСШ) ему удалось добиться продолжения работ комитетов эффектива и контроля, причем было отредактировано соответствующее выступление Гендерсона на Бюро. Пассаж о работе комитетов средактирован нарочито расплывчато, однако если кто-нибудь из членов Бюро потребовал уточнения, это бы вынудило его выступить с недвусмысленной защитой продолжения работы комитетов.

Бонкур зачитал телеграмму французского посла в Вашингтоне, с изложением его беседы с Литвиновым, в которой последний формулировал свои взгляды на дальнейшую тактику в вопросах разоружения. Бонкур в связи с этой телеграммой заявил, что целиком разделяет наше мнение, что следовало бы ограничиться постановкой принципиальных вопросов, однако, к сожалению, публичных заседаний не было, единственным символом продолжения работы конференции остались два комитета. Он поэтому даст указания своим представителям в комитетах, чтобы они не углублялись в детали, а постарались бы выпятить принципиальные вопросы, с тем чтобы, если дело

* В тексте, видимо, ошибочно — Франция.

дойдет до доклада на Генеральной комиссии, эти принципиальные вопросы всплыли бы в первую очередь на поверхность дебатов Генеральной комиссии.

Бонкур просил нас принять деятельное участие в работах этих комитетов.

Касаясь перспектив, он заявил, что является противником прямых переговоров с Германией и каких бы то ни было уступок ей, ибо Англия и Италия, по существу, толкают Францию по пути признания вооружений Германии и признание этого факта как исходной точки для переговоров. Он, Бонкур, будет бороться, пока сможет, но не скрывает от нас, что французское общественное мнение в этом вопросе далеко не единодушно и что имеются влиятельные политические и торгово-промышленные круги, добивающиеся соглашения с Германией. Строго конфиденциально он добавил, что, если бы не сопротивление с его стороны, Даладье повел бы уже прямые переговоры с Германией.

Единственной возможностью пресечь тенденции этих кругов он считает выработку положительной внешнеполитической программы. В германском вопросе Франция не может долго удержаться на чисто отрицательных позициях. Если бы французское общественное мнение узнало и убедилось бы в том, что Франция может осуществить положительную политику путем создания прочного барьера против натиска гитлеровской Германии, то это внесет успокоение в общественное мнение и выбьет оружие из рук тех, кто настаивает на сговоре с Германией. Барьер он мыслит себе в виде договора о взаимопомощи. Он считает вопрос назревшим и не терпящим отлагательства.

Он предварил, что после т. Довгалевского он примет Бенеша, с которым будет говорить на эту тему, а также на тему об установлении дружеских отношений между СССР и Малой Антантой.

Беседа с Бенешем от 22 ноября 1933 г.

Разговор происходил за чашкой чая у Бенеша по его инициативе. Сущность разговора, длившегося около полутора часов, сводилась к тому, что, по мнению Бенеша, европейским демократиям угрожает меньшая опасность со стороны СССР, чем со стороны фашистской диктатуры. Хотя он уверен, что в случае столкновения с фашистскими диктатурами верх одержат демократии, однако нужно попытаться избегнуть войны со всеми ее ужасами. Поэтому все страны, заинтересованные в сохранении мира,— а к таковым он причисляет и нас,— должны установить друг с другом такие отношения, которые позволили бы дать отпор натиску фашистских диктатур, в частности гитлеровской Германии. В этом плане он ставит перед собой вопрос об установлении дружественных отношений ме-

жду СССР и Малой Антантой. В Чехословакии, которая не имеет спорных вопросов с СССР, вопрос назрел настолько, что возобновление отношений не представляет серьезных трудностей. Почти то же самое можно сказать и о Югославии, где враждебность к нам короля за последнее время ослаблена. Остается Румыния. Бенеш заявил, что он внесет на ближайшем заседании Совета Малой Антанты вопрос о нормализации отношений с СССР.

Если Румыния будет настаивать на одновременном восстановлении отношений между СССР и всеми участниками Малой Антанты, то он постарается на Совете найти формулу, которая способна удовлетворить Румынию и будет приемлема для нас. Если же такая формула не будет найдена, то, возможно, встанет вопрос о том, чтобы состоялось восстановление нормальных отношений между СССР, с одной стороны, Чехословакией и Югославией, с другой, с тем чтобы создание нормальных отношений между СССР и $^2/_3$ Малой Антанты и время могли бы позволить в дальнейшем ликвидацию спора между СССР и Румынией.

Бенеш подчеркнул, что говорит только от своего имени.

На этом заканчиваю передачу женевских бесед т. Довгалевского.

Розенберг

Печат. по арх.

391. Сообщение советской печати о выступлении Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова в Нью-Йорке на приеме, организованном Американо-Русской торговой палатой

*26 ноября 1933 г.**

«Счастливое событие, ожидавшееся в течение 16 лет, состоялось при самых легких и нормальных условиях, без длительных усилий, без тревог. Мои переговоры с президентом закончились в течение одной недели.

На всем своем протяжении они были исключительно приятными. Мы оба как будто не торопились с окончанием. Я думаю, что мы оба, чувствуя приближение момента, когда будут приняты взаимные обязательства, пытались использовать остающийся период свободы, чтобы повести между собою немного пропаганды. Президент обратился ко мне со своего рода религиозной пропагандой. Хотя нам едва ли удалось убедить друг друга, мне понравились методы президента при обсуждении вопросов. Я никогда не сомневался в результатах. С тех пор, как президент охарактеризовал отсутствие взаимо-

* Дата опубликования. Выступление состоялось 24 ноября 1933 г.

отношений как ненормальное положение, я был уверен, что он сделает все от него зависящее, чтобы устранить эту ненормальность.

Потрясения, вызванные великой войной в политическом, экономическом и социальном строе капиталистического мира, не прекратились, а продолжают расширять свое разрушительное действие. Мы наблюдаем, как растет процесс отчуждения между странами. За немногими исключениями,— яркий пример которых представляют взаимоотношения между Турцией и СССР, не имеющие прецедента в истории, и к которым, я надеюсь, вскоре будут причислены взаимоотношения между САСШ и СССР — за последние годы редко бывали случаи, когда между государствами устанавливалась и сохранялась дружба хотя бы лишь самым условным образом. Со времени войны антагонизм между государствами возрастал как количественно, так и качественно. Подготовка к новым войнам ведется совершенно открыто. Не только возобновилась и усилилась враждебная гонка вооружений, но — и это, быть может, еще более серьезно — подрастающее поколение воспитывается на идеализации войны. Характерным для такого милитаристского воспитания является провозглашение средневековых лженаучных теорий о превосходстве одних народов над другими и права некоторых народов господствовать над другими и даже истреблять их. Песни, музыка, литература, наука — все это подчиняется интересам милитаристского воспитания молодежи. Иные страны даже не пытаются приукрасить подготовку к войне комплексом идеологических и научных теорий. Эти страны утверждают: если, согласно мнению некоторых, война должна быть объявлена вне закона и акты мира закреплены, то это все же не касается тех частей земного шара, в которых эти страны сами заинтересованы. Наивное идеологическое обоснование такой точки зрения выражается в ссылках на «специальные условия», хотя при этом не разъясняется, в чем заключаются эти «специальные условия». Вы должны принять их заверения, ибо если вы выражаете недоумение, то вас обвиняют «в неискренности». «Искренность» в таких случаях означает согласие на насильственные агрессивные действия и их поощрение, хотя бы объектом этих действий являлось ваше имущество.

Поскольку в некоторых странах существуют такие настроения, неудивительно, что конференция по разоружению агонизирует. Женева — мертвец, и если не составлен акт о смерти, то лишь потому, что врачи боятся выслушать сердце, переставшее биться. Сейчас вопрос заключается не в том, принимают ли все страны британские, французские или другие методы разоружения. Поставьте на Женевской конференции два простых вопроса, согласны ли они на какое-либо серьезное

сокращение вооружений и готовы ли они допустить какой-либо контроль. Со стороны по крайней мере одной большой воинственной страны вы услышите отрицательный ответ на оба вопроса с неизбежной ссылкой на «специальные условия». Такой ответ прозвучал бы, как погребальный колокол над конференцией, и поэтому Женева постарается его избегнуть.

Провал Лондонской конференции [142], продолжающееся свертывание международной торговли, десятки миллионов безработных, переоценка ценностей, вызываемая кризисом,— все это не позволяет питать розовые надежды на улучшение экономического положения. На этом мрачном фоне моя страна выделяется, как луч света».

Тов. Литвинов указал затем на промышленный, технический, научный и культурный прогресс СССР, на улучшение здравоохранения, рост численности населения, на сокращение числа неграмотных и т. д. При этом т. Литвинов отметил возможности советского рынка. Он указал на успехи национальной политики Советского правительства. Тов. Литвинов, заявив далее, что в течение 16 лет СССР неуклонно проводил принципы мира, провозглашенные в Октябре, отметил заключенные Советским правительством мирные договоры и пакты о ненападении и его предложение о всеобщем разоружении.

«Провал Женевской конференции,— продолжал т. Литвинов,— укрепил наше убеждение, что единственным возможным методом эффективного разоружения является полное разоружение, и на этом методе мы будем продолжать настаивать при каждом удобном случае».

Останавливаясь на советско-американских отношениях, т. Литвинов заявил:

«Польза, которую восстановление экономического сотрудничества принесет обеим странам, неоспорима. Несомненно, культурное сотрудничество деятелей науки и искусства принесет богатые плоды. Еще важнее тот неоспоримый факт, что САСШ и СССР извлекут пользу из объединения своих усилий в целях сохранения мира. Кто может усомниться, чтобы объединенные голоса двух гигантов не заставили считаться с собой и чтобы совместные усилия не оказали давления на чашу весов в пользу мира».

В заключение т. Литвинов назвал некоторых «пионеров» советско-американского сближения — сенатора Бора, Купера, Робинса. Наконец, он выразил свое убеждение, что «дружба и сотрудничество между САСШ и СССР смогут в будущем укрепляться и развиваться на новых путях, принося великую пользу для обоих народов и содействуя консолидации международного мира».

Печат. по газ. «Известия»
№ 267 (5018), 26 ноября 1933 г.

392. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

26 ноября 1933 г.

Альфан пришел с визитом неделового характера — представить нового первого секретаря Шарпантье. Шарпантье приехал сюда из Парижа, раньше года два работал в Лондоне.

Альфан разговаривал на частные, неделовые темы — говорил о предстоящем в начале декабря возвращении его семьи в Москву — и был в отличном настроении. После небольшой паузы Альфан вдруг сказал: «А немцы-то обращаются во все стороны с предложениями переговоров...» *

Я заметил, что Франсуа-Понсе **, кажется, недавно имел беседу с Гитлером. На замечание Альфана, что Франсуа-Понсе уже неоднократно разговаривал с Гитлером, я ответил, что сейчас такая беседа имеет особенное значение.

Альфан тогда сказал, что он был всегда сторонником соглашения между Францией и Германией, и считает, что такое соглашение ни в какой мере не противоречит добрым отношениям Франции с СССР. К сожалению, приходится констатировать, что примерно каждые пять лет начинаются разговоры о франко-германском соглашении и каждый раз по прошествии нескольких месяцев приходится убеждаться в тщетности всех усилий, делаемых в этом направлении. Все дело в безграничности германских требований. Сперва они просили только одного — эвакуации Рейнской области. Получив это, они стали добиваться уничтожения репараций, затем выдвинули требование о равноправии вооружений, потом потребуют польский коридор и т. д. Альфан не склонен придавать большого значения разговорам о разногласиях между Даладье и Эррио по вопросу об отношении к Германии. Он думает, что Эррио в ближайшее время возьмет какой-нибудь нейтральный правительственный пост — министра по просвещению или труда, но не иностранных дел.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

393. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Швеции А. М. Коллонтай в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

26 ноября 1933 г.

Вчера при свидании со мной Сандлер выразил удовлетворение возобновлением переговоров между шведским прави-

* Многоточие текста.

** Посол Франции в Германии.

тельством и торгпредством по займу*, сказав, что шведское правительство, если придем к соглашению, намерено поставить это одним из первых вопросов в новой сессии парламента в начале января.

На вашу телеграмму от 22 ноября 1933 г.[288] сообщаю, что немедленно по получении сведений о примечании на визе Белковского еще до вашей телеграммы сделала демарш и заявила Сандлеру протест по данному случаю. Сандлер разъяснил, что эта новая мера общая, введенная в ноябре этого года и касающаяся всех стран, с которыми у них нет особой конвенции о безвизовом въезде в Швецию. Я потребовала аннулирования примечания на паспорте Белковского; вчера Сандлер удовлетворил мое требование. Сандлер еще раз заявил, что эта мера не направлена против нас, предложил сделать специальное исключение для нас: при испрашивании визы у шведов мы заявляем, что данное лицо командируется по делу госучреждений. Сандлер обещал дать соответствующую инструкцию консулам.

Полпред

Печат. по арх.

394. Письмо Полномочного Представителя СССР в Польше члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

27 ноября 1933 г.

Уважаемый товарищ,

На основании всего доступного мне материала представляю Вам кратко следующие выводы о последнем акте польско-германского сближения[278]:

1. Польша всегда учитывала, что единого противогерманского фронта не существовало и нет. Ни Франция, ни Малая Антанта (тем более Англия, Италия) не могут быть надежными партнерами на стороне Польши против Германии. Это сказалось во всех переговорах вокруг разоружения. Это отчетливо выявилось в отношении к «пакту четырех». Франция подписала этот пакт. Малая Антанта, «предав» Польшу (Бенеш вначале брал инициативу совместной борьбы с «пактом четырех»), пошла с Францией. В глазах Польши это означало, что указанные страны готовы в тяжбе с Германией «отыграться» за счет Польши. Изоляция фактически угрожала Польше, не Германии. Восточное (на Варшаву) направление эвентуальной германской экспансии представлялось наименее обеспеченным. Сближением с нами, наряду с фактической ликвидацией Рапалло, Польша выходила из изоляции, укрепляла «варшавское направление». И вместе с тем, поскольку [она] не могла

* См. док. № 371.

мыслить о превентивной войне с Германией, была вынуждена искать смягчения своих трений с нею (выигрывая время). Попытки сговора с Германией, в этом смысле, никогда не прекращались со времени «Вестерплатте» (военная демонстрация Польши) [280].

2. Выход Германии из Лиги наций и разрыв ее с конференцией по разоружению создал новое положение вещей. Система Лиги наций фактически рушится. Польша боролась в свое время, ища поддержки и у Германии (Штреземан), за постоянное место в Совете Лиги. Ныне эти позиции потеряли значение. Началась борьба вокруг вопроса о будущих мировых констелляциях. Польша опасается остаться в стороне от этих формирований. («Вы-то будете во всех комбинациях. А мы?» — слова Матушевского мне.)

Польша стремится обеспечить себе прочное место за столом будущих конференций и т. п. Она демонстрирует свою силу и способность к самостоятельной политике. «Пусть во Франции знают, что без Польши нельзя решать вопросов, ее касающихся. Пусть в Берлине, Лондоне, Риме знают, что о Польше надо говорить в Варшаве» (слова Бека мне). Опасения, что борьба с германскими притязаниями разыграется в двусторонних переговорах держав с Германией за польский счет, побуждают Польшу упредить урегулированием своих отношений с Германией эти сепаратные переговоры, к которым, по сведению Варшавы, уже склонен хотя бы Париж.

По мнению здешних дипломатов, в Польше ожидали немедленно после гитлеровского плебисцита провозглашения Германией «отмены Версаля» и стремились упредить этот шаг Гитлера.

Вот побудительные мотивы демарша Польши в Берлине.

3. Можно считать почти твердо установленным, что никаких официальных предварительных политических переговоров после выхода Германии из Лиги до беседы польского посла с Гитлером (15 ноября) не велось. Но взаимный зондаж был: Стежинский в Берлине (есть слух, что говорил и с Геббельсом), Зибург в Варшаве (был у Бека, Славека *, может быть, даже у маршала) прощупывали взаимные настроения. На основе этого зондажа и после доклада Липского (2 ноября) маршалом (3 ноября) было принято решение: тотчас после плебисцита — выборов в Германии — поставить Гитлеру вопрос о последствиях для польско-германских отношений новой позиции Германии.

4. Бек и его окружение дают нам понять, что этот вопрос был будто бы поставлен чуть ли не в ультимативной форме. Медзинский прибавляет, что был заготовлен, на случай не-

* Бывший председатель совета министров Польши.

удовлетворительного ответа, даже «соответствующий» приказ войскам западного прикрытия.

Все это маловероятно. В такой ультимативности не было нужды. Еще 2 мая в беседе Высоцкого — Гитлера[279], затем повторно при свидании Бека с Геббельсом — Нейратом в Женеве, наконец, посланием Геббельса Зибургом (его интервью со Славеком) был намечен принцип: отстранив территориальный вопрос, попытаться договориться по остальным спорным вопросам. Ставить ультимативно вопрос о неприменении вооруженной силы тоже не приходилось, ибо словесных заявлений Гитлера (Геббельса) об отказе ее применить по отношению и к Польше (по всем спорам) и без того более чем достаточно. Поставить вопрос ультимативно было возможно лишь в связи с вопросом признания статус-кво. Решительно отовсюду нас заверяют, что этот вопрос вовсе не был поставлен.

Беседа Липского — Гитлера, очевидно, вовсе не была столь напряженно драматичной, как нам это внушают.

5. О ее содержании наши сведения крайне скудны. Вслед за «Журналь де дэба» можно полагать, что Гитлер пытался добиться согласия на непосредственное обсуждение всех спорных вопросов, но Польша на это не пошла, что отразилось на тексте документа и не опровергается немецкой печатью (и немецким послом в Варшаве). Со слов Бека, передается, что беседа была почти односторонней: Гитлер, помимо обычного пацифистского елея и комплиментов Польше, будто выразился: «Я не пруссак». Тут намек на тот постулат, который откровенно внушается группой Мацкевича (связанного с Мольтке*): Померания и даже Верхняя Силезия менее важны для Германии, чем Австрия. Весьма вероятно, что Польша подхватила такую постановку и заверила в своей полной незаинтересованности в вопросе «аншлюса». Весьма сомнительно, вопреки мнению французского журнала, чтобы при данной беседе был поднят вопрос о Прибалтах (например, в форме нейтрализации последних): Польша не потеряла надежд на закрепление именно своих позиций в Прибалтике, да и нечем ей платить (в данной обстановке) за «уход» Германии из Прибалтики.

(Нам сообщают (Зингер**), что будто бы в беседе с Липским Гитлер прощупывал и возможность антисоветского сговора, но не встретил благоприятной почвы.)

6. Текст, появившийся в результате беседы 15 ноября, никак нельзя назвать «пактом о неагрессии». И конечно, если бы имелась малейшая возможность заключения подобного пакта, поляки за нее бы ухватились. Еще при правительстве

---

* Посланник Германии в Польше.

** Сотрудник газеты «Наш шпеглонд».

Шлейхера они зондировали эту возможность (Высоцкий будто бы официально и без результата ставил данный вопрос), и неудачно: лишь Герлах* высказывался за заключение с Польшей пакта о неагрессии, но не упоминая о границах. «Декларация о ненападении» (немцы пишут скромнее, стараясь подчеркнуть чисто словесный и личный от канцлера характер документа) — документ, юридически весьма далекий даже от того, что предлагал Герлах. И то, что полякам не удалось добиться большего, чем повторение словесного личного заявления германского канцлера, свидетельствует о всех трудностях, стоящих (в настоящее время) на пути германо-польского сближения. Пожалуй, греческий посланник Политис прав, когда отмечает, что юридически в данном документе нет даже обязательства вообще не прибегать к вооруженной силе, а лишь в отношении вопросов, доступных непосредственным переговорам.

7. Каковы же эти вопросы? Территориальный, очевидно, исключен. Вопрос о разоружениях — в данный момент тоже (хотя налицо некоторые колебания — см. высказывания Стпичинского**). Вопрос о нацменьшинствах? Вопреки слуху, что он стоит на очереди, Бек заявил Ляpошу и Матушевский (на основе сообщения Бека правительственному «совещанию») мне, что этот вопрос, как урегулированный международными договорами, не подлежит обсуждению. Лично полагаю, что по примеру Данцига (права польского меньшинства) и ввиду как раз отсутствия такого арбитра, как Совет Лиги наций, полякам не избежать разговоров с немцами о нацменьшинстве. Вопросы Данцига? Бек подчеркнул Ляpошу: «Они не касаются Германии». Это, конечно, только поза. И раньше и тем более впредь Германия вела и поведет с Польшей, хотя бы и неоформленно, разговор и по данцигским делам. Очевидно, эти вопросы сейчас неактуальны. На очереди улажение (и оно идет более или менее успешно) экономических дел (торговые переговоры, ликвидирующие состояние таможенной войны).

Помимо данных переговоров есть признаки и дальнейших попыток закрепления «мира» на западной границе Польши. По сообщению корреспондента Гавас, говорят о предстоящем соглашении о печати (даже об обмене журналистскими делегациями). Только что получено сведение о приеме Мольтке лично маршалом. Какая цель такой добавочной демонстрации? Может быть, подчеркнуть значение слишком уж убого выглядящей берлинской «декларации»?

8. В общем, берлинская «декларация» производит (в чем соглашаюсь, например, с Полнтисом) «впечатление не силы,

---

* Депутат рейхстага.
** См. док. № 379.

а слабости Польши». Естественно, Польша будет стремиться юридически оформить этот документ. Бек, по его словам Ляшу и мне, считает ныне невозможным заключение с немцами пакта ненападения. Возможно, что ведутся переговоры о торжественном протоколировании этой «декларации» (сообщение Швальбе *) или о включении ее во вступление к вырабатываемому торговому соглашению (сообщение Стежинского, как будто подтвержденное косвенно мне Беком).

9. Переговоры в Берлине вокруг «декларации» были обставлены величайшей тайной. Однако уже за две недели до них французские и чехословацкие корреспонденты в Берлине сообщали о каких-то политических переговорах Польши с Германией. Это, очевидно, связывалось с подчеркнутым польской печатью посещением Липским и Беком маршала (2—3 ноября). 10 и 11—12 ноября мы имели информацию о подготовке Польшей — Германией какого-то соглашения в духе пакта неагрессии. (Сообщая Вам об этих слухах, я выражал сомнение, конечно, не о том, что вообще какой-то документ может появиться в свет, а о том, что появится именно пакт о неагрессии. И это мое сомнение подтвердилось целиком.) 12-го т. Ковальский получил от чиновников МИД тройное опровержение указанных слухов. Перед тем трижды же был дезинформирован представитель Гавас. Были введены в заблуждение и Ляшу, и Кадере, а Гирсу ** дезинформировал лично Бек. Это в данном случае характеризует методы дипломатической работы маршала, а не означает серьезности задуманного акта. Я не преминул весьма настойчиво указать Беку и т. д. на неприемлемость такого отношения к корреспонденту ТАСС ***.

10. Франция официально отнеслась к польскому шагу «спокойно», но Ляшу отмечает чрезвычайное возбуждение против Польши не только в «общественном мнении» Франции, но и у французского правительства. Это охлаждение, по его мнению, скажется неблагоприятно Польше на последующих шагах Франции. Бек, напротив, заверяет, что Франция будет лишь вынуждена более считаться с интересами Польши. Думаю, что поступок Польши не следует считать признаком разрыва с Францией; Польша, конечно, весьма дорожит союзом с последней и будет бороться и вне и внутри Франции за укрепление этого союза.

11. По отношению к нам, согласно заверениям Бека и мне и Ляшу, данный акт не вносит изменений. «С Советским Союзом мы имеем сердечные отношения, которые хотим расширять и углублять, от Германии мы ищем лишь гарантий»

---

* Редактор газеты «Наш пшеглонд».
** Посланник Чехословакии в Польше.
*** См. док. № 379.

(Бек — Ляроше). Я нарочно подчеркнул перед Матушевским некоторую неясность формулировки им в статье официоза отношения к нам и немцам (по отношению к нам «завершение», к немцам — «начало»). Так старается понять данное соглашение Мацкевич, так понимает его Философов в «Молве». Матушевский протестовал против такого объяснения, но, конечно, лишь факты покажут, чье толкование верно. Не считает ли маршал «восточное направление» уже настолько обеспеченным, что можно уже ограничиться достигнутой степенью сближения с нами? Это подлежит, помимо прочего, проверке фактами.

Прилет к нам эскадрильи полковника Райского[275], задуманный и решенный задолго до польского демарша в Берлине, был по возвращении Райского из Румынии отменен («едем поездом»), затем вновь решен. И через несколько дней по визите Райского — польский маневр в Берлине. Нет ли здесь «розыгрыша»? Решения о маневре в Берлине были приняты в Варшаве 2 или 3 ноября; полет эскадрильи вновь решен за несколько дней до того (кажется, 28 октября). Я, однако, указал Матушевскому на скверное впечатление от подобного параллелизма («двуколейности», по выражению Швальбе), при наличии выполнения берлинской демонстрации в такой секретности от нас.

12. Здесь с большим вниманием следят за последствиями работы у нас Надольного, поехавшего «возрождать Рапалло», как выразился Мольтке. Его считают «пруссаком», т. е. ярым сторонником возвращения Германии «коридора».

Конечно, всякое демонстрирование нами улучшения отношений к Германии будет на руку пропагандистам польско-германского соглашения.

А таковые работают с крайней энергией в Польше. Германия же производит гигантский и всесторонний нажим на польское правительство и польское общественное мнение.

С товарищеским приветом

Полпред
Антонов-Овсеенко

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI. М., 1969, стр. 112—116.

395. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

27 ноября 1933 г.

Сегодня меня вызвал Кольер и сообщил, что ввиду нашего отказа обсуждать в процессе торговых переговоров вопросы

«Лены», «Торгсина» и другие* форин офис послал Чилстону инструкцию поговорить с НКИД по этим вопросам. Кольер особенно подчеркнул, что они ни в какой мере не хотят бойкотировать торговые переговоры и сами хотели бы их закончить как можно скорее. Однако придавая известное значение указанным вопросам, они заинтересованы в том, чтобы таковые были в той или иной форме урегулированы. Материал послан Чилстону со специальным курьером, который прибудет в Москву 29 ноября. Кольер упомянул, что форин офис получил сообщение от Чилстона о разговоре с Майским**. О том, как форин офис реагирует на этот разговор, Кольер ничего не сказал, хотя из одновременного его сообщения о посылке Чилстону инструкции по этому вопросу можно сделать вывод, что после разговора Майского он еще не считает эти дела оконченными***.

Каган

Печат. по арх.

396. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому

Немедленно
29 ноября 1933 г.

Ваша телеграмма от 26 ноября[259] и запись разговоров с Бонкуром получены****. Вопрос о Лиге наций в постановке Бонкура считаем дискутабельным и согласны обсудить. Но при этом у нас будут существенные оговорки, которые изложим при конкретных переговорах, если таковые будут иметь место. Вопрос о взаимопомощи также считаем дискутабельным и не прочь выслушать конкретные предложения. Можете на основе этих директив начать беседу с Бонкуром. Результаты сообщите*****.

По поручению инстанции

Крестинский

Печат. по арх.

* См. док. № 286.
** См. док. № 388.
*** См. док. № 408.
**** См. док. № 390.
***** См. док. № 397.

397. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

Вне очереди
1 декабря 1933 г.

Ввиду состояния моего здоровья я пригласил вчера Бонкура к себе в связи с Вашей телеграммой от 29 ноября*. Он остался весьма доволен нашей готовностью обсудить два выдвинутых им вопроса. Он обещал конкретизировать оба вопроса в ближайшие дни, хотя он, видимо, недоумевал, какой именно конкретизации мы желаем в вопросе о Лиге наций. Он рассказал о содержании беседы Гитлера с Франсуа-Понсе. Гитлер потребовал предоставления Германии эффективов в 300 тыс. человек и вооружения для соответствующей численности армии по всем родам оружия так называемого дефензивного типа. Гитлер согласен при известных условиях на контроль. Кроме того, он предлагал договориться об условиях перехода к Германии Саарской области. Франция стоит перед альтернативой легализации германского довооружения и сведения его в определенные рамки или отказа от германских предложений. По линии соглашения с Германией ее толкают помимо Англии и Италии определенные внутренние факторы. Если решиться в пользу другой альтернативы, нужно поставить вопрос о нарушении ст. 113 Версальского договора с эвентуальным применением санкций. Ввиду позиции, занимаемой Англией и Италией, он хотел бы знать, может ли он рассчитывать на то, что мы примем участие в санкциях, хотя он тут же оговорил, что эвентуальное вступление в Лигу наций будет содействовать изменению соотношения сил. Против признания германского вооружения говорит то, что, миновав этап, Германия в скором будущем потребует полного равенства. Бонкур понимает, что уступки могут только укрепить авторитет Гитлера, однако существенно было бы знать, каков удельный вес противостоящих Гитлеру сил в Германии. В связи с этим он проявлял исключительный интерес к боеспособности германского пролетариата. Я привожу сжато высказывания Бонкура, разговор носил такой характер, что Бонкур добивался от меня аргументов против соглашения с Германией.

Он выразил надежду, что Литвинов при встрече с Муссолини повторит сказанное им в Париже по поводу тактики в Женеве, в частности, что он считает вредным узаконить вооружение Германии и вступить в переговоры с ней. Он очень просит сообщить, примет ли разговор с Муссолини такой обо-

---

* См. док. № 396.

рот *. Хотя он озадачен польско-германским соглашением [278], но он считает более грозной опасностью германо-японское сотрудничество. Впрочем, истинные намерения Польши выявятся, когда ей предложат заключение пакта о взаимопомощи.

Я говорил о морских делах в аспекте Вашего разговора с Альфаном **. Он обещал дать ему директивы в желательном для нас смысле и довести об этом до моего сведения.

Прошу передать в Рим, что найдете нужным в частности мысль, высказанную Бонкуром относительно разговора Литвинова с Муссолини ***.

Полпред

Печат. по арх.

398. Письмо Полномочного Представителя СССР в Польше члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

1 декабря 1933 г.

1. 20 ноября Бек после беседы, переданной мною в «Дневнике» ****, услышав от меня, что предполагаю вскоре ехать в Союз, спросил, когда я еду и, по моем ответе, сказал: «Я хотел бы до Вашего отъезда повидаться, чтобы поговорить о вещах, о которых не хотел бы писать».

2. 23 ноября днем Медзинский сообщил мне, что накануне состоялся разговор маршала с Беком об отношениях с нами и что маршал дал указания о дальнейшем развитии и углублении этих отношений. Бек сегодня будет иметь со мною разговор особенной важности.

3. 23-го в 6 часов вечера Бек принял меня у себя на квартире и заявил (в основном) следующее:

Все женевские институции крахнули, крахнула и конференция по разоружению. Предстоят попытки разрешения стоящих вопросов вне Женевы. «Когда мы выступаем одни, говорят «малая страна», когда вы выступаете одни — «отдаленная страна»; но если мы выступаем совместно, то эти термины сразу отпадают» (дословно). Бек предлагает поэтому нам установить с Польшей постоянный тесный контакт по вопросам разоружения со взаимной предварительной информацией и в стремлении к наибольшей согласованности выступлений. («Мы без вас не хотели бы идти на конференции по подобным вопросам».)

4. Далее, продолжает Бек, «мы обсудили внимательно и всесторонне вопросы, поднятые при посещении г. Радека и в

* См. док. № 405, 419.
** См. док. № 357.
*** См. док. № 400.
**** См. док. № 379.

иных выступлениях (намек, должно быть, на статью Дуо) [290]. Мы совершенно согласны с вами в общей оценке сложившегося положения. Этот тесный контакт и определенное взаимодействие следует иметь в виду и реализовать, когда придет время. Сейчас можно с этим несколько подождать» (привожу почти дословно). На мой вопрос: «Значит, вы считаете западные границы обеспеченными? Надолго ли?» — Бек ответил: «На год, может быть, несколько больше».

5. И Бек продолжал: «Мы имеем время подумать о более углубленной подготовке». На карте Европы есть «мягкий пункт» — это Прибалтийские страны. Тут и прежние, сложившиеся прочно государства и новые, еще в брожении. С одной стороны Швеция, где германские влияния недавно были очень сильны (я вставил «и английские — через двор и адмиралтейство»,— Бек согласился); с другой — Финляндия — особо германофильская, Латвия — с возрастающим германским влиянием, Эстония — где оно наиболее слабо (подробно говорит об ошибочности нашей иной оценки) и Литва, стоящая на распутье. «Мы одинаково заинтересованы в укреплении этого мягкого пункта и следует изыскать ряд экономических и политических мер к этому укреплению». Я прямо спросил: «То есть вы предлагаете нам вести совместно политику в Прибалтах?» Бек ответил дипломатично: «Следует внимательно проработать вопрос — я лично им сейчас занят — по укреплению этого направления. Тут целая система мер, которые надо выработать. Об этом еще следует говорить».

6. Бек перешел затем к необходимости расширять и углублять культурные, экономические связи, создавая «атмосферу, благоприятную для дальнейшего», в том числе развивать и поддерживать контакт военных. Я тогда указал на плохое впечатление у нас от неостывающей организационной работы антисоветских сил в Галиции и на Волыни *.

На мое обстоятельное изложение фактов Бек заявил, что сегодня же переговорит вновь с министром внутренних дел Перацким.

Желая косвенно выявить отношение Бека к контакту с нами по германским вопросам, я отметил, что нарочитая секретность, доведенная до дезинформации (случай с представителем ТАСС), по вопросу недавних (15 ноября) переговоров с Германией **, также не может содействовать укреплению атмосферы полного доверия, и продолжал: «Я ведь уверен, что если бы мы были накануне подобного демарша, то я получил бы указание моего правительства довести об этом до вашего сведения». Бек, несколько покраснев, ничего не ответил.

---

* См. док. № 323, 387.
** См. док. № 379.

(Дальнейший разговор о торговых переговорах с Германией и т. д. не представляет особого интереса.)

7. Медзинский спрашивал меня также о наличии фактов диверсий со стороны Польши и просил по приезде из Москвы сообщить ему о таковых, ежели имели место: «маршал жестоко расправился бы с нарушителями его приказов».

8. Матушевский (накануне моего отъезда) заметил, что в распоряжении Польши есть «военные данные» об отказе Германии на ближайшее время от агрессивных действий против Польши.

Антонов-Овсеенко

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI. М. 1969, стр. 102—103.

399. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

1 декабря 1933 г.

По вопросу о назначении торгпреда* Филипс заявил, что целый ряд стран просили дипломатического статуса для их торговых представителей в Нью-Йорке, но американское правительство им в этом всегда отказывало. Поэтому необходимо подробно ознакомиться с поставленным мною вопросом. На мое указание, что СССР нельзя сравнивать с другими странами ввиду наличия монополии внешней торговли и что у нас имеются торгпреды и торгпредства во всех странах, с которыми состоим в нормальных отношениях, Филипс ответил, что, конечно, это верно и нам, вероятно, дадут это право и в САСШ, но что окончательный ответ он сможет дать мне лишь через несколько дней**. Я хотел переговорить по тому же вопросу с Моргентау-младшим, чтобы тот снесся с президентом, но его нет в Вашингтоне, и он вернется лишь через 2—3 дня.

Сквирский

Печат. по арх.

400. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Рим

2 декабря 1933 г.

В дополнение к телеграмме от 2 декабря 1933 г.[291] сообщаю, что, если Муссолини заговорит с Вами о недавних требованиях Германии в области довооружения, можете сказать

* См. док. № 384.

** См. док. № 427, 433.

ему, что, по Вашему мнению, Советское правительство не согласится с этими требованиями, так как эти требования Германии идут вразрез с интересами всеобщего мира.

Крестинский

Печат. по арх.

401. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому

2 декабря 1933 г.

На Вашу телеграмму от 1 декабря *. Для Вашего сведения сообщаю, что мы против удовлетворения недавних требований Германии о довооружении. Бонкуру можете сказать, что, по Вашим сведениям, Советское правительство настроено против недавних требований Германии о довооружении, потому что это довооружение явилось бы угрозой для всеобщего мира.

Крестинский

Печат. по арх.

402. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

3 декабря 1933 г.

Когда Бонкур информировал меня о требованиях Гитлера *, я его спросил, не коснулся ли Гитлер Восточной Европы. Бонкур ответил отрицательно. Сегодня по телефону Бонкур сообщил мне, что, внимательно перечитав запись Франсуа-Понсе, он увидел в ней одну коротенькую фразу, в которой Гитлер «в туманной и мало понятной форме упомянул о государстве-тампоне на востоке Европы». Бонкур поручил Ляроше узнать у Бека, не говорилось ли чего-нибудь подобного во время польско-германских переговоров. Бек ответил отрицательно. На вопрос Ляроша, что именно мог Гитлер подразумевать под «государством-тампоном» в беседе с Франсуа-Понсе, Бек ответил: «Вероятно, Гитлер имел в виду Польшу». Рассказывая мне об этом ответе Бека, Бонкур скептически рассмеялся. Бонкур заявил мне, что работает над теми двумя вопросами, которые служили темой нашей последней беседы.

---

* См. док. № 397.

Я рассчитываю, что в ближайшее время вы мне подробно разъясните линию[232], в связи с Вашей телеграммой от 29 ноября *.

Довгалевский

Печат. по арх.

403. Торговый договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвией

[4 декабря 1933 г.]

Союз Советских Социалистических Республик и Латвийская Республика, желая всемерно содействовать укреплению установившихся прочных основ экономических взаимоотношений между обеими странами и их дальнейшему расширению, решили в развитие постановлений статьи XVII Мирного Договора между Россией и Латвией от 11 августа 1920 года ** заключить Торговый Договор и назначили для этой цели своими уполномоченными, а именно:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик:

Бориса Спиридоновича Стомонякова, Члена Коллегии Народного Комиссариата по Иностранным Делам,

Шолома Моисеевича Двойлайцкого, Члена Коллегии Народного Комиссариата Внешней Торговли, и

Ивана Леопольдовича Лоренца, Заместителя Начальника Сектора Торговой Политики Народного Комиссариата Внешней Торговли; и

Правительство Латвийской Республики:

д-ра Альфреда Бильманиса, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Латвийской Республики в Союзе Советских Социалистических Республик,

Вильгельма Мунтерса, Генерального Секретаря Министерства Иностранных Дел, и

Эрнеста Озолиньша, Директора Банка Латвии,

каковые уполномоченные, по взаимном предъявлении своих полномочий, найденных составленными в должной и надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется:

1. Предоставить другой Договаривающейся Стороне все те права, льготы и привилегии, которые первая предоставила или предоставит в будущем на основании внутреннего законодательства и международных соглашений какой-либо третьей стране в отношении:

* См. док. № 396.

** См. т. III, док. № 53.

а) условий въезда на ее территорию граждан другой Стороны, их пребывания и выезда; приобретения, в частности путем наследования по завещанию или по закону, всякого рода имущества, владения, пользования и распоряжения им путем продажи, дарения, завещания или иным образом; ввоза и вывоза ими личного имущества; занятия профессиями, торговлей, промыслами и ремеслами; судебной или иной защиты их прав; платежа налогов, а также всякого рода сборов публично-правового характера, а равно и во всех других отношениях, определяющих правовое положение и общеправовую защиту этих граждан;

б) трактования юридических лиц одной Стороны, образованных на территории этой Стороны, в соответствии с ее законами, для осуществления торговых, промышленных, финансовых, транспортных и других хозяйственных операций, в частности в отношении признания и допущения юридических лиц одной Стороны к деятельности на территории другой, в отношении осуществления ими своей деятельности на этой территории, в том числе и в области внешней торговли, равно как в отношении правовой защиты этих юридических лиц, обложения их налогами и всякого рода сборами публично-правового характера;

в) всего касающегося режима торговли и транзита, в частности таможенных пошлин и сборов, установления и применения правил и формальностей при ввозе, вывозе и транзите произведений почвы и промышленности другой Стороны и хранения их в складочных помещениях;

г) трактования пассажиров, багажа и грузов одной Стороны на железнодорожных путях сообщения другой;

д) трактования морских судов, плавающих под флагом одной Стороны, их экипажа, пассажиров и грузов в портах и водах другой.

2. Предоставить другой Договаривающейся Стороне особые права, льготы и привилегии, установленные в настоящем Договоре или в соглашениях, имеющих быть заключенными в будущем.

Постановления настоящего пункта ни в чем не ограничивают применения пункта 1 настоящей статьи в случае, если третьей стране будут предоставлены какие-либо далее идущие права, льготы и привилегии.

3. Продолжать при заключении новых торговых договоров и соглашений и при продлении ранее заключенных оговаривать во всех случаях нераспространение по наибольшему благоприятствованию на другие страны прав, льгот и привилегий, предоставленных или могущих быть предоставленными ею другой Договаривающейся Стороне.

Статья 2

Постановления настоящего Договора не распространяются на права, льготы и привилегии, предоставленные или могущие быть предоставленными:

1) Одною из Договаривающихся Сторон пограничным государствам для облегчения обмена в пограничной полосе, не превышающей, по общему правилу, 15 километров;

2) Одною из Договаривающихся Сторон третьему государству, вследствие уже заключенного или имеющего быть заключенным таможенного союза;

3) Союзом Советских Социалистических Республик — Эстонии, Финляндии, Литве и граничащим с Союзом континентальным странам Азии;

4) Латвией — Эстонии, Финляндии и Литве.

Статья 3

Независимо от постановлений Мирного Договора между Россией и Латвией от 11 августа 1920 года, относящихся к консульским сношениям и к правам и обязанностям консульских представителей, каждая из Договаривающихся Сторон обязуется предоставлять консульским представителям другой Стороны все права и льготы, предоставляемые консульским представителям какого-либо третьего государства.

Учреждение консульских представительств в местностях одной Стороны, где еще не имеется консульских представителей другой, составит предмет соглашения между обеими Договаривающимися Сторонами.

Консульские представители должны быть штатными служащими Министерства Иностранных Дел представляемого ими государства. Они не будут иметь права вести какую-либо торговлю или заниматься каким-либо промыслом на территории страны, где они осуществляют свои функции.

До назначения консульского представителя Правительство, его назначающее, должно получить согласие того государства, на территории которого консульский представитель должен осуществлять свои функции.

Статья 4

1. Для осуществления монополии внешней торговли, принадлежащей по законам Союза Советских Социалистических Республик Правительству Союза, в составе Полномочного Представительства Союза в Латвии учреждается Торговое Представительство, имеющее местопребывание в Риге.

2. Задачей Торгового Представительства Союза Советских Социалистических Республик в Латвии является:

а) содействовать развитию торговых и хозяйственных отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвией, а равно представлять интересы Союза в области внешней торговли;

б) от имени Союза Советских Социалистических Республик осуществлять регулирование внешней торговли Союза с Латвией;

в) от имени Союза Советских Социалистических Республик производить внешнюю торговлю с Латвией.

Внесение Торгового Представительства в торговый реестр не требуется. Имена лиц, уполномоченных представлять Торговое Представительство, должны непрерывно публиковаться им в «Valdibas Vestnesis» и, кроме того, оповещаться иным образом в ясной для публики форме. По отношению к третьим лицам эти лица считаются уполномоченными на представительство до тех пор, пока о прекращении силы их полномочий не будет объявлено в «Valdibas Vestnesis».

3. Торговый Представитель, его Заместитель и Члены Совета Торгового Представительства, число которых будет установлено соглашением обоих Правительств, принадлежат к дипломатическому персоналу Полномочного Представительства Союза Советских Социалистических Республик в Латвии и пользуются правами и привилегиями, предоставленными членам дипломатических миссий.

4. Служебные помещения центрального управления и отделов Торгового Представительства Союза Советских Социалистических Республик в городе Риге, а равно его отделений, пользуются экстерриториальностью.

В случае надобности в открытии отделений Торгового Представительства, пункты, где будут находиться таковые, устанавливаются по соглашению Сторон.

5. Торговое Представительство и его отделения имеют право пользоваться шифром.

6. Союз Советских Социалистических Республик признает для себя обязательными все правовые действия, совершенные Торговым Представителем или прочими лицами, уполномоченными представлять Торговое Представительство или его отделения (п. 2 настоящей статьи), или уполномоченными ими лицами. Союз Советских Социалистических Республик принимает на себя ответственность по сделкам, заключенным перечисленными выше лицами.

7. Совершенные в Латвии обязательные для Союза Советских Социалистических Республик правовые действия Торгового Представительства и хозяйственные результаты этих действий будут трактоваться по латвийским законам и будут под-

лежать латвийской юрисдикции. Однако, принимая во внимание установленную в п. 6 настоящей статьи ответственность Союза за сделки Торгового Представительства, к имуществу Торгового Представительства и его отделений не будут применяться судебные меры предварительного характера и меры административного характера.

Применение принудительного исполнения судебных решений, вошедших в законную силу, не будет допускаться к имуществу Торгового Представительства в тех случаях, когда это имущество предназначено для осуществления прав государственного суверенитета, согласно общих норм международного права, или для официальной деятельности Торгового Представительства.

Статья 5

Правительство Союза Советских Социалистических Республик не примет на себя никакой ответственности за действия государственных хозяйственных организаций Союза, которые по законам Союза одни отвечают за свои собственные действия, если только такая ответственность не принята на себя в ясной форме, в частности путем дачи гарантий, Торговым Представительством Союза, действующим от имени Правительства Союза в соответствии со статьей 4 настоящего Договора. Одно лишь разрешение Торгового Представительства, поскольку такое требуется, не имеет значения гарантии.

Государственные хозяйственные организации Союза Советских Социалистических Республик, организованные в Союзе в качестве самостоятельных юридических лиц, независимо от формы их образования (акционерные общества, тресты, государственные торговые организации, объединения и т. п.), отвечают сами за свои действия в пределах своих капиталов. Ни Правительство Союза, ни Торговое Представительство не несут ответственности за их действия; равным образом одни государственные хозяйственные организации Союза не отвечают за действия других государственных хозяйственных организаций или за действия Союза или Торгового Представительства.

Совершенные в Латвии правовые действия этих организаций и их хозяйственные результаты будут трактоваться по латвийским законам и будут подлежать латвийской юрисдикции и принудительному исполнению судебных решений. На находящееся в Латвии имущество этих организаций ложится неограниченная ответственность.

Их уставы, балансы их отделений в Латвии и имена лиц, уполномоченных представлять их, будут ими непрерывно публиковаться, даже и в то время, когда еще не состоялось их внесение в торговый реестр.

Статья 6

1. Грузы всякого рода, а также пассажирский багаж, проходящие транзитом через территорию одной из Договаривающихся Сторон, освобождаются от уплаты всяких ввозных, вывозных и транзитных пошлин, независимо от того, провозятся ли они прямо или же разгружаются в пути, сгружаются в складах и вновь погружаются, причем под складами понимаются помещения, находящиеся под надзором таможенных властей.

2. Перевозка грузов, товаробагажа, пассажиров и багажа между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвией будет производиться на основании особых соглашений о прямых железнодорожных сообщениях, заключенных или впредь имеющих быть заключенными между Народным Комиссариатом Путей Сообщения Союза Советских Социалистических Республик и Главным Управлением Латвийских Железных Дорог с участием или без участия третьих стран.

3. При взимании Договаривающимися Сторонами провозных плат и дополнительных сборов на железных дорогах, а равно в отношении сроков и способов перевозки, не будет делаться различия между гражданами Договаривающихся Сторон, а равно и их юридическими лицами.

В частности, с грузов, отправляемых из Союза Советских Социалистических Республик на какую-либо латвийскую станцию или с какой-либо латвийской станции в Союз или транзитом через Латвию, на латвийских железных дорогах не будет взиматься провозных плат и дополнительных сборов в размере, превышающем плату и сборы, взимаемые в том же направлении и на том же протяжении пути с однородных латвийских грузов.

Те же правила будут применяться и на железных дорогах Союза по отношению к грузам, отправляемым из Латвии на какую-либо станцию железных дорог Союза или с какой-либо станции железных дорог Союза в Латвию или транзитом через Союз.

Статья 7

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются в кратчайший срок заключить конвенции: ветеринарно-санитарную, о мореплавании, о консульских сношениях, о защите промышленной собственности, о защите товарных знаков, тарифно-транзитное соглашение и соглашение о сплаве леса по реке Западной Двине (Даугава).

Статья 8

Настоящий Договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами будет иметь место в городе Риге.

Настоящий Договор останется в силе в течение двух лет со дня обмена ратификационными грамотами.

Если за шесть месяцев до окончания указанного двухлетнего срока не последует отказа одной из Договаривающихся Сторон, то настоящий Договор почитается продленным на следующие двенадцать месяцев впредь до того, как от одной из Сторон не последует отказа, не менее чем за шесть месяцев до истечения предыдущего двенадцатимесячного срока.

Статья 9

Настоящий Договор составлен на русском и латышском языках, причем при толковании Договора оба текста почитаются аутентичными.

В удостоверение чего, поименованные выше уполномоченные подписали настоящий Договор и приложили к нему свои печати.

Учинено в городе Москве, в двух экземплярах, 4 декабря 1933 года.

Б. Стомоняков Dr. *Alf. Bilmanis*
Ш. Дволайцкий *W. Munters*
И. Лоренц *E. Osolin,s*

Заключительный протокол

К статье 1

Литера а) пункта 1

Постановления литера а) пункта 1 статьи 1, касающиеся наследования, не затрагивают постановлений пункта 3 статьи XVII Мирного Договора между Россией и Латвией от 11 августа 1920 года.

Литера б) пункта 1

1. Литера б) пункта 1 статьи 1 не предрешает вопроса о том, имеют ли юридические лица одной Стороны право быть допущенными к оперативной деятельности на территории другой. Таковое право регулируется внутренним законодательством каждой из Договаривающихся Сторон, причем само собой разумеется, что и в данном отношении принцип наибольшего благоприятствования сохраняет полную силу.

2. Поскольку в одной из Договаривающихся Сторон функции хозяйственной жизни осуществляются или будут осуществляться через государственные хозяйственные организации

(тресты, государственные торговые организации, объединения и т. п.), по своей структуре отличающиеся от принятых в большинстве других стран форм юридических лиц (акционерные общества, торговые товарищества и т. п.), Договаривающиеся Стороны подтверждают, что льготы, предоставляемые одною из них всякого рода акционерным обществам, торговым товариществам и иным юридическим лицам наиболее благоприятствуемой нации, распространяются также на все государственные хозяйственные организации другой Стороны, учрежденные по законам этой Стороны.

Литера в) пункта 1

Каждая из Договаривающихся Сторон оставляет за собой право требовать при ввозе произведений почвы и промышленности другой Стороны представления свидетельства о происхождении, удостоверяющего, что ввозимый продукт произведен на территории этой Стороны.

Относительно как сырья в тесном смысле этого слова и произведений почвы, так и полуфабрикатов и фабрикатов, изготовленных из сырья Договаривающихся Сторон, в свидетельствах этих должно быть указано, что они произведены на территории другой Стороны. Относительно же полуфабрикатов или фабрикатов, поскольку таковые изготовлены не из сырья Договаривающихся Сторон, в свидетельствах этих должно быть указано, что ценность их от переработки возросла не менее чем на 35%.

Свидетельства о происхождении латвийских товаров будут выдаваться в Латвии Министерством Финансов, Министерством Земледелия и уполномоченными ими государственными органами, а также другими организациями по соглашению Сторон.

Свидетельства о происхождении товаров Союза Советских Социалистических Республик будут выдаваться в Союзе Народным Комиссариатом Внешней Торговли и его органами и Всесоюзной Торговой Палатой и ее филиалами.

Форма свидетельств о происхождении товаров, как вывозимых из Латвии в Союз Советских Социалистических Республик, так и вывозимых из Союза в Латвию, будет установлена по взаимному соглашению Сторон.

Визирование и легализация свидетельств о происхождении будет производиться компетентными органами подлежащих Сторон в соответствии с правилами Стороны, куда ввозятся товары, указанные в этих свидетельствах. Стороны гарантируют друг другу в этом отношении режим наиболее благоприятствуемой нации.

Литера д) пункта 1

Постановление литера д) пункта 1 статьи 1 не относится к каботажу, осуществление которого составляет исключительное право национального флота каждой из Сторон.

К статье 5

1. Само собой разумеется, что в отношении предпосылок и условий для обоснования ответственности Союза Советских Социалистических Республик или Торгового Представительства за правовые действия государственных хозяйственных организаций принцип наибольшего благоприятствования сохраняет полную силу.

2. Отказ в допущении в Латвии к оперативной деятельности государственных хозяйственных организаций Союза Советских Социалистических Республик не будет мотивироваться отсутствием у них удостоверений латвийского консула о том, что в Союзе латвийские юридические лица пользуются теми же правами, какими пользуются в Латвии юридические лица Союза.

К статье 7

Впредь до заключения предусмотренного в статье 7 настоящего Договора Тарифно-Транзитного Соглашения, однако, не позже, чем до 1 апреля 1934 года, железнодорожные тарифы на железнодорожных линиях Союза Советских Социалистических Республик, ведущих к латвийским портам и обратно, будут в отношении транзита через Латвию, сохраняться, при равноценных условиях, на одинаково благоприятных началах, что и на железнодорожных линиях Союза, ведущих в Балтийские порты третьих государств.

К статье 8

В случае отказа одной из Сторон от Договора, в соответствии с постановлениями статьи 8, Договор считается сохраняющим силу еще в течение двух месяцев, следующих за истечением последнего договорного года.

В случае, если произведенная в течение этих двух месяцев проверка товарооборота между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвией, на основе Заключительного Протокола 3 к статье 1 Хозяйственного Соглашения *, выявит наличие разницы между экспортом Союза в Латвию и импортом Союза из Латвии, то Договор считается продленным на дополнительные два месяца в целях выравнения указанной разницы.

* См. док. № 404.

Учинено в Москве, в двух экземплярах, на русском и латышском языках, 4 декабря 1933 года.

Б. Стомоняков
Ш. Дволайцкий
И. Лоренц

Dr. *Alf. Bīlmanis*
W. Munters
E. Osolin,s

Договор и заключительный протокол печат. по орг. Спрв. в «Собрании законов...», отд. II, № 4, 7 марта 1934 г., стр. 37—51.

Договор ратифицирован: ЦИК СССР — 20 декабря 1933 г., сеймом Латвии — 29 декабря 1933 г.

Обмен ратификационными грамотами состоялся в г. Риге 31 декабря 1933 г.

404. Хозяйственное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвией

[4 декабря 1933 г.]

Нижеподписавшиеся, надлежаще уполномоченные своими Правительствами, условились о нижеследующем:

Статья 1

В течение каждого года действия Торгового Договора, заключенного сего числа между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвией *, Торговое Представительство Союза и советские хозяйственные организации будут закупать в Латвии для ввоза в Союз Советских Социалистических Республик товары латвийского происхождения на сумму стоимости вывезенных из Союза Советских Социалистических Республик в Латвию товаров с тем, чтобы экспорт Союза Советских Социалистических Республик в Латвию примерно равнялся его импорту из Латвии.

Статья 2

Проверка осуществления положения Статьи 1 настоящего Соглашения будет производиться специально назначенными для этой цели обоими правительствами лицами, по два лица от каждой стороны, по истечении каждого полугодия действия Торгового Договора. Эта проверка должна быть закончена не позже чем к последнему дню второго месяца, следующего за соответствующим полугодием действия Торгового Договора.

Статья 3

Стоимость советского ввоза в Латвию будет определяться по ценам франко-граница или сиф латвийские порты по данным латвийской государственной статистики. Стоимость лат-

* См. док. № 403.

вийского ввоза в Союз Советских Социалистических Республик будет определяться по ценам франко-граница или сиф советские порты по данным советской государственной статистики. Стороны имеют право вносить исправления в статистические данные на основе документального материала.

Статья 4

В случае, если при проверке данных о товарообороте выяснится, что стоимость ввезенных в Латвию советских товаров выше или ниже стоимости вывезенных за то же полугодие в Союз Советских Социалистических Республик латвийских товаров, разница переносится на следующее полугодие и должна быть выравнена в течение этого полугодия.

Статья 5

Настоящее Хозяйственное Соглашение сохраняет свою силу на все время действия Торгового Договора от сего числа.

Учинено в Москве, в двух экземплярах, на русском и латышском языках, 4 декабря 1933 г.

Б. Стомоняков
Ш. Дволайцкий
И. Лоренц

Д-р Альф. Бильманис
В. Мунтерс
Э. Озолиньш

Заключительный протокол

К статье 1

1. Делегация Союза Советских Социалистических Республик заявляет, что из осуществляемых Союзом на основе Статьи 1 настоящего Соглашения в Латвии закупок не менее 50% составят закупки продуктов сельского хозяйства.

2. Отказ Валютной Комиссии при Министерстве Финансов Латвии в разрешении на вывоз в Союз Советских Социалистических Республик промышленных товаров латвийского происхождения, за оплату в латах, не может служить обоснованием несоблюдения установленного в Статье 1 настоящего Соглашения соотношения между советским экспортом в Латвию и советским импортом из Латвии.

Латвийская делегация заявляет, что в отношении предоставления разрешений на вывоз промышленных товаров латвийского происхождения, за оплату в латах, Союз Советских Социалистических Республик не будет поставлен в худшие по сравнению с любым третьим государством условия.

3. Разница между экспортом Союза в Латвию и импортом Союза из Латвии не должна в конце каждого года действия Торгового Договора превышать двухсот тысяч (200 000) лат в ту или другую сторону. В случае отказа одной из Сторон от Договора, остающаяся к концу соответствующего года разница должна быть выравнена в течение четырех месяцев со дня прекращения действия Торгового Договора, считая два месяца на проверку товарооборота последнего полугодия и два месяца на выравнение разницы.

К статье 3

Стороны будут оказывать друг другу взаимное содействие в целях проверки представляемых таможенным учреждениям фактур и других документов, на основе которых производится статистическая регистрация.

К статье 4

Положения Статьи 4 не затрагивают положений пункта 3 Заключительного Протокола к Статье 1 настоящего Соглашения.

Учинено в Москве, в двух экземплярах, на русском и латышском языках, 4 декабря 1933 г.

Б. Стомоняков — *Д-р Альф. Бильманис*
Ш. Двойлайцкий — *В. Мунтерс*
Н. Лорениц — *Э. Озолиньш*

Печат. по арх. Опубл. в «Сборнике действующих торговых договоров и иных хозяйственных соглашений, заключенных СССР с иностранными государствами», вып. II, М., 1936, стр. 5—7.

405. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Рима

4 декабря 1933 г.

Начав с того, что, исходя из нашего пакта о дружбе *, который, он надеется, будет выполняться не только по букве, но и по духу, он желает изложить мне свой взгляд на текущие международные проблемы, Муссолини, отчасти отвечая на мои вопросы, заявил следующее: Вся его политика направлена к обеспечению мира. Ему известно, что «пакт четырех» у нас вызвал беспокойство. Он должен заверить меня, что он

* См. док. № 277.

только стремился вывести из тупика переговоры о разоружении и что пакт отнюдь не был заострен против нас. Сейчас никаких переговоров о реализации пакта он не ведет, выжидая результатов франко-германских переговоров. Ему известно, что в беседе Гитлера с Франсуа-Понсе речь шла только о разоружении. Гитлер просил дать ему 300-тысячную армию, и тогда он не будет настаивать на разоружении других на время испытательного периода. Гитлер согласен на контроль, одинаковый для всех, но предлагает не распространять контроля на возможные нарушения Версаля, имевшие место до сих пор, и закрыть на них глаза. Сейчас о разоружении нет речи, а только о довооружении. Совершенно неизбежно довооружение Германии, а поэтому лучше это урегулировать и ввести в границы, чем предоставить Германии неограниченное довооружение. Муссолини никогда не любил Лигу наций, а в особенности ее коалиционные порядки. Германия о своем выходе из Лиги наций не предупреждала его, ибо иначе он отсоветовал бы это. Италия выходить из Лиги пока не собирается, но Муссолини предлагает реформировать ее, о чем он вел беседу с Авенолем *. Без Советского Союза и США Лига не имеет никакого смысла. Италия не имеет никакого письменного соглашения с Францией, но атмосфера взаимоотношений, несомненно, улучшилась. Франция отказалась от плана Тардье и приняла итальянский метод разрешения дунайских вопросов **. Муссолини толкал Болгарию в сторону соглашения с Турцией, но Болгария нерешительна, а пакты, заключенные Турцией с Грецией и Югославией, напугали Болгарию. Япония угрожает интересам Италии, конкурируя с ней в средиземноморском бассейне, и внедряется в Абиссинию, где японцы получают и экономические и даже территориальные концессии, а также права на иммиграцию. Муссолини ни в коем случае не будет поощрять агрессию Японии, и если такая тенденция существовала бы в Европе, он ей противодействовал бы. Значительно выросло политическое влияние СССР и еще больше будет расти, и Муссолини не представляет себе разрешения международных проблем без нас.

Вопросов он мне не задавал и предложений не делал, но лишь спросил, желаем ли мы восстановить отношения с Венгрией. Я ему ответил, что мы не заподозревали намерения Муссолини в качестве автора «пакта четырех», но полагаем, что, поскольку объем работ в рамках пакта не ограничен, там могут обсуждаться и решаться вопросы, затрагивающие наши интересы. Муссолини Лигу наций не любит, но все же сожительствует с ней, а мы ее всегда отвергали. Мы в особенности

---

* Генеральный секретарь Лиги наций.

** См. т. XV, прим. 31.

против санкций и против судебных функций Лиги. Мы готовы к международному сотрудничеству, ведущему к обеспечению мира. Мы интересовались разоружением, видя в нем некоторую гарантию мира, но не можем согласиться, чтобы довооружение кого бы то ни было являлось функцией мира. На Балканах мы особых интересов не преследуем, ибо отказались от идеи панславизма, но считаемся и будем считаться с интересами там Турции. Болгария и Югославия с нами отношений не имеют и поэтому рассчитывать на нашу дружбу не могут. Устанавливать отношения мы готовы со всеми, и если этого захочет Венгрия, то с нашей стороны препятствий не будет. Я приветствую заявление Муссолини относительно Японии и отмечаю, что сознание опасности, которую она представляет благодаря своей воинственности не только для нас, но и для других стран Европы, проникает все глубже в сознание этих стран. Такое же сознание существует и в Америке, с которой у нас устанавливается действительная дружба. Надо только, чтобы государства не скрывали своих опасений, и чем громче они об этом будут говорить, тем легче будет остановить воинственность Японии. С Германией мы желаем иметь наилучшие отношения, но мы не игнорируем известные предложения фон Папена Франции*, выступления Розенберга и суждения Гитлера в его книге об экспансии на Востоке. Союзу Франции с Германией, направленному против нас, мы стараемся помешать, сближаясь с Францией. Думаю, что такой союз вряд ли будет приятен и Италии. Муссолини со мной согласился, напомнив, что он предупреждал Гитлера, что порча отношений с нами будет самой тяжелой его ошибкой. Идеология Гитлера имеет мало общего с идеологией фашизма. Гитлеру он дал совершенно ясно понять, что аншлюса он не допустит. Муссолини полагает, что аншлюс и нам невыгоден. Муссолини вновь выразил желание тесного политического сотрудничества с нами, и мы констатировали наличие множества точек соприкосновения. После этого Муссолини предложил согласование коммюнике стереотипного характера. Я сообщил ему о предложении Асквини** Левенсону о продлении экономического соглашения*** на год. Муссолини ответил, что он принципиальных возражений не имеет, и тут же предложил присутствующему при беседе Сувичу переговорить с соответствующими департаментами и доложить ему. После обеда я разговаривал с ним на посторонние темы.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. т. XV, прим. 188, 225, 249.
** Заместитель министра корпораций Италии.
*** См. док. № 144, 409.

406. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому

4 декабря 1933 г.

Многоуважаемый Валериан Савельевич,

Наши отношения с Францией начинают активизироваться по ряду направлений.

а) По вопросу о морском сотрудничестве дело уже настолько подвинулось вперед, что через день-два к нам приезжают французские моряки *.

б) По сотрудничеству в области авиации принято принципиальное решение как о посылке наших людей, о чем существует полная договоренность с Котом, так и о приезде к нам трех-четырех французов. Венцов ** уже, вероятно, в Париже, и наш ответ сообщен, конечно, Коту.

в) Литературную конвенцию заключить можно будет, вероятно, легко и быстро [256].

г) Вопрос о неделе французской науки в Москве [233] решен был принципиально в положительном смысле еще летом этого года, и сейчас НКПД и ВОКС в советском порядке оформляют отпуск необходимых для организации этой недели сумм. Как только выяснится, что материальная база под принципиальное решение подведена, мы сможем приступить к надлежащей активизации этого вопроса. Здесь уже дело будет не за нами, а за Вами. Вы могли бы уже теперь, мне кажется, конкретнее подойти к вопросу о составе участников и о наиболее удобном для нас времени. Мне лично кажется, что [вторая] половина февраля была бы удобнее, чем январь, так как время, непосредственно предшествующее партсъезду и совпадающее с ним, неудобно. Если же вторая половина февраля неудобна для ученых по соображениям каникул и т. д., тогда нужно было бы выбрать время между окончанием сессии ЦИК Союза и началом партсъезда.

д) Наконец, я вполне согласен с предложением т. Розенберга о целесообразности создания франко-советского комитета. Однако без санкции инстанции приступить к созданию этого комитета и даже к разговорам с французами о его создании нельзя. В ближайшее время этот вопрос будет нами поставлен [293].

Что касается торговых переговоров, то, поскольку французы не особенно склонны предоставить нам необходимые экспортные контингенты, наш интерес к заключению торгового договора умеьшается, и мы подходим к нему больше с поли-

---

* См. док. № 358.

** Военный атташе СССР во Франции.

тической, чем с экономической стороны. По-видимому, так же подходят к заключению договора и французы. Это открывает более легкую возможность договориться с устранением из договора наиболее однозных для нас моментов, т. е. с уменьшением нашего импортного обязательства и с отказом от делегирования, причем в качестве нашей гарантии сохранить лишь поручительство нашего нефтяного или марганцевого общества.

Мы не видели еще т. Гуревича и не обсуждали с ним и с НКВТ создавшегося положения. Мне кажется, однако, поскольку сам т. Гуревич после последнего пленарного заседания выдвинул в своей телеграмме т. Розенгольцу предложение взять назад согласие на делегирование нашей экспортной выручки, больших разногласий по вопросам торгового договора между нами больше не будет.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

407. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу

4 декабря 1933 г.

Уважаемый товарищ,

Мы сейчас заняты выяснением в соответствующих организациях тех практических вопросов культурной связи с Турцией, которые Вы поставили в Вашей последней телеграмме из Стамбула [294]. В частности, мы выясняем возможность посылки в Турцию музыкального ансамбля, добиваемся урегулирования отношений между «Союзкиноэкспортом» и Халил Камилем *, выясняем вопрос об издании антологии и т. д. Ответы по этим практическим делам Вы найдете в посылаемой Вам в этой почте копии письма 1 Восточного отдела на имя т. Цвилинга.

Однако я считаю, что намеченные Вами мероприятия не исчерпывают всей стоящей перед нами задачи активизации культурной связи с Турцией. Мы должны использовать имеющийся теперь интерес к Турции, чтобы войти в правительство с развернутой программой по линии культурной связи и добиться утверждения примерного плана работ в этой области на ближайший год. В качестве элементов такого плана можно было бы, по моему мнению, предложить следующее:

1. Организация советско-турецкого общества «Культура и техника» с центрами в Москве и Анкаре; возложение на это

---

* Владелец кинотеатров в Турции.

общество задач обмена печатными произведениями, посылки советских ученых в Турцию и турецких ученых в СССР, издание научных трудов и пр.

2. Приглашение турецких писателей на Всесоюзный съезд советских писателей летом 1934 г.

3. Издание на русском языке солидной книги о Турции (история, политика, экономика, география) и на турецком языке — книги о СССР.

4. Издание на русском языке нескольких лучших, по выбору турок, произведений турецкой художественной литературы и на турецком языке — издание сборника русской художественной литературы по нашему выбору.

5. Организовать поездку в СССР музыкальных и театральных деятелей Турции (если есть интересные).

6. Наладить регулярную связь советских научных институтов с турецкими; в частности, установить постоянный контакт между Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук и турецким Высшим сельскохозяйственным институтом.

7. Организовать поездку в Турцию весной 1934 г. акад. Вавилова и проф. Жуковского, получив для них, в частности, разрешение на поездку в район Вана.

8. Организовать специальный бюллетень ТАСС на турецком языке для турецкой прессы (Ваше предложение).

9. Форсировать работу по съемке художественного фильма о Турции, а также наладить снабжение Турции советскими фильмами.

10. Организовать «советскую неделю» в Анкаре и Стамбуле, командировав для этого в Турцию советских ученых, в том числе историков (историки, например, могли бы сделать доклад о царской политике на Ближнем Востоке на основании недавно опубликованных нами, но еще, вероятно, неизвестных туркам архивных материалов царского министерства иностранных дел), а также советских театральных и музыкальных деятелей.

Я очень хотел бы, чтобы Вы сообщили мне в срочном порядке Ваше мнение об этом черновом наброске плана развития культурной связи с Турцией. Некоторое сомнение у меня вызывает та часть плана, которая касается организации в Турции «советской недели». Дело в том, что это неизбежно вызовет довольно большие расходы турок, чего нам хотелось бы избежать. Поэтому я просил бы Вас обдумать возможность видоизменения плана и расширения его с таким расчетом, чтобы турки не должны были нести больших расходов. Вместе с тем желательно максимально конкретизировать нашу предстоящую работу по культурной связи и выдвинуть сейчас перед правительством такого рода объекты, которые могли бы уже в ближайшем будущем принести практические результаты

(издание книг, кинофильмы, быть может, постановка театральных пьес и т. п.).

Жду от Вас ответ обратной почтой [295].

С товарищеским приветом

Карахан

Печат. по арх.

408. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Великобритании С. Б. Кагану

4 декабря 1933 г.

1 декабря у меня был Чилстон и по поручению английского правительства поставил вопрос о «Лена-Голдфилдс» * и группу вопросов, связанных со снабжением английского посольства [26]. Я решительно отклонил всякую увязку этих вопросов с торговым договором. По вопросу о «Лене» сослался на заявление Литвинова Стрэнгу 5 сентября прошлого года **.

Крестинский

Печат. по арх.

409. Протокол о продлении соглашения между СССР и Италией о торговом обмене от 6 мая 1933 г. и других соглашений от той же даты

Конфиденциально

[5 декабря 1933 г.]

Соглашение о торговом обмене, заключенное между СССР и Италией 6 мая 1933 года ***, предусматривает в статье 6, что это соглашение останется в силе до 31 декабря 1933 года.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Итальянское Правительство, признав полезным оставить в силе указанное соглашение, соглашаются продлить до 31 декабря 1934 года упомянутое соглашение и другие соглашения конфиденциального характера, заключенные между ними и подписанные 6 мая 1933 года, а именно нижеследующие:

1) — Заключенный протокол к соглашению о гарантийных кредитах;

2) — Соглашение о торговом обмене с соответствующим приложением;

3) — Обмен нотами, касающимися импорта в Италию обыкновенных лесоматериалов, происходящих из СССР [296];

* См. док. № 30, 36, 56, 72, 286.

** См. т. XV, док. № 349.

*** См. док. № 144.

4) — Заявление со стороны СССР о деятельности «Смешанного Итало-Русского Торгово-транспортного Общества» («Иртранс») *;

5) — Заявление, касающееся технического сотрудничества;

6) — Заключительный протокол советско-итальянской Комиссии по торговым переговорам.

В удостоверение чего

Уполномоченный СССР:

Г-н Михаил Левенсон, Член Коллегии Народного Комиссариата Внешней Торговли и Торговый Представитель СССР в Италии,

и Уполномоченный Италии:

Е. П. Альберто Асквини, Товарищ Министра Корпораций, подписали настоящий акт, составленный в двух экземплярах. Учинено в Риме, 5 декабря 1933 года.

За СССР:
Михаил Левенсон

За Италию:
Альберто Асквини

Печат. по арх.

410. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Греции Г. А. Залкинду

5 декабря 1933 г.

Через т. Ангарского мы направили Вам директивы по вопросу о переговорах относительно налогового обложения торгпредства в Греции [297]. Вы, вероятно, их уже получили. Обращаем Ваше внимание на то, что мы придаем особое значение вопросу о неуплате налогов за прошлое время. Поскольку т. Давтян договорился с греками о том, что сначала разговор будет идти о налоговом обложении торгпредства на будущее время, [Вам] следует только на эту тему с греками и разговаривать, ссылаясь на указанную договоренность с т. Давтяном. Если в конце переговоров греки все же поставят вопрос о налогах за прошлое, то нужно продолжать отстаивать нашу принципиальную позицию по этому делу. В самом крайнем случае можно пойти на то, чтобы компенсировать греков закупками, однако ни в коем случае нельзя идти на то, чтобы каким бы то ни было образом (паушальная сумма или дополнительный процент) предусмотреть формальную компенсацию греков за неуплату налогов в прошлом. Вопрос этот имеет

---

* См. т. XIII, прим. 116.

серьезное принципиальное значение, и в отстаивании нашей позиции поэтому нужно проявить твердость.

Что касается дополнительных вопросов, поставленных Вами в телеграмме [236], сообщаем:

1. Соглашение может вступить в силу после подписания. Само собой разумеется, что до подписания текста в этом случае Вам придется сообщить его в Москву для утверждения.

2. Вы правильно указываете, что не нужно формально связывать торговое соглашение и конвенцию о налогах, потому что подобная формальная увязка облегчила бы позицию греков, требующих установление обложения за прошлое время действия торгового соглашения. Однако по существу такой юнктим должен быть. Ясно, что мы не можем оставить в силе соглашение о налогах на торгпредство, если прекратится действие торгового соглашения, в котором предусмотрен режим торгпредства во всех других областях. Поэтому мы предлагаем установить этот юнктим через срок денонсации соглашения о налогах. Это последнее соглашение должно быть бессрочным, и от него каждая из сторон может отказаться с трехмесячным предупреждением. Поскольку и торговое соглашение сейчас является бессрочным с трехмесячным сроком денонсации, создается увязка обоих соглашений по существу.

3. Если Вы имеете возможность предусмотреть включение в формулировку соответственной статьи соглашения также и гербового сбора, то это, конечно, следует сделать. Это, конечно, проще всего сделать в формулировке, соответствующей советско-германскому договору*, в котором предусматривается паушальная сумма отчислений торгпредства с экспортного оборота. Эта паушальная сумма устанавливается взамен всех налогов. Пришлось бы предусмотреть в этой формулировке специально, что паушальные отчисления устанавливаются взамен всех налогов, в том числе и гербового сбора. Несколько сложнее обстоит дело при формулировке типа советско-шведского соглашения**. Придется соответственную статью сформулировать примерно следующим образом: «Торговое представительство будет уплачивать подоходный налог и гербовый сбор следующим образом: будет считаться как подлежащий обложению доход — паушальная сумма в 0,4% с экспортного оборота торгового представительства, за исключением экспортных сделок этого представительства, совершаемых фоб советские порты. Исчисленная таким образом, подлежащая обложению сумма будет далее облагаться на основе постановлений фискального законодательства Греции о подоходном налоге. Внесение соответственной суммы обложения

---

* См. т. VIII, док. № 342.

** См. т. X, док. № 236.

освобождает торговое представительство от уплаты гербового сбора».

4. Полномочия Вам будут выданы Правовым отделом следующей почтой.

Замнаркоминдел

Печат. по арх.

411. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

5 декабря 1933 г.

Муссолини в разговоре со мной на вчерашнем приеме в полпредстве коснулся следующих моментов:

1. О Лиге наций. Муссолини считает ее орудием международной мистификации и насилием над слабейшими. Французы напрасно думают, что Италия не решится выйти из Лиги. «Мы идем уже по этому пути. Завтрашнее постановление Большого фашистского совета докажет это с очевидностью»[239].

2. О Германии Муссолини заявил, что ее внешняя политика, направляемая Розенбергом, враждебна и СССР и Италии. Тенденции ее выболтаны недавно «Фоссише цейтунг». Германия хочет развивать свою экспансию на северо-восток и юго-восток. Италии она великодушно предоставляет Северную Африку. Захватнические вожделения Германии угрожают Австрии. Муссолини вспоминает, как Геринг при первом посещении Рима говорил о «проклятом» Дольфусе и предсказывал немедленный приход национал-социалистов к власти в Вене. Италия окажет решительное сопротивление аншлюсу в любой форме. Муссолини обращает наше внимание на сближение Германии с Польшей. СССР может грозить война с Японией, Германией и Польшей.

3. О Турции. Муссолини с раздражением говорил о суетливой и назойливой деятельности Рюштю-бея. Он упрекает его в пактомании и в страсти к международному сводничеству. Последние беседы с ним в Риме оставили тягостное впечатление о беспорядочности, крикливости и неустойчивости. Его заискивания перед Францией, возня с Малой Антантой, в частности с Югославией, внушают итальянцам понятные опасения. Эти опасения разделяет и Венгрия, боящаяся своей изоляции в результате сближения Турции с Малой Антантой. Это задерживает нормализацию отношений Венгрии с СССР, ибо венгры считают политику Советов и Турции координированной. Тезис Муссолини о Лиге наций был особенно резко заострен бывшим помощником генерального секретаря Лиги Паульчи, имевшим со мной разговор.

Потемкин

Печат. по арх.

412. Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителям печати в Риме

6 декабря 1933 г.

Рим, 5 декабря. (ТАСС). Сегодня в полдень т. Литвинов принял итальянских и иностранных журналистов, в беседе с которыми сделал следующее заявление:

«Цель моего посещения Рима и содержание моих собеседований с главой итальянского правительства * были в печати предметом всякого рода догадок, предположений и спекуляций. Как это часто бывает, искали самых сложных объяснений моего посещения, упуская, однако, из виду наиболее простые. За последнее время официальные встречи представителей государств вне международных конференций имели обыкновенно целью изменение существующих между этими странами отношений, создание новых отношений, либо улаживание споров и конфликтов и подыскание новых, зачастую рискованных, форм сотрудничества или даже сделки за счет третьих стран. В случае моей встречи с главой итальянского правительства надо исключить все такие цели. Мой приезд сюда является в первую очередь выражением удовлетворенности существующими между СССР и Италией отношениями, которые мы не стремимся ни изменять, ни заменять новыми. Я счастлив отметить, что за 13 лет наших фактических отношений и за 10 лет дипломатических отношений между Советским Союзом и Италией никаких конфликтов, почти никаких споров не возникало. Ничего, кроме пользы для себя, обе страны из своего экономического и политического сотрудничества не извлекали. Мы хотели бы поэтому лишь продления и укрепления существующих отношений и форм сотрудничества, а так как этому будет неизменно содействовать мой приезд, цель его будет достигнута. Независимо, однако, от интересов, непосредственно касающихся Советского Союза и Италии, существует множество проблем международного характера, к которым обе страны не могут относиться безучастно. Эти проблемы не только множатся, но и усложняются. Мы наблюдаем, как иногда одни попытки разрешения той или иной международной проблемы сами по себе создают новые, еще более опасные проблемы. Совершенно естественно было желание руководителей внешней политики моей страны и Италии путем личного общения обследовать эти проблемы и обменяться мнениями об отношении к ним обоих правительств. Это именно имело место при моей встрече с Муссолини.

---

* См. док. № 405.

Исходя из стремления обеих стран к сохранению всеобщего мира и необходимости международного сотрудничества для устранения или по крайней мере смягчения тех причин, которые этому миру могут угрожать, мы в результате собеседования смогли вновь констатировать множество точек соприкосновения в политике обеих стран.

Ко всем явлениям международной жизни Советское правительство подходит главным образом под углом зрения возможного осуществления его основного стремления к обеспечению мира. Рассматривая те или иные формы международного сотрудничества или те или иные методы разрешения международных проблем, мое правительство задается прежде всего вопросом, как отразится то или иное разрешение на деле мира, и ответ на этот вопрос определяет его позиции. Все, что является функцией или гарантией мира, оно одобряет или принимает, отбрасывая все сомнительные комбинации, все то, что не служит увеличению безопасности мира.

Выступая на международной арене, мне уже приходилось указывать, что «безопасность мира» мы ставим выше всяких других определений безопасности. Всякая страна, которая ставит себе такие же цели и занимает такую же позицию, может рассчитывать на искреннее сотрудничество Советского правительства. Поэтому у сторонников и друзей мира не должны вызывать никакого беспокойства те или иные дипломатические акции Советского правительства, в том числе официальные поездки его представителей.

По дороге в Америку я имел обмен мнениями по всем международным вопросам с руководителем французской внешней политики Поль-Бонкуром*. В Вашингтоне, сейчас же по восстановлении отношений с Соединенными Штатами, я имел такой же обмен мнениями с президентом Рузвельтом**. То же самое я сделал в Риме, где я впервые встретился с Муссолини. Поэтому я имел с ним углубленный разговор.

Каждая из этих встреч в отдельности и все они вместе взятые укрепляют не только отношения Советского Союза с соответственными странами, но и дело всеобщего мира. Я могу поэтому высказать свою полную удовлетворенность всей своей поездкой».

В заключение т. Литвинов выразил свою признательность за оказанный ему любезный прием в Италии.

Печат. по газ. «Известия»
№ 296(5227), 6 декабря 1933 г.

---

* См. док. № 332.
** См. док. № 370.

413. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

6 декабря 1933 г.

Вчера меня вызвал Бонкур. Он получил телеграмму от Шамбрена с сообщением о беседе с Литвиновым. На вопрос Шамбрена, не вступит ли СССР в Лигу наций, Литвинов ответил отрицательно*. Бонкур с тревогой спросил меня, не означает ли это, что мы пересмотрели свое отношение к вопросу. Я ответил, что мое прошлое сообщение** остается в силе, но что Литвинов, вероятно, просто не хотел поддержать этой темы в разговоре с Шамбреном. Далее Литвинов будто бы выразил сожаление Шамбрену по поводу отклонения Бонкуром и Даладье его предложения «о заключении соглашения, направленного к тому, чтобы Советское правительство и французское правительство взаимно договаривались бы «се консерте» (совещаться, согласовывать) по всем европейским вопросам». Бонкур, призвав меня в свидетели, что предложение Литвинова сводилось только к взаимной информации и что он, Бонкур, отклонил его по форме, хотя по существу он вступил со мной на путь взаимной информации, воскликнул: «Вы ведь понимаете разницу между «энформе» (обмениваться, информировать) и «се консерте» (совещаться, согласовывать). Когда в Женеве мы настаивали, чтобы американцы присоединились к санкциям против нарушений разоружительной конвенции, то американцы в виде большой уступки предложили в случае нарушения кем-либо конвенции «се консерте» с другими участниками; следовательно, «се консерте» является крайне важным актом, и если бы Литвинов именно это предложил тогда, то я принял бы это к серьезнейшему и благожелательному изучению». В заключение Бонкур попросил меня узнать у Литвинова, имел ли он, говоря с Шамбреном, в виду именно соглашение, направленное к тому, чтобы Советское правительство и французское правительство договаривались друг с другом о всех европейских вопросах; в утвердительном случае Бонкур готов вступить с нами немедленно в переговоры по этому вопросу ***.

Бонкур спросил меня, не могу ли я ему сказать что-нибудь нового по вопросу о Лиге наций. Я ответил отрицательно, напомнив, что жду от него конкретных предложений. Бонкур ответил, что затрудняется сделать предложение, ибо ему неясно, что мы под этим разумеем: Лига наций — всем известная организация и обладает определенным Уставом, и ему трудно

---

* См. док. № 419.
** См. док. № 396, 397.
*** См. также док. № 444.

уяснить себе, какой именно конкретизации мы от него ждем. С другой стороны, он предварил меня, что наше вступление в Лигу наций весьма облегчило бы переговоры о взаимопомощи, которые в противном случае будут очень затруднены, ибо взаимопомощь не будет гармонировать с пактом Лиги наций, не говоря уже о том, что Польше трудно будет увильнуть от участия в договоре о взаимопомощи, если СССР станет членом Лиги. Я с беспокойством спросил Бонкура, на чем основан его пассаж о Польше, посягнул ли он поляков в наш последний разговор. Бонкур поспешил успокоить меня. После этого я сказал, что ничего не могу, к сожалению, добавить к сказанному мной при последней встрече; вполне естественно, чтобы он претворил беглый вопрос, заданный мне в Женеве *, в конкретное предложение, для того чтобы мы могли принять его к рассмотрению. С другой стороны, я подчеркнул, что полученные инструкции ** я понял так, что мы вступление в Лигу наций и договор о взаимопомощи рассматриваем как два разных вопроса, из которых один не следует подчинять другому, а потому я могу только повторить, что мы ждем два разных конкретных предложения. Бонкур ответил, что думает об этом и постарается вскоре сделать нам предложения. Он пытался было все-таки направить к Баржетону или Леже для уяснения вопроса о Лиге наций, но я вежливо отклонил его предложение. Бонкур сообщил мне, что на будущей неделе ждет Бенеша, с которым будет говорить об отношениях Малой Антанты и СССР. У меня создалось впечатление, что Бонкур действительно не понимает, чего мы от него ждем в вопросе о Лиге наций, и не знает, как ему подступить к формулировке конкретного предложения. Я не мог оказать помощь и подсказать что-нибудь нужное. Боюсь, как бы не произошло из-за этого проволочки. Возможно, что он хочет оттянуть до приезда Бенеша, с которым он, наверно, будет советоваться среди других и об этих вопросах.

Полпред

Печат. по арх.

414. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссарната Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирье-Коскиненом

9 декабря 1933 г.

1. Я вызвал Ирье-Коскинена и, напомнив ему нашу последнюю беседу летом с. г. о проведении государственных границ ***, заявил ему, что, если финское правительство по-прежн-

---

* См. док. № 390.
** См. док. № 396.
*** См. док. № 175.

нему интересуется осуществлением своего предложения, необходимо возможно скорее договориться о начале работ с весны 1934 г. Дело в том, что в течение зимы нужно проделать ряд подготовительных работ в Карелии (завезти продовольствие и предметы оборудования и т. п.). Масштаб работ в течение лета будущего года будет всецело зависеть от того, когда мы договоримся в дипломатическом порядке о начале работ.

Ирье-Коскинен заявил, что он только в последней почте получил ответ финского правительства на запрос, который он послал ему еще летом. Финское правительство уполномочивало его сообщить, что, не отвергая окончательно нашего предложения относительно проведения границы на Вайда-Губе, ему «очень трудно и почти невозможно» принять это наше предложение без того, чтобы предварительно договориться о тех компенсациях, которые мы дадим Финляндии за принятие нашего предложения. Ввиду этого финское правительство предлагает начать возможно скорее работы по карельской границе, с тем чтобы во время этих работ, когда выяснится, какую именно компенсацию мы можем предложить, договориться окончательно о проведении границы также и на Вайда-Губе. В ответ на мои вопросы Ирье-Коскинен сказал, что финское правительство «принимает принципиально» наше предложение касательно Сестрорецкой перемычки, причем сперва он сказал, что финское правительство, по-видимому, не требует компенсации за это принятие, а потом поправился, сказав, что эта компенсация выяснится при проведении границ, но он думает, что никаких затруднений не будет, так как принятие нашего предложения о перемычке не сопряжено с серьезными жертвами с финской стороны.

Я предложил считать принципиально принятым также и наше предложение в отношении Вайда-Губы, с тем что практически это предложение подлежит осуществлению лишь после того, как мы договоримся относительно компенсаций. Поскольку Ирье-Коскинен сказал, что в полученной им инструкции нет указания о позиции финского правительства, мы договорились на том, что я выясню у наших органов, готовы ли они начать работы по определению карельской границы на предложенных финским правительством условиях, и после этого мы вернемся еще раз к вопросу[300].

2. Сославшись на денонсирование нами конвенции о рыболовстве на Ладожском озере*, я предложил Ирье-Коскинену начать в Москве в первой половине января переговоры о заключении новой конвенции, поскольку старая конвенция теряет силу 2 июля 1934 г., т. е. в середине рыболовного сезона.

---

* См. док. № 202.

Ирье-Коскинен согласился с необходимостью ускорить переговоры и спросил, нельзя ли было бы повести их в Гельсингфорсе. Когда я разъяснил ему, что мы заключили уже в Гельсингфорсе пакт* и оленью конвенцию[301] (я умолчал о сплаве) и что теперь очередь за Москвой, он согласился рекомендовать финскому правительству принять мое предложение и выразил личную уверенность, что финские представители приедут сюда в январе[302].

3. После моего заявления об антисоветской пропаганде (см. п. 7) Ирье-Коскинен сообщил, что он получил ратификационные грамоты оленьей конвенции и предложил обменяться ими в ближайшее время.

Я обещал сообщить ему дополнительно в один из ближайших моих свободных дней, когда можно будет совершить обмен.

4. Ирье-Коскинен напомнил, что за мной ответ по вопросу обмена нотами о правах и функциях консульств.

Я сказал ему, что по справке т. Колчановского** мы ждем в конце декабря или в январе окончательного выяснения отношения наших ведомств и что только после этого я смогу дать ему официальный ответ. Сегодня могу ему лишь сказать откровенно, что в настоящее время, когда мы сокращаем свою консульскую сеть и, в частности, закрыли наше единственное консульство в Финляндии, мы совсем не заинтересованы в заключении консульской конвенции. Однако ввиду интереса финского правительства и в особенности ввиду лично им проявляемого интереса к этому делу, мы принципиально согласны заключить консульскую конвенцию, если договоримся по существу и по форме. Я разъяснил, что мы против обмена нотами по этому вопросу и за перечисление в консульской конвенции всех конкретных прав и функций консульств[303].

Ирье-Коскинен благодарил.

5. Ирье-Коскинен напомнил, что финская миссия еще не получила ответа на свою ноту от 19 июля с. г. относительно расходов по сплаву на реке Суайоки.

Я обещал познакомиться с делом и дать ответ[304].

6. Ирье-Коскинен просил моего содействия в деле предоставления визы для финляндского кондуктора[305], сопровождающего финляндский вагон, который 1—2 раза в месяц посылается из Финляндии в Москву с продовольствием для иностранных посольств и миссий в Москве. Финская миссия обращалась в консульский отдел. Кондуктору сперва дали визу, а потом взяли ее обратно. Посланник обратился с просьбой к самому т. Литвинову, который «обещал согласие НКИД,

---

* См. т. XV, док. № 32.

** Старший консультант Правового отдела НКИД СССР.

если дадут согласие наши ж. д.». Наше полпредство в Гельсингфорсе также за удовлетворение этой просьбы.

Я обещал поинтересоваться этим делом.

7. Я обратил внимание посланника на то, что после продолжительного благополучия в наших отношениях за последнее время в Финляндии вновь развертываются антисоветские кампании. Особенно отличаются активистские организации и ряд правых газет, как «Аян сунта», «Карьяла» и др. Речь идет не только об обычных клеветнических выступлениях против СССР, но и о призывах к присоединению к Финляндии Восточной Карелии и Ингерманландии. Подобные призывы не только нарушают добрососедские отношения между ними, но и противоречат по духу нашему пакту о ненападении, а также конвенции об определении агрессора *, которая должна вскоре вступить в силу. Кроме того, нужно учесть, что подобная пропаганда, особенно среди финской молодежи, кроет в себе серьезные опасности для будущего наших отношений. Я думаю, что финское правительство и ответственные политики Финляндии вообще не ориентируются на войну с СССР. А если это так, то они не должны допускать культивирования настроений, которые, ведя к обострению отношений между обоими государствами, могут повернуться в будущем против самой Финляндии. То, что происходит теперь в Финляндии, после достигнутого умиротворения наших отношений, вызывает в Москве большое изумление, ибо никто не хочет верить тому, что финское правительство не может прекратить этой агрессивной пропаганды, если оно считает ее вредной для Финляндии.

Ирье-Коскинен признал, что действительно за последнее время в Финляндии вновь участились антисоветские выступления. Он осуждает их, жалеет об этом и передаст в Гельсингфорс мое заявление. Однако он просит иметь в виду, что финское правительство действительно не имеет влияния на названные мною газеты, которые находятся в «флагрантной ** оппозиции» к самому финскому правительству.

Я сказал, что, если финское правительство считает эту пропаганду вредной для Финляндии и если у него есть добрая воля, оно найдет пути, чтобы ее прекратить.

Ирье-Коскинен повторил, что он передаст мое заявление и укажет от себя на желательность принятия мер.

8. Воспользовавшись моим обращением, Ирье-Коскинен сказал, что у финского правительства есть тоже аналогичная жалоба. Ленинградская радиостанция продолжает на финском языке недопустимые передачи против Финляндии. Это

---

* См. док. № 213.

** — ярко выраженной *(фр.)*.

вызывает раздражение, и он просил бы принять меры к прекращению таких передач.

Я сказал, что нашим радиостанциям запрещены передачи на иностранных языках, содержащие нападки на внутреннюю политику дружественных нам государств. Я думаю поэтому, что речь идет о партийных передачах на финском языке для населения Восточной Карелии. Вероятно, доклады о наших достижениях, со ссылками на то, что они являются результатом нашего социалистического строительства, и с сопоставлением наших достижений с кризисом в капиталистическом мире, воспринимаются болезненно некоторыми слишком чувствительными людьми в Финляндии как коммунистическая пропаганда и вмешательство во внутренние дела Финляндии.

Ирье-Коскинен сказал, что против таких передач он не возражает, что это само собой разумеется и что речь идет не об этом, а о нападках непосредственно на финское правительство и о критике его конкретных мероприятий.

Я обещал напомнить т. Вайнштейну* в Ленинграде существующие распоряжения правительства относительно характера передач на иностранных языках с просьбой ознакомиться с программой передачи на финском языке и сообщить о результатах[306].

9. Возвращаясь к вопросу об антисоветских кампаниях в Финляндии, я сказал, что они отчасти находятся в связи с поразительным неведением в Финляндии того, что делается в СССР. Я напомнил нашу беседу с посланником 4 октября, когда мы оба были согласны относительно опасности ограждения Финляндии «китайской стеной» от СССР и относительно необходимости бороться с этим положением**. Я напомнил также о намечавшихся тогда конкретных методах борьбы и, в частности, о предложении посланника организовать большую экскурсию в СССР влиятельных парламентариев и политических лидеров Финляндии.

Ирье-Коскинен сказал, что он хорошо помнит эту беседу, передал о ней в Гельсингфорс и сделал свои предложения. Зима, однако, является неподходящим временем для организации такой экскурсии: ее легче устроить весной или летом, поскольку важно, чтобы финляндские парламентарии и политики побывали не только в Москве, но и посетили ряд наших заводов в провинции.

Я согласился с тем, что такую экскурсию легче организовать летом, но сказал, что жаль терять полгода, и высказал вслух мысль, что, может быть, целесообразно было бы все же организовать эту экскурсию зимой или организовать какие-

---

* Дипагент НКИД СССР в Ленинграде.

** См. док. № 311.

нибудь другие поездки или экскурсии до лета, например экскурсию финляндских журналистов. Читая за последнее время сводки финляндской печати, я пришел в ужас от обилия клеветы и нелепостей, которые она преподносит финляндской общественности. Всякая поездка добросовестных людей имела бы положительное значение для наших отношений.

Ирье-Коскинен согласился с тем, что в Финляндии ничего не знают об СССР и что финская печать дает много неверной информации. Он соглашался также с тем, что было бы желательно уже теперь организовать какие-нибудь экскурсии или поездки, и сказал, что напишет вновь Хакселю.

Я подчеркнул, что не делаю никаких предложений и что лишь высказываю в дружественной беседе свое личное мнение.

10. На вопрос о внутреннем положении в Финляндии Ирье-Коскинен подтвердил непрочность положения нынешнего финского правительства. Его уход затрудняется лишь трудностью сформировать новый кабинет. Коалиция между социал-демократами и аграриями возможна на почве соглашения о конкретной программе действий. Достижение такого соглашения наталкивается, однако, на множество трудностей. Коалиция между социал-демократами и шведской партией не могла бы держаться. Социал-демократы хотели бы взять власть в свои руки, но это вообще сопряжено с большими внутренними трудностями. Хотя Таннер «очень умерен» и «очень оппортунистичен», приход социал-демократов к власти вызвал бы большое возбуждение среди правых и националистических группировок.

Национал-социалисты ведут большую работу в Финляндии и пользуются большим влиянием в финляндских фашистских группировках. Видные финляндские фашисты ездят в Германию для контакта и получения идеологических указаний.

Влияние Германии в Финляндии пало после денонсирования немцами торгового договора. Вскоре начнутся переговоры о новом торговом договоре. Зато влияние Англии за последнее время значительно усилилось. Отношения с Францией в прежнем положении. Польша пользуется значительно меньшим влиянием. В Финляндии приветствуют усилия польского правительства урегулировать отношения со своими соседями. С этой точки зрения приветствуется, в частности, польско-германское сближение. Вообще финны привыкли видеть в Польше «элементы беспокойства», и поэтому стремления Польши за последнее время сблизиться с Германией и СССР принимаются в Финляндии с удовлетворением.

Ирье-Коскинен сказал, что Германия проявляет вообще большую энергию в Балтийских государствах. В Эстонии, однако, после последних событий [307] сближение с Германией отодвинуто на долгое время. По-видимому, больше успеха имеет

Германия в Латвии. Ирье-Коскинен сказал, что Литва, по-видимому, в большой изоляции, и спросил, как я расцениваю ее отношения с Польшей и с Германией.

Я дал обычную информацию.

Ирье-Коскинен сказал, что в результате этой изоляции Литва ищет теперь сближения с другими Прибалтийскими государствами, и в частности добилась успехов в отношении Латвии.

11. Ирье-Коскинен сказал, что поездка Хакселя в Ригу вызвана заботами о торговых отношениях Финляндии с Латвией, которые сильно уменьшились за последнее время. Когда я обратил его внимание на сообщение органа латвийского премьера Блоднека, что Финляндия меняет свою внешнюю политику и стремится к более тесному соглашению с Латвией и Эстонией, Ирье-Коскинен сказал, что он «не думает», чтобы это соответствовало действительности, и полагает, что Финляндия, поддерживая по-прежнему хорошие отношения с Эстонией и Латвией, будет избегать всяких группировок.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

415. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову

10 декабря 1933 г.

Пакреван, ссылаясь на инструкции Тегерана, предложил нам приступить к переговорам о пастбищной конвенции. Почтой Вам послан окончательный проект конвенции[305] для вручения персам, но мы не возражаем против перенесения переговоров в Москву. Подтвердите наше согласие*.

Карахан

Печат. по арх.

416. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом

11 декабря 1933 г.

Хотя первый визит Буллита не носил официального характера, мы все же поговорили и на политические темы. Буллит сообщил, что он получил точные сведения об антисоветских

---

* См. док. № 421.

переговорах между Германией и Японией. Если он об этом раньше догадывался, то теперь он знает это вполне достоверно. Буллит полагает, что наступление Японии на Маньчжурию было начато с ведома или даже согласия Англии и Франции, но что Япония пошла дальше этого согласия. Поведение Англии определяется заявлением адмиралтейства, что до дооборудования и укрепления Сингапурской базы английский флот не сможет защищать ни Гонконга, ни Австралии. Окончательное приведение в порядок Сингапурской базы невозможно раньше 1939 г., но уже в 1937 г. можно будет пользоваться этой базой. До тех пор Англия хочет во что бы то ни стало сохранить дружественные отношения с Японией. Если в Симле не будет достигнуто экономического соглашения[385], тогда, конечно, поведение Англии может измениться. Никаких переговоров между США и Англией за последнее время не велось, ибо Америка убедилась, что о предложениях, сделанных ею Англии в самом конфиденциальном порядке, сейчас же узнавала Япония. Саймон, по мнению Буллита, так же ненавидит США, как и СССР. Америка поэтому не имеет никакого доверия к Саймону, и пока он останется на посту Америка не намерена разговаривать с Англией о дальневосточных делах. За все существование Америки не было еще такого отсутствия интимности между нею и Англией, как за последнее время (должен отметить, что необходимо сделать поправку на личное неприязненное отношение Буллита к Саймону, который подвел его во время его летней поездки по Европе).

Буллит далее говорил о необходимости для нас принять участие в Вашингтонской морской конференции[309]. Он высказывал радость по поводу моего вторичного приезда в Вашингтон и нашего сотрудничества там. «Мы с вами будем там решать дела»,— сказал он несколько хвастливо. «Но что делать пока, чтобы Япония не начала преждевременно военных действий и тем не сорвала бы Вашингтонской конференции?» — спрашивал Буллит, обращаясь ко мне. Я напомнил ему о поручении, данном ему Рузвельтом об изучении вопроса о пакте трех или четырех, а также о моих намеках президенту на желательность декларации, в которой мы обязывались бы совещаться в случае угрозы войны*. Буллит сказал, что у него с собой шифровальщика нет и пока сноситься с Америкой не может, хотя в крайнем случае можно будет вызвать человека из Риги или Варшавы.

Буллит, конечно, больше всего интересовался сегодня вопросом о помещении для посольства. Он говорил, что внял моему совету и думает выстроить новый дом для посольства, если предоставим ему участок земли. Штаты американских

---

* См. док. № 370.

посольств в больших странах весьма многочисленны, и в Берлине и Париже в них имеется от 80 до 120 чел. На мой вопрос, зачем ему нужны такие большие штаты, Буллит пояснил, что существует известная рутина, согласно которой посольства должны писать массу отчетов о положении страны, в которой они находятся, в особенности об экономике, хотя этих отчетов в Вашингтоне вообще никто не читает. Он намерен оставить здесь по своем отъезде заведующего постройками из госдепартамента для подыскания участка и составления плана.

Литвинов

Печат. по арх.

417. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Чилстоном

11 декабря 1933 г.

После обмена обычными любезностями Чилстон попросил разрешения затронуть один деловой вопрос. Торговое соглашение близко к подписанию, но имеются некоторые препятствия, заключающиеся в том, что правительство не сможет провести соглашения через парламент или получить одобрения последнего, если не сможет ответить на некоторые вопросы членов парламента. Наиболее существенным из этих вопросов является дело «Лена-Голдфилдс»*. В Лондоне теперь отдают себе отчет в том, что переговоры по этому делу должны вестись с Главконцесскомом, но правительство хотело бы иметь от меня письменное заверение о готовности Главконцесскома возобновить переговоры с «Лена-Голдфилдс» и сделать новое предложение о значительно повышенной сумме компенсации.

Я напомнил Чилстону последний разговор на эту тему с его предшественником Овием**, которому я посоветовал направить «Лена-Голдфилдс» в Главконцесском, причем сообщил тогда же о готовности Главконцесскома возобновить переговоры, выслушать новые предложения «Лена-Голдфилдс» и эвентуально от себя выдвинуть новые предложения. Я могу только повторить этот совет. На вопрос Чилстона, не согласится ли Главконцесском обратиться к «Лена-Голдфилдс» с письмом, извещающим о его готовности предложить другую сумму компенсации, я ответил отрицательно, указав, что на

---

* См. док. № 30, 36, 56, 286, 408.
** См. док. № 72.

последнее предложение Главконцесскома* ответа не последовало и что слово, таким образом, за «Лена-Голдфилдс». Пусть компания напишет или протелеграфирует о своем желании возобновить переговоры и сделать новые предложения, и я уверен, что Главконцесском ответит согласием обсудить эти предложения и, в случае надобности, сделать от себя новые предложения. Чилстон спросил, согласимся ли мы на то, чтобы «Лена-Голдфилдс» в своем обращении сказала, что готова возобновить переговоры, исходя из предположений о готовности Главконцесскома сделать новые предложения. Я сказал, что не мог указывать фирме, как она должна писать свое обращение в Главконцесском.

Чилстон затем заговорил о «Торгсине», о желательности получения гарантии ненарушения дипломатических привилегий посольства и его права получения беспошлинно из-за границы продуктов. Я сказал, что считал этот вопрос уже отошедшим в область прошлого и совершенно неактуальным. Чилстон должен понять, что мы только провели мероприятия для прекращения нелегальных контрабандных сделок с нашей валютой. Эта контрабанда давала возможность некоторым дипломатическим миссиям выгодно закупать у нас продукты, а мы с этой контрабандой мириться не хотели. Теперь все миссии получают все им нужное из-за границы беспошлинно, а кроме того, существует «Торгсин» с вполне разумными ценами. Чилстон признал эти факты, но высказывал опасения, как бы «Торгсин» вновь не поднял цен и как бы мы не лишили миссии права беспошлинного получения продуктов из-за границы, и потому просил дать ему соответственную письменную гарантию. Я это предложение отклонил, сказав, что цены «Торгсином» регулируются соответственно общей конъюнктуре, а что касается беспошлинного ввоза, то это дело куртуазии, которая до сих пор нами не нарушалась. Сообщил ему, что и Рузвельт при восстановлении отношений** также отказался от каких-либо письменных соглашений по этому вопросу, удовлетворившись моим устным заявлением о существующей практике.

Чилстон ушел, как будто удовлетворенный моим ответом на свой вопрос.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. т. XV, док. № 221.
** См. док. № 382.

418. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Латвии в СССР Бильманнсом

11 декабря 1933 г.

Бильманис рассказывал о подписании торгового договора и ратификации Лондонской конвенции *. На мой вопрос о движении фашизма в Латвии Бильманис ответил указанием на аресты фашистов в Эстонии. «Видите,— сказал он,— как все кончилось». Я выразил сомнение в том, чтобы это было уже концом фашизма в Эстонии и Латвии. На прощание я ему сказал, что мы, во всяком случае, следим с большим вниманием за развитием событий в Прибалтике, что во всех наших международных разговорах мы не забываем Прибалтики и, поскольку это от нас будет зависеть, будем стараться всегда выступать совместно с нею. Бильманис очень благодарил, сказал, что передаст это президенту.

Литвинов

Печат. по арх.

419. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому

11 декабря 1933 г.

На Вашу телеграмму от 10 декабря [310]. Конечно, возражений нет. Ждем Вас 15-го.

Скажите Бонкуру, что теперешние переговоры ведем в порядке конфиденциальном, и поэтому я ничего не говорил о них Шамбрену и на его вопрос о Лиге ответил отрицательно **.

С Муссолини имел место обмен мнениями ***, причем он заверял в своем миролюбии и безвредности для нас «пакта четырех». Говорил он о предложении Гитлера Франсуа-Понсе, о своем отношении к вооружению Германии, к Лиге наций и к балканским вопросам. Он сообщил, что атмосфера франко-итальянских отношений улучшилась и что относится отрицательно к агрессивности Японии, обещав не оказывать ей и ее друзьям никакой поддержки. Он не представляет себе разрешения международных проблем без Советского Союза. Я говорил ему о нашем отношении к тем же проблемам, особенно выделив наше отрицательное отношение к воинственным тенденциям германской политики, таящим в себе угрозу также итальянским интересам. Далее я говорил, что, хотя, не

* См. соответственно док. № 403, 404, 213.

** См. док. № 413.

*** См. также док. № 405.

подписав Версаля, мы формально не можем протестовать против довооружения Германии, мы к нему относимся отрицательно и что мы взяли твердый курс на сближение с Францией, вследствие чего нас очень радует изменение к лучшему франко-итальянских отношений. Вот основное из нашего разговора, что может интересовать Францию. После нашей беседы Муссолини говорил с Потемкиным о Германии в весьма неприязненном духе. По-видимому, кое-какое влияние беседа на него оказала.

Литвинов

Печат. по арх.

420. Опровержение ТАСС измышлений китайской газеты «Чэнбао»

12 декабря 1933 г.

ТАСС уполномочен категорически опровергнуть сообщение китайской газеты «Чэнбао» о том, что Советское правительство якобы заключило с синьцзянским правительством соглашение об уступках китайских территорий Советскому Союзу. Политика Советского правительства состоит в соблюдении неприкосновенности территорий Китая и уважении к его суверенным правам. Эта политика Советского правительства достаточно хорошо известна, и сообщение газеты «Чэнбао» о несуществующем соглашении является очевидной для всех провокационной «уткой».

Печат. по газ. «Известия»
№ 301 (5232), 12 декабря 1933 г.

421. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Персии С. К. Пастухова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

12 декабря 1933 г.

На вашу телеграмму от 10 декабря с. г.* Я несколько раз ставил перед Каземи вопрос о необходимости ускорить переговоры по всем конвенциям, находящимся в работе между нами и персами**. Я, между прочим, говорил, что для ускорения разрешения всех конвенционных вопросов было бы желательно по одним конвенциям вести переговоры в Тегеране, по другим — в Москве. В одном из разговоров Каземи сказал, что в Москву из Ашхабада должен выехать персидский консул, для того чтобы вместе с Пакреваном уточнить с НКИД

* См. док. № 415.
** См. док. № 264.

некоторые моменты пастбищной конвенции. Если он выехал договориться с вами по этой конвенции, то подписание ее вы отложите до того момента, когда мы с персами договоримся и по водному протоколу. Надо, чтобы пастбищная конвенция и водный протокол были подписаны и вступили в силу одновременно. В последнем разговоре с Каземи я настаивал на скорейшем открытии переговоров по водному протоколу и по конвенции по борьбе с вредителями. Каземи обещал «изучить» эти вопросы и дать мне ответ в самое ближайшее время. На случай, если персы дадут положительный ответ, сообщите, где именно вы считали бы целесообразным ведение переговоров по этому вопросу — в Москве или Тегеране [3].

Полпред

Печат. по арх.

422. Письмо советника Представительства СССР в Чехословакии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

12 декабря 1933 г.

Уважаемый Николай Николаевич,

Истекшие две декады прошли здесь под знаком значительного усиления движения в пользу признания СССР де-юре. Причиной этому является, во-первых, усиление кризиса и безработицы, особенно обострившейся в связи с наступлением зимнего времени и прекращением летних сезонных работ, во-вторых, международные события, которые с очевидной ясностью показали чехословацким политикам, что независимость и безопасность их государства в далекой степени не может считаться обеспеченной. К таким событиям прежде всего относится развал Лиги наций и конференции по разоружению, растущая агрессивность Германии, необеспеченность положения в Австрии, двуличная политика Италии, германо-польские переговоры и трудности экономического соглашения стран Малой Антанты и, в-третьих, признание СССР Америкой *. За поездкой т. Литвинова в Америку местная печать внимательно следила, давала об этой поездке подробные сообщения, высказывала по этому поводу свои предположения и соображения, и, когда признание, наконец, состоялось, это произвело на чехословацкое общественное мнение огромное впечатление. Из парламентских кругов мне передавали, что наибольшее впечатление этот факт произвел на президента Масарика, который имеет с Америкой тесную связь и является большим американофилом здесь. Кстати сказать, покойная жена Масарика, перед памятью которой он благоговеет, была

* См. док. № 362.

американкой. Меня уверяли, что наиболее горячим сторонником признания СССР является в настоящее время не Бенеш (я, правда, этого никогда и не думал), а именно Масарик.

Под впечатлением признания нас Америкой в газетах началась форменная кампания за признание, в которой совершенно потонули отдельные голоса противников признания. От центральной печати не отставала и провинциальная. Выступление в парламенте народного социалиста депутата Рихтера по вопросу признания СССР и то отношение, которое это выступление встретило, дало основание печати заключить, что только одна народно-демократическая партия противоборствует признанию, и даже не вся партия, а только часть ее, возглавляемая Крамаржем. В отдельных органах печати начались выпады против Крамаржа, принимавшие иной раз довольно грубый характер. На сцену появлялась и знаменитая крымская дача Крамаржа, которую он потерял благодаря русской революции. Под влиянием такого рода статей один из местных журналистов советовал мне прибить к этой даче мраморную доску с надписью «Эта дача принадлежит другу СССР д-ру Крамаржу» и в таком виде вернуть ее владельцу. Один день, когда вечерняя газета правого направления поместила сенсационное известие, что переговоры о признании уже якобы начались и что признание ожидается 5 декабря, мы и наш ТАСС подверглись буквально атаке со стороны разного рода журналистов, жаждавших получить по этому поводу компетентные разъяснения. Это побудило меня на другой же день под благовидным предлогом поехать в МИД, где мне удалось узнать, что в Москве также никаких переговоров не ведется и что вопрос в основном стоит на прежней точке. О том, что при свидании Бенеша с Титулеску в Кошицах будет также обсуждаться и вопрос о признании СССР, я узнал раньше, чем это сообщение появилось в газетах, причем мне передавали, что Бенеш хочет таким образом обойти народных демократов и выступить в этом вопросе единым фронтом со всей Малой Антантой. После предварительного обмена мнениями между заинтересованными правительствами вопрос должен быть поставлен на январское заседание Совета Малой Антанты и там получить свое разрешение. Мне кажется, что эта версия довольно правдоподобна. О том, что в МИД ведутся уже некоторые приготовления в ожидании признания, Вы прочтете из записи моих бесед [312], которые я вел в МИД.

С товарищеским приветом

А. Ильин-Женевский

Печат. по арх.

423. Речь Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинина при вручении верительных грамот Послом США в СССР Буллитом

13 декабря 1933 г.

Господин Посол,

Я имею честь принять от Вас грамоты, коими Вы аккредитованы в качестве Посла Соединенных Штатов Америки при Правительстве Союза Советских Социалистических Республик. Я искренне тронут теми сердечными и дружественными приветствиями, которые Вы мне передали от имени Президента, и со своей стороны прошу Вас передать Президенту Соединенных Штатов мои самые искренние и дружественные приветствия и пожелания счастья и преуспеяния вашей великой стране.

Та выдающаяся роль, которую Вы лично сыграли, г. Посол, в деле взаимного сближения наших двух стран, хорошо известна широким кругам Советского Союза, а потому тот факт, что именно на Вас пал выбор г. Президента Соединенных Штатов в качестве первого Посла в СССР, рассматривается нами сам по себе как акт дружбы.

Я всегда был глубоко убежден в том, что как только будут устранены искусственные препятствия, стоявшие на пути к установлению сотрудничества между народами СССР и американским народом, это сотрудничество примет самые широкие и разнообразные формы и что этому отнюдь не должно препятствовать различие социально-политического строя обеих стран при наличии с обеих сторон доброй воли и взаимного уважения.

Я вполне разделяю Ваше убеждение в том, что между народами СССР и американским народом возможны и должны быть не только нормальные, но и подлинно дружеские отношения. Я хочу Вас заверить, что со своей стороны Советское Правительство исполнено твердой решимости содействовать развитию и укреплению именно таких отношений. Лучшей основой таких искренних дружеских отношений и всестороннего развития их является та непреклонная воля к сохранению и укреплению мира, которой воодушевлены народы Советского Союза и американский народ.

Я благодарю Вас, г. Посол, за любезные пожелания Союзу Советских Социалистических Республик и лично мне. Заверяю Вас, что в осуществлении тех возвышенных задач, в которых Вы справедливо видите важное историческое значение возложенной на Вас миссии, Вы неизменно встретите самое полное и активное содействие мое и Правительства Союза Советских Социалистических Республик.

Печат. по газ. «Известия» № 302(5233),
14 декабря 1933 г.

Речь М. И. Калинина явилась ответом на следующую речь Буллита: «Господин Президент.

Имею честь вручить Вам грамоты, которые аккредитуют меня в качестве первого Посла Соединенных Штатов Америки при Правительстве Союза Советских Социалистических Республик. Одновременно мне поручено Президентом передать Вам его сердечные и дружественные приветствия, а также его глубокую надежду и пожелание благосостояния и процветания вашей великой стране.

Я прибываю в вашу страну не как чужой. Мой глубокий интерес к вашей стране существует в течение многих лет, и я прибываю с глубоким убеждением в важности и историческом значении возложенной на меня миссии.

Эта миссия, г. Президент, заключается в создании не только нормальных, но и подлинно дружественных отношений между нашими двумя великими народами, которые в течение стольких лет были связаны друг с другом традицией дружбы. Твердое установление всеобщего мира отвечает глубокому желанию обоих наших народов, и тесное сотрудничество наших Правительств в деле сохранения мира сблизит наши народы. Связанные обоюдным стремлением к миру, наши народы найдут много других областей для плодотворного сотрудничества. Ныне каждая из наших стран стремится, каждая по-своему, с одинаково непоколебимой волей и с безграничной энергией, но разными методами, повысить благосостояние своего народа. Это одновременное стремление не является источником конфликтов, а создает возможность творческого сотрудничества. Наконец, наши народы, несомненно, связаны общей для них молодой энергией и готовностью искать новых путей для разрешения новых проблем, а также смело и бесстрашно смотреть в глаза будущему.

Г-н Президент, приступая к исполнению своей миссии, я желаю присоединиться к личным пожеланиям, выраженным Вам мною от имени Президента Соединенных Штатов, а также к его пожеланиям благосостояния и процветания Союзу Советских Социалистических Республик. Заверяю Вас, что сделаю все, что в моих силах, в деле создания крепких и прочных связей между нашими странами».

424. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Надольным

13 декабря 1933 г.

Я имел с Надольным 11-го лишь краткую беседу, которую мы решили продолжить 13-го. Я ему дал высказать все, что у него накопилось против нас, так как он с самого начала заявил, что в ухудшении отношений он винит нас и причину ухудшения видит в антигерманской установке нашей прессы. Ухудшение началось, по его мнению, со времени заключения нами пакта о ненападении с Польшей *, о переговорах с которой мы будто бы не информировали германское правительство. Заключение Локарнских соглашений ** было вынужден-

* См. т. XV, док. № 300.

** См. сб. «Локарнская конференция 1925. Документы», М., 1959, а также т. VIII, прим. 68.

ное, так как Германии нужно было освободиться от оккупации Рейна. После прихода к власти Гитлера наша пресса начала систематическую травлю Германии. У нас не печатают благоприятной нам статьи Розенберга в день моего приезда в Берлин. Коммунистический Интернационал печатает инструкции германским коммунистам. Бессонов в связи с арбитражем по долларовым сделкам* пишет ноту, угрожая политическими и экономическими последствиями[260]. Все это приводит Надольного к заключению, что улучшение отношений зависит только от нас, т. е. от изменения нашего поведения, в особенности прессы.

Желая произвести впечатление, он многозначительно добавил, что положение на Дальнем Востоке ему очень не нравится. Я ответил, что оно мне тоже не нравится, но что оно, кажется, нравится кое-кому в Германии. Надольный пустил тогда совершенно шантажистскую фразу, что это, т. е. сближение Германии с Японией, зависит от нас.

Отвечал я Надольному 13-го. Я раньше всего опроверг его замечание о том, что мы не информировали Германию о переговорах с Польшей о пакте о ненападении. Я напомнил ему, что вхождение Германии в Лигу наций, Локарнские соглашения, беседа Штреземана с Брианом в Туари, дальнейшие попытки сближения Германии с Францией, заявление пяти в Женеве** — все эти акты совершены Германией без всякого совещания с нами. Однако я не считаю, что эти акты или заключенные нами пакты с Францией*** и Польшей могли действительно ухудшить наши отношения. Это ухудшение началось со времени прихода к власти Папена и Гитлера. Я перечислил все выступления Папена и литературные произведения Гитлера, поездки Розенберга, сношения последнего с белогвардейскими организациями, преследования наших граждан и т. д.[45]. Уже после моего последнего свидания с Нейратом в Берлине**** имели место два антисоветских выступления: 1) выступление Геринга на Лейпцигском суде***** и 2) неслыханное по своей необоснованности требование арбитража по долларовым сделкам. В момент напряженности наших отношений с Японией Германия вдруг почувствовала большую любовь к этой стране и общность интересов с ней. Что же касается обвинений Надольного, то я сказал, что Коммунистический Интернационал с первого дня своего существования дает инструкции как коммунистам Германии, так и других

---

* См. док. № 344.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. V, М., 1933, стр. 138—139.

*** См. т. XV, док. № 456.

**** См. док. № 329.

***** См. док. № 344.

стран, но по этому поводу предшественник Надольного ни разу не протестовал. Мы по опыту знаем, что Коминтерн извлекается в качестве дипломатического аргумента только тогда, когда есть желание ухудшить отношения или оправдать ухудшение отношений, и что меня поэтому не удивляет неожиданная ссылка Надольного на Коминтерн. Наша пресса, по-моему, далеко в недостаточной мере отражала негодование, которое у нас вызывали перечисленные мною германские акты. Во всяком случае, пресса — это лишь реакция на германские действия и видеть в ней причину ухудшения наших отношений — значит подменять причину следствиями. Я не могу допустить, чтобы Надольный мог серьезно говорить о нашей вине в ухудшении отношений с Германией; если он это говорит серьезно, то боюсь, что нам с ним объясняться будет нелегко. Объясняться можно только тогда, когда, по крайней мере, не отрицаются явные, очевидные для всех факты.

Надольный прибег к обычным оправданиям. Розенберг не отражает мнения правительства. Он действительно эмигрант, и если поддерживает отношения с другими эмигрантами, то за это германское правительство не может отвечать. Впрочем, сам Розенберг уже убедился в своей глупости. Назначен он был заведующим отделом внешних сношений * потому, что больше некуда было его девать. Никто его всерьез в Германии не принимает. Папен действительно всегда стоял за сближение с Францией, но отнюдь не за счет СССР. Книга Гитлера относится к прошлому. Теперь же мы должны считаться с его заявлением в рейхстаге от 23 марта, каковое легло в основу инструкций, полученных Надольным. Сближение с Японией отнюдь не направлено против нас, а имеет своим основанием выход обеих стран из Лиги наций. Он, Надольный, приехал сюда с наилучшими намерениями и хочет во что бы то ни стало «очистить атмосферу», но этому ему мешает наша пресса. Он готов в Берлине добиться инструкций германской прессе об изменении поведения в отношении СССР и готов показать мне даже эти инструкции, если мы со своей стороны дадим такие же инструкции нашей прессе.

Я отметил свое несогласие с его оправдательными доводами. Папен говорил и писал всегда о сделке с Западом для совместного похода против СССР, и это он и предлагал Эррио в Лозанне **. У нас имеется достаточная информация и о других германских предложениях такого же рода. Гитлер от своей книги не отрекся, и она продолжает циркулировать в Германии. Мы готовы верить его официальным декларациям, но мы не можем не верить и фактам, противоречащим этим деклара-

---

* Имеется в виду внешнеполитический отдел нацистской партии.

** См. т. XV, прим. 188, 225, 249, а также док. № 54 настоящего тома.

циям. Очевидно, внешнюю политику делает не один Гитлер. Мы своей прессе вообще инструкций не даем. Она сама следит за нашим международным положением и соответственно реагирует. Если прекратится антисоветская политика Германии, то наша пресса первая это отметит. Я поставил Надольному вопрос, чего, собственно, Германия от нас добивается. Хочет ли она, чтобы мы неискренне говорили, что верим только декларациям Гитлера и никому больше. Это приводило бы к еще большим недоразумениям и разочарованиям. Мы ничего против Германии не затеваем, никаких переговоров за ее счет не ведем, и все наши дипломатические акции имеют только оборонительный характер. Мы не намерены участвовать ни в каких интригах против Германии. В тот день, когда Германия сможет с чистым сердцем сделать нам такое же заявление и нам не известно будет никаких фактов, этому противоречащих, отношения примут желательный нам обоим характер.

Надольный развел руками и заявил, что мои слова приводят его в совершенное уныние, ибо, если он передаст в Берлин сказанное мною, там создастся впечатление совершенной безнадежности отношений. Он предлагает согласиться по крайней мере на следующие три принципа: 1) каждая сторона заявляет об отсутствии злых умыслов против другой; 2) обе стороны стараются влиять на общественность и прессу в духе улучшения отношений; 3) обе стороны будут доводить до сведения друг друга получаемую ими информацию об интригах другой стороны.

Я сказал, что против этих принципов не возражаю, но что не всегда можно говорить в деталях о получаемой информации. Надольный после этого перешел к вопросу о долларовых сделках *, убеждая меня, что если не все сделки, то некоторые из них, несомненно, оправдывают арбитраж. Фирмы согласились приостановить свои действия по арбитражу до 1 января. Надольный предлагает дать пострадавшим фирмам новые заказы, которые компенсировали бы их за понесенные убытки. Это, кстати, поможет оживлению хозяйственных отношений. Кроме того, Надольный жаловался на неизвещение об арестах германских граждан целыми годами.

Я ответил Надольному, что не имел еще возможности ознакомиться подробно с договорами с долларовыми сделками, но что для меня совершенно несомненно, что, поскольку векселя выписаны в долларах по требованию немцев и в договорах не оговорен курс, риск падения доллара падает на немцев. Если бы они хотели обезопасить себя от этого риска, то они, несомненно, настаивали бы на определенном курсе. Сама Германия немало выиграла в отношении своих кредиторов от

* См. док. № 344.

падения доллара, и вряд ли она платит кредиторам компенсацию за это. Вопрос о заказах стоит совершенно особо, вне всякой связи с этими сделками.

Литвинов

Печат. по ориг.

425. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом

13 декабря 1933 г.

Беседа началась с воспоминаний о встрече в 1919 г., когда он приезжал по поручению Вильсона *, и перешла к значению восстановления отношений с США для общего мирового положения.

Затем разговор перешел к положению на Дальнем Востоке.

Буллит расспрашивал о положении Нанкина и о значении выхода из нанкинского правительства министра финансов Т. В. Суига **. Мы сошлись на том, что Суиг ушел из-за разногласий на почве отношения к Японии.

Буллит думает, что Суиг — честный человек, настоящий патриот и способный человек, и спрашивал мое мнение о нем, как лично знавшего его хорошо. Я подтвердил, что он способный человек и что он настроен против Японии и, по-видимому, против всяческих сделок с японцами, на которые готов идти и идет Чан Кай-ши.

Разговор перескочил на наши отношения с Японией. На мои вопросы об американской информации о японских планах в отношении нас, Буллит ответил, что, по их сведениям, одна часть японских правящих кругов — за войну с нами этой же весной и что февраль — это месяц, когда эти круги готовят нападение на «Приморские провинции» ***; другая часть, также достаточно влиятельная, тоже за нападение на «Приморские провинции», но эти последние вопроса о том, «когда» напасть, еще не установили. Это «когда» для них определяется взаимоотношениями Японии с Китаем, положением в Маньчжоу-Го и, конечно, общим мировым положением. Он думает, что войны удастся избегнуть, но процентов 40, по его мнению, имеется за то, что японцы нападут на нас этой весной.

Мы отметили оба, что восстановление отношений несомненно должно оказать умеряющее влияние на японцев. В этой связи зашел разговор о пактах с Японией. Он рассказал, что японцы предлагали заключить США пакт о ненападении, но

---

* См. т. II, прим. 30.

** — Сун Цзы-вэня.

*** Имеется в виду Советское Приморье.

что Вашингтон отклонил это предложение. Поэтому идея пактов, о которых Литвинов говорил в Вашингтоне с Рузвельтом *, не так проста.

Ведь, если начать говорить о пакте с Японией, американцы не могут не сказать, что Япония нарушила уже пакт Келлога, что заключить пакт с Японией США могут только после того, как японцы выведут свои войска из Маньчжурии, и, наконец, японцы потребовали бы, чтобы пакт был распространен и на Маньчжоу-Го, на что США не пойдут.

(Тов. Литвинов сообщал, что Рузвельт поручил Буллиту изучить идею пакта Япония — СССР — США; из того, что сказал Буллит, выходило, что это изучение привело его к отрицательным выводам.)

В дальнейшем Буллит подчеркнул, что США не хотят войны, но и не боятся ее, так как война ничем не может угрожать США, но и победа над Японией тоже ничего не дала бы Америке. «Допустим, что наш флот свободно мог бы плавать вокруг японских островов, какая нам от этого польза?» — сказал Буллит.

На мой вопрос — а как Китай — Буллит, махнув рукой, сказал, что там ничего нельзя понять, все темно, неясно и трудно строить какие-либо расчеты на эту страну. Он интересовался положением в Фуцзяне и вообще в Китае. Я сообщил ему факты, опубликованные в прессе.

Между прочим, он сообщил любопытную деталь, которую надо целиком оставить на его совести. После того как Рузвельт решил обратиться с посланием к Калинину, он не сделал этого сразу же, боясь, что Япония попытается сорвать восстановление отношений с СССР, и, в частности, Буллит и Рузвельт боялись, как бы японцы не послали своего флота во Владивосток. Послание Калинину ** было отправлено лишь после того, как владивостокский порт замерз и стал недоступен для операций японского флота.

В процессе беседы он отметил, что в Японии думают, что между СССР и США заключено какое-то соглашение о Дальнем Востоке, направленное против японской агрессии. Такое представление японцев о наших отношениях он считает крайне полезным для нас и для дела мира.

Хотя я Буллита видел 15 лет тому назад, но он не очень сильно изменился за эти годы. Как и в 1919 г., он выглядит молодо и полностью сохранил свою тогдашнюю живость и энергию.

Карахан

Печат. по арх.

---

* См. док. № 370.
** См. док. № 315.

426. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем

14 декабря 1933 г.

Лукасевич выразил удовлетворение достижениями в области наших отношений, из которых он важнейшим считает приезд Райского [275]. Упомянул он также о польских выставках и концертах [276]. Его правительство считает желательным продолжить и развивать контакт между военными, и не только в области авиации. Если у нас имеются предложения на этот счет, то он повезет их в Варшаву, куда он выезжает на рождество, а если нет, то он сам из Варшавы привезет конкретные предложения. Само собой, что позднее ожидается визит наших летчиков [313].

Лукасевич особенно просил об ускорении ответа по воздушной конвенции [210], так как из-за замедления нашего ответа откладывается ратификация конвенции с Германией. Говорил он также об эвакуации ценностей.

Спросив Лукасевича, известны ли ему предложения Бека Антонову-Овсеенко *, и получив от него положительный ответ, я сказал, что имеется лишь одно конкретное предложение о контакте по вопросам о разоружении. Этот контакт давно существует и до последнего времени становился все теснее. Мы, само собой разумеется, принимаем предложение Бека о сохранении и дальнейшем усилении этого контакта, но мы хотели бы знать, как относится Польша к довооружению Германии. Лукасевич ответил, что Польша высказывается против довооружения. Декларация о ненападении [278] была сделана по инициативе Гитлера, хотя для разговора с ним Липский в тот же день пришел по инициативе Польши. Никаких предварительных переговоров об этой декларации не было. На высказанное мною предположение, что Липский, вероятно, должен был предугадать предложение Гитлера, если он имел в кармане полномочие сразу согласиться на эту декларацию, Лукасевич признал, что Липский после своей первой беседы с Гитлером снесся по телефону с Варшавой и в тот же день получил согласие последней. На мой вопрос, предполагается ли превратить декларацию в письменный пакт, Лукасевич ответил отрицательно.

Перейдя к затронутой Беком теме о Прибалтике, я сказал, что, поскольку г. Бек затруднился сделать какое-либо конкретное предложение, я выдвигаю со своей стороны предложение о совместной декларации относительно судьбы Прибалтики. Я тут же вручил Лукасевичу набросок этой декларации. Лука-

---

* См. док. № 398.

севич спрашивал, может ли он отложить дело до своей поездки в Варшаву или оно более спешное. Я просил Лукасевича протелеграфировать мое предложение в Варшаву *.

Литвинов

[*Приложение*]

Проект декларации, врученный М. М. Литвиновым Лукасевичу 14 декабря 1933 г.

СССР и Польша делают общую декларацию об их твердой решимости охранять и защищать мир на Востоке Европы. Необходимым условием этого мира оба государства считают неприкосновенность и полную экономическую и политическую независимость стран новых политических образований, выделившихся из состава бывшей Российской империи, и что эта независимость является предметом забот обоих государств. В случае угрозы независимости Прибалтийских стран СССР и Польша обязуются вступить в немедленный контакт и обсудить создавшееся положение.

Запись беседы и приложение печат. по арх. Запись беседы опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI. М. 1969, стр. 135—136.

427. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

14 декабря 1933 г.

Снова встретился с Филипсом и обсудил с ним вопрос о торгпредстве **. Я заявил ему, что задержка его ответа тормозит всю торговую работу. Он ответил, что он не имеет еще указаний президента и что он поговорит с последним в ближайшие дни, после чего даст ответ ***. Следует переговорить также с Буллитом.

Сквирский

Печат. по арх.

---

* См. док. № 431.
** См. док. № 399.
*** См. док. № 433.

428. Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с Послом США в СССР Буллитом

15 декабря 1933 г.

Буллит извиняется, что он еще не может приветствовать Председателя Совнаркома по-русски, но надеется, что это скоро будет возможно.

Молотов выражает уверенность, что, несмотря на различие языков, мы друг друга хорошо поймем. Выражает со своей стороны сожаление, что не может говорить с послом по-английски.

Буллит замечает, что это его обязанность знать русский язык. Тов. Молотову английский язык понадобился бы, если бы он поехал в Вашингтон поговорить с президентом Рузвельтом, что было бы весьма интересно и желательно.

Молотов шутливо замечает, что потребовалось бы много времени для изучения английского языка и соответствующий повод для поездки, хотя, конечно, такой повод может явиться.

Буллит отвечает, что он прекрасно понимает, что т. Молотову нелегко оторваться от работы. Он знает, что Председатель Совнаркома Молотов и президент Рузвельт невероятно много работают, что они заняты по двадцать часов в сутки.

Молотов: «Работы у нас немало, это можно видеть хотя бы по тем переменам, по тому, как изменилась наша страна за годы, прошедшие с тех пор, как посол впервые приезжал в Советскую Россию».

Буллит: «Даже за те полтора года, которые прошли со времени моего последнего посещения Москвы, произошли перемены, которые меня глубоко поражают. Я говорил т. Калинину, что люди, которых видишь на улицах Москвы, лучше одеты и производят впечатление людей лучше питающихся, чем те, кого видишь, например, на улицах Вены. Вы здесь, быть может, не можете так хорошо заметить происшедших изменений, как мы, приезжие».

Молотов: «Мы так погружены в текущие дела, что нам, пожалуй, труднее отдать себе отчет в происходящих изо дня в день на наших глазах изменениях. Мы поэтому благодарны тем иностранным гостям, которые обращают на них наше внимание».

Буллит: «Впрочем, происшедшие в вашей стране перемены не ограничиваются лишь тем, что можно наблюдать на улицах. Вы сделали так много по части развития промышленности, что тем более разительным является, что вам удается при этом поднимать благосостояние населения. Я слышал, что во второй пятилетке вы предполагаете главное внимание обратить на усиление легкой промышленности, обслуживающей

непосредственные потребности населения. Я хотел бы знать по этому вопросу мнение т. Молотова».

Молотов: «Наша работа в области экономической охватывает реконструкцию всего народного хозяйства, во всех его различных отраслях. В первую пятилетку мы осуществили реконструкцию тяжелой промышленности, производства средств производства, и в значительной мере реконструкцию сельского хозяйства. В ближайшие 3 года мы ставим себе целью завершить реконструкцию сельского хозяйства, транспорта и легкой индустрии. Реконструкция последней исходит из расчета на увеличение ее продукции в 2—3 раза, притом скорее в 3, чем в 2. Считаю нужным отметить, что мы внимательно изучаем историю промышленного развития США, где мы находим много ценных для нас образцов, и что в нашем промышленном строительстве мы используем в немалой степени американский технический опыт. Это вызывает у нас чувство благодарности к американскому народу».

Буллит: «Я очень хочу сказать одну вещь, которая здесь может показаться невероятной. Президент Рузвельт, с которым я много беседовал на эту тему, твердо убежден в том, что есть глубокие основания для того, чтобы то дело, которое вы делаете, увенчалось успехом. Рузвельт совершенно серьезно убежден в том, что многое из того, что вы проделали в вашей стране, сможет быть использовано и применено у нас в США. Речь идет не о том, чтобы полностью применить у нас все ваши методы. Но кое-что, и по моему мнению, сможет быть применено с пользой и у нас. Таким образом, если вы до сих пор учились кое-чему у нас, то мы скоро будем учиться у вас».

Молотов: «Конечно, многое из того, что у нас сделано, может быть использовано и в других странах. Мы только будем рады, если наш опыт в той или иной мере будет использоваться и другими странами. Мы не берем никакого патента на наши новшества».

Буллит: «Со своей стороны буду очень рад предоставить Советскому правительству всякого рода информацию, которая может его интересовать. Если т. Молотову понадобятся какие-нибудь сведения из области компетенции любого из департаментов, прошу обратиться ко мне, и я буду рад оказать необходимое содействие».

Тов. Молотов благодарит посла и добавляет, что самая важная область, в которой должно протекать советско-американское сотрудничество,— это дело укрепления мира.

Буллит: «Я абсолютно с этим согласен. Это, конечно, самое важное. Я очень прошу т. Молотова сказать мне, что он лично думает по этому вопросу, каким образом, по его мнению, Соединенные Штаты могли бы помочь в деле замирения на Дальнем Востоке. Ибо я прекрасно понимаю, что главная

опасность идет оттуда. В Европе положение не так серьезно; этой ночью, лежа в постели, я много об этом думал и очень хотел бы услышать личное мнение т. Молотова. Со своей стороны могу заверить, что США исполнены желания помочь Советскому Союзу в деле сохранения мира. Вы, конечно, прекрасно понимаете, что Соединенные Штаты не могут ввязаться в войну, но они готовы оказать Союзу всякую моральную поддержку, направленную к предупреждению конфликта».

Молотов: «Мы сейчас находимся в начальной стадии дипломатических отношений между нашими странами. Те беседы, которые отныне будут иметь место как здесь между американским посольством и Советским правительством, так и в Вашингтоне между нашим полпредством и американским правительством, помогут определить конкретные формы сотрудничества между нашими странами в деле укрепления мира. Я считаю, что в тех беседах, которые велись в Вашингтоне между президентом Рузвельтом и т. Литвиновым и в которых посол принимал близкое участие, был намечен вполне правильный подход к этому вопросу *. Очень важным делом представляется мне, в частности, своевременный взаимный обмен информацией между нашими правительствами по поводу всяких обстоятельств, которые могут возникать, в особенности по поводу таких, которые могут служить препятствием делу сохранения мира».

Буллит: «Вполне с этим согласен. Должен Вам рассказать об одном разочаровании, которое мы недавно испытали. Мы убедились совершенно точным образом в том, что всякий раз, когда наш посол в Лондоне делится какой-либо информацией с сэром Джоном Саймоном, всякий раз эта информация целиком и полностью оказывается в распоряжении японцев. Англичане пользовались этим, чтобы давать японцам доказательства своей дружбы к ним. Говорю Вам это для того, чтобы Вы видели, как не следует доверять английской дипломатии. Вот Вам для начала от меня первая информация».

Молотов шутливо благодарит. Две такие страны, как СССР и США, могут много сделать для сохранения мира, могут в значительной мере парализовать усилия, направленные против дела мира. Тем более что такое сотрудничество между СССР и США встретит сочувствие и в некоторых других европейских странах, которые также заинтересованы в деле сохранения мира.

Буллит: «Я понимаю. Да, Франция... ** Да, конечно, для вас самое главное — это мир. 15 лет мира, и вы будете держать весь мир в руках».

---

* См. док. № 370.

** Многоточие документа.

Молотов: «Да, я надеюсь, что если нам удастся обеспечить 15 лет мира, то к концу этого срока мир будет выглядеть совсем иначе, он будет несравненно лучше. И он изменится за эти 15 лет так, как он не мог бы измениться никогда в прошлом за такой же срок».

Буллит: «Я надеюсь, что это удастся, что удастся отстоять мир. Тем более что у вас есть такой исключительный дипломат, как Литвинов, а у нас — Рузвельт, который показал, что он очень активно и умело занимается международными делами».

Молотов: «Мы очень довольны Литвиновым и в особенности той исключительно большой работой, которую он проделал в 1933 г. Президент Рузвельт со своей стороны показал, что он прекрасно разбирается в международной обстановке. Он сумел оценить важность проблемы советско-американских отношений, своевременно поставить ее и разрешить, тогда как до его прихода к власти этот вопрос бесплодно тянулся годами. Я убежден, что если бы нормализация советско-американских отношений произошла на пару лет раньше,— президент Рузвельт не виноват, конечно, в том, что этого не произошло,— то события развивались бы по-иному, и японцы не так бы обнаглели».

Буллит: «Абсолютно с Вами согласен».

Молотов: «Но и сейчас я убежден в том, что СССР и США вместе могут много сделать для сохранения мира».

Буллит, прощаясь, благодарит за любезный прием и обещает, что в скором времени будет беседовать с т. Молотовым по-русски.

Молотов выражает пожелание послу хорошо устроиться в Москве и успешно работать.

Буллит: «Считаю необходимым подчеркнуть ту совершенно исключительную сердечность, которой меня здесь окружают и которая выше всяких похвал».

Записал *Е. В. Рубинин*

Печат. по арх.

429. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в ЦК ВКП(б)

15 декабря 1933 г.

Во время моего пребывания в Париже Поль-Бонкур говорил со мною по вопросам торговых переговоров, подчеркивая заинтересованность французов в скорейшем подписании торгового соглашения *.

* См. док. № 332, 337.

По специальному поручению Бонкура французский посол в Вашингтоне просил моего содействия в ускорении торговых переговоров, ссылаясь на то, что якобы несогласованными остались только незначительные вопросы по экспортным контингентам.

Французы в настоящее время, по-видимому, не рассчитывают на подписание с нами договора, который имел бы большое материальное содержание и значение для французской экономики. Они придают договору преимущественно политическое значение, считая, что в существующей международной обстановке подписание торгового соглашения между СССР и Францией, о котором велись переговоры в течение 2,5 лет, имело бы большой политический эффект и свидетельствовало бы о дальнейшем укреплении франко-советских отношений.

Я, со своей стороны, считаю, что подписание торгового соглашения с Францией было бы нам политически полезным. Переговоры показали, что действительно на подписание соглашения, имеющего большое материальное значение, сейчас не приходится рассчитывать.

Ввиду этого представлялось бы, по-моему, целесообразным упростить базу соглашения и сделать возможным подписание его в ближайшее время.

По поручению коллегии НКИД т. Сокольников разговаривал с французским послом Альфаном, который, со своей стороны, согласившись с целесообразностью упрощения базы торгового соглашения, сделал ему следующие предложения:

1. Мы сокращаем наши экспортные требования.

2. В учете этого французы сокращают сумму наших обязательств по заказам с 300 млн. до 250 млн. франков.

3. В связи с сокращением суммы заказов оказывается достаточным гарантировать эти заказы одними лишь авалями советского нефтяного общества во Франции, поскольку советская нефтяная выручка во Франции примерно соответствует указанной сокращенной сумме заказов. Если нефтяной выручки окажется недостаточно, то стороны вступят друг с другом в переговоры относительно равноценных обеспечений.

4. По вопросу о режиме торгпредства, по которому оставались спорными вопрос о пределах экстерриториальности торгпредства и о предварительных мерах обеспечения исков, французский посол предложил:

а) зафиксировать в соглашении иммунитет торгпреда, двух его заместителей и служебных бюро торгпредства;

б) французское правительство берет на себя обязательство внести в парламент с благожелательным отзывом предложение об освобождении торгпредства СССР от мер предварительного обеспечения исков.

Я полагаю, что предложение, внесенное Альфаном, может

быть положено в основу упрощенной базы договора. Это предложение, с одной стороны, позволяет нам сократить сумму заказов, с другой стороны, избавляет нас от условного делегирования платежей по лесу, марганцу и пушнине, техническое осуществление которого содержало целый ряд весьма опасных для нашего кредита за границей положений.

Предложение Альфана позволит также разрешить и спорные вопросы по торгпредству.

Сообщая изложенное, я предлагаю принять предложение французского посла в качестве базы для соглашения, сообщить о нашем согласии французам и предложить им договориться на этой базе в течение кратчайшего срока с уменьшением, если возможно, обязательства по заказам до 200 млн. франков [314].

Литвинов

Печат. по арх.

430. Заявление Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славуцкого Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню *

15 декабря 1933 г.

Деятельность КВЖД в последнее время протекает под знаком непрерывных нарушений правил эксплуатации, постоянных нападений на поезда, разрушений пути, убийств агентов дороги и насилий над ними, захватов имущества дороги и порчи его. К сожалению, маньчжурские власти не только не принимали и не принимают достаточных мер к содействию КВЖД и должной защите ее, но прямо участвовали и участвуют в нанесении ущерба как интересам КВЖД, так и правам СССР на КВЖД.

Маньчжурские власти, в частности, путем произвольных и односторонних актов и нарушения существующих международных договоров, соглашений и действующих правил, пытаются умалить права СССР на КВЖД и односторонне провести ряд перемен в управлении КВЖД, направленных к полному захвату самой дороги.

В прямое осуществление подобного рода мероприятий вслед за арестами 24 сентября с. г. начальников службы тяги г. Калина и финансово-счетной — г. Кубли и других **, арестами, связь которых с планом захвата КВЖД была документально установлена ***, маньчжурские помощники начальни-

---

* Вручено М. М. Славуцким Ши Люй-бэню в письменном виде.
** См. док. № 305.
*** См. док. № 314.

ков этих служб и маньчжурский помощник управляющего дорогой и прочие агенты маньчжурской национальности на дороге, в полное нарушение существующих договоров о КВЖД и действующих правил, не подчиняются распоряжениям управляющего дорогой и законных агентов дороги и, вопреки всем существующим положениям, отменяют законные распоряжения последних и смещают советских граждан, назначая на их места маньчжур, несмотря на то что эти советские граждане назначены в соответствии с существующими положениями на дороге законной администрацией дороги. При этом путем незаконных распоряжений маньчжурского помощника управляющего, противопоставляющего себя управляющему дорогой, из служащих маньчжур по отдельным службам дороги создается как бы особая организация руководства деятельностью агентов-маньчжур, чем нарушаются общие основания организации управления дороги и права, принадлежащие советскому управляющему дорогой.

В этой своей незаконной деятельности агенты-маньчжуры пользуются содействием полиции, которая, игнорируя протесты законных представителей дороги в управлении и на линии, произвела и производит ряд насильственных действий, [направленных] как к устранению путем арестов законно назначенных агентов дороги — советских граждан, так и к внедрению агентов-маньчжур, незаконно назначенных маньчжурскими агентами дороги, присваивающими себе права руководителей отдельных служб или участков.

Я не стану останавливаться на конкретных фактах, на которые я неоднократно имел честь обращать Ваше внимание *. Таковые, равно как и подробное их освещение, изложены в докладах г. управляющего правлению дороги, а также в письмах г. товарища председателя правления г. председателю правления **.

Все эти действия отражают продуманную до оперативных деталей систему мероприятий, которую проводят маньчжурские представители на КВЖД и власти Маньчжоу-Го, направленную к ликвидации прав СССР на КВЖД и значения дороги как крупнейшего предприятия в крае.

Я уполномочен заявить Вам, что все изменения в порядке управления и ведения дел КВЖД, которые ныне в нарушение установленного Пекинским и Мукденским договорами *** и существующего статуса дороги маньчжурская сторона явочным порядком односторонне осуществляет и пытается осуществлять, рассматриваются Союзным Правительством как не име-

---

* См. док. № 310, 324, 389.
** См. док. № 140.
*** См. т. VII, док. № 156, 222.

ющие никакой правовой силы, ни в какой мере им не признаются и ни в какой мере его не связывают.

Я уполномочен заявить Вам также, что Правительство СССР в связи как с причиненными, так и могущими быть причиненными в результате указанных выше правонарушений убытками КВЖД оставляет за собой право определить в дальнейшем точную сумму убытков и будет настаивать на возмещении таковых. Советское Правительство, верное принятым на себя обязательствам, точно и строго соблюдает Пекинское и Мукденское соглашения, и я ожидаю со стороны маньчжурских органов мер к восстановлению этих соглашений о КВЖД и действующих на дороге положений.

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 305(3336), 17 декабря 1933 г.

431. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем

19 декабря 1933 г.

Приходил Лукасевич, чтобы сообщить ответ Бека на мое предложение*. Бек ему телеграфирует, что предложенная мною декларация соответствует его собственным взглядам и что он считает принципиально возможным сделать эту декларацию при подходящем случае. Так как речь идет фактически о гарантии независимости Прибалтийских стран, то Бек затрудняется выявить свое окончательное отношение до зондирования этих стран. Лукасевич, передавая текст моей декларации в Варшаву, от себя высказал предположение, что это только, вероятно, набросок, допускающий редакционные поправки, и он меня поэтому спрашивает, согласен ли я с этим.

Поблагодарив Лукасевича за информацию, я сказал, что врученный ему текст выражает только основные мысли и, поскольку таковые будут сохранены, конечно, возможны редакционные поправки. Мы сами имели в виду, после получения ответа из Варшавы, информировать заинтересованные страны, и мы это сделаем, но у меня возникает некоторое опасение относительно Финляндии ввиду известных симпатий там к Германии. Не в интересах ни наших, ни Польши, чтобы Берлин узнал преждевременно о наших переговорах, и поэтому мне казалось бы правильным информирование Финляндии оставить в последнюю очередь и выбрать для этого момент более близкий к реализации нашего предложения.

* См. док. № 426.

Лукасевич сказал, что Бек не перечисляет стран и поэтому он не представляет себе, как пронзойдет информация и зондирование Литвы, с которой Польша не имеет нормальных отношений. Я ответил, что мы можем информировать и Литву, тем более что в противном случае она узнает от Латвии, что было бы нежелательно.

На вопрос Лукасевича, не следует ли привлечь также Швецию ввиду ее заинтересованности в Прибалтике, я сказал, что готов обдумать это, но что мне представляется сомнительной целесообразность дальнейшего расширения и наших и польских обязательств, тем более, что Швеция связана и с другими Скандинавскими странами, а в Прибалтике у нее интересы главным образом исторические.

Далее я сказал Лукасевичу, что Бек упомянул о подходящем случае. Я не знаю, что он имеет в виду, но мне кажется, что раз мы признаем нужным сделать декларацию, то от нас зависит создание подходящего случая. Я, например, могу мыслить себе создание такого случая путем устройства личной встречи моей с Беком. Когда Лукасевич со мною согласился, я напомнил о моем и Чичерина визитах в Варшаву *, оставшихся без ответа. Лукасевич сразу ответил, что он не видит никаких затруднений для приезда Бека в Москву, но просил иметь в виду, что 15 января Бек должен ехать в Женеву председательствовать в какой-то комиссии и что предстоит, вероятно, в январе приезд Бонкура в Варшаву и визит Бека в Бухарест. Лукасевич полагает, что после сегодняшнего разговора Бек вызовет его, вероятно, в Варшаву, где он останется приблизительно до 1 января [315].

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 147—148.

432. Речь Полномочного Представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка при вручении верительных грамот Королю Афганистана Мухаммеду Захир-шаху

20 декабря 1933 г.

Ваше Величество,

Имею честь вручить Вам верительные грамоты, подписанные Председателем Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик гражданином Калининым и аккредитующие меня при Вашем Величестве в качестве Полномочного Представителя Союза, на правах Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик в течение всего времени существования дружественных

* См. соответственно т. XV, док. № 373 и т. VIII, прим. 50.

отношений между нашими государствами и населяющими их народами стремилось всемерно развивать и укреплять эти, столь счастливо установившиеся с самого начала отношения, будучи твердо убеждено в том, что укрепление дружественных связей между Советским Союзом и Афганистаном является одним из факторов, способствующих упрочению мира и экономическому и культурному росту наших стран.

Вручая ныне Вашему Величеству верительные грамоты, я считаю своей первой обязанностью вновь подтвердить неизменность стремлений Правительства Советского Союза к дальнейшему упрочению и развитию дружественных отношений между нашими странами и к их экономическому и культурному сближению.

Я считаю своим долгом также подчеркнуть мое искреннее желание работать, как и прежде, в указанном выше направлении, в меру моих сил и руководствуясь волей и указаниями моего Правительства. Я надеюсь встретить в этом со стороны Вашего Величества необходимое благорасположение и содействие, которые облегчили бы мне возможность выполнения задач, возлагаемых на меня Правительством Союза Советских Социалистических Республик.

Печат. по арх.

В ответной речи Мухаммед Захир-шах сказал:

«Господин Посол,

С большой радостью мы принимаем Ваши верительные грамоты, посредством которых Вы представлены Его Высокопревосходительством г. Калининым, Председателем Центрального Исполнительного Комитета СССР, в качестве Чрезвычайного Представителя и Посла при нашем Королевском Дворе.

Мы очень довольны тем, что, согласно желаниям, добрые взаимоотношения существовали, при полной искренности и дружбе, между высокими государствами Афганистаном и СССР в течение прошедших времен. Мы также желаем, чтобы в будущем дружба и искренность сохранились бы прочными и устойчивыми до предельной степени.

Так как нашим сердечным желанием являются добрые отношения и сближение между государствами и народами Афганистана и СССР, поэтому мы поручили и подтвердили сановникам нашего Королевства, чтобы они предоставляли бы Вам всякого рода содействие и помощь».

433. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

20 декабря 1933 г.

Сегодня получил от госдепартамента следующий меморандум с инициалами Филипса: «Правительство Соединенных Штатов не имеет возражений против назначения Советским

Правительством торгового атташе или торгового советника при Посольстве Союза Советских Социалистических Республик в Вашингтоне, который выполнял бы обязанности, обычно возлагаемые на торгового атташе или советника, а именно: сбор экономической и торговой информации, изучение условий рынка, содействие развитию и облегчение торговых отношений, и занимался другой аналогичной деятельностью.

Правительство Соединенных Штатов, однако, желает внести ясность, что такое должностное лицо не будет заниматься торговлей или вступать в торговые сделки какого-либо рода, т. е. не будет вступать в деловые отношения или подписывать контракты с американскими фирмами, участвовать в операциях по закупке или продаже и т. п.

Правительство Соединенных Штатов не будет иметь возражений против того, чтобы торговый советник или атташе при Посольстве Союза Советских Социалистических Республик имел контору и постоянное местожительство в городе Нью-Йорке. Следует указать, однако, что адреса местожительства в городе Нью-Йорке торговых советников или атташе при дипломатических миссиях в Вашингтоне не печатаются в списке дипломатического корпуса».

Ясно, что госдепартамент делает попытки затормозить организацию нашего торгпредства в Нью-Йорке *, «невинно» обходя вопрос о нашей монополии внешней торговли. Телеграфируйте инструкции или ответ на меморандум **.

Сквирский

Печат. по арх.

434. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом

21 декабря 1933 г.

Буллит был у меня сегодня с прощальным визитом, и мы с ним имели деловую беседу, затронув следующие темы.

1. Вспомнив вчерашние разговоры, Буллит просил уточнить количество потребных нам рельсов [273], ибо Межлаук ему говорил о 300 тыс. т, а т. Сталин повторно называл цифру 250 тыс. Мы решили остановиться на цифре 250 тыс. Буллит думает, что замена старых рельсов новыми на некоторых железных дорогах [США] действительно намечена, но еще не проведена, так как железнодорожные компании добиваются снижения цен на новые рельсы, а кроме того, они не в состоянии оплатить их и просят помощи у правительства. На вопрос Буллита, с кем нужно будет вести переговоры об этом, я ука-

* См. док. № 378, 384, 399, 427.

** Ответа в архиве не обнаружено.

зал на Богданова. Я напомнил ему об аккумуляторах и моторах, но Буллит ответил, что это упоминалось лишь вскользь и не назывались никакие цифры и поэтому он будет ждать через Трояновского наших заявок. Буллит рассказывал, что в Америке недавно выпущены испробованные и принятые новые типы аэропланов Дугласа, имеющие большие преимущества в отношении скорости и грузоподъемности.

2. Буллит выразил сожаление, что Трояновский не едет вместе с ним, и выразил пожелание, чтобы Трояновский, во всяком случае, приехал в Нью-Порк на американском пароходе, что произведет хороший эффект в Америке. В связи с этим Буллит высказал надежду, что Трояновский приедет в Вашингтон не позже него (Буллит думает остановиться на несколько дней в Париже), чтобы можно было бы через него возобновить переговоры о займе. Он снова напомнил о законопроекте, внесенном в конгресс, о прекращении всяких кредитов и займов странам, не уплатившим своих долгов. Говорил, что если до 15 января президент не сможет внести в конгресс на одобрение нашей сделки с ними, то могут возникнуть большие затруднения. Буллит поэтому просит об ускорении приезда Трояновского, а также обещанных сведений о германских фирмах, которым мы должны платить.

3. На мой вопрос, является ли сообщение госдепартамента о немецких сертификатах на 34 млн. долл. в год новым самостоятельным предложением или относится к нашим разговорам о займе, Буллит ответил незнанием. Я ему сказал, что мы готовы это рассматривать и как самостоятельное предложение и будем ждать более точного предложения относительно условий покупки этих сертификатов, сообщив, что мы и раньше покупали как в Англии, так и в Америке замороженные кредиты со значительной скидкой. Я вновь подчеркивал, что как в этом случае, так и в случае зачета замороженных кредитов в счет займа все переговоры с немцами должны вестись Америкой. Кроме того, я ему сказал, что мы не можем отказаться от экспорта в Германию и что выручку от этого экспорта мы должны также употребить на оплату наших обязательств в Германии и что поэтому не может быть речи о покрытии всего займа замороженными кредитами.

4. Буллит сказал, что он в Вашингтоне обсудит вопрос о возможности захода нескольких американских военных судов с визитом во Владивосток, хотя это вряд ли будет возможно раньше весны. Что касается пактов, то он предвидит большие затруднения. Заключить с нами пакт *после того*, как Америка отвергла пакт с Японией, вряд ли возможно, да и, кроме того, такой пакт вряд ли и нужен, ибо мы друг на друга нападать не собираемся. Предложить же четверной пакт со включением Китая значило бы требовать немедленно очище-

ния Маньчжурии, оккупацию которой Америка рассматривает как нападение. Америка считает, что Япония нарушила существующие договора и поэтому предлагать Японии новый договор значит отказаться от указанной точки зрения. Я высказал сомнение в приемлемости для Японии даже тройственного пакта и что поэтому предложение ей пакта имело бы большое агитационное значение, поскольку отказ Японии вновь подчеркнул бы агрессивность ее намерений. Буллит обещал этот вопрос вновь обсудить с президентом и Горнбеком, заведующим дальневосточным отделом госдепартамента и весьма компетентным в этих вопросах. Он просил передать Трояновскому совет поддерживать тесный контакт с Горнбеком.

5. Я спрашивал Буллита, что президент и его правительство думают относительно развития торговли с нами. Буллит сказал, что у них есть сильное желание развивать торговлю и что все дело находится в руках Моргентау. Их занимает вопрос о расширении нашего экспорта, который, по их мнению, может быть доведен до 100 млн. долл. в год, причем, перечисляя наши экспортные товары, он уделял большое место целлюлозе. Я выразил сомнение в возможности доведения экспорта до названной им цифры и, кроме того, указывал, что если размер нашего экспорта будет сделан базой наших торговых оборотов с Америкой, то большого размаха дать им нельзя будет. Я отметил, что в наших текущих импортных планах предусмотрены весьма скромные цифры импорта и что нас не будет интересовать импорт, если не удастся сделать базой его долгосрочные кредиты.

6. Я напомнил Буллиту о существующих в Америке ограничениях для ввоза нашего золота, о непризнавании наших санитарных удостоверений и других препятствиях, которые должны быть возможно скорее устранены *. Буллит записал себе это.

7. Я ознакомил Буллита вкратце с политическим положением Европы и с существующими там, в частности во Франции, течениями. Я говорил, что в связи с уходом Германии из Лиги и угрозы Италии надо ожидать нажима на США и СССР, чтобы побудить их вступить в Лигу. Буллит сказал, что на Америку Лига наций ни в коем случае не должна рассчитывать, а что касается нас, то вряд ли Америка будет испытывать какое-либо неудобство от нашего вхождения.

8. Буллит вручил мне меморандум относительно возвращения расчетных книг «Нэшнл сити банк»[316]. Он при этом сообщил мне, что этот банк теперь находится всецело в руках правительства, так как он был близок к банкротству.

---

* См. также док. № 446.

9. Я предупредил Буллита о возможном нажиме на него со стороны русских эмигрантов, желающих выписывать из СССР своих родственников, и посоветовал ему отсылать их всех к «Интуристу».

Литвинов

Печат. по арх.

435. Телеграмма Председателя Президиума Центросоюза СССР Председателю Совета Министров Монгольской Народной Республики Гендуну

21 декабря 1933 г.

Президиум Центросоюза СССР поздравляет Монгольское Правительство с двенадцатой годовщиной монгольской кооперации. Народная монгольская революция, являясь детищем Великой Октябрьской революции, создала кооперативное движение, которое призвано коренным образом улучшить сбыт и должно сыграть крупную роль в повышении культурного уровня аратских масс Монголии. Монценкоop имеет большие достижения в деле освобождения аратов от закабаленности иностранным торговым капиталом. Советская кооперация неослабно следила за развитием монгольской кооперации и все время оказывала и будет оказывать ей свою помощь. Внимание, которое оказывает Монгольское революционное Правительство Монценкоопу, дает уверенность в том, что монгольская кооперация и в дальнейшем будет развиваться на пользу широких аратских масс.

Да здравствует Монгольская Народная Республика.

Да здравствует революционное Монгольское Правительство.

Председатель Президиума Центросоюза
Зеленский

Печат. по арх.

436. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком*

22 декабря 1933 г.

На вопрос Бека, доволен ли я своей поездкой, отвечаю, что весьма удовлетворен ею. В частности, привез положительный ответ на поставленные им через меня вопросы**. Впрочем,

* Из дневника полномочного представителя СССР в Польше за период с 21 по 30 декабря 1933 г.

** См. док. № 398, 426, 431.

этот ответ ему уже передан Лукасевичем. Выражением особого доверия к консеквентности* польской политики в отношении Советского Союза является известное предложение М. М. [Литвинова]. Бек отвечает, что потому и поспешил с ответом на предложение Литвинова, что хотел подчеркнуть эту «консеквентность». Переговоры Польши с Германией ни в чем не противоречат политике сближения с Советским Союзом, «они касаются лишь соседних вопросов».

Бек подчеркивает, что не намерен тянуть с выработкой декларации, предложенной Литвиновым. Когда передавал, что готов ее подписать «при подходящем случае», то имел в виду личную встречу с Литвиновым. Эта встреча могла бы состояться после сессии Лиги наций, если не помешает поездка в Бухарест, каковая еще не решена. Конечно, нельзя декларировать, не уведомив заблаговременно заинтересованных. Нет, нет! Тут нет и мысли о «круглом столе». Акт должен быть только двусторонним. Информирование заинтересованных не должно его задержать.

Бек подчеркивает далее, что через Лукасевича передавал о желании маршала продолжать контакт ответственных военных. Это желание он выяснил-де уже после моего отъезда в Москву.

Он не реагирует на мое замечание, что сугубая секретность, которой Польша обставила свой демарш в Берлине, продолжает вызывать недоумение в Москве. Он переводит на отношения с Германией. В переговорах с нею Польши нет ничего сенсационного.

«В принципе» Бек считает возможным заключение с Германией пакта о ненападении, но он не говорил Подольскому, что идет речь о заключении такого пакта и что он будет заключен. Экономические переговоры не ладятся. Но Польша своим маневром в Берлине хотела достичь и достигла иного: она отстаивала и отстояла свои международные позиции. Польша, конечно, вовсе не претендует быть «пятым» в пресловутой «директории» (Бек вспоминает, что продиктовал «Газете польской» в свое время насмешливое заявление о «приставном стуле»). Польша хочет, чтобы без нее не решались вопросы, ее касающиеся. Пока еще линия Франции в вопросе разоружений неясна, но Франция как будто считает для себя возможным вести с Германией сепаратные переговоры по вопросам интернационального значения. Польша подобных переговоров с Германией не вела и не ведет. Нет, Польша пока что не получала от Германии предложений в духе тех, какие, по последним сообщениям, направлены Франции. Конечно, Польша была бы против довооружения Германии. Но

---

* — последовательности *(лат.)*.

Бек также не отвечает на вопрос, почему же Польша не заявит об этом официально и оставляет слово по этому вопросу «Дню польскому»? Бек не думает, чтобы во Франции возобладало течение за уступки Германии; нет, он уверен в твердости Даладье. Впрочем, во Франции заметно чрезвычайное отрезвление: показатель — последнее голосование в палате по продлению срока военной службы... * Бек спрашивает затем, доволен ли г. Литвинов поездкой в Америку. Отвечаю, что вполне удовлетворен. Бек высказывает мнение, что положение на Дальнем Востоке отныне стало более устойчивым. Я соглашаюсь. Бек продолжает: есть намеки на более тесное сближение Советского Союза с Соединенными Штатами. На мою реплику, что говорят и о тройственном союзе — Польша, Франция, Советский Союз,— Бек не реагирует. Он возвращается к предложению Литвинова. Он поручил Лукасевичу еще раз повидаться с Литвиновым для уточнения некоторых вопросов, ожидает приезда Лукасевича завтра и предложит Лукасевичу сейчас же после нового года вернуться в Москву для продолжения предварительных переговоров. Бек хотел бы, чтобы визит Поль-Бонкура состоялся до сессии Совета Лиги наций, чтобы после сессии, «если ничто не помешает», приехать в Москву **.

Антонов-Овсеенко

Печат. по арх.

437. Запись беседы Заведующего III Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

22 декабря 1933 г.

Альфан пришел справиться о направлении, которое мы дали вопросу о приезде сюда французской миссии технического сотрудничества, каковой вопрос был им поднят в разговоре со мною 7 декабря и в его эд-мемуаре от того же числа ***.

Я сказал, что поднятый Альфаном вопрос был рассмотрен в благожелательном духе. Из числа тех различных областей сотрудничества, которые были намечены в эд-мемуаре Альфана на выбор, у нас остановились на шоссейно-дорожном строительстве. Для того чтобы обсуждение соответствующих технических вопросов могло протекать в наиболее технически благоприятных условиях, целесообразно, чтобы те специалисты,

---

* Многоточие документа.
** См. также док. № 441.
*** См. док. № 440.

которых министерство общественных работ предполагает командировать сюда, прибыли в СССР ко времени окончания таяния снегов, то есть, в апреле — мае. За это время мы будем иметь возможность согласовать различные детали вопроса, а именно: состав группы французских специалистов, порядок и условия их работы здесь и т. п.

2. Перейдя на общие темы, Альфан выразил неудовольствие тем, что часть французской печати, в связи с берлинскими переговорами, ставит перед Францией дилемму: или Берлин, или Москва. Правильно, по мнению Альфана, рассуждать таким образом: между Францией и Германией радикальное соглашение невозможно, каждое удовлетворенное германское требование является ступенью к выдвижению новых требований. Саарский вопрос сам по себе для Франции не представляет чрезмерного интереса. Вряд ли даже Франция заинтересована в инкорпорировании Саара (по мнению Альфана, отнюдь не доказано, что плебисцит в 1935 г. будет обязательно в пользу Германии, а в случае, если саарцы будут голосовать за Францию, это будет означать окончательное присоединение области к Франции). Но как только немцы получат удовлетворение в Саарском вопросе, они немедленно выдвинут новые требования. Вот почему для Франции важно иметь возможность проявлять в переговорах с Берлином достаточную твердость. Эту твердость и устойчивость французы черпают из укрепления своих отношений со своими союзниками и с теми странами, которые не заинтересованы в ревизии договоров. Вот почему, по мнению Альфана, правильно формулировать задачи французской политики таким образом: если уже разговаривать с Берлином, то тем более необходимы близкие отношения с Москвой. О перспективах франко-германских переговоров трудно что-нибудь сказать. Какие-то уступки немцам придется делать. Вся история франко-германских отношений, начиная с Рура, представляет собою серию уступок со стороны Франции. Частичными уступками Франция добивается отсрочки остальной массы германских требований и дает известное удовлетворение англичанам, которые, вообще говоря, ведут себя по отношению к Франции вполне лояльно, но в силу целого ряда затруднений, испытываемых ими самими, вынуждены в франко-германском споре занимать примирительную позицию. Для Франции нет никакого другого пути, кроме этого пути частичных уступок. Есть, конечно, теоретически еще один выход — превентивная борьба, но это исключено, этого никто во Франции не хочет.

3. Я обратил внимание Альфана на странное противоречие между фактом все учащающегося дружественного контакта между нашими и французскими военными кругами и той последовательной антисоветской позицией, которую до послед-

него времени занимает «Франс милитер», лишь недавно опять поместившая ярко враждебную нам статью.

Альфан ответил, что он сам уже обратил внимание на это дело, что это совершенно ненормально и что он по этому поводу напишет в Париж.

Рубинин

Печат. по двх

438. Беседа И. В. Сталина с корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс» Дюранти

25 декабря 1933 г.

Дюранти. Не согласитесь ли передать послание американскому народу через «Нью-Йорк таймс»?

Сталин. Нет, Калинин уже сделал это*, я не могу вмешиваться в его прерогативы.

Если речь идет об отношениях между САСШ и СССР, то, конечно, я доволен возобновлением отношений, как актом громадного значения: политически — потому что это подымает шансы сохранения мира; экономически — потому что это отсекает привходящие элементы и дает возможность нашим странам обсудить интересующие их вопросы на деловой почве; наконец, это открывает дорогу для взаимной кооперации.

Дюранти. Каков будет, по-Вашему, возможный объем советско-американской торговли?

Сталин. Остается в силе то, что Литвинов сказал в Лондоне на экономической конференции**. Мы величайший в мире рынок и готовы заказывать и оплатить большое количество товаров. Но нам нужны благоприятные условия кредита и, более того, должны иметь уверенность в том, что сможем платить. Мы не можем импортировать без экспорта, потому что не хотим давать заказов, не имея уверенности, что сможем платить в срок.

Все удивляются тому, что мы платим и можем платить. Я знаю, сейчас не принято платить по кредитам. Но мы делаем это. Другие государства приостановили платежи, но СССР этого не делает и не сделает. Многие думали, что мы не можем платить, что нам нечем платить, но мы показали им, что можем платить, и им пришлось признать это.

Дюранти. Как обстоит с вопросом о добыче золота в СССР?

Сталин. У нас много золотоносных районов, и они быстро развиваются. Наша продукция уже вдвое превысила

---

* См. док. № 376.

** См. док. № 178.

продукцию царского времени и дает сейчас более 100 млн. руб. в год. Особенно за последние два года мы улучшили методы нашей разведочной работы и нашли большие запасы. Но наша промышленность еще молода — не только по золоту, но и по чугуну, стали, меди, по всей металлургии, и наша молодая индустрия не в силах пока оказать должную помощь золотой промышленности. Темпы развития у нас быстрые, но объем еще не велик. Мы могли бы в короткое время учетверить добычу золота, если бы имели больше драг и других машин.

Дюранти. Какова общая сумма советских кредитных обязательств за границей?

Сталин. Немного более 450 млн. руб. За последние годы мы выплатили большие суммы — два года тому назад наши кредитные обязательства равнялись 1400 млн. Все это мы выплатили и будем выплачивать в срок к концу 1934 г. или в начале 1935, в очередные сроки.

Дюранти. Допустим, что нет больше сомнений в советской готовности платить, но как обстоит дело с советской платежеспособностью?

Сталин. У нас нет никакой разницы между первой и второй, потому что мы не берем на себя обязательств, которых не можем оплатить. Взгляните на наши экономические отношения с Германией. Германия объявила мораторий по значительной части своих заграничных долгов, и мы могли бы использовать германский прецедент и поступить так же точно по отношению к Германии. Но мы не делаем этого. А между тем мы сейчас уже не так зависим от германской промышленности, как прежде, мы можем сами изготовлять нужное нам оборудование.

Дюранти. Какозо Ваше мнение об Америке? Я слышал, что у Вас была продолжительная беседа с Буллитом *, какого Вы мнения о нем? Считаете ли Вы, как и три года тому назад, что наш кризис — как Вы сказали мне тогда — не является последним кризисом капитализма.

Сталин. Буллит произвел на меня и на моих товарищей хорошее впечатление. Я никогда не встречал его до этого, но много слышал о нем от Ленина, которому он тоже нравился. Мне нравится в нем то, что он говорит не как обычный дипломат,— он человек прямой, говорит то, что думает. Он вообще произвел здесь очень хорошее впечатление.

Рузвельт, по всем данным, решительный и мужественный политик. Есть такая философская система — соллипсизм, заключающаяся в том, что человек не верит в существование внешнего мира и верит только в свое я. Долгое время казалось, что американское правительство придерживалось такой

* Беседа состоялась 20 декабря 1933 г.

системы и не верит в существование СССР. Но Рузвельт, очевидно, не сторонник этой странной теории. Он реалист и знает, что действительность является такой, какой он ее видит.

Что касается экономического кризиса, то он действительно не последний кризис. Конечно, кризис расшатал все дела, но в последнее время, кажется, дела начинают поправляться. Возможно, что наиболее низкая точка экономического упадка уже пройдена. Я не думаю, что удастся достигнуть подъема 1929 г., но переход от кризиса к депрессии и некоторому оживлению дел в ближайшее время, правда, с некоторыми колебаниями вверх и вниз не только не исключен, но, пожалуй, даже вероятен.

Дюранти. А как насчет Японии?

Сталин. Мы хотели бы иметь хорошие отношения с Японией, но, к сожалению, это зависит не только от нас. Если в Японии возьмет верх благоразумная политика, обе наши страны могут жить в дружбе. Но мы опасаемся, что воинствующие элементы могут оттеснить на задний план благоразумную политику. В этом действительная опасность, и мы вынуждены готовиться к ней. Ни один народ не может уважать свое правительство, если оно видит опасность нападения и не готовится к самозащите. Мне кажется, что со стороны Японии будет неразумным, если она нападет на СССР. Ее экономическое положение не особенно хорошо, у нее есть слабые места — Корея, Маньчжурия, Китай, и затем едва ли можно рассчитывать, что она получит поддержку в этой авантюре от других государств. К сожалению, хорошие военные специалисты не всегда хорошие экономисты, и не всегда они различают между силой оружия и силой законов экономики.

Дюранти. А как с Англией?

Сталин. Я думаю, что торговый договор с Англией будет подписан и экономические отношения разовьются, поскольку консервативная партия должна понять, что они ничего не выиграли, ставя препятствия в торговле с СССР. Но я сомневаюсь, чтобы в теперешних условиях обе страны могли получить от торговли такие большие выгоды, как можно было бы предположить.

Дюранти. Как Вы относитесь к вопросу о реформе Лиги наций в его итальянской постановке? [299]

Сталин. Мы не получали по этому поводу никаких предложений от Италии, хотя наш представитель и обсуждал с итальянцами этот вопрос *.

Дюранти. Всегда ли исключительно отрицательна ваша позиция в отношении Лиги наций?

---

* См. док. № 411.

Сталин. Нет, не всегда и не при всяких условиях. Вы, пожалуй, не вполне понимаете нашу точку зрения. Несмотря на уход Германии и Японии из Лиги наций — или, может быть, именно поэтому,— Лига может стать некоторым тормозом для того, чтобы задержать возникновение военных действий или помешать им. Если это так, если Лига сможет оказаться неким бугорком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира, то тогда мы не против Лиги. Да, если таков будет ход исторических событий, то не исключено, что мы поддержим Лигу наций, несмотря на ее колоссальные недостатки.

Дюранти. Что является сейчас наиболее важной проблемой внутренней политики СССР?

Сталин. Развертывание товарооборота между городом и деревней и усиление всех видов транспорта, особенно железнодорожного. Разрешение этих вопросов не так легко, но легче, чем те вопросы, которые мы уже решили, и я уверен, что мы разрешим их. Проблема промышленности решена. Проблему сельского хозяйства, крестьянско-колхозную проблему — самую трудную проблему — можно считать уже решенной. Теперь надо решить проблему товарооборота и транспорта.

Печат. по газ. «Известия» № 4(5253), 4 января 1934 г.

439. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Министру Иностранных Дел Турции Тевфику Рюштю

25 декабря 1933 г.

Спешу выразить благодарность за Ваше любезное сообщение о ратификации Великим национальным собранием конвенций об определении агрессии *. Горячее одобрение парламента вашей великой страны блестяще увенчивает ту инициативу, которую ваше Правительство и Вы сами всегда проявляли, и то содействие, которое мы неизменно встречали с Вашей стороны в работе по упрочению всеобщего мира. Счастливое завершение предпринятого нами в Лондоне дела мира даст новый импульс нашим совместным усилиям в этом направлении.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 303 (5254), 27 декабря 1933 г.

---

* См. док. № 213, 218, 220.

Эта телеграмма явилась ответом на следующую телеграмму Тевфика Рюштю М. М. Литвинову от 24 декабря 1933 г.:

«Искренне радуюсь возможности известить Вас, что конвенции об определении агрессии, которые я имел счастье подписать вместе с Вами в Лондоне, только что при бурных аплодисментах единогласно утверждены Великим национальным собранием. Я не могу не воздать здесь еще раз должное Вашей благородной и удачной инициативе, воплотившейся в заключении этих актов, представляющих к тому же логическое завершение и заслуженное вознаграждение неутомимых усилий, которые наши страны в сотрудничестве с другими странами прилагают к упрочению мира.

Примите еще раз заверения в моей неизменной дружбе».

440. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Франции в СССР

25 декабря 1933 г.

В ответ на предложение Французского министерства общественных работ послать в Москву техническую миссию, состоящую из инженеров, принадлежащих к высшему персоналу правительственной службы, переданное в письме Посольства от 7 декабря с. г., Народный Комиссариат по Иностранным Делам сообщает, что Правительство СССР считает желательным установление технического сотрудничества в области строительства шоссейных дорог.

Приезд соответствующих французских инженеров представляется целесообразным приурочить к периоду примерно апрель — май, когда на территории СССР заканчивается таяние снегов, до какового срока между Посольством и Народным Комиссариатом будут подлежать согласованию вопросы о составе, сроке пребывания и порядке работ французской технической группы [317].

Печат. по арх.

В упоминаемом письме посольства Франции от 7 декабря 1933 г. говорилось, в частности:

«Французское министерство общественных работ, желая осуществить идею франко-советского технического сотрудничества, высказывается с целью изучения потребностей СССР и определения метода сотрудничества за посылку в Москву предварительной миссии, состоящей из инженеров, принадлежащих к высшему персоналу государственного аппарата и представляющих следующие отрасли: железные дороги, водные пути, морские порты, дороги, гидравлические силы и рудники».

В письме содержалась просьба сообщить, «соответствует ли это предложение намерениям Советского Правительства и представляется ли возможным установление сотрудничества по всем вышеупомянутым отраслям или же одна или несколько из этих отраслей признаются им не представляющим интереса».

Далее в письме указывалось, что «французской предварительной миссией руководил бы г. Дотри, генеральный директор государственных

железных дорог», и что «после возвращения французской миссии Французское Правительство будет счастливо принять советскую миссию и разрешить советским техникам, желающим дополнить свое образование, пройти стажировку в некоторых из управлений министерства общественных работ».

441. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Польши в СССР Сокольницким

26 декабря 1933 г.

Сокольницкий пришел по поручению Бека благодарить за приглашение последнему в Москву *. Бек принимает это приглашение, но не может еще фиксировать времени приезда **. Лукасевич, который вернется в Москву дней через десять, вероятно, привезет нам эти сведения. Предложенную нами декларацию *** удобнее всего будет сделать во время его посещения Москвы. Тем временем Бек даст инструкции в Прибалтику о сохранении дела в секрете. Сокольницкий далее спрашивал, какой ответ мы получили от литовского правительства.

Я сказал, что литовское правительство дало положительный ответ, отнесясь сочувственно к нашему предложению. Сообщил я также имеющиеся у нас сведения из Латвии и Финляндии. Я предложил инструктировать наших представителей в Прибалтике обмениваться между собой информацией по этому делу [318].

Я выразил удовлетворение по поводу приезда г. Бека, высказав, однако, опасение, что в случае оттягивания этого визита трудно будет сохранить в секрете наше предложение и что придется поэтому подумать об ускорении декларации. Я сказал, что было бы неприятно, если бы Германия преждевременно узнала о декларации, выступила бы в Москве или в Варшаве с возражениями или даже протестом, после чего наша декларация приобрела бы более неприязненный для Германии характер, чем она имеет сейчас.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1963, стр. 150.

---

* См. док. № 431.

** Визит Бека в СССР состоялся с 13 по 15 февраля 1934 г.; см. газ. «Известия», 16 февраля 1934 г.

*** См. прил. к док. № 426.

442. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании М. В. Кобецкому

26 декабря 1933 г.

Посетите завтра министра или его заместителя и заявите, что в связи с праздниками Вы с запозданием пришли выполнить поручение Советского правительства выразить от его имени датскому правительству искреннее соболезнование по поводу смерти великого полярного исследователя Кнуда Расмуссена. Скажите, что его героические экспедиции сделали очень популярным его имя в СССР и что наши полярные круги глубоко скорбят о смерти Расмуссена.

Стомоняков

Печат. по арх.

443. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

27 декабря 1933 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич.

После сегодняшней телеграммы на имя т. Литвинова [319], в которой я характеризую состояние и перспективы торговых переговоров, мне, в сущности, остается очень мало добавить. Так как на протяжении последнего месяца англичане в Лондоне не обнаруживали никакой активности, а устраивали демарши Чилстона в Москве *, то мы считали более целесообразным спокойно выжидать, не желая у британской стороны создавать представление, будто бы мы нервничаем и торопимся с подписанием торгового договора. Думаю, что такая тактика была вполне правильной и не ослабила, а, наоборот, усилила наши позиции. Мне кажется, что эту тактику следует продолжать и впредь, если мы только не слишком заинтересованы по хозяйственным и всяким иным соображениям в срочном подписании соглашения. В Англии сейчас происходит постепенная эволюция около данного вопроса. Деловые, политические и журналистские круги лейбористского, либерального и отчасти даже консервативного толка, утомленные длительностью переговоров и опасающиеся укрепления наших экономических отношений с САСШ, давят на правительство, требуя скорейшего заключения договора. В самом правительстве по вопросу о сроке подписания договора также имеются некоторые разногласия. Задерживать подписание торгового договора и, стало быть, развитие советско-британской торговли

---

* См. док. № 408, 417.

только из-за интересов «Лена-Голдфилдс» — вещь малопопулярная даже среди английских консерваторов. Очень долго на такой позиции правительство не сможет держаться. Но, с другой стороны, правительство так сильно заангажировалось в своих публичных обещаниях (особенно глубоко увяз Саймон) концессионерам, что и психологически и политически ему отступать нелегко. По существу, речь идет о дипломатическом поражении форин офис и всего правительства в целом, а такие вещи роняют престиж государственных деятелей и перевариваются с трудом.

Между двумя указанными тенденциями — за и против немедленного подписания договора — в настоящее время идет упорная борьба, которая в конечном счете обещает закончиться в нашу пользу. Весь вопрос лишь во времени. Если мы можем ждать, то нам лучше сохранить прежнюю выжидательную позицию. Если нам важно срочно подписать договор, нам следует проявить активность и взять на себя инициативу возобновления переговоров. В частности, я мог бы, например, после возвращения Саймона (7—8 января) попросить с ним свидания и решительно поставить вопрос о необходимости покончить с тактикой кунктаторства.

Жду от Вас указаний [320]. Пока же мы здесь делали, делаем и будем делать все возможное для усиления влияния на британское правительство со стороны английской общественности *.

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

444. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
29 декабря 1933 г.

Только вчера был принят Бонкуром [321]. Он меня слушал с большим вниманием, задавал вопросы и делал первые замечания. Он согласился, что проект взаимопомощи ** представить должен он. Он одобрил перечень участников, но высказал серьезное сомнение относительно Бельгии, которая, по его мнению, без Англии не пойдет, аргументируя поведением Бельгии в Женеве при обсуждении французского проекта о взаимопомощи. Он не возражал против моих доводов в от-

* См. также док. № 447.
** См. также док. № 332, 390, 396.

ношении Румынии и Чехословакии. Хотя он приветствовал мысль о включении Прибалтики, но добавил, что в конце концов самое существенное — это СССР, Польша, Франция и Чехословакия. Пункт о помощи в случае других конфликтов ему не понравился. Особенно он возражал против материальной помощи, аргументируя тем, что помощь военным материалом может создать презумпцию участия в конфликте. В отношении прессы он сказал, что влияние может быть только минимальное в силу подверженности прессы разным сильным частным влияниям. Он, однако, подчеркнул, что как эти его замечания, так и последующие являются только первой реакцией, и просил не считаться с ними. Он меня сейчас только слушает, дискуссия начнется только после детального изучения сказанного мною. Касательно второй группы вопросов Бонкур обнаружил понимание оговорки в отношении арбитража; вопросы о мандатных территориях его омрачили, по всем же вопросам, связанным с исключениями или добавлениями, он заявил, что уже сейчас может отметить, что проведение их в жизнь потребует очень сложной и длительной процедуры, чего следовало бы избежать. Он обнаружил также понимание в отношении пункта о восстановлении нормальных дипломатических отношений. Записи он, несмотря на мои уговоры, не делал, сославшись на большую занятость, и сказал мне, что он предложит Леже свидеться со мной и сделать с моих слов запись, основное-де он усвоил, а потому, возможно, он даст некоторые указания Леже, который со мной поделится ими. Я призвал Бонкура к совершенной конфиденциальности, сославшись на разговор Аттолико с вами и на статью в «Фоссише цейтунг». Бонкур ответил, что Леже — могила, а кроме него, в аппарате МИД никто о переговорах ничего знать не будет. В заключение Бонкур заявил мне, что рассматривает мое сообщение как выражение серьезности намерения Советского правительства и приветствует его как большой шаг с нашей стороны навстречу предложениям французского правительства. «Мы с вами приступаем к великой важности делу, мы с вами начали сегодня делать историю».

В заключение Бонкур информировал меня о состоянии переговоров с немцами. Выработанный на малом совещании министров и одобренный кабинетом ответ немцам гласит, что французское правительство против довооружения Германии и за сокращение вооружения путем продолжения работ конференции по разоружению; что касается пакта о ненападении, то французское правительство считало бы его целесообразным только в том случае, если бы он не отнял ничего от существующих уже пактов (Версаль, Локарно), а, наоборот, добавил бы к ним что-нибудь. На это решение французского кабинета, по словам Бонкура, повлияло кроме этих обоих соображений

и его сообщение о твердости линии Советского правительства. Саймон сообщил Бонкуру, что английское правительство считает требования Германии о довооружении слишком высокими и неприемлемыми и что английское правительство, продолжая все же переговоры с германским правительством, заявило, однако, германскому правительству в общем резко по существу его требований. Таким образом, по словам Бонкура, английское правительство несколько выпрямило свою линию, которая, однако, продолжает еще существенно расходиться с французской. Бельгийская позиция ближе к английской, чем к французской. Поляки за то, чтобы прекратить всякие переговоры с немцами и на их довооружение ответить усилением вооружения. Резюмируя, Бонкур сказал: «Франция и СССР занимают одну твердую позицию. Англия и Бельгия колеблются, а Польша занимает свою особую позицию».

Бонкур извинился за задержку нашего свидания, сославшись на трехдневное отсутствие и большую занятость затем в связи с приездом Гиманса и Максимоса, совещаниями и заседаниями кабинета.

Моя встреча с Леже состоится, очевидно, уже после нового года *.

Довгалевский

Печат. по арх.

445. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану

29 декабря 1933 г., № 963

Господин Министр,

Согласно полученному мною сообщению, работа комиссии по расследованию пограничного инцидента в районе Тарахчи [322] закончилась безрезультатно.

Причиной этому явился образ действий афганской делегации, которая, отказываясь от разбора инцидента по существу, все время старалась выйти за пределы компетенции комиссии и поставить на ее обсуждение вопрос о пересмотре границы в данном районе и о принадлежности территории колодца.

Представленные советской делегацией неопровержимые доказательства о фактическом прохождении границы и о принадлежности колодца были голословно отвергнуты афганской делегацией, которая в то же время не представила со своей стороны никаких данных в пользу выдвигавшихся ею претензий.

---

* Беседа состоялась 4 января 1934 г.

Это поведение афганской делегации прежде всего коренным образом противоречит той договоренности о компетенции комиссии, которая была согласована между обоими Правительствами и которая определяла пределы компетенции комиссии исключительно расследованием инцидента, происшедшего в районе пограничного поста Тарахчи.

Пределы компетенции комиссии были с достаточной ясностью установлены в моих письмах к Вам от 7 октября за № 693 и от 25 октября за № 742, и Министерство Иностранных Дел в своей вербальной ноте от 13 ноября с. г. за № 3519/2913, посланной Полномочному Представительству СССР в связи с вышеупомянутым моим письмом к Вам за № 742, выразило согласие с тем определением компетенции комиссии, которое было дано мною и которое является точкой зрения Правительства СССР.

В силу имевшихся у советской делегации точных инструкций о пределах компетенции комиссии, советская делегация, в соответствии со своими полномочиями, должна была отклонить попытки афганской делегации поставить вопрос о пересмотре границы, продолжая настаивать на расследовании инцидента по существу. В ответ на это афганская делегация заявила, что считает работы комиссии прекращенными и уехала, причем отказалась подписать протокол.

В связи с изложенным я должен обратить Ваше внимание на образ действий афганской делегации, отказавшейся от объективного разбора инцидента; этот образ действий привел в результате к срыву работ комиссии, вина за который ложится исключительно на афганскую делегацию.

Ввиду всего этого я, по поручению моего Правительства, довожу до Вашего сведения, что Правительство СССР считает работу комиссии законченной и вопрос об инциденте в районе поста Тарахчи исчерпанным.

Вместе с тем Правительство СССР решительно настаивает на том, чтобы афганским пограничным властям было в срочном порядке дано указание об удалении от колодца афганских часовых.

Я должен также обратить Ваше внимание на то, что в дальнейшем никакие новые попытки афганских пограничных частей выставлять свои заставы на территории СССР допущены не будут.

Доводя до Вашего сведения все изложенное, прошу Вас, господин Министр, принять мои заверения в полном к Вам уважении.

Полномочный Представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

446. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

30 декабря 1933 г.

Вопрос о ликвидации дискриминации в отношении ввоза золота и кишок поднял перед госдепартаментом 13 декабря. На днях получил заверение, что вопрос будет вскоре разрешен. Ликвидация трудностей в связи с ввозом спичек, леса, аппатитов обсуждается казначейством [323].

Сквирский

Печат. по арх.

447. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Чилстоном

31 декабря 1933 г.

Чилстон поздравил меня с речью на сессии ЦИК *, высказал удовлетворение сказанному мною об Англии и выразил соболезнование по случаю смерти Луначарского. После этого он перешел к выполнению поручения английского правительства в связи с подписанием торгового соглашения и заявил следующее:

Английское правительство в ходе переговоров значительно отступило от своих первоначальных позиций, однако считало нужным настаивать на предоставлении Англии 50% тоннажа и на обязательстве закупок сельдей. Оно готово теперь от этих двух требований отказаться и удовлетвориться как заверениями Озерского, так и ст. ст. 2, 3 и 10 [324], но только при условии, если окажется возможным соглашение по остальным вопросам, а именно: о «Торгсине» и «Лена-Голдфилдс» **. Наше требование об оплате снабжения дипломатов иностранной валютой вообще необычно. Английское правительство согласно пойти на это, но хотело бы получить уверенность в том, что жизнь у нас не вздорожает и что мы не будем взимать накопляющихся за посольством пошлин по ввозу. Ввиду моего отказа дать удовлетворительное письменное заверение в области этого вопроса английское правительство предлагает присоединить к торговому соглашению одностороннюю декларацию английского правительства о том, что в случае изменения положения посольства в Москве в результате повышения цен «Торгсином» или взимания пошлин Англия резервирует

---

* См. прил. 2.

** См. док. № 30, 36, 56, 72, 286, 408, 443.

за собой право денонсации 5-й статьи соглашения, предусматривающей иммунитет торгпредства с оставлением в силе соглашения в остальных частях. Эта декларация будет считаться молчаливо принятой нами. Что касается «Лена-Голдфилдс», то английское правительство должно дать какое-нибудь объяснение в парламенте и поэтому желает получить заверение в том, что если «Лена» обратится в Главконцесском с заявлением, что она готова приехать в Москву и сделать новое предложение со сниженной суммой в ожидании, что Главконцесском со своей стороны предложит повышенную сумму, то получит на это положительный ответ Главконцесскома.

Я выразил удивление, что заключение торгового соглашения задерживается из-за таких пустяков. После моей последней беседы с послом * я виделся с руководителем Главконцесскома и выяснил, что он вполне одобряет мое заявление. Стало быть, если «Лена» напишет, что согласна послать представителя в Москву для переговоров, то Главконцесском на это изъявит согласие. Когда мы говорим о новом предложении Главконцесскома, то надо предполагать повышенную, а не пониженную сумму. Дело, стало быть, в порядке. Мы не можем согласиться на декларацию, подвергающую сомнению иммунитет торгпредства, так как в случае денонсации 5-й статьи, мы должны будем денонсировать все соглашение. Мы не сможем оставить в действии соглашение без иммунитета торгпредства. Декларация создаст впечатление, что либо Англия нам дает компенсацию за известные дипломатические привилегии, что ставит английское посольство ниже других миссий, получающих эти привилегии без компенсации, либо же мы даем компенсацию за иммунитет торгпредства, что для нас неприемлемо. Поскольку Англия имеет право денонсировать торговое соглашение с предупреждением за 6 месяцев, вообще непонятна необходимость декларации. Если действительно поднимутся цены «Торгсином» и английское правительство сочтет нужным из-за этого денонсировать торговое соглашение, то оно сможет сделать это без декларации. Мы не предполагаем взыскивать накопившихся недоимок пошлин по ввозу, но не желаем также отменять установленные лимиты, так как это могло бы иметь последствием спекуляцию со стороны некоторых миссий. Я предлагаю поэтому отказаться от мысли о декларации и приступить к скорейшему подписанию торгового соглашения.

Чилстон обещал передать мои соображения своему правительству.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. док. № 417.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Из доклада Председателя СНК СССР на IV сессии ЦИК СССР 6-го созыва *

26 декабря 1933 г.

III. О международном положении и наших задачах

Этот год был годом дальнейшего укрепления международных позиций Советского Союза. Факты говорят сами за себя.

Крупнейшим успехом внешней политики СССР является восстановление отношений с Соединенными Штатами Северной Америки *. Как известно, инициатива в этом деле принадлежала президенту Рузвельту. Правительство Союза охотно пошло этому навстречу **. Искусственные преграды, существовавшие не по нашей вине во взаимоотношениях между двумя крупнейшими государствами наконец устранены. Насколько восстановление отношений отвечало назревшим потребностям и глубоким желаниям народных масс не только СССР, но и Америки, видно уже из того, как тепло был встречен т. Литвинов широкими кругами населения в Америке.

Восстановление дипломатических отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами произошло на базе соглашения, целиком отвечающего основам советской внешней политики. Восстановление этих отношений создает благоприятные предпосылки для развития торгово-хозяйственных связей. Но в современной международной обстановке особенно важно, что установление этих отношений должно иметь большое положительное значение для дела стабилизации международных отношений в целом, для дела укрепления всеобщего мира. Мы не можем не видеть во всем этом серьезного успеха внешней политики, которую неизменно проводила Советская власть.

В центре нашего внимания стояли и по-прежнему стоят задачи борьбы за укрепление всеобщего мира. Мы не сомневаемся в том, что борьба за мир, борьба против новых империалистических войн отвечает глубочайшим стремлениям народных масс не только нашей страны, но и других стран. В обстановке, когда в международных отношениях все больше накапливается элементов для развязывания новых империалистических войн, когда об этом кричат факты бешеного роста вооружений и военных бюджетов, когда у всех на глазах идет там и тут прямая подготовка новых войн,— в этой обстановке правительство СССР ставило своей задачей всемерное усиление борьбы за мир, вопреки растущим агрессивным намерениям в правящих кругах некоторых стран.

И надо сказать, что в этом году советская дипломатия имела выдающиеся успехи. Открыто и решительно разоблачая агрессивные империалистические силы, противопоставляя им свои ясные предложения о осужде-

* См. док. № 362.
** См. док. № 315.

нием попыток силой оружия разрешать спорные между государствами вопросы, советская дипломатия с честью выполнила свою задачу. Напомним о нашем предложении всем странам на конференции по разоружению заключить пакт, направленный против нападающей стороны, направленный против поджигателей войны *. Известно, что оттяжка решения этого вопроса на конференции по разоружению не помешала нашей дипломатии добиться подписания соответствующего пакта, пакта об агрессоре (нападающей стороне), с целым рядом соседних государств, а именно: с Польшей, Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Румынией, Чехословакией, Турцией, Персией и Афганистаном **. Эти успехи советской дипломатии неразрывно связаны с именем т. Литвинова, заслуги которого широко известны, но здесь мы должны их особенно подчеркнуть. Уверен, что вся сессия будет приветствовать предложение, чтобы т. Литвинов выступил здесь с более подробным сообщением по вопросам международной политики ***.

Во взаимоотношениях со всеми странами Советский Союз неуклонно проводил испытанные принципы своей мирной политики и практического сотрудничества.

Прекрасным примером этого является развитие наших отношений с Турецкой республикой. Посещение Турции в праздник ее 10-летия правительственной советской делегацией во главе с т. Ворошиловым и исключительный прием, оказанный ей в дружественной нам стране, свидетельствуют о прочности и политическом значении советско-турецких отношений ****.

Нельзя также не отметить наличие новых, более благоприятных обстоятельств для развития деловых и культурных связей СССР с Польшей. Мы придавали и придаем этому большое политическое значение.

С другой стороны, благоприятно развивалось практическое сотрудничество СССР с Францией. Приезд виднейших французских деятелей в СССР *****, установление более тесного делового контакта между представителями обеих стран облегчили развитие этого сотрудничества в дальнейшем. Мы уверены, что наше сотрудничество с Францией вступило в новую стадию и имеет хорошее будущее.

Наконец, для развития отношений СССР с другими странами характерным примером является заключение с Италией договора о ненападении, нейтралитете и дружбе, а также восстановление дипломатических отношений с Испанией и Уругваем ******, что произошло по инициативе этих стран.

С другой стороны, в отношениях с Англией в этом году было временное обострение. По понятным причинам правительство Союза не могло мириться с попытками давления извне на нашу внутреннюю политику, и оно сумело отстоять свою позицию до конца. Но обострение, возникшее, как известно, в связи с судом по делу вредителей из «Метро-Виккерса», было через короткое время ликвидировано, и теперь ведутся нормальные торговые переговоры в Лондоне *******.

Наши взаимоотношения с Германией всегда занимали особое место в международных отношениях. Оставаясь верным своим принципам, принципам защиты всеобщего мира и независимости страны, СССР не имеет со своей стороны оснований к перемене политики в отношении к Германии. Однако со стороны правящих групп Германии делался за последний год ряд попыток к пересмотру взаимоотношений с Советским Союзом. Тенденции этого рода нетрудно видеть и, как говорят, невооруженным глазом.

---

* См. док. № 32.
** См. док. № 213, 218, 223, 253.
*** См. прил. 6.
**** См. док. № 326, 327, 330, 335, 346, 350, 355, 356.
***** См. док. № 281, 292, 297.
****** См. соответственно док. № 277, 258, 269.
******* См. док. № 105, 123, 212, 286.

Нет необходимости останавливаться на заявлениях господ Розенберга, Гугенберга и других, о которых достаточно говорилось и писалось. Одно для нас ясно — до последнего времени дружественные отношения между СССР и Германией покоились на базе их стремления к миру и развитию экономических отношений. Этим принципам мы полностью остаемся верны и теперь. Только в проведении их мы видели силу политического и экономического сотрудничества СССР и Германии, сотрудничества в интересах обеих стран и всеобщего мира. С другой стороны, политика идеологов воинствующего национал-социализма, вроде Розенберга и других, прямо этому противоположна. Поскольку эта политика насквозь пропитана реакционными вожделениями и захватническими империалистическими планами, она несовместима с укреплением дружественных отношений с СССР. И мы думаем также, что она несовместима с великим будущим Германии.

О наших взаимоотношениях с Японией сказано уже достаточно. Политика Советского правительства в этом вопросе ясна трудящимся массам не только нашей страны. Больших доказательств миролюбия этой политики, чем все те факты, которые так широко известны, начиная с нашего предложения заключить пакт о ненападении *, нашего твердого согласия на продажу КВЖД **, нашего внимательного отношения ко всем деловым вопросам, как, например, японские концессии на Дальнем Востоке *** и т. п.,— большего миролюбия никто и не может от нас требовать.

Это, впрочем, не мешает некоторым органам японской печати и некоторым официальным японским деятелям изо дня в день заниматься грязной стряпней всяких слухов об агрессивных намерениях СССР. Сегодня пустят сообщение о том, что мнимые «агенты ГПУ» устроили нападение на маньчжурской границе, завтра припишут вымышленным «агентам Москвы» организацию антияпонских кампаний в Китае, и сколько еще «уток» пускается с той стороны изо дня в день,— все это делается, конечно, только для прикрытия антисоветских вылазок и антисоветских провокаций своих же агентов. Чувствуя свою растущую изолированность, наиболее реакционные круги японской военщины особенно боятся того, чтобы установилось известное сотрудничество таких стран, как СССР, САСШ и Китай, против поджигателей войны на Дальнем Востоке. Они сами раздувают возможность такого сотрудничества и выдают себя с головой паническими опровержениями своих же выдумок. Они в ужасе перед гигантским ростом СССР и, теряя уверенность в себе, все более упорно твердят, что «сейчас самое удобное время...» ****.

Все это говорит о том, что мы не имеем права закрывать глаза на опасность войны, на опасность нападения. Надо ли говорить еще раз о том, что следует из этого для нас? Все необходимое об этом уже сказано. Наша задача: неуклонно продолжать свою политику мира на Дальнем Востоке и улучшения отношений с Японией, готовясь одновременно ко всяким возможным наскокам и осложнениям, от которых мы, к сожалению, не можем считать себя в данный момент гарантированными.

Что вопрос об опасности новых войн стал в этом году особенно актуальным, видно хотя бы из следующего факта. В течение этого года Германия и Япония заявили о своем выходе из Лиги наций. Германия сделала это, по-видимому, в связи с желанием развернуть свои вооружения. И одним из стеснений в этом деле она признала свое участие в Лиге наций. С другой стороны, Япония сделала заявление о выходе из Лиги наций в связи с желанием полностью развязать себе руки в китайской интервенции. Случилось так, что даже Лига наций в известной мере стала на пути «свободы» действий интервентов. В связи с этим известная тормозящая роль Лиги наций в отношении рвущихся к войне сил должна быть признана как положительный факт. Как ни различны указанные поводы к вы-

* См. т. XIV, док. № 401.
** См. док. № 141, 172.
*** См. т. VIII, прим. 163.
**** Многоточие текста документа.

ходу из Лиги наций, нельзя не считаться с тем основным обстоятельством, что значение этих актов отнюдь не в содействии укреплению дела всеобщего мира, а, наоборот, в развязывании агрессивных сил самого реакционного толка.

Тем с большей решительностью и последовательностью мы будем защищать дело мира и разоблачать все и всякие попытки ускорения новых империалистических войн и новых нападений на СССР, используя для этого все возможности данного момента. При этом наша первейшая задача заключается в том, чтобы трудящиеся массы знали действительное положение СССР в современном капиталистическом окружении, чтобы широкие массы рабочих и крестьян отдавали себе правильный отчет как в основных фактах, создающих угрозу делу мира, так и в тех фактах, которые укрепляют наши мирные позиции и дело всеобщего мира.

Господствующие классы капиталистических стран никогда не стремились и не могут стремиться к тому, чтобы народные массы действительно знали действительное положение своих стран и действительную внешнюю политику их правительств. В наше время этого особенно не терпят господа из реакционно-фашистского лагеря, мечтающие об империалистических захватах. Но в конце концов на этом они и сломят себе шею. Только Советская власть, опирающаяся на беззаветную поддержку рабочих и крестьянских масс, видит в сознательном отношении масс к делу мира свою важнейшую задачу и обязанность. И в этом наша величайшая сила. Когда рабочие и крестьяне знают, за что они борются, когда они знают, для чего нужны их усилия и жертвы, тогда никакие трудности им не страшны, тогда они — непобедимая сила.

Вот почему мы, большевики, идем вперед с непоколебимой верой в свое дело.

Товарищи, мы стоим накануне XVII партийного съезда, вокруг которого теперь идет широчайшая мобилизация рабочих и колхозных масс для борьбы за новые успехи социализма в СССР. Мы стоим сейчас накануне исторического съезда, подготовка которого служит новым поводом для дальнейшего сплочения рабочего класса и колхозной массы деревни вокруг нашей партии, вокруг нашего Центрального Комитета, вокруг вождя нашей партии т. Сталина.

Подготовка к XVII съезду партии сопровождается дальнейшим развертыванием соревнования в рабочих и крестьянских массах и выражается в могучем стремлении масс и отдельных групп рабочих и колхозников отметить свою преданность делу партии, делу Советской власти новым трудовым подъемом, новыми усилиями и успехами в борьбе за социализм. Это соревнование направлено на то, чтобы добиться ускорения выполнения решений партии и правительства, ускорения выполнения программы подъема нашего хозяйства. Под руководством нашей партии во главе с т. Сталиным рабочий класс вместе с колхозными массами деревни справится со всеми трудностями, преодолеет любые препятствия на своем пути и с честью выполнит поставленные перед ним народнохозяйственным планом задачи.

Печат. по кн. «4-я сессия ЦИК Союза ССР 6-го созыва. Стенографический отчет. 28 декабря 1933 г.— 4 января 1934 г.», бюллетень № 1, М., 1934, стр. 27—32.

2. Выступление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова на IV сессии ЦИК СССР 6-го созыва

29 декабря 1933 г.

Товарищи члены Центрального Исполнительного Комитета, Председатель Совета Народных Комиссаров в рамках своего общего доклада дал вам краткую характеристику международного положения *, и мне остается

* См. прил. 1.

лишь сделать дополнительное сообщение на ту же тему и несколько подробнее развить затронутые им положения.

Я выступаю перед вами, товарищи, в момент кипучей деятельности и повышенной активности международной дипломатии. Не касаясь ее качественных показателей, можно утверждать, что эта активность вызывается происшедшими или происходящими значительными сдвигами в международных отношениях, международных группировках и созреванием и оформлением новых дипломатических планов и комбинаций. Если можно говорить о дипломатических эрах, то мы, несомненно, стоим сейчас на стыке двух эр.

Чтобы ответить на вопрос, что именно случилось или что происходит сейчас в международной жизни, я позволю себе остановиться вкратце на развитии этой жизни за последние 15 лет. Мы с вами, товарищи, знаем природу капиталистических государств, природу империализма, его внешние задачи и функции. В основном эти задачи и функции не меняются. Меняется лишь тактика осуществления этих задач в применении к исторически меняющимся конъюнктурам, и эту меняющуюся тактику и принято называть дипломатией. Основная черта капиталистического, а в особенности империалистического, государства состоит в том, что оно ставит себе внешние задачи, осуществление которых оно не мыслит себе без применения силы, без войны. Если требовалось лишнее доказательство этому, то мы его получили в ответе, который дан был в Женеве на наше предложение о полном разоружении, о полном уничтожении средств войны *. Нам там ответили, что об отказе от войны не может быть и речи, что временно можно говорить о мире, но что к войне надо готовиться всегда. Такой ответ нам давали и до и после всеобщего подписания пакта Келлога — Бриана **, который как будто изгоняет войну в качестве метода разрешения международных споров. Но не все капиталистические государства во всякое время или всегда с одинаковой силой хотят войны. Любое, самое империалистическое государство на том или ином отрезке времени может стать глубоко пацифистским. Это бывает, когда оно либо потерпело поражение в войне — и ему требуется некоторое время для того, чтобы собраться с силами для новой войны, либо когда ему противостоит более сильное государство или группировка государств — и общая политическая конъюнктура ему неблагоприятна, либо же, когда оно пресытилось победами и завоеваниями, и ему нужно некоторое время для освоения этих завоеваний. Бывают и другие факторы, отбивающие охоту к войне, как, например, внутренние неурядицы, экономическое бессилие и т. п.

После мировой войны, в которой участвовало около 40 государств, в том числе все без исключения крупные державы, весь капиталистический мир стал на время пацифистским. Пацифизм побежденных стран, у которых отняли почти все средства для ведения войн, объяснять не приходится, но и страны-победительницы, удовлетворив в значительной части свои империалистические вожделения, не были до поры до времени заинтересованы в дальнейших войнах. Правда, оставались неустраненными капиталистические противоречия между самими странами-победительницами, но они были слишком истощены, чтобы сразу решиться на новые войны. Они попытались было обратить остаток своей военной энергии против выросшей новой международной силы в лице Советских республик, но для этой войны оружие их оказалось притупленным, и они благоразумно и своевременно поспешили военную дискуссию с нами прекратить. К тому же в капиталистических государствах стал приходить в себя от военного гашиша пролетариат и предъявлять к оплате векселя, выданные ему буржуазией во время войны. Война вызвала сильную реакцию и антивоенные настроения и среди мелкой буржуазии. Далее явилась необходимость привести несколько в порядок расшатанные войной финансы и экономику.

---

* См. т. XI, док. № 45, 98; т. XV, док. № 62.
** См. т. XI, док. № 288.

Все это, вместе взятое, и создало эру буржуазного пацифизма и пацифистской дипломатии, длившуюся до самого последнего времени. Имело место бесчисленное количество международных встреч и конференций, была создана Лига наций, организовывавшая встречу министров иностранных дел и премьер-министров по нескольку раз в году. Эти встречи и конференции происходили публично под контролем общественности, и на них говорилось только о мире и дружбе между народами. Не было недостатка, конечно, и в закулисных встречах и секретных разговорах, но они носили «нелегальный», «подпольный» характер. Во всяком случае, 12 лет усердно говорили и писали о мире и разоружении и составляли проекты соответствующих конвенций.

А пока министерства усердно говорили о мире, военные и морские министры и генеральные штабы тоже не бездействовали и столь же усердно пополняли истощенные войной запасы оружия, амуниции, прибавляя к ним продукты новых военных изобретений. Тем временем межгосударственные капиталистические противоречия расширялись, углублялись, заострялись и стали все громче давать о себе знать. Разразившийся с небывалой силой и продолжительностью экономический кризис еще больше заострил существовавшие противоречия, прибавив к ним новые. Социал-демократические партии, руководимые II Интернационалом, поверившие во всемогущество и вечность буржуазной демократии и ее способность охранять мир и отказавшиеся поэтому и отучившиеся от всякой революционной борьбы с буржуазией, оказались в некоторых странах выбитыми из всех своих позиций. Вместе с этими партиями потерпела большой урон и радикальная интеллигентская и пацифистская часть мелкой буржуазии. К тому же выросло новое поколение людей, не знавшее и не испытавшее ужасов мировой войны и не зараженное поэтому теми антивоенными настроениями, которым правительства должны были до последнего времени платить некоторую, хотя бы словесную, дань пацифизма. Да и невозможно было дальше эту дань уплачивать, ибо слишком резко противоречили ей действия правительств. И вот эра буржуазного пацифизма кончилась. Буржуазная пресса вместо проблем мира стала открыто обсуждать проблемы войны во всех их отвратительных деталях. В Женеве и на дипломатических встречах и совещаниях вместо разоружения центральное место заняли вопросы вооружения или довооружения. Там, где старые правящие партии и клики не успели перестроиться в соответствии с новым военным духом времени, или на смену пришли новые партии, новые клики, новые люди с новой идеологией, не запятнанной и не скомпрометированной в прошлом никаким пацифизмом. Любая форма пацифизма, стремление к международному миру объявляются воплощением всех смертных грехов, предательством идеалов человечества. Настоящие идеалы человечества, видите ли, это вечная борьба между народами, между расами, между религиями, их взаимное истребление. Только война может вновь облагородить, обновить и омолодить человечество. В этом духе должно воспитываться юношество. Этому учению должны служить монопольно печать, литература, наука и искусство. Эта новая идеология, правда, пахнет весьма отдаленной старизной, отдает плесенью средних веков, воскрешает образы и методы святой инквизиции, но ради ее торжества, во имя этой новой «цивилизаторской миссии» объявляется поход против марксизма, против коммунизма, против радикализма.

Чтобы не расширять рамок сообщения, я позволю себе не останавливаться здесь на социальной природе и составе этих новых партий и на экономических причинах их появления, ибо это непосредственно к теме моего сообщения не относится.

Борьба с мировым коммунизмом это, однако, скорее показная или отдаленная цель. Под прикрытием этой борьбы имеется в виду осуществление более скромных, узко национальных задач, носящих в огороженном виде название ревизии договоров и захвата земель как упомянутых, так и

не упомянутых в договорах, подлежащих ревизии. Достаточно ознакомиться с литературой поборников «новой» идеологии, чтобы убедиться, что если фортуна войны им улыбнется, то они не будут очень разборчивы, не будут ограничиваться исключительно территориями, находящимися под контролем ненавистных им марксистов, но не откажутся от прирезки и буржуазных земель и, может быть, даже таких, где господствуют родственные им идеи. Так обстоит дело, по крайней мере, с одной из европейских стран.

Есть и другая страна, которая оказалась еще более «передовой» или, может быть, более подготовленной и которая, не прибегая к сложной идеологии и к теоретической подготовке, ревизию договоров сразу заменила ревизией границ и эту ревизию поручила не дипломатам, а своим генералам, под предводительством которых целые армии свободно маршируют по необъятному азиатскому материку во всех направлениях, не считаясь ни с какими границами и ни с чьими правами. Впрочем, без некоторой идеологии не обходится дело здесь тоже. Но эта идеология еще не окончательно выкристаллизовалась, носит она несколько робкий, пробный характер, принимая форму защиты не то европейской «цивилизации» против коммунизма, не то теории новой, общеазиатской расы, которая должна быть облагодетельствована господством над ней авторов этой теории. Но и в данном случае идеология прикрывает весьма прозаические национальные, завоевательские, империалистические цели. Не приходится удивляться намечающемуся политическому сближению между защитниками охарактеризованных мною двух новых идеологий, имеющих общие корни и одинаковые цели.

Я считаю нужным заранее разъяснить тем, кто вздумал бы благородно возмущаться моей откровенной критикой теорий, воплощаемых в политике некоторых стран, с которыми мы поддерживаем нормальные дипломатические отношения, что они сами достаточно злоупотребляют своим правом иметь открытое суждение о нашем коммунизме, который они к тому же искажают, чтоб и я мог позволить себе высказать некоторые замечания о проповедываемых ими теориях, сущность которых всем теперь понятна и пользуется во всем мире довольно сомнительной популярностью.

Я дал вам, товарищи, основные характеристики той новой эры дипломатии, о которой я говорил в начале своего сообщения. Новым задачам дипломатии должны соответствовать и новые формы. Вот почему более или менее открытые и гласные международные конференции оказываются уже устарелым методом международного общения, уступая место более ограниченным, негласным встречам четырех, трех и двух министров, а от существующих международных организаций отворачивается одно государство за другим. О мире, о разоружении можно говорить публично, о войне, о вооружениях удобнее говорить с глазу на глаз, втроем или вчетвером.

Вы получили бы, однако, неправильное представление о международном положении, если бы на основании мною сказанного вы думали, что все капиталистические государства стремятся сейчас к войне и непосредственно ее подготовляют. Далеко нет. Наряду с весьма немногими странами, которые либо уже заменили дипломатию военными операциями, либо, еще будучи к этому не подготовлены, собираются это делать в недалеком будущем, есть такие, которые пока еще подобных задач себе не ставят. У них есть свои противоречия с другими странами, которые они не рассчитывают устранить иначе, как войной. Но эти противоречия еще не достигли такой остроты, чтобы война считалась актуальной. Считая, однако, войну неизбежной и неустранимой и, с другой стороны, не будучи слишком заинтересованы в сохранении всеобщего мира, они не хотят связывать себе рук и избегают по возможности обязательств, которые излишне, по их мнению, упрочивали бы мир, как пакты о ненападении, определение агрессии и т. п. Они, может быть, ничего не имели бы против маленькой

драки между третьими государствами, в которую они сами не были бы вовлечены и из которой они могли бы извлечь некоторую выгоду, в особенности если бы от таких драк мог пострадать наш Союз.

Есть, наконец, и такие буржуазные государства — и их не мало,— которые на ближайший отрезок времени заинтересованы в ненарушении мира и готовы направлять свою политику в сторону защиты этого мира. Я не вхожу в оценку мотивов этой политики и констатирую лишь факт, который для нас весьма ценен.

Я взял, конечно, лишь основные группировки государств, борьба между которыми заполняет в настоящее время международную арену. Эту борьбу легко проследить во всех международных явлениях, на всех конгрессах, конференциях, в международных организациях. В Лиге наций эта борьба принимает наиболее рельефные формы. Можно допустить, однако, что в Лиге наций побеждает как будто то течение, которое заинтересовано в сохранении мира, и этим, может быть, объясняются те глубокие изменения, которые наметились в составе Лиги. Ревизия договоров, разоружение, довооружение, пакт четырех, реорганизация Лиги — все это проявления и функции борьбы между охарактеризованными мною тремя основными группировками государств.

Вот, товарищи, та сложная международная обстановка, в которой приходится действовать советской дипломатии. Ответственность нашей дипломатии велика и становится все больше, ибо все или почти все названные мною международные проблемы задевают или могут задевать интересы нашего Союза. Взять хотя бы, например, ревизию договоров. Этот вопрос нас как будто не касается, ибо мы в соответственных договорах не участвовали, не участвовали не только формально, но и морально. Мы их не одобряли. Более того, мы не скрывали своих симпатий к тем народам, в отношении которых в этих договорах были совершены явные несправедливости, и не нам поэтому возражать против ревизии этих договоров, но, конечно, только в том случае, если эта ревизия может иметь место мирным путем, на основе добровольных соглашений, и если, устраняя существующие несправедливости, она не создает других и, может быть, еще больших несправедливостей. Но на самом деле известны и такие проекты «справедливой» ревизии договоров, которые предусматривают удовлетворение территориальных аппетитов пострадавших государств за счет таких стран, как, например, прибалтийские или даже СССР, которые к Версальскому договору отношения не имеют и никаких несправедливостей никому не причинили. Не знаю, готтентотское ли это представление о морали и справедливости или иное, во всяком случае, оно не арийского происхождения. Но независимо от ее происхождения, при осуществлении подобной морали пришлось бы иметь дело со всей мощью нашего 170-миллионного государства. Во всяком случае, благодаря появлению таких проектов мы, помимо воли, оказываемся втянутыми в проблему так называемой ревизии договоров, чем определяется в значительной мере наше отношение и к другим упомянутым мною международным проблемам, как довооружение, «пакт четырех» и др.

Руководящая нить нашей внешней политики завязана в краткой, но выразительной формуле т. Сталина: мы чужой земли не хотим, но мы ни одного вершка своей земли не отдадим. Раз мы не хотим чужой земли, то мы не можем хотеть войны. А что касается нашей земли, то мы имеем полную возможность отстаивать ее и даже подступы к ней нашими мощно растущими военными силами. Эти силы могли бы отучить любого нашего близкого или дальнего соседа от вылезания из собственных границ на десятки лет, но это было бы непроизводительной тратой средств и энергии, отвлекло бы нас на время от основной нашей задачи по строительству социализма, и мы поэтому делаем все возможное для отстаивания нашей территории мирными средствами, если это и не является радикальным средством устранения грозящей нам агрессии. Мы полагаем, что даже

военные действия, начатые не непосредственно у границ нашего Союза, могут создать грозные для нас опасности. Вот почему мы не только продолжаем, но и усиливаем нашу борьбу за мир, которая составляла и составляет основную задачу нашей дипломатии. Как правильно отметил т. Молотов, эта борьба отвечает желаниям народных масс всех стран.

Мы расширили за последний год систему пактов о ненападении. Мы имеем теперь пакты о ненападении, вступившие в силу, не только со всеми нашими соседями*, за исключением Японии и Китая, но и с Францией и Италией**. Мы сделали дальнейший шаг в направлении усиления значения и эффективности пактов о ненападении, предложив исчерпывающее определение самого понятия «нападение»***. Это наше предложение воплощено уже в соглашениях со сплошной целью наших соседей от Финляндии до Афганистана и со всеми теми странами Малой Антанты****. Данное нами определение агрессии является, по всеобщему признанию, ценным вкладом в науку о международном праве, а также в международную практику, и к тому же представляет отличный способ проверки отсутствия или наличия у государств агрессивных, завоевательских стремлений. Мы поэтому будем бороться за всеобщее признание этого определения.

Обеспечение мира не может зависеть только от одних наших усилий и требует сотрудничества и содействия других государств. Стремясь поэтому к установлению и к поддержанию дружественных отношений со всеми государствами, мы уделяем особое внимание укреплению отношений и максимальному сближению с теми из них, которые, как и мы, дают доказательства своего искреннего стремления к сохранению мира и готовы оказывать противодействие нарушителям мира. Мы никогда не отказывались и не отказываемся от организованного международного сотрудничества, имеющего своей целью укрепление мира. Не будучи доктринерами, мы не отказываемся от использования тех или иных существующих или могущих образоваться международных объединений и организаций, если у нас есть или будут основания рассчитывать на их служение делу мира.

В свете мною сказанного вы легко поймете, товарищи, значение развития наших отношений с отдельными странами.

Соединенные Штаты

Я начну с события, в хронологическом порядке последнего в этом развитии, но по своему значению занимающего в нем одно из первых мест, а именно с восстановления отношений с великой заатлантической республикой. В течение 15 лет эта республика, единственная из крупных держав, упорно отказывалась не только признать формальные отношения с Советским Союзом, но и признать его существование. Она, таким образом, формально не хотела признать факт Октябрьской революции и вызванных ею на протяжении [существования] нашего Союза изменений, и для нее продолжало еще существовать где-то вне пространства Временное правительство Керенского, с агентами которого она продолжала сноситься официально до самого последнего времени. Упорствовала она не потому, что у нее были большие государственные споры с нами, чем у других стран, или что она больше других пострадала от революционного законодательства. Нет, она, по существу, продолжала борьбу, провозглашенную всем капиталистическим миром после Октябрьской революции против новой советской системы государства, поставившей себе целью создание социалистического общества. То была борьба против мирного сосуществования двух систем. Наблюдая, как ее соратники по этой борьбе — другие капиталистические государства — один за другим покидали фронт, Америка как будто говорила им: я вас понимаю, вы слабы, вы расшатаны, вы несете большие жертвы и должны поэтому борьбу покинуть, но я достаточно сильна, чтобы одна продолжать борьбу за вас всех. 15 лет она стойко держалась на своей позиции, но в конце концов теперь борьбу прекратила. Вот почему, товарищи, в моем обмене с президентом Рузвельтом письмами от 16 ноября* должно видеть не просто еще одно признание нас великой державой, но и падение последней позиции, последнего форта в том наступлении на нас капиталистического мира, который принял после Октября форму непризнания и бойкота. И чем дольше держался этот форт и чем обдуманнее и сознательнее действовали его защитники, тем больше должно быть наше удовлетворение от восстановления отношений с Америкой. Перестав же действовать в качестве застрельщика всего капиталистического мира и вступив в первый контакт с нами, Америка сразу убедилась, что в национальном или государственном разрезе противоречия между нею и нашим Союзом отсутствуют, а спорные вопросы легко разрешимы. Более того, будучи сама заинтересована в сохранении мира, Америка узидела в контакте с нашим Союзом могучий фактор сохранения этого мира и соответственно оценила сотрудничество с нами в этом направлении. Мы, со своей стороны, также оцениваем восстановление отношений с Америкой в первую очередь с точки зрения значения этого события для дела мира. Попутно могу отметить, что те основные принципы и положения, которые мы последовательно проводили при восстановлении отношений с капиталистическими странами, нам удалось и в данном случае отстоять в полной неприкосновенности. Это обстоятельство, т. е. отсутствие каких-либо жертв с обеих сторон, является в немалой мере залогом дальнейшего углубления отношений. Откровенный обмен мнениями между президентом Рузвельтом и мною убедил нас обоих в абсолютной возможности самых тесных отношений между нашими странами. Надо отдать справедливость проницательности президента Рузвельта, что он вскоре после прихода к власти, а, может быть, еще до этого, убедился в бесплодности дальнейшей борьбы с нами во имя капитализма и в пользе сношений с нами во имя американских государственных интересов, интересов международного мира.

Турция

Образцом отношений с иностранными государствами мы считаем наши отношения с великой Турецкой республикой. В течение свыше десяти лет эти отношения улучшались из года в год, достигнув истинной дружбы, давая полное удовлетворение обеим сторонам и внушая им чувство полной безопасности за участок границы, пролегающий между ними. Политика дружбы и взаимного доверия создает почву для плодотворного сотрудничества и на международной арене. Каждая сторона, выдвигая предложение, направленное к упрочению мира, может заранее рассчитывать на поддержку и содействие другой стороны. Мы рады, в частности, отметить содействие, оказанное нам Турцией и ее министром иностранных дел Тевфиком Рюштю-беем при введении в международную жизнь определения агрессии**. Посылка нашим правительством делегации во главе с наркомвоенмором т. Ворошиловым в Турцию на празднование десятилетия новой республики*** и сердечный, восторженный прием, оказанный ей не только главой республики и правительством, но и народом, явились новым внешним проявлением той глубокой внутренней дружбы, о которой я сейчас говорил. Я могу лишь выразить сожаление, что, вследствие своей поездки в Америку, я лишен был удовольствия лично принять участие в этой манифестации. Если бы все народы могли установить между собою подобные отношения, то проблема мира была бы разрешена.

---

* См. т. XV, док. № 32, 67, 201, 300.
** См. т. XV, док. № 456, и док. № 277 настоящего тома.
*** См. док. № 32.
**** См. док. № 213, 218, 220, 253.

* См. док. № 662.
** См. док. № 150.
*** См. док. № 326, 327, 330, 335, 348, 350, 353, 370.

Франция

Говоря о постепенном значительном улучшении отношений с другими государствами, мы должны раньше всего вспомнить о Франции. После подписания пакта о ненападении * наши отношения с Францией за последний год быстро и далеко шагнули вперед. Этому содействует как отсутствие каких-либо государственно-политических противоречий между нами, так и в особенности общее нам желание активно работать в пользу сохранения всеобщего мира. Мы имеем преимущество постоянства правительства и постоянства внешней политики, между тем как во Франции часто происходят смены правительств с возможными изменениями политической ориентации. Поскольку, однако, французский народ искренне желает мира, а это желание и есть то, что нас объединяет с Францией, мы не должны особенно опасаться, что смена правительств помешает успешному развитию близких отношений. Недавний приезд в Союз одного из самых выдающихся и ярких представителей французского народа, отражающего его миролюбивые настроения, г. Эррио [168], и последовавший затем официальный визит представителей французской авиации во главе с министром авиации г. Пьером Котом [218] дали новый толчок советско-французскому сближению. Хочу думать, что все это только промежуточные этапы дальнейшего движения отношений по восходящей линии, и я уверен, что это движение будет ускоряться по мере накопления элементов, угрожающих миру. Следует, однако, отметить, что наши отношения с Францией нуждаются в некотором экономическом базисе, который, я надеюсь, будет создан предстоящим заключением торгового соглашения **.

Италия

Особой устойчивостью продолжают отличаться наши отношения с Италией. В течение 10 лет эти отношения не подвергались никаким колебаниям, никаким испытаниям ни в политической, ни в экономической области. Мы имели за это время немало случаев ценного дипломатического сотрудничества Италии. Пользовались мы также в некоторых областях нашего строительства итальянским техническим сотрудничеством. Развивались и экономические отношения ко взаимной выгоде. Мой недавний визит в Италию *** и оказанный мне там прием свидетельствуют о стремлении обеих стран развивать в дальнейшем свои взаимоотношения во всех областях, и к этому заключению мы пришли с главой итальянского правительства г. Муссолини после обмена мнениями по вопросам текущей политики и о наилучших методах сохранения всеобщего мира. Наше стремление одновременно поддерживать и развивать отношения со всеми крупными странами является немалым вкладом в дело всеобщего мира.

Великобритания

Это наше стремление, к сожалению, еще не осуществилось или не вполне осуществилось в отношении другой крупной державы — Великобритании. Наши взаимоотношения с ней, к сожалению, не могут похвастать устойчивостью и постоянством. Это отнюдь не вызывается какими-либо объективными причинами, и я уверен, что английский народ в целом желает жить в полном мире и дружбе с нами, но там имеются элементы, все еще погруженные в сладкую мечту о той общей капиталистической борьбе против страны социализма, от которой только что отказалась Аме-

---

* См. т. XV, док. № 456.
** Соглашение было подписано 11 января 1934 г.
*** См. док. № 405, 412.

рика. Не только уничтожить, но и расшатать страну социализма они не могут, и поэтому, при всей известной практичности и здравом смысле англичан, приходится удивляться, что среди них находятся еще такие доброхотствующие снайперы и партизаны. Поскольку это от нас зависит, мы готовы и хотели бы иметь с Великобританией такие же хорошие отношения, как с другими странами. Мы отдаем себе отчет в том, что искренние и хорошие отношения между крупными державами являются не только необходимым условием, но и гарантией всеобщего мира. В ближайшее время ожидается подписание временного торгового соглашения *, которое, устранив некоторые недоразумения, будем надеяться, сделает возможным лучшие отношения между нами и Великобританией.

Польша

Наиболее серьезное внимание мы уделяем, конечно, отношениям с нашими ближайшими соседями, в особенности с крупнейшим из них — с Польшей. И здесь мы можем отметить значительный прогресс. Заключение пакта о ненападении и конвенции об определении агрессии не могло не усилить взаимного доверия и взаимного понимания. Имевшие место за последний год политические пертурбации в Европе создали общность интересов, вытекающих из общей опасности, из общих забот. Если бы мы и Польша сами не сознавали общности этих забот, то их нам подсказывают те, кто эти заботы нам причиняет. Общие заботы и общие опасности являются лучшим цементом, связывающим государства. Нас особенно радуют те сдвиги, которые мы наблюдаем в отношении польской общественности к нашему Союзу, и эти сдвиги свидетельствуют о том, что и широкие круги польской общественности постепенно приходят к тому убеждению, которое мы имели издавна, что между соседними Советским Союзом и Польшей возможно и должно быть самое тесное сотрудничество и что не существует никаких объективных причин, препятствующих его развитию. Из этого убеждения вырастает потребность в культурном сближении, и истекающий год был свидетелем немалых проявлений этого сближения **.

Прибалтика

Сказанное мною о значении договоров о ненападении и об определении агрессии для наших отношений с Польшей применимо также и к нашим отношениям с остальными ближайшими нам западными странами, подписавшими означенные соглашения: с Финляндией, Эстонией, Латвией и Литвой. Эти страны все больше проникаются убеждением в нашем абсолютном миролюбии, доброжелательности к ним и заинтересованности в сохранении ими полной экономической и политической независимости. Но мы не только заинтересованы, но и озабочены этим. Мы следим не только за явлениями, представляющими для этих стран внешнюю опасность, но и за развитием внутренних политических процессов, которые могут способствовать потере или ослаблению независимости. С Латвией мы недавно заключили новый торговый договор ***, а с Эстонией возобновили прошлогоднее экономическое соглашение [325], что, мы надеемся, будет также содействовать устойчивости наших взаимоотношений с этими соседями.

---

* Соглашение было подписано 16 февраля 1934 г.
** См. док. № 282, 372.
*** См. док. № 403.

Персия и Афганистан

К Лондонской конвенции об определении агрессии присоединились также наши восточные соседи — Персия и Афганистан, с которыми мы связаны также пактами о ненападении. Поездка замнаркома т. Карахана в Персию* и оказанный ему весьма сердечный прием дали возможность проверить наши взаимоотношения с Персией и установить их неизменно дружественный характер.

Малая Антанта

Мы подписали в Лондоне конвенцию об определении агрессии также со всеми тремя странами Малой Антанты, с которыми у нас еще нет нормальных отношений. То обстоятельство, что этот акт был совершен, несмотря на то, что с одной из этих стран — с Румынией — не разрешены еще старые споры, только увеличивает значение его. Этот акт является, несомненно, выразителем общности некоторых интересов между всеми его участниками, а эти интересы состоят в их общем стремлении к умиротворению Европы. Такая общность интересов является достаточной базой и открывает возможности для дальнейшего сближения, без чего Лондонская конвенция не может давать свой полный эффект.

Другие страны

Нормально поддерживались и развивались наши отношения с другими странами: со Швецией, с которой завязывались все новые экономические связи, с Данией, Норвегией, Австрией и Грецией. Мы охотно приняли предложение Уругвая о фактическом осуществлении** решенного еще несколько лет тому назад восстановления дипотношений***. Уругвайский посланник уже находится по пути в СССР, и нами принимаются также меры к посылке нашего полпреда в Уругвай.

Возобновление отношений с Испанией**** отметил уже т. Молотов. К великому нашему прискорбию, нашему первому полпреду в Испании А. В. Луначарскому, собиравшемуся провести большую работу по культурному сближению наших народов с испанским, не суждено было вступить в отправление своих обязанностей. Еще месяц тому назад, уже обреченный, но не сознававший еще серьезности своей болезни, Анатолий Васильевич со свойственным ему увлечением развивал передо мной свои широкие планы работы по этому сближению. Для нас поэтому особенно чувствительна утрата, понесенная со смертью т. Луначарского, в лице которого мы лишились большого и талантливого работника. Я думаю, что эта утрата также чувствительна для всего нашего Союза, и я предлагаю ЦИК почтить его память вставанием.

Китай

С большим удовлетворением отмечаю, что год тому назад полностью восстановлены нормальные дипломатические отношения между нами и великой Китайской республикой*****. Нами принято предложение китайского правительства о заключении пакта о ненападении, проект какового нами представлен****** и находится на обсуждении китайского правитель-

---

* См. док. № 307, 338, 813.
** См. док. № 529.
*** См. т. IX, док. № 258.
**** См. док. № 256.
***** См. т. XV, док. № 482.
****** См. док. № 319.

ства. К сожалению, Китаю все еще приходится страдать как от нашествия внешнего неприятеля, так и от глубоких внутренних распрей. Строго следуя политике невмешательства во внутренние дела Китая, мы следим за его борьбой за независимость и национальное объединение с величайшей симпатией.

Делая обзор наших отношений с внешним миром, я отнюдь не упустил из виду таких крупных государств, как Германия и Япония. Я им уделяю особое место в своем обзоре именно потому, что они занимают очень большое место во внешней политике Советского Союза. Самая последняя фаза развития отношений между этими двумя странами позволяет надеяться, что они не будут на меня в претензии за то, что я вношу их за общую скобку. Если не ошибаюсь, они даже признали между собой расовую общность. Это стало вполне возможным с тех пор, как раса перестала быть этническим и антропологическим понятием и стала чем-то вроде названия боевой организации.

Германия

В течение десяти лет нас связывали с Германией тесные экономические и политические отношения. Мы были единственной крупной страной, не желавшей иметь ничего общего с Версальским договором и его последствиями. Мы отказались от прав и выгод, которые этот договор резервировал за нами. Германия заняла первое место в нашей внешней торговле. Из установившихся отношений, политических и экономических, извлекались чрезвычайные выгоды как Германией, так и нами. Опираясь на эти отношения, Германия могла смелее и увереннее разговаривать со своими вчерашними победителями. Ей удалось освободиться от некоторых наиболее тяжелых последствий Версаля. Она искала сближения со всеми вчерашними победительницами, хотя это ей не всегда удавалось. Она заключила с Францией Локарнский договор, который является не чем иным, как пактом о ненападении и даже больше, поскольку там имеются посторонние поручители. Она в Локарно же заключила с Польшей арбитражный договор, который тоже является не чем иным, как пактом о ненападении. Германия вступила в Лигу наций, приняв ее пакт, который является тоже пактом о ненападении, предусматривающим к тому же санкции. Мы, со своей стороны, как только это оказалось возможным, также заключили пакт о ненападении с Францией и Польшей. Эти соглашения и пакты с обеих сторон отнюдь не должны были ухудшать и не ухудшали наших отношений с Германией, которые отнюдь не покоились на враждебности к третьим странам. Тем не менее наши взаимоотношения с Германией за последний год стали, можно сказать, неузнаваемыми. В Германии имели место выступления, заявления, действия, которые не только не соответствовали прежним нашим отношениям, но скорее давали повод думать, что эти отношения превратились в свою противоположность. А причины этому были следующие. При той смене правительств в Германии, которая имела место в 1932 г., у власти, а затем даже у кормила правления, очутился политический деятель*, который во время наших наилучших отношений с Германией открыто выступал против этих отношений, проповедуя сближение с Западом для общего наступления на Советский Союз. Он создал политический клуб, откуда эта идея пропагандировалась, и он лично немало и усердно работал над ее осуществлением. Придя к власти, он сделал попытку, правда неудачную, формального осуществления этой идеи. Затем в Германии произошел переворот, приведший к власти новую партию, которая проповедовала самые крайние антисоветские идеи. Основоположник этой партии в литературном произведении развил подробно свою концепцию внешней политики Германии. По этой концепции Германия

* Речь идет о канцлере Германии фон Папене.

не только должна отвоевать все территории, отошедшие от Германии по Версальскому договору, не только завоевать земли, где вообще имеется немецкое меньшинство, но и огнем и мечом проложить себе путь для экспансии на Восток, не останавливаясь перед границами Советского Союза и порабощая народы Союза.

Другой видный деятель этой партии, бывший российский подданный *, не только проповедовал эти же идеи, но и по поручению и от имени партии входил в сношения и поддерживал тесный контакт с русскими, преимущественно украинскими, контрреволюционными организациями. Но, может быть, эти люди, придя к власти, заняв ответственные посты, отреклись от этой концепции? Мы отлично понимаем разницу между доктриной и политикой. Бывает, что оппозиционная партия, придя к власти, старается забыть те лозунги, которые она раньше выбрасывала в борьбе с политическими противниками. Но этого в данном случае не произошло. Нам, по крайней мере, неизвестно ни одно ответственное заявление, которое зачеркивало бы целиком упомянутую мною концепцию. Литературное произведение, в котором эта концепция проповедуется, продолжает циркулировать в Германии без всяких изъятий в новых изданиях, включая издание, помеченное 1934 г. Та же концепция открыто обсуждается и теперь на страницах германской прессы. Всего около полугода назад на Лондонской международной конференции член германского кабинета изложил ту же идею завоевания Востока в представленном им меморандуме **. Правда, он был дезавуирован, и мы не вправе и не станем больше рассматривать этот меморандум как официальный документ, но дезавуирование министра не уничтожает самого факта представления меморандума, указывающего, что изложенные в документе идеи все еще бродят даже в правительственных кругах. Были со стороны лиц, занимающих не государственные, но все же весьма ответственные посты, немало антисоветских переговоров и предложений, исходящих из того же круга идей. У нас имеется информация и об официальных предложениях этого рода. Мы не можем утверждать, что вся эта информация абсолютно соответствует действительности, но совершенно игнорировать ее мы также не можем, ибо сведения исходят из разных источников — и источников, отнюдь не заинтересованных в порче наших отношений с Германией. Не стану останавливаться подробно на отравляющей наши отношения практике систематического преследования всевозможными германскими властями советских учреждений и советских граждан не за какие-либо проступки, а только за то, что они советские,— практике, заставившей одно время наше полпредство в Берлине перейти на массовое производство нот протеста[45]. Эта практика, как будто, теперь прекратилась, и будем надеяться — не возобновится. Вот что сделало наши прежние отношения с Германией неузнаваемыми.

Я счел нужным это сказать открыто, ибо с немецкой стороны нередко делаются попытки приписывать нам инициативу изменения отношений и объяснять ее нашим недовольством нынешним германским режимом, преследованием коммунистов и т. п. Мы, конечно, имеем свое мнение о германском режиме, мы, конечно, чувствительны к страданиям наших германских товарищей, но меньше всего можно нас, марксистов, упрекать в том, что мы позволяем чувству господствовать над нашей политикой. Весь мир знает, что мы можем поддерживать и поддерживаем хорошие отношения с капиталистическими государствами при любом режиме, включая и фашистский. Не в этом дело. Мы не вмешиваемся во внутренние дела Германии, как и других стран, и наши отношения с ней определяются не ее внутренней, а внешней политикой.

При разговорах на эту тему нам немцы часто указывают на декларации, сделанные официальными высшими представителями германского правительства о желании поддерживать с нами хорошие отношения, и спра-

---

* Имеется в виду Розенберг.
** См. док. № 189.

шивают: неужели вы можете не верить этим декларациям? Мы отвечаем, что мы, конечно, не можем не считаться с этими официальными декларациями, но в то же время не можем игнорировать и тех выступлений и фактов, которые идут вразрез с этими декларациями, ибо этих выступлений и фактов уже слишком много. Если даже ничтожная доля информации о них верна, то и ее достаточно для того, чтобы мы насторожились и принимали свои контрмеры.

Меня спрашивают представители германского правительства, чего же мы, собственно, хотим от Германии и что она должна сделать для того, чтобы у нас не было сомнений относительно ее лояльности. Я на это обыкновенно отвечаю: пусть не делает того, что она делает, пусть германское правительство посмотрит, что делают его многочисленные агенты и эмиссары, и пусть оно им скажет, чтобы они этого не делали. Но мы заявляем и следующее: мы хотим иметь с Германией, как и с другими государствами, наилучшие отношения. Ничего, кроме пользы, и Советский Союз, и Германия от таких отношений не получат. Мы, со своей стороны, не стремимся к экспансии ни на Запад, ни на Восток, ни в других направлениях. Мы не питаем никакой вражды к немецкому народу и не покушаемся ни на его территории, ни на его права, и что бы мы ни делали, мы никогда не будем поощрять и другие государства к таким покушениям. Мы хотели бы, чтобы Германия могла нам сказать то же самое и чтобы не было фактов, которые этому противоречили бы, и чтобы мы были уверены, что эти декларации относятся не только к настоящему времени, но и к тому времени, когда у нее будет больше силы для осуществления тех агрессивных идей, которые ее нынешние руководители проповедовали до прихода к власти, а некоторые из них проповедуют и теперь.

Япония

Я не ошибусь, товарищи, если выскажу предположение, что вас больше всего интересуют в настоящее время наши отношения с Японией. Эти отношения приковывают к себе внимание не только нашего Союза, но и всего мира, ибо политика Японии является сейчас самой темной грозовой тучей на международном политическом горизонте. Я позволю себе вкратце остановиться на развитии наших отношений с Японией. Со времени заключения Пекинского соглашения * вплоть до конца 1931 г. между нами и Японией существовали наилучшие добрососедские отношения. Не было никаких конфликтов, никаких крупных недоразумений, а если таковые возникали, то разрешались мирным дипломатическим путем. Не было никаких разговоров об угрозах с одной или с другой стороны. Мы настолько доверчиво относились к Японии, ибо она тогда не давала нам повода для недоверия, что мы оставляли нашу дальневосточную границу почти без защиты. Положение стало меняться с тех пор, как Япония начала свои военные операции в Маньчжурии. Вместе со всем миром мы не могли не видеть в этих операциях нарушения со стороны Японии множества обязательств, которые она добровольно приняла на себя в силу международных договоров. Японское правительство, как вы помните, давало тогда объяснение этих операциям, которое ничего не объясняло и никого не убедило. Оно вместе с тем давало нам официальные заверения, что ее войска не пойдут дальше определенной линии в самой Маньчжурии и что, во всяком случае, наши интересы, в частности интересы КВЖД, ни в коем случае не пострадают **. Эти заверения нам потом повторно давались по мере продвижения японских войск, вплоть до полной оккупации всей Маньчжурии и создания так называемого Маньчжоу-Го. Эти действия, как вам известно, были охарактеризованы всем внешним миром, в

* См. т. VIII, док. № 90.
** См. т. XIV, док. № 850, т. XV, док. № 13, 100.

том числе и Лигой наций, к которой сама Япония принадлежала, как нарушение таких соглашений, как Вашингтонский договор девяти, пакт Лиги наций и пакт Келлога. Оккупация Маньчжурии явилась, однако, также нарушением Портсмутского договора, подтвержденного Пекинским соглашением, в силу которого Япония не имеет права содержать в Маньчжурии войска свыше определенного минимального количества. Мы уклонялись от участия в предпринимавшихся и намечавшихся тогда международных акциях, во-первых, потому, что не верили в искренность и последовательность государств, принимавших участие в этих акциях, а главное потому, что не искали, как не ищем и теперь, вооруженного конфликта с Японией. Мы добивались от Японии лишь одного: соблюдения наших коммерческих интересов на КВЖД, ибо других интересов у нас в Маньчжурии не было. Вопреки всем торжественным обещаниям и заверениям, представители Японии в Маньчжурии вскоре, однако, начали прямое наступление на эти интересы, стараясь сделать совершенно невозможным предусмотренное соглашениями совместное с китайцами или маньчжурами управление КВЖД, срывая работу самой дороги, прибегая для этого к провокационным насильственным действиям и предъявляя советской части администрации совершенно необоснованные произвольные претензии. Весь мир удивлялся нашему хладнокровию и долготерпению, но мы твердо решили не нарушать нашей политики мира, воздерживаясь от каких-либо враждебных действий, ограничиваясь лишь протестами *, оставшимися, однако, без всякого эффекта. Но чем спокойнее и терпеливее вели себя мы, тем наглее и провокационнее стали выступать японские власти в Маньчжурии. Создавалось определенное впечатление, что они сознательно провоцируют нас на более сильные действия, чем протесты. Не желая поддаваться на эту провокацию, мы еще 2 мая с. г. предложили Японии выкупить у нас КВЖД **. Вся дорога — и полотно, и подвижной состав, и станционные здания, и прочие принадлежности дороги — были построены на кровные деньги народов нашего Союза, составляя, таким образом, их неотъемлемую собственность. Мы хотели только одного — вернуть вынешнюю стоимость дороги ее настоящим собственникам. Япония как будто приняла наше предложение о покупке дороги. Когда, однако, мы приступили к конкретным переговорам об условиях продажи, выяснилось, что Япония не желает покупать дорогу, а хочет получить ее в подарок. Она предложила ничтожную, смехотворную сумму, наивно полагая, что мы продаем дорогу только для вида, а на самом деле готовы отдать ее даром. Такие переговоры ни к чему конкретному привести, конечно, не могли, хотя мы назначили за дорогу минимальную сумму ***. Представители Японии стали тогда вместо словесных аргументов выдвигать аргументы от кулака, они стали прибегать к насильственным действиям для удаления наших агентов на дороге и замены их своими ставленниками — маньчжурами и русскими белогвардейцами; иначе говоря — они прибегли к своеобразному способу захвата дороги. Мы заявили, что не можем продолжать переговоры в такой обстановке, когда вместо аргументов и коммерческого торга пускаются в ход кулаки и когда переговорам своеобразно «помогают» полицейские и уголовные элементы из маньчжурской белогвардейщины. Переговоры с тех пор не возобновлялись, а бесчинства на дороге продолжаются, деятельность дороги парализуется. Более того, наши заявления и протесты против этих бесчинств остаются без ответа со стороны Японии, которая тщетно пытается убедить нас в том, что она не имеет никакого отношения к этим бесчинствам, за которые якобы ответственно только «независимое», «самостоятельное» Маньчжоу-Го. Об этой независимости Маньчжоу-Го мы, как впрочем и весь мир, держимся иного мнения. Маньчжоу-Го не признано еще ни одним государством и всеми рассматривается исключительно как

* См. док. № 121, 138.
** См. док. № 141.
*** См. док. № 215.

агентура японского правительства и японского командования в Маньчжурии. Если нужны были совершенно объективные доказательства этому, то они недавно были представлены ТАСС, опубликовавшим известные документы, подлинность которых вне всякого сомнения *. Из этих документов явствует, что насильственные действия в отношении советских служащих дороги, принятые якобы во имя маньчжурского правосудия, были продиктованы японскими военными и административными агентами, которые этим путем хотели добиться от нас получения дороги за бесценок. Мы поэтому заявили японскому правительству, что не можем признавать его отсылок к маньчжурским властям и не можем считать ответственным за нарушение наших прав и интересов на КВЖД никого иного, кроме японского правительства **.

Дело идет, однако, не только о КВЖД. Наряду с ущемлением наших прав на дороге, в Японии стал открыто обсуждаться политическими деятелями, в том числе и официальными представителями японского правительства, а также печатью, вопрос о войне против Советского Союза для захвата Приморского и всего Дальневосточного края. Дело не ограничивается только разговорами, но в Маньчжурии, вблизи нашей границы, скопилось значительное количество японских войск, подвозятся военные материалы, строятся железные дороги, шоссе и т. д. Возникла, таким образом, угроза не только насильственного захвата нашей дороги Японией, но и прямая угроза нашим границам. При таком положении вещей нашему правительству ничего не оставалось делать, как приступить к укреплению нашей границы, перебросив туда необходимые для этого силы и приняв другие военные меры. Но в то время как мы принимаем исключительно оборонительные меры, Япония, как известно, лихорадочно готовится к войне, которая не может быть иной, кроме наступательной, ибо на безопасность Японии никто не покушается.

Нет, конечно, недостатка в Японии в разумных людях, влиятельных людях, которые видят всю опасность, весь риск для Японии войны против такого полного сил и энергии гиганта, как наш Союз, и разумно предпочитают уплатить нам несколько сот миллионов иен, которых дорога действительно стоит, чем тратить миллиарды иен на увеличение военно-морского бюджета и на военные действия, результат которых в лучшем случае для них сомнителен. Но есть и более авантюристски настроенные круги, в особенности среди военных, для которых, очевидно, высшая цель в жизни это война, независимо от того, что она приносит. Что же кажется отношения внешнего мира к возможному столкновению с Японией, то мы можем констатировать, что морально Япония стоит совершенно изолированной во всем мире. Ее действия как против Китая, так и возможные действия против нас осуждаются всем цивилизованным миром, всем тем миром, цивилизацию которого японская военщина берется как будто защищать против нас. Япония, начав свои военные операции два года тому назад, исходила из расчета, что достаточно ей будет объявить, что эти операции направлены против Советского государства, чтобы весь капиталистический мир стал на ее сторону и благословил ее действия. Здесь-то она и просчиталась, как просчитались, в скобках скажу, и немецкие «наци». В нашем споре с Японией даже капиталистический мир признает нашу правоту и агрессивные намерения приписывает исключительно Японии. Он это делает, конечно, не ради наших прекрасных глаз, а потому, что сознает, что если он признает действия и политику Японии правильными и этим укрепит ее, то завтра же эти действия и политика обратятся и против его собственных интересов. К этому надо добавить, что лихорадочная подготовка войны вынуждает Японию усилить свой экспорт, прибегая к демпингу в совершенно неограниченных размерах, чем она восстановила против себя

---

* См. док. № 314.
** См. док. № 295, 305.

даже такие страны, которые потенциально могли считаться дружественными ей.

Наша политика ясна. Мы не стремимся использовать благоприятную конъюнктуру, мы не стремимся воевать ни при каких условиях. Мы говорим Японии: мы тебе не угрожаем, мы не заримся ни на твои земли, ни на другие территории, лежащие по ту сторону нашей границы, мы хотим жить с тобою, как и жили до сих пор, в мире, уважать твои права и интересы, требуя лишь, чтобы ты так же относилась к нашим правам и интересам. Первым твоим шагом и доказательством миролюбия должно быть прекращение насильственных полицейских действий на КВЖД, восстановление там нарушенных наших прав и затем спокойное продолжение переговоров о коммерчески справедливой цене дороги. Следующим шагом для доказательства миролюбия Японии должно быть подписание пакта о ненападении, который мы предложили еще два года тому назад *. Мы хотим надеяться, что Япония поступит согласно разумным советам своих здравомыслящих патриотов, а не военных авантюристов.

Конференция по разоружению

После изложения отношений Советского Союза с другими странами мне остается еще сказать несколько слов о нашем отношении к международной организации, членом которой Союз состоит,— к конференции по разоружению. Эта конференция формально еще числится в живых. Название трупа, которое я ей дал в Америке **, отнюдь не является преувеличением. Речь теперь идет лишь о том, выдать ли ей свидетельство о смерти или попытаться гальванизировать труп. Гальванизация возможна, и конференция может на некоторое время еще ожить, но это не будет больше конференция по разоружению, а по довооружению. Мы шли на конференцию для участия в выработке гарантий мира, гарантий всеобщей безопасности, но довооружение кого бы то ни было не может почитаться такой гарантией. А когда нам говорят: довооружение одних и разоружение других, то мы опасаемся, что будет выполнена только первая часть этой формулы — без второй, ибо совершенно ясно, что не удастся разоружить ни в какой мере как раз тех, кто уже теперь делает практическое употребление из своих вооружений и открыто грозится делать это в ближайшем будущем еще в большем масштабе. Нельзя будет требовать, чтобы разоружились только те государства, против которых эти угрозы направлены. О разоружении можно будет вновь серьезно говорить лишь тогда, когда государства перестанут трепировать пакты о ненападении как клочки бумаги, цинично предлагая их «числом побольше», и когда они искренне откажутся от войны как от метода разрешения международных споров. А тогда из пыльных архивов Лиги наций будут извлечены советские проекты разоружения, и речь пойдет именно о разоружении — полном и всеобщем, а не о квотах по вооружениям.

* *
*

Товарищи, своим сообщением я старался ознакомить вас с нынешними тенденциями в международной жизни, с расстановкой сил вокруг вопроса, ставшего весьма актуальным,— «война или мир», и указать на роль СССР в борьбе этих сил. Миротворческий характер этой роли вряд ли больше кем-либо оспаривается. Но еще не все другие государства определили свои позиции в этой борьбе и свое отношение к Советскому Союзу. Характерная особенность положения та, что отношение к нашему Союзу стало мерилом миролюбия других государств.

Президент Рузвельт мне как-то говорил, что по чьим-то вычислениям 92% человечества желают мира и лишь 8% стремятся к нарушениям его.

* См. т. XIV, док. № 401.
** См. док. № 391.

Эти 8% представляют, вероятно, сплошное население стран, признанных неблагополучными по войне. Я думаю, что было бы несправедливо всему населению или даже большинству [населения] этих стран приписывать преступные намерения нарушить мир, так что процент жаждущих войны значительно меньше, чем в упомянутых мною вычислениях. Отсюда сама собой напрашивается задача объединения огромной массы человечества в целях воспрепятствовать ничтожному меньшинству нарушить его волю к миру. Речь не должна идти о новых группировках, о создании военных союзов по старым образцам, а о сотрудничестве для законной самозащиты всех тех, кто не заинтересован в нарушении мира, дабы никому недовадно было покушаться на мир. СССР, со своей стороны, готов к участию в осуществлении этой задачи, ибо работа в этом направлении диктуется интересами трудящихся всего мира, безопасностью всех народов — в том числе, конечно, и народов Советского Союза. Народы, как наши, давшие максимальные доказательства своего миролюбия и уважения к чужой безопасности, имеют максимальное право и на свою собственную безопасность.

Соглашаясь на сотрудничество с другими государствами и представляя, в силу постоянства нашей политики, наивысшую гарантию выполнения международных обязательств, мы не должны забывать, однако, что мы обращаемся к капиталистическим государствам с правительствами неустойчивыми, часто меняющимися, с возможностью прихода к власти групп и людей, которые, в силу своей классовой ненависти к нашему государству, готовы иногда жертвовать и своими национально-государственными интересами. Находясь в состоянии вынужденной самозащиты, мы поэтому будем по-прежнему и больше прежнего укреплять и совершенствовать основную защиту нашей безопасности — нашу Красную Армию, Красный Флот и Красную Авиацию. Мы будем помнить, что в случае неудачи объединенных усилий друзей мира, нарушение его может быть направлено в первую очередь против нас. Мы поэтому будем помнить, что, помимо нашей воли, может наступить момент, когда придется оправдать заявление т. Сталина, что ни одного вершка своей земли не отдадим. В защите каждого вершка советской земли, будь то на Западе или на Востоке, будут участвовать не только красные военные силы, но и продолжение их — красные народы нашего обширного Союза. То, что ими руководит красная партия ВКП(б) и ее вдохновитель и вождь т. Сталин, обеспечивает им такие же военные победы, как одержанные ими мирные победы.

Печат. по кн.: «4-я сессия ЦИК Союза ССР 6-го созыва. Стенографический отчет. 28 декабря 1933 г.— 4 января 1934 г.», бюллетень № 3. М., 1934, стр. 1—24.

3. Статистические данные по внешней торговле СССР 1933 г. *

Таблица III—В **

СВОДКА ДАННЫХ
ВЫВОЗ И ПРИВОЗ ТОВАРОВ ПО ГОСУДАРСТВАМ И СТРАНАМ

Наименование государств и стран		Точки	Январь—декабрь 1933 г. тысячи рублей			
			I гр.	II гр.	IV гр.	итого включая III гр.
1	2	3	4	5	6	7
Австралия	вывоз	15	—	1	0,2	1
	привоз	103	—	110	0	110
Австрия	вывоз	11 677	32	838	8	876
	привоз	2 283	—	398	883	1 280
Англия	вывоз	3 182 544	39 115	44 136	3 731	86 983
	привоз	82 105	505	14 297	15 792	30 590
Гибралтар	вывоз	64 698	1 645	297	—	1 942
	привоз	—	—	—	—	—
Мальта	вывоз	5 094	110	6	—	116
	привоз	—	—	—	—	—
Стрейтс-Сеттльмент	вывоз	10	—	0,5	—	0,5
	привоз	208	—	51	—	51
Судан	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	0	—	0	—	0
Ямайка	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	22	0,5	8	—	8
Прочие английские колонии	вывоз	714	—	13	61	74
	привоз	486	82	4	—	86
Аргентина	вывоз	42 132	3	733	153	889
	привоз	6 683	223	—	0	223
Афганистан	вывоз	10 873	1 416	457	5 192	7 066
	привоз	5 409	3	5 251	108	5 623
Бельгия	вывоз	1 232 566	5 435	21 867	40	27 340
	привоз	13 802	—	1 386	152	1 538
Конго (Бельгийское)	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Прочие бельгийские колонии	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Болгария	вывоз	9 903	21	184	73	278
	привоз	2	—	2	—	2
Бразилия	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	20	1	15	0	16
Венгрия	вывоз	873	—	71	—	71
	привоз	352	—	158	14	172

* Публикуются по журналу «Внешняя торговля Союза ССР. Статобзор», вып. 12 (102), М., Внешторгиздат, 1933, стр. 15—18.

Имеющиеся в таблицах неточности в итоговых цифрах не оговариваются. Оценку товаров в пересчете по курсу рубля 1961 г. см. «Внешняя торговля СССР. Статистический сборник, 1918—1966 гг.» М., 1967, стр. 8—13.

** На таблицы отнесены данные за 1932 г., опубликованные в т. XV настоящего издания. Условные обозначения даются по журналу: I гр. — жизненные припасы; II гр. — сырье и полуобработанные материалы; III гр. — животные; IV гр. — изделия. В графах для цифровых данных (0) означает число менее 50 *кг* или менее 50 руб.; (—) отсутствие привоза или вывоза.

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
Геджас и Неджд	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Германия	вывоз	2 034 278	18 474	62 588	4 703	85 747
	привоз	410 453	40	27 798	120 912	148 081
Голландия	вывоз	1 646 248	7 063	17 448	1 380	25 890
	привоз	10 766	206	3 446	2 262	5 974
Суматра	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Ява	вывоз	10	—	—	6	6
	привоз	7 278	1 156	9	0,1	1 165
Прочие остр. голланд. Ост-Индии	вывоз	55	—	—	32	32
	привоз	19 926	—	5 505	0,1	5 505
Прочие голланд. колонии	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	0	—	6	—	6
Греция	вывоз	499 199	3 240	3 227	78	6 545
	привоз	1 751	428	99	0	517
Дания	вывоз	418 151	0 272	3 003	77	9 350
	привоз	4 8.0	3	179	1 543	1 725
Вольный город Данциг (Гданьск)	вывоз	33 372	65	1 138	—	1 203
	привоз	0	—	—	0	0
Египет	вывоз	306 352	354	3 573	116	4 044
	привоз	0	—	0	0	0
Йемен	вывоз	3 183	1	51	278	330
	привоз	53	27	—	—	27
Индия (Брит.) и Цейлон	вывоз	178 011	—	3 294	28	3 421
	привоз	15 123	1 371	1 564	0,3	2 935
Исландия	вывоз	1 644	1	25	—	26
	привоз	—	—	—	—	—
Испания	вывоз	342 230	—	5 531	0	5 531
	привоз	9 805	—	1 192	0,1	1 192
Испанские колонии	вывоз	15 341	—	166	2	167
	привоз	—	—	—	—	—
Ирак	вывоз	7 181	—	136	475	610
	привоз	—	—	—	—	—
Ирландия	вывоз	57 968	56	4 580	1	4 637
	привоз	—	—	—	—	—
Италия	вывоз	2 146 051	1 931	20 176	87	22 226
	привоз	33 615	82	3 579	13 244	16 901
Итальянские колонии	вывоз	4 548	49	29	2	80
	привоз	—	—	—	—	—
Канада	вывоз	507	—	23	—	23
	привоз	688	—	752	9	761
Китай Восточный	вывоз	299 052	1 110	4 649	1 411	7 171
	привоз	19 721	2 428	209	0,5	2 639
Китай Западный	вывоз	7 412	1 311	783	8 760	10 856
	привоз	35 899	92	11 079	108	18 822
Куба	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Латвия	вывоз	100 312	313	1 996	84	2 395
	привоз	409	74	223	40	336
Литва	вывоз	266 381	186	2 004	620	2 728
	привоз	1 444	327	219	0	546

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
Люксембург	вывоз	76 770	—	294	—	296
	привоз	23 530	—	1 026	—	1 026
Мексика	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	182	—	17	—	17
Монголия	вывоз	69 493	9 743	3 653	25 167	38 562
	привоз	31 286	1 121	12 864	27	17 269
Новая Зеландия	вывоз	7 889	—	172	—	172
	привоз	0,2	—	0,4	—	0,4
Норвегия	вывоз	258 658	2 187	1 513	128	3 830
	привоз	54 188	769	6 848	889	8 510
Палестина	вывоз	35 443	206	477	17	700
	привоз	0	—	—	0	0
Парагвай	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Персия	вывоз	137 556	1 776	3 889	6 343	12 008
	привоз	29 534	3 289	4 346	24	8 359
Польша	вывоз	213 173	804	4 161	92	5 056
	привоз	215 145	182	11 131	1 659	12 973
Португалия	вывоз	28	—	3	—	3
	привоз	342	—	21	—	21
Португальские колонии	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Румыния	вывоз	9 006	—	97	—	97
	привоз	—	—	—	—	—
Сев.-Амер. Соед. Штаты	вывоз	563 285	2 296	10 674	993	13 965
	привоз	30 341	3	9 297	7 278	16 580
Филиппинские острова	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	195	—	22	—	22
Прочие колонии САСШ	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Сиам (Таиланд)	вывоз	18	—	—	11	11
	привоз	—	—	—	—	—
Сирия	вывоз	15	—	3	8	11
	привоз	307	27	1	—	28
Тува	вывоз	4 577	717	303	4 472	5 495
	привоз	3 032	108	1 051	—	1 727
Турция	вывоз	99 299	271	1 338	2 187	3 798
	привоз	26 164	228	3 199	1	4 657
Уругвай	вывоз	87 031	15	1 446	281	1 741
	привоз	2 903	—	1 032	0,1	1 032
Финляндия	вывоз	380 920	1 630	3 782	16	5 426
	привоз	13 172	449	1 629	799	2 888
Франция	вывоз	1 302 731	530	22 270	95	22 893
	привоз	20 951	0,5	2 856	2 383	5 237
Алжир	вывоз	65 776	—	718	—	718
	привоз	—	—	—	—	—
Индокитай франц.	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	24	—	6	0	6
Мадагаскар	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Марокко франц.	вывоз	54 297	—	679	24	704
	привоз	17	—	13	—	13

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7
Тунис	вывоз	14 496	—	185	—	186
	привоз	—	—	—	—	—
Прочие французские колонии	вывоз	24 949	—	297	—	297
	привоз	22	—	5	—	5
Чехословакия	вывоз	73 197	321	762	10	1 095
	привоз	31 284	—	1 466	3 401	4 868
Чили	вывоз	8	—	15	—	15
	привоз	56	—	13	—	13
Швейцария	вывоз	29 519	—	235	7	241
	привоз	1 183	126	195	3 092	3 414
Швеция	вывоз	340 828	666	4 851	401	5 920
	привоз	10 890	—	1 720	2 872	4 591
Эквадор	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	0	—	0	—	0
Эстония	вывоз	49 324	214	1 665	80	1 959
	привоз	1 124	256	99	16	373
Югославия	вывоз	8 701	—	33	—	33
	привоз	0	—	—	0	0
Южно-Африканский Союз	вывоз	71 051	—	1 328	58	1 388
	привоз	3 150	—	414	0	414
Япония и Тайвань	вывоз	768 526	2 068	6 937	88	9 124
	привоз	62 719	1 988	681	4 678	7 349
Корея	вывоз	11 783	0,3	89	—	90
	привоз	—	—	—	—	—
Прочие японские колонии	вывоз	—	—	—	—	—
	привоз	—	—	—	—	—
Прочие государства и страны*	вывоз	94 606	1 122	39 229	8	40 352
	привоз	56	—	13	—	13
Прочие государства и страны (бункерное топливо)	вывоз	137 992	—	817	—	817
	привоз	—	—	—	—	—
Всего	вывоз	17 916 525	112 727	315 017	67 880	495 658
	привоз	1 236 118	15 641	137 504	181 484	348 216

* Сюда включен: 1) вывоз литературного серебра и отходов цветной промышленности, содержащих золото, не распределенный по отдельным странам; 2) грузы, идущие «фор ордерс» и прочие невыясненного назначения. — *прим. ООН.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В телеграмме от 20 января 1933 г. И. М. Майский сообщил М. М. Литвинову: «Сегодня имел разговор с Гендерсоном и в подходящей форме изложил ему то, что Вы просили». «Гендерсон уезжает в Женеву 21 января. Заседание Бюро, по словам Гендерсона, будет посвящено обсуждению разных второстепенных вопросов. Когда будет происходить совещание большой пятерки еще неизвестно, так как Поль-Бонкур из-за обсуждения бюджета пока не может покинуть Париж. На мой прямой вопрос, когда именно Генеральная комиссия по-настоящему приступит к делу, Гендерсон затруднился дать определенный ответ».— *21.*

[2] Указанное заявление было сделано Мунком полпреду СССР М. В. Кобецкому 14 декабря 1932 г. Во время этой беседы были затронуты некоторые вопросы *советско-датских торговых отношений.*

«Прощаясь со мной,— отметил в записи своей беседы Кобецкий,— Мунк шутливо сказал: «Вы заключили теперь столько пактов о ненападении, что пора и нам подумать о таком пакте». Я ответил ему в тон, что «всегда готов оказать содействие».— *21.*

[3] В ответном письме № 117 от 25 января 1933 г. Ши Люй-бэнь заявил, что причиной смерти Васильева «является заболевание брюшным тифом» и что якобы «намеренное возбуждение вопроса» М. М. Славуцким «выражает не иначе как намерение посягнуть на законное ведение дела нашей судебной властью». То, что Славуцкий поднимает вопрос о смерти Воронина, по словам Ши Люй-бэня, «также не выходит за пределы вышеуказанного намерения». «Обстоятельства самоповешения указанного лица,— утверждалось в письме,— не налагают какой-либо вины и не свидетельствуют о небрежности наших властей при выполнении служебных обязанностей, и само собой очевидно, что в связи с этим и не возникает вопроса о наказании виновных в этом лиц».

Ши Люй-бэнь голословно отвергал заявление Славуцкого о тяжелом положении арестованных советских граждан.— *23, 93.*

[4] В телеграммах в НКИД СССР от 20 и 24 января 1933 г. И. Я. Златкин сообщал, что Цзинь Шу-жэнь запросил у нанкинского правительства деньги на размещение и содержание войск Су Бин-вэня и что он просит направлять войска Су Бин-вэня партиями по тысяче человек с перерывом в одну неделю между каждой партией.— *24.*

[5] Оттоманский долг, внешний долг Османской (Оттоманской) империи, образовавшийся на протяжении десятилетий, начиная с 1854 г., в результате кабальных займов, предоставленных Турции Англией, Францией, Австро-Венгрией, Германией и Италией. В 1933 г. Турция подписала новое соглашение с держателями облигаций, по которому сумма долга снизилась с 86 млн. золотых лир в 1928 г. до 962,6 млн. бумажных франков. Рас-

четы по Оттоманскому долгу завершены в 1944 г. (см. «Финансово-кредитный словарь», т. II. М., 1964, стр. 164). — *25.*

[6] В марте 1933 г. турецкое правительство направило в Москву для переговоров о реализации соглашения о кредитах (см. т. XV, док. № 205), в частности для обсуждения вопроса о строительстве Кайсерийского текстильного комбината, промышленную делегацию во главе с Решад-беем. В течение нескольких месяцев делегация вела переговоры с руководством треста «Туркстрой». 5 мая 1933 г. председатель делегации сообщил руководителю «Туркстроя» в ответ на письмо последнего от 24 апреля 1933 г.: «С главными заданиями, лежащими в основе проекта, мы согласны». Одновременно он сделал некоторые оговорки и предложения по проекту, повлекшие за собой дополнительные переговоры. — *25, 624.*

[7] Имеется в виду меморандум турецкого посла в СССР Рагиба от 19 декабря 1932 г., врученный директору «Госпроектстроя» В. П. Орлову и содержавший ответ на письмо последнего министру экономики Турции Джелалю от 29 сентября 1932 г. Ввиду того, что меморандум не имел исчерпывающих данных, необходимых для начала проектирования текстильного комбината в Кайсери, Л. М. Карахан писал поверенному в делах СССР в Турции Г. А. Астахову 5 января 1933 г.: «Ваша задача сводится к максимально четкому объяснению Немету причин задержки проектирования по вине самих турок и вместе с тем к выяснению для нас самих действительных мотивов, по которым турецкое правительство затягивает все это дело». — *26.*

[8] А. А. Трояновский беседовал с Арита по этим вопросам по поручению НКИД СССР.

8 января 1933 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Л. М. Карахан в телеграмме Трояновскому сообщил о смерти в тюрьме Маньчжоу-Го советского гражданина Воронина (см. док. № 6) и далее указал: «Необходимо, чтобы Вы повидали Арита и в достаточно энергичной форме повторили демарш по поводу наших арестованных (см. т. XV, док. № 401.—*Ред.*), содержащихся в Чанчуне, продолжающихся истязаний и пыток и убийства или самоубийства Воронина. Напомните об обещании Арита, что до конца 1932 г. все дело будет закончено. Наше общественное мнение и весь мир будут потрясены, узнав о бесчеловечных пытках и полном отсутствии элементарного правосудия, практикуемых Маньчжоу-Го при содействии японской жандармерии. Наша общественность, и не только наша, сопоставит эти факты с нашим гуманным поведением в отношении японских резидентов в Маньчжурии (см. т. XV, док. № 394, 401, 402, 465.— *Ред.*). Мы настаиваем на том, чтобы немедленно были приняты меры, которые покончили бы с этим позорным явлением, не могущим не омрачить дружественных отношений между СССР и Японией».

В телеграмме от 11 января 1933 г. Карахан предлагал Трояновскому «обратить внимание [японского] МИД на то, что до сих пор не удалось урегулировать вопрос о перевалочной пристани» КВЖД в Харбине (см. т. XV, док. № 270, 274), несмотря на то, что зам. министра иностранных дел маньчжоугоских властей японец Охаси обещал свое содействие и что текст соглашения о пристани еще в ноябре 1932 г. был согласован между представителями КВЖД и речного управления маньчжоугоских властей. «В конце декабря, после долгих и непонятных оттяжек в подписании соглашения,— сообщал Карахан,— речное управление вдруг выдвинуло новые неприемлемые изменения уже согласованных пунктов, и наши работники на КВЖД утверждают, что это объясняется исключительно действиями зам. начальника речного управления японца Хориути, срывающего соглашение». — *26.*

[9] При вручении советской ноты от 4 января 1933 г. А. А. Трояновский сообщил Утида, что Советское правительство решило ее опубликовать. В ходе последующих встреч с Утида (5 января 1933 г.) и зам. министра

иностранных дел Японии Арита (6, 11 января 1933 г.) Трояновский напоминал о данном решении.— *28, 48*.

[10] Советский проект конвенции по борьбе с саранчой состоял из 13 статей. Договаривающиеся стороны обязывались своевременно и планомерно организовывать в пограничной полосе — каждая на своей территории глубиной в 200 км.— мероприятия по борьбе с саранчой, взаимно обмениваться информацией о появлении саранчи в пределах пограничной полосы. Наличие саранчи и площадь заражения устанавливались путем ежегодного обследования и регистрации кубышек саранчи. Если одна из сторон по каким-либо обстоятельствам не имела возможности провести обследовательскую или истребительную работы на своей территории, то другая сторона, по соглашению с первой стороной, могла послать на ее территорию своих специалистов. Затраты на работы по истреблению саранчи, проводимые одной стороной на территории другой, относились за счет стороны, организующей работы. Сторона, на территории которой должны проводиться работы, обязывалась предоставить за свой счет рабочую силу и транспортные средства.

Соглашение по борьбе с саранчой между СССР и Афганистаном было подписано в Кабуле 6 мая 1935 г. (см. «Собрание законов...», отд. II, № 16, 1 октября 1935 г., стр. 253—258).— *29*.

[11] Афганский проект соглашения по борьбе с саранчой состоял из 6 статей и предусматривал организацию борьбы с саранчой силами и средствами, находящимися на территориях договаривающихся сторон, в местностях, прилегающих непосредственно к советско-афганской границе.

Проект предусматривал направление Советским Союзом в Афганистан необходимых специалистов, число которых подлежало согласованию с афганским правительством, и бесплатное предоставление необходимых ядохимикатов.

Афганистан обязывался выделять для ведения борьбы с саранчой необходимую рабочую силу и имущество.

Проект предусматривал проведение весеннего и осеннего обследования возможных районов заражения саранчой (см. также прим. 10).— *29*.

[12] 15 января 1933 г. японское военное министерство опубликовало в газетах официальное коммюнике, содержавшее провокационные антисоветские измышления. В коммюнике утверждалось, что якобы Коминтерн «недавно предложил китайской коммунистической партии сосредоточить внимание на укреплении китайской Красной армии, заверив, что он окажет максимальную денежную поддержку через открываемое в ближайшем будущем советское посольство в Китае» и будто между Советским и нанкинским правительствами достигнуто соглашение о расширении торговых связей с целью вытеснения с китайского рынка иностранных товаров.

19 января поверенный в делах СССР в Японии А. А. Трояновский от имени Советского правительства заявил заместителю министра иностранных дел Японии Арита протест против распространения министерством подобных измышлений (см. док. № 19).

Ответа японского правительства на этот протест не последовало. Более того, министр иностранных дел Японии Утида, выступая 21 января в парламенте, не только не дезавуировал указанного коммюнике военного министерства, но, по существу, повторил те же антисоветские вымыслы, что вызвало решительный отпор со стороны Советского правительства (см. также док. № 22). В результате 28 января 1933 г. японское посольство в Москве направило в НКИД ноту, в которой, наряду с утверждением, что в Советском Союзе неправильно поняли речь министра иностранных дел Японии, содержалось дезавуирование указанного коммюнике военного министерства (см. док. № 28).— *29, 42, 68*.

[13] Официальных переговоров между СССР и Чехословакией в 1933 г. о торговом договоре не было. Во время встречи А. Я. Аросева и Ф. Ф. Килевича с заведующим политическим отделом МИД Чехословакии Велнером

23 января 1933 г. последним был поднят вопрос об уплате торгпредством СССР налогов с оборота. Аросев изложил советскую точку зрения, которая сводилась к тому, что «вопрос о налогах не может быть рассматриваем отдельно от вопроса о договоре о торгпредстве» и что они должны быть разрешены одновременно.

Позднее в письме Н. Н. Крестинского от 7 августа 1933 г. представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому говорилось: «На очереди стоит возобновление дипломатических отношений, а не заключение торгового договора. Дипломатические отношения в настоящий политический момент важнее, чем торговый договор».— *30*.

[14] Советская хозяйственная делегация во главе с членом коллегии НКВТ СССР Ш. М. Двойлайским находилась в Финляндии по приглашению финляндского правительства с 8 по 15 декабря 1932 г.

Делегация посетила Гельсингфорс (Хельсинки), Таммерфорс (Тампере) и Або (Турку) и познакомилась с работой ведущих фирм Финляндии.

Временный поверенный в делах СССР в Финляндии Н. Г. Поздняков в письме от 27 декабря 1932 г. в НКИД СССР сообщал, в частности, о пребывании делегации: «Официальные и коммерческие круги, особенно те, которые заинтересованы в нашем импорте, были очень внимательны и радушны к нашей делегации. Это проявилось в ряде фактов, прежде всего в исключительно огромном количестве завтраков и обедов, а главное в полном отсутствии официальной атмосферы в ходе различного рода встреч».— *37*.

[15] Суть упоминаемого конфликта в погранкомитете состояла в том, что председатель финляндской делегации в 4 Местной контрольной комиссии Вилламо на заседании 21 сентября 1932 г. в финском селе Куусамо допустил в отношении советской делегации ряд бестактных поступков: отказался предъявить удостоверения о правомочности членов делегации и сообщить фамилию переводчика финляндской делегации; не допускал советскую делегацию в течение 25 минут в помещение; потребовал от советской делегации сдать оружие. После срыва заседания Вилламо отказался предоставить советской делегации средства передвижения и сообщить советской погранохране о том, чтобы ее встретили на границе.— *39*.

[16] Имеется в виду сообщение ТАСС с изложением японской ноты от 13 декабря 1932 г. и ноты Советского правительства от 4 января 1933 г. (см. док. № 2), опубликованное в советской печати 17 января 1933 г. (см. газ. «Известия», 17 января 1933 г.). — *41*, *43*.

[17] Сообщая об исполнении данной директивы, А. А. Трояновский 24 января 1933 г. телеграфировал в НКИД СССР: «Сегодня в 11 часов утра я прочитал Арита в переводе на английском языке порученное заявление».— *43*.

[18] Беседа Л. М. Карахана с Ота продолжалась 21 января 1933 г. Ота упорно добивался исключения из ноты Советского правительства от 4 января 1933 г. (см. док. № 2) фразы, в которой говорилось о «развитии политики какого-нибудь государства в сторону агрессии», угрожая, что в противном случае японское правительство может быть вынуждено вернуть советскую ноту и дать в прессу объяснение этого шага. Карахан отклонил домогательства Ота, заявив, что вопрос уже решен и что «вчера, 20 января, Трояновскому послана инструкция — дать ответ японскому правительству о невозможности исключить из ноты фразу об агрессивном государстве» (см. док. № 20).

Отвергая попытки Ота обвинить Советский Союз в создании «весьма неблагоприятной атмосферы» между СССР и Японией, Карахан заявил: «Если мы не могли не считаться, совершенно естественно, с положением, сложившимся на Дальнем Востоке, то движущей силой в создании деликатной и напряженной обстановки на Дальнем Востоке является только Япония... Никто не вправе ожидать, что мы закроем глаза на события, которые происходят вблизи наших границ, и будем считать положение там столь же спокойным, каким оно было до 18 сентября 1931 г. Именно

потому, что мы хотели смягчить напряженность положения и улучшить отношения, мы предложили Японии заключить пакт о ненападении. Отклонив это предложение, Япония способствовала созданию неблагоприятной атмосферы, а не наша нота, которой мы доказывали полезность пакта и неосновательность возражения японской стороны против пакта. Если мы ведем мирную политику, это не значит, что мы можем быть безразличны насчет обороны наших границ. Конечно, мы будем систематически работать над укреплением обороноспособности нашей страны, и мне кажется, что Япония должна в полной мере уважать такую позицию СССР. Но, уделяя серьезное внимание вопросам обороны, мы одновременно принимаем все меры к тому, чтобы заключить со всеми своими соседями, в том числе и с Японией, пакты о ненападении, чтобы обеспечить действительный мир в отношениях со всеми соседями».— *50*.

[19] Доклад сделал Председатель СНК СССР В. М. Молотов.— *50, 778*.

[20] В письме от 1 февраля 1933 г. в НКИД СССР М. В. Кобецкий сообщил, что «в результате соглашения между социал-демократами, радикалами и аграриями проведен закон, запрещающий локауты и стачки на один год и оставляющий в силе на этот срок существующие коллективные договоры».

Касаясь взаимоотношений Дании с Советским Союзом, полпред указывал на «интерес правительства к торговым отношениям с СССР», в результате чего «торгпредство получило необходимые ему импортные лицензии на первые 4 месяца этого года».

В письме также отмечалось, что «наряду с благожелательным отношением к нашей торговле со стороны правительства, продолжается враждебная нам кампания наших конкурентов. Так, общество оптовых торговцев постановило требовать от правительства денонсирования соглашения 1923 г. о торговле с СССР».— *56*.

[21] В упоминаемом сообщении говорилось:

«В 12 час. 30 мин. 23 января с. г. в районе Тумыньцза (25 км западнее Барабаша) начался бой японцев с китайскими партизанами. В 12 час. 15 мин. часть партизан, преследуемая японцами, перешла границу и была нами интернирована. В 13 час. 20 мин. японцы перенесли артиллерийский огонь на нашу территорию в районе погранзнака литер «р» на глубину от 50 до 600 м. Отмечены три воронки от разрывов снарядов. В 13 час. 29 мин. и 13 час. 50 мин. в этом районе перешли границу две группы японцев по 40 человек каждая и вели ружейно-пулеметный огонь по отступающим на нашу территорию партизанам, из коих 3 убито и 1 ранен на нашей территории. По требованию начальника погранзаставы японцы отошли обратно на китайскую территорию. В 16 час. с китайской территории было дано 3 пулеметных очереди по нашим наблюдателям на безымянной высоте, что севернее погранзнака литер «р». Деревня Пфунзурген (на карте нет) на китайской территории подожжена японцами. В местах разрыва японских снарядов собраны осколки, произведены фотоснимки и составлен акт. Всего нами интернировано в этом районе 63 партизана, 25 женщин и 8 детей. Изъято 16 винтовок и 7 гранат».

А. А. Трояновский, выполняя указанное поручение, сделал представление заместителю министра иностранных дел Японии Арита 30 января 1933 г. В ответе от 18 февраля 1933 г. японский МИД отрицал приведенные Трояновским факты.— *57*.

[22] 7 января 1932 г. государственный секретарь США Стимсон направил идентичные ноты Японии и Китаю, в которых излагалась позиция американского правительства в отношении японских захватов в Китае. Американское правительство заявляло, что оно не признает и не будет признавать договоров или созданных де-факто положений, «которые могут нанести ущерб договорным правам США или их граждан в Китае, в том числе тем из них, которые связаны с суверенитетом, независимостью, территориальной и административной целостностью Китайской республики, а

также международной политикой, относящейся к Китаю и известной под названием политики «открытых дверей». Эта так называемая «доктрина непризнания», известная также как «доктрина Стимсона» или «доктрина Гувера», носила декларативный характер, поскольку правительство США не хотело предпринимать каких-либо действий для отпора японской агрессии.— *57*.

[23] Публикуемая телеграмма явилась ответом на телеграмму Ф. Е. Ткачева в НКИД СССР от 3 февраля 1933 г. Ткачев сообщал, что 31 января 1933 г. его посетил административный и дипломатический начальник Кашгарского округа Ма Шао-у, который усиленно интересовался советской оценкой событий в Синьцзяне (см. прим. 269) и просил оказать «помощь оружием, валютой и войсковыми частями». Одновременно он предлагал советскому консулу осмотреть аэродром и определить его пригодность для эксплуатации.— *73*.

[24] Речь идет о выступлении польского делегата Рачинского 6 февраля 1933 г. на 31-м заседании Генеральной комиссии (см. «Actes de la Conférence pour la Réduction et la Limitation des Armements», Série B. Procès-Verbal de la Commission Générale. Vol. II. Genève, 1933, pp. 233—234), в общей дискуссии по плану Эррио (см. т. XV, прим. 284).— *54*.

[25] Протокол о выполнении Договора о радиофикации МНР был подписан представителями СССР и МНР 15 октября 1935 г. (см. сб. «Советско-монгольские отношения 1921—1966...». М., 1966, стр. 87—88).— *89*.

[26] На советско-английских переговорах о торговом договоре английская сторона, придерживаясь «твердой» позиции, обусловливала предоставление торгпредству дипломатического иммунитета уступками с советской стороны по вопросу о «Торгсине», «Лена-Голдфилдс», железнодорожных билетах и таможенном досмотре произведений искусства, принадлежащих английским дипломатам. На втором заседании конференции, состоявшемся 9 февраля 1933 г., английская сторона представила четыре меморандума, в том числе меморандум о снабжении английских дипломатов в Москве. В нем заявлялось, что ввиду невозможности для состава британского посольства и британских консульств в Советском Союзе покупать потребляемые ими продукты соответствующего качества и характера на рынке, британское правительство «не может согласиться с сохранением исключительных привилегий, предоставленных торгпредству СССР в Лондоне и двум его заместителям в соответствии со ст. 2-й временного торгового соглашения 1930 г.». В меморандуме указывалось, что британское правительство будет придерживаться этой позиции до тех пор, пока упомянутые выше британские государственные служащие будут обязаны платить «чрезмерные цены за продукты в советских государственных магазинах или оплачивать пошлины и другие сборы на аналогичные продукты, импортируемые из-за границы». Однако, говорилось в меморандуме, британское правительство готово примириться с оплатой «пищевых продуктов (но не других товаров)» иностранной валютой в «Торгсине», имея при этом в виду, что при заключении нового англо-советского торгового соглашения, в котором британское правительство взяло бы на себя обязательство о предоставлении торгпредству дипломатического иммунитета, состоится обмен нотами или письмами, в которых Советское правительство со своей стороны возьмет обязательство относительно снабжения английских дипломатов в Москве. Советская делегация отводила эти претензии как беспочвенные и не имеющие отношения к предмету данных переговоров. Об этом же заявляли народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов и его заместитель Н. Н. Крестинский в беседах с английским послом Чилстоном (см. док. № 408, 417).

На том же заседании 9 февраля 1933 г. английская делегация в качестве компенсации за возможное согласие английской стороны на предоставление торгпредству дипломатического статуса потребовала, чтобы сотрудники посольства и консульств Англии в Советском Союзе, а также англий-

ские дипломатические курьеры, доставлявшие диппочту в Москву, имели возможность приобретать железнодорожные билеты по маршруту Москва — Лондон за советскую валюту. Существо вопроса заключалось в том, что между Англией и СССР не имелось конвенции о прямом железнодорожном сообщении. По состоянию на начало 1933 г. у Советского Союза имелись такие конвенции с Германией, Италией, Австрией, Чехословакией, Польшей, прибалтийскими и скандинавскими странами. Сотрудники миссий этих стран в СССР имели возможность получать за соввалюту билеты в свои страны. В силу вышеуказанного обстоятельства эти привилегии не распространялись на сотрудников английского посольства и дипломатических курьеров.

Что касается претензий относительно того, чтобы при выезде английских дипломатов из СССР их багаж не подлежал таможенному досмотру на предмет выявления произведений искусства, то на завершающем этапе торговых переговоров английская сторона не обусловливала предоставление дипломатического иммунитета торгпредству удовлетворением этих требований. Полпред СССР в Лондоне И. М. Майский в беседе в Москве 23 ноября 1933 г. с английским послом в СССР Чилстоном по вопросу о «Торгсине», железнодорожных билетах и предметах искусства разъяснил ему нелепость английских требований «и встретил у него значительное понимание нашей точки зрения». В телеграмме в полпредство СССР в Лондоне от 23 ноября 1933 г. Майский сообщал, что Чилстон «вполне удовлетворен моими разъяснениями по вопросу о железнодорожных билетах и предметах искусства. Обещал снестись с Форин офисом» (см. также док. № 447). — *91, 139, 498, 512, 678, 718.*

[7] Советская делегация на советско-английских торговых переговорах внесла на заседании 17 февраля 1933 г. предложение о создании двух комиссий: а) по выработке проекта нового торгового договора (комиссия «А»); б) по вопросам платежного баланса и кредитов (комиссия «Б»). Это предложение было принято. 21 февраля 1933 г. состоялось заседание комиссии «А», на котором обсуждался вопрос о наибольшем благоприятствовании. Английская делегация заявила о невозможности его безоговорочного предоставления. Вильсон соглашался на включение в проект договора положения о наибольшем благоприятствовании при условии дополнения его положением, вытекающим из § 21 англо-канадского соглашения, что означало фактически заведомую дискриминацию советского экспорта (см. т. XV, прим. 34). Советская делегация заняла принципиальную позицию, исходящую из интересов обеспечения для советской торговли в Англии условий, не хуже тех, которые предоставляются на английском рынке внеимперским странам.

23 февраля состоялось заседание комиссии «Б». Советская делегация изложила свое предложение по улучшению торгового и платежного баланса, исходящее из следующих соотношений экспортной выручки ко всем платежам в Англию: первый год — 2 : 1; второй — 1,75 : 1; третий — 1,5 : 1; четвертый — 1,4 : 1; пятый год — 1,2 : 1. При этом было подчеркнуто, что такое предложение делается Советским правительством впервые и как исключение для Англии. Вильсон заявил, что указанное советское предложение требует подробного рассмотрения и оценки. Переговоры были прерваны и возобновились 8 июля (см. док. № 241, прим. 180). — *91.*

[8] А. М. Коллонтай письмом от 21 февраля 1933 г. сообщила Б. С. Стомонякову о предложении Швеции предоставить Советскому Союзу заем в размере 100 млн. крон. «Этот проект шведского правительства находится в обработке и, очевидно, в течение марта — апреля месяца будет внесен на рассмотрение риксдага»; «торгпред ведет с промышленниками, а также с министерством финансов предварительные переговоры».

В письме от 12 мая 1933 г. она излагала основные шведские условия предоставления займа. «Заем предполагает сумму минимум — 130, максимум — 150 млн. крон. В среднем устанавливается 7% годовых». Далее го-

ворилось о гарантиях Советского правительства по своевременной выплате займа. Шведская сторона предлагала, чтобы Советское правительство обеспечило гарантию: а) 42,5% — облигациями; б) 42,5% — предметами искусства (картины, алмазы, драгоценности, платина и др.); в) 15% — золотом. Указывался порядок выплаты займа.

27 мая 1933 г. Стомоняков писал Коллонтай: «Шведское предложение само по себе, несомненно, представляет большой интерес, и для нас имело бы громадное значение, особенно при настоящих условиях, получить товарный кредит на 8 лет. Однако требование далеко идущего материального обеспечения делает это предложение для нас неприемлемым» (см. также док. № 371).

Что касается дальнейших переговоров о продаже советской нефти, то Коллонтай в письме от 21 февраля указывала: «Сейчас у «Нафты» есть еще одно большое достижение: получение от рабочей кооперации 1 млн. 100 тыс. крон на постройку складов совнефти. Это Вам подразумевает закрепление нашей нефти на здешнем рынке».— *92*.

[29] Речь идет о беседе посланника Германии в Швеции Розенберга с и. о. министра иностранных дел Швеции Унденом.

Шведская газета «Социал-демократен» опубликовала ряд статей о Гитлере. Геринг прислал газете угрожающую телеграмму. Вся шведская печать высмеяла Геринга и Гитлера за эту телеграмму. По сообщениям шведской печати посланник Германии Розенберг посетил Унден и заявил ему протест.

11 февраля 1933 г. Унден выступил с заявлением, в котором указывалось, что посланник Германии не заявлял протеста. Во время беседы посланнику было разъяснено, что по законам страны шведская пресса независима и что правительство не может нести ответственности за ее высказывания.— *92*.

[30] Письмом от 21 февраля 1933 г. А. М. Коллонтай информировала НКИД СССР о германо-шведских отношениях, отметив, в частности, что «с 15 февраля между Швецией и Германией существуют «бездоговорные» отношения и, по существу, открыта настоящая таможенная война. Германия подняла пошлины на пять товаров шведского экспорта, главным образом сельскохозяйственных. Швеция в ответ ударила Германию прекращением ввоза [товаров] широкого потребления и повышением пошлины на немецкий экспорт». «По линии же политической,— говорилось в письме,— настроение в общем и целом антигитлеровское. Нет ни одной газеты, которая высказывала бы симпатии гитлеровцам».— *93*.

[31] В телеграмме НКИД СССР полпреду СССР в Лондоне от 18 февраля 1933 г. содержалось указание «отказаться разговаривать по существу первых трех документов и изложить нашу позицию только по четвертому».— *95*.

[32] 19 июля 1933 г. полномочное представительство СССР в Афганистане нотой за № 467 известило МИД Афганистана, что стоимость телеграфного имущества по списку № 2 определена в 2500 руб.

В ответной ноте от 29 июля 1933 г. № 2116/1752 МИД Афганистана сообщил о согласии почтового управления Афганистана купить телеграфное имущество по списку № 2 и просил ускорить передачу имущества по списку № 1.

30 июля 1933 г. Л. Н. Старк направил Файз Мухаммед-хану ноту, в которой, в частности, говорилось: «Имею честь сообщить Вам, что мною дается указание Генеральному консулу СССР в Герате о передаче гератским властям находящегося в Герате телеграфного имущества по списку № 1, подлежащего бесплатной передаче Правительству Афганистана согласно договора 1921 г. Вместе с тем я имею честь довести до Вашего сведения, что с передачей указанного имущества Правительство СССР считает законченным свои обязательства по соответствующему (касательно телеграфного имущества) пункту договора 1921 г.».

В ответной ноте от 21 сентября 1933 г. № 2205/1781 Файз Мухаммедхан выразил благодарность афганского правительства по поводу передачи телеграфного имущества.— *100*.

[33] 30 декабря 1932 г. С. Б. Каган и А. С. Бессонов посетили Вильсона по поручению И. М. Майского и А. В. Озерского с целью выяснить, что «англичане имеют в виду под теми неопределенными формулировками, которые содержатся в их записках, присланных 29 декабря 1932 г.». Вильсон, отвечая Кагану и Бессонову, подчеркнул, что указанный «документ составлен нарочито расплывчато и неопределенно, чтобы дать возможность начать дискуссию», так как «от формулированных конкретных предложений труднее отступать и труднее маневрировать». Вильсон затем отметил важность урегулирования вопроса о расчетном балансе в торговле между СССР и Великобританией в качестве необходимого шага в деле подготовки нового торгового соглашения.

Отвечая на вопросы Кагана и Бессонова, в частности об использовании английского тоннажа Советским Союзом, Вильсон смог назвать «лишь гадательную цифру, скажем 85—90% использования английских судов». Вильсон оказался не в состоянии прокомментировать, в связи с вопросом Бессонова, заявление Колвилла Озерскому о том, что «вопрос использования английского тоннажа нельзя решать административным путем», поскольку «это целиком должно быть отнесено к частным переговорам». В конце беседы Вильсон уточнил содержание пункта 4 английского документа от 29 декабря 1932 г., в котором упоминалось, что «британские судовладельцы подняли перед правительством Соединенного Королевства ряд вопросов, касающихся отношения к британскому тоннажу». Вильсон разъяснил, что имелись в виду вопросы о сроках договоров на фрахтование судов и спасательное дело.— *102*.

[34] Беседа А. А. Бекзадяна с Эсмархом 23 января 1933 г. касалась переговоров по вопросу о госгарантии. Эсмарх выразил пожелание об ускорении начала переговоров. Бекзадян ответил, что «размеры наших закупок этих товаров за прошлые годы красноречиво говорят о том, что мы учитывали их удельный вес для рыбацкого населения Севера и предоставляли Норвегии условия наилучшего благоприятствования, но что по переживаемым условиям наш импортный план в этом году будет сокращен». Далее Бекзадян указал, что покупка сельди в Норвегии не вызывается насущными потребностями Советского Союза.— *106*.

[35] Имеется в виду Кредитное соглашение между Госбанком СССР и торгпредством СССР в Германии, с одной стороны, и «Дейче банк унд Дисконто-гезельшафт» и «Дрезденер банк», с другой, о предоставлении Госбанку СССР указанными германскими банками кредита на сумму 140 млн. германских марок. Это соглашение и относящиеся к нему документы, перечисленные ниже в публикуемом протоколе, не печатаются. Их содержание изложено в следующем резюме, подготовленном Экономической частью НКИД СССР:

«Кредит предоставлен в размере 140 млн. марок, из коих «Дейче банк» представил 50 и «Дрезденер банк» — 90 млн. Кредит выдается под векселя, которые выдаются советским хозорганам (по совместному выбору с Банковским консорциумом, образуемым кредиторами, акцептируется торгпредством и жирируется Госбанком). Уплата по векселям производится в германских марках, причем условлено, что марка равна 1/2790 кг чистого золота. Разница в курсе марки нами оплачивается в 10-дневный срок.

Обеспечение кредита

Кредит выдается под специальные обеспечения, установленные в отдельном соглашении с «Дрезденер банк» (см. ниже). В случае недостижения соглашения по гарантиям кредит соответственно сокращается.

Споры

Споры по кредитному соглашению разрешаются в порядке третейского разбирательства. При недостижении соглашения об арбитре или невыставлении одной из сторон своего представителя, последний назначается по ходатайству другой стороны германской судебной инстанцией.

Особое соглашение с «Дейче банк»

«Дейче банк» предоставляет кредит в 50 млн. марок.

Кредит предоставляется по частям (всего 7 частей). Срок кредита 14 месяцев со дня предоставления каждой из частей общей суммы кредита. Учетная ставка установлена в 1,6 при ставке Рейхсбанка 5,6 + 3% других банковских издержек.

Обязательства по продаже золота

За предоставленный кредит Советский Союз обязывается продать Германии золота в 1933 г. на 125 млн. марок, в 1934 г.— на 100 млн. марок. Большая часть золота должна быть продана на марки. За часть золота Советский Союз может требовать инвалюту лишь в тех размерах, в каких это необходимо для погашения задолженности немецким фирмам, если эта задолженность выписана в иностранной валюте и платеж по ней должен быть произведен за границей.

Выручка от проданного в Германии золота должна пойти полностью на погашение советских обязательств в Германии и на погашение настоящего кредита.

Специальное соглашение с «Дрезденер банк»

«Дрезденер банк» предоставил кредит в 90 млн. марок. Срок кредита, порядок выдачи векселей, учетная ставка и гарантирование курса марки те же, что и в соглашении с «Дейче банк».

Обеспечение кредита

1. 20 млн. марок кредита обеспечивается 25 млн. марок нашей выручки по договорам с нашими поставщиками.

2. 15 млн. марок уступкой требований «Нефтеэкспорта» по договору с испанской монополией «Кампса». Стоимость этих поставок оценивается для 1933 г. в 11,5 млн. марок, а для 1934 г.— 13,8 млн. марок.

3. 5 млн. марок обеспечиваются уступкой наших требований по договорам:

а) «Нефтеэкспорта» с «Пурфиной» (договоры от 21.VII 1932 г. и 26.11.1932 г.),

б) «РОП» («Рашен ойл продактс лимитед».— *Red.*). London, с Western India oil distributing Co. [30.XI.1932 г.]

в) «РОП» с Lubricating and fuel oil Ltd., 16.IX—30 г.

г) «Марганец-экспорт» с Bethlehem steel, 21.XI — 30 г.

Минимум поступлений по этим соглашениям оценивается для 1933/34 г. в 27,7 млн. марок. Копии всех договоров прилагаются к настоящему кредитному соглашению.

4. Выручка по договорам, переуступленным Банковскому консорциуму, поступает на специальный текущий счет по его указанию. В случае превышения поступлений по выручке у контрагентов наших хозорганов сверх гарантированной суммы последние поступают в распоряжение Госбанка.

5. 7 млн. марок обеспечиваются товарами, из коих лёса на 6 млн. марок, марганца — 1 млн. марок, железной руды — 1 млн. марок, пушнины — 500 тыс. марок. Все названные товары должны быть складированы либо в морских гаванях, либо на расстоянии 200—400 км от гавани европейской части СССР. Товары, принимаемые в залог, оцениваются в 75% их рыночной стоимости.

6. 100 млн. марок гарантируются облигациями наших хозорганов, а именно: 62,5 млн. марок — под солидарную ответственность «Азнефти», «Грознефти» и «Союзнефтеэкспорта»; 15,75 млн.— под солидарную ответственность «Севзаплеса», «Северолеса» и «Экспортлеса»; 31,25 млн.— облигациями «Союзпушнины»; 6,25 млн. — «Заготлен» и «Экспортлен»; 6,25 млн.— «Чиатурамарганец» и «Союзметимпорт».

7. 13 млн. облигациями треста «Востокзолото» и поставками Госбанка золота на внешние рынки в размере 16,25 млн. золотых марок. Держатель облигации может требовать ее выкупа либо в марках, либо в долларах, франках и т. д. по месту, где названная валюта является действительной в денежном обороте.

8. Облигации, выдаваемые хозорганами, принимаются в обеспечение из расчета 80% их номинальной стоимости. В случае реализации облигаций до срока, держатель не вправе без согласия советской стороны реализовать ее иначе, как по номиналу.

Названное выше обеспечение действует в отношении к кредиту, представленному обоими банковскими консорциумами.

Долговые условия

1. Держатель советского долгового и процентного обязательства со дня наступления дня уплаты первого платежа вправе требовать уплаты ему такового нефтепродуктами. «Нефтеэкспорт» и его филиалы за границей обязаны это требование удовлетворить. Это же требование может быть адресовано торгпредству в Германии и другому торгпредству за границей. Долговое обязательство в уплату за нефть принимается из расчета его по номиналу.

2. Должник обязывается на протяжении всего срока действия долгового обязательства, в случае выдачи им новых обязательств, согласовать последние с кредиторами с тем, чтобы для последних были представлены преимущественные гарантии.

3. Советское правительство полностью принимает на себя гарантии по настоящему кредиту».— *112, 114.*

[36] В письме Ши Лю-бана М. М. Славуцкому от 6 февраля 1933 г. утверждалось о якобы имевших место случаях нарушения советско-маньчжурской границы с советской стороны, «в особенности в районе озера Ханка».— *116.*

[37] Заверения германских правящих кругов, гитлеровской дипломатии в стремлении правительства Германии к сохранению нормальных и даже «дружественных» отношений с СССР были насквозь лицемерными. Они не имели ничего общего с резко антисоветским курсом германской политики в 1933 г., который находит свое отражение в большинстве документов, касающихся Германии, публикуемых в настоящем томе.

Как указывалось в отчете полпредства СССР в Германии за 1933 г., «эти заверения были не чем иным, как маневром, имевшим целью, с одной стороны, успокоить нас и снять вину за террор против советских учреждений и граждан с центральных правительственных органов Германии, с другой стороны, для того, чтобы выиграть время и дать возможность местным органам власти полностью исчерпать возможности нового антисоветского курса, не неся за это никакой ответственности».

В связи с этим в отчете далее говорилось: «Немудрено поэтому, что советская общественность и Советское правительство с чрезвычайной на-

стороженностью и скепсисом отнеслись к «миролюбивым» заявлениям Гитлера от 20 марта и 17 мая, к ратификации Берлинского договора и к выступлению Нейрата от 16 сентября 1933 г., считая эти выступления и акты лишь маневром, имеющим лишь одну цель — выиграть время и прикрыть действительное направление внешней политики, продолжающей оставаться резко антисоветской» (см. также т. XV, прим. 188).— *120, 135, 149, 150, 216, 266, 386, 465, 538.*

[38] А. А. Трояновский выехал из Японии в феврале 1933 г. и в конце 1933 г. был назначен полпредом СССР в США. Новый полпред СССР в Японии К. К. Юренев, бывший до этого полпредом в Австрии, вручил свои верительные грамоты 20 марта 1933 г.— *121.*

[39] Записка Ота по рыболовным вопросам в архиве МИД СССР не обнаружена.

В апреле — мае 1933 г. имел место ряд бесед по вопросам рыболовства между заведующим II Восточным отделом НКИД СССР Б. И. Козловским и советником посольства Японии в СССР Сако. В беседе от 22 апреля 1933 г. Сако, в частности, сказал, что японский посол считает, что нужно составить и вручить НКИД СССР меморандум с изложением пожеланий японского правительства, направленных к предотвращению недоразумений и споров. Он же, Сако, полагает, что составлять такой меморандум не нужно и что он может обсудить с Козловским и выяснить все вопросы. Козловский согласился с Сако в том, что они могут с большим успехом обсудить и выяснить эти вопросы без излишней переписки. Видимо, поэтому Ота упоминаемую выше записку (меморандум) в НКИД не направил.

Сако в ходе беседы признал, что «крупных спорных вопросов в области рыболовства» между Японией и СССР не имеется и что «основные вопросы были урегулированы соглашением, подписанным в 1932 г.» (см. т. XV, док. № 319). По указанию японского правительства он в беседах с Козловским ставил ряд вопросов, большинство которых выдвигалось раньше и на которые Советское правительство в свое время дало ответ. К ним относились вопросы, касавшиеся норм улова, способа исчисления улова на консервных заводах, условий аренды, списка товаров, разрешаемых к беспошлинному ввозу на рыболовные участки, ограничения размера неводов, пристранства между рыболовными участками и т. д.— *122.*

[40] Дин Чао, руководитель «старотитинцев» (см. т. XV, прим. 11), в начале января 1933 г. сдался в плен японским войскам, «выявил глубокое раскаяние» и выразил желание «загладить вину службой у Маньчжоу-Го». В феврале 1933 г. он был «амнистирован» маньчжоугоскими властями и военный министр Маньчжоу-Го назначил его своим «высшим советником».— *122.*

[41] По-видимому, имеется в виду речь наркома по военным и морским делам К. Е. Ворошилова на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. Касаясь международной обстановки и укрепления обороны СССР, он, в частности, сказал: «Как на всех прочих участках, так и на Дальнем Востоке мы ведем неуклонную политику мира, абсолютного невмешательства в чужие дела и развития дружественных связей со всеми нашими соседями».— *123.*

[42] Имеется в виду пункт 4 статьи 15 Статута Лиги наций, в котором говорилось:

«Если спор (между членами Лиги наций.— *Ред.*) не мог быть урегулирован, то Совет составляет и публикует доклад, принятый либо единогласно, либо по большинству голосов, осведомляющий об обстоятельствах спора и о решениях, рекомендуемых им в качестве наиболее справедливых и наиболее подходящих к обстоятельствам дела».— *125.*

[43] Имеется в виду заявление делегата Японии в Лиге наций Мацуока женевскому корреспонденту «Нью-Йорк таймс» от 26 февраля 1933 г., а также его интервью для прессы от 13 февраля 1933 г.— *125.*

[44] В сообщении японского правительства, переданном 7 июля 1932 г. советником посольства Японии в СССР Амо заведующему 11 Восточным отделом НКИД Б. И. Козловскому, со ссылкой на «показания» некоего корейца Ли Хак Уна утверждалось, что Ли Хак Ун, якобы завербованный «владивостокским ГПУ», был вместе с тремя другими лицами корейской национальности снабжен взрывчатыми веществами и направлен в Корею с заданием взорвать железнодорожный мост на р. Ялуцзян или железнодорожные мосты на реках Тэдонган и Чончонган.

26 июля 1932 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Л. М. Карахан по поручению Советского правительства сделал заявление послу Японии в СССР Ота. В нем указывалось, что, как показало расследование, «все сообщение корейца Ли с начала до конца является злостным и провокационным вымыслом». «Союзное правительство надеется»,— говорилось в заявлении,— что японские власти отнесутся должным образом как к автору провокационного заявления, так и примут все необходимые и энергичные меры к выяснению вдохновителей и организаторов этого провокационного дела, имеющего несомненной целью ухудшение отношений между СССР и Японией».— *131.*

[45] Публикуемые в настоящем томе протесты и демарши СССР против антисоветских акций германских властей в 1933 г. составляют лишь часть всех мер такого рода, предпринимавшихся НКИД и полпредством СССР в Германии. Так, одним только полпредством, согласно его отчету за 1933 г., было направлено в МИД Германии «217 нот, не считая бесчисленных устных представлений». Эти материалы нашли наиболее полное отражение в сводном меморандуме, врученном полпредом Л. М. Хинчуком министру иностранных дел Германии Нейрату 26 сентября 1933 г.

В меморандуме, в частности, говорилось, что за время с января по сентябрь 1933 г. фашистскими властями было произведено 39 незаконных арестов советских граждан, 69 обысков на квартирах, не считая многочисленных задержаний и обысков на улице; что репрессии германских властей были направлены на дезорганизацию и подрыв хозяйственной деятельности торгпредства СССР и советско-германских акционерных обществ «Дероп» (см. прим. 46), «Дерутра» (см. т. IV, док. № 80, 81) и др. Это явилось одной из причин того, что экспорт СССР в Германию в 1-й половине 1933 г. сократился на 44%, в то время как импорт из Германии за то же время сократился лишь на 12%. «Резко протекционистские торгово-политические мероприятия Германии за этот период времени,— говорилось далее в меморандуме,— нанесли тяжелый удар по таким важнейшим статьям экспорта СССР, как масло, жмыхи и др. Состоявшиеся в течение того же времени переговоры показали, что все предложения советской стороны с целью как-то смягчить влияние этих протекционистских мер на советский экспорт систематически отклонялись германской стороной». Последняя, в частности, объявила недействительным советско-германское соглашение от 2 мая 1932 г. (см. т. XV, прим. 236) и «полностью отказалась покупать советские зернопродукты». В то же время пассивное сальдо торгового баланса СССР увеличилось настолько, что для покрытия своих платежных обязательств ему потребовалось бы ввезти в Германию «золота и валюты не менее, чем на 350 млн. марок». При этом германская сторона отклонила ходатайства полпредства СССР об увеличении контингента по блокированным счетам с 60 до 90 млн. марок.

В заключительной части меморандума, касающейся антисоветских акций политического характера, констатировалось: «Истекшие 8 месяцев были устрашающим образом насыщены резкими политическими кампаниями, направленными против СССР, которые не имеют себе равных во всей истории советско-германских отношений». Сюда относились антисоветская переориентация внешней политики Германии, призывы к войне против СССР, к захвату Советской Украины, создание белогвардейской организации «Ронд» (см. док. № 209), провокационная «голодная кампания», начатая

в июле 1933 г. (см. док. № 209, 217); клеветническое сообщение агентства Конти в сентябре 1933 г. о мнимых планах «коммунистического переворота» в Германии и публикация полицейской брошюры «Вооруженное восстание»; отказ допустить представителей советской печати на Лейпцигский процесс по делу о поджоге рейхстага (см. док. № 293, 294, 300, 301, 329).

По поводу позиции германской стороны в связи с советскими протестами и демаршами в упомянутом отчете полпредства за 1933 г. говорилось: «Бесчисленные ноты и заявления протеста, делавшиеся в этот период полпредством СССР в Германии, в подавляющем большинстве случаев остались без всякого удовлетворения. Беззаконие и бесчинства по отношению к советским учреждениям и организациям продолжались в том же размере вплоть до сентября месяца, когда решительное поведение СССР в журналистском конфликте (см. док. № 300, 301.— *Ред.*) заставило германское правительство всерьез задуматься над последствиями своего поведения и круто изменить свое отношение к советским учреждениям и гражданам в Германии. Потерпев видимое поражение в журналистском конфликте, германское правительство производит некоторый нажим на местные органы, в результате которого волна бесчинств и безобразий по отношению к советским учреждениям и советским гражданам стала заметно спадать и в конце года сошла почти на нет».— *133, 215, 220, 539, 741, 792.*

[45] «Дероп» — советско-германское акционерное общество торговли нефтяными продуктами; занималось сбытом бензина, экспортируемого из СССР в Германию; подвергалось преследованиям германских властей, особенно после захвата власти гитлеровцами. Наряду с многочисленными обысками, арестами советских граждан — сотрудников «Дероп» германское правительство назначило 24 апреля 1933 г. так называемого государственного комиссара по делам «Дероп» Хольмана, что сделало нормальную работу общества невозможной: его отделения бойкотировались, нефтепродукты незаконно конфисковались, договоры о поставке расторгались, склады и колонки закрывались. В результате в первой половине 1933 г. сбыт нефтепродуктов сократился более чем на 40% по сравнению с тем же периодом 1932 г. Хотя во 2-й половине 1933 г. министерства экономики и внутренних дел Германии издали распоряжение о содействии закупкам нефтепродуктов у «Дероп», враждебная атмосфера, созданная вокруг него, фактически поставила общество в положение бойкотируемой фирмы. В меморандуме полпредства СССР в Германии МИД Германии от 26 сентября 1933 г. по этому поводу говорилось: «В общем приходится прийти к заключению, что от тяжелого удара, который нанесла «Дероп» кампания травли в марте и апреле, «Дероп» вряд ли сможет оправиться» (см. также т. XIII, прим. 15).— *133, 140, 162, 171, 175, 196, 211, 220, 221, 257, 266, 273, 321, 327, 383.*

[47] Имеется в виду так называемый «Организационный пакт» стран Малой Антанты, подписанный в Женеве 16 февраля 1933 г. Румыния, Югославия и Чехословакия взаимно обязались не заключать никаких политических договоров с третьими странами без ведома и согласия других участников пакта и равно не заключать таких экономических соглашений, которые могли бы иметь политические последствия, в частности изменить отношение одного из участников пакта к какой-либо третьей стране. Для руководства и согласования внешней политики стран Малой Антанты учреждались Постоянный совет в составе министров иностранных дел государств-участников пакта и Постоянный секретариат, одно из отделений которого должно было находиться в Женеве. Предусматривалось создание Экономического совета для «координации взаимных отношений и отношений с третьими странами» (подробнее см. газ. «Известия», 28 марта 1933 г.).— *136, 156, 183, 428.*

[48] Советские граждане А. Р. Муштаков и А. Р. Рубин были арестованы австрийскими властями якобы по подозрению в «соучастии в поджоге рейхстага» 27 февраля 1933 г. на том основании, что они вечером того же числа

выехали из Берлина в Вену. По этому поводу временный поверенный в делах СССР в Австрии П. К. Некунде сообщал Н. Н. Крестинскому в письме от 4 марта 1933 г.: «Австрийские власти прекрасно знали, что пожар в Берлине — провокация фашистов. Если у них (австрийских властей.— *Ред.*) возникло сомнение насчет правильности паспортов и виз у этих лиц, на что они ссылались при аресте, то это ведь могло быть выяснено немедленно по телефону в полпредстве, и не было никакой надобности держать их два дня в тюрьме. После появления сообщений об этом случае австрийская пресса подняла кампанию, видимо желая спровоцировать СССР, но для этого у нее не было достаточно данных».

Получив сообщение об упомянутом аресте, полпредство СССР в Австрии предприняло шаги перед МИД Австрии, после чего Муштаков и Рубин были освобождены.— *141.*

[49] Поль-Бонкур выдвинул указанное предложение в речи 4 марта 1933 г. на 6-м заседании Политической комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений, посвященном вопросу заключения пакта о взаимопомощи в случае агрессии (см. «League of Nations. Records of the Conference for the Reduction and Limitation of Armaments». Series D. Vol. 5, Geneva, 1936, pp. 31—33). Он заявил, что для успешного решения поставленного вопроса необходимо обсудить советское предложение об определении агрессии и бельгийское предложение об установлении факта агрессии, а после этого — третий, «крайне деликатный» вопрос о Совете Лиги наций, который должен принять решение об осуществлении помощи жертве агрессии и определить формы и размеры этой помощи.

4 марта 1933 г. Буркен представил Политической комиссии проект резолюции о процедуре установления факта агрессии. Эта резолюция должна была явиться составной частью Европейского пакта о взаимопомощи (ibid., p. 61). В проекте резолюции, состоявшем из 7-ми пунктов, говорилось об учреждении в месте пребывания правительства каждой страны — участника пакта комиссии по установлению факта агрессии в составе пяти членов во главе с председателем, назначаемых Советом Лиги наций или Постоянной комиссией по разоружению. Государство, считающее себя жертвой или находящееся под угрозой агрессии, будет иметь право обратиться к учрежденной в данной стране комиссии с просьбой об установлении факта агрессии, а также должно возможно скорее уведомить генерального секретаря Лиги наций или секретаря Постоянной комиссии по разоружению, который немедленно известит обвиненное в агрессии государство, чтобы последнее могло тотчас же представить факты, установленные комиссией, находящейся в месте пребывания его правительства. Комиссия по установлению фактов должна возможно скорее представить подробный доклад генеральному секретарю Лиги наций или секретарю Постоянной комиссии по разоружению. Решения комиссии по установлению фактов будут приниматься большинством голосов; ее члены, составившие меньшинство, сохраняют право приложить к докладу записку с изложением мотивов своего несогласия.

Проект резолюции Буркена с некоторыми поправками был принят Комитетом по вопросам безопасности (см. прим. 61) и в качестве «проекта Акта относительно констатирования нападения» вошел в доклад комитета как приложение III (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI. М., 1934, стр. 121—122).

Основные положения «констатации агрессии» были выдвинуты в трех докладах Буркена по вопросу о контроле, представленных Бюро конференции соответственно 3 и 15 ноября 1932 г. и 23 января 1933 г., где были изложены предложения о составе, функционировании, компетенции и средствах контроля Постоянной комиссии по разоружению (см. «League of Nations. Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Conference Documents». Vol. II. Geneva, 1935, p. 357 ff., 440 ff., 723 ff.).— *142.*

[50] На это письмо Друммонд направил наркому иностранных дел СССР 15 марта 1933 г. следующий ответ:

«Консультативный комитет ознакомился с этим сообщением на сегодняшнем заседании. Убежденный, как и само Собрание [Лиги наций], во всеобщем интересе того, чтобы Советское правительство согласилось бы на участие в переговорах с членами Консультативного комитета относительно развития китайско-японского спора, этот Комитет может только сожалеть, что ваше правительство не полагает возможным принять в настоящее время участие в его работах».— *147.*

[51] О захватнических планах гитлеровцев в отношении Советской Украины в 1933 г. сообщала также мировая печать. Некоторые из этих сообщений были опубликованы с соответствующими комментариями на страницах советских газет. В частности, согласно этим сообщениям, 13 февраля 1933 г. Геринг посетил французского посла в Берлине Франсуа-Понсе и предложил ему помощь Германии с целью оторвать Украину от СССР в случае, если Франция со своей стороны окажет Германии поддержку в вопросе «польского коридора». 5 мая 1933 г. в английской газете «Дейли телеграф» была опубликована интервью, данное Гитлером ее берлинскому корреспонденту, в котором говорилось, что Германия будет целиком занята поисками «жизненного пространства» на востоке Европы.

В тот же день в Лондон прибыл руководитель внешнеполитического отдела нацистской партии Розенберг с целью добиться от английских правящих кругов поддержки гитлеровской Германии в ее борьбе против «угрозы большевизма» и с планом обмена «польского коридора» на Советскую Украину (см. газ. «Правда», 12, 13 марта, 11 мая, 17 июня; «Известия», 10, 11, 17 мая 1933 г.).

Планы отторжения Советской Украины от СССР в 1933 г. обсуждались также на страницах германской печати. В частности, в советском меморандуме Германии от 26 сентября 1933 г. (см. прим. 45) по этому поводу говорилось: «Влиятельные германские органы, такие как «Фольк унд рейх», издаваемые не без правительственной дотации, вновь помещают статьи об отторжении Украины от СССР» — *149, 211, 322, 361, 383, 402, 455.*

[52] На конференции стран Малой Антанты (Румыния, Чехословакия, Югославия), проходившей с 24 по 27 июня 1930 г. в гор. Штрбске-Плесо (Чехословакия), был утвержден устав и создан постоянный секретариат Малой Антанты.— *159.*

[53] В беседе А. Я. Аросева с Бенешем, состоявшейся 8 марта 1933 г., последний подтвердил свое предложение о заключении пакта, а также сообщил, что «вслед за пактом последует признание». Аросев «предложил Бенешу, если он хочет, дать нам в неофициальном порядке его проект пакта». Бенеш обещал в течение ближайших десяти дней прислать проект, приняв за основу его взять текст советско-французского договора о ненападении (см. прим. 72).— *151, 159.*

[54] В телеграмме М. М. Литвинова от 8 марта 1933 г. А. Я. Аросеву было дано указание «выслушать Бенеша и срочно сообщить в НКИД».— *151.*

[55] В письме А. Я. Аросева от 8 марта 1933 г. более подробно излагалось содержание его беседы с Бенешем; в частности, указывалось, что «сейчас, по мнению Бенеша, в Чехословакии наиболее благоприятное настроение для того, чтобы Бенеш смог провести установление с нами дипломатических отношений. Поэтому Бенеш без всяких обиняков несколько раз повторил мне, что вслед за заключением пакта, а может быть и одновременно с ним, должно последовать установление дипломатических отношений между Чехословакией и СССР и остальными членами Малой Антанты».— *151.*

[56] В связи с возникшими на заседаниях Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений крупными разногласиями по вопросу о том, следует ли в отношении войск, расположенных за морями (в колониях), принять те же принципы ограничения, что и в отношении войск, находящихся в метрополиях (см. Société des Nations. Actes de la Conférence pour la Réduction et la Limitation des Armements. Série B. Pro-

ces.— Verbal de la Commission Générale, vol. II. Genève, 1933, pp. 303—308, 323, 339—340), конференция 6 марта 1933 г. на 43-м заседании по предложению испанского делегата Мадариаги передала этот вопрос на рассмотрение образованного здесь же Специального подкомитета личного состава за морями. В состав подкомитета вошли представители Великобритании, Бельгии, Германии, Испании, Италии, Нидерландов, Португалии, СССР, США, Турции, Франции и Японии; его председателем был назначен вице-председатель Генеральной комиссии Политис (см. ibid, p. 340). На своем первом заседании, состоявшемся в тот же день, подкомитет, несмотря на возражения советского представителя, принял решение положить в основу своих работ различные принципы ограничения личного состава войск в метрополиях и личного состава войск на заморских территориях. В связи с этим советская делегация вышла из состава подкомитета. В дальнейшем, ввиду разногласий между членами, подкомитет не смог выработать согласованного решения относительно методов ограничения войск, находящихся в колониях, и представить доклад Генеральной комиссии.— *151*.

[57] В. П. Потемкин поставил вопрос о такой встрече 7 марта 1933 г., однако она не состоялась. В телеграмме полпреда в НКИД СССР от 12 марта указывалось, что, по сообщению начальника кабинета министра иностранных дел Италии Алоизи, Муссолини «всегда рад говорить с полпредом, но что касается наших экономических переговоров, то он просит продолжать их нормальным путем в смешанной комиссии».— *151*.

[58] Упоминаемые директивы НКВТ СССР были даны торгпреду СССР в Италии М. А. Левенсону 11 декабря 1932 г., в которых говорилось: «Категорически настаивайте на обеспечении наших интересов по лесу, как на основном требовании по нашему экспорту». В отношении торгового баланса было дано согласие на сокращение кредитных сроков по советским заказам и рекомендовалось принять предложение о сроке действия торгового соглашения — один год.— *152*.

[59] В телеграмме от 13 марта 1933 г. в НКИД СССР А. А. Безсадная сообщал о получении ноты Мувинкеля, в которой, в частности, говорилось: «После нашей беседы, состоявшейся два дня назад, я изучил вопрос относительно документов, которые в свое время были представлены в стортинг г. Квислингом, занимавшим в то время пост министра национальной обороны. По-видимому, мой предшественник, г. Бродланд, не смог в связи со своей отставкой довести до сведения стортинга содержание Вашего письма от 20 июля прошлого года, и я направляю сегодня председателю стортинга копии этой корреспонденции».— *154*.

[60] Выступление делегата США Гибсона, упоминаемое в комментируемом документе, имело место 10 марта 1933 г. на 8-м заседании Политической комиссии, посвященном обсуждению советского предложения об определении агрессии. Заявив, что «всякое определение по своей природе является ограниченным», и поэтому невозможно дать всеобъемлющего определения агрессии, предусматривающего любую ситуацию и исключающего возможность использовать силу в обход этого определения, Гибсон поставил под вопрос «полезность негибкого определения, подобного тому, которое содержится в первом пункте советского предложения». Исходя «из практических соображений», он вместо четкого определения агрессии предлагал лишь «изучить критерии, которые каждое правительство сочло бы полезным в каждом данном случае при принятии решения относительно агрессии» (см. «League of Nations. Records of the Conference for the Reduction and Limitation of Armaments». Series D. Vol. 5. Geneva, 1936, p. 55).

Несмотря на возражения делегации США и некоторых других государств, советское предложение об определении агрессии было принято Комитетом по вопросам безопасности (см. прим. 61).— *161*.

[61] Советский проект декларации об определении агрессии, внесенный М. М. Литвиновым 6 февраля 1933 г. на 31-м заседании Генеральной комиссии, по предложению Бюро конференции 13 февраля был передан Генераль-

ной комиссией в Политическую комиссию, которой было поручено рассмотреть вопросы безопасности. Общая дискуссия в Политической комиссии по советскому проекту состоялась 10 марта 1933 г. (см. «League of Nations. Records of the Conference for the Reduction and Limitation of Armaments», Series D. Vol. 5. Geneva, 1936, pp. 47—56). Для рассмотрения советского предложения комиссия на том же заседании образовала Комитет по вопросам безопасности в составе 17 членов под председательством Политиса. Комитету было поручено рассмотреть все вопросы безопасности; свою работу он должен был начать с рассмотрения советского предложения, а после представления доклада об определении агрессии изучить другие вопросы, в том числе бельгийское предложение (см. прим. 49) и вопрос о Европейском пакте о взаимной помощи.

Комитет заседал с 15 марта по 23 мая 1933 г. Во время обсуждения в комитете в советский проект были внесены некоторые изменения, не меняющие его по существу. Советское предложение было принято, несмотря на возражения делегаций Великобритании, Венгрии, Германии, Испании и Италии, защищавших идею «гибкого определения агрессора» международным органом (о позиции США см. прим. 60). Вопрос о принятии всеми странами советского определения, на чем настаивала делегация СССР, не предрешался.

24—25 мая комитет представил Генеральной комиссии доклад об определении понятия «агрессор» и тех действий, которые составляют акт агрессии (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 110—132; «League of Nations. Conference for the Reduction and Limitation of Armaments, Conference Documents». Vol. II. Geneva, 1935, pp. 679—688).

С 25 по 30 мая в комиссии происходила дискуссия по советскому предложению. За систему точного определения агрессии выступили делегации Греции, Китая, Литвы, Персии, Польши, Турции, Чили, против — делегации Болгарии, Великобритании, Венгрии, Испании, Италии. Делегация Великобритании возражала против принятия советского определения агрессора в первом чтении. Окончательного решения по докладу Комитета по вопросам безопасности принято не было. Завершая дискуссию в комиссии, Гендерсон указал на необходимость проведения второго чтения доклада и учета замечаний, высказанных делегациями во время прений (см. «Société des Nations. Actes de la Conférence pour la Réduction et la Limitation des Armements», Série B. Vol. II. Genève, 1933, pp. 499—502, 510—517, 547—567). Гендерсон предложил также для достижения соглашения провести консультации между докладчиком (Политисом) и представителями Великобритании, Испании и СССР. Однако эти консультации не дали результатов, единое определение агрессии выработано не было, и второе чтение доклада комитета не состоялось.

Текст «Акта относительно определения агрессии», предложенный Комитетом по вопросам безопасности, был включен в изданный 22 сентября 1933 г. секретариатом конференции проект конвенции (план Макдональда), куда были включены изменения, принятые в первом чтении, и поправки делегаций. «Акт относительно определения агрессии» сопровождался примечанием: «Текст не принятый, но включенный в целях информации» (см. «League of Nations. Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Preliminary Report on the Work of the Conference. Prepared by the President, Mr. Arthur Henderson». Geneva, 1936, p. 154).— *161.*

[62] В телеграмме от 26 января 1933 г., адресованной Л. М. Карахану и Ш. З. Элиаве, Л. Н. Старк сообщал: «В результате происходивших в последнее время переговоров я получил принципиальное согласие афганского правительства на устройство в этом году в Кабуле выставки советских товаров. Поставленный мною одновременно вопрос об устройстве выставки также в Герате решен отрицательно». Далее он писал об условиях проведения выставки и подборе для нее экспонатов (см. также прим. 63.).— *162.*

[63] Выставка советских товаров открылась в Кабуле 17 августа 1933 г. На ее открытии присутствовали премьер-министр, члены афганского правительства, представители торговых кругов.

Выставка имела большое значение для развития советско-афганской торговли.— *164*.

[64] Пакреван имел в виду возможность посещения М. М. Литвиновым Персии в ответ на визит в СССР министра иностранных дел Персии Форуги в сентябре 1932 г. (см. газ. «Известия» от 13—16 сентября 1932 г.).

С 27 сентября по 7 октября 1933 г. с официальным визитом в Персии находился Л. М. Карахан. Он совершил поездку по стране, познакомился с ее экономической и культурной жизнью, встречался с государственными деятелями (см. также док. № 307, 308, 313 и газ. «Известия» от 2—10 октября 1933 г.).— *167*.

[65] В конце 1932 г. в ряде городов Персии была организована кампания бойкота торговли с СССР, сигналом к которому послужило опубликование 12 декабря 1932 г. в тегеранской прессе декларации о создании так называемой ассоциации купечества Тегерана. В декларации объявлялось решение ассоциации проводить сделки с советскими хозяйственными организациями только в централизованном порядке.

27 декабря 1932 г. ассоциация пошла дальше, призвав персидское купечество воздерживаться с 31 декабря 1932 г. от заключения с советскими хозорганами каких-либо новых сделок.

В кампанию бойкота были включены купцы Тегерана, Пехлеви, Решта и особенно Гиляна. В письме заместителю народного комиссара иностранных дел СССР Л. М. Караханну и заместителю народного комиссара внешней торговли СССР Ш. З. Элиаве от 20 января 1933 г. поверенный в делах СССР в Персии В. М. Цукерман и торговый представитель СССР И. Б. Шезцов сообщали: «Еще в начале 20-х чисел декабря [1932 г.] нам стало известно о подготовляющемся к 25 декабря в Гиляне организованном бойкоте нашей торговли и, в частности, о том, что начальник главного управления торговли Яссан в бытность свою в это время в Гиляне мобилизовал купцов на этот бойкот».

7 февраля 1933 г. торговая палата Тегерана приняла такое постановление: «Купцы и торговые фирмы воздерживаются от индивидуальных сделок с совхозорганами и заключения новых контрактов непосредственно или косвенным путем впредь до установления концентрации советско-персидской торговли, согласно данным правительством обещаниям».

Это постановление привело к усилению бойкота в стране.

В письме от 4 марта 1933 г. полпред СССР в Персии А. М. Петровский сообщал Л. М. Караханну: «Инспирируемая правительством через посредство полиции бойкотская кампания принимает все более широкие размеры. За тегеранской торговой палатой, призвавшей накануне моего приезда купечество к бойкоту советских хозорганизаций, последовали торговые палаты и собрания купцов остальных городов и даже таких городишек, в которых мы никогда не имели своих торговых организаций и не вели никакой торговли. В последние дни кампания обострилась даже в таких пунктах, где купечество долго не поддавалось нажиму местных властей (Тавриз) или где самые эти местные власти несклонны были ее обострять (Мешхед).

В результате всего этого мы имеем уже два месяца полное прекращение нашей торговли, если не считать продолжавшегося до последних дней подвоза сахара и кое-каких сделок по хлопку. Во всяком случае, торгпредство находится под совершенным бойкотом, и ни один купец не смеет туда явиться».

В январе — июне 1933 г. имели место беседы Л. М. Карахана с послом Персии в СССР Пакреваном, во время которых Пакревану указывалось на необходимость в интересах развития торговли между двумя странами прекращения бойкота. Так, 11 мая 1933 г. Карахан заявил Пакревану, что «правительство СССР категорически отказывается от какого бы то ни было

обсуждения торговых дел по существу впредь до тех пор, пока не будет снят остракт и пока не будет создана нормальная обстановка для совхозорганов».

В беседе также подчеркивалось искреннее стремление Советского правительства найти пути к дальнейшему развитию советско-персидских торговых отношений.

Свертывание торговых операций с советскими организациями наносило значительный ущерб персидским купцам и вело к усилению их недовольства бойкотом.

30 июля 1933 г. шах дал распоряжение о снятии бойкота (см. док. № 265).— *167.*

[66] В ходе советско-итальянских торговых переговоров, возобновившихся в Риме 18 февраля 1933 г., итальянская сторона выставила требование о распространении на Италию всех тех торговых и таможенных льгот и преимуществ, которые были предоставлены по торговым договорам Советским Союзом прибалтийским странам: Литве, Латвии, Эстонии (см. т. VIII, прим. 159), а также континентальным пограничным с СССР государствам в Азии. Однако это требование было отклонено советской делегацией.— *169.*

[67] 17 марта 1933 г. Мувинкель прислал в полпредство СССР в Норвегии ноту, в которой сообщалось, что «в случае возможного заключения соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Норвегией относительно запродажи товаров в 1933 г., Правительство Норвегии, находящееся в настоящее время у власти, не будет принимать каких-либо мер, направленных на изменение нынешнего положения вещей в том, что касается коммерческой деятельности, осуществляемой Торговым Представительством Союза Советских Социалистических Республик в Норвегии».— *170, 291.*

[68] Упоминаемая телеграмма А. А. Бекзадяна от 25 февраля 1933 г. в НКИД СССР гласила:

«В итоге бюджетных дебатов ночью правительство свергнуто 80 голосами партии венстре и рабочей партии. Против них подано 67 голосов буржуазных партий. Формирование нового правительства, вероятно Мувинкелем, ожидается в понедельник».— *170.*

[69] В упоминаемой телеграмме Б. С. Стомонякова от 10 марта 1933 г. говорилось: «В дополнение к Вашему заявлению Мувинкелю о необходимости дать нам ответ на нашу ноту по делу Квислинга заявите ему по поручению НКИД протест против опубликования в норвежской прессе 28 февраля с. г. меморандума Квислинга по делу Кюльмана, содержащего недопустимые по адресу СССР выпады. Укажите Мувинкелю на вред, нанесенный Квислингом нашим отношениям, и что мы рассчитываем, что кабинет Мувинкеля восстановит прежние дружественные отношения и ликвидирует вредные последствия политики Хунсейда — Квислинга».— *171.*

[70] Продажа с аукциона предметов искусства осуществлялась через посредство отдела антиквариата торгпредства СССР в Германии. Как указывалось в отчете полпредства за 1933 г., «в истекшем году полиция впервые запретила производство аукциона Антиквариата СССР, который прежде протекал всегда гладко и без всяких затруднений со стороны полиции».— *171, 961.*

[71] Уполномоченный МИД Китая в провинции Синьцзян Чэнь Дэ-ли, заменивший Чэнь Цзи-шаня, в письме генконсулу СССР в Урумчи Н. Я. Златкину от 16 августа 1933 г. сообщил, что «телефонная станция уже принята... о чем уже сделан соответствующий доклад провинциальному правительству». «О вышеизложенном,— говорилось далее в письме,— мы сочли своим долгом довести до Вашего сведения и еще раз выразить свою благодарность за упомянутый подарок».— *172.*

[72] Бенеш не предложил своего проекта пакта. 18 марта 1933 г. при встрече с В. С. Довгалевским Бенеш сообщил, что «ввиду невозможности для Румынии принять формулу Кадере (см. т. XV, док. № 389.— *Ред.*), он просит нас считать его предложение и весь вопрос не существующими». Пакт между СССР и странами Малой Антанты не был заключен.— *174.*

[73] Относительно необоснованного применения французским правительством надбавки на таможенную пошлину к некоторым советским товарам В. С. Довгалевский беседовал с Поль-Бонкуром 3 апреля 1933 г., о чем сообщил в телеграмме в НКИД СССР от 4 апреля: «Бонкур заверил меня, что нам не следует рассматривать декрет 20 марта как недружественный акт, что французское правительство, наоборот, искренне стремится к дальнейшему развитию дружественных отношений с нами». Далее Поль-Бонкур сказал, что «вопрос слушался 2 апреля в совете министров, который постановил форсировать торговые переговоры и одновременно поручил министру торговли «изыскать способы изменения в отношении СССР порядка, установленного декретом».

В письме в НКИД СССР от 10 апреля Довгалевский, касаясь беседы с Поль-Бонкуром 3 апреля, подчеркнул, что постановку вопроса в правительстве об изыскании выхода из созданного декретом от 20 марта положения применительно к СССР подтвердил Пьер Кот, который добавил, «что распространение этого декрета на СССР осуждается со стороны многих членов кабинета». Довгалевский отмечал также, что, по некоторым сообщениям, «совет министров выделил особую комиссию именно для изыскания путей к отмене существующего положения по отношению к СССР».

Дополнительные пошлины были сняты в 1933 г. лишь на некоторые советские товары: икру, клепку, сантонин. До конца 1933 г. декрет действовал в отношении пушнины, кишок, рыбы, обработанной кожи, фруктов. В 1934 г. в связи с заключением советско-французского временного торгового соглашения указанный декрет был отменен (см. газ. «Известия», 26 января 1934 г. и «Собрание законов...», отд. II, № 4, 15 марта 1936 г., стр. 45—68).— *185, 224.*

[74] Делегат Турции на Конференции по сокращению и ограничению вооружений Кемаль Хюсню-бей, выступая 24 марта 1933 г. на заседании Генеральной комиссии с поправками к обсуждавшемуся плану Макдональда (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI. М., 1934, стр. 67—92), указал, в частности, на необходимость отмены военных условий Лозаннской конвенции о проливах 1923 г. (см. т. VI, прил. 1) и подписанной в том же году конвенции о границах Фракии. Он указал, что военные постановления Лозаннской конвенции устарели, потеряли реальное и практическое значение и затрудняют выполнение Турцией своих международных обязательств (см. «Société des Nations. Actes de la Conférence pour la Réduction et la Limitation des Armements». Série B. Procès — Verbal de la Commission Générale. Vol. II. Genève, 1933, pp. 366—367).

В соответствии с этим предложением 1 июня 1933 г. турецкая делегация внесла поправки к ст. 96 плана Макдональда, предусматривавшей замену военных условий мирных договоров с Германией и ее союзниками Конвенцией о разоружении. Она предложила заменить указанной конвенцией также военные условия Лозаннской и Фракийской конвенций (ibid., p. 585). 23 мая 1933 г. турецкая делегация внесла поправку к ст. 19 плана Макдональда и предложила Генеральной комиссии образовать специальный комитет для изучения вопроса о проливах (ibid., pp. 486—487).

В то время как советская делегация поддержала турецкие предложения и заявила, что считает их вполне обоснованными и соответствующими интересам мира и всеобщей безопасности (см. док. № 93), представители империалистических держав стремились оттянуть решение поставленных Турцией вопросов. Им удалось убедить турецкую делегацию отложить свое предложение об образовании комитета до второго чтения английского проекта конвенции о разоружении (ibid., pp. 487—488).— *188.*

[75] Статья 34 плана Макдональда гласила: «Высокие договаривающиеся стороны соглашаются на полную отмену воздушной бомбардировки (кроме как для полицейских надобностей в некоторых отдаленных районах)». С целью добиться действительно полного запрещения воздушных бомбардировок, в том числе для подавления империалистическими державами на-

ционально-освободительного движения в колониях, советская делегация 2 мая 1933 г. предложила исключить из статьи взятые в скобки слова (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 82).— *185.*

[76] Видимо, имеется в виду доклад Комитета 19-ти по китайско-японскому конфликту, принятый собранием Лиги наций 24 февраля 1933 г. (см. т. XV, прим. 324; «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 189—212).— *194.*

[77] Проект протокола о расчетах по кредитам, представленных Советским Союзом Турции (см. т. XV, док. № 205), согласовывался на протяжении 1933 г. и января 1934 г. В письме полпреду СССР в Турции Я. З. Сурицу от 4 декабря 1933 г. Л. М. Карахан писал по этому вопросу: «Единственное затруднение, которое возникло при переговорах в Анкаре и которое сохраняет свою силу и сейчас, вытекает из отказа турок принять наше предложение об оплате кредита турецкими товарами. Если бы турки не отклонили этого нашего вполне логичного и справедливого предложения (товар против товара), не было бы никаких разногласий, и протокол уже давно мог бы быть подписан.

Во всяком случае, я думаю, что теперь разногласия между нами и турками носят настолько несущественный характер, что их очень легко урегулировать в процессе Ваших переговоров с министром».

Протокол между СССР и Турцией о реализации кредитов был подписан 21 января 1934 г. (см. «Собрание законов...», отд. II, № 15, 31 июля 1934 г., стр. 203—213) и вошел в силу 24 мая 1934 г.— *200.*

[78] 1 мая 1933 г. по инициативе польской стороны состоялась встреча В. А. Антонова-Овсеенко с Пилсудским, на которой присутствовал Бек. Пилсудский затронул вопрос о сплаве леса по Неману, говорил о Днепрострое, о связи системы Вислы — Припяти с Днепром, коснулся приезда в Польшу советской торговой делегации (см. прим. 102). Политически важных вопросов в беседе не затрагивалось.— *202, 218, 672.*

[79] По сообщению «Газеты польской» от 18 марта 1933 г., Титулеску заявил в сенатской комиссии по иностранным делам, что Румыния считает необходимым продолжать мирную политику в отношении Советской России, ожидая момента, когда с ней можно будет установить нормальные дипломатические отношения.— *203.*

[80] В телеграмме из Анкары от 24 марта 1933 г. Я. З. Суриц сообщил о беседе итальянского посла в Турции Лойяконо с министром иностранных дел Турции Тевфиком Рюштю о подготовке «пакта четырех». По словам итальянского посла, «Муссолини в своих предложениях не имел в виду ни создания постоянного органа четырех держав, ни устранения других. Речь идет лишь о привлечении к переговорам, узко преливинарного при том характера, между Францией, Италией и Англией, как это предлагал Макдональд, и Германии, на отстранение которой Рим не мог согласиться». Рюштю сказал итальянскому послу о сообщении из Парижа, в котором говорилось, что Франция намерена привлечь к обсуждению представителей Малой Антанты и Польши. «Рюштю полагает,— говорилось в телеграмме,— что по этим соображениям было бы справедливее привлечь и представителя *от группы «Греция — Турция».* Но независимо от этого турецкое правительство считает, что в первую очередь должен быть привлечен СССР, указывая, что весь план приобретает характер, заставляющий друзей СССР призадуматься. Итальянский посол обещал обо всем этом довести до сведения Рима».— *206.*

[81] В телеграмме полпреда СССР в Великобритании от 30 марта 1933 г. сообщалось, что Саймон решил пригласить его «для разговора о создавшемся положении, но когда именно должно произойти это свидание, пока неизвестно».— *207.*

[82] В марте 1933 г. органами государственной безопасности СССР по обвинению во вредительской деятельности, направленной против Совет-

ского государства, были привлечены к судебной ответственности 6 служащих английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», работавших в СССР.

Суд приговорил Торнтона Лесли к трем годам и Макдональда Вильяма к двум годам лишения свободы; Монкгауза Аллана, Нордволла Чарльза и Кушни Джона к удалению из пределов СССР с запрещением въезда в СССР сроком на 5 лет. Грегори Альберт был оправдан (см. также прим. 83).— *207, 229, 233, 252, 340.*

[83] 15 марта 1933 г. на вопрос члена палаты общин Граттан-Дойля лорд-хранитель печати Болдуин сообщил об аресте советскими властями шести английских граждан, представителей компании «Метрополитен-Виккерс», по обвинению в саботаже на советских электростанциях. Болдуин заявил, что английское правительство «убеждено, что нет оправданий для обвинений, на основе которых сделаны аресты», и пытался оказать давление на Советское правительство, предупреждая о несчастных последствиях «для англо-советских отношений, которые могут последовать, если это не будет исправлено». Болдуин заявил также, что послу Великобритании в Москве Овию даны инструкции «представить в сильных выражениях серьезность взгляда, который имеется у правительства на эти преследования английских подданных...» (см. «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 276. No. 50, 15th March, 1933, pp. 1948—1949).— *207, 229.*

[84] Член кабинета министров Великобритании лейборист Томас 17 марта 1933 г. выступил с речью в торговой палате гор. Суонси по поводу предания суду в СССР английских служащих компании «Метрополитен-Виккерс». Томас, по существу, угрожал полным разрывом отношений между Великобританией и СССР (см. «The Times», March 18, 1933, p. 12).

Речь Томаса была неодобрительно встречена даже некоторыми органами английской буржуазной печати («Манчестер гардиан», «Санди референ» и др.).— *207, 229, 233.*

[85] Б. Е. Скворский сообщил в НКИД СССР 8 апреля 1933 г., что, как дополнительно он узнал (видимо, также из журналистских кругов), «источником указанной информации был Моли, советник президента».— *210.*

[86] В марте 1933 г. по просьбе Мустафы Кемаля (см. т. XV, док. № 311) в Турцию выехали академики Н. Я. Марр и Р. Л. Самойлович. Они установили связи с турецкими научными учреждениями и учеными, приняли участие в работах лингвистической комиссии. Марр прочитал ряд лекций по вопросам языкознания.

В неоднократных беседах с советскими учеными Мустафа Кемаль говорил о необходимости оказания помощи в организации турецкой академии наук, о желательности создания советско-турецкой тюркологической комиссии, о разработке плана научного сотрудничества между двумя странами.

Для развития научных связей с Турцией в Академии наук СССР в июне 1933 г. была создана Комиссия содействия научным связям с Турцией во главе с Марром.

Итоги этого визита в Турцию Марр подвел в книге «О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье» (М.—Л., 1934 г.).— *216.*

[87] Согласно записи беседы с Гартманом 3 апреля 1933 г., Н. Н. Крестинский подробно перечислил ему факты враждебных действий германских властей в отношении советских учреждений и граждан в Германии (см. док. № 106) и заявил, что для сохранения дружественных отношений между СССР и Германией необходимо, чтобы германское правительство «железной рукой немедленно положило конец всем этим эксцессам. У правительства есть для этого достаточно сил; надо лишь, чтобы было достаточно желания. Если же правительство не вмешается и безобразия по отношению к СССР будут продолжаться, то, я думаю, г. Гартман понимает, что и его работа здесь будет сильно затруднена. Он должен через своего министра указать правительству на трудность создавшегося положения и создать в Германии благоприятный тыл для своей московской работы».

«Гартман заявил,— говорилось далее в записи беседы,— что военное ведомство Германии, как один человек, стоит за сохранение дружественных отношений с СССР и что военный министр Бломберг в этом духе выступает на заседаниях правительства».— *217.*

[88] 14 апреля 1933 г. М. М. Славуцкий устно информировал Ши Люйбэня о содержании упомянутого указания НКИД СССР.— *217.*

[89] В письме Б. С. Стомонякову от 12 апреля 1933 г. В. А. Антонов-Овсеенко сообщал, что руководящая часть национал-демократов дает отчетливо понять, что Польша «уже созрела для включения в антисоветский фронт» и «для соглашения с фашистским правительством Германии о расчленении Советского Союза».

В письме Стомонякову от 28 апреля 1933 г. Антонов-Овсеенко, характеризуя позицию эндеков в отношении СССР, отмечал: «В отношении нас у эндеков наблюдаются характерные колебания весьма широкой амплитуды: от чисто классовой, фашистской позиции Дмовского-Козицкого до реалистично-патриотической Стронского. В итоге — победа пока что за линией Стронского, который, особенно зарядившись в Париже, провел возвращение «Газеты варшавской» (18 апреля) к традиционной эндековской установке — *за сближение с Советским Союзом во имя обороны от Германии*».— *220.*

[90] Одновременно с сообщением ТАСС, опубликованным в советской печати 6 мая 1933 г., в германских газетах было также напечатано официальное сообщение об обмене ратификационными грамотами о вступлении в силу Московского протокола от 24 июня 1931 г., произведенном в Москве М. М. Литвиновым и Дирксеном 5 мая 1933 г. В редакционной статье центрального органа нацистской партии газете «Фелькишер беобахтер» 7—8 мая 1933 г. факт ратификации преподносился как доказательство стремления гитлеровского правительства к «дружественным отношениям» с СССР по государственной линии. «Этим актом,— лицемерно утверждалось в статье,— национальное правительство продемонстрировало, что оно намерено сохранять и развивать в дружественном духе политические и экономические отношения с Советским правительством».

Однако, как справедливо отмечалось в годовом отчете полпредства СССР в Германии за 1933 г., «советская общественность и Советское правительство с *чрезвычайной настороженностью» отнеслись не только к миролюбивым заверениям Гитлера и К°, но и к ратификации после почти двухлетних проволочек упомянутого протокола фашистской Германией в мае 1933 г. В передовой статье газ. «Известия» от 6 мая 1933 г., посвященной ратификации протокола, говорилось: «Приветствуя продление Берлинского договора, советское общественное мнение отдает себе полностью отчет, что договоры имеют то значение, которое вкладывает в них конкретная практическая деятельность сторон, их заключающих». Статья заканчивалась предостережением в адрес *сторонников враждебной политики в отношении СССР*: «Дружественные отношения вызывают дружественный ответ, враждебные действия вызывают соответствующий отпор»».— *222.*

[91] В письме в НКИД СССР от 10 апреля 1933 г. о торговых переговорах с Францией В. С. Довгалевский отметил, что «за последнее время можно было констатировать оживление интереса со стороны французского правительства к франко-советским переговорам о торговом соглашении, что, в частности, выразилось в изъятии их от нынешнего министра торговли и передаче их в ведение *статс-секретаря [по вопросам] национальной экономики* Патенотра, состоящего непосредственно при председателе совета министров. Первым результатом этой перемены явилось образование Патенотром под своим председательством целой комиссии из представителей ведомств иностранных дел, торговли и национальной экономики».

В письме сообщалось, что с советской стороны к переговорам привлечены, помимо торгпреда М. Г. Гуревича, ряд сотрудников полпредства и торгпредства и что «за последнюю неделю создавшаяся таким образом *франко-советская комиссия имела свои первое и второе заседания*».

Подводя итоги этих заседаний, Довгалевский констатировал «неблагоприятную для нас тенденцию французской делегации в вопросе о распространении французской государственной гарантии на наши заказы, которые подлежали бы обязательному размещению во Франции на основании соглашения. Правительством Эррио этот вопрос был решен в положительном смысле. Между тем теперь французской делегацией проявлялось нескрываемое стремление к тому, чтобы именно убедить нас в перемене французской позиции в этом вопросе. До сих пор, т. е. до прошлой недели, мы имели все основания считать установленным, что применение к нашим заказам закона Шармейля (закон 1928 г. о разрешении правительству Франции предоставлять иностранным государствам гарантии кредитов.— *Ред.*) ставится французским правительством в зависимость лишь от одного условия — контргарантии в виде платежей за нефть. В этом смысле было сделано официальное сообщение т. Гуревичу министром торговли предыдущего кабинета, об этом говорят другие имеющиеся у нас данные. Наоборот, нам теперь говорят об авале «Сосьете де Нафт Рюсс» уже как о единственной самостоятельной гарантии, а вовсе не как о дополнении к французской гарантии. Применение этой последней ставится в связь с вопросом о долгах, который между тем по соглашению, состоявшемуся с французским правительством еще в 1931 г. (см. т. XIV, док. № 144.— *Ред.*), совершенно исключен из нынешнего этапа переговоров. И вместе с тем считается, как что-то чуть ли не само собой разумеющееся, что мы, несмотря на все это, должны обязаться дать здесь заказов на 400 млн. фр. Из сообщений нашей делегации,— писал далее Довгалевский,— можно сделать вывод, что с французской стороны был проявлен максимум старания, чтобы создать у нас впечатление о подобной перемене позиции французского правительства. Следует, однако, отметить, что почти все время это выражалось экивоками, замалчиванием ставившихся вопросов и т. п. Лишь под конец на прямо заданный ему вопрос о том, можно ли считать находящимся в силе решение французского правительства о предоставлении государственной гарантии, Патенотр «дипломатично» ответил, что предоставление гарантии в настоящее время «не было бы практически возможным».

В заключение Довгалевский отметил, что о торговых переговорах он через несколько дней будет беседовать с Даладье (см. док. № 186).— *229.*

[92] 31 марта 1933 г. посол Италии в СССР Аттолико информировал М. М. Литвинова о «пакте четырех». В записи этой беседы Литвинов отметил, что Аттолико «пространно говорил о пакте Муссолини, стараясь доказать безобидный характер этого предложения, имеющего целью обеспечить мир. Аттолико не понимает поэтому нашего отрицательного отношения к пакту». Литвинов подчеркнул, что он разъяснил Аттолико смысл этого отрицательного отношения.— *225.*

[93] Для предварительного обмена мнениями о созыве и порядке работы мировой экономической конференции президент США Рузвельт направил в начале апреля 1933 г. приглашения 11 странам, в том числе Англии, Франции, Италии, Германии. Советскому Союзу такого приглашения не было послано. В связи с этим в газете «Известия» от 13 апреля 1933 г. отмечалось, что «факт «отстранения» СССР является не только особо яркой иллюстрацией абсурдности всего положения, но и бросает иронический свет на ценность всей затеи с экономической конференцией и ее подготовкой».

На состоявшейся в Вашингтоне в апреле 1933 г. встрече президента Рузвельта с премьер-министром Великобритании Макдональдом и представителем Франции Эррио было решено созвать мировую экономическую конференцию 12 июня 1933 г. (см. прим. 142).— *227, 267, 391.*

[94] 13 апреля 1933 г. английский парламент принял акт относительно запрета импорта советских товаров. В пункте 1 акта говорилось: «Будет законным для короля Великобритании запретить посредством прокламации импорт в Соединенное Королевство всех товаров, выращенных, произ-

веденных или созданных в Союзе Советских Социалистических Республик, товаров любого сорта и описания, сделанного в прокламации» (см. док. № 129).— *229, 256, 367.*

[95] 13 апреля 1933 г. министр иностранных дел Англии Саймон сделал в палате общин заявление по поводу арестованных в СССР сотрудников компании «Метрополитен-Виккерс», в котором отрицал связь этих лиц с английской разведкой (см. прим. 82).— *230.*

[96] В. С. Довгалевский беседовал с Эррио 28 марта 1933 г. по поводу декрета от 20 марта 1933 г. (см. док. № 88 и прим. 73). В тот же день он сообщил телеграммой в НКИД СССР, что «Эррио обещал поддержать нас в вопросе отмены этого декрета».

Довгалевский указывал далее, что «Эррио возмущался директорией и Макдональдом, выражал тревогу за безопасность Франции; он зачитал проект пакта Муссолини и негодовал особенно против § I, сводящегося к тому, что четыре державы решают между собой все вопросы». Касаясь франко-советских отношений, Эррио заявил, «что в первом и втором приходе к власти он не мог более сделать для франко-советских отношений, он воодушевлен желанием оказать широкое содействие нашему промышленному строительству и так далее. В следующий приход к власти он эту задачу решит».— *231.*

[97] В письме от 27 марта 1933 г. Б. С. Стомоняков сообщил А. М. Коллонтай, что с Наркоминвнешторгом обсужден «ответ на полученное Вами частное предложение министра иностранных дел Сандлера дать согласие Советского правительства на переход золотого депозита из распоряжения «Эншильда-банк» в распоряжение шведского правительства с тем, чтобы при этом шведское правительство признало нашу собственность на золото и после этого были начаты переговоры о применении этого золотого фонда».

Далее в письме говорилось «о нецелесообразности ставить перед нашим правительством этот вопрос в нынешней стадии. Не подлежит никакому сомнению, что правительство не стало бы решать вопроса о переходе золота в распоряжение шведского правительства до того, как мы имели бы предложение последнего о распределении самого золота».

В заключение Стомоняков писал, что «НКИД и НКВТ считают необходимым, прежде чем испрашивать у правительства новые директивы в отношении золотого фонда, получить конкретные предложения в отношении распределения золота».— *232.*

[98] Беседа И. М. Майского с Ванситтартом состоялась по инициативе последнего 16 марта 1933 г. Ванситтарт заявил, что дальнейшее содержание под стражей шести английских инженеров может создать тяжелые последствия для англо-советских отношений. Настаивая на их немедленном освобождении, он утверждал, что «до освобождения арестованных англичан невозможно говорить о продолжении торговых переговоров, ибо создавшаяся атмосфера в настоящий момент чрезвычайно неблагоприятна для этих переговоров», и что якобы обвинения против них документально не обоснованы. Майский решительно отверг утверждения Ванситтарта, указав, что «вообще странно слышать такое пренебрежительное отношение к заявлениям советских властей со стороны одного из руководителей форин офиса» и ему «совершенно непонятна та связь, которую Ванситтарт устанавливает между торговым договором и московскими арестами». Он сказал Ванситтарту, что считает «две эти вещи совершенно различными».— *238.*

[99] В телеграмме полпреду СССР в Японии А. А. Трояновскому от 5 июня 1932 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Л. М. Карахан, изложив действия маньчжурских властей под руководством японцев по захвату перевалочной пристани КВЖД в Харбине (см. т. XV, док. № 270), указывал: «Считаем необходимым обратить внимание японского правительства на нарушение нормальной коммерческой работы КВЖД, производящееся с участием и по инициативе японских граждан

и организаций, и просить японское правительство принять необходимые меры».

9 июля 1932 г. Трояновский телеграфировал в НКИД СССР об исполнении данного поручения (см. также т. XV, док. № 274, 282, 286).— *241.*

[99] Речь идет о письме Л. Н. Старка Л. М. Карахану от 11 апреля 1933 г. № 22/ЛС, касавшемся в основном бесед Старка с премьер-министром Афганистана Хашим-ханом в 1932 г. о пересмотре договора 1921 г. Старк подчеркнул стремление Советского государства «помогать дружественным нам восточным государствам, но для этого можно и нужно найти другие формы, более соответствующие времени, сложившимся взаимоотношениям и практическим возможностям обеих сторон», что «заключение нового договора с СССР, или та или иная форма, в которую мог бы быть облечен пересмотр старого, будет иметь немаловажное политическое значение для афганского правительства». Хашим-хан соглашался, что договор устарел, указав, что «он не может в данный момент говорить от имени короля и афганского правительства. Но он выяснит вопрос и думает, что до моего отъезда он сможет сообщить мне точку зрения афганского правительства, а может быть, и сам король переговорит со мной об этом при прощальной аудиенции».

Все статьи договора между РСФСР и Афганистаном от 1921 г., кроме статей IX и X, в настоящее время сохраняют свое действие (см. т. III, прим. 71).— *249.*

[101] В письме в коллегию НКИД СССР от 27 апреля 1933 г. Л. Н. Старк развивал мысль о необходимости «приступить к устройству моста через Аму-Дарью (соответствующее предложение было сделано мне Надир-шахом) с тем условием, что афганское правительство доводит автомобильную дорогу от Мазари-Шерифа до берега Аму-Дарьи».— *250.*

[102] 1 мая 1933 г. в Варшаву прибыла торговая делегация СССР, которую возглавлял И. В. Боев. По сообщению польского телеграфного агентства, помещенному в газете «Известия» от 4 мая 1933 г., «заместитель наркома внешней торговли Боев в беседе с журналистами выразил удовлетворение торговыми отношениями с Польшей, значительно развившимися за последнее время. Он надеется, что польско-советская торговля еще более разовьется в результате последних советских заказов.

Торговая делегация СССР посетила торгово-промышленную палату и затем нанесла визит министру торговли и промышленности Заржицкому».

Делегация посетила также порт и город Гдыню, Познанскую международную ярмарку, Краков, Катовице, предприятия Домбровского угольного бассейна, текстильные предприятия Лодзи, ряд заводов в Варшаве.

Польское телеграфное агентство сообщало 12 мая 1933 г., что «министр торговли Заржицкий принял сегодня председателя советской делегации Боева, торгпреда СССР в Варшаве Абеля и первого секретаря полпредства Александрова. Беседа касалась возможностей развития польско-советской торговли». Делегация была принята также министром иностранных дел Польши Беком. Каких-либо документов об итогах пребывания советской делегации в Польше не было подписано.— *252.*

[103] В соответствии с упомянутым приказом НКВТ СССР № 784 от 17 ноября 1932 г. товары, следующие и происходящие из стран, состоящих с СССР в договорных отношениях, допускались к транзиту через территорию СССР без ограничения контингентами по открытым в прямом и обратном направлении для транзита путям на указанных ниже основаниях:

а) безлицензионно, на основании лишь свидетельств о происхождении товара;

б) на основании транзитных лицензий, выдаваемых торговыми представительствами СССР в стране происхождения товара.

Товары, следующие и происходящие из стран, состоящих с СССР в нормальных дипломатических отношениях и имеющих торговые договоры,

допускались к транзитной перевозке через территорию СССР по направлению в такие же страны (как в грузовом, так и в товаро-багажном сообщениях) не только по определенным путям, открытым для транзита в прямом и обратном направлениях, но также и «по всем иным железнодорожным, морским, воздушным путям СССР (но не гужевым и речным путям)».— *256*.

[164] Имеются в виду грузы, задержанные маньчжоугоскими властями при перерыве грузового сообщения между Забайкальской ж. д. и КВЖД (см. док. № 121).

24 апреля 1933 г. М. М. Славуцкий заявил по этому поводу протест особому агенту МИД в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню.

9 мая 1933 г. председатель правления КВЖД Ли Шао-гэн сообщил вице-председателю правления КВЖД С. М. Кузнецову, что якобы никто советские грузы в Маньчжурии «не задерживал и они могут быть отправлены, но лишь с перегрузкой», и что «никаких препятствий к транзиту товаров с перегрузкой нет».

Перегрузка товаров на ст. Маньчжурия была начата 13 мая 1933 г.— *256*.

[165] В телеграмме в НКИД СССР от 19 апреля 1933 г. Л. М. Хинчук сообщал, что он и И. Я. Вейцер обратили внимание Бюлова «на полное расстройство работы «Дероп», требующей немедленной нормальной деятельности, указали далее, что в связи с новым решением германского правительства: повышением пошлины на одни товары, монополию и контингентирование — на другие,— весьма ощутительно пострадал наш экспорт. Заключительный протокол от 17 января (см. док. № 16.— *Ред.*) предусматривал с немецкой стороны ряд серьезных мер к усилению советского экспорта, между тем события последних месяцев находятся в полном противоречии с этим: наоборот, наш экспорт катастрофически упал. Необходимо поэтому возможно скорее изменить это положение. Мы предлагали подвергнуть [этот вопрос] обсуждению в авторитетной среде при нашем участии и проявить полную ясность в наших взаимоотношениях».

Бюлов ответил, что он и Нейрат, с которым он вчера говорил по телефону, того же мнения, что надо быстрее изменить создавшееся положение в интересах обеих стран, что «шаги в направлении нормализации работы «Дероп» приняты, но надо преодолеть технические затруднения».— *256*.

[166] Корреспонденты Я. Флеминг и С. П. Ричардсон направили 20 апреля 1933 г. письмо М. М. Литвинову, в котором, ссылаясь на эмбарго, наложенное правительством Англии на советский экспорт, просили его изложить условия или принципы, регулирующие внешнеторговые отношения Советского Союза с другими государствами. Они писали, что могли бы довести их до сведения общественного мнения Англии и США, тем самым «рассеять могущие возникнуть ошибочные представления о политике СССР в связи с внешней торговлей» и «положить конец известной истерии, вызванной в некоторых кругах зарубежной общественности событиями прошлого месяца». В заключение в письме говорилось, что «ввиду возможных переговоров между СССР и США и нынешней атмосферы кризиса, возникшего в отношениях между СССР и Англией», заявление со стороны М. М. Литвинова, «сделанное в настоящий момент, могло бы иметь успокаивающее и стабилизирующее воздействие на иностранное общественное мнение».— *259*.

[167] В письме от 10 апреля 1933 г. С. М. Кузнецов подтверждал получение письма Ли Шао-гэна от 8 апреля 1933 г., в котором последний уведомлял о получении им телеграммы министерства путей сообщения Маньчжоу-Го о том, что до заключения официального соглашения «перевозки прямого сообщения КВЖД с Забайкальской ж. д. ни в коем случае не могут быть допущены и не должны продолжаться».

Приведя затем текст телефонограммы управляющего дорогой Ю. В. Рудого о перерыве прямого грузового сообщения между Забайкальской ж. д.

и КВЖД (см. док. № 133). Кузнецов писал: «Я не могу не выразить протеста против указанной точки зрения министерства путей сообщения по данному вопросу, как противоречащей действующим соглашениям о КВЖД, и заявляю решительный протест против указанных насильственных действий железнодорожной полиции». Отмечая, что этими действиями «прервано целиком не только прямое, т. е. беспересадочное и бесперегрузочное сообщение, но и перегрузочное сообщение» и всякое транзитное сообщение, Кузнецов указывал, что это «в корне нарушает постановления контракта на постройку и эксплуатацию КВЖД 1896 г., устава КВЖД 1896 г. и Пекинское и Мукденское соглашения 1924 г.».

Приведя выдержки из контракта и устава КВЖД (главные из них были повторены в письме от 28 апреля 1933 г.; см. док. № 140), Кузнецов подчеркивал, что эти документы были оставлены в силе Пекинским и Мукденским соглашениями и, следовательно, «право СССР на транзитные (беспересадочные и бесперегрузочные) перевозки и обязанность КВЖД совершать их существуют и в настоящее время».— *263.*

[106] Как сообщали в НКИД СССР генконсул СССР в Харбине М. М. Славутский и консул СССР в гор. Маньчжурия В. В. Смирнов, после вышеуказанного заявления начальника пограничного полицейского отряда на ст. Маньчжурия, железнодорожные полицейские 9 апреля 1933 г. перекрыли на несколько часов ряд стрелок на станции, в результате чего станция была лишена возможности проводить какие-либо грузовые и пассажирские операции.

10 апреля 1933 г. в 13 час. 10 мин. по местному времени представитель министерства путей сообщения Маньчжоу-Го Сато и начальник отделения железнодорожной полиции Бай Юнь-цин письменно предложили начальнику ст. Маньчжурия «срочно прекратить передачу товарных вагонов по прямому сообщению с КВЖД на Забайкальскую ж. д. и обратно» и вернуть товарные вагоны с путей Забайкальской ж. д. на ст. Маньчжурия на пути КВЖД. В письме содержалась угроза, что «в случае невыполнения указанного» будут применены «строгие соответствующие меры» и что «все лица, оказавшие сопротивление, будут караться согласно закону правительства Маньчжоу-Го строгой мерой наказания».

В 14 час. 35 мин. Сато и сопровождающие его лица явились к начальнику станции и потребовали возвратить вагоны с Забайкальской ж. д. на КВЖД. После отказа начальника станции выполнить это требование они забрали ключи от стрелок, затем железнодорожная полиция захватила маневровый паровоз и самовольно перевела с путей Забайкальской ж. д. на пути КВЖД 166 вагонов, в том числе 21 вагон с грузами. После этого полиция забила костылями все стрелки, соединяющие пути КВЖД с Забайкальской ж. д., и выставила около них пост.— *263.*

[107] Письмо генконсула СССР в Харбине М. М. Славутского от 18 апреля 1933 г. в основном аналогично содержанию памятной записки заместителя народного комиссара иностранных дел СССР Л. М. Карахана послу Японии в СССР Ота от 16 апреля 1933 г. (см. док. № 121).— *264.*

[108] Советская экспедиция по борьбе с саранчой прибыла к месту работ 2 июня 1933 г. К 1 сентября 1933 г. она обработала зараженную площадь в 2.5 тыс. *га*. Экспедиция проводила также работу по борьбе с другими сельскохозяйственными вредителями.— *265.*

[111] В телеграмме от 23 апреля 1933 г. М. М Литвинов писал В. С. Довгалевскому, что «мы по-прежнему отрицательно относимся к «пакту четырех» в любом варианте, но французский вариант считаем наименьшим злом» (см. док. № 113, 115).— *267.*

[112] В письме от 10 апреля 1933 г. в НКИД СССР полпред СССР в Финляндии Б. Е. Штейн сообщил, что «на празднование дня взятия Гельсингфорса, которое состоится 12 апреля, сегодня приехал фон дер Гольц. Все эти обстоятельства отталкивают Финляндию от такого антигерманского союза, каким мыслится в данный момент Балтийский блок».

В письме от 30 апреля 1933 г. в НКИД СССР временный поверенный в делах СССР в Финляндии Н. Г. Поздняков сообщал: «Эстонцы, латыши и поляки, с которыми мне приходилось разговаривать по этому поводу, все в один голос заявляют, что фон дер Гольц, конечно, не ограничился только участием в празднике. В связи с этим характерна та подробность, что спутник фон дер Гольца фон Брюк уехал только сегодня из Финляндии».— *270.*

[113] В записи беседы с латвийским посланником Балодисом 19 апреля 1933 г. на обеде у председателя сейма Финляндии Б. Е. Штейн отмечал: «Балодиса я расспрашивал о Балтийском блоке. Он с раздражением говорил о Литве, которая является препятствием в деле осуществления блока. Что касается Финляндии, то и она *не обнаруживает склонности* идти на эту комбинацию. В Финляндии сейчас преобладает ориентация «на Берлин», в особенности эта ориентация усилилась после приезда фон дер Гольца. На эту тему был следующий разговор с сидевшим напротив нас министром просвещения Мантере. Балодис сказал Мантере, что чувства латышей к фон дер Гольцу известны, сохраняются воспоминания о его операциях против Риги и поэтому он, Балодис, не может разделить восторга финнов по случаю посещения фон дер Гольцем Гельсингфорса. Еще менее он, Балодис, может разделить политический восторг финнов. Он замечает, что после посещения Гольца настроение финских правых весьма чувствительно повысилось. Мантере в ответ сказал, что Гольц приезжал покрасоваться на народе, на что Балодис в свою очередь заметил: «Вы и я прекрасно знаем, что это не так». Мантере красноречиво показал в мою сторону, после чего Балодис перешел на другую тему».— *272.*

[114] В устном заявлении (оно было затем в виде письменной памятки переслано Ота) М. М. Литвинов указал на «крайне ненормальное положение, созданное маньчжурскими властями на КВЖД». «Несмотря на то, что Советское правительство и его представители в правлении КВЖД с исчерпывающей убедительностью доказали совершенную необоснованность претензий и требований, предъявляемых к советской стороне маньчжурскими властями (см. док. № 121, 122, 133, 140.— *Ред.*),— заявил Литвинов,— последние продолжают настаивать на своих требованиях, ставя даже ультимативные сроки для их исполнения, недвусмысленно угрожая *принятием дальнейших односторонних мер* в нарушение Пекинского и Мукденского соглашений и в ущерб интересам Советского Союза». «Предприняв свои военные действия в Маньчжурии,— говорилось далее в заявлении,— японское правительство неоднократно заверяло нас в том, что от этих действий не пострадают интересы КВЖД и Советского Союза. Таким образом, японское правительство взяло на себя перед нами ответственность за последствия и результаты своих действий в Маньчжурии, поскольку они будут затрагивать наши интересы. Уже по одному этому японское правительство не может снять с себя ответственность за возможные нарушения интересов СССР в результате нынешнего положения в Маньчжурии. Мне нет, однако, надобности углубляться сейчас в эту тему, и, чтобы быть вполне откровенным, я хочу сообщить г. послу, что нам присланы документы, аутентичные и абсолютно достоверные, указывающие на роль японских чиновников в подстрекательстве маньчжурских властей к насильственным действиям, направленным против СССР и могущим вызвать весьма серьезные осложнения между СССР, с одной стороны, и Маньчжоу-Го и Японией, с другой. В частности, согласно этим документам, японский генеральный консул в Харбине г. Морисима рекомендует такие провокационные меры, как арест высших советских представителей на КВЖД».

Сославшись на беседу Ота с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР Л. М. Караханом от 24 апреля 1933 г. (см. прим. 115), Литвинов подчеркнул, что он согласен с мнением Ота, высказанным в ходе этой беседы, что вопрос о КВЖД «требует политического разрешения».

Указав, что под «*политическим решением вопроса*» Ота, по-видимому,

имеет в виду выкуп КВЖД, ибо он ссылался на переговоры на эту тему между т. Трояновским и г. Фудзивара» (см. т. XV, прим. 229). Литвинов заявил о согласии Советского правительства продать КВЖД и предложил вступить для этого в переговоры. «Само собой разумеется,— отметил далее Литвинов,— что немедленно должны быть решительно прекращены те односторонние действия на КВЖД, на путь которых вступило Маньчжоу-Го. Мы ожидаем, что и независимо от переговоров японское правительство примет все зависящие от него меры для восстановления нормальных отношений на КВЖД, для прекращения практики односторонних неправомерных действий маньчжурских властей и предъявления необоснованных требований с ультиматумами и угрозами».— *279, 324.*

[115] 24 апреля 1933 г. Ота имел с Л. М. Караханом продолжительную беседу. Ота пространно говорил о необходимости «найти конкретный путь к улучшению взаимоотношений» между СССР и Японией, в порядке «совершенно личного мнения» поднял вопрос о заключении торгового договора или соглашения и высказался за то, чтобы «заключить какой-нибудь акт политического характера» между СССР и Японией, под которым имел в виду продажу Советским Союзом КВЖД и признание Маньчжоу-Го.

Карахан ответил Ота, что Советское правительство «не раз предлагало заключить торговый договор между СССР и Японией», однако положительного ответа не получило. «Если теперь сам японский посол ставит этот вопрос,— продолжал Карахан,— то, конечно, это не вызовет возражений с нашей стороны, поскольку мы считали ненормальным отсутствие торгового договора между обеими странами». Одновременно он указал, что «если японская сторона думает об улучшении отношений и хочет избежать их ухудшения, то она не должна допускать того, что происходит на КВЖД».

По вопросу о продаже КВЖД Карахан сказал, что точка зрения Советского правительства, изложенная послом СССР в Японии А. А. Трояновским в ходе обмена мнениями с Фудзивара в 1932 г. (см. т. XV, прим. 229), не изменилась.— *279, 394.*

[116] Соглашение между правительствами СССР и Италии о предоставлении гарантийных кредитов по экспортным сделкам от 6 мая 1933 г. предусматривало, что «итальянское правительство дает уже сейчас заверение итальянским поставщикам в предоставлении государственной гарантии» в течение 1933 г. в пределах суммы в 200 млн. лир, причем в эту сумму включалась также и стоимость кредита. «Упомянутый лимит в 200 млн. лир сможет быть увеличен по соглашению между правительством Союза Советских Социалистических Республик и Итальянским Правительством».

Согласно ст. 6, соглашение входило в силу немедленно после подписания, и срок его действия истекал 31 декабря 1933 г.— *286.*

[117] В ходе беседы М. М. Литвинова с Лукасевичем 29 апреля 1933 г. последний передал ответ правительства Польши на предложение Советского правительства, о котором Литвинов сообщил польскому посланнику 19 апреля и которое состояло в том, чтобы созвать конференцию соседних с СССР государств Восточной Европы, заключавших с ним договоры о ненападении, и подписать общий протокол о принятии определения агрессии, предложенного Советским Союзом в Женеве на конференции по разоружению (см. док. № 32). Поставив перед Лукасевичем вопрос, как бы польское правительство отнеслось к указанному выше предложению, Литвинов заявил: «Такая акция была бы новой демонстрацией миролюбия СССР и его соседей и укрепила бы между ними взаимное доверие. Она являлась бы успокаивающим фактором в нынешней взбаламученной международной ситуации и, кроме того, стимулировала бы и Женеву к принятию затем нашего предложения». Литвинов добавил, что он обращается «раньше всего к Польше, потому что уверен, что в случае ее согласия [советское] предложение может быть реализовано в ближайшее время».

Во время беседы 29 апреля Лукасевич, согласно записи Литвинова, сообщил, «что его правительство настаивает на тесной связи моего [Литвинова] предложения о конференции с урегулированием бессарабского вопроса. Это урегулирование должно лечь в основу укрепления мира на Востоке Европы, что имеется в виду нашим предложением». При этом Лукасевич добавил, что «Польша выступила с предложением об урегулировании бессарабского вопроса без предварительного согласования этого шага с румынским правительством, отношение которого к данному вопросу польскому правительству неизвестно».

Литвинов подчеркнул в связи с этим, что советское предложение «не является новым для польского правительства, ибо оно сводится лишь к ускорению принятия в наших взаимоотношениях с соседями того определения агрессии, которое уже обсуждалось на конференции по разоружению. В Женеве Польша не только не возражала против нашего предложения, но приветствовала его и настаивала на скорейшем обсуждении его, не поднимая, однако, вопроса о Румынии. Если неурегулирование бессарабского вопроса не является препятствием к принятию нашего предложения в Женеве, то оно не должно мешать принятию его в Москве или в другом месте». Литвинов отметил также, что «урегулирование наших отношений с Румынией имело бы большое значение», но это «следовало бы делать независимо от предложения об определении агрессии».— *288*.

[118] 8 мая 1933 г. посол Китая в СССР Янь Хой-цин (Иен) вручил заместителю народного комиссара иностранных дел СССР Л. М. Карахану эд-мемуар на имя народного комиссара иностранных дел СССР от того же числа. В нем, в частности, говорилось, что «все вопросы, касающиеся Китайско-Восточной железной дороги, должны по-прежнему регулироваться соглашениями, заключенными между Китаем и Советским Союзом в 1924 г., и должны решаться исключительно правительствами этих двух стран».— *290*.

[119] 27 июля 1933 г. полпред СССР в Персии С. К. Пастухов телеграфировал в НКИД СССР, что МИД Персии дал разрешение на приезд представителя «Востоккино».

В октябре 1933 г. в Персию для переговоров о съемке фильма выехал сценарист Марьямов. Позднее советскими кинематографистами был снят фильм «Персия».— *292*.

[120] А. М. Горький проездом из Италии в Советский Союз 15 мая 1933 г. прибыл в Стамбул и после однодневного пребывания там в качестве гостя турецкого правительства отбыл на Родину.— *292*.

[121] В ответ на комментируемое письмо К. К. Юренев писал в НКИД СССР 5 июля 1933 г., что «вопрос о торговом договоре с Японией является весьма важной и деликатной проблемой» и что в полпредстве и торгпредстве СССР в Японии «этот вопрос пока еще не подработан как следует», без чего он считал «невозможным более или менее серьезно говорить о договоре с японцами». Юренев отмечал также, что пока «никто из ответственных руководителей японского правительства не ставил вопроса в сколько-нибудь официальной или даже полуофициальной форме».

1 августа 1933 г. Юренев и торгпред СССР в Японии В. Н. Кочетов направили в НКИД и НКВТ совместное письмо, содержавшее данные о торговом обороте СССР с Японией за 1930—1933 гг., о структуре советского экспорта и импорта, а также предложения по торговому договору.— *297*.

[122] 16 апреля 1933 г. К. К. Юреневу был передан текст заявления правительства СССР правительству Японии от 16 апреля 1933 г. (см. док. № 121). 3 мая 1933 г. народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов телеграммой сообщил Юреневу содержание своего устного заявления послу Японии в СССР Ота 2 мая 1933 г. (см. прим. 114). 15 мая 1933 г. Литвинов информировал Юренева о том, что китайское правительство вручило послу СССР в Китае Д. В. Богомолову проект пакта о ненападении между Китаем и СССР (см. прим. 197) и что посол Китая

в СССР Ян Хайдин протестовал против предполагаемой продажи КВЖД (см. прим. 131). — 297.

[124] В телеграммах в НКИД СССР от 11 и 15 мая 1933 г. К. К. Юренев сообщал, что его посетила делегация японского концерна «Окура» и сделала предложение сдать ей в аренду остров Сахалин (советскую часть). Юренев ответил, что «Советское правительство само усиливает хозяйственную работу на острове и осваивает его» и что это предложение звучит так, как если бы он (Юренев) предложил «сдать Советскому Союзу в аренду один из важных японских островов». — 296.

[125] 19 мая 1933 г. К. К. Юренев телеграфировал в НКИД: «На ваши телеграммы от 17 мая 1933 г. Сегодня вызвал Сигемицу (заместитель министра иностранных дел Японии. — *Ред.*) представление и заявил протест. Обещано расследование».

28 июля 1933 г. МИД Японии сообщил полпредству, что, как говорилось «непосредственное расследование, проведенное японскими военными властями», 9 и 11 мая 1933 г. «японские войска вели бой с бандитами» в указанных советским полпредом районах, но якобы «в обоих случаях они не переходили советскую границу и не вели огонь в направлении границы». — 297.

[126] НКВТ СССР направил 19 мая 1933 г. торгпреду СССР в Норвегии Г. К. Клингеру телеграмму, в которой подтверждалась директива, данная в телеграмме от 17 мая 1933 г. о том, что «мы не пойдем ни на какое ухудшение в области нашего экспорта против прошлого года». Далее в телеграмме говорилось о необходимости обеспечения гарантий в отношении советского импорта по металлам, включая 5 тыс. т алюминия, 2500 т окиси алюминия, а также экспорта 20 тыс. стандартов лесоматериалов. «В случае введения лицензионной системы на другие сорта леса и изделий, — указывалось в телеграмме, — оговорите предоставление нам лицензий в количестве, обеспечивающем нам беспрепятственный сбыт. Относительно нефтепродуктов, бензина и других экспортных товаров добивайтесь в крайнем случае заявления норвежского правительства о благожелательном к ним отношении. Обеспечьте свободный вывоз валюты. Настаивайте на продаже 50 тыс. т ржи и 30 тыс. т пшеницы. Урегулируйте вопрос о призах торгпредства». — 305.

[127] Полпредство и торгпредство СССР в Греции вели в течение нескольких месяцев переговоры с греческим правительством о льготном обложении торгпредства СССР. Хотя торгпредство СССР в Греции существовало с 1926 г., греческое правительство в 1932 г. потребовало уплаты налогов — вначале с дипломатического отделения торгпредства, а потом и с самого торгпредства. Требование об уплате налогов было предъявлено за все годы существования торгпредства. Советская сторона предложила греческому правительству урегулировать этот вопрос в дипломатическом порядке. О своей беседе с министром иностранных дел Михалакопулосом 31 января 1933 г. Я. Х. Давтян, в частности, записал: «Относительно обложения торгпредства Михалакопулос сам же мне сказал, что, как ему докладывал Маврудис, органам фиска дано распоряжение не тревожить торгпредство, пока мы не договоримся между собой. Он спросил меня, имеются ли какие-нибудь новые затруднения со стороны органов фиска. Я указал, что на днях салоникское отделение торгпредства получило новую повестку, повторяющую прежнее требование об уплате налога». На это Михалакопулос заявил, что очевидно, инспектор не успел довести свое распоряжение до Салоник и что он немедленно примет нужные меры. Он снова подтвердил, что органы фиска не примут никаких мер, пока «мы не договоримся». — *ВП, 8/8.*

[128] В тот же день вечером Маврудис сообщил Я. Х. Давтяну, что «собрание дашнаков будет запрещено». Полпред ответил, что он «не сомневался в том, что греческое правительство поймет всю недопустимость подобного антисоветского выступления». Как выяснилось позже, собрание 28 мая дашнаки состоялось. 7 июня 1933 г. Давтян посетил Маврудиса и

в записи своей беседы с ним отметил: «Максимов мне сразу при моем входе в кабинет сказал, что он получил информацию от министра внутренних дел Раллиса и может мне сообщить, что, собственно говоря, собрания как такового не было, а было нечто вроде детского утренника».

Давтян ответил, что эта информация неправильна. На собрании присутствовали лица в царской военной форме, в том числе генерал Тернов, который произнес патриотическую речь. На собрании был также ряд греческих военных и представители полиции. «Максимос начал заверять меня, что такие вещи больше не повторятся. Я сказал, что вынужден вручить ему ноту протеста и передал таковую. Он сказал, что передаст обо всем этом Раллису и попросил подробных объяснений и принятия «соответствующих мер на будущее» — *3/5*.

[185] Я. Х. Давтян в письме в НКИД СССР от 7 июня 1938 г. особо об этом меморандуме: «По делу Судакиса пришлось весьма подробно и заново знакомить как самого Максимоса, так и аппарат министерства со всеми его перипетиями. По просьбе Максимоса я ему передал 17 мая подробный меморандум, излагающий историю вопроса и наших переговоров». Содержавшийся в меморандуме вопрос изложен в опубликованных документах (см. т. VIII, док. № 156, т. XIV, док. № 72). — *3/6*.

[186] По этому поводу в записи беседы М. М. Литвинова с Аджи, состоявшейся в Женеве 23 февраля 1933 г., говорилось: «Отношения с Италией остаются столь же хорошими, сколь этого до сих пор желала Италия. Мы в свое время, еще до переговоров с Францией, хотели далее развивать эти отношения заключением пакта о ненападении, и это Гранди при миланском свидании предлагал этот вопрос отложить, как следующий этап наших отношений, а затем в Женеве, уже во время наших переговоров с Францией. Гранди указывал, что не хотел бы обгонять Францию или подражать ей в переговорах с нами» — *3/8*.

[187] В письме полпредства СССР в Италии в НКИД СССР от 19 февраля 1929 г. отмечалось, что Энрико Иноцбато, бывш. депутат итальянского парламента, «в 1921—22 гг. был завербован петлюровской делегацией в Риме и много руководящей всею печати, которую она здесь организовала. За это он получал 3 тыс. лир в месяц». В письме говорилось также, что Иноцбато «последние три года занимается всякими мелкими аферами».

В 1929 г. Иноцбато развивал перед сотрудниками полпредств СССР во Франции и Италии свои планы организации в Италии «общества культурных связей с Украиной».

В связи с этим народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов направил полпреду СССР в Италии Д. П. Курскому письмо от 10 декабря 1929 г., в котором, в частности, говорилось: «Италия, по-видимому, также готова поддержать попытки отторжения от Союза Украины. Таким образом, желание установить культурную связь с Украиной гораздо менее безобидно, чем оно может казаться».

В заключение Литвинов писал: «Иноцбато и другим итальянцам необходимо указывать, что они должны по всем линиям устанавливать определенное отношение к Союзу как к государству, а не к отдельным его частям» — *3/22*.

[188] Имеется в виду письмо торгпредства СССР в Германии Гугенбергу от 10 апреля 1933 г., копия которого Я. М. Хинчуком была передана Нейрату.

В письме германской стороне предлагались следующие мероприятия в целях дальнейшего развития советско-германских экономических отношений:

1) беспошлинный ввоз в Германию из СССР судака, ввоз замороженной трески в размере 1000 т на 1933 г.;

2) предоставление договорной ставки для ввоза яиц из СССР в Германию в рамках контингента в 1200—1500 вагонов;

3) освобождение импорта советского растительного масла от протекционистских положений распоряжения президента Германии от 23 марта

1933 г.; указание соответствующим инстанциям Германии о закупке 20—25 тыс. т советских растительных масел;

4) распоряжение о ввозе 120—130 тыс. т жмыхов из СССР;

5) считать само собой разумеющимся, что положения заключительного протокола от 17 января 1933 г. (см. док. № 16) в отношении толкования ст. 14 Экономического соглашения между СССР и Германией от 12 октября 1925 г. (см. т. VIII, док. № 342), ст. II, абз. 1 и 2 применяются также в отношении растительных масел и жмыхов;

6) предоставление дополнительного контингента по животному маслу к уже предоставленному контингенту по ввозу масла из СССР в Германию на 1933 г. в размере 2568 т.

В заключении письма говорилось о преследовании общества «Дерол» (см. прим. 46) и мерах содействия увеличению сбыта советских нефтепродуктов в Германии.— *328.*

[329] Переговоры с советскими представителями вела так называемая комиссия Мосдорфа. Если деятельность комиссии Хэя, занимавшейся вопросами содействия советскому экспорту в Германию, не дала никаких результатов (см. также док. № 16), то, как отмечалось в годовом отчете полпредства СССР в Германии за 1933 г., «столь же бесплодна была и образованная летом 1933 г. комиссия Мосдорфа: все предложения советской стороны по улучшению позиций советского экспорта в Германию, за ничтожным исключением, были отвергнуты немцами».

По поводу упоминаемого в документе «циркуляра» о содействии сбыту советских нефтепродуктов в Германии в том же отчете указывалось: «К осени 1933 г. после длительных переговоров был наконец издан министрами хозяйства и внутренних дел приказ, рекомендующий государственным и коммунальным предприятиям покупку советских нефтепродуктов» (см. также прим. 46).— *329.*

[330] В упомянутой телеграмме от 30 мая 1933 г. торгпред СССР в Норвегии Г. К. Клингер, сообщая в НКВТ СССР о подписании гарантийного соглашения, писал, что «в виде некоторой компенсации добился получения письменного обещания норвежского правительства зашишать на текущей сессии стортинга восстановление прав торгпредства», а также «получил от алюминиевой компании обязательство уплатить нам 66 500 крон в возврат части нашей переплаты за сельди».

Во второй телеграмме Клингера от того же числа говорилось: «Сегодня после подписания соглашения о госгарантии получил предложение норвежского правительства передать соответствующим советским учреждениям просьбу о дополнительной закупке в Норвегии еще 150 тыс. бочек сельди».— *330.*

[334] 31 мая 1933 г. Б. С. Стомоняков направил А. А. Бекзадяну телеграмму, в которой изложил содержание упомянутой беседы с Даниэльсеном и дал следующее указание: «Ввиду важности вопроса прошу немедленно сделать аналогичный демарш перед Мувинкелем и настоять на дезавуировании министра торговли, который не впервые вносит осложнения в наши отношения. Даниэльсен предупрежден, что Вам поручено сделать серьезный демарш перед норвежским правительством. О результате телеграфируйте».

В ответной телеграмме в НКИД СССР от 3 июля 1933 г. Бекзадян сообщил: «Иогансен дезавуирован правительством. По сегодняшнему сообщению Эсмарка, госгарантия будет утверждена стортингом во вторник. С письмом Иогансена я ознакомился лишь вечером 31 мая, поэтому был лишен возможности на месте ликвидировать эту возмутительную отсебятину». В беседе с Бекзадяном Эсмарк назвал поведение Иогансена «самозванной импровизацией».

10 июля полпред телеграфировал в НКИД: «Стортингом только что утверждена госгарантия. Докладчик отмечал недопустимое запоздание».— *331.*

[135] О своей беседе с Хакселем 5 апреля 1933 г. Н. Г. Поздняков записал следующее: «Вызвав меня, Хаксель сообщил, что он готов дать ответ на мой запрос по поводу полетов самолетов над Ладогой. По наведенным справкам он выяснил, что в Сердоболе имеется одна маленькая станция, состоящая из нескольких военных самолетов весьма легкого типа. В задачу станции входит служба связи между побережьем и островами». «Учитывая такое назначение станции,— продолжал Хаксель,— а также и то, что в ее составе нет ни одного агрессивного аппарата (например, бомбовоза), он считает, что такую станцию никак нельзя отнести к разряду агрессивных баз».— *331, 435.*

[136] Конференция по вопросу о КВЖД открылась в Токио 26 июня 1933 г. В состав советской делегации входили полпред СССР в Японии К. К. Юренев, заведующий II Восточным отделом НКИД СССР Б. П. Козловский, вице-председатель правления КВЖД С. М. Кузнецов. Власти Маньчжоу-Го назначили уполномоченными своего посланника в Японии Дин Шы-юаня и вице-министра иностранных дел Охаси (японец). Японское правительство направило на конференцию наблюдателей: заведующего I отделом европейско-американского департамента МИД Ниси и сотрудника военного министерства Судзуки.

В 1933 г. состоялось 6 официальных заседаний конференции: 26, 28 июня, 3, 5, 14 июля и 4 августа. Первые два заседания были посвящены протокольно-процедурным вопросам. На заседании 3 июля делегации зачитали меморандумы сторон (см. док. № 215). На 4-м заседании 5 июля советская делегация сделала заявление по вопросу о праве собственности СССР на КВЖД; делегация Маньчжоу-Го огласила возражения по поводу советского меморандума. На 5-м заседании 14 июля советская делегация огласила заявление, развивавшее положения своего меморандума от 3 июля и содержавшее критику ряда положений меморандума делегации Маньчжоу-Го. Маньчжоугоская делегация настаивала на своих прежних позициях (см. док. № 246). На 6-м заседании 4 августа делегация Маньчжоу-Го продолжала оспаривать право единоличной собственности СССР на КВЖД и настаивала на принятии предложенной ею ранее цены за КВЖД в 50 млн. иен. Советская делегация, отказавшись обсуждать вопрос о праве собственности на КВЖД, как совершенно бесспорный, в силу действующих соглашений и общеизвестных фактов, предложила перейти к серьезному и деловому обсуждению вопросов, связанных с продажей дороги, и выразила готовность снизить предложенную ею цену на 50 млн. зол. руб., т. е. до 200 млн. зол. руб.

С целью выхода из тупика, созданного позицией делегации Маньчжоу-Го, с 9 августа было решено перейти к форме узких, так называемых «промежуточных» совещаний при неполном составе делегаций. В 1933 г. состоялось 5 таких «промежуточных» совещаний — 9, 12, 17 и 23 августа и 22 сентября.

12 августа по инициативе советской делегации было достигнуто соглашение об образовании комиссии для обсуждения практических вопросов, помимо цены. Однако из-за попыток маньчжоугоской делегации связать работу комиссии с вопросом о цене, комиссия к работе не приступила.

12 августа советская делегация заявила о принципиальном согласии обсуждать вопрос о курсе пересчета золотых рублей в бумажные иены. 17 августа делегация Маньчжоу-Го предложила явно нереальный расчетный курс 25 сен за 1 золотой рубль, что означало повторение их первоначальной цены в 50 млн. иен.

После ареста шести ответственных советских работников на КВЖД 24 сентября 1933 г. было сделано следующее заявление: Советское правительство «считает, что подобные действия японских властей в отношении КВЖД не могут не быть рассчитаны на срыв ведущихся переговоров о продаже КВЖД» (см. док. № 305). 30 сентября советская делегация в ответ на предложение делегации Маньчжоу-Го встретиться «на прежних

условиях» заявила, что «созыв совещания в обстановке, созданной харбинским конфликтом, нецелесообразен и невозможен». На этом работа конференции в 1933 г. практически прервалась. Переговоры о продаже КВЖД возобновились в середине 1934 г.— *533, 472, 549, 552.*

[137] Директива о заключении договора была изложена в телеграмме Л. М. Карахана и зам. наркома внешней торговли СССР Ш. З. Элиавы Н. Т. Тюрякулову от 1 августа 1932 г.: «Считаем целесообразным подписать пока договор дружбы, включив в него одну статью о торговле, где будет установлена недискриминация и готовность заключить в дальнейшем торговый договор». В соответствии с этой директивой полпред с августа 1932 г. по июнь 1933 г. вел переговоры о заключении договора.— *335.*

[138] В телеграмме начальника Валютно-финансового сектора НКВТ СССР М. М. Ланда и председателя объединения «Союзнефтеэкспорт» Я. М. Шнейдера Н. Т. Тюрякулову от 14 июня 1933 г. говорилось: «Согласны урегулировать долг короля за нефтепродукты на следующих условиях: 1. Сумма долга в 150 600 долл. увеличивается в связи с падением курса на 50% суммы потери на курсе до 168 тыс. долл. 2. Покрытие вносится равномерными частями по 10 тыс. долл. в месяц, начиная с июля с. г.».— *536.*

[139] В упоминаемом меморандуме подробно излагался вопрос об истории проведения границы в районе Сестрорецкой перемычки и на Вайда-Губе, давалось географическое описание этих участков границы и содержались основные предложения финляндского правительства об окончательном проведении границы в этих районах. Эти предложения затрагиваются в комментируемой беседе.— *336.*

[140] В беседе с финляндским посланником 21 июня 1933 г. Б. С. Стомоняков заявил Ирье-Коскинену, что «предложение финского правительства об уступке нам по вопросу о Сестрорецкой перемычке взамен за исправление границы в пользу Финляндии в Вайда-Губе не может быть нами принято, ибо взамен за несколько квадратных метров на Сестрорецкой перемычке мы должны были бы уступить финскому правительству населенный пункт и [участки] рыболовства. Я предложил компенсировать Финляндию за уступку по вопросам Сестрорецкой перемычки и Вайда-Губы уступками соответствующих участков территории при проведении границы в Карелии».

После некоторой дискуссии Ирье-Коскинен «обещал передать финскому правительству наши заявления и посодействовать получению скорейшего решения» (см. также док. № 414).— *336.*

[141] В беседе с Б. С. Стомоняковым 21 апреля 1933 г. Ирье-Коскинен сообщил, что Наркомлегпром не дает концессионеру тратт, обусловленных договором 1932 г. о ликвидации концессии «АГА» (Альфтан) по производству специальной бумаги в Ленинграде. 21 июня 1933 г. Стомоняков уведомил Ирье-Коскинена, что «неоднократно интересовавший его вопрос о траттах разрешен положительно. Тратты уже выданы Альфтану».— *338.*

[142] Мировая экономическая конференция проходила в Лондоне с 12 июня по 27 июля 1933 г. В ней приняли участие представители 64 государств, а также (с правом совещательного голоса) представители Экономического и Финансового комитетов и Организации сообщений и транзита Лиги наций, Международного бюро труда, Международного сельскохозяйственного института и Банка международных расчетов. Председателем конференции, согласно решению Совета Лиги наций от 25 января 1933 г., был назначен Р. Макдональд. На первом заседании конференции вице-председателем был избран делегат Бельгии П. Гиманс. Президиум конференции был составлен из представителей 16 государств, включая представителя СССР.

Повестка дня конференции, составленная 19 января 1933 г. Подготовительной комиссией экспертов (образованной 6 октября 1932 г.) и утвержденная Организационным комитетом по созыву конференции (образованным Советом Лиги наций 15 июля 1932 г. под председательством Д. Сай-

мона), включала следующие вопросы: 1) денежная и кредитная политика; 2) цены; 3) возобновление движения капиталов; 4) ограничения международной торговли; 5) тарифная и договорная политика; 6) организация производства и обмена.

После семи пленарных заседаний, на которых в ходе общей дискуссии выступили представители 34 государств, конференция создала две комиссии: 1) финансовую и 2) экономическую. Комиссии в свою очередь образовали ряд подкомиссий, комитетов и подкомитетов, которым поручалось рассмотрение отдельных проблем и составление докладов (см. «Сборник документов по международной политике...», сб. VII. М., 1934, стр. 27—30).

После шести недель заседаний конференция формально была отсрочена, однако без установления даты ближайшего заседания, и фактически прекратила свою работу.

Организаторы конференции поставили перед ней неосуществимую задачу — найти для стран капитализма совместный согласованный выход из кризиса, наметить мероприятия, направленные если не к полному устранению кризиса, то хотя бы к его смягчению. Резкое обострение международных противоречий и экономической войны в этот период обусловили бесплодность и конечный крах конференции, которая не смогла решить ни одной проблемы (там же, стр. 23—26; см. также прим. 190).

Советская делегация с самого начала заняла ясную и четкую позицию в отношении всех проблем, включенных в повестку дня, и внесла на конференции конкретные предложения. Так, она предложила, что СССР дополнительно закупит товаров на сумму в 1 млрд. долл. в том случае, если капиталистические страны предоставят соответствующие кредиты. Однако это предложение даже не обсуждалось, так как в силу своей враждебности капиталистические страны не желали решать вопроса о кредитовании новых советских заказов. Советская делегация внесла также предложение отменить все действующие меры экономической агрессии и выдвинула проект пакта об экономическом перемирии (см. док. № 179). И это предложение не было принято (см. прим. 143).

В выступлениях советской делегации на конференции были показаны успехи хозяйственного строительства и возросшая экономическая мощь Советского государства, исходившего в своих взаимоотношениях с капиталистическим миром из принципов мирного сосуществования и делового сотрудничества. Об оценке работы конференции см. док. № 257 и 259. (Выступления советской делегации см. в сб. «СССР на мировой экономической конференции», М., 1933).— *343, 565, 687.*

[143] Настоящий советский проект резолюции был представлен Мировой экономической конференции 14 июня 1933 г. На следующий день он был распространен среди делегатов конференции. В поддержку советского проекта выступил председатель турецкой делегации министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю, который заявил, что турецкая делегация целиком присоединяется к этому советскому предложению. Представитель Польши, поддержав предложение, заявил, что пакт мог бы явиться базой для последующих работ конференции. В защиту проекта выступил и представитель Ирландии, сенатор Коннолли.

Однако Бюро конференции предприняло все возможное, чтобы не только умалить значение советского проекта, но и фактически не допустить его обсуждения. В этих целях проект был направлен на рассмотрение Экономической комиссии конференции, где он и оставался до конца конференции (см. также прим. 142).— *349.*

[144] Имеется в виду справка, направленная Литвинову 5 июня о минимальном суммарном тоннаже наличного состава Военно-Морского Флота СССР и намечаемых к постройке кораблей.— *350.*

[145] Последующий ход работы Конференции по сокращению и ограничению вооружений подтвердил невозможность устранения разногласий между ее участниками и опроверг «оптимизм» Гендерсона. Как и предпола-

галось, 27 июня состоялось заседание Бюро конференции, посвященное обсуждению плана работ Генеральной комиссии (см. «League of Nations. Records of the Conference for the Reduction and Limitation of Armaments». Series C. Vol. I. Geneva, 1935, p. 176—178). Гендерсон доложил о полной неудаче переговоров, которые он вел с делегациями в соответствии с решением Генеральной комиссии от 8 июня, и привел перечень основных вопросов, по которым имелись разногласия: неприменение силы; европейский или всемирный пакт; определение агрессии; наблюдение и контроль; санкции, которые следовало применить против государства, нарушившего конвенцию о разоружении; воздушные бомбардировки; военная и морская авиация; упразднение наступательного сухопутного оружия (предложение президента США Рузвельта); размеры танков и артиллерии; обученные резервы; срок обучения личного состава, проходящего краткосрочную военную подготовку; военные силы в колониях; период, в течение которого должны быть уничтожены наступательные виды оружия; ограничение военных бюджетов; изготовление и торговля оружием. Он предложил отсрочить заседания Генеральной комиссии до 16 октября в расчете, что за это время ему удастся достигнуть успеха в переговорах с делегациями и затем приступить ко второму чтению проекта конвенции, предложенного английской делегацией (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 155—156).

Несмотря на возражения германского делегата, предложение Гендерсона было принято Бюро и представлено Генеральной комиссии, которая 27 июня на 79 заседании приняла резолюцию об отсрочке своих заседаний до 16 октября; против голосовал германский делегат, воздержался делегат Венгрии (см. «Société des Nations. Actes de la Conférence pour la Réduction et la Limitation des Armements». Série B. Procès-Verbal de la Commission Générale. Vol. II, Genève, 1933, pp. 637—643).

В июле—сентябре 1933 г. во исполнение решения Генеральной комиссии Гендерсон вел переговоры с представителями правительств Франции, Италии, Германии, Великобритании, США и Чехословакии. В тот же период в Париже и Женеве состоялись различные совещания, в которых приняли участие представители Франции, Великобритании, США, Италии, Германии и Польши.

Третья сессия конференции началась 9 октября 1933 г. 47 заседанием Бюро, на котором Гендерсон изложил результаты своих переговоров. При этом он разделил стоящие перед конференцией вопросы на две категории: те, по которым соглашения легче достичь, и те, по которым это сделать относительно трудно. Он рекомендовал продолжить переговоры вне конференции в течение 3—4 дней с целью добиться соглашения и предложил английской делегации переработать проект конвенции в соответствии с таким соглашением (см. «Сборник документов по международной политике...» вып. VI, М., 1934, стр. 165—168). 14 октября 1933 г. на 48 заседании Бюро глава английской делегации Саймон сделал доклад о результатах своих переговоров с представителями Германии, Италии, США, Франции и некоторых других государств и изложил план решения вопроса о разоружении на основе английского проекта конвенции с внесением туда необходимых поправок. Он предложил установить срок действия конвенции в 8 лет (распадающийся на два периода по 4 года), в течение которого вооружения разоруженных по мирным договорам государств не должны увеличиваться, а вооружения сильно вооруженных государств должны быть существенно сокращены; при этом в течение первого периода будет произведена реорганизация армий и установлен международный контроль. Конференция должна была подтвердить принцип равенства в режиме безопасности и создать Постоянную комиссию по разоружению (см. там же, стр. 168—170). Однако устранить основные разногласия не удалось. 14 октября 1933 г. Германия отказалась от дальнейшего участия в конференции, а 19 октября вышла из Лиги наций. Второе чтение английского проекта

не состоялось ни 16 октября, как надеялся Гендерсон, ни 26 октября — на последнем в 1933 г. заседании Генеральной комиссии. Попытки разрешить противоречия на трех ноябрьских заседаниях Бюро успеха не имели, а постановление о созыве 4 декабря заседания Генеральной комиссии выполнено не было. Дальнейшие заседания главных органов конференции были отсрочены: Бюро — до апреля 1934 г., а Генеральной комиссии — до конца мая 1934 г. Однако и в последующем второе чтение проекта конвенции так и не было проведено.— *350, 682.*

[146] В телеграмме НКИД СССР М. М. Литвинову от 21 июня 1933 г. в Лондон говорилось: «Советуем к концу месяца заехать в Париж и проинформировать Бонкура». О пребывании Литвинова в Париже см. док. № 222, 224.— *350.*

[147] Переговоры о заключении торгового соглашения между СССР и Францией продолжались в Париже между торговым представителем СССР во Франции М. Г. Гуревичем и государственным секретарем по вопросам национальной экономики Франции Патенотром (см. также прим. 91).

Ввиду отказа французской стороны от ранее принятого правительством Эррио решения о предоставлении Советскому Союзу правительственной гарантии кредитов (см. т. XV, док. № 308), переговоры приняли затяжной характер. 23 августа 1933 г. Гуревичем и Патенотром был подписан в Париже протокол, по которому стороны решили «начать в кратчайший срок переговоры с целью заключения временного торгового соглашения» и «установления юридического статуса торгпредства СССР во Франции» (см. также док. № 429). Лишь 11 января 1934 г. было подписано временное торговое соглашение между СССР и Францией (см. «Собрание законов...», отд. II, № 4, 15 марта 1936 г., стр. 45—68).— *350.*

[148] Эдуард Эррио находился в Советском Союзе с 26 августа по 9 сентября 1933 г. Его сопровождали сенатор Серлен, депутаты парламента Жюльен и Марген и бывший начальник кабинета председателя совета министров Рей. Во время пребывания в СССР Эррио и его спутникам были предоставлены все возможности для ознакомления с жизнью советской страны. Они побывали в Одессе, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, на Днепрогэсе, посетили ряд колхозов и совхозов, промышленные предприятия и научные учреждения. В Москве Эррио имел встречи с М. И. Калининым, М. М. Литвиновым, М. Н. Тухачевским, А. М. Горьким. Советская печать широко освещала этот визит. В своих речах Эррио подчеркивал необходимость франко-советского сотрудничества. На приеме в Московском Совете 7 сентября 1933 г. Эррио заявил, что он «видел в Советском Союзе большие города, большие предприятия и многих маленьких детей, ваше юное поколение. Они мне напомнили детей моего родного города Лиона. И вот наш долг — работать так над делом мира, чтобы эти дети Москвы и Лиона, Франции и СССР были избавлены от тех тяжелых испытаний, страданий и ужасов войны, через которые прошли их отцы. Я буду счастлив, если моя работа в пользу мира, если моя поездка в Советский Союз приблизит нас к этой цели». Итоги своей поездки в СССР Эррио изложил в ряде статей, публичных выступлений и в книге «Восток».

Касаясь внешней политики СССР, Эррио отмечал, что «Советский Союз искренне хочет мира. Его собственные интересы требуют от него такого образа действия».

В напряженной обстановке 1933 г., когда во Франции имели место острые внутриполитические разногласия о перспективах взаимоотношений с Советским Союзом, а также шла борьба между сторонниками и противниками политики сотрудничества с гитлеровской Германией и фашистской Италией, поездка Эррио в СССР получила определенный политический резонанс и содействовала франко-советскому сближению.— *351, 448, 521, 593, 788.*

[149] В телеграмме М. М. Литвинова от 15 июня 1933 г. в НКИД СССР из Лондона сообщалось, что, по информации Рюштю, «Бенеш предложит

заключить единый пакт с тремя странами Малой Антанты, ибо в этом случае Румыния не будет иметь возражений против оговорок о неразрешенных спорных вопросах, поскольку оговорки не будут относиться к одной Румынии». Это предложение Литвинов считал приемлемым «при условии одновременного восстановления нормальных отношений со всеми тремя странами». Указав, что «подписание пакта с Малой Антантой сделало бы невозможным на ближайшее время пакт с Италией», Литвинов предложил «ускорить переговоры и подписание пакта с Италией, а тем временем вести переговоры с Бенешем, с тем чтобы осуществить его предложение после подписания пакта с Италией».— *351.*

[150] В телеграмме М. М. Литвинова в НКИД СССР от 17 июня 1933 г. говорилось: «Переговоры Муссолини, вероятно, захочет вести в Риме и не поручит это Гранди [посол Италии в Великобритании.— *Ред.*]. Надо на всякий случай вернуть Потемкина в Рим» (см. док. № 188).— *352.*

[151] В заявлении посла Китая в СССР Янь Хой-цина (Иена) от 14 мая 1933 г., врученном М. М. Литвинову 15 мая 1933 г., говорилось, в частности, что «хотя с недавнего времени китайское правительство оказалось отстраненным вследствие «форс-мажор» от участия в управлении КВЖД», однако Китай не отказывается по этой причине от своих прав на КВЖД.— *353.*

[152] В письме Б. С. Стомоняхову от 12 июня 1933 г. № 218 В. А. Антонов-Овсеенко отмечал, что «сознание Польшей своей изоляции и учет неблагоприятного соотношения сил перед гитлеровской Германией могут толкнуть маршала, если обстановка накалится, попытаться, дабы избегнуть решающего столкновения, достичь соглашения с Германией. Конечно, обстановка еще не такова; налицо, напротив, некоторое внешнее смягчение отношений; более того, есть попытки мелкими поправками оттянуть их кризис. Но эта перспектива польско-германского сближения, во избежание вооруженного конфликта, должна быть нами учитываема».

Антонов-Овсеенко писал, что «налицо известное заторможение со стороны польского правительства тенденции к сближению с нами». Он указывал, что соглашение между Польшей и Германией могло бы способствовать осуществлению захватнических планов некоторых кругов Польши в отношении Литвы. «Само собой,— заключал Антонов-Овсеенко,— оно составило бы лишь часть общего германо-польского договора, направленного в конечном счете против нас». В письме также говорилось: «Здесь отмечались предложения, исходившие от Розенберга относительно «обмена» Литвы».— *355.*

[153] Указанное в документе предложение Бенеш сделал 16 июня 1933 г. во время встречи с М. М. Литвиновым в Лондоне.

В телеграмме в НКИД СССР от 16 июня Литвинов отметил, что, «учитывая общее положение, Бенеш желал бы сблизить Малую Антанту с нами, принимая во внимание также наше сближение с Францией и Польшей». «Пакт,— говорилось в телеграмме,— Бенеш мыслит себе только при одновременном разрешении всех спорных вопросов со странами Малой Антанты, в том числе и вопроса о Бессарабии».

Литвинов ответил Бенешу, что СССР «готов на пакт со всеми тремя странами, на гарантию ненападения на Румынию с оставлением бессарабского вопроса открытым» (см. т. XV, док. № 406) и подчеркнул, что «восстановление отношений с Малой Антантой выгодно не только нам, но и, как Бенеш признал, другой стороне и что поэтому наш отказ от Бессарабии был бы только подарком Румынии». Литвинов «заверил Бенеша в нашем искреннем стремлении к установлению наилучших отношений с Францией, Польшей и Малой Антантой».— *356.*

[154] В письме от 25 июня 1933 г. в НКИД СССР А. А. Бекзадян сообщал о принятии одельстингом решения о невозможности предоставления торгпредству СССР права на непосредственные сделки с норвежскими импортерами. «Внезапность самой постановки вопроса и характер его разрешения,— говорилось в письме,— объясняется, главным образом, внутрипо-

литическими соображениями и стортингскими комбинациями. Дело в том, что на конец сессии стортинга отложены вопросы «жизни и смерти» кабинета Мувинкеля — бюджет и закон о бойкоте и блокаде. Мувинкель, чувствуя, что почва под ним не на шутку колеблется, идет на все ухищрения, чтобы не быть сваленным до конца сессии и провести выборы, находясь у власти». Далее в письме указывалось, что 24 июня в парламенте «выплыл доклад юридической комиссии по нашему вопросу, в итоге которого получилось урезание прав нашей торговли с импортерами. Не подлежит никакому сомнению, что вопрос об импортерах был сделан Мувинкелем объектом торга с крестьянской партией и празыми и что этой ценой Мувинкель заручился терпимым отношением последних при голосовании опасного для него закона о бойкоте. Таково, по-моему, реальное политическое значение и объяснения мувинкельского трюка, предпринятого под нажимом усиливающихся правых течений, в целях удержания при предстоящих выборах тех шансов, которыми даже при самых демократических выборах технически располагает правящая партия».— *362, 370.*

[155] Декрет министра финансов и национальной экономики Греции от 26 мая 1933 г. № 36829 касался советско-греческой торговли. Он разрешал ввоз в Грецию советских товаров, стоимость которых не превышала бы стоимости закупок Советского Союза в Греции, а также определял порядок ввоза и вывоза товаров, условия и сроки расчета по ним.— *364.*

[156] По-видимому, речь идет о греческом законе № 5426 от 29 апреля 1932 г. «об ограничении импорта товаров». Опубликован в газ. «Мессаже д'Атен» 11 мая 1932 г.— *364.*

[157] Упомянутые переговоры были продолжены в последующие дни и закончились подписанием 8 сентября 1933 г. соглашения между правительством Греции и торговым представительством СССР в Греции «О торговом обмене между обеими странами». По этому соглашению:

1. Товарообмен устанавливался на базе компенсационной системы.

2. Стоимость советских товаров в драхмах девонировалась на специальный блокированный счет в греческом банке для оплаты покупаемых торгпредством греческих товаров и для возмещения ему свободно переводимой валюты в размере 31,5% с общей суммы фрахта.

3. Предусматривалось право торгпредства, как и раньше, производить все свои сделки с частными коммерсантами и организациями, причем все денежные удержания, которые обычно производятся при экспорте греческих товаров, уплачиваются не торгпредством, а греческими экспортерами.

4. Для советских товаров, ввозимых торгпредством, устанавливался принцип наибольшего благоприятствования в отношении всех мероприятий, настоящих и будущих, касающихся лицензий контингентирования и валютных ограничений.

5. Оговаривалось, что система компенсаций, предусмотренная соглашением, будет касаться лишь тех операций, которые производятся непосредственно торгпредством, и что наибольшее благоприятствование, предусмотренное в ст. 4 соглашения, распространяется, однако, и на все товары советского происхождения.

6. Соглашение имело обратную силу, начиная с 28 июня 1933 г., т. е. с момента издания греческого декрета (см. прим. 155).

7. Срок действия соглашения был установлен в 6 месяцев.— *366.*

[158] Упомянутая беседа с премьер-министром Цалдарисом состоялась 4 июля 1933 г. Полпред СССР отметил, что «нам была непонятна цель издания декрета в то время, когда как раз ведутся переговоры по урегулированию нашего товарообмена» (см. прим. 157). Цалдарис доказывал, что декрет направлен не только против СССР, он касается всех стран, в торговле с которыми у Греции имеется пассивный баланс, и направлен на улучшение расчетного баланса. «Я ответил,— указывал Я. Х. Давтян,— что вполне понимаю эту общую политику греческого правительства, но мне кажется несколько странным то обстоятельство, что декрет был издан

именно тогда, когда наши переговоры были на хорошем пути и что вместе с тем декрет, изданный в отношении Румынии, был задержан на несколько недель». В заключение беседы Цалдарис заявил, что «греческое правительство хочет урегулировать этот вопрос самым дружественным образом и не имеет никакого намерения в какой-либо степени ущемлять нас».— *366*.

[159] В ноте министра иностранных дел Великобритании Саймона, врученной М. М. Литвинову после отмены эмбарго (см. док. № 212) и датированной 3 июля 1933 г., говорилось:

«Во время дебатов по поводу закона о запрете импорта в апреле этого года министр торговли заявил от имени правительства его величества, что полномочия, вытекающие из этого закона, не будут использованы иным образом, кроме, как в связи с жизнью и свободой арестованных сотрудников «Метрополитен-Виккерс». Мы желаем сохранить торговые переговоры совершенно обособленными от того спора, который теперь заканчивается. Будут немедленно приняты меры для возобновления этих переговоров с того пункта, на котором они были прерваны. Соответственно, с момента освобождения гг. Торнтона и Макдональда и их отъезда с советской территории, цель настоящего закона будет исчерпана и существующее положение вещей не будет рассматриваться правительством его величества как подлежащее использованию в связи с какими-либо другими обстоятельствами. Заявление г. Ренсимена было, конечно, сделано в целом от имени правительства его величества, тем не менее я вручаю Вам эту ноту, чтобы зафиксировать, что оно остается эффективным обязательством».— *368*.

[160] В телеграмме от 29 июня 1933 г. А. А. Безкадян сообщил в НКИД: «Сегодня беседовал с Мувинкелем. Вопрос в одельстинге будет рассматриваться в субботу или понедельник. Успех обеспечен мобилизацией всех голосов венстре, рабочей партии и некоторой части крестьян» (см. также док. № 200).— *370*.

[161] В ноте НКИД СССР посольству Японии в СССР от 2 июля 1933 г., в частности, говорилось, что на основании проведенного расследования «Советское правительство примет меры к должному строгому наказанию виновных, ответственных прямо или косвенно за данное прискорбное событие, и к возмещению нанесенного их неправильными действиями ущерба семьям убитых».

30 августа 1933 г. Военный трибунал пограничной охраны в гор. Хабаровске наказал виновных в инциденте, а семьям погибших рыбаков была выплачена денежная компенсация.— *372, 505*.

[162] М. М. Литвинов имел еще две встречи с Саймоном — 28 и 30 июня, в ходе которых был намечен путь разрешения конфликта. Во время беседы 30 июня ее участники разработали и окончательно согласовали процедуру, которая была осуществлена 1 июля 1933 г. (см. док. № 212).— *373*.

[163] 24 июня 1933 г. М. М. Литвинов сообщил в телеграмме из Лондона в НКИД СССР, что Титулеску, который посетил его в полпредстве СССР, «предложил подписать совместно с Малой Антантой протокол о принятии нашего определения агрессии (см. док. № 32.— *Ред.*). Приблизительное содержание протокола таково: ввиду запрещения пактом Келлога агрессии, страны, подписавшиеся под протоколом, согласны признавать в своих взаимоотношениях советское определение агрессии в соответствии с докладом Политиса. Далее следует определение агрессии, принятое соответствующей подкомиссией с согласия нашей делегации».

В телеграмме говорилось также, что предлагаемый Титулеску протокол «Малая Антанта согласна подписать немедленно в Лондоне, хотя она отдает себе отчет в том, что это очень не понравится Англии. Этот протокол был бы символом нашего сближения с Малой Антантой, и это будет только первым шагом, за которым может затем последовать другой, в том числе восстановление отношений».

Литвинов обещал Титулеску дать ответ на это предложение, указав, «что, во всяком случае, мы могли бы подписать его только вместе с ос-

тальными нашими соседями, как мы это раньше предложили Польше» (см. прим. 117). Титулеску заявил, что он не возражает против этого.— *373, 377.*

[164] В телеграмме в НКИД СССР от 30 июня 1933 г. из Лондона М. М. Литвинов сообщил о предложении Зауниуса «заключить с Литвой отдельную конвенцию об определении агрессии». Это предложение было принято, и конвенция между СССР и Литвой была подписана в Лондоне 5 июля 1933 г. (см. док. № 220).— *373.*

[165] В телеграмме от 29 июня 1933 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинский сообщил по поручению инстанции М. М. Литвинову, что «нас больше всего интересует пакт с пограничными странами, включая Польшу и Финляндию».— *374.*

[166] В ответной ноте, врученной Нейратом Л. М. Хинчуку 30 июня 1933 г., утверждалось, что в результате «передачи с пробелами некоторых вырванных из меморандума [Гугенберга.— *Ред.*] предложений искажен смысл и значение меморандума». Ссылаясь на якобы «неправильное толкование меморандума» Гугенберга в советской ноте, германская сторона отклонила протест СССР (см. док. № 189).— *383, 384.*

[167] 30 июня 1933 г. статс-секретарь министерства экономики Германии Поссе выступил в подкомиссии торговой политики Мировой экономической конференции в Лондоне с заявлением о том, что принцип наибольшего благоприятствования неприменим к СССР.— *402.*

[168] 3 июля 1933 г. руководитель японской реакционной организации «Какумейсо» Суринатэ совершил попытку покушения на торгпреда СССР в Японии В. Н. Кочетова. Вооруженный саблей, он проник в помещение торгпредства вскоре после прибытия туда Кочетова, но был остановлен группой работников торгпредства. Угрожая присутствовавшим саблей и изрубив ею двери и окна комнаты, в которой он находился, покушавшийся пытался скрыться.

19 сентября 1933 г. токийский окружной суд приговорил Суринатэ к 6 месяцам заключения условно.— *407.*

[169] Видимо, имеется в виду резолюция, принятая 4 февраля 1922 г. государствами-участниками Вашингтонской конференции, исключая Китай, в которой говорилось об ответственности Китая за выполнение им обязательств перед иностранными держателями акций или облигаций и кредиторами общества Китайско-Восточной железной дороги (см. т. IV, прим. 98).— *408.*

[170] 29 июня 1933 г. советник посольства Франции в СССР Пайяр сообщил в III Западный отдел НКИД СССР об отказе Наркомфина СССР перевести во Францию консульские сборы в сумме 2400 руб. Пайяру было разъяснено, что «ни одно посольство не пользуется правом перевода консульских сборов» и что «в силу этих соображений Наркомфин не может продолжать практику исключений для французского посольства». Пайяр в ответ заявил, что «они связаны инструкциями министерства, к определенному сроку должны производить переводы, и что если им в этом будет отказано, они вынуждены будут перевести на валюту взимание сборов за наши визы и другие расходы». Пайяру было пояснено, что «посольство не имеет права, в соответствии с нашими законами, взимать консульские сборы в валюте».

В результате дальнейших переговоров по этому вопросу была достигнута договоренность о том, что посольство будет «взимать консульские сборы в советской валюте и не требовать перевода их во Францию при условии сохранения теперешнего положения, т. е. сохранения за посольством возможности использования образующихся от взимания консульских сборов сумм на оплату помещения посольства, телеграфных расходов и т. д.».— *416.*

[171] 18 июля 1933 г. В. С. Довгалевский телеграфировал в НКИД СССР: «Вчера беседовал с Леже о джентльменском соглашении об обмене инфор-

мацией (предложение М. М. Литвинова Поль-Бонкуру) и о присоединении Франции к конвенции об определении агрессора. По первому вопросу Бонкур оказывается, ничего не сказал Леже. Я объяснил Леже суть предложения». В телеграмме далее говорилось, что «Леже считает присоединение Франции [к конвенции] преждевременным. Основной аргумент: французское правительство не хочет причинить неприятность Англии и надеется, что на октябрьской сессии конференции по разоружению еще удастся договориться с Англией об определении агрессора: если же Англия останется непримиримой, то Франция будет вынуждена присоединиться к конвенции без Англии».

В письме Н. Н. Крестинскому от 26 июля 1933 г. Довгалевский сообщил, что 25 июля вновь беседовал с Поль-Бонкуром о предложениях Литвинова. «В отношении конвенции об определении агрессора,— говорилось в письме,— Бонкур, отметив опять огромное политическое значение этого акта, заявил, однако, что Франция подпишет конвенцию только в том случае, если она будет принята в европейском масштабе или, по крайней мере, в региональном масштабе. Конвенцию, подписанную СССР, Турцией и Малой Антантой, он рассматривает как восточноевропейскую. Он всемерно приветствует ее, но Франция сможет участвовать только в такой конвенции, которая была бы западноевропейской. Уточняя, Бонкур сказал, что если Франция и могла бы обойтись без Англии, то участие в конвенции Германии и Италии он считает необходимым». Довгалевский отметил, что Поль-Бонкур «подчеркнул также, что если он считает необязательным участие Англии в европейской конвенции, то участие это необходимо в региональной конвенции». Что касается джентльменского соглашения об обмене взаимной информацией, то Поль-Бонкур высказался против его формального заключения, добавив, однако, что «другое дело, если без предварительного соглашения французское правительство и Советское правительство будут друг друга информировать».— *417*.

[172] В телеграмме от 6 июля 1933 г. И. В. Сталину М. М. Литвинов отметил, что Поль-Бонкур и Даладье говорили с ним отдельно друг от друга и «их намеки на польско-германские переговоры заслуживают серьезного внимания; они сделали это в качестве предостережения нам».— *417*.

[173] В телеграмме в НКИД СССР от 8 июля 1933 г. М. М. Литвинов писал, что «за завтраком Даладье снова говорил о странной политике Польши, о своем недоверии к Беку. Получалось впечатление, что он заранее хочет отмежеваться от возможной известной ему польской авантюры».— *417*.

[174] Мухаммед Азиз-хан, брат короля Афганистана Мухаммеда Надир-шаха, бывший посол Афганистана в СССР (1930—1932 гг.), посланник Афганистана в Германии, был убит 6 июня 1933 г. в Берлине афганским студентом Сеид Кемалем. По просьбе афганского правительства тело Мухаммеда Азиз-хана было перевезено в Кабул через территорию СССР.— *421*.

[175] О своей беседе с Кивимяки от 26 июня 1933 г. Б. Е. Штейн, в частности, писал: «Кивимяки заговорил о желательности закупок нашей стороной сельскохозяйственных продуктов, в особенности из Выборгского района. «Вы не можете себе представить,— сказал Кивимяки,— как на меня давят аграрии в этом направлении». Я ответил, что за последнее время премьер-министр мог убедиться в том, насколько СССР идет навстречу этим пожеланиям. Мы возобновили закупку молока и совсем недавно дали заказ на сыр, в размере 50 000 рублей. Я продолжаю делать все возможное в этом направлении, но, во-первых, Кивимяки должен понимать, что, идя на подобные закупки при нашей структуре импорта, мы действительно и искренне хотим помочь Финляндии, а, во-вторых, что эти наши усилия должны иметь в качестве компенсации противовес в виде улучшения политических отношений. Кивимяки полностью согласился со мной и сказал, что он лично готов все сделать для обмена «хорошего молока на хорошую политику».— *430*.

[176] Упомянутые оговорки Финляндии заключались в следующем:

«Финляндия в момент подписания ею Конвенции считает необходимым заявить, что она ставит свою подпись с непременным учетом следующих соображений:

1) Настоящая Конвенция никоим образом не может затрагивать или изменять международные права и обязательства, вытекающие для Высоких Договаривающихся Сторон из заключенных соглашений или обязательств, принятых до вступления в силу настоящей Конвенции;

2) Слова «впредь до тех пор, пока эти последние (правила) не станут всеобщими», содержащиеся в преамбуле настоящей Конвенции, понимаются Финляндией как указание на временный и преходящий характер этой Конвенции, из чего, по мнению Финляндии, также следует,

а) что если будет заключена всемирная конвенция или если количество, по крайней мере, одобривших ее Европейских государств превысит число участников настоящей Конвенции по определению агрессии и если Финляндия сочтет целесообразным к ней присоединиться, она сможет, если найдет это необходимым, отказаться от настоящей Конвенции путем предварительного предупреждения за шесть месяцев. Равным образом Финляндия может поступить и во всех других случаях, которые, по ее мнению, будут оправдывать такой отказ. При отказе Финляндия направит другим Высоким Договаривающимся Сторонам новый текст, которым она желала бы заменить текст настоящей Конвенции;

б) что Финляндия независимо от настоящей Конвенции оставляет за собой полную свободу действий в том, что касается возможного заключения более широких соглашений, упомянутых выше в пункте а), начиная со времени их выработки».— *432, 434, 442.*

[177] 11 июля 1933 г. полпред и торгпред СССР в Финляндии сообщили в НКИД СССР по телеграфу, что Хаксель «обратился к нам с просьбой о закупке племенного молочного скота, гарантируя удлинение кредита и льготные цены».

15 июля 1933 г. полпред в соответствии с инструкцией НКИД СССР сообщил Хакселю, что «в настоящее время Советское правительство не предполагает производить закупки скота».— *434.*

[178] В письме Б. С. Стомонякова А. А. Бекзадяну от 7 июля 1933 г. говорилось: «В частном и необязывающем порядке Вы могли бы обратить внимание Мувинкеля на то, что протокол, подписанный т. Литвиновым с представителями Малой Антанты и Турции, оставлен открытым для присоединения других государств. Вы могли бы мимоходом отметить, что присоединение Норвегии к этой конвенции могло бы парализовать агитацию норвежских активистов, указывавших на то, что СССР якобы готовится к захвату норвежской территории».— *436.*

[179] В упоминаемой ноте Мувинкеля от 10 июля 1933 г. говорилось: «Ссылаясь на нашу беседу, состоявшуюся некоторое время тому назад (см. док. № 69.— *Ред.*), имею честь сообщить Вам, что Ваше письмо от 20 июля 1932 г. (см. т. XV, док. № 295.— *Ред.*) было разослано председателем стортинга всем членам стортинга».— *436.*

[180] 8 июля 1933 г. возобновились торговые переговоры с Англией. Они были приостановлены по решению английского правительства от 20 марта 1933 г. с целью оказать давление на СССР в связи с акцией советских властей против ряда английских инженеров фирмы «Метрополитен-Виккерс» (см. прим. 82).

Заседания Комиссии «А» состоялись 14 и 21 июля. Еще 9 марта 1933 г. английская делегация представила проект ст. I торгового договора, в которой изложила свою формулу благоприятствования. По этому проекту обе стороны сохраняли за собой право при наличии определенных условий запрещать ввоз всякого рода товаров без одновременного распространения этого запрещения на третьи страны. В проекте говорилось, что «резервированные таким образом права будут осуществляться в отношении любого

рода товаров в том случае, когда договаривающиеся стороны будут убеждены, что цены, установленные государственными органами (в том числе хозяйственными организациями) одной из сторон, могут нанести ущерб внутреннему производству подобных товаров другой стороны, либо подорвать действие таможенных преференций, представленных другой стороной какой-либо третьей стороне». На заседаниях 14 и 21 июля советская делегация отвергла этот проект как совершенно неприемлемый, ибо в нем отсутствовал статус равенства СССР с другими иностранными государствами. Советская делегация отклонила и английское требование о свободе объявления эмбарго. Вместо этого она предложила систему квот на ограниченный круг товаров. Однако английская сторона это предложение не приняла.

8 июля 1933 г. состоялось заседание комиссии «Б», обсуждавшей вопросы платежного баланса. В марте переговоры прервались на том, что английская делегация в ответ на советское предложение, предусматривавшее сближение платежного баланса в течение 5 лет, выдвинула контрпредложение — установить нетто-баланс к 4-му году (см. прим. 27). 8 июля советская делегация изложила ответ на английские контрпредложения, содержавший известную уступку английской стороне в отношении первых двух лет, как это видно из нижеприведенной таблицы.

Соотношение платежного баланса

	Первоначальное предложение советской делегации	*Контрпредложение английской делегации*	*Предложение советской делегации от 8 июля 1933 г.*
1-й год	2:1	1,5:1	1,7:1
2-й год	1,75:1	1,4:1	1,6:1
3-й год	1,5:1	1,2:1	1,5:1
4-й год	1,4:1		1,4:1
5-й год	1,2:1		1,2:1

В ходе обсуждения этого предложения советская делегация заявила, что обязательным условием принятия согласованных соотношений по платежному балансу является установление удовлетворительной кредитной базы для советских заказов. Однако английская делегация отказывалась установить связь между кредитной проблемой и проблемой балансов. По предложению советской делегации было принято решение о создании подкомиссии для определения и уточнения статей платежного баланса. На состоявшихся в июле двух заседаниях подкомиссии советские представители изложили по просьбе английской стороны все детали предлагаемой советской схемы платежного баланса.

На заседаниях комиссии «Б» 19 и 24 июля было продолжено рассмотрение платежного баланса и обсуждены вопросы об экспортных кредитах и фрахтовании. Английская делегация предложила следующее соотношение платежного баланса: 1-й год 1,7 : 1; 2-й год 1,5 : 1; 3-й год 1,4 : 1; 4-й год 1,2 : 1. Это означало существенное сближение позиций сторон. Разногласия по этому вопросу сводились к тому, что английская делегация предлагала неприемлемую для советской стороны формулу: поддерживать в последующие годы платежный баланс на основе соотношения 1,1 : 1.

О ходе дальнейших переговоров см. док. № 276, 278, 280, 286, 408, 417, 443, 447.— *444.*

[161] 19 июля 1935 г. между правительствами СССР и МНР был подписан протокол о расширении соглашения о телеграфных сношениях, заключенного 20 мая 1930 г. и продленного настоящим протоколом (см. сб. «Советско-монгольские отношения 1921—1966 гг...», М., 1966, стр. 83—84).— *451.*

[162] О Сунгарийской речной флотилии КВЖД в меморандуме советской делегации говорилось: «30 января 1924 г. маршал Чжан Цзо-линь односто-

ронним распоряжением запретил КВЖД пользоваться своими правами речного судоходства по Сунгари, несмотря на то, что право плавания судов КВЖД по Сунгари никогда до этого акта не вызывало никаких сомнений и было вполне законным». «23 августа 1926 г. последовало новое незаконное распоряжение Чжан Цзо-лина об отобрании у КВЖД принадлежавшего ей флота» (см. т. IX, док. № 247, стр. 411—412 и док. № 254).

Телефонная станция КВЖД была захвачена китайской стороной в 1928 г. (см. т. XI, док. № 390), хотя, как указывалось в меморандуме, «сами китайские власти до момента захвата телефонной станции 22 декабря 1928 г. ни разу не ставили вопроса о неправильности или несоответствии китайским законам эксплуатации дорогой своей телефонной станции».— *452*.

[183] Краболов «Постышев» сел на мель у одного из островов Курильской гряды 11 мая 1933 г. Для спасения его было направлено несколько советских судов, в том числе пароход «Снабженец № 2» и катер РК 008. Последние при подходе к месту аварии были задержаны японскими властями. 18 июля 1933 г. капитаны обоих судов были приговорены к уплате штрафа на общую сумму 2000 иен. В тот же день штраф был внесен и суда освобождены.

Краболов «Постышев» 25 июля 1933 г. был снят с мели, но через несколько дней его выбросило на берег и он разломился на три части.— *455, 566*.

[184] В ходе беседы К. К. Юренева с Утида 17 июля 1933 г. был согласован текст коммюнике для прессы, в котором должно было быть сказано, что Юренев и Утида беседовали о мировой политике и о переговорах о КВЖД.— *457*.

[185] Обмен мнениями о заключении нового торгового соглашения между Японией и Индией начался вслед за заявлением министра иностранных дел Англии Саймона 11 апреля 1933 г. об аннулировании японо-индийского торгового договора 1914 г. в связи с истечением срока его действия в октябре 1933 г. Официальные переговоры начались в сентябре 1933 г. в индийском городе Симла, затем были перенесены в Дели и завершились подписанием нового японо-индийского торгового договора 12 июля 1934 г.— *457, 507, 732*.

[186] 4 августа 1933 г. М. В. Кобецкий направил в НКИД СССР следующую телеграмму: «Вчера Мунк сообщил мне, что премьер-министр Стауининг согласен на присоединение Дании к Лондонской конвенции, но до сих пор нет ответа от министра иностранных дел Швеции Сандлера и премьер-министра Норвегии Мувинкеля, которые уехали в отпуск. В парламентской комиссии вопрос будет поставлен по получении благоприятного ответа от шведов и норвежцев».— *458*.

[187] В конце августа 1933 г. в Советский Союз приехал вместе с Эррио (см. прим. 148) в качестве туриста болгарский профессор Белинов. В беседе с членом президиума Всесоюзной торговой палаты Ю. О. Ленгиелем, имевшей место 4 сентября 1933 г., Белинов сообщил, что «он имеет поручение от болгарского правительства во время пребывания в Советском Союзе узнать, какие имеются возможности к восстановлению торговых отношений между СССР и Болгарией». При этом Белинов передал Ленгнелю письмо министра финансов Болгарии № 6357 от 17 июля 1933 г., адресованное председателю Всесоюзной торговой палаты, в котором говорилось:

«Болгарское правительство считает, что настоящий момент является благоприятным для восстановления торговых отношений с СССР, что послужит для взаимной пользы обеих стран.

Прошу через посредство делегата бол[гарского] правительства проф. Белинова не отказать поставить в известность бол[гарское] правительство об условиях, которые правительство СССР благоволит постазить».

Предупредив Белинова, что его ответ не может быть официальным, так как Торговая палата является организацией общественной, а не правительственной, Ленгиель заявил, что «мы заинтересованы в нормальных, хорошнх

отношениях с каждой страной, в том числе и с Болгарией. После установления нормальных дипломатических отношений между двумя странами, несомненно, нужно будет стремиться к развитию торговых отношений».— *459.*

[188] 9 июня 1933 г. был подписан заключительный протокол 8-й конференции представителей СССР и Финляндской Республики. В протоколе были зафиксированы расходы по содержанию в 1932 г. маяков, маячных огней и сирен, находящихся на территории Финляндской Республики, и сметы аналогичных расходов на 1933 и 1934 гг.— *460.*

[189] В ответ на кампанию бойкота немецких товаров в Латвии, связанную с протестом латвийской общественности против прихода гитлеровцев к власти, 10 июня 1933 г. правительство Германии ввело запрет на ввоз латвийского масла. 16 июня в Лондоне министр иностранных дел Латвии Салнайс был вынужден дать обещание от имени своего правительства министру иностранных дел Германии Нейрату вести борьбу с призывами к бойкоту немецких товаров в Латвии, после чего запрет на ввоз латвийского масла в Германию был отменен (см. также газ. «Известия», 18 июня 1933 г.).— *462.*

[190] В «золотой блок» входили Франция, Нидерланды, Италия, Польша, Швейцария и Бельгия, представители которых на Мировой экономической конференции в Лондоне заявили о своем желании сохранить действие золотого стандарта по существующему золотому паритету (см. также «Сборник документов по международной политике...», вып. VII, М., 1934 г., стр. 19—22).— *463.*

[191] Речь идет о соглашении между представителями германского рейхсбанка и делегатами Германии на Мировой экономической конференции в Лондоне, с одной стороны, и консультативным комитетом кредиторов Германии — с другой, о сроках и порядке погашения задолженности Германии по иностранным краткосрочным и долгосрочным кредитам (см. газ. «Правда», 18 июня и 16 июля 1933 г.).— *464.*

[192] Упоминаемые обзоры были составлены советской делегацией по различным вопросам, обсуждавшимся на Мировой экономической конференции (в том числе пакт об экономическом ненападении и др.). В обзорах был проанализирован ход обсуждения этих вопросов в рабочих органах конференции и соответствующие позиции делегаций заинтересованных стран о положении на мировых рынках таких товаров, как сахар, молочные продукты, пшеница и серебро (см. также «Сборник документов по международной политике...», вып. VII, М., 1934 г.).— *464.*

[193] 25 июля 1933 г. К. К. Юренев нарочным направил Утида следующую ноту:

«Господин Министр,

По имеющимся в распоряжении моего Правительства точным и бесспорным сведениям, в территориальных водах СССР, в районе реки Явино на Камчатке, 19 июля с. г. в 2 час. 10 мин. утра японский миноносец № 4 под покровом темноты насильственно захватил занимающийся рыбной ловлей советский траулер «Алексей Пешков» и увел его в южном направлении.

Доводя о вышеизложенном до сведения Вашего Превосходительства, я уполномочен моим Правительством заявить решительный протест против такого неслыханного во взаимоотношениях между двумя находящимися в нормальных и добрососедских отношениях государствами действия японского военного судна и потребовать немедленного возвращения захваченного тральщика «Алексей Пешков» и наказания лиц, виновных в захвате.

Прошу Вас, г. Министр, не отказать уведомить меня возможно срочно о том, какие меры приняты по существу вышеизложенного».

Урегулирование вопроса об освобождении траулера «Алексей Пешков», захваченного японцами, затянулось. Только в мае 1934 г. между полпредством СССР и МИД Японии было согласовано окончательное решение. Японцы обязались освободить траулер «Алексей Пешков» и оплатить рас-

ходы по его доставке из Японии во Владивосток. Советская сторона согласилась ходатайствовать относительно отмены решения о наложении на японское судно денежного штрафа и конфискации рыболовных снастей за незаконный лов рыбы в советских территориальных водах (см. прим. 194). В конце мая 1934 г. траулер «Алексей Пешков» отбыл к советским берегам.— *470, 516.*

[194] Японская рыболовная шхуна «Котохиро-мару» 6 июля 1933 г. была задержана траулером «Алексей Пешков», на котором находилась пограничная охрана, во время хищнического лова рыбы в пределах 3-мильной прибрежной зоны СССР. 22 июля 1933 г. народный суд в Петропавловске-на-Камчатке приговорил капитана шхуны «Котохиро-мару» к штрафу в 300 золотых руб. В связи с отказом уплатить штраф была конфискована часть орудий лова, и 25 июля 1933 г. шхуна была освобождена.— *471, 516.*

[195] В телеграмме НКИД СССР на имя советской делегации на конференции в Токио от 31 июля 1933 г. говорилось: «Ваши предложения о воздействии через Того и Хирота правильны. На созыв 6-го заседания в крайнем случае согласитесь. На выступление Охаси предпочтительно дать очень краткий ответ, резервировав более обстоятельное возражение к следующему заседанию».— *473.*

[196] В связи с появлением в районах среднеазиатского участка советско-персидской границы большого количества саранчи 19 июля 1933 г. Л. М. Карахан дал указание С. К. Пастухову поставить перед МИД Персии вопрос о допуске советских специалистов в зараженные районы Персии и организации совместной борьбы с саранчой.

21 августа 1933 г. правительство Персии дало согласие на въезд советской экспедиции по борьбе с саранчой в Персидский Азербайджан и Хорасан. 29 августа 1933 г. экспедиция, выехавшая из Баку, прибыла в Персию.

Всего в 1933 г. советскими специалистами в Персии было обработано 13,5 тыс. *га* зараженных земель.— *474.*

[197] Китайский проект пакта о ненападении между СССР и Китаем, врученный полпреду СССР в Китае Д. В. Богомолову 11 мая 1933 г., состоял из 11 статей и предусматривал заключение отдельного соглашения о согласительной процедуре. Проект содержал обязательства о ненападении, отказе от участия во враждебных актах, отказе от помощи третьей державе, являющейся агрессором, отказе от участия в соглашениях, направленных к нарушению территориальной целостности или политической независимости другой стороны, и о взаимном отказе от вмешательства во внутренние дела.

В проекте предусматривалось также, что, «если одна из Высоких Договаривающихся Сторон подвергнется агрессивным действиям... со стороны третьей державы или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона обязуется... не признавать де-юре или де-факто любое положение, созданное такими агрессивными действиями».— *474, 572.*

[198] 27 августа 1935 г. между СССР и Ираном были подписаны конвенция о борьбе с саранчой в пограничных районах и конвенция о борьбе с вредителями и болезнями растений (см. «Собрание законов...», отд. II, № 7, 13 февраля 1937 г., ст. 36, стр. 130—132; 132—134).

14 мая 1957 г. был подписан договор о режиме советско-иранской границы и о порядке урегулирования пограничных конфликтов и инцидентов (см. газ. «Известия», 15 мая 1957 г.).

Другие проекты конвенций, упоминаемые в комментируемом документе, дальнейшего развития не получили.— *475, 677.*

[199] Проект дополнительного протокола к Соглашению о взаимном пользовании пограничными реками и водами между СССР и Персией на протяжении границы от реки Гери-Руд до Каспийского моря, заключенному 20 февраля 1926 г. (см. т. IX, прил. 5), был согласован на заседаниях Советско-Персидской смешанной водной комиссии, проходивших в Мешхеде с 5 *июля* по 1 августа 1931 г.— *475.*

[200] В телеграмме от 4 августа 1933 г. М. Л. Шостак и С. К. Пастухов сообщили в НКВТ СССР и НКИД СССР свои предложения по торговле с Персией: снятие запрета на транзит персидских товаров и возобновление поставок в Персию советских товаров — спичек, сахара и др.— *476*.

[201] 2 августа 1933 г. Б. Е. Скvirский телеграфировал в НКИД СССР, что во время завтрака, на котором присутствовали руководители «Амторга» П. А. Богданов и А. Я. Розенштейн, а также глава Реконструктивной финансовой корпорации Джонс, Г. Моргентау задал Скvирскому вопрос, не думает ли последний, «что американскому правительству следовало бы в интересах развития торговли послать торгового представителя в Москву; что вот, мол, вы и «Амторг» находитесь в Соединенных Штатах». Скvирский сообщал, что Моргентау «подчеркнул, что это якобы его «личная мысль». «Я решительно отклонил,— писал Скvирский,— подобную возможность, заявив, что устойчивые отношения между обеими странами могут быть созданы лишь на твердой юридической базе, которую может дать лишь установление дипломатических отношений в полном объеме».

В заключение в телеграмме указывалось: «Выслушав меня, Моргентау добавил: «Позабудем тогда об этом». На этот раз я ответил: «Да, позабудем». За последние дни в прессе сообщалось и подтверждалось из частных источников, что президент обсуждает вопрос о посылке в СССР торгового представителя или комиссии, надеясь, что установление отношений через торговых представителей приведет потом к признанию. Обращение ко мне Моргентау было, несомненно, зондажем».— *481*.

[202] 4 июня 1933 г. Аттолико в беседе с Н. Н. Крестинским, касаясь «пакта четырех», заявил: «То, что инициатива принадлежит Италии, гарантирует, что этот пакт задуман не против СССР и не имеет никакого антисоветского острия». В ответ Крестинский сказал, что «поскольку у 4-х держав, заключающих этот пакт, имеется чрезвычайно много пунктов расхождения, то естественно кажется, что единственный пункт, в котором у них расхождений нет, это их общая вражда к коммунизму. Неприглашение нас принять участие в обсуждении пакта подтверждает то, что объективно пакт направлен против нас».— *484*.

[203] 5 октября 1935 г. между правительствами СССР и МНР было подписано новое соглашение о консолидации займов, предоставленных к тому времени правительству МНР.— *489*.

[204] В телеграмме Н. Н. Крестинского В. П. Потемкину от 2 сентября говорилось: «Принимаем предложение Муссолини о наименовании пакта «пактом о дружбе, ненападении и нейтралитете».— *492*.

[205] В письме НКИД СССР К. К. Юреневу № 13216 от 29 июля 1933 г. говорилось:

«В текущем году Вами уже трижды делались представления японскому правительству по поводу нарушений нашей границы с Маньчжурией войсками а) по поводу перехода границы 23 января; б) по поводу ранения колхозника и в) по поводу артиллерийского обстрела и других случаев нарушения в марте с. г. С прошлой почтой мы Вам направили справку по поводу новых нарушений, имевших место в мае с. г. Посылая сейчас новую справку о 6 случаях перелета нашей границы японскими аэропланами в апреле — июне, а также двух других случаях нарушения границы, поручаем Вам, соединив эту последнюю справку с предыдущей, сделать МИД новое представление с требованием о расследовании и о прекращении подобных случаев в будущем. Необходимо потребовать также представления обещанных объяснений по поводу двух прошлых Ваших представлений».

В прилагаемой к письму справке перечислялись случаи перелета японскими самолетами советской границы 13 и 22 апреля, 7, 21 и 23 июня 1933 г., а также перехода советской границы японскими военнослужащими 12 и 13 июля 1933 г.

В памятной записке с перечислением случаев нарушения границы, врученной Юреневым Сигемицу 30 августа 1933 г., помимо случаев, указан-

ных в вышеупомянутой справке, приводятся случаи нарушения границы и обстрела советской территории 12, 16, 25, 26 и 27 мая 1933 г.— *492*.

[206] По-видимому, имеется в виду сообщение агентства РОСТА из Хабаровска от 25 августа 1933 г., опубликованное в газете «Известия» за 29 августа 1933 г. под заглавием «Ложные сообщения — «основание» для протеста», где говорилось: «Ряд японских газет опубликовал сообщение агентства Симбун Рэнго из Харбина о том, что власти Маньчжоу-Го занялись расследованием «многочисленных случаев налета» советской пограничной охраны на маньчжурскую территорию, «неоднократно сопровождавшихся убийством маньчжурских граждан и грабежами», и что власти Маньчжоу-Го намерены заявить решительный протест и в случае его безрезультатности «принять решительные меры».

«В действительности,— отмечалось в указанной статье,— эти сообщения являются сплошным вымыслом. Советская пограничная охрана, действуя на основании совершенно определенных и точных указаний, не допускает никаких нарушений государственной границы. Нечего и говорить о том, что обвинение представителей советской пограничной охраны в участии в убийствах и грабежах является возмутительной клеветой зарвавшихся провокаторов».

«Вполне очевидно,— говорилось далее в сообщении,— что эта новая стряпня антисоветских выдумок преследует цели прикрытия тех фактов многочисленных нарушений границы, обстрела мирных граждан и вторжения на советскую территорию японо-маньчжурских солдат, которые неоднократно документально регистрировались советской пограничной охраной. С другой стороны, сообщения, вроде указанного, являются попыткой свалить на «советских агентов» явления растущего в Маньчжурии бандитизма и административного хаоса, которые сплошь и рядом признаются местной маньчжурской печатью вопреки официальным заявлениям об установившемся порядке и благополучии».— *493*.

[207] В упомянутом письме И. М. Майский предлагал отказаться от выдвигаемого советской делегацией на торговых переговорах с Великобританией требования предусмотреть в договоре пятилетнюю гарантию на случай объявления эмбарго (см. док. № 286). Такой шаг на существовавшей стадии переговоров, по мнению Майского, открыл бы путь для подписания нового торгового договора. С этим предложением Майского НКИД СССР не согласился.— *494*.

[208] В ходе экономических переговоров с Австрией в июле 1933 г. была достигнута договоренность об установлении соотношения между суммой советских заказов в Австрии и суммой ввозимых СССР в Австрию запрещенных товаров как 1,0 к 0,7. Это отражено как в австрийском проекте джентльменского соглашения, текст которого был передан торгпреду СССР Н. С. Попову 19 июля 1933 г., так и в советском контрпроекте, предложенном 1—2 августа 1933 г. (ранее австрийская сторона предлагала форму соглашения путем обмена письмами, а советская сторона — джентльменское соглашение, которое и было заключено 22 сентября; см. док. № 303).— *495*.

[209] В письме заместителя народного комиссара внешней торговли и торгпреда СССР в Германии И. Я. Вейцера и торгпреда СССР в Австрии Н. С. Попова в НКВТ СССР от 29 августа 1933 г. излагалась неблагоприятная обстановка, сложившаяся для выполнения экспортного плана торгпредства СССР в Австрии «в связи с последними запрещениями ввоза, введенными в Австрии», а также предоставлением Венгрии и Югославии «преференций на контингенты по 50 тыс. т [пшеницы]» и предлагалось «еще раз попытаться и в этих условиях достигнуть какой-либо договоренности, и возможно скорее, чтобы не упустить для хлеба сезон судоходства по Дунаю».

В заключении письма говорилось о необходимости «в качестве крайней позиции пойти на следующие предложения в отношении запрещенных товаров:

1) установить соотношение между суммой наших заказов и разрешений на ввоз запрещенных товаров как 1 : 3 (все цены — франко-австрийская граница);

2) в крайнем случае отказаться от требования обязательства австрийского правительства не вводить новых запрещений, так как этот вопрос, по существу, утратил практическое значение, и согласиться на установление месячной кредитовки (уведомления о расторжении.— *Ред.*) соглашения».— *199.*

[310] Вопрос об установлении воздушного сообщения между Варшавой и Москвой был затронут Лукасевичем по поручению Бека в беседе с М. М. Литвиновым 5 сентября 1933 г. Официально он был поставлен Беком в *комментируемой беседе*, а также Лукасевичем в беседе со Стомоняковым 13 сентября.

3 октября Стомоняков сообщил Лукасевичу, что получено «принципиальное согласие заинтересованных ведомств на принятие польского предложения об установлении воздушной линии Варшава — Москва». Стомоняков просил Лукасевича «конкретные переговоры об установлении этой линии повести непосредственно с т. Уншлихтом, который сейчас принимает дела и изучает этот вопрос».

22 *октября* в Москву для ведения указанных переговоров прибыла польская делегация во главе с директором департамента гражданской авиации Фликингером. Во время переговоров советская сторона предложила образовать советско-польское смешанное общество для обслуживания линии Варшава — Москва по опыту «Дерулюфта» (*см. т. V, прим. 39*). Польская сторона предложила параллельное и попеременное обслуживание этой линии польской и советской авиацией, подписав соответствующий договор между обоими правительствами.

28 октября Стомоняков в беседе с Лукасевичем о ходе этих переговоров поставил вопрос «об участии Франции в нашем воздушном сообщении с Польшей. Франция,— сказал Стомоняков,— через Шомье (начальник департамента гражданской авиации Франции.— *Ред.*), сопровождавшего Цыря Кота, и потом более официально через Альфана (*см. док. № 309.— Ред.*) просила нашего согласия на установление воздушной линии Париж — Москва. Ввиду существующих в настоящее время дружественных отношений с Францией у нас принято решение удовлетворить это пожелание Франции». Далее Стомоняков заявил, что «мы хотели бы разрешить вопрос путем тройственного соглашения между СССР, Польшей и Францией». В ответ Лукасевич сказал: «Мы относимся к этому делу с предвзятостью, и военные круги по мнению польского правительства, торопиться с этим делом не следует».

В *конце* 1933 г. переговоры с Польшей были прерваны, так как достичь соглашения по указанным выше вопросам не удалось.— *501, 554, 598, 617, 661, 746.*

[311] С 12 по 15 сентября 1933 г. в Познани состоялся XIV съезд польских врачей и естествоиспытателей. В работе съезда приняла участие советская делегация в составе профессоров А. Н. Абрикосова, Б. Н. Лаврентьева, Ю. А. Менделеевой и доцента А. А. Багдасарова, которые сделали ряд докладов в секциях, выступили в прениях по докладам польских ученых.

Советские ученые установили полезные деловые контакты с польскими профессорами и врачами, а также с учеными Болгарии, Югославии, Чехословакии, присутствовавшими на съезде — *502.*

[312] В письме от 8 сентября 1933 г. № 508-тин Ши Люй-бинь повторял выдвинутые им ранее обвинения в «незаконном переходе границы» советскими официальными лицами, в «провокировании» ими «антиманьчжурских» организаций и увозу охранников» с парохода «Тунхэнь», а также в проведении обыска на этом пароходе.

Основываясь на этих голословных утверждениях, Ши Люй-бинь вы-

двигал требование, чтобы Советское правительство принесло извинения по поводу случившегося и дало гарантии на будущее. «Грубо попирал» ответственных советских официальных лиц и «немедленно освободило охранников». В заключение письма содержалась открытая угроза, что «такого рода обстоятельства... понуждают наше государство к принятию соответствующих «особых действий». — 502

[214] В телеграмме в НКИД СССР от 28 июля 1933 г. М. М. Славуцкий сообщил, что Ши Люй-бинь запросил его относительно десяти белогвардейских эмигрантов, писал: «Я официально, на основании сообщения местных властей, но не Москвы, ответил ему, что паролей нами не дезинформировался и что сведения маньчжурских властей получены не из первоисточника, а если впоследствии сам командир «Тунцзяня» подтвердит все что я изложил подробности, я сообщу властям для дознавания. Я отметил, что эмигранты задержаны на нашей территории и сознались в шпионских целях. Я рекомендовал на имя укрепления отношений больше не поднимать вопроса об этих эмигрантах, направляющихся в СССР с дезинформационными целями, ибо это налагает тень на маньчжурские правительства, а лучше принять меры в отношении Кольчина (лидера белых крашистов), создающего подобные инциденты, возмущающие наше общественное мнение». — 503.

[215] В телеграмме в НКИД СССР от 10 сентября 1933 г. К. К. Юренев сообщил, что его посетил Накасато и просил о продлении для японской нефтяной компании «Кита Карафуто Сэкию Кабусики Кайся» срока разведывательного бурения на Сахалине на 5 лет, за что он (Накасато) готов заплатить определенную сумму. С аналогичной просьбой представители этой компании и Накасато лично обращались в советские ведомства в Москве и Токио и в 1934 г. В соответствии с решением Советского правительства в декабре 1934 г. Главному концессионному комитету было дано указание сообщить компании, что постановка ее вопроса о продлении срока концессии является «преждевременной, поскольку истекающий срок обеспечивает возможность открытия новых нефтяных залежей». — 504.

[216] В связи с упоминаемой «корпевской революцией» министерство иностранных дел Норвегии нотой от 25 августа 1933 г. сообщило полпредству СССР в Норвегии, что «на основании королевского декрета от 18 августа 1933 г. было принято следующее постановление относительно прав Торгового Представительства Союза Советских Социалистических Республик в Норвегии на продажу и получение заказов на товары:

В силу статьи 1 закона от 21 июня 1929 г. о торговле, с учетом изменений, внесенных законом от 6 июля 1933 г., было принято следующее решение:

1. Торговое Представительство СССР в Норвегии будет иметь право продавать в этой стране по местонахождению своего обычного помещения или же получать через работников, посещающих лично покупателей в их постоянных торговых учреждениях, заказы на оптовые партии товара, каковые после заключения сделки будут поставляться из СССР. Упомянутые работники должны входить в состав постоянного персонала Торгового Представительства СССР, а Министерство Иностранных Дел должно официально уведомляться о начале их работы.

Продажа и полученные заказы в рамках вышеизложенного должны осуществляться лишь в отношении:

а) изготовителей только в том случае, когда такие товары будут использованы последними на их собственном предприятии;

б) торговых фирм, имеющих торговую лицензию, постоянное торговое учреждение в одном из городов Норвегии, и которые в ходе своей торговой деятельности уже осуществляют прямой ввоз оптовых партий товаров из-за границы.

При оформлении заказов товары должны предоставляться лишь по мере необходимости, чтобы служить в качестве образцов и моделей

доставленные для этих целей товары не могут являться предметом каких-либо запродаж.

2. Указанные предписания вступят в силу 21 августа 1933 г. и будут применяться впредь до поступления нового указания».— *517, 518.*

[2.6] В ответ на комментируемое письмо Эсмарк направил полпреду СССР в Норвегии А. А. Бекзадяну 23 сентября 1933 г. следующий ответ:

«Ссылаясь на Ваше письмо от 14 числа сего месяца, а также на нашу беседу от того же дня относительно редакции Королевского декрета от 18 августа с. г. о деятельности в Норвегии Торгового представительства СССР, имею честь сообщить Вам, что я незамедлительно связался с министром торговли относительно этого вопроса, поскольку в намерение норвежского правительства не входило чинить с помощью этого декрета препятствий торговому представительству в деле обычной продажи товаров норвежским торговцам и фабрикантам.

Для того чтобы текст декрета не давал каких-либо оснований для ограничений в этом плане, министерство торговли заявило о своей готовности принять соответствующие меры по внесению в упомянутый декрет следующих изменений:

1) в абзаце 1 пункта 1 будут исключены слова «после заключения сделки» и «оптовые партии товаров»;

2) в подпункте «б» упомянутого пункта будут исключены слова «имеющих... постоянное торговое учреждение в одном из городов Норвегии» и «уже».

Положения ограничительного характера, отмеченные в вышеупомянутом Вашем письме от 14 числа сего месяца, будут, по моему мнению, таким образом устранены из указанного королевского декрета.

Тем не менее не могу не обратить Вашего внимания на тот факт, что внесенное таким путем в пункт 1 декрета изменение не дает, однако, торговому представительству права иметь в Норвегии постоянный склад товаров, тем более, что это никогда и не предусматривалось. Вместе с тем торгпредство может рассчитывать на то, что компетентные норвежские власти будут внимательно относиться к случаям, когда торгпредство по непредвиденным обстоятельствам будет вынуждено поместить на хранение (для последующей продажи) ту или иную партию товара, поступившего в Норвегию.

Для полной ясности считаю также необходимым заметить, что правительство Норвегии рассчитывает на заявление, сделанное в Вашем письме от 14 сентября в адрес министра торговли о том, что торговое представительство не будет производить розничную торговлю, за исключением мазута».

Нотой от 17 ноября министр иностранных дел Норвегии Мювинкель сообщил полпреду СССР в Норвегии, что указанное исправление сделано королевской резолюцией 2 ноября 1933 г. (см. также док. № 386).— *517.*

[2.7] В упомянутой телеграмме в НКИД СССР, отправленной 10 сентября (а не 9-го, как указано в письме), А. А. Бекзадян сообщил: «Посетившему меня вчера Нотансену, едущему в Москву, я заявил, что до отмены королевской резолюции о правах торгпредства и полного признания статус-кво вряд ли возможны в Москве деловые разговоры, связанные с новой государственной гарантией. Нотансен объясняет резолюцию недоразумением и, ссылаясь на заверения министра торговли Мелинга, обещает отмену резолюции после выборов. Прощаясь, обещал заручиться письменным документом Мелинга в духе заверения последнего» (см. также прим. 215, 216).— *518.*

[2.8] Министр авиации Франции Пьер Кот был в Советском Союзе с 13 по 22 сентября 1933 г. Впервые после Великой Октябрьской социалистической революции член французского правительства находился в СССР с официальным визитом. Кота сопровождали: генеральный инспектор французской авиации генерал Барес, директор департамента гражданской авиа-

шин Шомье, руководящие сотрудники министерства авиации: Агно, Жокс, Како, Жано, личный секретарь министра де Гранж.

Кот и сопровождавшие его лица посетили различные предприятия, авиационные учебные заведения, ознакомились с жизнью Красной Армии. Кот был принят заместителем наркома по военным и морским делам СССР М. Н. Тухачевским.

После поездки в СССР Кот в своих выступлениях в Париже подчеркивал, что французские представители «посетили решительно все, все осмотрели, все видели». Кот призывал к франко-советскому сотрудничеству, заявив, что, «сотрудничая с СССР в области науки, техники и промышленности, развитие которых является главной заботой СССР, мы обеспечим взаимное понимание обоих народов и всеобщий мир».— *521, 593, 788.*

[219] В телеграмме от 17 сентября 1933 г. М. И. Розенберг писал в НКИД СССР, что беседовал с Патенотром, который «считает себя приглашенным нами; его поездка согласована с Даладье, и он намерен приехать к Октябрьским торжествам, как это рекомендовали с нашей стороны».

Телеграммой от 27 сентября 1933 г. Розенберг сообщил в НКИД СССР, что «поездка Патенотра была одобрена Эдиавой на конец августа». О целях этой поездки Розенберг не указал; однако о переносе в Москву переговоров с Францией по торговым делам речи не было.— *522.*

[220] О беседе с Поль-Бонкуром М. И. Розенберг телеграфировал в НКИД СССР 8 сентября 1933 г. По словам Поль-Бонкура, «главное затруднение в Женеве предвидится в связи с готовностью итальянцев и англичан предоставить Германии запрещенные Версалем виды вооружения. Он хотел бы, чтобы с нами был налажен контакт с тем, чтобы учесть в предстоящих предварительных переговорах с англичанами и американцами нашу позицию. Он предложил мне связаться с Массигли или возложить это на кого-нибудь. Он предложит Массигли подробным образом проинформировать нас. Он придает большое значение согласованности наших позиций».

12 сентября Розенберг сообщил в НКИД СССР о беседе с Массигли по вопросу французских предложений о разоружении. Последний сказал, что «в первый четырехлетний период реализуется контроль, распространяющийся, в частности, на [военное] производство и бюджетный расход. Производится также сокращение эффективов, вооружения стабилизируются на существующем уровне». «Массигли,— писал Розенберг,— готов уже теперь условиться о втором периоде: он согласен ограничить калибр артиллерии примерно до 200 миллиметров и готов сократить число самолетов на 50%. Все это ориентировочно. Он заявил, что немецкие эффективы уже фактически вышли за лимиты английского плана и что в Женеве неизбежно встанет вопрос об обследовании германского вооружения». Розенберг указывал, что предложения «будут, по-видимому, конкретизироваться в зависимости от англичан» (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 51—52).

14 сентября Розенберг сообщил в НКИД СССР, что «Бонкур ничего существенного не добавил к сказанному Массигли. Он говорил о возможном срыве конференции в связи с отказом немцев от контроля, после чего Франция потребует обследования вооружений Германии. Они цытаются якобы небезуспешно склонить к этому англичан».— *522.*

[221] Выезд из СССР жены французского инженера Кенара был разрешен.— *523.*

[222] В сентябре 1933 г. проходили переговоры между экспертами ряда стран, в том числе СССР, относительно распределения между главными мировыми экспортерами пшеницы экспортных квот на мировом рынке. Переговоры имели место после окончания работ мировой конференции стран — экспортеров и импортеров пшеницы, проходившей в Лондоне 21—25 августа 1933 г. Ввиду попыток экспертов западных держав, в первую очередь США и Канады, навязать советской стороне явно заниженные квоты,

не соответствовавшие экспортным ресурсам СССР, соглашение не было достигнуто.— *524*.

[223] Имеется в виду так называемый контрпроцесс в связи с Лейпцигским процессом по делу о поджоге рейхстага — заседания международной комиссии юристов, открывшиеся в Лондоне 14 сентября 1933 г. В работах комиссии приняли участие видные буржуазные общественные деятели. 20 сентября, за день до начала Лейпцигского процесса, комиссия опубликовала свой доклад. На основании неопровержимых документов и показаний свидетелей (среди которых были депутаты рейхстага коммунист Кенен, социал-демократ Брейтшейд, журналист Георг Бернгард, писатель Эрнст Толлер и др.) было доказано, что поджог рейхстага — дело рук гитлеровцев. Предъявленные в Лондоне документы опубликованы Международным антифашистским комитетом жертв гитлеровского фашизма и содействовали морально-политическому поражению германского фашизма на Лейпцигском процессе.

Материалы о Лондонском контрпроцессе освещались в советской печати.— *526*.

[224] В письме от 25 августа 1933 г. № 295-лин Ши Люй-бэнь указывал на якобы «нарастающее накопление незаконных действий» советской стороны, «которые в последнее время часто имеют место в различных пунктах приграничной зоны», и утверждал, что «не только нет признаков принятия тех или иных эффективных мер» к их устранению, «но даже не было и самого краткого ответа» на его протесты.

«Получив распоряжение своего правительства,— писал в заключение Ши Люй-бэнь,— настоящим заявляю Вам протест и настойчиво прошу о скорейшей передаче его вашему Правительству, а также ускорении проведения спешного расследования и справедливого воздействия».

К письму прилагался перечень так называемых «незаконных действий советских лиц в приграничной полосе Хэйлунцзянской провинции», суть большинства которых ясна из комментируемого документа.— *529*.

[225] Имеется в виду устный ответ, данный М. М. Славуцким при вручении Ши Люй-бэнем заявления 25 августа 1933 г.— *530*.

[226] 22 сентября 1933 г. германские власти арестовали представителя ТАСС И. Беспалова и корреспондента газеты «Известия» в Берлине Л. Кайт, когда они направлялись на Лейпцигский процесс по делу о поджоге рейхстага. В тот же день советские журналисты были освобождены. По поводу этого ареста в отчете полпредства СССР в Германии за 1933 г. отмечалось: «Несмотря на то, что наши журналисты уехали в Лейпциг еще до того, как последовал официальный отказ в допуске их на суд, тем не менее они были арестованы в Лейпциге со всеми унизительными атрибутами и принадлежностями фашистского ареста» (см. также прим. 227, 252).— *536*, *590*.

[227] Упоминаемое предупреждение содержалось в вербальной ноте полпредства СССР в Германии об аресте Л. Кайт и И. Беспалова, врученной советником полпредства С. А. Бессоновым легационному советнику МИД Германии Типпельскирху 23 сентября 1933 г. В ноте говорилось: «Посольство обращает внимание Министерства Иностранных Дел на то, что эти непрекращающиеся преследования советских журналистов в Германии, для защиты которых Германское Правительство не предпринимает никаких мер, могут поставить Советское Правительство перед необходимостью отозвать из Германии всех советских журналистов, что, разумеется, не могло бы не повлиять на положение германских журналистов в СССР. Посольство СССР считает, что это отнюдь не отвечало бы интересам обеих стран».

26 сентября 1933 г. полпред СССР в Германии Л. М. Хинчук направил статс-секретарю МИД Германии Бюлову письмо, в котором, со ссылкой на упомянутую ноту и цитированное предупреждение, содержалось уведомление о том, что Советское правительство «приняло решение отозвать в ближайшие три дня всех советских журналистов из Германии и предложить

всем германским журналистам в СССР в течение ближайших трех дней выехать из СССР».— *537, 540.*

[225] Б. Е. Штейн в письме от 25 июля 1933 г. сообщил в НКИД СССР, что во время его визита к Хакселю 17 июля 1933 г. некий финляндский гражданин «покушался сорвать наш флаг с автомобиля и что он задержан полицией». Полпред сообщил также, что Хаксель «сам позвонил полиции и предложил немедленно начать следствие. Он лично выражает мне сейчас сожаление и извинение».— *541.*

[229] По этому поводу Б. Е. Штейн сообщил 3 октября 1933 г. по телеграфу в НКИД СССР: «После длительных переговоров и поисков покупателя Валио предложило следующие условия: дом покупает финляндское правительство за 7 млн. марок, из коих 75% уплачивают продуктами, а 25% — валютой. Эту сумму нам заявили как предельную, соответствующую нынешним условиям». 20 октября 1933 г. Н. Н. Крестинский телеграфировал о согласии НКИД продать дом за 7 млн. марок.— *541.*

[230] 22 сентября 1933 г. Б. Е. Скvirский телеграфировал в НКИД СССР, что «два дня назад Рузвельт заявил Р. Говарду, главе газетного треста «Скриппс-Говард», что собирается признать СССР в октябре».— *545.*

[251] При встрече с К. К. Юреневым 18 сентября 1933 г. Хирота сказал, что он считает необходимым возобновление работы промежуточных совещаний, будет говорить об этом с членом маньчжоугоской делегации Охаси и о результатах и дне встречи сообщит Юреневу.

21 сентября 1933 г. Хирота заявил Юреневу, что, по его мнению, промежуточное совещание, назначенное на 22 сентября 1933 г., займется подготовкой деловых переговоров по другим, до сих пор не затронутым вопросам о КВЖД.— *548.*

[232] 30 сентября 1933 г. экипаж первого советского стратостата «СССР» в составе командира Прокофьева Г. А., пилота Бирнбаума Э. К. и инженера Годунова К. Д. поднялся на высоту 19 тыс. *м*, почти на 3 тыс. *м* превысив высоту, достигнутую Пиккаром (16 200 *м*).— *554, 673.*

[213] Декада советско-французского научного сближения состоялась в СССР в мае 1934 г. Для ее проведения был образован комитет, председателем которого являлся М. М. Литвинов, вице-председателем — Н. Н. Крестинский. В состав комитета вошли: посол Франции в СССР Альфан, народный комиссар просвещения РСФСР А. С. Бубнов, председатель ВОКС А. Я. Аросев и ряд видных советских ученых.

9 мая 1934 г. в Москву на декаду прибыла делегация французских ученых во главе с академиком Жан-Батистом Перреном. В составе делегации были академики Жакоб, Рего, Адамар, профессора Лемуань, Госс, Селлерье. Французским гостям была широко показана работа научных учреждений Москвы, Ленинграда и Харькова. Ученые Франции выступили с докладами по проблемам физики, математики, медицины и т. д. (см. также газ. «Известия» от 10, 11, 17, 21 и 23 мая 1934 г.).

Ответная декада франко-советского научного сближения состоялась во Франции в ноябре — декабре 1935 г. (см. газ. «Известия» от 20, 26, 28 ноября и 1, 3 декабря 1935 г.).

Указывая на значение декад научного сближения между Францией и СССР, газета «Эр нувель» писала: «Визит советских ученых во Францию после посещения СССР их французскими собратьями имеет также величайшее значение для дела, которому Франция и СССР в равной степени преданы,— для дела поддержки и упрочения общего мира» (см. газ. «Известия» 2 декабря 1935 г.).— *554, 715.*

[234] 30 ноября 1933 г. советник посольства Франции Пайяр передал члену коллегии НКИД СССР Б. С. Стомонякову памятную записку французского посольства, в которой говорилось:

«Г-н Кот имел возможность беседовать в Посольстве СССР в Париже о приглашении, которое он направил в Москву г. маршалу Тухачевскому и советским летчикам, прибыть во Францию с визитом в ответ на его

посещение СССР, о котором он сохранил такую большую память (см. прим. 218.— *Ред.*). Французский посол по распоряжению своего Правительства имеет честь подтвердить приглашение г. Министра советской авиации и ее военачальникам».

В августе 1934 г. Францию посетила делегация советских летчиков во главе с начальником Главного управления гражданского воздушного флота СССР И. С. Уншлихтом.— *555.*

[235] В письме председателю правления КВЖД Ли Шао-гэну от 26 сентября 1933 г. заместитель вице-председателя правления КВЖД П. А. Бандура, указывая на незаконный характер действий главного контролера КВЖД и прокурора, отмечал: «Главный контролер не является должностным лицом Маньчжоу-Го, а лишь служащим коммерческого предприятия, управляемого представителями двух правительств, и согласно действующим узаконениям и положениям он неправомочен единолично решать о наличности должностного преступления. Таким образом, обращение его к прокурору в качестве главного контролера является неправомерным».

Приведя соответствующие места из ряда положений, регламентировавших работу КВЖД, Бандура заявлял: «Избранный г. главным контролером и маньчжурскими властями, в полном игнорировании существующих положений и соглашений о КВЖД, путь ареста двух начальников служб и ряда старших агентов управления дороги — советских граждан и наряду с этим Ваше немедленное обращение ко мне о назначении на место арестованных советских граждан граждан маньчжурской национальности, с полной очевидностью подтверждают, что эти аресты имели своей единственной целью устранение начальников служб и ряда старших агентов советского гражданства и замену их маньчжурскими гражданами».

В письме Ли Шао-гэну от 2 октября 1933 г. Бандура заявлял: «Своими действиями главный контролер самым грубым образом нарушил и § 32 Временного положения о служащих КВЖД, в §§ 3, 4 и 21 Положения о контроле, определяющих пределы компетенции контроля и устанавливающих определенный порядок рассмотрения замеченных на дороге злоупотреблений через Управление дороги и Ревизионный комитет, а маньчжурские власти, арестовав указанных лиц по представлению главного контролера, произвели беззаконное и насильственное вмешательство в деятельность законной администрации КВЖД, явно и бесспорно противоречащее существующим договорам о КВЖД».— *555.*

[236] В телеграмме в НКИД СССР от 29 сентября 1933 г. М. М. Славуцкий сообщал, что в беседе с заместителем Ши Люй-бэня Симамура 28 сентября 1933 г. он предупредил, что из плана арестов в целях захвата дороги ничего не выйдет и что если рассчитывают на «ускорение переговоров в Токио», то это — авантюра и исключительно серьезная ошибка, так как это приведет как раз к противоположному.— *555.*

[237] В результате указанных переговоров 15 октября 1933 г. в Москве была подписана Конвенция об изменении действующей между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией Конвенции о сплаве лесных материалов по водным системам, простирающимся от территории Союза Советских Социалистических Республик на территорию Финляндии и наоборот, заключенной в г. Хельсинки 28 октября 1922 г. (см. т. V, док. № 302). Конвенция была ратифицирована ЦИК Союза ССР 17 января 1934 г. Обмен ратификационными грамотами произведен в г. Хельсинки 7 февраля 1934 г. Конвенция опубликована в «Собрании законов...», отд. II, № 10, 23 апреля 1934 г., стр. 126—145.— *556.*

[238] В ответном письме в НКИД СССР от 17 октября 1933 г. А. М. Петровский, подводя итоги советско-австрийских экономических переговоров (см. док. № 281, 290, 303), сообщал, что введенные в Австрии новые ограничения на импорт, согласно заверениям австрийской стороны, «носят чисто формальный и вызванный внутриполитическими соображениями характер и что они к нам применяться не будут. Нам придется, правда, получать раз-

решения на ввоз перечисленных в новом запрещении товаров, но мы будем получать их беспрепятственно, и они не будут зачислены в принятое нами соотношение 1 : 0,7. Таким образом, отпало последнее препятствие к соглашению, и, поскольку Москва считала наиболее желательной устную договоренность, мы условились с австрийцами, что достигнутое нами соглашение, зафиксированное в нашем контрпроекте (за исключением отклоненного ими пункта о невведении новых запретов), будет являться основой нашей дальнейшей торговли».

Далее в письме говорилось: «По вопросу о торговом представительстве я вполне разделяю все ваши соображения. Я, разумеется, отнюдь не уверен, что после окончательной фашизации Австрии правительство не будет покушаться на права нашего торгового представительства».

В заключение Петровский, ссылаясь на пассивный баланс Австрии в торговле с СССР, с одной стороны, и наличие правовой базы для торгпредства СССР в Австрии, с другой (см. т. IV, док. № 322), высказывал мнение, что «нам не только в данный момент неудобно, но нет и особой надобности ставить теперь вопрос о правовом положении торгпредства».— *559.*

[239] Советская китобойная флотилия в составе трех судов и китобойной базы, шедшая из Ленинграда во Владивосток, попала у берегов Японии в шторм. Суда израсходовали запасы угля и продовольствия и 3 января 1933 г. вынуждены были зайти в ближайшую японскую бухту, оказавшуюся закрытым портом. Флотилия была задержана, капитаны судов арестованы. 8 февраля 1933 г. капитаны приговорены к штрафу по 1500 иен каждый, и 13 февраля 1933 г. флотилия освобождена.

В письменном протесте, врученном полпредом СССР в Японии министру иностранных дел Японии 18 июля 1933 г., говорилось, что, по мнению Советского правительства, в процессе следствия по делу советской китобойной флотилии представителями японских местных властей «были нарушены как международные правила вежливости, так и элементарные правила судопроизводства». «Несмотря на общепризнанные правила о возможности посещения консульскими представителями судов своего флага, консульскому представителю СССР 28 января, т. е. почти через месяц после прибытия флотилии в Иокогаму, было отказано в посещении китобойных судов до окончания предварительного следствия».

Далее в протесте перечислялись нарушения местными японскими властями «элементарных процессуальных норм и формальностей, предусмотренных японскими законами»:

а) задержание судов, вызов на допрос членов экипажей и капитанов судов, содержание их под арестом без предъявления ордеров или равных им документов;

б) обыск и отобрание судовых документов без составления необходимых удостоверяющих документов и выдачи расписок;

в) не было предъявлено письменного обвинения;

г) допрашиваемым не разрешалось делать приписки в конце протоколов;

д) задержание отдельных лиц в качестве заложников;

е) отсутствие элементарных условий содержания в домах заключения;

ж) издевательства и избиения капитанов и членов экипажей при допросах.— *566.*

[240] В телеграмме НКИД СССР К. К. Юреневу от 8 октября 1933 г. сообщалось, что 9 октября 1933 г. в советской печати будет опубликован «ряд документов, устанавливающих деятельность японских властей в Маньчжурии в связи с конфликтом на КВЖД» (см. док. № 314). В телеграмме предлагалось в случае разговоров об этой публикации отвечать, что «она была вынуждена позицией, занятой японским правительством в ответ на заявление Юренева от 28 сентября» (см. док. № 305, 306).— *568.*

[241] 29 сентября 1933 г. секретарь делегации Маньчжоу-Го Сутихара при встрече с секретарем советской делегации В. В. Железняковым передал

официальное предложение делегации Маньчжоу-Го о встрече «на прежних условиях». 30 сентября 1933 г. Железняков дал Сугихара следующий ответ: «Я передал делегации Ваше предложение и могу Вам сообщить, что советская делегация считает, что созыв совещаний в обстановке, созданной харбинским конфликтом, нецелесообразен и невозможен».— *569*.

[242] Протокол о продлении на 6 месяцев срока действия Конвенции о порядке рассмотрения и урегулирования пограничных конфликтов, заключенной между СССР и Турцией в Анкаре 6 августа 1928 г. (см. т. XI, док. № 273), был подписан в Анкаре 29 ноября 1933 г.— *570*.

[243] В статье 10 китайского проекта договора о ненападении говорилось: «Настоящий договор составляется на китайском, русском и английском языках. В случае разногласия в его толковании, английский текст будет рассматриваться как аутентичный». Статья 11 гласила: «Настоящий договор подлежит ратификации в возможно кратчайший срок Правительствами Высоких Договаривающихся Сторон согласно их соответствующих законов, и ратификации будут обменены в Нанкине. Договор вступит в силу со дня обмена ратификационными грамотами».

В телеграмме НКИД Д. В. Богомолову от 15 октября 1933 г. сообщалось: «Против ст. 10 китайского проекта возражений нет. В ст. 11 должно быть изъято указание на кратчайший срок ратификации. Что касается места обмена ратификациями, то в случае подписания в Нанкине обмен должен произойти в соответствии с принятой международной практикой в Москве».— *570*.

[244] В первой половине октября 1933 г. военный министр Японии Араки неоднократно публично выступал с антисоветскими заявлениями, указывая на возможность войны с Советским Союзом и призывая страну к дальнейшему вооружению.— *573*.

[245] В телеграмме в НКИД СССР от 23 сентября 1933 г. К. К. Юренев сообщал, что в беседе с одним из директоров Японо-Советского общества Курати последний заявил, что якобы в интересах советско-японских отношений Советский Союз должен «отвести войска в глубь страны, после чего можно будет подписать пакт о ненападении между СССР и Японией».— *573*.

[246] В указанной речи, произнесенной 13 октября 1933 г., Хирота, в частности, заявил, что «тесные отношения между СССР и Японией должны продолжаться, но для этого необходимо, чтобы между обеими странами существовало понимание. В направлении поддержания тесных отношений с СССР я буду прилагать все возможные от меня усилия и теперь».— *574*.

[247] Беседа полпреда СССР в Италии В. П. Потемкина с послом Франции в Италии де Шамбреном состоялась 4 сентября 1933 г. В записи беседы Потемкин отметил, что де Шамбрен сообщил, «что перед отъездом из Парижа он имел встречу с Жувенелем (член сената, бывш. посол Франции в Италии.— *Ред.*), который рекомендовал ему держать в Риме контакт с советским полпредством. Между прочим, де Шамбрену пришлось констатировать, что де Жувенель чрезвычайно заинтересован дальневосточной проблемой. Он развивал де Шамбрену некоторые свои соображения по данному вопросу, высказывая убеждение, что на Дальнем Востоке возможно и желательно известное сотрудничество Франции с СССР».— *577, 582*.

[248] 30 августа 1933 г. временный поверенный в делах СССР во Франции М. И. Розенберг вручил заместителю директора европейского департамента МИД Франции Баржетону, а 8 сентября 1933 г.— министру иностранных дел Франции Поль-Бонкуру меморандум о деятельности во Франции белогвардейского «Русского общевойскового союза» (РОВС). В меморандуме говорилось, что РОВС «маскирует свой истинный характер невинным французским названием «Всеобщая федерация союзов бывших русских комбатантов». «Однако,— отмечалось в меморандуме,— РОВС в действительности — это военная организация, целью которой является вооруженная борьба против СССР. Задачи и цели этой организации изложены довольно подробно в ее официальных публикациях». Вручая меморандум,

Розенберг «потребовал роспуска РОВС как организации, существующей в явное нарушение второго абзаца ст. V договора о ненападении между СССР и Францией» (см. т. XV, док. № 456). Баржетон, говорилось в телеграмме Розенберга в НКИД СССР от 30 августа, «признал приведенные нами факты явно несовместимыми с пактом, обещал после проверки сообщенного снестись с нами».

28 декабря Баржетон заявил первому секретарю полпредства СССР, что «за всеми белыми, в особенности за организованными, установлено наблюдение и что малейшая попытка нарушения порядка или клаузул, содержащихся в пакте о ненападении, будет пресечена в корне». Однако РОВС не был распущен, и его антисоветская деятельность продолжалась.— *578.*

[249] М. М. Литвинов указал В. С. Довгалевскому в телеграмме от 13 октября 1933 г., что, по сообщению ТАСС, «на похоронах Юденича были белогвардейцы в офицерской форме царской армии при холодном оружии. Если это верно, необходимо заявить протест со ссылкой на пакт».— *576.*

[250] 30 октября 1933 г. в львовском окружном суде началось слушание дела Лемика, убийцы сотрудника консульства СССР во Львове Майлова. Дело слушалось в порядке чрезвычайного судопроизводства. Прокурор потребовал смертного приговора. Суд приговорил Лемика к пожизненному тюремному заключению.— *579, 672.*

[251] В письме от 29 августа 1932 г. М. М. Славуцкий сообщал Ши Люйбэню, что 28 августа 1932 г. «двое неизвестных молодых русских перелезли через ограду двора Генерального консульства и проникли во двор консульства». У дверей квартиры вице-консула и секретаря генконсульства они были случайно обнаружены женой и матерью последнего. Угрожая женщинам револьвером, злоумышленники пробежали к воротам и вышли с территории генконсульства. Полицейские, находившиеся у его ворот, их не задержали.

Славуцкий возлагал на власти «ответственность за могущие иметь место действия против консульства СССР вооруженных полицией русских эмигрантов» и просил «предпринять перед соответствующими властями самые срочные шаги к поимке злоумышленников, к усилению охраны консульства и созданию условий, гарантирующих неповторение подобного инцидента, который по счастливой случайности закончился так благополучно».— *581.*

[252] 31 октября 1933 г. в советской и германской печати было опубликовано следующее согласованное коммюнике о ликвидации «журналистского конфликта»:

«После того как известный конфликт в вопросе журналистов был в течение последнего времени предметом дипломатических разговоров между Германией и СССР, недавно состоялось обсуждение этого вопроса между министром иностранных дел фон Нейратом и полпредом СССР тов. Хинчуком. При этом было достигнуто соглашение об урегулировании конфликта.

Исходным пунктом и основой соглашения является согласие обоих правительств в том, что различие существующих правительственных систем не может служить препятствием для поддержания взаимоотношений между обеими странами. Советские журналисты вновь будут продолжать свою деятельность в Германии, а германские журналисты — в СССР. По распоряжению председателя верховного суда представитель ТАСС и представительница «Известий» получат билеты на процесс о поджоге рейхстага» (см. газ. «Правда», 31 октября 1933 г.).— *589.*

[253] Во время беседы М. М. Литвинова с Альфаном 23 октября 1933 г. был затронут вопрос о Маньчжоу-Го. В записи беседы Литвинова говорится, что «Альфана очень заинтересовал мой вопрос относительно переговоров Маньчжоу-Го с французскими капиталистами об инвестициях. Я сообщил ему,— писал Литвинов,— что сведения мною получены от ТАСС о каком-то соглашении, которое, должно быть, подписано с французом Доливье».— *593.*

[254] В упоминаемом сообщении Б. Е. Штейна в НКИД СССР от 21 сентября 1933 г. говорилось: «Обращаю Ваше внимание на сообщение ТАСС о проекте запрещения ввоза в Финляндию нашего леса. Имею сведения, что вокруг этого вопроса разгорается борьба, в которой принимают участие англичане. Англичане уверяют финнов, что введут импортный контингент для нашего леса, и если финны не запретят ввоз, то в этом случае англичане к ним будут применять свидетельство о происхождении» (см. также док. № 299, 302).— *596, 598.*

[255] Англо-финляндский торговый договор был подписан во время «английской недели» в Финляндии, проходившей с 4 по 11 сентября 1933 г.

В письме от 16 сентября 1933 г. в НКИД СССР полпред СССР в Финляндии Б. Е. Штейн сообщал, что основной целью «английской недели» было «добиться, если не нетто-баланса в торговле между Англией и Финляндией, то, во всяком случае, значительного поднятия цифры британского экспорта. Было бы, однако, неправильным сводить цели «английской недели» только к экономической задаче». «Ориентация на Англию (помимо чисто экономических причин) является необходимым дополнением антисоветских устремлений финских правящих групп».

Далее в письме говорилось, что основные условия англо-финляндского торгового договора «сводились к льготам на английский текстиль и селедку, а равно к обязательствам закупки английского угля непосредственно финским правительством».

В письме от 6 октября 1933 г. Штейн сообщал, что помимо договора «целый ряд вопросов урегулирован в виде «джентльменских соглашений», заключенных между частными организациями той и другой стороны. Об этих соглашениях оба правительства поставлены в известность, и эти соглашения были ими «приняты к сведению».— *597, 598.*

[256] В конце 1932 г. министр национального просвещения Франции де Монзи в беседе с советником полпредства СССР во Франции М. И. Розенбергом поднял вопрос о возможности заключения литературной конвенции. Был начат предварительный обмен мнениями между представителями советского полпредства и французской стороной. НКИД СССР выработал проект конвенции между СССР и Францией о взаимной защите авторских прав на произведения искусства и литературы. Проект был основан на взаимном предоставлении национального режима, что означало применение к произведениям французских авторов в СССР советского законодательства, а к произведениям советских авторов во Франции — французского законодательства.

Однако состоявшиеся в конце 1933 — начале 1934 г. переговоры между В. С. Довгалевским и де Монзи не привели к заключению конвенции.— *692, 696, 715.*

[257] В ответной ноте от 16 ноября 1933 г. Хирота отрицал приведенные в советской ноте факты и заявлял, что якобы «не было ни одного случая, когда бы военные японские аэропланы перелетали через границу».— *603.*

[258] Представления МИД Японии по поводу нарушения советской границы японскими войсками были сделаны: А. А. Трояновским — 30 января, К. К. Юреневым — 4 и 19 мая и 30 августа 1933 г. (см. также док. № 24, 153, 154 и 275).

Во всех случаях японский МИД отвергал приводимые факты.— *606.*

[259] В телеграмме в НКИД СССР от 21 сентября 1933 г. К. К. Юренев сообщал, что после того как он сделал Хирота заявление о намерениях маньчжоугоских властей по указанию японского правительства односторонне провести ряд незаконных перемен в управлении КВЖД (см. док. № 295), «Хирота начал длинно рассуждать о том, что Маньчжоу-Го — самостоятельное государство и что он не понимает, почему Советское правительство обращается по адресу Японии. Кончил он свои рассуждения предложением передать поднятый мной вопрос на рассмотрение де-

легации Маньчжоу-Го на конференции о КВЖД», в которой главным действующим лицом являлся японец Охаси.— *607.*

[260] Одновременно по этому вопросу состоялась беседа заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с временным поверенным в делах Германии в СССР Твардовским.

15 ноября газета «Известия» опубликовала заявление Народного комиссариата внешней торговли о необоснованности притязаний немецких фирм, в котором говорилось, что «торгпредство в Германии, само собой разумеется, категорически отвергло совершенно лишенные основания требования доплаты курсовых разниц к векселям. Равным образом было отвергнуто требование фирм назначить арбитраж по вышеизложенным домогательствам». Это заявление сопровождалось редакционной статьей «Покушение с негодными средствами» с разоблачением подоплеки «долларового конфликта».

Кроме того, в памятной записке полпредства СССР в Германии от 21 ноября 1933 г., врученной заведующему IV отделом МИД Германии Мейеру, была изложена позиция СССР в этом вопросе и отвергались как абсолютно необоснованные все претензии германских фирм на валоризацию. В заключении записки указывалось:

«Так как этот вопрос имеет для хозяйственных органов СССР принципиальное значение, они не будут принимать никаких компромиссных предложений по данному вопросу и самым настоятельным образом указывают на те серьезные экономические и политические последствия для советско-германских отношений, которые может повлечь за собой вмешательство германских арбитражных и обычных судов в эти вопросы».

Тем не менее попытки такого вмешательства при попустительстве германских властей имели место и в 1934 г., но всякий раз были решительно отвергнуты советской стороной.— *612, 741.*

[261] В ноте министерству иностранных дел Германии от 6 ноября 1933 г. полпредство СССР в Германии заявило «решительный протест против заявления г. премьер-министра [Пруссии] Геринга, т. к. подобное высказывание подвергает платежеспособность Советского Союза сомнению, которое лишено всяких оснований». В ноте содержалась просьба немедленно опубликовать в германской печати официальное опровержение высказываний Геринга насчет «неплатежеспособности» СССР, «поскольку Советский Союз всегда аккуратно выполнял свои обязательства».— *612.*

[262] 30 сентября 1933 г. с маньчжоугоских канонерок был высажен десант в составе 35—40 человек, на советский остров на реке Амур, находящийся в 12 километрах восточнее советской пограничной заставы Константиновка. Высадившиеся разрушили легкие сооружения находившейся на острове рыболовецкой артели, забрали личное имущество и сети рыбаков и увели с собой трех членов артели.

В связи с этим генконсул СССР в Харбине 6 октября 1933 г. заявил особому агенту МИД в Северной Маньчжурии решительный протест. 10 октября 1933 г. аналогичный протест был заявлен дипагентом НКИД СССР в Хабаровске консулу Маньчжоу-Го в Благовещенске.

16 ноября 1933 г. захваченные советские рыбаки были освобождены.— *620.*

[263] 11 ноября 1933 г. М. М. Литвинов телеграфировал в НКИД СССР, что «вчера имел трехчасовую беседу с Рузвельтом в присутствии Буллита. Говорилось больше всего о религии и пропаганде, и в конце концов Рузвельта удовлетворил мой проект письма о религии». Далее в телеграмме указывалось, что «Рузвельт удовлетворился в общем моим проектом письма о пропаганде, в котором перечислены почти все обязательства, принятые нами в соглашениях с другими странами». Затем Рузвельт вручил Литвинову список вопросов, подлежавших обсуждению в ходе дальнейших переговоров, включавший вопросы взаимной защиты граждан (см. док. № 365) и урегулирования взаимных претензий (см. док. № 361).— *622.*

[264] Имеются в виду факты принятия некоторых правительственных решений в рамках неконституционного органа — Совета пяти министров Японии в составе: премьер-министра, министров — финансов, иностранных дел, военного и морского.— *628.*

[265] В телеграмме НКИД СССР советской делегации в Токио от 27 ноября 1933 г. по этому вопросу говорилось: «Мы пока воздерживаемся от новых выступлений в печати или интервью, о желательности которых вы сообщали». Вам следует исходить из речи Председателя Совнаркома, «которая подчеркнула как нашу решимость отпора нападению, так и нашу основную и неизменную мирную установку» (см. газ. «Известия», 10 ноября 1933 г.).— *628.*

[266] В письме в НКИД СССР от 25 октября 1933 г. Д. В. Богомолов, в частности, сообщал, что «поскольку, по-видимому, в настоящее время идут какие-то переговоры между нанкинским правительством и Японией, первое, по-видимому, не будет торопиться в переговорах с нами и постарается использовать время для получения каких-либо уступок со стороны Японии». Касаясь китайско-японских отношений, Богомолов писал: «События за последние несколько месяцев подтверждают прежнее предположение о том, что одновременно с официальным соглашением о перемирии в Тангу (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI. М., 1934, стр. 228—229.— *Ред.*) между китайским правительством и Японией была достигнута договоренность о дальнейших взаимоотношениях. Сейчас китайско-японские отношения вступают в такую фазу, когда все яснее выступают попытки Японии добиться соглашения с Китаем и, хотя бы ценою некоторых уступок, добиться признания японских завоеваний». Нанкинское правительство, как отметил Богомолов, со своей стороны тоже стремилось к соглашению с Японией, так как росло «укрепление советских районов в Китае, Чан Кай-ши может надеяться на реальную помощь как вооружением, так и инструкторами, только от Японии» и «большой приманкой со стороны Японии является также возможность экономической помощи Китаю».— *629, 630.*

[267] Так называемый «хлопковый» заем на сумму 50 млн. долл. США предоставили Китаю 4 июня 1933 г. Предусматривалось, что заем подлежит реализации в натуральной форме, причем на 40 млн. долл. будет поставлен американский хлопок, на 6 млн. пшеница и на 4 млн. пшеничная мука.— *631.*

[268] Отношения между Чан Кай-ши и Ху Хань-минем, обострившиеся с весны 1930 г. (см. т. XIII, прим. 91) на почве борьбы за власть, продолжали оставаться напряженными. В 1931 г. Ху Хань-минь вышел из состава правительства и переехал в Кантон, где ему удалось противопоставить местных милитаристов нанкинскому правительству Чан Кай-ши. В конце 1931 г. Ху Хань-минь занял пост председателя так называемого Юго-Западного политического совета — местного органа власти, лишь формально подчиненного центральному правительству. Южный Китай стал одним из основных центров деятельности милитаристов, направленной против Нанкина. В ноябре 1933 г. в Гонконг была направлена делегация нанкинского правительства для переговоров с Ху Хань-минем, которому было предложено вернуться в Нанкин и возобновить сотрудничество с Чан Кай-ши. Однако Ху Хань-минь отказался от этого предложения и потребовал отставки Чан Кай-ши.— *631.*

[269] Торговый договор между СССР и провинцией Синьцзян был заключен 1 октября 1931 г. путем обмена нотами между уполномоченным НКИД СССР и дипломатическим комиссаром МИД Китая в провинции Синьцзян. Договор регулировал торговые отношения между СССР и Синьцзянской провинцией Китая «в ожидании заключения торгового договора между Союзом и Китайской Республикой».

В письме НКИД Д. В. Богомолову от 27 сентября 1933 г. относительно упомянутого договора говорилось: «Это договор не политический, а чисто

торговый, заключенный с провинциальным правительством, имеющим довольно широкую автономию. Мы никогда не ставили вопроса о том, что это соглашение должно носить характер секрета от нанкинского правительства, и полагали, что местное правительство представит на ратификацию нанкинского правительства соглашение в целом или в тех частях, которые по взаимоотношениям между Нанкином и Урумчи будут для последнего обязательны... Вы знаете, что мы будем проводить твердую линию на сохранение суверенитета Китая и не будем ни в коей мере поддерживать какие-либо сепаратистские движения в Синьцзяне. Но наши экономические интересы в Синьцзяне очень значительны, и мы не имеем никаких оснований отказываться от укрепления экономических связей с Синьцзяном, что также целиком соответствует интересам самого Синьцзяна, для которого СССР является, в силу географического положения при данном развитии путей сообщения, почти единственным рынком сбыта».— *632*.

[270] Председатель правительства (дубань) провинции Синьцзян Цзинь Шу-жэнь был смещен и изгнан из Синьцзяна в результате переворота, который произвел 12 апреля 1933 г. генерал Шэнь Ши-цай, командовавший местными правительственными войсками. После переворота Шэнь Ши-цай сосредоточил гражданскую и военную власть в своих руках и позднее был утвержден нанкинским правительством в должности дубаня. 30 октября 1933 г. по распоряжению нанкинского правительства бывший дубань Цзинь Шу-жэнь по прибытии в Нанкин был арестован.— *632*.

[271] Советский Союз принял участие в Лионской ярмарке, открывшейся в марте 1934 г.; советские экспонаты были размещены на 22 стендах. 12 марта при открытии ярмарки председатель ярмарочного комитета Эррио выразил благодарность Советскому Союзу за участие в ярмарке. В ответ торгпред СССР во Франции М. С. Островский заявил о стремлении СССР к развитию экономических отношений с Францией. Эррио написал для советской печати статью «Советский Союз на ярмарке», в которой отметил, что «совокупность выставленных товаров — неоспоримое доказательство всей промышленной активности мощной страны. Пройти по стендам Советского Союза,— писал Эррио,— это значит получить настоящий урок относительно вещей и идей, из которых можно извлечь наилучшие выводы». Эррио призывал в статье к расширению франко-советской торговли (см. газ. «Известия», 17 марта 1934 г.).— *632*.

[272] По указанному вопросу в памятной записке посольства Франции в СССР от 30 ноября 1933 г. сообщалось, что «Французское Правительство назначило для сношений с советскими органами на условиях, указанных в памятной записке посольства от 9 ноября (см. док. № 347.— *Ред.*), г. капитана 2-го ранга Дюпре и г. военно-морского инженера де Динешена. Эти офицеры,— отмечалось в записке,— готовы немедленно отправиться в дорогу и прибудут в Москву 5 декабря, если Правительство СССР на это согласно. С другой стороны, Правительство Республики с удовлетворением принимает предложение Правительства СССР послать во Францию аналогичную советскую миссию с целью обучения ее членов или с целью осведомления в известной мере Советского Правительства относительно наших промышленных возможностей. Приезд этой миссии во Францию был бы целесообразен через 10 дней после возвращения в Париж французской миссии».

Обмен миссиями состоялся в конце 1933 — начале 1934 г.— *638*.

[273] Заданиями второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.) предусматривалось произвести укладку «на наиболее затрудненных основных магистралях около 9500 *км* вторых путей (жел. дороги Урало-Кузбасса, Забайкальская и Уссурийская, жел. дороги Донбасса и т. д.)».

В связи с этим советские хозяйственные организации поставили вопрос о закупке необходимого количества рельсов в США. Однако, несмотря на многочисленные обещания американских должностных лиц о содействии в

размещении этого заказа, рельсы в США приобрести не удалось.— *659, 667, 758.*

[274] 12 ноября 1933 г. нарком внешней торговли СССР направил торгпреду СССР в Швеции Д. В. Канделаки следующую телеграмму: «Разрешаю Вам вступить в переговоры о финансовом кредите с использованием его для закупки шведских товаров на следующих началах: 1) кредит должен быть предоставлен на 10 лет, в крайнем случае согласитесь на 8-летний срок; 2) из 100 млн крон кредита можете взять обязательство использовать 10—15% на покупку сельскохозяйственных товаров; 3) срок выдачи заказов 1—2 года; 4) проценты за кредит не свыше 6% годовых; 5) платеж процентов в конце каждого года за фактически используемые суммы; 6) одновременно с подписанием соглашения о займе добейтесь обещания шведского правительства о содействии развитию нашего экспорта в Швецию».— *660.*

[275] Эскадрилья польских военных самолетов во главе с начальником польской авиации полковником Райским была приглашена в СССР в связи с празднованием годовщины Октября 7 ноября 1933 г. Эскадрилья долетела до Минска, но ввиду нелетной погоды летчики проследовали в Москву поездом.

«Прилет польской эскадрильи в Минск и приезд ее экипажа в Москву,— говорилось в газ. «Известия» от 6 ноября 1933 г.,— являются доказательством укрепления дружественных отношений между Польшей и СССР».

Польские летчики присутствовали 7 ноября на параде на Красной площади, посетили Тушинский аэродром, военно-воздушную академию РККА, Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), Московский автозавод. Полковник Райский был принят заместителем наркома по военным и морским делам М. Н. Тухачевским и заместителем наркома иностранных дел Н. Н. Крестинским.— *660, 669, 672, 694, 746.*

[276] 11 ноября 1933 г. в Большом зале Московской консерватории состоялся симфонический концерт польской музыки с участием композитора К. Шимановского, дирижера Г. Фительберга и певицы Е. Бандровской. На концерте присутствовали члены правительства СССР, польская миссия во главе с Лукасевичем, дипломатический корпус, находившиеся в Москве польские летчики (см. прим. 275), известные советские композиторы, музыканты, представители прессы.

Советская печать высоко оценила концерт польских музыкантов. В статье «Современная польская музыка», помещенной в газ. «Известия» от 11 ноября 1933 г., отмечалось, что «концерт польской музыки в Москве является, несомненно, крупным событием в нашей советской музыкальной жизни. Впервые за революционные годы советская музыкальная общественность получит возможность ознакомиться с рядом лучших произведений польского современного музыкального творчества».

12 ноября в помещении Государственной Третьяковской галереи открылась выставка польского современного искусства (живопись, скульптура, ткани).

На открытии выставки присутствовали члены правительства СССР, руководящие работники НКИД СССР, посланник Польши Лукасевич, польские летчики, представители советских художественных, литературных и артистических кругов, виднейшие московские искусствоведы, представители печати.

При открытии выставки Лукасевич заявил, что она имеет целью дать возможность широким кругам советской общественности ознакомиться с польским художественным творчеством. Он отметил, что «сейчас же после подписания почти год назад политических актов, имевших целью укрепление мира в нашей части Европы и легших в основу отношений между Польшей и Советским Союзом, в Варшаве и в Москве появилось стремление к тому, чтобы закрепить дружественные, добрососедские отношения взаимным ознакомлением и сближением в области художественного и культурного

творчества. Выставка советского искусства в Варшаве и участие советских выдающихся графиков в международной выставке графиков в Варшаве вызвали большой интерес и приветствовались польской общественностью». Лукасевич выразил надежду, что наряду с польским концертом выставка польского современного искусства будет серьезным положительным этапом в дальнейшем развитии польско-советского сближения в области культурных отношений.— *659, 746.*

[277] 8 ноября 1933 г. на приеме выпускников кабульских школ в саду Делькуша учеником Абдул Халиком был убит король Афганистана Мухаммед Надир-шах. В тот же день королем Афганистана был провозглашен его сын Мухаммед Захир-шах.— *663.*

[278] По окончании встречи Гитлера с Липским 15 ноября 1933 г. агентство Вольфа опубликовало официальное коммюнике, в котором говорилось, что обмен мнениями выявил «единодушное намерение обеих правительств разрешить вопросы, касающиеся обеих стран, путем непосредственных переговоров и в целях укрепления мира в Европе отказаться от применения всякого насилия в отношении друг друга». Такое коммюнике со стороны гитлеровцев было сплошным лицемерием.— *668, 683, 689, 697, 746.*

[279] После встречи Гитлера с Высоцким 2 мая 1933 г. было опубликовано официальное коммюнике, в котором говорилось, что беседа касалась текущих вопросов польско-германских отношений. Гитлер заявил о твердом желании германского правительства строго придерживаться существующих договоров в своих взаимоотношениях с Польшей (см. газ. «Известия», 5 мая 1933 г.).

В сообщении польского телеграфного агентства об этой встрече указывалось: «Состоявшаяся 2 мая беседа между Гитлером и польским посланником Высоцким в присутствии министра иностранных дел фон Нейрата оказала успокаивающее влияние на германо-польские отношения. В связи с этим польский министр иностранных дел Бек принял сегодня утром германского посланника фон Мольтке и во время беседы подтвердил ему, что польское правительство решило сохранить свою позицию и свое поведение строго в рамках действующих договоров. Затем Бек выразил пожелание, чтобы оба государства рассмотрели и обсудили взаимно интересующие вопросы, соблюдая спокойствие» (см. газ. «Известия», 6 мая 1933 г.).— *671, 691.*

[280] Имеется в виду высадка польского десанта (200 человек) на Вестерплатте в марте 1933 г. для усиления находившегося там польского гарнизона. Об истории этого вопроса в сообщении польского телеграфного агентства от 6 марта 1933 г. (см. газ. «Известия», 8 марта 1933 г.) говорилось: «Совет Лиги наций в своем решении в марте 1924 г. передал в распоряжение Польши полуостров Вестерплатте, расположенный при входе в Данцигский порт, для сооружения на нем складов взрывчатых веществ и боевых припасов. Позднейшие решения Лиги наций предоставили польскому правительству, как единственному правительству, ответственному за сохранение порядка и безопасности на этой территории, право иметь воинский отряд на полуострове.

В последнее время польское правительство получило сообщения, указывающие на возможность выступлений безответственных элементов гор. Данцига, которые могут подвергнуть опасности склады на полуострове Вестерплатте. Поэтому польское правительство считает себя обязанным временно усилить свой воинский отряд, охраняющий эти склады. Польский генеральный комиссар в Данциге сообщил об этом комиссару Лиги наций этого города».

Вопрос о высадке польского десанта на Вестерплатте был поставлен в Совете Лиги наций. Под нажимом Англии и Франции Польша уступила, добившись, однако, в качестве компенсации отмены решения данцигского (гданьского) сената, изъявшего портовую полицию из ведения особого портового совета, в котором имелись польские представители, и подчинившего

его сенату Вольного города Данцига. Президент сената Вольного города Данцига Цим обещал принять достаточные меры, гарантирующие польские права в Вольном городе Данциге. Польский министр иностранных дел Бек заявил в ответ, что войска будут немедленно удалены с Вестерплатте. 16 марта 1933 г. польский десант покинул Вестерплатте.— *671, 690, 741.*

[281] 15 октября 1933 г. Б. С. Стомоняков в телеграмме В. А. Антонову-Овсеенко просил поручить корреспонденту ТАСС И. А. Ковальскому сообщить редактору «Газеты польской» Медзинскому о желании редакций ряда советских газет пригласить в Советский Союз группу польских журналистов, выступающих за сближение с СССР.

Однако поляки вначале уклонились от ясного ответа на приглашение, хотя инициатива о желательности посещения СССР исходила от польской стороны. «На сообщение Ковальского о готовности принять польских журналистов к праздникам,— говорилось в телеграмме Антонова-Овсеенко от 16 октября 1933 г.,— Стежинский (директор агентства «Искра».— *Ред.*) растерянно заявил, что теперь в связи с событиями в Германии ему необходимо договориться с Беком, который будет через два дня; во всяком случае, он не уверен, что в такой короткий срок поездку удастся организовать». В дальнейшем Стежинский передал полпредству СССР утвержденный Беком список польских журналистов для поездки в СССР. Выезд намечался после 7 ноября, но, как это видно из комментируемого документа, эта поездка в 1933 г. не состоялась.— *672.*

[282] 20 ноября 1933 г. американские стратонавты Сэттль и Фордни на стратостате «Сенчури оф прогресс» достигли высоты 17 678 м после полета советских стратонавтов (см. прим. 232).— *673.*

[283] В основу проекта соглашения между СССР и Персией о порядке рассмотрения и разрешения пограничных конфликтов были положены те же принципы, которые содержались в обмене нотами между правительствами СССР и Афганистана о разрешении пограничных инцидентов на советско-афганской границе (см. т. XV, док. № 360).— *677.*

[284] В письме I секретаря полпредства СССР в Персии А. Я. Эйтингона заведующему Правовым отделом НКИД СССР А. В. Сабанину сообщалось о необходимости внесения в проект соглашения о порядке рассмотрения и разрешения пограничных конфликтов между СССР и Персией следующих поправок:

1. «Заседания пограничных комиссаров *происходят* по очереди то на одной, то на другой территории, если между пограничными комиссарами не обусловлено что-нибудь другое».

2. «В целях ускорения процедуры представления обеими странами пограничных комиссаров, назначение последних должно сообщаться по телеграфу».— *677.*

[285] В письме от 12 ноября 1933 г. советник полпредства СССР в Польше Б. Г. Подольский сообщал Б. С. Стомонякову, что за последнее время польские власти ведут работу в Западной Украине в двух направлениях:

Первое. «Всячески стремятся изменить методы при проведении антисоветской кампании. Методы, какими действовали поляки до нашей ноты (см. док. № 323.— *Ред.*), видоизменяются. Почти нет уже лозунгов, призывающих к интервенции, нет демонстраций на улицах против нас, усилена цензура над украинской печатью, местные власти издают коммуникаты, «нормирующие» антисоветскую кампанию; на процессе Лемика (см. прим. 250.— *Ред.*) прокурор и суд подчеркнуто демонстрировали свое отрицательное отношение к антисоветской кампании путем запрещения адвокатам произносить антисоветские погромные речи и т. д.

Второе. Активизировали борьбу с ОУН (организация украинских националистов.— *Ред.*) путем арестов и всяческих других мер преследования. Разросшееся движение ОУН в связи с антисоветской кампанией значительно усилило шансы немецкого империализма в Западной Украине. Если поляки могут относиться весьма благосклонно к одной стороне этого дви-

жения тогда, когда оно касается Советского Союза, то вторая его сторона — усиливающаяся позиция немцев, не может не беспокоить поляков».

Далее в письме говорилось, что, сваливая все на ОУН, польские власти пытаются «убедить нас в их лояльности, в том, что они борются с антисоветской кампанией». Этот метод характеризуется как «политика поляков выгородить параллельно действующие силы с ОУН, которые в значительной мере находятся под руководством и влиянием поляков».

В письме подчеркивалось: «Главным же образом поляки пока никаких мер не приняли в отношении учреждений, рассеявшихся по всей Западной Украине, специально созданных для антисоветской работы. Эти-то учреждения ведь созданы если не при прямом участии поляков, то во всяком случае с их разрешения и «благословения».— *678*.

[286] Имеется в виду совещание представителей советской и маньчжурской сторон, которое власти Маньчжоу-Го предложили созвать для пролонгирования прежнего соглашения с китайскими властями об оборудовании пограничных рек Амура, Уссури и Аргуни специальными знаками (щиты, фонари и т. д.) для обеспечения безопасности плавания судов.

Указанное соглашение было заключено в 1923 г. между Управлением амурского речного транспорта и местными китайскими властями и в дальнейшем ежегодно продлевалось.

Предлагая созвать вышеуказанную «водную конференцию», власти Маньчжоу-Го намеревались превратить ее в международное совещание и добиться подписания на нем официального международного соглашения между СССР и Маньчжоу-Го по вопросам судоходства по пограничным рекам.

Советская сторона соглашалась на созыв данной «конференции» лишь при том условии, что она будет рассматриваться, как говорится в комментируемом документе, «как встреча представителей двух пароходств для пролонгирования прежнего технического соглашения и имеет касаться лишь технических и расчетных вопросов». Обмен мнениями по поводу созыва этой «водной конференции» был продолжен в 1934 г.— *679*.

[287] Советское правительство предприняло энергичные действия для освобождения арестованных советских сотрудников КВЖД. По этому вопросу в Токио и Харбине между советскими, маньчжурскими и японскими представителями велись интенсивные переговоры, в ходе которых Советское правительство решительно потребовало освобождения шести арестованных советских служащих и восстановления нормального порядка управления КВЖД в качестве предварительного условия возобновления переговоров в Токио о продаже КВЖД. 24 февраля 1934 г. арестованные советские граждане были освобождены.— *682*.

[288] В упоминаемой телеграмме от 22 ноября 1933 г. говорилось: «Торгпред СССР в Норвегии Клингер сообщил в Москву, что зам. председателя «Экспортхлеб» Белаковскому, ехавшему из Осло транзитом через Швецию, шведским консулом в Осло была поставлена виза с надписью «виза действительна при условии воздержания от пропаганды». Заявите по этому поводу протест министерству иностранных дел Швеции».— *689*.

[289] В телеграмме от 26 ноября 1933 г. В. С. Довгалевский сообщил в НКИД СССР наиболее существенное из бесед с Поль-Бонкуром 19 и 22 ноября 1933 г. (см. док. № 390). Дополнительно к записям бесед в телеграмме говорилось: «Бонкур не скрывал раздражения против Польши в связи с берлинским действием (см. прим. 278, 279.— *Ред.*). Он указывал, что Чехословакия отвергла аналогичные предложения Гитлера, обусловив заключение пакта о ненападении одновременным заключением пакта со всей Малой Антантой и с Польшей».— *695*.

[290] Статья Дуо «Экономическое и стратегическое значение польского коридора» была опубликована в журнале «Большевик» № 15—16 от 31 августа 1933 г.

Автор отмечал, что «современная этнография коридора не дает юридических оснований для германских притязаний на него». Анализируя

экономическое и стратегическое значение коридора, автор делал вывод, что «коридор имеет для Польши большое экономическое значение, но основное значение коридора как для Польши, так и для Германии — стратегическое».— *698*.

[291] В телеграмме Н. Н. Крестинского М. М. Литвинову от 2 декабря указывалось, что если Муссолини заговорит с ним о разоружении, Лиге наций, привлечении СССР, США, Германии и Японии к обсуждению основных международных проблем и т. д., то «выслушайте его предложения, скажите, что ввиду продолжительного отсутствия из Москвы Вы без доклада правительству не можете ему сразу ответить и сделаете это по возвращении в Москву».— *699*.

[292] М. М. Литвинов в телеграмме В. С. Довгалевскому от 9 декабря 1933 г. вначале сообщил содержание своей беседы с послом Франции в Италии Шамбреном (см. док. № 413), а затем по существу его просьбы указал: «Разъясните это Бонкуру и скажите, что по этим вопросам, как и по его последним предложениям Вам, мы решили инструктировать Вас лично, для чего вызываем Вас в Москву» (см. прим. 310, 321).— *701*.

[293] Предложение полпредства СССР во Франции о создании общественного комитета «Франция — СССР» получило одобрение со стороны НКИД СССР, о чем полпредство было уведомлено 4 февраля 1934 г. письмом заведующего III Западным отделом НКИД Е. В. Рубинина. Одновременно полпредству предлагалось приступить к предварительной организационной работе, связанной с созданием комитета.— *715*.

[294] В телеграмме из Стамбула от 15 ноября 1933 г. Я. З. Суриц предложил провести ряд мероприятий по культурной линии, в том числе ускорить подготовку литературного альманаха, заключить договор между «Союзкиноэкспортом» и владельцем фирмы кинопроката в Турции Халилом Камилем об экспорте советских кинофильмов и подготовить поездку музыкального ансамбля в Турцию.

В письме НКИД СССР генеральному консулу СССР в Стамбуле Г. М. Цвилингу от 5 декабря 1933 г. в ответ на телеграмму Сурица от 16 ноября 1933 г. сообщалось о проводимых в Москве мероприятиях по реализации указанных предложений по развитию культурных связей между двумя странами (см. также прим. 295).— *716*.

[295] Культурные связи Советского Союза с Турцией в 1933 г. значительно расширились. В работе по их развитию участвовали ВОКС, Союз писателей, Московская консерватория, Союз советских композиторов, спортивные и другие организации. В Советском Союзе и в Турции началась подготовка к изданию двух альманахов, посвященных соответственно советской и турецкой литературе. Московская консерватория направила в марте 1933 г. в адрес консерваторий в Анкаре и Стамбуле учебные планы, программы по специальным предметам, план концертной деятельности и другие материалы, связанные с деятельностью консерватории.

25 ноября в Стамбуле была открыта советская торгово-промышленная выставка, организованная Всесоюзной торговой палатой и торгпредством СССР в Турции, рассчитанная не менее чем на 1—2 года. На ней был организован «уголок ВОКС», экспонаты для которого были предоставлены многими советскими организациями и учреждениями культуры, народного образования, здравоохранения, спорта и т. д.

Прогрессивные представители турецкой интеллигенции со своей стороны также стремились к развитию культурных связей с СССР. Так, директор Стамбульской консерватории Юсуф Зия-бей предложил в начале 1933 г. организовать постоянную связь и взаимный обмен материалами с советскими музыкальными деятелями и организациями.

В июле — августе 1933 г. в Советском Союзе находилась турецкая спортивная делегация, которую возглавлял Джевдет Керим, председатель Стамбульского бюро народно-республиканской партии. В ее задачу входило не только установление контактов по вопросам физкультуры и спорта, но и

изучение постановки в СССР массово-политической работы, работы с молодежью, деятельности институтов физкультуры, парков культуры и отдыха, клубов, музеев и т. д. Делегация посетила Одессу, Москву, Иваново, Горький, Харьков, Ростов и Киев. Спортсмены, входившие в состав делегации, провели встречи по футболу, легкой атлетике и борьбе.

В ответ на комментируемое письмо Я. З. Суриц в письмах Л. М. Карахану от 27 и 28 декабря 1933 г. изложил свои соображения по предложениям, высказанным в этом письме, и наметил ряд других мероприятий по дальнейшему развитию культурных связей с Турцией, в том числе: «Не реже двух раз в год приезд сюда для прочтения докладов и установления контакта с учеными кругами Турции крупного представителя научного мира (можно начать с Вавилова)... Приезд сюда небольших артистических ансамблей (из первоклассных, а не эстрадных сил)... Организация систематических поездок к нам турецких деятелей с предоставлением им всевозможных льгот и облегчений...».— *718*.

[296] 1. В советской ноте от 6 мая 1933 г. по вопросу импорта в Италию обыкновенных лесоматериалов говорилось, что торговое представительство СССР в Италии не намерено превышать лимит в 190 000 т, но выражалось пожелание, что «Итальянское правительство, если внутреннее производство и положение рынка позволят ему, вновь пересмотрит по своей инициативе или по просьбе правительства СССР вопрос о возможности увеличить количество экспорта леса».

В ноте Италии указывалось, что итальянское правительство согласно с предложениями, высказанными в советской ноте.

2. В совместном заявлении о деятельности «Смешанного итало-русского торгово-транспортного общества («Итранс») от 6 мая 1933 г. говорилось, что работа общества «возобновляется до 31 декабря 1934 г. на тех же существующих сегодня условиях».

3. В совместном заявлении от 6 мая 1933 г., касающемся технического сотрудничества, говорилось, что обе стороны «пришли к соглашению о возобновлении в течение месяца, начиная с сегодняшнего дня, переговоров по урегулированию этого вопроса».— *718*.

[297] Письмом от 21 ноября 1933 г. экономическая часть и II Западный отдел НКИД СССР направили следующее указание Г. А. Залкинду:

«Ссылаясь на согласие Максимоса в разговоре с т. Давтяном начать немедленно переговоры о налоговом обложении торгпредства на будущее время, приступите к этим переговорам, положив в основу обложения действующие в наших взаимоотношениях с другими странами нормы, а именно: либо 0,215% со всего экспортного оборота минус сделки фоб, либо обложение прибыли торгпредства по греческому закону при исчислении прибыли в размере 0,4% с экспортного оборота минус сделки фоб. При применении последнего метода исчисления, в виде второй позиции, можно пойти на то, чтобы прибыль исчислялась не в 0,4% с экспортного оборота, а в большем проценте, но не свыше 1%».

Относительно обложения торгпредства за прошлое время в письме говорилось о необходимости во время переговоров подчеркивать нашу принципиальную позицию о том, что «мы не платим налогов за прошедшее время».— *719*.

[298] В упоминаемой телеграмме от 25 ноября 1933 г. Г. А. Залкинд просил НКИД СССР дать указания по следующим вопросам: «1) Подлежит ли соглашение ратификации с нашей стороны, или же оно вступит в силу после подписания? 2) Каков срок действия соглашения? Предлагаем поставить этот срок вне зависимости от срока действия торговой конвенции, чтобы не укреплять эвентуального требования греков начать платежи с начала действия торговой конвенции. 3) Просьба дать формулировку статьи, соответствующую ст. 7 шведского соглашения, но юридически обнимающую гербовый сбор таким образом, чтобы взносы торгпредства покрывали не только подоходный налог, но и гербовый сбор».— *720*.

[299] 6 декабря 1933 г. Большой фашистский совет по докладу Муссолини постановил обусловить дальнейшее пребывание Италии в Лиге наций радикальной реорганизацией Лиги в самый кратчайший срок. Эта реорганизация, как сообщало агентство Стефани, должна была коснуться устава Лиги наций, методов ее работы и целей, подлежащих осуществлению.

Большой фашистский совет ставил вопрос ультимативно: или реорганизация Лиги наций, предполагающая ревизию устава, или Италия выйдет из Лиги наций (см. газ. «Известия», 8 декабря 1933 г.).— *721. 767.*

[300] Переговоры о проведении работ по проверке государственной границы между СССР и Финляндией завершились 26 мая 1934 г. обменом нотами между заместителем народного комиссара иностранных дел СССР и посланником Финляндии в СССР. В том же году началась и проверка границы.— *726.*

[301] Конвенция об оленях между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой была подписана в гор. Хельсинки 4 июля 1933 г. Опубликована в «Собрании законов...», отд. II, № 7, 31 марта 1934 г., стр. 73—103.— *727.*

[302] Новая конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой о рыбном и тюленьем промысле на Ладожском озере была подписана в Москве 25 мая 1934 г. Опубликована в «Собрании законов...», отд. II, № 22, 31 декабря 1934 г., стр. 297—309.— *727.*

[303] 10 октября 1933 г. коллегия НКИД СССР постановила: а) отклонить предложение финляндского правительства об урегулировании положения консульств путем обмена нотами; б) предложить финляндскому правительству заключить консульскую конвенцию, исчерпывающе формулирующую права и обязанности консульств обоих государств.

Переговоры по этому вопросу продолжались в 1934 г.— *727.*

[304] Наркомлеспром СССР дал распоряжение Госбанку СССР о переводе в торгпредство СССР в Финляндии необходимой суммы для этой цели. 10 января 1934 г. торгпредство СССР перевело эти деньги финляндской государственной конторе.— *727.*

[305] В беседе с финляндским посланником Ирье-Коскиненом 15 января 1934 г. Б. С. Стомоняков сообщил, что ввиду многочисленных злоупотреблений со стороны низшего состава посольств и миссий главное таможенное управление «отклонило мое ходатайство о разрешении циркуляции постоянного финляндского вагона с финляндским проводником для привоза в Москву продовольствия, предназначенного для финляндской миссии и других посольств и миссий».— *727.*

[306] Б. С. Стомоняков в беседе с Ирье-Коскиненом 15 января 1934 г. сообщил, что «произведенное по нашему поручению расследование установило, что ленинградская радиостанция подобными передачами не занимается».— *729.*

[307] В ноябре — декабре 1933 г. эстонское правительство предприняло ряд мер в связи с активизацией деятельности профашистских организаций в Эстонии: были запрещены национал-социалистская организация «Дейчер клуб», газета «Ауфштиг» и др. 7 декабря Государственное собрание Эстонии приняло также решение, в котором предлагалось рассматривать национал-социалистское движение как враждебное и опасное для страны (см. также газ. «Известия», 8 декабря 1933 г.).— *730.*

[308] Проект конвенции между СССР и Персией о взаимном пользовании пастбищами был направлен Правовым отделом и I Восточным отделом НКИД СССР С. К. Пастухову 9 декабря 1933 г. В основу проекта были положены те же принципы, которые содержались в Конвенции о пользовании жителями Грузинской ССР и Турции пастбищами, находящимися по другую сторону границы, заключенной 20 марта 1922 г. (см. «Собрание законов...», отд. II, № 34, 14 июня 1928 г., стр. 933—942).— *731.*

[309] Намечавшаяся морская конференция в Вашингтоне созвана не была; в течение 1934 г. в Лондоне проходили предварительные англо-японо-аме-

рижанские переговоры по вопросу о предстоявшей в 1935 г. морской конференции.— *732*.

[314] В телеграмме от 10 декабря 1933 г. В. С. Довгалевский сообщил М. М. Литвинову о намерении выехать в Москву 12 декабря (см. также прим. 321).— *735*.

[315] 19 декабря 1933 г. Л. М. Карахан направил С. К. Пастухову телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Пакреван спрашивал, готовы ли мы обсуждать с ним пастбищную конвенцию. Я ответил утвердительно, но указал, что мы заинтересованы в одновременных переговорах также о воде и сельскохозяйственных вредителях. Пусть персидское правительство либо поручит Пакревану вести переговоры по всем трем конвенциям, либо приступит к ним в Тегеране. Разумеется, не обязательно вести переговоры по трем конвенциям в одном месте. Важно лишь, чтобы они были завершены одновременно».

В ответной телеграмме от 21 декабря 1933 г. Пастухов сообщал: «С Вашей позицией в отношении пастбищной и других конвенций согласен. В таком духе я уже говорил с Каземи».— *737*.

[316] А. Ф. Ильин-Женевский в августе — декабре 1933 г. имел ряд бесед с сотрудниками МИД Чехословакии, которые указывали на возрастающую поддержку идеи признания СССР со стороны части руководящих кругов и передовой общественности. Так, в беседе от 30 августа 1933 г. политический референт Восточного отдела МИД Чехословакии Благош заявил, что «МИД стоит на точке зрения необходимости признания и не раз ставил *этот* вопрос, но, к сожалению, до сих пор его инициатива встречала противодействие со стороны части кабинета».— *738*.

[317] Ответный визит советских летчиков в Польшу состоялся 28 июля — 1 августа 1934 г.

В Варшаве советские летчики посетили институт технических испытаний, гражданский авиапорт, моторостроительный завод «Шкода», имели также встречи с личным составом одного из авиационных полков, с курсантами авиашколы в Демблине.

Делегация была принята министром иностранных дел Польши Беком, начальником генерального штаба генералом Гонсиоровским, министром путей сообщения Буткевичем, заместителем военного министра Каспшицким и др.— *746*.

[318] В письме НКИД СССР временному поверенному в делах СССР во Франции М. И. Розенбергу от 19 декабря 1933 г. было сообщено следующее решение инстанции:

«1. Мы сокращаем свои экспортные требования.

2. Это делается при условии, что французы согласятся на сокращение суммы заказов с 300 млн. франков до 200—225.

3. Поскольку сокращается сумма заказов, оказывается уже излишним обеспечивать эти заказы помимо авала советского нефтяного общества во Франции еще и условным делегированием платежей по марганцу, лесу и углю. Это условное делегирование можно снять и ограничиться одними авалями.

4. По торгпредству можно принять предложения французского посла здесь: иммунитет получает торгпред и два его заместителя, а также служебные бюро торгпредства. Что же касается предварительных мер, то по этому вопросу французское правительство внесет с благожелательным отзывом предложение в парламент об изменении закона в смысле освобождения нашего торгпредства от мер предварительного обеспечения исков».

11 января 1934 г. стороны подписали советско-французское временное торговое соглашение (см. «Собрание законов...», отд. II, № 4, 15 марта 1936 г., стр. 45—68).— *753*.

[319] Обсуждение вопросов, о которых идет речь в комментируемой беседе, было продолжено во время последующих встреч М. М. Литвинова с Лукасевичем.

21 декабря 1933 г. Литвинов просил Лукасевича выяснить, «предполагает ли Бек осведомить Францию о декларации», и спросил, «как поступит Бек в случае возражений со стороны прибалтов». Лукасевич не смог дать ответа, и Литвинов обратил внимание на необходимость ускорения реализации этого дела.

Относительно визита Бека в СССР Литвинов сказал, что «мы готовы принять Бека в любое время после окончания сессии ЦИК».

23 декабря Лукасевич сообщил Литвинову, что «Бек приступил уже к зондированию прибалтов, причем он не считает возможным скрывать этого от Финляндии. Хотя в телеграмме страны не перечислены, Лукасевич полагает, что польский зондаж начался и в Финляндии. Что касается Франции, то Бек считает осведомление ее преждевременным».

Литвинов разъяснил, что «нами уже отдано распоряжение полпредам об извещении литовского, латвийского и финского правительств, а что касается Эстонии, то я сообщение передал через Тофера» (посланник Эстонии в СССР).— *756.*

[316] Речь идет о расчетных книгах и других документах российских филиалов «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», которые были в августе 1918 г. переданы администрацией филиалов банка на хранение генеральному консулу Швеции в Москве, а после отъезда шведских дипломатов из Советской России направлены в советский государственный банк.— *760.*

[317] В соответствии с договоренностью между Наркоминделом и посольством Франции в СССР в июле — сентябре 1934 г. Советский Союз посетили два французских инженера по дорожному строительству.— *769.*

[318] По сообщениям полпредств СССР в Латвии и Финляндии, правительства этих стран не изъявили желания поддержать намечавшуюся декларацию по Прибалтике.— *770.*

[319] В телеграмме полпреда СССР в Великобритании в НКИД СССР от 27 декабря 1933 г. говорилось, что «задержка переговоров в основном вызывается вопросом о «Лена-Голдфилдс». Далее указывалось, что поскольку «давление английских деловых кругов, обескураженных медленным темпом переговоров, постепенно усиливается на английское правительство, то можно думать, что оно в конце концов примирится с тем выходом, который указан Вами Чилстону 11 декабря (*см. док. № 417.— Ред.*). Но английскому правительству нужно известное время для того, чтобы перестроиться и произвести надлежащий маневр». В телеграмме отмечалось, что «в лучшем случае едва ли можно рассчитывать на подписание договора раньше середины или даже второй половины января», так как «потребуется еще минимум 2—3 заседания на окончательное редактирование текста и урегулирование еще остающихся второстепенных разногласий».— *771.*

[320] В телеграмме М. М. Литвинова полпреду СССР в Великобритании от 5 января 1934 г. предлагалось, ввиду отсутствия в Лондоне Саймона, от которого к тому времени не было еще получено согласия на подписание договора, «обождать еще некоторое время» и не проявлять излишней поспешности в подписании.— *772.*

[321] 28 декабря 1933 г. В. С. Довгалевский передал Поль-Бонкуру следующие предложения Советского Союза по вопросу подписания регионального соглашения рядом европейских государств о взаимной помощи от агрессии и вступления СССР в Лигу наций, одобренные инстанцией 19 декабря 1933 г.:

«1) СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу наций.

2) СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии.

3) СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши.

4) Переговоры об уточнении обязательств будущей конвенции о взаимной защите могут начаться по представлении Францией, являющейся инициатором всего дела, проекта соглашения.

5) Независимо от обязательств по соглашению о взаимной защите, участники соглашения должны обязаться оказывать друг другу дипломатическую, моральную и, по возможности, материальную помощь также в случаях военного нападения, не предусмотренного самим соглашением, а также воздействовать соответствующим образом на свою прессу.

6) СССР вступит в Лигу наций лишь при выполнении следующих условий:

а) СССР имеет серьезные возражения против 12 и 13 статей Статута Лиги, предусматривающих обязательное третейское разбирательство. Идя навстречу предложению Франции, СССР согласен, однако, снять эти возражения, если ему будет разрешено при вступлении в Лигу сделать оговорку о том, что арбитраж для него обязателен будет лишь по спорам, которые возникнут из конфликтов, событий и действий, которые будут иметь место после вступления Союза в Лигу.

б) Исключить вторую часть 1-го пункта ст. 12, санкционирующей войну для разрешения международных споров и, таким образом, привести эту статью в соответствие с пактом Келлога — Бриана.

в) Исключить ст. 22, дающую право на мандатное управление чужими территориями, не настаивая на обратном действии исключения этого пункта, т. е. на отмене существующих мандатов.

г) Включить в ст. 23 пункт об обязательности для всех членов Лиги расового и национального равноправия.

д) СССР будет настаивать на восстановлении с ним нормальных отношений всеми остальными членами Лиги или, в крайнем случае, на включении в Устав Лиги или на проведении собранием Лиги постановления о том, что все члены Лиги считаются восстановившими между собою нормальные дипломатические отношения и взаимно признавшими друг друга».

Таким образом, Советское правительство пошло значительно дальше первоначального плана Поль-Бонкура о двусторонних переговорах, выдвинув новую идею создания системы коллективной безопасности в Европе. В связи с этим предложением Советского правительства начались переговоры о заключении так называемого Восточного пакта, продолжавшиеся до середины 1935 г.— *772*.

[522] 16 сентября 1933 г. в районе Тарахчи, у колодца Кичкина, находившегося на советской территории, группой нарушителей границы был обстрелян пограничный дозор СССР. В результате ответного огня группа отошла на афганскую территорию.

В тот же день советский пограничный дозор поста Тарахчи был обстрелян другой группой нарушителей границы. После перестрелки нарушители были вынуждены вернуться на свою территорию, причем дозором было задержано двое вооруженных нарушителей.

24 сентября 1933 г. полпредство СССР в Афганистане направило МИД Афганистана ноту № 655, в которой сообщало об этих инцидентах и настаивало на скорейшем их расследовании.

В ответной ноте № 3077 от 1 октября 1933 г. министр иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-хан информировал полпреда СССР в Афганистане Л. Н. Старка о том, что правительство Афганистана со своей стороны для разбора инцидентов на месте назначило делегацию и просит назначить такую же делегацию со стороны СССР.

Нотой от 7 октября 1933 г. № 693 Старк сообщил Файз Мухаммед-хану о согласии «на назначение специальной комиссии для расследования всех обстоятельств пограничного конфликта в районе пограничного поста Тарахчи».

В ноте от 25 октября 1933 г. № 742 Старк писал министру иностранных дел Афганистана, что комиссия «имеет своей целью исключительно рас-

следование пограничного инцидента в районе пограничного поста Тарахчи».

Министр иностранных дел Афганистана нотой от 13 ноября 1933 г. № 3519/2913 уведомил Старка, что «Министерство Иностранных Дел соглашается на то, чтобы в настоящее время делегации обеих сторон разрешили бы только вопрос о Чах-Касыме» (колодец Киччина).

В результате последующей нотной переписки между полпредством СССР и МИД Афганистана была создана совместная комиссия по проверке инцидентов, которая 15 декабря 1933 г. приступила к своей работе.— *774*.

[323] 24 января 1934 г. по распоряжению министра финансов США было отменено запрещение принимать в США золото советского происхождения, введенное в 1920 г.; также было отменено запрещение на ввоз леса из северных районов СССР, установленное 10 февраля 1931 г., и взимание антидемпинговой пошлины с советских спичек.— *776*.

[324] 30 ноября 1933 г. член английской делегации на переговорах по заключению торгового соглашения, главный советник министерства торговли Х. Вильсон направил полпредству СССР текст проекта англо-советского торгового соглашения.

Ст. 2 проекта предусматривала, что если одна из договаривающихся сторон заявит другой стороне, что имеется основание предполагать, что цены, установленные другой стороной или ее государственными хозяйственными организациями, могут подорвать действие существующих преференций, предоставленных первой стороной кому-либо, или же неблагоприятно отразиться на ее внутреннем производстве, то обе стороны в этом случае соглашаются вступить немедленно в переговоры. Если этот вопрос обеим сторонам не удастся уладить в порядке переговоров, то по истечении не менее трех месяцев со дня уведомления право наибольшего благоприятствования утрачивает свою силу в отношении товаров, указанных в уведомлении. «Сторона, которая сделает уведомление, ...обязывается принимать к рассмотрению все заверения, которые могут быть представлены другой стороной в том, что ею приняты меры, направленные на то, чтобы предупредить повторение в отношении вышеуказанных товаров, положения, которые побудили представить уведомление». В случае, если сторона, сделавшая уведомление, убедится в том, что такие мероприятия проведены, то она должна вновь распространить на эти товары все привилегии, вытекающие из режима наибольшего благоприятствования.

В ст. 3 проекта говорилось, что правительство СССР будет использовать все возрастающую долю выручки от продажи советских товаров в Англии на закупки там товаров и фрахтование судов, плавающих под британским флагом, с тем чтобы достичь примерного баланса платежей между Англией и СССР в соответствии со схемой, прилагавшейся к проекту соглашения.

Упоминаемая в комментируемом документе ст. 10 в представленном проекте и окончательном тексте соглашения не содержалась. Проект явился результатом предшествующих переговоров (см. прим. 180, док. № 276, 278, 280, 286) и был положен в основу последующих переговоров. Временное торговое соглашение между Советским Союзом и Великобританией было подписано 16 февраля 1934 г. в Лондоне.— *775*.

[325] 23 декабря 1933 г. торговое представительство СССР в Эстонии обменялось с министерством народного хозяйства Эстонии нотами о продлении на 1934 г. действовавшего в 1933 г. торгового соглашения от 23 декабря 1932 г.— *789*.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Борьба Советского Союза за претворение в жизнь принципов мирного сосуществования и сотрудничества — 5, 22, 32, 40, 51, 52, 63, 70, 132, 139, 150, 155, 160, 166, 178, 179, 187, 213, 214, 215, 218, 220, 224, 236, 237, 242, 257, 259, 266, 270, 277, 311, 320, 339, 346, 349, 351, 355, 356, 363, 365, 366, 369, 376, 382, 391, 412, 423, 428, 438, прил. 1, 2

— борьба за мир, против опасности войны — 1, 21, 22, 32, 35, 40, 51, 60, 63, 70, 83, 94, 155, 157, 158, 160, 162, 177, 178, 185, 199, 213, 214, 216, 218, 220, 224, 227, 237, 259, 266, 277, 282, 307, 308, 315, 320, 327, 339, 342, 348, 349, 351, 370, 376, 382, 391, 400, 401, 405, 412, 423, 426, 428, 432, 438, 439, прил. 1, 2

— выполнение договоров и соглашений — 8, 17, 18, 22, 27, 51, 99, 116, 138, 139, 140, 147, 151, 157, 158, 166, 168, 171, 175, 177, 185, 215, 223, 224, 230, 234, 246, 254, 266, 284, 295, 314, 379, 394, 405, 414, 424, 430, прил. 1, 2

— дипломатическое признание Советского Союза
  — Испанией — 258
  — Соединенными Штатами Америки — 362
  — Уругваем — 269

— невмешательство во внутренние дела других государств — 22, 31, 52, 54, 63, 69, 94, 109, 110, 120, 138, 217, 266, 270, 283, 341, 349, 363, 369, прил. 2

— переговоры по вопросам нормализации и развития отношений
  с Австрией — 125, 211, 303, 312, прил. 2
  » Афганистаном — 12, 41, 55, 75, 76, 124, 207, 225, 268, 374, 432, 445, прил. 1, 2
  » Болгарией — 252, 255
  » Великобританией — 30, 36, 39, 42, 56, 72, 83, 103, 117, 120, 127, 195, 198, 212, 216, 259, 276, 278, 280, 286, 388, 395, 408, 417, 438, 443, 447, прил. 1, 2
  » Гаджасом — см. с Саудовской Аравией
  » Германией — 16, 48, 49, 51, 53, 54, 57, 59, 62, 64, 65, 74, 81, 87, 90, 95, 106, 108, 111, 112, 131, 135, 138, 139, 142, 166, 167, 169, 189, 190, 209, 217, 266, 270, 293, 296, 297, 300, 301, 329, 344, 424, 438, прил. 1, 2
  » Грецией — 163, 164, 194, 410, прил. 2
  » Данией — 3, 5, 23, 29, 244, 250, 442, прил. 2
  » Испанией — 240, 258, прил. 1
  » Италией — 26, 68, 79, 145, 166, 167, 183, 188, 226, 227, 230, 270, 274, 279, 400, 405, 411, 412, 413, 419, прил. 1, 2
  » Китаем — 7, 10, 22, 31, 82, 87, 94, 104, 109, 147, 185, 263, 283, 298, 310, 324, 352, 353, 389, 430, прил. 2

* Цифры указывают номера документов.

с Латвией — 175, 199, 205, 213, 414, 418, 444, прил. 2
» Литвой — 54, 80, 110, 199, 201, 205, 220, 221, 414, 441, прил. 2
» Монгольской Народной Республикой — 89, 228, 435
» Норвегией — 44, 69, 80, 156, 170, 193, 196, 200, 204, 235, 288, 289, 386, прил. 2
» Персией — 78, 148, 207, 213, 223, 247, 262, 264, 265, 271, 307, 308, 313, 385, 415, 421, прил. 2
» Польшей — 22, 27, 33, 90, 99, 110, 114, 126, 146, 186, 199, 201, 205, 207, 213, 218, 221, 282, 297, 309, 323, 331, 347, 372, 379, 387, 394, 398, 402, 424, 426, 431, 436, 441, 444, прил. 1, 2
» Румынией — 14, 71, 77, 84, 99, 146, 199, 207, 213, 218, 226, 282, 444
» Саудовской Аравией — 174
» Соединенными Штатами Америки — 22, 25, 45, 46, 52, 105, 155, 267, 304, 315, 321, 339, 341, 342, 343, 349, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 373, 375, 376, 377, 381, 382, 383, 391, 399, 414, 416, 423, 425, 427, 428, 433, 434, 438, 446, прил. 1, 2
» Турцией — 9, 22, 100, 101, 102, 107, 159, 160, 207, 213, 214, 218, 226, 318, 326, 327, 328, 345, 346, 350, 355, 356, 407, 411, 439, прил. 2
» Уругваем — 269
» Финляндией — 8, 17, 137, 171, 175, 202, 203, 205, 207, 231, 232, 233, 234, 238, 239, 251, 253, 254, 299, 302, 311, 333, 334, 414
» Францией — 18, 22, 27, 32, 33, 35, 51, 54, 60, 85, 91, 92, 113, 114, 115, 116, 118, 136, 157, 158, 166, 177, 180, 181, 182, 221, 222, 224, 242, 291, 292, 297, 309, 322, 325, 331, 332, 336, 337, 347, 354, 357, 358, 390, 392, 396, 397, 401, 402, 406, 412, 413, 419, 429, 437, 440, 444, прил. 1, 2
» Чехословакией — 14, 22, 66, 71, 77, 84, 186, 218, 226, 390, 422
» Швецией — 37, 119, 150, 371, 393, прил. 2
» Эстонией — 175, 186, 213, 414, прил. 2
» Югославией — 71, 77, 84, 218, 226
» Японией — 2, 11, 13, 19, 20, 21, 22, 24, 28, 52, 121, 122, 141, 147, 151, 153, 154, 165, 168, 172, 173, 197, 219, 248, 260, 261, 275, 284, 287, 295, 305, 306, 314, 316, 317, 320, 338, 340, 348, 438, прил. 1, 2
— переговоры по заключению пактов о ненападении и нейтралитете с Германией — 230
» Данией — 5
» Италией — 166, 183, 186, 188, 226, 230, 270, 274, 277, 278, 279, 280
» Китаем — 263, 319, 352, 353, прил. 2
» Латвией — 22
» Норвегией — 69, 192, 210, 235
» Польшей — 22, 27, 51, 99
» Румынией — 14, 22, 66, 71, 77, 84, 90, 99, 112, 146, 186
» Соединенными Штатами Америки — 370, 434
» Францией — 18, 22, 33, 35, 51, 157, 158, 224
» Чехословакией — 14, 66, 71, 77, 84, 390
» Эстонией — 22
» Югославией — 71, 77
» Японией — 2, 11, 19, 20, 21, 22, 52, 141, 151, 152, 215, 340, 351, прил. 1
— проект пакта об экономическом ненападении — 155, 178, 179, 187, 229, 237, 259
— укрепление равноправных дружественных отношений со странами Азии и Латинской Америки
с Афганистаном — 12, 41, 43, 55, 124, 225, 268, 374, 432
» Китаем — 7, 82, 104, 109, 215, 420
» Монгольской Народной Республикой — 34, 79, 228, 245, 272, 435
» Персией — 223, 264, 265, 307, 308, 313, 415, 421
» Турцией — 9, 97, 100, 101, 107, 128, 149, 159, 160, 326, 327, 328, 330, 335, 345, 346, 350, 355, 356, 407, 439, прил. 1, 2
» Уругваем — 269, прил. 1, 2

Борьба Советского Союза за разоружение — 1, 4, 22, 32, 40, 51, 54, 60, 63, 70, 83, 93, 120, 136, 155, 161, 162, 171, 178, 214, 218, 291, 292, 322, 359, 391, 400, 401, 405, 413, 426, прил. 1, 2

Взаимные финансово-имущественные претензии
СССР — Великобритания — 30, 36, 56, 72, 286, 395, 408, 417, 443, 447
СССР — Франция — 113, 116
СССР — другие страны — 3, 23, 29, 119, 121, 122, 133, 140, 150, 168, 191, 287, 341, 342, 349, 360, 361, 362, 366, 367, 368, 369, 373, 383

Враждебные действия иностранных государств против Советского Союза и борьба Советского правительства против этих действий — 3, 13, 22, 23, 29, 32, 52, 53, 54, 57, 58, 59, 61, 62, 65, 76, 81, 87, 95, 99, 102, 106, 108, 111, 116, 121, 122, 123, 129, 133, 135, 139, 140, 152, 165, 167, 168, 173, 189, 190, 209, 221, 248, 260, 266, 287, 296, 300, 305, 306, 316, 317, 329, 340, 348, 424, 430, прил. 2
— антисоветская деятельность китайских и японских милитаристов — 31, 52, 246, 248, 260, 275, 310, 320, 351, 353, см. также незаконные действия маньчжурских властей на КВЖД
— антисоветские провокации, измышления, фальшивки — 13, 19, 21, 22, 28, 31, 32, 49, 50, 51, 52, 64, 69, 74, 80, 86, 103, 110, 117, 120, 143, 166, 190, 192, 197, 209, 211, 217, 256, 270, 275, 287, 294, 297, 298, 301, 302, 324, 341, 344, 372, 379, 387, 398, 414, 420, 437, прил. 1, 2
— деятельность белогвардейских эмигрантских организаций и поддержка этой деятельности иностранными государствами — 61, 123, 142, 164, 167, 209, 283, 298, 322, 324, 348, 389, прил. 2
— ограничительные мероприятия против экспорта советских товаров и попытки организации финансово-экономической блокады Советского Союза — 22, 78, 88, 91, 92, 116, 117, 127, 129, 131, 132, 135, 136, 139, 169, 176, 178, 194, 195, 196, 198, 206, 212, 216, 241, 265, 281, 288, 299, 302, 303, 333, 446
— провокации и репрессии в отношении представительств, советских консульств, организаций и советских граждан за границей
в Германии — 53, 54, 64, 71, 81, 86, 87, 95, 106, 108, 111, 112, 131, 135, 139, 167, 169, 190, 209, 266, 300, 301
в других странах — 6, 11, 38, 58, 121, 133, 140, 168, 173, 219, 248, 295, 305, 306, 310, 324, 340, 348, 389, 430, прил. 2
— создание агрессивных блоков и попытки сколачивания антисоветского фронта капиталистических держав — 54, 64, 166, 186, 189, 190, 209, 249, 329, 394, 405, 411, 416, 424, прил. 2

Выставки
— Выставка советских товаров в Афганистане — 75
— Выставка «Женщина и ребенок» в Токио — 143

Договоры, соглашения, конвенции и протоколы (тексты)
— двусторонние
с Германией — 16, 47
» Италией — 144, 277, 409
» Латвией — 403, 404
» Литвой — 220
» Монгольской Народной Республикой — 34, 245, 272, 273
» Турцией — 100
многосторонние — 213, 218

Займы и кредиты Советскому Союзу (соглашения, обсуждение) — 16, 18, 37, 44, 47, 48, 51, 54, 68, 80, 106, 116, 118, 119, 131, 136, 184, 242, 371, 383, 393, 434, 438

Китайско-восточная железная дорога
— незаконные действия маньчжурских властей на КВЖД — 94, 121, 122, 123, 130, 133, 140, 141, 146, 151, 165, 168, 173, 295, 305, 306, 310, 314, 324, 340, 348, 351, 389, 430, прил. 2

— переговоры о продаже КВЖД — 141, 147, 152, 168, 172, 185, 215, 219, 246, 261, 306, 314, 317, 320, 324, 340, 348, прил. 1, 2
Конференции
— Женевская по сокращению и ограничению вооружений — 1, 18, 22, 25, 32, 33, 40, 51, 54, 60, 63, 64, 67, 70, 73, 83, 90, 93, 120, 136, 155, 161, 162, 167, 181, 213, 214, 221, 257, 259, 322, 325, 332, 359, 390, 391, 394, 398, 405, 413, 422, прил. 1, 2
— Генеральная комиссия — 1, 4, 18, 22, 32, 70, 93, 113, 146, 162, 181, 214, 221, 332, 390
— Бюро — 1, 4, 18, 181, 332
— технические комиссии — 73, 390
— Мировая экономическая в Лондоне — 118, 132, 136, 155, 167, 171, 175, 178, 183, 189, 190, 194, 208, 214, 229, 236, 237, 257, 259, 266, 284, 333, 391, 438
Концессии — 30, 36, 56, 72, 106, 152, 284, 285, 286, 395, 408, 417, 447, прил. 1
Культурные и научные связи с зарубежными странами — 17, 22, 107, 126, 143, 148, 149, 170, 282, 291, 309, 327, 336, 339, 350, 369, 380, 391, 406, 407, 437, 440, 442, прил. 2
Лига наций — 22, 25, 32, 44, 46, 52, 63, 73, 94, 99, 106, 137, 141, 180, 379, 390, 396, 397, 405, 411, 413, 419, 422, 438, прил. 1, 2
— Совещательный комитет — 63, 95
Международно-правовой статус торгпредств и консульств — 36, 39, 55, 56, 69, 87, 97, 106, 111, 112, 117, 127, 132, 139, 156, 163, 164, 192, 193, 196, 200, 204, 210, 285, 286, 288, 289, 312, 337, 377, 378, 384, 386, 388, 399, 403, 408, 410, 429, 433, 447
Международные договоры (ссылки) —
— Вашингтонский договор девяти держав о соотношениях морских сил (1922 г.) — 32, 63, 93, 161, прил. 2
— Версальский (1919 г.) — 266, 397, 405, 419, прил. 2
— Лозаннский мирный договор (1923 г.) — 94
— Локарнские соглашения (1925 г.) — 73, 166, 424, прил. 2
— Парижский об отказе от войны (1928 г.) — 2, 25, 32, 40, 46, 54, 63, 166, 213, 214, 218, 220, 224, 230, 307, 309, 425, прил. 2
Мирное сосуществование и сотрудничество — см. Борьба Советского Союза за претворение в жизнь принципов мирного сосуществования и сотрудничества
Монополия внешней торговли — 69, 132, 164, 178, 285, 403, 433
Незаконная оккупация Бессарабии Румынией — 14, 21, 71, 77, 84, 90, 112, 116, 146, 183, 186, 350
Обмен телеграммами, посланиями по случаю национальных праздников и знаменательных событий — 228, 268, 328, 345, 374
Оккупация Японией Северо-Восточного Китая и позиция СССР — 10, 11, 22, 25, 46, 50, 52, 63, 94, 121, 141, 152, 165, 168, 298, 314, 317, 322, 324, 348, 389, 425, 428, 434, прил. 2
«Пакт четырех» и позиция СССР — 90, 99, 102, 106, 112, 113, 114, 115, 116, 118, 131, 135, 136, 167, 180, 182, 186, 222, 226, 227, 230, 249, 270, 370, 390, 394, 405, 419, прил. 2
Переговоры и подписание конвенции об определении агрессора — 32, 33, 60, 70, 73, 146, 160, 162, 181, 199, 201, 203, 205, 207, 213, 214, 216, 218, 220, 221, 222, 224, 226, 227, 230, 231, 232, 233, 234, 238, 239, 242, 244, 250, 251, 253, 259, 266, 270, 282, 291, 307, 309, 322, 352, 414, 418, 439, прил. 1, 2
Помощь СССР иностранным государствам
Афганистану — 12, 41, 43, 55, 124
Китаю — 82
Монгольской Народной Республике — 34, 90, 134, 272, 273
Персии — 247, 262
Турции — 9, 22, 97, 124, 327, 335, 350

Постановления и другие документы высших органов Коммунистической партии и Советского государства по внешнеполитическим вопросам — 285
Правовое положение граждан
— советских за границей — 6, 11, 17, 38, 55, 58, 74, 86, 87, 95, 106, 108, 111, 112, 121, 139, 215, 248, 324
— иностранных в СССР — 7, 10, 103, 117, 120, 341, 349, 364, 365, 369
— визовой режим — 175, 292, 393, 414
Развитие народного хозяйства СССР — 22, 52, 132, 178, 327, 375, 391, 428, 438
Разоружение — см. Борьба Советского Союза за разоружение
Режим воздушного пространства СССР — 171, 234, 338, 340
Режим государственной границы СССР — 17, 50, 100, 101, 124, 126, 153, 154, 175, 264, 318, 385, 389, 414, 445
— пограничные конфликты — 17, 24, 50, 124, 153, 154, 197, 219, 271, 275, 283, 298, 318, 338, 340, 350, 445
— пограничные смешанные комиссии — 2, 17, 94, 104, 385, 445
Режим советских территориальных вод — 197, 260, 287
Режим судоходства и навигации — 201, 254, 389
Связи с зарубежными общественными организациями и деятелями — 291, 311, 331, 407
Собственность советская за границей — 41, 121, 122, 140, 150, 168, 185, 302
Торговые и экономические связи Советского Союза
с Австралией — прил. 3
» Австрией — 281, 290, 303, 312, прил. 3
» Алжиром — прил. 3
» Аргентиной — прил. 3
» Афганистаном — 41, 75, 124, прил. 3
» Бельгией — прил. 3
» Болгарией — 252, 255, прил. 3
» Бразилией — прил. 3
» Великобританией — 22, 30, 36, 39, 42, 56, 72, 117, 120, 127, 129, 132, 176, 195, 198, 206, 212, 216, 241, 259, 270, 276, 278, 280, 286, 388, 395, 408, 417, 438, 443, 447, прил. 1, 2, 3
» Венгрией — прил. 3
» Вольным городом Данцигом (Гданьском) — прил. 3
» Германией — 16, 22, 47, 48, 51, 54, 81, 86, 106, 111, 112, 131, 135, 138, 139, 142, 169, 190, 344, 410, 424, 434, прил. 3
» Гибралтаром — прил. 3
» Грецией — 163, 164, 194, 410, прил. 3
» Данией — 3, 23, 29, 37, 243, прил. 3
» Египтом — прил. 3
» Индией — прил. 3
» Индокитаем — прил. 3
» Ираком — прил. 3
» Ираном — прил. 3
» Ирландией — прил. 3
» Исландией — прил. 3
» Испанией — 258, прил. 3
» Италией — 26, 68, 79, 144, 145, 166, 405, 409, прил. 2, 3
» Йеменом — прил. 3
» Канадой — прил. 3
» Китаем — прил. 3
» Кореей — прил. 3
» Латвией — 403, 404, 418, прил. 2, 3
» Литвой — прил. 3
» Люксембургом — прил. 3
» Мадагаскаром — прил. 3
» Мальтой — прил. 3

с Марокко — прил. 3
» Мексикой — прил. 3
» Монгольской Народной Республикой — 34, 245, 272, 435, прил. 3
» Нидерландами — прил. 3
» Новой Зеландией — прил. 3
» Норвегией — 37, 44, 69, 80, 97, 156, 170, 192, 193, 196, 199, 204, 210, 288, 289, 386, прил. 3
» Палестиной — прил. 3
» Персией — 78, 223, 265, 308, 415, 421, прил. 3
» Польшей — 126, прил. 3
» Португалией — прил. 3
» Румынией — прил. 3
» Саудовской Аравией — 174
» Сиамом (Таиландом) — прил. 3
» Сирией — прил. 3
» Соединенными Штатами Америки — 184, 267, 294, 304, 343, 369, 370, 373, 375, 378, 381, 384, 391, 399, 427, 433, 434, 438, 446, прил. 3
» Суданом — прил. 3
» Тувинской Народной Республикой — прил. 3
» Тунисом — прил. 3
» Турцией — 9, 96, 128, 327, 346, прил. 3
» Уругваем — 269, прил. 3
» Филиппинами — прил. 3
» Финляндией — 17, 175, 202, 231, 233, 299, 302, 333, 334, 414, прил. 3
» Францией — 18, 86, 89, 91, 92, 113, 116, 118, 136, 177, 222, 242, 297, 309, 332, 337, 347, 354, 390, 406, 426, 429, 437, 440, прил. 2, 3
» Цейлоном — прил. 3
» Чехословакией — 14, 15, прил. 3
» Чили — прил. 3
» Швейцарией — прил. 3
» Швецией — 37, 119, 150, 191, прил. 2, 3
» Эквадором — прил. 3
» Эстонией — прил. 2, 3
» Югославией — прил. 3
» Южно-Африканским Союзом — прил. 3
» Явой — прил. 3
» Ямайкой — прил. 3
» Японией — 52, 141, 151, 152, 215, 284, прил. 3
Торговые палаты — 265, 391

УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ, КАСАЮЩИХСЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ *

Австралия — прил. 3
Австрия — 58, 90, 125, 208, 211, 281, 290, 303, 312, прил. 2, 3
Алжир — прил. 3.
Аргентина — прил. 3
Афганистан — 12, 41, 43, 52, 55, 61, 75, 76, 124, 207, 213, 214, 221, 224, 225, 253, 259, 268, 374, 432, 445, прил. 1, 2, 3
Бельгия — 309, 405, 444, прил. 3
Болгария — 252, 255, прил. 3
Бразилия — прил. 3
Великобритания — 1, 22, 30, 36, 39, 40, 42, 52, 56, 72, 73, 83, 94, 99, 103, 106, 114, 115, 116, 117, 120, 127, 129, 131, 132, 136, 166, 176, 181, 195, 198, 206, 208, 212, 216, 221, 241, 259, 270, 276, 278, 280, 286, 297, 333, 388, 395, 408, 417, 434, 438, 443, 444, 447, прил. 1, 2, 3
Венгрия — 405, 411, прил. 3
Вольный город Данциг (Гданьск) — прил. 3
Геджас — см. *Саудовская Аравия*
Германия — 16, 22, 33, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 57, 58, 59, 60, 62, 64, 65, 73, 74, 81, 86, 87, 90, 91, 95, 99, 106, 108, 110, 111, 112, 114, 115, 116, 126, 131, 135, 136, 137, 138, 139, 142, 166, 167, 169, 175, 186, 189, 190, 208, 209, 217, 221, 222, 230, 249, 266, 270, 293, 296, 297, 300, 301, 309, 329, 332, 344, 379, 390, 394, 397, 398, 400, 401, 402, 405, 411, 416, 419, 424, 426, 431, 434, 438, 441, 444, прил. 1, 2, 3
Гибралтар — прил. 3
Греция — 163, 164, 194, 410, прил. 2, 3
Голландия — см. Нидерланды
Дания — 3, 5, 23, 29, 37, 243, 244, 250, 442, прил. 2, 3
Египет — прил. 3
Индия — прил. 3
Индокитай — прил. 3
Ирак — прил. 3
Ирландия — 73, 259, прил. 3
Исландия — прил. 3
Испания — 240, 258, прил. 1, 2, 3
Италия — 26, 51, 68, 73, 79, 106, 114, 115, 116, 131, 136, 144, 145, 166, 167, 183, 186, 188, 199, 208, 226, 227, 230, 270, 274, 277, 278, 279, 280, 297, 400, 405, 409, 411, 412, 419, 438, прил. 1, 2, 3
Йемен — прил. 3
Канада — 276, 286, 333, прил. 3
Китай — 6, 7, 10, 13, 19, 22, 25, 28, 31, 38, 50, 52, 63, 82, 94, 104, 109, 121,

* Цифры указывают номера документов.

122, 123, 130, 133, 140, 141, 147, 185, 207, 215, 246, 263, 283, 298, 306, 310, 314, 317, 319, 324, 348, 352, 353, 389, 420, 425, 430, прил. 1, 2, 3
Конго — прил. 3
Корея — прил. 3
Куба — прил. 3
Латвия — 22, 110, 114, 175, 199, 205, 213, 214, 221, 224, 253, 259, 403, 404, 418, 426, 431, 441, 444, прил. 1, 2, 3
Литва — 54, 110, 114, 186, 199, 201, 205, 220, 221, 224, 426, 431, 441, 444, прил. 1, 2, 3
Люксембург — прил. 3
Мадагаскар — прил. 3
Мальта — прил. 3
Марокко — прил. 3
Мексика — прил. 3
Монгольская Народная Республика — 25, 34, 89, 94, 134, 228, 245, 272, 273, 435, прил. 3
Нидерланды — прил. 3
Новая Зеландия — прил. 3
Норвегия — 37, 44, 69, 73, 80, 97, 156, 170, 192, 193, 196, 200, 264, 210, 235, 288, 289, 386, прил. 2, 3
Палестина — прил. 3
Парагвай — прил. 3
Персия — 52, 78, 148, 207, 208, 213, 214, 221, 223, 224, 247, 253, 259, 262, 264, 265, 271, 307, 308, 313, 385, 415, 421, прил. 1, 2, 3
Польша — 2, 22, 27, 33, 51, 73, 90, 99, 110, 113, 114, 126, 146, 166, 167, 186, 199, 201, 203, 205, 207, 213, 214, 221, 222, 224, 253, 259, 266, 270, 282, 297, 309, 323, 327, 329, 331, 372, 379, 387, 394, 398, 402, 411, 426, 431, 436, 441, 444, прил. 1, 2, 3
Португалия — прил. 3
Румыния — 2, 15, 21, 22, 66, 71, 73, 77, 84, 90, 99, 102, 112, 113, 114, 116, 146, 166, 167, 183, 186, 199, 203, 205, 207, 213, 214, 218, 221, 222, 224, 226, 230, 253, 259, 282, 297, 309, 350, 393, 413, 422, 444, прил. 1, 2, 3
Саудовская Аравия — 174, прил. 3
Сиам (Таиланд) — прил. 3
Сирия — прил. 3
Соединенные Штаты Америки — 22, 25, 45, 46, 52, 94, 105, 155, 184, 208, 267, 294, 304, 315, 321, 339, 341, 342, 343, 348, 349, 350, 351, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 373, 375, 376, 377, 378, 380, 381, 382, 383, 384, 391, 399, 405, 412, 416, 417, 422, 423, 425, 427, 428, 433, 434, 436, 438, 446, прил. 1, 2, 3
Судан — прил. 3
Суматра — прил. 3
Тувинская Народная Республика — прил. 3
Тунис — прил. 3
Турция — 9, 22, 51, 96, 100, 101, 102, 107, 124, 128, 149, 159, 160, 199, 207, 213, 214, 218, 224, 226, 230, 253, 259, 282, 297, 318, 326, 327, 328, 330, 335, 345, 346, 350, 355, 356, 405, 407, 411, 439, прил. 1, 2, 3
Уругвай — 269, прил. 1, 3
Филиппины — прил. 3
Финляндия — 8, 17, 22, 137, 171, 175, 202, 203, 205, 207, 221, 231, 232, 233, 234, 238, 239, 251, 253, 254, 299, 302, 311, 333, 334, 414, 426, 431, 441, прил. 1, 2, 3
Франция — 18, 22, 27, 32, 33, 35, 51, 54, 60, 64, 73, 85, 88, 90, 91, 92, 99, 106, 113, 114, 115, 116, 118, 131, 136, 157, 158, 166, 167, 177, 180, 181, 182, 199, 208, 221, 222, 224, 230, 242, 266, 270, 291, 292, 297, 309, 322, 325, 329, 331, 332, 336, 337, 347, 350, 354, 357, 358, 379, 390, 392, 396, 397, 401, 402, 405, 406, 412, 413, 419, 429, 437, 440, 444, прил. 1, 2, 3
Цейлон — прил. 3

Чехословакия — 14, 15, 22, 33, 58, 66, 71, 73, 77, 84, 99, 112, 113, 114, 116, 166, 167, 183, 186, 199, 203, 218, 221, 222, 224, 226, 230, 297, 309, 390, 413, 422, 444, прил. 1, 2, 3
Чили — прил. 3
Швейцария — прил. 3
Швеция — 37, 73, 119, 150, 191, 208, 371, 393, 431, прил. 2, 3
Эквадор — прил. 3
Эстония — 22, 73, 110, 114, 175, 186, 205, 213, 214, 221, 224, 253, 259, 418, 426, 431, 441, 444, прил. 1, 2, 3
Югославия — 15, 66, 71, 73, 77, 84, 99, 102, 112, 113, 114, 116, 166, 167, 183, 186, 199, 203, 207, 218, 221, 222, 224, 226, 230, 253, 297, 309, 390, 405, 413, 422, прил. 2, 3
Южно-Африканский Союз — прил. 3
Ява — прил. 3
Ямайка — прил. 3
Япония — 1, 2, 11, 13, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 28, 50, 51, 52, 63, 73, 91, 93, 94, 98, 121, 122, 128, 133, 140, 141, 143, 147, 151, 152, 153, 154, 165, 168, 172, 173, 186, 197, 207, 215, 219, 246, 248, 256, 260, 261, 275, 284, 287, 295, 298, 305, 306, 310, 314, 316, 317, 320, 322, 325, 332, 338, 340, 348, 350, 351, 352, 353, 370, 405, 411, 416, 424, 425, 434, 438, прил. 1, 2, 3

ПЕРЕЧЕНЬ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ, ПОЛНОСТЬЮ ИЛИ ЧАСТИЧНО ВКЛЮЧЕННЫХ В XVI ТОМ*

1932 год

Нота министерства иностранных дел Японии полномочному представительству СССР в Японии . .	13 декабря	18

1933 год

Речь президента Финляндии Свинхувуда при вручении верительных грамот полномочным представителем СССР в Финляндии	11 января	25
Нота министра иностранных дел Великобритании Саймона полномочному представителю СССР в Великобритании	14 января	72
Нота председателя совета министров и министра иностранных дел Италии Муссолини полномочному представителю СССР в Италии	16 января	66
Меморандум министерства торговли Великобритании, врученный английской делегацией по торговым переговорам с СССР советским представителем	26 января	102
Нота министерства иностранных дел Афганистана полномочному представительству СССР в Афганистане	27 января	99
Нота посла Японии в СССР Ота заместителю народного комиссара иностранных дел СССР	28 января	68
Письмо генерального секретаря Лиги наций Друммонда народному комиссару иностранных дел СССР	24 февраля	147
Письмо министра иностранных дел Германии Нейрата полномочному представителю СССР в Германии	25 февраля	114
Письмо генерального секретаря Лиги наций Друммонда народному комиссару иностранных дел СССР	25 февраля	147
Нота и. о. министра иностранных дел Афганистана Али Мухаммед-хана полномочному представителю СССР в Афганистане	5 марта	29
Нота и. о. министра иностранных дел Афганистана Али Мухаммед-хана полномочному представителю СССР в Афганистане	13 марта	165

* В перечне документы расположены в хронологическом порядке.

Нота министра иностранных дел Турции Тевфика Рюштю полномочному представителю СССР в Турции	28 марта	206
Письмо уполномоченного министерства иностранных дел Китая в провинции Синьцзян Чэнь Цзи-шаня генеральному консулу СССР в Урумчи	1 апреля	208
Нота министерства иностранных дел Афганистана полномочному представительству СССР в Афганистане	4 апреля	99
Письмо уполномоченного министерства иностранных дел Китая в провинции Синьцзян Чэнь Цзи-шаня генеральному консулу СССР в Урумчи	8 апреля	173
Речь президента Австрии Микласа при вручении верительных грамот полномочным представителем СССР в Австрии	19 апреля	251
Нота министра иностранных дел Турции полномочному представителю СССР в Турции	20 апреля	255
Нота министра иностранных дел Швеции Сандлера полномочному представителю СССР в Швеции	15 мая	293
Нота министерства иностранных дел Греции миссии СССР в Греции	15 мая	312
Обращение президента США Рузвельта к главам 53 государств, участвовавших в Мировой экономической конференции и в Конференции по сокращению и ограничению вооружений	16 мая	300
Телеграмма министра иностранных дел Франции Поль-Бонкура народному комиссару иностранных дел СССР	22 мая	304
Телеграмма председателя комиссии по иностранным делам палаты депутатов Франции Эррио народному комиссару иностранных дел СССР	22 мая	304
Телеграмма министра иностранных дел Турции Тевфика Рюштю народному комиссару иностранных дел СССР	24 мая	306
Резолюция комитета по безопасности Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений	24 мая	310
Письмо генерального секретаря английского кооперативного союза Пальмера правлению Центросоюза СССР	24 мая	340
Заявление правительства Японии правительству СССР	26 мая	325
Сообщение правительства Японии правительству СССР	29 мая	333
Резолюция, принятая на Бирмингамском конгрессе английского кооперативного союза	3 июня	380
Заявление правительства Японии правительству СССР	8 июня	333
Речь посла Франции в СССР Альфана при вручении верительных грамот председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР	14 июня	342
Письмо генерального секретаря английского кооперативного союза Пальмера правлению Центросоюза СССР	14 июня	379
Меморандум делегации Маньчжоу-Го на конференции в Токио	3 июля	401
Нота министра иностранных дел Великобритании Саймона народному комиссару иностранных дел СССР	3 июля	388

Речь шаха Персии Реза-шаха Пехлеви при вручении верительных грамот полномочным представителем СССР в Персии	6 июля	418
Нота министерства иностранных дел Афганистана полномочному представительству СССР в Афганистане	8 июля	99
Декларация Финляндии о присоединении к Лондонской конвенции об определении агрессии от 3 июля 1933 г., врученная посланником Финляндии в СССР Ирье-Коскиненом врио народного комиссара по иностранным делам СССР	22 июля	460
Телеграмма министра иностранных дел Испании де Лос Риоса народному комиссару иностранных дел СССР	27 июля	464
Нота посольства Персии в СССР народному комиссариату иностранных дел СССР	8 августа	487
Телеграмма министра иностранных дел Уругвая Альберта Маиз Народному комиссару иностранных дел СССР	11 августа	483
Телеграмма короля Афганистана Мухаммеда Надир-шаха председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР	11 августа	482
Донесение японского посла в Маньчжоу-Го Хисикари министру иностранных дел Японии	4 сентября	560
Донесение японского посла в Маньчжоу-Го Хисикари министру иностранных дел Японии	9 сентября	562
Донесение японского посла в Маньчжоу-Го Хисикари министру иностранных дел Японии	9 сентября	562
Донесение японского генерального консула в Харбине Морисима японскому послу в Маньчжоу-Го	19 сентября	563
Нота временного поверенного в делах Германии в СССР народному комиссару иностранных дел СССР	26 сентября	537
Речь министра иностранных дел Персии Каземи на банкете, устроенном в честь заместителя народного комиссара иностранных дел СССР	29 сентября	552
Послание президента США Рузвельта председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР	10 октября	564
Телеграмма премьер-министра Персии Форуги заместителю народного комиссара иностранных дел СССР	11 октября	559
Нота министра иностранных дел Польши Бека полномочному представителю СССР в Польше	24 октября	579
Речь председателя совета министров Турции Исмет-паши на обеде, устроенном в честь советской делегации	27 октября	587
Нота посольства Франции в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР	27 октября	633
Телеграмма президента Турции Мустафы Кемаля председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР	5 ноября	589
Телеграмма президента Турции Мустафы Кемаля председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР	7 ноября	613
Памятная записка посольства Франции в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР	9 ноября	618
Телеграмма председателя Великого национального собрания Турции Кязым-паши председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР	15 ноября	635

Телеграмма президента Турции Мустафы Кемаля председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР . . . . . 15 ноября 634
Нота президента США Рузвельта народному комиссару иностранных дел СССР . . . . . 16 ноября 641
Нота президента США Рузвельта народному комиссару иностранных дел СССР . . . . . 16 ноября 643
Письмо президента США Рузвельта народному комиссару иностранных дел СССР . . . . . 16 ноября 644
Письмо президента США Рузвельта народному комиссару иностранных дел СССР . . . . . 16 ноября 651
Письмо президента США Рузвельта народному комиссару иностранных дел СССР . . . . . 16 ноября 653
Нота и. о. государственного секретаря США Филлипса временному поверенному в делах СССР в США 20 ноября 674
Письмо президента США Рузвельта народному комиссару иностранных дел СССР . . . . . 23 ноября 675
Телеграмма американских летчиков Сэтлея и Фордни народному комиссару иностранных дел СССР . . 25 ноября 673
Письмо посольства Франции в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР . . . . . 7 декабря 769
Речь посла США в СССР Буллита при вручении верительных грамот председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР . . . . . 13 декабря 740
Речь короля Афганистана Мухаммеда Захир-шаха при вручении верительных грамот полномочным представителем СССР в Афганистане . . . . . 20 декабря 757
Телеграмма министра иностранных дел Турции Тевфика Рюштю народному комиссару иностранных дел СССР . . . . . 24 декабря 769

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

абз.	— абзац
АГ	— Акционерное общество, Aktiengesellschaft
АКО	— Акционерное Камчатское общество
«Амторг»	— Акционерное общество, осуществляющее торговлю между СССР и США (Amtorg Trading Corporation)
ВОКС	— Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
врид, врио	— временно исполняющий дела (обязанности)
ВЦИК	— Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
Главконцесском	— Главный концессионный комитет при СНК СССР
ГПУ	— Государственное политическое управление СССР
ГТУ	— Главное таможенное управление НКВТ СССР
Дальбанк	— Дальневосточный банк
«Дерон»	— Русско-германское общество торговли нефтяными продуктами
«Дерулюфт»	— Русско-германское общество воздушных сообщений
«Дерунафт»	— Русско-германское общество торговли нефтью
«Дерутра»	— Русско-германское складочное и транспортное товарищество
док.	— документ, документы
замнаркоминдел	— заместитель наркома иностранных дел СССР
«Известия»	— Известия ЦИК и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
и. о.	— исполняющий обязанности
КВЖД	— Китайско-Восточная железная дорога
МВД, минвнудел	— Министерство внутренних дел
Миниидел, МИД	— Министерство иностранных дел, министр иностранных дел
Минфин	— Министерство финансов
Наркомвоенмор	— Народный комиссариат по военным и морским делам, Народный комиссар по военным и морским делам
Наркоминдел, НКИД	— Народный комиссариат иностранных дел СССР, Народный комиссар иностранных дел СССР
Наркомлеспром	— Народный комиссариат лесной промышленности СССР
Наркомпрос	— Народный комиссариат просвещения РСФСР
Наркомфин	— Народный комиссариат финансов СССР
НКВТ, Наркомвнешторг	— Народный комиссариат внешней торговли СССР
НКЛП, Наркомлегпром	— Народный комиссариат легкой промышленности СССР
ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ОУН	— организация украинских националистов
п.	— пункт
ПАТ	— Польское телеграфное агентство
печат. по арх.	— печатается по архиву

полпред	— полномочный представитель
полпредство	— полномочное представительство
прил.	— приложение, приложения
прим.	— примечание, примечания
РОСТА	— Российское телеграфное агентство
сб.	— сборник, сборники
«Сборник действующих договоров...». Вып. II, М., 1925	— «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами». Выпуск 11. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1924 года и 1 января 1925 года. Москва, 1925
«Сборник действующих договоров...». Вып. VIII, М., 1935	— «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами». Выпуск VIII. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу после 1 января 1933 г. Москва, 1935
«Сборник документов по международной политике...». Вып. V, М., 1933	— «Экономические конференции и соглашения. Международные долги. Разоружение. Доклад комиссии Литтона по маньчжурскому вопросу». (Сборник документов по международной политике и международному праву). Выпуск V. Москва, 1933
«Сборник документов по международной политике...». Вып. VI, М., 1934	— «Пакт четырех. Разоружение. Маньчжурский конфликт. Выход Германии и Японии из Лиги наций. 1 января 1933 года — 1 января 1934 года». Сборник документов по международной политике и по международному праву. Выпуск VI. Москва, 1934
«Сборник документов по международной политике...». Сб. VII, М., 1934	— «Мировая экономическая конференция и проблема межсоюзнических долгов». Сборник документов по международной политике и международному праву. Сборник VII. Москва, 1934
«Сборник документов по международной политике...». Вып. X, М., 1936	— «Разоружение. 1933—1936. 1. Четверные переговоры. 2. Конференция по разоружению. 3. Довооружение Германии». Сборник документов по международной политике и по международному праву. Выпуск X. Москва, 1936
«Сборники документов по международной политике...»	— «Сборники документов по международной политике и международному праву». Выпуск I—III, Москва, 1932; IV, Москва, 1933
СНК, Совнарком	— Совет Народных Комиссаров СССР
«Собрание законов...»	— «Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик». Издание Управления делами Совнаркома СССР
«Собрание узаконений и распоряжений...»	— «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства». Издание Народного комиссариата юстиции
ст.	— статья, статьи
т.	— том, тома
ТАСС	— Телеграфное Агентство Советского Союза
торгпред	— торговый представитель
торгпредство	— торговое представительство
ТССР	— Туркменская Советская Социалистическая Республика
Центросоюз	— Центральный союз потребительских обществ
ЦИК	— Центральный Исполнительный Комитет СССР
ЦК	— Центральный Комитет

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие		5
1. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Председателем Конференции по сокращению и ограничению вооружений Гендерсоном	*3 января*	12
2. Нота Правительства СССР Правительству Японии	*4 января*	16
3. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Министром Иностранных Дел Дании Мунком	*4 января*	19
4. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	*5 января*	20
5. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании М. В. Кобецкому	*5 января*	21
6. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню	*7 января*	21
7. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Урумчи И. Я. Златкину	*8 января*	23
8. Речь Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна при вручении верительных грамот Президенту Финляндии Свинхувуду	*11 января*	24
9. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*12 января*	25
10. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с членом китайской делегации на советско-китайской конференции Ван Цзэн-сы	*13 января*	26
11. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*14 января*	28
12. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану	*15 января*	28
13. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому	*15 января*	29
14. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии и Торгового Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*16 января*	30
15. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии и Торгового Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*16 января*	30

16. Заключительный протокол советско-германских переговоров от 17 января 1933 г. . . . . *17 января* 31
17. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем . . . . . *18 января* 36
18. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *19 января* 39
19. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *19 января* 41
20. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому . . . . . *20 января* 42
21. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота . . . . . *20 января* 43
22. Из доклада Председателя СНК СССР о народнохозяйственном плане 1933 г. на III сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР 6-го созыва . . . . . *23 января* 50
23. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании М. В. Кобецкому . . . *25 января* 56
24. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому . . *25 января* 57
25. Письмо неофициального Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову . . . . . *26 января* 57
26. Нота Полномочного Представителя СССР в Италии Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел Италии Муссолини . . *28 января* 65
27. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем . . . . . *29 января* 67
28. Нота Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана Послу Японии в СССР Ота . . . . . *31 января* 68
29. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Министром Иностранных Дел Дании Муном . . . . . *1 февраля* 69
30. Нота Полномочного Представителя СССР в Великобритании Министру Иностранных Дел Великобритании Саймону . . . . . *3 февраля* 71
31. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Кашгаре Ф. Е. Ткачеву . . . . . *4 февраля* 72
32. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на тридцать первом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений . . . . . *6 февраля* 73

33. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы . . . . *6 февраля* 84

34. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой о радиофикации Монгольской Народной Республики . . . . . *9 февраля* 84

35. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *9 февраля* 89

36. Телеграмма Полномочного Представителя СССР и Торгового Представителя СССР в Великобритании Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Женеву . . . . *10 февраля* 90

37. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай . . *13 февраля* 91

38. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню . . . *13 февраля* 93

39. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому . . . . . *14 февраля* 95

40. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на четвертом заседании Политической комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений . . . . . *15 февраля* 95

41. Нота Полномочного Представительства СССР в Афганистане Министерству Иностранных Дел Афганистана . . . . . *15 февраля* 98

42. Меморандум советской делегации на торговых переговорах с Великобританией . . . . . *17 февраля* 100

43. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Афганистане Л. Н. Старку *20 февраля* 105

44. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Норвегии с Министром Иностранных Дел Норвегии Бродландом . . . . . *21 февраля* 106

45. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *21 февраля* 108

46. Из письма неофициального Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову . . . . . *22 февраля* 108

47. Протоколы [заключительного] заседания [по кредитным переговорам между СССР и Германией] от 25 февраля 1933 г. . . . . *25 февраля* 112

48. Обмен письмами между Полномочным Представителем СССР в Германии Л. М. Хинчуком и Министром Иностранных Дел Германии Нейратом в связи с подписанием Протокола между СССР и Германией от 25 февраля 1933 г. . . . *25 февраля* 114

49. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку	*25 февраля*	116
50. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню	*25 февраля*	116
51. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном	*27 февраля*	117
52. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота	*27 февраля*	121
53. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*28 февраля*	133
54. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом	*1 марта*	134
55. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*1 марта*	138
56. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	*2 марта*	139
57. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*3 марта*	140
58. Нота Полномочного Представительства СССР в Австрии Министерству Иностранных Дел Австрии	*3 марта*	140
59. Сообщение советника Полномочного Представительства СССР в Германии о заявлении Заведующему IV отделом Министерства Иностранных Дел Германии Мейеру	*3 марта*	141
60. Телеграмма члена советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*4 марта*	142
61. Нота Полномочного Представительства СССР в Афганистане Министерству Иностранных Дел Афганистана	*4 марта*	143
62. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку	*5 марта*	144
63. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному секретарю Лиги наций Друммонду	*7 марта*	145
64. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном	*7 марта*	148
65. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*7 марта*	149

66. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *7 марта* 150
67. Письмо члена советской делегации председателю Специального колониального комитета Конференции по сокращению и ограничению вооружений Политису . . . . . *8 марта* 151
68. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии В. П. Потемкину . . . *8 марта* 151
69. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Норвегии с Премьер-Министром и Министром Иностранных Дел Норвегии Мувинкелем *8 марта* 152
70. Выступление члена советской делегации В. С. Довгалевского на восьмом заседании Политической комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений . . . . . *10 марта* 155
71. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР члена советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений В. С. Довгалевскому, в Женеву . . . . . *10 марта* 159
72. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Овием . . . . . *11 марта* 159
73. Телеграмма члена советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *11 марта* 161
74. Письмо Полномочного Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому . . *12 марта* 162
75. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану . . *12 марта* 162
76. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане и. о. Министра Иностранных Дел Афганистана Али Мухаммед-хану . . . . . *12 марта* 164
77. Телеграмма члена советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Женевы . . . . . *13 марта* 166
78. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Персии в СССР Фатхолла Ханом Пакрезаном . . . . . *14 марта* 167
79. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *14 марта* 168
80. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Норвегии с Премьер-Министром Норвегии Мувинкелем . . . . . *15 марта* 169
81. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *16 марта* 171

82. Письмо Генерального консула СССР в Урумчи Уполномоченному Министерства Иностранных Дел Китая в провинции Синьцзян Чэнь Цзишаню	*16 марта*	172
83. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР члену советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений В. С. Довгалевскому, в Женеву	*17 марта*	173
84. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР члену советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений В. С. Довгалевскому, в Женеву	*17 марта*	174
85. Телеграмма члена советской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР, из Женевы	*17 марта*	174
86. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	*20 марта*	175
87. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с заведующим IV отделом Министерства Иностранных Дел Германии Мейером	*20 марта*	177
88. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*21 марта*	180
89. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтину	*22 марта*	181
90. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем	*23 марта*	181
91. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	*23 марта*	184
92. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*25 марта*	185
93. Речь члена советской делегации В. С. Довгалевского на сорок девятом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений	*27 марта*	185
94. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Янь Хой-цином	*27 марта*	189
95. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку	*27 марта*	196
96. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу	*27 марта*	198

97.	Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзадяну	*27 марта*	201
98.	Сообщение советской печати о заявлении Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева	*27 марта*	202
99.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком	*27 марта*	202
100.	Протокол о продлении срока действия Конвенции о порядке рассмотрения и разрешения возникающих на границе между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Турции конфликтов, заключенной в Анкаре 6 августа 1928 г.	*28 марта*	204
101.	Обмен нотами между Полномочным Представителем СССР в Турции и Министром Иностранных Дел Турции о продлении срока действия Конвенции о порядке рассмотрения и урегулирования пограничных конфликтов	*28 марта*	205
102.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*30 марта*	206
103.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	*31 марта*	207
104.	Обмен письмами между Генеральным консулом СССР в Урумчи и Уполномоченным Министерства Иностранных Дел Китая в провинции Синьцзян об организации института пограничных комиссаров	*1 апреля*	208
105.	Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*1 апреля*	210
106.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном	*3 апреля*	210
107.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*3 апреля*	215
108.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку	*4 апреля*	216
109.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славудкому	*4 апреля*	217
110.	Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсеенко	*4 апреля*	218
111.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	*4 апреля*	220

112.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном	*8 апреля*	221
113.	Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	*9 апреля*	223
114.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Дежаном и советником Посольства Франции в СССР Пайяром	*10 апреля*	225
115.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому	*11 апреля*	226
116.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*12 апреля*	227
117.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*13 апреля*	229
118.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	*14 апреля*	231
119.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Швеции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	*14 апреля*	231
120.	Сообщение советской печати о беседах Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова с Послом Великобритании в СССР Овием	*16 апреля*	233
121.	Заявление Правительства СССР Правительству Японии	*16 апреля*	241
122.	Памятная записка Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана Послу Японии в СССР Ота	*16 апреля*	244
123.	Телеграмма Консула СССР в Пограничной Д. А. Егорова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*16 апреля*	246
124.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану	*18 апреля*	246
125.	Речь Полномочного Представителя СССР в Австрии А. М. Петровского при вручении верительных грамот Президенту Австрии Миклясу	*19 апреля*	250
126.	Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсеенко	*19 апреля*	252
127.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*19 апреля*	253
128.	Обмен нотами между Полномочным Представителем СССР в Турции и Министром Иностранных Дел Турции о продлении срока действия Торгового соглашения	*20 апреля*	254

129. Приказ по Народному Комиссариату Внешней Торговли СССР об ответных мерах на декрет английского правительства относительно эмбарго на торговлю с СССР . . . . . *21 апреля* 255

130. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славуцкому . . . . . *21 апреля* 256

131. Запись беседы Полномочного Представителя и Торгового Представителя СССР в Германии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Германии Бюловым . . . . . *22 апреля* 256

132. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР корреспонденту агентства Рейтер Флемингу и корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс Ричардсону . . . . . *23 апреля* 259

133. Сообщение ТАСС об обмене письмами между товарищем Председателя правления КВЖД С. М. Кузнецовым и Председателем правления КВЖД Ли Шао-гэном . . . . . *24 апреля* 262

134. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике А. Я. Охтина Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану . . . . . *25 апреля* 265

135. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии Л. М. Хинчука в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *26 апреля* 265

136. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *26 апреля* 267

137. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Финляндии Н. Г. Позднякову . . . . . *27 апреля* 268

138. Сообщение Полномочного Представителя СССР в Германии о беседе с Рейхсканцлером Германии Гитлером . . . . . *28 апреля* 271

139. Заявление Полномочного Представителя СССР в Германии Л. М. Хинчука Рейхсканцлеру Германии Гитлеру . . . . . *28 апреля* 272

140. Сообщение ТАСС об обмене письмами между товарищем Председателя правления КВЖД С. М. Кузнецовым и Председателем правления КВЖД Ли Шао-гэном . . . . . *1 мая* 275

141. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота *2 мая* 279

142. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом . . . . . *2 мая* 281

143. Сообщение советника Полномочного Представительства СССР в Японии об открытии советского павильона на международной выставке в Токио *3 мая* 283

144. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Италии о торговом обмене . . . . *6 мая* 284

145. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *7 мая* 287
146. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем и начальником Восточного отдела Министерства Иностранных Дел Польши Шетцелем . . . . . *9 мая* 288
147. Ответ Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова на запрос представителя ТАСС о возможности продажи КВЖД . . . . *12 мая* 289
148. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Персии В. М. Цукерману *14 мая* 292
149. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *14 мая* 292
150. Нота Полномочного Представителя СССР в Швеции Министру Иностранных Дел Швеции Сандлеру . . . . . *15 мая* 292
151. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу . . . . *16 мая* 294
152. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу . . . . *17 мая* 297
153. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу . . . *17 мая* 298
154. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу . . . *17 мая* 299
155. Послание Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Президенту США Рузвельту . . . . . *19 мая* 299
156. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *19 мая* 302
157. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Министру Иностранных Дел Франции Поль-Бонкуру . . . . . *20 мая* 303
158. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Председателю комиссии по иностранным делам Палаты депутатов Франции Эррио *20 мая* 304
159. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *22 мая* 305
160. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Министру Иностранных Дел Турции Тевфику Рюштю . . . . . *25 мая* 305
161. Выступление члена советской делегации В. С. Довгалевского на шестьдесят четвертом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений . . *25 мая* 306

162. Сообщение советской печати о речи члена советской делегации В. С. Довгалевского на шестьдесят пятом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений	*25 мая*	306
163. Нота Полномочного Представителя СССР в Греции Министру Иностранных Дел Греции Максимосу	*25 мая*	311
164. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Греции Максимосом	*26 мая*	313
165. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	*27 мая*	315
166. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии с Председателем Совета Министров Италии Муссолини	*28 мая*	316
167. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом	*29 мая*	321
168. Заявление Правительства СССР Правительству Японии	*31 мая*	323
169. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром экономики Германии Гугенбергом	*31 мая*	326
170. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Норвегии в СССР Даниэльсеном	*31 мая*	329
171. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Финляндии Н. Г. Позднякову	*1 июня*	331
172. Заявление Правительства СССР Правительству Японии	*3 июня*	332
173. Заявление Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Японии в СССР Ота	*4 июня*	334
174. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Саудовской Аравии Н. Т. Тюрякулова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*7 июня*	335
175. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирье-Коскиненом	*8 июня*	336
176. Письмо члена Правления Центросоюза СССР Генеральному секретарю Английского кооперативного союза Пальмеру	*9 июня*	339
177. Речь Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинина при вручении верительных грамот Послом Франции в СССР Альфаном	*14 июня*	341
178. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на пленарном заседании Мировой экономической конференции	*14 июня*	343

179. Советский проект резолюции об экономическом перемирии . . . . . *14 июня* 349
180. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . *14 июня* 349
181. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому, из Лондона . . *15 июня* 350
182. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . *15 июня* 351
183. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Председателю советской делегации на Мировой экономической конференции М. М. Литвинову, в Лондон . . . . *16 июня* 351
184. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *17 июня* 352
185. Заявление Правительства СССР Правительству Китая . . . . . *19 июня* 353
186. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсеенко . . . . . *19 июня* 355
187. Советский проект протокола об экономическом ненападении . . . . . *20 июня* 357
188. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Италии Ф. С. Вейнбергу *20 июня* 359
189. Нота Полномочного Представителя СССР в Германии Статс-секретарю Министерства Иностранных Дел Германии Бюлову . . . . . *22 июня* 359
190. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Германии Бюловым *22 июня* 360
191. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР и Торгового Представителя СССР в Швеции члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову . . *23 июня* 362
192. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *24 июня* 352
193. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзадяну . . . . . *25 июня* 363
194. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с и. о. Министра Иностранных Дел Греции Песматзоглу . . . . . *25 июня* 363
195. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Лондона . . *26 июня* 366
196. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *26 июня* 368

197.	Сообщение советской печати об обмене заявлениями между Народным Комиссариатом Иностранных Дел СССР и посольством Японии в СССР	*27 июня*	370
198.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Лондон	*27 июня*	372
199.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Лондона	*28 июня*	373
200.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*28 июня*	374
201.	Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Лондон	*29 июня*	374
202.	Нота вр. и. о. Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Посланнику Финляндии в СССР Ирье-Коскинену	*29 июня*	375
203.	Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Б. Е. Штейну	*29 июня*	376
204.	Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзадяну	*29 июня*	376
205.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Генеральным секретарем Министерства Иностранных Дел Финляндии Вальванне	*29 июня*	377
206.	Письмо члена Правления Центросоюза СССР Генеральному секретарю Английского кооперативного союза Пальмеру	*29 июня*	379
207.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Лондона	*30 июня*	380
208.	Выступление члена советской делегации И. М. Майского в Подкомиссии по торговой политике Мировой экономической конференции	*30 июня*	381
209.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*30 июня*	383
210.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	*1 июля*	384
211.	Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Австрии с Генеральным секретарем Министерства Иностранных Дел Австрии Петером	*1 июля*	385
212.	Сообщение ТАСС об отмене Правительством Великобритании эмбарго на ввоз советских товаров	*2 июля*	387
213.	Конвенция об определении агрессии [между СССР, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией и Афганистаном]	*3 июля*	388

214. Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителям печати в Лондоне . . . . . *3 июля* 393

215. Меморандум делегации СССР на конференции в Токио об основных принципах выкупа КВЖД *3 июля* 395

216. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Постоянным Заместителем Министра Иностранных Дел Великобритании Ванситтартом . . . . . *3 июля* 401

217. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *3 июля* 402

218. Конвенция об определении агрессии [между СССР, Румынией, Чехословакией, Турцией и Югославией] . . . . . *4 июля* 403

219. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *4 июля* 407

220. Конвенция об определении агрессии [между СССР и Литвой] . . . . . *5 июля* 408

221. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном . . . . . *5 июля* 411

222. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Парижа . . . . *6 июля* 416

223. Речь Полномочного Представителя СССР в Персии С. К. Пастухова при вручении верительных грамот Шаху Персии Реза-шаху Пехлеви . . . *6 июля* 417

224. Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителям печати . . . . . *7 июля* 419

225. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка с Королем Афганистана Мухаммедом Надир-шахом . . . *7 июля* 421

226. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Италии Сувичем . . . . *8 июля* 422

227. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии В. П. Потемкину . . *9 июля* 424

228. Телеграмма Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Председателю Совета Министров Монгольской Народной Республики Гендуну *10 июля* 424

229. Заявление советской делегации на Мировой экономической конференции . . . . . *10 июля* 425

230. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина с Председателем Совета Министров Италии Муссолини . . . *10 июля* 426

231. Беседа Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Премьер-Министром Финляндии Кивимяки . . . . . *10 июля* 430

232. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем . . . . . *10 июля* 432

233. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем . . . . . *11 июля* 433
234. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем . . . . . *12 июля* 435
235. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Беквадяна члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову . . . . . *12 июля* 436
236. Речь Заместителя Председателя советской делегации В. И. Межлаука на заседании экономической комиссии Мировой экономической конференции, в Лондоне . . . . . *13 июля* 436
237. Выступление Заместителя Председателя советской делегации В. И. Межлаука на заседании экономической комиссии Мировой экономической конференции, в Лондоне . . . . . *13 июля* 439
238. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Б. Е. Штейну *13 июля* 442
239. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем . . . . . *13 июля* 442
240. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *14 июля* 444
241. Телеграмма Торгового Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР и в Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР . . . . . *14 июля* 444
242. Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с Послом Франции в СССР Альфаном . . . . . *15 июля* 445
243. Письмо Полномочного Представителя СССР в Дании члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову . . *15 июля* 449
244. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании М. В. Кобецкому *16 июля* 449
245. Протокол [о продлении Соглашения о телеграфных сношениях между СССР и Монгольской Народной Республикой] . . . . . *17 июля* 450
246. Сообщение советской печати о пятом заседании конференции в Токио по КВЖД . . . . . *18 июля* 451
247. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову . . . . *19 июля* 455
248. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Заместителем Министра Иностранных Дел Японии Сигемицу . . . . . *19 июля* 455
249. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Германии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *19 июля* 458

250. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Дании члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову . . . . . *19 июля* 458

251. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому . . . . . *20 июля* 459

252. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *22 июля* 459

253. Сообщение Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР о присоединении Финляндии к Конвенции об определении агрессии . . . . . *23 июля* 459

254. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Миссии Финляндии в СССР . . . . . *23 июля* 460

255. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Греции Я. Х. Давтяну . . . *23 июля* 461

256. Опровержение ТАСС вымыслов японского информационного агентства Дэмпо Цусин . . . . . *24 июля* 461

257. Письмо эксперта советской делегации на Мировой экономической конференции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *25 июля* 461

258. Обмен телеграммами между Правительством СССР и Правительством Испании об установлении дипломатических отношений . . . . . *27 июля* 464

259. Речь члена советской делегации И. М. Майского на пленарном заседании Мировой экономической конференции . . . . . *27 июля* 465

260. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *28 июля* 470

261. Телеграмма членов советской делегации на конференции в Токио по КВЖД К. К. Юренева, Б. П. Козловского, С. М. Кузнецова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . *28 июля* 472

262. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Персии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *30 июля* 474

263. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолову . . *31 июля* 474

264. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову . . . . *2 августа* 474

265. Телеграмма Полномочного Представителя СССР и и. о. Торгового Представителя СССР в Персии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахану . . . . . *2 августа* 476

266. Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с Послом Германии в СССР Дирксеном . . . . . *4 августа* 476

267. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *4 августа* 481
268. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Королю Афганистана Мухаммеду Надир-шаху Гази . . . . . *9 августа* 482
269. Телеграмма вр. и. о. Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Министру Иностранных Дел Уругвая Альберто Маиэ . . . . . *13 августа* 482
270. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Аттолико . . . . . *14 августа* 483
271. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Перии в СССР . . . . *23 августа* 486
272. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой о консолидации займов и кредитов, предоставленных Союзом Советских Социалистических Республик Монгольской Народной Республике . . . . . *27 августа* 487
273. Дополнительный Протокол к Соглашению между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой о консолидации займов и кредитов, предоставленных Союзом Советских Социалистических Республик Монгольской Народной Республике . . . . . *27 августа* 489
274. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *29 августа* 491
275. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *30 августа* 492
276. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *31 августа* 493
277. Договор о дружбе, ненападении и нейтралитете [между СССР и Италией] . . . . . *2 сентября* 494
278. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *2 сентября* 496
279. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому . . . . . *2 сентября* 497
280. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову . . . . . *4 сентября* 497
281. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *7 сентября* 499
282. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком . . . . . *9 сентября* 500

283. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню . . . . *11 сентября* 502
284. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Премьер-Министром Японии Сайто . . . . . *12 сентября* 504
285. Положение о торговых представительствах и торговых агентствах Союза ССР за границей . . . *13 сентября* 507
286. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Центральный Комитет ВКП(б) . . . . *14 сентября* 511
287. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Утида *14 сентября* 515
288. Письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии Генеральному секретарю Министерства Иностранных Дел Норвегии Эсмарку . . . . . *14 сентября* 517
289. Письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомоняковy . . . . . *15 сентября* 518
290. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Австрии А. М. Петровскому . . . *17 сентября* 520
291. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу . . . . . *19 сентября* 521
292. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром авиации Франции П. Котом . . . . . *20 сентября* 523
293. Нота Полномочного Представительства СССР в Германии Министерству Иностранных Дел Германии . . . . . *20 сентября* 524
294. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *20 сентября* 524
295. Заявление Советского правительства правительству Японии . . . . . *21 сентября* 525
296. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с заведующим IV отделом Министерства Иностранных Дел Германии Мейером *21 сентября* 525
297. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном . . . . . *22 сентября* 527
298. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню . . . . *23 сентября* 529
299. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Б. Е. Штейну *25 сентября* 535
300. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах Германии в СССР Твардовскому . . . . . *26 сентября* 536
301. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Германии в СССР Твардовским . . . . *26 сентября* 538

302. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем . . . . . *26 сентября* 540
303. Письмо Торгового Представителя СССР в Австрии в Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР . . . . . *26 сентября* 542
304. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *26 сентября* 544
305. Заявление Правительства СССР Правительству Японии . . . . . *26 сентября* 545
306. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Хирота . . . . . *28 сентября* 546
307. Речь Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Л. М. Карахана на приеме, устроенном в его честь Министром Иностранных Дел Персии Каземи . . . . . *29 сентября* 551
308. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Шахом Персии Реза-шахом Пехлеви . . . . . *30 сентября* 553
309. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном . . . . . *3 октября* 554
310. Телеграмма Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славуцкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *3 октября* 555
311. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирье-Коскиненом . . *4 октября* 556
312. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Австрии А. М. Петровскому . . . . . *7 октября* 558
313. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Премьер-Министру Персии Форуги . . . . . *7 октября* 559
314. Сообщение советской печати о японских документах, касающихся деятельности японской военной и гражданской администрации в Маньчжурии по подготовке планов захвата КВЖД . . . . . *9 октября* 560
315. Обмен посланиями между Председателем Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калининым и Президентом США Рузвельтом . . . . . *10 октября* 564
316. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота *10 октября* 566
317. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *10 октября* 568
318. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *12 октября* 570

319. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Д. В. Богомолова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *13 октября* 570
320. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу . . . . . *17 октября* 573
321. Телеграмма неофициального Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *17 октября* 576
322. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *20 октября* 576
323. Нота Полномочного Представителя СССР в Польше Министру Иностранных Дел Польши Беку . . . . . *23 октября* 578
324. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню . . . . *24 октября* 579
325. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *25 октября* 582
326. Заявление Главы советской правительственной делегации К. Е. Ворошилова для турецкой печати . . . . . *26 октября* 583
327. Речь Главы советской правительственной делегации К. Е. Ворошилова на приеме, устроенном в ее честь Председателем Совета Министров Турции Исмет-пашой . . . . . *27 октября* 584
328. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Президенту Турции Мустафе Кемалю . . . . . *28 октября* 588
329. Из дневника Народного Комиссара Иностранных Дел СССР . . . . . *28 октября* 589
330. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *28 октября* 592
331. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном . . . . . *29 октября* 593
332. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Парижа . . . . *31 октября* 595
333. Письмо члена Коллегии и Заведующего Экономической частью Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Б. Е. Штейну . . . . *31 октября* 596
334. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Б. Е. Штейну . . . *31 октября* 598
335. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *31 октября* 599
336. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *1 ноября* 601

337. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *1 ноября* 602

338. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота *6 ноября* 603

339. Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителям американской печати . . . . . *7 ноября* 604

340. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *7 ноября* 606

341. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона . . *8 ноября* 607

342. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона . . . *8 ноября* 609

343. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона . . . *8 ноября* 610

344. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом . . . . . *8 ноября* 611

345. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Президенту Турции Мустафе Кемалю . . . . . *9 ноября* 613

346. Заявление Главы советской правительственной делегации К. Е. Ворошилова представителям печати . . . . . *9 ноября* 613

347. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном . . . . . *9 ноября* 616

348. Запись беседы Генерального консула СССР в Харбине с начальником японской военной миссии в Харбине Комацубара . . . . . *9 ноября* 618

349. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона . . *10 ноября* 621

350. Письмо Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *10 ноября* 623

351. Телеграмма членов советской делегации на Токийской конференции по КВЖД К. К. Юренева, Б. И. Козловского, С. М. Кузнецова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . *10 ноября* 627

352. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Д. В. Богомолова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *12 ноября* 629

353. Письмо Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *13 ноября* 630

354. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Франции в СССР . . . *13 ноября* 632

355. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Президенту Турции Мустафе Кемалю . . . . . *14 ноября* 633

356.	Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Председателю Великого Национального Собрания Турции Казым-паше	*14 ноября*	634
357.	Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном	*14 ноября*	635
358.	Памятная записка Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Франции в СССР	*14 ноября*	637
359.	Выступление члена советской делегации Б. Е. Штейна в Комитете по контролю над вооружениями Конференции по сокращению и ограничению вооружений	*14 ноября*	638
360.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона	*15 ноября*	639
361.	Совместное коммюнике Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова и Президента США Рузвельта о переговорах по финансовым вопросам	*15 ноября*	640
362.	Обмен нотами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР М. М. Литвиновым и Президентом США Рузвельтом об установлении дипломатических отношений между СССР и США	*16 ноября*	641
363.	Обмен нотами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР М. М. Литвиновым и Президентом США Рузвельтом по вопросу о пропаганде	*16 ноября*	642
364.	Обмен письмами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР М. М. Литвиновым и Президентом США Рузвельтом по религиозным вопросам	*16 ноября*	644
365.	Обмен письмами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР М. М. Литвиновым и Президентом США Рузвельтом по вопросам правовой защиты граждан	*16 ноября*	649
366.	Обмен письмами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР М. М. Литвиновым и Президентом США Рузвельтом по судебным делам	*16 ноября*	651
367.	Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Президенту США Рузвельту	*16 ноября*	654
368.	Совместное заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова и Президента США Рузвельта	*16 ноября*	655
369.	Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителям печати	*17 ноября*	655
370.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона	*17 ноября*	658
371.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Швеции члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову	*17 ноября*	660

372. Запись беседы советника Полномочного Представительства СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком . . . . . *17 ноября* 660

373. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона . . *18 ноября* 662

374. Сообщение ТАСС об обмене телеграммами между Министром Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-ханом и вр. и. о. Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Кретинским . . . . . *18 ноября* 663

375. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Председателем Американской торговой палаты в Берлине Пирсом . . . *18 ноября* 664

376. Обращение Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинина по радио к американскому народу . . . . . *20 ноября* 665

377. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона . . *20 ноября* 666

378. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона . . *20 ноября* 667

379. Запись бесед Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком, редактором и публицистом «Газеты польской» Медзинским и Матушевским, редактором газеты «Курьер поранны» Стпичинским . . *20 и 23 ноября* 667

380. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова американским летчикам Сэттлю и Фордни . . . . . *21 ноября* 673

381. Нота Временного Поверенного в Делах СССР в США и. о. Государственного Секретаря США Филипсу . . . . . *21 ноября* 673

382. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Президенту США Рузвельту . . . . . *22 ноября* 675

383. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона . . *22 ноября* 675

384. Телеграмма Народного Комиссара Внешней Торговли СССР и Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Вашингтон . . . . . *22 ноября* 676

385. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР и Заведующего Правовым отделом НКИД СССР Полномочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову . . . . *22 ноября* 677

386. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Норвегии А. А. Бекзадяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *22 ноября* 678

387. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсеенко . . . . . *23 ноября* 678

388. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании Временному Поверенному в Делах СССР в Великобритании С. Б. Катану и Торговому Представителю СССР в Великобритании А. В. Озерскому, из Москвы . . . . . *23 ноября* 678
389. Запись беседы Генерального консула СССР в Харбине с Особым агентом Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люйбэнем . . . . . *23 ноября* 679
390. Письмо советника Полномочного Представительства СССР во Франции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому . . . . . *25 ноября* 682
391. Сообщение советской печати о выступлении Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова в Нью-Йорке на приеме, организованном Американо-Русской торговой палатой *26 ноября* 685
392. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном . . . . . *26 ноября* 688
393. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Швеции А. М. Коллонтай в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *26 ноября* 688
394. Письмо Полномочного Представителя СССР в Польше члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову *27 ноября* 689
395. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *27 ноября* 694
396. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому *29 ноября* 695
397. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому . . . . . *1 декабря* 696
398. Письмо Полномочного Представителя СССР в Польше члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову *1 декабря* 697
399. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *1 декабря* 699
400. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, в Рим . . . . . *2 декабря* 699
401. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому *2 декабря* 700
402. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *3 декабря* 700
403. Торговый договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвией . . . . *4 декабря* 701

404. Хозяйственное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвией . . *4 декабря* 710
405. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Рима . . . . . *4 декабря* 712
406. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому *4 декабря* 715
407. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу . . . . . *4 декабря* 716
408. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Великобритании С. Б. Кагану . . . . . *4 декабря* 718
409. Протокол о продлении соглашения между СССР и Италией о торговом обмене от 6 мая 1933 г. и других соглашений от той же даты . . . . *5 декабря* 718
410. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Греции Г. А. Залкинду . . . *5 декабря* 719
411. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *5 декабря* 721
412. Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителям печати в Риме . . . . . *5 декабря* 722
413. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . *6 декабря* 724
414. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирье-Коскиненом . . . *9 декабря* 725
415. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову . . . *10 декабря* 731
416. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом . . . . . *11 декабря* 731
417. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Чилстоном . . . . . *11 декабря* 733
418. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Латвии в СССР Бильмачисом . . . . . *11 декабря* 735
419. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции В. С. Довгалевскому . . . . . *11 декабря* 735
420. Опровержение ТАСС измышлений китайской газеты «Чэнбао» . . . . . *12 декабря* 736
421. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Персии С. К. Пастухова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *12 декабря* 736

422. Письмо советника Представительства СССР в Чехословакии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому *12 декабря* 737
423. Речь Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинина при вручении верительных грамот Послом США в СССР Буллитом . . . . . *13 декабря* 739
424. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Надольным . . . . . *13 декабря* 740
425. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом . . . . . *13 декабря* 744
426. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем . . . . . *14 декабря* 746
427. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *14 декабря* 747
428. Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с Послом США в СССР Буллитом . . . . . *15 декабря* 748
429. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в ЦК ВКП(б) . . . . . *15 декабря* 751
430. Заявление Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славутского Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню . . . . . *15 декабря* 753
431. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем . . . . . *19 декабря* 755
432. Речь Полномочного Представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка при вручении верительных грамот Королю Афганистана Мухаммеду Захир-шаху . . . . . *20 декабря* 756
433. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *20 декабря* 757
434. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом *21 декабря* 758
435. Телеграмма Председателя Президиума Центросоюза СССР Председателю Совета Министров Монгольской Народной Республики Гендуну . . *21 декабря* 761
436. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком . . . . . *22 декабря* 761
437. Запись беседы Заведующего III Западным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном *22 декабря* 763
438. Беседа И. В. Сталина с корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс» Дюранти . . . . . *25 декабря* 765
439. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Министру Иностранных Дел Турции Тевфику Рюштю . . . . . *25 декабря* 768

440. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Франции в СССР . . . *25 декабря* 769
441. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Польши в СССР Сокольницким . . . . . *26 декабря* 770
442. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании М. В. Кобецкому *26 декабря* 771
443. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому . . . . . *27 декабря* 771
444. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *29 декабря* 772
445. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану . . . . . *29 декабря* 774
446. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР . . . . . *30 декабря* 776
447. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Чилстоном . . . . . *31 декабря* 776

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Из доклада Председателя СНК СССР на IV сессии ЦИК СССР 6-го созыва . . . . . *28 декабря* 778
2. Выступление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова на IV сессии ЦИК СССР 6-го созыва . . . . . *29 декабря* 781
3. Статистические данные по внешней торговле СССР 1933 г. 798

ПРИМЕЧАНИЯ 802
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 879
УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ, КАСАЮЩИХСЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ 885
ПЕРЕЧЕНЬ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ 888
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 892

ДОКУМЕНТЫ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР
Том шестнадцатый

Редактор *А. В. Никольский*

Художественный редактор *Н. Н. Самаган*

Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

Сдано в набор 5 августа 1970 г. Подписано в печать 11 ноября 1970 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 57,5. Учетно-изд. л. 59,83. Тираж 10 тыс. экз. А 08872. Заказ № 3714. Цена 1 р. 75 к.

Политиздат. Москва. А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.